Уральское отделение Российского общества социологов
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Институт государственного управления и предпринимательства
Кафедра социологии и социальных технологий управления

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БОЛЬШОГО УРАЛА: ТРЕНДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения

Екатеринбург, 27- 28 февраля 2015 г.

Екатеринбург, 2015

УДК 316.7(06)

ББК 60.524я 43

ISBN 978-5-8295-0329-1

С69 Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2015. – 534 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
д-р филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневский (отв. редактор);
д-р социол. наук, проф. Е. Н Заборова;
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский,
д-р социол. наук, проф. Е. А.Шуклина

В сборнике опубликованы материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции «XX Уральские социологические чтения».

Сборник материалов конференции адресован преподавателям, научным работникам и студентам вузов, руководителям и работникам учреждений культуры всем интересующимся теорией и практикой социологических и социокультурных исследований.

УДК 316.7(06)
ББК 60.524я 43

ISBN 978-5-8295-0329-1

© Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
© Авторы

УДК 316.346.32-053.6 Социология молодежи
ГРНТИ 044161 Социально-демографические и профессиональные общности

ОБРАЗ БУДУЩЕГО: ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Абрамова Софья Борисовна
кандидат социологлических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: sofia_abramova@mail.ru

IMAGE OF THE FUTURE: REFERENCE POINTS OF MODERN YOUTH

Abramova Sofya
Candidate of Science, assistant professor of
Ural federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Рассматривается проблема формирования системы ценностей и жизненных планов современной молодежи. Дается характеристика противоречий процесса выбора молодежью жизненных ориентиров. Показаны основные тенденции складывания образа будущего, ключевые составляющие желаемого и нежелаемого будущего, представления об успешности и опасения молодежи на основании исследования жителей г. Екатеринбурга в возрасте 18-25 лет. Раскрыта стереотипизированность и размытость представлений молодежи о совеем будущем. Определены возможности влияния молодежной политики.

ABSTRACT – The problem of formation of system of values and life plans of modern youth is considered. The characteristic of the contradictions of the selection process youth life goals is given. The basic vision of the future trend of folding, the key components of the desirable and not desirable future, idea of success and fears of young people on the basis of research of Yekaterinburg residents aged 18-25 years are shown. Disclosed stereotypes and blur perceptions of youth owl future. Determine the possible influence of youth policy.

Ключевые слова: молодежь; жизненные планы; образ будущего; ценности.
Keywords: youth; life plans; the image of the future; value.

Сегодня все чаще можно встретить публикации, как в научной, так и в общественно-публицистической и политической сферах, которые поднимают проблему противоречивости системы ценностей в современной России. Как отмечают некоторые исследователи, «в социокультурном и ценностном плане сложившуюся в России в настоящее время ситуацию можно было бы представить как единство противоположностей ценностей, находящихся на разных стадиях институционализации» [1, с. 18].

Особое внимание, что ожидаемо, уделяется ценностям молодого поколения, вокруг которых развёртывается дискуссия с максимальными полюсами высказываний. Исследователи и журналисты придумывают название нового поколения, которое могло бы наиболее точно выразить его суть, ключевую особенность: «поколение спокойного натиска», «поколение семейных карьеристов», «поколение консервативных индивидуалистов», «цифровое поколение», «поколение амбициозных приживал», «поколение Z», «generation MeMeMe – поколение ЯЯЯ», «поколение Альфа», «поколение между всем и ничем» и т.д.

Важность и сложность проблемы ценностных ориентаций состоит в том, что если раньше молодежь надёжно опиралась на опыт предыдущих поколений, то сейчас, когда средства массовой информации являются «лучшими друзьями» молодёжи, она лишена этих естественных ориентиров и вынуждена черпать новый социальный опыт самостоятельно.

В концепцию модернизации российского образования были заложены профессиональные и культурные компетенции, требования к личности человека: «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством

ответственности за судьбу страны» [2]. Государство на данный момент стремится получить от молодёжи предприимчивую, рационально мыслящую, прагматически настроенную, ответственную личность: всё по М. Веберу. Одним из наиболее эффективных механизмов формирования может оказаться государственная молодёжная политика.

В социологическом плане развитие молодёжи предстает как направленное изменение её социальных качеств в процессе воспроизводства социальной структуры, как определенная направленность её мобильности. В обыденном сознании молодого человека это выражается в формировании образа желаемого будущего и стремлении достигнуть статуса представителей референтных для него групп. Достижение является стимулом для дальнейшего продвижения, а нереализованность планов приводит к разочарованию и поиску других ценностей или путей жизненного самоопределения.

Таким образом, при воспроизведении молодежью усвоенных ценностей, сформированных макросредой, происходит и воспроизводство соответствующей социальной организации. Но в условиях многообразия различных норм, ценностей и ориентаций, которые все одновременно являются допустимыми, может произойти несоответствие ожиданий индивида от общества и общества от индивида. Главной задачей для молодёжи становится *осуществление выбора*. Можно предположить, что страх и неуверенность перед неопределенностью и многообразием выбора не просто осложняет вопрос постановки жизненной цели и формирования ценностного сознания, но и формирует определенное отношение к окружающим людям. Это сильно деформирует и затрудняет процессы социализации, самоидентификации, жизненного планирования. Как, на основании каких критериев, исходя из каких мотивов осуществляется этот выбор, – это становится одним из основных вопросов для социологического изучения ценностного мира и жизненных планов молодого поколения. Представления о будущем являются той структурой, которая, с одной стороны, отражает внутренние, глубинные убеждения человека, а с другой – доступна внешним воздействиям, в том числе и посредством государственной молодёжной политики с использованием широкого спектра её ресурсов.

В 2012 г. было проведено исследование молодых жителей Екатеринбурга на основе качественной стратегии (6 фокус-групп и 17 полуформализованных интервью). Дизайн инструментария был адаптирован к возрасту участников. Здесь мы обратимся к результатам, полученным в ходе опроса возрастной категории 18-25 лет.

Образ будущего у молодежи связан как с материальными характеристиками, целями-достижениями, так и с эмоциональным настроем. И желаемая модель будущего, и нежелаемая в целом отражают ценности и установки респондентов. Практически всегда образ будущего навязывается стереотипами, мало кто заявляет о каком-то особенном будущем. Вполне вероятно, что описание будущего через эмоции – скорее всего не попытка поставить моральные качества и душевное состояние превыше материальных благ, наоборот, эмоции могут быть отражением их достижения. *«Если идеальный образ в будущем, то у меня это личная семья, то есть своя женщина, жена, дети... суметь обеспечить свою семью, прокормить, все одеты, обуты и счастливы».*

Кроме того, детальное описание собственного будущего представляет сложность для участников исследования – мало кто по-настоящему задумывается о будущем (отсюда в разговоре возникали паузы, недоумение). Так, лишь немногие респонденты, говоря о профессиональных достижениях, могли чётко пояснить – кем они будут работать, какую сферу предпочли, какую должность и пр. *«Ну, это хорошим преуспевающим человеком, подчеркиваю слово хорошим. Открытым, незамкнутым, и относиться ко всему хорошо».*

И если человек пытается описать такое неопределенное будущее, то видит его в общих чертах, но преимущественно в радужном свете: *«В дальнейшем я хочу стать таким человеком, который чем бы ни занимался – был этим доволен. И кем бы я ни работала, куда меня ни занесёт, я хочу, чтобы мое отношение к этому было позитивным».*

В желаемом будущем современная молодёжь стремится стать успешной. Успех понимается как некое комплексное достижение: это в равной степени означает реализовать свои

профессиональные планы, создать собственную семью, обустроить собственный очаг. Причем последнее подразумевает как материальное благополучие семьи, так и её психологический комфорт.

Упомянутые характеристики благополучного будущего:

- семья: *«Чтобы вокруг меня была семья. Чтобы мы все любили друг друга, понимали, семья у меня на первом месте. Чем она крепче и дружнее будет, тем лучше».* В одном из описаний прослеживается позитивный образ старости, когда счастье обеспечивается расширенной семьей с внуками: «*я представлю свою старость, что я вот уже бабушка, уже совсем старенькая…. У меня значит внуки, много внуков, дети, они меня все любят»;*

- профессиональная реализация. Данная сфера развертывается в сознании молодёжи в двух ключевых направлениях:

а) как получение и достижение успеха в профессии: *«Я хочу, чтобы всегда были деньги, чтобы одеваться, себя содержать, работать по профессии, на которую учусь»;*

б) как должностное, карьерное продвижение: *«Работают на меня, я думаю так… участвую как директор… Там после обеда приехал, разобрался там с делами какими-то своими важным».*

Профессиональная самореализация для многих связана с предпринимательским началом, основанием своего дела. Свой бизнес – это шаг не только в денежное благополучие, прежде всего – это независимость: «*по характеру я человек, который очень не любит перед кем-то прислуживаться».* И как постоянное напоминание о комплексности успешного будущего участник исследования подчеркивает: «*Карьера мне важна, но это не цель. Это средство для достижения вот этих целей… Жилье, семья, путешествия»;*

- материальное благополучие: *«Я хочу быть успешным человеком, с большой сумкой денег, с большой золотой цепочкой на шее».* Материальное благополучие в высказываниях разных представителей молодёжи присутствует в будущем в качестве обязательного компонента, однако представлено в трёх разных контекстах.

а) одни говорят о наличие некой мечты, стремления, реализация которого и будет знаменовать достижения этого материального успеха. *«Что я хочу – я хочу свой дом в горах в будущем, у озера, чтобы был достаток… Парочку машин... Голубая мечта с детства».*

б) некоторая аморфность представлений о будущем проявляется в моменте «ухода» от перечисления конкретных благ, использования абстрактной позиции «все, что человеку нужно» (даже не «мне», а некому типичному, нормальному человеку»).

в) наконец, символом обеспеченности становится «дом», «собственное жилье», которое является основой для построения семьи и уверенной жизни.

С одной стороны, все участники признают, что материальная обеспеченность тесно связана с работой, её достижение – это движение по карьерной лестнице: «*идти по карьерной лестнице вверх и, следовательно, финансовое благополучие».* С другой стороны, многие хотели бы, чтобы это движение было менее утомительно, осуществлялось легче и быстрее, чем это возможно в современных условиях: «*Я в будущем хочу мир захватить… Всё доступно когда… Чтобы в 30 лет там не работать на какую-то квартиру на одну, на однокомнатную, как у нас вот сейчас… ипотеку взял, и все… Как бы, ну, чтобы всё это более доступно было. Пару месяцев поработал – всё, квартира есть. Ну, как бы так утируя»;*

- позитивное эмоциональное состояние. Часть респондентов выражает собственный успех через эмоциональные состояния: стать хорошим, счастливым, гармоничным, позитивным, оптимистичным. Это позитивное состояние становится подтверждением успешности, которую нельзя понять только в материальном контексте: «*Ну, это мое личное, я хочу дом, семью, детей. Всё для души, чтобы было».* Участник, рассказавший про дом в горах у озера, уточняет – это не просто место для жилья, это определенное состояние души: *«Вот я сижу, рыбачу с удочкой… Спокойствие, душевная гармония».* Зачастую эмоциональная составляющая тесно переплетена с семьей – счастливой должна быть жена, дети, и уже это в свою очередь обеспечит эмоциональную успешность самому человеку. Продолжая идею об открытости современного молодого поколения для всего нового, участник связывает позитив-

ное состояние с возможностью находиться в постоянном обмене информацией с окружающей средой: «*Радуется, открыт, готов сотрудничать, что-то излучает, что-то принимает».* Такая открытость приводит к пониманию недостижимости «идеального» представления о человеке: быть «хорошим» – это скорее уметь гармонично сочетать в себе разные качества и делать выбор в пользу добра в необходимых ситуациях: *«Моральные принципы хочу в себе развить хорошего человека. Не так чтобы была или темнота, или чисто белое, а именно сочетать и добро, и зло в себе».*

Многие образы нежелаемого будущего строятся по противопоставлению с желаемым развитием жизни. Отсюда упоминаемые образы негативного будущего выстраиваются, с одной стороны, как продолжение страхов в более юном возрасте, и с другой, как недостижение желаемого образа:

- одиночество является сильным негативным образом: одиночество тесно связано со всеми последующими страхами (алкоголизмом, бедностью, неуспешностью, злостью). Один из самых сильных страхов людей – страх остаться одному, без друзей и семьи;

- зависимость от наркотиков, алкоголя: очень «типичный» нежелаемый образ, некий шаблонный неудачник – алкоголик, без работы, грязный, одинокий, без дома. Т.е. скорее страшен не сам алкоголь, а сопутствующие последствия его употребления: *«Не хотела бы я быть асоциальным человеком, упасть на дно общества – алкоголизм, наркотики»;*

- материальная необеспеченность представляется в тесной связи с алкоголизмом и неуспешностью, унижением: это не просто бедная жизнь, это необходимость просить о помощи. Образ «бомжа» и «мусорки» является символ ситуации, хуже которой быть не может. *«Не хочу быть голым и без денег – бомжом, ходить на улице, побираться, занимать»;*

- негативный эмоциональный фон: *«Сейчас жизнь такая тяжелая, много негатива встречается. Я смотрю на многих людей, их засасывает вот этот негатив, они тоже озлабливаются на всех окружающих, не хочу, чтобы это со мной случилось»;*

- «запрограммированная жизнь» (дом-работа, офисная работа): *«человек, которым я никогда не буду, сидеть в офисе целый день, что-то печатать, что-то делать. Да, у него там может Лексус ждет, но это не я»;*

- потеряться, не добиться своих целей. Прожить зря – пожалуй, один из самых ярких страхов поколения 18-25-летних. *«Я не хочу быть безликой, не хочу потеряться в этом мире, не добиться своих целей, которые у меня есть».* Ярким собирательным образом нежелаемого будущего является герой «Нашей Раши»: он пьет, у него нелюбимая жена, неухоженный, неуспешный, разговаривающий с телевизором, вечно недовольный.

Респонденты заявляют, что основное влияние, а иногда, и единственное, на их жизнь и будущее оказывают **только они сами**. Чаще всего эти заявления сопровождаются аргументами о возрасте: «*Мы несем за себя ответственность полную с 18 лет, частичную с 14, так что мы с 14 лет уже сами отвечаем».* **Ничто не может помешать** – эта идея, активно продвигаемая уже в подростковом возрасте, по-прежнему актуальна. Достаточно часто участники исследования ставят знак равенства между собой как субъектом собственного будущего и собой как человеком, который ставит и добивается целей. **Влияние есть целеполагание**: *«Я сама ставлю себе цель на будущее, и я сама к ней иду, и свои ошибки, успехи. Решение принимаю я сама».* Однако в их рассуждения вкрадывается некое сомнение, а возможно – уже многомерное видение реальности. Они пытаются сформулировать идею о своей самостоятельности как об аккумулированном жизненном опыте и осмысленном жизненном пространстве: *«Конечно, мне кажется, что люди на меня не влияют, но мне, думаю, только так кажется. Мне кажется, все друг на друга влияем так или иначе. Ну, вот прочитали какую-нибудь книгу, сделали вывод. То есть, я не могу сказать, что книга на меня повлияла, но возможно повлияла, иначе бы книги не писались. Мама, папа, брат… они мне дают советы, конечно, я прислушиваюсь. Да, наверно, они на меня влияют. Но я сама принимаю решение слушать этот совет или нет».*

Заметим, что Л. Паутова, аналитик Фонда «Общественное мнение», называет поколение 16-25-летних «поколением спокойного натиска». Делать карьеру для них – это привыч-

ный, хотя зачастую – сложный и вынужденный шаг; быть неуспешным – участь печальная, причем в любой молодёжной среде. Однако, по мнению, Л. Паутовой именно «мания успеха» может стать «ахиллесовой пятой» этого поколения: безудержная вера в личный успех вместе с преобладающими индивидуалистическими установками (расчет только на свои силы) может привести к неудовлетворенности и внутреннему кризису в 30-40 лет целое поколение, когда многие осознают: «Ага, я лузер, чего так боялся» [3].

Рассуждая же дальше, информанты определяют значимых агентов социализации и влияния на данном этапе их жизни: **родителей, близких людей** (друзей, партнеров и т.п.). «*Ответственность несёт каждый сам за себя. Но влияют родители, окружение, с кем общается – это более всего влияет на его жизнь. В какую группу попадёшь».*

Здесь мнение может различаться только **по степени влияния**:

- одна группа на первое место по значимости ставит родителей: «*Родители… Ну они нас родили, воспитали так и то что мы делаем, мы от них взяли»;*
- другие подчеркивают роль компаний сверстников: «*Мне кажется с кем поведешься вот так... могут быть люди, которые тебя могут повести куда-то, проект тебе дать, а могут быть люди, которые тебя затормозят, оставят в болот»;*
- третьи выделяют неких значимых, влиятельных людей, которые появляются в жизни и могут изменить её ход: «*Если у вас хорошее взаимодействие и тебе хочется рабочее место получше, то он может тебе помочь – положительно. А если ты ему где-то нагадил, грубо говоря, то он может отрицательно повлиять на тебя».*

Но все сходятся в том, что **влияние может быть разнонаправленным**, как способствовать, так и создавать препятствия в жизни молодого человека.

Осознавая влияние других людей, основную ответственность всё же предпочитают брать на себя; таким образом, в сознании разводятся понятия «влиянии» и «ответственности»: можно выслушать, но **решение принимаешь сам**. Отсюда даже казалось бы внешнее влияние со стороны «плохой компании» становится результатом твоего собственного «неправильного» поведения или неорганизованности.*«Если у тебя не правильно организован досуг, ты не ходишь ни в какие секции и прочее – ты можешь попасть в плохую компанию».*

Важно подчеркнуть, что молодые люди готовы принять поддержку и совет от того, кто их любит, кому они доверяют. Более того, такой человек необходим и может оказаться очень важным в ответственный момент. *«Всегда рядом с тобой должен быть человек, который может тебя направить, и этот человек должен тебя любить».*

Для большинства молодых горожан родители входят в категорию «своих», но контакты с ними имеют несколько вынужденный и отстраненный характер. Родители ведут себя достаточно тактично по отношению к уже взрослым детям: они не вмешиваются в их дела и стараются поддержать во всех начинаниях: «*они же не говорят – иди сделай то, сделай это. Если я им свои планы говорю – да, попробуй, молодец. Давай поможем, моральная какая-то поддержка есть. Но это если я уже начинаю разговор, а так нет».*

По результатам опроса ВЦИОМ, более двух третей опрошенных (70%) уверены – дети должны искать свой путь, не пытаясь копировать образ жизни родителей. Чем моложе респонденты, тем чаще они согласны с этим высказыванием. За самостоятельный выбор профессии молодыми людьми также ратует большинство россиян (86%), и лишь 10% респондентов посоветовали бы детям пойти на ту же специальность, по которой работают их родители [4]. Родители надолго останутся той опорой, на которую можно рассчитывать в трудную минуту. Но это допустимо только в крайних ситуациях. Крайнее неодобрение вызывает стиль поведения и такие представители молодёжи, которые зависят от родителей и не собираются что-либо менять в сложившемся положении.

Кроме конкретных людей, по мнению участников исследования, определенное воздействие на формирование их будущего оказывают и внешние факторы – **экономическая ситуация, средства массовой информации, частные обстоятельства жизни**. *«Ну, если рассматривать не окружение, а что-то такое медиа, чем ты увлекаешься, что ты слушаешь – это тоже влияет на дальнейшее поведение».* Интересно, что говоря о внешних факто-

рах, практически всегда участники отмечают негативное воздействие, а не созидательное: *«я плохо отношусь вообще ко всему этому, к телевизору, и к тому, что там показывают»*. Совершенно незначительное место отводится в жизни **случайности** – это не более чем «интересный ракурс», новый взгляд на мир. *«А если посмотреть на это понятие под другим углом, как на момент, который прямо сейчас происходит. Не знаю, кто-то может сказать, что судьба там, бог, случай»*.

Таким образом, представления о будущем у 18-25-летних имеют преимущественно положительную направленность: будущее воспринимается очень позитивно; есть уверенность в достижении всех намеченных целей; успех является главным ожиданием и стремлением в жизни, «не быть успешным» – зря прожить жизнь. При этом вариативность желаемого будущего невысокая – семья, работа, карьера, материальный достаток; нюансы проявляются лишь в некоторых деталях (например, своё жилье может быть домом у озера, квартирой или собственноручно построенным домом). Будущее молодым поколением не видят подробно, в деталях: представляется некий общий контур («у меня счастливая семья», «хорошая работа»), который имеет слабо конкретизированное наполнение. Ключевым моментом является достижение в будущем независимости, свободы выбора (во всех сферах и вопросах, касается ли это места жительства или занятия бизнесом). Молодёжь считает себя главными субъектами влияния на своё будущее, они готовы брать ответственность на себя даже за внешние обстоятельства. Однако, в отличие от подростков, им необходим рядом человек, на которого они могли бы опереться, выслушать его совет, или источник информации, которому они могли бы доверять. Это открывает возможности целенаправленного воздействия, влияния со стороны государства и других общественно-политических институтов и структур на жизненные планы и ценностные ориентиры молодёжи.

Список литературы:

1. Баимбетов А.А., Кабакович Г.А., Насибуллин Р.Т., Хайруллин Ф.Г. Молодежь в кризисном социуме / Под ред. Р.Т. Насибуллина. М.: Издательство ИС РАН, 1998. 105 с.

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/news/base/concept.htm (дата обращения 15.12.2014).

3. Поколение-XXI: структура и «среды» достижительных стратегий. Направление «Молодёжь». Этап 2. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://fadm.gov.ru/upload/iblock/d97/pokolen2008-02.PDF (дата обращения 15.12.2014).

4. «Отцы» и «дети»: на пути к взаимопониманию? [Электронный ресурс]. ВЦИОМ. Пресс-выпуск N2624. 11.07.2014. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114890 (дата обращения 15.12.2014).

УДК 316.4

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА[1]

Айвазян Артак Андроникович
кандидат политических наук, доцент
Уральский Федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: art8747@yandex.ru
Ермолаева Светлана Георгиевна
старший преподаватель
Уральский Федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: sgermolaeva@gmail.com

THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL DIALOGUE IN THE INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL PARTNERSHIP

Artak Ayvazyan Andronikovich,

[1] ГРНТИ 04.21.81:

Ural Federal University, Yekaterinburg.
Yermolayeva Svetlana G.,
Senior Lecturer, Ural Federal University, Yekaterinburg.

АННОТАЦИЯ – Повышение информационной осведомленности о развитии социального партнерства является необходимым и насущным результатом двадцатилетнего развития социального партнерства в России. Средством повышения информационной осведомленности может быть конференция (круглый стол) стейкхолдеров организации, участников социального партнерства на региональном уровне. Персонал вуза обладает мощным информационным ресурсом в этой области. В статье описан проект конференции по обмену опытом исследования и развития социального партнерства в регионе. Профессиональная площадка вуза является оптимальным пространством для проведения такой конференции.

ABSTRACT – Increasing information awareness of the development of social partnership is a necessary and vital result of twenty years of development of social partnership in Russia. Conferences (roundtable discussions) of stakeholders of organizations, members of social partnership at the regional level can be the means of increasing information awareness. The staff of the University has a powerful resource in this area. The paper describes the project of the conference on exchange of experiences in research and development of social partnership in the region. Professional playground of the University is the best venue for such conference.

Ключевые слова: социальный диалог, социальное партнерство, общественная дискуссия, информационная осведомленность, региональные особенности,

Keywords: social dialogue, social partnership, public discussion, awareness, regional features

Необходимость социального диалога становится все более и более актуальной, что следует не только из анализа и мнений, выраженных теоретиками и исследователями социального партнерства, но и проведенных исследований, которые показывают низкий уровень осведомленности о состоянии, перспективах и опыте социального партнерства в сфере труда и сфере НКО [1]. «Социальный диалог является важнейшим фактором сбалансированности всей общественной системы в целом, что выражается в равноправном участии субъектов социального диалога, что делает общественную систему устойчивой», – замечает В. И. Курбатов [2].

Развитие в России общественной дискуссии может быть инициировано и с успехом реализовано в учебных учреждениях профессионального образования. Учебные заведения должны стать инициатором диалога между всеми субъектами социального партнерства, привлекать для решения социальных проектов политиков, представителей бизнеса и НКО и делать это на постоянной основе. Реализация диалога возможна в виде конференций, диспутов, семинаров. С этой целью был разработан проект конференции на тему «Региональные особенности социального партнерства в Свердловской области». Планируется проводить конференцию систематически, пригласить для работы конференции представителей власти, бизнеса и гражданского общества (участников НКО).

Выпуск по результатам конференции тезисов докладов и сборника по социальному партнерству, рассылка сборника по предприятиям Свердловской области также станут важной вехой развития социального диалога. Привлечение представителей трех секторов социального партнерства к обсуждению проблемных задач в сфере социального партнерства, инновационного развития бизнеса в аспектах социального ресурса и технологий устойчивого развития приведет к созданию успешной дискуссионной и результативной площадки.

Таким образом, суть проблемной ситуации заключается в отсутствии информационной осведомленности о развитии социального партнерства в организациях Свердловской области, отсутствие консолидации, недоиспользование внутренних ресурсов организаций, вуза.

Причинами сложившейся ситуации являются:

- недостаточность нормативно-правового обеспечения информацией;

- отсутствие материально-технического обеспечения информирования о социальном партнерстве;
- отсутствие кадрового обеспечения информирования о социальном партнерстве;
- отсутствие финансового обеспечения информирования в области социального партнерства;
- недостаточность информационного обеспечения развития социального партнерства.

Проблема заключается в том, как способствовать повышению информационной осведомленности в области социального партнерства области сотрудников организаций области, а также студентов, преподавателей, других сотрудников вуза, а также остальных известных заинтересованных сторон. Целью проекта является проведение конференции (круглого стола) со всеми заинтересованными фактическими (а впоследствии и потенциально возможными) сторонами. Данная проблема на уровне области и в организациях области, в частности вуза, решалась в основном через информирование в Интернете и СМИ, а вузе в рамках существующей образовательной деятельности кафедр, факультетов вуза, руководства: чтение современных дисциплин, освещающих понятия, стандарты в области социального партнерства. Например, на кафедре СиСТУ читается дисциплина «Корпоративная социальная ответственность», на кафедре УПиП читаются различные дисциплины, в рамках которых и освещаются вопросы социального партнерства, социальной ответственности: «Деловая этика», «Этика деловых отношений», «Социальное развитие организации», «Рынок труда». На практических занятиях студенты обсуждают выполнение принципов социального партнерства и анализируют вопросы, связанные с реализацией. Дисциплины эти читаются для студентов многих специальностей университета. Но последние исследования показали, что студенты приходят в вуз без знаний о социальном партнерстве, такая же ситуация на предприятиях. Информационная осведомленность по вопросам социального партнерства в сфере труда и в сфере НКО низкая.

Ныне руководство области озадачено проведением семинаров по проблемам социального партнерства. Проблема носит стратегический характер, так как охватывает всю область в целом, ее организации, есть также задачи оперативного и тактического характера. Преподаватели и студенты указанных кафедр, которые осознанно выбирают необходимость образования в этой области, также должны стать участниками этой конференции.

Первым шагом должно стать формулирование концепции проекта. Проведение конференции включает подготовку конференции: формирование оргкомитета, создание информационно-документационного обеспечения конференции, материально-технического обеспечения, организации работы с докладчиками на конференции, PR- и фото сопровождение, организация работы с гостями; проведение конференции: регистрация участников, проведение пленарного заседания, проведение работы секций, проведение круглого стола по итогам конференции; издание материалов по итогам конференции. То есть проведение конференции включает 5 направлений деятельности: создание информационно-документационного обеспечения, материально-технического обеспечения, кадрового обеспечения, финансовое обеспечение и PR-обеспечение. Эти направления и являются основными целями проекта. Каждое направление делится на три пункта: на этапе подготовки, этапе проведения и этапе подведения итогов конференции.

В рамках информационно-документационного обеспечения необходимо решить задачи создания оргкомитета конференции, разработки пакета документов для проведения конференции. Вторым направлением данного проекта является создание материально-технического обеспечения. Третье направление деятельности по проведению конференции – это обеспечение докладчиков пленарного заседания, докладчиков на секциях и круглых столах. Для этого необходимо, привлечь тех руководителей, специалистов, преподавателей, которые имеют для этого профессиональные знания, опыт проведения и участия в аналогичных мероприятий. Например, привлечение сотрудников Департамента по труду и занятости Свердловской области, Министерства экономики Свердловской области, Министерства социальной политики Свердловской области, а также заведующих указанных кафедр и препо-

давателей вуза. Преподаватели должны иметь опыт курсового и дипломного проектирования по темам «Корпоративная социальная ответственность» и «Социальное партнерство», «Социальное проектирование». С этой целью необходимо обратиться на кафедры СиСТУ (ИГУП), здесь читается дисциплина «Корпоративная социальная ответственность», УПиП (ИГНИ), на кафедры ВШЭМ Уральского федерального университета, где также читается дисциплина «Корпоративная социальная ответственность», либо как тема преподаваемой дисциплины «Деловая этика». Эти кафедры являются наиболее компетентными в вопросах обучения специалистов в области управления персоналом, государственного, регионального, муниципального управления. На протяжении долгих лет именно специалисты этих кафедр пополняют рынок труда Свердловской области основными специалистами на разных уровнях социального партнерства: федеральном, региональном, муниципальном, локальном.

Вторым шагом в обеспечении кадрами является распределение функционала между членами оргкомитета, то есть, провести совещание с членами оргкомитета и четко распределить обязанности и сроки выполнения функций и проведения мероприятий. Состав оргкомитета закрепляется в Приказе (распоряжении) по проведению конференции.

Важным направлением деятельности в проведении конференции является финансовое обеспечение. Оно включает в себя создание финансового плана, расчет постоянных и переменных затрат. И утверждение этого финансового плана, согласование и подписание финансового плана заведующими кафедр СиСТУ и УПиП.

В рамках проекта важна разработка по итогам конференции информационных материалов о социальном партнерстве: создание отдельной колонки социальное партнерство в Областной газете, создание справочника по социальному партнерству: сотрудников, студентов (организаций области). Для этого также необходимо решить ряд задач: собрать информацию по основным нормативным документам, систематизировать ее, чем, возможно, займется Заведующий Лабораторией социальной ответственности. Далее, необходимо разместить справочник по социальному партнерству на сайте Правительства области, Департамента, сайтах организаций, например, внутреннем портале «УрФУ», www. http://urfu.ru/.

Проведение данного комплекса мероприятий позволит сократить затраты на информирование о событиях социального партнерства, так как информирование о ходе развития социального партнерства в вузе возможно на занятиях. Пример УрФУ в развитии социального партнерства может быть использован как практическая реализация мероприятий социального партнерства, будет способствовать обучению сотрудников и студентов, формированию отчетных документов социального партнерства, повысит компетентность сотрудников при преподавании данной дисциплины, повысит качество преподавания дисциплин по этой теме, а в последствие и увеличение количества социализированных студентов и сотрудников.

Информация, полученная в результате ресурсного анализа, позволяет сформировать внутреннюю и внешнюю коммуникационную структуру проекта. Коммуникации необходимы для обеспечения координации между участниками проекта, для обмена информацией как внутри вуза, так и с другими организациями, существуют разнообразные средства для коммуникаций с составляющими внешнего окружения. В процессе реализации проекта команде предстоит взаимодействовать с субъектами во внешней среде: представителями региональной и муниципальной власти, представителями других университетов; внутренней среде: сотрудниками организации, другими стейкхолдерами УрФУ.

Отличительная черта выбранных сотрудников – высокий уровень профессионализма.

Данный проект реализуется в рамках УрФУ. Работа над проектом осуществляется как дополнительная в рамках повседневной деятельности. Менеджер проекта будет руководить проектной командой, так как он имеет профессиональный доступ к значимым сотрудникам.

Организационная структура проекта относится к функциональной. В ее состав войдут примерно шесть подразделений УрФУ, связанных с осуществлением предлагаемых в проекте направлений, и предполагает как вертикальные, так и горизонтальные связи. Вертикальные связи определяют подчиненность членов команды. Многочисленные разновидности обмена информацией между руководителем и подчиненными связаны с выполнением задач

проекта, обеспечением вовлеченности в решение задач подразделений, связанных с ними, с обсуждением проблем эффективности работы, а также получением сведений о результатах работы. Дополнительные выгоды от коммуникаций по горизонтали заключаются в формировании равноправных отношений. Доказано, что такие отношения являются важной составляющей эффективности работы команды.

Управление временем заключается во всесторонней проработке подготовки к конференции, что займет ориентировочно полгода. Последовательность, продолжительность и сроки выполнения работ проекта отражены в диаграмме Ганта, сетевом графике, календарном плане проекта. Длительность работ, которые должны будут выполнены членами проектной команды, определяется с учетом временных затрат на выполнение сходных работ за период деятельности организации в прошлом. Для работ, выполняемых в организации впервые, при оценке длительности были использованы методы аналогий и экспертных оценок. Проект реализуется в рамках выполнения сотрудниками своих прямых обязанностей, в основном без отрыва от текущей работы. Обучение сотрудников дополнительным навыкам для реализации проекта не требуется, так как задачи между ними распределены таким образом, чтобы выполняемые функциональные обязанности были связаны с работами проекта.

Комплекс работ по проекту определен в дереве целей на уровне задач. В связи с тем, что в проекте разработан комплекс мероприятий в различных направлениях, многие из работ не связаны друг с другом, вследствие чего появляется резерв времени, что не сказывается на сроке реализации проекта в целом.

В ходе реализации проекта существует вероятность возникновения рисковых событий, способных повлиять на ход проекта и его стоимость, поэтому необходимо управление рисками. Риски определяются исходя из задач целевой структуры проекта. В качестве наиболее вероятных рисков выделены следующие: коммерческие риски: издание сборника; организация поездок для участников; производственные риски: систематизация информации, которая есть в УрФУ по состоянию социального партнерства, возможны задержки с получением полной и разной информации в государственных региональных и муниципальных органах Свердловской области, подразделениях Уральского федерального университета, выпуск справочника по социальному партнерству, издание сборника статей по итогам конференции; организационно-управленческие риски: разработка содержания докладов, сопровождение занятых докладчиков, составление функционала для членов оргкомитета с тем, чтобы охвачены были все возможные и невозможные вопросы. Коммерческие риски связаны с возможным увеличением цены в будущем году на издательские расходы, а также на возможные услуги рекламы. В целях управления данным рисковым событием предусмотрено создание резервного фонда, составляющего 15% от стоимости проекта. Вероятность возникновения производственных рисковых событий, связанных со срывом графика работ, имеет место при проведении мероприятий, связанных с оформлением, так как сроки оформления (например, получение подписи) могут колебать от 2 дней до 7 , что может увеличить сроки реализации проекта. Нейтрализовать данный вид риска может помочь резерв времени на выполнение данной задачи, который составляет 3-5 дней. Например, риск, связанный с разработкой справочника по социальному партнерству для сотрудников организаций и студентов также возможно нейтрализовать благодаря временному резерву в 3 дня.

Для успешной реализации проекта на всех этапах будет осуществляться непрерывная обратная связь по проводимой работе, оценка эффективности проекта. На этапе планирования и создания проекта возможно осуществление предварительной экспертизы проекта, т.е. предварительной оценки его эффективности. Мониторинг проекта предполагается провести по тем же диагностическим материалам, что и в предпроектной ситуации. Для оценки эффективности проекта необходимо выделить ряд критериев эффективности:

1. Увеличение информационной осведомленности сотрудников организаций Свердловской области, стейкхолдеров.
2. Сокращение недоверия к нововведениям и возможно декларативному характеру нововведений.

3. Положительные тенденции в активном участии при внедрении инструментов социального партнерства.

Проект направлен на проведение конференции (круглого стола) по социальному партнерству в УрФУ. Экономическими показателями невозможно оценить успешность проекта. Возможно, лишь проследить тенденцию к повышению информационной осведомленности сотрудников организаций Свердловской области в процессе развития социального партнерства. Повышению информационной осведомленности можно проверить в общении с сотрудниками и студентами, проведя опрос среди сотрудников и студентов УрФУ спустя некоторое время. В ходе этих мероприятий и будет оценена эффективность данного проекта.

Проект относится к краткосрочным проектам, временные рамки которого составляют 180 календарных дней. Относительно источника финансирования проект может быть отнесен к бюджетным проектам, т.к. расходы на ресурсы проекта выделяются из собственных средств организации. В рамках разработки проекта были реализованы следующие задачи:

1. Проведение предпроектного анализа. На этапе проведения предпроектного анализа были выполнены следующие действия:

- описание проблемной ситуации с выявлением ее сути;
- выявление причин сложившейся ситуации;
- формулировка и обоснование актуальности проблемы с выявлением степени и характера ее решения;
- описание возможных последствий не разрешения проблемы;
- определения целевых групп проекта.

2. Сформулирована концепция проекта. На данном этапе были разработаны целевая структура проекта и устав проекта.

3. Проанализированы ресурсы, необходимые для реализации проекта, а также разработаны коммуникационные структуры проекта.

4. Разработан этап реализация проекта. На этапе реализации проекта рассмотрены следующие позиции: управление командой, организационное моделирование проекта, управление временем, управление стоимость проекта, управление рисками.

5. Проведение мониторинга проекта.

Реализация проекта направлена на повышение информационной и мотивационной составляющих в развитии социального партнерства в Свердловской области, организациях Свердловской области, УрФУ. Проведение конференций и семинаров по вопросам, встающим при реализации социального партнерства, является одним из известных, требующих тщательной подготовки средств социального диалога.

Список литературы:

1. Ермолаева С.Г. Совершенствование социального партнерства в Свердловской области (руководитель, доцент Айвазян А.А.): диссертация магистра УрФУ, Екатеринбург, 2014. – 161 с

2. Курбатов В.И. Социальный диалог в гармонизации социальных отношений// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012.№ 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-dialog-v-garmonizatsii-sotsialnyh-otnosheniy (дата обращения: 16.01.2015).

УДК 748

РЕАЛИЗАЦИЯ ДУХА КОММУНИЗМА: КУЛЬТУРНЫЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ

Акулич Мария Михайловна

доктор социологических наук, зав. кафедрой, профессор

Тюменский государственный университет, Тюмень

E-mail: akulich.m@gmail.com

IMPLEMENTATION OF THE SPIRIT OF COMMUNISM: CULTURAL, ETHICAL AND RELIGIOUS FOUNDATIONS

Maria Akulich
Doctor of Science, Head of department of General and Econ. Sociology
professor Tjumen State University, Tjumen

АННОТАЦИЯ – В статье рассмотрены проблемы идеи коммунизма, которые можно изучить с помощью социально – политических факторов, а также экономического детерминизма Карла Маркса. Проанализированы основные внеэкономические факторы, оказавшие влияние на распространение коммунистической идеи в России, охарактеризованы особенности русского менталитета и религиозного сознания, традиции и ценности, господствовавшие в российской культуре XIX – начала XX в. Выявлены и обоснованы особенности русского менталитета в работах Н. Бердяева, В. Соловьева, Н. Лосского, А. Лосева, П. Флоренского, С. Булгакова и др. Выявлены особенности русского человека, понимание им смысла долга, долженствования как ответственности и заботы о детях, родителях и близких людям, чувства совести, что является одной из основ коммунизма.

ABSTRACT – This article describes the problems the ideas of communism, which can be studied with the help of socio-economic and socio-political conditions and factors, as well as the economic determinism of Karl Marx. The purpose of this paper is to study non-economic factors (the term M.K. Gorshkov), as well as the appearance and the building of communism in Russia. Analyzes the main non-economic factors affecting the spread of Communism in Russia, as well as the peculiarities of Russian mentality and religious consciousness traditions and values that prevailed in Russian culture of the period. Established and developed particularly in the works of Russian mentality N. Berdyaev, V. Soloviev, N. Lossky, A. Losev, P. Florensky, S. Bulgakov and others. In the course of writing this article the peculiarities of Russian man, namely understanding of the sense of duty, of obligation as a responsible and caring for children, parents and relatives to people, feelings of conscience, which is one of the foundations of communism.

Ключевые слова: коммунизм, религиозность, справедливость, марксизм, совесть.
Keywords: communism, religion, justice, Marxism, conscience.

К. Маркс является уникальным, пожалуй, единственным мыслителем, теоретические воззрения которого оказали не только значительное влияние на развитие гуманитарных, социальных, экономических наук, но и огромное воздействие на практическую жизнь многих стран и народов. Марксизм – это не просто теория, объяснившая социальное устройство мира. В ней прописано новое мироустройство, которое стало настолько притягательным, что в его реальность поверили люди, независимо от национальности и образованности, социального статуса и социальных ролей, культурности и нравственности. Можно сказать, что марксово влияние имеет глобальный характер, определивший ход исторического развития большой части человечества. Мировая система социализма – это результат веры в светлое будущее человечества, в то, что коммунизм возможен, и его можно построить.

Марксизм как духовное и научное явление возник, как известно, в XIX в. в Германии. Почему же сама идея коммунизма стала реализовываться не в Германии, а в России? Можно ли объяснить и понять этот процесс, изучив его социально-экономические и социально-политические условия и факторы? В определенной мере, да, но дело не только в этом. Не подвергая сомнению и, более того, следуя экономическому детерминизму Маркса, соответственно, признавая определяющую значимость базиса по отношению к надстройке, рассмотрим некоторые ее элементы, оказавшие влияние на то, что именно российское общество приняло и начало реализовывать марксову идею коммунизма?

Анализ внеэкономических факторов, оказавших влияние на распространение коммунистической идеи в России, предполагает рассмотрение особенности русского менталитета и религиозного сознания, а также традиций и ценностей, господствовавших в российской

культуре того периода. Что же в русском менталитете оказалось такого, что позволило коммунистической идее завладеть не отдельными умами, а массами? Ответ на этот вопрос во многом содержится в трудах таких русских мыслителей, как Н. Бердяев, В. Соловьев, Н. Лосский, А. Лосев, П. Флоренский, С. Булгаков и другие.

Н. Бердяев в работе «Русская идея» писал «Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионистическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность, жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессинианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость, рабство и бунт. Но никогда русское царство не было буржуазным» [1; 8].

Н. О. Лосский отмечает и исследует такие черты русского характера, как религиозность, способность к высшим формам опыта, чувство и воля, свободолюбие, народничество, доброта, даровитость, мессионизм и миссионизм, достаток средней области культуры, старообрядчество, нигилизм, хулиганство. Рассматривая эти черты характера русского народа, Лосский уточняет, что «в политической жизни России массовые проявления страстности и могучей воли весьма многочисленны» [3; 33]. Л. П. Карсавин в работе «Восток, Запад и русская идея» также справедливо обращал внимание на противоречивость русского характера – его религиозность и воинствующий атеизм.

Н. О. Лосский приводит цитату В. Шуберта о контрасте Запада и России: «Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям» [5; 10]. Н. А. Бердяев, размышляя о судьбе России, писал о «вечно бабьем в русской душе» [2; 30] и в тоже время «о великом призвании русского народа» [3; 42]. История человечества в трудах С.Н. Булгакова предстала, как «арена борьбы двух религий: религии «человекобожества» и религии «богочеловечества»», а учение К. Маркса – как «стремление низвергнуть бога и поставить на его место человека» [4; 29].

В культуре русского народа всегда, в те времена и до настоящего времени, присутствовала какая-то непреодолимая тяга к справедливости, которую может обеспечить некто свыше. Это мог быть и господин, и начальник. Всем известно выражение: «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Идеи братства, равенства и свободы, провозглашенные в коммунистическом учении, нашли благодатную почву в России и отклик в душе русского человека. Как представляется, душа русского человека тяготеет не просто к справедливости, но справедливости индивидуальной, личностной, обеспеченной извне, в тоже время в определенной мере может принимать несправедливый характер в отношении другого.

Принцип коммунизма «От каждого по способности, каждому по потребности» или в варианте «От каждого по способности, каждому по труду» оказался тем самым замечательным принципом, притягательным для русского человека, когда блага перераспределяются в соответствии с установленными высшими принципами и целями. И здесь оказалось не важно, много или мало работает человек по развитию самого себя и на благо общества, получать он будет так же, как и другие, уравнительно. Такой принцип пришелся по сердцу простому русскому человеку, за такой принцип можно было сражаться и стремиться победить. Важно при этом отметить, что тяготение к уравнительности присуще массовому сознанию, интел-

лигенция же более привержена другим принципам и ценностям. Получившие власть представители народных масс также не смогли долго придерживаться уравнительного принципа распределения благ. Так стала развиваться номенклатура.

В свою очередь, власть для русского человека ассоциируется не столько с ответственностью, большим трудом и заботами, сколько со свободой, получением благ автоматически (априори). Свобода для русского человека – это чаще всего «свобода *от*», а не «свобода *для*», свобода по типу «что хочу, то и делаю». Все это отнюдь не означает, что русский человек – какое-то безнравственное существо. Противоречивость русского менталитета, русской души в том и проявляется, что в ней, в мировоззрении, менталитете всегда присутствуют противоречивые стороны и грани. Русский человек – это человек совестливый, по-своему справедливый, добрый, отзывчивый, имеет чувство долга, ответственности, умеет быть великим созидателем.

Совесть – это глубокий внутренний нравственный диалог личности, диалог, в котором человек не может себе лгать, лукавить, оправдываться, ибо он понимает суть и истину своего поведения или поступка такой, какова она есть на самом деле. Он может и заблуждаться, и испытывать высокие нравственные муки. Не случайно в русской культуре, в православной традиции так много людей кающихся, приносящих покаяние Богу. Эта традиция возвращается. И сегодня в церкви к священнику очереди людей, которые пришли каяться в своих грехах. Соборность, присущая русскому человеку, стала основой развития коллективизма.

Почему же тогда русский человек принял коммунистическое атеистическое учение и на его основе стал строить новое общество, «до основания разрушив старый мир», причем призывая словом и делом другие народы последовать этому учению? В коммунистическом обществе русский человек увидел Царствие Божие, но не на небесах, а на Земле, в жизни сегодняшней, земной. А это такая ценность, за которую, как оказалось, можно сделать все, даже отказаться от Бога.

Доброта русского человека, его отзывчивость и бескорыстие традиционны. Конечно, сказать, что русский человек «возлюбил ближнего как самого себя» было бы не верно, но в трудные минуты и годины он всегда готов помочь нуждающемуся, даже приютить его в собственном доме, в своей семье. В традициях русской культур – принцип «все лучшее гостю», и это не для того, чтобы похвалиться достатком или чем-либо еще, но чтобы гостю было хорошо, чтобы он действительно «чувствовал себя как дома».

Русский человек понимает смысл долга, долженствования как ответственность и заботу о детях, родителях и близких людях. В русской культуре родители заботятся о детях, помогают им, как могут и как получается, даже будучи уже глубоко пожилыми людьми. В нашей стране не принято отправлять родителей в дома общего жития (дома престарелых и т.п.). Это происходит не только потому, что в этих домах далеко не лучшие условия для проживания, но потому, что это традиционно считается безнравственным, что «так поступать не должно». В свою очередь, дети заботятся о родителях, помогают им, чаще всего при необходимости, при этом родители, даже проживая достаточно скромно, часто отказываются от помощи детей, стремясь сделать им добро. В традиционной культуре российского общества были широко развиты чувство долга перед Отечеством, патриотизм. Можно привести множество примеров проявления патриотизма в период войн. В трудные годины русский народ объединяется и верит в светлое будущее, для достижения которого готов преодолеть многие испытания. А социализм никогда в России не был конечной целью, представляя лишь этап на пути к светлому будущему коммунизма. Силой веры и силой духа русский народ может объединять и увлекать другие народы.

Здесь представлены лишь некоторые тезисы по поводу реализации духа коммунизма в России, написать которые меня побудила статья Дж. Александера о культурных истоках антикапитализма и духе социализма [1; 14].

Список литературы:

1. Александер Дж. С. Марксизм и дух социализма: культурные истоки антикапитализма // Социс. 2013. № 6. С. 3-16
2. Бердяев Н. А. Русская идея. М: ООО «Издательство АСТ», 2000. 688 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
4. Булгаков С. Н. Избранное. М: РОССПЭН, 2010. 632 с
5. Лосский Н. О. Характер русского народа: в 2 кн. Кн. 1. М.: Ключ, 1990. 62 с.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа: в 2 кн. Кн. 2. М.: Ключ, 1990. 96 с.

УДК 316.3

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Амбарова Полина Анатольевна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
e-mail: borges75@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF RESEARCH MANAGEMENTS THE TEMPORAL BEHAVIOUR STRATEGIES OF SOCIAL COMMUNITIES

Polina Ambarova
PhD, assistant professor
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Раскрыта проблема управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, проанализированы теоретико-методологические основы ее теоретического и эмпирического изучения и практического решения. Показан сложный междисциплинарный характер используемой методологической базы.

ABSTRACT – Disclosed to the problem of managing the temporal behaviour strategies of social communities, and analyzed the theoretical and methodological foundations its theoretical and empirical research and practical solution. Demonstrates a complex interdisciplinary methodological framework used.

Ключевые слова: темпоральные стратегии поведения, динамика социального времени, управление временем и темпоральными стратегиями поведения, социальные общности.

Keywords: temporal behavior strategies, dynamic of social time, management of time and temporal behaviour strategies, social community.

Изучение социального времени сегодня актуализировано не только необходимостью углубления научного знания о свойствах и законах времени, его расширения за счет «открытия» новых темпоральных форм и режимов, но и поиском новых ресурсов для развития общества и новых, более эффективных, механизмов управления им. Время относится к разряду малоизученных и малоиспользуемых категорий социального управления, хотя развитие научного знания и эволюция практики управления подводят к осознанию особой роли фактора времени в регулировании социальных процессов. На стыке исследования социального времени и социального управления возникает проблема управления социальным временем общества. Между тем управление на современном этапе развития его теории и практики не оперирует категорией времени. Время отсутствует не только в управленческом языке, но самое главное – в управленческом мышлении. Согласно одному из определений, время – это целостность прошлого, настоящего и будущего, образуемая их непрерывной связью. В современном же управлении российским обществом, представленном прежде всего властными структурами, явственно присутствует только прошлое, пунктирно – настоящее и вовсе

отсутствует будущее. Не говоря уже о том, что управление/власть «не замечает» тех свойств времени, которые порождены его новыми нелинейными формами и режимами.

Управление обществом, исключающее целостное представление о социальном времени, может оперировать только имеющимся прошлым опытом, позволяющим воспроизводить старые экономические, политические, социальные и культурные паттерны ресурсодобывающей экономики, авторитарного политического режима, социального иждивенчества, биполярные стереотипы, интолерантность и многое другое. Будущее как мировоззренческий ориентир управления лишь декларируется, но не используется в реальной управленческой практике, так же как не используются современные представления о нелинейности мира, общества и времени.

Социологическое знание о времени содержит представления о новых тенденциях, которые происходят с социальным временем общества и которые определяют особенности практически всех сфер его жизнедеятельности, а также управления ими. Практика управления российским обществом игнорирует современное социологическое знание, в том числе знание о социальном времени. Как следствие, оно игнорирует и законы времени – невозвратности прошлого, неотвратимости будущего и другие.

Таким образом, из управления исчезает значимая его составляющая, являющаяся сегодня не просто важной, но, более того, смыслообразующей: это управление временем общества. Все сферы жизнедеятельности общества и его структуры, все социальные процессы и явления имеют временное содержание. Время – это не просто «оболочка», задающая их начало и конец, оно выступает как важнейший атрибут, определяющий качество, целесообразность, значимость, эффективность деятельности.

Любой управленческий проект оценивается не сам по себе, а в сопряжении с фактором времени: актуален ли он, соответствует ли сегодняшним интересам социальных субъектов и их ожиданиям будущего, осуществляется ли он своевременно или «когда поезд ушел», просчитаны ли в нем эффекты не только для настоящего времени, но и ближайшего и отдаленного будущего, «работает» ли он на будущее или порожден острой ностальгией по прошлому. Именно в таком ракурсе можно формировать критерии оценки управления и управленческой культуры. И именно в таком направлении должен идти поиск новых возможностей и ресурсов управления обществом в условиях его политического, экономического, социокультурного кризиса, в котором пребывает сегодня Россия. Одна из причин этого кризиса состоит в том, что, по нашему мнению, при принятии управленческих решений не используется в качестве базового принцип учета времени. Проблема управления временем общества носит абстрактный характер и требует конкретизации за счет «перевода» ее на иной уровень рассмотрения. На наш взгляд, этим уровнем выступают социальные общности, образующие различные структуры общества, в том числе и темпоральные, реализующие реальные социальные связи и взаимодействия, порождающие новые формы поведения и жизнедеятельности, основанные на использовании времени. На уровне социальной общности, являющейся своеобразным «геном» социальной системы, возможно управление временем – через создание определенных условий, в которых разворачиваются основные виды деятельности представителей социальной общности, и за счет поддержания ее самоорганизации, в которой время выступает одним из системообразующих факторов.

Социальное время, объективируясь в темпоральных стратегиях поведения социальной общности, создает своеобразную «лабораторию» для управления временем общества. Многообразие социальных общностей порождает многообразие темпоральных стратегий поведения и ставит перед управлением ряд задач: что делать с этим разнообразием поведенческих стратегий? можно ли ими управлять? если да, то как? кто должен ими управлять? какие последствия вытекают из этой ситуации? как на фоне этого многообразия темпоральных стратегий поведения выстроить единую для общества и его структур стратегию развития?

Постановка проблемы управления социальным временем общества высвечивает ряд вопросов (аспектов) теории и практики управления.

Первый аспект – это современное состояние социологии управления. В отношении

времени данная отрасль социологии ограничена исследованиями управления временем организаций. В отличие от других отраслевых социологий – социологии культуры, духовной жизни, досуга (мы намеренно не говорим о социологии времени), социология управления почти не затрагивает вопрос социального времени общества и конкретных социальных общностей. Разработка обозначенной выше проблемы расширяет предмет социологии управления, формирует новое ее направление и усиливает ее практическую значимость.

Второй аспект касается связи социологии и практики управления. Изучение социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей обеспечивает управление уникальным знанием о поведении и жизнедеятельности социальных субъектов, о тех механизмах, которые либо стимулируют, либо купируют их отклик на управленческие воздействия.

Отсутствие со стороны многих управленческих структур (начиная от политической власти и заканчивая менеджментом конкретных организаций) интереса к социологии, объясняющей сложные социальные процессы, чревато оторванностью их деятельности от социальной реальности, разворачивающейся в ином времени, порождающей иные ожидания и темпоральные представления. Темпоральный дисхроноз (термин С. А. Кравченко), характеризующий взаимодействие общества и системы управления им, может быть преодолен вовлечением социологии и социологов в реальную практику по информационному обеспечению управленческой деятельности на различных уровнях управления и в различных его структурах. Таким образом, исследуемая проблема выступает как противоречие между усиливающимся влиянием фактора времени на жизнедеятельность и поведение социальных общностей и несовершенством сформированных в обществе механизмов управления временем этих общностей.

Теоретико-методологические основы исследования управления темпоральными стратегиями поведения имеют междисциплинарный характер, проявляющийся в использовании социологического, социально-философского и социально-психологического знания и отражающийся в анализе всех существенных проблем работы. Они рассматриваются на стыке нескольких отраслей и теорий социологии – социологии управления, социологии времени, теории социальной общности, теории социальной деятельности. Междисциплинарность методологии, конкретизируемая во взаимосвязи отраслей и теорий социологии, обусловлена сложностью исследуемого явления – управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей. Его анализ требует использования ряда основных методологических подходов, взятых во взаимосвязи, – управленческого, темпорального, общностного и деятельностного.

Применение управленческого подхода позволяет проанализировать управление временем и темпоральными стратегиями поведения как особый вид социального управления, рассмотреть его структуру (субъект, объект, уровни, методы, механизмы), разработать и обосновать пути совершенствования механизмов управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей.

Использование темпорального подхода, выступающего в качестве интегрирующего, дает возможность рассмотреть социальное время и временные характеристики социальной общности как системообразующие, сквозные для ее жизнедеятельности. Время выступает и как внешняя, объективная реальность, в которой разворачивается жизнедеятельность социальной общности, и как внутренняя, перцептивная или конструируемая ее составляющая. Данный подход позволяет трактовать динамику социального времени как переход от линейной к нелинейной его конфигурации.

Реализация общностного подхода позволяет определить социальную общность как субъект времени и темпоральных стратегий поведения. С позиций этого подхода темпоральные стратегии поведения трактуются как детерминированные социокультурной средой, в которой находится социальная общность, ее демографическими, профессиональными, ресурсными, идентификационными и иными характеристиками, степенью ее вовлеченности в общественную деятельность. Понимание специфики социальных общностей с точки зрения

временной локализации их деятельности создает возможность перехода с макросоциологического на микросоциологический уровень исследования.

Применение деятельностного подхода обусловлено самим предметом исследования – темпоральными стратегиями поведения, выступающими особой формой избирательной активности социальных субъектов на основе их ценностного отношения к социальному времени. Деятельностный подход позволяет выявить способ и степень включенности времени в качестве ресурса, цели, средства в систему деятельности социальной общности в основных сферах повседневной жизни. Он «визуализирует» влияние времени-«невидимки» и такое явление, как нелинейность времени. В контексте деятельностной методологии становится возможным изучение социального времени как основы саморегуляции поведения общности, способа ее адаптации к стремительно изменяющейся темпоральной реальности. Рассмотрение времени через структуру, скорость, темпоритмы, векторы человеческой деятельности, особенности переходов от одного ее вида к другому, конфликтные взаимодействия социальных субъектов по поводу времени служат своеобразным «мостиком» между «большой» теорией времени и эмпирическими исследованиями темпоральных стратегий поведения социальных общностей.

Изучение подходов и механизмов управления темпоральными стратегиями поведения возможно с использованием категориального аппарата и концепций отечественных и зарубежных ученых по теории управления. Среди них работы классического этапа развития теории управления: концепция позитивного управления обществом О. Конта, организмическая концепция управления социальными системами и процессами Г. Спенсера, идеи Э. Дюркгейма о роли государства как субъекта управления обществом и социально-профессиональными общностями, концепции управления как системы рациональных отношений М. Вебера и Ф. Тейлора, концепция «человеческих отношений» Э. Мэйо, концепции эффективного использования времени как основы научной организации труда А. К. Гастева и П. М. Керженцева. Кроме того, значимы теории и идеи управления, разработанные исследователями на современном этапе: «экзистенциального менеджмента» Дж. Одиорне, организационная теория К. Вейка, идеи синергетики об управлении сложными самоорганизующимися социальными системами (И. Пригожин, И. Стенгерс, С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева, А. Л. Алюшин), различные концепции тайм-менеджмента (Г. Архангельский, С. Кови), концепции социального управления Т. М. Дридзе, А. В. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, идеи управления обществом через знание Э. Тоффлера, М. Фуко, М. Янга.

Методологическую базу исследования социальной динамики времени, свойств линейного и нелинейного времени, их влияния на темпоральное поведение социальных субъектов составляют многочисленные философские, социально-психологические, естественнонаучные и социологические концепции. Междисциплинарность методологии расширяет возможности понимания изменения свойств социального времени, его функций, механизмов влияния на формирование и реализацию темпоральных стратегий поведения. Значимыми для нашего исследования являются работы классиков социологии О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Р. Мертона, идеи темпорального измерения социального взаимодействия и смыслопорождающих практик представителей символического интеракционизма (Дж. Мида, Э. Гоффмана), феноменологии (А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана), теории обмена (Дж. Хоманса, П. Блау), концептуальные исследования времени Э. Гидденса (идеи рекурсивности социальных практик), П. Бурдье (идеи социального капитала), П. Штомпки (концепция социальных изменений). Отдельно отметим работы постмодернистов З. Баумана (идеи текучей современности, текучего времени, текучих страхов), М. Фуко, Дж. Урри (теория мобильностей, включающая идеи ледникового и мгновенного времени) и др. Особое значение в методологическом плане имеют работы по социологии времени отечественных философов и социологов (Я. Ф. Аскина, В. А. Артемова, П. П. Гайденко, Л. А. Гордона, А. Я. Гуревича, Б. А. Грушина, Г. Е. Зборовского, В. А. Канке, Э. В. Клопова, Л. Н. Когана, С. А. Кравченко, Г. П. Орлова, В. Д. Патрушева, Б. С. Сивиринова, С. Г. Струмилина, Н. Н. Трубникова, В. П. Яковлева, В.Н. Ярской и др.).

Немаловажное методологическое значение имеют разработки в области психологии и социальной психологии, касающиеся вопросов психологического времени, механизмов восприятия и переживания времени и его динамики, социальных эмоций, сопровождающих данные процессы (К. Л. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. Хэмонд и др.). Значимой теоретико-методологической основой изучения особенностей темпоральных стратегий поведения социальных общностей являются разработки в области теории социальных общностей, принадлежащие Б. Андерсону, Г. Е. Зборовскому, Дж. Мерсеру, Н. Смелзеру, Ф. Тённису, Дж. Хиллери мл., П. Штомпке, Я. Щепаньскому, В. А. Ядову и др. Поскольку наше исследование посвящено изучению управления темпоральными стратегиями поведения городских социальных общностей, большое теоретико-методологическое значение имели работы по урбанистике. Это работы классиков социологии – М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса, представителей Чикагской школы (Р. Парка, Э. Берджесса, Л. Вирта), а также современных исследователей – А. Амина, П. Верильо, Е. Н. Заборовой, М. Кастельса, А. Лефевра, Б. Рубла, С. Сассена, Е. Г. Трубиной, Дж. Урри.

Методология изучения управления темпоральными стратегиями социальных общностей учитывает общие принципы философского и социологического исследований – диалектического единства анализа и синтеза, сочетания объективного и субъективного, историзма, позитивизма, комплексности, детерминизма, компаративизма.

Указанные теоретико-методологические основы позволили разработать концепцию управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, регулирующих их жизнедеятельность на основе фактора динамики социального времени, проявляющейся в переходе от линейного к нелинейному темпоральному режиму, предложить методологию управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей на основе парадигмы мягкого управления временем, включающую: во-первых, механизмы дифференцированного регулирования темпоральных принципов организации жизнедеятельности различных социальных общностей; во-вторых, механизмы формирования конструктивной направленности темпорального сознания и поведения посредством развития культуры времени социальных субъектов; в-третьих, поддержание и использование процессов темпоральной саморегуляции и самоорганизации социальной общности, соответствующих ее основным видам деятельности и специфике образа жизни.

В соответствии с концепцией исследования было модернизировано содержание понятия «управление временем» за счет включения в него новых уровней, субъектов, объектов, предмета и механизмов управления. В связи с этим предлагается авторская трактовка управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, согласно которой оно представляет собой широкую сферу социальных практик различных социальных субъектов, нацеленных на формирование определенной направленности темпорального сознания и эмоционального отношения к времени, а на основе этого – темпоральных потребностей и моделей темпорального поведения. В исследовании разработано и концептуально обосновано понятие динамики социального времени как изменения его свойств, проявляющихся при переходе социальных субъектов от линейного к нелинейному темпоральному режиму жизнедеятельности, базирующемуся на таких качественных характеристиках времени, как напряженность, текучесть, мобильность, мгновенность, рекурсивность, нестабильность, разновекторность, многоструктурность и др. На наш взгляд, цели изучения влияния динамики социального времени на темпоральные стратегии поведения социальных общностей наиболее релевантна трехуровневая модель социологического исследования. Она включает уровни: «большой теории» социального времени; динамических линейных/нелинейных характеристик, связанных с конкретным темпоральным режимом жизнедеятельности социальных субъектов; темпоральных характеристик стратегий поведения социальных общностей. Предложенная модель позволяет соединить теоретический и эмпирический походы к изучению социального времени, объективировать влияние его динамики на темпоральное поведение различных социальных общностей.

Автором исследования выявлены и проанализированы различные типы темпоральных стратегий поведения социальных общностей, формируемых и реализуемых ими в условиях усиливающейся динамики социального времени; определена система факторов, влияющих на них. Применены новые критерии типологизации темпорального поведения социальных субъектов, позволяющие определить его стратегическую направленность: 1) ориентация на темпоральный режим (линейный/нелинейный) и использование его возможностей; 2) тип социальных эмоций, вызванных восприятием и переживанием линейных/нелинейных характеристик социального времени. Второй критерий выступает не менее значимым, чем первый, поскольку социальные эмоции рассматриваются в качестве регулятора темпорального поведения социальной общности и элемента ее темпоральной стратегии.

Такой поход позволяет выделить традиционные темпоральные стратегии поведения, ориентированные на линейное видение темпоральной реальности, и новые (авангардные) темпоральные стратегии, ориентированные на нелинейное время как ресурс общности. И в том, и в другом типе стратегий формируются две их разновидности, связанные с позитивным или негативным восприятием особенностей социального времени. В современных условиях наиболее конструктивными являются стратегии второго – нелинейного – типа, в значительной степени – нелинейная стратегия, основанная на позитивном восприятии свойств нелинейного времени. Наименее конструктивны темпоральные стратегии первого – линейного – типа, особенно та их разновидность, которая базируется на негативном восприятии фактора времени. На основе эмпирических данных мы формулируем тезис о том, что носителями новых, авангардных стратегий поведения, имеющих конструктивную направленность, выступают не массовые общности, а их отдельные слои. Наиболее сформированы и распространены темпоральные стратегии названного типа среди представителей бизнес-сообщества – предпринимателей, бизнесменов и фрилансеров. В научно-педагогическом сообществе авангардные темпоральные стратегии сформированы, но распространены только в отдельных слоях общности. В меньшей степени нелинейные темпоральные стратегии сформированы у представителей нижнего и среднего уровней российского менеджмента, а также студенчества. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей следует рассматривать как проблему не только научного анализа, но и социального управления. Выступая интегрирующим и модерирующим началом в системе жизненных стратегий социальной общности, темпоральная стратегия обусловливает вектор и временные характеристики ее развития, особенности взаимодействия с другими социальными общностями, организациями, структурами управления и власти, степень согласованности жизнедеятельности общности с направлениями, темпами и ритмами развития общества. Темпоральные стратегии поведения, складывающиеся стихийно, под влиянием динамики социального времени и комплекса иных социальных факторов, требуют регулирования в интересах самой социальной общности и социума в целом.

Автор исходит из позиции, что различные социальные общности по-разному реагируют на влияние динамики социального времени: 1) у одних социальных общностей она формирует понимание значимости фактора времени и на этой основе стимулирует выработку инновационных моделей поведения, новых социокультурных качеств, наращивание адаптационного потенциала к социокультурным изменениям, мобилизует их на поиск новых способов жизненного продвижения; 2) другие социальные общности, напротив, отвечают на «темпоральный вызов» ростом пассивности и маргинальности, ухудшением социального самочувствия, отказом от попыток самостоятельно выстраивать собственную жизнь, биографию, конструктивно преодолевать трудности.

Таким образом, мы можем говорить о необходимости изучения управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей на основе описанной выше теоретико-методологической базы. Ее сложность проявляется в междисциплинарности и многоуровневости, многозначности категориального аппарата, выстраивании связей и переходов между различными концепциями и теориями.

УДК 316.4

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПАЦИЕНТОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Антонова Наталья Леонидовна
доктор социологических наук, профессор
E-mail: n-tata@mail.ru
Клейменов Михаил Вячеславович
аспирант,
E-mail:k-mihaell@mail.ru
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

THE MEDICAL WORKERS IN SYSTEM OF INTERACTION WITH A PATIENT: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Natalia Antonova
Doctor of Science, Professor
Mikhail Kleymenov
Post-graduate student
Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье на основе результатов социологического исследования, проведенного в селах Далматовского района Курганской области, рассматривается проблема взаимодействия медицинских работников и пациентов в ходе завершенной недавно модернизации российского здравоохранения. Показаны предпочтения медицинских работников и пациентов в выборе модели взаимодействия, критическое отношение медперсонала к модернизации российского здравоохранения, угроза коммерциализации медицинского обслуживания.

ABSTRACT – The article is based the results of sociological research conducted in the villages of the Dalmatovo district of the Kurgan region considers the problem of interaction of medical workers and patients during the recently completed modernization of the Russian healthcare. The paper are shown the preferences of medical workers and patients in a choice of interaction's model, the critical relation of medical personnel to modernization of the Russian healthcare, the threat of commercialization of medical service.

Ключевые слова: медицинские работники, модель взаимодействия, медицинское обслуживание, пациенты, село.

Key words: medical workers, interaction's model, medical service, patients, village.

Изучение российского села актуализировано на фоне активной глобализации урбанизированных стран, к которым относится и Россия. Немаловажным является и анализ состояния сельского здравоохранения. В условиях постоянной реструктуризации российского здравоохранения мерилом состояния медицинского обслуживания села становится отношение сельских жителей к медицинским работникам. Организация медицинского обслуживания на селе имеет уровневую структуру. Суть структуры заключается в том, что медицинская помощь, которая не может быть обеспечена на уровне сельского поселения, оказывается на районном и региональном уровнях. В небольших сельских поселениях функционируют фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы), помощь в которых имеет профилактическую направленность и ее оказывает медперсонал со средним медицинским образованием. Для получения медицинского обслуживания, требующего внимания специалиста с высшим медицинским образованием, пациент обращается в центральные районные больницы (ЦРБ) или ее филиалы. На уровне субъекта РФ действуют региональные медицинские учреждения, в которых медпомощь оказывается сельским жителям, нуждающимся в диагностике, лечении, консультации.

Опираясь на результаты анкетного опроса сельских жителей Далматовского района

Курганской области в 2014 г. (n=200), можно утверждать, что проблема оказания медицинской помощи в сельских поселениях стоит наиболее остро, а базовым субъектом формирования взаимодействия являются медицинские работники. Мы провели интервью с медперсоналом Кривской врачебной амбулатории (филиала Далматовской ЦРБ). Всего было опрошено 6 человек: 2 врача, 2 фельдшера, 2 медицинские сестры; причем все респонденты - женщины в возрасте от 51 до 67 лет, имеющие стаж работы от 24 до 43 лет. Все опрошенные состоят на пенсионном обеспечении и получили базовое медицинское образование в советскую эпоху.

Медицинский персонал сельских поселений выступает инициатором становления и реализации моделей взаимодействия с пациентами. Выбирая патерналистскую модель взаимодействия, медицинские работники обращаются к вопросу доверия как главному фактору ее утверждения, достижения общих задач, направленных на получение результата – выздоровление пациента. Доверительные отношения – это социальные связи, которые строятся между акторами в процессе взаимодействия.

В ходе интервью мы выяснили, что доверие как фундамент эффективности взаимодействия зависит от уровня образования медперсонала и профессиональной квалификации. Так, врачи и фельдшеры рассматривают его как основу взаимодействия, по мнению медицинских сестер, деятельность которых связана, прежде всего, с механистическими действиями, важными показателями являются опыт работы и качество исполнения медицинских услуг. Медсестры являются исполнителями команд врачей, именно в силу специфики своих профессиональных функций, они отдают предпочтения опыту работы и качеству исполнения услуг, нежели доверительным отношениям с пациентами.

Патерналистская модель взаимодействия, формируемая медперсоналом, предполагает обращение к пациентам как к субъектам, нуждающимся в опеке и заботе. Отсюда, врачи, фельдшеры и медицинские сестры хотят видеть перед собой доброго и отзывчивого пациента, опрятно одетого, чистого и аккуратного. Врачи отмечают некоторые группы пациентов как наиболее «*неприятные»* с их точки зрения: *«придут выпившие, неаккуратные, всякие накрученные – с ними взаимопонимания не построишь»* (врач, стаж работы 43 года).

Особое внимание медперсонал обращает на готовность пациентов четко и внятно формулировать ответы на вопросы в ходе сбора анамнеза. «*...мне не нравится, когда пациенты жалуются на все свои жизненные проблемы»* (врач, стаж работы 43 года), отсутствие логичных и продуманных ответов становится фактором раздражения: «*... меня выводят из себя те пациенты, которые не могут ответить на мои вопросы о болезни...»* (врач, стаж работы 43 года). Это раздражение связано с трудностями постановки диагноза и назначения правильного и своевременного лечения. Идеал пациента у врачей связывается с человеком, обладающим знаниями и информацией о собственных потребностях, о возможностях своего организма. По мнению опрошенных, «*вытягивание информации из пациента»* доставляет не просто хлопоты, но и ведет к эмоциональному выгоранию.

Идеальный пациент в контрактной модели обладает противоположными характеристиками. Это связано с информационной асимметрией. Описывая этот феномен, С. А. Шишкин отмечает: «Вследствие информационной асимметрии потребитель вынужден полагаться на знания и опыт врача, к которому он обратился, в определении необходимого ему лечения. Во взаимодействии с потребителем медицинских услуг врач играет двойственную роль: с одной стороны – посредника или агента потребителя, призванного выражать его интересы, формулировать его спрос на конкретные виды медицинских услуг, с другой – производителя этих самых услуг»[1, с. 45]. Такой сюжет свидетельствует о возможности проявления оппортунистического поведения со стороны врача, которому становится экономически выгодным предложить пациенту большой набор медицинских услуг. Одной из характеристик идеального пациента, по мнению врача, является малая осведомленность в медицинских вопросах[2].

Медработники сельского муниципального округа оценили степень своей информированности о профессиональных и должностных обязанностях достаточно высоко, отметив, что они должны проводить лечение больных, выполнять профилактические мероприятия, в том числе и рамках программ всероссийской диспансеризации населения.

Каким образом происходит взаимодействие врача и пациента в системе сельского медицинского обслуживания? Время приема пациентов составляет 4 часа и 6 часов, если врач, медсестра или фельдшер – дежурит. В рабочее время врача (сверх 4 часов приема) также входит патронаж: обход больных по селу, дневные и ночные вызовы. Число пациентов в день в сельском лечебном учреждении составляет около 20 человек, что соответствует существующим стандартам. Медицинские работники отметили, что, как правило, отклонение в количестве посетивших больных невысокое и не превышает допустимых границ. «*По документам обязана принимать 20 пациентов. Где-то так обычно и есть. От 18 до 22, иногда 24 больных и принимаем. Стандарт такой, чтобы 20 пациентов принимать. Видимо правильно рассчитан»* (врач, стаж работы 43 года). Отсюда, напрашивается вывод о том, что процесс взаимодействия пациента и врача на приеме в среднем составляет 12 минут. В такой ситуации врачу желательно видеть перед собой пациента опрятного, четко формулирующего ответы на заданные вопросы и не требующего дополнительных разъяснений для выработки совместной стратегии лечения (коллегиальная модель). 12 минут, отводимые на прием одного пациента, реализуемы только в условиях патерналистской модели взаимодействия.

Какие операции осуществляет врач за 12 минут приема одного пациента? Опрошенные нами врачи представили схему проведения приёма пациентов: 1) сбор анамнеза – опрос пациента; 2) осмотр – прослушивание, прощупывание, пальпация; 3) направление на анализы в городскую (районную) больницу; 4) установление диагноза. Последняя стадия – важнейшая часть приема, поскольку на ней определяется заболевание пациента.

Таким образом, результаты демонстрируют функциональную эффективность патерналистской модели взаимодействия, в которой отсутствует время на принятие совместного решения. 12 минут на прием одного пациента могут быть реализованы и в инженерной модели, однако специфика сельского образа жизни, реализация многообразия социальных ролей (врач, друг, сосед и пр.) не позволяют медицинскому персоналу активно ее транслировать в систему медицинского обслуживания. Социальная дистанция между пациентом и медработников уменьшается, принцип анонимности, доминирующий в городской системе медицинского обслуживания, на селе трансформируется. Здесь работает иной принцип - принцип открытости и доступности медработника. Об этом свидетельствуют и результаты опроса. По мнению врачей, *«важен сам контакт с пациентом, это одно из составляющих эффективного взаимопонимания между медработником и пациентом»* (врач, стаж работы 43 года).

Такой контакт, по мнению врачей, ведет к откровенности со стороны пациента о различных сторонах его жизнедеятельности, от которых зависит его здоровье. Истина, к которой призывают врачи, необходима для установления точного и быстрого диагноза, и без взаимопонимания достичь ее практически невозможно. Врачи под контактом понимают часть взаимодействия с пациентом, которая заключается в устранении противоречий и нахождении консенсуса по вопросу лечения. Скорее всего, врачи выделяют процедуру установления контакта с пациентом как превентивное средство от потенциальных опасностей, когда из-за непонимания между пациентом и врачом возникают разногласия, которые могут привести к нежелательному исходу. Такие разногласия действительно выступают проблемной зоной, поскольку касаются смысложизненной ценности здоровья.

В ходе интервью медицинские работники указали на проблематику рисков. Медицинская помощь населению, по мнению опрошенных, предстает как зона риска. Всегда существуют риски заражения заболеваниями от пациентов самого медицинского персонала, и наоборот, медперсонал может стать источником пандемии. Отсюда актуализируется вопрос безопасности. Меры безопасности не только у врачей, но и у среднего и младшего медицинского персонала (фельдшеры и медсестры) вызвали целый ряд предложений: а) чистоплотность как пациента, так и медицинского работника; б) средства защиты тела (маски, перчатки); в) медицинские средства одноразового использования (шприцы, зеркальца, палочки). Безопасность остается для медработников приоритетным условием профессиональной деятельности.

Медперсонал утверждает, что их задача – защищать пациентов фактически от самих

себя. Здесь мы выходим скорее на философскую проблему защиты больного человека от собственных вредоносных действий. Социальная проблема лежит в области взаимодействия общностей, когда одна общность пытается контролировать действия другой (например, в XIX в. российские медработники подчинялись Министерству внутренних дел и формально считались полицейскими служащими). Контроль над общностью пациентов должен быть гуманным, едва заметным, ведь со времен тоталитарного советского режима граждане нашей страны могут негативно относиться к жестким действиям государственных учреждений.

По мнению персонала сельского медучреждения, типичный представитель сельской общности пациентов – пожилой человек, пенсионер, чаще женщина, имеющая большое число жалоб на здоровье и, как правило, легко возлагающая ответственность за лечение на медицинского работника. Медперсонал, таким образом, полагает, что пациенты также ориентированы на патерналистскую модель взаимодействия, однако опрос самих пациентов показывает иную картину: коллегиальная модель взаимодействия.

Одним из важных факторов успешности своей деятельности медперсонал считает условия труда. Все опрошенные не удовлетворены ими в полной мере. Причина заключается в недостаточном финансировании сельского здравоохранения, в усиленном надзоре за деятельностью сельских врачей, в увеличении числа бюрократических барьеров. Проверки приводят к тому, что некоторая часть сельских больничных учреждений не проходит аттестацию, и вследствие чего не получает финансовых субсидий на ремонт и т.п.: *«мы не прошли аттестацию – теперь вообще не выделяется средств даже на косметический ремонт. Здание находится в аварийном состоянии, и фактически никому не принадлежит, вот оно и не прошло аттестацию. Собственника нет!»* (врач, стаж работы 43 года).

Отношение медработников к реформе здравоохранения (модернизации и долгих попытках реструктуризации) остается негативным. Опрошенные недовольны свертыванием советской модели здравоохранения, основанной на принципах бесплатности и доступности медицинской помощи, а также сокращении численности медицинских учреждений в сельских поселениях. Счетная палата РФ по итогам аудита эффективности использования средств, направленных на реализацию планов модернизации на 2011-2013 гг., выявила целый ряд нарушений. За указанный период было освоено 694 миллиарда рублей из средств федерального бюджета и фонда ОМС. Модернизация не завершена в 22 субъектах РФ: не открыто 1,7 тысяч офисов врачей общей практики, 2 тысячи фельдшерско-акушерских пунктов и 1,5 тысячи фельдшерских пунктов [3]. «Недоделки» выразились в миллиардных суммах, что также не улучшает ситуацию в здравоохранении.

В этой связи приведем статистику развития земской медицины как формы общественной организации медицинского обслуживания сельского населения. Ее функционирование опиралось на участковый принцип, который и до настоящего времени является одним из ведущих при оказании медицинской помощи (табл. 1). Численность врачебных участков в 1910 г. по сравнению с 1870 г. возросла в пять раз, в пять раз возросло количество специалистов-врачей, работающих в системе земской медицины, а численность населения, приходящаяся на один участок, снизилась в 3,3 раза, средний же радиус участка уменьшился в 2,2 раза. За сорок лет земская медицина осуществила значительный рывок в своем развитии, повысив тем самым уровень доступности медицинской помощи населению.

Таблица 1

Динамика развития земской медицины [4, с. 39]

Врачебная сеть	1870	1910
Число врачебных участков	530	2686
Средний радиус в верстах	39	17
Население на один врачебный участок	95000	28000
Число врачей на службе в уездных земствах	610	3100

Сегодня мы наблюдаем обратную ситуацию, сокращение численности медицинских

учреждений ведет к тому, что доступность медицинского обслуживания также снижается. Результаты исследования показывают, что селяне мало информированы о законодательстве в сфере здравоохранения, и многие не знают, что участковые врачи-терапевты как и врачи общей практики (семейные врачи) выполняют общий (ограниченный) функционал медицинского работника, и не имеют права в соответствии с нормативной базой заниматься сложными заболеваниями, что выступает фактором неудовлетворенности медицинским обслуживанием. Также по законодательству России, врачи могут отказать в медицинской помощи человеку, если его болезнь не входит в их компетенцию или же не грозит жизни заболевшего человека, т.е. когда индивид может обойтись без медицинской помощи длительное время.

В последнее десятилетие идет увеличение врачебных участков, в них вливаются отдаленные деревни, в которых вообще отсутствуют медицинские работники. Врач-терапевт вынужден объезжать «свою территорию», осматривать пациентов, выдавать необходимые медицинские документы. По нашему мнению, данная мера является одной из самых регрессивных, применяемых в прошлом. Такое мнение было получено нами в ходе интервью с администрацией Центральной районной больницы. Следует заметить, что при передвижных медицинских центрах крайне трудно замерять качество медицинской помощи.

Коммерциализация медицинской помощи – еще один вопрос, который может стать барьером доступа к медицинским услугам селян. Коммерческая медицина порождает особый тип взаимодействия медицинских работников и пациентов – контрактный (или договорный). Базой такого взаимодействия является контракт, в котором прописаны права и обязательства сторон, а также оплата и ее порядок для получателя услуги. Пациенты могут быть уверены в качественной медицинской услуге, поскольку заключили контракт и в случае его нарушения они имеют право защиты от компетентных органов государственной власти.

Современная рыночная эпоха характеризуется свободой выбора индивида, в том числе и медицинского учреждения. Отсюда, возрастает конкуренция медицинских центров за такой важный рыночный ресурс как пациенты. Лечение болезней, восстановление после травм и профилактические медикаментозные работы приносят ощутимую прибыль.

Исходя из данных полуформализованного интервью с медицинскими работниками, мы зафиксировали противоречие между усилением «платности» государственной системы здравоохранения и несогласием врачей на контрактные отношения во взаимодействии с пациентами. Коммерческая медицина как отдельное институциональное образование в сельской местности не распространена, но она вмонтирована в структуру государственной системы. Мы выяснили, что сельчане фактически не знают ни о контрактной модели взаимодействия, ни о договоре между врачом (или медицинским учреждением) и пациентом. Они не готовы к резкому переходу от «бесплатной» (оплаченной из Фонда обязательного медицинского страхования или из бюджета муниципального образования) к платной медицине в системе государственного здравоохранения.

Еще один актуальный вопрос, который поднимают сельские жители, касается доступности высокотехнологичных видов медицинской помощи. Сельские жители могут получить доступ к «высоким технологиям» только через своего участкового врача-терапевта. Зачастую проезд в специализированные клиники сельчанам затруднен ввиду отсутствия собственного транспорта, автомобильных дорог, транспортных узлов и сообщений около их населенных пунктов (автостанций, вокзалов). По исследованиям Независимого института социальной политики, сельчане чаще, чем горожане попадают через собственного участкового врача-терапевта на госпитализацию и к редким врачам-специалистам. Но как предполагают сами исследователи, они попадают в стационары в «запущенном» состоянии, когда врачи городских (районных, областных) специализированных клиник обязаны взять пациента, даже если мест в больничном учреждении не осталось

Кроме того, медперсонал указал на тот факт, что реформа коснулась структуры здравоохранения, но вот человек (и пациент, и врач) остались за «бортом» реформирования системы. *«Пациентов и врачей забыли в этой хваленой реформе! Только стандарты, бумаги, методики всякие, а бумаг-то сколько – ужас! Только и пишем истории (*карты болезни па-

циентов*), только и пишем. Так сказать мальчика-то и забыли, взялись чинить структуру, а ведь надо начинать с людей, чтобы людям было комфортно, а не бюрократии»* (врач, стаж работы 43 года).

Критикуя современные реформы российского здравоохранения, медперсонал выделил ряд проблемных зон, характерных для села. Среди них:

1) тяжелые больные, экстренные случаи и отсутствие узких специалистов;
2) заполнение «важных бумаг», которые будет читать только проверяющая инстанция, для пациента эти «бумаги» не предназначены;
3) отсутствие полного стационара в сельском больничном учреждении (невозможность следить за исполнением пациентами всех нюансов лечебного курса);
4) выполнение плана по диспансеризации населения.

Решение основных проблем сельские медработники связывают с ренессансом (возрождением) прежней советской системы – с ее развернутой сетью медицинских учреждений, профилактической работой, большим числом койко-мест. Медработники откровенно мечтают о возвращении полного контроля над пациентами, когда можно отслеживать излечение больного. В целом, медработники убеждены в патернализме как доминантной модели взаимодействия, в рамках которой им принадлежит контролирующая функция. Пациент рассматривается в роли добровольного подчиненного работника, его работа – присутствие в сельской лечебнице. Но поскольку российское здравоохранение в сельских поселениях перешло со стационарного лечения на амбулаторное, то функции контроля над здоровьем пациентов уменьшились и усложнились.

Опрос пациентов Кривского врачебного учреждения Далматовского района Курганской области показал, что коллегиальная модель взаимодействия характерна для 70,5% пациентов, патерналистскую модель выбирают 23,5% опрошенных, инженерную модель используют 4,5% респондентов, контрактная модель типична для 1,5% селян. Однако опрос медицинского персона демонстрирует патерналистские принципы взаимодействия. Медперсонал считает, что утешение больных и занятие позиции начальника над пациентами – главные условия эффективности врачебной деятельности. Причиной доминирования модели патернализма в системе взаимодействия медперсонала с пациентами является процесс старения медицинских кадров на селе. Все опрошенные имеют внушительный стаж работы, средний возраст респондентов составил 58 лет. По сути, сельские медицинские работники – это люди «советского прошлого», т.е. начало их трудовой деятельности приходится на тот период развития здравоохранения, когда патернализм признавался лучшим достижением эпохи. Сегодня они остались верны советской традиции: «врач знает лучше». Таким образом, патернализм как идеология взаимодействия воспроизводится сельскими врачами и в современных условиях. Пациенты-селяне выражают потребность в ее изменении, стремятся к коллегиальному взаимодействию, опирающемуся на субъект-субъектные принципы отношений.

Кроме того, наши исследования медицинского персонала, работающего в крупном городе свидетельствуют, что профессия врача, медицинского работника вызывает уважение, она обладает высокой степенью полезности для общества, что позволяет заключить о высоком уровне престижа профессиональной деятельности в обществе. Полезность и престижность профессии, ее значимость для общества также могут оказать существенное влияние на формирование патерналистской модели взаимодействия. Медицинский работник становится «над пациентом», ибо обладает уникальными знаниями, его труд престижный и уважаемый, а значит и пациент должен и обязан слушаться врача, фельдшера, медсестру. Модернизация современной российской системы здравоохранения предъявляет новые требования к характеру взаимодействия пациентов и врачей, и существующие модели будут трансформироваться и изменяться. Уже сегодня высокодоходные группы населения крупных городов выбирают контрактную модель, обращаясь к платной медицине. Неформальная оплата медицинских услуг может стать основой для формирования смешанных моделей. Несмотря на воспроизводство традиционных норм и ценностей сельчанами, село также меняется, и необходимы

дальнейшие исследования взаимодействия врача и пациента как показателя трансформационных процессов.

В ходе нашего исследования мы вышли на ряд практических рекомендаций. Сельские пациенты не должны в ближайшее время подвергаться резкому переходу системы здравоохранения на рыночные «рельсы», поскольку они не представляют, чтобы платная медицина господствовала в государственном здравоохранении, и соответственно была распространена контрактная модель взаимодействия. Советская традиция четко вошла в повседневные практики сельчан, так что выдвигаемая некоторыми либеральными политиками идея платного медицинского обслуживания вызывает негодование и страхи. Отсюда, важным видится сначала изменение ценности здоровья в представлениях сельских жителей, формирование высокого уровня ответственности за него.

Для медперсонала сельских поселений важно разработать механизмы включения системы медицинского обслуживания в рыночные отношения, которые позволили бы постепенно и мягко включить этого субъекта в процесс. С позиции сельских врачей (это в основном люди среднего и пожилого возраста, имеющие большой стаж работы) рыночный процесс вызывает душевное угнетение, ощущение национального позора, поскольку в Канаде, Великобритании, Франции в свое время многое позаимствовали из советского здравоохранения. В среде опрошенных сельских медработников можно выделить желание (мечту) вернуть систему советского здравоохранения, подвергшуюся трансформации в 1990-х гг. Необходимо учитывать и объемы нагрузки сельских врачей, которые превосходят нагрузки городских врачей в несколько раз за счет неформального предоставления медицинской помощи. Сельский врач должен и может меньше работать на одном месте (вести обслуживание пациентов), но компенсирует минимальный объем «кабинетных работ» большим числом вызовов и обходов больных по сельским поселениям. Речь идет об изменении существующих стандартов на федеральном уровне и выделении в них специфики деятельности врача сельского поселения. Врач – центральная фигура в системе оказания сельской медицинской помощи, именно от эффективности взаимодействия с ним в большей степени зависит реализация пациентом установки на выздоровление. Соответственно, создание условий для привлечения молодых врачей в сельские поселения становится одной из стратегических задач развития сельского здравоохранения.

Список литературы:

1.Шишкин С. В. Экономика социальной сферы. М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 367 с.

2.Менеделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство. М.: МЕДпресс, 2001. – 592 с.

3.Литвиненко Т. «В реализации программа модернизации выявлены нарушения». Секция «Общество». Сайт: РИА Новости. 30.04.2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ria.ru/society/20140430/1006023862.html [Дата обращения: 30.04.2014]

4.Страшун И. Д. Полвека земской медицине (1864-1914) // Очерки истории русской общественной медицины. М.: Медицина, 1965. С.30-68.

УДК 316.334.22

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОТРЕБНОСТЕЙ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В КАЧЕСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Артем Ольга Ярославовна
Студент,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: Arteolya@yandex.ru

CORRELATION OF THE NEEDS OF EMPLOYERS AND STUDENTS IN QUALITATIVE TECHNICAL EDUCATION

Artem Olga
student, Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Рассматривается качественное техническое образование. Исследуются потребности работодателей и студентов в качественном техническом образовании. Уделяется внимание особенностям взаимосвязи, изучаемых потребностей. Приводятся результаты прикладного социологического исследования, посвященного качеству образования и потребностям основных субъектов образовательного процесса.

ABSTRACT – Considered qualitative technical education. Investigated the needs of employers and students in qualitative technical education. The peculiarities of the interconnection of studied needs is paid much attention. There are results of applied sociological research, dedicated to quality of education and the needs of the main subjects of the educational process.

Ключевые слова: потребности; качественное техническое образование; конкурентоспособность; субъекты образовательного процесса.

Keywords: needs; qualitative technical education; competitiveness; the subjects of the educational process.

Развитие научно-технического прогресса является одним из ведущих показателей положения государств на международном уровне. Существует множество факторов, которые оказывают влияние на данный процесс, в частности: экономическая, социальная и политическая стабильность в обществе, качество образовательных услуг, научно-технический потенциал и т.д. В последнее время во многих странах особое внимание уделяется приоритетному развитию системы высшего профессионального образования. Фактически от его уровня и качества подготовки специалистов зависит построение общества в будущем. Оно является фундаментом на пути развития научно-технического прогресса. В связи с тем, что наиболее значимые достижения общества, так или иначе, связаны с техническим прогрессом, особое значение придается повышению качества технического образования. Так как для многих государств, в том числе и для России существует проблема, что качество подготовки выпускников вузов не соответствует уровню развития современных технологий в обществе. Так, сегодня система образования Российской Федерации находится в противоречивом состоянии. С одной стороны, Россия присоединилась к Болонскому процессу, который распространен в Европейских странах, где важной ценностью и основным капиталом является личность, способная к поиску новых знаний и путей решения проблем, владеющая профессиональными и общекультурными компетенциями. Особое внимание придается развитию навыкам управления, применению теоретических знаний на практике, мобильности и конкурентоспособности будущих специалистов на рынке труда [1]. С другой стороны, в большинстве вузов России существуют проблемы в предоставлении качественного высшего профессионального образования. Многие вузы страны еще не перешли на трехуровневую систему обучения. Подготовка, осуществляемая в них, действует с запазданием, не учитывая потребности современного общества в конкретных специалистах. Слабая материально-техническая база вузов во многом не соответствует реалиям современных производственных технологий и технических устройств. Существует высокая потребность в специалистах технического направления, а среди молодежи престижными все еще остаются гуманитарные и экономические профессии. Проблема заключается в том, что сегодня есть конкретные общественные потребности, выдвигаемые работодателями, в поиске специалистов технического профиля обучения с соответствующей качественной подготовкой и в то же самое время у абитуриентов, а затем и у студентов имеются конкретные потребности в получении качественного технического образования. Противоречие в том, что потребности работодателей и учащихся имеют расхождения.

Таким образом, данная ситуация создает предпосылки для проведения прикладного социологического исследования, которое было бы нацелено на выявление степени схожести

и различия потребностей работодателей и студентов в качественном техническом образовании.

Исследование, в котором автор данной работы принимала активное участие, проводилось с 17 февраля по 30 апреля 2014 г. и было посвящено качеству профессиональной подготовки выпускников УрФУ и потребностям основных субъектов образовательного процесса: работодателей, преподавателей, студентов. Метод сбора информации: формализованное интервью (по анкете) и метод глубинных интервью. Всего было опрошено 150 работодателей, 187 преподавателей и 495 студентов [1]. Дальнейшее изложение результатов будет выстроено поочередно с целью логического понимания потребностей, требований, мнений, каждого из субъектов образовательного процесса.

Для начала остановимся на мнениях *студентов вуза*, так как, в первую очередь, они являются потребителями высшего профессионального образования. Как показывают результаты исследования, около 80% опрошенных считают, что они в той или иной степени соответствуют требованиям работодателей. При этом было выявлено, что опыт сочетания учебы с работой на старших курсах и в магистратуре, ведет к тому, что работа побуждает выработать те качества, которые дают возможность достаточно успешно справляться с требованиями и потребностями работодателей. Рассуждая о вопросах конкурентоспособности и личностных качествах студентов, респонденты отмечали те из них, наличие которых помогло бы им реализовать свои профессиональные потребности по итогам учебы – самостоятельность при решении проблемных ситуаций, трудолюбие, способность планировать работу и дисциплинированность.

От многих студентов поступили конкретные предложения, которые могли бы повысить их конкурентоспособность и качество, оказываемой образовательной услуги в вузе. По их мнению, университету необходимо при разработке новых образовательных программ привлекать работодателей – 61%, проводить практики на лучших отечественных предприятиях – 58%, привлекать специалистов-практиков для чтения специальных курсов – 58%, обучать методам работы с потенциальными партнерами заказчиками – 46%, формировать навыки самостоятельного решения типичных проблем, возникающих на производстве – 42%.

Исследователям важно было узнать о знаниях и навыках, которые студенты еще не получили, обучаясь в УрФУ, чтобы в полной мере соответствовать требованиям работодателей. Было выявлено, что существует недостаток практических навыков по специальности (отмечено 61% респондентов), знаний передовых технологий, техники, применяемой за рубежом (49%), умений управлять людьми (35%), способности работать с научной и технической литературой на иностранном языке (35%). У значительной части выпускников отсутствуют устойчивые установки на работу по специальности. Студенты скорее ориентируются на то, что им предложит рынок труда и порой независимо от того, будет ли данная работа по приобретенной специальности или нет.

Теперь перейдем к мнениям *преподавателей*. Главная их задача как субъектов образовательного процесса – выработка у студентов разных видов компетенций. Рассуждая о взаимодействии работодателей с вузом, преподаватели высказали свое мнение о требованиях, которые предприятия предъявляют к нынешним выпускникам. Оказывается, ценным становится умение будущих специалистов быстро включаться в новую, непривычную работу – 74%, обладание практическими навыками по специальности – 68%, умение находить новые решения проблем, возникающих в работе – 60%, умение работать в команде – 60%, постоянно заниматься самообразованием – 59%.

На основании полученных результатов была выявлена точка зрения преподавателей и о том, что мешает в полной мере сформировать у выпускников нужные для успешной работы на производстве качества. Получается, что отсутствует возможность материально заинтересовать работодателей-практиков в работе со студентами – 57%, существует слабая материальная база нашего института для обеспечения нужного уровня обучения – 57%, преподаватели не в полной мере знают требования современных работодателей – 44%. Также, в результате сокращения объема часов, преподаватель успевает только обозначить для студентов

направленность поиска необходимых знаний. Проблема в том, смогут ли правильно, продуктивно воспользоваться студенты информационными средствами для поиска знаний, грамотно их систематизировать и выделить основное. Во многом это зависит от личностного желания студентов, их стремления к совершенствованию, к получению и освоению знаний.

Далее, в рамках проведенного исследования были выявлены мнения *работодателей* о тех требованиях, которые они предъявляют к нынешним выпускникам вузов. Если говорить о сравнении взглядов трех субъектов образовательного процесса, в том числе и студентов, то они совпадают с позициями в понимании роли умения быстро включаться в новую, непривычную работу (в среднем 70%); способности находить новые решения проблем, возникающих в работе (60%); умения управлять людьми (около 30%). Но, по мнению опрошенных работодателей, вузы медленно реагируют на изменения в производстве. Лишь 29% отметили, что некоторые образовательные учреждения почти полностью учитывают изменения в требованиях к выпускникам, 67% отметили, что только частично.

Таким образом, на основе полученных данных мы попытались выделить ключевые потребности, требования и проблемы, связанные с качеством профессионально-технической подготовки, осуществляемой в УрФУ. Главной целью исследования являлось проанализировать взаимосвязь потребностей студентов и работодателей в качественном техническом образовании. Для того, чтобы рассмотреть потребности каждого из выделенных субъектов необходимо было проанализировать и мнения преподавателей, так как именно данный субъект образовательного процесса непосредственно взаимодействует и со студентами, и с работодателями. Выделение и сравнение трех субъектов образовательного процесса помогло более детально рассмотреть потребности каждого из них, определить возможные причины их несоответствия.

Подводя итог, можно сказать, что от качества получаемого образования и взаимодействия субъектов образовательного процесса во многом зависит конкурентоспособность выпускника, то есть соответствия его потребностям работодателей. Есть существенные проблемы, которые понижают конкурентоспособность будущего специалиста. Это нехватка необходимого количества практики, отсутствие сотрудничества вуза с предприятиями, готовых принять студентов, слабая материально-техническая база вуза, отсутствие у студентов необходимых личностных качеств для реализации, имеющихся у них профессиональных компетенций. Выпускник вуза должен уметь разбираться с оборудованием, которое соответствует вчерашнему дню, и, которое считается одним из современных; уметь пользоваться различными источниками информации, для того чтобы быть максимально мобильным и готовым принять непрерывный поток изменений, инноваций. Необходимо уделять внимание формированию навыков активности у студентов, максимально вузу взаимодействовать с предприятиями в проведении практик, конференций, мастер классов. Важно, чтобы потребности самих студентов и работодателей, в том числе и преподавателей совпадали в понимании качественного технического образования, повышении его уровня и развития конкурентоспособного, высококвалифицированного специалиста.

Список литературы:

1. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]: http://fgosvo.ru/ (дата обращения: 05.01.15.).

УДК 316.334.22:796.015-051

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРЕНЕРСКОГО ТРУДА

Багирова Анна Петровна
доктор экономических наук, профессор
E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru
Сапожникова Кристина Александровна

аспирант
E-mail: bezukladnova.k@gmail.com
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

SOCIAL AND ECONOMIC CONTENT OF COACHER'S LABOR

Bagirova Anna
Doctor of Economics, Professor of Ural Federal University, Yekaterinburg
Sapozhnikova Christina
Ph.D. student of Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается тренерский труд как один из важнейших элементов спорта высших достижений. Авторы выделяют основные элементы тренерского труда, среди которых: предмет труда, средства, цели и т.д. Кроме того, в статье описаны основные характеристики социально-экономического содержания тренерского труда: профессионализм, новые компетенций, а также многообразие трудовых функций; показана взаимосвязь данных характеристик и основных элементов тренерского труда.

ABSTRACT – In the article, coacher's labor is considered as one of the most important part of elite sport. Authors separate basic elements of coacher's labor such as: subject of labor, facilities, objectives etc. Besides general social and economic features of coacher's labor are described: professionalism, original competencies, functional variety of labor; actual characteristics and basic elements relation is provided.

Ключевые слова: тренерский труд, элементы тренерского труда, спорт высших достижений.

Keywords: coacher's labor, elements of coacher's labor, elite sport.

Сфера физической культуры и спорта, особенно спорта высших достижений, оказывает непосредственное влияние на становление международного имиджа страны: спортивные победы являются олицетворением силы государства. Это обусловливает важность решения задачи обеспечения эффективной работы системы подготовки спортсменов высокого уровня. Одним из основных элементов системы воспитания профессиональных спортсменов является тренерский труд, поскольку именно тренеры, готовя своих учеников к соревнованиям, по сути, оказывают непосредственное влияние на их результаты. Мы определяем тренерский труд как специфическую подсистему совокупного общественного труда, целесообразную, сознательную деятельность человека, имеющего соответствующую профессиональную подготовку и квалификацию, направленную на обучение и воспитание спортсменов, осуществляемую в интересах государства и обусловленную высокой общественной значимостью. Для того, чтобы охарактеризовать социально-экономическое содержание тренерского труда, необходимо рассмотреть его основные элементы, среди которых выделяются предмет, средства, субъекты и цели труда.

Предметом труда принято считать такие вещи или явления, на которые человек воздействует с помощью средств труда. Тренерский труд сопряжен с целеполаганием, для реализации поставленных задач тренер обеспечивает достижение и удержание наилучшего физического и психологического состояния спортсмена, по-другому – его спортивной подготовленности. Именно уровень спортивной подготовленности спортсмена, за формирование которой отвечает тренер, по нашему мнению, является основным предметом его труда. При подготовке спортсменов тренер использует различные средства (технический инвентарь и оборудование – например, мишенные установки, магнитофоны, видеоаппаратуру, специальные тренажеры и т.д.). Использование тех или иных средств тренерского труда обусловлено требованиями избранного вида спорта, а также периодом подготовки (восстановительный, соревновательный или подготовительный).

Субъектами тренерского труда выступают тренеры, осуществляющие свою деятельность в системе профессионального спорта. Работа тренеров-инструкторов, консультантов

фитнесс-клубов, чья деятельность не связана с подготовкой спортивного резерва, не относится к категории тренерского труда, но, несомненно, важна для развития массового спорта.

В связи с тем, что организация тренерского труда в Российской Федерации носит уровневый характер, обусловленный федеративным государственным устройством и особенностями административно-территориального деления субъектов, цели тренерского труда зависят от уровня, на котором осуществляется такой труд. На уровне муниципалитетов тренерский труд направлен, в первую очередь, на отбор наиболее талантливых детей и обучение их базовым навыкам в избранном виде спорта. При работе со сборными командами субъектов РФ перед тренерами стоит задача по подготовке олимпийского резерва, большое внимание уделяется психологической составляющей. На федеральном уровне тренерский труд осуществляется в условиях высоких требований к результативности на соревнованиях самого высокого ранга: чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх.

Определив основные элементы тренерского труда, рассмотрим особенности его социально-экономического содержания, к основным из которых относятся профессионализм, интеллектуальный характер труда и многофункциональность. В настоящее время для того, чтобы претендовать на должность тренера-преподавателя, недостаточно иметь педагогическое образование; обучение тренера должно быть профильным, соответствующим сфере физической культуры и спорта. После поступления на работу дальнейшая деятельность тренера зависит от успешности прохождения аттестаций на соответствие занимаемой должности или получения квалификационных категорий. Таким образом, отметим, что требование профильного образования при соискании должности тренера-преподавателя, а также непрерывное обучение тренеров на протяжении трудовой деятельности являются показателями роста профессионализма в тренерском труде.

С ростом профессионализма тесно связано увеличение разнообразия тренерских компетенций. С каждым годом спорт становится более технологичным; при отсутствии передовых технических разработок в тренировочном процессе, спортивной экипировке и т.д. спортсмен не покажет высоких соревновательных результатов. Темпы технического прогресса ставят перед тренером задачу постоянного саморазвития. Если раньше тренерские разработки могли быть актуальными в течение нескольких лет, то в настоящее время устаревание информации происходит в более сжатые сроки. Поэтому умение работать с информацией, разбираться в технологических новшествах и внедрять наиболее подходящие наряду с более традиционными становятся одними из основных компетенций современного тренера.

В связи с тем, что тренерскому труду присуща многозадачность, вполне логично, что тренер в своей деятельности совмещает несколько профессиональных ролей, среди которых педагог, психолог, техник, администратор и т.д. Функция управления является отличительной особенностью тренерского труда. В своей деятельности тренер организует учебно-тренировочный процесс, координирует работу своей бригады, в которую могут входить хореограф, концертмейстер и ассистент; тренер также мотивирует и осуществляет функцию контроля за системой подготовки спортсменов в целом.

На предмет тренерского труда – уровень спортивной подготовленности спортсменов – оказывает непосредственное влияние его содержание. Социально-экономическое содержание тренерского труда в настоящее время обусловлено ростом профессионализма, разнообразием новых компетенций, а также многообразием трудовых функций, среди которых отличительной является функция управления.

Характеристики социально-экономического содержания тренерского труда взаимосвязаны с его основными элементами. Повышение требований к образованию и навыкам тренеров позволяет нам ограничить субъект тренерского труда профессиональным спортом. С усложнением средств тренерского труда в результате технологического процесса расширяется диапазон тренерских компетенций и функций, что способствует развитию системы труда тренеров. Описанные нами элементы социально-экономического содержания тренерского труда свидетельствуют о его динамике и усложнении, что, при его правильной организации

и эффективном стимулировании, может оказать положительное влияние на достижение целей этого труда на всех уровнях – муниципальном, уровне субъектов РФ и федеральном.

УДК 316.334:37

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В МЕГАПОЛИСЕ

Багирова Тамара Борисовна
старший преподаватель
E-mail: tbb2@bk.ru
Каташинских Варвара Сергеевна
кандидат социологических наук, доцент
E-mail: varvarass@bk.ru
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

SOME RESULTS OF THE BOLOGNA PROCESS IN THE CITY

Bagirova Tamara
Senior lecturer
Katashinskikh Varvara
Candidate of science, assistant professor
Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Задачи реформирования высшего профессионального образования в России сводятся в первую очередь к приведению данной системы к общемировым стандартам, а именно к переходу на двухуровневую систему высшего образования, введение системы академических кредитов, введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов. В соответствии с Декларацией Болонский процесс завершился в 2010 г. Не все задачи Болонского процесса решены в полном объеме, что часть из них привела к негативным проявлениям и последствиям со стороны студентов и преподавателей. Изучению этих проблем посвящена данная статья.

ABSTRACT – Problems of reforming of higher education in Russia are reduced first of all to reduction of this system to universal standards, namely to transition to the two-tier system of higher education, introduction of the system of the academic credits, introduction of mark and rating system of an assessment of knowledge of the students. According to the Declaration Bologna Process finished in 2010. Not all problems of the Bologna Process are decided in full. This article is devoted to studying of these problems.

Ключевые слова: Болонский процесс; бакалавриат; магистратура; академический кредит; балльно-рейтинговая система.

Key words: Bologna process; Bachelor; Master; academic credit; mark and rating system of an assessment.

В сентябре 2003 г. Россия официально присоединилась к Болонскому процессу. Участие России в Болонском процессе следует рассматривать не только в контексте реформирования института высшего профессионального образования, но и шире – в контексте реформирования института образования в целом в конечном итоге направленного на повышение качества всей системы образования России, повышения роли России на рынке образовательных услуг. Так как Болонский процесс ориентирован на унификацию и гармонизацию сферы высшего образования, в 2010 г. Россия вместе с другими странами-участниками конвенции перешла к новой организации системы высшего образования, однотипным образовательным циклам, единым требованиям [3]. При этом унификация систем высшего профессионального образования не отрицает возможности конкуренции различных образовательных программ.

Задачи реформирования института высшего профессионального образования в России сводятся в первую очередь к приведению данной системы к общемировым стандартам. Таким образом, реформирование высшего образования в России реализуется в соответствии с положениями Болонского процесса. Основные нововведения в системе российского высшего профессионального образования касаются трех направлений: переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат – магистратура); введение системы академических кредитов; рейтинговой системы оценки качества образования студентов.

Анализируя результаты реализации положений Болонского процесса, мы говорим в первую очередь о мегаполисах, так как на данный момент именно они являются центрами образования и науки в России. В мегаполисах наиболее полно реализуются те или иные новшества, которые предусматривает трансформация российского высшего образования.

Наиболее важным нововведением является введение двухуровневой системы высшего образования. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российский Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» от 17 октября 2007 г. гласил: «В Российской Федерации устанавливаются следующие уровни высшего профессионального образования:

– высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу, успешно прошедшему итоговую аттестацию, квалификации (степени) «бакалавр» - бакалавриат;

– высшее профессиональное образование, подтверждаемое присвоением лицу успешно прошедшему итоговую аттестацию квалификации (степени) «специалист» или квалификации (степени) «магистр» - подготовка специалиста или магистратура. (ст.2 п.2)».

«Нормативные сроки освоения основных образовательных программ высшего профессионального образования по очной форме обучения составляют:

– для получения квалификации (степени) «бакалавр» - четыре года;
– для получения квалификации (степени) «специалист» - не менее пяти лет;
– для получения квалификации (степени) «магистр» - два года (ст.2 п.4)».

«Квалификация (степень) «бакалавр», квалификация (степень) «специалист», квалификация (степень) «магистр» при поступлении на работу дают гражданину право претендовать на занятие должности, для которой квалификационными требованиями предусмотрено высшее профессиональное образование, если иное не установлено федеральными законами (ст.2 п.7)» [8].

С нашей точки зрения наличие трех квалификаций (бакалавр, специалист и магистр) несколько усложняет существующую ситуацию, вызывает некую путаницу. В качестве выхода из этой ситуации нам представляется необходимым создание четкого перечня специальностей, по окончании обучения на которых выпускникам будет присуждаться та или иная степень. К сожалению, на данный момент зачастую в вузах Екатеринбурга на одних и тех же специальностях готовят и бакалавров, и специалистов, и магистров.

Одним из достоинств новой системы считается то, что она расширит возможности студентов. Ведь отныне они смогут получать углубленное образование (и степень магистра) не только в своем вузе, но и в любом другом, по крайней мере, теоретически. По нашему мнению, введение двухуровневой модели высшего профессионального образования позитивно с точки зрения процессов глобализации. Ведь унификация российского образования расширит профессиональные горизонты и для студентов, и для преподавателей. Неизбежно возрастет академическая мобильность, появится больше возможностей для обмена профессиональным опытом с коллегами из других стран. Наличие разных квалификаций у выпускников вузов создаст некую иерархию на рынке труда. Безусловно, это позитивный процесс, ведь различные квалификации в современном обществе станут дополнительным конкурентным преимуществом.

Введение системы академических кредитов также является новшеством в российской системе высшего профессионального образования. Академические кредиты или зачетные единицы – это своего рода «евро», «общая валюта» в сфере высшего образования. Чтобы результаты обучения были сравнимы, их надо оценивать в рамках некоторой общей системы. В

Европе наиболее распространена система ECTS (European Credit Transfer System, Европейская система перевода (перезачета) кредитов) [7]. Система зачетных единиц выполняет две основные функции. Первая – перезачет курсов, полученных в другом вузе; иначе говоря, необходимую сумму единиц студент может набрать частично в другом вузе, а его «собственный» вуз должен их студенту (пере)зачесть. Действительно, без этого условия академическая мобильность практически невозможна. Вторая функция – накопительная. Студент может в силу разных причин получать образование «порциями», с разрывом во времени, меняя вузы и т.д. Если не оговорено, что какие-то конкретные результаты более не действительны (например, в силу устаревания данного курса), зачетные единицы накапливаются, пока студент не наберет их нужную сумму для получения соответствующей академической степени (бакалавра, магистра). Разумеется, возможность перезачета и накопления кредитов обусловлена доверием между вузами, сопоставимостью их учебных программ, возможностью, вводя поправочные коэффициенты, учитывать разный удельный вес лекций, семинаров, лабораторных работ, самостоятельной работы студентов и т.д. Студент получает соответствующую сумму зачетных единиц только в том случае, если он положительно аттестован по данному курсу, виду занятий, то есть если он получил балл не ниже заданного (в российской системе это оценка «удовлетворительно»). Балльная оценка в документах (во вкладыше-приложении к диплому) указывается параллельно с суммой набранных кредитов.

Существующие и используемые в различных странах мира системы кредитов отличаются не только своим основным назначением, но и подходом к понятию и определению «кредита». Кредитно-зачетные системы, как правило, исходят из понятия и определения кредита как единицы оценки трудозатрат на освоение образовательной программы или ее части. Кредитно-накопительные системы в основном определяют кредит как единицу оценки результатов освоения образовательных программ – приобретаемых знаний, умений и навыков.

С нашей точки зрения, внедрение системы академических кредитов должно благоприятно сказаться на усилении академической мобильности российских студентов. Ведь среди студентов Екатеринбурга, несмотря на то, что он является центром Уральского региона, на данный момент академическая мобильность студентов практически отсутствует. Студенты меняют вуз в силу различных внешних причин, чаще всего личного характера (переезд, финансовые трудности и т.п.), и практически никогда смена вуза не происходит в научных целях, в целях обмена опытом. Имея же определенное количество кредитных единиц, студент сможет мигрировать из вуза в вуз, приобретая дополнительные знания и навыки. С другой стороны, существует определенный рейтинг вузов, и полученные кредитные единицы в вузах со средними и низкими показателями не должны быть приравнены к единицам, полученным студентами в «сильных» вузах. Для этого опять-таки должна быть создана четкая система, на основании которой в каждом конкретном вузе, исходя из его рейтинга, а также достижений студента, ему будет присвоено какое-то количество единиц.

По нашему мнению, академические кредиты нужны также для определения работодателем весомости полученных студентом знаний и навыков по каждой дисциплине, а также для того, чтобы поддерживать систему академической мобильности студентов. Благодаря академическим кредитам студент сможет в течение достаточно длительных периодов учиться в других вузах, получая академические кредиты, которые базовый вуз должен засчитать в счет основного образования и использовать при принятии решения о выдаче диплома.

В последние годы в вузах Екатеринбурга стала применяться балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов. Однако сложность ее реализации заключается в том, что рейтинговый контроль знаний студентов предусматривает новое построение всего учебного процесса в вузе. Проблемным вопросом в реализации рейтинговой системы оценки успеваемости студентов остается шкала оценок. Традиционно в отечественной высшей школе применяется оценка знаний студентов либо двухвариантная («зачтено», «не зачтено»), либо четырехвариантная (или соответствующая оценка в баллах: 2, 3, 4, 5). Однако для реализации задач, предусматриваемых реформой высшего образования, данный подход представляется недостаточно гибким. Кроме того, при осуществлении рейтингового контроля знаний

студентов, необходимо учесть специфику каждого преподаваемого предмета. Остаются обсуждаемыми вопросы о методах оценки знаний студентов при рейтинговом контроле (устный, письменный, компьютерный контроль и т.д.), а также общая технология реализации балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов.

Тем не менее, анкетный опрос, проведенный авторами среди студентов вузов Екатеринбурга в 2011-2014 гг., показал, что 89% преподавателей используют в учебном процессе рейтинговую систему оценки знаний; из них 37% - полностью, остальные – частично. Положительно или в основном положительно оценивают использование рейтинговой системы в учебном процессе 85% опрошенных.

С нашей точки зрения, балльно-рейтинговая система оценки знаний, безусловно, удобна, чем больше шкала, тем более точно можно оценить знания студента. С другой стороны, для успешной конвертации дипломов, применения системы академических кредитов и возросшей мобильности студентов балльно-рейтинговая система должна быть единой не только по всей стране, но и на всем европейском образовательном пространстве. Ясно, что унификация систем оценивания знаний студентов крайне сложный процесс, начиная с того, что не то, что в разных странах, в разных вузах одни и те же дисциплины включают в себя разный набор информации, заканчивая традициями, сложившимися в оценивании знаний студентов в той или иной модели высшего образования. Поэтому, по нашему мнению, эффективное применение балльно-рейтинговой системы возможно только после окончания формирования единого образовательного пространства на континенте, завершения процесса унификации образовательных программ, а также внедрения реальной практики конвертации дипломов.

В соответствии с Декларацией от 1999 г. Болонский процесс завершился в 2010 г. путем построения европейского пространства высшего образования (ЕПВО). Произошел «переход, который должен привести к пересмотру философии развития высшего образования на различных его уровнях: политическом, управленческом, социальном и т. д.» [1; 12]. Об этом заявили 11 марта 2010 г. в Будапеште и 12 марта в Вене министры, ответственные за высшее образование, в 47 странах-участницах Болонского процесса. Цель построения глобально конкурентоспособного и привлекательного европейского высшего образования (в том числе и для студентов неевропейских стран) заявленная в Болонской декларации в 1999 г. достигнута, ...или «достигнута в основном» [5]. Министры признали, что не все задачи Болонского процесса решены в полном объеме, что часть из них привела к негативным проявлениям и последствиям со стороны студентов и преподавателей. Мы согласны с тем, что среди главных приоритетов дальнейшего плана формирования единого европейского образовательного пространства, а также институционализации магистратуры в России, должно быть сохранение академических свобод, автономности и ответственности высших учебных заведений, создание благоприятных условий для преподавателей и студентов, обеспечение равных возможностей для получения качественного образования, подтверждение общественной значимости и государственных обязательств в области высшего образования. Эти постулаты были определены на встрече министров образования 2010 г. Также прозвучали отчеты всех основных игроков – европейских структур высшего образования. Были представлены результаты социологических и аналитических исследований влияния Болонского процесса на трансформацию и развитие высшего образования в Европе.

Что касается России, то можно говорить о том, что большинство целей Болонского процесса не достигнуты. Болонская декларация одной из целей ставила «принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней, в том числе, через внедрение Приложения к диплому, для обеспечения возможности трудоустройства европейских граждан и повышения международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования» [2]. Если принятие степеней бакалавр и магистр произошло, то нельзя сказать, что степени, применяемые в России, легко понимаемы и сопоставимы с теми, которые присваивают выпускникам в Европе. Что касается международного Приложения к диплому, то в России, в частности, в Екатеринбурге, оно на сегодняшний момент выдается лишь в единичных вузах, по

желанию студента, за дополнительную плату и трудоустроиться с ним в Европе практически невозможно.

Другим значимым положением Болонской декларации было провозглашено «внедрение системы кредитов по типу ECTS – европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости, как надлежащего средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности. Кредиты могут быть получены также и в рамках образования, не являющегося высшим, включая обучение в течение всей жизни, если они признаются принимающими заинтересованными университетами» [2]. В России система академических кредитов отсутствует. Безусловно, практика перезачета дисциплин существует, но она вовсе не основана на кредитной схеме.

Болонская декларация содержит положения, касающееся международной мобильности, которая должна стать значимым результатом всего хода Болонского процесса – «содействие мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения, обращая внимание на следующее: учащимся должен быть обеспечен доступ к возможности получения образования и практической подготовки, а также к сопутствующим услугам; преподавателям, исследователям и административному персоналу должны быть обеспечены признание, и зачет периодов времени, затраченного на проведение исследований, преподавание и стажировку в европейском регионе, без нанесения ущерба их правам, установленным законом» [2]. К сожалению, в Екатеринбурге, как и в других крупных городах России, на сегодняшний день международная мобильность практически отсутствует. Те преподаватели и студенты, которые выезжают учиться / работать за рубеж, делают это по собственной инициативе, благодаря грантам, конкурсам или даже за свой счет.

Болонской декларацией была провозглашена также необходимость унификации образовательных программ для того, чтобы дипломы были конвертируемы во всех странах общеевропейского образовательного пространства. «Содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании, особенно относительно развития учебных планов, межинституционального сотрудничества, схем мобильности, совместных программ обучения, практической подготовки и проведения научных исследований» [2]. В последние годы учебные планы, программы обучения в наших вузах меняются в соответствии с требованиями для подготовки бакалавров и магистров, но данный процесс находится еще в самом начале своего становления. А международное сотрудничество, схемы мобильности, совместные программы обучения развиты в недостаточной степени.

Значимым постулатом Болонской декларации является «содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий» [2]. В России в последние годы действительно уделяется большое значение качеству образования, создаются новые методики оценки контроля качества. Но об унификации с европейскими стандартами говорить пока рано, хотя обеспечение качества высшего профессионального образования, как уже отмечалось выше, является важнейшим направлением всей образовательной политики государства. Система контроля качества образования должна быть четкой, эффективной, жестко выверенной, ведь недостатки процесса обучения трудновосполнимы в дальнейшем. Система контроля качества является краеугольным камнем всей модели образования, особенно это касается высшего профессионального образования. И мы, бесспорно, соглашаемся с тем, что оценка качества образования и его контроль является важнейшей задачей, решаемой в ходе Болонского процесса.

Особое внимание в Болонском процессе на всех уровнях и направлениях деятельности уделяется участию студентов. Студенты должны быть ориентированы на определенную ступень образования, с учетом потребностей в профессионализме разного уровня.

Интеграция российской высшей школы в общеевропейскую (общемировую) систему высшего образования сохраняет возможность традиционной для России пятилетней подготовки специалиста, одновременно с введением западной двухуровневой системы высшего образования: бакалавриата и магистратуры. В большинстве вузов Екатеринбурга все три вышеперечисленные системы (двухуровневая система обучения, система академических

кредитов, балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов) так или иначе внедряются в образовательное пространство. О результатах на данный момент говорить сложно, так как многие преподаватели, студенты и другие участники образовательного процесса не в полной мере адаптировались к этим изменениям. С уверенностью можно говорить лишь о том, что ни одно из нововведений в любой сфере жизни общества не бывает абсолютно позитивным. Всегда имеют место негативные последствия, противоречия и т.п. Что касается особенностей и противоречий, актуализирующихся в вузах Екатеринбурга (как, собственно, и всей России), на наш взгляд, наиболее значимым являются противоречия между сутью магистерского и бакалаврского образования в теории и реальной ситуацией на практике. По сей день остается значимое число студентов, которое получает диплом ради «корочки», уже с первого курса отдавая себе отчет в том, что никогда не будут работать по специальности, которые поступают в вуз по требованию родителей, а не собственным пожеланиям и стремлениям.

Список литературы:

1. Артамонова Е.И. Особенности организации многоуровневого педагогического образования и его функционирования в рамках Болонского процесса // Педагогическое образование и наука: научно-методический журнал. Под ред.: Абдуллин Э.Б. и др. №8, 2011. С. 8-16.
2. Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования. г. Болонья, 19 июня 1999 года [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/
3. Калмычкова Е.Н., Ильина И.П., Дюсуше О.М. Институциональный анализ реформирования системы высшего образования в России. Сетевой электронный научный журнал "Системотехника", № 8, 2010 г. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://systech.miem.edu.ru/?q=19
4. Котова Ю.Н. Проблемы реализации рейтинговой системы оценки успеваемости студентов [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.nngasu.ru/word/nfpk/sbor/3 1.doc
5. Мотова Г.Н. Болонский процесс: промежуточный итог / Аккредитация в образовании, 26.04.2010 [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.akvobr.ru/bolonskii_process_promezhutochnyi_itog.html
6. Мягкий путь вхождения российских вузов в Болонский процесс. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 352 с.
7. Опыт российских вузов по использованию кредитов / по материалам научных исследований, выполненных МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках проекта ФПРО 2005 года и национального проекта 2006 года [Электронный ресурс] – режим доступа: http://inpro.msu.ru/PDF/kredit-ru.pdf
8. Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 2007 г. N 57-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.rg.ru/2007/04/24/zakony-izmenenia-dok.htmlФедеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html

УДК 316.444.5-057.87

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЁЖИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ[1]

Банникова Людмила Николаевна

доктор оциологических наук, профессор,

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

E-mai: bannikov@planet-a.ru

Согрина Валентина Николаевна

кандидат философских наук, доцент,

[1]Статья подготовлена в рамках проекта №13-06-96013 « Формирование современной технической элиты в условиях модернизации экономики Свердловской области: проектирование модели непрерывного инженерного образования», поддержанного РФФИ-Урал.

Тюменский государственный медицинский институт, Тюмень
E-mai:Vsogrina@mail.ru

SOCIO-PROFESSIONAL CHOICE OF YOUTH: THE REALITY AND CHALLENGES

Ludmila N. Bannikova
Doc.Sc.(Philosophy), Prof
Ural Federal University, Ekaterinburg.
Valentina N. Sogrina
cand. of philosophy, Assoc. Prof,
Tyumen State Medical Institute, Tyumen

АННОТАЦИЯ – В статье обозначены проблемы и противоречия реализации социально-профессиональных выборов молодёжи. Проводится анализ существующих практик, областных программ профориентационной работы с учащейся молодёжью. Обоснована актуальность разработки новой идеологии и методов реализации деятельности по профессиональной ориентации молодежи.

ABSTRACT – The article indicated by the problems and contradictions of implementing social and professional choices of young people. The analysis of the existing practices of regional programs of vocational guidance work with young students. The urgency to develop a new ideology and methods of implementation of activities for professional orientation of youth.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, выбор, система профессиональной ориентации.

Keywords: professional self-determination, choice, career guidance system.

Весь спектр институциональных проблем и противоречий в сфере образования, занятости молодёжи современного общества отражается в неустойчивости и парадоксах социально-профессионального выбора. Выбор профессии – один из серьезнейших шагов, стоящих перед каждым молодым человеком. От того, отвечает ли выбранная профессия его интересам и способностям, является ли востребованной на рынке труда, дает ли возможности для карьерного роста, зависит вся дальнейшая жизнь. Профориентация – первый шаг в сложном процессе *профессионального самоопределения* молодого человека. Выбор профессии для выпускников школ чаще всего соотносится с выбором профессионального образовательного учреждения, а для студентов – с трудоустройством после окончания вуза, выбором как места работы, так и способа поиска работы.

Среди проблем профессионального выбора особенно остро стоит вопрос о соотнесении выбираемой профессии с личными склонностями и способностями молодого человека. И тут можно выделить ряд аспектов проблемы:

- расплывчатый образ «будущей профессии»;
- отсутствие четкого представления о требованиях профессии к работнику;
- неумение (неподготовленность) многих выпускников школ (да и студентов) выявить свои склонности и способности, тем более – соотнести их с требованиями той или иной профессии. К сожалению, психодиагностика – слабое звено и системы профориентации и профессионального консалтинга;
- *перекосы в мотивации профессионального выбора молодых россиян*, фиксируемые в социологических исследованиях и статистике (в частности, приоритет гуманитарных специальностей в сравнении с инженерными, выбор профессий, требующих высшего образования, и недооценка квалифицированных рабочих профессий).

Сложившаяся в настоящее время отраслевая система профессиональной ориентации молодежи позволяет решить эту проблему не в полной мере. Это важнейшие направления работы с молодёжью и не случайно повышенное внимание органов власти и общественных организаций к решению этих проблем. Так, молодёжное правительство Свердловской обла-

сти в своём проекте «Формирование единой системы профориентационной работы в системе образования Свердловской области» определило ряд направлений помощи молодёжи в целенаправленном и осознанном выборе профессии, популяризации и повышении престижа профессий, востребованных на рынке труда. Разработана и реализуется областная комплексная целевая «Программа профориентационной работы в системе образования Свердловской области» [1]. Основная цель этой программы – развитие условий для профессионального самоопределения обучающихся через формирование инфраструктуры профориентационной работы в системе образования Свердловской области с учетом потребностей регионального рынка труда. Существующие теория и практика профориентационной работы свидетельствуют о ведущей роли системы образования в ее организации. Именно поэтому в данной Концепции центральным звеном профориентационной работы определена система образования Свердловской области, основные идеи и механизмы развития системы профориентационной работы соотнесены со стратегическими задачами и направлениями развития системы образования и со стратегией инновационного развития страны и региона до 2020 г. В перечне задач Программы *акцент на взаимодействие и согласованность* в профориентационной работе учреждений системы образования Свердловской области и работодателей, ведомственных служб и учреждений, общественных организаций, всей сети учреждений и организаций, занимающихся профориентацией граждан, развитие единой информационной системы профориентации.

Особенно острыми являются проблемы дефицита квалифицированных рабочих и инженерных кадров. Вопросы подготовки инженерных кадров обсуждаются в последнее время на самом высоком правительственном уровне, являются предметом особого внимания первых лих государства. Они актуализируется как по демографическим причинам (падения численности населения в трудоспособном возрасте), так и вследствие структурных перекосов рынка труда. Между тем, количественная и качественная потребность в элитных рабочих и инженерных кадрах в ближайшей перспективе будет возрастать, что связано не столько с необходимостью поддержания существующей техносферы, сколько с реализацией инновационных стратегий развития страны и Уральского региона. Исследователи справедливо определяют современную ситуацию как дефицит инженерных кадров при их массовом выпуске, когда число специалистов с высшим техническим образованием растет, но не увеличивается количество желающих работать на инженерных должностях, которые часто занимают практики без высшего образования. Этот негативный процесс получил название «деинженеризации» современного производства, потери инженерами своей квалификации и их миграции в непроизводственную сферу.

Проблему дефицита рабочих и инженерных кадров административными методами, в частности только увеличением государственного задания на подготовку техников, инженеров решить нельзя. Проблемы организации системы инженерной подготовки значительно серьёзнее. Это и внутренние проблемы системы профессиональной подготовки инженеров, устаревающее содержание образовательных программ, недостаточная практическая ориентированность, слабая взаимосвязь с международными стандартами подготовки современных инженеров, квалификация преподавательских кадров. Это и не менее «больные» и сложные проблемы, существующие вне системы профессионального образования, такие как проблемы гарантий трудоустройства молодых специалистов, невысокого социального престижа инженерной профессии, и, как следствие, низкой мотивации абитуриентов на поступление на инженерные специальности. Не случайно, эксперты настаивают на необходимости безотлагательного восстановления системы профориентационной работы среди старших школьников, реализации конкретных мер по организационной поддержке и психологическому сопровождению выбора профессии в 14-16 лет, построении специальной системы трудоустройства молодёжи не позднее 2015 г. (в том числе, поддержка первого трудоустройства после окончания СПО и ВПО, создание молодёжных структур по подбору молодых кадров, организация летней трудовой занятости в 14-16 лет, рабочих мест для студентов, стимулирование молодёжного предпринимательства). Проблема мотивации школьников к выбору инженерных

профессий должна решаться через усиление профильного технологического обучения в школе, через развитие системы инженерных олимпиад, конкурсов, соревнований, развитие дополнительного образования технической направленности. Имеет значение и популяризация инженерной профессии, повышение престижности инженерного труда [1].

Для решения проблемы важен не столько рост количества планируемых мероприятий и программ, столько изменение идеологии профориентационной работы с молодёжью. Ближайшая цель такой работы – выровнять диспропорции на рынке труда, привлечь молодёжь к востребованным в регионе профессиям. Это актуальнейшая проблема восстановления и наращивания усилий по профессиональному информированию, психологическому сопровождению, организации профильной и предпрофильной подготовки молодёжи. Актуальны и заслуживают не только внимания, но и скорейшей реализации конкретные предложения образовательных учреждений, так и молодёжных организаций.

Удовлетворение текущих потребностей промышленных предприятий в квалифицированных, подготовленных «под заказ» специалистах не снимает проблему подготовки специалистов на будущее, «на вырост» нашей промышленности. Необходима генерация программ нового типа, которые будут формировать у выпускников компетенции системной инженерии, которую отличает целостный подход к восприятию инженерных проблем, развитие креативного мышления, способностей к командной работе в формируемых под заказ развивающихся прорывных технологических направлений инжиниринговых команд. Должна решаться задача подготовки технической элиты, специалистов мирового уровня, в том числе способных управлять крупными техническими проектами. Эффективности создания и воплощения подобных программ может способствовать сетевая форма их реализации с привлечением потенциала ряда ведущих, в том числе и зарубежных университетов и R&D центров (центры исследований и развития).

Процесс формирования профессионала не может быть сведён исключительно к передаче и усвоению суммы конкретных знаний и навыков. Подобная технократизация обучения, ориентация на выпуск узких специалистов выхолащивает суть профессионализма. Безусловно, первичная профессионализация включает в себя приобретение профессиональных умений и навыков, необходимых для успешного начала профессиональной деятельности, т.е. приобретение специальности. В силу своего характера, первичная профессионализация непосредственно связана с профессиональным образованием, ее целью и результатом является становление специалиста, поэтому она может быть охарактеризована как специализация. Не менее значима вторичная профессионализация или становление и развитие профессионализма личности в ходе трудовой деятельности на основе накопления и использования профессионального опыта, профессиональной активности человека и широкого мировоззренческого подхода к решению профессиональных задач.

Учет этого аспекта профессионального самоопределения предполагает, как минимум, восстановление и развитие системы профессиональной диагностики, основанной на разрабатываемых сегодня отраслевых (и корпоративных) профессиональных стандартах и выход на планирование карьерных стратегий молодых специалистов. При выборе вуза сегодня всё в меньшей степени учитываются способности к определенному виду деятельности. Этот параметр при выборе профессии в 1995 г. учитывал каждый четвертый студент – «технарь», а в 2012 г. – один из восьми опрошенных. Часто подобная ситуация определяется неумением оценить свои склонности, способности. Во многом *недооценка соответствия своих склонностей и способностей требованиям профессии* связана с происшедшими изменениями в ценностных ориентациях молодежи. Лишь один из 4-х студентов выделил «творчество, реализацию способностей» как наиболее значимую для него жизненную ценность [2]. Творческий, интересный характер работы значим лишь для трети всех опрошенных студентов , а для технарей и того меньше. Возможно, такая ситуация не случайна. Она, скорее всего, отражает реально существующее противоречие между творческим характером желаемого инженерного труда и дисциплиной инженерных подразделений и проектов. В повседневной практике творчество становится не то, чтобы совсем уж не нужным, но в конкретной работе,

проекте неудобным, ибо производство перестраивать придется. В условиях, когда ориентиром для страны становится модернизация, «инновационная экономика» (что является объективной необходимостью, тем более что Россия на этот путь вступает с серьезным отставанием от развитых индустриальных стран), отмеченная недооценка будущими специалистами соответствия профессии их склонностям и способностям ставит под угрозу подготовку инноваторов.

Вторичная профессионализация, в том числе проблема вторичного выбора будущих специалистов, то есть планирование будущей сферы приложения сил и знаний, принятие решений о том, чтобы «остаться в профессии» или трудоустройство молодых специалистов после окончания образовательного учреждения – проблема не менее острая и актуальная чем, первичный выбор профессии. Анализ динамики изменения планов студентов выявил *сохранение*, но не рост доминирующей ориентации на работу по специальности. *Работа не по специальности* стала явлением привычным, которое постепенно в силу «эффекта привыкания» становится нормой. Этот вывод сделан на основании более детального анализа вторичных профессиональных выборов студентов конкретных вузов.[2,146-150] Сравнительный анализ профессиональных планов студентов по ряду вузов позволяет сделать вывод о том, что обозначенная ранее *тенденция депрофессионализации* превращается в закономерность. Это не только и не столько потеря для института профессионального образования своей важнейшей функции предоставления профессии, пополнения профессиональных групп. Действительно, государство финансирует образование в данных сферах, но не получает кадры. Но это ещё и не менее значимая проблема демотивации обучения. Поскольку студенты не планируют работать по специальности, отсюда и формальное отношение к обучению. Несмотря на то, что популярность высшего образования не только не падает, но стабильно растет, «возможность высокого уровня профессионализма» значима лишь для половины опрошенных. Процесс депрофессионализации уже нашел соответствующее отражение в сознании молодежи. Большинство студентов проблемы с трудоустройством связывают не с профессией, а с отсутствием опыта работы. Они адекватно реагируют на требование большинства работодателей, для которых важна не профессия, а стаж работы, пытаясь совмещать учебный труд и периодические подработки.

Для достижения ближайших и перспективных целей реформирования системы профессионализации молодёжи наряду с привычными и не всегда эффективно действующими приёмами пропаганды и информирования (их никто не отменяет), нужно осваивать новые технологии и подходы в организации деятельности. Речь идёт о реализации принципа практико-ориентированности на всех этапах профориентационной деятельности.

Такой подход к организации взаимодействия профильной школы и вуза означает, например, возможность выхода старшеклассников в лаборатории для исследования той или иной проблематики и решения какой-либо проектной задачи под руководством вузовских преподавателей. В организации содержания профессионального образования означает привлечение работодателей на всех этапах организации учебного процесса: от участия в разработке программ обучения, до организации базовых кафедр на предприятиях. Это тем более значимо, что зачастую потенциальные работодатели во многих случаях не информированы о происходящих в системе образования переменах, либо разделяют сложившуюся негативную оценку работы образовательных организаций. В 2013 году в ходе опроса работодателей они оценивали подготовку выпускников вузов по инженерным профессиям на 3,7 балла по пятибалльной системе; по их мнению, примерно 40% поступающих на работу нуждаются в дополнительной подготовке.[3]

Сотрудничество на стадии разработки программы предполагает взаимосогласованное формирование результатов обучения по программе в целом и составляющим её модулям. Основой для определения результатов обучения являются профессиональные стандарты, соответствующие технологическим процессам предприятия-партнера, федеральные государственные образовательные стандарты или стандарты, установленные образовательной организацией самостоятельно, а так же лучшие мировые практики создания подобных программ,

мнение недавних выпускников, работающих по специальности, профессорско-преподавательского состава вуза и авторитетных экспертов в данном направлении подготовки. Существующие в России положительные практики подобной интеграции (например, УрФУ – Уральская горно-металлургическая компания) показывают, что совместная разработка программы и обучения выделенной целевой группы студентов в интересах конкретного предприятия-партнера позволяют актуализировать образовательные программы, существенно интенсифицировать и углубить практическую составляющую обучения и обеспечить требуемое заказчиком качество подготовки выпускников. Для пилотной апробации практико-ориентированных программ в 2013/2014 учебном году в 44 вуза страны принято на обучение в общей сложности 4346 человек, в том числе в УрФУ 410 человек.

Не менее важен тесно связанный с этим и другой*, проектный* принцип эффективной организации профориентационной деятельности. Практико-ориентированное обучение, основанное на регулярном выполнении обучающимися технических проектов нарастающей сложности. По инициативе СКОЛТЕХА и участии Томского политехнического университета и УрФУ в России реализуется программа развития инженерного образования CDIO-Академия, посвященная подготовке преподавателей и организаторов образовательного процесса к внедрению методологии проектного обучения будущих инженеров *(аббревиатура от терминов, определяющих все этапы жизненного цикла инженерной продукции: Задумай – Спроектируй – Реализуй – Управляй).*

Одной из сторон проблемы кадрового обеспечения промышленности является процесс вхождения молодых специалистов в производственную среду, адаптации к условиям трудовой деятельности. Этот период требует повышенного внимания и разноплановой поддержки молодых специалистов. Следует предусмотреть систему мер обеспечивающих возможность молодому специалисту реализовать свой творческий потенциал, закрепиться на предприятии. Такие меры достаточно хорошо известны – создание отдельных молодежных творческих коллективов для решения актуальных инновационных задач и реализацию проектов, конкурсы инженерных проектов и т.п. Существенным фактором является и обеспечение необходимых социальных условий для молодых специалистов.

Эти взаимосвязанные принципы стали основой разработки и реализации комплексной государственной программы «Инженерная школа Урала» на 2015 – 2020 годы, разработанной Высшей инженерной школой УрФУ при участии Совета главных конструкторов Свердловской области и специалистов Министерства общего и профессионального образования Свердловской области.

Список литературы:

1. Областная комплексная целевая программа «Программа профориентационной работы в системе образования Свердловской области » UR : http://www.myshared.ru/slide/663141/(дата обращения 10.01.2015)

2.Студент–2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга (дек. 2011 – январь 2012)/ отв. ред. Ю.Р. Вишневский. Екатеринбург: УрФу,2012.

3.Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23.06.2014. http://www.kremlin.ru/news/45962(дата обращения 12.01.2015)

УДК 338.48:316.74:338.486(470.54)

"САМОЦВЕТНОЕ КОЛЬЦО УРАЛА" КАК ИМИДЖЕВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Беликова Людмила Федоровна
кандидат философских наук, доцент
Российский государственный профессионально- педагогический университет, Екатеринбург

E-mail:lfb@bk.ru

"SEMI-PRECIOUS RING OF THE URALS" AS THE IMAGE SOCIOCULTURAL PROJECT OF SVERDLOVSK REGION

Liudmila Belikova
Candidate of Science, assistant professor,
Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В условиях активизации деятельности по формированию имиджа туристских регионов актуализируется внимание к созданию проектов туристских маршрутов на основе социокультурного подхода, реализация положений которого позволяет формировать социокультурную активность, социально-значимый опыт в освоении культурных ценностей участников предстоящих туристских программ посредством предварительной подготовительной работы с ними.

ABSTRACT – Under the conditions for invigoration of the activities in the formation of the image of tourist regions is actualized the attention to the creation of the projects of tourist routes on the basis of the sociocultural approach, the realization of positions of which makes it possible to form sociocultural activity, social- significant experience in the mastery of the cultural values of participants in the forthcoming tourist programs by means of the preliminary preparatory work with them.

Ключевые слова: Социально-культурное проектирование; имиджевые сциокультурные проекты туристских регионов; проектирование культурно-познавательного содержания туристских программ; предварительная подготовка туристов в рамках реализации социокультурных проектов; имиджевый проект Свердловской области «Самоцветное кольцо Урала».

Keywords: Sociocultural projecting, the image sociocultural projects of tourist regions, the design of the cultural and cognitive content of tourist programs, the preliminary training of the tourists within the framework of the realization of sociocultural projects, the image project of Sverdlovsk region «Semi-precious ring of the Urals».

В условиях активизации имиджевой политики туристских регионов все большую актуальность приобретают вопросы социокультурного проектирования в этой сфере. Социокультурное проектирование – это специфическая творческая деятельность, органично сочетающая нормативный и диагностический аспекты, целью которой является исследование и преобразование социокультурной сферы общества в соответствии с желаемыми свойствами и с учетом определенных ресурсов.

Как специфическая технология, социокультурное проектирование представляет собой конструктивную деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей. Проект в таком случае является средством сохранения или воссоздания социальных явлений и культурных феноменов, соответствующих (как количественно, так и качественно, содержательно) нормативному (желательному, должному) состоянию объекта. Применительно к туристической деятельности социокультурное проектирование означает необходимость проектирования особой культурной среды, воздействие которой повлияет на актуализацию духовно-познавательных процессов участников туристской программы, формирование социально-значимого опыта освоения ими культурных ценностей в процессе туристского маршрута [1].

Предметом таких проектов является конструирование предварительного виртуального перемещения туристов (ментального путешествия), изначально выстроенного организаторами как культурный «текст». Это может быть разработка проекта по предварительному ознакомлению туристов с особенностями культуры страны предполагаемого путешествия или уголка родного края; разработка программы по ознакомлению с определенной литературой, историческими и художественными источниками; проект подготовки экскурсантов к посе-

щению конкретного турмаршрута и т.п. В рамках такого подхода те или иные объекты культуры, с которыми соприкасаются участники уже в процессе путешествия, осваиваются ими как «узнавание» своего «запроса» на информацию и более глубокое постижение сведений об объектах туристской деятельности, полученных на подготовительной стадии туристской программы [1]. Таким образом, социокультурное проектирование в сфере организованного туризма сводится к конструированию организаторами туристских программ, содержащих продуманные культурные ориентиры, на основании чего затем проводится предварительная подготовка участников путешествий и экскурсий к знакомству с предстоящими туристскими объектами.

Социокультурное моделирование туристских программ предполагает разработку их организаторами прежде всего культурно-познавательного содержания в отличие от распространенной практики преимущественного внимания к внешним условиям перемещения туристов (условиям проживания, питания, транспортным средствам и т.д.); в отличие от формального и коммерческого подхода к туристам (как потребителям услуг). Организаторы туризма должны брать на себя ответственность за конечный результат своей деятельности, оцениваемый по социально-культурным критериям.

Особое значение социокультурный подход имеет в разработке имиджевых проектов туристских регионов: помимо возможностей существенного обогащения туристских программ различных видов он содержит потенциальные возможности активизации культурной политики и стратегии развития туристской деятельности с целью формирования (корректировки) имиджа того или иного региона посредством четко сформулированных целей и всестороннего учета местных ресурсов. Такие социокультурные проекты средствами культурно-ориентированного туризма способствуют решению многих социальных проблем регионов, стабильности и процветанию территорий, созданию региональных брендов. Именно моделирование «желательного» для организаторов и участников восприятия культурно-познавательной информации должно быть базовым для разработки таких проектов.

Примером апробации такого подхода может стать организация путешествий по «Самоцветному кольцу Урала», которое будет создано в Свердловской области в соответствии с утвержденным на 2015-2018 гг. областным проектом [2]. Этот проект автотуристского кластера включен в федеральную целевую программу, согласно которой в 2015 г. область получит 70 млн. руб., что станет первым случаем, когда в Свердловской области региональный проект в сфере туризма получит средства из федерального бюджета[3].

На маршрутах «Самоцветного кольца Урала» (635 км), где расположено 60% достопримечательностей Свердловской области, будет сооружено более 200 объектов туристической инфраструктуры, реализующих разные функции, предоставляющих разнообразные услуги путешественникам. Так, будут созданы объекты в сфере минералогического, сельского и делового туризма. Парком развлечений с элементами музея горнозаводской и промышленной тематики станет «Малахит-парк». Качественные услуги по оздоровлению будут предоставлять модернизированный санаторий «Самоцвет» и построенный бальнеологический комплекс в Тавде. На посещение детскими группами и семьями рассчитан планируемый к созданию «Парк уральских сказов»[4]. Главная целевая аудитория проекта – это туристы из соседних регионов, приезжающие на туры выходного дня, а также школьные туры, студенческие компании и деловые миссии. Реализация проекта станет новой точкой экономического роста восточных территорий; будет способствовать приобщению населения к культурно-историческим ценностям, развитию культурной политики в регионе; позволит привлечь российских и зарубежных туристов к данной дестинации; сформирует благоприятный имидж Свердловской области как престижного туристского региона [4].

Особое место на маршрутах «Самоцветного кольца» занимает «Парк уральских сказов» (с предполагаемым потоком туристов в 30-50 тыс. человек в год). Авторы проекта «Парк уральских сказов», ориентированного, на проведение крупных детских мероприятий (коллектив ООО «ТурЭкспоСервис» – Детское Бюро путешествий и экскурсий), давно занимаются Бажовской темой – пропагандой, сохранением и реконструкцией всего того, что свя-

зано с творчеством знаменитого уральского писателя Павла Петровича Бажова. На различных маршрутах парка под г. Арамилем предполагается разместить четыре группы объектов, связанных с героями сказов П. П. Бажова: Дом Хозяйки Медной горы, Детскую площадку «Живинка в деле», Дом Дедушки Мороза и Снегурочки, Крестьянскую усадьбу, Чайную бабушки Вихорихи, Мастерскую Данилы Мастера, Амфитеатр, Ярангу, Чум, Юрту, Шалаш, Дом мастериц, Охотничий домик дедушки Коковани, Дом-кузницу, Гончарную мастерскую, Пекарню, Контактный зоопарк, Ресторанный двор, Дом сапожника, Гостиничный комплекс, Крестьянскую школу и др.

Социокульное содержание реализации проекта предполагает разработку социокультурных программ путешествий по маршрутам парка, которые помогут реализовать все представления и ожидания юных туристов, связанные с произведениями П. П. Бажова, с достопримечательностями уральского края. Этому будет способствовать использование рекреационно-развлекательных, игровых моделей организации деятельности путешественников непосредственно в парке, с ярко выраженной эстетической и театрализованной компонентой их активности на основе зрелищной и художественно-образной информации. Так, в «Чайной бабушки Вихорихи» предполагается проведение мастер-классов на темы «Традиции чаепития», «Травушки-муравушки», «Чайная культура в разных странах мира»; также запланированы дегустация чая, изготовление подушечек, кукол из трав и др. В доме «Хозяйки Медной горы», оформленном соответственно сказочному описанию его Бажовым, будут проводиться инсценировки отрывков из сказов «Каменный цветок» или «Хозяйка Медной горы».

При этом новизна подхода к проектированию маршрутов в «Парке уральских сказов» связана с тем, что помимо традиционных составных элементов, они будут содержать блок материалов, направленных на тщательную культурологическую проработку предстоящего путешествия как виртуальной реальности, на предварительную подготовку туристов к будущему путешествию. Так, в программу, рассчитанную на 1-2 месяца предварительной работы с будущими экскурсантами - младшими школьниками, могут быть включены различные викторины, конкурсы рисунков, сочинений; разработка школьниками презентаций, организация различных игр (в т.ч. дистанционных компьютерных игр); элементы театрализованного туризма; организация общения между участниками маршрута после окончания тура для обсуждения полученной информации, для разработки планов или программ будущих маршрутов.

Каждый вариант такой экскурсии, разумеется, предполагает учет социокультурной дифференциации групп путешественников: их возрастных, социально-демографических, психологических и культурных особенностей. Например, приобщение групп путешественников с ограниченными возможностями и групп с ограниченной мобильностью посредством видеотуризма; использование новых возможностей в организации компьютерного туризма, театрализованного туризма без реальных перемещений.

Помимо этого, особенностью такого реального процесса социокультурного проектирования путешествий в «Парк уральских сказов» является объединение вокруг него по принципу социального партнерства следующих участников: педагогических коллективов образовательных учреждений; специалистов турфирм; родительской общественности; ученых; общественных организаций; инвесторов и др. Это могут быть творческие группы, временные коллективы, небольшие фирмы, создаваемые группами единомышленников. Участвуя в разработке и реализации различных социально-культурных проектов, эти субъекты туристской деятельности могут способствовать инновационной разработке новых идей и технологий организованного туризма в «Парке уральских сказов», расширению тематического поля детского туризма в Свердловской области, открытию новых перспектив для синтеза и взаимного обогащения туристских программ различных видов, образованию новых инициативных форм взаимодействия социальных партнеров в этой сфере совместной деятельности.

В целом, подобная работа в рамках социокультурного проектирования путешествий способствует созданию значимых социокультурных моделей туристских программ, актуализации социокультурной активности путешественников в рамках предстоящих туристских

программ, в конечном счете, формированию у них имиджевой привлекательности Свердловской области как престижного туристского региона.

Список литературы:

1. Кирова М.С. Социально-культурное проектирование в области организованного туризма. Автореферат Дис … канд. культурологии. Москва, 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/sotsialno-kulturnoe-proektirovanie-v-oblasti-rganizovannogo-turizma

2. Стехина Е. Проект «Самоцветное кольцо Урала» попал в госпрограмму [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ekb.dk.ru/news/proekt-samocvetnoe-kolco-urala-popal-v-gosprogrammu-236866979

3. Главный турпроект Свердловской области получит 70 млн руб. из федерального бюджета[Электронный ресурс] Режим доступа: https://news.mail.ru/inregions/ural/66/economics/20616314/?frommail=1\

4. Шафран А. Свердловская область станет одним из 12 «туристических» регионов РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ekb.dk.ru/news/sverdlovskaya-oblast-stanet-odnim-iz-12-turisticheskix-regionov-rf-236803563/news.mail.ru/

УДК 159.923

ОДИНОЧЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Берзин Борис Юрьевич
доктор философских наук, профессор,
Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
E-mail: boris.berzin@uapa.ru

LONELINESS IN THE SOCIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL DIMENSION

Boris Berzin
Doctor of Philosophy Science, Professor
Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy
of National Economy and the Public Administration
under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg,

АННОТАЦИЯ – Статья рассматривает социологический и психологический подход к исследованию проблемы одиночества. В качестве одной из предпосылок к формированию чувства одиночества на основе статистических данных анализируется такой социально-демографический признак как распределение частных домохозяйств по регионам России. Предлагается понимание одиночества как пространства на континууме коллективизм-индивидуализм.

ABSTRACT – Article considers sociological and psychological approach to research of a problem of loneliness. As a prerequisite to the formation of feelings of loneliness on the basis of statistical analyzes of such socio-demographic characteristics as the distribution of private households by regions of Russia. The understanding of loneliness as spaces on a continuum a collectivism individualism is offered

Ключевые слова: одиночество, отчуждение, коллективизм, индивидуализм, домохозяйства.

Keywords: loneliness, alienation, collectivism, individualism, households.

Проблема одиночества личности в меняющемся мире в той или иной мере всегда находилась в центре внимания философов и писателей, а в XX веке попала под прицел со-

циологов и психологов. В мире становится все больше одиноких людей, причем, если раньше традиционно считалось это неотъемлемой чертой пожилого возраста, то сегодня является общепризнанным факт «одиночества молодых». Особенно стали заметны масштабы распространения переживания одиночества с ростом числа городов, урбанизацией и глобальной информатизацией, со всеобщей доступностью к средствам массовой коммуникации. Ряд исследователей даже склонен признать одиночество «чумой» двадцатого столетия [1; 19].

Ученые, чаще всего, стремятся свести одиночество к одному из психических состояний человека, подчеркивают принципиальное различие между изоляцией (как вынужденным одиночеством) и собственно одиночеством. В научной литературе, как правило, принято выделять следующие подходы к исследованию проблем одиночества: *психологический, интеракционистский, когнитивный, социологический, феноменологический и экзистенционалистский*. Разумеется, это традиция европейской (западной) общественной мысли и развивается она преимущественно в рамках христианской цивилизации. На наш взгляд, выделение подобных точек зрения, подходов связано, прежде всего, с доминированием в западных учениях философии индивидуализма, с приматом интересов личности над интересами социума (Отчасти являясь отражением как раз интересов определенных социальных групп, находящихся у власти).

Во многих научных трудах обосновывается разумность названных концепций, в их основе лежат теории всемирно признанных авторов. Одновременно с излишней «психологизацией» налицо стремление нивелировать, приуменьшить роль и значение социальных детерминант, объясняющих, пусть с различных, иногда противоположных позиций сущность одиночества, условия и факторы, способствующие его возникновению. Наиболее тесно, на наш взгляд, одиночество, как социологическое понятие, связано с категорией *«отчуждение»*. Это отделение человека от самого себя и от других людей в результате воздействия общественных (социальных) сил, когда личность не способна стать (быть) хозяином самой себя, своих отношений с другими людьми. Отчуждение выступает деструктивной силой, человек становится «вещью», «предметом» в руках общества, социальных групп, исчезает его субъектность. Еще Гегель в «Феноменологии духа» подчеркивал, что на каждом историческом этапе отчуждение имеет свои особенности, и в условиях современного общества индивид выступает как обособленное от других людей существо, как «одинокая самость» [2; 259]. Весьма интересный анализ одиночества через категорию «отчуждение» проведен С. Г. Корчагиной в монографии «Генезис, виды и проявления одиночества». Определяя одиночество как «психическое состояние, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми» [3; 14], автор выделяет несколько видов одиночества: 1) отчуждающее одиночество (индивид осознает свое состояние и часто понимает чем оно обусловлено); 2) самоотчуждающее (потеря собственного «я», обезличенность общения, отчуждение от себя самого); 3) уединенность. Первые два вида являются пограничными состояниями и могут переходить в клиническую форму [2; 50-51].

Соглашаясь, в основном, с предложенным С. Г. Корчагиной пониманием одиночества, как процесса, как движения маятника по континууму от нормы до патологии, от идентификации до обособления, представляется, что в терминах социологии было бы точнее обозначить этот континуум как пространство между коллективизмом и индивидуализмом, между различными системами ценностей. Причем, в различные возрастные периоды жизни индивида их роль и значение могут меняться. Равновесное состояние устанавливается крайне редко. Чаще всего, одна из ценностей, коллективизм или индивидуализм, доминирует, а затем уступает свое место другой ценности [4; 25]. Именно крайние формы развития коллективизма и индивидуализма приводят к возникновению такого социального феномена как одиночество. В 1950 г. была опубликована книга «Одинокая толпа». Один из ее авторов Д. Рисмен для обоснования своей социологической концепции одиночества использовал демографический подход: он связал особенности формирования характера индивида с определенными изменениями в населении [5; 123]. Д. Рисмен выделил три типа людей:

а) *ориентированных «на традицию»* – в странах с высоким потенциальным приростом населения;
б) *ориентированных «на себя»* (появление контроля над собственной жизнью, интернализированная система целей и ценностей) – появляется в странах с переходным ростом населения;
в) *ориентированных «на других»* (особая восприимчивость к мнению и оценкам других, их ожиданиям и предложениям) – этот тип присущ, преимущественно, странам со спадом прироста населения [5; 124-128]. Именно среди лиц, ориентированных на других, по его мнению, чаще всего и появляется такое психическое состояние как одиночество. Ориентация «на других» предполагает потребность в получении эмоционального отклика на свои действия, поведение, на межличностную коммуникацию.

Нетрудно заметить, что предложенную Д. Рисменом классификацию достаточно просто идентифицировать с индивидуалистическим и коллективистским типом общества, с коллективизмом (ориентация на традицию) и индивидуализмом (ориентация на себя). Третья разновидность – «ориентация на других» является как раз промежуточным типом, выражающим крайне нестабильное состояние, зависящее от множества неопределенных факторов (мнений, оценок, настроений и чувств других людей, представляющих референтные для индивида группы). Если при ориентации на традицию ответственность может перекладываться на общество и индивидуальное «Я» присоединяется к коллективному «Мы», а при ориентации на себя главной становится ответственность перед собой, ответственность за себя, то при ориентации на других такой надежной опоры нет. Личность, не будучи самодостаточной, может испытывать неуверенность, страх перед настоящим и будущим, другие отрицательные эмоции. Если в качестве примера рассматривать семью как «других людей», направление ориентации индивида на вовне, то, используя также демографический подход, можно взять в качестве предмета социологического анализа домохозяйства, состоящие из одного человека. Причем интерес представляет как само количество людей, проживающих одиноко, так и факторы, которые их вынуждают (понуждают) к такому образу жизни. Следует отметить, что термин «изоляция», который часто используется для такого проживания в противовес одиночеству как сугубо психологическому состоянию, на наш взгляд, не совсем корректен. Изоляция, по мнению У. А. Садлера и Т. Б. Джонсона,– это состояние, которое можно наблюдать, регулировать и в какой-то степени контролировать [6; 24]. Но это состояние зависит от значения, которое ему придает человек. если оно ему доставляет удовольствие, то его нельзя рассматривать как одиночество. По нашему мнению, данная характеристика свидетельствует о позитивном переживании одиночества и более точным было бы использовать понятие «уединенность». Изоляция предполагает физическую или моральную форму искусственного, санкционированного отчуждения индивида от других людей, что, конечно, отнюдь не предполагает переживания чувства одиночества. (Для справки – на 1 декабря 2014 г. такой формы изоляции как лишение свободы в РФ было подвергнуто 671,7 тыс. человек [7]. Ежегодно число осужденных к лишению свободы превышает 200 тыс. человек).

Тем не менее, когда говорится о культурном, социальном или межличностном одиночестве, то речь идет не столько о деперсонализации и дереализации личности, сколько об определенном психологическом дискомфорте, который вызывается не только личностными особенностями индивида, но и конкретной жизненной ситуацией (Р. С. Вейс, 1973). Поэтому одиночное проживание индивида следует рассматривать и как возможный фактор формирования чувства одиночества. Российские демографы фиксируют в межпереписной период 2002-2010 гг. резкое увеличение числа и доли одиноких домохозяйств в общей структуре домохозяйств (А. И. Кузьмин, 2014).

Анализ материалов переписи населения 2010 г. [8] показал, что в целом в Российской Федерации насчитывается более 14 млн. домохозяйств с 1 человеком, что составляет 25,7% от всех домохозяйств, зарегистрированных на территории страны. 10,8 млн. таких домохозяйств находятся в городских населенных пунктах, 3,2 млн. – на селе. Наибольшее количество домохозяйств с 1 человеком зафиксировано в г. Санкт-Петербург (29,3%) и Северо-

Западном федеральном округе (28,8%). В два раза меньше таких домохозяйств в Северо-Кавказском федеральном округе (14,7%). Уральский федеральный округ по этому показателю размещается где-то посередине (25,8%). Среди субъектов РФ наименьшее число «одиноких» домохозяйств в Ингушетии (2,6%), Чечне (7,8%), Дагестане (8,6%), Кабардино-Балкарии (14,2%). Противоположная картина сложилась на северо-востоке и в центре страны – Чукотка (34,8%), Магаданская область (33,7%), Ивановская область (30,9%), Псковская область (30,8%; на селе эта цифра составляет 36,2%), Тверская область (30,7%). Близки к этим показателям Тульская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Смоленская, Рязанская и Новгородская области.

Субъекты РФ, входящие в состав Уральского Федерального округа, разделились по анализируемому показателю на 2 группы:

а) наиболее урбанизированные – Свердловская и Челябинская области – соответственно 27,3% и 27,3%, Курганская область – 26,7%;

б) Тюменская область 21,8%, Югра – 19,9%, Ямало-Ненецкий автономный округ – 19,3%. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югра доля домохозяйств с 1 человеком на селе значительно отличается от числа зарегистрированных в городских населенных пунктах (соответственно 26,1% и 19,3%).

Региональные различия в количестве «одиноких» домохозяйств весьма заметны. Причины, факторы различения требуют дальнейшего анализа. Вероятно, свою роль играют культурные, конфессиональные и этнические различия, особенности исторического развития регионов. В качестве одного из факторов мы попытались рассмотреть такой социально-демографический признак как возраст людей, которые и составляют домохозяйства с одним человеком. Для примера проанализируем группу регионов с наибольшим числом «одиноких» домохозяйств и группу с наименьшим. Как гипотезу рассмотрим предположение о том, что основная часть домохозяйств с 1 человеком – это лица старших возрастных групп (55 лет – 64 года; старше 65 лет). Наименьшее количество домохозяйств с 1 человеком в Северо-Кавказском федеральном округе. В округ входит 7 субъектов: 6 национальных республик и Ставропольский край. Анализ статистических данных показал, что наша гипотеза полностью подтверждается только в одном субъекте – Ставрополье. Во всех национальных республиках (за исключением Ингушетии, где практически нет различий) выделяется лишь одна возрастная группа – старше 65 лет, где количество «одиночных» домохозяйств составляет в среднем 10-15%. В Ставропольском крае таких групп две. В возрастной группе 55 лет – 64 года – 12%, в группе старше 65 лет – 24,4% [8].

В регионах, где выявлен достаточно высокий процент домохозяйств с 1 человеком заметно повышение удельного веса нескольких возрастных групп. Другой особенностью является отличие северо-восточных территорий РФ от центральных областей России. И на Чукотке, и в Магадане высок процент «одиноких» домохозяйств в разных возрастных группах. Так, например, в Чукотском автономном округе: в группе 18-24 года – 10,8%, 24-34 года – 12,6% , 35-44 года – 13,6% , 45-54 года – 18,5% , 55-64 года – 25,9%, старше 65 лет – 43,7%.

В центральных областях заметен значительный удельный вес возрастных групп старше 55 лет (это характерно для всех регионов России кроме Северного Кавказа). Так, например, Ивановская область – в группе 55-64 года 19% домохозяйств с 1 человеком, старше 65 лет - 38,5%; Тверская область – соответственно 18% и 38,1%; Псковская – 19,5 и 37,9%.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что социально-демографические факторы достаточно существенно влияют на создание условий, способствующих возникновению чувства одиночества. И государству, и обществу в целом стоит больше внимания обращать на регулирование этих процессов. Кроме того, через демографические особенности ярко проявляется и роль образа жизни, культуры и религии, которые либо способствуют, либо препятствуют переживанию одиночества.

Список литературы:

1. Лабиринты одиночества / Пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.:

Прогресс, 1989. 624 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. Система наук. Часть 1: Феноменология духа. М., 1959. 488 с.
3. Корчагина С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 196 с.
4. Грибакин А.В. Апология индивидуализма // Проблемы философской антропологии и философии культуры: Альманах. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999, с. 25 - 38.
5. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общества // Социс. 1993. № 3. С. 121-129.
6. Садлер Уильям Л., Джонсон Томас Б. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21-51.
7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы: статистическая информация [Электронный ресурс]. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika (дата обращения: 08.01.2015).
8. Число и размер частных домохозяйств по субъектам Российской Федерации // Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015).

УДК 316.652-057.875

СОЧЕТАНИЕ НЕСОЧЕТАЕМОГО ИЛИ СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ[1]

Боронина Людмила Николаевна
кандидат философских наук, доцент
E-mail:bulassmila@mail.ru
Ронжина Дарья Дмитриевна
магистрант
E-mail: rdd@list.ru
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

COMBINATION OF INCONGRUOUS OR STYLISTIC FEATURES OF STUDENTS VALUABLE ORIENTATIONS

Boronina Lyudmila
Ph.D., associate professor,
Ronzhina Daria
Master student,
Ural Federal University

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются различные методологические подходы и исследовательские практики молодежного сознания, выявляется специфика ценностных ориентаций студенческой молодежи Свердловской области. Отмечается главное качество ценностного сознания студенчества - его принципиальный амбивалентно - транзитивный характер, который оказывает непосредственное влияние на противоречивую направленность ценностных ориентаций. Выводы исследователей опираются на данные многолетнего мониторинга уральского студенчества.

ABSTRACT – The article discusses various methodological approaches and research practices of youth consciousness, revealed the specificity of students' value orientations of the Sverdlovsk region. Marked superior quality of students' value consciousness - its principal ambivalent -

[1] Статья подготовлена в рамках проекта№13-06-96013 « Формирование современной технической элиты в условиях модернизации экономики Свердловской области: проектирование модели непрерывного инженерного образования», поддержанного РФФИ-Урал.

transitive character which has a direct impact on the controversial direction of value orientations. Research findings are based on long-term data monitoring of Ural students.

Ключевые слова: студенческая молодежь, ценности, ценностные ориентации.

Key words: student youth, value, value orientations.

Проблема активизации молодежного ресурса для решения диверсификационных задач современной России является экономически важной и социально значимой задачей. Определение направлений, форм и методов работы с молодежью находится в прямой зависимости от знания и понимания возрастных, психологических и социокультурных особенностей данной социальной группы, ее проблем и основных тенденций развития в современных условиях. Молодежь – это стратегический резерв и социальный ресурс модернизационных процессов. От уровня и качества инновационного потенциала молодежи зависят цивилизационные перспективы российского общества.

В научных публикациях и СМИ состояние молодежной среды оценивается в широком диапазоне. Модальность оценок полярна – от критических, осуждающих и негативных определений молодежи как «потерянного», «растерянного» и «равнодушного» поколения, до восторженных и оптимистических суждений, идеализирующих молодое поколение [3]. Разрешение ряда противоречий, сложившихся в практике эмпирических исследований, актуализируют общественную необходимость изучения жизнедеятельности российской молодежи. Формирование объективного и адекватного образа современного молодого поколения должно стать основой для научно-обоснованной, социологически обеспеченной государственной молодежной политики. Для всех, кто работает с молодежью, очень важно иметь представления о том, что является значимым для молодежи, какими являются ее интересы, ожидания, предпочтения, ценности.

Ценность — это «синоним неравнодушия человека к тому или иному аспекту действительности»[1]. Ценности отражают значимость, личностный смысл для человека феноменов окружающего мира, как удовлетворяющие или способные удовлетворить его потребности и интересы. Ценности – это своеобразные маяки, ориентиры, «придерживаясь которых человек сохраняет свою определенность, внутреннюю последовательность своего поведения [4; 471]. Ценностные ориентации как индивидуальные эквиваленты ценностей являются традиционным предметом социологических исследований. Ценностные ориентации – это относительно устойчивое, избирательное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как цели и средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности человека. Изучение ценностных ориентаций молодежи интегрирует в себе совокупность методологических подходов, применяемых в различных исследовательских практиках. Выбираемые и разделяемые молодежью ценности отражают специфику молодежи как определенной социально-демографической группы, выявляя социальное качество молодежи, ее роль в воспроизводстве социальной структуры (стратификационный подход). Степень сформированности и динамика ценностных ориентаций позволяют выявить уровень социализации и качество институциализации молодого поколения (институциональный подход). Молодежные ценности, являясь квинтэссенцией молодежной субкультуры, отражают стиль жизни и нормы поведения (культурологический подход). Характер и направленность ценностно-ориентирующей деятельности, направленной на активное «исследование» социальной ситуации и построение плана собственной деятельности, подчеркивает активность молодого человека как субъекта ценностного отношения (тезаурусный подход). Соотношение в ценностном сознании молодежи традиционных и модернистских ценностей позволяет выявить ее инновационный, творческий потенциал, рассмотреть молодежь как серьезный ресурс социального развития (ресурсный подход). Наконец, недооценка возможностей и ресурсов ценностного потенциала молодежи порождает риски нисходящей мобильности молодежи, обусловливающих деградацию общества (рискологический подход).

Лидирующей группой молодежи является студенчество. Будучи самой интеллектуальной и духовной группой молодежи, студенчество является потенциальной элитой общества. Как «социальная группа переходного характера с «отложенным» включением в социальные отношения» [6; 172-173], студенчество своей транзитивностью позиционирует всю систему социального взаимодействия. Студенты – это будущие врачи, преподаватели, ученые, инженеры, архитекторы, строители, менеджеры, госчиновники. И в этом смысле студенческая молодежь – это интенсивная социальная проекция общества, фокус – группа будущего социума в целом. Специфика положения студенчества в обществе определяет и особенности ее ценностных ориентаций.

Исследование ценностных ориентаций студенчества Свердловской области осуществляется в рамках уникального в своем роде мониторинга, социологическая история которого насчитывает почти 20 лет [8]. Основой эмпирической модели мониторинга являлась *диспозиционная концепция личности*, в соответствии с которой высший уровень диспозиционной иерархии образуют ценностные ориентации, отражающие цели жизнедеятельности (терминальные ценности) и средства достижения этих целей (инструментальные ценности).

Обобщение результатов многолетних исследований позволило выявить основное и неизменное качество ценностного сознания студенчества – его *принципиальный амбивалентно-транзитивный* (переходный) характер, который оказывает непосредственное влияние на эклектичную направленность ценностных ориентаций: их *нелинейность и иерархичность*; *устойчивость и динамичность*; *прожективность и актуальность*; *универсальность и дифференцированность*; *эклектичность и диалектичность*; *традиционность и инновационность*; *институциональность и персональность.*

1. **Нелинейность и иерархичность ценностных ориентаций студентов.** Отличительной особенностью ценностных ориентаций студентов является их содержательное многообразие. Набор терминальных ценностей отражает важнейшие сферы самореализации студентов и систему их жизненных ориентаций. Это ценности частной жизни (здоровье, семья, дети,), экзистенциальные ценности (самостоятельность, независимость, свобода, личная безопасность), материальные (деньги, богатство), предпринимательские (иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией), профессиональные и трудовые ценности (интересная работа, образованность, профессионализм), коммуникативные (общение с друзьями), самореализиционные (творчество, реализация своих способностей), гедонистические (получение удовольствий), статусные (престиж, слава, власть) и эстетические (красота, прекрасное, общение с природой). Процессы личностного, профессионального, социального становления стимулируют студентов за очень короткий период времени спроецировать свои устремления на все сферы человеческой активности, что детерминирует нелинейный характер их ценностных притязаний. Вместе с тем, многообразие ценностных установок студентов не исключает их жесткой структурированности.

Модифицируя подход Н.И. Лапина [2], в иерархии ценностных приоритетов можно выделить *ценностное ядро, ценностный резерв и ценностную периферию*. Интегрирующее *ядро ценностных ориентаций* составляют общепринятые, социально одобряемые, идеологически нейтральные, универсальные ценности частной жизни – здоровье и семья. Их разделяет подавляющее большинство студентов, что является показателем высокой степени социализации и социального конформизма по отношению к данным ценностям.

Ценностный резерв представлен шестью группами ценностей – «возможность реализовать свои способности», «деньги, богатство», «интересная, творческая работа», «самостоятельность, независимость, свобода», «общение с друзьями», «образованность, профессионализм». Разрыв между невысоким статусом студента в настоящем и потенцией высокого статуса в будущем предопределяет резервную диспозицию профессиональных, трудовых, самореализационных и материальных ценностей.

К *ценностной периферии* можно отнести такие студенческие установки: «иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией», «получить от жизни как можно больше удовольствий», «власть», «красота и физическое совершенство», «личная безопасность», «признание

окружающих, престиж», «удовлетворенность в интимной жизни», «общение с природой». Эти ценностные позиции, имеющие самый низкий рейтинг, являются менее устойчивыми, подверженными ситуативному влиянию или распаду под действием текущей ситуации.

2. **Устойчивость и динамичность.** Устойчивость ценностных приоритетов студенчества – основной исследовательский вывод мониторинга. Эта устойчивость проявлялась в иерархии базовых, медианных и периферийных ценностей, удельным весе каждой ценности в этой иерархии и отсутствием значимого влияния на них социально-демографических различий респондентов. Результаты опроса последнего этапа мониторинга внесли в устойчивые ценностные диспозиции определенные изменения. В первую очередь это относится к снижению в 2012 г. удельного веса всех значимых ранее ценностных индикаторов – здоровья, семьи, материального благополучия, общения с друзьями, интересной работы, образованности и профессионализма, личной безопасности, независимости и свободы. На фоне мировоззренческой неопределенности молодежи и затяжного системного кризиса российского общества произошла примитивизация смыслов жизнесуществования студентов.

При сохранении третьей ранговой позиции, удельный вес прагматических и меркантильных ценностей существенно падает, от 56 % в 2003 г. до 37% – в 2012. Профессиональные, трудовые и коммуникативные ценности, традиционно конкурирующие с ценностями материального благополучия, также снижают свой удельный вес. Их значимость в 2012 г. снижается практически в два раза. Неизменными остаются ценности самореализицонные и гедонистические. Они сохраняют свой удельный вес на протяжении всего мониторинга. Более того, ценности самореализации оттесняют на второй план ведущие ранее материальные, коммуникативные и профессионально-трудовые ценности.

3. **Прожективность и актуальность.** Во многом ценностные трансформации можно объяснить сложной темпоральной природой ценностных ориентаций. В ретроспективе на формирование тех или иных ценностей взрослого индивида влияют социально-экономические условия, превалировавшие в годы его детства. Но ценностные приоритеты отражают и *актуальный статус* личности, ее социально-экономическое состояние, социально-психологическое самочувствие, спектр социальных и личных проблем. В ценностных ориентациях присутствуют и прожективные элементы, отражающие те потребности, которые наименее удовлетворены сегодня, но являются значимыми в контексте будущих устремлений субъекта. Иначе говоря, в ценностной ориентации субъекта в снятом виде содержится оценка прошлого, настоящего и будущего. Яркий пример – профессиональные ценности студентов, их отрицательная динамика. Снижение значимости профессиональных ценностей во многом определяется процессом и содержанием личностного выбора получаемой профессией до вуза. По оценкам 69% опрошенных, они «учатся там, где хотели, на их выбор никто не влиял». Интерес к профессии при выборе вуза проявляла только половина респондентов. Треть опрошенных при поступлении в вуз плохо представляла себе будущую профессию.

Ситуация мало меняется и в процессе обучения. 37 % студентов третьего курса все также плохо ориентируется в содержании и характере профессиональной деятельности по выбранной специальности. Большая часть тех, кто совмещает работу и учебу, отмечают, что их работа не связана с получаемой профессией (56 %). Да и сам процесс обучения выбранной специальности оставляет желать лучшего качества. Несмотря на все нововведения, качество образования не повысилось. Так думают 58 % респондентов. Недостаточность профессионализации процесса обучения сказывается на снижении роли профессиональных ценностей в сознании студенчества. Не менее любопытны прожективные профессиональные настроения и установки студентов. После окончания вуза хотели бы работать по специальности только 43 % опрошенных. Треть опрошенных в перспективном трудоустройстве уповает на социальный ресурс связей и знакомств. Только каждый второй рассчитывает на свои личностные качества и способности – характер, трудолюбие, обучаемость. Процесс образования для многих связан не столько с получением знаний и навыков по выбранной профессии, сколько выступает способом и временем развития свои природных склонностей и способностей (напомним, что *самореализационные ценности – творчество и реализация своих способно-*

стей - опережают в ценностной иерархии трудовые и профессиональные ценности). Да и специфика рынка труда сегодня не всем и не всегда позволяет реализовать свои профессиональные планы. Более половины опрошенных считают, что найти работу по специальности не так то просто. Противоречивыми оказываются и ценности будущей работы. На вопрос, что значимо, ценно в будущей работе, только половина опрошенных отметили значимость карьеры, достижения высокого уровня профессионализма. И почти такое же количество указали на возможность получать большие заработки.

4. **Универсальность и дифференцированность.** На степень устойчивости /изменчивости ценностных ориентаций студентов влияют их социально-демографические характеристики. Девушки традиционно в большей степени ориентированы на семейные ценности, юноши – в большей мере проявляют меркантильные и гедонистические устремления. На ценностную устойчивость оказывает влияние семенное положение респондентов. Для женатых (замужних) студентов более значимы ценности здоровья и семейные ценности. Для уже успевших развестись – в большей степени ценно материальное благополучие, власть и удовлетворенность в интимной жизни. Состоящие в гражданском браке чаще, чем другие, ценят независимость и свободу. На ценностные различия воздействует материальный статус родительской семьи студентов. Самая низкая ориентация на здоровье зафиксирована у респондентов, чье материальное положение ниже прожиточного уровня. Студенты из обеспеченных семей чаще воспроизводят высокий статус материальных ценностей (деньги, богатство), в большей степени оценивают значимость образованности и профессионализма, реализацию эстетических потребностей.

В альтернативах, образованных по типу корреляционных связей (государственный вуз или частный; контрактное обучение или бюджетное), бóльшее ценностное расхождение обнаруживается между респондентами, обучающимися в государственных и частных вузах. Последние - в большей мере ценят независимость и свободу, и в меньшей степени ориентированы на статусные и коммуникативные ценности. В целом ориентация на постматериальные ценности у них выше. Студенты-бюджетники в меньшей мере ориентированы на открытие собственного бизнеса, занятия коммерческой деятельностью.

Относительно устойчивыми терминальные ценности являются по отношению к профилю подготовки. Исключение составляют студенты, обучающиеся на естественнонаучных специальностях. Эта категория респондентов в меньшей мере, чем другие ориентированы на материальные ценности; они в два раза чаще фиксируют ценности общения с природой.

5. Эклектичность и диалектичность. Если терминальные ценности в опросе 2012 г. оказались достаточно «подвижными», то иерархия инструментальных ценностей осталась традиционной, неизменной на протяжении всего мониторинга. Эмпирическими индикаторами инструментальных ценностей являлись «связи и знакомства», «образование», «предприимчивость», «богатство», «власть». Среди факторов, обеспечивающих достижение успеха в жизни, по-прежнему, приоритетными являются связи и знакомства с нужными людьми. Процесс социального становления молодежи, выбора ею жизненного пути и стратегий развития, осуществляется через обучение и воспитание, усвоение и преобразование опыта старших поколений. В целом, положение молодёжи в обществе характеризуется как крайне нестабильное и противоречивое. С одной стороны молодежь представляет собой самую мобильную, динамичную часть общества; с другой стороны, в силу ограниченного характера её практической, созидательной деятельности, неполной включённости молодого человека в систему общественных отношений – самую социально неподготовленную, а значит и уязвимую её часть. Лишенная доступных для взрослого поколения средств достижения жизненного успеха, молодежь начинает приспосабливаться к той социокультурной и экономической ситуации, в которой она находится.

Тенденция, зафиксированная еще в 1999 г., подтверждается, и более того, усиливается. Жизненный комфорт, успех возможны, но при наличии необходимых условий, в качестве которых выступают связи с нужными людьми. Одинаковое процентное соотношение и второе ранговое место ценностей образования и предпринимательской активности уступают

значимости имеющихся или приобретаемых личностью социальных ресурсов. По-прежнему, сохраняется ценностное противоречие между тенденцией к постматериальным ценностным установкам и просоветским инструментальным набором - эклектическим сочетанием в российской экономике принципов двух разных экономических моделей – рыночной, и просоциалистической, где силен бюрократический рынок связей.

Интересен и другой феномен, подтверждающий эклектичность и противоречивость ценного сознания современного студента – меняющееся социально-коммуникативное пространство студентов. В значимом социальном окружении по-прежнему остается семья. Социально-желаемыми, но пока дистанцированными социальными отношениями, являются связи с влиятельными, статусными персонами. А вот друзья, традиционно игравшие значительную роль в терминальных ценностях, отходят на второй план. Сказывается влияние виртуального сетевого общения, значимость постматериальных ценностей с их ориентаций на автономность, креативность, самостоятельность, усиление все тех же прагматических установок. Во благо личного успеха в первую очередь желательно иметь влиятельные социальные связи и в меньшей степени ориентироваться на дружеские отношения. Индивидуалистический настрой – «каждый сам за себя» становится выше гуманных отношений взаимопонимания, дружеской поддержки и взаимопомощи.

Образование как фактор достижения жизненного успеха артикулирует лишь каждый третий респондент. Характер притязаний к образованию носит инструментальный характер. Образование рассматривается как средство перспективного конкурентоспособного положения на рынке труда и лишь затем как способ приобретения знаний. В своем подавляющем большинстве молодежь ориентирована на получение любого образования с минимальными усилиями – лишь бы получить диплом.

6. Традиционность и инновационность. Социологические опросы последних пятнадцати лет в качестве основного вывода фиксируют ценностно-нормативный кризис российской молодежи, связанный с переоценкой традиционных ценностей предшествующих поколений. Будучи справедливым для старшего поколения, воспринимающего крушение ценностей и идеалов советского общества как общественную и личную катастрофу, вряд ли этот вывод правомерен для молодежи. Для молодого поколения характерно *становление* ценностно-нормативной системы, что означает действие иных механизмов, нежели в ситуации переоценки ценностей. В условиях смены идеологических приоритетов процесс социализации, определяемый передачей молодому поколению норм и традиций, выработанных предшествующими поколениями, нарушился. Старшему поколению с традиционной просоветской системой ценностей сложно адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Молодому поколению еще сложнее, так как у него своей системы ценностей еще нет. По меткому выражению Э. Эриксона, молодой человек «должен как акробат на трапеции, одним мощным движением опустить перекладину детства, перепрыгнуть и ухватиться за следующую перекладину зрелости. Он должен сделать это за очень короткий промежуток времени, полагаясь на надежность тех, кого он должен отпустить, и тех, кто его примет на противоположной стороне» [10; 135].

Социализационные процессы, перестав быть традиционными, носят непредсказуемый, стихийный и малоуправляемый характер. В этих условиях молодежные представления о ценностях носят ноувистский характер и имеют индивидуально-личностную направленность, связанную с ориентациями на такие ценности, которые могут обеспечить в будущем высокий статус молодого человека. Стремление молодежи соединить либеральные ориентации (приватность, материальное благополучие, богатство, независимость и свобода, личная предприимчивость) с традиционными российскими ценностями (патернализм, социальность, безопасность) формирует ценностное сознание по принципам бинарности и линейной совместимости, комплементарности ценностных предпочтений.

7. **Институциональность и персональность.** Институциональные изменения системы высшего профессионального образования, связанные с внедрением уровневой подготовки специалистов различного профиля (бакалавриат, магистратура, аспирантура) должны

обеспечивать не только преемственность обучения, но и появление нового качества профессионального и социокультурного потенциала новой генерации профессиональных кадров. Исследование магистров и аспирантов технических направлений и специальностей в 2014 г. зафиксировало влияние индивидуальных мотивационных различий и профессиональных установок респондентов разных уровней обучения на иерархию терминальных и инструментальных ценностей. У магистров, в сравнении со студентами растет значимость профессиональных ценностей, у аспирантов - существенно повышается ценность самореализации и падает значимость материальных ценностей. Чем выше уровень обучения, определенность профессиональных планов и степень устойчивости профессиональных ценностей, тем сильнее закрепляется тенденция к повышению значимости собственной активности, личной предприимчивости, профессиональной образованности в иерархии инструментальных ценностей.

Подводя итог характеристике ценностного сознания наших студентов, следует еще раз отметить, что молодежная, студенческая среда четко копирует и зеркальным образом отражает в себе наиболее значимые происходящие в российском обществе изменения. Сложные общественные явления, неоднозначность и неоднородность политических и экономических событий влияет на формирование ее социальных идеалов и ценностей. У студенческой молодежи, как и в обществе в целом, отсутствует единая, устоявшаяся система и иерархия ценностей. Сосуществование преемственности традиционных ценностей, исторически присущих нашей ментальности и распространяющихся новых либеральных (потребительских) интересов, свидетельствует о неоднозначности, противоречивости и дифференцированности ценностного сознания молодежи.

Сочетание несочетаемого – базовая характеристика сознания молодежи и его главная ценность. Подобно стилю фьюжн, молодежь в своем сознании «миксует» все, что ей захочется и «смотрит», что из этого получится [7]. Фьюжн «не имеет каких-либо обязательных элементов, его отличительной особенностью является слияние культур, традиций, стилей» [9]. Молодое поколение, как герои поэм В. Хлебникова – олицетворяют собой разные культуры. «Приятие разных культур» означает «приятие человечества как целого» [5; 522]. С другой стороны, «слияние» контрастных значений в ценностном сознании студенческой молодежи, вскрывая противоречие между традиционной оценкой ценности и его подлинной значимостью для нее, не только отражает динамику бытия и мышления молодого поколения, но и подчеркивает целостность восприятия духовного мира, жизненного уклада целой эпохи и целого народа. За объединением, «фьюженским» слиянием абсолютных противоположностей, скрывается и еще одна принципиальная характеристика студенчества – неординарность его актуального выбора и возможных перспективных решений.

Изучение динамики ценностных ориентаций молодежи выявляет как основные доминанты модернизационных процессов, так и создает научную основу для эффективного прогнозирования различных социальных трансформаций. Развитие ценностного сознания молодежи, его перспективная модальность зависит не только от макросоциальных и экономических условий, но и от специфики ближайшей социокультурной среды – семьи, вуза, особенностей корпоративной культуры того или иного образовательного учреждения, применяемых в нем форм и методов воспитания студентов. Процесс формирования продуктивного менталитета должен быть регулируемым и управляемым. И в этом огромную роль должны сыграть как объективные условия жизнедеятельности, так и последовательная система воспитания и пропаганды традиционных гражданских ценностей.

Список литературы:

1. Магун, В.С, Руднев, М. Г. Сравнение жизненных ценностей россиян с ценностями других европейцев (по данным европейского социального исследования [Электронный ресурс] / В.С.Магун, М.Г.Руднев. - Режим доступа: http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-1029616.html

2. Лапин, Н.И. Базовые ценности населения и российская либерализация [Текст] / Н.И.Лапин // Общество и экономика. - 2002. - № 12. – С.70-90.

3. Лисовский, В.Т. Социальные изменения в молодежной среде [Электронный ресурс] / В.Т.Лисовский // Теоретический журнал CREDO NEW. - 2002. - Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/260/54/

4. Ольшанский, В.Б. Личность и социальные ценности [Текст] / В.Б.Ольшанский // Социология в СССР. - М.: Мысль. - 1966. - Т.1. - С.470-530.

5. Панов, В.М. Труды по общему языкознанию и русскому языку [Текст] / В.М.Панов // М.: Языки славянской культуры. - 2007. - Том 2. - 848 с.

6. Петрова, Т.Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления [Текст] / Т.Э.Петрова // СПб.: Изд-во Бельведер. - 2000. - 180 с.

7. Стиль фьюжн: сочетание несочетаемого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.justlady.ru/articles-143132-stil-fyuzhn-sochetanie-nesochetaemogo/

8. См.: Студент–95: Социальный портрет. Екатеринбург: СВАПОС, 1995; Студент–99. Екатеринбург: СВАПОС. 1999; Студент–2003: Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (весна 2003 г.). Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2003; Студент–2007: Материалы четвертого этапа социологического мониторинга (апрель–июнь 2007 г.). Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2007; Студент–2009: Материалы пятого этапа социологического мониторинга (январь–апрель 2009 г.). Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2009; Студент-2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012 гг.). Екатеринбург: УрФУ, 2012.

9. Фьюжн (дизайн) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фьюжн_(дизайн)

10. Эриксон, Эрих Г. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э.Г.Эриксон // Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – М.: Издательская группа «Прогресс» - 1996. – 344 с.

УДК 316.733

МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ, ИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ОЦЕНКИ ПЕРМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА

Боронников Александр Дмитриевич
кандидат философских наук, доцент
E-mail: aldibor@mail.ru
Вассерман Юрий Михайлович
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: yuriyvasserman@gmail.com
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь

STUDENTS CULTURE MODERNIZATION, THEYR ELECTORAL PRACTICES AND PERM CULTURE PROJECT ESTIMATIONS

Alexandr D. Boronnikov
Candidate of Science, assistant professor
Yuriy M Vasserman
Candidate of Science, assistant professor
Perm national research polytechnic university, Perm

АННОТАЦИЯ – На основе разработанной Ю. М. Вассерманом методики измерения уровня модернизации культуры проверяются гипотезы о влиянии указанного уровня, как на электоральные практики обследуемых студентов, так и оценки ими Пермского культурного проекта. Эмпирические данные не опровергают выдвинутые гипотезы.

ABSTRACT – The technique of culture modernization level measurement developed by Yu.Vasserman was the base of our survey. The survey checked the hypothesis that effect of culture modernization level on electoral practices and Perm culture project estimations is availability. The data could not refute the hypothesis.

Ключевые слова: модернизация культуры, электоральные практики, студенческая молодежь, культура студентов
Keywords: culture modernization, student electoral practices, student culture

Целью данной работы изучение связей, указывающих на то, что некоторые аспекты социокультурной дифференциации современного российского общества есть результат его модернизации. Эти аспекты отражают общественные противоречия, как результат столкновения социокльтурных феноменов которые связаны с различными этапами процесса модернизации общества. Социальная модернизация понимается как переход от традиционной стадии развития общества к современной образующей общественный прогресс. Технологические изменения лежат в основе этого перехода.

Общество, вступившее на путь модернизации, переживает процесс социокультурной дифференциацию общества на группы обладающими разными наборами регуляторов человеческого поведения. Эти наборы вызывают различные реакции (положительные и отрицательные) их носителей к феноменам, приносимым модернизацией. Подобная ситуация требует теоретического осмысления, разработки новых категорий

Описанную социокультурную дифференциацию общества, вызываемую его модернизацией, можно назвать модернизационным социокультурным континуальным синдромом (МСКС). Можно выделить два полюса такого котиниума. Первый связан с отрицательным отношением к постоянному потоку новшеств приносимых процессом модернизации, его можно назвать контрмодернизационный синдром (КМС). Второй связан с положительным отношениям к постоянному потоку новшеств приносимых процессом модернизации, его можно назвать промодернизационным синдромом (ПМС) [7].

В любой стране можно наблюдать множество групп с различным уровнем модернизации культуры и множество культур с различным уровнем модернизации, лидеров и аутсайдеров культурной модернизации. Культура, усвоенная в детстве, приспосабливает поведение людей к определенному типу социальной реальности, на после этого данная реальность часто меняется в результате процесса модернизации и усвоенная в детстве культура перестает соответствовать новым условиям, становиться нефункциональной. В этом случае часто может возникать конфликт между ценностями, установками и другими регуляторами человеческого поведения и внешними условиями этого поведения.

Например, в России всего несколько поколений назад большинство населения было сельским и жило в условиях натурального хозяйства и его культура соответствовало данному уровню развития технологического и социально-экономического окружения. Процесс модернизации изменил это окружение в течении нескольких десятилетий, но культура не способна изменятся так быстро. Множество людей оказались в конфликте с последствиями процесса модернизации такими как, например, новое разделение труда, рынок, новый статус женщин и т.п. Наблюдаются группы с различным уровнем модернизации культуры, с различными установками на модернизацию и ее продолжение. Дифференциация общества на группы по-разному относящимся к модернизации является причиной многих конфликтов в модернизирующемся обществе. Во множестве стран можно наблюдать подобную картину.

Процесс глобализации делает актуальным вопрос о всемирной культурной дифференциации такого рода. Измерение подобной культурной дифференциации может дать информацию о потенциальной конфликтогенности общества. Модернизация традиционных обществ воспринимается как вестернизация их культур и вызывает различную реакцию у различных групп в этих обществах, тяготеющих к традиционной культуре. Для обозначения этих различных реакций на модернизацию общества можно использовать предложенную категорию модернизационного социокультурного континуального синдрома (МСКС). В его рамках выделяется как положительный полюс этого континиума - промодернизационный синдром (ПМС), так и отрицательный его полюс-контрмодернизационный синдром. Последний может носить различные идеологические окраски, но носителем его выступают социальные группы с пониженным уровнем модернизации их культуры. Вышесказанное обосно-

вывает необходимость разработки инструментария для эмпирического измерения дифференциации общества на группы с разным уровнем модернизированности культуры.

Авторы придерживаются технологического определения культуры. При таком подходе, в широком плане культура есть система человеческой деятельности. Более узко под культурой мы будем понимать (вслед за Л. Уайтом [1], П. Боханан [2], Э. С. Маркаряном [3], З. И. Файнбургом [4] и др.) систему внебиологически транслируемых регуляторов человеческого поведения. То есть культура здесь понимается как система биологически не наследуемых регуляторов человеческого поведения (норм, ценностей, установок и т.п.) в самых разных сферах жизни (семья, труд, политика, обмен и т.п.). Указанные регуляторы реализуют свои регулятивные функции посредством институтов. В основании институтов и лежат те самые нормы, ценности, установки. Говорить о культуре, её производстве, воспроизводстве, трансляции необходимо в определенном контексте, включающем помимо институтов и агентов, действователей культуры, обывателей.

Именно поэтому одной из важнейших функций культуры является адаптация человеческого поведения к окружающей среде. Эта среда постоянно меняется в результате технологической и социальной модернизации [5]. Поскольку в основе процесса модернизации лежит устойчивый процесс изменений в сфере технико-технологической базы общества, материально вещественных условий деятельности людей, то для выполнения функции адаптации культура, как система не биологически наследуемых регуляторов поведения, так же должна изменяется. Но она изменяется медленнее материально-вещественных условий – проявляется феномен инерции культуры.

Следует учитывать, что культура как явление сосредоточена не только «на процессе структурной дифференциации, но и сопутствующего ему развития стандартов и механизмов, интегрирующих дифференцировавшиеся части» [8; 253]. Такая ситуация, когда культурные механизмы общества одномоментно исполняют разнонаправленные функции и приводит, среди иных обстоятельств, к замедлению процесса культурных изменений. Что вполне объяснимо, ибо подобно Парсонсу можем наблюдать, как «…предпринимательская фирма руководствуется ценностью «экономической рациональности», выражающейся в производительности и платежеспособности, и уделяет значительно меньше внимания более широкой системе ценностей, чем это делала недифференцированная производственно-семейная ячейка…» [8; 258]. Всё различие лишь в том, что он это видел в США «бунтарских» 1950-х гг., мы это наблюдаем в «консервативных» 2000-х гг. российской истории. Собственно, и там, и здесь речь идет об однотипных процессах, процессах культурных изменений, заданных экономической и социальной модернизацией. Проходят эти процессы, не только с заметным опозданием, но и неравномерно в различных социальных стратах общества.

В рамках данного подхода авторами был использован социологический инструментарий (на основе методики Ликерта) для количественного измерения уровня модернизированности культуры [6]. Согласно предложенной методики было использовано пять групп утверждений для определения установок к феноменам в норме, связанных с современным и традиционным обществами:

1) группа утверждений о семейных отношениях, 2) связанных со сферой экономики,3) измеряющие установки к социальному равенству, 4) связанных с политическими проблемами 5) связанных с измерением уровня открытости (терпимости к другим культурам, инновациям и т.п.). Балл культурной модернизации респондентов был нормализован по формуле

Балл респондента/60 - 1

60 – число утверждений шкалы Ликерта (Likert scale).

После этого ноль означал минимальный уровень модернизации культуры (культура чистого традиционного общества) и пять означает максимальный уровень модернизации культуры (культура чистого современного общества). Количество баллов набираемых по этой шкале индивидом, моделирует его установки на феномены модернизации. Чем больше сумма набранных баллов, тем более выражена положительная установка индивида к феноменам современного общества (т.е. менее выражена положительная установка к феноменам традиционного

общества). С помощью данной методики несколько раз было опрошено по несколько сот (от 500 до 800) студентов в университетах г. Перми (опросы проводились в 1991/2, 2004/5, 2005/6, 2010/11, 2012/13 2013/14 уч. годах) и одно охватывало работников двух производственных предприятий (более 500 человек, 2003 г.).

Полученные по методике данные позволяют определить распределение в исследуемой совокупности баллов, характеризующих уровень модернизации культуры личности (рис. 1, график построен по данным опроса 2013/14 уч. года).

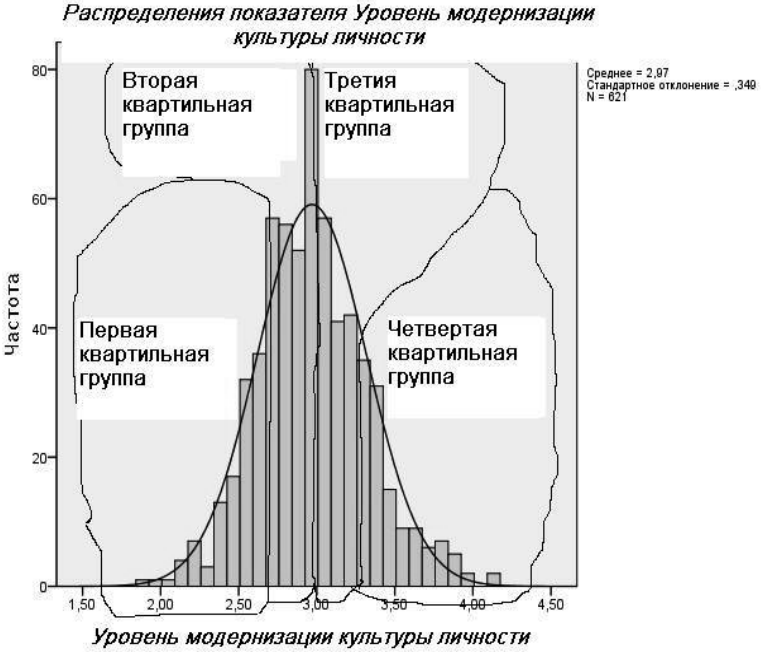

Рис. 1. Квартильное распределение показателя уровня модернизации культуры по массиву 2013/2014 учебного года

Первая квартильная группа имеет минимальный балл по шкале модернизации культуры и четвертая квартильная группа имеет максимальный балл по шкале модернизации культуры в выборке.

Во всех проведенных исследованиях по указанной методики проводилось измерение уровня модернизации культуры респондентов, а также измерялись показатели деятельности респондентов в различных сферах. Это позволило проверить ряд гипотез о связи уровня модернизированности культуры респондентов и их поведением в различных сферах жизнедеятельности.

Так, данные опроса студентов в 2013/2014 уч. году позволили проверить гипотезы о связи электорального поведения и оценки культурной жизни в Перми на протяжении Пермского культурного проекта с уровнем модернизации культуры респондентов.

Шкала культурной модернизации (см. рис.1.) использовалась как фактор реальных электоральных практик в нашей работе, когда мы спрашивали наших респондентов об их голосовании на последних российских президентских выборах. С этой целью данные опроса о способах участия опрошенных студентов в президентских выборах 2012 г. были кросстабу-

лированы с данными характеризующими уровень модернизации их культуры (см. табл.1). С этой целью были использованы четыре квартильные группы по уровню модернизации культуры студентов, охватывающие 100 % опрошенных.

Таблица 1

Различия в форме электоральных практик студентов на последних российских президентских выборах (2012) в зависимости от принадлежности к различным квартильным группам по уровню модернизации культуры, данные опроса 2013/14 учебного года (%)

	1 я квартильная группа	2 я 3 я квартильные группы	4 я квартильная группа
Не участвовали в голосовании	58.1	65.0	56.1
Голосовали за других кандидатов	15,8	13,3	10,6
Голосовали за В.Путина	20.7	14.1	13.4
Голосовали за М.Прохорова	5.6	13.0	19.8
Всего	100	100	100

Данные табл. 1 показывают, что люди, принадлежащие к разным, с точки зрения модернизированности культуры, группам, по-разному делают свой электоральный выбор. В. Путин был модальным кандидатом в первой квартильной группе, а в четвертой квартильной группе модальным кандидатом был М. Прохоров.

Социокультурная модернизация ценностей и установок может служить фактором приведенных различий реальных электоральных практик в обоих случаях. Либеральный выбор респондентов мы связываем с более высоким уровнем модернизированности. Он отразился в большем числе баллов по шкале культурной модернизации. Исследование показало и другие последствия модернизации ценностей.

Одним из заметных различий мы считаем разброс оценок респондентами Пермского культурного проекта. Данный проект развивал современное искусство в целях городского развития. Пермский культурный проект (ПКП) существовал с 2007 г и охватывал стрит-арт, концерты, выставки, театры, фестивали, музеи современного искусства и т.п. Жители Перми по-разному оценивали Пермский культурный проект, ибо сердцевиной этого проекта было резкое противопоставление современного искусства традиционным формам культуры. ПКП транслировал ценности индивидуализма, оригинальности художника, необычности стилей и художественных приемов, и делал это в резких, отчасти провокативных формах. Как различия уровней культурной модернизации влияло на оценки пермского культурного проекта? Табл. 2 показывает дифференциацию студенческих оценок Пермского культурного проекта.

Таблица 2.

Различия оценок мероприятий пермского культурного проекта студентами, в зависимости от принадлежности к различным квартильным группам по уровню модернизации культуры, данные опроса 2013/14 уч. года (%)

	1 я квартильная группа	2 я 3 я квартильные группы	4 я квартильная группа
В культурной жизни Перми появились хорошие изменения	69,4	84.8	87.1
В культурной жизни Перми нет изменений или изменения носят отрицательный характер	30,6	15,2	12,9
Всего	100	100	100

Социокультурная модернизация, модернизация ценностей может служить фактором найденных различий оценок мероприятий пермского культурного проекта между респондентами всех квартильных групп. Увеличение баллов культурной модернизации связано с увеличением позитивных оценок респондентов мероприятий пермского культурного проекта.

Таким образом, полученные в результате проведенного анализа данные не опровергают проверяемые гипотезы о связи между уровнем модернизации культуры респондентов с их электоральными практиками и оценками Пермского культурного проекта.

Список литературы:

1. White L. A. The science of culture: A study of man and civilization 2nd ed. N.Y., 1969. 444p.

2. Bohannan P. Rethinking Culture. Current Anthropology. A world journal of the sciences of man. Oct. 1974, vol.14, №4. –P. 357-372.

3. Маркарян Э. С. О социально-управленческом значении формирования культурологии. // Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого. Пермь,1981. С. 9-12.

4. Файнбург З. И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северокавказского научного центра высшей школы / Общественные науки. 1978. № 1. – С. 28-34.

5. Culture: Man's Adaptive Dimension/ Ed. By Ashley Montague, N.Y. 1968. 289 p.

6. Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. – Вып. 7. – Пермь: ПГТУ, 2004. – С. 225-239.

7. Вассерман Ю.М. Модернизационный социокультурный континуальный синдром // Социология, 2007, №1. С.34-49.

8. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т.Парсонс, А.Шюц: Тексты / Сост. Е.И.Кравченко: Под ред.В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. - С.244-260.

УДК 316.62

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ[1]

Бурко Виктор Александрович
канд.социолог. наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь
E-mail: victor-burko@yandex.ru

SOCIAL CAPITAL AS THE MAIN FACTOR SELF-ORGANIZATION OF RURAL POPULATION.

Viktor Burko
Candidat of Science, assistant professor
of Perm National Research Polytechnic University,Perm

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются некоторые результаты комплексного социологического исследования сельского населения Пермского края. Целью данного исследования было изучение технологий и механизмов формирования, а также оценка эффективности различных моделей деятельности территориального общественного самоуправления

[1] Статья подготовлена при поддержке Фонда Института социально-экономических и политических исследований в рамках выполнения договора № Г-16 от 21 октября 2013 г. Грант выделен в соответствии с распоряжением Президента РФ от 29.03.2013 г. № 115-рп)

(ТОС). Автор рассматривает характеристики ряда факторов, являющихся составной частью социального капитала – доверие и способность граждан к самоорганизации.

ABSTRACT – The article analyzes some of the results of a complex sociological research of the rural population of the Perm region. The purpose of this study is to examine technologies and mechanisms of formation and evaluation of the effectiveness of different models of territorial self-government. The author examines the characteristics of a number of factors, which are an integral part of social capital - trust and the ability of citizens to organize themselves.

Ключевые слова: социальный капитал; доверие; самоорганизация; территориальное общественное самоуправление (ТОС)

Keywords: social capital, trust, self-organization, territorial self-government

Самоорганизация граждан в форме территориального общественного самоуправления в постсоветской России уже имеет свою историю, хотя и короткую, но непростую и поэтому требующую внимательного аналитического взгляда. Сложность условий, в которых сегодня происходит формирование различных инициатив жителей той или иной территории, обусловлена революционным «сломом» основ российского общества, происшедшим в 1990-е гг. Политические, экономические, культурные институты, существовавшие до 1991 г. в России, перестали функционировать в новой России в том виде, в той форме, в которой они действовали почти 70 лет. Особенно тяжело отразились последствия такой социальной трансформации на жителях сельских территорий в силу особенностей их экономического и культурного уклада, который всегда характеризовался определённым консерватизмом и критичностью по отношению к новым порядкам, правилам и нормам.

Все эти изменения деформировали базовую основу российской глубинки (впрочем, как и всего российского общества), которую можно охарактеризовать как *социальный капитал российского общества* (далее – СК). На сегодняшний день существует немало определений и специальных исследований, направленных на изучение этого важного элемента социальной действительности. В нашем исследовании[1] мы будем использовать определение СК, которое дал в одном из своих выступлений заведующий лабораторией прикладного анализа институтов и социального капитала ГУ-ВШЭ (Москва) Л. И. Полищук: *социальный капитал – способность общества или сообществ к самоорганизации* **[1]**. Говоря об измерении СК, следует отметить, что в современной социологической теории и практике не существует общепринятых методов и средств оценки СК. Чаще всего исследователи оценивают уровень СК, принимая во внимание следующие социологические факторы*: межличностное доверие и доверие к социальным и политическим институтам, развитость социальных сетей, социальные нормы и правила, способствующие самоорганизации в социальной группе (группах).*

В силу того, что наш проект носил узко прикладной характер и был направлен главным образом на обобщение существующего сегодня в Пермском крае опыта самоорганизации сельского населения в форме территориального общественного самоуправления, инструментарий исследования включал лишь некоторые индикаторы, дающие возможность оценить только определённые аспекты СК. Речь идёт о следующих моментах:

1) оценка доверия к политическим институтам[2],

[1] Основная цель исследования – изучение технологий и механизмов формирования, оценка эффективности различных моделей деятельности территориального общественного самоуправления (ТОС) в поселениях муниципальных районов Пермского края. Одна из задач этого исследования – оценка ряда факторов СК, способствующих самоорганизации граждан, проживающих в сельской местности. В процессе реализации проекта было проведено 8 опросов целевых групп (один опрос в одном муниципальном районе) – представители органов ТОС, депутаты, социально-активные граждане (всего опрошено 609 чел.), 8 фокус-групп и 48 глубинных интервью (по 6 интервью в каждом районе) с работниками местных администраций, представителями органов ТОС, депутатами, социально-активными гражданами

[2] Уровень доверия к политическим и социальным институтам в исследовании оценивался так. Респондентам задавался вопрос: «Так или иначе, Вам или другим собственникам в доме приходится взаимодействовать с раз-

2) формы самоорганизации населения для решения локальных вопросов на своей территории через создание ТОСов,
3) перспективы развития последних в том или ином муниципальном районе.

1. Чтобы иметь всестороннюю оценку уровня доверия, мы сформировали массив респондентов, в который вошли только определившиеся со своим ответом на данный вопрос и давшие какую-либо оценку уровню своего доверия. После этого был рассчитан ***индекс доверия (Ид).*** Варианты «полностью доверяю» и «скорее доверяю, чем не доверяю» в группу были объединены в группу ***«доверяют»***, варианты ««полностью не доверяю» и «скорее не доверяю, чем доверяю» в группу – ***«не доверяют».*** Коэффициент **Ид** определялся делением доли доверяющих институту на долю не доверяющих ему. И чем больше величина индекса **Ид**, тем больше уровень доверия у данного объекта оценки.

Таблица 1

Оценка уровня доверия по отношению к различным субъектам и институтам
(от всех ответивших в % по строке; сумма по строке– 100%)

	Доверяют	Не доверяют	Индекс доверия
Губернатору Пермского края В.Ф. Басаргину	75,4	24,6	3,1
Депутатам Законодательного Собрания края	64,6	35,4	1,8
Главе МСУ	64,7	35,3	1,8
Работникам администрации МО	67,7	32,3	2,1
Депутатам МО	60,5	39,5	1,5
Главе поселения	76,5	23,5	3,2
Работникам администрации поселения	77,2	22,8	3,4
Депутатам поселения	71,3	28,7	2,5
Людям, живущим рядом с вами	88.2	11.8	7,6

Приведённые данные позволяют сделать следующие выводы:

- самый высокий индекс доверия отмечается по отношению к людям, живущим рядом;
- наибольшим доверием у социально активного населения муниципальных районов пользуются: представители поселенческих органов власти – глава поселения и работники администраций поселений; чуть меньший индекс доверия у губернатора края;
- менее всего респонденты доверяют депутатам муниципального образования, депутатам Законодательного собрания Пермского края и главе муниципального образования.

Доверительные отношения могут быть рассмотрены и сквозь призму ответов на вопрос, в котором мы попросили охарактеризовать респондентов своё отношение к работе избранного ими органа ТОС или старосты (см. рис. 1):

личными органами власти. И нам важно знать, в какой степени Вы доверяете или не доверяете тем или иным структурам власти и вообще окружающим Вас людям». Далее респондент оценивал уровень своего доверия к тому или иному институту по шкале: «полностью доверяю» (4), «скорее доверяю, чем не доверяю» (3), «скорее не доверяю, чем доверяю» (2), «полностью не доверяю» (1), «затрудняюсь ответить».

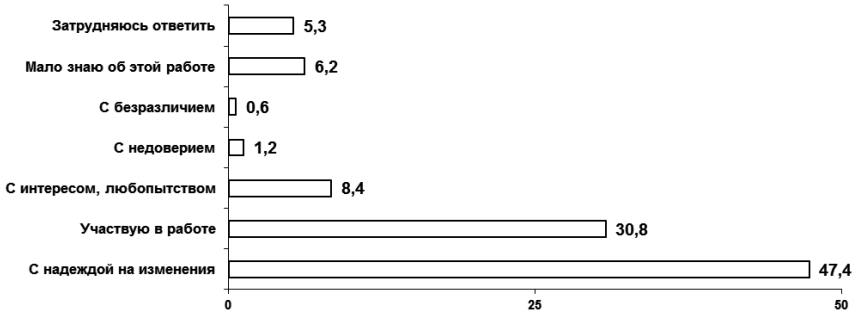

Рис. 1. Как Вы относитесь к работе избранного Вами органа ТОС или старосты? (либо действиям инициативной группы по созданию ТОС) (от всех ответивших в %)

Заметна ярко выраженная тенденция – стремление населения обследованных территорий развивать в своём районе территориальное общественное самоуправление.

2. Одним из первых вопросов при проведении массового опроса был вопрос о личном участии респондента в какой-либо сфере жизни в своём населённом пункте на общественных началах. Подавляющее большинство опрошенных, а это, напомним, были социально-активные жители данной территории, 90% положительно ответили на этот вопрос.

Ответ на вопрос о том, действуют ли в населённом пункте, где проживают респонденты ТОС или староста показал, что только половина социально-активных респондентов (53,2%) знают о наличии этого общественного института. Данный вопрос выполнял также вспомогательную, «фильтрующую» функцию для отбора подмассивов: «имеющие представления о ТОСах» и «не имеющие представления о ТОСах». После вопроса о наличии ТОСа в опросной анкете шёл уточняющий вопрос «закрытого» типа: *«В какой форме действует орган территориального самоуправления в вашем населённом пункте?».* На этот вопрос отвечали те респонденты, которые положительно ответили на вопрос о наличии ТОСа:

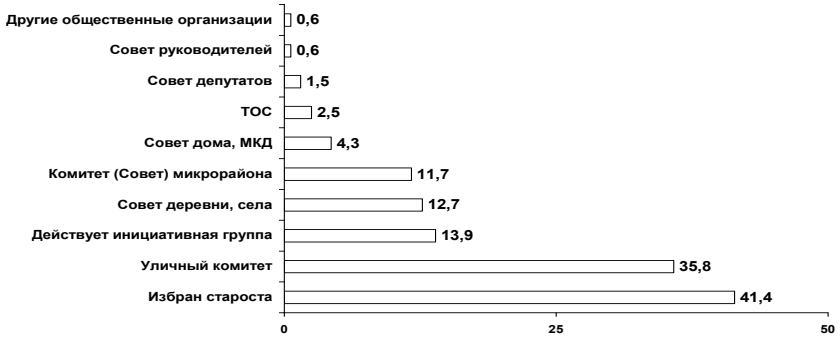

Рис. 2. Формы действующего органа ТОС в населённом пункте. (% от числа ответивших, сумма ответов больше 100%, т.к. респондент мог отметить несколько вариантов)

Из приведённых результатов следует, что в представлении большинства населения исследуемых территорий Пермского края понятие «ТОС» существует либо в виде избранного старосты, либо в форме уличного комитета. В ряде поселений начинают действовать инициативные группы по созданию именно органа ТОС. Данные, полученные на фокус-группах, также подтвердили тот факт, что для многих респондентов термин «ТОС» не ассоциируется с какой-то особой формой «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения (ФЗ-131, ст.27)». В ходе обсуждения респонденты называли привычные для сельского жителя формы самоуправления - староста, уличный или домовой комитет, Совет деревни или села и даже депутатов.

Интересно сравнить ответы на вопрос о целесообразности создания ТОСов в их населённых пунктах у двух групп респондентов: тех, кто отметил наличие у них на территории ТОСов и тех, кто сказал, что в их населённом пункте ТОСов нет (См.: Табл. 2).

Ответы респондентов позволяют сделать следующие выводы:

- наличие действующих ТОСов сказывается положительно на оценке целесообразности их создания;
- даже в тех населённых пунктах, где в настоящее время ТОСы не действуют, общественное мнение однозначно высказывается за их создание.

Таблица 2

«Целесообразно ли создавать ТОС в вашем населённом пункте, если он ещё не создан?»(от всех ответивших в % по строке)

		Да,	**Нет**	**Затрудняюсь ответить**	**Итого**
«Действует ли в вашем населённом пункте ТОС (орган ТОС или староста)?»	**Да,**	**85,5**	6,0	8,5	100
	Нет	56,1	12,7	31,2	100
	Затрудняюсь ответить	44,9	6,7	48,3	100

3. Как уже было отмечено, общественное мнение социально активного населения в опрошенных сельских территориях высказывается сегодня в большинстве своём за необходимость создания ТОС в каждом населённом пункте. В какой мере существующие на территориях объективные и субъективные факторы способствуют реализации этого намерения? Готовы ли сами жители к решению этих и других проблем путём самоорганизации? Частично ответ на этот вопрос дают результаты обсуждения на фокус-группах (ФГ), в которых, как было сказано выше принимали участие как представители различных форм самоуправления, так и работники местных органов власти. Кроме того, ряд аспектов, связанных с ответом на этот вопрос, были затронуты в ходе проведения глубинных интервью (ГИ)[1].

Большинство участников обсуждения на ФГ высказали мнение, что жители их населённого пункта могли бы объединиться для решения того или иного вопроса. Но практическая реализация такой инициативы наталкивается на ряд трудностей: 1) психология инертности и иждивенчества у большинства, отсутствие психологии ответственности за состояние своей территории; 2) отсутствие помощи и поддержки инициативных людей и представителей ТОСов со стороны органов власти; 3) дефицит начальных материальных средств для решения проблем силами самих жителей. Но, пожалуй, главный вывод, который можно было сделать по итогам обсуждения данного вопроса, состоит в том, что самоорганизоваться жи-

[1] В числе прочих вопросов участникам ФГ задавались следующие: «*Могут ли жители вашего поселения, села, деревни, города, микрорайона, объединившись, обеспечить нужды жителей?» «Есть ли в вашей деревне, поселении, микрорайоне люди, которые пытаются решать вопросы вашей территории?»* При проведении ГИ респондентам задавались вопросы: *«Как Вы оцениваете уровень активности граждан по решению вопросов местного значения?», «При каких условиях эта активность усиливается или уменьшается?»*

тели смогут только тогда, когда находится социально активная личность, лидер или инициативная группа, которые будут личностно заинтересованы в решении проблемы.

Большинство респондентов ГИ также отмечали низкую активность населения в решении вопросов своей территории. Оценки колебались от «двойки» до «тройки с плюсом». Часть респондентов оценивала эту активность по процентам явки на выборы. Отвечая на вопрос о факторах, которые повышают или понижают активность населения, респонденты предложили много версий. Но фактор *наличие проблемы на территории* назвали большинство респондентов («*Чем спокойнее и сытнее жизнь, тем меньше инициатив»).* Помимо этого фактора на повышение активности населения, по мнению респондентов ГИ, влияют также следующие факторы: 1) наличие *лидера,* который ощущает себя своего рода хозяином на своей территории; 2) *успешное выполнение* запланированных работ; 3) проведение *мероприятий* со стороны *органов власти* (публичные слушания, сходы, встречи с депутатами); 4) появление элементов *соревновательности* при обеспечении благоустройства на своей территории; 5) наличие *материальных средств* на проведение тех или иных инициатив. Кроме того, респонденты обратили внимание на разный уровень инициативы в разных возрастных и социальных группах (школьники, пенсионеры, занятые на основной работе и т.д.). Отмечали, что инциатива населения сильно зависит от сезонности («*Активность начинается с апреля и заканчивается до октября»)* и от сферы деятельности (политические мероприятия, социальные, экономические и т.д.).

Завершая анализ роли СК как фактора способствующего самоорганизации населения в сельской местности, можно сделать вывод, что если оценивать его уровень по 10-ти балльной шкале, то, скорее всего эта оценка находилась бы между 4 и 5 баллами. Чем обусловлены наши выводы? Прежде всего, *невысоким уровнем доверия* населения на большинстве территорий к политическим институтам, являющимся в условиях российских реалий, основными акторами в деле формирования территориального общественного самоуправления. Далее. Хотя латентная поддержка ТОС в сельской местности довольно высокая, в реальности участие жителей в решении вопросов локального характера очень низкое. И последнее. Существующие сегодня органы ТОС *выполняют главным образом культурно-хозяйственную деятельность* (уборка территории, проведение досуга, празднование памятных дат и праздников). Только единицы органов ТОС решают задачи по защите интересов жителей, занимаются актуальными вопросами жизнедеятельности, организуют жителей для решения вопросов местного значения.

Список литературы:

1. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния**.** [Электронный ресурс] – режим доступа: http://sneek.ru/referaty/sotsial-ny-i-kapital-v-rossii_-izmerenie-analiz-otsenka-vliyaniya.htm. Дата: 2.09.2014

УДК 303.425

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ФОКУС-ГРУПП В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Бурков Александр Андреевич
аспирант
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
E-mail: alexpost1@list.ru

POTENTIAL OF THE USE OF METHOD OF FOCUS-GROUPS IN THE STUDY OF NATIONALISTIC MOODS IN EKATERINBURG

Burkov Alexander
Postgraduate, Ural State Pedagogical University*, Ekaterinburg*

АННОТАЦИЯ – Данная статья посвящена описанию исследования, проводимого методом фокус-групп. Тема исследования - националистические настроения жителей города Екатеринбург. В статье описаны возможности и ограничения метода фокус-групп при исследовании данной темы.

ABSTRACT – This article is sanctified to description of the research conducted by the method of focus-groups. A research theme is nationalistic moods of habitants of city Ekaterinburg. In the article possibilities and limitations of method of focus-groups are described at research of this theme.

Ключевые слова: фокус-группы, национализм.

Keywords: focus-groups, nationalism.

В последние годы проблема национализма в нашей стране активно обсуждается на политической арене, часто поднимается СМИ, общественностью. Можно сказать, что национализм становится заметным общественным и политическим явлением. Но как оценивают национализм и перспективы его развития простые люди, обычные граждане? Опасаются ли они роста националистических настроений, либо, напротив ожидают его позитивно? Как выражают собственные национальные чувства, с какими сферами жизни их связывают? Данная статья является попыткой ответить на эти вопросы.

Метод фокус-групп – отличный инструмент для проведения социологических исследований в качественной методологии. К данному методу обращаются не только социологи, но и представители других наук, в частности, политологи. Он предполагает групповое обсуждение участниками определенной темы, отражающей направленность исследовательского внимания. Каждый участник обсуждения вопросов национализма передает через это обсуждение свое видение, выстраивает свою модель его восприятия. В процессе сопоставления моделей участников фокус-группы, происходит своеобразной высвечивание особенностей тех моделей национализма, носителями которых являются отдельные индивиды. Каждый воспринимает национализм по-своему, а в процессе анализа дискуссии между разными людьми, можно сопоставить их точки зрения.

Еще одной позитивной характеристикой метода фокус-групп является использование стимульного материала, мотивирующего участников на обсуждение отдельных, локальных вопросов в рамках обсуждаемой темы. В данном исследовании в качестве такого материала использовались текстовые варианты описания сценариев возможного развития национализма в России.

Формирование сценариев развития национализма производилось, исходя из осознания того, что в них находят отражение факторы, влияющие на существование национализма как социального явления. Конечно, оценка степени влияния того или иного фактора – вопрос спорный, и различные исследователи могут его по-разному оценивать. В основу построения сценариев данного исследования легли следующие критерии:

1. **Динамика национализма** – националистические настроения в обществе могут иметь тенденцию к росту, снижению или сохранению стабильного состояния.
2. **Реакция общества на национализм** – в зависимости от принятия/неприятия национализма обществом, он способен мимикрировать, принимать различные формы в будущем.
3. **Реакция власти на национализм**.
4. **Характер деятельности националистических организаций** – степень активности, склонность к легальности/нелегальности.
5. **Миграция** как важный критерий формирования сценариев развития национализма в будущем.

Таблица 1.

Формирование сценариев (раздаточного материала на фокус-группах)

Критерии	Динамика национализма	Национализм в общественном сознании	Реакция власти на национализм	Деятельности националистических организаций		Состояние миграции
№ сценария				динамика активности	легальность	
1	рост	принятие	неприятие	рост	нелег.	стаб. или рост
2	рост	принятие	принятие	рост	легал.	снижен.
3	стабильное положение	принятие	нейтральное отношение	стабил.		
4	стабильное положение	нейтральное отношение	неприятие	стабил.		стабил.
5	снижение	нейтральное отношение	нейтральное отношение	снижение	нелег.	
6	снижение	неприятие	неприятие	снижение	нелег.	

* пустые ячейки таблицы указывают на невозможность либо неоправданность прогнозирования показателей соответствующего критерия

Таким образом, беря во внимание описанные критерии, можно сформировать шесть сценариев развития национализма. В таблице описана логика формирования сценариев, объясняющая их содержание и иллюстрирующая многообразие развития событий, представляемое участникам фокус-групп.

Сценарий 1: «Активное сопротивление государства национализму». При данном сценарии развития событий, рост националистических настроений в обществе имеет место, выражаясь в росте популярности идей национализма как на бытовом, так и на организованном уровне, что порождает и рост преступлений на националистической почве. Соответственно, популяризируется и деятельность националистических организаций. Реакция власти на такое развитие событий реализуется в активном противодействии. Власть не только формально обозначает свою позицию «против национализма», но и на деле прилагает усилия для борьбы с национализмом и его причинами. Удается взять под контроль трудовую миграцию. Государству успешно удается бороться с преступностью на почве национализма. Иными словами, несмотря на видимый рост национализма, государство ясно обозначает позицию «активного сопротивления» этой тенденции. Такая позиция порождает безусловный конфликт, выражающийся в противоречии между линией политики государства, нацеленной на противодействие национализму и общественным мнением, рождающим спрос на национализм, ввиду того, что последний явно укоренился в общественном сознании. Важно именно то, как в рамках этого противоречия будет выстраиваться диалог между властью и общественностью. Представляется, что именно от этого диалога, в итоге и будет зависеть финал данного сценария. Итоги такого конфликта могут быть различными: от смены государственной власти на националистическую до сохранения существующего режима, и его развития в сторону более демократичного, преодоления националистических настроений.

Сценарий 2: «Принятие национализма властью». При росте националистических настроений в обществе власть займет пронационалистическую позицию. Вследствие распространения националистических идей в обществе, такой путь развития страны и общества начнет поддерживаться большим количеством граждан. Тогда, подстраиваясь под данную конъюнктуру, власть, вполне вероятно, может встать на позиции национализма. Последствием такого шага может стать полная или частичная легитимация национализма и националь-

ной дискриминации. Принятие национализма может произойти и вследствие смены политической власти. При популяризации национализма в общественном сознании, естественно, начнут набирать вес различные националистические организации и течения. Рано или поздно при их популяризации произойдет повышение политической активности до претензий на власть при определенной поддержке в обществе. В итоге создастся ситуация, когда политический вес какой-либо националистической организации или группы организаций станет таким высоким, что позволит сосредоточить политическую власть в своих руках.

Сценарий 3: «Спекуляция власти на национализме». Национализм, как социальная проблема (национальные конфликты, деятельность националистических организаций) в перспективе будет сохранять прежний вес в общественной жизни. В умеренном национализме политические и властные структуры будут видеть проблему, на которой можно «погреть руки». Извлекать выгоду из такого положения дел могут как националистические, так и антинационалистические организации, видя в умеренном и стабильном национализме базу для привлечения новых сторонников. Подобной может быть и позиция государственных структур. К примеру, уровень националистической преступности будет оставаться относительно стабильным, а эффективность борьбы с этой преступностью будет либо сравнительно невысокой, либо борьба с преступлениями будет успешной, а их профилактика будет оставлять желать лучшего. Органы правопорядка могут находить вечную проблему, на которой можно постоянно «набирать очки». Деятельность политической власти в данном контексте также может занимать различные позиции: от активной антинационалистической риторики до замалчивания, и даже частичного приятия такого положения вещей. При этом, власть будет постоянно занимать позицию «активного участника событий», показывая свое мнимое желание решить проблему. Кроме того, спекуляция национализмом со стороны политической власти будет принимать форму неоправданного «замалчивания» вопросов национализма. При активной борьбе с проявлениями национализма, власть не в силах разрешать проблемы, являющиеся факторами национализма, либо попросту не заинтересована в решении этих проблем (миграция, безработица, кризисные явления в экономике). Борьба с национализмом будет носить искусственный характер, «затуманивая» националистические настроения, которые в действительности имеют место, но переходят на уровень повседневных, бытовых настроений.

Сценарий 4: «Выжидание». Данный сценарий предполагает, что при сохранении стабильного уровня национализма и относительной актуальности этой проблемы для общества, решение данной проблемы будет постоянно откладываться «до лучших времен». Националистические и антинационалистические организации будут вести политику спекуляции национализмом. Государственные же структуры, при таком развитии событий, не видя в национализме серьезной угрозы политической системе и власти, будут обращаться к этой проблеме редко, откладывая ее решение «на потом», аргументируя свою позицию наличием других, более важных проблем. Нет существенного воздействия со стороны власти националистических настроений. К примеру, уровень въездной трудовой миграции не будет снижаться. Несмотря на то, что при отсутствии предпосылок к улучшению ситуации и наличии необходимости создавать эти предпосылки, политическая власть занимает выжидательную позицию, не имея сил снизить уровень напряженности в обществе. Официально, властью провозглашаются лозунги неприемлемости национализма, но реально решить проблему политическая власть не сможет. Но стараний органов государственной власти с трудом хватит лишь на пресечение некоторых проявлений националистической преступности. Фигурально выражаясь, такой сценарий развития событий можно назвать «пассивной обороной» или «выжидательной политикой».

Сценарий 5: «Замещение». При таком развитии событий возможен вариант, когда место националистического дискурса в общественном сознании займут иные возрастающие социальные проблемы (например, экономические). Они станут более насущными, чем национализм. Это приведет к снижению уровня национализма и переходу социальной напряженности в русло данных социальных проблем. Например, вектор напряженности в вопросе,

скажем, безработицы, перейдет с нелегальных мигрантов, которые занимают рабочие места, на государственные органы, которые не решают проблему обеспечения граждан работой. При этом существование националистических организаций станет менее востребовано обществом в силу того, что источником проблем будут восприниматься уже не национальные отношения. Это приведет к снижению активности националистов, уменьшению насилия на национальной почве. Риторика власти перейдет от обсуждения вопросов национальных отношений в сторону других, ставших более актуальными, вопросов. В общественном сознании произойдет замещение проблем национализма иными проблемами общества.

Сценарий 6: «Преодоление национализма». Развитие данного сценария предполагает проведение успешной антинационалистической деятельности со стороны государства и гражданского общества. Общественные организации и СМИ проводят успешную антинационалистическую пропаганду. Наряду с этим, власть успешно решает базовые социальные и экономические проблемы общества, лишая националистические силы основы для ведения дальнейшей пропаганды. При таком развитии событий националистические организации и их деятельность вызывает протест и отвержение со стороны широких общественных масс. В итоге, за отсутствием поддержки со стороны общества деятельность националистических движений сходит «на нет». Происходит снижение уровня националистических настроений в обществе. При этом происходит снижение преступности на националистической почве. В обыденном сознании людей роль националистического дискурса снижается, все чаще на место националистических взглядов приходят идеалы межнационального братства, дружеских отношений между народами и этническими группами. Итогом такого сценария становится успешное дальнейшее развитие России, а популярные в прошлом националистические идеи станут рассматриваться не более как преодоленный этап в развитии государства и общества.

Выше описаны сценарии, предоставляемые участникам при проведении исследования. Они описывают разные варианты изменений национализма в будущем. Смысл использования сценариев в том, чтобы дать участникам возможность высказаться по поводу вероятности реализации того или иного пути развития национализма. Высказываясь на эту тему и аргументируя свою позицию, человек обращает внимание и дает информацию о факторах, которые, по его мнению, влияют на национализм, отражает свое собственное отношение к национализму, отмечает связь национализма с различными явлениями общественной жизни.

Обратимся к таким методологическим аспектам данного исследования, как отбор участников, план проведения фокус-групп, количество участников и хронометраж исследования. Если учесть, что цель исследования – определение моделей национализма, существующих в общественном сознании, то выборку следовало конструировать так, чтобы она отражала мнения представителей разных социальных групп и слоев. Здесь речь идет о гетерогенной выборке. В качестве критериев для отбора участников были выбраны такие показатели как политические взгляды, уровень образования, профессия. При подготовке к исследованию предполагалось, что различные показатели данных критериев позволят собрать на исследовании участников, представляющих собой различные социальные типы, а следовательно высказывающих различные мнения и активно вступающих в дискуссию.

План проведения фокус-групп:

1) Знакомство участников, краткий рассказ каждого участника о себе и об интересе к обсуждаемой тематике.
2) Выступления участников на тему «Как я понимаю национализм».
3) Ознакомление со сценариями развития национализма и их совместное обсуждение.

На каждом из этапов модератором стимулировалось получение информации, вносящей вклад в решение исследовательских задач. На *первом* этапе решалась задача обмена участниками информацией о себе. Изначально этот этап нацелен на знакомство и раскрепощение участников. Но в ходе проведения исследования уже на этом этапе некоторые участники сочли необходимым оглашать свои политические взгляды, что, хоть и не было запланировало, сразу же повысило градус напряженности и зародило предпосылки жаркой дискуссии.

На *втором этапе* участникам представлялась возможность обмена мнениями по поводу тематики фокус-групп. Самим участникам тема была представлена в довольно свободной форме: «Национализм в России: сегодня и завтра». На данном этапе информанты, по большому счету, отвечали на вопрос «Как я понимаю национализм?». Впоследствии на основе этого были выявлены основные факторы национализма в понимании участников и модели национализма в их сознании.

На *третьем этапе* обсуждались сценарии развития национализма (раздаточный материал). Ставилась цель определить, в силу каких факторов тот или иной сценарий будет оцениваться участником вероятным или невероятным.

В итоге, в исследовании было выделено три тематические группы, по которым были рассортированы высказывания участников фокус-групп, характеризующие их интерпретацию национализма, его факторов, форм и явлений с ним связанных.

1 тематическая группа «Факторы национализма» (факторы обострения, факторы смягчения) *и социальные явления и сферы жизни, связанные с национализмом*. Анализ этой тематической группы производился путем поиска в высказываниях информации о различных факторах национализма. Так, участниками было сказано о связи национализма с такими социальными явлениями: Политические; миграция; процессы системы образования; система правоохранительной деятельности (См.: Табл. 2).

2-я тематическая группа «Конструкты национализма». При анализе второй тематической группы, определяющей модели национализма через высказывания участников фокус-групп, была произведена интерпретация этих моделей через их описание по средствам полярных по значению определений. В итоге, удалось смоделировать две пары полярных понятий, определяющих конструкты национализма (См.: Табл. 3).

Таблица 2.

Факторы национализма во мнениях участников фокус-групп

А. Политика властей способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- …начиная с 90-х до 2008-2009 по всем каналам и телекомпаниям шла линия по поводу того, что кавказцы враги – они нас убивают, они террористы.	*- когда гражданское общество сможет контролировать элиту; нынешняя власть совершенно не контролирует ситуацию – бюрократия отдельно, а аморфная масса отдельно.*
Б. Миграция способствует…	
… росту национализма	**Не ведет к росту национализма**
- Ну, хотя и мигранты … бывает, что приехали вот сюда, и считают, что им все можно. И избивают по пьяни… могут простого случайного прохожего избить… Бывало такое… И женщин насилуют… Как животные себя ведут… Разное бывает…	*- Мне вот кажется, что мигранты, они едут то на такую работу, на которую местные то редко согласятся. Чем они мешают?*
В. Система образования способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- Про образование я вообще молчу, вот предмет «Россия в мире», я вообще молчу… Будет школа воспитывать новых националистов.	*- Так надо проводить совместные мероприятия так, чтобы им было весело вместе, чтобы было, чем заняться. Чтобы они чувствовали, что в их компании есть ребенок другой национальности, но он точно такой же, ничем не хуже их.*
Г. Правоохранительная система способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- …рейды которые милиция и миграционная служба проводят, они же носят формальный характер… не решают проблему.	*- Чтобы не было такого как сейчас, что там забрали в милицию чеченца, а там кто-то похлопотал, и так сказать, это самое… Значит, законы должны быть нормальными.*
Д. Деятельность СМИ. Массовая культура способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- Открыто к национализму не призывают, но тихо его формируют.	*- Я думаю, что для преодоления национализма нужно воздействовать на граждан через воспитание. Здесь важна роль общественных организаций, образовательных учреждений, СМИ.*
Е. Активность гражданского общества способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- …бюрократия отдельно, а аморфная масса отдельно. Тут еще и миграция… Это тоже создает проблемы. И конфликты здесь же.	*- И гражданское общество должно развиваться снизу. Если оно будет развиваться, то будет решаться и вопрос с национализмом… развитие гражданского общества снизу, когда оно сможет контролировать элиту.*
Ж. Деятельность церкви способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- … по поводу пропаганды национализма в скрытых формах. . стоит сказать и о сближении государства и церкви, и о создании образа врага, терроризма там, бандитизма с кавказским лицом.	*- Можно и о православной культуре так рассказать, что и другие религии интерес вызовут, и захочется с разных сторон посмотреть.*
З. Сознание человека способствует…	
… росту национализма	**… снижению национализма**
- разные рыбки не могут плавать в одном аквариуме и быть счастливы. И если щука увидит перед собой дохлого карасика, скорее всего, она его укусит.	*- … отказ от национализма возможен только при том условии, что в сознании людей произойдет невообразимая моральная революция. Невообразимая.*

Таблица 3.

Конструкты национализма во мнениях участников фокус-групп

Конструкты национализма	
В зависимости от восприятия сущности национализма:	
Национализм – естественное свойство сознания человека	**Национализм – искусственный создаваемый и навязываемый феномен**
- Мне кажется, что национализм, он естественен, заложен в человеке природой. Это вот, когда еще древние люди жили общинами, у них уже была ориентация на свою группу. *- ...человек по природе как-бы склонен ассоциировать себя с какой-то национальностью, может, даже не отдавая себе отчет.* *- ...все люди, по природе своей идентифицируют себя с чем-либо, и конечно же всячески отстаивают эту позицию... если человек идентифицирует себя с какой-то нацией ... это естественно.*	*- Он может создаваться политически, через СМИ, массовую культуру... Когда изо всех щелей говорят: «Народ! Нация! Национальное самосознание!»* *- ...национализм – это затуманивание мозгов ... Как будто это мода какая-то* *- Из национализма в России нынешней сделан жупел, самый натуральный жупел* *- ...национализм это самый лучший друг капитализма, который используется капиталистами для подрыва и изменения самосознания людей тогда, когда нужно перенаправить неудовлетворенность людей в другое русло.*
В зависимости от целей националистической активности:	
Национализм как защита (изоляция)	**Национализм как агрессия (экспансия)**
- Националист не считает, что кто-то лучше, кто-то хуже. Он просто хочет, чтобы соблюдали традиции и порядки его народа. *- национализм – это, прежде всего, сохранение культуры, самобытности нации.*	*- Т.е. мне кажется, что надо заслужить уважение Кавказа... у Кавказа или его унич... или вести с ним жесткую политику. Другого пути нет. Они не понимают ... Хотелось бы, но невозможно.* *- ...в нашей стране национализм превращается в дикость ... это даже намеренно было сделано, чтобы создать образ национального врага.* *- ...под национализмом многие понимают «Бей неверного».*

Таким образом, полученная эмпирическая информация позволила произвести анализ, результатом которого стали модели факторов, национализма, структура связи национализма с иными социальными явлениями и конструкты национализма, существующие во мнениях участников фокус-групп. Например, совмещая конструкты национализма, можно изобразить их на системе осей координат:

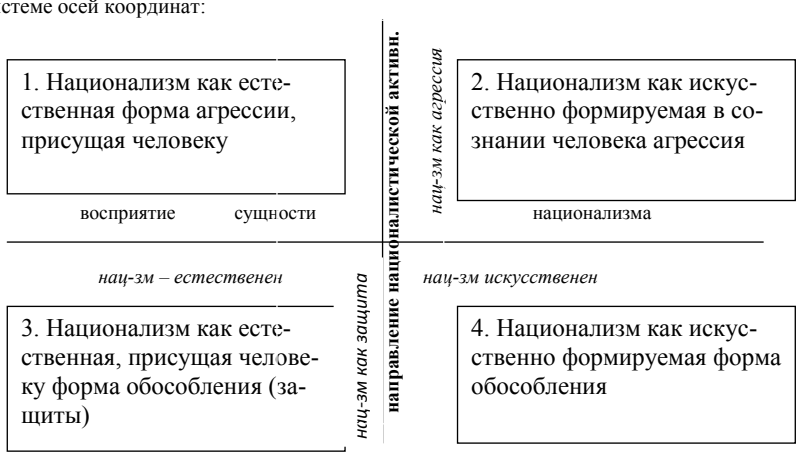

Рис. 1. Комбинированные модели национализма

Путем совмещения обнаруженных при проведении фокус-групп моделей национализма получены четыре комбинированные модели, представляющие совмещение вышеназванных конструктов по двум осям координат.

*1) Национализм как естественная агрессия (экспансия)***.** Данная модель характеризуется восприятием национализма как свойства, присущего человеку от природы. Подобно примордиалистским воззрениям на сущность наций, сторонники данной точки зрения утверждают, что по природе все люди по национальному признаку делятся на «сильных» и «слабых». В соответствии с этими взглядами, эксплуатация одних наций другими – естественное положение дел, результат «конкурентной борьбы».

2) Национализм как конструируемая (искусственная) агрессия. Эта модель представляет национализм как конструкт, создаваемый с целью воспитания агрессии к представителям других национальностей, создания «образа врага».

3) Национализм как естественное обособление (защита). Данная модель национализма видит в нем заложенную природой в человеке наклонность к самоидентификации со своей культурой, языком, нацией. При этом, такая естественная форма идентификации помогает сохранить самобытность нации, обеспечивает ее отличия от других наций.

4) Национализм как искусственная защита (обособление). Здесь национализм понимается как конструкт, искусственно создаваемый с целью защиты мнимой самобытности культуры. Весьма актуален вопрос о том, может ли существовать национальная культура в период глобализации. В соответствии с данным подходом, национализм является инструментом создания мифа о наличии национальной культуры при ее фактическом отсутствии (и замене ее массовой культурой).

Описанные четыре модели национализма являются итогом теоретизирования эмпирических результатов второй тематической группы исследования.

3 тематическая группа: Перспективы национализма в России. Анализ третьей тематической группы, касающейся оценки участниками фокус-группы перспектив национализма в России на основе рассмотрения ими описанных ранее сценариев дал следующие результаты:

Таблица 4.

Оценка участниками сценариев развития национализма[1]

сценария	характеристика сценария (в зависимости от представленной в нем динамики развития национализма)	количество участников, оценивших сценарий как…		суммарная вероятность		преобладающие политические взгляды участников, оценивавших данные сценарии
		вероятный	невероятный	сценария	группы сценариев	
	сценарии роста национализма	5	0	5	9	коммунист-е, нейтральные
		4	0	4		
	сценарии стабильной динамики национализма	7	0	7	9	либ-демокр-е, коммунист-е
		5	3	2		
	сценарии снижения национализма	3	3	0	-2	нейтральные
		1	3	2		

[1] Следует отметить, что данная таблица оперирует количественными данными, отражающими подсчет мнений участников фокус-групп. Эти данные используются исключительно в иллюстративных целях как инструмент описания.

Как видим, участники фокус-групп расценивают перспективы роста или стабильной динамики национализма более вероятными, чем перспективы его снижения. Обращает на себя внимание и специфика оценивания перспектив национализма в зависимости от политических взглядов оценивающих лиц. Так, участники с нейтральными политическими взглядами склонны говорить о росте либо о снижении национализма в будущем, оценивая данные тенденции как вероятные либо критикуя их. Эта группа участников пренебрегла рассмотрением сценариев стабильной динамики. Среди участников с коммунистическими политическими взглядами распространены оценки роста национализма. Стабильная динамика национализма также оценивается такими участниками как вероятная. Участники же с либерально-демократическими политическими взглядами склонны оценивать сценарии стабильной динамики национализма, его застоя и сохранения нынешнего уровня как наиболее вероятные.

В крайних формах проявления национализма участники исследования видят острую социальную проблему, решение которой – важная политическая задача. Участники склонны видеть источник решения данной проблемы в деятельности власти. Отмечается также значимость гражданского общества, системы образования, правоохранительной системы.

Таким образом, можно сделать определенные выводы касательно того, каким видится будущее национализма с точки зрения участников фокус-групп. Наиболее вероятными сценариями участники исследования видят сценарии роста или стабильного сохранения национализма в российском обществе. Сценарии снижения национализма оцениваются некоторыми участниками как весьма желаемые, но маловероятные.

УДК 331.104

ПОКАЗАТЕЛИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА ПЕРИНАТАЛЬНОЙ СТАДИИ

Быкова Дарья Георгиевна
аспирант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: bykovadarya91@gmail.com

INDICATORS REFLECTING FORMATION OF THE PARENTAL LABOR ON THE PRENATAL STAGE

Daria Bykova
post-graduate student, The Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье предпринята попытка построения системы показателей, отражающих формирование результатов родительского труда на перинатальной стадии. Выделенные показатели послужат основой для разработки методики оценки результатов родительского труда.

ABSTRACT – The article attempts to construct a system of indicators that reflect the formation of the results of epy parental labor on the prenatal stage. Dedicated indicators serve as a basis for the development of methodology for assessing the results of the parental labor.

Ключевые слова: родительский труд; результаты родительского труда; показатели; перинатальная стадия

Keywords: parental labor; results of the parental labor; indicators; prenatal stage.

В современном мире неуклонно возрастает число явлений, процессов и видов деятельности, те или иные аспекты которых наиболее полно и качественно могут быть изучены посредством применения одновременно и социального, и экономического подходов, в их едином комплексе и взаимосвязи [6, с.22]. Среди таких объектов изучения находится родительский труд, а также его результат в виде человеческого капитала. Отметим, что само появление в научном обороте понятия родительского труда стало свидетельством долгосроч-

ной тенденции, связанной с превращением человеческого капитала, с одной стороны, в основной источник развития экономики, а с другой, – в инструмент удовлетворения многообразных потребностей общества.

Человеческий капитал формируется не только в системе образования, но и благодаря выполнению родителями и другими субъектами родительского труда своих обязанностей. Согласно ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ, «родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей» [5]. В настоящее время в семейной и демографической политике акцент должен быть сделан не на росте количественных результатов родительского труда, а на повышении его качества и более осознанном отношении к родительству.

В последнее время содержание, условия реализации, мотивы, а также иные аспекты родительского труда в рамках этого научного направления изучались А. М. Илышевым, А. П. Багировой, О. М. Шубат, М. М. Пшеничниковой и др. (см., например, [1; 2]). Несмотря на то, что результаты родительского труда – важнейший аспект этой проблематики, попыток операционализации этой категории, выявления возможностей их учета ранее не предпринималось. Целью данной статьи является представление системы показателей, отражающих формирование результатов родительского труда на перинатальной стадии. Основой наших разработок послужил предложенный М. М. Пшеничниковой уровневый подход к результатам родительского труда, реализованный по стадийности характера формирования человеческого капитала. Согласно этому подходу, анализ результатов родительского труда в разрезе стадий на базе имеющейся статистической отчетности может быть реализован через оценку ряда показателей. В частности, они таковы [4, с. 65]:

а) на перинатальной стадии: общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, абсолютное число рождений и т.п.;

б) на младенческой стадии: данные о состоянии здоровья новорожденных, данные о распределении новорожденных по массе тела при рождении, данные о грудном вскармливании детей первого года жизни и т.п.;

в) на дошкольной стадии: охват детей дошкольными образовательными учреждениями, посещаемость дошкольных образовательных учреждений и т.п.

Решая проблему оценки на макроуровне, данные коэффициенты вместе с тем несут в себе ограничение, заключающееся в невозможности оценки с их помощью результатов родительского труда на микро- (семья, предприятие) и мини- (личность) уровнях. Пытаясь восполнить этот пробел, обратимся к стадиям родительского труда и предпримем попытку выделения показателей, отражающих результаты этого вида труда на уровне семьи.

Предлагаемые нами для каждой стадии родительского труда показатели делятся на две основные группы: медицинские и социальные. К группе медицинских показателей относятся те, которые характеризуют физическое и психическое здоровье как элементы человеческого капитала, а к группе социальных – показатели, связанные с полученным образованием и приобретенными знаниями, умениями и навыками в ходе социальной жизнедеятельности.

Для разработки показателей результативности родительского труда на этой стадии воспользуемся периодизацией развития систем перинатального воспитания, предложенной Р. В. Овчаровой [3, с. 170]. Согласно этому подходу, на каждом из трех исторических этапов по-разному решается вопрос о возможностях опосредованного включения ребенка в общество в процессе его внутриутробного развития. На *первом – семейном* – этапе исторического развития систем перинатального воспитания забота и поддержка беременной женщины были сосредоточены в семье и направлены на соблюдение будущей матерью установленных норм и правил, которые обеспечивали бы ребенку лучшие условия для жизни и развития. *Второй этап – медицинский* – связан с достижениями науки и распространением практик родовспоможения и переложением ответственности за беременность и роды на врача. В России, начиная с 1950-х гг., при каждой женской консультации открывались школы будущих матерей, содействующие передаче и распространению знаний о внутриутробном развитии ребенка. *Третий этап* исторического развития систем перинатального воспитания – *альтернативный*

– начинается с 1962 г. с открытием во Франции первого Центра перинатальной подготовки, который стал оказывать медицинское, образовательное, психолого-консультативное и тренировочное обслуживание [3, с. 172]. На данном этапе особое значение приобретает взаимодействие матери и ребенка, развитие способностей беременной женщины регулировать своё эмоциональное состояние, передавать его плоду и получать обратную связь о состоянии и поведении ребенка. Заметим, что в ходе исследований в области дородовой педагогики были выдвинуты гипотезы о влиянии внутриутробного воспитания на ребенка, подтвержденные практическими результатами. Новорожденные, получившие перинатальное воспитание, опережают своих сверстников по основным психомоторным реакциям на один месяц [3, с. 177].

Выделение медицинских показателей оценки результатов родительского труда полностью соответствует логике медицинского этапа исторического развития систем перинатального воспитания. Основной акцент сделан на физиологических аспектах беременности и родов, при этом практически не учитывается образовательно-воспитательный компонент, влияющий на внутриутробное развитие ребенка. Сегодня благодаря достижениям современной медицины уже на перинатальной стадии развития будущей личности представляется возможным полностью убедиться в здоровье будущего ребенка и определить его генетический статус (посредством поиска и изучения клеток зародыша в крови матери, результаты анализа которых готовы уже через несколько часов).

Официальная российская статистика собирает преимущественно медицинские показатели, связанные с протеканием беременности и с первыми месяцами после рождения ребенка. Статистика ведет учет сведений о прерывании беременности, состоянии здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. Эти показатели представляется целесообразным использовать и для оценки родительского труда на микроуровне, поскольку в этот период родительский труд заключается, в первую очередь, в сбережении матерью своего здоровья, отказе от вредных привычек и исключении тех факторов, которые могут нанести вред плоду. Возможность учета таких показателей на макроуровне свидетельствует о возможности их учета и на микроуровне. Таким образом, к медицинским показателям оценки результатов родительского труда на перинатальной стадии можно отнести: генетический статус ребенка, число предыдущих беременностей, количество абортов, количество посещений медицинских специалистов, наличие осложнений, результаты лабораторных анализов, количество занятий лечебной физкультурой; вес и рост ребенка при рождении; состояние ребенка при рождении по шкале Апгар, а также факт прохождения родителями психологической подготовки к родам, наличие вредных привычек у матери и др.

Помимо медицинских, на перинатальной стадии целесообразно использовать и социальные показатели, учет которых стали возможен начиная с третьего этапа развития систем перинатального воспитания. Для внутриутробного воспитания применяются программы перинатального воспитания, которые включают в себя различные виды терапии (в первую очередь, цветовую и звуковую, что дает возможность рожать эмоционально уравновешенных детей с высоким уровнем коэффициента интеллектуального развития [3, с. 176]). В настоящее время научные разработки в области перинатальной социологии, перинатальной педагогики и перинатальной психологии еще только начинаются, однако уже сегодня участие родителей в программах перинатального воспитания может выступать психологическим и педагогическим критерием результативности родительского труда.

Источником информации о медицинских показателях результатов родительского труда может служить форма учетной медицинской документации – обменная карта, которая открывается, когда женщина встает на учет по беременности. Она предназначена для контроля за ходом беременности, родов и состоянием здоровья матери и новорожденного. Рассматриваемый документ состоит из трех разделов:

1) данные об особенностях течения беременности (число предыдущих беременностей, количество абортов, количество посещений медицинских специалистов, наличие осложнений, лабораторные анализы, число занятий лечебной физкультурой, психологическая подготовка к родам, количество занятий в «Школе матерей» и др.);

2) информация о течении родов и послеродового периода (особенности родового процесса, особенности течения послеродового процесса, состояние младенца при рождении, вес и рост ребенка при рождении и др.);
3) сведения о состоянии новорожденного (особенности послеродового периода, вес и рост ребенка при выписке, состояние ребенка при рождении по шкале Апгар (функционирование органов и систем ребенка на первой и пятой минутах жизни), проведение мер по оживлению, тип вскармливания и др.).

Достаточно широкий охват перечисленных показателей позволяет говорить о том, что обменная карта может рассматриваться в качестве источника информации о результатах родительского труда на его перинатальной стадии на мини- и микроуровнях. Показатели, которые содержит этот документ, по своему содержанию относятся к медицинским, однако отдельные критерии учитывают психологическую и педагогическую составляющие родительского труда, связанные с перинатальным воспитанием (например, количество занятий в «Школе матерей» - и это несмотря на то, что школы будущих матерей появились еще в рамках второго этапа развития систем перинатального воспитания).

На наш взгляд, социальные показатели результатов родительского труда, связанные с посещением перинатальных центров или центров дородовой подготовки, логичнее отражать в отдельном документе. Это может быть сертификат, в котором будут указаны пройденные курсы, период и место их посещения. Со временем, после распространения технологии определения генетического статуса, внедрения документальной фиксации данных представляется целесообразным его включение в число медицинских показателей родительского труда и его результатов (его отражение возможно в обменной карте).

Формирование результатов на перинатальной стадии родительского труда отражено в показателях, которые в обобщенном виде представлены в таблице 1.

Итак, в данной работе предпринята первая попытка выделения показателей для оценки с их помощью результатов родительского труда на микро- (семья, предприятие) и мини- (личность) уровнях по стадийности характера формирования человеческого капитала.

Таблица 1

Показатели, отражающие результаты родительского труда на перинатальной стадии

Стадия, источник информации	**Медицинские показатели**		**Социальные показатели**	
	Физическое здоровье	**Психическое здоровье**	**Образовательные показатели**	**Социальная практика**
Перинатальная стадия (обменная карта)	генетический статус ребенка, число предыдущих беременностей, количество абортов, количество посещений медицинских специалистов, наличие осложнений, лабораторные анализы, количество занятий лечебной физкультурой; вес и рост ребенка при рождении; состояние ребенка при рождении по шкале Апгар и др.	психологическая подготовка к родам, наличие вредных привычек у матери и др.	количество занятий в «Школе матерей»; участие в программах внутриутробного воспитания и др.	опыт, полученный в процессе взаимодействия со старшим поколением, от других женщин, имеющих детей.

В представленной таблице сгруппированы и обобщены показатели, позволяющие операционализировать понятие «результаты родительского труда» на перинатальной стадии. В дальнейшем планируется выделение показателей для каждой стадии родительского труда и

разработка методики оценки результатов родительского труда. Учет подобных показателей в пенсионной системе сегодня может стать новым эффективным механизмом, положенным в основу ее реформирования, который будет способствовать индивидуализации системы пенсионного страхования и, вместе с тем, решению демографических проблем. Это будет стимулировать родителей вкладывать дополнительные средства в человеческий капитал своих детей, усилит связь поколений, повысит уровень жизни пенсионеров.

Список литературы:

1. Багирова А. П. Родительский труд: специфика анализа и управления: [монография] / А. П. Багирова, О. М. Шубат, М. М. Пшеничникова. Екатеринбург: УрФУ, 2013. — 206 с.

2. Илышев А. М. Факторы репродуктивной активности населения: опыт анализа региональной дифференциации / А. М. Илышев, А. П. Багирова // Регион: экономика и социология. – 2009. – №1. – С. 92-110.

3. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.

4. Пшеничникова М. М. Родительский труд: содержание и особенности реализации в малых городах Уральского региона : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / М. М. Пшеничникова. Екатеринбург : [б. и.], 2012. – 185 с.

5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

6. Шабанова М. А. Социоэкономика (для экономистов, менеджеров, госслужащих): Учебное пособие / М. А. Шабанова. – Москва: Экономика, 2012. – 559 с.

УДК 316.342.2 (470)

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Ваторопин Александр Сергеевич
доктор социологических наук, доцент
E-mail: asvatoropin@gmail.com
Ваторопин Сергей Александрович
ассистент
E-mail: sergeyvatoropin@yandex.ru
Уральский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Екатеринбург

NATIONALIST MOODS OF THE RUSSIAN STUDENTS

Vatoropin Alexander
Doctor of Sociology, assistant professor,
Vatoropin Sergey
Assistant, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Urals institute of management, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются националистические настроения в российской студенческой среде. На основе анкетного опроса студентов из 8 городов России характеризуются социальные практики данной группы, обусловленные влиянием националистических идей. Анализируется протестный потенциал студентов-националистов. Определяются факторы, препятствующие реализации данного значительного потенциала.

ABSTRACT – In the article nationalist moods of the Russian students are analyzed. On the basis of questionnaire of students from 8 cities of Russia the social practices of this group caused by influence of nationalist ideas are characterized. Protest potential of students-nationalists is analyzed. The factors interfering realization of this considerable potential are defined.

Ключевые слова: студенты, национализм, националистические настроения, социальные практики, протесты
Keywords: students, nationalism, nationalist moods, social practices, protests

События последнего времени на Украине обнаружили высокий революционный потенциал националистов. Социально-экономические требования митингующих на Майдане достаточно быстро дополнились антирусской риторикой, а националистические лозунги сумели существенно радикализировать протестное движение. Активное участие в революционных событиях на Украине приняли студенты.

В России проблемы в сфере межнациональных отношений (межэтническая преступность, нелегальная иммиграция и т.д.) также стоят весьма остро. Несмотря на отсутствие масштабных националистических протестных выступлений с политическими требованиями, вероятность подобных событий в будущем не исключена. В этой связи, целесообразно проанализировать, насколько националистические идеи близки наиболее активной и интеллектуальной части современной российской молодежи – студентам, и готовы ли они реализовывать данные идеи на практике.

В первую очередь, рассмотрим уровень распространенности националистической идеологии в студенческой среде. Согласно исследованию «Лаборатории Крыштановской» «Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры», лишь около 2% молодежи идентифицирует себя в качестве националистов, при этом студентов – около 1%. Подобный невысокий показатель обусловлен эклектичностью идеологического сознания и невысоким уровнем политической культуры учащихся российских вузов. Отметим, что большинство респондентов не смогли определить свои идеологические предпочтения [1]. Тем не менее, отдельные националистические идеи (например, борьба за права русского народа) пользуются значительно бóльшей популярностью. Этот вопрос будет подробнее рассмотрен в ходе анализа результатов нашего эмпирического исследования. В целом можно констатировать, что националистические настроения присутствуют среди данной группы, однако, не являются повсеместно распространенными.

Националистические настроения обусловливают различные социальные практики: радикальные и умеренные. Радикальными социальными практиками являются преступления против лиц других национальностей. При этом данные преступления зачастую носят особо тяжкий характер, связаны с убийствами или нанесением тяжких телесных повреждений. В этой связи достаточно упомянуть ряд резонансных судебных процессов над студентами – «скинхедами» в различных городах России. Так, в 2006 г. националисты из числа учащихся вузов были осуждены за взрыв на Черкизовском рынке в Москве, при котором большинством пострадавших оказались граждане Китая [2]. В 2010 г. 11 петербургских студентов были обвинены в нападениях на иностранных граждан, а также в убийстве гражданина Узбекистана [3]. Также в 2010 г. 6 студентов калининградских вузов были приговорены к реальным срокам заключения (вплоть до 7,5 лет) за систематические издевательства и избиение рабочих таджикской и узбекской национальностей [4]. В ноябре 2013 г. на станции метро «Удельная» в Санкт-Петербурге группой студентов и школьников было избито множество людей «неславянской внешности», по факту чего было возбуждено уголовное дело. Список подобных преступлений на националистической почве, совершенных учащимися вузов, далеко этим не ограничивается. Отметим, что преступления студентов из числа «скинхедов» не всегда являются идеологически мотивированными. В этой связи можно упомянуть их многочисленные противоправные действия в отношении лиц собственной национальности [5]. Кроме того, само вступление в подобные организации в некоторых случаях мотивировано «желанием произвести положительное впечатление и самореализоваться» [6]. Преимущественно умеренный характер носят другие социальные практики студентов – участие в масштабных националистических протестных акциях. Среди подобных акций особняком стоит ежегодно проводимый в различных городах России «Русский марш», приуроченный ко Дню народного единства. Организуемый множеством националистических организаций («Рус-

ские», лидер – Д. Н. Демушкин, «Национально-демократическая партия», лидер – К. А. Крылов, «Русский общенациональный союз», лидер – И. В. Артемов и др.), он в разные годы собирал до нескольких тысяч участников. В большинстве своем акции ограничиваются мирными шествиями и митингами, однако, в отдельных случаях имели место нарушения общественного порядка и столкновения с правоохранительными органами (например, в 2012 году в Казани было задержано 70 человек, в Новокузнецке – около 200) [7].

Интересно отметить, что, несмотря на довольно подробное освещение в СМИ (в особенности в Интернете), «Русский марш» не получил широкого общественного резонанса. По данным ВЦИОМ, лишь 12% россиян «хорошо известно об этом»; 34% «что-то слышали, но не знают подробностей», а более половины (52%) вообще «впервые слышат об этом». Общее отношение к «Русскому маршу» скорее негативное: 38%, хоть и считают подобные акции допустимыми, но не поддерживают их; 29% высказались за их полный запрет. Лишь 13% россиян готовы принять участие в «Русском марше» в случае проведения акции в их городе. Как показывает практика, количество протестующих заметно ниже 13% населения как городов-миллионников, так и малых городов [8].

Студенческая молодежь принимает достаточно активное участие в подобных мероприятиях. Анализ материалов СМИ показывает, что определенной ее части близки ультранационалистические лозунги, и именно молодежь более радикальна и потенциально способна превратить в целом мирные шествия и митинги «Русского марша» в нарушения общественного порядка [9; 10]. Но точные данные относительно количества студентов, участвующих в этой и других акциях, их националистических настроениях и характере их действий получить не удалось.

В целом, проблема националистических настроений в современной студенческой среде требует дальнейшего исследования. Представляется необходимым получить ответ на ряд вопросов. Во-первых, каков социальный портрет студентов-националистов? Во-вторых, какие факторы оказывают влияние на принятие студентами националистических идей? В-третьих, каковы социальные практики студентов-националистов и насколько они распространены? В-четвертых, каков потенциал студенческого националистического протестного движения, и какие факторы могут его активизировать?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к результатам социологического исследования, проведенного нами в ноябре-декабре 2013 г. методом анкетирования[1].

В результате исследования было выявлено, что количество студентов, идентифицирующих себя в качестве националистов, составляет около 5%. Это в значительной степени уступает количеству сторонников более умеренных левых и правых течений, таких как социал-демократия и либерализм (21,4% и 20,2% соответственно), однако превышает количество приверженцев других идеологических направлений. При этом националистические идеи скорее склонны поддерживать мужчины (их почти в 1,5 раза больше, чем женщин), что в целом характерно для более радикальных идеологий.

Социальное происхождение студентов, поддерживающих националистические идеи, представляется весьма разнообразным. Так, у 15% из них отец является рабочим, 13% – работником сферы услуг, 12% – предпринимателем, 12% – инженерно-техническим работником, 12% - служащим на предприятии, и т.д. У 23% мать – государственный служащий, 15% – специалист в сфере образования и здравоохранения, 12% – рабочий, 12% – предприниматель, 10% – инженерно-технический работник и т.д.

Рассмотрим социологический портрет студентов-националистов. В первую очередь, отметим, что уровень материального благосостояния оказывает незначительное влияние на принятие студентами различных идей (см. табл. 1).

[1] В ходе исследования по квотной выборке опрошено 1156 студентов из 8 городов России. В генеральную совокупность вошли студенты, проживающие в 4 регионах России (Сибирь, Урал, Юг и Северо-Запад России).

Таблица 1.

Идеологическая самоидентификация студентов в зависимости от их оценки собственного материального положения (в % от числа ответивших)

Идеологическая самоидентификация	Оценка собственного материального положения				Сумма, %
	«Неудовлетворительно», %	«Удовлетворительно», %	«Хорошо», %	«Отлично», %	
Националист	11,5	59,6	17,4	11,5	100
Либерал	11,3	61,1	22,2	5,4	100
Социал-демократ	5,6	68,8	20,5	5,1	100
Коммунист	17,1	56,1	22,0	4,8	100
Анархист	5,3	68,3	21,1	5,3	100

Так, в числе сторонников всех наиболее популярных идеологий (социал-демократия, либерализм, национализм, коммунизм и анархизм) присутствует от 25 до 30% студентов, оценивающих собственное материальное положение «на хорошо и отлично» и от 70 до 75% – «на удовлетворительно и неудовлетворительно». Определенным отличием националистов является доля сторонников с очень высоким уровнем материального благосостояния (более чем в 2 раза больше, чем у других идеологических течений), но в целом она невелика – чуть более 10%.

Оказывают ли родители определяющее влияния на принятие большинством нынешних российских студентов националистических идей?

Таблица 2

Идеологическая самоидентификация студентов и идеологическая идентификация ими родителей и друзей (в % от числа опрошенных)

Идеологическая самоидентификация	Доля группы, %	Соответствие по родителям, %	Соответствие по друзьям, %
Националист	5,2	21,2	61,5
Либерал	20,2	53,2	65,0
Коммунист	4,1	75,6	56,1
Социал-демократ	21,4	60,5	61,9
Анархист	1,9	5,3	47,4
Сторонник других идеологических направлений	8,5	44,4	42,8
Отсутствие идеологической идентификации	38,7	84,3	87,1
Все студенты	100	64,3	70,0

Результаты проведенного нами исследования показывают, что лишь у каждого пятого студента-националиста родители разделяют его взгляды. Подобная ситуация несвойственна, например, студентам-коммунистам, подавляющее большинство родителей которых (75%) разделяют их убеждения. Что касается принятия националистических идей, то оно в большей степени осуществляется студентами в кругу сверстников.

Стоит отметить, что студенты, поддерживающие националистические идеи, проявляют меньший интерес к политическим событиям, чем сторонники других идеологических течений (См.: Табл. 3). Но если разница с умеренными социал-демократами и либералами невелика (56% националистов «активно интересуются» и «скорее интересуются» против 58% у социал-демократов и 59% у либералов), то с радикальными анархистами более существенна (68%). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что националистические идеи в большей степени, нежели другие, усваиваются студентами не под влиянием политической пропаганды, а, например, в результате собственного негативного опыта взаимодействия с представителями других национальностей.

Таблица 3

Интерес студентов к политике в зависимости от их идеологических предпочтений (в % от числа ответивших)

Идеологическая самоидентификация	Интерес к политике					Сумма, %
	«Активно интересуюсь», %	«Скорее интересуюсь», %	«Скорее не интересуюсь», %	«Вообще не интересуюсь», %	«Затрудняюсь ответить», %	
Националист	13,5	42,3	28,8	13,5	1,9	100
Либерал	10,3	48,3	34,0	5,9	1,5	100
Коммунист	9,8	56,1	19,5	12,2	2,4	100
Социал-демократ	13,5	44,2	31,6	6,0	4,7	100
Анархист	21,1	47,3	31,6	-	-	100

Далее рассмотрим социальные практики студентов-националистов. В первую очередь, обращает на себя внимание более значительный опыт участия в протестных акциях представителей данной группы (См.: Табл. 4).

Особенность подобных выступлений заключается в том, что подавляющее большинство протестующих (около 85%) составляют мужчины (например, среди социал-демократов 70% участников акций - женщины). Что касается протестного потенциала студентов-националистов, то он также является наибольшим среди сторонников всех идеологических течений. Так, например, в случае значительного ухудшения собственного материального положения 29% представителей данной группы выразили готовность участвовать в радикальных акциях (около 13% среди всех студентов), связанных с нарушениями общественного порядка, а 38% – в революционных выступлениях, направленных на свержение действующей власти (около 21% среди всех студентов).

Таблица 4

Участие студентов в протестных акциях в зависимости от их идеологических предпочтений (в % от числа ответивших)

Идеологическая самоидентификация	Принимали участие в протестах, %	Не принимали участие в протестах, %	Сумма, %
Националист	13,5	86,5	100
Либерал	3,9	96,1	100
Коммунист	9,8	90,2	100
Социал-демократ	4,7	95,3	100
Анархист	5,3	94,7	100

Вместе с тем, трансформации националистических протестных настроений в студенческой среде в масштабную «уличную» активность препятствует отсутствие влиятельной организации, выражающей соответствующие идеи. В первую очередь, следует отметить, что абсолютное большинство данных организаций являются запрещенными в России. Исключение составляет умеренный «Российский общенародный союз» под руководством С. Н. Бабурина, во многом концентрирующий свою деятельность на участии в выборах в органы власти регионов и муниципалитетов вместо организации масштабных протестных акций [11]. Во-вторых, можно говорить об определенном расколе в среде националистических организаций, связанном, во многом, с различными позициями относительно событий на Украине [12]. Так, например, Д. Н. Демушкин, лидер движения «Русские», осуждает «мерзкую антиукраинскую кампанию» [13]. «Другая Россия» (преемница НБП), напротив, поддерживает республики Юга-Востока Украины, а ее члены даже приняли участие в военных операциях на стороне ополченцев. Так или иначе, о создании коалиции националистических организаций с единой идеологической платформой на сегодняшний день речи не идет. В-третьих, часть сторонников российские националисты потеряли в результате преступлений украинских националистов и роста лояльных к власти национал-патриотических настроений в свете присоединения

Крыма. Как утверждает Д. Н. Демушкин, «Наш главный националист [Владимир Путин], очевидно, переманивает людей. Определенную роль сыграла Новороссия, приклеив к националистам ярлыки «бандеровцев» и «фашистов». Никто не хочет общаться с маргиналами» [14]. Обозначенные причины обусловили низкую степень участия студентов-националистов в соответствующих политических организациях. По результатам нашего исследования, их количество не превышает 4%.

Более распространенной практикой для студентов-националистов является участие в политических группах в социальных сетях. По данным нашего исследования, их количество составляет около 15%. Основной практикой является обсуждение различных событий на форумах. Согласно исследованию Т. Ф. Соболевой, в центре внимания членов данных сообществ находятся антикавказский, антимигрантский, антиисламский, антисоветский, антизападный, антиамериканский, антиимперский и другие дискурсы. Особняком стоит обсуждение ситуации на Украине и присоединение Крыма к России. По данному вопросу исследователем выявлены противоположные точки зрения. Так, в группах национал-патриотов, «Национально-Демократическая Партия» и «Спутник и Погром» превалирует негативное отношение к деятельности украинских властей и националистов и положительное – к присоединению Крыма. В группах радикальных националистов и «Национальный Демократический Альянс», в основном, выражается противоположная точка зрения. В заключение своего исследования Т. Ф.Соболева подтверждает обозначенное нами положение о расколе в рядах националистических организаций. Тем не менее, критическая риторика в адрес действующей власти сохраняется [15].

Анализ электоральных предпочтений учащихся вузов на выборах Президента РФ в 2012 г. также продемонстрировал более значительный оппозиционный настрой студентов-националистов по сравнению со сторонниками других идеологических течений.

Таблица 5

Электоральные предпочтения студентов на выборах Президента РФ в 2012 г. (в % от числа ответивших)

Идеологическая самоидентификация	**Путин В.В., %**	**Зюганов Г.А., %**	**Прохоров М.Д., %**	**Жириновский В.В., %**	**Миронов С.М., %**	**Сумма, %**
Националист	38,5	-	34,6	19,2	7,7	100
Либерал	44,2	5,3	30,5	20,0	-	100
Коммунист	62,4	29,2	4,2	4,2	-	100
Социал-демократ	61,5	7,3	17,6	9,4	4,2	100
Анархист	45,4	-	18,2	36,4	-	100

Так, менее 40% студентов-националистов проголосовало за В.В. Путина (55% среди всех студентов), четко позиционирующего Россию в качестве многонационального государства и отрицающего популярный в среде русских националистов лозунг «Хватит кормить Кавказ!» [16]. Несколько меньшее количество голосов (около 35%) получил М. Д. Прохоров. Несмотря на его отрицательное отношение к «Русским маршам» и националистам как таковым, им были предложены умеренные пути решения ряда проблем в сфере межнациональных отношений (например, борьба с нелегальной иммиграцией) [17]. Как показало проведенное нами исследование, именно этот кандидат в большей степени воспринимался студентами в качестве «реальной» оппозиции к власти. Лишь третье место среди националистов с 19% голосов занял традиционно выдвигающий лозунг «За русских!» В. В. Жириновский.

Несколько иные тенденции были зафиксированы на выборах в Государственную Думу РФ в 2011 г. С учетом более низкой явки студентов-националистов (29% против 54% на выборах Президента РФ), отсутствием ярко выраженной националистической риторики у большинства политических партий и личного авторитета В. В. Путина, преимущество «партии власти» среди данной группы оказалось более существенным (см.: табл. 6). Вполне закономерным можно считать значительное количество голосов, отданных за более национали-

стически настроенную ЛДПР (около 27%). Рейтинги других партий оказались примерно одинаковыми и не превысили 7%.

Таблица 6

Электоральные предпочтения студентов на выборах в Государственную Думу РФ в 2011 г. (в % от числа ответивших)

Идеологическая самоидентификация	«Справедливая Россия», %	ЛДПР, %	«Патриоты России», %	КПРФ, %	«Яблоко», %	«Единая Россия», %	«Правое дело», %	Сумма, %
Националист	6,7	26,7	6,6	6,7	6,6	40,0	6,7	100
Либерал	8,2	32,8	-	6,5	14,8	37,7	-	100
Коммунист	13,3	6,7	-	46,7	-	26,7	6,6	100
Социал-демократ	20,5	15,9	4,6	15,9	4,5	38,6	-	100
Анархист	-	62,5	-	25,0	-	-	12,5	100

В заключение анализа социальных практик российских студентов-националистов подчеркнем следующее: у данной группы присутствует наиболее значительный опыт протестных выступлений и существенный протестный потенциал. Однако реализации данного потенциала препятствуют следующие факторы. Во-первых, радикальный национализм теряет свой авторитет в свете преступлений украинских националистов и роста национал-патриотических настроений среди лояльных к действующей власти. В связи с этим, количество участников масштабных протестных выступлений (в первую очередь, «Русский марш») снижается. Во-вторых, существенным препятствием на пути консолидации студенческого националистического движения является отсутствие влиятельной политической организации. В-третьих, события на Украине в значительной степени разобщили националистов и привели к острым дискуссиям в рамках политических групп в социальных сетях. В-четвертых, отсутствие внятной националистической риторики со стороны крупных политических партий и их лидеров (за исключением ЛДПР и В.В. Жириновского) обусловливают хоть и не подавляющую, но превалирующую поддержку действующей власти на федеральных выборах. В связи с этим, говорить о реализации студенческого националистического протестного потенциала сегодня не приходится.

Тем не менее, отрицать подобную угрозу в будущем нельзя. Среди студентов-националистов (как и среди представителей других идеологических направлений) почти половина уверена в принципиальной возможности социальной революции в России:

Таблица 7.

Мнения студентов о возможности социальной революции в России (в % от числа ответивших)

Идеологическая самоидентификация	Возможность социальной революции			Сумма, %
	«Да», %	«Нет», %	«Затрудняюсь ответить», %	
Националист	46	46	8	100
Либерал	39	43	18	100
Коммунист	46	49	5	100
Социал-демократ	35	47	18	100
Анархист	58	37	5	100

Кроме того, около 40% студентов вузов уверены, что именно проблема ущемления прав русского и других коренных народов может стать катализатором социальной революции. По мнению 30%, именно студенты могут стать главной движущей силой революционных событий националистического характера.

Дальнейшее развитие ситуации, во многом, зависит от действий нынешней власти. Такие острые социальные проблемы, как нелегальная иммиграция, этническая преступность

и т.д., требуют конструктивных шагов по их разрешению. В случае роста напряженности в межнациональных отношениях в России угроза реализации протестного потенциала студенчества может стать вполне ощутимой, а последствия этого – крайне негативными как для действующей власти, так и страны в целом.

Список литературы:

1. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Гефтер»: [сайт]. URL: http://gefter.ru/archive/8369 (дата обращения: 14.01.2015).

2. Китайцев с Черкизовского рынка взорвали студенты-националисты [Электронный ресурс] // Yoki.ru: [сайт]. URL: http://www.yoki.ru/news/social/ politics/22-08-2006/28711-0/ (дата обращения: 14.01.2015).

3. В Петербурге осудили 11 студентов-националистов [Электронный ресурс] // Газета «Еркрамас»: [сайт]. URL: http://www.yerkramas.org/2010/03/15/ v-peterburge-osudili-11-studentov-nacionalistov/ (дата обращения: 14.01.2015).

4. В Калининграде осуждены 6 студентов-скинхедов [Электронный ресурс] // Life-news: [сайт]. URL: http://lifenews.ru/mobile/news/14807 (дата обращения: 14.01.2015).

5. В Екатеринбурге скинхеды «по ошибке» избили русского [Электронный ресурс] // Портал Национальных Общин: [сайт]. URL: http://www.etnosite.ru/ articles/12308.html (дата обращения: 14.01.2015).

6. Тольяттинский студент-отличник стал скинхедом, чтобы понравиться девушке? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: [сайт]. URL: http://www.kp. ru/daily/24584.5/754428 (дата обращения: 14.01.2015).

7. Русский марш: [Электронный ресурс] // Википедия [сайт]. URL: https://ru. wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F1%F1%EA%E8%E9_%EC%E0%F0%F8 (дата обращения: 14.01.2015).

8. «Русский марш»: ходить или не ходить? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114596 (дата обращения: 14.01.2015).

9. Лица «Русского марша» [Электронный ресурс] // Этнополитическое объединение «Русские»: [сайт]. URL: http://rusnat.com/2012/11/lica-russkogo-marsha/ (дата обращения: 14.01.2015).

10. «Русский марш», студенческое шествие и политическая тусовка на площади Труда – Екатеринбург готовится к 4 ноября [Электронный ресурс] // Новый регион: [сайт]. URL: http://www.urfo.org/ekb/516513.html (дата обращения: 14.01.2015).

11. Российский общенародный союз [Электронный ресурс] // Российский общенародный союз: [сайт]. URL: http://vsezaros.ru/moscow.html (дата обращения: 14.01.2015).

12. Попков Р. Украинский раскол русского национализма [Электронный ресурс] // Открытая Россия: [сайт]. URL: http://openrussia.org/post/view/249/ (дата обращения: 14.01.2015).

13. Дмитрий Дёмушкин: На Украине идет гражданская война между русскими людьми [Электронный ресурс] // Новый регион: [сайт]. URL: http://www.urfo.org/moskow/506265.html (дата обращения: 14.01.2015).

14. Каторжнов Д. «Русский марш» объединил сторонников и противников Новороссии [Электронный ресурс] // Московский комсомолец: [сайт]. URL: http://www.mk.ru/politics/2014/11/04/russkiy-marsh-obedinil-storonnikov-i-protivnikov-novorossii.html (дата обращения: 14.01.2015).

15. Соболева Т.Ф. Националистический кластер в российской блогосфере и социальных сетях: идеология, типология, динамика [Электронный ресурс] // Allbest.ru: [сайт]. URL: http://knowledge.allbest.ru/political/3c0b65635a2bc69b5 d43b89421216c37_3.html (дата обращения: 14.01.2015).

16. Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 14.01.2015).

17. Михаил Прохоров: «Русский марш» - марш националистов [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Презумпция»: [сайт]. URL: http://xn--e1aedpmdd0a3a5g.com/analytics/mihail_prohorov_russkij_marsh_-_marsh_ nacionalistov/ (дата обращения: 14.01.2015).

УДК 314:316.334.3-053.81

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОГНОЗ – ОРИЕНТИР МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Вишневский Юрий Рудольфович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail – soc_stu@e1.ru

DEMOGRAPHIC SITUATION AND FORECAST AS A BENCHMARK FOR

Yuri Vishnevsky R.,
Doctor of philosophical sciences, professor,
Ural Federal University (Yekaterinburg)

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается демографическая ситуация и обосновывается демографический прогноз – с акцентом на динамику численности молодежи и отдельных групп в ее составе. На этой основе рассматриваются необходимые изменения в характере и направленности региональной молодежной политики в Свердловской области.

ABSTRACT – The article discusses the demographic situation and substantiates the demographic forecast – with emphasis on the dynamics of the youth population and particular groups within it. On this basis, discusses the necessary changes in the nature and direction of regional youth policy of the Sverdlovsk region.

Ключевые слова – демографические процессы, демографическая ситуация, демографический прогноз, региональная молодежная политика

Keywords – demographic processes, demographic situation and forecast, regional youth policy.

Молодежная политика определяется демографической ситуацией. С демографическими процессами (рождаемость, смертность, естественный прирост или убыль населения, брачность, разводимость, миграция и т. д.) связана численность молодежи, ее удельный вес в составе населения, соотношение между различными группами молодежи, соотношение трудоспособного населения с населением моложе и старше трудоспособного возраста.

Понятно, что любой регион при всех своих особенностях в значительной степени отражает общероссийские тенденции. Демографический спад в период социально-экономических трансформаций российского социума в 1990-х гг. определяет – как тенденцию – сокращение на перспективу численности населения молодежного возраста (14-30 лет), особенно старшей возрастной группы, и на этой основе – сокращение ее доли в составе населения

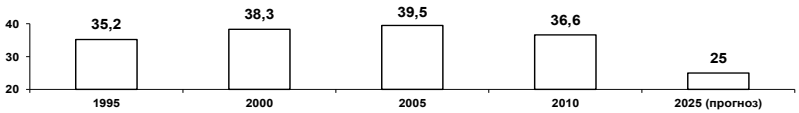

Рис. 1. Численность молодежи (14–30 лет) в России, млн. чел.

В Свердловской области этот процесс уже начался: численность молодежи в 2012 г. составляла 1087250 чел., в 2013 г. – 1065505 чел. [1; 186]. В 2012 г. доля молодежи составляла 24,7%, по прогнозу в 2025 г. она будет составлять лишь 18% (сокращение в 1,4 раза) [1; 178]. Начавшийся в 2000-2010-е гг. медленный рост рождаемости, конечно,

скажется на численности молодежи (особенно на младшей возрастной молодежной группе), но лишь в перспективе. В Свердловской области особенно проявилось преодоление «российского креста» (ситуации, когда рождаемость снижается, а смертность растет)

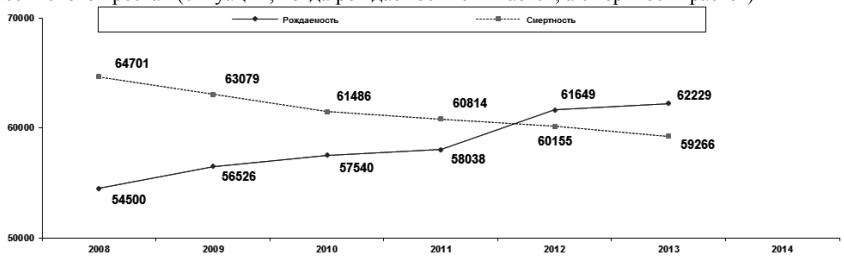

Рис 2. Динамика рождаемости и смертности по Свердловской области, чел. [3]

Происшедшие изменения особенно заметны, если сравнивать коэффициенты рождаемости и смертности (число рождений и смертей на 1000 чел. населения).

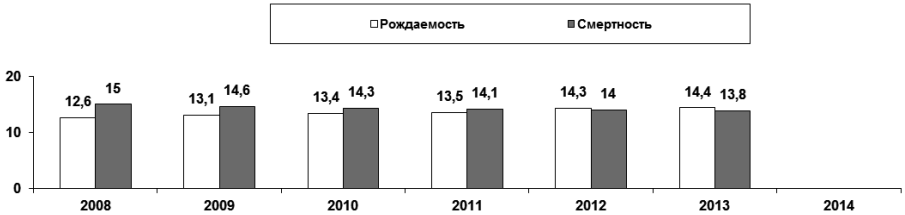

Рис. 3. Коэффициенты рождаемости и смертности по Свердловской области [3]

Соответственно, после некоторого снижения численности населения (пик достиг в 2010 г.) начался – за счет определенного роста рождаемости и положительного сальдо миграции – определенный рост населения Свердловской области.

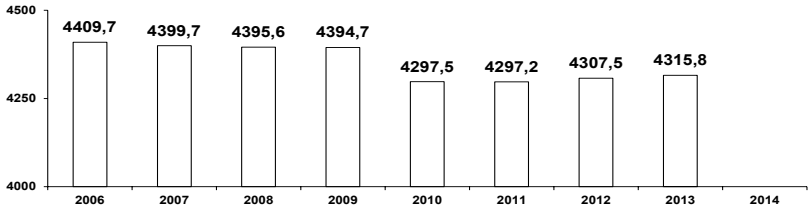

Рис. 4. Динамика численности постоянного населения Свердловской области (тыс. человек) [3]

Но, согласно оценкам специалистов, в более отдаленной перспективе коэффициент естественного прироста населения (прибыль-убыль на 1000 человек населения) в Свердловской области снизится (в 2011 г. он составлял -1,4; в 2025 г. – по демографическому прогнозу – он составит -4,5).

Молодежная политика должна учитывать дифференцированность молодежи, ее разделение по половозрастному и другим критериям.

С точки зрения трудового потенциала и трудовых ресурсов особый интерес представляет структура населения Свердловской области по возрастным группам (соотношение трудоспособного населения и населения моложе и старше трудоспособного возраста).

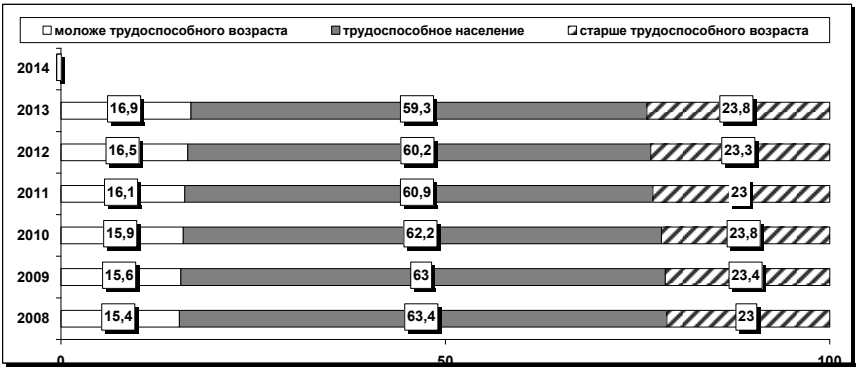

Рис. 5. Структура населения Свердловской области, по возрастным группам, % [3]

Заметно некоторое увеличение группы моложе трудоспособного возраста (сказывается начавшийся рост рождаемости) и увеличение группы старше трудоспособного возраста – результат растущей продолжительности жизни населения. Но эти моменты усиливают нагрузку на трудоспособное население, значительную часть которого составляет или в ближайшей перспективе будет составлять нынешняя молодежь.

Ситуация усугубляется нарастающим *гендерным перекосом* в структуре населения Свердловской области. Заметно преобладание юношей в группе моложе трудоспособного возраста, которая в ближайшие годы будет пополнять молодежь. В группе трудоспособного населения эта тенденция выражена еще сильнее, в том числе и в силу разницы возраста выхода мужчин и женщин на заслуженный отдых. В группе старше трудоспособного ситуация меняется на противоположную: число женщин превышает число мужчин в 2,3 раза. В этом проявляется серьезное различие в их продолжительности жизни.

Таблица 1

Гендерный состав основных возрастных групп населения Свердловской области по результатам переписей населения, % по группам [2]

	1970	1979	1989	2002	2010
моложе трудоспособного	**27,7**	**22,8**	**24,6**	**17,3**	**16,0**
мужчины	30,7	25,1	26,8	19,2	17,9
женщины	25,2	20,8	22,7	15,7	14,4
трудоспособном	**58,5**	**61,8**	**56,9**	**62,0**	**61,1**
Мужчины	62,6	66,9	63,1	67,1	68,5
Женщины	55,0	57,5	51,5	57,5	54,8
старше трудоспособного	**13,7**	**15,3**	**18,4**	**20,6**	**22,9**
Мужчины	6,6	7,9	10,1	13,5	13,5
Женщины	19,7	21,7	25,7	26,7	30,8

В регионе численность женщин в наиболее репродуктивном возрастном интервале 20–24 лет при благоприятных показателях суммарной рождаемости и продолжительности жизни может снизиться с 11 тыс. на 100 тыс. населения (данные за 2010 г.) до 7,3 тыс. в 2015

г. и до 5,6 тыс. человек в 2020 г. Если учесть, что в Свердловской области в 2013 г. на долю молодых матерей (до 30 лет) приходилось 7 из 10 рождений [3], то можно предвидеть на перспективу 20-25 лет новое сокращение рождаемости (по крайней мере – первых детей).

Таблица 2

Распределение молодежи Свердловской области по возрасту и полу [2]

Возраст, Лет	Σ	Муж	Жен	В % к населению области		
				Σ	Муж	Жен
15 – 19	235 551	120 646	114 905	5,5	6,1	4,9
20 – 24	358 099	183 515	174 584	8,3	9,3	7,5
25 – 29	368 333	185 191	183 142	8,6	9,4	7,9
Σ	961 983	489 352	472 631	22,4	24,8	20,3

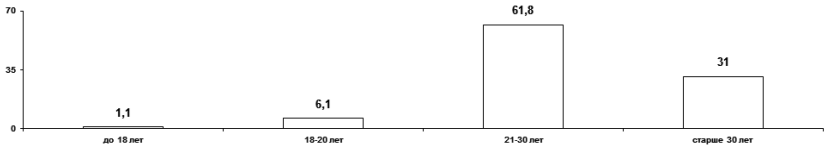

Рис. 6. Доля матерей новорожденных в Свердловской области в 2013 г. по возрасту (в % от общего числа) [3].

Доля молодежи в общей численности населения Свердловской области на 01.01.2014 составляла 19,9%, что ниже, чем в предшествующие годы. В ближайшие 5 лет численность (и соответственно доля) молодежи будет снижаться: из молодежного возраста выйдет одна из самых многочисленных за последние год групп (378 тыс. человек), а войдет – всего лишь 199,7 тыс. человек. Т.е. сокращение численности – почти на 178 тыс. человек. Если убыль всего трудоспособного населения составит около 7%, то количество молодежи в Свердловской области, находящейся в трудоспособном возрасте (16-30 лет), к 2015 г. уменьшится на 20%. Это приведет к возрастанию трудовой и социальной нагрузки на молодых работников. В такой ситуации многое будет определяться политикой региональных и муниципальных органов власти, направленной на удержание на территории региона (муниципального образования) работающей молодежи и привлечении молодых граждан к активной и производительной профессионально-трудовой деятельности. При этом особо остро встанет вопрос об эффективности использования работающей молодежи как социально-экономического ресурса инновационного развития. Особую актуальность имеет обозначенный подход для сельских территорий, где общая численность молодежи к 2020 г. уменьшится на 33% к уровню 2008 года. Доля сельской молодежи в младшей возрастной молодежной группе – 15,6%, в средней – 13, 8%, в старшей – 13,4%. Сохранится гендерный перекос. Доля женской части молодежи среди подростков – 48,9%, в средней молодежной группе – 48,7%, в старшей молодежной группе – 49,1%.

Приведенные статистические данные отражают ряд тенденций:

- В структуре молодежи (и соответственно, в акцентах на работу с ней) заметно снизилась доля младшей возрастной группы, наиболее институцио-нально обеспеченной (в учебных заведениях) и инфраструктурой, и кадрами воспитателей.
- С учетом динамики рождаемости (когда в младшую возрастную группу будут входить подростки, родившиеся на рубеже XX – XXI вв., т. е. периода спада рождаемости) можно прогнозировать на ближайшую перспективу снижение общей численности молодежи и ее доли в структуре населения области.

• Заметно (в сравнении с предыдущими периодами) в структуре молодежи изменилось соотношение мужчин и женщин (в младшей и в средней возрастных группах – 124 : 100; в старшей – 120 : 100). С учетом выявленных в рамках многолетних исследований гендерных различий в установках и прак-тиках мужской и женской молодежи можно прогнозировать некоторое измене-ние форм и масштабов различных видов активности молодежи.

Ощутимое снижение численности произошло в группе подростков (15-17 лет).

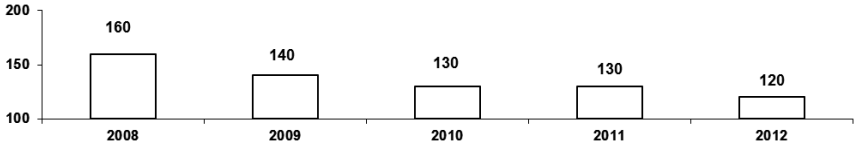

Рисунок 7. Численность подростков по Свердловской области (тыс. человек) [3]

Соответственно уменьшилась и доля подростков в населении области.

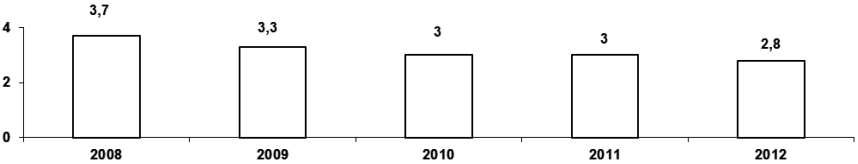

Рис. 8. Доля подростков (15-17 лет) в составе населения Свердловской области, % [3]

Это означает постепенное снижение численности сначала выпускников школ (и будущих абитуриентов колледжей и вузов), а затем и работников самого продуктивного возраста. Сокращение числа подростков-юношей негативно скажется и на численности при-зывников-срочников. Демографический прогноз отражает общее сокращение численности молодежи в Свердловской области.

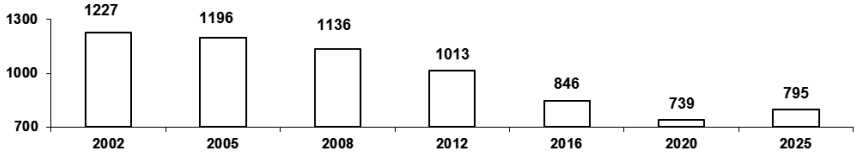

Рисунок 9. Прогноз динамики численности молодежи Свердловской области (в возрасте 14-30 лет) (до 2020 г.) (тыс. человек) [4; 9-10, 1; 178]

Еще более показателен этот прогноз в возрастном разрезе:

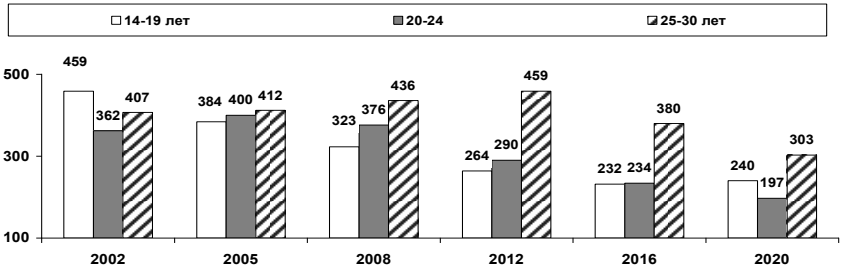

Рис. 10. Прогноз динамики численности различных по возрасту групп молодежи Свердловской области (до 2020 г.) (тыс. человек)

Наибольшими темпами будет убывать численность молодежи в возрасте 14 – 19 и 20 – 24 лет. В этом проявляется долговременное влияние на возрастную структуру населения феномена низкой рождаемости и депопуляции в 1990-х гг. В 2018-2020 гг. ожидается рост численности молодежи в Свердловской области (по прогнозу – в 2020 г. она составит 739 тыс. человек, в 2025 г. – 791 тыс. человек [1; 178]), как отражение роста рождаемости в 2000-х гг. Основу для прогноза численности молодежи Свердловской области на перспективу могут составить данные переписи 2010 г. Конечно, мы понимаем, что в эти расчеты определенные коррективы (и позитивные, и негативные) могут внести ряд факторов – внешняя и внутренняя (особенно – межрегиональная) миграция, смертность в молодежном возрасте. И все-таки такой прогноз позволяет определить основные тренды, тенденции.

Таблица 3

Динамика численности молодежи Свердловской области (расчет на основе материалов переписи 2010 г.) [2, расчет наш. - Ю. В.]

Численность молодежи (в целом)	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29
	246392	212984	186818	235551	358099	368333
2010 г				962 тыс. чел.		
2015 г.			780,5 тыс. чел.			
2020 г.		635,4 тыс. чел.				
2025 г.	646, 2 тыс. чел.					

Таблица 4

Динамика численности молодежи в городских поселениях Свердловской области (расчет на основе материалов переписи 2010 г.) [2, расчет наш. - Ю. В.]

Численность молодежи (городские поселения)	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29
	201973	175339	152424	198263	303494	317051
2010 г				818,8 тыс. чел		
2015 г.			654, 2 тыс. чел.			
2020 г.		526,1 тыс. чел.				
2025 г.	529,7 тыс. чел.					

Таблица 5

Динамика численности молодежи в сельских поселениях Свердловской области (расчет на основе материалов переписи 2010 г.) [2, расчет наш. - Ю. В.]

Численность молодежи (сельские поселения)	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29
	44419	37645	34394	37288	54605	51282
2010 г				143,2 тыс. чел.		
2015 г.			126,3 тыс. чел.			
2020 г.		109,3 тыс. чел.				
2025 г.	116,5 тыс. чел.					

Итак, без учета привходящих факторов, которые могут уточнить отдельные детали картины, но не изменить наметившиеся тренды, можно говорить о сокращении численности молодежи за 2010-2015 гг. – на 23% , за 2015-2020 г. – на 22,8%; и в 2020-2025 гг. – рост на 1,7%. Наибольшее влияние на расчетный вариант можно ожидать по соотношению молодежи по линии «город – село»: 2010 г. – 5,7 : 1, 2015 г. – 5,2 : 1, 2020 г. – 4,8 : 1, 2025 г. – 4,5 : 1. Очевидно, что нужно корректировать эти расчеты с учетом роста миграции в Свердловской области из села в город (преимущественно, это молодые люди, уезжающие из села для продолжения обучения или в поисках работы). Характерно, что в 2012 г. (в сравнении с 2011 г.) числа мигрантов из села в Свердловской области увеличилось вдвое – с 1510 чел. до 3044 чел., а в 2013 г. – еще в 1,5 раза – 4485 чел. [3]. Но даже если бы все мигранты из села были бы молодыми людьми, их доля – в пределах до 2-3% от числа сельской молодежи

Серьезное влияние на демографические процессы и – соответственно – на молодежную политику (одним из важнейших направлений которой является молодая семья) оказывает брачно-семейная структура.

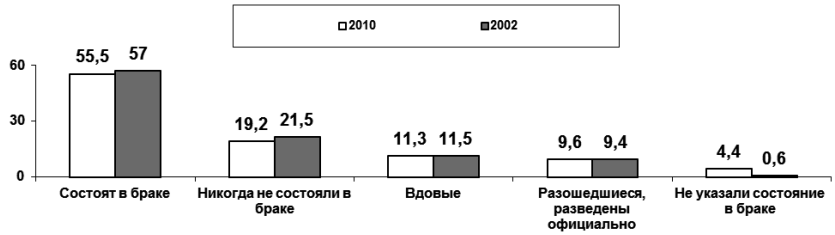

Рис. 11. Структура населения Свердловской области по состоянию в браке (в % от общей численности населения) по результатам переписи населения в 2002 и 2010 гг. [2, расчет наш – Ю. В.]

Казалось бы, результаты во многом сходные (за исключением резко – в 7 раз – возросшего числа тех, кто не указал состояние в браке). Но многое становится ясным, если привлечь и другие материалы переписей. Среди состоящих в браке за период между переписями изменилось соотношение между теми, кто состоит в зарегистрированном и незарегистрированном браке (в 2002 г. оно составляло 87 : 13, в 2010 г. – 83 : 17). Конечно, было бы неверно преодолевать недостатки статистики (упорно игнорирующей возрастной разрез брачно-семейных отношений) и просто переносить данные переписи «каждый шестой брак у нас не зарегистрирован» на молодежь. Но данные эмпирических исследований позволяют зафиксировать, что именно в молодежной среде получает все более широкое распространение феномен «незарегистрированного брака» (в обыденном сознании он определяется как «граждан-

ский брак», что неверно, поскольку «брак между гражданами», регистрируется отделами ЗАГС, где происходит запись актов гражданского состояния).

На брачно-семейное поведение молодых людей негативное воздействие оказывает неверная, искаженная интерпретация брачной статистики. Как правило, в статистике фиксируется число браков и разводов, зарегистрированных в истекшем году, соответственно рассчитываются коэффициенты брачности и разводимости (на 1000 человек населения). И это – очень важная информация. Но дальше статистики сравнивают эти коэффициенты, а многие демографы и социологи некритично используют эти сравнения. И уже в 1970-1980-х гг. появились их утверждения о «кризисе семьи», поскольку «каждая вторая-третья семья распадается» (в Свердловской области на 1 зарегистрированный развод приходилось в 1970 г. 3,52 зарегистрированных брака, в 1980 г. – 2,57, в 1990 г. – 2,4 [3, расчет наш – Ю. В.]). Но уже в 1990-е гг., когда соотношение браков и разводов еще более снизилось, выявилось «лукавство» этой цифры:

Таблица 6

Соотношение браков и разводов (число браков на 1 развод) по Свердловской области [3, расчет наш – Ю. В.]

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1,33	1,08	1,11	1,37	1,53	1,77	1,77	1,79	1,6	1,63	1,91	1,97	1,86	1,77

Действительно, следуя «логике интерпретации», пришлось бы применительно к 2001-2002 гг. говорить, что у нас распадаются «почти все семьи). Но в том то и «лукавство», что разводы необходимо соотносить с общим количеством семей. И, хотя ситуация остается негативной, она в принципе не столь катастрофична. Как видно, из данных (рис.11) соотношение разведенных, официально зарегистрировавших развод, с общим числом состоящих в браке – 1 : 6. Нельзя не учитывать и то, что неполные семьи возникают не только из-за развода, но и в связи со смертью одного из супругов. Но это – проблема уже не столько молодежная, сколько в основном старших возрастных групп (характерно, что среди вдовых, по данным переписей, соотношение мужчин и женщин составляло в 2002 г. 1 : 6,5, в 2010 г. – 1 : 7 [2, расчет наш – Ю. В.])

Если раньше незарегистрированный брак осуждался обществом, то в современных условиях юридически незарегистрированный брак становится все более распространенной формой отношений между мужчиной и женщиной. Характерно (и в какой-то степени типично в целом для Российской Федерации) распределение новорожденных в Свердловской области детей по типу семей (См.: Рис. 12).

Да, доля детей, родившихся в полных семьях, несколько возросла (за 2008-2012 гг. – на 5%), но и сегодня фактически 3 из каждых 10 детей рождаются в неполных семьях (пусть даже и с установлением отцовства).

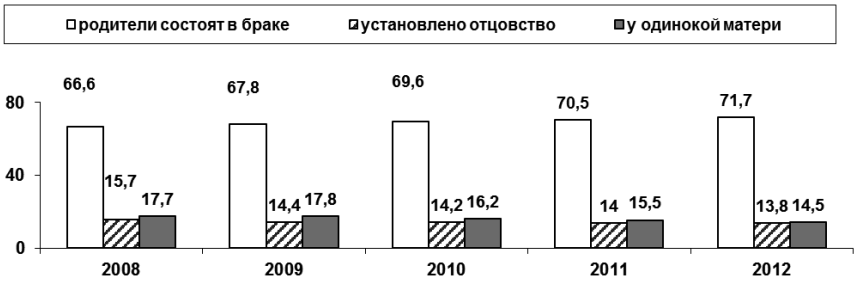

Рис. 12. Распределение новорожденных по типам семей по Свердловской области (в % от общего числа новорожденных) [2, расчет наш – Ю. В.]

Отражением неблагополучия в брачно-семейной сфере и низкой сексуальной, контрацептивной и – особенно – нравственной культуры молодежи является характерная для России массовая абортизация. По Свердловской области ситуация характеризуется следующими данными:

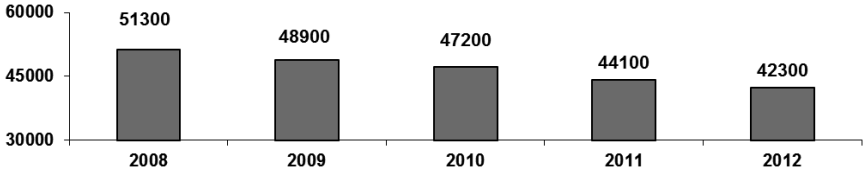

Рис. 13. Число абортов по Свердловской области (человек) [3]

При наличии позитивной тенденции – снижения числа абортов (и соответственно, сокращения их соотношения с числом рождений) – аборт выступает для многих женщин (особенно молодых – нужна возрастная структура женщин, сделавших аборт) достаточно распространенной формой отказа от рождения ребенка.

Рис. 14. Соотношение численности абортов (принята за 100) и рождений по Свердловской области [3, расчет наш – Ю. В.]

Завершая наш краткий анализ, хотелось бы обратиться к истории Уральских социологических чтений. В выступлении известного юнолога А. А. Козлова на XIII чтениях было обращено внимание на «падение рождаемости, с 2000 г. принявшего катастрофический характер»: «Объективно это ставит под угрозу национальную безопасность страны, провоцирует негативные сценарии развития молодых поколений. Но и повышает в то же время ценность молодежи» [5; 20-22]. Прогноз социолога не был своевременно учтен и федеральными, и региональными властями. Не хотелось бы, чтобы и наш анализ постигла такая же судьба.

Список литературы:

1. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала /На правах рукописи. М.: РАНХиГС, 2013. 187 с.

2. Возрастно-половая структура населения Свердловской области // Итоги Всеросийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ersds.e-burg.ru/vpn2010/2010/Forms/AllItems.aspx

3. Численность населения Свердловской области. Екатеринбург: Свердловскстат, 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts /sverdl/ru/statistics/population/

4. Динамика численности молодежи (тенденции и прогноз // Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. М.: Росстат, 2008. С. 9-10.

5. Большой Урал – XXI век. Материалы XIII Уральских социологических чтений. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. 237 с.

УДК 316.7

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ: ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА (ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Вишневский Сергей Юрьевич
доктор социологических наук, профессор,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург,
E-mail: soc_stu@e1.ru
Дзевенис Анатолий Александрович,
кандидат философских наук, профессор, Дальневосточный
государственный аграрный университет, Благовещенск
E-mail – dzev@ya.ru

CRISIS OF CULTURE: WAYS AND PROSPECTS OF THE EXIT (PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Vishnevsky Sergey Yu.
Doctor of Social Sciences, Professor,
Ural Federal University, Yekaterinburg
Dzevenis Anatoly A.,
candidate of philosophical sciences, professor,
Far East state agricultural university, Blagoveshchensk

Истоки современных представлений о культуре во многом связаны с идеями И. Канта, определявшего культуру как то, что служит благу людей или что в своей сущности гуманистично: вне гуманизма и духовности, духовного обогащения личности, нет истиной культуры. Всё, разлагающее эти ценности, является антикультурой. Цивилизация, взятая без духовного измерения, порождает опасности технического самоуничтожения человечества. Для Канта было присуще понимание воспитания как «очеловечивания» человека, его «выделывания», что существенно углубляло определение *социальной сущности воспитания*. С возрастанием социальной роли воспитания, с уверенностью, «что, благодаря воспитанию, человеческая природа будет прогрессировать», что ей можно придать форму, «которая соответствовала бы идеалу», связывал мыслитель «перспективу более счастливого будущего человечества» [1, 9]. Личностный характер у Канта имеет основной ориентир человека Просвещения – «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом!» [См.: 2, 27]. Такой характер трактовки Просвещения отражает более общее понимание истории Кантом как процесса самосовершенствования человеком самого себя. Именно *нравственное самосовершенствование человека* – основа совершенствования человечества. Кант обосновывал важнейшую *социальную роль науки и образования*: формировать у молодежи, у масс «мужество пользоваться собственным умом», преодолевать стереотип «не рассуждать». Но Кант понимал (и предупреждал воспитателей – и современников, и будущих поколений), насколько сложно в воспитании «совместить … подчинение необходимости со способностью пользоваться свободой». Поставив вопрос: как «развивать способность … воспитанников развивать чувство свободы, несмотря на неизбежное ограничение свободы?», он отвечал: «Сделать способность … воспитанников ограничивать свою свободу их привычкой и вместе с тем … так руководить ими, чтобы они научились пользоваться свободой» [1, 15].

Вот эта связка культуры и свободы, культуры и самореализации личности, культуры и творчества – основной критерий развития и обогащения культуры. И характерно – как перекличка через века – трактовка культуры русским мыслителем И. Ильиным – «сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности» [3]. Но культу-

ра, по Ильину, «сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы», что и породило «кризис культуры» [3]

Сегодня рассуждения о культуре чаще всего связаны с утверждениями о «кризисе культуры». При этом сами трактовки кризиса культуры отличаются многообразием. Для Ч. Сноу речь идет о «разломе» «целостной и органичной структуры культуры» «на две антагонистические формы» – традиционную (гуманитарную, «художественную») культуру и «научную культуру» [4]. Для Н. А. Бердяева кризис культуры соотносится с вступлением (прежде всего, европейских стран, включая и Россию) в «век маловерия, в век ослабления не только старой религиозной веры, но и гуманистической веры XIX века», когда «единственной сильной верой современного цивилизованного человека» «остается вера в технику, в ее бесконечное развитие» [5], или, говоря современным языком, утверждение технократических идей, утрата духовности – основное проявление кризиса культуры.

Созвучны с этим идеи Шпенглера о «механизации мира» как «стадии опаснейшего перенапряжения». Шпенглер подвергает критике утвердившийся в культуре ориентир на «полезное»: «Идеалом было исключительно *полезное.* К культуре принадлежало, культурой *было* полезное для «человечества». Все остальное считалось излишеством, предрассудком или варварством». В итоге «достижения человечества» сводились к «прогрессу трудосберегающей и развлекающей техники. О душе не могло быть и речи» [6]. Сожаление о том, как смогло его «поколение, столь многого достигшее в науке и технике, так пасть духовно», высказал и выдающийся гуманист XX века А. Швейцер [7, С. 366].

Э. Фромм перевел это сожаление в другую плоскость – рассматривая как основное нравственное противоречие современной эпохи и современной культуры, противоречие между «to be or to have» (Быть или Иметь), он соотносил кризис культуры – с утверждением «*потребительской* («хавательной», по молодежному жаргону) ориентации в ущерб «*творческой*» ориентации. Фромм дает яркую характеристику «модуса бытия»: «Модус бытия имеет в качестве своих предпосылок независимость, свободу и наличие критического разума. Его основная характерная черта — это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивного использования своих человеческих потенций. Быть активным — значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми – хотя и в разной степени – наделен каждый человек. Это значит обновляться, расти, изливаться, любить, вырываться из стен своего изолированного «я», испытывать глубокий интерес, страстно стремиться к чему-либо, отдавать». Но при этом фиксирует: «в нашей культуре модус обладания встречается гораздо чаще» [8]

Беспокоил Бердяева и другой аспект кризиса культуры – нарастающий разрыв между «элитарной» и «массовой» культурой: «Культура никогда не существовала для всей массы человечества и никогда не была удовлетворением ее запросов и требований. Народность культуры совсем не означала соответствия уровню народных масс и исполнения ее заказов» [9]. Данный разрыв получил различное осмысление: от «восстания масс», массовизации и усреднения культуры в концепции Х. Ортега-и-Гассета до определения современного общества и современного человека как «одномерных», когда утрачивается

Если философия сильна в выявлении сущностных характеристик кризиса культуры, то задача социологического анализа – зафиксировать его конкретные проявления. При этом речь идет не о двух отдельных направлениях анализа, а о целостном исследовании. Проявляемое сегодня (на наш взгляд, с обеих сторон) непонимание этой целостности мешает глубокому научному исследованию столь многогранного социокультурного феномена как кризис культуры. А значит, и поиску оптимальных путей выхода из этого кризиса. Между тем, именно такой поиск и предполагает значение понятия «кризис» как научной философско-социологической категории. Ведь кризис (др.-греч. κρίσις – *решение, поворотный пункт*), но этимология соотносит кризис (κρίσις) с глаголом κρίων, означающим «определять, выбирать»

Фиксируя те или иные проявления кризиса, важно видеть и позитивные моменты. Ориентиром в таком поиске могут быть слова известного российского режиссера Б. А. Покровского, который не уставал повторять, что настоящее искусство возвышает, гуманизирует

человека, воспитывает в нём культуру чувств, обогащает духовный мир. Верная дорога в творчестве, по его мнению, – та, которая идёт «против всякой пошлости, попсы. Это не популярное искусство, как думают многие, а разложение вкусов общества. От попсы пахнет чем-то пёсьим, воняет, как от грязной уличной собаки». Если, говорил Покровский, не будет у нас достойного искусства, не будет и страны. Никакая этика, никакая экономика, никакая политика – ничто, кроме подлинной культуры, не поможет нам поднять голову [10].

Да, конечно, и результаты социологических исследований, и сама жизнь дают многочисленные факты, свидетельствующие о кризисе культуры. Вот лишь один штрих – из интервью А. Баталова узнаём: со сцены МХТ звучит мат, бегают голые люди; раньше у бюста Чехова в фойе Художественного всегда лежали живые цветы, сейчас они исчезли. Да, настало время, когда главным стало привлечь публику – лишь бы приходили. А что творится на телеэкранах! – Долой нравственность, долой человечность, человеческий образ. Но вот появляется фильм Н. Михалкова «Солнечный удар». Настоящий мастер чувствует время, знает, что сейчас нужно снимать. Значит, требуются Мастера, а фактура найдётся, тем более на классической основе. Ведь «Окаянные дни» И. Бунина, положенные в основу киносценария «Солнечного удара», это – история падения и крушения нравов, гуманности, человечности. Как актуально сейчас всё, о чём писал Бунин!

В Амурском областном театре драмы недавно поставили грибоедовское «Горе от ума». Режиссёр-постановщик – засл. арт. России Вадим Гогольков (из Хабаровска), художник-постановщик – заслуженный работник культуры Амурской обл. Вас. Веровчук, художник по костюмам – Инга Широкова, композитор – Д. Голланд, хабаровчанин. На сцене великолепны опытные и молодые актёры В. Матвеев, Е. Мартынова, А. Аверьянова, О. Бойко, Н. Жидовленко, Ю. Егоров, Р. Салахов, Н. Петрова, А. Лаптева, Ю. Рогалев, М. Клепалов. Постановочная группа следует *традициям русского театра*: живое режиссёрское решение, специально написанная трепетная музыка, корректная сценография, яркие костюмы. Всё это в сочетании с искренней профессиональной игрой актёров создаёт впечатляющее произведение, достойное самого взыскательного зрителя. Кстати о зрителях, в зале преобладает молодёжь, школьники и студенты. Спектакль воспринимается с большим интересом. Думается, творческому коллективу театра по силам были бы и «Дни Турбиных» Булгакова, столь актуальные в связи с событиями на Украине.

Примерно раз в три года в Амурской области выступает Дальневосточный симфонический оркестр. Его концерты практически всегда с аншлагами. И что примечательно, на концертах очень много молодёжи. В беседах со студентами выясняется, что кто-то из них впервые оказался на таких концертах, а кто-то не мог подумать, что есть другая музыка, кроме поп-музыки.

Амурский областной театр драмы, капелла «Возрождение» и хореографический ансамбль «Ровесники» им. В. В. Белоглазова, который явился его создателем, известны далеко за пределами области. «Ровесники» – образцовый детский художественный коллектив, стал центром художественно-воспитательной работы с учащимися Благовещенска и Приамурья. Ежегодно ансамбль даёт десятки концертов, выступает перед жителями городов Дальнего Востока и других районов страны, а также за рубежом – в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Дании, Болгарии, Словакии, Израиля, США, Китая, Японии. О «Ровесниках» создан широкоформатный кинофильм.

Следовательно, дело *в мастерстве* сценаристов, режиссёров, дирижёров, артистов. И тогда падает спрос на «телесмешилки» и те гастрольные формы культуры, в которых зачастую слишком большое значение придаётся форме, но искажается и даже опошляется содержание.

Вместе с тем, для культурного развития не только регионов, но и всей России, остаётся открытым вопрос о необходимости возвращения в культуру государства: госзаказы, привилегии, особое законодательство. Власть десятилетиями обещает улучшить материальное положение культурных работников, сделать достойными их зарплаты. «Но воз и ныне там». До сих пор, скажем, библиотекари - специалисты с высшим образованием получают зарпла-

ты 3-5 тысяч рублей в месяц. Это же всемирный позор! Или такой факт: у нас на одного жителя приходится 5 книг и брошюр и 50 бутылок водки. При Петре I, чтобы сделать книгу доступной, книгоиздательство возросло в 20 раз. Царь повелевал бесплатно кормить тех, кто готов читать книги. Уместно вспомнить мудрое размышление писательницы И. Одоевцевой: «Книга - это лекарство против ограниченности, самодовольства, нравственного тупика. Таблетка от тупости». Кстати, последние зарубежные исследования показывают: развитое книгоиздательство является показателем не только высокой нравственности, но и важным фактором развития экономики общества.

И здесь мы вновь возвращаемся к И. Ильину: для выхода из культурного кризиса необходимо умелое сочетание трёх основ – духа свободы, любви и созидательной деятельности. Тогда «хвалить не будут дурное дело, а доброе считать чудачеством опасным», тогда «добро добром пребудет и под личиной зла» (В. Шекспир).

Список литературы:

1. Бим-Бад Б. М. Лекции Иммануила Канта «О педагогике»: перевод и комментарий. Предисловие [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/on_education_by_kant_comments_by_me.pdf
2. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Соч. в 6 тт. /Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с.
3. Ильин И. А. Наши задачи. М., 1954, Т. 2. 114 с.
4. Сноу Ч.П. Две культуры. М.: Прогресс, 1973. 146 с.
5. Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) //Путь. №38. С. 3-37[Электронный ресурс] Режим доступа: http://odinblago.ru/path/38/1
6. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. М., 1995. С.454-492/
7. Швейцер Альберт. Благоговение перед жизнью // Хрестоматия по истории философии (западная философия): Учеб. пособие для вузов: В 3 ч. М.: ВЛАДОС, 2001, Ч. 2. С. 366-375.
8. Фромм Эрих // Хрестоматия по истории философии (западная философия): Учеб. пособие для вузов: В 3 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001, Ч. 2. С. 375-385.
9. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ru.wikiquote.org/wiki/ Судьба_человека_в_современном_мире.
10. Покровский Б. А. Культуры нет, пока есть доллар // Аргументы и факты. 2004. №20.
11. Баталов А. В контексте истории страны // Аргументы неделі. 2014. № 44.

УДК 316.7

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Власова Ольга Владимировна
преподаватель
Сургутский государственный педагогический университет», Сургут
E-Mail: surgut_vlasov@mail.ru

YOUTH SUBCULTURAL COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF YOUTH POLITICS OF THE NORTHERN CITY

Olga Vlasova
Lecturer, Surgut State Pedagogical University, Surgut

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается феномен молодежных субкультурных общностей в условиях северного города. Дана характеристика понятия «северный город»; рассмотрены его основные характеристики и функции; описаны основные факторы, влияющие на сущность и механизмы реализации молодежной политики на территории северного

города в контексте взаимодействия с представителями молодежных субкультурных общностей.

ABSTRACT – The current article concerns the phenomenon of youth subcultural communities in the northern city. The author deals with the problem of the peculiarities of the northern city. Moreover in the present article the author analyzes functions and factors of the northern city; describes the main factors that influence the nature and mechanisms of implementation of youth politics in the northern city in the context of interaction with members of youth subcultural communities.

Ключевые слова: молодежная субкультурная общность, северный город, функции северного города, факторы северного города, молодежная политики северного города.

Keywords: youth subcultural community, northern city, functions of the northern city, factors of the northern city, youth politics in the northern city.

Жизнь современного северного города обусловливается серьезными социокультурными процессами. Одним из таковых является функционирование в нем множества молодежных субкультурных общностей. Их деятельность детерминирована содержательными и структурными изменениями среды города, существенно влияющими на феномен многокритериальности социальной и культурной позиции молодых людей [5, с. 212-217].

Многомерность среды любого города обусловливает особенности формирования и развития молодежных субкультурных общностей. Комплекс взаимосвязанных элементов городской жизни влияет на статусные характеристики молодежи, ценностное ядро молодежных субкультурных общностей, различия, проявляющиеся как многообразные формы организации молодежной субкультурной общности в пределах конкретного города.

Но особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить проблемам функционирования молодежных субкультурных общностей в северном городе и основным факторам, влияющим на сущность и механизмы реализации молодежной политики на территории северного города в контексте взаимодействия с субкультурной молодежью. Северный город обладает специфическими характеристиками, которые позволяют рассматривать субкультурные общности под нетрадиционным для многих городов углом зрения. В этих условиях предельно важным становится, во-первых, отслеживание, путем социологических исследований, основных тенденций развития молодежных субкультурных общностей. Во-вторых – эффективное использование системы социального управления в процессах формирования и развития различных видов молодежных субкультурных общностей, предупреждение распространения ценностей асоциальных видов молодежных субкультурных общностей, уменьшение их негативного воздействия на молодежь, согласование интересов молодых людей - носителей разных субкультур. В-третьих - оптимизация процесса развития нового социокультурного поля северного города.

В составе Российской Федерации находится 24 региона, которые полностью или частично отнесены к северным. Они занимают около 70 % территории всей страны, и в них проживает более 25,3 миллиона человек, или 17,8 % населения России [6]. Все северные города, расположенные в этих регионах, возможно типологизировать по признаку индустриального освоения. В этом плане можно выделить два типа городов: староосвоенные (находящиеся в Архангельской области, Республике Карелия, Красноярском крае др.), и новоосвоенные (расположенные в ЯНАО, ХМАО, Мурманской области и др). Период формирования развития северных городов второго типа в нашей стране относится к началу 1960-х гг. Важнейшие различия в освоении и развитии северных городов России проявляются в особенностях реализации экономической, социальной, демографической политики на их территории. Например, новоосвоенные северные города являются финансово привлекательными (в том числе и для мигрантов), в отличие от староосвоенных северных городов, где преобладает общая тенденция оттока трудоспособного населения. Для нас важно, что в таких условиях эти новоосвоенные города становятся центрами притяжения новых культур, в том числе и молодежных субкультур.

В исследовании мы рассматриваем особенности функционирования северных (средних и малых) городов ХМАО-Югры – Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска, Ханты-Мансийска, Лянтора. Особый интерес к этим городам вызван тем, что на их территории муниципальных образований проживает 372 тыс. человек в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 24,2 % от общей численности населения округа [4, с. 12].

Для формирования системного представления об особенностях молодежной политики северного города и особенностях управления процессом развития молодежных субкультурных общностей в северном городе требуется найти ответы на следующие вопросы: что такое северный город? каковы функции северного города? какие факторы северного города определяют особенности реализации молодежной политики на территории северного города в контексте взаимодействия с субкультурной молодежью?

Основополагающими в определении северного города выступают группы следующих характеристик. Первая – природно-климатические условия, или, другими словами, его местонахождение выше 60º северной широты. Вторая – это удаленность от основных экономических и культурных центров. Третья – связь эволюции северных городов с их индустриальным, постиндустриальным, урбанистическим переходами, которые обусловливали динамику развития северного города в прошлом и определяют его будущее. Собственно, в этом заключается генетическая природа формирования северного города. Четвертая характеристика – индустриальный характер развития, который обусловлен тем, что большинство российских северных городов возникло в результате освоения природных запасов и в процессе формирования топливно-промышленных комплексов (нефтяного, газового, угольного, лесопромышленного). Пятая – наличие в северных городах крупных корпораций. Шестая – зависимость этих городов от предшествующего развития. Седьмая – многоядерная пространственная структура северного города. Восьмая – остаточный характер формирования в нем социальной сферы [2]. Все названное выше в значительной степени определило основные черты складывания и развития социальных общностей северного города.

Представленные характеристики формируют реальный образ северного города. Исходя из этого, мы предлагаем следующую трактовку его понятия. Это функционирующий в условиях продолжительного зимнего периода тип поселения постоянного проживания, многие жители которого заняты на индустриальном производстве, связанном с добычей определенных природных ресурсов. В последнее время северный город характеризуется новым уровнем развития коммуникаций, городской инфраструктуры, возрастающим разнообразием видов деятельности, повышением качества жизни основных социальных общностей, тенденцией постепенного ухода от города ресурсного типа [1, с. 1011-1018].

Описанные характеристики имеют важнейшее значение не только для выявления особенностей северного города, но также для определения особенностей реализации молодежной политики на его территории.

В исследовании нас интересовали северные города, характер развития которых обусловлен освоением природных ресурсов (нефтяная, газовая промышленность). Функционирование таких городов определяется зависимостью от экономического развития промышленных отраслей и от наличия крупных градообразующих предприятий, что, в свою очередь, влияет на развитие социокультурной среды северного города. Ее состояние мы характеризуем как слабое, поскольку в северных городах основное внимание направлено на развитие индустриального производства, связанного с добычей природных ресурсов, а прогрессивное изменение социальной и культурной сфер осуществляется по остаточному принципу. Сегодня в северном городе наблюдаются тенденции культурного отставания, описанные в свое время американским социологом Уильямом Огборном в теории культурного запаздывания (культурного лага). Перемены в материальной жизни, прогресс производства «обгоняют» изменения в нематериальной культуре общества [7, p. 75]. Такие же особенности проявляют себя в жизни современного российского северного города и оказывают непосредственное влияние на молодежную политику.

Традиционно было принято считать, что северный город – это территория, оторванная от «Большой земли», жители которой стремятся преодолеть эту «пропасть» путем заимствования культурных образцов в крупных городах страны. В своем исследовании мы намеренно не используем термин «Большая земля», т.к. полагаем, что сегодня в связи с развитостью транспортных сетей, средств коммуникации, городской инфраструктуры северный город больше не считается откровенно обособленной территорией.

Одним из ведущих направлений жизни северного города является **формирование и развитие в нем социальных общностей** [3]. Наличие этого направления позволяет развиваться самым различным отношениям в структуре жизни города. Упадок ряда северных городов связан именно с тем, что рассматриваемое направление не реализуется, город не создает условий для того, чтобы его социальные общности, в том числе и молодежные субкультурные общности, могли комфортно существовать, развиваться, при необходимости трансформироваться, взаимодействовать и интегрироваться.

Рассмотрим функции северного города с учетом проблематики деятельности социальных общностей вообще, молодежных субкультурных общностей в особенности. Отметим, что представленные ниже функции характерны для любого города, но северный город обладает такой спецификой, которая требует своего особого рассмотрения в исследовании рассматриваемой проблемы.

Интегративная функция северного города направлена на включение социальных общностей в систему городской жизни, предполагает их интеграцию в единое целое и обеспечивает взаимопроникновение и устойчивое взаимодействие между разобщенными социальными общностями северного города, в том числе и между участниками молодежных субкультурных общностей.

Регулятивная функция северного города обеспечивает регулирование взаимосвязей городских социальных общностей, что требует постоянного согласования их интересов. Это касается и молодежных субкультурных общностей. Проблема состоит в качестве выполнения этой функции.

Коммуникативная функция северного города означает создание условий для коммуникации между социальными общностями города, развитие связей и взаимодействий социальных общностей на основе функционирования транспорта, городского общественного пространства, городской инфраструктуры, средств массовой коммуникации. Эта функция (и ее эффективная реализация) оказывает влияние на представителей молодежных субкультурных общностей, для которых непосредственно процесс их взаимодействия в городском пространственно-временном континууме зависит от средств коммуникации.

Воспроизводственная функция поддерживает устойчивое развитие социальных общностей на территории северного города. Особенности реализации данной функции в его условиях заключаются в том, что в нем, в отличие от любого другого – несеверного – города процесс социально-культурного воспроизводства детерминирован климатическими условиями, градостроительными особенностями и в целом индустриальным характером освоения городского пространства, то есть рассматриваемая функция обеспечивает социальное и культурное воспроизводство, в котором молодежные субкультурные общности являются непосредственными субъектами.

Молодежные субкультурные общности как объект изучения требуют учета целого ряда факторов: специфики северного города (географической, климатической, культурной, материально-финансовой и др.), отношения властных структур, общественных организаций, представителей бизнеса к решению проблем развития молодежных субкультурных общностей на территории северного города и др.

Рассмотрим далее подробнее факторы, оказывающие непосредственное влияние на функционирование молодежных субкультурных общностей в северном городе.

Природно-климатический фактор. Холодные зимы и непродолжительное лето оказывают особое влияние на деятельность представителей молодежных субкультурных общностей. Во-первых, суровые климатические условия северного города определяют сезонный

характер деятельности молодежных субкультурных общностей и ставят их участников перед необходимостью организовывать пространство для проведения совместного досуга. Во-вторых, эти условия заставляют находить другие способы взаимодействия внутри молодежной субкультурной общности, такие как Интернет сообщества в социальных сетях, форумы, блоги и т.д. В-третьих, климатический фактор побуждает участников молодежных субкультурных общностей находить альтернативные площадки для взаимодействия внутри субкультурной общности, в том числе создавать условия для взаимодействия своими силами, тем самым способствуя развитию инфраструктуры северного города (имеется ввиду открытие студий, рок-школ, баров, репетиционных площадок и т.д.).

Экономический фактор. Для северных городов характерны сильные отраслевые контрасты в оплате труда работников бюджетной сферы и предприятий сырьедобывающих отраслей, что оказывает определенное влияние на молодежные субкультурные общности. Прослеживается тенденция, хотя не во всем и не всегда – молодые люди с низким материальным достатком более подвержены влиянию «негативных» субкультурных общностей, таких как гопники и др., т.к. сфера их интересов связана с проведением неорганизованного досуга на улице. Противоположная ей тенденция – молодые люди с высоким достатком, которые могут позволить себе организованный досуг и, с учетом этого обстоятельства, объективно тяготеют к иным субкультурным общностям, например, к гламуру. На наш взгляд, материальный достаток влияет на выбор той или иной субкультурной общности в условиях северного города, т.к. высокий материальный доход позволяет приобретать дорогостоящие атрибуты той или иной молодежной субкультурной общности. Например, мечи, кольчуги и др. для ролевого движения, гитары, барабанные установки, иные музыкальные инструменты для представителей рок-направления, мотоциклы и постоянное техническое обслуживание для байкеров, пошив костюмов, декоративная косметика для представителей аниме и др.

Территориальный фактор. Северный город отличается значительной ограниченностью использования факторов социально-экономического и культурного развития в сравнении с имеющимися в регионах с благоприятными природно-климатическими условиями. Развитие социально-культурной инфраструктуры северного города требует специальных механизмов адаптации к специфическим условиям жизнедеятельности. Так, размещение районов в пространстве города играет важную роль в формировании субкультурных общностей в условиях северного города. Строительство северных городов исторически было связано с занятостью населения в конкретных сферах деятельности, поэтому такие города, как, например, Сургут, строились и заселялись определенными социальными общностями. Так появились изолированные и относительно замкнутые микрорайоны нефтяников, энергетиков, строителей, железнодорожников, микрорайоны, где проживают учителя, врачи и т.д. В связи с этим мы можем сделать вывод на основании нашего анализа молодежных субкультурных общностей в северном городе, что в микрорайонах, где проживают представители рабочих профессий, распространены молодежные субкультурные общности, которые имеют негативный вектор развития (например, гопники, скинхеды и т.д.). Участники этих молодежных субкультурных общностей испытывают на себе влияние криминальных субкультур. В районах, где проживают представители других профессий (например, учителя, врачи, менеджеры, руководители предприятий и т.д.), более распространены «положительные» молодежные субкультурные общности.

Фактор удаленности от центральных регионов России. Молодежные субкультурные общности северного города в сравнении с такими же общностями в городах центральных регионов России зачастую отстают в своем развитии, т.к. являются их простым заимствованием. Это ведет лишь к копированию в северных городах стилевых характеристик субкультурных общностей в мегаполисах, что проявляется в первую очередь в стремлении им подражать. Необходимо отметить, что в северном городе большинство молодежных субкультурных общностей являются закрытыми, но при этом они ориентированы на взаимодействие с участниками субкультурных общностей центральных регионов России, т.к. ориентируются на них в своем развитии. Вместе с тем, следует отметить, что количество молодеж-

ных субкультурных общностей, представленных в жизни северного города, значительно уступает аналогичному показателю мегаполисов и просто крупных городов страны. Доказательством этого является наличие, по нашим данным, всего лишь 17 таких общностей в городах ХМАО-Югры, тогда как во многих городах страны их количество исчисляется многими десятками.

Взаимодействие молодежных субкультурных общностей с властными структурами. В отличие от многих крупных городов России (например, Тюмени, Челябинска, Омска, Новосибирска и др.), где для участников молодежных субкультурных общностей устраиваются фестивали, тематические эфиры на радиостанциях и т.д., в северных городах этой сфере деятельности субкультурных общностей традиционно не удалялось достато-чного внимания. Только в последние несколько лет предприняты попытки организации рок-концертов, «байк-фестивалей», но устраиваются они исключительно участниками молодежных субкультурных общностей, без непосредственного взаимодействия с представителями властных структур, и пространства для свободного проявления субкультурного творчества по-прежнему мало. На территории ХМАО-Югры для представителей молодежных субкультурных общностей аниме, хип-хоп и «экстремальщиков» с 2008 г. проводится ежегодный окружной фестиваль «Среда ОБИтания». На фестивальных площадках проходят парады карнавальных костюмов фанатов японской мультипликации, соревнования рэп-исполнителей в жанре уличного фристайла, выступления по экстремальным роликам и паркуру. Фестиваль стал первым и пока единственным шагом со стороны властных структур, которые должны быть заинтересованы в развитии молодежных движений на территории северных городов для того, чтобы консолидировать молодежь. Ценность молодежных субкультурных общностей состоит в том, что именно они зачастую инициируют социокультурные инновации в городской среде. Для северного города свойствен остаточный характер формирования социокультурной сферы, поэтому предпринимаемых усилий для создания благоприятных условий с целью развития позитивного творчества участников молодежных субкультурных общностей по-прежнему недостаточно.

С целью реализации эффективной молодежной политики в отношении представителей молодежных субкультурных общностей в северном городе необходимо развивать его инфраструктуру, создавать условия для свободного самовыражения членов субкультурных общностей. Кроме того, стоит отслеживать основные тенденции в поведении участников наиболее распространенных молодежных субкультурных общностей и новые явления и процессы в сфере их деятельности. Эта проблема действительно актуальна и в связи с тем, что в последние годы в деятельность современных молодежных субкультурных общностей северного города включаются мигранты. Особого внимания требует изучение тенденций протестного молодежного движения в Российской Федерации, которые в скором времени могут стать характерными для северного города, в связи с чем молодежные субкультурные общности получат новые возможности для своего развития и самоутверждения. Требуется анализ и учет названных обстоятельств, что может способствовать формированию взвешенной гибкой молодежной политики в северном городе, направленной на укрепление социальной солидарности и стабильности в нем.

Список литературы:

1. Власова О.В. Особенности функционирования молодежных субкультур в провинциальном северном городе // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, М.: РОС, 2012. С. 1011-1018.

2. Волосникова, Е.А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей [Текст]: монография / Е.А. Волосниковва. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. – 244 с.

3. Зборовский, Г.Е. Теория социальной общности [Текст] Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.

4. Молодежь в России. 2010: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. С.12.
5. Моргунова, Г.Е. Регион и город как факторы формирования современной субкультуры молодежи [Текст] Г.Е. Моргунова // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009 № 18 С. 212 – 217.
6. Свободная энциклопедия на русском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wikipedia.org.
7. Ogburn, W.F. Social Change: With Respect to Culture and Original Nature [Text] W.F. Ogburn. – N.Y., 1922. – 192 p.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МАСТЕРА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ[1]

Власова Ольга Ивановна
кандидат социологических наук, доцент
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург
E-mail: vlasovaolga@list.ru

A SOCIAL PORTRAIT OF THE MASTER VOCATIONAL TRAINING THROUGH THE PRISM OF EXPERT OPINIONS

Olga Vlasova
Candidate of Science, assistant professor
Russian state professional-pedagogical University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются проблемы, связанные с воспроизводством и функционированием мастеров производственного обучения как профессиональной группы. На основе данных социологических исследований анализируются социально-педагогические функции мастера производственного обучения в образовательной организации.

ABSTRACT – In article the problems connected with reproduction and functioning of training officers as professional group are considered. On the basis of these sociological researches social and pedagogical functions of the training officer in the educational organization are analyzed.

Ключевые слова: мастер производственного обучения; проблемы профессиональной деятельности мастеров; компетентностный набор.

Keywords: master of industrial training; problems of professional activity masters; the competence set.

Мастера производственного обучения представляют собой социально-профессиональную группу, специфика которой определяется содержанием их профессиональной деятельности. С одной стороны, профессия мастера производственного обучения связана с практической подготовкой рабочих кадров для различных отраслей промышленности, с другой – мастера производственного обучения выступают педагогами, выполняющими комплекс методической, воспитательной, научно-исследовательской работы.

Профессиональная деятельность мастера производственного обучения порождает спектр несоответствий, обусловленных набором факторов, которые условно можно разделить на три значительные группы: общее состояние системы начального профессионального образования в России; положение подготовки рабочих на уровне конкретного Федерального

[1] Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Разработка и апробация методологии изучения и анализ социального портрета и ценностных ориентаций мастера производственного обучения» (10.9046.2014)

округа (региона); ситуация, связанная с воспроизводством рабочих в рамках конкретной образовательной организации. Видимо, в связи обозначенными выше процессами как в промышленности, так и в образовательном пространстве в научной литературе последних лет проблемам профессиональной деятельности мастеров ПО уделялось крайне мало внимания. Задачи по модернизации производства имеют прямым следствием повышение роли данной профессиональной группы, поскольку именно от их компетенции и мастерства зависит уровень подготовки современных рабочих. Социологами Российского государственного профессионально-педагогического университета в 2014 г. реализовано общероссийское социологическое исследование, задачей которого явилось моделирование социального портрета и исследование социального самочувствия мастеров производственного обучения. Количественное исследование реализовано методом анкетного опроса по двухступенчатой случайной репрезентативной выборке (ошибка выборки составляет 5%), объем выборочной совокупности – 413 единиц. В ходе исследования опрошены мастера ПО, проживающие во всех Федеральных округах, работающие в образовательных организациях различной профильной направленности. Качественное исследование реализовано методом неформализованного личного интервью с мастерами ПО, всего опрошено12 мастеров УрФО разного возраста и пола, осуществляющих подготовку учащихся по рабочим профессиям разного профиля. Был осуществлен в Уральском регионе и комплекс экспертных методов: интервью, анализ экспертных оценок, форсайт-сессия. В результате проведенных социологических исследований, посвященных изучению различных аспектов социального портрета мастера производственного обучения, был выявлен ряд качественных несоответствий в функционировании и развитии данной профессиональной группы, которые были предложены для оценки экспертному сообществу.

Ключевым проблемным аспектом выступает разработка оптимальной модели подготовки мастера производственного обучения. Воспроизводство мастеров производственного обучения одна из приоритетных задач системы среднего и высшего профессионального образования. Заданная государством модернизационная стратегия развития страны, предполагает не только воссоздание рабочих кадров нового типа, но, и в первую очередь, работу с теми, кто этих рабочих готовит. Прежде чем говорить о моделях подготовки мастеров производственного обучения, необходимо обозначить основные аспекты, с которыми данные модели связаны.

Первый аспект связан с проблемой введения образовательного ценза для мастеров производственного обучения. Перспективы внедрения в производство инновационных наукоемких технологий потребует подготовки высококвалифицированных рабочих, обладающих не только исполнительскими и профессиональными, но и инженерно-техническими компетенциями. Отсюда возникает серьезное несоответствие, связанное с образовательным статусом мастеров-учителей. Результаты количественного исследования показывают, что только 19% мастеров производственного обучения имеют высшее профессиональное образование. Для компетентной комплексной оценки данной ситуации мы обратились к мнению экспертов. Центральной категорией, вокруг которой происходило обсуждение вопроса, относительно необходимо уровня образования мастеров, является понятие «мастер». По мнению участников форсайт-сессии, определяющим фактором оценки деятельности мастера производственного обучения должен быть не уровень образования, а уровень профессиональной квалификации. Эксперты связывают образовательный потенциал мастеров не с отсутствием, или наличием высшего профессионального образования, а с разрядом по рабочей профессии. В оценках экспертного сообщества профессиональная деятельность мастера пока имеет традиционное значение. Мастер – это педагогический работник, обладающий высоким уровнем квалификации.

Ряд несоответствий, связанных с образовательным статусом мастеров производственного обучения, вытекает из нового Федерального закона «Об образовании». Формальный переход мастеров в учреждения среднего профессионального образования ставит перед руководителями образовательных организаций проблему их номинального приписывания к педа-

гогическим работникам СПО. В частности, это несоответствие выражается в том, что в настоящее время мастера проходят повышение квалификации вместе с преподавателями, что, по мнению, руководителей образовательных организаций, является неприемлемым. Большинство экспертов придерживаются позиции, что необходимым и достаточным уровнем образования для мастеров является среднее профессиональное образование и наличие дополнительной подготовки в области психологии и педагогики. Также эксперты обратили внимание на недопустимость применения единых требований по уровню образования ко всем мастерам производственного обучения без учета профессиональной направленности, по которой они осуществляют подготовку кадров.

Таким образом, опираясь на экспертное мнение, можно сделать вывод о том, в нынешних условиях введение единого образовательного ценза для мастеров ПО не представляется возможным. Однако, одновременно необходимо принимать во внимание, что быстро изменяющиеся факторы внешней среды, несомненно, будут актуализировать необходимость постоянного повышения профессиональной квалификации мастеров.

Второй аспект, касающийся актуального положения профессиональной группы мастеров, связан с возрастной структурой мастеров производственного обучения. Проведенный количественный опрос целевой аудитории выявил, что около 60% опрошенных мастеров находятся в возрастной группе старше 46 лет. По мнению экспертов, данное обстоятельство не является негативным, учитывая тот факт, значительная составляющая данной профессиональной группы (61% от числа опрошенных) приходит работать в образовательную организацию с производства. Анализ качественных интервью с мастерами производственного обучения показывает, что существуют две основные модели перехода мастеров с производства в мастера. Данные модели могут быть проинтерпретированы сквозь призму социально-профессиональной мобильности.

Первый тип данной мобильности *«вынужденная мобильность»*. Данный переход связан внешними факторами, заставившими бывших производственников переходить в образовательные организации, среди подобных причин можно выделить достижение пенсионного возраста, сокращения, ликвидацию предприятия, физические ограничения и др.

Второй тип мобильности – *терминальная мобильность*. Он обусловлен желанием, внутренней потребностью работать с молодежью, передавать свой опыт, чему-то научить новое поколение.

Анализ высказываний мастеров производственного обучения свидетельствует о том, что второй тип (терминальной мобильности) является доминирующим. Модель подготовки мастеров, связанная с переходом с производства и по соображениям самих мастеров и экспертов является наиболее оптимальной. Однако необходимо учитывать, что 39% мастеров производственного обучения приходят в профессию сразу же после окончания учебного заведения и не имеют опыта работы в условиях образовательной организации. Анализ результатов исследования показывает, что после окончания учебных заведений в систему СПО приходят молодые мастера, часть из которых под воздействием разных факторов через 5-7 лет уходят из профессии.

Новая сетевая образовательная парадигма, выступающая связующим звеном между различными субъектами образовательного пространства (образовательными организациями, центрами повышения квалификации, центрами прикладных квалификаций, вузами, производственными организациями и др.), является своеобразным способом перетасовки мастеров, имеющих разный образовательный и производственный статус. Профессиональная группа мастеров, несмотря на пока значимое количество организационных и институциональных барьеров, должна стать активным членом сетевого сообщества. Превращение мастера производственного обучения в активного члена сетевого образовательного сообщества в будущем может стать новой, адекватной вызовам внешней среды, моделью его подготовки и профессиональной переподготовки.

Разработка новых и оценка существующих моделей подготовки мастеров производственного обучения напрямую связана с проблемой актуального компетентностного набора

мастеров. Данные мультиметодного исследования свидетельствуют о достаточно высокой оценке мастеров своего компетентностного набора. Высокая субъективная оценка своего компетентностного набора сопряжена с низкой оценкой внешних факторов образовательного процесса: устаревшим оборудованием, отсутствием возможности закупать современные материалы. Одна их самых распространенных проблем СПО, связанных с отставанием материально-технической базы образовательных организаций от требований современного производства, получает еще одно последствие: стагнацию профессиональных знаний мастера.

Согласно мнению экспертов, изменения, связанные с усложнением технологического производственного процесса, несомненно, спровоцируют, с одной стороны, нехватку ряда профессиональных компетенций, а с другой – осознание данного дефицита знаний со стороны самих мастеров. При наступлении двух вышеобозначенных условий важным будет организация адекватной системы обучения мастеров в изменившихся условиях. Отдельную проблему представляет психолого-педагогическая подготовка. По мнению экспертов, которые регулярно преподают на курсах повышения квалификации работников СПО, именно психолого-педагогические знания являются наиболее востребованными. Приведем пример одного кейса, связанного с подготовкой мастеров в условиях промышленно-развитого северного города. Администрация СПО, находит мотивационные стратегии для рекрутирования в образовательные организации новых мастеров, в т.ч. имеющих опыт работы в условиях реального производства. Для подобных «мастеров-новичков» самыми востребованными являются курсы, связанные с приобретением психолого-педагогических и коммуникативных компетенций, т.к. профессиональными компетенциями они достаточно хорошо владеют. Адресность программ повышения квалификации и профессиональной подготовки, выявление потребностей мастеров в определенном наборе компетенций являются чрезвычайно важными стратегическими задачами.

В ходе моделирования будущего развития мастеров производственного обучения, их квалификаций эксперты указали на еще одну важную проблему, напрямую связанную с их профессиональной деятельностью: образовательные стандарты. Новый государственный образовательный стандарт спровоцировал ряд несоответствий, связанных с общей загруженностью мастеров в образовательных организациях: проблемы учебной нагрузки, сокращение часов на производственное обучение, неопределенный профессиональный статус мастера.

Другую, не менее важную проблему представляет подготовка рабочих кадров в рамках учебных центров и предприятиях и центрах прикладных квалификаций. Анализ высказываний экспертов, посвященных данной проблематике, позволяет сделать вывод, что подготовка рабочих кадров за пределами учреждений среднего профессионального образования осуществляется ситуативно, без учета долговременных перспектив развития профессионального рабочего образования и производства. Негативная оценка внешней среды подготовки рабочих кадров, в т.ч. дуального образования, свидетельствует о наличии серьезных барьеров в создании и дальнейшем развитии сетевой образовательной среды. Отсутствие даже у экспертного сообщества четкого понимания общей стратегии подготовки рабочих кадров в стране говорит либо об отсутствии таковой, либо о стадии ее зарождения.

Обсуждение квалификационной модели мастера производственного обучения эксперты предпочли рассмотреть через набор функций, которые он выполняет в образовательном процессе. Эксперты указали на тот факт, что первая, и самая главная функция мастера производственного обучения – это обучение ремеслу, рабочей профессии. Таким образом, основная профессиональная деятельность мастера должна быть сконцентрирована внутри производственной мастерской. Однако профессиональный функционал мастера в реальности охватывает гораздо более широкий круг обязанностей. В частности, важной функцией мастера производственного обучения является кураторство, т.е. воспитательная работа. В данном случае речь идет об актуализации психолого-педагогической подготовки мастеров, и если принимать во внимание, что значимый ресурс рекрутирования новых мастеров производственного обучения именно производственная среда, то на уровне управления системой под-

готовки мастеров необходимо разрабатывать комплексные программы повышения квалификации по данным направлениям.

Другая важная составляющая квалификационной модели мастера производственного обучения – это составляющая, связанная с разрядной сеткой и оплатой труда, в соответствии с уровнем профессиональной квалификации. Мнения экспертов, относительно современного функционирования ЕТС существенно разделились, однако все эксперты отметили, что традиционная модель рабочих разрядов, которые получали выпускники училищ, и в современных условиях могла бы адекватно оценивать освоение определенных профессиональных модулей. Эксперты отметили: эффективный контракт может выполнять ряд важных функций:
- выступает значимой мерой стимулирования профессиональной деятельности мастеров;
- гарантирует занятость и юридическую защиту;
- является средством социальной поддержки.

Несмотря на высокую оценку нужности и прогрессивности «эффективных контрактов», эксперты не смогли назвать конкретные направления, аспекты, индикаторы его содержания. Подобная позиция экспертов представляется достаточно парадоксальной. «Эффективный контракт», являясь важной посреднической формой взаимодействия между образовательной организацией и работником, одновременно представляется «пустой формой», не наполненной никаким содержанием. Таким образом, учитывая высокий интерес со стороны образовательного сообщества к данному виду партнерского взаимодействия, данная проблематика требует дополнительного, более глубокого мультиметодного изучения. Проблема, связанная с рекрутированием молодежи в профессиональную группу мастеров производственного обучения, также представляет собой высокую значимость. Обсуждая вопросы, связанные с привлечением молодежи в профессиональную группу мастеров, экспертное сообщество высказало несколько разноплановых точек зрения. Приток молодых мастеров производственного обучения обусловлен рядом социально-демографических и профессионально-компетентностных факторов.

1. Первый фактор – *возраст*. Согласно представлениям самих мастеров производственного обучения старше 40 лет, молодой мастер, поступивший на работу, обладает высоким уровнем теоретических и профессионально-технических компетенций, однако, он испытывает серьезные трудности в реализации непосредственной работы мастера: взаимодействии с обучающимися, отбором необходимого материала для занятий, работой по непосредственному обучению профессии и др. Поэтому в рамках образовательных организаций среднего профессионального образования продолжает успешно функционировать система наставничества, которая основана не на научении старшими младших, а на обмене полезным опытом. Мастера - «стажисты» отмечали, что молодые кадры очень хорошо владеют компьютером, компетентны в теоретических вопросах психолого-педагогической направленности, хорошо ведут методическую работу.

Эксперты, непосредственно осуществляющие руководство образовательными организациями СПО, высказывались относительно молодежи более критично. По их представлениям все-таки оптимальная модель подготовки, напрямую связанная с возрастом – это схема направления выпускника колледжа или вуза на предприятие, а уже затем он может прийти на производство. Однако в рассуждениях данной группы экспертов также имеют место несоответствия: с одной стороны, они декларируют необходимость наличия у мастера производственного опыта, с другой – отмечают, что квалифицированные рабочие не хотят, и не будут переходить на работу в образовательные организации, т.к. существует серьезная разница в заработной плате и наборе преференций. Одновременно, на институциональном уровне не существует закрепленных механизмов подобного перехода.

2. Второй фактор – это *размер заработной платы*. По мнению экспертов, общая традиционно сложившаяся политика оплаты труда в образовательных организациях предполагает, что «новички» зарабатывают значительно меньше работников со стажем. Подобная схема, несомненно, работает и в других отраслях, но в сфере среднего профессионального образования, с учетом более низкой средней заработной платы в

отрасли, размер вознаграждения молодых мастеров не удовлетворяет набор даже минимальных потребностей. Молодежь, перед которой стоят задачи, связанные с приобретением жилья, обеспечением (будущим обеспечением) собственной семьи не рассматривает сферу образования как приоритетную область применения своих способностей. Для разрешения сложившейся ситуации на федеральном государственном уровне необходимо разрабатывать комплексные программы материальной поддержки молодежи. Данные меры могут иметь формальное закрепление в виде «эффективных контрактов» мастеров.

3. Третий фактор – *социальный пакет*. Эксперты отмечают, что помимо общеустановленного Трудовым законодательством социального пакета, молодым мастерам производственного обучения другие социальные преференции не полагаются. Со стороны опрошенных молодых мастеров запрос на подобные льготы достаточно высокий. По их мнению, наличие мер стимулирующего характера, связанных именно с предоставлением социально-значимых гарантий могли бы повысить рекрут молодежи в ряды данной профессии. Результаты исследования свидетельствуют о том, в данном специфическом виде профессионально-педагогической деятельности, именно меры социальной поддержки, а не заработная плата, могут выступать важнейшими стимулирующими механизмами притока молодых кадров.

Таким образом, анализ экспертных оценок противоречий профессиональной деятельности мастеров позволяет сделать следующие выводы:

1. Эксперты не смогли компетентно проинтерпретировать все предложенные им для оценки несоответствия. В частности, проблемными оказались аспекты, связанные с введением эффективного контракта, оценкой квалификационной и компетентностной моделей мастера производственного обучения.
2. В оценках экспертов мастера производственного обучения представляются несколько закрытой автономной группой, исключенной из активного взаимодействия с внешней образовательной и производственной средой.
3. Констатируя определенную профессиональную стагнацию, и отсутствие перспективного развития мастеров как профессиональной группы, эксперты, одновременно, не приветствуют, и не предлагают конкурентоспособных форм привлечения молодых работников.
4. Большая часть экспертного сообщества настороженно и критически относится к активному сотрудничеству с другими субъектами образовательного пространства также осуществляющих подготовку рабочих кадров.
5. Доминирующую часть проблем, свойственных и мастерам производственного обучения, и системе среднего профессионального образования в целом, эксперты связывают с непродуманной политикой государства в вопросах реформирования соответствующей отрасли.

Все вышеобозначенные аспекты, несомненно, должны стать основой для разработки комплекса разноплановых рекомендаций, направленных на:

- развитие стимулирующих мероприятий, способствующих повышению социально-профессиональной привлекательности профессии мастера;
- оптимизацию привлечения молодежи и рабочих с производств в образовательные организации;
- становление системы открытых профессиональных конкурсов среди мастеров и учащихся СПО;
- содействие развитию метаквалификационной компетентностной модели мастера производственного обучения;
- укрепление и развитие сетевых взаимодействий внутри единого образовательного пространства.

УДК 316.334(045)

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ШКОЛАХ НА ПРИМЕРЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИЖЕВСКЕ[1]

Власова Татьяна Анатольевна
кандидат философских наук, доцент
Удмуртский государственный университет, Ижевск
E-mail: tavlasova@yandex.ru

MANIFESTATION OF SOCIAL INEQUALITY IN ETHNIC SCHOOLS IN IZHEVSK

Tatiana Vlasova
Candidate of Science, Assistant Professor
Udmurt State University, Izhevsk

АННОТАЦИЯ – В статье представлены результаты исследования семейных образовательных стратегий на примере городских школ г. Ижевска. На основании анкетного опроса раскрываются основные характеристики, в соответствии с которыми родители оценивают образовательный потенциал учебных заведений. В статье представлена попытка выявить модели семейных образовательных стратегий. Модели представлены семьями, в которых родители имеют различный уровень образования и доходов. Если в одном случае образовательная программа представляет собой ресурс для детей, то в другом – воспроизводится образовательный барьер.

ABSTRACT – The article presents the research results of studying educational strategies of family. The research was conducted in the city of Izhevsk. Main characteristics by which parents evaluate the educational opportunities for their children are examined on the basis of the survey. The article is an attempt to identify patterns of educational strategies of families. There are two family patterns which depend on different levels of education and income of parents. On one hand an ethnic programs can become resource for children, on the other hand they can be an educational barrier.

Ключевые слова: социология образования; родительские сообщества; этнокультурное образование.

Keywords: sociology of education, parental community, ethnic education

Вступление в силу нового закона об образовании в 2013 г. способствовало возобновлению дискуссии о статусе школ и классов с этнокультурным компонентом в тех регионах, которые имеют учебные программы по изучению родного языка. Введение этнокультурных образовательных программ в середине 1990-х гг. было частью государственной политики по наделению регионов более широкими полномочиями, в том числе в вопросах, связанных с образованием. Тенденция к перераспределению властных полномочий в пользу федерального центра, возникшая в середине 2000-х, а также введение обязательного ЕГЭ по русскому языку вызвали новый этап обсуждения вопроса о целесообразности сохранения этнокультурных программ.

Социологические исследования школьного образования в последние два десятилетия связаны с пониманием этой сферы как весьма противоречивого явления. С одной стороны, школьные знания и навыки рассматриваются как ресурс для жизненных достижений и социальной мобильности. С другой стороны, будучи продуктом государственной политики и конкурентного рынка труда, школа помещает учеников в систему классового, гендерного и этнического неравенства. До середины 1970-х гг. в западноевропейской науке образование

[1] Статья выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом РГНФ (14-13-18002)

вообще и школа, в частности, представлялась каналом социальной мобильности, именовалась «социальным лифтом» и казалась способом достижения меритократического идеала. С середины 1970-х гг., благодаря трудам французских социологов [1] и английских социолингвистов [4], школьное образование стало пониматься как способ воспроизводства социального неравенства.

В социологических работах 1970–1980-х гг. особую важность приобретает концепция легитимного исключения. Часть учеников исключена из числа адресатов педагогического воздействия, ведущего к социальной мобильности, либо до начала школьного обучения, будучи отсеянной в ходе приемных испытаний, либо в процессе учебы, попадая во второстепенные учебные учреждения. Важно отметить, что причинами статусного разрыва между образовательными возможностями могут быть экономические факторы, различный юридический статус или, что нас особенно интересует, этническое различие. Недоверие школьной администрации и образовательной бюрократии к способности родителей оценивать качество преподавания и принимать разумные решения в вопросах образования детей Дж. Хекман считает одним их «слепых пятен» в политике образования в США [3; 75]. Другим «слепым пятном» является непонимание того, что обучение не ограничивается процессом, специально организованным в образовательных учреждениях. Обучение также происходит вне школы, под влиянием семейного окружения, на рабочем месте.

Д. Л. Константиновский, опираясь на лонгитюдные исследования, показывает, что степень урбанизации влияла на личные планы выпускников, начиная с середины 1960-х годов. Чем выше уровень урбанизации, тем большая доля выпускников общеобразовательных школ ориентирована на поступление в вузы. То, что ученик окончил школу в областном или республиканском центре, объясняет 68,8% случаев поступления в вузы (1994 г.) [2; 164-165]. Окончание школы в малом городе или поселке понижает шансы выпускников на поступление, превращается в барьер. Барьер, связанный местом проживания, усиливается за счет барьера, связанного с принадлежностью к этнической группе. Когда дети из этнических меньшинств попадают в школу и вынуждены учиться на языке большинства, никто не рассматривает такого ребенка как изучающего второй (иностранный) язык, его видят как неуспешного ученика. Нужно учитывать, что эти категории означают не столько сами по себе этнические различия, а социальное и имущественное неравенство.

В настоящем исследовании внимание сосредоточено на школах Ижевска. В декабре 2013 – марте 2014 гг. был проведен опрос родителей. Опрос осуществлялся методом анонимного письменного анкетирования на основе стандартизированной анкеты с закрытыми и открытыми вопросами. Обработка материалов социологического опроса произведена на основе компьютерной программы SPSS for Windows rel. 6.0. Основной интерес исследовательского проекта был связан с проявлением феномена социального неравенства в сфере этнокультурного образования. Поэтому опрос проводился в школах, где удмуртский язык преподается как предмет. При анкетировании использовалась сложная выборка. Были опрошены родители в пяти школах, в том числе одной гуманитарной гимназии Ижевска. Количество опросных бланков из гимназии составило пятую часть (20,5%) собранных анкет. Родители детей из общеобразовательных школ составили 79,5% общей выборки. В общей выборке родители детей, обучающихся по этнокультурной программе, составили 74,2%, остальная часть выборки (25,8%) – родители детей, обучающихся в классах с другими программами.

В представлении родителей этнокультурный профиль обучения не входит в список самых предпочитаемых. Необходимо заметить, что значительная часть респондентов критически относится к профильному обучению в целом. 28,6% родителей указали, что они не являются сторонниками профильного обучения. 34,3% назвали предпочтительным для ребенка (детей) профиль по математическим и техническим дисциплинам. Существенно меньше число родителей, отдающих предпочтение гуманитарному (15,3%) и естественнонаучному (10,1%) профилю. Профили языковой подготовки назывались как наименее желательные для родителей. Это касается как профиля по иностранным языкам (5,4%), так и профиля по национальным языкам (5,9%).

Родители из гуманитарной гимназии оценивали потенциал этнокультурных курсов еще ниже, чем респонденты в целом по выборке. Если рассматривать отдельно ответы родителей детей-гимназистов, то можно увидеть следующее: большинство родителей являются сторонниками математико-технического (36,3%), гуманитарного (23,8%) и естественнонаучного (10%) профилей. Значительно меньше тех, кто предпочел бы для ребенка языковые профили, как по иностранному языку (2,5%), так и по национальному языку (2,5%). Если рассмотреть распределение ответов по выборке общеобразовательных школ, то совпадает количество сторонников основных образовательных профилей: 46,8% - математические и технические дисциплины, 11% - естественнонаучные дисциплины, 15,3% - гуманитарные дисциплины. Но в общеобразовательных школах больше родителей выбирали профиль по иностранному языку (5,5%), и лишь небольшой процент респондентов (0,9%) говорили о профиле подготовки по национальному языку, как о желаемом.

Результаты опроса позволяют утверждать, что выбор школы для ребенка осуществляется не с точки зрения образовательных ресурсов учебного учреждения, а с позиций запросов семьи. Факторы, которые влияли на выбор родителей, позволяет установить распределение ответов на вопрос «Чем вы руководствовались при выборе школы?». Большинство родителей выбрало вариант ответа «близость к дому» (76,4%). На это предпочтение родителей повлияли два комплекса причин. Первый из них связан с соображениями удобства: дорога в школу не отнимает много времени, путь ребенка в школу относительно безопасен и нет необходимости провожать его в школу, ребенку легче поддерживать дружеские связи с одноклассниками. Второй комплекс причин является следствием институциональной практики набора в школу: за городскими школами закреплены определенные районы, дети, живущие в ближайших домах, имеют право первоочередного зачисления. Если семья живет «не по прописке», то зачисление в школу возможно после завершения основного набора учеников. Следовательно, выбор родителей ограничен такого рода практикой.

Вторым по количеству ответов стал вариант «качество преподавания» в школе. Его выбрали 32,4% респондентов. Мы предполагаем, что этот ответ выбирали родители, для которых имели значение образовательные программы. Хотя привлекательная программа могла быть и в близлежащей школе.

Третьим важным фактором является то, что в выбранной школе учится старший ребенок или дети (19,5%). С одной стороны, этот фактор находится в рамках комплекса семейных причин. Но, с другой стороны, родители, если они заинтересованы, могут оценить качество преподавания различных предметов по учебным успехам старших детей.

Менее значимыми для родителей являются советы родственников, знакомых и соседей. Об этом упомянули 12,5% респондентов. То, что лишь немногие родители выбрали этот вариант, указывает на снижение влияния традиционных соседских связей. Наименее важны для родителей такие факторы как знакомство с будущим учителем (10,9%), привлекательность учебной программы (9,5%), советы воспитателей дошкольных учреждений (2,7%). Низкие показатели по факторам, связанным именно с образовательными аспектами, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что родители, на момент выбора школы, слабо знакомы с особенностями образовательной деятельностью и с педагогическим персоналом школы.

Значение образовательных факторов соотносится с уровнем образования родителей. Например, родители, чьи дети учатся в гуманитарной гимназии, ориентировались именно на образовательные факторы при выборе школы. По выборке родителей из гимназии наибольшее количество ответов приходится на вариант «Качество образования» (68,2%). Напротив, значение фактора близости школы к дому для них снижается до 44,3%. Кроме того, родители из выборки по гимназии в большей степени учитывают мнения знакомых, соседей и родственников. О том, что они учитывали информацию такого рода, заявили 19,3% респондентов. Близки к этому показателю факторы обучения в той же школе старшего ребенка или детей (18,2%) и привлекательность учебной программы (17%). Наименьшее значение имели факторы знакомства с учителем (9,1%) и советы воспитателей (8%). Итак, можно констатировать, что вместе с ростом уровня образования родителей растет степень их заинтересован-

ности в показателях качества образования в школе, в которой учится ребенок, а также уровень информированности об образовательных программах. Родители с более высоким уровнем образования готовы тратить больше времени на сопровождение ребенка в школу, они шире используют информационные ресурсы, в том числе сети знакомых, родственников и соседей.

Соотношение факторов выбора школы и уровня образования родителей в целом по выборке показывает обратную корреляцию: чем выше уровень образования, тем меньше родители склонны выбирать школу по фактору близости к дому. Если на долю родителей с высшим образованием приходится 64,6% выбора такого варианта ответа, то на долю родителей со средним образованием уже 88,8%. Похожая закономерность прослеживается с вариантом ответа «В этой школе учится старший ребенок (дети)»: такой ответ родители с высшим образованием выбирали в 16% случаев, тогда как с неполным высшим – 23,1%, со средним профессиональным – 20,2%, со средним образованием – 22,5%. В то же время, родители с высшим образованием значительно чаще были склонны учитывать образовательные факторы. Так, фактор «качество преподавания» выбрали 45,8% респондентов при среднем показателе 32%, фактор привлекательности учебной программы – 13,9% при среднем показателе 11%, фактор «советы воспитателей дошкольных учреждений» – 5,6% при среднем показателе 3%. Предпочтения на момент выбора школы для ребенка важно сопоставить с тем, какие преимущества школы родители видят в тот момент, когда их дети уже проучились в школе тот или иной срок. Респондентам было предложено назвать сильные стороны школы, где учится их ребенок. Выбирая варианты ответов, участники опроса могли оценить эффективность подготовки детей по различным профилям. Это позволило сравнить желаемые профили подготовки и результативность действующих образовательных программ.

Большинство родителей считают, что в школе, где учатся их дети, хорошие образовательный потенциал имеет начальное звено (36,5%). В группу значимых преимуществ школ входят как образовательные, так и необразовательные факторы: безопасность ребенка по пути в школу (28,4%), преподавание физики и математики (27,5%), дружеские связи между учениками (26,8%), возможность тесного контакта с учителями (22%), возможность заниматься в кружках (21,6%), психологический комфорт при обучении (20,1%).

К слабым сторонам городских школ относится качество преподавания по основным профилям подготовки в средней школе. Меньшее количество выборов получили варианты ответов, оценивающие преподавание гуманитарных предметов (11,4%), преподавание удмуртского языка (10,7%), преподавание иностранного языка (10,2%), преподавание биологии, химии, географии (8,3%).

Важно отметить совпадение оценок по профилям иностранного и удмуртского языка, что подтверждает выводы об общих проблемах языкового образования. Однако, в рамках ответа на этот вопрос явным образом не проявляются различия, связанные с уровнем образования или с этнической принадлежностью респондентов. Исключение составляет тот факт, что родители с высшим образованием ценят возможность для ребенка заниматься в кружках и секциях в школе. Родители с высшим образованием указали на существование таких кружков, как на достоинство школы в 31,7% случаев, тогда как показатель среди респондентов с неполным высшим образованием составляет 15,4%, со средним профессиональным – 13,8%, со средним – 20,2%. Очевидно, что респонденты с высшим образованием признают ценность программ дополнительного образования. С другой стороны, они признают удобной ситуацию, когда ребенок может заниматься в кружках непосредственно в школе. Тогда нет необходимости сопровождать ребенка в специальные учреждения дополнительного образования.

Кроме того, интересным показателем, важным для нашего исследования, является вполне ожидаемое значение, которое придают программам изучения родного языка респонденты с удмуртской идентичностью. Респонденты-удмурты выбирали этот ответ в 25,6% случаев, в то время как респонденты-русские выбрали такой ответ в 4,1% случаев, а респонденты-татары – 4,2%.

Основным показателем хороших результатов обучения в школе родители считают хорошие отметки ребенка в течение года (57,9%). Реже указывают на значение таких показателей, как поступление в вуз (37%) и победа на олимпиадах и интеллектуальных конкурсах (32,4%). Следующую позицию занимает показатель «высокие баллы ЕГЭ» (25%). Наименьшее значение родители придают выступлениям на конференциях и конкурсах учебных проектов (13%).

В ответах также проявилось существенное влияние уровня образования родителей. Респонденты, предпочитающие показатель «хорошие отметки ребенка в течение года» - это родители с более низким уровнем образования. Хорошие отметки важны для 69,8% респондентов с общим средним образованием, 70,7% – со средним профессиональным образованием. Но родители с неполным высшим образованием выбирали этот показатель уже в 54,6% случаев, а родители с высшим образованием – только в 38,3%. С другой стороны, родители с высшим образованием чаще отдавали предпочтение показателям «поступление в вуз» (57,7%) по сравнению со средним показателем 37%), показателю «победы на олимпиадах и интеллектуальных конкурсах» (40,3% по сравнению со средним показателем 32,4%) и показателю «высокие баллы ЕГЭ» (29,5% по сравнению со средним показателем 25%).

Все три показателя связаны с перспективами образования в вузе. Таким образом, соотношение ответов свидетельствует о том, что родители с высшим образованием ориентированы на то, чтобы дети продолжили образование. Такое предположение подтверждается в выборке по гуманитарной гимназии, где большинство родителей имеют высшее образование. В анкетах, собранных в гимназии показатель «поступление в вузы» родители выбрали в 53,8% случаев. Другой важный показатель для родителей детей-гимназистов – «победы на олимпиадах и интеллектуальных конкурсах» (50,5%). Этот показатель респонденты в большей степени соотносят с успешным обучением в школе и чаще рассматривают как инструмент, обеспечивающий продолжение образования. Хорошие отметки в течение года являются значимым показателем только для 38,7% респондентов из гимназии. Но еще меньше родителей склонны видеть в качестве показателя результатов обучения высокие баллы ЕГЭ (18,3%) и удачные выступления на конференциях и конкурсах учебных проектов (10,8%). Родители, дети которых учатся в гуманитарной гимназии, более требовательны к тем показателям качества обучения, которые обеспечивают продолжение образования в вузах. Они оценивают школу, прежде всего, по количеству успешных учеников, ставших студентами.

В анкете задавался вопрос о наиболее актуальных проблемах школы. Отвечая на вопрос, респонденты могли выбрать два варианта ответа. Наиболее острой проблемой школ родители назвали недостаток финансирования (51,4%). Мнение респондентов отражает частоту апеллирования к этой проблеме со стороны администрации и учителей, а также степень вовлеченности родителей в процесс оказания финансовой помощи. Кроме того, достаточно часто родители указывали на такие школьные проблемы, как недостаток учебников (25,6%), переход на новые учебные планы (24,4%), недостаток внимания со стороны государственной власти (22,8%) и недостаток компьютерной техники (20,4%). Среди наименее значимых оказались варианты ответа «недостаточная квалификация учителей» (14,6%) и «недостаток внимания со стороны регионального правительства» (13,6%).

Финансирование оценивается родителями как наиболее проблематичный аспект системы школьного образования. Среди других проблемных факторов родители отмечали недостаток материального и методического обеспечения. При этом важно, что родители с высшим образованием чаще высказываются о том, что переход на новые учебные планы является проблемой для школ (29,9%), чем родители со средним (18,8%) и средним профессиональным образованием (21,6%).

Не менее показателен рост процентного соотношения респондентов, считающих важной проблему недостатка компьютерной техники, по мере снижения уровня образования. Этот ответ выбрали 12,5% респондентов с высшим образованием и 31,3% респондентов с общим средним образованием. Указанное распределение ответов свидетельствует, что родители с высшим образованием склонны придавать меньшее значение технической оснащенно-

сти классов, потому что, во-первых, они готовы обеспечивать своих детей компьютерной техникой, во-вторых, осознают, что не всегда есть возможность использовать технические приспособления в условиях современного стиля обучения.

Не менее интересная динамика проявляется при соотнесении значения фактора недостатка компьютерной техники с уровнем доходов респондентов. Недостаток техники отмечали 30,3% родителей, чей ежемесячный доход составляет от 5 до 15 тысяч рублей и всего 4,8% тех, чей семейный доход более 60 тысяч. С другой стороны, именно эта категория респондентов отмечала недостаток учебников в школе 42,9%.

Самым благополучным аспектом выглядит фактор квалификации педагогического персонала. Хотя при сопоставлении количества выборов варианта «уровень профессионализма учителей» в качестве школьной проблемы с уровнем доходов респондентов проявляется любопытная тенденция. Чем выше уровень доходов родителей, тем критичнее они настроены по отношению к уровню профессиональной подготовки педагогов. Если респондентов с уровнем доходов от 5 до 15 тысяч рублей выбирают фактор квалификации учителей в качестве проблемного в 10,1% случаев, то для респондентов с уровнем дохода выше 60 тысяч рублей – это 33,3% выборов.

Заслуживают внимания представления о властных структурах различного уровня, которые оказывают или могут оказывать поддержку школам и этнокультурному образованию. Заметим, что школьные проблемы рассматриваются респондентами как зона ответственности государственной власти вообще, а не как объект специального внимания со стороны региональной власти. Фактически, финансирование основных образовательных программ находится как раз в компетенции регионального и муниципального управления. Но респонденты ожидают, что именно государственные меры могут быть более действенны. Позиция респондентов относительно того, власти какого уровня должны проявлять заботу о школах, также оказалась связанной с критериями их образования. Респонденты с более высоким уровнем образования меньше склонны апеллировать к государственной власти: 18,1% респондентов с высшим образованием и 15,4% – с неполным высшим. Напротив, респонденты со средним профессиональным (29,3%) и средним общим (22,5%) образованием возлагают ответственность за финансовое обеспечение школ именно на институты государственной власти. Интересно, что среди респондентов, которые в меньшей степени связывают обеспечение школ с институтами государственной власти, оказались родители с высоким уровнем доходов. Количество респондентов с доходом более 60 тысяч рублей, выбравших этот ответ, 14,3% по сравнению со средним показателем – 22,8%. Указанное соотношение, на наш взгляд, отражает убеждение, что региональные власти ответственны за реализацию специальных программ, в том числе, этнокультурных. Тогда как родители в большей степени озабочены успешной организацией изучения основного курса и общеобразовательных предметов в школах.

Таким образом, результаты опроса родителей в школах Ижевска позволили выявить некоторые тенденции проявления социального неравенства. Семьи, которые обладают большим объемом социального капитала, выраженного в более высоком уровне образования и доходов, более требовательны при выборе школ. Родители отдают предпочтение таким учебным учреждениям, которые могут предложить востребованные образовательные программы. Основными показателями качества обучения они связывают с перспективами для ребенка обучаться в высших учебных заведениях (высокие баллы ЕГЭ, участие в олимпиадах). В то же время «ресурсные» родители более критичны по отношению к подготовке педагогических кадров. Более высокие оценки получают престижные школы, имеющие статус лицеев и гимназий. Родители с высоким уровнем образования и доходов прикладывают значительные усилия, чтобы ребенок начал обучение в такой школе. Они готовы нести временные и финансовые затраты, которые понимаются как инвестиции в успешное будущее ребенка. Оказывая регулярную финансовую помощь учебным заведениям, «ресурсные» родители связывают основные проблемы школьного обучения с вопросами педагогического и методического сопровождения учебы своих детей.

Семьи, в которых родители имеют более низкий уровень образования и доходов, вырабатывают другую модель образования для детей. В этом случае выбор школы с большей вероятностью будет сделан в пользу ближайшего к дому учебного заведения. Родители реже заблаговременно собирают информацию в школе. Результаты обучения в меньшей степени ориентированы на поступление в высшие учебные заведения. Основными показателями успешного обучения являются хорошие оценки ребенка в течение года. Обладая ограниченными материальными ресурсами, родители с более низким уровнем дохода не одобряют практику финансовой помощи учебным заведениям. Ответственность за содержание школ возлагается на органы государственной власти. Но объем финансирования рассматривается родителями как недостаточный. Поэтому основные проблемы школ города родители связывают с плохим состоянием материальной базы учебных заведений.

Образовательную стратегию менее состоятельных семей, тем не менее, мы не склонны считать дефицитной. Скорее следует говорить о несовершенстве форм социальной поддержки семей, имеющих детей школьного возраста в регионе. Родители несут значительные затраты по обеспечению повседневной жизни семьи и не имеют возможности инвестировать в образование детей.

Список литературы:

1. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 270 с.
2. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 551 с.
3. Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала. // Вопросы образования. 2011. №3. С.73-138.
4. Бернстайн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстайн. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.

УДК 378:316

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛЯ И ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ СО СТУДЕНТАМИ)

Волегов Владимир Сергеевич
аспирант
Пермская государственная академия искусства и культуры, Пермь
E-mail: wsvolegov@mail.ru

THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: FIELDS AND PRACTICES (ON THE BASED OF IN-DEPTH INTERVIEWS OF STUDENTS)

Vladimir Volegov
Postgraduate student, Perm State Academy of Art and Culture, Perm

АННОТАЦИЯ – В работе представлена попытка рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик, происходящих в пространстве высшего образования. Обращаясь к идее практического поворота («practice turn») в методологии общественных наук на примере теории полей и практик П. Бурдье, автор предлагает выделять в социокультурном пространстве вуза несколько взаимосвязанных полей, в каждом из которых могут проявляться существенные элементы профессионального выбора.

ABSTRACT – The paper deals with the effort to learn the professional self-determination as a system of practices in the space of higher education. The author refers to the idea of “the practice turn” in the methodology of social sciences, on the based the example of the practice theory by Bourdieu, and suggests allocating several related fields in the social and cultural environment of higher school. These fields may reflect some essential elements of a professional choice.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, теория практик, П. Бурдье, поля, габитус, студенты, ВУЗ

Keywords: professional self-determination, theory of practice, P. Bourdieu, fields, habitus, students, higher education institution

Одним из важных направлений, оформившихся в советской социологии 1960-х гг. стало исследование процессов, происходящих в молодежной среде. В фокусе внимания находился процесс вхождения новых членов общества в различные социальные структуры и образования, т.е. замещение ими наличных ячеек существующей социальной системы. Так, по мысли М. Х. Титмы, «процесс жизненного самоопределения заканчивается достижением молодыми людьми стабильного положения в тех или иных сферах социальной жизни социалистического общества» [1, 53]. Закономерно, что в силу сложившегося на тот момент отношения к труду как сущностной характеристике человека, его ключевым типом самоопределения оказывалось вхождение молодых людей в профессионально-трудовую сферу общественной жизни и сложившиеся способы закрепления труда за его членами [2, 24-26]. Сложившийся подход был основан на жесткой детерминации процесса профессионального самоопределения наличными социальными процессами и институтами, прежде всего структурой образования и рынка труда. Так, этапы профессионального выбора определялись конфигурацией системы образования, точнее предусмотренными в ней переходами и «развилками», а результат постулировался как необратимый [1, 66]. Отсюда, большое внимание к роли формальных институтов и норм, перенос акцентов с характеристик личности на внешние социальные условия, зачастую сводящий социологическую трактовку профессионального выбора к частному случаю профессиональной ориентации и пониманию личности как объекта данного процесса [3, 6-14].

Изменение конфигурации общественных отношений, произошедшее в 1980-1990-х гг., привело к усилению интереса к внешним условиям реализации профессионального выбора, прежде всего, социально-экономическим детерминантам, а также проблематике образовательных траекторий молодежи [см.: 4, 12-14]. Тем самым констатируется сложившееся определение профессионального самоопределения как «разрешение противоречия между субъективными предпочтениями индивида и внешней по отношению к нему социальной ситуации, определяющей возможности реализации этих предпочтений» [5, 11].

В данной работе акцент делается на рассмотрении профессионального самоопределения как «результата действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов» [6, 134], разделяемых молодыми людьми и их окружением. Перечисленные элементы культуры проявляются в поведении действующих лиц, как правило, не в результате рационального выбора, а как результат неявного знания, реализации разделяемых поведенческих шаблонов, что предполагает обращение к понятию практик, представляющих «совокупности навыков целесообразной деятельности (практическое искусство), которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином качестве» [7, 23].

Согласно теории полей и практик П. Бурдье, социальное пространство, состоящее из совокупности взаимосвязанных полей, вписано одновременно в объективные социальные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. Остановимся на высшем профессиональном образовании как объективно существующем формальном институте. По логике Бурдье, с ним связаны определенные социальные поля, каждому из которых «соответствует определенный вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре» [8, 16]. Актóры, находящиеся в социальном поле (студенты, абитуриенты, преподаватели и т.д.), сообразно имеющемуся капиталу, вступают в необходимые социальные отношения. Посредником между социальными отношениями и агентами в данной теории является габитус – результат интериоризации объективных социальных отношений и необходимое субъективное условие практик одновременно. Габитус, по мнению Бурдье, производит и структурирует практики и представления таким образом, что они оказываются объективно адаптированы к системе со-

циальных отношений. По определению Бурдье, «агенты никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего габитуса, т.е. объективным структурам, продуктом которых является сам габитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха» [9, 559].

Таким образом, для рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик необходимо выделение тех социальных полей, в которых данные практики происходят и, как следствие, тех диспозиций и разновидностей капиталов, которые реализуются и конвертируются в практиках. В данном случае, рассмотрение полей и практик профессионального выбора осуществляется на основе 8 фокусированных интервью со студентами высших учебных заведений г. Перми. При ограниченности собранной эмпирической базы можно отметить несколько существенных деталей.

Первый вывод, который можно сделать на основании проведенных интервью, заключается в наличии как минимум трех взаимосвязанных социальных полей, составляющих пространство высшего образования. Первое из них условно можно определить как «поле формального образования». Оно возникает вокруг внешне заданных условий, элементов и правил системы образования: учебных планов, рабочих программ дисциплин, норм и правил, структурирующих и определяющих учебный процесс. Практики этого поля связаны с учебной деятельностью: посещение лекций и работой на семинарах – именно с ними, в первую очередь, у респондентов и ассоциируется вуз. Взаимодействие в этом поле осуществляется между учащимися, преподавателями и формальными нормами, представляемыми администрацией учебного заведения. Осмысление практических действий здесь может осуществляться в двух вариантах: эмоциональном (*студентка В.: «все равно ты будешь слушать тот предмет, который тебе интересен, тут решающий фактор – это твое личное восприятие»*) и прагматичном, т.е. связанном с предполагаемым будущим. В последнем случае, предмет, не имеющий практической значимости, рассматривается исключительно как плата за пребывание в поле, неизбежная на пути к достижению цели: *«просто надо часы отпахать вот каким-то образом»* (*студент М.*). Этот мотив проходит практически через все интервью: «*у нас есть проблема с построением плана учебного, я не понимаю, зачем нам нужны были многие предметы», «научная работа [написание курсовых и дипломов] – бессмысленная трата времени: это не нужно ни нам, ни преподавателям, никто за этим не следит» (студент И.)*. Тем не менее, в интервью прослеживается возможность неформальных практик, направленных на повышение субъективной значимости предмета: *«нужно разводить преподавателя на разговор – спрашивать у него что-нибудь, и тогда он начинает рассказывать то, что реально надо, что реально необходимо» (студентка К.*).

Следует отметить, что требования формальных норм контролируют не только студентов, но и преподавателей: *«преподаватели – у них нет выбора – они должны выдавать теорию»* (*студентка К.*). Взаимодействие между преподавателями и студентами в данном поле направленно на достижение этих формальных результатов – освоения учебного плана и, как результат, – получение диплома.

Высказанная в трудах Титмы идея о неоднородности социального статуса различных профессий, а следовательно и социальном характере профессионального выбора, в настоящих условиях оказываются более дифференцированными, и с получением диплома связано второе смысловое подпространство – поле символического потребления. В нем обучение в вузе рассматривается как подтверждение и демонстрация имеющегося статуса семьи и самого индивида. Несмотря на то, что родители респондентов имеют разный уровень образования, практически все информанты были ориентированы ими исключительно на ВУЗ. Во-первых, статусом наделяется само прилагательное «высшее» в названии учреждение. Эта превосходная степень переносится на все составляющие: знания, восприятие выпускников работодателями и окружающими. Второй составляющей является статус ВУЗа: «*ПГУ или Политех – это же так престижно, это же так круто, там же все, господи!*» (*студентка К.*) *«Это же престижно, и звучит, и диплом будет московский*» - так характеризует свой

выбор *студентка А.* Помимо сугубо символической составляющей в высшем учебном заведении выделяется такая важная характеристика, как возможность после него заниматься более престижным трудом, т.е. нефизическим трудом, независимо от содержания работы и сферы деятельности: *«работают в разных сферах деятельности человека от ... консультантов в Эльдорадо до Сбербанка, Лукойла и т.д. Такие компании как Прогноз, например, тоже»* (*студент Б.*), *«ты сидишь в чистеньком офисе, у тебя, возможно, свой кабинет, ты сидишь в костюмчике»* (*студентка К.*), *«да что туда поступать, у нас ПГУ есть, Политех, вполне престижные учебные заведения»* (*студентка В.).*

Однако наиболее значительным в контексте профессионального самоопределения является поле, связанное с карьерными устремлениями и построением планов. Цель данных практик оказывается вне непосредственного процесса обучения и связывается с несколькими составляющими. Прежде всего, это получение необходимых для практической деятельности навыков *(«пришел сюда получать образование историка, а не историю учить» – студент М.*). В соответствии с выбираемым направлением дальнейшей деятельности, информанты определяли и свои референтные группы: специалисты по продажам, историки-исследователи, программисты и т.д. В этой связи возникает и значимость внешнего образа профессии. Здесь можно заметить одну общую характеристику: практически во всех интервью прослеживается констатация неадекватности общественного образа профессии, её низкий социальный статус («*они представляют себе не менеджера, а того, кто их обслуживает в Евросети. А вот руководителя проекта, они не рассматривают его как менеджера»*). Причем, иногда, к носителям искаженного восприятия профессии они относят и себя в момент поступления. Выражаться эта неадекватность образа может в различной степени *(«наша специальность легко дискредитируема», «[статус] даже ниже, наверное, чем певцы и танцоры стоим» до «место историков – у параши общественного сознания» – студент М.*).

Все выделенные поля связаны между собой: представление о будущем месте работы (если оно сформировано) определяет отношение к предметам и вычленяемым из них навыки, диплом, соединяя поля образования с соображениями престижа, влияет на доступ к рабочим местам (для принятия на работу необходимо «махнуть дипломом с хорошими оценками»). Однако, выделяемые практики имеют свои специфические черты. То, что эффективно в пространстве выполнения формальных требований образовательного стандарта оказывается малоприменимо для приближения к профессиональному идеалу и, тем более, не соответствует понятиям престижа и высокого статуса. Характерно, что символический капитал высшего образования получает все большую значимость, временами отдаляясь от собственно профессионального содержания. Иными словами, можно констатировать, что практики профессионального самоопределения, локализованные в пространстве ВУЗа, реализуются в нескольких социальных полях, причем успешность в одном из них не означает успешность в остальных.

Список литературы:

1. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). – М.: Мысль, 1975. – 200 с.

2. Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М.: Мысль, 1986. – 255 с.

3. Антипьев А.Г., Захаров Н.Н., Чумаков С.Я. Профессиональная ориентация в сельской школе (методические рекомендации). – Пермь, 1977. – 79 с.

4. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014. 560 с.

5. Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / отв. Ред. В.Л. Оссовский. – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1987. – 305 с.

6. Гофман А.Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий общество и культура // Социологический ежегодник 2010. М.: ИНИОН РАН; Каф. общей социологии ГУ Высшей школы экономики, 2010. – С. 128-136.

7. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 298 с.

8. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв.ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
9. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

УДК 364.652:314.6

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО СЕМЕЙНОМУ НЕБЛАГОПОЛУЧИЮ НА ТЕРРИТОРИИ

Волченко Светлана Юрьевна
аспирант
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск,
E-mail: svetlana0491@ngs.ru

SOCIAL MAPPING AS TECHNOLOGY OF SOCIAL WORK ON FAMILY TROUBLE IN THE TERRITORY

Volchenko Svetlana Yurevna
graduate student, Novosibirsk state technical university, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена вопросам внедрения технологии картирования в социальную работу (на примере г. Новосибирска). Выявлена и обоснована необходимость использования данной технологии для работы с семейным неблагополучием на территории. На основе описанного проекта по внедрению картирования в деятельность специалистов МБУ КЦСОН Дзержинского района г. Новосибирска, автором выделяется ряд проблем, препятствующих внедрению социального картирования, а также преимущества применения данной технологии в деятельности специалиста по социальной работе.

ABSTRACT – Article is devoted to questions of introduction of technology of mapping in social work (on the example of Novosibirsk city). Need of use of this technology for work with family trouble in the territory is revealed and proved. On the basis of the described project on introduction of mapping in activity of experts of MBA CCSSP of Dzerzhinsky district of Novosibirsk city, the author allocates a number of the problems interfering introduction of social mapping, and also advantage of application of this technology in activity of the specialist in social work.

Ключевые слова: социальное картирование; семейное неблагополучие; территория; потенциал территории.

Keywords: social mapping; family trouble; territory; capacity of the territory.

Политика регионализации, ставшая актуальной для многих цивилизованных стран, предполагает передачу части полномочий от органов государственной власти региональным структурам, в том числе, органам местного самоуправления. Для российского государства и общества данная проблема осложняется слабым развитием местного самоуправления. Между тем, социальные проблемы территории должны решаться при поддержке органов местного самоуправления и других институтов гражданского общества. Проблемы регионализации тесно связаны с проблемой развития социальной политики, в связи с чем данная ситуация диктует необходимость ее реализации с учетом характеристик и особенностей каждого региона в отдельности, а также территорий, входящих в состав региона. Анализ ситуации в регионе в целом и на каждой территории требует знания и социальных проблем, и существующих ресурсов, необходимых для решения данных проблем. Социальные проблемы, возникающие на конкретной территории, часто по-разному видятся региональной властью, структурными учреждениями и территориальным сообществом [2; 59]. Со своей стороны, сообщество лучше понимает проблемы и видит реальную ситуацию, поскольку это касается его потребностей и интересов. Однако российские сообщества в силу исторических

причин – пассивны. Существующая до сих пор в социальной политике патерналистская модель потворствует пассивной позиции местных сообществ и учреждений, занимающихся социальной работой на территории.

Социальная политика на территории должна быть адекватна социальному запросу проживающего на ней населения. Поэтому, говоря о социальной работе на территории, стоит особо выделить метод «общинной» социальной работы, который базируется на взаимодействии социального работника и организаций на местном уровне. Следует отметить, что в российской практике термин «община» заменяется термином местное сообщество, которое представляет собой «…сообщество людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов жизнедеятельности посредством использования и развития местных материальных и социальных ресурсов на принципах самоуправления» [1; 45]. В свете вышесказанного уместно будет говорить о методе общинной работы и о социальной работе с местным сообществом как о синонимах. Общинная социальная работа строится по территориальному принципу и ее приоритетными задачами являются развитие социальных связей в местной общине и организация системы взаимопомощи. В результате развития проектной деятельности в число приоритетных задач также вошла разработка и внедрение различных социальных программ/проектов в деятельность социальных служб. Социальная работа в общине ведется с группами, ориентированными на решение определенных проблем и главной целью этой работы является активизация развития общности и улучшение модели ее жизнедеятельности. Социальная работа в местном сообществе ориентирована на формирование ценности участия в делах местного сообщества, в местном самоуправлении, в деятельности формальных организаций и добровольных ассоциаций, навыков выполнения типовых формальных процедур и др.

Учреждения социальной работы, существующие на территории, такие как комплексные центры социального обслуживания населения, отделы социальной поддержки населения и др., склонны заниматься «явными» социальными проблемами, «отмеченными» как основные в нормативных документах, такими как наркомания, алкоголизм, беспризорность и безнадзорность и др. Однако существует большое количество проблем, которым не уделяется должного внимания, но в которых заложены механизмы: неразвитость социальной инфраструктуры, отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия, наличие районов социальной напряженности и др. В результате создается ситуация, при которой эффективная деятельность невозможна. Так, например, ситуация часто оказывается не проанализированной, а оценивается интуитивно или на основе статистических данных, которые не всегда могут отразить реальное положение дел. Для выделения потенциала территории необходима диагностика территории и ревизия ее ресурсов. Следовательно, появляется необходимость поиска технологии, отвечающей современным условиям и запросам, а также способной провести качественную и глубокую диагностику ресурсов, проблем и потенциала территории. Традиционные диагностические методы не отвечают современным запросам, и возникает необходимость внедрения инновационных технологий. К таким относится технология социального картирования, которое представляет собой метод визуализации или последовательного описания социально-пространственных процессов и объектов [4; 25-39].

Новосибирская область одной из первых в России апробировала социальное картирование в качестве технологии социальной работы в рамках реализации региональной программы «Чужих детей не бывает» 2009 г. и долгосрочной целевой программы «Семья и дети» на 2012 - 2015 гг. В рамках данных программ при комплексных центрах социального обслуживания населения районов г. Новосибирска и Новосибирской области созданы и организованы участковая социальная служба (УСС). В «Положении об Участковой социальной службе в системе территориальных учреждений социального обслуживания населения Новосибирской области» закреплена организационная структура УСС, в которую входят специалисты участковой социальной службы (специалист социальной работы), непосредственно

предоставляющие социальные услуги населению на территории муниципального образования [3].

Одной из основных технологий деятельности участкового социального работника является социальное картирование ресурсов и социальных проблем закрепленной за ним территории. Осуществляя социальное картирование территории, специалист выделяет информационные такие блоки как:

1. Информацию о семьях территории: о семьях «группы риска» и о семьях, способных или готовых к общественному участию в решении проблем сообщества и семьи, нуждающиеся в помощи и поддержке.

2. Информацию о сообществе: человеческий потенциал, социальный потенциал, организационно-управленческий капитал; организационные ресурсы территории – учреждения и организации территории, способные помочь в решении социальных проблем семей и местного сообщества [3].

В Новосибирске социальное картирование экспериментально отрабатывалось на территории Дзержинского района при сотрудничестве МБУ КЦСОН (отдел профилактики безнадзорности несовершеннолетних) и кафедры «Социальной работы и социальной антропологии» Новосибирского Государственного Технического Университета. Проект по внедрению картирования в деятельность специалистов, работающих с семьей и детьми, реализовывался с ноября 2012 г. по май 2013 г. в несколько этапов:

Этап 1 – актуализация деятельности по картированию территории, включал в себя следующие шаги:

1. Формирование первичной рабочей группы. Координаторами данного проек-та являлись: сотрудники кафедры «Социальной работы и социальной антропо-логии» Новосибирского государственного технического университета и специа-листы отдела профилактики безнадзорности несовершеннолетних МБУ КЦСОН Дзержинского района.
2. Информирование местного сообщества и других возможных субъектов картирования о проекте. Этот шаг не был реализован, т.к. данный проект не предполагал налаживания контактов с населением и организациями территории. Обратная связь с потенциальными субъектами в дальнейшем устанавливалась специалистами МБУ КЦСОН Дзержинского района.
3. Отбор базовой информации для картирования. Под базовой информацией понимаются: 1) организационные ресурсы территории, 2) семьи, состоящие на учете, а также кризисные (социально – опасные) зоны. В первую очередь была составлена матрица ресурсов, подразумевающая под собой типологизацию организационных ресурсов (организаций, чья помощь и чьи ресурсы способны поддержать деятельность специалистов, работающих с семьями и детьми и непосредственно сами семьи). Сбор информации об организационных ресурсах производился с помощью программы ДубльГис. Данные систематизировались в таблицы, включающие контактные данные: адреса, телефоны, факс, e-mail для обеспечения возможности быстрой связи с интересующей организацией; функции и услуги, оказываемые организациями. Кроме того, потребители карты (специалисты МБУ КЦСОН Дзержинского района) предоставили информацию о неблагополучных семьях, разделенных на две большие группы по виду патронажа: семьи «группы риска» и семьи, нуждающиеся в профилактических мероприятиях. Адреса семей также были занесены в таблицу. Занесение адресов семей на карту позволило выделить зоны по степени их социальной опасности.
4. Разработка и изготовление оболочки карты с условными обозначениями объектов картирования. Была изготовлена настенная карта Дзержинского района размером 2 м. х 1.5 м., где достаточно разборчиво и четко были отображены все здания, находящиеся на территории, включая инфраструктуру, жилые многоэтажные и частные дома. Разработанные условные обозначения (символы) групп организационных ресурсов и неблагополучных семей, которые в последствие были нанесены на карту, выбирались совместно с координаторами. Символы каждой группы организационных ресурсов и каждой группы семей наносились на карту далее в соответствии с их реальными координатами.

Этап 2 – анализ результатов социального картирования. Созданная карта позволила увидеть и проанализировать ситуацию с семейным неблагополучием в районе. В ходе анализа социальной карты Дзержинского района были выделены следующие моменты: 1) территориальная разобщенность; 2) наличие достаточного количества социально-опасных зон, отражающих ярко выраженную социальную эксклюзию. Потенциальные социально-опасные зоны – это участки на территории с большим скоплением социально-опасных семей, именно здесь (как показывает карта) находятся места, где чаще распиваются спиртные напитки, собираются неформальные группы. Это территории концентрации несовершеннолетних правонарушителей, беспризорных и безнадзорных. Некоторые из обнаруженных зон получили статус потенциальных. Кроме того, социальная карта позволила предположить наличие прямой зависимости между концентрацией организационных ресурсов и концентрацией неблагополучных семей. Большинство семей «группы риска» проживают в тех зонах, где в шаговой доступности отсутствуют учреждения культуры, мало учреждений дополнительного образования.

Этап 3 – рефлексия специалистов и представителей семей относительно эффективности социальной карты, возможностей ее использования в работе с семьей и для информирования семей. Здесь мы исходили из того, что картирование – это не только составление карты, но и взаимодействие с потенциальными потребителями карты, а также постоянная работа с картой. Чтобы карта стала функциональной потребовалось:

- выявить потребности местного сообщества, в том числе, оформившихся в этом сообществе целевых групп, степени готовности их к использованию ресурсов территории;
- провести сегментирование: разделить местное сообщество по группам: по потребностям, а также по степени активности;
- провести оценку потенциала территории в рамках удовлетворения потребностей выделенных групп (возможности, препятствия и определение точек роста территории и местного сообщества).

Все вместе это означало разработку информационной политики по привлечению местного сообщества к процессу картированию и использованию карты как информационного ресурса.

Этап 4 – активизация субъектов картирования предполагает:

- использование информации карты для целенаправленной деятельности по поводу оказания социальных услуг нуждающимся семьям, удовлетворения потребностей семей и детей;
- продвижение предложений и различных социальных инициатив, направленных на повышение качества жизни местного сообщества и развитие территории;
- формирование партнёрских отношений между субъектами картирования посредством работы по пополнению и обновлению карты и анализа среды территории, отражающий уровень и качество жизни.

Как было отмечено ранее, данный проект предполагал реализацию лишь части социального картирования (разработку и изготовление карты). Однако данный опыт позволил выделить ряд проблем, препятствующих реализации социального картирования на территории в полной мере.

Проблема внедрения технологии очевидна: социальное картирование является инновационной для Новосибирска и России в целом технологией, поэтому как любая инновационная технология с некоторым трудом начинает использоваться специалистами. Во многом это связано с нежеланием брать на себя новую ответственность за выполнение не до конца ясной работы. Отсюда понятно, что существует необходимость объяснения специалистам, работающим с семьей, как и зачем пользоваться социальной картой. В первую очередь, карта может быть эффективным инструментом для служб сопровождения семей. Проблема заключается и в том, что отсутствуют четкие и ясные механизмы реализации картирования территории, нет конкретной и доступной инструкции по использованию карты и ее обновлению.

Также, можно говорить о том, что лишь малая часть потенциальных потребителей карты, информирована о ее существовании и возможностях картирования.

Несмотря на сложности работы над социальной картой и барьеры ее использования в деятельности специалистов, работающих с семьей и детьми, карта – хороший инструмент, позволяющий аккумулировать всю информацию о ресурсах, необходимых для решения социальных проблем. Есть два неоспоримых преимущества карты:

1) социальная карта является своего рода рефлексией, стимулирующей познавательную и прогностическую деятельность специалистов. Визуализированные ресурсы и проблемы (карта) вызывают большой интерес у специалистов, которые сразу же хотят изучить начать работу с социальной картой, изучить ее содержимое и др.

2) социальная карта дает возможность отслеживать динамику работы с неблагополучными семьями. При переходе семьи, например из группы риска в группу семей, нуждающихся в профилактических мероприятиях, есть возможность отметить это на карте поместив новое условное обозначение поверх первого. Это позволяет также сразу увидеть, насколько эффективна проводимая социальная работа. Таким образом, карта выступает адекватным инструментом мониторинга.

В деятельности специалистов Участковой Социальной Службы (кураторов семьи, осуществляющих ее сопровождение) социальное картирование способствует:

- взаимодействию с государственными и муниципальными органами и учреждениями, осуществляющими государственную социальную политику на территории района;
- осуществлению первичной диагностики семей, проживающих на подведомственной территории;
- выявлению ресурсов на территории, которые могут быть использованы для решения проблем семей, в том числе семей группы риска, неблагополучных, кризисных семей, проживающих на подведомственной территории;
- выявлению граждан и семей, нуждающихся в социальном обслуживании и предоставлении мер социальной поддержки.

Для учреждений социальной защиты в целом социальное картирование полезно как:

- метод систематизации и ревизии ресурсов территории и территориального сообщества;
- способ формирования образа территории привлекательного для внутреннего и внешнего инвестирования;
- способ активизации местного сообщества и вовлечения его в процесс развития территории;
- способ содействия развития горизонтальных связей внутри социально-территориальной общности.

Итак, социальное картирование территории как технология социальной работы требует тщательной доработки. В первую очередь, необходима разработка четких инструкций деятельности специалистов, сопровождающих семьи, для более полного и простого понимания содержания социального картирования. Рекомендации необходимы также и для организаторов процесса социального картирования, которые будут контролировать деятельность специалистов на территории. В целом, социальное картирование при его интерактивном характере является перспективным методом исследования социальных проблем. Но данная технология только получает свое развитие в современных социальных науках, что дает надежду на масштабное использование ее потенциала и на практике.

Список литературы:

1. Лапин В.А. Природа муниципальной власти и местного самоуправления в России // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. № 1. С. 42 – 52.

2. Межсекторное социальное партнерство: развитие региональных моделей / Л. А. Осьмук, И. С. Лебедева, Л. В. Прохорова, И. А. Скалабан. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. - 168 с.

3. Реализация программы «Чужих детей не бывает» получила высокую оценку Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://msr.nso.ru/Lists/News/DispForm.aspx?ID=279. — Загл. с экрана.

4. Скалабан И. А. Стратегии социального картирования общественного участия (социально-территориальный контекст) // Технология социального картографирования территориального пространства (сборник методических рекомендаций для руководителей территориальных органов управления, специалистов учреждений социального обслуживания). Якутск (Республика Саха (Якутия)), 2012. С. 25 - 39.

УДК 349.2:378-051

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Воронина Алла Аркадьевна
кандидат юридических наук, зав. кафедрой права, доцент
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург
E-mail:vesna.59@mail.ru

LAWFUL ASPECTS OF PREKARIZATION OF THE LABOR OF THE SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL WORKERS

Alla Voronina
Candidate of Sciences, Head of Law department, assistant professor,
Russian state professional-pedagogical university, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируется состояние трудовых отношений научно-педагогических работников. Установлены признаки прекаризации работников в этих отношениях. Рассмотрены некоторые правовые аспекты причин прекаризации труда рассматриваемой категории работников.

ABSTRACT – In the article the state of the working attitudes of scientific-pedagogical workers is analyzed. Are established the signs of prekarization of workers in these relations. Are examined some lawful aspects of the reasons of prekarization of the labor of the category of workers in question.

Ключевые слова: прекаризация труда, заработная плата, неполное рабочее время, интенсивность труда.

Keywords: prekarization of labor, wages, operating time incomplete, intensity of labor.

В последние годы в научной литературе широко используется термин «прекаризация», который в переводе (от англ. precarious и лат. precarium) означает – опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный, стоящий на песке. Понятие «прекаризация» в трудовых отношениях означает их неустойчивость, непостоянность, негарантированность. Прекаризация в сфере труда проявляется в нередко принудительной неполной занятости работников, в установлении несправедливо высокой заработной платы отдельным категориям (например, руководящим работникам, а также приближенным к начальству, удобным и т.д.) относительно большей части других, в заключении с работниками срочных трудовых договоров, установлении отношений на основе гражданско-правовых договоров вместо бессрочных трудовых, а иногда и в отсутствии каких-либо официальных отношений, использовании схем заемного труда и других формах. Все это приводит к усилению социальной уязвимости работников, не позволяет им считать себя полноценными работниками в правовом и социальном смыслах. К сожалению, это явление имеет огромные масштабы в современных условиях и является проблемой для работников большинства развитых и развивающихся стран. Не обошло это явление и Россию.

За последнее десятилетие по данному вопросу было написано множество научных статей, проведено большое число исследований, в том числе и социологических, проблемы прекаризации в сфере труда являются предметом многих научно-практических конференций. Так, 17 сентября 2014 г. в Московском доме национальностей состоялось заседание VIII Международной научно-практической конференции «Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества», организованное ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», Советом Федерации Федерального Собрания РФ, Министерством труда и социальной защиты РФ при поддержке Международной Организации Труда (МОТ) и Фонда имени Фридриха Эберта. В работе конференции приняли участие российские и зарубежные ученые – экономисты, социологи, демографы, эксперты в области государственной миграционной политики, представители органов государственной власти, Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Высокий уровень представительства этого мероприятия дает основание полагать, что прекаризация труда в Российской Федерации достигла уровня социально-значимой проблемы, требующей изучения и решения, в том числе и правовыми методами.

Применительно к рассматриваемой категории работников необходимо отметить, что процесс прекаризации начался не сегодня, а в 1990-е гг. Это было время всеобщей невыплаты заработной платы, ее задержки, в это же время стали меняться в сторону увеличения и нормы учебной нагрузки, ее снижения по отдельным видам работ, стали повышаться и требования к научно-педагогическим работникам, резко повысилась интенсивность труда, включая работу, вызванную усилением бюрократической составляющей образовательного процесса. Из высокооплачиваемой «интеллектуальной элиты» советского периода, преподаватели вузов постепенно стали превращаться в «интеллектуальных рабов» системы образования постиндустриального общества, поскольку представителю ППС, комфортно существующему в рафинированном обществе образовательного пространства высшей школы, трудно реализоваться в другой социальной среде. Не все могут быть успешными предпринимателями, продавцами и т.д. И поэтому они вынуждены соглашаться работать в предлагаемых условиях, включая и низкую заработную плату.

Усугубило ситуацию и продолжило процесс прекаризации труда научно-педагогических работников многолетнее реформирование в сфере образования Российской Федерации на всех ее уровнях. В качестве позитивного момента в правовом регулирования труда педагогических работников следует отметить, что в Трудовом кодексе есть глава 52, посвященная особенностям регулирования их труда. Кроме того, есть огромное число подзаконных актов, которые также имеют отношение к регулированию труда рассматриваемой категории работников. Но большая часть из них принята еще до вступления Федерального закона от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который привнес некоторые изменения в регулирование труда научно-педагогических работников.

Одним из элементов реформирования российского образования является процесс модернизации, в результате которой возникли новые формы и технологии обучения, уменьшился срок обучения, т.к. почти полностью был уничтожен специалитет, были введены новые Федеральные государственных образовательные стандарты, реализация которых напрямую связана со многими составляющими труда научно-педагогических работников, в том числе и с учебной нагрузкой. Изменения в системе высшего образования, безусловно, имеют как положительные, так и негативные последствия. К негативным относится и возникшая прекаризация труда научно-педагогических работников.

Прекаризации труда любой категории работников предшествуют определенные объективные обстоятельства. В системе образования это, прежде всего, снижение учебной нагрузки, вызванное не только внедрением новых образовательных стандартов, но и уменьшением контингента, внедрением дистанционной формы обучения, расширением сетевого взаимодействия вузов. На кадровые последствия реформирования и модернизации вынуждено реагировать и Министерство образования и науки Российской Федерации, и каждый от-

дельно взятый вуз. Кадровая проблема в вузах существует достаточно давно, но сегодня возникла ситуация еще и с необходимостью оптимизации образовательного процесса, включая минимизацию расходов на него, в том числе и уменьшение расходов на кадровые ресурсы. Так, практически в каждом вузе появились «лишние» преподаватели, возникла необходимость избавления от них.

Во всех государственных вузах практически одна и та же картина:

– значительная часть работников работает на условиях неполного времени, т.е. преподаватели занимают долю ставки, причем размер этой доли имеет разброс от 0,1 до 0,9 ставки, что приводит к высокой штатной численности;

– нормы учебной работы на ставку фактически приближены к максимальным 900 часов в год;

– в структуре профессорско-преподавательского состава велик процент лиц пенсионного возраста, которые уже не соответствуют квалификационным требованиям, предъявляемым к должностям ППС, и уже не могут или не хотят осваивать что-то новое, ориентированы на работу по традиционной схеме;

– многие преподаватели работают «неэффективно», т.к. имеют низкий уровень квалификации;

– заработная плата преподавателей вузов остается недопустимо низкой.

Итак, с точки зрения работника есть проблемы низкой заработной платы, неполной занятости, высокой интенсивности труда, что свидетельствует о наличии реальной прекаризации труда научно-педагогических работников, с точки зрения работодателя (вуза) есть проблема «лишних людей». Необходимо отметить, что проблема «лишних людей» никого особо не волновала, пока не вышел всем известный Указ Президента РФ от 07 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», которым среди других была поставлена задача доведения среднего заработка преподавателей вузов к 2018 г. до размера двукратной средней заработной платы по региону. В сложившихся условиях с учетом поставленной Президентом РФ задачи Правительство РФ распоряжением от 26 ноября 2012 № 2190-р утвердило программу поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 гг., а распоряжением от 30 декабря 2012 г № 2620-р – план мероприятий («дорожную карту») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». Если обратиться к «дорожной карте» по повышению заработной платы ППС, то видно, что она не реализована в полном объеме. Министерство образования и науки РФ также предприняло некоторые попытки решить обозначенные проблемы. Так, Письмом заместителя Министра образования и науки РФ от 29 мая 2013 г. № АП-867/04 вузам было рекомендовано устанавливать размер оклада по должностям ППС, по которым Единым квалификационным справочником (Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11 января 2011 г. № 1н) предусмотрены требования к наличию ученой степени, на уровне в среднем не менее 80% от средней заработной платы по экономике соответствующего региона. Обращает на себя внимание, что основной акцент по данному вопросу сделан только на остепененных преподавателей. С одной стороны, обоснованно, поскольку ученая степень говорит о высокой квалификации работника (преподавателя), но это не означает, что преподавателям, не имеющим ученой степени, не надо повышать заработную плату. Немаловажно и то обстоятельство, что далеко не всегда формальная квалификация соответствует реальной (если учесть, что факты купленных диссертаций, увы, есть). Ученая степень говорит лишь о способности работника заниматься научной деятельностью, а среди обязанностей преподавателя есть и другие, не менее важные (учебная, методическая, воспитательная). Кроме того, необходимо отличать должностной оклад (базовый оклад) от средней заработной платы работника. Средняя заработная плата всегда выше, чем должностной оклад, поскольку включает все виды выплат, в том числе и стимулирующие надбавки.

В то же время, есть примеры повышения заработной платы научно-педагогическим работникам за счет внедрения рейтинговой системы оценки труда ППС, с помощью которой

формируется размер стимулирующей надбавки каждому преподавателю. Но так как базовые оклады остаются низкими (например, ассистент – 6000 руб., доцент – 18000 руб.), то и внедрение рейтинговой системы для многих преподавателей не снимает актуальность вопроса.

Таким образом, проблема повышения заработной платы остается таковой почти во всех вузах Уральского региона. По данному вопросу можно сказать, что вузы эту рекомендацию не выполнили: базовые оклады по-прежнему остаются на низком уровне. Примечательно, что речь не идет о повышении заработной платы на ставку, в данном случае рассматривается общий размер заработной платы. Поэтому работодателю для достижения цели, поставленной Президентом РФ, невыгодно учитывать работников, занятых на неполную ставку, иначе Указ Президента будет просто невыполнимым, а руководитель вуза рискует быть признанным «неэффективным менеджером» и будет уволен.

Особого внимания заслуживает позиция Министерства образования и науки по вопросу неполной занятости ППС. В вышеназванном письме отмечено, что Министерство «считает целесообразным ограничить количество педагогических работников, осуществляющих трудовую деятельность по основному месту работы на долю ставки (0,95-0,25) до 15 % от общего числа ставок таких работников в штатном расписании учреждения, за исключением федеральных университетов, научно-исследовательских университетов, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета». Следует отметить, что указанная позиция есть рекомендация, а не правовая норма, которая должна выполняться. Но многие ректоры вузов восприняли эту рекомендацию как требование, подлежащее обязательному исполнению. С одной стороны, учитывать данную позицию Министерства необходимо при принятии кадровых управленческих решений, но в то же время, следует помнить о ст. 2 Конституции РФ, провозглашающей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства. Применительно к этой ситуации это означает, что организационные мероприятия по уменьшению численности работников, работающих на условиях неполной ставки, должно в полной мере соответствовать Трудовому кодексу РФ.

Во многих вузах в настоящее время осуществляются мероприятия по сокращению работников, работающих на неполную ставку, в том числе и совместителей. Сложнее обстоит дело с основными работниками, т.к. в системе российского высшего образования традиционно педагогические работники в строю до последнего, а потому желающих уходить по собственному желанию не так уж много. Значит, перед вузом встает проблема выполнения министерской установки, но с соблюдением требований закона.

Таким образом, в настоящее время в трудовых отношениях научно-педагогических работников имеются признаки прекаризации, что, безусловно, существенно снижает уровень социальной защищенности научно-педагогических работников, а также вредит основной деятельности образовательных организаций.

УДК 35.08:005.962.131

ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА НА ВНЕДРЕНИЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Воронина Людмила Ивановна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: voronina_612@outlook.ru

EFFECT OF FOREIGN EXPERIENCE ON IMPLEMENTATION OF EFFICIENCY EVALUATION OF PROFESSIONAL PERFORMANCE OF STATE CIVIL SERVANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Voronina Lyudmila Ivanovna
PhD in Sociology, assistant professor
Ural Federal University, Ekaterinburg,

АННОТАЦИЯ – Автор рассматривает влияние зарубежного опыта на развитие государственного публичного администрирования в России, уделяет внимание практике по внедрению результативного управления в деятельность российской государственной власти.

ABSTRACT – The author examines the impact of international experience in Russia on the development of the state of public administration. The author pays attention to the practice for the implementation of effective management in the activities of the Russian government.

Ключевые слова: результативное управление, государственные органы, показатели результативности деятельности, государственные служащие, опыт

Keywords: efficient management, government agencies, the performance of indicators; civil servants, the experience.

В настоящее время влияние зарубежного опыта проявляется в различных видах российского управления, включая государственное. Автор статьи рассматривает внедрение результативного управления в деятельность российских государственных органов, а также его интеграцию с такими подходами как маркетинговый и процессный. Суть результативного управления заключается в достижении целей, стоящих перед разными типами организаций, в реализации которых участвуют все работники, а также в оценке их деятельности в соответствии с установленными показателями. В России внедрение результативного управления длится в течение последних двадцати лет и проходит неравномерно: если в коммерческих организациях этот вид управления практически внедрен, то в государственных органах он находится в стадии развития. По сравнению со странами Европы отставание по внедрению результативного управления составляет более пятидесяти лет. В США результативное управление по целям было внедрено в середине 1950-х гг. В Швеции в начале 1960-х гг. впервые были установлены показатели для оценки затрат, произведенных для осуществления государственной деятельности. Аналогичная технология оценки финансовых затрат внедрена в Великобритании в начале 1980-х гг. Во Франции результативное управление интегрировано с программно-целевым управлением. Если в Канаде практикуется оплата по результатам труда государственных служащих, то в Великобритании действует система оценки и стимулирования результативности муниципальных служащих. В наибольшей степени идеи результативного управления реализованы в Новой Зеландии, где широко распространена практика заключения трудовых контрактов с государственными служащими с обязательным включением раздела «оценка непосредственных результатов деятельности» [3].

Практически полувековой опыт применения результативного управления позволил следующим образом классифицировать основные показатели результативности деятельности государственных служащих: это *Impact* – показатели влияния; *Outcome* – показатели конечного эффекта; *Output* – показатели непосредственного результата; *Process* – показатели процессов; *Input* – показатели входящих ресурсов. Анализ содержания такой группы показателей как «Impact - показатели влияния» позволяет сделать вывод о том, что государственное управление осуществляется на основе маркетингового подхода. Соответственно, для оценки деятельности государственных служащих установлены показатели, характеризующие эффект их воздействия на управляемую подсистему или определенную целевую группу. В содержании показателей «Outcome measures» нашел отражение процессный подход: то есть выполняемые виды работ и услуг рассматриваются как совокупность процессов. Соответственно, установлены показатели, применяя которые можно оценить следующее: в какой степени государственный служащий при осуществлении процессов, связанных с выполнением определенных видов работ или услуг, соблюдает установленные требования по срокам и нормативам. И непосредственно содержание результативного управления нашло отражение в такой группе показателей как «Outcome measures - показатели конечных эффектов». Примене-

ние этих показателей позволяет охарактеризовать степень достижения государственными служащими целей и задач, стоящих перед органами власти, степень (или характер) изменений в состоянии целевой группы потребителей государственных услуг [1].

Сегодня зарубежный опыт применения результативного управления, включая классификацию показателей, находит отражение в деятельности российских государственных органов. Заслуживает внимания опыт, накопленный федеральными государственными органами по разработке методологии определения показателей и критериев эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Для внедрения результативного управления в государственных органах Российской Федерации последовательно разрабатывались методические рекомендации, например, Методические рекомендации по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования [2]. Содержание этих методических рекомендаций, несомненно, разработано на основе концепции управления по результатам: обращается внимание на то, что при определении целей руководителями государственных органов должна быть установлена связь с областью компетенции, закрепленной за субъектом бюджетного планирования. Развивая концепцию управления по результатам, разработчики методических рекомендаций указывают на то, что при оценке необходимо устанавливать связь между двумя группами показателей: 1) показатели (индикаторы), необходимые для осуществления мониторинга и оценки реализации программ (то есть показатели достижения цели); 2) показатели (индикаторы) для оценки степени решения тактических задач, решаемых государственным органом (то есть показатели осуществления процедур).

В этом документе разработчики, несомненно, применяют маркетинговый подход, так как указывают на необходимость оценить объем и качество государственных услуг, применив соответствующие показатели [2]. Представляет интерес подход, использованный разработчиками Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации [5]: рекомендуется регулярно проводить оценку результативности и эффективности реализации государственных программ, включая внешнюю экспертизу с привлечением независимых экспертов. Акцентируется внимание на необходимость оценки вклада государственных служащих в решение вопросов модернизации и инновационного развития экономики, а также на возможность их корректировки или досрочного прекращения. Впервые в этом документе рекомендуется установить ответственность должностных лиц в случае неэффективной реализации программ [5]. Вновь в логике концепции управления по результатам устанавливается прямая связь между целями разного уровня (стратегического и тактического) и оценкой результативности деятельности должностных лиц.

В разных методических рекомендациях последовательно разрабатываются методы оценки показателей, заимствованных из Концепции управления по результатам и адаптированных к российской системе государственного управления: это показатели оценки влияния, конечного эффекта, непосредственного результата, процессов и входящих ресурсов. Особый интерес представляет проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил установления показателей результативности профессиональной служебной деятельности федеральных государственных гражданских служащих, оплата труда которых производится в особом порядке, и методики оценки результатов профессиональной служебной деятельности федеральных государственных гражданских служащих, оплата труда которых производится в особом порядке», который был опубликован в 2011 г. [11]. Разработчики предложили основным критерием оценки результатов рассматривать степень соответствия показателей результативности деятельности федеральных государственных гражданских служащих системе целей, задач и показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти [4]. По сути, можно назвать тихой революцией внедрение принципиально иной системы оплаты труда отдельных категорий федеральных государственных гражданских служащих: процедура оценки результатов труда, стандартная для специалистов, работающих в коммерческих структурах, становится нормой для федеральных государственных гражданских служащих. Оплата труда федеральных служащих, ее условия, а также

размеры ежемесячной денежной выплаты оказались тесно связаны с достижением показателей результативности. К тому же отныне процедура оценки результатов труда отдельных категорий федеральных государственных гражданских служащих закрепляется в срочных служебных контрактах и должностных регламентах. В настоящее время расширяется практика оценки результативности и эффективности деятельности государственных служащих. В Федеральной службе судебных приставов показатели применяются для определения лучших государственных служащих. Для стимулирования государственных служащих ежегодно проводится Всероссийский конкурс [6]. В настоящее время распространена практика применения конкретных показателей для оценки текущей деятельности подведомственных учреждений, например, в Россельхоз [7] и Министерстве спорта и туризма Российской Федерации [8], в субъектах Российской Федерации. С трудом, но постепенно внедряется система оценки гражданами эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти, например, в Росреестре [9], Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации [10]. В субъектах Российской Федерации начата работа по установлению оплаты труда государственных гражданских служащих в зависимости от показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности.

В процессе внедрения результативного управления государственные органы встречаются с множеством трудностей. Первая среди них – это необходимость из большого количества показателей отобрать только ключевые. Анализ зарубежной системы классификации показателей привел к выводу о возможности выделить группу общих (или базовых) показателей эффективности и результативности деятельности для многих государственных служащих. Такие показатели позволяют оценить соблюдение государственными служащими требований к осуществлению процессов по выполнению работ и оказанию услуг, а также нормативов. Далее, можно выделить группу специфических показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности, которые представляют собой индивидуально установленные для отдельных государственных служащих показатели (как правило, конечного эффекта и непосредственного результата). Эти показатели связаны со спецификой деятельности органа государственной власти, а также непосредственно с направлением и специализацией государственного служащего. В исполнительных органах государственной власти определение ключевых показателей предполагает огромную и трудную работу: это анализ положений о деятельности государственных органов, должностных регламентов, проведение классификации видов работ, выполняемых конкретными группами и категориями государственных служащих, установление показателей и индикаторов, принятие множественных нормативных актов, обучение специалистов, которым предстоит проводить процедуры оценки. Впереди трудная работа, которая требует временных и организационных затрат, в том числе с возможным привлечением научных сил. Но работа благодарная, потому что объективная оценка эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих нужна не только власти, но и обществу.

Список литературы:

1. Клищ Н.Н. Показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_9161.html (дата обращения: 10.10.2014)

2. Методические рекомендации по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования // Опубликовано: 22 июня 2004 г. в «РГ-Бизнес» № 464 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rg.ru/2004/06/22/bydget-doc.html (дата обращения: 10.10.2014)

3. Назаров В.С. Управление по результатам – международный опыт: презентация / В.С. Назаров. – Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://ppt4web.ru/ehkonomika/upravlenie-po-rezultatam-mezhdunarodnyjj-opyt.html (дата обращения: 09.06.2014)

4. Положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности федерального органа исполнительной власти: Постановление Правительства Российской Федерации от 22

мая 2004 г. № 249 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 22, ст. 2180; № 52, ст. 5502; 2011, № 15, ст. 2131)

5. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России) от 26 декабря 2012 г. № 817 г. Москва «Об утверждении Методических, указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» // Опубликовано: 22 февраля 2013 г. в «РГ» - Федеральный выпуск № 6015. Вступает в силу: 5 марта 2013 г. Зарегистрирован в Минюсте РФ 6 февраля 2013 г. Регистрационный № 26871

6. Приказ ФССП России от 08.02.2013 № 40 «Об утверждении Положения о Всероссийском конкурсе на звания «Лучший судебный пристав-исполнитель ФССП России», «Лучший судебный пристав-исполнитель ФССП России, осуществляющий розыск», «Лучший судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов ФССП России» и «Лучший дознаватель ФССП России» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://fssprus.ru/vserossijjskijj_konkurs_na_zvanija_luchshijj_sudebnyjj_pristav/ (дата обращения: 10.10.2014)

7. Приказ Рослесхоза от 21.12.2009 № 524 «Об утверждении перечней целевых показателей деятельности и критериев оценки эффективности работы подведомственных Рослесхозу федеральных государственных учреждений, показателей, условий и порядка премирования их руководителей» // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-gosudarstvo/w7r.htm. (дата обращения: 10.10.2014)

8. Приказ Минспорттуризма РФ от 18.11.2009 № 1072 «Об утверждении целевых показателей эффективности деятельности федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, и критериев оценки эффективности работы их руководителей, условий премирования руководителей федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/03/24/minsport-dok.html (дата обращения: 10.10.2014)

9. Приказ Росреестра от 21.02.2013 N П/63 «Об утверждении Методики расчета значений показателей оценки эффективности деятельности руководителя Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=142728 (дата обращения: 10.11.2014)

10. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 06.12.2010 № 272 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда») [Электронный ресурс] Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=109157. (дата обращения: 10.12.2014)

11. Проект постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Правил установления показателей результативности профессиональной служебной деятельности федеральных государственных гражданских служащих, оплата труда которых производится в особом порядке, и методики оценки результатов профессиональной служебной деятельности федеральных государственных гражданских служащих, оплата труда которых производится в особом порядке» // [Электронный ресурс] Режим доступа: ttp://www.rg.ru/2004/06/22/bydget-doc.html (дата обращения: 15.11.2014)

УДК 316.356.2

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ

Ворошилова Анжелика Игоревна
Ассистент,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: vanzhelik@gmail.com

THE ACTIVITY APPROACH IN STUDYING PARENTAL LABOR AT DIFFERENT LEVELS

Voroshilova Anzhelika
Assistant,
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье приведен пример использования деятельностного подхода в изучении феномена родительского труда с целью выявления его особенностей на различных уровнях исследования. Такой разноплановый подход позволяет выявить основные факторы и взаимосвязи, определяющие проявления родительского труда в различных условиях.

ABSTRACT – The article shows the example of using activity approach for studying the phenomenon of parental labor in order to identify its characteristics at different levels. This diverse approach makes it possible to identify the main factors and relationships that determine the parental work in different conditions.

Ключевые слова: родительский труд, уровни исследования, деятельностный подход
Keywords: parental labor, study levels, activity approach

Острота демографических проблем в современном мире породила множество новых подходов к изучению репродуктивной деятельности, одним из которых стала концепция родительского труда. В ее основе лежит идея о выделении деятельности по рождению и воспитанию детей в особый вид родительского труда. В то же время, однозначно назвать такой подход новым нельзя, так как методологическая возможность рассмотрения репродуктивной деятельности в качестве трудовой была обоснована еще в работах ученых-классиков (Г. Беккер, К. Маркс, А. Смит, С. Г. Струмилин, Ф. Энгельс), современных российских (М. А. Винокуров, Н. А. Волгин, Б. М. Генкин, Н. А. Горелов, А. Я. Кибанов, Ю. П. Кокин, Е. Ф. Коханов, Б. В. Корнейчук, Ю. Г. Одегов, Т. Г. Озерникова, В. С. Половинко, В. В. Радаев, А. И. Рофе, Г. Г. Руденко, Г. Э. Слезингер, И. И. Чангли, П. Э. Шлендер и др.) и зарубежных (У. Бек, Р. Берсоуд, Дж. Гершуни, Р. Гронау, О. Тоффлер) ученых-экономистов. Большой вклад в развитие комплексной научной постановки вопросов необходимости исследования этого вида труда с точки зрения учета и анализа его затрат, механизмов его включения в реальный сектор экономики принадлежит ученым уральской школы экономики репродуктивного труда (А. М. Илышев, А. П. Багирова, А. С. Лаврентьев, И. В. Лаврентьева, О. М. Шубат и др.).

Однако для социологии феномен родительского труда остается пока новым, так как традиционно сфера воспроизводства человеческого рода рассматривалась через призму социологии семьи и межличностных отношений. Однако данное видение представляется несколько зауженным. Так, С. Г. Струмилин замечал, что «в определение труда входит момент социологический: признание обществом полезности той деятельности, которую мы именуем трудом. Таким образом, труд для нас не логическое, а социально-историческое понятие, содержание которого далеко не тождественно в разные времена и даже для разных социальных групп в одно и то же время. А стало быть, во всякой классификации труда неизбежно окажется известный социально-исторический субъективизм, или, лучше сказать, … точка зрения классификатора» [3, с. 15]. Данное высказывание классика отечественной социологии только подтверждает целесообразность применения новых ракурсов и инструментов, имеющихся в арсенале социологической науки, для изучения актуальных проблем, связанных с родительским трудом, в науке.

Прежде всего, изучение сложного и многоаспектного феномена родительского труда предполагает применение общенаучного системного подхода, в рамках которого предполагается иерархичность познания: изучение самого предмета (собственный уровень), изучение этого же предмета как элемента более широкой системы (вышестоящий уровень) и изучение этого предмета в соотношении с составляющими его элементами (нижестоящий уровень) [1]. Отметим, что первый из перечисленных уровней соответствует мезоуровню социологическо-

го анализа, второй — макро-, а третий — микроуровню. Социологический анализ на микроуровне предполагает рассмотрение процессов, протекающих на индивидуальном, внутриличностном уровне. Именно здесь исследуются психические и физические процессы личности, детерминированные как внутриличностными, так и внешними факторами.

Мезоуровень ограничен следующей по масштабу единицей социологического анализа – социальной группой, характеристики и деятельность которой складываются из взаимодействия ее членов. На мезоуровне целесообразно рассматривать те социальные группы, социальные связи в которых носят непосредственный характер. Примером единицы социологического анализа на мезоуровне применительно к сфере изучения родительского труда выступает семья. Макроуровень отличается от мезоуровня охватом социальных групп. Здесь уместно применение системного анализа, так как связи между индивидами на макроуровне носят опосредованный характер и обладают высоким уровнем абстракции. На макроуровне целесообразно также рассмотрение структуры общества, принципов управления им, общих законов его взаимодействия, институциональных основ.

Принцип многоуровневости анализа родительского труда целесообразно сочетать с иными социологическими подходами при рассмотрении данного феномена. Одним из них, несомненно, является деятельностный подход. Это связано прежде всего с тем, что в реальности родительский труд проявляется, прежде всего в непосредственной деятельности людей, ежедневных социальных практиках. Именно характер и структура этой деятельности определяют его результаты. Основы социологического анализа в рамках деятельностного подхода были заложены в работах отечественных ученых И. И. Чангли и М. С. Кагана [2, 4]. Согласно подходу И. И. Чангли, в структуре труда можно выделить производительные силы, цель труда и производственные отношения как способ соединения производительных сил с целью труда. Эти элементы имеют под собой некую целерациональную основу, которая необходима для рассмотрения проблем, связанных с организацией родительского труда, на макроуровне. На этом уровне организации труда потенциально могут формироваться целевые показатели (цель труда), осуществляться управление структурой человеческого капитала (средства труда), разрабатываться и реализовываться семейная политика с ее идеологической основой в виде концепции родительского труда, осуществляться правовое и ценностное регулирование общественных отношений (способ соединения производственных сил и целей в труде).

На макроуровне анализа следует исследовать также наиболее общее содержание родительского труда, проявляющееся в его трудовых функциях. Оно описывается через:

1) состав и особенности трудовых функций, предопределенные уровнем развития института семьи в обществе и культуры в целом, превалирующей традицией воспитания детей, устоявшимися педагогическими методиками, имеющимися средствами и возможностями ухода за детьми (наличие средств обихода, гигиены, коммуникации и т. д.);

2) «внешние требования и уровень организации труда, предъявляемые трудовыми функциями к мастерству, интеллекту, способностям и общему развитию работника» [4, с. 106]. На макроуровне под такими требованиями подразумевается уровень законодательства, гарантирующий защиту ребенку, контроль органов опеки, социальный контроль и т. д.;

3) меру трансформации знаний в непосредственную производительную силу. Эта мера выражена уровнем осознанности субъектов труда в процессе реализации родительских функций, ответственности за их выполнение, совершенствованием самого родителя в процессе выполнения функций родительского труда.

На макроуровне анализа можно также изучать роль биологического и социального в воспроизводстве человеческого капитала. В целом в репродуктивной деятельности существует биологическая составляющая (потребности, инстинкты, способ их реализации), на которой расположена социокультурная надстройка, в определенном смысле поглощающая биологический фундамент и не дающая ему функционировать исключительно на основе своей природы (несмотря на то, что «все функции человека имеют свои зачатки в животном мире» [2, с. 91]). Появление надстройки обусловлено возникновением «сверхбиологических по-

требностей», связанных с социальными отношениями. Социальное содержание родительского труда выражается, в частности, в установлении эмоционального контакта с объектом родительского труда, в следовании определенной модели – признанной или непризнанной в обществе – родительства, в вовлеченности в социальные связи по поводу родительства. При этом сама деятельность взаимозависима и взаимообусловлена социальными отношениями: «человеческая деятельность есть потому историческое явление, что она ... меняется вместе с развитием социальных отношений, которые она обслуживает и которые она же постоянно изменяет» [2, с. 42]. Эта взаимозависимость представляет собой замкнутый круг. Динамичные условия социально-культурной среды преображают характер деятельности, а она меняет социально-культурные условия, которые, в свою очередь, снова изменяют характер деятельности: «воздействуя посредством труда на внешнюю природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет свою собственную природу» [4, с. 102].

Говоря о социальном и биологическом в воспроизводстве человеческого капитала, М. С. Каган выделял сферу рождения и воспитания детей в «особую область материальной культуры, фиксирующую результаты социального преобразования биологически данного человеку способа воспроизводства рода» [2, с. 201]. М. С. Каган также обосновывал исключительную важность формирования полноценных физических характеристик как базиса для воспроизводства жизни: «производство и воспроизводство материальной жизни нуждается в оптимальных физических качествах человека, необходимых для успешного воспроизводства в роде и осуществления трудовых функций» [2, с. 201]. Эта «биологическая сторона» репродуктивной деятельности в реальности обеспечивается функционированием сферы физической культуры, спорта и здравоохранения. Организации, существующие в перечисленных сферах, относятся, в свою очередь, к материальной культуре, обеспечивающей условия реализации родительского труда. «Культурогенными силами материального общения» [2, с. 204] в процессе воспроизводства человеческого рода можно считать внутрисемейные отношения, которые имеют свое выражение как в духовных, так и в материальных аспектах. В этой связи особый интерес представляют процессы формирования культурных ценностей на макроуровне – ведь именно они детерминируют мотивацию родительского труда и репродуктивное поведение, реализуемое в семье. Однако данные процессы являются предметом исследований уже на мезоуровне.

На микроуровне особенно заметно проявляется взаимосвязь рациональных и эмоциональных компонентов в родительском труде. С одной стороны, существует вполне конкретный замысел в каждом отдельном акте родительского труда на всех его стадиях, с другой – любовь к ребенку и забота о нем являются эмоциональным толчком, импульсом, основой любого действия.

Описанный выше подход И. И. Чангли к структуре родительского труда позволяет применить его и к анализу на микроуровне. Производительные силы (к которым относятся воля и прикладываемые усилия родителя или иного субъекта родительского труда), направленные на объект родительского труда (ребенка) с целью достижения результата (формирование качеств ребенка, удовлетворение потребностей) определенным способом, формируют отношения между субъектом и объектом (родителем и ребенком). Причем именно способ во многом определяет отношение ребенка и родителя — цель и усилия, прикладываемые в процессе родительского труда, оказываются менее важными, нежели выбранные модели взаимодействия (особенно в раннем возрасте, на уровне эмоционального восприятия). Например, это относится к случаю, когда строгое наказание ребенка родителем оправдывается целерациональными мотивами, однако не улучшает их взаимодействия.

Таким образом, феномен родительского труда может быть рассмотрен как многоуровневая система человеческой деятельности. Каждый из уровней имеет двустороннюю взаимосвязь со следующим: с одной стороны, конкретные формы родительского труда определяются принципами и нормами, заложенными на вышестоящих уровнях его организации, а с другой стороны, вышестоящие уровни организации родительского труда образованы совокупностью конкретных форм нижестоящего уровня. Таким образом, с точки зрения деятельност-

ного подхода на макроуровне устанавливаются правовые и ценностные ориентиры регулирования общественных отношений в сфере родительского труда, мезоуровень характеризуется формами репродуктивного поведения, реализуемого в семье, а микроуровень родительского труда близок по содержанию к социально-психологическим внутриличностным процессам. Каждый из выделенных уровней можно также рассмотреть сквозь призму ряда других социологических подходов (к примеру, макроуровень – через институциональный подход, мезоуровень – через общностный, родительский труд на микроуровне предполагает применение психологических методов анализа и т. д.), что дает нам системное видение как самого феномена родительского труда, так и основных его детерминант.

Список литературы:

1. Бондаренко, О. Я. Нелинейный уровневый подход: штрихи к портрету // Электронный онлайн-журнал «Самиздат». Режим доступа: http://samlib.ru/b/bondarenko_o_j/shtrihi.shtml (дата обращения: 15.11.2014).

2. Каган, М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) [Текст] / М. С. Каган. — М.: Политиздат, 1974. — 328 с.

3. Струмилин, С.Г. Проблемы экономики труда [Текст] / С. Г. Струмилин. — М. : Наука, 1982. 472 с.

4. Чангли, И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования: монография [Текст] / И. И. Чангли. 4-е изд. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. 608 с.

УДК 316.74

КОЛЛИЗИИ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Грошева Ирина Александровна
кандидат социологических наук, доцент
Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, Тюмень
E-mail: grosh@nextmail.ru
Грошев Игорь Львович
кандидат социологических наук, доцент
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень
E-mail: grosh@nextmail.ru
Грошева Любовь Игоревна
аспирант,
Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, Тюмень
E-mail: malivia@rambler.ru

COLLISIONS OF UPBRINGING OF YOUTH IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Irina Grosheva
Candidate of Sociological Science, docent,
Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, Tyumen
Igor Groshev
Candidate of Sociological Science, docent,
Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen
Lyubov Grosheva
Postgraduate student,
Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, Tyumen

АННОТАЦИЯ – В статье авторы представляют результаты социологического исследования, целью которого была оценка качества воспитательной работы в учебных заведени-

ях среднего профессионального образования. На основе экспертного опроса были выявлены проблемы и даны рекомендации по пяти ключевым направлениям: 1) работа с педагогическим коллективом; 2) активизация студенческого самоуправления; 3) применение современных методик организации воспитательной работы; 4) технологии социально-педагогического взаимодействия с особыми категориями обучающихся; 5) сопровождение профессионального самоопределения обучающихся.

ABSTRACT – In the article the authors present the results of sociological research which purpose was to assess the quality of upbringing work in educational institutions of secondary vocational education. On the basis of the expert survey problems in five key issues were identified and some recommendations were presented: 1) work with the pedagogical collective; 2) activation of students' self-governing; 3) the application of modern methods of organization of upbringing work; 4) technologies of socio-pedagogical interaction with special categories of students; 5) maintenance of professional self-determination of students.

Ключевые слова: воспитательная работа, эффективность, профессиональное образование, учебное заведение, молодёжь.

Keywords: upbringing work, effectiveness, professional education, educational institution, youth.

Проблемы оценки эффективности воспитательной работы в образовательных учреждениях в настоящее время становятся приоритетными и с этим, в первую очередь, связано изменение в перечне показателей государственной аккредитации и критериальных значений, где введён новый показатель – «Воспитательная деятельность образовательного учреждения». В соответствии с данным документом оценке подлежат три показателя: наличие в образовательном учреждении условий для внеучебной работы с обучающимися, уровень организации воспитательной работы, формирование стимулов развития личности. Этот факт свидетельствует о важности воспитательной составляющей при подготовке современного специалиста в системе профессионального образования Тюменской области и чрезвычайной актуальности создания системы воспитательной работы на основе специфики конкретного образовательного учреждения с учётом направленности профессиональной подготовки, экономических, региональных, национальных особенностей, истории развития и традиций.

В декабре 2014 г. исследовательской группой ГАОУ ВО ТО «ТГАМЭУП» по заданию Департамента образования и науки Тюменской области было проведено социологическое исследование с целью комплексной оценки эффективности организации воспитательной работы в учебных заведениях среднего профессионального образования г. Тюмени.

Социологическое исследование осуществлялось методом формализованного интервью экспертов. Использование данного метода связано с тем, что информацию даёт специалист, имеющий непосредственное отношение к воспитательной работе в учебном заведении. При этом появляется возможность изучения тех сторон проблемы, которые не отражаются в документальных источниках и не всегда доступны прямому наблюдению. Формализация опросного метода приводит к тому, что получаемая информация легче поддаётся количественной обработке. Сбор и обработка эмпирического материала производились по пяти самостоятельным блокам, что позволило осуществить комплексный подход к выявлению проблем воспитания современной учащейся молодёжи: 1) организация работы с педагогическим коллективом по повышению компетентности в сфере реализации воспитательных задач в современных условиях; 2) способы активизации студенческого самоуправления; 3) современные методики организации воспитательной работы (по направлениям); 4) технологии социально-педагогического взаимодействия с особыми категориями обучающихся; 5) сопровождение профессионального самоопределения обучающихся.

В опросе приняли участие специалисты из 13 учебных заведений г. Тюмени и юга Тюменской области, подведомственных Департаменту образования и науки, находящихся в гг. Тюмень, Ишим, Тобольск, Ялуторовск, Заводоуковск, с. Голышманово и с. Нижняя Тавда. Всего было опрошено 120 человек. Основным критериями отбора экспертов выступала

должность, которая должна была быть связана с осуществлением воспитательной работы в учебном заведении. В опросе приняли участие специалисты различных направлений воспитательной работы: заместители руководителей по воспитательной работе, заведующие отделением, педагоги-организаторы, педагоги-кураторы, педагоги-психологи, воспитатели, социальные педагоги, классные руководители.

Респонденты в ходе опроса отмечали, что необходимо воспитывать нравственного, ответственного за свои поступки человека в изменяющихся условиях профессиональной деятельности. В результате все полученные ответы на открытый вопрос о наиболее актуальных задачах воспитательной работы можно сгруппировать по следующим направлениям.

1.Личностно-ориентированное: формирование студента как гармонически развитой личности, отличающейся высокой социальной активностью, высоконравственного гражданина и патриота своей страны; развитие потребности в самосовершенствовании и самореализации; формирование организаторских, лидерских качеств; создание установки на здоровый образ жизни.

2. Профессионально-адаптационное: воспитание потребности в труде; развитие понимания общественной значимости выбранной профессии; формирование профессиональных качеств личности.

3. Учебно-мотивационное: активная поддержка студенческого самоуправления; воспитание уважения к традициям учебного заведения; формирование культуры отношений в коллективе; привлечение к участию в секциях, кружках, а также к различным массовым мероприятиям, проводимым в учебном заведении; формирование дисциплины среди учащихся; воспитание ответственного отношения к учёбе; создание условий для внеурочной деятельности учащегося.

4. Профилактическое: воспитание толерантности и противодействие экстремизму; формирование правовой культуры и уважения к закону; работа с семьёй учащегося.

Особое внимание при этом, как следует из ответов экспертов, уделяется третьему направлению.

На эффективность реализации воспитательных задач в учебном заведении влияет тот факт, что имеются профессионально подготовленные для этой работы педагоги и педагоги-организаторы (89,2%). В меньшей степени эффективность зависит от того, что имеются профессионально подготовленные для этой работы психологи (51,7%) и регулярно проводятся тренинги и семинары по обмену опытом среди кураторов, педагогов-организаторов (51,7%). 23,3% ответивших полагают, что определённое влияние оказывает то, что это направление дополнительно материально вознаграждается, что формирует материальную заинтересованность педагогов. Однако 14,2% высказались о том, что не все педагоги одинаково хорошо справляются с воспитательной работой, поэтому необходимо регулярное повышение квалификации.

Эксперты уверены в том, что эффект от воспитательной работы имеется, так как в учебном заведении сложилось творческое содружество педагогов и учащихся (78,3%). 38,3% полагают, что эффект имеется, так как поведение педагогов и учащихся отличается высокой культурой, они могут и хотят совершенствовать воспитательную среду. Некоторые респонденты связали эффективность воспитательной работы с тем, что в коллективе отсутствуют конфликты (20%), а также за последние годы не было ни одного чрезвычайного происшествия (7,5%), наблюдается высокий уровень успеваемости (4,2%). Однако в ходе исследования выяснилось, что в педагогических коллективах отсутствуют чёткие представления о критериях оценки результатов воспитательной работы.

Из ответов экспертов следует выделить две группы проблем, связанных с негативными результатами воспитательной деятельности: во-первых, бытующий формализм в работе, обусловливающий рост благоприятных для учебного заведения показателей при отсутствии интереса к этой работе как со стороны воспитателей, так и со стороны обучаемых; во-вторых, сама специфика современной молодёжи всё чаще и в ещё большей мере подпадающей под индивидуалистический прагматизм, в котором место нравственному развитию уде-

лено в наименьшей степени. Очевидно, что при таком состоянии воспитательная работа должна иметь наглядный прикладной характер, т.е. все достижения обучаемого целесообразно оформлять в виде портфолио, которое на рабочем месте (по окончании учебного заведения) гарантировало бы выпускнику более высокое денежное вознаграждение в любом профессиональном статусе по сравнению с пассивными коллегами. Реализовать же данное направление целесообразно путём активизации самой молодёжи.

Выступая одним из мощных стимулов повышения социальной активности студенческих коллективов образовательных учреждений среднего профессионального образования, самоуправление является специфическим демократическим институтом, ориентированным на совместную с администрацией к общественными организациями задачу оптимизации всей жизнедеятельности образовательного учреждения. При этом студенческое самоуправление представляет собой процесс решения силами самих студентов жизненно важных проблем управления делами образовательного учреждения как в учебной, так и во внеучебной сферах. Имеет ли место такое взаимодействие в реальной жизни, можно убедиться, исходя из результатов опроса.

Опосредованный (косвенный) анализ фиксирует наличие двух концептуальных подходов (течений), которые априори присутствуют в любом учебном заведении: жёстко декларируемые установки со стороны администрации и ответная, зачастую формально не конкретизированная реакция обучаемых, требующих самостоятельности и вариативности в профессиональной и личностной социализации. Следовательно, есть основание синтезировать оба подхода в направлении существенного роста эффективности коммуникативного взаимодействия обоих субъектов образовательного (воспитательного) процесса.

По мнению экспертов, развитие студенческого самоуправления в учебных заведениях, в первую очередь, зависит от заинтересованности, активности, инициативности самих студентов (84,2%), от готовности администрации предоставить студентам реальную возможность участия в решении вопросов, связанных с их жизнедеятельностью (55,8%), от чёткости определения функций органов студенческого самоуправления, их прав и обязанностей, взаимодействия с администрацией (45%). В меньшей степени на его развитие влияют добросовестность, ответственность выполнения органами студенческого самоуправления своих обязанностей (21,7%), степень самостоятельности органов студенческого самоуправления и студенческих коллективов (14,2%). Здесь также прослеживается авторитарная тенденция в отношении предоставления возможностей для осуществления студентами реальной управленческой деятельности, поскольку позиции «готовность администрации предоставить студентам реальную возможность участия…» и «степень самостоятельности органов студенческого самоуправления…» взаимосвязаны. Однако они получили различные оценки в ответах респондентов. В следующем вопросе о причинах пассивности студентов в развитии самоуправления, по мнению опрошенных, учащиеся «считают, что переход на самоуправление увеличивает загрузку студентов общественными делами, появляется много дополнительной работы» (60,8%). Обращает на себя внимание тот факт, что около половины экспертов (в сумме трёх позиций – 44,2%) всё же указала в качестве причин следующие: «студенты не видят преимуществ системы самоуправления по сравнению с традиционными формами работы» (11,7%), «не верят в возможность реально влиять на организацию учебно-воспитательного процесса, быта, досуга студентов» (30%), «опасаются, что введение самоуправления создаст дополнительные сложности, конфликтные ситуации с администрацией и членами группы» (2,5%).

Следует признать тот факт, что максимальная эффективность студенческого самоуправления возможна лишь в том случае, когда инициаторами являются сами обучаемые, а их инициатива рождается из необходимости и реальности решения внутригрупповых проблем. В этой парадигме администрация и воспитатели должны оказывать не направляющее (директивное) влияние, а всего лишь консультирование и помощь в осуществлении молодёжных проектов. Достичь такого эффекта в настоящих условиях наиболее вероятно путём диверсификации самоуправления – значительного расширения молодёжью сферы реализа-

ции своих способностей (в идеальном варианте: когда каждый обучаемый представляет и реализует свой собственный проект), с одной стороны, и активное сотрудничество студенческих советов учебных заведений, т.е. создание советов самоуправления на уровне города и области с другой, что позволит наметить своеобразный карьерный рост наиболее отличившимся.

В анкете экспертам было предложено оценить по пятибалльной шкале результативность организации воспитания и социализации учащихся, осуществляемых в учебных заведениях по следующим направлениям: гражданско-патриотическое, нравственное и духовное, интеллектуальное воспитание, здоровьесберегающее воспитание, социокультурное и медиакультурное воспитание, правовое воспитание и культура безопасности, воспитание семейных ценностей, формирование коммуникативной культуры, экологическое воспитание.

Гражданско-патриотическое и здоровьесберегающее воспитание респонденты оценили в основном на «отлично» (56%) и «хорошо» (37,1%). Нравственное и духовное воспитание в большей степени получило оценку «хорошо» (45,4%), чем «отлично» (42,9%). Среди экспертов 11,8% поставили оценку реализации этого направления «удовлетворительно». Такие составляющие этого направления как формирование у обучающихся ценностных представлений о морали, об основных понятиях этики; формирование у обучающихся набора компетенций, связанных с усвоением ценности многообразия и разнообразия культур, с понятиями свободы совести и вероисповедания и др. в целом реализуются, однако требуют совершенствования дальнейшей работы в этом направлении.

Соотношение оценок такого направления как социокультурное и медиакультурное воспитание («хорошо» – 60,5%, «отлично» – 30,3%), формирующего у обучающихся общеобразовательных учреждений представление о таких понятиях как «толерантность», «миролюбие», «гражданское согласие», «социальное партнерство», несколько иное со значительным перевесом в сторону «хорошо», имеются неудовлетворительные оценки, что говорит о том, что в этом направлении можно сделать гораздо больше по сравнению с тем, что имеется в реальности. Формирование коммуникативной культуры в образовательной среде респонденты оценили как хорошее (52,1%) («отлично» – 35,3%), однако имеется 12,6% удовлетворительных оценок, что говорит о том, что представители учебных заведений хотели бы видеть формирование у обучающихся дополнительных навыков коммуникации, включая межличностную и межкультурную виды коммуникаций. Несмотря на то, что воспитание семейных ценностей получило доминирующую оценку «хорошо» (56,3%) («отлично» – 30,3%), также имеется 10,9% оценок «удовлетворительно». Однако по сравнению с предыдущим направлением, процент увеличивается из-за оценок «неудовлетворительно» (2,5%). Следует отметить наличие некоторой обеспокоенности работников системы образования недостаточным формированием у обучающихся ценностных представлений об институте семьи, о семейных ценностях, традициях, культуре семейной жизни; формированием у обучающихся знаний в сфере этики и психологии семейных отношений, что порой отмечалось в открытых позициях ответов на вопросы анкеты. Ещё больший процент удовлетворительных оценок (13,6%) получило такое направление как «правовое воспитание и культура безопасности». Несмотря на тот факт, что оно также было оценено как хорошее («хорошо» – 48,3%, «отлично» – 38,1%), респонденты считают, что формирования у обучающихся правовой культуры, представлений об основных правах и обязанностях, о принципах демократии, об уважении к правам человека и свободе личности, формирование электоральной культуры; развитие навыков безопасности и формирования безопасной среды в учебном заведении, в быту, на отдыхе должно развиваться более интенсивно.

Среди направлений-аутсайдеров выделились интеллектуальное воспитание и экологическое воспитание. Они получили меньше всех отличных оценок (21,8% и 21,2% соответственно). И если интеллектуальное воспитание оценили на 62,2% как хорошее, то экологическое только лишь на 45,8%. Если удовлетворительно интеллектуальное воспитание оценивали 14,3% респондентов, то экологическое – 30,5%. Имеются неудовлетворительные оценки по 2% и 2,6% соответственно.

Необходимо уделять особое внимание формированию условий для развития опыта многомерного взаимодействия учащихся общеобразовательных учреждений в процессах, направленных на сохранение окружающей среды; формированию ответственного и компетентного отношения к результатам производственной и непроизводственной деятельности человека, затрагивающей и изменяющей экологическую ситуацию на локальном и глобальном уровнях; формирование экологической культуры, навыков безопасного поведения в природной и техногенной среде; формирование ценностного отношения к природе, к окружающей среде, бережного отношения к освоению природных ресурсов региона, страны, планеты.

В образовательных учреждениях чаще всего осуществляется социологический мониторинг выявления ценностных ориентаций молодёжи (40,8%) и социально-психологический мониторинг личностного состояния учащейся молодёжи (33,3%). Гораздо реже можно говорить о деятельности службы социально-психологической поддержки (11,7%) и мониторинге формальной и неформальной микросреды общения студенческой молодёжи (10,8%). Практически нет упоминаний о деятельности научно-методического центра по разработке проблем воспитания студенческой молодёжи и организации школы лидерства.

В основу критериев отбора методики организации воспитательной работы в учебных заведениях, по мнению опрошенных педагогов, заложен такой показатель как результативность воспитательной работы (47,5%). 21,7% выбрали уклончивый вариант «используется множество методик, и для каждой есть свои критерии». 12,5% указали на такой критерий отбора как «адекватность специфике учебного заведения», а 10% выбрали вариант ответа «отбора не было, всё выполняется на основе инструктивных документов, положений». В ходе ответов на поставленный открытый вопрос об использовании современных методик воспитательной работы было выявлено, что в основном в образовательных учреждениях имеют слабое представление о них. Практически не различимы в ответах понятия «методика», «методы», «формы», «технология». Возникает насущная необходимость в дополнительных обучающих семинарах специалистов по воспитательной работе.

Методическая работа рассматривается не как комплекс мероприятий оформленных в виде программ и отчётных документов, а как отбор и селекция наиболее адекватных подходов с учётом контингента обучаемых и специфики социального окружения. В этом случае необходимо соблюдать следующие принципы: а) информационной открытости; б) профессионализма воспитателей; в) отлаженной работы по целеполаганию. Следует осуществлять регулярный обмен опытом между учебными заведениями, проведение единых курсов повышения квалификации для педагогов, воспитателей и администраций учебных заведений, мониторинговые исследования независимыми службами, привлечение к воспитательной работе потенциальных работодателей (с соответствующим финансово-экономическим сопровождением). Так или иначе, но высказанные экспертами предложения касаются лишь фрагментарных актов воспитательной работы, т.е. попыткой через количество проводимых акций увеличить число «вовлечённых в процесс» обучаемых, когда речь должна идти о системном и непрерывном воздействии на сознание обучаемого в каждый момент его жизни.

Стратегия развития воспитательной работы должна строиться с учётом современных позитивных тенденций и требований времени, сложившихся условий – модернизации системы высшего профессионального образования Российской Федерации, с одной стороны, в сочетании с принципом преемственности и сохранения ранее достигнутого – с другой.

Проблема обучения детей с ограниченными возможностями здоровья становится актуальной в связи со значительным увеличением численности данной группы в обществе с одной стороны, а с другой, появляющимися новыми возможностями для их адаптации в обществе. Как социальная группа в обществе дети с ограниченными возможностями здоровья нуждаются, главным образом, в создании реальных условий для получения качественного образования.

В учебном процессе развитие одарённого учащегося следует рассматривать как развитие его внутреннего деятельностного потенциала, способности быть автором, творцом, ак-

тивным созидателем своей жизни. Для этого необходимы кардинально новые технологии в образовании.

При ответе на вопрос «*Как изменилась, по-Вашему мнению, динамика склонности к негативным формам поведения среди современной молодёжи за последние 5 лет?*» мнения педагогов разделились. 36,7% ответили, что «в целом стало меньше обучающихся из группы риска» и 29,2% за то, что «в целом стало больше обучающихся, которых можно отнести к группе риска». Однако в сумме позиции «в целом стало больше обучающихся, которых можно отнести к группе риска» (29,2%) и «стало больше обучающихся со склонностью к негативным формам поведения среди здоровых молодых людей» (34,2%) составили 63,4%. В то время как сумма по позициям «в целом стало меньше обучающихся из группы риска» (36,7%) и «стало меньше обучающихся со склонностью к негативным формам поведения среди здоровых молодых людей» (5,8%) составила всего лишь 42,5%. Отсюда следует неутешительный вывод об увеличении склонности молодых людей к девиантным формам поведения.

Следует отметить положительный момент, что руководство учебных заведений старается отслеживать дальнейшую судьбу обучающихся из числа особых категорий. 66,7% педагогов указали на то, что это делается в обязательном порядке и 15% отметили, что это делается время от времени.

Профессиональная ориентация, профессиональное образование, трудоустройство и трудовая адаптация молодых специалистов – это составляющие профессионального самоопределения учащейся молодёжи. Нужны серьёзные направленные усилия для их развития, что, в конечном счёте, приведёт к повышению эффективности использования трудового потенциала российского общества и развитию народного хозяйства. Удачный старт на рынке труда – ключевое условие, которое определяет успешность самоопределения и самореализации, участие молодёжи в жизни общества и её влияние на общественное развитие.

На вопрос *«Имеется ли в Вашем учебном заведении комплексная программа профессионального самоопределения обучаемых?»* больше половины опрошенных педагогов ответили, что «такой программы нет, но отдельные виды работ выполняются» (54,2%). Только 19,2% отметили, что такая программа имеется и используется на младших курсах и 14,2% указали, что такая программа имеется и используется на старших курсах.

В ответ на просьбу оценить результативность программ взаимодействия учебных заведений с реальным сектором экономики (предприятиями и организациями) педагоги достаточно высоко оценили прохождение студентами производственной практики («отлично» – 83%, «хорошо» – 32%, «удовлетворительно» – 3%). Проведение учебных занятий практическими работниками реального сектора производства эксперты оценили в основном на «хорошо» (47%) (при 10% оценок «удовлетворительно»). Несколько хуже оценка трудоустройства выпускников на основе предварительно заключённых договоров (20,4% удовлетворительных оценок). В направлении привлечения студентов к научно-исследовательской работе на предприятиях реального сектора экономики и особенно и привлечения работников реального сектора экономики в качестве кураторов групп предстоит активно работать.

Для повышения эффективности профориентационной работы, опираясь на мнения экспертов, рекомендуется предпринять следующие шаги.

1. Создание с последующим финансированием дополнительных программ развития обучаемых со стороны работодателей.
2. Стимулирование участия обучающихся в творческих и научных проектах с вовлечением в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу (НИОКР) предприятий, с выполнением реально финансируемых заказов со стороны потенциальных работодателей.
3. Повышение качества прохождения производственной практики на предприятиях и расширение возможностей обучаемых для ротации внутри предприятия.

4. Привлечение работодателей к проведению занятий в учебном заведении, в частности – проведению различных конкурсов, в том числе и конкурсов профессионального мастерства, мастер-классов, олимпиад, выпускных квалификационных экзаменов.

Проведённое исследование позволило выделить и другие проблемы.

Во-первых, отсутствие единой воспитательной концепции, что предполагает не только разнообразие методов воспитания, но и определённым образом хаотично подобранный инструментарий воздействия на личность обучаемого.

Во-вторых, как результат первого вывода – стремление сугубо формального выполнения должностных обязанностей в условиях отсутствия заинтересованности воспитателей.

В-третьих, несистемное представление о развитии воспитательной работы, стремление «разложить ответственность» за качество воспитания по нескольким субъектам (например, родители, работодатели, государство).

В-четвертых, неоднозначное восприятие экспертами – специалистами учебных заведений инноваций в сфере воспитательной работы, поскольку у них присутствуют ожидания по увеличению объёмов воспитательной работы, введению новых показателей, выставленных в качестве плановых заданий и т.п.

В-пятых, отсутствие конкретного «социального заказа» учебным заведениям со стороны администрации города (области) по воспитательному процессу, который, судя по всему, воспринимается неоднозначно. В результате чего границы работы не очерчены, цели определяются только по основным значениям, нарушаются социальные и профессиональные связи целей и интересов «бизнес–образовательное учреждение–государство».

Тем не менее, ситуация не является критической, поскольку отражает типичные для российской действительности тенденции «поиска позитивных ориентиров» в условиях неопределённости развития и высокой степени риска.

УДК 330.16

ФУНКЦИИ ШОПИНГА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА

Грунт Елена Викторовна
доктор философских наук, профессор
Уральский Федеральный университет, Екатеринбург
helengrunt2002@yandex.ru

FUNCTIONS OF SHOPPING IN THE REPRESENTATIONS OF THE POPULATION OF RUSSIAN MEGAPOLIS

Grunt Elena Victorovna
Doctor of philosophy, professor
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются понятия «шопинг», «мегаполис», дается авторская трактовка понятия «шопинг». Исследование проведено в Екатеринбурге осенью 2013 г.. Методами сбора первичной информации выступали анкетный опрос и глубинное интервью. Было опрошено 550 человек в возрасте 18 лет и старше, занимающихся шопингом, на основе стихийной выборки, проведено15 глубинных интервью с жителями Екатеринбурга, активно занимающихся шопингом. Автор делает вывод о гендерном характере шопинга; некотором снижении остроты социальной напряженности и психологическом нивелировании резкой имущественной и социальной дифференциации современного российского общества за счет занятия шопингом и пр.

ABSTRACT. The article presents theoretical analyses of the notions «shopping», «megapolis». The research was conducted in Ekaterinburg in autumn 2013. The research methodology combines qualitative and quantitative methods. Methods of research are questionnaire and depth

interview. Sample consists of 550 respondents. Functions of shopping are considered. The author concludes that shopping realizes the following functions: utilitarian, hedonistic, compensatory, communication, relaxation, self-fulfilling and status. Shopping reduces acuteness of the social and psychological tension, reduces sharp property and social differentiation of modern Russian

Ключевые слова: шопинг, функции шопинга, мегаполис.

Keywords: shopping, functions of shopping, megapolis

Современная российская культура все больше тяготеет к консюмеризму - потребительству. Это связано с тем, что массовое производство втягивает в потребление не только высшие слои населения, но и почти абсолютное большинство населения, при этом индивидуальное потребление ставит задачу не только удовлетворить физические потребности личности, но и способствовать формированию ее статуса. Сегодня существенные изменения происходят и в организации торговли и сферы обслуживания мегаполиса: торговые центры, молы и супермаркеты становятся местами не только покупки вещи, но и местами проведения досуга. Шопинг начинает занимать ведущее положение в структуре досуга населения мегаполиса. Тем не менее, тема шопинга является относительно мало разработанной в отечественной социологии. Только в конце XX – начале XXI вв. стали появляться социологические работы, в которых анализируется проблема шопинга. Чаще всего они имеют маркетинговый и чисто прикладной характер.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к рассмотрению понятия «щопинг», остановимся лишь на некоторых из них.

В современной научной литературе достаточно сложно определиться с понятием «шопинг». Так, исследователь Р. Боулби различает два вида шопинга [5, с. 93]. Первый вид – «doing shopping», то есть процесс совершения покупок, когда при необходимости приобретения какой-либо вещи, посещают магазины. Второй – «going shopping» как прогулка по магазину без конкретной цели; в этом случае, шопинг понимается как способ проведения досуга и источник удовольствия, вид общения и игры. Таким образом, во втором случае шопинг реализует свою гедонистическую, досуговую и игровую функции.

Стоит отметить, что на Западе проводились исследования, в которых шопинг чаще всего рассматривается как один из видов потребительского поведения, и предпринимается попытка создания типологии потребителей, но с учетом специфики западных обществ [1, с.52-67]. Часто под «шопингом» понимается не просто покупка товаров, а весь комплекс, включающий также и попутные развлечения (рестораны, кафе, кино и пр.) [6, 7]. Таким образом, в данном определении выделяется не только утилитарная функция шопинга, но он рассматривается как один из видов проведения досуга, который состоит в посещении развлекательных мест, что означает совмещение отдыха с покупками.

В отечественной социологии изучением шопинга активно занимается В. И. Ильин. По его мнению, шопинг [2, с.76] обозначает не только традиционный процесс выбора товара, но и посещение торговых центров как музеев современной культуры, храмов. Также шопинг понимается им как форма досуга и как инструмент конструирования идентичности. Действительно, зачастую для посетителей торговых центров интересен не сам процесс выбора товаров. Для них становится важен факт погружения в мир красивых вещей. Проводя время в торговых центрах, люди начинают причислять себя к определенной группе и соглашаются с ее идеологией. В данном случае, этой группой являются шопоголики, которые зависимы от занятий шопингом. Шопинг многими исследователями рассматривается и как форма потребительского поведения личности. Как отмечают Е. Немкова и А. Рыс, «Шопинг – это вид потребительского поведения, при котором человек имеет возможность индивидуального выбора при принятии решения о покупке» [3]. Таким образом, данными авторами делается акцент на потребительской сущности шопинга. Мы понимаем шопинг как времяпрепровождение личности в свободное время, включающее весь комплекс услуг, начиная от принятия решения о покупке товара до развлечения, сопутствующему этому процессу.

Рассмотрев понятие « шопинг», определимся с понятием «мегаполис». В работе мы не фиксируем внимание на административно-территориальных характеристиках города, а понимаем мегаполис как крупный город, характеризующийся высокой динамичностью развития, большой концентрацией населения, развитой инфраструктурой, и реализующий экономические и социокультурные функции. Мегаполис обладает специфическими чертами: высокой плотностью населения, широкой сетью коммерческих структур, которые активно навязывают образцы потребительского поведения (PR-компании), спецификой организации городской инфраструктуры и системы коммуникаций. Высокая плотность населения обуславливает интенсивный характер интеракций людей. Доминирующими становятся коммерческие отношения во многих сферах жизни мегаполиса (бытовое обслуживание, процесс производства и т.д.), которые определяются деловой насыщенностью мегаполиса.

Как отмечал М. Вебер, город является городом потребителей (Konsumentenstadt) [4, с.131 - 134]. Он существует и функционирует посредством удовлетворения потребностей населения. Получение дохода и потребительское поведение обуславливаются развитой инфраструктурой мегаполиса. В мегаполисе наблюдается концентрация разнообразных объектов потребительского рынка, которая ограничена одной территорией. Развитие потребительского рынка и сферы услуг способствуют модификации социальных отношений в мегаполисе. В современном обществе потребность в досуге является одним из важнейших потребностей человека. В мегаполисах остро ощущается недостаток времени на восполнение духовных и физических затрат, получаемых на работе. Этот недостаток оптимальным образом восполняется деятельностью индустрии досуга.

Развитая индустрия досуга способствует эффективному отдыху человека и решает разнообразные задачи (создание хорошего настроения, культурное развитие, образование и т. д.), и, следовательно, создает возможность выбора среди разнообразных форм проведения досуга. Как мы отмечали выше, торговые центры являются местами проведения досуга и развлечений, удобными для занятий шопингом. Кроме бутиков и магазинов, в них имеются кинотеатры, кафе и рестораны и т.д. Все это способствует совместить отдых с покупками. Данный торговый формат побуждает людей к активному потреблению.

В рамках исследования нами была эмпирически изучена проблема, чем является шопинг для населения современного российского мегаполиса, и каковы его функции. Исследование[1] было проведено в Екатеринбурге в ноябре-декабре 2013 г.

Рис. 1. Чем для Вас является шопинг?

Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Исследование зафиксировало: большинство респондентов (87%) занимаются шопингом в целях покупки вещей. В этом случае шопинг выполняет утилитарную, то есть практи-

[1] Методами сбора первичной информации выступали анкетный опрос и глубинное интервью. Было опрошено 550 человек в возрасте 18 лет и старше, занимающихся шопингом, на основе стихийной выборки. Также было проведено15 глубинных интервью с жителями г. Екатеринбурга, активно занимающихся шопингом.

ческую функцию. Эти люди занимаются шопингом по мере необходимости. Среди них более половины респондентов (58%) во время шопинга занимаются непосредственно поиском товаров, при этом идет также знакомство покупателя с новыми тенденциями, и это не предполагает приобретение товара. *«Для меня шопинг не является формой полноценного досуга. В первую очередь, это поиск товаров и покупка вещей, вызванные естественной необходимостью обновить гардероб, приобрести аксессуары и другие вещи»* (Евгения, 23 года).

Для 35% респондентов шопинг реализует гедонистическую потребность, то есть респонденты испытывают удовольствие от занятий шопингом, проводя, таким образом, свой досуг «*Многие думают, что шопинг – это обязательно покупка вещи. Вовсе не так. Для меня шопинг – это поход в «Мегу» или «Гринвич». Мы часто это делаем с подругой. Ходим в кино, заходим в бутики, прицениваемся, даже мерием вещи, что-то покупаем…»* (Алена, 32 года). Почти четверть (24%) опрошенных посредством шопинга получают психологическую разгрузку. Это особенно актуально в условиях мегаполиса, поскольку его жители постоянно находятся в состоянии стресса из-за бешенного ритма жизни, и они испытывают потребность в отдыхе. Процесс шопинга способствует принятию решения о возможных покупках (22%). Он создает возможность пройтись по магазинам и бутикам, расположенным в торговом центре, осмотреть все предлагаемые на продажу товары, сравнить цены, и, наконец, выбрать подходящий вариант: «*иногда просто захожу в ТЦ по пути домой и смотрю одежду без намерения совершать покупку, зато я могу прицениться к будущей покупке, и уж потом, взвесив все «за» и «против», точно решить, брать или не брать мне данную вещь»* (Евгения, 23 года). Для части респондентов (19%) шопинг дает возможность покупателю развлечься, способствует отвлечению от будничной рутины: «*Безусловно! Шопинг расслабляет, шопинг отвлекает от будничной рутины»* (Ксения, 20 лет). Шопинг в данном случае выступает средством отвлечения от повседневных дел и забот. Для 15% респондентов шопинг является одним из способов коммуникации, то есть многие люди, не имея возможности общения на работе или где-либо, стремятся расширить свой круг контактов при посещении магазинов.

Лишь для немногих шопинг является физической разрядкой, пребыванием в кругу равных себе и творчеством. Шопинг выступает одним из способов физической разрядки, то есть прогулка по магазинам нередко является формой разминки для людей, чья повседневная жизнь не отличается физической активностью. Пребывание в кругу равных означает взаимодействие людей со схожим кругом интересов для обмена информации и впечатлений друг с другом, либо взаимодействие людей, имеющих как фактически равный, так и мнимый равный социальный статус *«Когда я занимаюсь шопингом, то я вижу таких же, как я. Это здорово! Здесь я равна себе и равна другим! Мы с девчонками часами можем ходить по Меге или Гринвичу. Иногда что-нибудь и купишь, зайдешь в кафе, сходишь в кино…» «Ксения, 20 лет».* Посредством шопинга ряд респондентов самореализуются как творческие люди. Покупая вещи, они стремятся выразить себя через них, наделяя их вдохновляющим свойством.

Исследование зафиксировало гендерный характер шопинга: большинство женщин получают удовольствие от занятия шопингом, а большинство мужчин – нет. Для женщин шопинг, безусловно, - многочасовой ритуал, который помогает возместить недостаток положительных эмоций, в то время как на психику мужчин ложится тяжелым бременем, поэтому они часто стремятся, быстро купив товар, покинуть магазин:

Таблица 1

Влияние пола респондента на наличие удовлетворенности, получаемой от занятия шопингом (в % от числа опрошенных)

Пол	Наличие удовлетворенности, получаемой от занятия шопингом			
	Да	Нет	З/о	**Итого:**
Мужской	27,6	63,8	8,6	**100,0**
Женский	71,1	22,5	6,3	**100,0**
В целом:	**58,5**	**34,5**	**7,0**	**100,0**

* Коэффициент Крамера [0..1]: 0,428, вероятность ошибки: 0,10%

Мужчины склонны воспринимать шопинг как «функциональную» деятельность, направленную на покупку необходимых вещей, для них шопинг выполняет в большей мере утилитарную функцию. Женщины рассматривают его как досуговую деятельность, связанную с удовлетворением потребностей и желаний. Для женщин шопинг выполняет чаще всего гедонистическую функцию. Возможно, это связано со стереотипными представлениями о гендерных ролях, в соответствии с которыми у мужчин и женщин складывается неодинаковое отношение к занятиям шопингом. Женщины позитивно относятся к шопингу, поскольку шопинг подтверждает их гендерную идентичность, в то время как мужчины негативно реагируют на шопинг, потому как шопинг делает их более «женственными», ставя их мужественность под вопрос *« Шопинг – это удел женщин. Они могут позволить часами стоять у зеркала, проводить время в магазинах и парикмахерских…. Мужчина должен заниматься делом.* (Алексей, 34 года).

Результаты исследования показали, что более половины респондентов (63%) получают удовольствие от занятия шопингом. Чаще всего скидки и акции (58%), то есть возможность сэкономить, способствуют также появлению хорошего настроения. Некоторые респонденты испытывают радость от приобретения новой вещи, наслаждаются самим процессом покупки. (54%): «*новые вещи поднимают настроение»* (Анна, 35 лет)*; «я испытываю удовольствие от новой, красивой вещи, которая мне нравится, поэтому можно сказать, что шопинг становится и способом поднять настроение, порадовать себя»* (Евгения, 23 года). Хорошее качество обслуживания (16%) также способствует удовлетворению респондентов от занятия шопингом.

Однако, 34% респондентов не испытывают удовлетворения от занятия шопингом. Потому как они эмоционально и физически устают от шопинга (17%), их раздражает суета (15%) и большое количество посетителей магазинов (10%). Также они считают, что из-за шопинга теряют много времени (5%). Тем не менее, занятия шопингом им приходится совершать по мере необходимости: «*Занимаюсь шопингом по необходимости – сезонная покупка одежды, замена старой одежды и т.д.»* (Марина, 39 лет).

Таким образом, шопинг для большинства жителей мегаполиса доставляет удовольствие, потому что он помогает избавиться от стресса. Посредством покупок человек пытается сгладить негативное воздействие на себя различных факторов. При этом фактор престижа играет значительную роль. Возможность обладания модной вещью доставляет огромное удовольствие для людей, занимающихся шопингом. Также развлекательные зоны торговых центров (кафе, бары, рестораны, кинозалы, комнаты для детей и т. д.) способствуют полноценному отдыху покупателей, вследствие чего их привлекает шопинг.

Но иногда люди испытывают стресс и разочарования от занятия шопингом. У многих на занятие шопингом уходит много времени и сил. В торговых центрах и магазинах нередко продавцы грубят и не уделяют должного внимания к покупателям. В то время как покупателю хочется, чтобы ему уделяли должное внимание и уважение. Таким образом, он повышает свою самооценку, особенно когда не хватает подобных ситуаций в повседневной жизни. Исследование показало, что в среднем респонденты занимаются шопингом от 1 до 2 раз в месяц, при этом они тратят от 2001 до 5000 рублей. На момент опроса в среднем респонденты занимались шопингом последний раз неделю назад. Таким образом, шопинг в жизни населения мегаполиса занимает достаточно крепкие позиции. Они посвящают ему достаточно много времени и денег.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, с кем чаще всего респонденты занимаются шопингом. Результаты показали, что респонденты преимущественно занимаются шопингом вместе с другом или подругой (37%), приятно проводя время и советуя друг другу что-нибудь купить. Тем самым реализуется коммуникативная функция шопинга, если у данного человека мало возможностей для общения. На втором месте стоит семейный шопинг (30%). Менее популярен индивидуальный шопинг (27%). Таким образом, консультация друга (подруги) является одной из важнейших составляющих при занятии шопингом, на

которую полагаются респонденты. Это говорит о существенном влиянии на занятия шопингом такого фактора как референтная группа.

Результаты исследования показали, что занятия шопингом населения современного российского мегаполиса способствует реализации следующих его функций: утилитарной, гедонистической, компенсаторной, коммуникативной, релаксационной, самореализующей и статусной. Таким образом, шопинг становится не только формой потребительского поведения населения мегаполиса, но и своеобразным стилем жизни, сферой проведения досуга. При занятии шопингом речь идет не только и не столько об удовлетворении насущных потребностей, без которых не может существовать человек. Существенное время отводится человеком на то, что окружает само действие потребителя: изучение ассортимента товаров, поиск информации о товаре в Интернете, собственно покупка. Параллельно с этим наблюдается увеличение времени населения на действия, сопутствующие покупке товара - походы в кино, кафе и пр., то есть на проведение досуга.

Исследование выявило ряд тенденций развития шопинга в мегаполисе:

- шопинг имеет гендерный характер. В большей мере (до 80%) им занимаются женщины;
- шопинг становится для части населения досугом;
- за счет занятия шопингом происходит некоторое снижение остроты социальной напряженности и психологическое нивелирование резкой имущественной и социальной дифференциации современного российского общества;
- возможность формировании у части населения мегаполиса «шопинговой зависимости», что приводит к трансформации личности.

Список литературы:

1. Бурстин Д. Сообщества потребления [Текст] \Бурстин Д.// Thesis.1993, № 3, С. 52-67
2. Ильин В. И. Потребление как дискурс: Учебное пособие. [Текст] \ Ильин В.И. СПб.: Интерсоцис, 2008. 362 с.
3. Немкова Е., Рыс А. и др. «Шопинг: как люди делают это?»: [Электрон. ресурс] – URL: http://www.hse.ru/data/005/979/1224/shopping_21.11.doc (дата обращения: 08.02.2014)
4. Туров И.С. Городской образ жизни. Теоретический аспект //Социс. 1995. № 1. С. 131–148.
5. Bowlby R. Supermarket Futuers// The Shopping Experience\ ed. By P. Falk, C Cambel [Text] \ Bowlby R. .L.; Sage, 1997. p. 92- 110.
6. Life-style shopping. The subject of consumption. L.: Routledge.1992, p.423.
7. Miller D. The dialectic of shopping. [Text] \ Miller D. Chicago.,Il.: Institute of Chicago Press, 2001, p.285.

УДК 316.73:316.613-057.875 (470.5)

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА К КУЛЬТУРНЫМ НОВШЕСТВАМ И ЭКСТРЕМИЗМУ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Гуськов Дмитрий Вячеславович
старший преподаватель, аспирант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Email: Collectioner132008@yandex.ru

THE ATTITUDE OF THE STUDENTS OF THE URAL REGION TO THE CULTURAL INNOVATIONS AND EXTREMISM IN THE SOCIO-CULTURAL SPHERE

Dmitry Guskov
senior lecturer, aspirant, Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Данная публикация носит научно-исследовательскую, практическую направленность. В ней раскрываются особенности отношения студенческой

молодежи к новшествам и экстремизму в культуре, полученные путем социологического исследования.

ABSTRACT – This publication is a scientific research, practical orientation. It reveals the attitudes of students to innovate and extremism in the culture obtained by sociological research.

Ключевые слова: экстремизм; социокультурные нормы; социокультурная среда; социокультурный подход.

Keywords: extremism; socio-cultural norms; socio-cultural environment; social and cultural approach.

Экстремизм – это сложное и многогранное явление, исследуемое несколькими смежными научными дисциплинами, цель которых найти причинно-следственную связь, обуславливающую его возникновение как феномена, классифицировать формы проявления данного феномена в жизнедеятельности человека и общества, в культуре. В связи с данным обстоятельством экстремизм как научная категория имеет целый ряд трактовок. Изучение феномена экстремизма и его проявлений в социокультурной среде основывается на анализе природы и сущности экстремального сознания в социокультурной среде, в окружении которой формируется личность человека в рамках процесса социализации.

Специфические особенности экстремизма как социокультурного явления можно выявить, применив принципы социокультурного подхода. В рамках данной постановки проблемы наиболее всего применим социокультурный подход, принципы которого разработаны отечественным ученым П. Сорокина и его последователем Н. И. Лапиным. Указанные П. Сорокиным положения социокультурного подхода могут быть также применены в рамках анализа экстремизма как социокультурного явления. Если быть солидарным с научной позицией Н. И. Лапина, то основная специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия: человека в его соотношении с обществом; характер культуры; тип социальности. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия. При такой специфике социокультурный подход не противостоит иным подходам, а дополняет их [1, 4].

В рамках использования социокультурного подхода для анализа свойств и особенностей проявления экстремизма как социокультурного явления важно опираться на несколько положений, которые конкретизируют данный социокультурный подход, помогают доказать, что экстремизм является также социокультурным явлением, возникающим в периоды трансформации социокультурного пространства, норм и ценностей, преобладающих в данном пространстве. Особенно значимы выводы Н. И. Лапина, что социокультурный подход можно конкретизировать в виде нескольких принципов, помогающих сформировать представление об обществе как целостной социокультурной системе и четче осмыслить проблемы социокультурной трансформации.[1, 5]. Указанные Н. И. Лапиным принципы социокультурного подхода, на наш взгляд, наиболее применимы к анализу экстремизма как социокультурного явления.

Экстремизм как социокультурное явление, то есть экстремизм в культуре – это специфический вид деятельности индивидуума или социальной группы, являющийся крайним, антагонистическим, агрессивным по отношению к господствующим нормам и правилам, зарождающийся в процессе развития социокультурной системы, он разнонаправленно отражает процесс развития культуры, как в сторону эволюции, так и в сторону деградации. Направление зависит от того, какую роль играют девиация и экстремизм в рамках динамики норм социокультурного пространства. Если нормы выходят на новый уровень развития в результате воздействия на них экстремистских установок, то можно говорить о прогрессе. Если же нормы утрачивают свои функции, а на смену им приходят другие нормы, которые до этого считались девиацией или даже экстремизмом, то можно говорить о регрессе данных норм и установлении новых норм, отличных от предыдущих.

Естественно, сопротивляемость норм зависит от числа их приверженцев, которые соблюдают их неукоснительно, или стараются их придерживаться, когда позволяют обстоятельства. Чтобы нормы в обществе сохранили свой статус, необходимо, чтобы большинство молодого поколения их соблюдало и могло бы передать данные нормы своим потомкам. Важно и само понимание молодыми людьми «социокультурного экстремизма» или «экстремизма в культуре»

Был проведен социологический опрос студенческой молодежи высших учебных заведений города Екатеринбурга, позволивший выявить отношение респондентов, как к существующим нормам, так и к различным проявлениям экстремизма[1]. В рамках исследования объективных особенностей взаимодействия экстремизма и нормы в социокультурном пространстве для подтверждения научной гипотезы о сценариях взаимодействия экстремизма и нормы, о разнонаправленности экстремизма и нормы в социокультурном пространстве результаты исследования рассматривались в разных ракурсах:

1. Понимание респондентами феномена экстремизма в культуре;
2. Отношение респондентов к феномену экстремизма в культуре;
3. Отношение респондентов к господствующим нормам в культуре.

Различное сочетание указанных параметров даёт возможность определить, какие из типов взаимодействия экстремизма и нормы преобладают в данный момент в социокультурном пространстве. Выделенные девять основных групп (исходя из отношения респондентов к соблюдению господствующих норм и проявлениям экстремизма в культуре) можно объединить в пять сообществ. В рамках каждого из сообществ реализуется свой тип взаимодействия экстремизма и нормы, и чем в процентном соотношении такое сообщество больше по отношению к другим сообществам, тем более доминантное положение занимает тот или иной тип взаимодействия экстремизма и нормы:

- ***Первое сообщество:*** в его рамках *экстремизм и норма соперничают, при этом экстремистские нормы пытаются вытеснить господствующие, общепринятые нормы на периферию социокультурного пространства*, *но в итоге общепринятые нормы сохраняют свое господствующее положение*.
- ***Второе сообщество:*** *в его рамках экстремизм и норма соперничают, при этом экстремистские нормы пытаются вытеснить господствующие, общепринятые нормы на периферию социокультурного пространства, в итоге общепринятые нормы утрачивают свое господствующее положение и вытесняются на периферию социокультурного пространства экстремистскими нормами*. Что было «экстремизмом» становится нормой, а устаревшая норма становится «экстремизмом».
- ***Третье сообщество:*** в его рамках *экстремизм и норма соперничают, при этом экстремистские нормы пытаются вытеснить господствующие, общепринятые нормы на периферию социокультурного пространства, в итоге общепринятые нормы радикализуются, создавая «контр экстремизм»*, направленный против деструктивного воздействия экстремистских норм на господствующие, общепринятые нормы.
- ***Четвертое сообщество:*** в его рамках *экстремизм и норма сосуществуют параллельно в рамках различных субкультур*, которые при этом также могут быть экстремистскими по отношению друг и другу.
- ***Пятое сообщество:*** в его рамках *экстремизм способствует позитивной модернизации нормы*.

В итоге по результатам исследования были сделаны следующие выводы:

Преобладание *первого сообщества* (1 курс – 57 %, 3 курс – 52%) позволяет говорить, что социокультурная среда студенческой молодежи города Екатеринбурга является доста-

[1] Были опрошены студенты 1-го и 3-го курсов, данная выборка респондентов связана с разной степенью их социализации. Всего в опросе участвовало 600 человек, 300 человек – студентов 1-го курса, 300 человек – 3-го курса, четырех различных профилей обучения: технический, естественнонаучный, гуманитарный, социально-экономический (по 150 человек по каждому из профилей обучения).

точно стабильной, а существующие господствующие общепринятые нормы достаточно эффективно противостоят экстремистским тенденциям в социокультурной среде.

Достаточно большой сегмент *четвертого сообщества* (1 курс – 16%, 3 курс – 25%) характеризует социокультурную среду студенческой молодежи города Екатеринбурге как обладающей достаточной степенью толерантности к различным нормам и ценностям, даже если указанные нормы и ценности вступают в противоречия друг и другом.

Одновременно наличие сегмента *второго сообщества* (1 курс –11%, 3 курс – 11%) свидетельствует о том, что часть респондентов (каждый девятый), находящихся в общем социокультурном пространстве одновременно кардинально противопоставляет себя остальной части студенческой молодежи города, их ценностным ориентациям, не хочет придерживаться общепринятых норм и правил.

Несколько меньше представителей *третьего сообщества* (1 курс – 10%, 3 курс – 6%). Они, находясь в общем социокультурном пространстве, готовы защищать, в том числе и радикальными методами, господствующее положение существующих норм и правил. Как правило, реализация таких отношений возникает как ответная реакция на деструктивное воздействие экстремизма на господствующие нормы и правила.

Еще меньше (1 курс – 6%, 3 курс – 6%) респондентов, которые находясь в общем социокультурном пространстве, воспринимают экстремистские тенденции в культуре как позитивные изменения, способствующие модернизации существующих норм и правил, нивелируя процесс их устаревания. Они готовы позитивно воспринимать крайние, экстремистские изменения в культуре, считая их инновационными изменениями, выводящими культуру на новый уровень, и тем самым положительно преобразующими социокультурную среду.

Указанное распределение типов взаимоотношений нормы и экстремизма характерно для социокультурной среды, которая находится в достаточно стабильном состоянии, но при этом различные экстремистские тенденции в культуре имеют место, но не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на господствующие нормы и правила.

Список литературы:

1. Н.И. Лапин. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры, 2000 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/020/174/1217/001 .LAPIN.pdf

УДК 316.74:37-051(470)

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО: ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Деревнина Татьяна
магистрант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
e-mail: derevnina.tatiana@yandex.ru

MODERN RUSSIAN TEACHING: THE MAIN TRAJECTORIES AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Derevnina Tatjana
master, Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Дается определение учительства как социально-профессиональной общности. Показаны основные социокультурные черты современного учительства. Представлены проблемы развития данной социально-профессиональной общности.

ABSTRACT – The definition of teachers as a social and professional community. Shows the main socio-cultural features of modern teachers. Presents problems of the development of this professional community.

Ключевые слова: учительство, социально-профессиональная общность, стратегия развития социальной общности.

Keywords: teachers, social and professional community, development strategy of the social community.

Учительство – одна из важнейших социально-профессиональных общностей, от состояния и развития которой зависит дальнейшая судьба общества, ведь образование является ключом, замыкающим и размыкающим многие проблемы его социокультурного развития. Судьба российского учительства всегда интересовала исследователей – историков, педагогов, психологов, социологов, – понимавших, какие социально значимые функции оно выполняет в системе общественных отношений.

Начало развития учительства как социально-профессиональной общности уходит вглубь веков. Действительно, профессия педагога – одна из древнейших, прошедших многотысячелетний путь развития и институционализации, «обросших» традициями, нормами, идеалами, символами и собственной профессиональной идеологией. Остановимся на том, что собой представляет учительство как социально-профессиональная общность. Глубокий анализ социально-профессиональной общности был дан еще Э. Дюркгеймом, который рассматривал ее в контексте взаимодействия с государством и говорил об относительной автономности социально-профессиональных общностей и необходимости лишь поддерживать со стороны государства их собственную траекторию развития [3, с. 137].

В современной социологической литературе определений понятия «социальная общность» несколько. Например, М. О. Мнацаканян пишет об этом так: «Начнем с того, что человек сам по себе, один, не социален. Он приобретает такое качество, когда имеет дело с другим, другими. Следовательно, его действия одновременно выступают как взаимодействия, которые оформляются определенными социальными формами ассоциаций, даже двух, трех людей, выступающие в качестве автономных своего рода социальных единиц, внутри которых складывается повседневная социальная жизнь. Именно в них человеческие действия предстают как элементы более широких структур, т.е. не случайных совокупностей действующих лиц, ориентированных друг на друга, а органично связанных различными сетями зависимости и обладающих волей, свободой и т.д. Индивиды, взаимодействуя внутри таких ассоциаций, общностей, решая свои повседневные проблемы, входят во взаимодействие с индивидами других ассоциаций, выступая, таким образом, как представители различных общностей» [8, с. 20]. Известный социолог В. А. Ядов характеризует социальную общность как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [11, с. 19]. Важным является определение социальной общности Г. Е. Зборовского: «социальная общность – это взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социальною действия и характеризующихся относительным единством, сходством целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности» [5, с. 192].

Среди всего многообразия социальных общностей можно особо выделить профессиональные общности, которые непосредственно касаются профессиональной деятельности людей. На основе определения Г. Е. Зборовским социальной общности формируется определение социально-профессиональной общности: «профессиональная общность – это … взаимосвязь людей, профессионально занятых однородным (относящимся к данной профессии) трудом, обладающих необходимыми ресурсами для его осуществления, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их профессиональных целей, задач, интересов» [5, с. 272].

Назовем признаки и характерные черты социально-профессиональной общности. Важной ее особенностью является факт осознания единства собственных интересов на основе общих условий жизнедеятельности. Именно понимание собственных интересов способствует возник-

новению противопоставления «мы – они», что означает наличие конкуренции, а иногда и конфликтов, на межобщностном уровне. Наличие общих целей, задач, интересов у представителей социальной общности интегрирует ее, служит основой идентификации с ней [4, с. 193].

Общность интересов не всегда очевидна для окружающих, она скрыта. А вот явными факторами формирования и поддержания единства социальной общности являются функционирующие в ней обычаи и традиции, разделяемые несколькими поколениями общности. Обычай, по мнению А. Б. Гофмана – это стереотипный способ поведения, который передается из поколения в поколение, постоянно воспроизводится в социальной общности, является привычным для ее членов и выступает как форма социальной регуляции их поведения» [2, с. 14].

Исследователи относят учительство к групповой общности и отмечают ее отличия от массовой общности: «Во-первых, она обладает устойчивыми и определенными пространственно-временными границами своего существования. Во-вторых, групповая общность определяется четко выраженной однородностью (гомогенностью) состава. <…> В-третьих, члены групповой общности способны выполнять совместно различные виды деятельности, преследуя при этом общие цели и задачи. В-четвертых, групповая общность может входить в более широкие социальные общности на правах их структурного элемента» [4, с. 196–197]. В связи с последним замечанием мы можем отнести школьное учительство к более широкой социальной общности работников образования. Определить признаки социально-профессиональной общности помогает ресурсный подход. Согласно ему, социальная общность – это сплоченная группа людей, обладающая определенными ресурсами. Таковыми могут быть человеческие ресурсы, человеческий капитал (знания, умения, мотивация, ценности, нравственность и пр.).

Существуют и другие признаки социально-профессиональной общности: 1) характер и особенности профессиональной деятельности, ее особый режим, специфические профессиональные задачи; 2) специфический образ жизни, связанный традиционно с постоянным интеллектуальным и духовным развитием и саморазвитием; 3) специфические требования к личности представителя социальной общности; 4) специфические ценности и ценностные ориентации; 5) соблюдение обычаев и традиций, принятых и существующих в социально-профессиональной общности; 6) единство интересов всех членов социальной общности; 7) достижение общих целей (по Э. Гидденсу) посредством механизмов характерных только для этой социальной общности.

У учительства как социальной или профессиональной общности наблюдаются все вышеперечисленные признаки: у него есть собственные, специфические интересы, связанные с постоянным самообразованием и самосовершенствованием, особая трудовая и повседневная жизнедеятельность учителей регулируется развитым комплексом традиций и обычаев, характерным только для него.

Обозначим актуальность изучения учительства. Учительство как социально профессиональная общность выполняет одну из важных функций – это молодого поколения, включающая обучение, воспитание, адаптацию к окружающему миру. Педагогическая функция учителя – самая важная, заключается в передаче знаний и развитию у учеников навыка приобретения и осмысления этого знания. Эту функцию кроме учительства не может эффективно выполнять никакая другая социальная общность. Об этом пишет доктор педагогических наук Г. В. Ахмеджанова: «Известно, что педагогическая функция реализуется в педагогической деятельности. На наш взгляд, это фундаментальная функция личности, поэтому человек должен постоянно творить в себе учителя. Через содержание педагогической функции проявляется сущность учительства и его бытия» [1, с. 77]. По ее мнению, педагогическая функция учительства включает в себя не только социально-духовное воспроизводство человека, но и воспроизводство общественного интеллекта, воспроизводство знаний, культуры и поколений людей, связанных общей исторической судьбой. Таким образом, названная функция учительства соответствует его социальной роли по обеспечению, сохранению, воспроизводству и развитию человека, в конечном счете общества и природы как среды его обитания.

Функции и роли учителя разноплановы и многопрофильны: он и медиатор-управленец учебного процесса, и куратор учащихся, судья их достижений и поведения, и ор-

ганизатор внеклассных видов деятельности, акций и мероприятий. Помимо того, учитель еще и представитель интересов государства, общественный деятель, воплощение нравственности и морали добропорядочного гражданина, представитель интеллигенции, носитель просвещенности и грамотности. Призвание настоящего преподавателя состоит в том, чтобы не только дать образование ученикам, но и сохранять и развивать в них человечность, передать им лучшие идеи человечества, для того чтобы они стали личностями мыслящими, самостоятельными, творческими, грамотными, духовно богатыми. На школьном этапе формируется идеология подрастающего поколения, школьная среда играет решающую роль в становлении юных граждан России [6, с. 129].

В книге «Теория социальной общности» Г. Е. Зборовский называет несколько постулатов изучения социальных общностей. Среди них есть постулат, который гласит: социальные общности, при всей своей относительной стабильности, обладают подвижностью [5, с. 9–10]. Основываясь на этом постулате, проанализируем изменения, которые происходят с современным российским учительством, раскроем его основные тренды и проблемы.

Первый тренд и проблема связаны с социально-демографическими процессами феминизации и постарения учительства. Е. В. Кулагина и М. А. Елисеева показали это на основе статистических данных по квалификационным и социально-демографическим характеристикам педагогического сообщества. Они пишут: «В ряду обострившихся проблем – низкое качество квалифицированных кадров и их старение. Нарушение процесса воспроизводства педагогических работников привело к тому, что доля молодых учителей в возрасте до 30 лет (13 %) оказалось ниже доли пенсионеров (18 %)» [7, с. 15]. Далее они отмечают, что тенденция старения кадров в образовании в целом характерна для постиндустриального общества и проявляется во многих экономически развитых государствах. В них данные показатели еще тревожнее, чем в России. В 2010 г. в среднем по странам Организации экономического развития и сотрудничества доля учителей моложе 30 лет составила 10,8 %, старше 50 лет – 34 %. Каковы последствия этих изменений? Высокая доля «возрастных» учителей становится одним из факторов, ограничивающим возможности адаптации и профессионального развития учителей как общности в быстроменяющемся информационном обществе. Есть опасения, что это может отразиться как на качестве образования, так и на конкурентоспособности российских школьников на мировом уровне, хотя, безусловно, более важную роль здесь играют системные экономические факторы, которые приводят к утрате конкурентных преимуществ страны по широкому ряду параметров.

Меры по изменению кадровой политики, в том числе за счет материального стимулирования и развития профессиональных компетенций учителей, стали вводиться относительно недавно. Решение о повышении среднего уровня оплаты труда было принято в 2011 г. в ходе модернизации регионального школьного образования после того, как объем дополнительной работы учителей возрос в несколько раз [7, с. 111–112]. То же самое мнение высказывает и В.А. Ильин: «Существенной проблемой кадрового обеспечения школьного образования сегодня является низкая ротация кадров, возникающая вследствие малого притока молодых специалистов и экономически оправданного нежелания учителей пенсионного возраста уходить на заслуженный отдых» [6, с. 127].

Одна из причин сложившейся и усиливающейся негативной тенденции связана с тем, что выпускники педагогических вузов не идут работать в школу. В. А. Сластенин отмечает, что существенное число студентов (практически половина), обучающихся в педагогических вузах, реально не имеют устойчивой склонности к педагогической профессии [9, с. 130].

Второй тренд и проблема развития современного российского учительства связана с социально-экономическими процессами и проявляется в социальной и правовой незащищенности, снижении социального статуса данной социально-профессиональной общности. В современных условиях преподаватели оказываются на пересечении ряда социальных противоречий: с одной стороны, возрастает общественная значимость для развития общества учительского труда, с другой, этот труд является низкооплачиваемым, что крайне ограничивает

удовлетворение жизненных, социальных, духовных потребностей учителей [10, с. 152]. Свое материальное положение педагоги оценивают в основном негативно. Низкие доходы – признак парадокса: являясь уникальной, социально значимой общностью, учителя попадают в низкостатусную категорию лиц «бедных и нищих». Низкий социальный статус профессии педагога в обществе является серьезным тормозом модернизации отечественной системы образования. По меньшей мере странным выглядит на фоне заверений о необходимости повышения уровня жизни педагогических работников исключение из закона «Об образовании» положения о том, что средняя заработная плата педагогов не может быть ниже средней заработной платы по промышленности [6, с. 131].

Третий тренд и проблема развития учительства в России имеют характер социокультурных изменений. Они проявляются в негативном изменении мотивации к профессиональной деятельности, снижении уровня образованности, общей культуры, культурных потребностей учителей. В связи с неблагоприятной ситуацией, касающейся социального положения учителей, сфера образования не является привлекательной для молодежи с точки зрения профессиональной деятельности. Для изменения сложившейся ситуации уже не достаточно простого повышения оплаты труда. Необходимы безотлагательные меры по изменению не только материального положения, но и социального статуса учителей, формированию имиджа профессии как достойнейшей и востребованной обществом [6, с. 131]. Особенно остро стоит проблема молодых учителей, все же пришедших в школу после вуза. Часто ущемляются их права и интересы (например, не выплачивается стимулирующая часть зарплаты), наблюдается предвзятое отношение к ним и др.

Не в полной мере отвечает задачам профессиональной подготовки школьных учителей и само педагогическое образование. Например, в педуниверситете не готовят будущих учителей к воспитательной работе, работе с родителями, с ИКТ, ФГОС, ЕГЭ и др. моментам. Все эти навыки молодой учитель должен приобретать самостоятельно, порой «вслепую» на различных курсах, тратя дополнительно время и деньги.

Мы обозначили только три, на наш взгляд, наиболее существенные позиции из спектра возможных трендов и проблем развития современного российского учительства. Полагаем, что одним из факторов складывающейся ситуации является направление и содержание государственной политики в отношении образования, в том числе школьного, и учителей как субъектов, реализующих основные задачи данной политики. Основной вектор развития современного школьного образования связан с разработкой и реализацией реформ, чуждых традициям российского образования и культуры, российской ментальности. Проводимые масштабные реформы характеризуются непроработанностью, прежде всего с точки зрения социокультурных рисков. Один из таких рисков мы видим в отсутствии глубокого, серьезного (а не показного) интереса со стороны структур управления образованием к положению и судьбе российского учительства.

Реформы образования вызывают в лучшем случае непонимание со стороны как учителей, так и других субъектов образования, прежде всего родителей, научной и культурной интеллигенции. Ставится под сомнение обеспечение качества образования вследствие не только изменения образовательных стандартов, модели финансирования школы, но и социальной деформации учителей как социально-профессиональной общности.

Современное российское учительство находится в очень жестких условиях: с одной стороны, на него давят повышенные требования со стороны государственных органов управления образованием, с другой последствия стихийно, непоследовательно и чрезвычайно интенсивно проводящихся реформ образования. К ним учителя вынуждены приспосабливаться что называется «на бегу», а это не возможно в силу особенностей профессиональной деятельности. Введение ЕГЭ, ФГОС и прочих новшеств исключают на самом деле то, что является главным в профессиональной деятельности учителя, – индивидуальный подход к ученикам и своему предмету, сводя социальную роль учителя к следующей формуле: «роль учителя – тема урока на доске». Факт остается фактом: системе российского образования требует-

ся модернизация. Но каким оно будет во многом зависит от того, каким будет российский школьный учитель.

Список литературы:

1. Ахмеджанова Г. В. Сущность и структура педагогической функции личности // Вектор науки ТГУ. 2009. № 4. С. 77-82.
2. Гофман А. Б. Обычай как форма социальной регуляции // Советская этнография. 1973. № 1. С.14-20.
3. Дюркгейм Э. Об общественном разделении труда. М.: Канон, 1996.
4. Зборовский Г. Е. Общая социология. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
5. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 304 с.
6. Ильин В.А. Социальное положение учительства в России // Социс. 2012. № 8. С. 123-134.
7. Кулагина Е.В., Елисеева М.А. Ресурсы педагогических работников школ на этапе модернизации образования // Социс. 2014. № 4. С.111-121.
8. Мнацаканян М.О. Теория. Методология. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность // Социс. 2003. № 2. С. 21-28.
9. Сластенин В.А. Диагностика профессиональной пригодности молодежи к педагогической деятельности. М.: Прометей, 1991. 142 с.
10. Хридина Н.А, Березутский Ю.В. Молодые учителя региона в условиях модернизации системы образования социологический анализ // Научный ежегодник. 2008. № 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vlastdviu.ru/index.php ?page=rioej2008&rc=rio
11. Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социс. 1990. № 2. С. 121-139.

УДК 316.32(470) «1980-2014»

ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ В КООРДИНАТАХ ДВУХ ОЛИМПИАД (1980 и 2014 гг.)

Дулина Надежда Васильевна
доктор социологических наук, профессор
Волгоградский государственный технический университет, Волгоград
E-mail: nv-dulina@yandex.ru
Икингрин Елена Николаевна
кандидат социологических наук, доцент
Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск,
E-mail: ikingrinen@mail.ru

GENERATIONS of RUSSIA IN COORDINATES of TWO OLYMPIC GAMES (1980 and 2014)

Dulina Nadezhda Vasilyevna,
Doctor of sociological sciences, professor
The Volgograd state technical university Volgograd
Ikingrin Elena Nikolaevna,
candidate of sociological sciences, associate professor,
Nizhnevartovsk state university, Nizhnevartovsk,

АННОТАЦИЯ – В статье на основе теории поколений рассматриваются различия в отношении к Олимпиадам 1980 г. (СССР, Москва) и 2014 г. (Россия, Сочи).

ABSTRACT – The article is based on the theory of generational differences are considered in relation to the Olympics in 1980 (USSR, Moscow) and 2014 (Russia, Sochi).

Ключевые слова: поколения, взаимоотношение поколений, Олимпиада, отношение к Олимпиаде.

Keywords: generation, the relationship of generations, the Olympics, the relation of the Olympics.

Проблема взаимоотношений поколений всегда привлекала внимание ученых, политиков, известных писателей (достаточно вспомнить такие имена великих русских писателей, как Ф. М. Достоевский Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев). Этот интерес вполне, как нам представляется, оправдан, поскольку отношения между поколениями проявляются в широком диапазоне значений: от сотрудничества и взаимопонимания до открытой враждебности и возникновения ситуации, когда поколения оказывались «по разную сторону баррикад». Быстро изменяющиеся социальные условия создают зоны напряжения между поколениями, порождают различия в политических позициях, социальном положении, вкусах, целях и ценностях. Социологические исследования позволяют выработать модели преемственности поколений, как основы исторического развития человека и культуры конкретного общества (более подробно см.: [3, 7] и др.).

В обществе одновременно сосуществуют представители нескольких поколений (бабушки-дедушки, мамы-папы, дети). Но что интересно, модели людей, принадлежащих одному поколению, совершенно не похожи на модели поведения представителей другого поколения в пору того же возраста. К такому выводу независимо друг от друга в начале 90-х годов прошлого века пришли два американца, принадлежащих разным профессиональным пространствам: один из них – экономист, демограф Н. Хоув, другой – драматург, писатель, историк В. Штраус (более подробно см., напр.,: [11]). К этой теории мы сочли целесообразным обратиться, чтобы иметь возможность лучше понять и интерпретировать данные, полученные в ходе реализации всероссийского проекта под общим названием: «XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014» (инициатор и руководитель проекта Е. Н. Икингрин, соруководитель – Н. В. Дулина)[1].

Итак, согласно теории поколений, промежуток времени, в течение которого рождаются люди, принадлежащие одному и тому же поколению, составляет около 20 лет. Люди, рожденные на стыке поколений (плюс-минус три года от граничных дат) являются частичными носителями ценностей окружающих групп и образуют так называемые «эхо–поколения». Можно предположить, задача «эхо–поколения» – это служить связующим звеном цивилизации и выступать в роли посредника, «переводчика» с языка одного поколения на язык последующего. В основу теории поколений Н. Хоув и В. Штраус положили мысль о том, что поведение человека зависит от того, в каких условиях от жил и воспитывался до 12–14 лет. Именно до этого возраста формируется собственная система ценностей, которую потом человек проносит через всю жизнь. Можно сказать, что к этому возрасту у человека вырабатывается свой собственный свод не подлежащих сомнению правил.

В рамках наших рассуждений интересно понять, чем отличаются на два поколения студенческой молодежи разных периодов, а именно проведения летней Олимпиады в Москве (1980 г.) и зимней Олимпиады в Сочи (2014 г.), чтобы иметь возможность лучше понимать современную студенческую молодежь. Олимпийские игры – это пример того, как идеи изменяют мир и общество, ведь не случайно Олимпийская хартия описывает олимпизм как философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинство тела, воли и разума [8]. Но при этом и сами Олимпийские игры, и их восприятие – это отражение воли и разума отдельных поколений людей.

Всего в рамках обозначенной выше теории поколений принято выделять шесть поколенческих моделей. Мы дадим краткую характеристику только двум, принадлежащим заданным временным границам. Студенты московской Олимпиады принадлежат поколению, ко-

[1] Объектом исследования стали студенты и учащиеся 47 учебных ведений: вузов, средних специальных учебных заведений и школ из 35 городов России. Объем выборки составил 2424 единицы, в выборке мужчины составили 40 % от общего объема выборки, женщины – 60 %. Исследование было проведено под эгидой Российского общества социологов (более подробно с техническими параметрами исследования и его отдельными результатами можно познакомиться в опубликованных работах, см., напр.,: [1, 2, 5, 6, 12] и др.).

торое условно называют «победившие» (это период «весны» или в другой классификации – «пророки», поколение «бэби-бумеров»), это люди 1943–1964 годов рождения. Это дети, которые росли в настоящей супердержаве, которую боялся и уважал весь мир. Они взрослели в стране, которая выиграла самую страшную в истории человечества войну и первой покорила космос. Причем ко всем событиям, которые происходили в стране, эти дети имели, что называется, непосредственное отношение. Вместе с Ю. Гагариным они с борта космического корабля «Восток» кричали: «Поехали!». Вместе с Л. Жаботинским поднимали штангу, ставшую чемпионской в олимпийском Токио в 1964 г. И всем было понятно, почему Л. Жаботинский, который на параде закрытия Олимпиады-64 нес флаг СССР в вытянутой руке, не наклонил знамя, поравнявшись с императорской ложей, как того требовал этикет подобного рода мероприятия. Объяснения Л. Жаботинского о том, что травмированной рукой он не удержал бы знамя, не были приняты, его не наградили высоким орденом. Не дали его и за победу с безоговорочным преимуществом на следующей Олимпиаде, но… Но на следующей Олимпиаде он нес знамя уже на открытии Олимпийских игр! Да, поколение победителей – знай наших! Для «победителей» нет непреодолимых барьеров, каждый барьер – это личный вызов, но они предпочитают работать в команде, так как именно команда, коллектив, выполняют у него роль той самой супердержавы, в которой он жил в детстве и без которой он ничего собой не представлял. Но главное в поведении – это победа. И Олимпиада в Москве – первые в истории Олимпийских игр, прошедших на территории Восточной Европы и в социалистической стране, – это продолжение всех предшествующих побед.

Студенты сочинской Олимпиады принадлежат совершенно иному поколению, условное название которого «выжившие» (это период «осени» или «поколение–у»). Это поколение, которое только вступает в фазу активной жизни. Основные события их становления – это распад СССР, теракты, новые для человечества эпидемии. Они взрослели в условиях «преодоления посттравматического синдрома» (термин Р. Х. Симоняна, см. [9]). Но все это на фоне (одновременно и параллельно) бурного развития новых информационных, коммуникационных, цифровых и биотехнологий. Они великолепно ориентируются в компьютерных сетях, поэтому им легче общаться с единомышленниками где-нибудь на другом краю планеты, чем с соседом по лестничной площадке. Разделение на реальное и виртуальное для них вообще довольно условно, они прекрасно «живут» в условиях виртуальной реальности, в блогах и искусственно созданных компьютерных мирах [4, 10]. Это поколение уверенное в своей ценности как таковой («потому что!»). Для них важно немедленное вознаграждение за проделанную работу, поскольку в отдаленную перспективу они не верят. Цель жизни – получение удовольствия в максимальном размере. Даже спортом они занимаются не для того, чтобы победить или развить тело, а для того, чтобы получить дополнительную порцию положительных эмоций.

Да, они другие. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе выше упомянутого всероссийского исследования. И именно потому, что они другие, отвечая на вопрос: «Кому, по Вашему мнению, нужна Олимпиада?», наибольшее число студентов (61%), ответили, что она нужна «всем – Олимпиада это позитив и здоровый образ жизни». Вторую позицию в этом перечне занимает альтернатива «Спортсменам, посвятившим себя тренировкам» (60%), а третью, с не большим отрывом, альтернатива «России – для повышения международного престижа» (59%). Для студентов важны победы российских спортсменов на Олимпиаде, так ответили 88% опрошенных, но в значительно меньшей мере они удовлетворены результатом – только 70% от общего числа опрошенных. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют о многом задуматься, в том числе и том, что наше будущее принадлежит не нам, а нашим детям. И, безусловно, представители каждого поколения будут строить это будущее «под себя», так, чтобы им было удобно, но начинают строить они его уже сегодня. А нам надо понять это поколение.

Список литературы:

1. Давыдова С. А. Олимпийские игры в Сочи в оценках и мнениях населения страны / С. А. Давыдова, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, А. В.Коричко, Ю. В. Коричко, Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2014. – № 12. – С. 34–37.
2. Дулина Н. В. Справочные материалы по социологическому исследованию «XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014» (март–май 2014 г.) / Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации Москва: РОС, 2014. С. 1350–1372.
3. Дулина Н. В. Социокультурная преемственность: к определению понятия / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Энергоресурсосберегающие технологии: наука. Образование. Бизнес. Производство. Материалы V Международной научно-практической конференции. 24–28 октября 2011 г. / Под. общ. ред. В.А. Гутмана, А. Л. Хаченьяна. Астрахань: АИСИ, 2011. С. 243–246.
4. Интернет и дети: социальное поведение молодых россиян в Интернете: монография / Э. П. Печерская, В. Б. Звоновский, Д. Ю. Меркулова, В. А. Плешаков, М. Г. Мацкевич, О. И. Саблина. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2013. 140 с.
5. Каргаполова, Е. В. Олимпиада в Сочи глазами студентов (опыт социологического исследования) / Е. В. Каргаполова, Е. В. Пальмова, Е. С. Иванникова // Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию науки и образования: материалы III Международного научного форума молодых ученых, студентов и школьников 21–25.04.14/ под общ. ред. В. А. Гутмана, Д. П. Ануфриева. – Астрахань: ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2014. – Т. 1. С. 254.
6. Коган, Е. А. Олимпийские игры в Сочи: отношение и оценки студенческой молодежи / Е. А. Коган // Девятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 14–15.10.14 / Отв. редактор: Ю. В. Асочаков.СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 1209–1212.
7. Овчар, Н. А. Регион: социокультурная преемственность и образование / Н. А. Овчар, Н. В. Дулина // Энергоресурсосберегающие технологии: наука. Образование. Бизнес. Производство. Материалы V Международной научно-практической конференции. 24–28.11.11. / Под. общ. ред. В.А. Гутмана, А. Л. Хаченьяна. – Астрахань: АИСИ, 2011. – С. 246–249.
8. Рогозянский, А. Олимпийские цели: сбылась ли мечта Кубертена? / А. Рогозяеский. Издатель: Интелрос. № 2, февраль 2014 года. – 17 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.foma.ru/olimpijskie-czeli-sbyilas-li-mechta-kubertena.html
9. Симонян, Р. Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России / Р. Х. Симонян; Российская академия наук, Институт социологии РАН, Институт экономики РАН. – 2-е изд., доп. – М.: Экономика, 2014. – 351 с.
10. Социокультурное освоение виртуального пространства: опыт социологического анализа / Н. В. Дулина, Е. Г. Ефимов, И. А. Небыков, В. В. Токарев; Волгоград. гос. техн. ун-т. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. – 163 с.
11. Чумаков, В. Теория поколений / В. Чумаков // Коммерческий директор. – 2007. – № 11 (23). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.svblog.ru/consult/KK-3/5/.
12. Dulina, Nadezhda V. Russian Society of Sociologists Regional Offices Experience of All-Russia Public Opinion Research / N. V. Dulina, E.N. Ikingrin, E. I. Pronina // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology / Editor-in-Chief V. Mansurov. – Moscow, 2014. – P. 337–343.

УДК 316:378.095

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ НАПРАВЛЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»

Ефимова Галина Зиновьевна
кандидат социологических наук, доцент
E-mail: EfimovaGZ@gmail.com
Кичерова Марина Николаевна
кандидат социологических наук, доцент
E-mail: marina-kicherova@yandex.ru
Тюменский государственный университет, Тюмень

PROFESSIONAL INTENTIONS AND CAREER ORIENTATIONS OF STUDENTS AND GRADUATES TO «SOCIOLOGY»

Efimova Galina
Candidate of Science, assistant professor
Kicherova Marina
Candidate of Science, assistant professor of
Tyumen State University, Tyumen

АННОТАЦИЯ – В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного методами анкетного опроса и фокус-групповых дискуссий. На основе эмпирического исследования, проведенного авторами с использованием количественной и качественной методологии, выявлены факторы, влияющие на профессиональное становление студентов, их жизненные и карьерные стратегии. Результаты исследования расширяют знания о профессиональной социализации студентов и могут быть использованы социологами, экономистами, психологами и педагогами в учебном и производственном процессе.

ANNOTATION – The results of empirical survey are introduced in the article. They have been done by focus-group discussion methods. On the basis of empirical research, some key factors affecting the professional development of students have been determined. The outcome expands the knowledge about students' professional socialization and can be used by sociologists, economists, psychologists and teachers during the educational process.

Ключевые слова: профессиональные намерения; карьерные ориентации; профессиональный интерес; студент высшего учебного заведения; социологическое образование.

Keywords: professional intentions; career orientations; professional interest; students in higher education; sociological education.

Развитие современного российского общества характеризуется высокой степенью нестабильности рыночной среды. При этом для успешного функционирования экономики нужны профессиональные кадры, обладающие высоким уровнем знаний, гибкие и мобильные, способные к восприятию и продуцированию нового. Именно молодые люди, выпускники высших учебных заведений, должны обладать такими качествами и быть востребованными на рынке труда. Но, по данным социологических исследований, более 60% выпускников вузов не могут трудоустроиться по полученной специальности, а спустя три года уже менее 20% выпускников работают в областях, связанных с полученной профессией [2, с.210]. Многие эксперты видят причины этого явления в излишнем теоретизировании образования, недостатке практических навыков у выпускников. Работодатели отмечают низкую мотивацию молодых специалистов, их недостаточную нацеленность на профессиональное развитие и карьерный рост, нежелание продолжать самообучение и профессионально развиваться [там же]. Таким образом, проблема формирования профессиональных намерений, карьерных стратегий выпускников является весьма актуальной и значимой.

В рамках данной статьи рассмотрим особенности формирования профессиональных намерений во время обучения студентов своей будущей специальности. Профессия «социолог» является относительно молодой для России, поэтому, на наш взгляд, весьма важно рассмотреть, какие профессиональные планы имеют студенты, получающие социологическое образование. В статье представлена часть результатов социологического исследования, проведенного с использованием опросного метода (полуформализованное интервью) и серии фокус-групп среди студентов и выпускников направления «Социология», которые обучаются в Тюменском государственном университете.

Профессиональное становление не сводится только к получению образования, дополняемого профессиональной социализацией. Планирование профессионального будущего зависит от многих факторов. Поэтому задачи нашего исследования включали

исследование условий, влияющих на формирование карьерных планов, наиболее важные личностные и деловые качества, необходимые для успешного развития в профессии.

Профессиональные намерения определяются и конкретизируются в ходе профессионализации. Осознание профессиональных намерений связано с оценкой человеком своих профессиональных способностей, уровня знаний и навыков. Исследование показало, что студенты четвертого курса, которые заканчивают обучение по направлению подготовки «Социология», уже способны оценить свое соответствие требованиям, которые предъявляются к профессиональной деятельности социолога. Они знают о разнообразии видов и форм социологической деятельности, пытаются определить свое место в профессиональной среде с учетом личных интересов и индивидуальных предпочтений.

Профессиональные намерения начинают формироваться с момента, когда абитуриенты выбирают будущую профессию и поступают в высшие учебные заведения. Во время обучения в вузе, в ходе учебной и производственной практики, профессиональные намерения студентов конкретизируются и начинают формироваться карьерные стратегии, которые проявляются в особенностях постановки целей и дальнейшем планировании карьеры. По мнению О. Цариценцевой, карьерные ориентации «выражают направленность личности на определенные нормы и ценности в области карьеры. Функцией карьерных ориентаций является то, что они выступают в качестве внутреннего источника карьерных целей человека, выражая соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом в профессиональной деятельности. Система карьерных ориентаций, таким образом, определяет пути для саморазвития и личностного роста, включая в себя одновременно их направление и способы их осуществления» [1].

Анализ результатов опроса показал, что абсолютное большинство студентов планируют трудоустройство сразу же после окончания вуза и у многих уже есть конкретные предложения от работодателей. Более половины студентов, обучающихся на бакалавриате по направлению подготовки «Социология», планируют продолжить образование в магистратуре и совмещать обучение и занятость на полный рабочий день. Не планирует работать по специальности менее 15% (ориентированы на трудовую деятельность в сфере фотографии, организации праздников и торжеств и др.). Многие девушки рассматривают в первую очередь личностные стратегии и жизненные планы, связанные с созданием семьи – *«сразу по окончании вуза выйти замуж, уйти в декретный отпуск и сидеть там лет десять с тремя детьми, а после декретного отпуска – не могу загадывать, что будет»*.

Среди респондентов нет однозначной уверенности, что им удастся трудоустроиться именно по специальности, на должность «социолог», но менять профессию они не планируют и ищут смежные места трудоустройства. Студенты понимают, что профессиональная деятельность социолога весьма разнообразна: *«планирую работать в сфере маркетинга, рекламы и PR», «хочу стать бизнес-тренером», «планирую работать близко к социологии – маркетологом или аналитиком»; «рассматриваю вариант трудоустройства учителем обществознания в школе»*. Некоторые респонденты затруднились с ответом на вопрос, что говорит о том, что их профессиональные намерения еще окончательно не сформировались: *«пока нахожусь на стадии изучения сфер, в которых можно будет применить свои профессиональные знания, так что точного ответа нет»; «не рассматривала такой вопрос, так как еще не знаю все направления социологии, в которых смогу найти себя, как-то определиться»*.

Респондентам предложено пофантазировать в отношении самой верхней ступени в карьерной лестнице социолога. На основании анализа предложенных вариантов ответа, можно утверждать, что респонденты весьма достойно осведомлены о возможных стратегиях развития карьеры социолога. Среди возможных карьерных достижений были названы *«руководство собственным центром социологических и/или маркетинговых исследований»; «защита докторской диссертации по социологии»; «признание академиком Российской академии наук»; «членство в Институте социологии РАН»*. Векторы направленности карьерных стратегий показывают, что студенты ориентированы не только на социально-практические ис-

следования и прикладную деятельность, но и на научную деятельность. Вместе с этим были названы не только ступени карьерной лестницы, но и характеристики, им присущие: *«публикации в престижных социологических журналах»; «признание коллег, успех, известность»; «научная деятельность на высшем уровне, участие в мировых социологических и политических организациях, международное признание».* Некоторые респонденты дали весьма неопределенные ответы: *«сложно представить, что у социолога есть определенный пик, учитывая разноплановость профессии».*

Для выяснения глубинных мотивов, внутренних установок, отношения студентов к своей будущей профессии, нами использовался метод фокус-групповых интервью. Анализ результатов показал, что за время обучения у ребят сложилось весьма конкретное видение будущей профессии, большинство студентов удовлетворены своим профессиональным выбором и уровнем образования, которое получают. По мнению студентов, в российском обществе еще нет четкого понимания сущности профессии социолога: *«я учусь на социологии, а мой папа до сих пор не понимает, что это за профессия. Он все спрашивает, кем ты будешь работать и где», «мои знакомые думают, что социолог – это тот, кто с анкетами бегает и опросы разные проводит», «эту профессию часто путают с социальными педагогами и социальными работниками».* Неопределённость общественного восприятия профессии социолога вызывала даже негативные ощущения: *«первые два курса мне было стыдно говорить, что я учусь на социологии», «в моем окружении не знали, что такое социология и я говорила, что учусь на политолога».* Многие студенты отметили, что, несмотря на то, что эта профессия еще достаточно молодая, они считают её престижной. В качестве аргументов прозвучало мнение, что *«изучение социума позволит в будущем найти работу, связанную с управлением обществом», «можно найти работу практически в любой сфере», «можно добиться многого, сделать хорошую карьеру и стать руководителем».*

В среде будущих социологов сложилось устойчивое мнение, что социолог – это интегрированная профессия и социологическое образование позволит молодым специалистам работать как в государственных, так и в частных коммерческих предприятиях*: «вакансию социолога в чистом виде редко встретишь, но наше образование это хорошая основа для многих профессий».* Анализ полученных эмпирических данных показал, что уже на начальном этапе профессионализации у студентов формируется профессиональная гордость: *«сейчас я с гордостью говорю, что учусь на социолога», «мой папа когда телевизор смотрит, новости или проблемы обсуждают, часто меня спрашивает: «а что ты думаешь как социолог?» - мое мнение для него уже авторитетно и я горжусь этим».* Ценностная значимость перспектив профессионального роста выглядит следующим образом: те, кто планирует связать свою будущую работу с социологией, отметили, что стоит развиваться в сфере социального управления («социология должна решать социальные проблемы, лечить «социальные болезни»). По мнению студентов, социологическое образование позволит им «*вырасти*» до уровня экспертов и консультантов. Примеряя на себя «взрослые» профессиональные роли, будущие социологи подчеркнули степень своей персональной ответственности и самостоятельности: *«мне хотелось бы заниматься настоящей наукой, но «большая социология» - это такая ответственность», «интересно заниматься конкретными исследованиями, где-нибудь в большом аналитическом центре, чтобы было у кого перенять опыт на практике».*

Спектр мнений о карьерных стратегиях оказался достаточно разнообразным. Многие отметили востребованность на рынке специалистов – маркетологов и высказали желание в будущем заниматься исключительно маркетинговыми исследованиями: *«это очень интересно, да и оплата достаточно высокая», «маркетинг – это моё, я уже продавцом-консультантом поработала, я планирую искать работу именно маркетологом, это очень близко к социологии, наше образование позволит устроиться на такую работу».* Среди выпускников есть немногие, кто планирует открыть свой бизнес. Интересно, что при обсуждении такой карьерной стратегии ребята высказались о сложностях развития предпринимательства в России – *«мы хоть и начинающие социологи, но уже понимаем, что в малом бизнесе не все так просто – лучше работать в стабильной крупной компании».* Рассуждая о со-

циологе как профессионале, студенты отметили такие важные качества: *«социолог несет ответственность за будущее общества», «иногда результаты исследований не угодны заказчику, а социолог должен иметь смелость быть честным».*

По мнению участников фокус-групп, *«социолог не является «кабинетным» ученым-исследователем, так как он работает среди людей»,* поэтому среди главных качеств социолога студенты назвали коммуникабельность, умение общаться с людьми, способность понимать их поведение и конкретные поступки. Интересно, что по мнению выдающегося социолога Питирима Сорокина, именно «любовное» отношение к людям, необходимость заинтересованного, гуманистического отношения является основой профессионального призвания. Среди прочих профессиональных качеств, необходимых социологу для будущей деятельности, студенты отметили его способность анализировать социальные процессы и воспринимать разрозненную информацию, оценивая ее на предмет объективности и достоверности; честность и социальную ответственность; компетентность, объективность и непредвзятость.

Результаты опроса показали, что среди выпускников есть сомневающиеся в правильности своего профессионального выбора, не все выпускники готовы работать по полученной специальности. Большинство студентов понимают, что их образование позволяет им работать в различных сферах, однако ответы показывают, что у некоторых студентов наблюдается напряженность и неустойчивость в отношении профессиональных планов, неопределенность. Интересно, что во время групповой дискуссии студенты отметили, что социология призвана нее только «объяснять» общество, но и включает задачу улучшать общество. По мнению студентов, именно социолог может активно участвовать в решении острых социальных проблем российского общества.

Таким образом, результаты исследования выявили достаточно высокую степень осознанности карьерных ориентаций, широкий спектр карьерных стратегий (в сфере маркетинга, социального управления, предпринимательства, научной деятельности). Анализ карьерных планов студентов показал, что у современных студентов формируется новая система ценностей, обусловленная рыночной экономикой. Вместе с этим, у респондентов наблюдается готовность к социальным преобразованиям, стремление работать на пользу обществу, сознательная гражданская позиция. Таким образом, социологическое образование имплицитно формирует инновационный потенциал региона.

В завершении вспомним слова выдающегося социолога Питирима Сорокина, который в 1921 г., выступая на торжественном собрании, посвященном 103 годовщине Петроградского университета, напутствовал выпускников. Он советовал им взять с собой в дорогу «знания, чистую науку, любовь и волю к производительному труду» [3]. Эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня. Знания, любовь к людям, профессиональная компетентность, трудолюбие являются основанием и успешной предпосылкой для реализации карьерных стратегий будущих социологов.

Список литературы:

1. Цариценцева О.П. Карьерные ориентации современной молодежи: теория, эксперимент, тренинг: (монография) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 6 – С. 73-74 URL: www.rae.ru/upfs/?sectio n=content&op=show_article&article_id=571 (дата обращения: 19.01.2015).

2.Набибулин Л.Г. Социально-профессиональная система формирования ценностей у учащихся и студентов как средство их самоопределения и становления в качестве современных профессионалов.

3. Сорокин П.А. Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 г. // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. - М.: Наука. Ин-т социологии, 1994. - 560 с.

УДК 330.16

РОССИЯ И ОТХОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ермолаева Юлия Вячеславовна
младший научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук, Москва

RUSSIA AND WASTE: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Ermolaeva Yulia Vyacheslavovna
Junior researcher
Institute of sociology Russian academy of sciences

АННОТАЦИЯ – В статье кратко обозначены сложившиеся проблемы, существующие в сфере политики обращения с отходами в России, обозначены возможные выходы из ситуации, основные актóры, участвующие в принятии решений.

ABSTRACT – The article briefly designated existing problems in the field of waste management policies in Russia, indicate possible ways out of the situation, the main actors involved in decision-making.

Ключевые слова: Мусор, отходы, утилизация отходов, менеджемент, политика, экология, природные ресурсы

Keywords: Rubbish, waste, waste management, Management, politics, ecology, natural resources

Сегодня по данным государственной корпорации «Ростехнологии», являющейся крупнейшим участником рынка мусорупереработки в стране, на территории России скопилось более 31 млрд. т. неутилизированных отходов. И их количество ежегодно увеличивается более чем на 60 млн. т. Министерством природных ресурсов России было подсчитано, что на каждого россиянина приходится по 400 кг. отходов в год. Статистика различных инстанций по сбору и утилизации сильно отличается, что продиктовано недостаточно проработанной системой учета, зафиксированной законодательством в 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где уточняется, что вывоз и утилизация переданы в руки частных компаний. Это сразу приводит к тому, что мусорные массы копятся интенсивнее, так как цикл, выполняемый единой системой сбор-переработка-утилизация и хранение оставшихся отходов разделяется на специализации компаний: компании по вывозу отходов и транспортировки их на полигоны, компании, занимающиеся рециклингом, а роль контролирующих органов постоянно меняется. Закон неоднократно изменялся. Авторы статьи журнала «Экология и право» указывают на несколько ключевых изменений, произошедших за десятилетия: вместо понятия «опасные отходы» появляются отходы пяти классов опасности, а также «оказался не прописанным четкий механизм того, как, с юридической точки зрения, товары превращаются в отходы и как при этом право собственности, а значит и ответственность за обращение с отходами, переходит от одного субъекта к другому. Отсутствует и четкое определение того, как отходы становятся сырьем, которое можно далее продавать, и что происходит в этом случае с правом собственности на него» [1].

В 2009 г. функция регулирования обращения с отходами возложена на Минприроды, в 2011 г. данным законом перестают регулироваться места размещения и обезвреживания отходов, по указаниям авторов, ранее формулировка была туманна касательно полномочий местной муниципальной власти. На данный момент некоторые поправки вносятся, новые законопроекты отвергаются систематически, но по-прежнему не ясны функции и закреплены полномочия за каждым актóром системы: государством, местной муниципальной властью, частным сектором, что отражает отсутствие единого интереса к налаживанию проблемы отходов. После внедрения раздельного сбора предполагается, что общий процент роста отходов ежегодно повышается на 3-4% процента в год относительно существующих показателей.

При переходе на раздельный сбор отходов и увеличение числа возможностей переработки и перераспределения инвестирующих ресурсов в данную сферу рост отходов сократится в первое время только на 10%. Вопрос с уже действующими полигонами и существующими мусорными массами, которые также имеют некий процент перерабатываемых материалов, по-прежнему остается открытым

Как и во всем мире, проблема отходов растет пропорционально производству различных товаров и добычи полезных ископаемых. В России «история мусора» начинает, в отличие от европейской и американской ситуации быть видимой только в XX в., когда промышленность сосредотачивается в крупных российских городах. Основные причины:

- географический менталитет (расширение полигонов возможно за счет ресурсов территории, что дает видимою отсрочку в принятии решении о переходе на раздельный сбор и увеличивать процент переработки);
- низкая правовая культура;
- экокультура, сложившаяся в советский и постсоветский период, характеризующаяся нарастающим темпом потребления и культом одноразовости;
- усиливающийся частный сектор с различными зонами ответственности и ослабление муниципальной власти;
- игроки с разными ценностными ориентациями: бизнес, экоактивисты, правительство, местная муниципальная власть и рядовое население воспринимает данную проблему под своим собственным углом зрения. Как показывает экспертный опрос с вышеперечисленными участниками, каждая категория формирует свою систему взаимодействия с отходами, замыкаясь на себе, и не ищет поддержки у вышестоящих инстанций;
- выгодная неопределенность и нестабильность ситуации для возможности варьировать полномочия;
- недостаток финансовых ресурсов на федеральном уровне;
- недостаток профессиональный кадров (специализированных работников по мусороперерабатывающей отрасли, технологов и экологов. Как правило, они являются представителями других специальностей, работающих в сфере обращения с отходами);
- создание теневого рынка (преступность, нелегальные процедуры обращения с отходами). Феномен «мусорных королей» и поселения рабочих мигрантов и рабочих-бездомных на свалках, занимающихся ручной сортировкой;
- недостаточность бытовых и практических знаний о вреде отходов, их разновидности, экологической целесообразности.

Самое большое количество образования отходов демонстрируют Ростовская и Челябинская области (7,9 млн. чел. и 7,6 млн. т. ТБО, примерно 960 кг. на человека), самое низкое – Республика Татарстан и Томская область (4,8 млн. чел. и 0,95 млн. т., примерно 200 кг. на человека). В Белгородской, Ростовской, Челябинской областях образуется примерно 795; 1000 и 880 кг. ТБО в год на человека. «Иногда этот разброс указывает, что в некоторых регионах образование ТБО, вероятно, существенно занижено. Так, согласно данным по Краснодарскому краю, здесь образуется «более 1 млн т ТБО» на 5 121 млн чел. (на 01.01.2008), – то есть примерно 200 кг/год на чел., тогда как в соседних регионах, весьма близких к Краснодарскому краю по природным, социальным и экономическим условиям, совершенно другие оценки: в Белгородской области – примерно 740 кг/год на чел., а в Ростовской области – примерно 1 000 кг/год на чел.»[2]

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере охраны окружающей среды, включая вопросы, касающиеся обращения с отходами производства и потребления. Но, как мы увидим в дальнейшем, по отношении взаимодействия с рынком утилизации и обращения ТБО оно находится на значительной дистанции, в отличие от региональных и частных предприятий, которые управляют этой сферой.

- Самым крупным сегментом рынка является сбор мусора у населения. Грандиозные объемы мусора, образующиеся у жилых домов ежедневно, позволяют сделать бизнес именно на перевозке мусора от точки сбора до точки сброса. Цены на вывоз мусора зависят от расстояния, которое необходимо проехать на транспорте до клиента, а также от объема мусора. Так, приводятся следующие результаты исследования сферы услуг по вывозу, переработке и захоронению ТБО в большинстве городов с населением более 100 тыс. человек [3]:
- 45 % городов – на рынке осуществляет деятельность один хозяйствующий субъект, преимущественно муниципальное предприятие (Белгород, Брянск, Иваново, Липецк, Смоленск, Тверь, Владимир, Петрозаводск и др.);
- 39% городов – услуги по сбору и вывозу ТБО предоставляют одновременно 2-3 предприятия (Тамбов, Калуга, Курск, Рязань, Великий Новгород, Майкоп, Астрахань, Киров и др.).

«По оценке ведомства, спрос на многие вторичные продукты мал из-за высокой стоимости переработки, и, кроме того, «даже при высокой степени извлечения вторичного сырья оставшаяся часть отходов должна быть размещена на полигонах или утилизирована иными способами». Ссылаясь на эти факторы, Росприроднадзор также назвал «негативным» опыт раздельного сбора, полученный в Петербурге, Москве, Смоленске и других городах.»[4] Но данные множества активистских организаций, самостоятельно организующих раздельный сбор в районах и городах, повествуют о том, что граждане идут навстречу добровольно. По результатам опроса экспертов упоминается, что «собственное удобство» для власти дороже, нежели адаптация к новой системе.

В настоящий момент ситуация с отходами в России переживает переломный период. Власти подтвердили свою готовность отказаться от строительства мусоросжигательного завода в Москве, но в Санкт-Петербурге продолжается борьба и с мусоросжиганием и со строительством новых комплексов; встал вопрос о повышении коммунальной кварплаты приблизительно на 10-15 % в связи с планами о внедрении раздельного сбора[5]. Хотя экспертный опрос показывает, что такие повышения оправданы, вряд ли большая часть населения готова принять подобные изменения единовременно. Уже существует программа относительно Москвы, озвученная в СМИ в заявлении от А. Кульбачевского, руководителя департамента природопользования, о том, что в столице уже летом 2015 г. будет реализован план по самообеспечению каждой управы баками для раздельного сбора, воспользоваться ими добровольно смогут наиболее экологоориентированные и ответственные граждане. Вывозом и утилизацией будут заниматься зарекомендовавшие себя частные компании по благоустройству.[6] Пока традиционно остается открытым вопрос о самообразовании и мотивации граждан. На данный момент из наиболее активных экоорганизаций, поставивших себе цель сократить количество образующихся отходов и объяснить населению, как следует обращаться с отходами являются движения «Мусора.больше.нет», региональный проект «Сделаем!», проект «PRO Отходы», Центр Экономии ресурсов, токсикологическая программа Greenpeace, проект «Зеленый супермаркет», акция «миллион за раздельный сбор», которую можно поддержать на сайте организации. Очень влиятельны и известны движения «Блогер против мусора», Экологическое движение «РазДельный сбор», «Грязи.больше.нет», проект «Собиратор». Существуют организации, ориентированные на работу с опасными отходами – батарейками, ртутьсодержащими лампами, в данной сфере лидирует «Меркурий», «Ассоциации предприятий по обращению с ртутьсодержащими и другими опасными отходами». Как правило, любая региональная организация, действующая на территории России, уделяет особое внимание отходам, организуя либо акции, привлекая различные слои населения к уборкам, либо представляя возможность сдать мусор раздельно. Существуют и компании, совмещающие бизнес с экологической ответственностью. Такими примерами являются «Сфера экологии», «Осташков ЖКХ», L&T, «Таратрейд» и др. Но, несмотря на то, что организации часто объединяются между собой и имеют хорошо разработанную сеть коммуникаций, Интернет сопровождение и доступ к информационным ресурсам для граждан, экоориентированные группы прибавляются медленне, чем хотелось бы. Пока что крупные общественные движения и проекты, перечисленные выше, и другие гражданские и экологические инициа-

тивы, чьи интересы формируются благодаря общественным организациям, говорят о том что «власти не помогают, но и не мешают» им.

С. О. Климова, координатор проекта «Раздельный сбор» на основе внутреннего анкетного опроса приходящих сортировщиков рисует следующий портрет экоориентированного гражданина: «Как правило, это люди (в среднем) 31 года, с высшим образованием, семейные и, в основном, не бедствующие». Если ориентироваться на фоторепортажи, а также основных участников, действительно, превалирующими активистами выступает молодежь от 18 до 30– 35 лет. Если школьный и средне-школьный возраст возможно задействовать с помощью внедрения школьных программ, волонтерских выступлений и даже детсадовских концепций, то как поднять мотивационную составляющую людей старшего возраста остается вопросом открытым. Благодаря работе волонтерских и общественных проектов, Интернет-просветительские ресурсы работают слаженно. Чтобы сформировать мотивационно-целевую программу, необходимо уделить особое внимание экоориентированному воспитанию. Среди волонтеров и экоактивистов формируется установка практически применять знания в заботе о природе, развиваться в коллективе, расширять знания о взаимодействии различных сфер окружающей среды с деятельностью человека, трансформировать быт так, чтобы он сводил риск загрязнения к минимуму. Экологоориентированный человек – это человек рефлексирующий – о пользе того, что он делает, о том, как можно улучшить пространство, взаимоотношения вокруг себя и с окружающей средой. Экология предметная смещается, приходит к экологизации разума, дисциплинируя личность. Он учится обращать *внимание* на проблемы окружающей среды и вовремя выявлять существующие проблемы.

Просвещение и образование, каким бы подробным, правильными они не были, к сожалению, на данном этапе должны быть подкреплены санкциями, законодательно, особенно в сфере обращения с отходами. Они должны быть определены как возможности для развития и населения, и всех включенных актóров – бизнеса, частных предприятий. Регулирование исполнения слаженной системы должно сопровождаться экономическими поощрениями, возможностями привлечь хороших инвесторов. Хотя можно выделить компании–лидеры в сфере обращения с переработкой отходов с мощной региональной сетью, показатели которых выходят на государственный по влиянию и показателям масштаб, в целом, если государство будет инвестировать и предоставлять льготные условия для развития перерабатывающей промышленности, то расширить частный сектор, по мнению бизнес-элит, на местном региональном уровне мы сможем довольно быстро.

Напомним, что в России приблизительно только 5-10% отходов идут на переработку, 90% составляют легальные и нелегальные полигоны. А в странах, где налажен сбор отходов, пропорции обратные, но вместо того, чтобы организовать очередной полигон, средства вкладываются в то, чтобы избавиться и от них. Полигоны считаются «примитивным» способом обращаться с отходами по мере того, научная деятельность сосредоточена на развитии культуры переработки и поиска новых технологических решений.

Если проблема с ТБО и некоторыми видами других промышленных отходов кажется решаемой, есть еще один важный аспект, невыгодно отражающийся на состоянии окружающей среды. Атомная энергетика и ее отходы, а также последствия атомных катастроф (4 из 6 самых крупных атомных катастроф произошли на территории бывшего СССР) представляют вещества, период разложения которых, по разным данным, составляет несколько сотен тысяч лет. При учете что существуют доказательства эффективности развития, экономической и местной дееспособности и новейшие разработки в таких «зеленых» видах энергетики как: солнечная энергетика, ветроэнергетика, биомассовая энергетика, волновая энергетика, градиент-температурная энергетика, эффект запоминания формы, приливная энергетика, геотермальная энергия… атомная энергетика считается основным ресурсом, как энергетическим, так и военным. «Нет экономически обоснованной технологии изоляции ОЯТ на все время, пока оно будет оставаться опасным. Этот срок составит не менее 240.000 лет». Существует несколько способов захоронения ядерных отходов, но на данный момент не суще-

ствует способа их переработки или минимизации вреда. И с начала развития ядерной промышленности они равномерно накапливаются.

Социоэкономическая ситуация в странах третьего мира по переработке отходов, качеству жизни и экологическому поведению заметно отличается от индустриализированных стран не в лучшую сторону. По уровню обращения с отходами Россию в данном контексте можно отнести к развивающимся странам, но с рядом отличий. Имеются данные наблюдений с Химкинского, Домодедовского, Тульского, Ярославского, Чемодановского (г. Пенза) мусорных полигонов, а также общие данные учета переработки, приведенные Росприроднадхором и журналами ТБО и Recycling отходов. Мы наблюдали следующие тенденции:

1) Нет единой системы работы на полигонах, организации полигонов. Степень соответствия полигона экологическим нормам проследить сложно.

2) В целях повышения эффективности переработки и желания удешевить рабочую силу, на некоторые полигоны мусора нанимаются мигранты и бездомные. Это обычно небольшие группы (в зависимости от масштаба полигонов от 10 до 40 человек, не считая руководителей и официальный работников с более высоким статусом). Причем прослеживается тенденция к росту мигрантов. Чем выше уровень бедности в регионе, тем больше людей вовлечено в процесс переработки. Основная работа производится на полигонах твердых бытовых отходов.

3) Устройство поселений на свалке представляет относительно упорядоченную структуру. Как в любой группе, образуются социальные связи, выделяется лидер, который осуществляет своеобразную координацию между членами «общины» и исполняет роль бригадира. Между жителями свалки достаточно слабые и односложные связи, высокие показатели алкогольной зависимости среди бездомных. В отличие от стран третьего мира, где существует целые поколения мусоросборщиков, в России данная деятельность ситуативна, непостоянна, объясняется потерей прежнего социального статуса и средств. Вследствие российского климата период жизни бездомных здесь продолжается несколько лет. Как и в Колумбии, Индии, Мексике, – в России мусорщики получают 5 % от цены всей переработки и сбора.

4) Ручная работа с отходами, даже бытовыми, предполагает соблюдение определенных правил охраны труда, соответствующую амуницию. Соответствие данным правилам наблюдалось далеко не всегда, были зафиксированы поджоги, загрязнения мусором близлежащих территорий к свалке, водоемы. Во всех случаях полигоны находились в радиусе менее километра – от зданий, дачных поселков, людных дорог. Наносится вред не только людям, работающим непосредственно на данной свалке, но и сами они, нарушая правила безопасности, дополняют вред окружающей среде, не осознавая влияния химических взаимодействий на территорию. Хочется проявить к данной проблеме особое внимание. Из рискогенной ниши возможно создать хорошую группу работников, если сделать это акцией социальной помощи с дальнейшим обучением простой работы на полигонах с требованием соблюдений безопасности. Но статус мусорщика в России низок, и работодателям привычно работать с низкооплачиваемым ресурсом. Однако, не стоит сбрасывать данную проблему со счетов, к ней следует проявить особое социальное внимание, с учетом опыта стран третьего мира.

Все же, нужно закончить на позитивной ноте, словами одного из экоактивистов проекта «Сделаем!»: «Ключ к чистой России, на мой взгляд, лежит в культурной элите. Заряженное на изменение ситуации ядро взрослых людей может быть сформировано или посредством организации группового поведения, или путем рассказывания трогающих за душу и проникающих в сердце историй на индивидуальном уровне. Это то, что делает культурная элита. Видение чистой, безупречной, прекрасной России должно быть передано кем-то, кто верит в это – оно может выражаться в музыке, литературе или с помощью других видов искусства».

Список литературы:

1. Евдокимова Н. О., Вандышева Л. Генеральная уборка откладывается //Экология и право. 2014. № 3 (56).

2. Пашинский В. М. Сколько отходов образуется в России? // Твердые бытовые отходы 2011. № 7. С. 42.
3. Твердые бытовые отходы. 2010. № 5.
4. Вандышева Л. Деньги – в топку // Экология и право. 2014. № 3 (56).
5. Режим доступа http://unise.ru/news-federal/society/3749-kommunalnye-platezhi-mogut-vyrasti-na-15-procentov-iz-za-musora
6. Режим доступа http://dom.lenta.ru/news/2015/01/22/garbage/
7. Сливяк В. В. Мифы атомной промышленности//Философские науки., 2012, № 3. С. 109.

УДК 316.7

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОСЕЛЕНИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧИЯ[1]

Заборова Елена Николаевна
доктор социологических наук, профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mailezaborova@yandex.ru

INFORMATION CULTURE SETTLEMENTS OF THE SVERDLOVSK REGION: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Zaborova Elena Nikolaevna,
Dr. the social. sciences, prof., Ural Federal University, Yekaterinburg,

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются методологические подходы к исследованию информационной культуры поселений. Выявляются общие черты и отличительные признаки информационной культуры различных типов поселений Свердловской области.

ABSTRACT – The article analyses the methodological approaches to the study of information culture of the settlements. Identifies common characteristics and distinctive features of information culture of the different type's settlements in the Sverdlovsk region.

Ключевые слова. Культура; информационная культура; поселения; город; село.
Keywords. Culture; information culture; settlement; town; village.

В *концептуально-методологическом плане* изучение информационной культуры поселений распадается на три относительно самостоятельных аспекта. Во-первых, речь идет о поселении как таковом. В этом случае в центре внимания должна находиться информационная среда поселения: качественно-количественная характеристика информационных носителей, информационных источников, интенсивность информационных потоков. Во-вторых, акцент делается на исследовании качественно-количественных характеристик информационной жизнедеятельности жителей поселений (анализ различных видов и форм информационной деятельности). В своей целостности (среда в единстве с населением) поселение образует единое информационное пространство поселений, в котором возникает третий относительно независимый аспект изучения – информационное взаимодействие. Информационное взаимодействие включает в себя как субъект-субъектное взаимодействие участников информационного пространства, так и субъект-объектное взаимодействие участников с институционализированными и материализованными формами, образующими информационное пространство поселений.

Культурологический анализ всех трех аспектов информационной среды поселений предполагает оценку меры реализации в них сущностных сил человека [8; 176], его социальной природы, меры творчества [11; 176] и степени продвижения вперед в цивилизационном

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты» № 14-13-66013

развитии. Это взгляд на информационное пространство поселений с точки зрения качества и уровня развития.

Эмпирический аспект исследования информационной культуры поселений – это очень сложная задача, сложность которой заключается как минимум в двух обстоятельствах. С одной стороны – невозможность собрать исчерпывающий всеобъемлющий эмпирический материал по всем аспектам информационного пространства поселений; с другой – отсутствие единой общей методологии исследования не только информационной культуры поселений как таковой, но и «культуры», «информации» и «поселений» как базовых социальных феноменов. Кроме того, сложность нарастает, если мы примем во внимание многообразие самих поселений (сельские и городские, малые, средние, большие, крупные, сверхкрупные) и учтем специфику их пространственно-территориального расположения (поселения на севере области, в центральной части и пр.). В результате на сегодняшний день эмпирическая картина информационной культуры поселений Свердловской области (как и в целом страны) отличается неполнотой, фрагментарностью, многие аспекты требуют дополнительных масштабных исследований.

Следует подчеркнуть резко возросшую важность информационной культуры поселений в современную эпоху, которая неслучайно носит название информационной. Как отмечает М. Кастельс, сегодня такие типы поселений как крупные города следует рассматривать не столько как пространство мест (мест размещения производств, локализации жилищ, концентрации людей), но как пространство потоков (прежде всего информационных потоков) [7; 373]. Насыщенность информационного поля поселений, интенсивность функционирования его элементов, качество повседневной информационной деятельности субъектов свидетельствует о мере приобщения людей к жизни социума, мере их включенности в социальные процессы, в том числе – мере их социальной, гражданской активности.

Несмотря на важность проблемы информационной культуры поселений, в научной литературе она (в интересующем нас контексте – сравнительное исследование информационной культуры различных типов поселений (городских и сельских) разной людности) еще не стала предметом массового интереса со стороны ученых (по причинам, изложенным выше). Получить достаточно полные и гарантированно репрезентативные данные – трудоемкая и масштабная работа. Однако отдельные аспекты исследования информационной культуры поселений активно изучаются специалистами разных направлений. Например, изучаются использование информационных технологий в сфере общественного транспорта крупных городов [6; 101-103]; исследуется региональная специфика информационного взаимодействия субъектов социальной работы и средств массовой информации Свердловской области [13; 101-103.]; информационные потоки в целевом управлении на муниципальном уровне [17] и др.

С точки зрения культуры город анализируется в трудах В. Л. Глазычева [2], Г. Е. Гун [3; 349-354], Л. А. Закса [5; 17-37], И. М. Лисовец, Л. Г. Скульмовской, Е. Н. Устюговой и др. [4]; идея креативного города рассматривается Ч. Лэндри [10]; пространство культуры Свердловской области с точки зрения межсубъектного взаимодействия изучалось Е.А. Шуклиной [19; 270-277]. В трудах ученых уральской социологической школы М. Т. Иовчука, Л. Н. Когана, Ю. Р. Вишневского, В. Т. Шапко и др. предлагается теория культурной дифференциации общества, образуемая разным культурным уровнем социальных субъектов. В работах пермских социологов М. А. Слюсарянского и З. И. Файнбурга и др. отмечается важность исследования культурной дифференциации социальных групп, образующих особые социокультурные типы. В соответствии с этими подходами, применительно к нашей теме можно сказать, что население городских и сельских поселений образует особые социально-территориальные общности [1], обладающие специфическими социокультурными характеристиками, в том числе и в плане информационной культуры.

В качестве базовых общеметодологических концепций, позволяющих подойти к проблеме исследования информационной культуры поселений, выступают работы классика социологии города Р. Парка. В ряде своих публикаций он, размышляя о «коммуникации и

культуре», пишет: «коммуникация есть форма взаимодействия, или процесс, происходящий между персонами», «коммуникация, как я ее понимаю, если и не тождественна культурному процессу, то по крайней мере незаменима для него» [12; 141-143]. Крупные города – это «рыночное место, где люди собираются поторговаться и поболтать, есть по сути своей что-то вроде форума, на котором люди с разными интересами и разными умами вступают в миролюбивый спор», благодаря чему исторический процесс убыстряется, взаимопроникновение культур происходит с высокой скоростью [12;153]. Р. Парк, подчеркивая роль городов, обращает внимание на значение общения, взаимодействия, коммуникации в развитии культуры. И сегодня, как в городе, так и в других типах поселений, взаимодействие остается ведущим каналом получения информации, хотя наряду с реальным форумом появился форум виртуальный и далеко не всегда эти форумы можно оценить как миролюбивые. Р. Парк отмечает важность пространственного аспекта при распространении информации: «Слова, разумеется, можно переправлять через культурные барьеры, однако интерпретации, которые они получают по разные стороны политической или культурной границы, будут зависеть от контекста, который в них привнесут разные интерпретаторы. А этот контекст, в свою очередь, будет больше зависеть от прошлого опыта и нынешнего настроя людей, которым слова адресуются, чем от мастерства или доброй воли тех, кто их передает. Зарубежные корреспонденты в силу своего опыта знают лучше кого бы то ни было, как трудно бывает в обычных условиях заставить публику читать новости из-за рубежа. Знают они и то, насколько еще труднее сделать понятными для среднего обывателя события, происходящие за пределами его жизненного горизонта» [12; 150]. Он также отмечает, что чтение, которое в деревнях было роскошью, в городе стало необходимостью. В городской среде грамотность – почти такая же необходимость, как и сама речь. С учетом реалий современной эпохи можно добавить, что в городе сегодня такой же необходимостью стала компьютерная грамотность, владение навыками работы с современными информационными технологиями.

Отражение идей Р. Парка обнаруживается в работах современных отечественных авторов. М. Смирнов выделяет структурные информационные профили территорий, отражающие различные уровни информации, потребляемой населением, данной территориальной общностью. Он выделяет три группы территорий:

1) крупные административные и промышленные центры, их агломерации, имеющие хорошую обеспеченность и печатными, и телевизионными информационными изданиями;

2) малые и средние города, имеющие хорошую обеспеченность печатными изданиями и умеренную – телевизионными (в том числе и местного значения);

3) сельская местность, имеющая лишь удовлетворительную обеспеченность как телевизионными, так и печатными изданиями.

Согласно результатам исследования, проведенного М. Смирновым, центральные телепрограммы имеют практически повсеместное распространение на территории страны, однако телезрители предпочитают региональные телепрограммы центральным (тоже самое, относится и к печатным изданиям). Региональные телеканалы (в том числе и городские) как бы блокируют центральное информационное поле, уделяя практически все внимание местным проблемам, а информацию о центре излагая в негативном, либо второстепенном аспекте. По его мнению, в России выделяются как минимум два типа информационных полей – центральное и периферийные (совокупность мало взаимодействующих региональных информационных полей). Если центральное поле представляется в основном политически ориентированным, то региональное – более разнообразным, имеющим в большей степени социальную, а затем экономическую ориентированность [16; 50-54].

Р. Парк исследует различные культурные феномены (газеты, новости, пропаганду, кино) и делает ряд важных замечаний. Например, он отмечает, что «функция искусства и кино в целом, несмотря на найденное им применение в образовании, является определено символической, и как таковые они глубоко влияют на чувства и установки, даже если не вносят никакого реального вклада в знание» [12; 157]. Это высказывание ориентирует исследователей на изучение не только «знаньевого» аспекта информационной культуры (что делается

достаточно часто), но и эмоционально-оценочного, ценностно-мотивационного аспектов. Он отмечает, что «…каждая цивилизация несет в себе семена собственного разрушения. Видимо, такими семенами и являются те технические устройства, которые вводят новый социальный порядок и упраздняют старый» [12; 168]. Применительно к современной информационной эпохе это очень важное замечание ориентирует на исследование не только положительных изменений, привносимых современными техническим средствами, но и последствий разрушительных, причем требуется очень осторожная оценка «разрушений» с точки зрения положительных или отрицательных характеристик, чаще всего мы оказываемся не в состоянии оценить реальные последствия, они проявятся со временем. Так, например, современные гаджеты резко меняют форму общения (от непосредственно личного к виртуальному, нередко анонимному, более непосредственному, неконтролируемому, они могут быть каналом SMS-террора) [15; 112-115]; меняется характер взаимодействия с социальными институтами (электронное правительство); новые формы консолидации людей через интернет аннулируют прежний опыт персональных предварительных встреч и явок; происходит массовое распространение культурных ценностей и новый (интерактивный) характер взаимодействия исполнителей и слушателей и пр. В итоге мы наблюдаем постепенный процесс разрушения прежней структуры общества и его некогда незыблемых институтов: вместо института семьи все более ценным становится институт любви; вместо института церкви – многообразие верований и поиск личностных смыслов; вместо классического правительства – возникновение правительства электронного; вместо традиционного проживания кланов на одной освоенной территории – возрастание всех видов территориальной мобильности.

В этом процессе свою важную лепту вносит и поселенческий фактор – прежде всего крупнейшие города, являющиеся центрами цивилизаций, прогресса, источниками инноваций. О. Шпенглер пишет: «Город – это дух… Наконец возникает мировая столица, этот чудовищный символ и хранилище полностью освободившегося духа, средоточие, в котором сконцентрировался ход мировой истории… Этот каменный колосс, «мировая столица», высится в конце жизненного пути всякой великой культуры. Душевно сформированный землей культурный человек оказывается полоненным своим собственным творением, городом, он делается им одержим, становится его порождением, его исполнительным органом и, наконец, его жертвой» [18; 99 -102].

Важно подчеркнуть, что ряд авторов обоснованно относят городские информационно-динамические нагрузки (связаны с необходимостью воспринимать, обрабатывать и реагировать на множественные стимулы и пр.) в качестве одного из важнейших городских стресс-факторов. При этом, хотя большинство горожан (80%) использует гибкий стиль взаимодействия со средой, остальные предпочитают доминирующий стиль поведения как защитную реакцию, которая может заключаться как в попытке контроля среды, так в блокировании информации о среде [9; 287-191].

Обобщая имеющиеся в наличии на сегодняшний день и доступные нам научные данные, перечислим некоторые общие черты и различия информационной культуры поселений Свердловской области (по параметрам информационная среда, информационная культура населения, информационное взаимодействие).

Общая черта *информационной среды* поселений – домината городского культурно-информационного производства и потребления над сельским. Жизнь горожан объективно смещается от материального потребления к духовному. «К древнеримской формуле «хлеба и зрелищ!» современный «массовый» горожанин непременно бы добавил: хлеба и информации! хлеба и образов!» [5; 30]. Город все более превращается в единый символический текст, основанный на IT-технологиях, масс-медиа и Интернете, информационные продукты и коммуникации становятся ядром новой экономики города, возникают новые способы социальных контактов, новые социальные общности, фирменный знак информационно развитого города – творческое многообразие. Общая черта информационной среды городских и сельских поселений области – разнообразие элементов информационного пространства, отличи-

тельная черта – насыщенность среды элементами падает по мере движения от более крупных поселений к мелким.

В максимально полном варианте информационная среда представлена в мегаполисе Свердловской области – г. Екатеринбурге. По мере снижения людности поселений, в том числе – от городских поселений к сельским, насыщенность информационного пространства падает. В целом, характеризуя положение Свердловской области среди других субъектов Уральского федерального округа, можно констатировать средний уровень развития информационной среды (См.: табл. 1). Среди субъектов Уральского федерального округа Свердловская область занимает первое место по количеству специалистов высшего образования, выпускаемых государственными и муниципальными образовательными учреждениями (в Свердловской области –33963 (2008 г., тыс. чел.), Челябинская – 25127, Тюменская – 27806) [14].

Таблица 1

Ранг Свердловской области среди субъектов Уральского федерального округа по показателям доступа к информационным источникам (2012 г.) [Составлено по: 21].

Показатель	Ранг по УрФО
Охват населения телевещанием	2
Выпуск газет (экземпляров на 1000 чел)	5
Библиотечный фонд (экземпляров)	4
Численность пользователей библиотек	2
Численность зрителей театров	1
Число посещений музеев	1
Удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер	5
Удельный вес домохозяйств, имевших доступ к сети Интернет	5

В целом жители области активно потребляют информацию. Так, Свердловская область занимает только 69 место среди регионов РФ по развитию библиотечного фонда (количество экземпляров на 1000 жителей, 2013 г.), однако по такому показателю как численность пользователей (1208 тыс. чел) область уступает только Москве и Санкт–Петербургу [20]. По количеству экземпляров газет на 1000 населения (2012 г.) область занимала 38 место среди регионов РФ.

Что же общего и в чем особенности информационной среды различных поселений Свердловской области? Начнем с самой информационной среды:

Таблица 2

Общие черты и особенности информационной среды разных поселений

Общие черты	Особенности
Доминирование телевидения как источника информации. Сегодня телевидение как информационный источник опережает такие каналы получения информации как чтение, прослушивание радио	Неодинаковый набор имеющихся телевизионных каналов, различная доступность цифрового телевидения.
Резкое повышение скорости приобщения населения к различным новым информационным технологиям	Максимально интенсивное приобщение наблюдается в мегаполисах, интенсивность приобщения падает по мере движения от крупных поселений к мелким.

Таблица 2 Продолжение

Следующий момент – *информационная культура жителей поселений*

Общие черты	Особенности
Относительно высокий культурный уровень жителей области в сравнении с другими регионами страны	Падение уровня по мере движения от крупных поселений к мелким (в том числе – от городских к сельским).
Молодое и трудоспособное население поселений более активно использует современные технологии информационного взаимодействия (компьютерные, электронные)	Интенсивность возрастает по мере движения от более старших возрастных групп к молодым.

И, наконец, сопоставим *информационное взаимодействие в различных поселениях*

Общие черты	Особенности
Информация, полученная в ходе межличностного общения, оценивается как наиболее достоверная в сравнении с информацией, полученной из других информационных источников	Можно предположить, что уровень доверия к разным источникам будет отличаться в разных типах поселений, но этот аспект требует дополнительных эмпирических исследований.
Общие черты	Особенности
Сохранение важности межличностного общения как источника информации	Роль межличностного информационного взаимодействия возрастает по мере движения от крупных поселений к малым (в частности – от сельских к городским). В небольших поселениях межличностное общение отличается большей интенсивностью, кроме того, менее развитая институциональная информационная среда также способствует возрастанию важности межличностного общения
Информация, полученная в ходе межличностного общения, оценивается как наиболее достоверная в сравнении с информацией, полученной из других информационных источников	Можно предположить, что уровень доверия к разным источникам будет отличаться в разных типах поселений, но этот аспект требует дополнительных эмпирических исследований.
Увеличение доли виртуального информационного общения	Его преобладание зафиксировано в группе «молодежь». Но вопрос о том, каково место виртуального общения в мелких поселениях в сравнении с крупными и какова его значимость у других возрастных групп еще требует дополнительного изучения

Перечисленные нами общие и отличительные черты представляют собой лишь некоторые фрагментарные характеристики, однако и они в определенной мере позволяют оценить уровень развития информационной культуры поселений Свердловской области в целом и ее отдельных поселений в частности, создавая тем самым почву для принятия обоснованных управленческих решений.

Список литературы:

1. Баразгова Е.С., Вандышев М.Н., Лихачева Л.С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург: УрИ РАНХиГС, 2012. 151 с.

2. Глазычев В.Л. Город России на пороге урбанизации //Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 137-143.
3. Гун Г.Е. Городская художественная культура в контексте креативных индустрий //Europen Social Science Journal: Европейский журнал социальных наук. 2013. №12. Т.1. С. 349-354.
4. Заборова Е.Н. Городское управление. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2014. 296 с.
5. Закс Л.А. Город как машина культуры: прошлое и современность //Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета. 14-15 апреля 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. Т. I. С. 17-37.
6. Жукова И.В., Михайлов М.Е. Информационные технологии в сфере общественного транспорта крупных городов //Социокультурные факторы инновационного развития региона: Всероссийская научная конференция 27-28 октября 2011 года. Сб. статей. Екатеринбург: УрАГС, 2011. С. 101-103.
7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 252 с.
9. Кружкова О.В. Городской стресс и совладение с ним ///Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета. 14-15 апреля 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. Т.1. С. 287-292.
10. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика XXI, 2005. 399 с.
11. Маркарян Э.М. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983. 284 с.
12. Парк Р. Э. Избранные очерки: Сб. переводов /РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Серия: Теория и история социологии. М., 2011. 280 с.
13. Полухина М.В. Региональная специфика информационного взаимодействия субъектов социальной работы и средств массовой информации Свердловской области // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2008. С. 101-103.
14. Регионы России: высшее профессиональное образование. 2009-2012 гг. http://knoema.ru/atlas/sources/FSSS /дата обращения 10.01.15/.
15. Скок В.Н., Филипповская Т.В. SMS–террор: все, что не запрещено, разрешено? //Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета. 14-15 апреля 2014 года. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2014. Т.2. С. 112-116.
16. Смирнов М.А. Информационная среда и развитие общества //Информационное общество, 2001, вып. 5. С. 50-54.
17. Тухватуллина М.А. Информационные потоки в целевом управлении на муниципальном уровне: социологический анализ. / автореф….канд. соц.н., Казань, 2010. 22 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы . М.: Мысль, 1998. Т. 2. 603 с.
19. Шуклина Е.А. Пространство культуры Свердловской области: проблемы межсубъектного взаимодействия /Пространственная политика развития экономики субъекта федерации: выравнивание или дифференциация: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрИ РАНГХиГС 2013. 270-277.
20. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/07-03.htm /дата обращения 10.01.15/
21. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2013 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/07-01.htm

УДК 791.9:316.66-053.81

ФЛЕШМОБ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА

Заглодина Татьяна Алексеевна
аспирант

Российский государственный профессионально-педагогический университет,Екатеринбург
E-mail: Tz1708@ya.ru

FLASHMOB AS AN INNOVATIVE WAY OF ATTRACTING YOUNG PEOPLE TO THE SOCIAL PROBLEMS OF THE SOCIETY

Zaglodina Tatiana Alekseevna
graduate,
Russian state vocational pedagogical University,
Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Использование традиционных методов социальной работы не всегда позволяет достигнуть положительных результатов, продолжается поиск новых, действенных форм работы, направленных на привлечение внимания общества к актуальным социальным проблемам. Флешмоб как форма социальной работы может выступать в качестве одного из направлений работы с молодежью, которая будет способствовать самоутверждению, ощущению причастности к общему делу, поиску новых друзей. Кроме того, данные акции будут повышать интерес общества к социальным проблемам, которые существуют на Урале и в нашей стране.

ABSTRACT – The use of traditional methods of social work does not always provide positive results, the search continues for new, effective forms of work aimed at attracting public attention to current social issues. Flashmob as a form of social work, may act as one of the areas of work with young people that will promote self-esteem, a sense of belonging to a common cause, finding new friends, in addition, these shares will increase public interest in the social problems that exist in the Urals and in our Country.

Ключевые слова: флешмоб, молодежь, социальная работа, социальные проблемы.
Keywords: flashmob, youth, social work, social problems.

Развитие социальной работы на современном этапе характеризуется переходом от однополюсности в осуществлении социальной политики и социальной работы, при участии государства и личности, к многополюсности, увеличению количества субъектов социальной работы и использованию их ресурсов в процессе оказания помощи населению. Активизация внимания на многие социальные проблемы происходит сегодня при активном участии представителей общественности, что позволяет охватить те сферы жизни, которые не затрагиваются или слабо затрагиваются существующими государственными структурами.

В связи с тем, что использование традиционных методов социальной работы не всегда позволяет достигнуть положительных результатов, продолжается поиск новых, действенных форм работы, направленных, с одной стороны, на привлечение внимания общества к актуальным социальным проблемам, с другой стороны, на формирование позитивного общественного мнения в пользу принятия той или иной категории населения, активизацию потенциала человека и гуманизацию отношений в обществе. Учитывая, что основными участниками массовых акций являются молодые люди, использование флешмоба как формы социальной работы способствует более успешной адаптации молодежи к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям жизнедеятельности, позитивно влияет на процесс социализации молодого поколения, формирование системы ценностей.

Флешмоб (от англ. *flash mob, flash* – вспышка; миг, мгновение; *mob* – толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей внезапно появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия и затем расходится. Флешмоб, как правило, организовывается через Интернет сайты или социальные сети. Там мобберы разрабатывают, предлагают и обсуждают сценарии для акций. Сценарий, место и время акции назначается либо администрацией сайта, либо путем голосования.

Флешмоб рассчитан на случайных зрителей, вызывает смешанные чувства непонимания, интереса и даже участия.

Первые попытки описать подобные флешмобу акции можно найти в книгах фантаста Л. Нивена, которые вышли еще в 1960-х гг. Идея собирать людей вместе, о которой писал автор, весьма похожа на современный флешмоб. В октябре 2002 г. была опубликована книга социолога Г. Рейнгольда «Умная толпа: следующая социальная революция», в которой автор описал потенциальные возможности толпы, способной собираться за пару часов с помощью современных цифровых технологий (e-mail, sms и т.п.) [3; 320].

Многие флешмобберы на Западе считают его «отцом-основателем» всего движения, но это не совсем так. Рейнгольд не ставил перед собой цели организовывать какое-либо движение или сообщество. Такая идея пришла создателю сайта FlockSmart.com – преуспевающему 28-летнему программисту из Сан-Франциско Р. Зазуэта – после того, как он ознакомился с данной книгой. «Представьте себе, что в теплый летний полдень вы сидите на скамейке в парке. Внезапно неизвестно откуда рядом вырастает толпа, поднимает небольшую скульптуру и исчезает. А теперь представьте, что вы – человек из этой толпы, часть живой, физически существующей общины. А еще лучше представьте, что у вас есть хорошая идея и вы сами организуете такую общину», – говорится в разделе «О нас» сайта FlockSmart.com. – Наша цель – облегчить появление «умных толп» и построить вокруг них сообщество».

Понятие «умных толп» (*смартмоб*) стало основополагающим в дальнейшем развитии флешмобов и других подобных акций. Безусловно, действия, которые можно квалифицировать как флешмоб, могли происходить и задолго до появления книги Рейнгольда. Но это были скорее одиночные случаи, которые не являлись массовым явлением. Только наличие удобных и быстрых средств связи и более-менее сформированные правила позволили флешмобу стремительно стать популярным практически по всему миру. Поэтому можно утверждать, что он обладает уникальной идеологией и не имеет аналогов в мировой истории.

Хотя флешмоб пришел к нам с Запада, основное отличие отечественных флешмобов все же есть. За рубежом их придумали, чтобы удивлять, – без всяких социальных задач. В России бесцельно собираться не захотели, поэтому большая часть проводимых акций посвящена общественным проблемам, призыву общества к помощи. В Уральском Федеральном округе проведено несколько флешмобов, посвященных социальным проблемам:

10 минут без насилия. В Екатеринбурге прошла акция в память о погибших при теракте в Москве в аэропорту «Домодедово». После флэшмоба большая часть участников и зрителей пошла в церковь, где поставила свечи в память о погибших [4].

Зеленое кладбище. «Активисты группы свободных уличных художников «Offart» провели акцию «Зеленое кладбище» в знак своего несогласия с вырубкой леса в районе улицы Репина под строительство нового торгового центра в Екатеринбурге.

Танцевальный флешмоб «Котята». 1 июня команда «Танцующего города» поздравила всех с прекрасным праздником – с Днем Защиты детей.

Молодые мамы осваивают танцы с колясками. Они решили привлечь к себе внимание танцем. Посыл их необычного танца простой – избавить молодых девушек от страха после родов потерять свободу.

«Танцуй ради жизни» – Dance4Life в Екатеринбурге. «Dance4Life – это великолепный пример того, как талант и сила молодежи помогает придать импульс общему движению по борьбе с ВИЧ/СПИДом путем привлечения молодежи. Этот инновационный подход охватывает все аспекты молодежной культуры; молодежных кумиров, СМИ, любимую молодежную музыку и танцы. Участники помогают преодолеть стену молчания и табу. Именно поэтому молодежная культура, неотъемлемой частью которой является танец, обретает особое значение как инструмент привлечения внимания к проблеме распространения ВИЧ-инфекции, помогает установить контакт с молодежью [1]. Танцевальными коллективами Екатеринбурга были проведены: информационная акция по вопросам здоровья; флешмоб по профилактике

и лечению ВИЧ-инфекции совместно с пунктами экспресс-тестирования на ВИЧ-инфекцию Свердловского областного центра профилактики ВИЧ/СПИД.

Таким образом, флешмоб как форма социальной работы с населением, с одной стороны, может выступать в качестве одного из направлений работы с молодежью, которая будет способствовать самоутверждению, ощущению причастности к общему делу, поиску новых, положительных друзей, с другой стороны, данные акции будут повышать интерес общества к социальным проблемам, которые существуют на Урале и в нашей стране.

Список литературы:

1. Лукьяненко А. «Танцуй ради жизни» – Dance4Life в Екатеринбурге [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ekavuz.ru/blog/news/466.html
2. Кожаринов М., Кордонский М. Очерки неформальной социотехники [Текст] / М. Кожаринов, М. Кордонский – М., 2008 – 336 с.
3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция [Текст] / Г. Рейнгольд. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
4. Десять минут без насилия [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lenta.com.ua/790777.html

УДК 316.74:37-051 (470.1)

УЧИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОГО РЕГИОНА О СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Засыпкин Владислав Павлович
доктор социол. наук, зав. лаб. региональных исследований, доцент
Сургутский государственный педагогический университет, Сургут
E-mail: zasipkin06@mail.ru

TEACHING OF THE NORTHERN REGION ABOUT SOCIAL AND PROFESSIONAL PROBLEMS

Zasypkin Vladislav Pavlovich
Doctor of Science (Sociology), Head of the Lab. of Regional Researchers,
Associate Professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut

АННОТАЦИЯ – В сообщении обобщаются результаты социологического исследования, проведенного специалистами лабораторией региональных исследований СурГПУ по проблемам учительства северного региона. Основные выводы сопоставляются с общероссийскими проблемами социально-профессиональной общности – учительства.

ABSTRACT – The report summarizes the results of the sociological survey conducted by specialists of the Laboratory of Regional Researchers (SSPU) on teaching problems in Ugra region. The main conclusions are compared with the all-Russian problems of social and professional community of Teachers.

Ключевые слова: учительство, социально-профессиональная общность
Keywords: teachers, social and professional community

В системе образования всегда были и, видимо, долго будут оставаться «вечные» проблемы, от эффективности решения которых зависит её состояние и перспективы развития. Одной из них является, несомненно, проблема учительства. Хотя мы постоянно говорим и пишем, что основным субъектом образования являются учащиеся, при этом прекрасно понимаем, что их успехи в значительной степени обусловлены тем, как работают и взаимодействуют с ними учителя.

Увлекшись анализом субъектной позиции учащегося в процессе обучения, мы забыли о субъектной позиции учителя в образовании. К сожалению, она несправедливо отошла на

второй план. Такую несправедливость важно отметить хотя бы по двум причинам: первая, учительство – одна из самых крупных и статистически значимых социально-профессиональных общностей в сфере образования, правда, его численность в последнее время резко снижается (в 2000 г. – 1 млн. 751 тыс. чел.; 2013 г. – чуть более миллиона, т.е. сокращение на семьсот с лишним тысяч человек); второе – неоспоримо громадное общественное, социальное предназначение труда учительства.

Было бы неверным говорить о том, что проблемами учительства не занимались ранее. Нет, конечно, многие вопросы ставились и даже решались. Ведь даже специфика сегодняшних реформ заключается в комплексности управленческих подходов и полномасштабном реформировании всех уровней образования: это и принятие федерального закона об образовании, перевод всех уровней образования на федеральные стандарты, принятие очередной новой концепции развития педагогического образования, внедрение новой системы аттестации педагогических кадров не только для основной школы, но и теперь уже и высшей школы, это и введение стандарта педагога и ещё многое другое. Хотелось бы верить, что все эти нововведения действительно станут хорошей основой для модернизации системы подготовки педагогических кадров.

Наиболее ярким нововведением является профессиональный стандарт педагога. Именно он, согласно ожиданиям всего профессионального сообщества, должен стать основой для их профессионального и личностного развития. Мы должны понимать – не все здесь будет зависеть от системы педагогического образования или педагогической переподготовки, так как многие проблемы учительства являются по своей сути исключительно социальными и не лежат только в профессиональной плоскости, т.е. образовании.

Следует признать, что большая часть российского населения (в том числе школьники, родители и сами педагоги) относит учительский труд к непрестижным профессиям. Например, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) профессия учителя по критериям престижности и доходности находилась на последнем месте. Первое место продолжают занимать юристы (23%), второе – экономисты (15%), третье – врачи (12%). В десятку самых престижных профессий России входят банкиры (9%), госслужащие, менеджеры (по 6%), предприниматели, программисты, нефтяники (по 5%). Далее следуют рабочие профессии, военнослужащие, инженеры и, наконец, учителя (по 4%).

Анкетный опрос наших респондентов подтвердил низкую общественную оценку престижности профессии учителя. С этим согласны 81% мужчин и 85% женщин. Показательно, что, несмотря на сравнительно низкую оценку престижности профессии учителя со стороны общества, многие наши респонденты (49% учителей-женщин и 47% учителей-мужчин) не сомневаются в выборе профессии и не пожелали бы ее поменять, даже если бы им была предоставлена такая возможность. Вместе с тем 36% учителей-женщин и 33% учителей-мужчин хотели бы сменить место работы. Необходимо признать, что это достаточно высокий процент для социально-профессионального сообщества. Это говорит и о нестабильности социально-экономической ситуации, и об определенном ценностном расколе внутри профессионального сообщества, когда «индивид» остается в профессии только по причине страха потерять работу.

Наше исследование показало, что подавляющее число учителей удовлетворены созданными в школе условиями для эффективной педагогической деятельности. На вопрос «Считаете ли Вы, что в школе созданы условия для эффективной педагогической деятельности?» – более 80% респондентов констатируют факт наличия достаточных условий для данной деятельности. Более 40% ответивших на вопрос об использовании в своей деятельности инноваций – достаточно активно применяют их в своей профессиональной деятельности. Судя по оценке учителями своей инновационной деятельности, мы видим, что велика доля тех, кто готов к реализации своего творческого потенциала превышает 40%. Вместе с тем есть и те респонденты, кто ответил «Осторожно отношусь к инновациям». Их количество достигает 20%, т.е. каждый пятый. К предложенному вопросу «Считаете ли Вы, что администрация школы адекватно оценивает Вашу работу?» респонденты отнеслись следующим об-

разом: 49% женщин и почти 60% мужчин дали ответ «Да, всегда», а позицию «Не всегда» выбрали 48,5% женщин и 38% мужчин.

Таким образом, судя по самооценке своего социального и профессионального самочувствия, большинство югорских учителей – далеко не оптимисты. Несмотря на достаточно высокий уровень материального благосостояния по сравнению с общероссийским уровнем, общая оценка удовлетворенности социально-профессиональной ситуацией достаточно невысокая.

УДК 316:323.21

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЕЙ

Зборовский Гарольд Ефимович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND MANAGEMENT SOCIOLOGY

Garold Zborovsky
PhD, professor,
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается модернизация и расширительная трактовка предметного поля социологии управления, связанная с ее отношением к власти, а также с активизацией ее роли и участия в создании в России гражданского общества. В связи с этим особое внимание обращается на проблемы управления социологией как со стороны политической власти, так и властной «социологической элиты». На основании критерия «отношение в социологической науке к власти и созданию гражданского общества в стране» дается характеристика двух основных моделей этой науки.

ABSTRACT – The article discusses the modernization and expansion of the interpretation of the objective field of sociology of management associated with its relationship to power, and activating its role and participation in the creation of Russian civil society. In this regard, special attention is paid to problems of management sociology from both political power and the power of «sociological elite». On the basis of the criteria of «attitude in sociological science to power and the creation of civil society in the country» describes the two main models of this science.

Ключевые слова: социология управления, предмет социологии управления, управление социологией, власть, гражданское общество, властвующая социологическая элита, раскол в социологии, модели социологии.

Keywords: sociology of management, the subject of sociology of management, management sociology, power, civil society, power of sociological elite, the split in sociology, models of sociology.

Целью статьи является модернизированная трактовка предметного поля социологии управления, а также анализ ее связей с другими «рядоположенными» отраслями социологического знания и отношений с властью – как в самой науке, так и в обществе. Поэтому необходимо сразу оговориться, что речь пойдет не столько о традиционном понимании объекта и предмета конкретной отрасли социологического знании – социологии управления, сколько о месте и роли социологии в управлении обществом, регионом, социумом. Другими словами, будет предложена более объемная, чем существующая сегодня, характеристика отрасли. Такой подход позволит рассмотреть отношение к социологии со стороны управленческих, властных структур как следствие и, вместе с тем, как причину предлагаемой ниже трактовки.

Прежде всего, представляется необходимым видоизменить понимание предмета социологии управления. Традиционно он рассматривается – в самом первом приближении – как проблема соотношения субъекта и объекта управления, которое может приобретать различные состояния и формы: воздействия субъекта на объект управления, их взаимодействия как равных и рядоположенных акто́ров и агентов процесса управления и т.д. При этом мы сейчас не касаемся часто дискутируемого вопроса о том, что собой представляют субъект и объект управления и что находится «между ними».

Поскольку социология управления, как и любая отрасль социологии, занимается исследованием социальных феноменов, ее интересует в первую очередь управление в обществе и конкретном социуме (часто отождествляемое с социальным управлением). Оно направлено на регулирование взаимодействий между социальными общностями и их конкретными участниками, выступающих как субъект-объектные и субъект-субъектные отношения данного социума.

Таким образом, применение общностного подхода к анализу сферы управления позволяет расширить предметную зону рассматриваемой социологической отрасли. Еще больше расширяет ее предметное поле использование пространственно-временного подхода, поскольку социальные общности, включенные в социум, взаимодействуют в нем всегда в рамках определенного хронотопа. Эти общности (и составляющие их индивиды, находящиеся в самых разных отношениях между собой) существуют как в конкретном социальном пространстве, так и в конкретном социальном времени, которые как способы и формы социального бытия оказываются небезразличными к своим содержательным структурам, определенным социальным субъектам – социальным общностям. Они (социальное пространство и социальное время) оказывают влияние на их (общностей) деятельность, «заставляя» социальные общности формировать и использовать те или иные стратегии поведения – пространственные и темпоральные.

Социальные общности, социальное пространство, социальное время теснейшим образом связаны между собой. И если мы говорим об управлении в обществе, направленном на решение проблем, касающихся социальных общностей, межобщностных и внутриобщностных отношений, то не должны проходить мимо регулирования способов и форм их бытия, которыми выступают социальное пространство и социальное время. Следовательно, их, т.е. социальное пространство и социальное время, также можно и даже должно рассматривать в качестве предметной зоны социологии управления. Социальному пространству в этом смысле в социологии «повезло» больше, чем социальному времени. Его как сферу социального регулирования рассматривали многие социологи, но наиболее глубоко, по нашему мнению, – П. Бурдье и А. Филиппов [2, 8].

Так, у Бурдье социальное пространство выступает изначально как абстрактное пространство. Конкретным оно становится тогда, когда конституируется ансамблем подпространств или социальных полей. Социальное пространство включает в себя социальные поля, выступающие как системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т.д.). Бурдье выделяет самые различные социальные поля: экономическое, политическое, религиозное и др. Эти поля представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства самих полей. Что касается вопроса об управлении социальным пространством, то, в соответствии с концепцией французского социолога, оно осуществляется через управление развитием социальных полей.

Говоря о социологических исследованиях проблематики управления социальным временем (временем общества), необходимо отметить отсутствие серьёзных работ в этой области научного знания вплоть до последних лет. Только сейчас появляются первые попытки рассмотреть на социологическом уровне вопросы управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей в связи с проблемами динамики социального времени [1].

Сказанное выше о социологии управления является, с нашей точки зрения, важным аргументом в обосновании тезиса о расширении предметных границ этой отрасли научного

знания. Но это расширение имеет весьма ограниченный характер и не исчерпывает того потенциала, которым социология управления располагает. Увлекшись организационными и технологическими вопросами управления, исследователи явно утратили внимание к тому спектру проблем, которые имеют большую общественную значимость и преследуют цель показать тормозящую направленность авторитарного режима относительно системы управления обществом. При этом речь должна идти не только о критике режима, но и о позитивной программе развития, связанной с формированием и развитием элементов гражданского общества в нашей стране и роли социологии управления в данном процессе [5].

Это означает, что социология управления способна превратиться, хотя бы отчасти, в социологию гражданского общества и «вступить» на его почве в особый тип отношений со смежными отраслями социологического знания – социологией власти и социологией политики. За этими межотраслевыми социологическими отношениями стоит более широкая и социально значимая проблема – перехода от науки к практике управления, власти, политики, их взаимодействия. По существу речь идет об отношениях между социологией и властью как на федеральном, так и региональном уровне. В современной России сложилась ситуация, при которой власти по большому счету социология не нужна. Она не нужна ей прежде всего как наука. В чем-то социология становится даже опасной для власти, особенно когда публикует результаты исследований, ставящих под глубокое сомнение научную обоснованность, социальную справедливость и общественную целесообразность социального и политического курса руководства страны. Когда власть не проявляет интереса к науке, которая способна дать объективный анализ происходящего в обществе, боится этого анализа, становится очевидным и понятным ее нежелание взаимодействовать с такой наукой, стремление как можно дальше «отодвигать» ее от себя.

Впрочем, сказанное не означает отказа от использования в отдельных случаях результатов эмпирических исследований, в первую очередь заказных. Заказы властных и управленческих структур как на федеральном, так и региональном уровнях гарантируются в тех случаях, когда, как минимум, правящая элита не подвергается критике компрометирующими ее деятельность данными социологических исследований, когда не публикуются низкие рейтинги власть имущих, когда не предаются огласке результаты изучения общественного мнения, не поддерживающего действия законодательных и исполнительных органов в центре и на местах и т.д.

Не секрет, что некоторые социологические организации, службы, фонды, отдельные социологи пошли именно по этому пути, который вполне устраивает и их, и власть. Но он входит в противоречие с интересами и науки, и гражданского общества, которые ожидают, прежде всего, объективных результатов и независимой, не подверженной никаким давлениям извне, деятельности. Появление иной, сопряженной с интересами властных структур, позиции свидетельствует о том, что в стране существуют глубокие расхождения в понимании роли, предназначения, возможностей отечественной социологии.

Считаем важным с этой точки зрения привести два справедливых суждения М. К. Горшкова, в которых он дает характеристику общего состояния российской социологии и подчеркивает наличие в ней ряда сложных проблем. Вначале приведем его суждение об общем состоянии отечественной социологии: «Большинство социологов либо «заперто» в университетах, где им уготована роль интеллектуальных репетиторов подрастающего поколения и проводников «общего» образования на все случаи жизни, либо подвизается в качестве технических экспертов в маркетинге и рекламе. Серьёзно подточило авторитет российской социологии и широкомасштабное участие социологов в избирательных кампаниях самого различного уровня, в ходе которых они нередко принимали участие в так называемом черном PR и теневых избирательных технологиях» [4; 27]. Относительно наиболее сложных проблем российской социологии (второе суждение) исследователь пишет, что они «не так просты, как может показаться на первый взгляд. Их корни кроются в низком уровне отечественной социологической культуры, подразумевающей определенное дистанцирование институтов гражданского общества от структур власти. Симптомами этого недуга можно счи-

тать следующие черты деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющих себя в последнее время [4; 27–28] :

– социологический сервилизм: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи, чаще всего, исполняют гувернерские, обслуживающие функции. Данная схема взаимодействия сводится к следующему правилу: если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, он вынужден выслушивать упреки в бессмысленности своих изысканий. Таким образом, его задача сводится не к выявлению и пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания власть предержащих;

– доминирование в социологической науке таким тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада. Довольно редко в поле зрения отечественной социологической науки попадают темы, касающиеся повседневной жизни и трудовой деятельности широких масс населения страны; вопросы, связанные с изучением природы социального неравенства, истории и последствий приватизации в России; исследования в области причин региональных различий, криминализации общества и роста коррупции, отчуждения человека, произвола правящей бюрократии и народившейся российской буржуазии».

Перечень проблем, приведенный выше, вполне мог бы быть продолжен и коснуться в первую очередь отношений социологии и власти, социологии и политики. С нашей точки зрения, сегодня отечественной социологии в целом не хватает не только профессиональной, но и социальной заостренности на самые сложные и противоречивые вопросы общественной жизни, что по большому счету в конечном итоге сливается в единое целое. Существует и еще один серьёзный феномен, негативно характеризующий современную отечественную социологию, – имеющий место в ней раскол.

Он приобрел различные формы, включая существование нескольких организационных структур, в каждую из которых входят «расколовшиеся» социологи, проведение автономных, иногда даже параллельных конгрессов и конференций, публикации в различных по характеру и направленности изданиях и т.д. Но раскол в социологическом сообществе – это не только различные структуры и их руководители, не поделившие между собой власть и пользующиеся своим влиянием на определенные группы «рядовых» социологов.

Это еще и «расколотое» социологическое сознание. Линий его раскола может быть несколько. Они могут характеризовать принадлежность социолога к различным направлениям деятельности, различным метапарадигмам, парадигмам и теориям, различным методологиям исследования и т.д. Нас волнует «раскол» социологического сознания с точки зрения его отношения к власти, политике, гражданскому обществу. Вокруг отношения к этому обществу и авторитарному властному режиму, стремящемуся максимально ограничить его возможности в России, и создается новая ситуация социологического раскола. Консолидация академических авторитетов, которая затрагивает сегодня интересы многих социологов, реально превращается в создание «вертикали» социологической власти, способной противостоять значительной части социологического сообщества как организационно, так и содержательно.

Перефразируя известный вопрос, давно уже приобретший форму афоризма, «С кем вы, мастера культуры?», хотелось бы точно также спросить: «С кем вы, мастера социологии?». В ответе на этот вопрос предполагается дихотомия «гражданское – негражданское общество». И тогда формулировка вопроса примет иной вид: на стороне какого общества вы, ученые социологи – гражданского или негражданского? Для нас такой раскол социологического сознания и поведения представляется сегодня одним из его наиболее значимых видов. В нем мы усматриваем различное отношение к властвующему авторитарному режиму, его стремлению к подавлению демократических начал в обществе, прав и свобод человека.

За расколом в социологии и социологическом сознании, несомненно, стоит стремление отдельных лиц к узурпации власти в ней, причем на самых разных уровнях, и не только в центре, но и на местах. Гипертрофированное властолюбие в науке и образовании – вещь чрезвычайно опасная, оно и становится одним из источников раскола, хотя подлинные его

причины лежат гораздо глубже, в мировоззренческих и методологических проблемах, в профессиональной культуре. Ее недостаток, ограниченность профессионального уровня ряда социологов, стремящихся к власти в социологической науке и социологическом образовании, выступает пружиной действия своеобразного компенсаторного механизма.

Его суть в том, что когда социологи не могут добиться серьёзных результатов в научном творчестве и по-настоящему реализоваться в нем, они ищут иные пути для самоутверждения и получения общественного признания. Один из них – приобретение власти и вытекающего из нее статуса с последующим навязыванием другим собственного мнения. Между тем, навязывание какого-то одного мнения – вещь чрезвычайно пагубная в социологической науке и социологическом образовании. Мы это уже проходили.

Как видно, по существу мы перешли от вопроса о социологии управления, ее предметном поле к обсуждению вопроса об управлении в социологии и управлении самой социологией. Его имеет смысл рассматривать на двух уровнях – реальной власти и науки. С одной стороны, речь идет об органах власти и управления в федеральном масштабе (кремлевская администрация, РАН, Министерство образования и науки РФ и др.) и в региональных структурах (администрации Президентов республик, губернаторов, глав регионов и т.д.).

С другой стороны, мы говорим о социологической «властвующей элите» в лице руководства академических и вузовских социологических структур (институтов, факультетов, отделов, департаментов, лабораторий, секторов, кафедр и т.д.). С определенной долей авторского сомнения к этому уровню могут быть отнесены руководители бизнес-структур социологической направленности (агентств, фондов, обществ с ограниченной ответственностью и т.д.). Такое сомнение обусловлено противоречием между внешней формальной независимостью этих бизнес-структур и их руководителей и существованием в стране институционально-правовых норм, подвергающих глубоким ограничениям эту независимость. Примером такого противоречия стала ситуация с Левада-Центром, а правовой нормой, позволившей оказывать на него жесткое давление со стороны властей, – печально знаменитый Федеральный Закон № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (принятый в июле 2012 г.). Он позволяет рассматривать научную деятельность в социологии как разновидность политической, а некоммерческие организации, ее осуществляющие, признать в качестве иностранных агентов. На практике это означает, что любые результаты социологических исследований, не понравившиеся политическому режиму, можно рассматривать как нелояльные и даже враждебные по отношению к нему действия с вытекающими отсюда последствиями и санкциями. Безусловно, эта новая законодательная мера тоталитарного характера означает мощный удар по свободе слова вообще, социологического, т.е. научного слова, в особенности. Именно названная выше правовая норма и была применена впервые в отношении социологических организаций, первой среди которых оказался Левада-Центр. «В мае 2013 г. московская районная прокуратура обвинила Центр в том, что публикации результатов социологических исследований направлены на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение. Дескать, опросы общественного мнения – не научная работа, а политическая деятельность, которая, кроме того, финансируется на иностранные средства. Тем самым, согласно принятому российскому закону, как говорилось в прокурорском предупреждении, Левада-Центр выполняет функцию «иностранного агента». Все это следует рассматривать как атаку на свободу науки в контексте репрессивной политики администрации Путина. Специализированный журнал «Osteuropa» начал 25 мая 2013 г. международную кампанию солидарности против стигматизации Левада-Центра» [3; 116].

Для того чтобы подавлять право на свободу творчества социологов, была придумана нехитрая юридическая манипуляция: сначала законодательно провозгласить, причем без всяких доказательств и обоснований, политический характер деятельности социологов, а затем – при необходимости – приписать ей какие угодно инсинуации (клеветнические измышления) против власти. Поэтому проведение любого эмпирического исследования (не говоря

уже о теоретических разработках) может стать поводом для преследования социологов. Сейчас для этого не нужно даже решения суда, достаточно указания Минюста на принадлежность структуры к иностранным агентам.

Мы хотели бы обратить особое внимание на то, что кампанию солидарности с Левада-Центром, к сожалению, начали за рубежом, а не в России, где находится достаточно много подобных социологических структур. Это свидетельствует о полном отсутствии корпоративной, профессиональной солидарности в социологическом сообществе. Для власти такая ситуация – просто «подарок судьбы». Она означает, что в случае необходимости можно будет без всяких дополнительных хлопот справиться с любым коллективным агентом социологической деятельности. Более того, многие социологические структуры восприняли прокурорское предупреждение в адрес Левада-Центра как сигнал власти на свой счет и стали проявлять больше сдержанности и осторожности в публикации материалов исследований. Разумеется, это не касается тех организаций и центров, которые традиционно «дружат» с властью и выполняют ее социальные заказы все последние годы (например, ВЦИОМ с 2003 г. по настоящее время).

Как вытекает из сказанного, оба названных уровня управления социологией – реальная политическая и научная власть – определенным образом связаны, хотя чаще всего эта связь не является жесткой и прямой. Лишь в отдельных случаях она может приобретать директивный характер. Тем не менее, в соответствии со сложившимися в стране традициями и имеющимся менталитетом каждый «чих» в каком-либо «властном кабинете» или, того хуже, коридоре власти очень часто воспринимается представителями так называемой властной социологической элиты как установка либо даже как руководство к какому-либо социологическому действию.

Сегодня в отечественной социологии сложилось два типа, две модели понимания ее роли. Есть, с одной стороны, осмысление того, что она способна выступать как наука гражданского общества, следовательно, должна помогать его созданию и укреплению, что она нужна этому обществу для его знания, самопознания и самопонимания. Ситуация участия социологии в социальных переменах сопряжена с трактовкой функций этой науки как элемента гражданского общества. С учетом позиции Б.М. Фирсова [9;103] назовем эти функции социологии. Она должна способствовать: общественному прозрению, складыванию активистской жизненной позиции, воспитанию готовности бороться с барьерами на пути становления и развития гражданского общества, расширению границ мировоззрения людей и их жизненных интересов, помощи в формировании критического взгляда на природу социальных явлений, преодолению догматизма в понимании общественной жизни и ее развития. Эта модель означает исследование социума в целом, включая авторитарный режим, систему узаконенного насилия, двойной морали, извращенности институциональных процессов и реакцию на эти процессы общества сквозь призму изучения его мнения. Критическая позиция связана с трактовкой объективных процессов и показом их такими, какими они есть. Сам факт критики содержится уже в этом показе.

С другой стороны, имеет место противоположная модель, которая состоит в том, что предназначение социологии – работать на власть, ее укрепление и получение в этом случае взамен соответствующих преференций для проведения исследований [7]. Эта конформистская модель предполагает поиск компромисса с режимом, означающего, прежде всего, подчеркивание роли «лидера нации» в деле консолидации общества, акцент на росте его рейтинга, затушевывание некоторых вопиющих сторон жизни и деятельности властвующей элиты на всех ее уровнях (прежде всего, федеральном и региональном), социальной жизни в стране в целом. Важной особенностью этой модели становится дистанцирование от общероссийских проблем, в том числе связанных с федеральным уровнем власти и политики, и сосредоточение внимания на локальных аспектах жизни общества в регионе и конкретном муниципальном образовании. Хотя и здесь в центре внимания тоже могут быть проблемы власти и управления.

Социология в рамках второй модели имеет иной вектор развития – в сторону сотрудничества с авторитарной властью, выполнения ее социального заказа, превращения науки в элемент государственного истеблишмента под видом ее «включения в систему научного управления обществом». Она представлена исследованиями, дезавуирующими критическую функцию ее как науки. Между тем, говорить о подлинно научной социологии вне этой функции практически невозможно.

Описанную (вторую) модель мы называем имитационной социологией. Отнесем к ней научные, точнее наукообразные «подделки», выступающие как попытки использовать весь «набор социологических инструментов», весь социологический «арсенал», начиная от методологии и кончая современными способами обработки данных, для обоснования ангажированных властью позиций. Имитационная социология своей деятельностью стремится несколько видоизменить объективные результаты проведенных исследований, придав им более «благообразный» вид. В этом смысле она напоминает работу некоторых участковых избирательных комиссий, которые при подсчете голосов на выборах «накидывают» десяток – второй процентных пунктов нужным кандидатам. Другими словами, имитационная социология оказывается весьма близкой к заказной. Имитационная социология возникает как средство и как следствие давления власти и крупного бизнеса в стране и регионах на руководителей различных социологических структур, обладающих, в свою очередь, полномочиями и возможностями оказывать давление на своих сотрудников.

За двумя моделями социологии можно увидеть более широкие социальные процессы развития российского социума – либо в сторону политической демократии, рыночной экономики, правового государства, гражданского общества, либо в направлении противоположного вектора движения – поддержки власти. Незадолго до своей смерти, в книге, вышедшей уже после нее, в 2010 г., А. Г. Здравомыслов писал: «…для российских социологов сегодняшнего дня выбор между этими двумя крайними моделями во многом остается открытым. На неопределенность этого выбора влияет важный латентный фактор – политический выбор самой России остается неопределенным: возвращаться ли всей стране под прикрытием дымовой завесы «демократии» в архаическое состояние самодостаточности и изоляционизма или же продолжать начатый за последние годы трудный процесс по "вхождению российской экономики в современный многосложный мир". Я говорю об этих основаниях как о "латентной" составляющей выбора, поскольку в заявлениях и действиях российских лидеров имеются сигналы движения как в том, так и в другом направлении» [6; 312].

В связи с приведенным суждением известного российского социолога хотелось бы отметить, что степень неопределенности политического выбора России, существовавшая ранее, в 2014 г. сузилась до минимальных возможностей, а политика изоляционизма и самодостаточности приобрела универсальный характер. И это еще раз ставит перед социологами вопрос о выборе ценностей, отстаиваемых в научных исследованиях, публичных выступлениях и педагогической деятельности, и позиции, которую они собираются занять в отношении власти и гражданского общества.

Список литературы:

1. Амбарова П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей: монография. Екатеринбург: УрФУ, 2015.
2. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
3. Гества К. Хомо Советикус и крах советской империи. Неприятные социальные диагнозы Юрия Левады // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4.
4. Горшков М.К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии // Социологические исследования. 2012. № 7.
5. Зборовский Г.Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург: УрФУ, 2014.
6. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010.
7. Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования. 2012. № 7.

8. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
9. Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы: очерки. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

УДК 32.019.5

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ДОВЕРИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И АКТÓРАМ[1]

Зырянов Сергей Григорьевич
доктор политических наук, профессор, директор Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
E-mail: director@chel.ranepa.ru
Аверьянова Дарья Валерьевна
младший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

CHELYABINSK REGION: CIVIL ACTIVITY AND TRUST TO REGIONAL POLITICAL INSTITUTES AND ACTORS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,
Doctor of Political Science, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Director, Chelyabinsk, Russia.
Averyanova Darya Valeryevna,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Junior Research Fellow of the Laboratory of Applied Political Science and Sociology,

АННОТАЦИЯ – В статье на материалах социологических исследований анализируется состояние социальной и политической активности населения Челябинской области, а также коснёмся вопроса о том, в какой степени жители региона доверяют региональным органам власти и управления.

ABSTRACT – The article is devoted to the analysis of social and political activity of Chelyabinsk region population; the research is based on materials of sociological surveys. The authors also consider the level of population's trust to regional authorities.

Ключевые слова: Гражданская активность; протестная активность; доверие региональным политическим институтам и акторам; социологическое исследование.

Keywords: Civil activity, protest activity, trust to regional political institutes and actors, sociological survey.

Непременным условием, обеспечивающим развитие гражданского общества в современных российских условиях, является высокий уровень социальной активности населения. В настоящей статье на основе данных социологического исследования «Социокультурный портрет Челябинской области» мы рассмотрим состояние социальной и политической активности населения Челябинской области, а также коснёмся вопроса о том, в какой степени жители региона доверяют региональным органам власти и управления.

[1]Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 "Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве".

Обращаясь к вопросу социальной и политической активности населения Челябинской области, отметим, что в настоящее время в регионе действуют около 3600 различных общественных объединений, организаций различной направленности. Данные социологического исследования, полученные в ходе проведенного в рамках проекта «Социокультурный портрет Челябинской области» в 2014 и 2011 годах[1], демонстрируют тот факт, что подавляющее большинство респондентов в своей повседневной жизни не связаны с деятельностью политических и общественных институтов. Являются членами той или иной общественной организации лишь 9,9% опрошенных.

Приведём для наглядности сводную таблицу, демонстрирующую участие населения Челябинской области в деятельности политических и общественных институтов.

Таблица 1

Участие населения Челябинской области в деятельности политических и общественных институтов

	2014 год		**2011 год**	
Членство	Да	Нет	Да	Нет
Политическая партия	2,1	97,9	4,3	95,7
Профсоюз	7,7	92,3	12,6	87,4
Религиозная организация	0,2	99,8	1,3	98,7
Другие организации	0,8	99,2	2,8	97,2

На территории Челябинской области по состоянию на 1 января 2015 г. зарегистрировано 59 региональных отделений политических партий [4]. При этом только 2,1% респондентов выбрали ответ – являюсь членом политической партии, причём 0,8% из них указывают членство в «Единой России». В 2014 г. самая большая часть организованных респондентов – это участники профсоюзных объединений – 7,7%, хотя в 2011 г. их было практически в 2 раза больше – 12,6%. Конечно, участие в профсоюзах не всегда связано с активной позицией представителя регионального сообщества: иногда оно дается «в нагрузку» к деятельности в той или иной организации. Крайне небольшая часть опрошенных – 0,2% относят себя к членам каких-либо религиозных организаций, ещё 0,8% являются членами каких-либо других общественных организаций.

Анализ социально-демографических факторов показал, что граждане, занимающие активную позицию по отношению к участию в традиционных институтах проявления гражданской активности, имеют следующие социально-демографические характеристики. Среди тех, кто является членом той или иной общественной организации больше представлены мужчины (на 7,9% чаще, чем в среднем по выборке), респонденты в возрасте от 31 до 50 лет (на 8,1% больше, чем в среднем по выборке), имеющие неоконченное среднее образование (на 4% больше, чем в среднем по выборке) и послевузовское образование (на 3,9% больше, чем в среднем по выборке), респонденты, характеризующие своё материальное положение оценочными позициями, указывающими на средний и выше среднего уровни дохода – «в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг» (на 7,1% больше, чем в среднем по выборке), «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры» (на 7,5% больше, чем в среднем по выборке).

Итак, подавляющее большинство – около 90% – опрошенных жителей региона не участвуют в деятельности общественных организаций, которые в какой-либо форме могли бы формировать и поддерживать отношения граждан с властью, обеспечивать возможность защиты их социальных и политических прав. Кроме того, основываясь на данных социологических исследований, мы можем констатировать – за три года изменение ситуации в сфере социальной активности населения произошли лишь в худшую сторону.

С показателем социальной активности тесно связано понятие протестной активности и протестного потенциала. Обратимся к распределению ответов респондентов на вопрос:

[1] Опрос населения Челябинской области, 2011 и 2014 гг.

«Готовы ли вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, нарушений прав и свобод человека)?» Ответы даны в процентах от опрошенных.

Таблица 2

Динамика и уровень протестного потенциала населения Челябинской области

	2014	2011	Разность
Готов	16,4	22,0	-5,6
Пожалуй, готов	25,9	21,0	4,9
Пожалуй, не готов	15,3	11,9	3,4
Не готов	26,5	23,0	3,5
Затрудняюсь ответить	13,2	15,9	-2,7
Отказ от ответа	2,6	6,3	-3,7

Как видно из данных, представленных в таблице, количество тех граждан, кто готов принять участие в акциях протеста практически равно числу респондентов, заявивших о своей неготовности к этому: 42,3% против 41,8%. Отметим, что в 2011 г., доля готовых к участию в подобного рода акциях составляла 43%, а неготовых было значительно, почти на 10%, меньше – 34,9%.

Что касается социально-демографических особенностей респондентов, стоит отметить, что среди тех, кто выразил готовность принять участие в акциях протеста, больше мужчин (на 4,3% больше, чем в среднем по выборке), а в противоположной группе чаще встречаются респонденты старше 50 лет (на 4,9% больше, чем в среднем по выборке), а также жители региона, имеющие послевузовское образование – второе высшее, аспирантура и т.д. (на 5,2% больше, чем в среднем по выборке).

Сразу оговоримся, что между констатацией наличия протестных настроений и переходом от этого состояния к открытым протестным действиям детерминируется рядом объективных и субъективных по своей природе факторов, находящихся во взаимодействии, и далеко не каждый респондент с протестным настроением примет участие в реальных протестных акциях. И чем больше одновременно присутствует факторов, влияющих на формирование протестного потенциала (настроения), тем выше будет реальный протестный потенциал. Согласно данным исследования, проведённого специалистами Левада-Центра, в августе 2014 г. принять личное участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни, в защиту своих прав были скорее готовы только 8%, а скорее всего нет – 86%, при 6% затруднившихся [3].

Далее обратимся к вопросу доверия населения Челябинской области органам региональной власти и другим системным политическим и неполитическим актóрам. Отметим, что Ю. Н. Копылова определяет доверие населения органам власти как такое отношение к ним, основными компонентами которого являются: 1) уверенность в надежности, компетентности, добросовестности данных органов, 2) уверенность в их способности обеспечить нормальные условия жизни и социальной защищенности граждан и 3) уверенность в их способности эффективно выполнять функции с максимальной пользой для общества [2]. Отметим, что показатель доверия к институтам власти является одним из ключевых параметров в процессе формирования отношения к нему населения и, соответственно, базой оценки его деятельности. Но, в отличие от оценки деятельности, доверие – это весьма устойчивый социально-психологический феномен, в силу того, что большую роль в нем играет не рациональный, а эмоциональный компонент.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете региональным (областным, местным) органам управления, организациям?» Далее был предложен перечень региональных и местных органов управления для оценки. Обратимся к таблице и рассмотрим социологические данные о доверии институтам региональной власти в динамике.

Таблица 3

Динамика доверия населения Челябинской области региональным политическим институтам

Название института региональной власти	Сумма позиций «полностью доверяю», «пожалуй, доверяю»		Позиция «трудно сказать точно»		Сумма позиций «не очень доверяю», «совсем не доверяю»		Сумма позиций «не знаю», отказ от ответа	
	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011
Губернатор области	36,6	33,6	26,9	27,1	28,1	22,4	11,4	17,0
Правительство области	27,4	25,4	24,2	26,9	39,0	28,8	9,4	18,9
Законодательное собрание области	23,1	16,1	27,4	27,6	35,9	32,1	13,6	24,2
Суд	31,8	33,6	23,3	21,8	39,3	30,8	5,6	13,7
Прокуратура	28,9	24,9	25,1	24,9	39,0	32,5	7,0	17,8
Полиция	16,5	19,7	26,3	22,3	51,0	44,1	6,2	13,8
Муниципальные и местные органы управления	17,5	19,1	24,9	25,8	48,7	36,0	8,9	19,0

Если посчитать показатели в разнице доверия – недоверия в 2011 и в 2014 гг., то мы увидим, что только институт губернатора, а скорее сам губернатор персонально имеет положительную динамику доверия, но все же с заметной тенденцией к росту на 6% группы не доверяющих. В 2011 г. у М. Юревича разница в доверии – недоверии составляла 11,2%, у Б. Дубровского в 2014 г. – 8,5%. При этом показатель доверия М. Юревичу составлял 33,6%, недоверия – 22,4%, а Б. Дубровскому 36,6%, что на 3% больше, а не доверяют 28%. Подробнее данный вопрос был рассмотрен одним из авторов в статье «Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году» [См. 1].

Самые большие потери в доверии отмечены у муниципальных органов власти и управления, процент не доверяющих им увеличился – на 14,3%. По отношению к полиции недоверие возросло на 10,1%, к правительству Челябинской области недоверие увеличилось – на 8,2%, к суду – на 4,7%; к прокуратуре – на 2,5%. Несмотря на то, что уровень недоверия респондентов Законодательному собранию Челябинской области сократился на 3,2% (в 2011 г. этот показатель был зафиксирован на уровне 16,0%, а в 2014 г. составил 12,8%), самому институту все-таки больше не доверяют, чем доверяют (35,9%, против 23,1%).

Далее рассмотрим динамику доверия населения Челябинской области профсоюзам, региональным отделениям политических партий и СМИ (табл.4).

Как видим, в случае с невластными социально-политическими институтами наблюдаются несколько иные тренды. Так, например, к профсоюзам за прошедшие с момента предыдущего опроса три года уровень доверия возрос на 0,8% – с 18,2 в 2011 г. до 20,6% в 2014 г. Что касается СМИ, то по отношению к ним уровень доверия тоже вырос – с 23,9% до 33,4%. Но, вместе с тем, баланс доверия – недоверия остаётся отрицательным – 9,5%. А вот самый близкий к властным структурам политический институт – региональные отделения политических партий – испытывает давление нарастающего недоверия населения, оно выросло с 42,4% до 49,7%, т.е. на 7,3 %. Резюмируя, отметим, что по показателю недоверия в 2014 г. можно выделить три института-лидера – это полиция (51%),

региональные отделения политических партий (49,7%) и муниципальные органы власти (48,7 %).

Таблица 4

Динамика доверия населения Челябинской области профсоюзам, региональным отделениям политических партий и СМИ

Название регионального социального института	Сумма позиций «полностью доверяю», «пожалуй доверяю»		Позиция «трудно сказать точно»		Сумма позиций «не очень доверяю», «совсем не доверяю»		Сумма позиций «не знаю», «отказ от ответа»	
	2014г.	2011г.	2014г.	2011г	2014г.	2011г.	2014г.	2011г.
Профсоюзы	20,6	18,2	29,1	27,2	35,9	34,3	14,4	20,3
Региональные отделения политических партий	10,8	9,2	26,7	25,5	49,7	42,4	12,8	23,0
Средства массовой информации	33,4	23,9	22,5	19,3	36,3	40,1	7,8	16,8

Итак, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о достаточно невысоком уровне социальной активности и недостаточно высокой степени доверия населения традиционным региональным политическим институтам и актóрам. Самым высоким из предложенного перечня вполне ожидаемо оказалось доверие Губернатору Челябинской области, что объяснимо, ведь в данном случае респонденты оценивали не только уровень и степень своего доверия институту губернаторства, но и личностные качества руководителя региона. Чуть меньше степень доверия населения региональным органам власти, ещё меньше – законодательному органу региона. Ну, а меньше всего жители региона склонны доверять полиции, региональным отделениям политических партий и муниципальным органам власти. Всё это может быть свидетельством достаточно высокой степени отчуждения населения от политической сферы жизни области общества. Что касается уровня протестного потенциала населения Челябинской области на этом фоне, то доля жителей региона, готовых принять участие в акциях протеста, вроде бы достаточно велика. Но, вместе с тем, пока не проявились факторы, которые смогли бы этот протест систематизировать и организовать.

Список литературы:

1. Зырянов, С.Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в челябинской области в 2014 году [Текст] / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2014. №6. С.8-21
2. Копылова, Ю.Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти: автореф. Дис. ... канд. психол. наук: Москва, 2003. – 173 с.
3. Протестная активность. Пресс-выпуск Левда-Центра от 25.12.2014 г. [Электронный ресурс] / URL: http:// www.levada.ru/25-12-2014/protestnaya-aktivnost (дата обращения: 12.01.2015)
4. Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Челябинской области [Электронный ресурс] / URL: http:// to74.minjust.ru› node/72407 (дата обращения: 12.01.2015)
5. Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 15 по 25 июля 2014 года. Опрошено: 1000 респондентов. Статистическая погрешность данных: + 3% [Электронный ресурс] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEME NT_ID=12791(дата обращения: 29.11.2014)
6. Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в июле-августе 2011 года. Опрошено: 1000

респондентов. Статистическая погрешность данных: + 3% [Электронный ресурс] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots %20issledovaniya.php? ELEMENT_ID=12791(дата обращения: 29.11.2014)

УДК 316.7

БЕЗОПАСНОСТЬ И КУЛЬТУРА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Зырянова Ольга Борисовна
аспирант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: mfgamba@mail.ru

SECURITY AND CULTURE AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY

Zyryanova Olga
post-graduate student,
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются теоретико-методологические основы и лингво-семантические особенности безопасности в рамках социологического дискурса, а также ее взаимодействие и взаимосвязь с многогранным понятием культуры.

ABSTRACT – The article deals with theoretical and methodological foundations and semantic features of security within the sociological discourse, as well as its interaction and relationship with the multifaceted concept of culture.

Ключевые слова: безопасность, культура, лингво-семантический анализ, интеграционный подход, социокультурное пространство.

Keywords: security, culture, linguistic and semantic analisys, intergration approach, socio-cultural space.

Еще в конце XIX в. в российской науке сложилось представление о безопасности как о «главнейшем залоге человеческого развития» [2, С.304], то есть как об основном условии развития человека и общества. Социологическая наука, не избежав влияния нарастающей макрополитической напряженности как глобальной общественной тенденции, обратила пристальное внимание на проблематику безопасности лишь на рубеже XX-XXI веков, постепенно сформировав, кроме прочих, две доминирующие точки зрения: охранительно-защитную (И. Валлерстайн, О. Н. Яницкий, Р. Г. Яновский, Э. Гидденс, Л. В. Астахова и др.) и диалектико-семантическую (Ю. В. Фетисова, Г. Бехманн, А. Ш. Викторов и др.) [4, С.261, 264]. Наиболее методологически разработанной в рамках охранительно-защитной традиции рассмотрения безопасности можно назвать научную школу социологии безопасности В. Н. Кузнецова. Его понимание безопасности включает и содержание, и структуру феномена, выражаясь следующим определением: «безопасность может быть определена … как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для всех» [8, С.16]. Ученый указывает на нецелесообразность анализа состояния безопасности через изучение интересов социальных групп, общества, государства, цивилизации. Вместо этого следует перейти к анализу «вызовов и угроз целям, идеалам и ценностям человека, общества и государства» [8, С.22]. Такой методологический поворот открывает эмпирические возможности для изучения представлений о безопасности в рамках социологического дискурса.

Одним из показательных примеров диалектико-семантической традиции можно назвать феноменологический подход Н. Н. Рыбалкина. По его мнению, современные взгляды на феномен безопасности необычайно разнообразны и варьируются от его отождествления с «родовым понятием» до признания симбиозом экологической, экономической и другой безопасности, противоречащей системе угроз личности и общества от разного рода опасностей. Современные представления о безопасности, указывает Рыбалкин, отражают не объективную природу феномена, а определенные «мировоззренческие, идеологические позиции, сложившиеся на протяжении нескольких десятилетий и продолжающие доминировать как в практической деятельности, так и в теоретических взглядах» [10, С. 38]. Следовательно, для определения сущности феномена безопасности нужно выявить именно его объективную природу. Первым шагом на пути к этой цели становится нахождение «точки отсчета», основания, которое удовлетворяло бы критериям общеизвестности и «максимального охвата существующих представлений». Таким основанием, согласно Н. Н. Рыбалкину, становится гипотеза о связи феномена безопасности с «сохранением существования» как априорной фундаментальной установке живой материи: «сама природа живого организма детерминирует необходимость сохранения его существования … сохранение существования является самоцелью живого» [10, С. 100]. С усложнением организации живых организмов самосохранение жизни приобретает двунаправленный характер: внутренний, детерминирующий самосохранение целого, и внешний, обеспечивающий самосохранение целого за счет развития его приспособляемости к окружающей среде как части окружающего мира.

Важным для понимания феномена безопасности является понятие опасности как «формы субъективного определения отрицания существования, которая детерминирует определенные действия по самосохранению», причем феномен опасности имеет «рефлексивный – опосредованный отрицанием существования - характер» [10, С. 103]. Для Н. Н. Рыбалкина безопасность становится формой «рефлексивного оформления человеком своего существования по отношению к опасности» [10, С. 112].

Диалектико-семантическая традиция рассмотрения безопасности раскрывает рефлексивную природу феномена, что указывает на источник возникновения представлений о безопасности. Такое понимание дает основание осветить тематику субъективной безопасности, откуда и начинается рефлексия. Современные социологические исследования безопасности склонились к объективизации, уводя на второй план проблему субъективной природы безопасности. Между тем, как указывает C. Gusy, в дискурсе о безопасности ее объективная составляющая играет второстепенную роль по отношению к субъективной безопасности – «ощущаемой безопасности, чувству безопасности» [15, С.112].

Тенденция к субъективно-объективному размежеванию в дискурсе о безопасности, согласно Дж. П. Берджессу, проявилась еще в Средние века, когда для обозначения понятия стали использоваться два латинских слова: «certitudo» и «securitas». Первая лексема выражала безопасность «в знании, в мысли, в убеждении», то есть субъективную составляющую; вторая была «объективной мыслью об опасности там, а не здесь», то есть была основой отношения к опасности вообще, к абстрактному ее видению. С тех пор методологическое развитие получило именно «securitas», задав направление современной концепции безопасности [14, С.3]. Современный лингво-семантический анализ лексемы «безопасность», проведенный автором, подтверждает выводы европейских исследователей. Среди пятидесяти самых распространенных языков на планете, лидерами рейтинга значений оказались «надежность» (39,2 %) и «уверенность» (27,4 %), которые выражают состояние объективной, то есть привнесенной «извне» и субъективной, то есть происходящей от самого субъекта, безопасности соответственно (табл.1):

Таблица 1

Значения лексемы «безопасность»
в 50 самых распространенных языках мира

	%
«Надежность»	39,2
«Уверенность»	27,4
«Сохранность»	23,5
«Защита»	21,5
«Охрана», «Гарантия»	17,6
«Обеспечение»	15,6
«Спокойствие», «Предохранитель»	11,7
«Служба безопасности», «Залог», «Поручитель, поручительство», «Степень безопасности, мера безопасности», «Убеждение, убежденность»	7,8
«Условие», «Самоуверенность», «Предохранительный, предохранение», «Сохранение», «Ценная бумага», «Смелость, храбрость», «Достоверность», «Прикрытие», «Отсутствие опасности, неопасность», «Покой, спокойно», «Покровительство»	5,8
«Оборона», «Вера», «Доверие», «Прочность», «Устойчивость», «Страховка», «Здоровье», «Бесстрашие», «Опора», «Стабильность», «Благополучие, благополучный», «Безвредность, безвредный», «Заверение», «Эгида», «Тишина, тихо», «Точность», «Предосторожность, мера предосторожности», «Резервная копия, резервное копирование», «Протекция», «Мир», «Верность», «Обеспеченность», «Твердость»	3,9

Результаты лингво-семантического анализа указывают на укоренившуюся в языках тенденцию понимания безопасности как состояния, превносимого «извне». Как видно из таблицы, семантические категории, выражающие субъективную природу безопасности, представлены меньшинством. Это подтверждает существование определенных стереотипов рассмотрения безопасности как в социологии, так и в гуманитарном знании в целом. Но подлинно научное знание предполагает полноту и всеобъемлющий характер изучения феномена. Методологический «перекос» демонстрирует необходимость пристального рассмотрения безопасности в смысле «certitudo» как не менее важного, чем «securitas».

Субъективный смысл безопасности может быть раскрыт, прежде всего, в социально-психологическом ракурсе, где безопасность понимается как «осознанное, рефлексивное и действенное отношение человека к условиям жизни как обеспечивающим его духовное равновесие и развитие» [5].

Социально-психологическая безопасность, согласно О. Ю. Зотовой, является «неотъемлемым свойством социальной системы, состоящим в способности к ее обеспечению на основе осознанной, целенаправленной деятельности личности в процессе самоутверждения и самореализации» [6, С.13]. В современных условиях усиливается зависимость безопасности социальной системы от компетентности отдельного человека как субъекта деятельности и эффективности обеспечения собственной безопасности. Такая компетентность формируется на основе собственных представлений и понятий о безопасности, которые подвергаются постоянной экспериментальной проверке. Ориентируясь на эти представления, индивид «живет, предугадывая события, строит свое поведение, оценивает результаты своих действий, корректирует способы интерпретации окружающего мира» [6, С.19]. Кроме того, социально-психологическая безопасность выступает исходным условием межличностных отношений и является существенным фактором, влияющим на социальное восприятие личности.

Функциями социально-психологической безопасности становятся:

1. Регулирование социального поведения людей;
2. Активизация смыслоориентированной деятельности человека;
3. Определение особенностей и характера отношений личности с окружающей действительностью [6, С.13].

Говоря о восприятии опасности, важно понимать ее физиологический смысл. В организме существуют две техники формирования ответа на опасность, работающие одновременно. Первая техника, осуществляемая мозжечковой миндалиной, эволюционно сформиро-

валась еще у рыб и представляет собой немедленную реакцию на стресс в виде выброса определенных гормонов и не контролируется сознанием. Вторая же техника, появившаяся впервые у млекопитающих, позволяет коре головного мозга проводить аналитическую работу по отношению к возникшей опасности. Это более медленный, но уже осознанный и рационализирующий ситуацию процесс [17]. Маркером работы коры головного мозга является формирование отношения к опасности. В случае работы мозжечковой миндалины срабатывает лишь классическая бихевиористская схема «стимул-реакция». Поэтому в исследовании субъективной безопасности необходимо отделять отношение к опасности от реакции на опасность.

Неверно утверждать, что восприятие – категория исключительно психофизиологическая. Еще в середине прошлого века профессор психологии Дж. Брунер доказал, что процесс восприятия имеет социальную детерминанту, и включает «прошлый опыт субъекта, его цели, намерения, значимость ситуации» [Цит. по 1]. Опасность определяется как явление, к которому индивид относится как к способному нанести вред, причинить ущерб в той или иной форме. В современном мире опасность предстает в самых разных ипостасях: от землетрясения до социальной дезадаптации. Поэтому, для получения системного представления об окружающих опасностях необходима типологизация. Опасности условно поделим на реальные и мнимые, непосредственные и опосредованные, явные и скрытые.

Критерий мнимости-реальности опасности может быть определен объективно и субъективно. Объективно этот критерий представляет собой количественную характеристику вероятности наступления опасного события. Здесь возникает понятие риска, которое указывает на вероятность ущерба при наступлении опасного события. Но часто объективные данные, то есть действительная возможность возникновения опасности не коррелирует с отношением к этой опасности, восприятию степени опасности. Существуют определенные характеристики опасности и риска, приводящие к их гиперболизации либо преуменьшению относительно объективных показателей в восприятии [16, С.16]:

Таблица 2

Характеристики опасностей и рисков, воспринимаемых как мнимые или как реальные

Характеристика опасностей и рисков, воспринимаемых скорее как мнимые	Характеристика опасностей и рисков, воспринимаемых скорее как реальные
Эффектные	Преходящие
Редкие	Обычные
Персонифицированные	Анонимные
Вне контроля, или навязанные извне	Частично под контролем или принятые сознательно
О которых говорят	Которые не обсуждаются
Антропогенные	Природные
Немедленные	Долгосрочные или диффузные
Внезапные	Медленно развиваются в течение долгого времени
Затрагивающие лично	Затрагивающие других
Новые и незнакомые	Знакомые
Неопреленные	Хорошо понятные
Направленные против собственных детей	Направленные против них лично
Морально неприемлемые	Морально возможные
Лишенные выгоды	С выгодой

Воздействие опасности может быть непосредственным, но чаще всего опосредовано другими индивидами, социальными институтами, обществом в целом, техникой и т.д. К примеру, существует опасность заболеть вирусным гепатитом. Министерство здравоохранения РФ сообщает, что эта опасность реальна. Если бы эта болезнь передавалась воздушно-капельным путем, то, с определенной долей условности, можно было бы утверждать, что опасность заболеть непосредственна. Но так как вирус передается только контактно, опасность заболеть гепатитом опосредована носителем или каким-то предметом общего с носителем пользования. Также к непосредственным опасностям можно отнести и природные катастрофы.

Даже реальная опасность может быть скрыта по различным причинам. Такие причины могут быть внутренними и внешними. Ко внутренним относятся: неспособность или нежелание получить нужную информацию об опасности, неспособность распознать опасность в силу нехватки компетенции. Внешними причинами могут быть дезинформация или намеренное сокрытие информации по политическим, этическим и другим причинам.

В поисках интегрированного подхода к безопасности немецкий исследователь Б. Блинкерт предложил матрицу, представляющую собой попытку обозначения поля социологических исследований в области безопасности. Эта матрица состоит из семи аспектов безопасности, которые должны быть рассмотрены через комплекс трех контекстов: субъективный (контекст жизненного мира), объективный (контекст структуры) и конструктивный (контекст конструкции) (См.: Табл. 3).

По мнению Блинкерта, безопасность всегда понимается как «безопасность от угроз». При этом ощущение, переживание небезопасности проявляется в виде «более или менее ясного страха перед угрозой». Такое переживание вызывается мнимыми или реальными опасными событиями (2), то есть такими событиями, которые с большей или меньшей вероятностью (4) произойдут и от которых ожидаются негативные последствия, ущерб (3).

На ощущение небезопасности также влияют привычки, традиции и требования (1), связанные с безопасностью. Требования могут быть описаны как с позиции индивидов, так и общественных норм и институтов, и культурных моделей. Также следует рассматривать меры (5) по профилактике опасных событий, коррекции негативных последствий и компенсациии за эти последствия, которые могут быть объективно или субъективно доступны. Принятие мер по профилактике, коррекции и компенсации могут привести к преднамеренным или непреднамеренным побочным эффектам (6), как, например, ограничение прав и свобод человека, высокие экономические затраты и т.д. Последним аспектом, который следует рассматривать в связи с тематикой безопасности, являются действующие лица (7) (индивиды, группы, организации), которые играют роль в возникновении, профилактике, компенсации и корректировке опасных событий и представления об этих лицах.

Таблица 3

Матрица Блинкерта

Исследовательское поле безопасности	Контекст	*Жизненный мир*	*Структуры*	*Конструкции*
	Исследуемый уровень	*Индивиды*	*Агрегаты (территориальные единицы)*	*Символические системы*
Аспекты безопасности	*1. Требования, привычки, традиции*	Восприятия, оценки, оценки с точки зрения менталитета, решения	Архитектуры безопасности: нормы, институты, индикаторы безопасности: частота, квоты, распространенность	Дискурс о безопасности: значения, идеологии, программы, коммуникации
	2. Опасные события			
	3. Ущерб			
	4. Вероятности			
	5. Меры *Профилактика* *Коррекция* *Компенсация*			
	6. Побочные эффекты			
	7. Действующие лица			

Данные аспекты должны быть исследованы в трех контекстах. Субъективный контекст, или контекст жизненного мира включает значение представлений о “безопасности/небезопасности” для повседневной жизни. В этом контексте речь идет о безопасности как субъективной реальности, о восприятии опасности, о значении безопасности в жизненной практике, в проектировании жизни, то есть социально-психологический ракурс, о котором говорилось выше.

Контекст структуры, или объективный контекст, предполагает вычисление индикаторов безопасности для различных агрегатов, или территориальных единиц: городов, республик, части Европы, всего мира. Индикаторами могут быть частота несчастных случаев, квота жертв, скорость распространения эпидемии или финансового кризиса и т.д. Индикаторы влияют, прежде всего, на расчет вероятности и риска. Также к контексту структуры относятся архитектуры безопасности, которые могут быть описаны в нормах, социальных институтах и организациях.

Третьим, наиболее важным с точки зрения социологического аспекта, является контекст конструкций. В этом контексте речь идет о дискурсе безопасности и коммуникации. Центральной здесь является категория ценности безопасности в культурно укоренившихся представлениях и моделях, а также в средствах массовой информации [13].

Матрица Блинкерта представляет собой интегрированную, целостную модель социологического исследования безопасности. Она объединяет субъективный, объективный и ценностный подходы к безопасности, а также дает возможность рассмотреть соотношение, соответствие и взаимосвязь этих трех контекстов.

Безопасность в социуме – это идеальное, статичное состояние, так как любая форма социального взаимодействия подразумевает динамику, а также определенный риск и определенную выгоду для акторов. Следовательно, в ходе социализации должно сформироваться такое представление о безопасности, которое бы обеспечивало нормальное функционирование и достаточное развитие индивида внутри определенного социокультурного пространства. Такое представление обозначим как приемлемый уровень безопасности. Нормальное функционирование и достаточное развитие индивида верифицируется в соответствии с совокупностью ценностей, принятых в данном обществе, социокультурном пространстве. Понятие приемлемого уровня безопасности связано с феноменом безопасности среды. Безопасная среда представляет собой совокупность материального и духовного пространства индивида, обеспечивающую функционирование и развитие на семи уровнях, из которых мы, в рамках социологического анализа, выделим пять [7, С.91-102]:

1. Внутренний мир человека (миллисреда);
2. Микросоциум (микросреда);
3. Территориальная общность (мезосреда);
4. Страна, народ (макросреда);
5. Планета, мир (мегасреда).

Такая типология коррелирует с социологическим пониманием трех основных сфер проявления культуры: отношение к самому себе (1), отношение к другому (2,3,4), отношение к окружающей среде (5) [12]. Следовательно, культура проявляется в системе представлений о безопасности, формируя требования, привычки, традиции безопасности во всем спектре отношений индивида.

Культура формирует человека во всем спектре его отношений: к самому себе, к другому человеку, ко внешней среде. И, если сформировавшаяся система отношений индивида отвечает требованиям функционирования и обеспечения развития данной социокультурной общности, то уровень безопасности данного индивида можно считать приемлемым.

Неприемлемый уровень безопасности как не удовлетворяющий требованиям функционирования и развития характерен для маргинальных социальных слоев. Частично приемлемый уровень безопасности выражается либо через нормальное функционировании без достаточного развития, либо через достаточное развитие в сочетании с неполноценным функционированием. Первый случай обозначим как стагнационный (от лат. stagno» – делаю неподвижным, останавливаю) уровень, второй – как акселерационный (от лат. acceleratio - ускорение).

Безопасность и культура как социологические категории взаимодействуют не только на уровне формирования представлений о безопасности, но и имеют другие уровни взаимосвязи. В первобытных общинах культура возникает как механизм защиты от опасной природы: «…человек оказался обреченным на поиск стратегий обеспечения своего безопасного

существования посредством культуры» [11, С.3]. Чем более подконтрольной и управляемой становилась природа, тем менее востребованным становился защитный смысл культуры, поэтому постепенно актуализируются другие ее смыслы – эстетический, прикладной и др.

Культура хранит большой материал, наследие поколений, выступая «человеческой сферой познания жизни» [9]. Поэтому, с одной стороны национальная культура предлагает исторический опыт для решения актуальных проблем безопасности; с другой стороны, одной из основных задач национальной безопасности становится сохранение культуры.

Представители разных культурных групп понимают безопасность по-своему. В частности, это проявляется через смысловые оттенки лексемы «безопасность» в разных языках. Немецкое «Sicherheit» образуется от «sicher», что означает «надежный, верный, достоверный, уверенный».

В английском безопасность существует в двух семантических формах: «security» и «safety». Их диалектическая связь точно выражается через афоризм: “To be safe, never feel secure”. То есть «safety» - это своего рода внутренняя уверенность, что все будет хорошо, чувство безопасности, а «security» - обеспечение безопасности. Значит, афоризм можно перевести как призыв взять на себя ответственность за свою безопасность: «Чтобы ощущать безопасность, никогда не чувствуй, что тебя обезопасили».

В русском языке слово «без-опасность» имеет структуру, выражающую состояние отсутствия опасности, в то время как в английском, немецком, итальянском («sicurezza»), французском («sécurité») и других языках аналогичное понятие подразумевает позитивный результат деятельности по предотвращению (преодолению) опасности. Кроме того, безопасность является высшей культурной ценностью и предстает идеалом социальной защищенности [3, С.104].

Итак, безопасность и культура являются социологическими категориями, находящимися в тесной взаимосвязи. Безопасность – это состояние, которое субъективно оценивается как не препятствующее функционированию и развитию. Поскольку безопасность – это идеальное состояние, был введен термин приемлемого уровня безопасности. Безопасность обладает рефлексивной природой; содержит субъективный, объективный и конструктивный контекст. Безопасность как отношение формируется посредством восприятия опасности через призму культурно укоренившихся представлений.

Список литературы:

1. Психологический словарь «Мир психолологии». URL: http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=654

2. Энциклопедический словарь под ред. проф. И.Е. Андреевского. Том III. СПб. Семеновская Типо-литография (И.А. Ефрона), Фонтанка, №82, 1891.

3. Бехманн Г. Современное общество - общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. - М.: Логос, 2010. 248 с.

4. Елфимова О.С. Социологический аспект понятийного оформления сущности безопасности // Известия Тульского государственного унивеситета. Гуманитарные науки, №4, 2013. С. 259-269.

5. Еремеев Б.А. Психология безопасности, психологичская безопасность и уровни развития человека. URL: http://humanpsy.ru/yeremeyew/bezopasnost

6. Зотова О.Ю. Социально-психологическая безопасность личности. Автореф-т дисс. на соиск. уч. ст-ни доктора псих. наук. М, 2011.

7. Кружков А.П. Социально-философские аспекты создания безопасной среды. Дисс. на соиск. уч. ст-ни канд-та фил. наук. Саранск, 2009.

8. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: учебное пособие. М.: Книга и бизнес, 2007. 423 с.

9. Николаев П.А. Культура как фактор национальной безопасности России. URL: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1181401&s=120000000

10. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности: учебное пособие / Н.Н. Рыбалкин. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 296 с.

11. Фетисова Ю.В. Культура безопасности: диссер. на соис. уч. ст. канд-та филос. наук. – Омск, 2009. 161 с.

12. Сірий Е.В. Соціологія. Учебное пособие. URL: http://uchebnikionline.com/soziologia/sotsiologiya_-_siriy_yev/sotsiologiya_-_siriy_yev.htm
13. Blinkert B. Drei Sicherheiten. Offene Methoden in der Sicherheitsforschung. URL: http://www.bmbf.de/pubRD/Vortrag_Blinkert.pdf
14. Burgess J.P. What is security culture? The new ethos of risk. URL: http://jpeterburgess.com/wp-content/uploads/2009/06/Burgess-security-culture2
15. Gusy C. Sicherheitskultur-Sicherheitspolitik-Sicherheitsrecht, in: KritV, 2010. S. 111-128.
16. Ropeik D., Grey G. Risk: a practical guide for deciding what's really safe and what's really dangerous un the world around you. URL: http://books.google.ru/books?id=VEOK7Wu5q94C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
17. Schneier B. The psychology of security. URL: https://www.schneier.com/essays/archives/2008/01/the_psychology_of_se.html

УДК 331.54

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КАЧЕСТВАМ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

Иванова Елена Юрьевна
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт социологии Российской академии наук.
E-mail:ele6248@isras.ru

REQUIREMENTS FOR PROFESSIONAL QUALIFICATIONS OF TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE BIG URALS (MATERIALS ONLINE PUBLICATIONS)

Elena Y. Ivanova
Candidate of economic Sciences, seniorresearcher
Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена сопоставлению оценок профессиональных и личностных качеств воспитателя дошкольной образовательной организации, формулируемых участниками образовательного процесса (государство, работодатель, воспитатель, родитель), с целью обоснования социального заказа на профессию в современных социально-экономических реалиях. Контент -анализ документальных источников, информации, размещенной на специализированных сайтах, позволяет аккумулировать и обобщить представления о статусных ролях воспитателя, учитывая региональные особенности приложения труда.

ABSTRACT – The article is devoted to the comparison of the evaluations of the professional and personal qualities of the teacher preschool educational organization, identify all participants in the educational process (state, employer, parent, child). It is important to justify the social order on the profession in the contemporary socio-economic realities. Content analysis of documentary sources of information on specialized sites, allows us to accumulate and generalize the notions of status roles of educator, taking into account regional peculiarities of application of labour.

Ключевые слова: дошкольное образование; воспитатель; профессиональная группа; социальный заказ

Keywords: preschool education; educator; professional group; the social order

В 2012-2014 гг. был принят ряд документов, регламентирующих и стандартизирующих деятельность системы дошкольного образования в современных социально-экономических условиях: «Типовое положение о дошкольном образовательном учреждении» (Зарегистрирован в Минюсте РФ 18 января 2012 г. Регистрационный N 22946), Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н "Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере

дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» и Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 г. Москва "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования" [1, 2, 3].

На фоне существования целого спектра проблем и противоречий в сфере дошкольного образования и воспитания, а также принятия указанных выше законодательных актов, сектором социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Российской академии наук было проведено исследование «Актуальная динамика социального и профессионального статуса педагогических работников дошкольного образования» (грант РГНФ 12-03-00490), а в настоящее время реализуется научный проект «Проблемы социальной адаптации и функционирования различных профессиональных групп в сфере образования современной России. Сравнительный анализ» (№ гос. регистрации 01201365142), посвященные вопросам изучения трансформации социального и профессионального статуса педагогических работников дошкольного образования.

Сопоставление требований к профессиональным и личностным качествам воспитателей дошкольных образовательных организаций (далее ДОО), предъявляемых государством, родителями, детьми, а также параметров самооценки педагога является важным направлением изучения профессиональной группы и, кроме того, обеспечивает комплексный подход к реализации социального заказа общества на эту профессию.

Информационной базой нашего исследования являлись законодательные и распорядительные документы, а также следующие интернет-ресурсы: сайты кадровых агентств, сайты руководящих органов системы образования, сайты образовательных учреждений, сайты родительских форумов и пр.

Мы ставили перед собой следующие задачи:

1) сбор данных о вакансиях на должность воспитателя дошкольного учреждения;
2) оценка параметров, характеризующих профессиональный уровень воспитателя дошкольного учреждения (законодательные и распорядительные документы, интернет-ресурсы);
3) оценка параметров, характеризующих личностные качества воспитателя дошкольного учреждения (интернет-ресурсы);
4) анализ профессиональных и личностных требований, предъявляемых к воспитателям дошкольных учреждений, в зависимости от следующих факторов:

- территория (Москва, Санкт-Петербург, крупные города, города Урала, средние города, село и пр.);
- форма собственности (государственное образовательное учреждение, частное образовательное учреждение, домашний детский сад, домашнее воспитание и образование);
- национальность (гувернер-иностранец: дальнее зарубежье, ближнее зарубежье; гражданин РФ);
- экономическая оценка труда воспитателя (размер предлагаемой оплаты труда, социальный пакет, льготы и компенсации);

5) соотнесение аналитического материала, полученного в результате обработки массива собранной информации о вакансиях воспитателя дошкольного учреждения с должностными обязанностями воспитателя дошкольного учреждения, утвержденными Министерством образования РФ, а также образовательными стандартами;
6) сбор данных о предпочтениях семьи в оценке качеств воспитателя дошкольного учреждения (по материалам интернет изданий);
7) соотнесение аналитического материала, полученного в результате обработки массива собранной информации о законодательно закрепленных профессиональных требованиях, вакансиях на должность воспитателя дошкольного учреждения с предпочтениями родителей и ребенка.

Требования к профессиональным компетенциям, квалификации воспитателя дошкольной организации закреплены в действующем с 1 января 2015 г. профессиональном

стандарте [2]. Стандарт должен применяться при формировании кадровой политики и в управлении персоналом, при организации обучения и аттестации, при заключении трудовых договоров, оформлении должностных инструкций и установлении систем оплаты труда. В стандарт включены общие сведения (цели деятельности, группы занятий и т. д.), характеристика трудовых функций и иные специальные сведения. Среди последних - требования к образованию и опыту работы, условия допуска к реализации функций, необходимые умения и знания. Перечислены специальные функции для отдельных категорий педагогов. Профессиональная деятельность (в соответствии с профессиональным стандартом) осуществляется в четком согласовании с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования [3]. Выстраивается сложная система квалификационных и профессиональных требований к воспитателю, которые необходимо реализовать непосредственно на рабочем месте (в дошкольном учреждении), деятельность которого в свою очередь регламентируется «Типовым положением о дошкольном образовательном учреждении» [1].

Таким образом, государство достаточно полно сформулировало свой социальный заказ на профессию воспитателя дошкольной образовательной организации. Через систему аттестации, аккредитации, поощрений и взысканий создала механизм контроля соответствия персонала детских садов установленным критериям и стандартам. Однако, на практике, громоздкие формулировки профессионального стандарта должны трансформироваться в понятные и реально контролируемые должностные инструкции [6] .

Что происходит с требованиями к профессиональным качествам, если они предъявляются на различных площадках, не входящих в сферу регулирования государством? Естественно, что на рынке труда при поиске нужного специалиста или поиске желаемого рабочего места в системе дошкольного образования, из всего значительного списка требований и характеристик профессии воспитателя выбираются, по мнению сторон, наиболее важные. Кроме того, появляются новые, не прописанные ни в одном стандарте требования (например, возраст; пол; график работы, личностные качества и др.).

Анализ специализированных Интернет-сайтов[1], аккумулирующих информацию о вакансиях на должность воспитателя (спрос) и о соискателях, претендующих на должность воспитателя (предложение), позволил нам составить реестр требований, которые, по мнению работодателей (руководство дошкольных учреждений) являются важными и даже приоритетными (см. Таблицу 1). Профессионализм воспитателя ДОО рассматривается нами как профессионализм деятельности и профессионализм личности.

Описание требований к профессиональным качествам воспитателя ДДО было бы неполным, если бы мы не привели некоторые примеры оценки идеального воспитателя родителями [4].

«Идеальный воспитатель не может иметь финансового интереса к своей работе, ибо тут иметь нечего. Только чистая идея, энтузиазм».

«Все просто если найдете общий язык с детьми их мамы на вас дышать будут бояться ».

«Уважайте детей и все у вас будет хорошо)))».

«У нас воспитатель все время читает (на столе ее часто вижу) различную литературу типа "общение с детьми, общение с родителями, общение с коллегами", или всякие разные психологические темы. Как-то спросила ее, она говорит, что без этого никак, щас родители все на своей волне, оценить адекватно любую ситуацию не могут. Приходиться самообразовываться дополнительно, чтоб не быть "истеричкой", "колхозницей" и т.д.»[2]

---

[1] Мы проанализировали объявления о вакансиях на место воспитателя ДДО, размещенные на специализированных Интернет – сайтах [5] крупных городов Урала: Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Перми, Ижевска, Оренбурга, Магнитогорска, Нижнего Тагила, Кургана, Стерлитамака и Орска; городов миллионниках: Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Самары и др.

[2] Грамматика и пунктуация авторов.

Таблица 1.

Требования к профессиональным качествам воспитателя ДОО в соответствии с профессиональным стандартом и должностными инструкциями [6].

Профессионализм деятельности	Профессионализм личности
ВПО или СПО по направлениям подготовки «Образование и педагогика» или в области, соответствующей преподаваемому предмету (с последующей профессиональной переподготовкой по профилю педагогической деятельности), либо ВПО или СПО и ДПО по направлению деятельности в образовательной организации	Грамотная речь Наличие опыта работы
К педагогической деятельности не допускаются лица: лишенные права заниматься педагогической деятельностью в соответствии с вступившим в законную силу приговором суда; имеющие или имевшие судимость за преступления, состав и виды которых установлены законодательством РФ; признанные недееспособными в установленном федеральным законом порядке; имеющие заболевания, предусмотренные установленным перечнем	Без вредных привычек
Воспитатель должен знать: – приоритетные направления развития образовательной системы РФ; – законы, решения правительства и органов управления образованием по вопросам образования; Конвенцию о правах ребенка; – педагогику, детскую, возрастную и социальную психологию; психологию отношений, индивидуальные и возрастные особенности детей; возрастную физиологию и гигиену; методы и формы мониторинга деятельности воспитанников; педагогическую этику; теорию и методику воспитательной работы, организации свободного времени воспитанников; – Федеральные государственный образовательный стандарт дошкольного образования; – санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы в дошкольных организациях; – методы управления образовательными системами; современные педагогические технологии продуктивного, дифференцированного обучения, реализации компетентностного подхода, развивающего обучения; – методы убеждения, аргументации своей позиции, установления контактов с воспитанниками разного возраста, их родителями (лицами, их заменяющими), коллегами по работе; технологии диагностики причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения; – основы экологии, экономики, социологии; трудовое законодательство; – основы работы с текстовыми редакторами, электронными таблицами, электронной почтой и браузерами, мультимедийным оборудованием; – правила внутреннего трудового распорядка ДОУ; – правила по охране труда и пожарной безопасности.	-Умение работать на компьютере; -умение играть на музыкальных; инструментах -готовность к саморазвитию и обучению; -стремление ко всему новому; -наблюдательность и способность к анализу

Таблица 2 Продолжение

Профессионализм деятельности	Профессионализм личности
Воспитатель обязан выполнять следующие должностные обязанности: - осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне, обеспечивать в полном объеме реализацию воспитательно-образовательного процесса в соответствии с утвержденной рабочей программой; - соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики; - уважать честь и достоинство воспитанников и других участников образовательных отношений; - планировать и организовать жизнедеятельность детей, их воспитание, готовить их к обучению в школе; -развивать у воспитанников познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у воспитанников культуру здорового и безопасного образа жизни; -применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания; -учитывать особенности психофизического развития воспитанников и состояние их здоровья, соблюдать специальные условия, необходимые для получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействовать при необходимости с медицинскими организациями; -систематически повышать свой профессиональный уровень; - проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности в порядке, установленном законодательством об образовании; -проходить в соответствии с трудовым законодательством предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры, а также внеочередные медицинские осмотры по направлению работодателя; - проходить в установленном законодательством Российской Федерации порядке обучение и проверку знаний и навыков в области охраны труда; - соблюдать устав образовательной организации, локальные акты, правила внутреннего трудового распорядка.	Готовность делать пребывание малышей в саду радостным и интересным; -доброжелательное и терпеливое отношение к детям; -неконфликтность; толерантность; -отзывчивость; -доброта; -творческое отношение к работе; -пунктуальность, воспитанность; -аккуратность; -чистоплотность; -активность

Заслуживает внимания анализ текстов резюме «Воспитатель детского сада», размещенных на сайтах кадровых агентств. Задача соискателя соответствовать запросам руководства ДОО, поэтому рекламные проспекты, естественно содержат позитивную информацию о будущем воспитателе. В очень немногих резюме упоминалось знание законов, конвенций и прочих важных документов. Структура резюме, как правило, следующая: год рождения, образование, стаж, в том числе педагогический, награды и поощрения, личные качества, предыдущее место работы, навыки педагогической деятельности, желаемый режим работы и желаемая сумма оплаты труда. Особое внимание уделяется личностным качествам, например:

«Ответственность, добросовестность, умение работать в команде, высокая мотивация к работе, коммуникабельность, организованность»,

«Ответственная, добросовестная, без вредных привычек, неконфликтная, люблю детей»,

«*Любовь к детям, творческий подход к работе, любовь к музыке (музыкальное образование), ответственность, коммуникабельность, исполнительность, добросовестность, пунктуальность, креативность, логическое мышление, аналитический склад ума, работоспособность, доброжелательность, умение расположить к себе.*

Постоянное стремление к развитию профессиональных знаний/отсутствие страха перед новыми обязанностями. Компьютерные навыки: MS Word, MS Excel, Power Point, Internet и др. Готова самосовершенствоваться, расти и развиваться в профессиональной сфере! Имею высокую мотивацию к работе!Не имею вредных привычек и проблем со здоровьем».

Очевидно, что существует принципиально различное видение профессионализма со стороны акторов образовательного процесса. Воспитателю же для подтверждения своего профессионального статуса необходимо соответствовать запросам всех сторон, что чрезвычайно осложняет его реальное, ежедневное исполнение трудовых обязанностей.

Принятие профессионального стандарта, с одной стороны, нацелено на повышение уровня компетенций, повышение требований к профессии, повышение статуса профессиональной группы, престижа профессии. С другой стороны, как мы показали, стандарт не фиксирует существенную эмоциональную и личностную составляющую профессии воспитателя ДОО. Именно она весьма значима для руководства ДОО, самих воспитателей, родителей и детей, в наших социокультурных условиях, исторических контекстах.

Сами педагоги отмечают низкий статус своей профессиональной группы. По результатам опроса в Екатеринбурге, среди мотивов выбора профессии на ее престиж сослались 5% респондентов, а на важность и значимость ее для общества – 6%. Низкая престижность своей профессии беспокоит каждого второго педагога дошкольного учреждения [7,с.127].

Социальный пессимизм профессиональной группы, насаждение сверху требований, которым, по большей части, современное педагогическое сообщество ДОО не может соответствовать, что способствует нарастанию напряженности внутри группы. Замещение кадрового состава ДОО выходцами из учительства, других сфер деятельности (но с высшим образованием); активное продвижение инклюзивных форм образования без должной подготовки общества и педагогов; расширение сети частного и домашнего образовательного пространства с более весомыми экономическими преимуществами создают поле для развития негативных тенденций, которые могут привести к существенным трансформациям внутри современной системы дошкольного образования России в целом и по регионам.

Список литературы:

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 27 октября 2011 г. N 2562 г. Москва «Об утверждении Типового положения о дошкольном образовательном учреждении». Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс] URL: http://www.rg.ru/2012/01/26/polojenie-dok.html (Дата обращения 10/01/2015).

2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н "Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». Официальный сайт «ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал» [Электронный ресурс] URL:http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/704 35556/#ixzz3Q7mL5Ow5 (Дата обращения 10/01/2015).

3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс] URL:http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html (Дата обращения 10/01/2015).

4. Форум Кубань.ру. Идеальный воспитатель [Электронный ресурс] URL: http://forums.kuban.ru/f1066/ideal-nyj_vospitatel--2421673.html (Дата обращения 10/01/2015).

5. Jandex Работа. Вакансии воспитатель детского сада. [Электронный ресурс] URL: https://rabota.yandex.ru (Дата обращения 10/01/2015).

6. Должностная инструкция № 8. Воспитателя [Электронный ресурс] URL: http://detsad81.ru/images/instrukciya-vospitatelya.pdf (Дата обращения 10/01/2015).

7. Кораблева Г., Кузьменко Т., Антонова Н. Дошкольное образование: состояние, проблемы и барьеры доступа. Екатеринбург: Креативная команда «Кипяток». 2010. –156 с.

УДК 316.346.2:62-057.4

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ВЫБОРА ИНЖЕНЕРНОЙ ПРОФЕССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ[1]

Кеммет Елена Викторовна
ассистент
Уральский федеральный университет,Екатеринбург
E-mail: lvkemmet@gmail.com

THE GENDER DIMENSION OF THE ENGINEERING PROFESSION CHOICE: HISTORY AND MODERNITY

Kemmet Elena
assistant
Ural State University, Ekaterinburg
E-mail: lvkemmet@gmail.com

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются вопросы выбора профессии сквозь призму гендерного подхода. Карьерное продвижение женщин в сфере инженерной деятельности реализуется особенно сложно. С одной стороны, фиксируется сохранение гендерных стереотипов, с другой стороны, определённое «размывание» гендерных стереотипов в профессиональной сфере, что особенно заметно у женщин «на входе» в профессию. Выводы основаны на данных формализованного интервью с магистрами технических направлений подготовки.

ABSTRACT –The paper analyzes the issues of profession choice through the prism of of gender approach. Career progression of women in engineering activities is implemented particularly difficult. On the one hand, fixed persistence of gender stereotypes, on the other hand, a certain "dilution" of gender stereotypes in the professional field, which is especially noticeable among women at the "input" into the profession. The findings are based on data from formal interviews with masters of technical training areas.

Ключевые слова: инженерная профессия, молодежь, гендерный аспект
Keywords: engineering profession, youth, gender aspect

В контексте современных подходов поведенческие тенденции мужчины и женщины обусловлены их биологическими и социальными различиями (гендер), стремятся к равенству полов или гендерному равенству. При этом ключевой нормой выступает тенденция признания равенства самоидентификации, самоценности, самоощущений женщин и мужчин [1]. Формы поведения гендеров обусловлены влиянием определенного социо-культурного контекста и доминирующими в общественном сознание идеями и ценностями. Соответственно гендерный подход в анализе любой сферы деятельности предполагает, что различия в поведении мужчин и женщин определяются скорее социально-культурными нормами, чем их физиологическими или биологическими особенностями. По мнению исследователей сегодня можно констатировать тот факт, что формы общественного поведения мужчин и женщин от полного доминирования мужчин практически во всех сферах жизнедеятельности дошли до состояния равенства, а в некоторых случаях и к доминированию женщин.

Инженерная деятельность, инженерное образование традиционно оценивалось как исконно «мужское» профессиональное поле. О доминирование мужчин свидетельствуют особенности инженерно-технического образования в дореволюционной России, когда наблюдалось полное отсутствие женщин в государственных вузах данного профиля. Согласно статистическим данным, в 1913/1914 гг. в государственных вузах технического профиля насчиты-

[1] Статья подготовлена в рамках проекта№13-06-96013 «Формирование современной технической элиты в условиях модернизации экономики Свердловской области: проектирование модели непрерывного инженерного образования», поддержанного РФФИ-Урал.

валось только 40 студенток [2]. Российская культура начала прошлого века была скорее патриархальной и легитимировала подчиненное положение женщин в обществе, что и отражалось на количестве женщин-студентов в вузах. Женщина–инженер – явление, отсутствовавшее в жизни российского общества, пожалуй, до середины 1920-х гг.

Первая мировая и гражданская войны привели к сокращению мужской рабочей силы. Рабочие места, на которых раньше трудились мужчины, заняли женщины. Особенно это касалось самых непрестижных, неквалифицированных и мало оплачиваемых работ. Впоследствии, в связи с подготовкой женских квалифицированных кадров, картина стала меняться. По мере увеличения числа женщин заканчивающих средние и высшие учебные заведения, росло количество женщин в среде инженерно-технических работников [3]. К концу советского периода произошли серьёзные сдвиги в соотношение мужчин и женщин инженерного труда, когда 2/3 студентов инженерно-технического профиля являлись мужчинами, а 1/3 – женщинами. Некоторые исследователи склоны объяснять данное явление популяризацией инженерной профессии. После распада СССР сохранилась тенденция увеличения числа студенток среди инженеров, что в первую очередь связывается с универсальностью профессии и стратегиями поведения женщин в период экономических трансформаций. Тем самым, можно сказать, что инженерная профессия гарантировала женщинами занятость и обеспечивала выживания в условиях рыночной трансформации.

Если вернуться к истории, то можно заметить, что европейская цивилизация была более патриархальной, чем русская, но были сильные различия между мужчинами и женщинами. Все это вылилось в волну феминистского движения, и это обусловило возникновение организаций, активно отстаивающих права женщин. Если после установления советской власти российские женщины получили более широкие права во всех сферах наравне с мужчинами, то на Западе феминистки еще долго боролись за такие права. Государственная политика Советской власти по обеспечению равноправия полов послужила стимулом для расширения борьбы за женское равноправие во всем мире. Сегодня в Европе мы можем наблюдать аналогичную картину профессиональной сегрегации по полу. Относительный баланс представленности мужчин и женщин в сфере естественных и социальных наук, и сохранение серьёзных диспропорций по соотношению мужчин и женщин в сфере инжиниринга, компьютерных наук, образования (рис.1).

Оценивая особенности профессионального выбора в сфере инженерии сквозь призму гендерного аспекта исследователи отмечают тенденцию («выравнивания» как в российской, так и в европейской цивилизации. Переход женщин на инженерную специализацию растет и в большинстве своем носит универсальный характер.

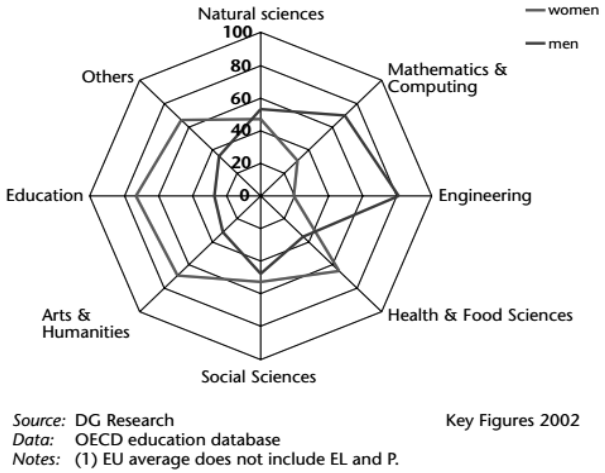

Рис. 1. Доля мужчин и женщин выпускников по сферам деятельности. 2002, средний показатель по ЕС [4]

Диплом инженеров достаточно престижен за рубежом. К сожалению, такое сложно сказать о современной российской ситуации. Престиж российского инженера и инженерно-технического образования снизился и в нашей стране и за рубежом. Так, среди иностранных граждан очной формы обучения, обучающихся в российских вузах, доля выбирающих инженерно-техническое образование сократилась почти в 2,5 раза (с 53,0 до 18,8 %) [5].

Данное явление является предсказуемым, если мы учтем тот факт, что согласно классификации рейтингового агентства World University Ranking за 2014-2015 гг. лишь один российский вуз (МГУ) вошёл в число лучших учебных заведений в области инженерных наук и технологии [6]. В первую пятёрку в нем вошли 4 вуза американской Силиконовой долины (Массачусетский институт, Стенфордский университет, Калифорнийский технологический институт, Принстонский университет) и Кэмбриджский университет). Аналогична ситуация и в рейтинге лучших вузов в инженерно-технологической области по версии «QS World University Rankings 2014-2015»: несомненное лидерство учебных заведений США, а также Великобритании, Швейцарии, Канады, Австралии и ряда других страну [7].

Гендерная ассиметрия профессиональных ролей начинается с предпочтений молодежи в трудовой сфере, с выбора профиля обучения в школе, а затем выбора профессионального образования. Вопросы ориентации молодежи на инженерные специальности до сих пор остаются в центре внимания исследователей, работодателей, органов власти. Спрос на инженеров неуклонно увеличивается, его надо удовлетворять.

Для изучения гендерных особенностей интереса девушек-магистров к будущей инженерной профессии нами был проведен весной 2014 г. экспертный опрос магистрантов STEM-направления. Объем выборочной совокупности – 80 человек, представляющих разные технические институты УрФУ. Из них 55% – магистранты первого года обучения, 45% – второго. Все магистранты обучаются на бюджетной основе. Среди опрошенных магистров 65% мужчин и 35% женщин, возраст от 21 до 23 лет. Практически все магистры получили базовое техническое образование преимущественно в этом же университете.

Молодые девушки–магистрантки, выбравшие на базе уже имеющегося высшего образования обучение по сложным и трудоемким инженерным программам магистратуры, отме-

чают осознанность своего выбора профессиональной траектории в оценке мотивов поступления в магистратуру.(Таблица 1)

Таблица 1

Мотивы поступления в магистратуру (% лиц, выбравших каждый мотив)*

Мотивы выбора	Жен.	Муж.	Разница
Стремление к получению научного, социального и профессионального статуса	29	**34**	-5
Желание повысить уровень знаний (специализацию) в определенной области	54	44	+10
Магистратура как дополнительный шанс при трудоустройстве	**57**	**44**	+13
Желание получить опыт преподавания (для дальнейшей работы в этой сфере)	11	10	+1
Желание закрепиться в академической среде, остаться на своей кафедре (в научной лаборатории)	7	12	-5
Стремление к самореализации, возможность выхода в будущем на самостоятельные научные исследования	25	18	+7
Повлияла семейная традиция, родители	7	8	-1
Получилось случайно, не было других возможностей трудоустройства	4	4	0
Влияние, рекомендации преподавателей	14	18	-4

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

В оценках девушками мотивов поступления в магистратуру вырастает значимость интересной работы, возможности реализации своих способностей в сравнении со студентами-бакалаврами. Магистратура сегодня оценивается, как шанс реализовать свои способности, но не в научно-исследовательской деятельности, а в практической инженерной работе. В оценке мотивов поступления в магистратуру женщины-магистранты подчёркивают, что это дополнительный шанс трудоустройства, возможность гибкой карьеры, наращивание интеллектуального капитала (углубление специализации). Статусные мотивы выражены слабее, чем у мужчин. Наряду с этим у женщин–магистров сохраняются эвристическая мотивация, стремление к самореализации, готовность к самостоятельным научным исследованиям, хотя не в такой степени как и абитуриентов. Девушки-магистры выбирают программы магистратуры осознанно, как своего рода «подушку безопасности», дополнительный шанс для удачного трудоустройства на мужском поле инженерии. Они (¾ из них) не планируют покидать инженерию, ориентируются чаще на практическую инженерную деятельность или на научную деятельность по выбранному направлению и на дальнейшее обучение в аспирантуре.

Проведенный анализ данных опроса магистрантов, студентов, обучающихся по инженерным специальностям, позволяет сделать вывод о том, что при сохранении гендерных профессиональных стереотипов идёт активный процесс их трансформации, что особенно заметно среди молодых женщин – будущих инженеров, осваивающих не характерные для своего пола профессии, изменяющих свой «классический» профориентационный выбор.

Список литературы:

1. Калабихина И.Е. Равенство полов // Словарь гендерных терминов. М., 2001, С.191
2. Статистический ежегодник России. 1915. 354 с.
3. Хасбулатова О. А. Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 397 – 407
4. Towards a European Research Area // Science, Technology and Innovation. 2002. UR: http://ec.europa.eu/research/era/pdf/benchmarking2002_en.pdf

5. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации. Статистический сборник. М., 2010. № 7. С. 36-37
6. Top 100 universities for engineering and technology 2014-2015 // The world university ranking. UR: http://www.timeshighereducation.co.uk/ world-university-rankings/2014-15/subject-ranking/subject/engineering-and-IT
7. QS World University Rankings 2014-2015 // QS Top Universities. UR: http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2014#sorting=rank+region=+country=+faculty=+stars=false+search=

УДК 338.1

ПУТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Килин Виктор Валентинович
заместитель руководителя Управления Министерства промышленности и торговли Российской Федерации по Уральскому району, Екатеринбург
e-mail: kilvic@yandex.ru

RUSSIAN REGIONS' DEVELOPMENT TRENDS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF THE WORLD ECONOMY

Victor Kilin
Deputy Head of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation in the Ural region, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье исследованы проблемы, противоречия, последствия глобализации мировой экономики, непосредственно влияющие на развитие субъектов Российской Федерации. Автором показаны взаимосвязь внешнеторговой деятельности с общеэкономическим развитием страны, динамика и структура экспорта и импорта. Выдвинуты предложения и рекомендации по решению структурных проблем, качественному изменению модели экономического развития регионов России.

ABSTRACT – The article is devoted to the problems, contradictions and effects of globalization of the world economy which influence the development of the regions of Russia. The author shows interrelation between the foreign trade activity and the general economic development of the country, as well as dynamics, and structure of exports and imports. He also sets forward some proposals and recommendations which may help to solve structural problems and improve the model of economic development of the regions of Russia.

Ключевые слова: глобализация; импорт; мировая экономика; модернизация; экспорт.
Keywords: globalization, imports, world economy, modernization, exports

Важной особенностью развития мировой экономики в конце XX – начале XXI вв. является прогрессирующая глобализация, новая стадия интернационализации и регионализации торгово-экономических и хозяйственных связей. Перед Россией и многими странами остро стоит вопрос создания новой модели экономического развития и стратегии международного сотрудничества в глобальной экономике. Несомненно, у каждого государства имеются свои социально-экономические проблемы. Но большинство стран объединяет поиск выхода из состояния стагнации, а также новых стимулов экономического роста и углубления мирохозяйственных связей. Исследуя Россию в глобальной мировой экономике, эксперты отмечают, что возвращение нашей страны к «капиталистическим ценностям» не снимает с повестки дня вопрос ее дальнейшего сближения с внешним миром [1; 4].

Повышение конкурентоспособности российской экономики невозможно без укрепления международных связей и внешнеторгового сотрудничества, поскольку внешняя торговля играет важную роль в экономике нашей страны, составляет достаточно существенную долю

в ВВП и обеспечивает поступления в федеральный бюджет таможенных и иных платежей в объеме, превышающим 50% его доходной части [2; 2].

В качестве важных показателей, отражающих в определенной мере уровень эффективности и инновационности экономического развития, вполне можно привести результаты внешнеторговой деятельности Российской Федерации и ее регионов в целом. В последние годы демонстрировался стабильный рост объемов внешней торговли нашей страны [3].

Таблица 1

Показатели внешнеторговой деятельности России (с учетом торговли с Белоруссией и Казахстаном) за период 2009–2013 гг., млрд. долл. США

Наименование показателей	**2009 год**	**2010 год**	**2011 год**	**2012 год**	**2013 год**	**2013 г. в % к 2009 г.**	**2013 г. в % к 2012 г.**
Экспорт	301,7	396,4	516,7	524,7	526,4	174,4	100,3
Импорт	193,5	229,0	305,8	317,2	317,8	164,2	100,2
Оборот	495,2	625,4	822,5	841,9	844,2	170,4	100,3

Итоги проведенного исследования (табл. 1) свидетельствуют о том, что общий внешнеторговый оборот регионов России в 2013 году отмечается темпом роста 170,4% по сравнению с 2009 годом и 100,3% – по отношению к 2009 году. Вместе с тем, результаты анализа внешней торговли Российской Федерации с третьими странами и взаимной торговли с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан за десять месяцев 2014 года показывают незначительное падение основных показателей (табл. 2) [4].

Таблица 2

Итоги внешней и взаимной торговли Российской Федерации за десять месяцев 2013–2014 гг., млрд. долл. США

10 мес. 2013 года			**10 мес. 2014 года**			**2014 г. в % к 2013 г.**		
Экспорт	**Импорт**	**Оборот**	**Экспорт**	**Импорт**	**Оборот**	**Экспорт**	**Импорт**	**Оборот**
Внешняя и взаимная торговля Российской Федерации								
432,22	260,37	692,59	423,92	243,23	667,15	98,1	93,4	96,3
Внешняя торговля России с третьими странами								
398,71	241,44	640,15	394,23	225,62	619,85	98,9	93,4	96,8
Взаимная торговля России с Белоруссией и Казахстаном								
33,51	18,93	52,44	29,69	17,61	47,30	88,6	93,0	90,2

Приведенные выше аналитические данные (табл. 2) подтверждают тот факт, что внешнеторговый оборот России снизился на 6,7% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. Отмеченное падение показателей в анализируемый период времени в 2014 г. может быть обусловлено и объективными факторами, и субъективными причинами, в первую очередь, колебанием цен на товары мирового экспорта, некоторым сокращением производства, неустойчивостью глобальной конъюнктуры, нестабильностью межстрановых финансовых потоков, кризисными явлениями в мировой экономике и международной торговле, снижением спроса на мировом рынке на товары, преобладающие в товарной структуре внешнеторгового оборота, и на импортные товары в России в связи с сокращением потребления и внутреннего покупательского спроса (платежеспособной потребности).

Отдельно можно указать негативные, в определенной мере, для мирового сообщества последствия, связанные с введением санкций США, Канадой, странам–членами ЕС, Норвегией и Австралией в отношении ряда российских политиков, предпринимателей и компаний (организаций), а также применение отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации, в соответствии с которыми введен сроком на один год запрет на ввоз в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, по перечню согласно Постановления Правительства РФ от 07.08.2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президен-

та Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [5].

Достаточно важно и актуально, в сложившейся ситуации, определить вклад в развитие внешнеэкономических связей с учетом имеющегося экономического, ресурсного потенциала и отраслевой специализации, проанализировать результаты внешней торговли за девять месяцев 2014 года девяти федеральных округов Российской Федерации, а также, для примера, шести субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ (табл. 3) [6].

Таблица 3

Итоги внешнеторговой деятельности федеральных округов за девять месяцев 2014 года, млрд. долл. США

	Федеральные округа РФ	**Экспорт**	**В % к итогу**	**Импорт**	**В % к итогу**	**Оборот**	**В % к итогу**
1.	Центральный ФО	196,57	51,55	131,31	60,62	327,88	54,84
2.	Северо-Западный ФО	41,30	10,83	40,67	18,78	81,97	13,71
3.	Приволжский ФО	50,08	13,13	13,51	6,23	63,59	10,64
4.	Уральский ФО	29,54	7,75	6,77	3,13	36,31	6,07
5.	Сибирский ФО	26,07	6,84	5,91	2,73	31,98	5,35
6.	Дальневосточный ФО	21,41	5,61	8,42	3,89	29,83	4,99
7.	Южный ФО	15,29	4,01	8,36	3,86	23,65	3,95
8.	Северо-Кавказский ФО	0,98	0,26	1,53	0,71	2,51	0,42
9.	Крымский ФО	0,08	0,02	0,11	0,05	0,19	0,03

Как видим, наибольший результат внешнеторговой деятельности демонстрируется в Центральном федеральном округе (ЦФО). Показатель внешнеторгового оборота ЦФО достиг 327,88 млрд. долл. США и 54,84% к российскому товарообороту. Уральский федеральный округ (УрФО) по уровню развития внешней торговли занимает четвертое место. Внешнеторговый оборот УрФО за девять месяцев 2014 года равнялся 36,31 млрд. долл. США и соответствовал – 6,07% от общего итога.

Таблица 4.

Итоги внешнеторговой деятельности субъектов Российской Федерации УрФО за девять месяцев 2014 года, млрд. долл. США

	Субъекты УрФО	**Экспорт**	**В % к итогу**	**Импорт**	**В % к итогу**	**Оборот**	**В % к итогу**
	УрФО в целом	29,54	100	6,77	100	36,31	100
4.1.	Курганская область	0,29	0,98	0,11	1,62	0,40	1,10
4.2.	Свердловская область	6,17	20,89	2,84	41,95	9,01	24,82
4.3.	Тюменская область	2,11	7,14	0,50	7,39	2,61	7,19
4.4.	Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)	16,62	56,26	1,00	14,77	17,62	48,53
4.5.	Челябинская область	3,96	13,41	2,16	31,91	6,12	16,85
4.6.	Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	0,39	1,32	0,16	2,36	0,55	1,51

В рамках УрФО ведущее место по развитию внешнеторговой деятельности занимает ХМАО. Показатель внешнеторгового оборота ХМАО за анализируемый период времени составил 17,62 млрд. долл. США и 48,53% к общему итогу УрФО.

В качестве позитивного примера следует привести аналитические данные о размерах перечисления в федеральный бюджет России таможенных платежей – доходов бюджета, администрируемых таможенными органами и учтенных по доходным статьям федерального бюджета от внешнеторговой деятельности в период 2008–2014 гг. (табл. 5) [7].

Результаты проведенного анализа (табл. 5) показывают стабильный рост объемов взимания российскими таможенными органами и перечисления в федеральный бюджет России таможенных и иных платежей в период 2008–2014 гг.

Таблица 5

Показатели перечисления в федеральный бюджет России таможенных и иных платежей в 2008–2014 гг., млрд. рублей

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 / 2008, %	2014/ 2013, %
4694,5	3483,2	4115,5	5950,5	6581,0	6564,6	7100,6	151,25	108,17

Можно отметить, что увеличение показателей в 2014 г. на 8,17% по сравнению с 2013 г. и на 51,25% по отношению к 2008 г. объясняется наличием как объективных причин, так и субъективных факторов. В определенной мере, по мнению экспертов, повышенный сбор таможенных и иных платежей в 2014 г. был обеспечен благодаря системной целенаправленной работе таможенных органов Федеральной таможенной службы РФ, в том числе за счет эффективно организованного и постоянно совершенствующегося администрирования таможенных платежей. Кроме того, позитивный результат стал возможным в связи с повышением качества таможенного администрирования, активным развитием перспективных, информационных технологий, оптимизации применения системы анализа и управления рисками, использованию современных форм таможенного контроля после выпуска товаров в сочетании с правоохранительной деятельностью таможенных органов.

Далее целесообразно рассмотреть, в качестве актуального примера, товарную структуру экспорта и импорта Российской Федерации во внешней торговле со всеми странами мира за десять месяцев 2014 г. (табл. 6) [3].

Таблица 6

Товарная структура экспорта и импорта России во внешней торговле со всеми странами за десять месяцев 2014 года, млрд. долл. США

Код ЕТН ВЭД ТС	Наименование товарной отрасли	Экспорт	В % к итогу	Импорт	В % к итогу
01–24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	15,51	3,67	33,18	13,71
25–27,	Минеральные продукты	303,17	71,72	6,18	2,55
в т.ч. 27	Топливно-энергетические товары	299,08	70,75	3,25	1,34
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	24,21	5,73	39,26	16,23
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,37	0,09	1,11	0,46
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	9,73	2,30	4,97	2,05
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,91	0,22	14,30	5,91
71	Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	10,25	2,42	0,82	0,34
72–83	Металлы и изделия из них	34,07	8,06	16,49	6,82
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	19,98	4,73	115,02	47,54
68–70,91–97	Другие товары	4,52	1,06	10,61	4,39
Всего		422,72	100,00	241,94	100,00

Как видно, структура российского экспорта в торговле со всеми государствами продолжает носить топливно-сырьевую направленность. Уровень вывоза из РФ за границу минеральных продуктов за десять месяцев 2014 г. достиг 71,72% к общему итогу. На втором месте в товарной структуре российского экспорта – металлы и изделия из них (8,06% от всего объема). Экспорт из РФ машин, оборудования и транспортных средств занимает четвертое место и составил в исследуемый период 4,73% к итогу. Таким образом, остается определенная зависимость России от экспорта энергоресурсов и сырьевых товаров в третьи страны, а также от конъюнктуры и колебания мировых товарных цен. В структуре российского импорта во внешней торговле со всеми странами мира преобладают машины, оборудование и транспортные средства, объем ввоза которых за десять месяцев 2014 г. равняется 47,54% от

совокупного размера. Затем следует импорт в Россию продукции химической промышленности, каучука, уровень которых составил 16,23% к общему итогу и продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) – 13,71% к итогу.

В связи с этим, остаются актуальными задачи модернизации экономики России и ее регионов, переоснащения и развития производств, ориентированных на экспорт капитало- и наукоемкой продукции высокой степени переработки, обеспечения дальнейшего перехода на импортозамещение оборудования и технологий в стратегически важных отраслях промышленности, а также поступательного развития российского агропромышленного комплекса (АПК), в том числе для обеспечения продовольственной безопасности нашей страны.

Отдельного внимания заслуживают результаты анализа товарной структуры экспорта и импорта субъектов Российской Федерации УрФО во внешней торговле со всеми странами мира в третьем квартале 2014 г. в сравнении с аналогичным периодом 2013 года (табл. 7) [8].

Таблица 7

Товарная структура экспорта и импорта в УрФО во внешней торговле со всеми странами в третьем квартале 2013–2014 гг., млн. долл. США

Код ЕТН ВЭД ТС	**Наименование товарной отрасли**	**Экспорт**				**Импорт**			
		3 кв. 2013 год		3 кв. 2014 год		3 кв. 2013 год		3 кв. 2014 год	
		Стоимость	В % к итогу	Стоимость	В % к итогу	Стоимость	В % к итогу	Стоимость	В % к итогу
01–24	Продовольственные товары, сельскохозяй-ственное сырье	31,4	0,2	33,4	0,4	81,0	3,6	64,9	3,7
25–27 в т.ч.	Минеральные продукты	10994,5	78,3	6014,1	66,0	46,9	2,1	49,2	2,8
27	Топливно-энергетические товары	10923,4	77,8	5954,2	65,4	21,4	0,9	21,5	1,2
28–40	Продукция химической промышленности, каучук	791,7	5,6	595,7	6,5	261,5	11,5	215,3	12,4
41–43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	0,1	0,1	9,9	0,4	5,0	0,3
44–49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	70,9	0,5	66,6	0,7	31,0	1,4	22,1	1,3
50–67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,4	0,1	0,6	0,1	35,8	1,6	30,8	1,8
72–83	Металлы и изделия из них	1734,6	12,3	1965,4	21,6	206,4	9,1	274,7	15,8
84–90	Машины, оборудование и транспортные средства	300,6	2,1	281,6	3,1	1512,2	66,8	1010,9	58,2
68–70 91–97	Другие товары	113,3	0,8	144,8	1,5	80,4	3,5	64,6	3,7
Всего		14037,5	100	9102,3	100	2265,1	100	1737,5	100

Согласно данным проведенного исследования (табл. 7), в общем экспорт субъектов РФ Уральского федерального округа в третьем квартале 2014 г. (по отношению к аналогичному периоду 2013 г.), упал на 35,16 %, а импорт – уменьшился на 23,29%. При этом, аналогично сложившейся ситуации в общероссийском масштабе, товарная структура экспорта характеризуется вывозом из УрФО в третьи страны минеральных продуктов, металлов и изделий из них. Однако уровень топливно-энергетических товаров снизился с 77,8% до 65,4% к итогу. В структуре российского импорта во внешней торговле УрФО со всеми странами мира за анализируемый период превалируют машины, оборудование и транспортные средства, металлы, изделия из них, продукция химической промышленности и каучук. Для примера можно отметить, что удельный вес ввоза машин, оборудования и транспортных средств уменьшился с 66,8% до 58,2% к общему итогу УрФО.

Принимая во внимание отмеченную выше довольно непростую ситуацию, по мнению ведущих экспертов, на современном этапе развития России старая энергосырьевая модель практически исчерпана. Поэтому важно не только объективно оценить и правильно отреагировать на изменение традиционных для нашей страны внешних рынков, не просто справиться с экономическим и политическим давлением извне, стабилизировать текущие колебания валютного курса. В целом поставлена задача более ответственная и масштабная: речь идёт о том, чтобы изменить саму модель экономического развития России и ее регионов. Новые условия хозяйствования требуют от нашей страны и субъектов РФ в целом заниматься решением структурных проблем не меньше, чем поддержанием макроэкономической стабильности. Процентные ставки, валютный курс, темпы инфляции, безусловно, являются ключевыми и фундаментальными показателями состояния экономики, однако одной из ключевых задач остается ликвидировать дисбаланс между доходами и производительностью труда [9].

Таким образом, приоритетными, перспективными направлениями экономического развития России и ее регионов должны оставаться следующие.

Во-первых, повышение конкурентоспособности российской экономики невозможно без укрепления международных отношений, углубления региональной экономической интеграции. С 01.01.2015 официально «заработал» Евразийский экономический союз (ЕАЭС) России, Белоруссии и Казахстана. В ближайшей перспективе вступят в силу соответствующие договоры о присоединении к ЕАЭС Армении и Киргизии.

Во-вторых, современный мир диктует необходимость сотрудничества нашей страны с государствами–членами ШОС и БРИКС, а также со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В-третьих, необходимо продолжить работу и по повесткам других международных организаций и форумов, в том числе «Группы двадцати», взвешенно и продуманно представлять в их адрес важные инициативы в области макроэкономики и мировых финансов.

В-четвертых, для устойчивого экономического роста важно на постоянной основе пытаться выходить на мировой рынок с уникальной, инновационной продукцией (в области биотехнологий, использования возобновляемых ресурсов, производства композитных материалов), а также наращивать поддержку несырьевого экспорта, активнее работать с потенциальными покупателями конкурентоспособной российской продукции.

Резюмируя вышеизложенное, в заключение можно констатировать, что с учетом накопленного экономического потенциала и отраслевой специализации субъектов Российской Федерации, в условиях глобализации мировой экономики и регионализации мирохозяйственных связей, следует продолжить поэтапную реализацию поставленных задач по модернизации экономики нашей страны и ее регионов, переоснащению и развитию производств, ориентированных на экспорт капитало- и наукоемкой продукции, высокой степени переработки, обеспечению дальнейшего поступательного перехода на импортозамещение оборудования и технологий в приоритетных, стратегически важных отраслях промышленности (в авиастроении, ракетно-космической промышленности, ядерной энергетике, станкостроении, производстве нефтегазового оборудования и приборов для геологоразведки, фармацевтике, оборонно-промышленном комплексе), а также в сельском хозяйстве и АПК (в производстве мяса, молока, овощей, фруктов).

Список литературы:

1. Пискулов Ю. В. Восток – Запад XXI. Что мешает сотрудничеству // Международная экономика. – 2013. – № 1. – С. 4–5.

2. Данилкин А. И. Курс на современные технологии // Таможня. – 2014. –№ 6 [341]. – С. 2–4.

3. Федеральная таможенная служба РФ: таможенная статистика внешней торговли [электронный ресурс]. – URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976 (дата обращения: 08.12.2014).

4. Евразийская экономическая комиссия: статистика внешней и взаимной торговли товарами [электронный ресурс]. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/Pages/default.aspx (дата обращения: 12.01.2015).

5. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 (ред. от 20.08.2014) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. N 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 11.08.2014. № 32. ст. 4543.

6. Федеральная служба государственной статистики: внешняя торговля Российской Федерации (по данным таможенной статистики) [электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/ftrade/# (дата обращения: 13.01.2015).

7. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации»: 2008–2014 гг. [электронный ресурс]. – URL: http://www.customs.ru/ index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845 (дата обращения: 13.01.2015).

8. Уральское таможенное управление ФТС России: статистика внешней торговли [электронный ресурс]. – URL: http://utu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=56&Itemid=71 (дата обращения: 14.01.2015).

9. VI Гайдаровский форум – Россия и мир: новый вектор (стенограмма) [электронный ресурс]. – URL: http://government.ru/news/16508/ (дата обращения: 15.01.2015).

УДК 304.3

ЧАЙЛДФРИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СИМПТОМ[1]

Кислов Александр Геннадьевич
доктор философских наук, профессор, декан ф-та
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург,
E-mail: akislov2005@yandex.ru
Шапко Ирина Валерьевна
кандидат философских наук, доцент
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
E-mail: ishapko@yandex.ru

CHILDFREE AS A SOCIAL SYMPTOM

Kislov Alexander G.
Doctor. Philosophy Sciences, prof., Dean of the Faculty
Russian State Professional and Pedagogical University, Ekaterinburg,
Shapko Irina V.
Cand. Philosophy Sciences, Associate Professor
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

[1] Подготовлено в рамках проекта проведения научных исследований № 14-13-66014 (региональный конкурс РГНФ) «Чайлдфри (childfree) в контексте ценностей современной молодежи Свердловской области»

АННОТАЦИЯ – Выявляется социальный контекст, порождающий феномен чайлдфри. Метод исследования – социокультурный анализ. В результате умонастроения чайлдфри фиксируются как симптом переноса современным человеком ценностной доминанты с ближних на дальних. Вывод состоит в признании феномена чайлдфри проявлением диссоциации современного социума.

ABSTRACT – There was revealed the social context that generates the childfree phenomenon. The research method is social and cultural analysis. As a result of analysis childfree ideology was determined as a symptom of the transfer of value dominant by modern man from "Close" to "Distant". The conclusion is the recognition of the childfree phenomenon as a manifestation of dissociation of modern society.

Ключевые слова: чайлдфри, ценности, другие, «ближние», «дальние».

Keywords: childfree, values, «Others», «Close», «Distant».

Чайлдфри вносят свой вклад в нынешнюю общероссийскую ситуацию, о которой так говорят демографы: «Будут ли усилия государства, предпринятые в первые десятилетия XXI в., достаточно эффективными, чтобы преодолеть влияние фундаментальных сил социальной и экономической природы, действующих угнетающе на деторождение?.. достаточной уверенности в этом… нет» [11]. Более того, чайлдфри – одно из красноречивых проявлений влияния этих самых «фундаментальных сил социальной и экономической природы, действующих угнетающе на деторождение». И хотя сознательная бездетность существовала задолго до чайлдфри, она была не только редкой, но не могла даже заявить о себе как о мировоззренческой позиции – общественное мнение категорически ее осуждало.

Зато «многие из людей будущего… останутся бездетными, сократив семью до ее изначальных компонентов, мужчины и женщины. Два человека, возможно, с соответствующими друг другу профессиями, окажутся более подготовленными для прохождения через образовательные и социальные мели, перемены работы и географические передислокации, чем обычная семья, обремененная ребенком. Действительно, антрополог М. Мид подчеркнула, что мы, может быть, уже движемся к системе, при которой «родительство» могло бы быть ограничено наименьшим числом семей, чья основная функция состояла бы в воспитании детей», предоставляя остальному населению «свободу проявлять себя в первый раз за всю историю – как личностям». Компромиссом может быть отсрочка рождения детей... В будущем многие пары избавятся от этой проблемы, отложив задачу воспитания детей до выхода на пенсию… Таким образом, бездетность, вероятно, станет распространенной среди молодых и средневозрастных пар; шестидесятилетние, воспитывающие младенцев, станут обычным явлением. Постпенсионные семьи могли бы стать признанным социальным институтом… Бездетные браки, профессиональное родительство, послепенсионное воспитание детей, корпоративные семьи, коммуны, гериатрические групповые браки, гомосексуальные семейные блоки, многоженство – вот те несколько семейных форм и практик, с которыми вводящее новшества меньшинство будет экспериментировать в последующие десятилетия. Однако не все мы будем готовы участвовать в таких экспериментах… Меньшинство экспериментирует; большинство придерживается старых форм. Это позволяет с уверенностью утверждать, что огромное количество людей откажется отбросить традиционные представления о браке или отказаться от привычных форм семьи» [9]. Последняя фраза футуролога может утешить сторонников традиционной семьи, равно как и такие данные [6].

Но наша задача не терапевтическая, а исследовательская. Потому нам придется «разбередить рану» и, среди прочих мер эскалации симптоматики, обратиться к человеку, попытавшемуся выразить позицию чайлдфри постольку, поскольку чайлдфри сама является: «Решение жить без детей дает восхитительное чувство свободы, и каждый день я радуюсь, что сделала такой выбор. Было бы, конечно, проще, если бы мы поступили «как все», но, думая о долгосрочных последствиях, мы твердо решили, что не должны следовать стереотипу… Сегодня проще жить без детей. Есть много альтернатив, и никто не должен оправдываться за

бездетность. Довольно причин оставаться бездетным добровольно. Многие люди ставят на качество жизни, некоторые достаточно просвещены, чтобы понимать, что быть родителем непросто, а хорошим родителем может быть не каждый, да и мир уже полон представителей рода человеческого. Какими бы ни были причины, жизнь без детей так же насыщена и стоящa, как жизнь с детьми. И, на самом деле, потенциал бездетных больше, так как в их жизни больше места и ресурсов для собственного роста. Для некоторых родительство – настоящее призвание, и это здорово, но не значит же это, что быть родителем должен каждый. Родительство в наши дни – выбор, а не обязанность, хотя пока сложно открыто говорить об этом в обществе, где силен шаблон «традиционной семьи», изрядно устаревший… Вопрос, скорее, заключается в том, обладает ли человек свободой принимать наиболее подходящие для него решения... Важно содействовать тому, чтобы добровольная бездетность не воспринималась как сумасшествие. Стоит помнить и о том, что привести в мир нового человека – это весьма ответственное решение, требующее тщательного обдумывания… Вопреки распространенному мнению, чайлдфри-пары не склонны к чрезмерно гедонистическому образу жизни... Но так же неправильно думать, что чайлдфри самоотверженно служат обществу. Некоторые люди действительно проводят свободное время за общественно полезными делами, но многие просто живут обычной жизнью без детей…Те чайлдфри, кто счастлив в браке, уверены, что отсутствие детей положительно сказывается на отношениях. Для многих решение остаться бездетным – часть и следствие процесса самопознания…Родительство не для всех…Несмотря на то, что есть чайлдфри, которым не нравится общаться с детьми, есть довольно много тех, кто делает это с удовольствием, но при этом не хочет заводить своих… Вы свободны делать, что хотите. У свободы нет цены. Люди умирали в борьбе за свободу» [14].

Наверно, можно встретить и более яркий манифест чайлдфри. Вряд ли он содержательно что-то прибавит к приведенному выше. Нам же интересна не столько природа подобной мотивации, не набор мировоззренческих доминант, сколько характер социума, который не только способствует и даже задает эту мотивацию и эти ценностные предпочтения, но и делает их манифестацию приемлемой и даже популярной. Мотивацию и ценности мы рассматриваем как социокультурный симптом в том случае, если их носители стали многочисленны, более того, они консолидировались в сообщества, причем, консолидировались сознательно вплоть до построения развитых форм аутоапологии, а отношение к ним со стороны иных социальных групп получило признаки нормализации (толерантности).

Посмотрим, что еще говорят демографы. Сначала одни: «По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. каждая шестая россиянка (17,31%) в возрасте 30–34 лет бездетна, а к выходу из репродуктивного возраста (50 лет) бездетной остается каждая десятая [Рассчитано по: 3]. Это означает почти двукратный рост окончательной бездетности, поскольку все предыдущие переписи российского населения, начиная с самой первой, фиксировали такое состояние примерно лишь у каждой двадцатой. В условиях индивидуализации демографического поведения, формирующего современный тип воспроизводства населения, это свидетельствует о социальной приемлемости бездетности… Одной из характеристик рождаемости в России сегодня является ее «старение», т.е. «сдвиг» деторождения к возрастам, когда естественная способность к зачатию и вынашиванию плода снижается… Несмотря на изменение форм и функций современной семьи, рождение детей в большинстве случаев остается «привязанным» к официальному заключению брака, в котором и появляется на свет более 70% детей. Но и оформив отношения, более половины молодых супругов не спешат как можно быстрее завести детей [см.: 10], и многие намерены остановиться на первенце… Небольшая, но постепенно увеличивающаяся часть женщин вообще заявляет о нежелании иметь детей ни при каких обстоятельствах, относя себя к «чайлдфри»… Высокая доля бездетности и откладывание деторождения на поздние репродуктивные возраста является характеристикой современного демографического развития России» [8].

Теперь другой демограф: «Существует несомненная корреляция между изменениями семейных нравов, статуса и форм брака и семьи, социальных ролей родителей, всего того, что можно назвать «демографическим поведением» людей, с одной стороны, и ослаблением

влияния религиозных норм, ростом индивидуализма, стремлением людей к самореализации и распространением «постматериалистических ценностей» и т.д… Но вопрос заключается в том, где причина, а где следствие этих перемен… На протяжении многих столетий в допромышленной Европе, да видимо, и во всех зрелых аграрных обществах краеугольным камнем семейной жизни и семейной морали было неразрывное единство трех видов поведения: сексуального, матримониального и прокреативного. Конечно, это было нормативное единство, в жизни оно нередко нарушалось. Тем не менее, такие нарушения всегда трактовались как предосудительное исключение из правил... Переход к контролируемому семьей деторождению делал сохранение этого единства невозможным, а «разрыв связи между браком и прокреацией»… – неизбежным… такая автономизация естественным образом влечет за собой обособление друг от друга всех трех прежде неразрывных видов поведения – сексуального, матримониального и прокреативного. Сделавшись относительно самостоятельными, эти три вида поведения стали прокладывать свои собственные траектории в каждой индивидуальной биографии, что создало возможности бесконечной вариабельности индивидуальных жизненных путей, более того, сделало эту вариабельность неизбежной... Общества, достигшие этого этапа демографического перехода, оказываются в совершенно новой исторической ситуации и с неизбежностью вступают в полосу поиска, в котором участвуют сотни миллионов, а может быть, и миллиарды семей на протяжении нескольких поколений, постепенно преодолевая инерцию прошлого, отказываясь от сложившихся установлений и вырабатывая новые институциональные формы и новую культурную регламентацию индивидуальной, частной, личной жизни людей, трассирования их индивидуального жизненного пути. Постоянно и повсеместно возникающие попытки противостоять переменам, взывая к опыту прошлого, абсолютно бесперспективны, потому что больше нет этого прошлого…Поиски идут не только по оси «брачные партнеры», но и по оси «родители–дети». Внимание, в первую очередь, привлекает низкая рождаемость, на самом деле перемены гораздо более многообразны. Идет поиск наиболее удобного времени рождения детей, увеличивается число неполных семей, стремительно растет доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, появляется все больше детей, которые как бы принадлежат сразу нескольким семьям, потому что развод родителей и их вступление в новые браки уже не считается катастрофой, и дети сохраняют связь с обоими родителями. Перестает быть экзотикой отделение биологического родительства от социального и размывается или трансформируется само понятие «родительства»… Рождаемость снижается во всем мире, а семья входит в полосу небывалых трансформаций не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства или отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным, благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека гораздо меньшего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями, и перед каждым открылись возможности выбора индивидуального жизненного пути, каких не существовало никогда прежде» [1].

Итак, А. Вишневский связывает социальное признание множественности (включая чайлдфри) моделей демографического поведения с резким снижением смертности, особенно, детей [2]. Понятное дело, что само снижение имеет социально-экономические, научные (прежде всего, медицинские, но на медицину «работают» почти все науки) и аксиологические причины. Ценности, конечно, выражают своей динамикой те тенденции, которые интегрально характеризуют важнейшие процессы (тренды) в социокультурной сфере, являются симптомами последних. Но выражая, они предугадывают и ускоряют их.

Так, фундаментальная, изначальная не только с рождения, но и с зачатия нужда человека в другом человеке, в других (сама неизбежность других) еще недавно обеспечивалась и удовлетворялась непосредственной включенностью каждого в те или иные человеческие социации (прежде всего, семьи, а потом и устраиваемые по образу большой семьи тоталитар-

ные общества), чья ненадежность компенсировалась многочисленностью сопричастных к ней индивидов (как «родных», «своих», «близких», воспроизводимых, рожаемых). Постепенно, но неуклонно и с растущим ускорением удовлетворение этой нужды в последние десятилетия сменяется все более опосредованными включениями, настолько сложно и многократно опосредованными (преимущественно опредмеченной социальностью, произведенными ею, но отчужденными от нее артефактами), что воспринимаются и переживаются уже как выключения, исключения из социаций, в которых индивид завяз в силу происхождения и иных обстоятельств. Близость же даже немногих других воспринимается как обуза, заслоняющая многих не близких, не родных, не своих других, социация с которыми оценивается как результат свободного индивидуального выбора, легко совершаемого и еще легче прекращаемого, к тому же исполняемого посредством артефактов. Близкие – вынужденно дорогие, дань традиции, инерции. Дальние – дорогие в силу индивидуальной склонности. Переключение на дальних, на предметно опосредованную социацию с другими побуждает к разрывам с близкими, к иссечению себя из захваченности родным, к социальному эскапизму.

«В обществе, по мере его развития от Нового Времени до сегодняшних дней развивались социокультурные процессы, ставшие причиной того, что эскапизм (включая его крайнее выражение – суицид) становится значимой тенденцией современности. Идея свободы как высшей ценности получила гипертрофированное развитие, после того как потерпели крах другие попытки построение утопических систем. В связи с модернизацией общества и всеобщей доступностью к почти безграничному информационному полю, нарастанием массового производства, переносом основного модуса бытия человека в виртуальное пространство, стали доступны новые пути самоидентификации, не требующие «Встречи» с Другим (Э. Левинас)... В результате идея свободы абсолютизировалась до свободы от Другого, и даже от себя самого – экзистенциального эскапизма…Современный экзистенциальный эскапизм приводит к разрыву с любыми социальными идентичностями и идентичностью с собой, нежеланию искать Другого, отторжению самой этой возможности ради утверждения собственной автономии…

Ряд явлений… имеет черты сходства с феноменом эскапизма: «эскапада» (выходка) – совершение поступков отделяющих человека от общества, нарушающих принятые в обществе нормы и тем самым создающих дистанцию между совершающим поступки человеком и, устанавливающим норму обществом; «выход» – разрыв связи со своей социальной группой без перехода в какую-либо другую, бывает сопряжен и с физическим изменением места пребывания человека (эмиграция), сменой состояния разума и социального положения, может и принимать форму затворничества в собственном доме или внутри собственной личности (уход от многих других, но путь к Другому – себе); «отторжение» – полный отказ от какой-либо социальной идентичности, окончательный разрыв с какими-либо социальными ограничениями ради предельного осуществления собственной автономии, представляет собой уже отчетливую манифестацию экзистенциального эскапизма… в случае экзистенциального эскапизма имеет место ксенофобический конфликт человека не с той или иной группой, а фактически со всеми окружающими его людьми, включая – в пределе – его самого; когда чужими становятся не только люди другой культуры или воззрений, но и любой человек…

С одной стороны, самоидентичность эскаписта строится на доведении до предела принципа автономии личности... С другой, современный эскапист… свободен не только от традиций, практик, но и от соотнесения себя с Другим как таковым, и даже от соотнесения себя с требованиями своего тела, так как от него можно всегда избавиться. Фактически, мы имеем дело с абсолютизированным концептом свободы индивида в мире виртуальной реальности, которая перестает быть для эскаписта не только содержанием «свободы-для», поскольку нет того, ради чего эскапист мог бы жить, но и «свободой-от». Последняя предполагает освобождение от Другого, от социальных связей и т.п., но мир эскаписта просто не предполагает их существования и потому эскаписту нет нужды рвать эти связи и освобождаться от другого… Эскапизм как стратегия жизни предлагает индивиду довольствоваться самим собой – без смысла и без Другого, что закономерно ведет его к выходу из Мира – к

самоубийству. Этой стратегии соответствует и описанная Бауманом стратегия фланера, который уходит в реальность виртуальную, эмигрируя в себя» [5].

Отказ от рождения собственного ребенка как насущного Другого [см.: 4; 111–149] – вариант эскапизма на грани суицида, только перенесенного с себя на возможное свое потомство. Заметим, что у эскапизма богатая предыстория, в том числе в связи с демографическим поведением населения, с отношением к телу, сексу, деторождению и детям. Наиболее выразительным выступает феномен скопчества [см., напр.: 7] в том его значении, которое указывает на иссечение репродуктивных органов: плотский грех уводит от Истины, привязывает к миру сему, а оскопление – важное условие ангело- и даже богоподобия.

Той же логике следует и пропагандирующая чайлдфри (наряду с другими «благодеяниями») современная «Церковь эвтаназии» [см.: 13]. Эскапизм проявляется в том числе и в форме асексуальности из идейных соображений, в том числе в Движении за добровольное исчезновение человечества, так называемом, антинатализме [см.: 12].

Жить в социуме, не воспринимаемом как социум, дистанцируясь, прежде всего, от его настоящего, удаляя тем самым от себя его прошлое и пресекая любую вовлеченность в его будущее – вот социокультурный тренд, который лишь выражается феноменом чайлдфри. И не им одним. Минимизация круга близких людей, предпочтение отношений с другими людьми лишь как с дальними, не дорогими, а если и дорогими, то ни к чему не обязывающими, переживается как та «свобода, за которую можно и умереть». Предпочтительными и небесценными «ближними» становятся сменяемые предметы, преимущественно, артефакты, в чьей возрастающей субъектоподобности объективировалась субъектность дальних людей – тоже не дорогих, тем более не бесценных, и, самое главное, не обязывающих – так наступает «невыносимая легкость бытия» (М. Кундера).

Скопцы оскоплялись от тяжести бренного во имя Вечного. Современный социум сделал возможным «оскопление» от тяжести ближних – тех, с кем связан непосредственно, пусть даже любовью к ним. Две тысячи лет назад было сказано: «Враги человеку домашние его» (Мф. 10: 35–36). Но Сказавший сказал и другое: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39). И вот, через две тысячи лет во имя свободы, за которую можно и умереть, чтобы не обременять себя этой любовью к ближнему, оказывается, что можно разлюбить и себя. А радоваться стоит дистанции, мимолетности, разомкнутости объятий такому другому (таким другим), которое (которые) сменяется (сменяются) другим, другими, не успевая стать дорогими, устойчиво ближними. Современный социум позволяет (оснащает и легитимирует) шествие индивида по прокладываемому им самим пути, в который не обязательно брать, звать кого бы то ни было. Незванными могут быть и его собственные дети, которые лишь могли бы быть.

Мы попытались схватить в понятиях те интенции, которые привели к распространению чайлдфри. Не чайлдфри сами по себе были интересны нам, но те социокультурные процессы, которые дороже других (и близких, и постепенно и все больше и дальних) делают дрожание от чувства дороги, у каждого своей и ведущей каждого из нас неизвестно куда, чтобы при всей неизвестности все равно завершиться известно чем. Мы не вписываем слова в строку «Диагноз», мы фиксируем лишь то, что может попасть в строку «Симптомы».

Список литературы:

1. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографической обозрение: электронный научный журнал. 2014. № 1. С. 6–33. ttp://demreview.hse.ru/2014--1/120991102.html

2. Вишневский А.Г. Человечество выбирает низкую рождаемость – http://opec.ru/1589239.html

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 10: Рождаемость. С. 6. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol10/ pub-10-01.pdf

4. Кислов А.Г. Оправдание детства: от нравов к праву. Екб.: Изд-во РГППУ, 2002. 165 с.

5. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: Автореф. дис… канд. филос. наук. М., 2012. – http://cheloveknauka.com/ekzistentsialnyy-eskapizm-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-sovremennogo-obschestva

6. Нормы морали остаются неизменными // http://www.opec.ru/1710727.html

7. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. – http://royallib.ru/read/panchenko_aleksandr/hristovshchina_i_skopchestvo_folklor_i_traditsionnaya_kultura_russkih_misticheskih_sekt.html#0

8. Русанова Н.Е., Исупова О.Г. Добровольная или вынужденно: кто обеспечивает 17–20% ожидаемой окончательной бездетности среди молодых поколений российских женщин? // XV-я Апрельская междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и общества». М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2014. http://regconf.hse.ru/uploads/e0d9b2258df7e09dfe59eb325aa1347887e0582f.pdf

9. Тоффлер Э. Футурошок // ilosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000262/index.shtml

10. Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // Демографической обозрение: электронный научный журнал. 2014. № 1. – http://demreview.hse.ru/2014--1/120991254.html

11. Antinatalism – http://steamcommunity.com/groups/antinatalism

12. Church of Euthanasia – http://www.churchofeuthanasia.org/e-sermons/antihumanism.html

13. Posts from the “Childfree and loving it. Nicki Defago” Category // http://chfandlovingit.wordpress.com/category/childfree-and-loving-it-nicki-defago/

УДК 316.75

ПОЛИТИКА В. В. ПУТИНА В УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Козлов Анатолий Александрович
доктор социологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
E-mail: akozlov2003@inbox.ru

VLADIMIR PUTIN POLICY IN UKRAINIAN CRISIS IN ASSESSMENTS RUSSIAN STUDENTS

Anatoly Kozlov
Dr. soc. Sciences, Professor
Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg

АННОТАЦИЯ – В статье – на основе результатов опроса российских студентов – выявляется их отношение к политике России и Президента России В. В. Путина по отношению к украинскому кризису. На конкретном примере автор рассматривает тенденции развития мировоззрения и политических установок российского студенчества.

ABSTRACT –The article - based on a survey of Russian students - revealed their relationship to the policy of Russia and Russian President Vladimir Putin in relation to the Ukrainian crisis. A specific example is the author examines trends in the development outlook and policies of the Russian students

Ключевые слова: Студенты, Мировоззрение и политические установки российских студентов, украинский кризис

Keywords: students, outlook and policies of the Russian students, Ukrainian crisis

События на Украине развиваются весьма стремительно. Стороны конфликта довольно четко определились, как, впрочем, и логика сторон и действия на перспективу в несколько лет вперед. И хотя Россия, как неоднократно было заявлено, не является стороной конфлик-

та, именно на нее взваливаются все грехи. А центральной, и едва ли не самой упоминаемой и популярной в разных смыслах фигурой, на сегодня является президент России. Он же объявлен (кем понятно) и главным виновником всего и всего происходящего. Более того, на фоне вполне реальной «холодной войны», развязанной Западом и США, открыто объявлено, чего давненько не бывало, о действиях по свержению Путина. Итак, с одной стороны, В.В.Путин и Россия, а с другой так называемое «мировое сообщество». В связи с этим, нужно сделать несколько важных замечаний, пока мало озвученных, как в прессе, так и в социологической и политологической литературе.

Во-первых, речь идет уже не о «мировом сообществе», представленном множеством государств, часть из которых выступила против нашей страны, а о целостном и довольно консолидированном государственном образовании, именуемом Европейский Союз. И хотя часть ведущих политиков ЕС высказались против давления на Россию, их мнения просто не учитываются, а действовать самостоятельно они просто не могут. Им не позволяется! Мнения же народов этих стран вообще не принимается в расчет и просто замалчивается. Поэтому, хоть и не торопясь, можно высказать суждение об ограниченном суверенитете входящих в ЕС государств, а также и привязанных к ним разными узами, но тоже контролируемых и направляемых стран. С такой политикой, правда, в меньших объемах, мы уже встречались в период грузино-осетинского кризиса несколько лет назад. Уроки этого кризиса следует помнить, ибо он стал полигоном, на котором нашими противниками отрабатывались и единые действия, и конкретные методики действий, в том числе и информационной войны, а теперь уже, можно сказать, и гибридных войн. Схожесть того, что было вчера и сегодня, потрясает. Такое впечатление, что мы имеем склад снарядов, из которого, в случае чего, эти снаряды берут и открывают огонь. И цели на каждом из них написаны: «Россия», «Сирия», «Ближний и Средний Восток», «Китай» и т.д. Но есть и кое-что еще, про запас, так сказать. В реальности, то, что происходит, не больше, не меньше, как ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, руководимая США, при участии их ближайших вассалов-союзников, с ограниченным суверенитетом.

Во-вторых, почти вся информационная часть нынешней холодной войны построена на потрясающей лжи (а проще – на оголтелом вранье). Выдвинуть что-либо близкое к правде наши ВРАГИ (именно – враги, да и раздел на «своих» и «чужих» не вчера состоялся) уже не в состоянии. Вспомним, что в период чехословацкого кризиса в конце 1960-х гг. шуму было много, но такого, как сегодня, почти не было. А это значит, что «академия Геббельса», увы, ожила, а труды данного персонажа истории в вечность не канули. Но, заодно, это указание и на снизившийся качественный уровень и западной политики, и самих политиков. Блеклые, мало на что значимое способные, откуда-то всплывающие и бесследно исчезающие по истечении срока. Таковые сегодня потребны, да и иных найти трудно. А социального заказа на них на Западе, увы, нет. В отличие от России, где социальный заказ на сильного лидера проявился.

В-третьих, как сказал кто-то из наших писателей «натовцев у нас много». И это не шутка и не преувеличение. Постоянная раскрутка оппозиции, выдвижение неких лидеров, якобы «политиков-революционеров», попытки консолидации оппозиции по национальному признаку, откровенная реклама разного рода «майданоподобных» деградантов и вообще правящего в Киеве режима, при уничижительных характеристиках, даваемых нашей стране, россиянам в целом и отдельным социальным и социально-профессиональным группам. Ох, опять им нужны «великие потрясения».

Сразу скажу, что в этой статье не рассматривается собственно политика Путина в украинском и около него кризисе (все вместе, по-моему, уже тянет на полноценный всемирный кризис!). Нет-нет, наша задача проще – с одной стороны, проанализировать высказавшие две различные точки зрения группы студенческой молодежи. А с другой стороны, попытаться понять, хотя бы в общих чертах, почему они стоят на этих своих позициях. Иначе, хватило бы нескольких строчек с процентами тех, кто за и против. Наконец, студенты выбраны в качестве респондентов, по причине их взрослости, куда большей серьезности, по сравнению со школьниками, несомненной образованности и продвинутости (если хотите – в

определенной степени – их интеллектуального и социального лидерства). Уместна аналогия с Карамзиным – «Поскреби…!» Помните?! Так вот, поскреби сегодняшнего студента и увидишь образ элиты второй половины нашего века, а заодно и ее штрихи ее образа мысли. Но, к делу.

Студентам четырех городов России (Петербург, Кострома, Тверь, Челябинск) в мае-июне и в ноябре-декабре 2014 г.) было предложено дать оценку поведению В. В. Путина, как политика, в упомянутом кризисе. Вот какие были получены ответы: «Путин – блестящий политик, добившийся решающего успеха, что заслуживает высокой оценки» - 80,3% опрошенных. «Скорее, Путин совершил грубую ошибку, за что всем нам (народу России) придется дорого заплатить, и не только материально» - 19,7%. Вот так! Четыре пятых, на одну пятую! И данные уже несколько месяцев не меняются! Как похоже на данные опросов других социологических служб нашей страны. Замечу, что, по данным РИА-НОВОСТИ от 18.09. этого года, Порошенко доверяют только 35% опрошенных, да и то в контролируемой части Украины. Но скоро будет меньше.

Ну а теперь попробуем разобраться по срезу «кто есть кто». Дело в том, что только 17,7% студентов не следят, или почти не следят за событиями на Украине. Подавляющая часть оценок носит сугубо негативный характер (смута, заговор Запада и т.д.). О том, что Украина может нормально существовать только в союзе с Россией, считают 41,8%. А вот в том, что поворот Украины в сторону Запада закономерен, и что такой поворот неизбежно когда-нибудь совершит Россия, не сомневаются 23,1% опрошенных молодых людей. В данном случае имеется в виду не поворот к майдановщине (в нашем варианте – к болотинщине), а к европейской, в понятиях части студентов, цивилизации. Любопытно, и то, что положительная оценка действий Путина дана подавляющим большинством следящих за событиями на Украине и только 13% не следящих за ними. А вот среди давших негативную оценку действиям Путина не следящих за событиями уже 34,8%. Интересная штука – заранее заданные, безотносительно к конкретному событию, позиция и оценки. Похоже на своего рода матрицу. И программирование сознания идет с раннего детства. Здесь и позиция, и оппозиция.

Любопытно, что никаких различий по наличию тех или иных связей с Украиной в зависимости от оценки действий нашего президента не обнаружено. И число украинцев по национальности среди опрошенных не превысило 2%, и, несмотря на малые цифры (почти все ответы данной группы респондентов лишь условно значимы) никакого намека на какую-либо тенденцию, также не обнаруживается. Мы как-то часто забываем, что страна наша – по большинству русская (на все 80 с лишним процентов), а представителей иных национальностей набирается в пределах пятой и даже менее части населения. А это значит, что страна наша, несмотря ни на какие зигзаги истории ментально и генетически русская, российская.

Понятно, что ключевым вопросом в оценке действий президента является (и долго еще будет являться) Крым. Против Путина и против присоединения (будем выражаться корректно – «добровольного и согласно волеизлиянию абсолютного большинства крымчан, а также и россиян вхождения») Крыма в состав России выступили только 8,2% опрошенных студентов. А против того, что воля народов Крыма, высказанная на известном референдуме, и есть решающий и неоспоримый аргумент высказались только 5%. Правда, среди положительно оценивших политику Путина в отношении Крыма, подросла и доля считающих, что однозначного ответа по данным ситуациям быть не может и что «все гораздо сложнее» – в разных формулировках, в среднем до 40%. При детальном анализе получается еще более интересная картина. Так, среди давших положительную оценку действиям президента определенно за присоединение Крыма выступили 84%, но вот среди давших негативную оценку президенту, за присоединение Крыма выступили (внимание!!!) 27,7%, то есть больше четверти! Признаться, мы рассчитывали на меньшие показатели. А как же обстоят дела у тех респондентов, кто резко против присоединения (здесь в свободных характеристиках присутствует много оценок, типа «аннексия», «рейдерство», «оккупация»). Так вот, в группе, считающих, что Путин «добившийся решающего успеха блестящий политик», противников присоединения Крыма только 2,9%. А среди давших негативную оценку Путину таких уже

26,8%. Не смогли дать определенную оценку действиям президента 13% в группе позитивно оценивших его действия, и 45,5% среди «негативистов». С одной стороны, кажется, что все логично. Но все-таки, действительно, не так просто. Ведь прокрымские симпатии присутствуют в выделенных нами полярных группах, что говорит о сложных процессах, идущих в сознании современной молодежи. Во всяком случае, воспринимать нашу молодежь, как «линейно мыслящую», как аморфную массу, «ватников» и т.д., не стоит. Как следует и принимать в расчет, что в массовом сознании молодежи, во многом независимо от выделенных нами позиций, Крым НАШ!

То же самое можно сказать и об отношении респондентов к санкциям. В одной из статей мне уже приходилось говорить о том, что после запуска санкций уже не воля политиков их определяет, а сами санкции превращаются в механизм, который управляет политиками. И выйти из этого режима Западу, при всем желании, быстро и без потерь уже не удастся. А может быть, санкционная политика, в том или ином виде, но как комплекс, станет неотъемлемой нормой для стратегии и тактики США и ЕС. А может быть и для нас.

Так вот, 39,6% студентов высказались в отношении давления на Россию, как к действиям некомпетентным, основанным на традиционной имперской истерике и высокомерии, при этом, при поразительной обидчивости, когда их в ответ бьют по носу. Это мы еще века с XV-XVI помним. Как к стремлению «не потерять лицо» и под шумок отхватить жирные куски пирога» – 40%. А вот, как к «закономерному в ответ на аннексионистские действия России» – 20,3% опрошенных. Заметим, что показатель «негативистов» все время находится в пределах 10-20%. И это число относительно постоянное. Кстати, 72,9% молодых людей высказались в том духе, что политика санкций вызывает у них только раздражение или злобу, а 32,7% к давлению Запада вообще равнодушны.

Что касается личного душевного равновесия, то отношение к действиям В. В. Путина вовсе не случайно. В среднем, ощущают себя никому не нужным, «лишним» в стране человеком 11,5%, определенно не считают 66,5%, затруднились с ответом 22,1%. Но, если среди поддерживающего президента большинства таких только 7,9%, то среди противников уже 44,6%. Иными словами говоря, потенциал недовольства, протеста созревает постепенно, но проявляется при концентрации душевного состояния на значимых событиях и фигурах.

С другой стороны, очевиден и оптимизм опрошенных. Твердо верят в счастливую судьбу России 49% опрошенных, или половина. Склонны «в чем-то верить 37,5%. А 13% полагают, что «все эти разговоры о судьбе, особом пути и т.д.», не более, чем ерунда. При этом, полагают, что Россия «безусловно выдержит давление Запада и победит» - 49,8%. Из них безусловно убеждены в победе 63,8% поддерживающих политику Путина и только 5,6% осуждающих политику президента. Считающих, что Россия не выдержит и последствия могут быть весьма печальны – 1,6% поддерживающих президента и 20,9% его не поддерживающих. А если и опасаются обострения ситуации, то, прежде всего, войны с Украиной и (или с западными странами) – 24,6%, ухудшения своего материального положения, как следствия блокады – 20,4%, боятся, что «большинство россиян будут оставлены, как всегда, «в дураках», а выиграют только жирные коты-олигархи, да чиновники» – 11,1%, И понятно, что среди поддерживающих курс Путина, крушения планов на свое «западное будущее» опасаются 13,5%, а в группе осуждающих политику президента таких 45,4%.

Наконец, чтобы картина была еще более полной, отметим, что 24% опрошенных считают себя националистами (из них 29,4% поддерживающих действия Путина в украинском кризисе, и 22% не поддерживающих его по этому вопросу); интернационалистами считают себя всего 45,8% (46% и 37% - соответственно); к космополитам отнесли себя 29,9% (25,1% и 40,4% соответственно). А проевропейской ориентации придерживаются только 4,3% стоящих на стороне президента и 25,1% его не поддерживающих. В целом же, центр тяжести заметно сместился в сторону самобытной русской (пророссийской) ориентации (44,8% в первой группе и 22,7%; во второй). Евразийцы в этой раскладке мало заметны – около 9%. А вот 41,4; и 49,1% вообще никогда над этим вопросом не задумывались. Ах, как жаль «наших» бедных прозападников-оппозиционеров, не перестающих на каждом углу трезвонить о том,

что мы – Европа. Наше будущее в лице опрошенных студентов с этим не очень-то согласно. А ведь это они составят элиты и опору будущей России.

Отмечу и еще один интересный факт. Первый этап исследования пришелся на начало лета. А вот второй, на ноябрь-декабрь. И данные остались неизменными. Будет еще и третий этап. Но не покидает уверенность, что и по его итогам перемен не произойдет.

Завершая сей эскизный набросок по результатам исследования, хотел бы отметить две существенные детали, имеющие отношение даже не столько к событиям в соседнем государстве, и не к нашему президенту. Каждого, кто работает с молодежью, должны заинтересовать показатели двух групп молодежи.

Во-первых, заметно подрастающая группа так называемых «лишних людей», то есть отчасти социально невостребованных, тех, кому государство и общество перекрывают возможности полноценной жизни, или тех, кто в силу своих характеристик и не стремятся быть востребованными, но, при этом, сохраняющих, а в определенных ситуациях, и наращивающих свой протестный потенциал. Ранее приведенные нами исследования (а также и сравнительный анализ с развитыми странами Запада) позволяют считать, что масштабы этой группы могут расти до планки в 20% в современной России, и до 30-35% в странах ЕС. И это пока. А, во-вторых, больше становится ориентированных на жизнь и работу на Западе молодых людей, взгляды, позиции и, возможно, система ценностей которых несколько иная. Большая часть таких молодых людей ориентирована на отъезд. Конечно, миграции – процесс всемирный, но хотелось бы не забывать, что для нас, с нашей малоэффективной политикой в отношении молодых специалистов, это потеря кадров и элиты будущего, а в некоторой степени и непроизвольная подпитка «болота». И процесс этот идет безостановочно, по нарастающей. Так-то!

Как бы Постскриптум: Исследование, выдержки из которого приведены в данной статье, по сути своей мониторинг, и мы намерены продолжать эту работу. Что важно. Если майско-июньский опрос 2014 г. показал высокие цифры доверия молодежи политике В. В. Путина, то ноябрьско-декабрьский опрос дал по многим позициям еще более высокие данные, нежели весной. Не поэтому ли ряд достаточно либеральных изданий и оргкомитетов Германии и некоторых западных стран отказались публиковать мои материалы «по идеологическим соображениям». Ну, да Бог им судья.

УДК 316.334.3 (44)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

Комарова Наталья Сергеевна
кандидат социологических наук, доцент
Уральского института экономики, управления и права, Каменск-Уральский
E-mail: natakom11@mail.ru

FEATURES OF SOCIAL SECURITY IN FRANCE: AN EXPERIENCE FOR RUSSIA

Komarova Natalya Sergeevna
Candidate of sciences, assoc.professor
The Urals Institute of Economics, Management and Law, Kamensk-Uralskiy
E-mail: natakom11@mail.ru

АННОТАЦИЯ – В данной статье рассматривается опыт построения социального государства, накопленный на протяжении длительного времени, во Франции. По уровню социального обеспечения именно Франция занимает лидирующее положение среди всех европейских стран, обладающих наиболее высоким уровнем жизни. Французская система социаль-

ного обеспечения является обязательной и, среди прочего, решает проблемы, возникающие в связи с выходом на пенсию, безработицей и получением помощи по линии национального здравоохранения. Данные проблемы в настоящее время относятся к числу наиболее актуальных в общественной жизни России, что обусловлено новыми явлениями в экономике страны – формированием рыночных отношений, построением социального государства и в этой связи опыт французской модели социального государства представляется весьма полезным.

ABSTRACT – This article discusses the experience of establishment of a welfare state, which has been accumulated for a long time in France. It has the highest public spending for social protection among all the European countries with the highest quality of life. The French social security system is compulsory and, among other things, it solves the problems of retirement, unemployment and national healthcare. These challenges are currently the greatest in the social life of Russia, due to several reasons. Principally due to new phenomena in the economy of the country such as formation of market relations, establishment of a welfare state and in this connection it is useful to experience the French social model.

Ключевые слова: социальное государство; страхование; социальное обеспечение; благосостояние населения.

Keywords: social state; insurance; social security; well-being of the people.

В настоящее время большинство развитых стран в той или иной степени являются социальными государствами. Концепция «социального государства» уходит своими корнями в XIX век, когда во многих европейских странах стали формироваться «государства всеобщего благосостояния» (или социальные государства). Теория «социального государства» и «социально ориентированной» политики связана с развитием социальных функций государства. Они состоят в широком внедрении государственного социального страхования, обеспечении социального равенства, создании и бюджетном финансировании государственной социальной помощи и отдельных социальных программ.

Социальная политика, традиционно занимающаяся самыми насущными для людей вопросами, – их жизнеобеспечением, социально-трудовыми отношениями, защитой прав населения в условиях рыночной экономики – всегда была самым чувствительным местом политики любого государства, индикатором его стабильности, как бы показателем его здоровья. Одной из лучших в мире систем социального обеспечения считается система, созданная во Франции. Это является результатом, прежде всего длительного исторического развития, в ходе которого Франция завоевала репутацию своеобразной страны-лаборатории, где впервые испытывались новые формы государственного устройства, высказывались новые идеи и намечались новые пути общественного развития. Многие важные события французской истории имели не только национальное, но общеевропейское, а иногда и мировое значение.

Французская социальная модель сложилась в послевоенное время и выступала, в известной мере, в качестве альтернативы американской рыночной модели. Так, если в США, Великобритании, а затем и во многих других государствах континентальной Европы во второй половине XX столетия активизировали процесс либерализации экономики и социальной сферы, то во Франции проходили обратные явления: расширение государственного присутствия в экономике, а также непрекращающиеся усилия по сохранению в неприкосновенности «распределительной экономики», «государства благосостояния». По сути, Франция была единственной страной в Западной Европе, попытавшейся осуществить на практике курс альтернативный неолиберализму. Эта попытка в значительной мере опиралась на активную социальную политику. Большое влияние на социальную политику французского правительства оказал «доклад Бевериджа» – британского парламентария, выступившего в 1942 г. перед парламентом с развернутым докладом, в котором обосновал необходимость «войны с нуждой» и создания надежной системы социального обеспечения в Великобритании. Таким образом, с начала своего возникновения французская система социальной защиты имела характер компромисса между концепцией Бевериджа и немецкой социальной моделью Бисмарка.

Официальный приказ провозглашал «гарантии всех необходимых ресурсов для обеспечения достойной жизни гражданина и его семьи», «восстановление социальной справедливости» и «избавление работников от неуверенности в завтрашнем дне»[5].

Французский дирижизм гармонировал с этатизацией сознания большинства населения страны. Вера в чудодейственность государства – историческая традиция французского общества, имеющая давние корни. Во-вторых, из первого положения вытекает неразвитость либеральной политической культуры во французском обществе, выражающаяся, прежде всего, в дефиците либеральных идей. Французских правых лишь условно можно отождествить с настоящими либералами. В основе их идеологии лежат ценности, связанные с национальной идеей и особым «французским третьим путем» между «капитализмом, который угнетает и коммунизмом, который все уничтожает». В-третьих, значительное влияние левой идеологии. Французские социалисты и коммунисты наиболее радикальны, по сравнению с их западноевропейскими коллегами, их влияние на общество более значительно. Идеи самоуправленческого социализма, левой альтернативы монополистическому капитализму, выдвинутые в 60-е годы XX века не только не утратили своего влияния на часть населения к началу 1980-х гг., но, наоборот, стали еще более востребованы в период кризиса [8].

В настоящее время система социальной защиты во Франции представляет собой чрезвычайно сложную структуру. Она объединяет более 20 организаций, каждая из которых занимается взносами, отчислениями, идущими на поддержку различных социальных программ. Льготы, предоставляемые системой социального обеспечения Франции, распространяются на всех жителей страны, и все работающие французы платят взносы в национальную систему социального обеспечения. Следует подчеркнуть, что именно деньги налогоплательщиков являются основным источником финансирования системы социального обеспечения во Франции. Это подразумевает, что все работающие французы оплачивают свои социальные пособия опосредованно, путем налогов. Установленная сумма взноса вычитается работодателем из зарплаты работника и фиксируется в его платежной ведомости. Французская система социального обеспечения является обязательной и, среди прочего, решает проблемы, возникающие в связи с выходом на пенсию, безработицей и получением помощи по линии национального здравоохранения. Отчисления на финансирование различных схем осуществляют компании, трудящиеся и профсоюзы. На отчисления от зарплат трудящихся во Франции содержатся такие программы, как предоставление пособий по безработице, базовое медицинское страхование, государственное пенсионное обеспечение и выплата семейных пособий, на которые имеет право каждый гражданин или житель Франции. Рассмотрим эти программы более подробно.

Прежде всего, стоит отметить, то во Франции каждый человек имеет право на социальное обеспечение. Он получает свой регистрационный номер и на него заводится специальная пластиковая карточка (carte vitale). Такая карточка имеется у каждого работающего жителя Франции, в ней перечислены имена членов его семьи, которые таким образом тоже являются застрахованными. Для французов очень важно собирать все счета, квитанции и рецепты, не забывая указать свой регистрационный номер при заполнении любых медицинских документов, чтобы получить компенсацию медицинских расходов. Впрочем, предоставляемая система социального обеспечения «обычная» страховка (conventionée) покрывает только часть расходов – некий установленный стандарт медицинских услуг. Все, что выходит за его рамки, в том числе услуги дантиста или окулиста, оплачивается из дополнительной страховки (mutuelle), которая может быть предложена работнику работодателем или куплена самостоятельно.

Французская система здравоохранения устроена так, что все жители Франции, даже нищие и бездомные, имеют право на страховой минимум медицинских услуг (couverture maladie universelle). Медицинское страхование является обязательным и оплачивается работником (1/4) и работодателем (3/4). Выбор врача или клиники является личным делом пациента. Французы, каких бы политических взглядов они не придерживались, не могут поверить, что миллионы американцев не имеют медицинской страховки. Стоит отметить, что, по оцен-

ке Всемирной организации здравоохранения, Франция стоит на первом месте в списке из 191 страны по уровню общего здравоохранения (Великобритания занимает в этом списке 18-е место, а США – 37-е). Каждый человек во Франции, имеющий работу, обязан отчислять средства в национальную систему социального обеспечения, и без всякого исключения любой человек – француз или иностранец, работающий и безработный, ребенок или старик – имеет право на пользование ее благами (лишь 0,1 % населения страны не охвачена всеобщим медицинским страхованием) [1, 104-105].

Французская система медицинского страхования основана на принципе значительной компенсации в случае любой медицинской проблемы и полной компенсации – в случае серьезного заболевания. При стандартных расценках компенсируются 80 % стоимости лечения и от 80 до 40 % стоимости лекарств, в зависимости от степени их медицинской необходимости. В случае серьезного заболевания – включая болезни, связанные со старостью, – страховка покрывает 100 % стоимости лечения и лекарств. «Carte vitale», таким образом, служит практически денежным эквивалентом [1, 105].

Система поддержки семьи (Allocations familiales) гарантирует финансовую помощь всем французским семьям, независимо от доходов, а также дополнительные услуги – например оплату детских садов и каникулярных центров. Семья, ожидающая ребенка, получает около 2 тысяч евро, выплачиваемых в три этапа (первые две выплаты приурочиваются к обязательному посещению женщиной врача, третья – к рождению ребенка). Впоследствии и вплоть до достижения ребенком возраста 20 лет семья получает на него ежемесячное пособие (около 100 евро на каждого из двух и более детей) [1, 106].

Особого внимания заслуживает система пенсионного обеспечения. Во Франции любой человек, проработавший 40 лет, имеет право на минимальную пенсию (порядка 750 евро в месяц) [1, 106]. Пенсионные схемы, предлагаемые компаниями или предприятиями своим сотрудникам, являются дополнением к этой общенациональной системе. Подобно другим пенсионным системам Европы, французская система явилась плодом длительного исторического развития. В марте 1947 года между национальным союзом работодателей и профсоюзами было заключено коллективное соглашение о создании дополнительной пенсионной схемы для руководящих сотрудников («кадров»), получивших название AGIRC (Association générale des institutions de retraite des cadres). AGIRC представляла собой подлинное новаторство в деле социального обеспечения и имела огромный успех. Отныне, благодаря принципу перераспределения, выплата пенсий стала вполне реальным делом. Начавшийся экономический рост способствовал развитию пенсионной системы. В декабре 1961 года было подписано второе национальное и межпрофессиональное соглашение в этой области. Для всех компаний, входивших в национальный союз работодателей, была установлена единая ставка обязательных отчислений и создана ARRCo (Association des régimes de retraite complémentaire) – система финансовой солидарности разных профессий. В результате, в 1962 г., помимо базового социального обеспечения, большая часть трудящегося населения Франции была охвачена дополнительной пенсионной системой. И наконец, в 1972 г. парламент принял закон, распространивший дополнительную схему на те немногие компании, которые до сих пор не были связаны коллективными соглашениями [1, 107].

Пенсионное обеспечение всех трудящихся во Франции гарантируется схемами общего социального обеспечения и ARRCo – в той части зарплат, которая не превышает определенного «потолка» для социальных отчислений. Выше этого потолка действуют схемы ARRCo и AGIRC, образуя, таким образом, второй уровень социального обеспечения. Принцип действия этих схем на разных уровнях один и тот же: они являются общенациональными и обязательными. В этом их общий плюс и необходимое условие функционирования системы выплаты пенсий из текущих договоров. Другим общим плюсом является то, что пенсии не «привязаны» к конкретному предприятию, а зависят от общей суммы зарплат в частном секторе. Но у них есть и общий минус: они не отличаются особой гибкостью. Схема ARRCo охватывает всех наемных работников, кроме управленцев, и действует в той части заработка,

которая от одного до трех раз превышает потолок. Схема AGIRC действует в отношении управленцев («кадров») и их заработков, от одного до восьми раз превышающих потолок.

Отличительной особенностью французской модели социальной политики является то, что в ее основе лежит принцип профессиональной солидарности, предусматривающий перераспределение (выплата пенсий из текущих доходов); равное представительство работодателей и работников («паритаризм») и пенсионные очки. Ежегодно работник и его компания отчисляют определенный процент зарплаты в пенсионную схему, на эту сумму работник получает пенсионные очки. Когда он выходит на пенсию, все его пенсионные очки складываются и умножаются на денежную стоимость одного очка. Так определяется размер пенсии. В период болезни, временной нетрудоспособности или вынужденной безработицы очки начисляются бесплатно, размер пенсий не зависит от результатов работы компании. Таким образом, выплата пенсий во Франции не зависит ни от национальности, ни от страны рождения, ни от определяемых стажем имущественных прав пенсионера. Предпринимаемые руководством Европейского Союза усилия по облегчению передвижной рабочей силы для Франции не слишком актуальны, так как схемы ARRCo и AGIRC не имеют ограничений в этом отношении: поскольку система является общенациональной и не связана с проблемой фондов, она гарантирует человеку сохранение его прав даже при частой смене работы и за пределами страны. Во Франции нет пенсионного стажа (периода времени, необходимого для обретения права на пенсию), и пенсия выплачивается человеку вне зависимости от национальности, в любом уголке мира [1, 109].

Представленная модель социального обеспечения, существующая в настоящее время во Франции, подтверждает ее лидирующее положение среди всех европейских стран, обладающих наиболее высоким уровнем жизни. 90% французов уверены, что такой системы социальной защиты, как во Франции, нет ни в одной другой стране. Для 86% опрошенных эта модель является важнейшим национальным достоянием [6]. Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, современная социальная система Франции устарела, она не отличается гибкостью, слишком дорого обходится экономике страны и попросту неэффективна. Подобные заявления не лишены оснований: по подсчетам экспертов, на базовое поддержание своей модели соцстрахования Франция ежегодно тратит более 400 миллиардов евро, это более 30% ВВП – такого нет ни в одном государстве в Европе. Более того, критики системы утверждают, что она живет в кредит последние 20 лет. По официальному прогнозу, без реформы, дефицит пенсионной системы во Франции через 10 лет вырастет до 40-50 млрд. евро и сравняется с оборонным бюджетом страны [2]. Кроме того, как показал опыт, система социального обеспечения Франции не способствует объединению нации, а, напротив, ведет к социальному расслоению. По словам социолога и специалиста по вопросам социальной системы Д. Меда, «проблема в том, что идея сплочения нации (как основополагающего принципа государственной социальной политики) разбивается, столкнувшись с особенностями каждого социального слоя. Менеджеры и частные предприниматели стремятся сохранить свое преимущество и не хотят, чтобы система работала для них по тем же принципам, что и для рабочих. Вместо объединения она расслоила общество» [6].

Помимо неравномерного распределения помощи систему упрекают в пагубном влиянии на конкурентоспособность. По данным последнего доклада-классификации стран Всемирного экономического форума, Франция продолжила свое падение и, опустившись с 18-го места еще на три ступени, вышла из двадцатки мировых лидеров. Принимать работников на постоянные контракты компаниям просто не выгодно: отчисления, которые работодатель должен платить за каждого сотрудника все в те же фонды социальной системы, растут. Поэтому французы довольствуются в лучшем случае временными контрактами и все теми же социальными пособиями. Это ведет к отсутствию экономического роста, увеличению числа безработных. В настоящее время, по данным Национального института статистики и экономических исследований, число безработных во Франции составляет свыше 3 миллионов человек – это более 10% работоспособного населения страны [9]. Таким образом, вопросы социальной политики входят сегодня, в число приоритетных, на которые пытается найти ответ

правительство Франсуа Олланда. Социальная политика является претворяемой в жизнь программой во многих странах мира, идущих по пути создания или совершенствования социального государства, которое является неотъемлемой частью современной цивилизации. Россия в этом плане не является исключением. В условиях экономической нестабильности вопросы социальной политики для нашей страны являются особенно актуальными. Не вызывают оптимизма и данные рейтинга социального развития 2014 г., согласно которым Россия занимает 80 место из 132 возможных по уровню социального благополучия, расположившись между Кубой и Молдовой (для сравнения Франция в этом списке стоит на 20-м месте) [10]. Относительно низкие показатели обусловлены низким качеством здравоохранения, низким уровнем экологической устойчивости, низким уровнем толерантности и социальной вовлеченности, а также проблемами личной безопасности.

Сейчас перед нашей страной поставлен ряд задач перспективного социально-экономического развития, проводятся реформы системы здравоохранения, пенсионного страхования, жилищно-коммунального хозяйства. Объективная оценка этих реформ показывает, что пока ни одна кардинальная проблема не решена. Предстоит еще большой объем работы в этом направлении, и потому опыт французской модели социального государства будет для нас весьма полезным.

Список литературы:

1. Мартин Э. Социальное обеспечение в Великобритании и во Франции // Свободная мысль. 2005. № 8. С.102-109;

2. «Пенсионный апокалипсис» во Франции? [Электронный ресурс]. http://www.russian.rfi.fr/node/19652;

3. Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиции. М.: «Мысль», 1988. 324 с.

4. Социальная политика в развитых странах запада: опыт и перспективы Становление социального государства в зарубежных странах. [Электронный ресурс]. http://do.gendocs.ru/docs/index-283671.html;

5. Социальная политика Франции. [Электронный ресурс]. http://otadoja68.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=66:z4&catid=65:z5&Itemid=91;

6. Франция откажется от социальной защиты населения? [Электронный ресурс]. http://voprosik.net/franciya-otkazhetsya-ot-socialnoj-zashhity-naseleniya/;

7. Французский вариант экономического и социального развития // Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Книга 2. М.: «Экономика», 2005. С.429-456.

8. Федоров С.М. Социальная политика во Франции в последней четверти XX - начале XXI века. [Электронный ресурс]. http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/187978.html;

9. La hausse du taux de chômage se poursuit au quatrième trimestre 2012 // Institut national de la statistique et des études économiques Национальный институт статистики и экономических исследований Франции. [Электронный ресурс]. http://www.insee.fr/fr/themes/info-rapide.asp?id=14;

10. The Social Progress Imperative: Рейтинг стран мира по уровню социального развития 2014 года. [Электронный ресурс]. http://gtmarket.ru/news/2014/04/14/6688.

УДК 316.647.5

СОСТОЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Кораблева Галина Борисовна
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: korablevag@mail.ru
Ананьина Валентина Тимофеевна
аспирант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: miviya@mail.ru

THE CONDITION OF ETHNIC TOLERANCE IN THE URALS FEDERAL DISTRICT

Korableva Galina
Doctor of Social Sciences, Professor
Head of department, Ural State University, Ekaterinburg, Russia
Ananina Valentina
postgraduate student, Ural State University, Ekaterinburg, Russia

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются этапы формирования этнической толерантности в России; на основе результатов эмпирического исследования анализируются особенности межнациональных отношений и этнической толерантности в Уральском федеральном округе; факторы, оказывающие влияние на их состояние и меры по улучшению ситуации в данной области.

ABSTRACT – The authors notes the stages of ethnic tolerance formation in Russia; According to the results of empirical research, they analyze the characteristics of inter-ethnic relations and ethnic tolerance in the Urals Federal Region; factors, which influence their status and measures to improve the situation in this branch.

Ключевые слова: межнациональные отношения, этническая структура, этническая толерантность, уровни этнической толерантности, факторы этнической толерантности.

Key words: international relations, ethnic structure, ethnic tolerance, the level of ethnic tolerance, the factors of ethnic tolerance.

В связи с обострением межнациональной напряженности и ростом межнациональных конфликтов как в глобальном масштабе, так и на уровне национальных государств проблема этнической толерантности приобретает все большую теоретическую и практическую значимость.

Для социологического анализа состояния этнической толерантности в обществе необходимым условием становится обращение к общим условиям и конкретной среде ее формирования и проявления. За последнее столетие в Российской федерации можно выделить четыре этапа принципиальных изменений в межэтнических взаимодействиях и отношениях к ним в, которые определялись спецификой социально-экономических и политических отношений.

Первый этап определялся идеологическим лозунгом дружбы народов Советского Союза, перспективой которой стало формирование советского народа как нового типа национальной общности. В этот период проблема этнической толерантности вообще не поднималась. Отношение к межнациональным семьям определялось четким сценарием, согласно которому были заранее распределены роли и статусы. Необходимо отметить, что межнациональные семьи не только существовали, но и были достаточно распространенной формой, поскольку допускались в рамках государственной идеологии – «дружбы народов». Поэтому стоит сказать, что, несмотря на идеологическую установку, которая выводила толерантность за границы нормы, на практике, в повседневной жизни существовала этническая толерантность, которая допускала различия в национальности супругов, но претендовала на идентичный образа мыслей и стиль жизни вне зависимости, от национальной принадлежности, поскольку готовый сценарий уже был предусмотрен со стороны государства.

Второй этап исторически возникает в период перестройки, характеризуется зарождением толерантности, которую можно охарактеризовать, как допущение других взглядов, которые существовали негласно. По существу оставалось одно мировоззрение для всех народов, а для возникновения разнообразия не было необходимой социальной и политической среды. Этот этап является на государственном уровне предпосылкой для формирования толерантности как нормы. Для населения страны он характеризуется зарождением мировоззренческой дезориентации, поскольку не было паттернов для самостоятельного выбора ми-

ровоззрения в области межнациональных отношений при условии имеющегося разнообразия этнической структуры.

Третий этап связан с периодом постперестройки. В силу того, что сдерживающие механизмы межэтнической толерантности были сформированы искусственно, как и единая «правильная» система мировоззрения, советская идеология, не выдерживает конкуренции с идеологией либерализма, в условиях политического и экономического кризиса. В этот период идеи толерантности и их пропаганда является достаточно распространенным явлением. Активно участвуют в этом различные зарубежные организации. У населения страны происходит абсолютная мировоззренческая дезориентация, поскольку оно не может воспользоваться в жизни существующими вариантами толерантного межэтнического взаимодействия, с одной стороны, в силу отсутствия опыта подобного выбора, с другой, – в связи с тем, что равенство возможностей является равенством для определенных социальных и этнических групп; с третьей стороны идеи общечеловеческих ценностей как идеала, которые были экстраполированы из западных стран, не могли быть реализованы, и для постсоциалистического периода остались лишь на символическом уровне. Как итог – состояние глубокого психологического кризиса у населения страны.

В настоящее время мы переживаем начало *четвертого этапа*, когда в условиях возрастающей социальной и этнической мобильности как внутри страны, так и из ближнего зарубежья, динамичного изменения этнической структуры населения России этническая толерантность/интолерантность становится проблемой, требующей решения как на государственном, так и на личностном уровне.

Мы в данной статье опираемся на материалы, полученные в результате опроса, проведенного в 2013-2014 гг. на территории Уральского федерального округа (N = 835 чел.). По итогам переписи 2010 г. в УФО проживает 14 135 673 человека, что составляет около 8,4 % населения Российской Федерации. В основном в округе присутствует городское населения (80%), плотность составляет 6,7 человек на кв. километр. В УФО насчитывается 120 этнических групп, зарегистрировано более 40 религиозных конфессий и 1300 религиозных объединений. Наиболее распространенные этнические группы на территории Уральского федерального округа: русские – 77,7%, татары – 5,1 %, украинцы – 2,8 %, башкиры – 2,1 %, азербайджанцы – 0,7 %, казахи – 0,5 %, белорусы – 0,5%, немцы – 0,46 % [3]. Не указали национальную принадлежность – 1,7%.

По всем административным субъектам УФО самая многочисленная этническая группа представлена русскими (более 77%). Но необходимо отметить, что численность остальных наиболее распространенных этнических группы отличается в зависимости от административного субъекта данного федерального округа. Так для Свердловской и Тюменской области за русскими по численности по численности следуют сначала татары, а далее украинцы, башкиры, марийцы. Курганская область характеризуется таким распределением этнических групп в порядке убывания их численности: русские, татары, башкиры, казахи, украинцы. Челябинская область характеризуется таким порядком численного распределения: русские, татары, башкиры, украинцы, казахи. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах наиболее многочисленные после русских национальности представлены следующими группами: татары, украинцы, башкиры, азербайджанцы и соответственно украинцы, ненцы, татары, ханты. На территории Уральского федерального округа по данными переписи 2010 г. можно выделить пять этнических групп: славянская, тюркская, финно-угорская, тунгусо- маньчжурская, нахско-дагестанская, вайнахская.

Итак, анализ этнической структуры УФО свидетельствует, что в целом она отражает общероссийскую структуру. В этом плане анализ состояния и механизмов формирования этнической толерантности в Уральском федеральном округе становится эмпирическим полем для разработки федеральных и территориальных программ оптимизации межэтнических взаимодействий и предупреждения межнациональных конфликтов.

С учетом глубины погружения в проблему межэтнических взаимодействий респондентами в нашем исследовании выступали члены межнациональных семей, которые либо

выросли в таких семьях, либо создали собственную межнациональную семью. Для удобства анализа и в соответствие с целями нашего исследования мы сгруппировали респондентов по степени сближения этнических связей в родительской и/или супружеской семье, способствующих формированию межнациональных браков. В данном случае мы учитывали, что на территории УФО проживают коренные и некоренные народы. Некоренными народами являются преимущественно представители Средней Азии, Казахстана, Кавказа. Также округ населяют малые народы, которые, являясь коренными для Урала, в основном не ориентированы на межнациональные браки для сохранения своей этнической идентичности и уникальности.

С учетом вышесказанного нами были выделены 4 группы респондентов по степени этнической близости родительских и супружеских семей:

1. Одна этническая группа:

– представители коренного населения, численного большинства региона (русские);
– представители коренного населения (кроме русских);
– представители некоренных народов УФО;

2. Близкие этнические группы:

– представители коренного населения, численного большинства региона (только русские) и другие представители коренного населения УФО;
– представители коренного населения, относящиеся к разным этническим группам (кроме русских);

3. Далекие этнические группы:

– коренные (включая русских) и некоренные народы УФО (к некоренным народам УФО относятся народы Кавказа, Закавказья, Азии, Казахстана, а также зарубежных государств);

4. Сложно определяемые связи между представителями этнических групп в результате размытия границ одной из них:

– представители коренного населения УФО (включая русских) и представители разноэтнических групп;
– представители некоренных народов УФО и представители разноэтнических групп.

Как же оценивают респонденты состояние межнациональных отношений? Опрос показал, что их оценка определялась типом территории, которая охватывает либо всю Российскую Федерацию, либо город проживания респондента. Так участников опроса гораздо более беспокоит состояние межнациональных отношений на территории России, которые 41,8% опрошенных назвали напряженными, а 6,9% даже критическими, чем на Урале или в городе постоянного проживания участников опроса: более половины респондентов оценивают их как спокойные и стабильные. Вместе с тем каждым пятым опрошенным межннациональные отношения на территории Урала и в своем городе все-таки рассматриваются как напряженные и отчасти даже критические. По нашему мнению, в значительной степени на такой характер оценок оказывают влияние деятельность СМИ и опыт постоянного межнационального взаимодействия. Сама потребность индивида, группы, семьи в толерантном отношении к этнодругому формируется прежде всего в условиях наличия и повторяемости такого взаимодействия. На его основе, как считают специалисты, возникает два уровня толерантности: абстрактный и реальный.

Первый уровень П. Снайдерман называет *«прототипом толерантности»*, основная задача которого задавать нормы, с ориентацией на ценности характерные для конкретного общества, или правящей элиты с учетом определенных интересов [1; 214]. Но чаще всего эти интересы разнятся с убеждениями народа. Данный уровень формируется также с учетом пространства и времени.

Поэтому стоит выделить второй уровень – *реальный*, который возникает в повседневной жизни, и может быть теоретическим или практическим, сформированный общим пониманием норм толерантного поведения и осознанием индивидом групп, которые являются наименее принимаемыми обществом или конкретными практиками между индивидами, индивидом и группой.

Повседневная жизнь индивидов наполнена рутинными действиями, которые имеют рационально-субъективный характер, люди находят в них практическую значимость, а значит и смысл, однако действия достаточно часто не подвергаются рефлексии самими индивидами. В этом плане этническая толерантность потребность и необходимость в ней прежде всего проявляется у тех групп населения, которые либо слабо интегрированы в национальную среду территории, города, либо проходят период адаптации в инонациональной среде.

Наш опрос показал, что чаще относят межнациональные отношения в России к напряженным представители этнически разнородных групп, с нестабильной этнической идентичностью. Здесь каждый второй назвал межнациональные отношения напряженными, а 10% оценили их как критические. Тогда как среди представителей коренных народов Урала каждый второй, напротив, считает эти отношения стабильными и спокойными.

Какие же факторы, по мнению участников опроса, негативно влияют на межнациональные отношения?

Наши респонденты, отвечая на вопрос о факторах негативно влияющих на межнациональные отношения, в большей степени акцентируют внимание на территории всего государства и на первые места ставят межнациональные конфликты внутри страны – 43%, влияние стран Запада и отсутствие национального единства по 32,5% и человеческие качества – 31,9%. Для территории Урала, где оценки уже больше связаны с практикой повседневного межнационального взаимодействия и общения, участники опроса на первое место поставили отсутствие национального единства и человеческие качества (36,4% и 35,8% соответственно), далее идут межнациональные конфликты внутри страны (29,9%) и другие факторы. На уровне города проживания, где практики межнационального общения превращаются в повседневные и рутинные, лидируют среди факторов человеческие качества (34,5%), отсутствие межнационального единства (33,5%) и на третьем месте межнациональные конфликты внутри страны (27,3%). Следовательно, можно констатировать, что чем ближе уровень толерантности к реальному, тем больше на межнациональные отношения оказывают влияние человеческие качества и личностные характеристики индивидов, которые формируются прежде всего в процессе внутрисемейной социализации.

Какие события последнего (2014) года, по мнению участников опроса, повлияли на характер межнациональных отношений в стране? По всем группам территорий лидирует вариант ответа: приток мигрантов (42,3% - по России, 46,7% – по Уралу и 41,7% – по городу проживания). Данный вопрос не предполагал выявления направленности оценок событий и потому не может свидетельствовать о том, как они повлияли на межнациональные отношения: негативно или позитивно. Отсюда далее среди значимых для этнических взаимодействий назывались Олимпиада в Сочи (25,5%), проблемная ситуация на Украине (26,2%) и др. Что касается Урала и города проживания респондента, где межнациональные отношения в целом оцениваются участниками опроса как более спокойные, чем в РФ в целом, то здесь в первую очередь в качестве событий, влияющих на отношения между представителями разных этносов, называются рост стабильности и спокойствия (18,0% и 20,4%), а также терпимости и взаимопонимания между людьми (18,4% и 16,9%). Но настораживает тот факт, что почти 17% респондентов все-таки отмечают, что в их городах наблюдается рост национализма и межнациональной неприязни.

Интересы каких этносов и народов в таких условиях должно выражать и защищать государство? Более половины участников опроса (67,2%) считает, что Россия должно быть государством, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности. Вместе с тем, настораживает тот факт, что каждый пятый опрошенный однозначно ответил «Россия должно быть государством, которое выражало бы, в первую очередь, интересы русских», а 12% затруднились с ответом. Такие настроения распространяются и на территории России в целом. В рамках общероссийского исследования «20 лет реформ», проведенного Институтом социологии РАН в 2011 г. респонденты, согласные с тезисами, что Россия должна быть государством русских людей или что у русских должно быть больше прав, чем у других народов, составили 45% [2]. Данные настроения, с одной

стороны, отражают отчасти распространение идеи «русской» исключительности, либо превалирования интересов русских в нашем государстве. С другой стороны, в традиционно многонациональных субъектах Федерации таких как, например, Башкортостан и УФО националистические прорусские настроения проявляются реже. Так по результатам опросов среди жителей Башкортостана, проведенных в 2011-2-12 гг. только 14% участников опроса придерживаются позиции о преимущественных правах русских в РФ [4;45].

Каковы же причины ухудшения межнациональных отношений, по мнению участников опроса? В предложенных вариантах ответа респонденты сконцентрировали свое внимание в большей степени на том, что как Россия в целом, так и отдельные ее территории и административные субъекты, сегодня сталкиваются с неконтролируемым ростом численности иноязычных мигрантов, что провоцирует ухудшение межнациональных отношений.

Следующей по значимости причиной нарушения межнационального спокойствия идет активизация русских националистов, рост нетерпимости с их стороны к представителям других национальностей (19,2% на территории России, 20,5% – на Урале и 17,7% в городах проживания респондентов). С тем, что проблему межнациональных отношений обостряет позиция властей, которые ничего не предпринимают, чтобы ее решить, согласны около 20% респондентов. При этом следует обратить внимание на тот факт, что, если по территории России в целом таких решений ожидают 16,6% опрошенных, то на уровне своих городов уже 23,1%. Хотя население Российского государства, Уральский регион, будучи исторически многонациональными территориями, за многие годы совместного проживания выработали механизмы совместного спокойного и бесконфликтного существования, чему способствовали межнациональные браки, интеграция национальных культур и др., в постперестроечный период это спокойствие и равновесие явно нарушилось, о чем свидетельствует тот факт, что надуманной для России данную проблему считают только 6,1% участников опроса, для Урала – 9,8%, а для городов проживания анкетируемых – 8,6%.

Что же нужно в первую очередь сделать, и на что необходимо обратить внимание властным структурам для решения проблем в области межнациональных отношений?

Наши респонденты на вопрос о мерах по улучшению ситуации в области межнациональных отношений в стране проранжировали их следующим образом. На первое место из пятнадцати предложенных вариантов они поставили меры, связанные с культурой межнационального общения (52,3%). На втором месте, по мнению участников опроса, находится контроль за миграционными потоками (34,9%). На третьем – более терпимое и толерантное отношение к другим людям (26,3%). На четвертом – ужесточение борьбы с проявлениями межнациональной розни (22,6%). На пятом – усиление работы по воспитанию межнациональной терпимости в школах, СМИ и т. д. (19,2%), а уже на шестом – воспитание межнациональной терпимости в семье. Такое распределение получено при оценке значимости мер урегулирования межнациональных отношений в целом по России. Но чем ближе к месту и среде постоянного проживания участников опроса, тем выше по рангу оцениваются меры, связанные с формированием межэтнической толерантности в школе, семье, межличностном общении. На уровне территории Урала и в городах проживания опрошенных они уже отнесены к третьей-четвертой группе мер по значимости.

Таким образом, этническая толерантность выступает необходимым условием межкультурного взаимодействия наций в современном мире, само мирное и бесконфликтное существование которого в условиях активной миграции этносов зависит от степени межэтнической интеграции. При этом межэтническая интеграция процесс неоднозначный и противоречивый, поскольку в своих крайних формах она может привести, с одной стороны, к полной ассимиляции и потере этнической идентичности, особенно малых народов, а с другой, – способствовать и расцвету национальной культуры этноса за счет освоения и принятия культурных образцов жизни этнодругих и укреплению межэтнической толерантности. Отсюда возникает необходимость постоянного мониторинга состояния межнациональных отношений как в регионах, так и на территории России в целом для принятия оперативных и адекватных

решений. Но формирование этнической толерантности и укрепление процессов межэтнической интеграции

Список литературы:

1. Гордеева М. А. Прикладные механизмы социальной толерантности в динамики развития // Классические и инновационные практики социальной толерантности: Коллективная монография / под науч.ред. А.П. Логунова. – М.: Ленанд, 2013.
2. Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном). М.: 2012. URL: http://www.youngscience.ru/files/doklad_ran-310512.pdf (дата обращения 06.01.2015).
3. Официальный сайт всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения 12.01.2015).
4. Социологический ответ на национальный вопрос: пример республики Башкортостан. Институт социологии РАН, Башкирский филиал ИС РАН М.; Уфа: Восточная печать, 2012.

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Кох Иван Адамович
доктор социологчиеских наук, профессор
Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург
e-mail: kia4@mail.ru

SOCIAL INFRASTRUCTURE AS A FACTOR SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION

Ivan Kokh
Dr., Professor ,Ural Institute of Management RANHiGS, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируется роль социальной инфраструктуры в социокультурном развитии региона. Представлена социальная инфраструктура Свердловской области как одного из промышленно развитых регионов страны, структура и основные направления деятельности объектов социальной инфраструктуры. Обращается особое внимание на роль Интернет-технологий в преобразовании социальной инфраструктуры, ассортимента и доступности социальных услуг для населения, особенно малых городов и сел.

ABSTRACT – The article analyzes the role of social infrastructure in sociocultural development of the region. Represented social infrastructure Sverdlov-Region as one of the industrialized regions of the country, the structure and main activities of the social infrastructure. Special attention is paid to the role of Internet technology in the transformation of the social infrastructure, the range and availability of social services for the population, especially in small towns and villages.

Ключевые слова: социальная инфраструктура; отрасль; регион; социокультурное развитие; социальная сфера.

Keywords: social infrastructure; industry; region; sotsiokultural development; social sphere.

Регионы России имеют глубокие различия по географическим и климатическим условиям, социально-экономическому развитию и культурно-историческим традициям. Среди 85 регионов Российской Федерации Свердловская область выделяется, прежде всего, своим промышленным профилем – машиностроением и развитой горнодобывающей отраслью. В ней сосредоточен и значительный научный, культурный и человеческий потенциал страны. В области много культурных и научных учреждений, включая Уральское отделение Российской академии наук, много образовательных учреждений, школ, высших учебных заведений, музеев, театров, библиотек и много других учреждений культуры. Соответственно этому об-

раз жизни населения Российской Федерации отличается большим разнообразием. В этих условиях вполне естественно каждый регион приобретает специфические черты социокультурного развития. Однако только при условии единства экономического, политического и духовного развития регионов возможно поступательное и устойчивое социокультурное развитие всего общества.

Значительные территориальные различия в социально-экономическом и культурном развитии народов России придают особую значимость понятию «регион». Огромные просторы страны, разнообразие природных условий обусловили разнообразие социокультурных различий. В современном обществознании сложилось несколько определений понятия «регион». Географически под понятием «регион» понимается та или иная область континента или часть света с точки зрения общих природных характеристик. Наконец, регион – это часть одной страны, административно-политическая единица унитарного или федеративного государства с присущими ей географическими, экономическими и культурными характеристиками [1; 8-10]. Регион стал основным элементом федеративного, политического, административно-управленческого устройства России. Вместе с тем регион – это исторически сложившаяся территориально-культурная общность, ячейка социокультурного пространства страны. Регион, по Ф. Теннису, также понимается как «местное сообщество» [2; 9-12].

Таким образом, понятие *регион* имеет множество значений: 1) регион как географическая и территориальная единица; 2) регион как хозяйственно-экономический комплекс; 3) регион как исторически сложившаяся социально-культурная общность, местное сообщество и регион как административно-политическая единица. В этом смысле регион – это население, проживающее на определенной территории и представляющее административно-территориальную общность с характерным экономическим укладом и образом жизни людей. Именно в этом значении мы будем использовать далее понятие «регион».

В настоящее время Свердловская область – субъект Российской Федерации, выделяющийся довольно высоким уровнем развития горнодобывающей промышленности, разносторонним машиностроением, являющийся научным, образовательным и культурным центром Урала. Выгодное географическое местоположение региона и развитая транспортная сеть делает его и логистическим центром страны, чему способствует международный аэропорт, развитый железнодорожный транспорт, 2600 километров железнодорожных путей. В Свердловской области расположены значительные запасы минерально-сырьевых ресурсов, таких как железо, медь, уголь, торф, золото, платина, серебро, марганец, никель, титан, ванадий, асбест, бокситы, драгоценные камни, редкоземельные элементы. Поэтому одной из ведущих отраслей экономики региона стала горнодобывающая и горно-металлургическая промышленность. Из регионов Уральского федерального округа Свердловская область является наиболее богатой по разведанным запасам черных и цветных металлов, строительных материалов и углей, что создает благоприятные условия для экономического развития. Важным условием для этого является развитие производственной и логистической инфраструктуры горной промышленности. На территории области работают более 2500 добывающих и перерабатывающих предприятий.

В области сформировался мощный военно-промышленный комплекс (ВПК) – машиностроительные предприятия военной промышленности, обладающие мощным материально-техническим, научным и кадровым потенциалом. Огромные резервы экономического роста связаны с развитием и конвертированием оборонно-промышленного комплекса Урала. В настоящее время идет процесс конвертирования производства и освоение новых видов военной и гражданской продукции. Основными отраслями промышленности области являются горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия, машиностроение и металлообработка, электроэнергетика, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, химическая и нефтехимическая промышленность. В структуре промышленного производства области 11,4 % приходится на долю энергетики. Энергетику области обеспечивают более 12 крупных тепловых электростанций и другие объекты отрасли. Сельское хозяйство не достигло

высокого уровня развития вследствие неблагоприятного климата и других причин. Одной из ведущих отраслей сельского хозяйства является животноводство и птицеводство. Обеспеченность молочной продукцией составляет около 70 %, мясопродуктами – 55 %, зерном – 25 %. Примерно половина посевных площадей занята кормовыми культурами – многолетние травы, кукуруза, корнеплоды), остальные площади – под зерновыми (пшеница, ячмень, овес), около 5 % – под картофелем (в основном в южной части области) и овощами. Пищевая промышленность представлена мясной, мукомольно-крупяной, винодельческой, пивоваренной, молочной и другими отраслями экономики. Развита лесная промышленность, которая производит разнообразную продукцию на основе значительных лесных ресурсов и запасов древесины.

Поскольку в регионе, в Свердловской области сосредоточено много промышленных предприятий, важными направлениями развития экономики являются техническая и технологическая модернизация промышленности и сельского хозяйства. В первую очередь необходимо развитие промышленной инфраструктуры, промышленного и пассажирского транспорта, создание логистических центров.

Свердловская область является крупным культурным центром. Регион обладает мощным научным, образовательным и технологическим потенциалом. Инновационный потенциал Урала складывается, прежде всего, из высокого уровня общего и профессионального образования населения. Кадровый, образовательный и научный потенциал занимает одно из центральных мест в процессах социокультурного развития региона. В области сосредоточено большое количество общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, множество государственных и негосударственных вузов, способных обеспечить потребности инновационной экономики. Научно-исследовательские учреждения ведут фундаментальные и прикладные исследования, обеспечивающие расширенное воспроизводство научно-технической инфраструктуры производственной и непроизводственной сферы. По научному и кадровому потенциалу Уральский федеральный округ занимает одно из ведущих мест в России. В области сосредоточено большое число научных организаций Урала, осуществляющих научные исследования и опытно-конструкторские разработки. Различными видами научной, научно-технической и проектно-изыскательской деятельности занимается свыше тысячи организаций.

В регионе бережно относятся к богатому культурному наследию и традициям Уральской земли, духовным ценностям в их многонациональном разнообразии. Здесь сложилась разветвленная сеть учреждений культуры, искусства и художественного образования. Основные достопримечательности Свердловской области связаны с первыми металлургическими заводами и развитием горной промышленности. В области много музеев, в том числе краеведческий, музей Уральских гор в Екатеринбурге, минералогические музеи во многих городах области и др. С регионом связана судьба многих русских писателей. Здесь находятся Дом-музей Д. Н. Мамина-Сибиряка в Висиме, дом-музей П. П. Бажова в Екатеринбурге.

Для характеристики региона как административно-территориальной общности, сложившейся на основе этнокультурной идентичности населения, общности экономической, политической и культурной жизни, необходим комплексный подход. Регион характеризуется особенностями этнического состава населения, укладом экономической жизни и отраслями производства, социальной инфраструктурой и бытовыми условиями жизнедеятельности, уровнем и качеством жизни населения.

Российские регионы существенно отличаются друг от друга и по уровню социально-экономического развития, и по степени обособленности и удаленности от центра, и по характеру, интенсивности и специфике протекающих социальных процессов. Есть существенные различия в процессах трансформации и становления экономических, политических и социальных институтов, развития социальной инфраструктуры. Центральное место в социокультурном развитии любого региона занимает социальная инфраструктура. Социальная инфраструктура региона выступает основой экономического, политического, духовного и культурного разви-

тия. Социальная инфраструктура региона – это совокупность отраслей и предприятий, которые призваны обеспечить нормальную жизнедеятельность населения на территории, создающие условия для комплексного удовлетворения личных и групповых потребностей людей. Социальная инфраструктура (лат. infra – под; structura – строение) является также важнейшей составляющей материально-технической базы общества.

Термин «инфраструктура» появился в конце 1940-х гг. Он был заимствован из военного лексикона, где этим термином обозначался комплекс вспомогательных сооружений, обеспечивающих действия вооруженных сил. В настоящее время он широко используется в экономике, при анализе проблем размещения производительных сил, в архитектуре, социологии. Принято выделять институциональную инфраструктуру и ее подвиды, в частности, в социокультурной – инфраструктура дошкольного, среднего и высшего образования, культурно-просветительские объекты. Социальная инфраструктура может рассматриваться и на уровне общества, региона, и на уровне отрасли народного хозяйства, предприятия. Функционально социальная инфраструктура призвана обеспечить удовлетворение потребностей населения в социальных услугах. Есть такие элементы социальной инфраструктуры, которые призваны обслуживать повседневную жизнь людей, а другие – обеспечивают деятельность предприятий и учреждений. Социальная инфраструктура включает в себя жилье и жилищно-коммунальное обслуживание населения, учреждения социально-культурного назначения, больницы, поликлиники и другие объекты системы здравоохранения, учреждения образования, дошкольного воспитания, предприятия и организации, связанные с отдыхом и досугом. К ней относятся также предприятия торговли, общественного питания, спортивные и оздоровительные учреждения, пассажирский транспорт и связь для обслуживания населения, учреждения и организации, оказывающие услуги юридического и финансово-кредитного характера – консультации, нотариальные конторы, сберегательные кассы, банки и другие. Другими словами, это – прежде всего, предприятия, организации и учреждения, которые привычно относят к сфере услуг.

Социальная инфраструктура особенно интенсивно развивается с середины XX века во всех странах с развитой рыночной экономикой. Научно-техническая революция стимулировала развитие социальной инфраструктуры, поскольку она, с одной стороны, потребовала значительного повышения качества рабочей силы за счет развития интеллекта, укрепления здоровья, изменения структуры трудовых мотиваций, а с другой стороны – была создана качественно новая материально-техническая база в социальной сфере, сфере удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. Важную роль в этом процессе сыграло и то обстоятельство, что научно-техническая революция способствовала сокращению численности занятых работников в отраслях материального производства, а это создало условия для существенного перераспределения рабочей силы в сферу услуг, в отрасли социальной инфраструктуры. Развитие и совершенствование деятельности объектов социальной инфраструктуры, повышение доступности услуг для населения – необходимое условие повышения уровня и качества жизни, создания комфортных условий жизнедеятельности населения региона. Социальная инфраструктура выполняет и другую важную роль – служит средством социокультурной консолидации общества. Понимая консолидацию (от позднелатинского consolidatio – от consolido – укрепляю), как упрочение, укрепление, объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для реализации общих целей и интересов, рассмотрим основные факторы, влияющие на консолидацию населения в масштабах административно-территориальной общности, в частности Уральского региона и Свердловской области. Можно выделить пять основных групп факторов социокультурной консолидации населения в регионе: 1) историко-генетические факторы, 2) экономические, 3) производственная и транспортная инфраструктура, 4) социальная инфраструктура поселений, муниципальных образований, 5) деятельность государственных и муниципальных органов власти по управлению социальными изменениями в регионе.

Помимо производственной важнейшую роль в социокультурном развитии играет транспортная инфраструктура, транспортные коммуникации и логистические центры. На

консолидацию населения административно-территориальной общности огромное влияние оказывает транспорт и связь. Выгодное географическое местоположение Свердловской области и развитая транспортная сеть делает его и логистическим центром страны на Урале. Развитие этих направлений экономической стратегии региона призван обеспечить комплексный инвестиционный проект «Урал Промышленный – Урал Полярный», предусматривающий создание промышленной, транспортной и энергетической инфраструктуры, введение в хозяйственный оборот комплекса твердых полезных ископаемых, расположенных на Севере и восточных склонах Уральских гор [3; 3 – 25].

Все возрастающее значение в консолидации населения и повышении уровня и качества жизни людей играют сети Интернета. Наличие в регионе динамично развивающейся системы электронных коммуникаций, безусловно, играет положительную роль не только как средство связи, но и в плане общения (социальные сети), развития культуры, сферы услуг, Интернет-торговли. Практически все школьники обучаются пользоваться компьютером, во всех школах имеется Интернет-сеть. Как показал наш опрос населения, в Свердловской области более половины жителей пользуются компьютером и Интернетом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Пользование компьютером и Интернетом
жителями Свердловской области

Вопросы	Ответы	Деревня, село	Город		
			малый	средний	крупный
Используете ли Вы компьютер?	Да	62,5	73,6	85,0	77,5
	Нет	37,5	26,4	15,0	22,5
Используете ли Вы Интернет?	Да	38,7	51,1	64,0	65,0
	Нет	61,3	48,9	36,0	35,0

Интернет становится все более значимым элементом социальной и производственной инфраструктуры. Сети Интернета широко используются как средство связи, средство управления производством и людьми, средство общения и для оказания социальных услуг. В социокультурном развитии региона его роль несомненно будет постоянно повышаться. Интернет-технологии в сложившихся условиях могут совершить революционную роль в социокультурном развитии регионов, особенно в развитии периферийных районов. Уже сегодня с их помощью осуществляются покупка товаров с доставкой на дом, запись в очередь к врачу, получение ряда государственных услуг. Уже сейчас врачи проводят консультации пациентов по SKYPE (например, в г. Североуральске), в перспективе – консультации и консилиум врачей, лечение больных с использованием технологий Интернета, что особенно важно для сел, поселков и малых городов. Огромные перспективы для использования Интернет-технологий имеются в сфере образования, прежде всего дистанционное образование, общеобразовательные курсы для населения. Приоритетным направлением по оптимизации развития социальной инфраструктуры является развитие Интернет-инфраструктуры через использование Интернет-технологий для сокращения затрат времени на бытовое обслуживание. Внедрение Интернет-технологий позволит изменить сложившуюся ситуацию и реализовать условия для более комфортного использования социальной инфраструктуры. Развиваются сети государственных и муниципальных услуг, что способствует своевременному и более полному удовлетворению потребностей населения. Объекты социальной инфраструктуры широко используют сети Интернет для информирования людей и своевременного оказания услуг, что приводит к рациональному использованию времени человека и как следствие созданию более комфортных условий жизни населения.

В настоящее время масштабно развиваются сети Интернет. Население в малых городах Уральского региона все чаще используют их (см.: Рис. 1). Население в возрасте от 18 до 45 лет регулярно пользуется услугами через сеть Интернет (около 50 %). А вот жители в возрасте от 46 до 60 лет пользуются ими реже (48% от числа опрошенных). И большинство жителей в возрасте старше 60 лет мало пользуются услугами через сеть Интернет (41,8 %). Ин-

тересно то, что каждый четвертый в возрасте старше 60 лет и каждый пятый в возрасте от 46 до 60 лет регулярно пользуются социальными услугами через Интернет. Интернет-инфраструктура является новой и современной сферой, которая позволяет населению более эффективно использовать услуги социальной сферы. Главное – пользование социальными услугами Интернет-инфраструктуры позволяет экономить свободное время жителей сел, поселков, малых городов, обеспечить доступ к тем услугам, которые ранее были для них недоступны.

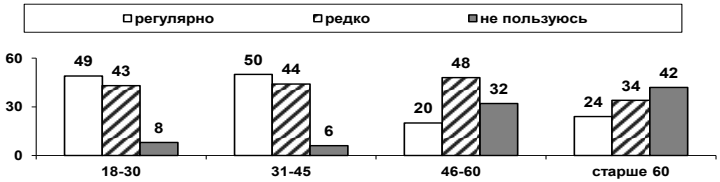

Рис. 1. Частота пользования услугами социальной Интернет-инфраструктурой в городе Североуральске (в % к числу опрошенных)

Обратимся к таблице 2, где представлены услуги объектов социальной инфраструктуры по частоте использования населением в трех малых городах Свердловской области.

Таблица 2

Сферы использования сети Интернет

Услуги	Ответы в % к числу опрошенных		
	Североуральск	Камышлов	Заречный
В области здравоохранения	52,0	28,8	18,1
Покупка товаров	35,7	34,9	39,8
В области образования	35,1	31,7	16,7
В области жилищно-коммунального хозяйства	25,1	30,2	23,1
В области культуры	11,6	19,6	15,8
Бытовыми услугами	8,2	9,2	9,6

Услуги в области здравоохранения больше всего распространены в городе Североуральске: 52% опрошенных ими пользовалось, так как электронные очереди удобны. А вот жители двух других городов отмечают распространенность покупки товаров через сеть Интернет: 39,8 % в городе Заречный и 34,9 % в городе Камышлов. Примерно одинаковый процент использования услуг в сфере ЖКХ – от 23 % до 30 % опрошенных. Реже всего жители городов обращаются к услугам быта через Интернет: от 8 % до 9,5 % от числа опрошенных.

Роль Интернет-технологий в обеспечении процесса управления социальной инфраструктурой возрастает с каждым годом и это закономерно в развитии современного общества. Развитие Интернет-инфраструктуры способствует повышению качества услуг, экономит свободное время жителей городов, способствует уменьшению очередей.

Социальная инфраструктура поселений играет большую роль в создании благоприятных и комфортных условий жизнедеятельности населения. От этого в значительной степени зависит социальное самочувствие, уровень и качество жизни населения. Практика убедительно показывает, что при низком уровне развития социальной сферы возрастает социальная напряженность, временами вспыхивают конфликты, причинами которых часто являются материальное неравенство, временами переходящая в национальную и религиозную нетерпимость. Важнейшим условием социокультурного развития региона является не только ко-

личество и ассортимент предприятий и учреждений, но и качество и доступность предоставляемых услуг, что в рыночном обществе напрямую зависит от доходов и платежеспособного спроса населения.

Рассмотрим на примере Свердловской области, как оценивают жители городов и сел на основе личного опыта качество услуг, предоставляемых населению. Основой для выводов являются результаты социологического исследования[1]. Большинство населения положительно оценивает развитие сферы образования, но при этом негативно относятся к платности его получения. Успешно развивается общее и профессиональное образование. А вот качество жилищно-коммунального обслуживания половина опрошенных оценивает как «удовлетворительное», а 39,8 % – как «плохое», менее 7 % считают его хорошим. Благоустроенность своего двора, микрорайона 42,5 % жителей области характеризуют как «удовлетворительное», а 44,9 % опрошенных – как «плохое». Разнообразие бытовых услуг, по мнению 56,3 % жителей области, является удовлетворительным. 19,4 % опрошенных полагают его хорошим, а 18,6 % дают противоположную оценку. Снабжение товарами долговременного пользования и товарами повседневного спроса подавляющее большинство населения признает хорошим (69,6 % и 68 % ответов), а оставшаяся четверть участников опроса считает удовлетворительным. Качество услуг почты, телефона 35,5 % жителей Свердловской области характеризуют как «хорошее», еще 51,8 % – как «удовлетворительное». Таким образом, население обеспокоено состоянием социальной сферы, хотя на фоне других социальных проблем не всегда считает эти проблемы первоочередными. Города и другие поселения имеют достаточно развитую социальную инфраструктуру, хотя ее функционирование и вызывает много замечаний. Лучше всего развивается торговля, высоко оценивается организация снабжения населения продуктами питания и товарами длительного пользования и повседневного спроса. Во многих городах появились комплексные предприятия бытового обслуживания населения.

Муниципальные культурно-досуговые учреждения, библиотеки, детские школы искусств, коллективы самодеятельного творчества, национально-культурные организации, творческие союзы становятся все более заметными явлениями, которые показывают тенденцию развития культурного потенциала населения региона.

Частота посещаемости культурно-развлекательных учреждений жителями Свердловской области приведена в таблице 3.

Таблица 3

Посещаемость культурно-развлекательных учреждений
(в % от числа опрошенных)

	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в полгода	Реже, чем раз в год	Затрудн. ответить	Отказ от ответа
Библиотека	5,0	12,1	15,7	39,4	27,9	8,5
Театр	0,6	5,3	18,2	48,6	27,3	7,8
Цирк	0,1	1,9	12,0	54,2	31,8	11,2
Музей	0,4	2,7	16,5	50,7	29,6	8,9
Стадион	7,1	9,3	17,2	37,0	29,5	11,2
Клуб по интересам	6,5	6,7	6,3	35,8	44,7	14,1
Дискотека	3,8	9,6	10,8	35,3	40,4	14,1
Кинотеатр	2,7	15,2	19,5	34,1	28,5	10,3

Областные и муниципальные органы управления в последние 10 лет предприняли ряд мер, которые позволили осуществить положительные количественные и качественные изме-

[1] Исследование основано на анализе статистики, массовом опросе населения и экспертном опросе. Всего в Свердловской области опрошено 1004 человека. Опрос населения проводился методом интервью по месту жительства или месту работы. В качестве исходной базы для качественного анализа представлены мнения 42 экспертов, по роду своей деятельности представляющих различные сферы общества.

нения в предоставлении культурных услуг населению. В последние годы повысилось качество экспозиционной работы в областных государственных музеях и их посещаемость за счет оснащения учреждений современным экспозиционным оборудованием, обновлены интерьеры и техника концертных залов и театров.

Важным направлением развития культурного потенциала региона является работа с детьми. Благодаря поддержке областного бюджета количество учащихся муниципальных детских школ искусств ежегодно увеличивается [См. 4]. Разумеется, всеми этими возможностями в полной мере могут воспользоваться прежде всего жители крупных городов, в первую очередь областного центра. Нерешенной проблемой остается обеспечение доступа населения области, проживающего в удалении от крупных городов и культурных центров, к современным и качественным культурным объектам и услугам. При росте количества концертов и спектаклей сохранилась тенденция снижения количества мероприятий, проведенных театрами и концертными организациями в сельских и отдаленных территориях. Телевидение и Интернет лишь частично способны восполнить этот пробел. В последние годы сложилась устойчивая тенденция снижения посещаемости областных и муниципальных библиотек, уменьшилась книгообеспеченность жителей области библиотечными фондами, упала экскурсионная посещаемость музеев. Вместе с тем в докладе Министерства культуры и туризма Свердловской области отмечалось, что низкая экономическая эффективность многих учреждений культуры сегодня во многом следствие острого дефицита молодых управленческих и творческих кадров, обусловленного низким уровнем престижа творческой деятельности. В массовом сознании населения и в первую очередь молодежи сформировался непривлекательный образ человека, занятого в сфере творческих профессий: без карьерных перспектив, социального и материального успеха. Необходимы меры по целенаправленному формированию общественного спроса на талантливых и творческих людей. Без выработки системных мер и целевой поддержки процессов творчества не будет решена острейшая на сегодня для сферы культуры проблема нехватки инициативных, инновационно мыслящих творцов новой культуры. Адресная поддержка творчески одаренных детей и молодежи будет способствовать росту культурного потенциала региона. По мнению наших экспертов, для развития культурного потенциала региона есть неиспользованные резервы, связанные с привлечением малого бизнеса в сферу культуры. Если крупные частные предприятия оказывают спонсорскую помощь учреждениям культуры, то предприятия малого бизнеса пока очень мало вовлечены в процесс развития культурных учреждений и развлекательных услуг из-за неясности стратегии развития культуры в регионе, отсутствия должной правовой базы и отсутствия современных механизмов частного финансирования. Правовая неурегулированность цивилизованного меценатства, спонсорства и благотворительности, недостаточная государственная поддержка общественных творческих инициатив также сдерживает развитие культурного потенциала региона.

Таким образом, на фоне общего благополучия региона, уровня благосостояния, стабильности и позитивных характеристик самоощущения населения, роста трудовой активности и социальной мобильности можно заключить, что по уровню социокультурного развития Уральский федеральный округ, Свердловская область располагают высоким экономическим и социокультурным потенциалом. Создание, рациональное развитие и целенаправленное регулирование социальной инфраструктуры, исходя из реальных потребностей населения, диктует необходимость их постоянного изучения и постоянного мониторинга потребностей и спроса населения на услуги.

Список литературы:

1. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010. 135 с.

2. См.: Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. 386 с.

3. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rg.ru/2011/10/17/ural-site-dok.html

4. При анализе работы учреждений культуры использованы материалы Областной целевой программы «Развитие культуры в Свердловской области» на 2011-2015 годы, утвержденной постановлением Правительства Свердловской области от 11.10.2010 г. № 1474-ПП и другая информация с официального сайта Министерства культуры и туризма Свердловской области.

УДК 314

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИИ[1]

Кузьмин Александр Иванович
доктор социологических наук, профессор, вед. научн. сотр.
Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург
E-mail: kuz53@list.ru

THE NEW HORIZONS OF DEVELOPMENT OF A YOUNG FAMILY IN RUSSIA

Kuzmin Alexander
Doctor of Sociology, Professor, leading scientific researcher,
Institute of Economics of UB RAS, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Цель публикации заключается в попытке привлечь внимание к авторской интерпретации открывающихся перспектив демографического развития молодой семьи в условиях новейших изменений в институциональной среде России. Методы исследования: демографическая статистика, социология семьи и демографического поведения личности, нормативно-правовой анализ. Результат исследования: обоснование положительного влияния мер демографической, семейной и молодежной политики на рождаемость, репродуктивные и брачные установки. Автор статьи приходит к выводу, что процесс признания молодой семьи в качестве субъекта права в России положительно скажется в будущем на стабильности институтов семьи и брака при условии отмены экономических санкций к России со стороны Евросоюза и США и преодоления финансового кризиса в стране и последствий рецессии.

АННОТАЦИЯ – The purpose of the publication is to try to draw attention to the author's interpretation of the new prospects of demographic development of young family in terms of the latest changes in the institutional environment in Russia. Methods: Demographic Statistics, Sociology of the family and demographic behavior of the person, the legal and regulatory analysis. Results: the study of the positive impact of measures of population, family and youth policies on fertility, reproductive and marital installation. The author concludes that the process of recognition of a young family as a subject of law in Russia have a positive impact in the near future on the stability of the institutions of marriage and family provided the lifting of economic sanctions against Russia from the European Union and the United States and the financial crisis in the country and the effects of the recession.

Ключевые слова: население, семьи, домохозяйство, репродуктивное поведение, демографическая политика, мотивы рождаемости, демографический переход, русский крест.

Keywords: population, families, household, reproductive behavior, demographic policy, motives of birth rate, demographic transition, «Russian cross».

После завершения бурного XX века размеры естественной убыли в регионе стали заметно сокращаться. Переломные тенденции в сокращении размеров уральской депопуляции обозначились лишь в период 2006–2008 гг., причем как в городской, так и в сельской мест-

[1] Публикация подготовлена при поддержке Гранта РГНФ а1 № 13-33-01028 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России»

ностях. В конце концов, эта тенденция распространилась на всю территорию УрФО. В 2011-2013 гг. имел место заметный рост общей рождаемости и снижения вала смертности. Конечно, во многом «антидепопуляционный эффект» был результатом не только роста общего уровня рождаемости, но и снижения уровня младенческой смертности, а также снижения потерь населения по причине сокращения случаев убийств и самоубийств. При этом, к сожалению, не прекратились распространение современных трудноизлечимых форм туберкулеза, употребления наркотиков различного вида и рост ВИЧ-инфицированных. К тому же, усилилась скрытая трансмиссия возбудителей заболеваний населения в результате мощного притока иностранной рабочей силы в такие динамично развивающиеся мегаполисы Урала как Екатеринбург, Челябинск, Уфа и в крупные города уральского Севера). Последовавший после завершения второго демографического перехода выход России из ситуации «русского креста» проявился не только в сокращении естественной убыли населения и в переходе к повышению естественного прироста населения, но и в последовательном росте величины суммарного коэффициента рождаемости начиная с 1999 по 2010 гг. Рост среднего числа детей у условного поколения женщин произошел в УрФО с 1999 г., а в сельской местности – только с 2002 г. (рис. 1) [1].

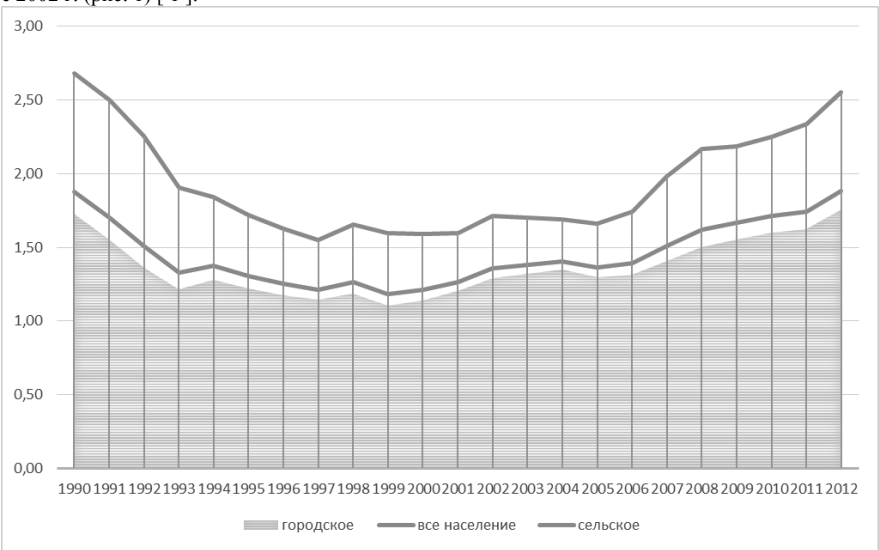

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента населения УрФО

Конечно же, динамика суммарного коэффициента в Уральском федеральном округе России не представляет нечто самостоятельное вне общероссийского тренда. Но четко обозначенная тенденция роста за 2001 – 2012 гг. подтверждает практически полное возрождение уровня суммарной рождаемости в сравнении с ситуацией1990 г. Особенно поражают данные по городскому тренду. Отчасти это подтверждает гипотезу активного формирования *новой модели рождаемости и новой модели молодой семьи в условиях постиндустриального общества*. Тенденция формирования семейной структуры общества характеризуется влиянием постарения брачного возраста и сдвигом в сторону старших возрастных групп частоты живорождений, абортов, характеристик контрацептивного поведения супругов. Тенденция сдвига в календаре рождений под влиянием трансформации брака пришла в Россию из Европы не сразу. В связи с этим обстоятельством нельзя не отметить тенденции роста суммарной

рождаемости после миллениума, На данном этапе третьего демографического перехода, затянувшегося в регионах России явно усиливается значение фактора перестройки института брака и семьи наряду с возросшим влиянием на процесс воспроизводства населения глобальных миграционных процессов и конурбации. Если рассматривать современный процесс рождаемости в границах Урала и УрФО, то суммарная рождаемость на Среднем Урале была самой низкой. Практически Свердловская область не имела никаких шансов вырваться вперед по уровню рождаемости, по сравнению с другими территориями округа еще в 2009 г. и ее показатели были всегда ниже средних по Уральскому федеральному округу (1,546 против 1,617). Заметим, что суммарная рождаемость на Ямале в этом году составляла 1,799, а в ХМАО-Югре – 1,773. [2]. Обнаружило себя и отставание села по росту суммарной рождаемости. Собственно повышение суммарной рождаемости стало происходить с 2002 г., тогда как в городском населении – уже с 1999 года. Печально, но *потенциал рождаемости в семьях* на Урале исторически снизился (в 1970 г. он составил 48,0%, а вот степень его реализации в фактическом числе рождений была на уровне 54 %). В 1970 г. произошел первый и очень мощный удар по потенциалу рождаемости семьи на Урале - ГМЕР снизился до 47,3 ‰, а степень его реализации в *фактическом числе* родившихся уже тогда упала до 32,! %. В 1979 г. величина ГМЕР на Урале поднялась до 48,3‰, но степень реализации оставалась низкой - 35%. С учетом того, что потенциал рождаемости сократился, что подтверждается расчетами ГМЕР за межпереписной период 1989-2010 гг. как в городах, так и на селе, можно говорит о росте частоты фертильности в наиболее репродуктивных возрастных группах женщин. Итак, величина реализации потенциала рождаемости на Урале выросла за 2002-2010 г. с 27% до 37 % в целом (а на селе – даже до 40 %). Следует отметить, что р*ост реализации гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) на Урале произошел именно за период 2002–2010 гг.*

В границах УрФО *«статистически» ожидаемое число родившихся* в зарегистрированном браке по модели ГМЕР составило по нашим расчетам в год проведения ВПН 2010 г. 394,8 тыс. детей обоего пола. Число родившихся в УрФО у матерей в возрасте до 20 лет достигло 17,2 тыс. чел. А вот внебрачная рождаемость – 44,8 тыс. детей. Величина родившихся у матерей старше 50 лет не превысила 2‰. В итоге, статистически ожидаемое число детей по модели ГМЕР должно было достигнуть 457,1 тыс. детей (37,8‰) или с поправкой на рождаемость у пожилых женщин – 38,1‰. Но общий коэффициент рождаемости составил в это время 14,1‰. Таким образом, степень реализации потенциала рождаемости по методике В.А.Борисова составила 37,1 %. [3, с.16]. Разница в числе не родившихся детей (23,9 ‰) падает в основном на аборты того или иного вида и лишь на 3-4‰ может быть обусловлена за счет *контрацептивной защиты* женщины (супругов). Вероятность же стерилизации у мужчин на Урале практически ничтожна.

Таким образом, спад потенциала рождаемости и степени ее реализации в фактическом числе детей в 1970 г. было очень серьезным предупреждением *безопасности демографической системы* не только для Урала, но и для СССР в целом. Первый опыт предоставления пособий для семьи и введение длительного послеродового отпуска и даже готовность Правительства пойти по пути предоставления кредитов молодой семье (с последующим погашением выплат родителей с учетом рождения первого и второго ребенка, но только в момент взятия кредита на жилье) сумели тогда улучшить демографическую ситуацию. Естественно, что в период гайдаровских реформ рождаемость просто осталась без мер государственной поддержки, а семья временно очутилась в ситуации жесткой депривации экономически и психологически, что привело к мощному депопуляционному срыву жизнедеятельности российской системы воспроизводства народонаселения в целом.

Последовавшие на основе национальных проектов широкомасштабные государственные мероприятия по реализации стратегии «платного материнства» и выстраивания системы материнского (семейного) капитала в начале XXI в. не смогли повысить потенциал рождаемости на Урале, который сократился до 38,1 ‰, но явно способствовали росту его реализации. Это обстоятельство спасло положение с общей рождаемостью и сократило масштабы

открыто идущей депопуляции до размеров приемлемого «нулевого баланса» чисел родившихся и умерших. Это серьезный демографический аргумент, подтверждающий значимость семейной политики государства, хотя когортные показатели рождаемости вели себя неоднозначно в период 2006-2012 гг. Гипотетический минимум естественный рождаемости (ГМЕР) на Урале за период 2002–2010 гг. заметно снизился до 38,1 ‰. Этому способствовал не столько рост рождаемости у молодых женщин сколько выявленные тенденции в повышении коэффициентов рождаемости в старших возрастных группах женщин репродуктивного возраста. Это обстоятельство (как и рост частоты живорождений именно в когортах женщин, которым далеко «за тридцать») подтверждают гипотезу *активного формирования новой модели рождаемости в семье* и активного влияния на нее факторов демографической политики, а также тенденций миграции.

К сожалению, стандарт естественной рождаемости В.А.Борисова в современных условиях, скорее всего, *полностью не применим к оценке потенциала рождаемости из-за серьезного смещения в календаре рождений и сдвигах в моделях интергенетических интервалах современных поколений (стандарт естественной рождаемости Борисова был предназначен для оценки ситуации исключительно в условиях СССР).* Сегодня требуется корректировка ГМЕР в старших возрастных группах замужних женщин, как и самого понятия «состоит в браке». Однако эти поправки, на наш взгляд, не затрагивают самой сути концепции исторического убывания потребности в детях у семьи и снижения репродуктивной мотивации в принципе под влиянием доминирования социально-психологических ценностей деторождения (А. И.Антонов) [4] и распространения норм «запланированного демографического поведения» (И. Айзен) [5].

Подростковая рождаемость на Урале продолжает падать с начала 90-х годов прошлого века (за исключением кризисного 2008-2009 гг.). Однако в 2012 г. наметился ее новый рост (особенно в Курганской и Тюменской областях). Данное обстоятельство вызвало рост показателей рождаемости в возрастах 15-17 лет. Последние социолого-демографические обследования подтверждают данную тенденцию. Достаточно интересную картину изменения причин репродуктивного поведения населения дает анализ дифференциации рождаемости по возрастным группам женщин, находящимся собственно в интервалах жизнедеятельности молодой семьи, т.е. в возрастном интервале до 30 лет. Отметим, что уже в 2010 г. в возрастной группе женщин 20–24 года частота рождений в Уральском федеральном округе (94,2‰) поднялась заметно выше частоты рождений Центрального (78,7‰) и Северо-Западного (76,1‰) округов. В возрасте 25-29 лет изменения были выражены еще заметнее и значительнее. Частота рождаемости на Урале поднялась в возрастах «молодой семьи» с 59,3 до 117,2 ‰. Столь значительная частота частота рождений в этой возрастной группе была лишь в Северо-Кавказском округе, что ранее могла показаться маловероятным.

Изменилась и структура репродуктивной мотивации в семье, особенно в сельских районах страны. На территориях Урала более высокие репродуктивные ожидания связаны с повышенной долей социально-экономических ценностей деторождения, а низкие с повышенным представительством психологических ценностей. Это предполагает, что меры демографической политики в экономической сфере стимулирования рождаемости сыграли свою роль в коридоре максимальных и минимальных оценок желаемого числа детей (или в пределах потребности семьи в детях, но не более). Именно поэтому рост *материнского капитала* и его региональных компонентов, расширение возможностей использования его наряду с льготами улучшения жилищных условий молодых семей мог бы сказаться в рамках потребности в детях с повышением дополнительного числа рождений детей второй и третьей очередности.

Более глубоко ситуацию с рождаемостью на Урале позволило выявить специализированное обследование Росстата в сентябре-октябре 2012 г. Федеральной службой государственной статистики было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в 30 субъектах Российской Федерации. В ходе обследования было опрошено 10054 человека, в том числе 5144 женщины и 4910 мужчин. Городские жители составляют

72,3% опрошенных, сельские – 27,7%. Опрашивались женщины в возрасте от 18 до 45 лет и мужчины – от 18 до 60 лет.[1] Всего было опрошено 10054 человека, из которых ***525*** являются жителями Свердловской области (большее количество респондентов представляли только Московскую область и Санкт-Петербург) [6, 7, с.142-145].

В целом по российской выборке проявила себя тенденция растягивания интервалов между рождением детей. Увеличивается интервал между началом супружеской жизни и рождением первого ребенка. У тех, кто рожал первенца в 1990-е гг., он составлял, в среднем, почти год, в 1995-2009 гг. – 15 месяцев, а в последние три года – 20,3 месяца. Это происходит, во многом, из-за откладывания регистрации брака. *Величина интервала между вступлением в первый брак и его регистрацией у тех, кто рожал первого ребенка до 1990 г. составляла, в среднем, 0,8 месяца, в 1990-1994 гг. – 1,8 месяца, в 1995-1999 гг. – 1,9 месяца, в 2000-2004 гг. – 3,5 месяца, в 2005-2009 гг. – 2,1 месяца, в 2010-2012 гг. – 3,0 месяца. Таким образом после регистрации ребенка молодые люди не спешат сегодня с оформлением отношений и тянут все больше и больше.*

В еще большей мере очевидна тенденция увеличения первого интергенетического интервала, т.е. интервала между рождениями первого и второго ребенка. Если бы повышение рождаемости, которое происходит в России в 2007-2012 гг., было бы связано с изменением календаря рождений, более ранним появлением на свет детей, благодаря реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми, то это сказалось бы, видимо, на величине интервала между рождениями первого и второго ребенка. Она должна была бы несколько сократиться по сравнению с той величиной, которая имела место при рождении вторых детей в предыдущие годы. Прежде всего, на вторых рождениях это могло отразиться, потому что мерой, которая вызвала наибольший общественный резонанс, был материнский (семейный) капитал.

В Свердловской области ожидаемое число детей повысилось по сравнению с кризисными 1990-ми гг. до двух детей в среднем на респондентов женщин и мужчин, что было отмечено В. Н. Архангельским [7, с.142-145].

Почти половина опрошенных женщин (48,1%) и мужчин (47,5%) при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а около 30% (29,0% женщин и 28,9% мужчин) – троих. В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей (44,3% женщин и 49,4% мужчин). 26,3% женщин и 18,3% мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а троих и более детей намереваются иметь 16,8% женщин и 18,2% мужчин.

Большее число рожденных детей связано с более ранним их рождением.

Таблица 1

Желаемое и ожидаемое число детей в сочетании с возрастом при рождении первого ребенка (Свердловская область, 2012 г.)

Возраст при рождении первого ребенка (лет)	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
до 20	2,57 (N=37)	2,25 (N=36)	3,00 (N=9)	2,67 (N=9)
20-21	2,49 (N=43)	2,12 (N=41)	2,39 (N=31)	2,10 (N=29)
22-24	2,31 (N=54)	1,89 (N=46)	2,54 (N=52)	2,19 (N=54)
25 и старше	2,24 (N=46)	1,68 (N=43)	2,37 (N=62)	1,90 (N=62)

У опрошенных жительниц Свердловской области, родивших только одного ребенка, средний возраст при его рождении составил 23,61 года, у тех, кто родил двоих детей,

[1] Инструментарий и аналитический отчет по результатам исследования в РФ были подготовлены д.э.н., профессором кафедры народонаселения экономического факультета МГУ Зверевой Н.В. и к.э.н., зав.сектором Центра народонаселения МГУ В.Н.Архангельским.

средний возраст при рождении первенца равен 21,59 года, а у женщин, родивших троих детей – 20,48. При рождении второго ребенка средний возраст матери составлял 28,02 года у тех, кто двумя детьми пока и ограничился, и 23,68 года у родивших троих детей. У женщин Свердловской области, отложивших рождение первенца на более поздние сроки, общее желаемое и ожидаемое число было в среднем меньше по сравнению с более молодыми мамами.

Резкая дифференциация желаемого числа детей у «матерей и отцов» с возрастом видимо объясняется разными календарями рождений в разных когортах и поколениях. Кроме того ожидаемая рождаемость и желаемое число детей связаны с действием фактора контрацепции. В исследовании это проявилось благодаря ответам на вопрос о том, предохранялись ли супруги после вступления в брак от риска рождения второго ребенка и последующих рождений.

Таблица 2

Желаемое и ожидаемое число детей в сочетании с использованием контрацепции до рождения первого ребенка в данном браке (Свердловская область, 2012)

Предохранялись (предохраняетесь) ли Вы с мужем (женой) от беременности – после вступления в нынешний брак до рождения первого ребенка	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
Да	2,19 (N=54)	1,78 (N=49)	2,31 (N=42)	1,80 (N=41)
Нет	2,41 (N=83)	1,97 (N=76)	2,42 (N=105)	2,01 (N=105)

В. Н. Архангельский отмечает, что у тех женщин, которые предохранялись от беременности до рождения первого ребенка, желаемое и ожидаемое число детей, в среднем, на 0,2 меньше, чем у тех, кто не делал этого. У мужчин столь значимые различия имеют место по среднему ожидаемому числу детей, по желаемому числу детей они несколько меньше, но тоже существенны. Ориентация на семейные ценности влияет на репродуктивные установки и ожидания. Самые ***низкие,*** в среднем, показатели и желаемого, и ожидаемого числа детей у тех женщин, которые, по собственному признанию, в свободное от работы и домашних дел время стараются ***одни*** выбраться из дома, встретиться со своими подругами. Оценивая перспективы изменения рождаемости отметим, что среднее ожидаемое число детей в Свердловской области, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного в 2012 г., составило, как отмечалось выше, 1,91 у женщин и 1,92 у мужчин. Это очень близко к величине суммарного коэффициента рождаемости, при этом таймингoвые сдвиги по-прежнему влияют на кумулятивную рождаемость условного поколения женщин [7, с.142-144].

Таким образом, есть основания полагать, что *итоговое число рожденных детей в реальных поколениях женщин заметно меньше того*, которое они называют в качестве ожидаемого, а суммарный коэффициент рождаемости для условного поколения, который может быть достигнут при таких итоговых числах рожденных детей еще ниже.

Негативное влияние фактора маятниковой миграции членов молодой семьи на репродуктивную ориентацию остается ощутимым в силу фактора бедности населения периферийных городских округов и районов Урала. Последние замеры желаемого числа детей у подвижного и мобильного населения подтвердили этот факт. В ходе опроса выяснялось наличие у респондента фактического (Сколько всего у Вас детей (даже если они уже взрослые) и желаемого числа детей (Сколько всего хотели бы иметь детей, если бы для этого были созданы все условия). В результате было установлено, что распределение

опрошенных по *желаемому* числу детей в группе маятниковых мигрантов имеет более высокую вероятность появления на свет детей высокой очередности. Было выявлено, что при усилении частоты возвратных миграционных перемещений ориентация на трех и более детей возрастала в интервале от еженедельных поездок до поездок через каждые три дня. Затем желаемое число детей снижалось, а частота ориентации на двоих резко возрастала, что видно связано с более четко выраженным семейным статусом маятниковых мигрантов, вынужденных ездить и возвращаться к семье каждый день-два. Поскольку подвижны в «маятниковом режиме жизни» прежде всего молодые семьи, постольку возможности полного цикла миграции молодой семьи существенно ограничены материальными и жилищными обстоятельствами (табл.3).

Таблица 3

Распределение респондентов по желаемому числу детей в зависимости от частоты возвратных поездок и иной подвижности в регионе, % в строке 2013-2014 гг. (Средний, Южный Урал и Зауралье)

Режимы миграционной подвижности	Желаю иметь			
Частота перемещений	ни одного	1	2	3 и >
Каждый день	3,2	3,2	67,7	25,8
Через 2 дня	11,1	11,1	55,6	22,2
Через 3 дня	0,0	11,1	33,3	55,6
Через 4 дня	5,9	5,9	52,9	35,3
Каждую неделю	3,3	15,0	56,7	25,0
Вахт. метод	0,0	14,3	42,9	42,9
Гибк. график	5,6	11,1	61,1	22,2
В др. порядке	0,0	5,8	51,2	43,0
В группе маятниковых мигрантов	**4,0**	**10,3**	***57,1***	***28,6***
В группах постоянного населения	**2,5**	**8,2**	***55,7***	***33,6***

Таким образом, среднее желаемое число детей составило у маятниковых мигрантов 2,246, тогда как у прочих опрошенных, давших ответ – 2,371. Следовательно, желаемое число детей у населения, не подверженного в момент обследования состоянию маятниковых перемещений в последний месяц желаемое число ниже, чем у других категорий такового, что вполне понятно. Изматывающий характер маятниковой миграции не всем под силу и такие нагрузки, как правило, выдерживают, лишь более молодые семьи (имеющие меньшие репродуктивные ожидания и желания, чем в старших возрастных когортах). В группе не ответивших на вопрос о характере перемещений среднее желаемое число детей составило 2,358. Следовательно*, не желают иметь детей ни пи каких обстоятельства 8,2 % молодых семей. «Большая половина» (55,7 %) считает желанным выбор двух детей. И только треть (33,6%) испытывают потребность в третьем ребенке и в детях более высокой очередности. Последняя группа в настоящее время считается стратегически важной с позиции государственной демографической политики. Однако текущие затраты семьи на троих детей, достигших совершеннолетия суммарно превысят стоимость малометражной трехкомнатной и даже четырехкомнатной квартиры. Следовательно возмещение репродуктивных затрат родителям будет иметь со стороны государства (государства и корпорации) лишь частичным и напоминать по форме страхование позитивного страхового случая.*

Оказалось, что миграция (третий демографический переход отличается резким увеличением влияния на воспроизводство населения фактора миграции) оказывает влияние на влечение опрошенных к ценности детей. Так, средний балл (по 10-ти балльной шкале) у маятниковых трудовых мигрантов составил 8,08 (доля 10-ти бальных оценок составила 41 %), в малочисленной группе «вахтовиков»- 8,71 (43%, соответственно), у использующих гибкий график занятости всего – 7,94 (38%) и «у занятых в другом порядке» - 8,46 (53%). Заметно значительное снижение величины среднего балла именно в группе с гибким и нерегулярным

режимом занятости, что интересно. Собственно у оседлого населения влечение к ценности детей оказалось большей. Что же касается «вахтовиков», то данная группа в нашей выборке представлена очень малочисленной группой и полученные данные мало репрезентативны. За счет чего же повысилось влияние миграционного фактора репродуктивного поведения? Это произошло, во-первых, традиционным способом – привлечением в «екатеринбургский мегаполис» и его ближайшее окружение большого числа молодых семей (нечто подобное наблюдалось в 1926–1928 гг.). В 2012-2014 гг. в Свердловской области продолжилось наращивание величины миграционного сальдо, начавшееся в 2003 г. Во-вторых, усиливается тенденция переезда в Россию с видом на жительство молодых семей коренного населения из Средней Азии и формирования значительного числа межнациональных браков. На брачную и внебрачную рождаемость оказывает влияние особенности репродуктивных установок прибывших мужчин и женщин. Кроме того, сегодня в мегаполисах Среднего и Южного Урала действует малоизученный феномен массовой *маятниковой миграции,* который усиливает внебрачную рождаемость и дестабилизирует молодые семьи на периферии Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Что касается оценки фактора семейной политики, то в УрФО таковой представлен на самом высоком уровне. В настоящее время осуществляется План мероприятий по реализации II этапа (2011–2015 гг.) Программы демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»). Причем происходит ее развитие, тогда как ранее челябинская концепция демографического развития по степени своей разработки признавалась экспертами одной из самых успешных в России и была связана одно время с идеей заключения муниципалитетами репродуктивных договор с молодыми семья. Число семей было строго регламентировано по признаку получаемых средств. В настоящее время позиция фактора семейной политики была существенно усилена за счет увеличения веса материнского (семейного) капитала и появления значимой региональной компоненты МК за счет областного бюджета.

Свердловская область «форсирует» развитие жилого комплекса в целом (имеется в виду областная целевая программа «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области» на 2011–2015 гг.). На территориях, которые играют роль экономических точек роста и стягивают вокруг себя молодое население и рабочую силу, динамично решается проблема предоставления услуг учреждений дополнительного образования для детей дошкольного возраста. Учтем, что в 2016 г. в стране ожидается принятие соответствующего федерального закона о «полном дошкольном образовании». Однако финансовый кризис и рецессия может затормозить этот процесс.

Основываясь на последних проведенных исследованиях, мы предлагаем использовать принцип базовых стратегических ценностей в качестве регулятора индивидуального демографического и семейного поведения, таким образом, чтобы это поддерживало стремление молодежи к упрочению ценности семьи (в том числе семьи молодой). Инновационные и модернизационные тенденции и механизмы позволяют это сделать на основе реорганизации существующего механизма ипотечных обязательств в отношении формирующихся молодых семей. В послании Федеральному Собранию Президента в декабре 2013 г. упор был уже сделан именно на жилищных программах для малочисленных «новых поколений» родителей, рожденных в начале 90-х годов прошлого века [8]. В послании Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 года прямо говорится о ценностях здоровья нации и семьи, демографических волнах обусловливающих сегодняшнюю переполнность школьных классов и ДОУ, но дающих надежды на полнокровное развитие России в будущем. Президент отмечает, что: «Наши демографические программы доказали свою эффективность..»[9].

При разработке мер *пронатальной и фамилистической политики*, хотелось бы выделить три контингента женщин, увеличивших в текущий период свои репродуктивные вклады в воспроизводственный процесс России. На наш взгляд, к данным категориям относятся женщины, отложившие рождение детей более высоких очередностей на неопределенный срок в 90-х годах прошлого столетия (их число сегодня быстро сокращается в силу есте-

ственных причин). Затем следуют когорты обычным порядкам вступившие в возрастной интервал 20-30 лет. И, на наш взгляд, в числе наиболее репродуктивных когорт в настоящее время имеют место замужние женщин, которые рожают детей «как бы с запасом» под влиянием опасений того (18,8 % респондентов считают, что средств выделяемых на демографическую политику должно в той или иной степени хватить), что деньги выделяемые Правительством на политику платного материнства не могут быть неограниченными бюджетом страны и регионов.

В порядке обсуждения общественного проекта Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 годах [10] хотелось бы высказать свою точку зрения по определению семьи как социального института и семьи как субъекта права в нашей стране. В связи с этим, предлагаем ввести в законодательно, включая Семейный кодекс (Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ) нормативно-правовое определение семьи как социального института, наряду с учетно-статистическим (переписным) определением семьи, как типа домохозяйства (группы лиц, связанных отношениями родства, свойства, общностью бюджета и местом проживания). Институт семьи в России – устойчивая общность малых социально-демографических групп населения различного типа, культурным и правовым образом опирающаяся в процессе своего естественного воспроизводства на нормы моногамии. Стратегически важнее привести все нормы социальной политики и кодексов страны в координацию с задачей успешного формирования и развития молодых семей в принципе. Для обеспечения эффективности программ социальной защиты и социально-экономической поддержки молодой семьи в регионах России, необходимо законодательно закрепить категорию молодой семьи как определенного социально-демографического типа семьи. Столь революционный шаг, предпринят в «Основах государственной молодежной политики до 2025 г.». В документе впервые законодательно определено понятие молодой семьи в России. «Молодая семья - семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет» (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст участников увеличивается до 35 лет)[11]. Нормативно-правовое признание статуса молодой семьи в России имеет огромное значение для перспектив ее жизнедеятельности в будущем в целом во всех отношениях и для демографической и семейной политики, в частности. Происходящие положительные перемены в институциональной среде могут положительно сказаться на стабильности функционирования институтов семьи и брака. Естественно, что в ближайшей перспективе это может стать реальным при условии отмены экономических санкций к России со стороны Евросоюза и США, эффективных мер преодоления финансового кризиса в стране и предотвращения тенденции рецессии и безработицы молодежи, модернизации института ипотеки, сокращения задолженности молодых семей государству и финансовым организациям сомнительного статуса.

Список литературы:

1. Центральная база статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/dbscripts /cbsd/dbinet.cgi

2. Демоскоп. [Электронный ресурс]. URL : http://www.demoscope.ru/ weekly/ssp/rus_reg_tfr.php.

3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.

4. Антонов А.И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991–2007 годы // Демографические исследования. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N б/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1_ftn1.

5. Айзен И.[Электронный ресурс]. URL: http://www.megabook.ru/Article.asp?AID= 608758.

6. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect /rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/.

7. Архангельский В.Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития // Горизонты демографического развития России:

смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IY Уральского демографического Форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С.142-150.

8. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года, / /13:15 Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. URL:http://kremlin.ru/transcripts/19825/work.

9. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года, 13:20 Москва, Кремль. http://www.rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html, http://kremlin.ru/ бtranscripts/47173

10. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект):в 3-х частях // Составитель Мизулина Е.Б. и др./ Часть 1.–М., 2013.

11. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р. .[Электронный ресурс]. URL . http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_171835/

УДК 316.35:061.23

СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ВОЛОНТЕРОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Кузьминчук Анна Александровна
магистр государственного и муниципального управления, ассистент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: a.a.kuzminchuk@urfu.ru

VOLUNTEERS' SOCIAL COMMUNITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Anna A. Kuzminchuk
Assistant, The Ural federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В рамках данной статьи представлены результаты эмпирического исследования волонтеров города Екатеринбурга методом анкетирования (N=419, 2014). Волонтеры рассматриваются в качестве социальной общности, выделяются общностные признаки волонтеров, анализируются проблемы и перспективы развития городской социальной общности волонтеров.

ABSTRACT – This article presents the results of empirical study of volunteers (Yekaterinburg, N = 419, 2014). This article examines the volunteer's social community, analyzes the problems and prospects of the development of urban volunteer's social community, gives recommendations for the development of this community.

Ключевые слова: волонтерство; добровольчество; социальная общность.

Keywords: volunteering; social community; volunteers' social community.

В рамках данной статьи представлены результаты эмпирического исследования социальной общности волонтеров г.Екатеринбурга методом анкетирования. В исследовании волонтеров мы опирались на теорию социальных общностей. Под социальной общностью волонтеров мы понимаем взаимосвязь людей, оказывающих социально значимую помощь без расчета на материальное вознаграждение, обладающих необходимыми ресурсами, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов [1].

Анкета в соответствии с поставленными задачами в программе исследования была разделена на следующие блоки: 1) идентификация с общностью, 2) общностнообразующие характеристики и черты волонтеров, 3) намерения членов общности, 4) структура общности по направлениям деятельности, 5) мотивация членов общности. В связи с отсутствием официальных статистических данных о численности (формальных и неформальных) волонтеров в Свердловской области и г. Екатеринбурге отбор единиц выборочной совокупности произ-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта №14-03-00072.

водился стихийным способом. Объем выборки составил 419 человек (жители г. Екатеринбурга от 18 лет и старше).

С точки зрения общностного подхода, основываясь на результатах, полученных в рамках эмпирического исследования, нами были выявлены следующие проблемы волонтерства как социальной общности.

1. *Проблема гендерной диспропорции*. Гендерная структура является важной характеристикой любой социальной общности и определяет ее специфику. Среди опрошенных волонтеров 63,5% - женщины, соответственно, доля мужчин в гендерной структуре составляет 36,5%. Такая диспропорция в общности волонтеров подтверждается также данными исследования ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации», где в качестве проблемы добровольческого движения называется подбор и нехватка мужчин-волонтеров [2].

Мужчины-волонтеры реже занимаются добровольческой работой (52% ответивших мужчин принимали участие в волонтерских работах всего 1 раз, таблица 1), т.е. делают это нерегулярно. Кроме того, из них не планируют продолжать эту деятельность 34% (аналогичный показатель среди женщин равен 21%).

Таблица 1

Волонтеры о регулярности добровольческой деятельности
(в зависимости от пола, % от ответивших)

Вариант ответа	**Мужчины**	**Женщины**
Участвовал(а) 1 раз	51,6	27,6
2-5 раз в год и чаще	35,3	51,7
Не реже двух раз в месяц	13,1	20,7
Итого:	100,0	100,0

В рамках данной проблемы можно выделить следующие важные аспекты:

а) ресурсный, включающий временной и материальный аспекты. Время и деньги – основные ресурсы любого человека. Эти два параметра имеют тесную взаимосвязь.

Мужчины чаще, чем женщины, в качестве барьеров при осуществлении волонтерской деятельности отмечают низкий уровень жизни и нехватку времени, указывая тем самым на необходимость временных затрат, прежде всего, на поддержание и повышение материального благосостояния, а не на волонтерскую работу (таблица 2)

Таблица 2

Мнение волонтеров о барьерах при волонтерской работе в нашей стране
(в зависимости от пола, % от ответивших)

Вариант ответа	**Мужчины**	**Женщины**
Социальная апатия, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям, безразличие	46,4	50,8
Лень	41,1	35,7
«Озлобленность» людей	37,1	40,7
Потребительское отношение к жизни	30,5	35,4
Недоверие в обществе в целом	25,8	23,6
Сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности	25,2	26,2
Низкий уровень жизни	**24,5**	**20,6**
Нехватка времени	**22,5**	**19,8**
Отсутствие информации	19,2	29,3
Отсутствие государственной поддержки волонтеров	15,9	23,9
Несовершенство законодательства	9,9	7,9
Разобщенность добровольческого сообщества	8,6	6,5
Недоверие к НКО	5,3	5,7

Продолжение табл. 2

Ничего не мешает	3,9	0,4
Ваш вариант	1,3	0,8
Итого:	317,0*	327,3*

* сумма составляет более 100%, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа

Как правило, люди тратят большую часть своего временного бюджета на формирование доходной части экономического бюджета, сокращая временные затраты на другие виды деятельности. Волонтерская работа (как и любая деятельность) требует временных затрат, поэтому среди причин гендерной диспропорции респонденты чаще всего называют нехватку времени у мужчин из-за необходимости обеспечивать семью. Так, мужчины чаще, чем женщины, отмечают, что им не хватает ни времени, ни денег (таблица 3).

Таблица 3

Оценка волонтерами собственных временных и материальных ресурсов (в зависимости от пола, % от ответивших)

Варианты ответа	**Мужчины**	**Женщины**
Не хватает времени	30,1	26,2
Не хватает ни времени, ни денег	30,1	22,8
Не хватает денег	17,6	19,0
Хватает и времени, и денег	12,4	16,7
Затрудняюсь ответить	9,8	15,3
Итого:	100,0	100,0

б) эмоциональный. Данный аспект предполагает оценку эмоционального состояния волонтеров до и после добровольческой работы. В рамках исследования ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» респонденты в качестве причины гендерной диспропорции отмечают, что мужчины чаще отдают приоритет личным интересам, а также имеют неразвитое чувство сопереживания, т.е. эмоционально менее предрасположены к волонтерской работе.

Кроме того, после добровольческой работы мужчины чаще, чем женщины, ощущают усталость и реже оптимизм, интерес к жизни, хотя каждому второму из них эта деятельность приносит удовлетворенность (таблица 4). Возможно, из-за усталости мужчины также чаще, чем женщины, в качестве барьера для волонтерской деятельности отмечают лень (таблица 3).

Таблица 4

Волонтеры об эмоциональных аспектах добровольческой работы (в зависимости от пола, % от ответивших)

Вариант ответа	**Мужчины**	**Женщины**
Удовлетворенность	**50,0**	52,4
Радость	37,5	41,5
Оптимизм	**36,2**	**47,8**
Доброжелательность	30,9	30,6
Интерес к жизни	**26,9**	**41,8**
Гордость	26,3	28,3
Спокойствие	21,7	23,4
Усталость	**15,1**	**11,3**
Сочувствие	13,8	14,7
Сожаление	5,3	4,5
Затрудняюсь ответить	4,6	1,1
Печаль	2,6	2,6
Уныние	1,9	0,4
Растерянность	1,9	0,4
Ваш вариант	1,9	0,4
Раздражение	1,3	1,1

Продолжение табл. 4

Тревогу	1,3	1,8
Ничего не ощущаю	0,7	0,4
Злость	0,0	0,4
Безразличие	0,0	1,5
Итого:	279,9*	306,4*

* сумма составляет более 100%, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа.

2. *Проблема идентификации с общностью*. Более 50 % респондентов не идентифицировали себя в качестве настоящего волонтера (склонились к отрицательному ответу или затруднились ответить, рисунок 1), что говорит о недостаточной сплоченности, устойчивости общности волонтеров.

Рис. 1. Респонденты о самоидентификации в качестве волонтера
(в % от ответивших)

Для выявления причин сложившейся ситуации нами были рассмотрены представления респондентов о том, какими характеристиками должен обладать настоящий волонтер для сравнения с реально обозначенными ими собственными характеристиками (фактическими характеристиками респондентов-волонтеров).

В качестве общностнообразующих характеристик волонтерства на основании ответов респондентов нами были обозначены следующие: неравнодушие, ответственность, регулярность и безвозмездность деятельности.

Вот результаты исследования:

- 100 % респондентов за последний год оказывали безвозмездную поддержку незнакомым людям;
- 96 % респондентов отметили, что одной из самых важных характеристик волонтера является неравнодушие;
- 92,5 % опрошенных считают, что ответственность также является одним из самых важных личностных качеств волонтера, так как, помогая другим людям добровольно, по собственной инициативе осуществляя выбор своих поступков, предполагается осознанная готовность принять последствия такого выбора;
- около 90 % респондентов считают, что регулярность осуществления волонтерской деятельности является характеристикой настоящего волонтера, т.е. определяющим критерием отнесения к общности волонтеров.

Однако при этом лишь половина респондентов идентифицирует себя с настоящими волонтерами. Предполагается, исходя из полученных данных, что существует некое противоречие (расхождение) между представлениями респондентов о том, какими характеристиками должен обладать настоящий волонтер, и реальными характеристиками респондентов.

Из всех обозначенных характеристик, на наш взгляд, прежде всего, необходимо оценить фактическую регулярность волонтерской деятельности респондентов. Для оценки регулярности, частоты осуществления волонтерской деятельности респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как часто Вы работаете в качестве волонтера, оказываете помощь

людям?». Из рисунка 2 видно, что большинство респондентов работают в качестве волонтеров 2-5 раз в год и чаще (45,8%). При этом более 35% опрошенных работали в качестве волонтеров всего 1 раз за последний год, что указывает на явное расхождение с образом настоящего волонтера, регулярно работающего на добровольных началах. В связи с этим значительная доля респондентов не идентифицировала себя в качестве настоящих волонтеров.

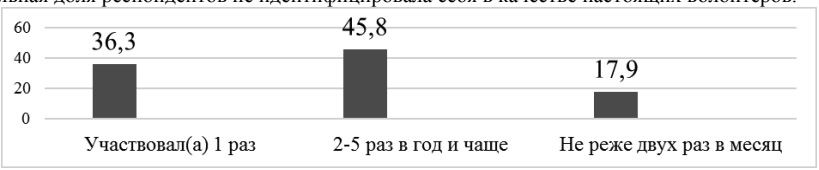

Рис. 2. Волонтеры о регулярности добровольческой деятельности (в % от ответивших)

Не реже двух раз в месяц в качестве волонтеров работают всего около 18% респондентов, большинство из которых являются формальными волонтерами (коэффициент корреляции Крамера равен 0,449). Необходимо отметить наличие достаточно сильной взаимосвязи (в соответствии с коэффициентом корреляции Крамера) между формальным волонтерством и самоидентификацией с общностью волонтеров. Среди формальных волонтеров больше тех, кто идентифицирует себя в качестве настоящего волонтера (k=0,514) и ощущает себя в кругу единомышленников, общаясь с другими волонтерами (k=0,436). При этом среди респондентов 41,4% являются формальными волонтерами.

Таким образом, причиной низкой самоидентификации является противоречие между представлениями респондентов о настоящем волонтере и фактическими характеристиками респондентов, проявляющееся в значительной доле неорганизованных, неформальных волонтеров, работающих нерегулярно (эпизодически).

Однако, на наш взгляд, не стоит воспринимать данную проблему как острую, так как респонденты, не идентифицирующие себя с общностью волонтеров, осуществляют так называемую модель «помогающего поведения», что можно считать спецификой российского волонтерства. «Помогающее» поведение – это модель добровольческой деятельности, при которой индивид не идентифицирует себя как волонтер; разновидность добровольных действий, направленных на благо других людей, включает такие действия, как делиться, дарить, помогать, подбадривать [2]. На наш взгляд, рассматриваемая группа добровольцев является своеобразным резервом социальной общности волонтеров, потенциалом ее развития. Это подтверждают следующие данные: среди тех, кто не идентифицировал себя как волонтер, т.е. среди людей с «помогающим поведением», 43,5 % респондентов планируют продолжить заниматься волонтерской деятельностью, 34 % допускают возможность работать в некоммерческой организации, т.е. быть формальным (организованным) волонтером, 21 % планируют тратить больше времени на волонтерскую деятельность.

3. *Проблема отказа от продолжения волонтерской работы*. Около 40% респондентов не планируют продолжать заниматься волонтерской деятельностью. В качестве причин данной проблемы следует отметить:

1) введение «личной книжки волонтера» (из тех, кто не планирует продолжать заниматься волонтерской работой, 29,5% не одобряют данное нововведение, воспринимая его как излишнюю бюрократическую процедуру и желание государства контролировать их деятельность);

2) конкуренция волонтерской работы с другими видами деятельности (каждый четвертый респондент отмечает, что занимается волонтерством в ущерб основной деятельности, досугу, домашней работе);

3) усталость после волонтерской работы (те, кто не планирует продолжать волонтерскую работу, более чем в 2 раза чаще ощущают усталость (18,8%) после добровольческой работы).

Кроме того, респонденты в качестве барьеров волонтерской деятельности отмечают: социальную апатию, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям, безразличие (49%), «озлобленность» людей (39%), лень (38%), потребительское отношение к жизни (33%).

4. *Проблема диспропорции в структуре социальной общности волонтеров по направлениям деятельности*. В соответствии с полученными данными внутренняя структура общности волонтеров по направлениям деятельности представлена в таблице 5.

Таблица 5

Структура общности волонтеров по направлениям деятельности
(в % от ответивших)

Направления деятельности волонтеров	
Помощь людям, нуждающимся в чужой помощи, находящимся в трудной жизненной ситуации	58,6
Помощь в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий	51,9
Профессиональная помощь (правовая, психологическая, бухгалтерская и т.д.)	20,3
Помощь в экологических проектах	17,9
Помощь бездомным животным, зоопаркам и заповедникам	17,7
Помощь в проведении предвыборных кампаний, политических акций	13,9
Помощь сотрудникам НКО (фандрайзинг, работа с документами, реклама и т.д.)	13,6
Помощь в охране общественного порядка	12,2
Помощь в поиске пропавших людей, животных	6,9
Помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий	2,2
Итого:	215,3*

* сумма составляет более 100%, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа.

3 из каждых 5 респондентов отметили, что помогают людям, нуждающимся в чужой помощи. Каждый второй опрошенный отмечает, что чаще всего помогает в организации и проведении культурно-досуговых и спортивных мероприятий. Такое распределение объясняется, с нашей точки зрения, прежде всего, тем, что данные направления наиболее активно поддерживаются государством и освещаются в СМИ (создание государственных порталов о наборе волонтеров к определенным мероприятиям, федеральный закон №310 – ФЗ от 01.12.2007 г. «Об организации и о проведении XXII олимпийских зимних игр и XI паралимпийских зимних игр 2014 г. в Сочи, развитии Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В качестве причин такого распределения также можно отметить большую долю респондентов в выборке в возрасте от 18 до 30 лет (56,6%) и студентов (44,7%), для которых данные виды деятельности наиболее актуальны. Среди тех, кто помогает в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий, 76% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (это направление добровольческой деятельности оправдывается также мотивами добровольческой деятельности данной возрастной группы и стимулами, которые будут рассмотрены далее). Респонденты в возрасте от 30 лет и старше чаще всего помогают людям, которые нуждаются в чужой помощи (оказавшимся в трудной жизненной ситуации, детям-сиротам, пожилым людям и т.д.) (65%).

Среди опрошенных меньше всего тех, кто помогает ликвидировать последствия стихийных бедствий, что связано с временем проведения исследования (зимнее время, отсутствие стихийных бедствий, засухи, лесных пожаров, весеннего паводка и т.д.).

5. *Противоречие между альтруистической природой волонтерства и эгоистическими мотивами добровольцев*, между оказанием безвозмездной помощи нуждающимся, с одной стороны, и стремлением к карьерным перспективам, признанию со стороны общества (общественному одобрению), возможности развлечься, повысить самооценку (между идеалистическими и карьерными мотивами добровольческой деятельности).

В соответствии с исследованием Фонда «Общественное мнение» «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» мотивы добровольческой деятельности были разделены на 4 группы: карьерные мотивы, мотивы расширения социальных контактов, мотивы самопомощи, альтруистические (идеалистические) мотивы [2].

К группе карьерных мотивов относятся: опыт работы, перспективы профессиональной карьеры, интересная работа, полезные знакомства, доступ к нужной информации, опыт общественно-политической деятельности, новые знания, квалификация, связи с влиятельными людьми, уважение окружающих.

К группе мотивов расширения социальных контактов относятся: друзья, любимое дело, хобби, общение с интересными людьми.

К мотивам самопомощи относятся: возможность защитить свои права, решить проблемы, осуществить продвижение своих идей, возможность повысить самооценку. Необходимо отметить противоречивость данной группы мотивов, так как волонтерство – это деятельность, направленная на благо других людей. В связи с этим, возможно, данная группа мотивов реже всего упоминалась респондентами (таблица 6).

К идеалистическим мотивам относятся: возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе, возможность помогать людям.

В таблице 6 представлены результаты группировки мотивов добровольческой деятельности в 4 группы. В соответствии с полученными результатами в ответах респондентов преобладают карьерные мотивы участия в добровольческой деятельности, что объясняется значительной долей респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, ориентирующихся на профессиональное развитие.

Таблица 6

Мотивы участия в добровольческой работе, в % от ответов

Группа мотивов	**Количество ответов**	**% от числа ответов**
Карьерные мотивы	670	47,0
Мотивы расширения социальных контактов	343	24,1
Мотивы самопомощи	99	7,0
Идеалистические мотивы	312	21,9
Итого:	1424	100,0

Второй по степени распространенности стала группа мотивов расширения социальных контактов, третьей – идеалистические мотивы. Реже всего респонденты отмечали группу мотивов самопомощи (самопомощь лишь косвенно относится к волонтерству, так как лишь в перспективе, возможно, будет направлена на благо других людей). Полученные результаты в значительной степени совпадают с результатами исследования ФОМ, где наиболее распространенным оказался мотив расширения социальных контактов, вторым по степени распространенности стал карьерный мотив, третьим – альтруистический мотив, и менее распространенным оказался мотив самопомощи.

Таким образом, среди мотивов добровольческой деятельности преобладают карьерные, а не идеалистические мотивы, что противоречит природе и сущности понятия волонтерства. Однако с нашей точки зрения, данное противоречие не стоит воспринимать как проблему, скорее, необходимо учитывать указанные группы мотивов при формировании государственных стимулирующих программ поддержки волонтеров. Кроме того, возможность помогать людям в качестве мотива добровольческой деятельности (идеалистический мотив) отметили более 50% респондентов (является лидирующим мотивом во всех возрастных категориях) (таблица 7).

Описывая социальный портрет типичного представителя социальной общности волонтеров, можно сказать, что это ответственный, неравнодушный человек (чаще всего девушка в возрасте от 18 до 24 лет с неполным высшим образованием и средним уровнем дохода), оказывающий безвозмездную социальную помощь людям (не всегда регулярно), осуществляющий модель «помогающего поведения» (чаще не идентифицирующий себя в каче-

стве настоящего волонтера, но разделяющий их идеи, цели, интересы, ценности), получающий моральное удовлетворение от этой деятельности и некие возможности использовать получаемый опыт в карьерных и социальных целях.

Таблица 7

Волонтеры о мотивах добровольческой деятельности (в % от ответов)

Значение:	**%**
Возможность помогать людям	53,1
Возможность завести полезные знакомства	37,1
Возможность общаться с интересными людьми	35,2
Возможность получить опыт работы	31,1
Возможность найти друзей	28,7
Возможность улучшить жизнь в своем доме, улице, районе, городе	21,5
Интересная работа	19,6
Возможность получить опыт общественно-политической деятельности	19,1
Уважение окружающих	18,4
Возможность заниматься любимым делом (хобби)	18,2
Возможность получить новые знания, квалификацию	16,0
Возможность продвижения своих идей	9,6
Возможность повысить самооценку	9,3
Возможность получить доступ к нужной информации	7,8
Возможность установить связи с влиятельными людьми	6,7
Возможность защитить свои права, решить проблемы	4,8
Перспективы профессиональной карьеры	4,3
Итого:	342,6*

* сумма составляет более 100%, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответа.

Исходя из полученных результатов опроса, можно выделить следующие рекомендации органам государственной власти:

1) формировать дифференцированные по возрасту (18-30, 30-45, старше 45 лет) программы поддержки волонтеров, учитывающие мотивы, стимулы и предпочитаемые направления деятельности каждой из возрастных групп;

2) обратить внимание на привлечение к добровольческой деятельности мужчин с помощью разработки специализированных программ, учитывающих их экономическую занятость и не наносящих ей ущерб (возможно, разработка и популяризация программ корпоративного волонтерства в рабочее время).

Список литературы:

1. Зборовский, Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: ГУ, 2009. 304 с.
2. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». Фонд «Общественное мнение». 2012. [Электронный ресурс] URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/

УДК 316.45

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Кучкильдина Мария Анатольевна
ассистент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: mas288@yandex.ru

THE EXISTING GENERATIONS IN RUSSIA: TEORETICAL ANALYSE

Kuchkildina Maria
Assistant, Ural State University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В настоящей статье обобщена информация, полученная в ходе анализа работ российских социологов последних десятилетий, изучающих поколения, поколенческие взаимодействия, а также предложена авторская модель классификации поколений, относительно двух категорий – «социального пространства» и «социального времени».

ABSTRACT – This paper summarizes the information obtained in the analysis of works of Russian sociologists recent decades studying the generation, generational interaction, as well as the author's proposed classification model generations, with respect to two categories - the «social space» and «social time».

Ключевые слова: поколение, поколенческие взаимодействия, социальное пространство, социальное время.

Key words: generation, generational interaction, social time, social space.

Поколение в качестве инструмента исследования социальной действительности и проходящих в ней процессов, представляется сложным, неоднозначно трактуемым и поразному используемым исследователями. Обращения к данному инструменту (поколение) для исследования социальных общностей, находящихся на разных стадиях общественного развития (традиционном, индустриальном, постиндустриальном) предполагает обращение к разным аспектам поколений, проявление разнонаправленного исследовательского интереса к проблематике взаимодействий поколенных групп. Что проявляется, прежде всего, характером взаимодействия поколений. Чем сложнее общественное устройство, тем более сложного механизма воспроизводства оно требует, что безусловно сказывается на характере взаимодействия поколений по поводу распределения основных благ (и материальных – имущество, недвижимость и т.д., и нематериальных – власть, информация, ценности и нормы и т.п.).

Казалось бы, сейчас в XXI в., какие могут быть сложности в анализе поколений (использовании «поколения в качестве инструмента анализа взаимодействия разных поколенных групп) с точки зрения принадлежности ценностных ориентаций групп их представителей к тому или иному уровню общественного развития, когда интернет и технический прогресс вторгся почти в каждый уголок современной цивилизации?

Сложность обращения к настоящему термину в рамках российской действительности усложняется тем, что помимо «социального времени», в наших реалиях не менее важно «социальное пространство» ввиду огромной территориальной разрозненности и инфраструктурной отсталости [1]. Так, люди, проживающие в крупных городах, и жители глубокой провинции – представители разных поколений, даже будучи представителями одной возрастной когорты. Что в свою очередь затрудняет выделение массовых поколений в России. Вследствие чего закономерным представляется выделение, маркирование исследовательского интереса, а также описания разных поколенных групп, находящихся на разных этапах общественного развития.

Традиционные общества, где поколения выделяются в рамках единственного структурообразующего института – семьи, характеризуется безболезненным (бесконфликтным) воспроизводством поколений. В течение исторического развития семьи в разных обществах сформировались разные модели передачи ценностей от старших к младшим (например, принцип майората в средневековой Европе и т.п.). Это находит подтверждения в работах социологов в частности, Ю. Левады и Н. Коровицыной [2].

Рассматривая индивидуальную принадлежность к той или иной поколенной группе в начале XX в., следует отмечать групповую направленность социальных изменений: поколениями в данном контексте выступали реформаторы – небольшие, совсем незначительные группы (в большей части это образованная прослойка населения), которые втягивали значительные массы в участие в социально-политической жизни, что по сути привело к образова-

нию первых массовых поколений. До наступления общественных трансформаций (сначала революции, затем индустриализации – их следствий – увеличение жителей городов, роста числа образованных людей и т.п.) большая часть населения со своими традиционными семейными ценностями, могла быть типологизирована на поколения только в формате семьи – деды, отцы, дети.

Еще в начале 1920-х гг. агарный тип экономики определял традиционный (крестьянский) уклад жизни большей части общества. Индустриализация и начавшийся процесс увеличения числа жителей городов по идее должен был положить конец традиционному общественному укладу, однако в рамках советствокй действительности он скорее имел переходный характер, поскольку вчерашние крестьяне, не воспроизводители в полной мере жизненный уклад типичного городского жителя. Сохранность деления поколений, и соответственно взаимодействия поколений по поводу распределения благ сохранялся тот же самый.

Что же касается элитарных кругов, характер деления которых (по категории «поколение) определялся их соотношением с точкой изменения общественного уклада – революцией, то здесь принято выделять поколение «революции», как правило, это возрастная когорта, чей активный возраст (25-30 лет) пришелся на революционные события и последующую им перестройку государственности. Как исследователи характеризуют данное поколение? В первую очередь, это первое поколение, которое сумело отстоять свою позицию по поводу государственного устройства (и имело отличное от официальной власти позицию, как в свое время можно было наблюдать у т.н. «декабристов»), и занять властвующие позиции. Однако возраст, здесь не основная категория выделения – к данной группе примыкали как старшие, причем более чем, так и младшие соратники. Основной отличительной чертой данного поколение было отношение к тем событиям, которые имели место в 1917 г. Культурные, морально-этические принципы и нормы данного поколения все-таки в большей части были скорее позитивными, и были направлены на формирование нового человека, новой культуры, на снижение отставание России от остальной цивилизации.

Спустя десятилетие после Октябрьских событий, в силу биологической обусловленности циркуляции поколений, остро возник вопрос о преемственности в рамках поколения революции. Механизм преемственности изначально не был продуман и заложен и поэтому не мог проходить так же гладко, как это наблюдалось в традиционных обществах в рамках семьи. Отсюда последующие сначала партийные чистки, а затем и кровавый террор, который положил с одной стороны для большинства – закрепление традиционных ценностей, а для меньшинства – приспособленческую жизненную стратегию и как следствие – уменьшение требований, предъявляемых к жизненному устройству. Это в свою очередь выкристаллизовало нормы и ценности еще одного поколения – поколения «репрессий». Опять-таки, необходимо уточнить, что для большей части населения с преобладающим традиционным (аграрным) укладом жизни традиционные (семейные ценности) являлись преобладающими.

С включением всего населения страны в участие в катастрофическом по масштабам и последствием событии – Великой отечественной войне, с одной стороны переключило внимание элитарных групп от борьбы за наследование власти, с другой стороны привило участникам события (тем, кто смог выжить в этой катастрофе вселенского масштаба) ценность жизни, прежде всего. Последующая послевоенная гуманизация, а также сплоченность населения, и его веру в светлое послевоенное будущее послужило формированию нового поколения – «военного поколения». После смерти Сталина в 1953 г., механизм наследования или воспроизводства поколений, в том числе и во власти, как важнейшем социальном институте, до сих пор не был определен, что спровоцировало конфликт и привело ко второму событию в истории России в XX в., изменившему вектор направления развития общества.

Поколение «шестидесятников», или тех, кто представлял собой группу активистов, вполне осознавших цену ошибки советской власти, несостоятельность и ущербность развитого бюрократического управления, порождавшего коррупцию в верхах, отход от ценностей, заявленных революцией, реальную картину действительности русского социализма, и желавший изменить реальность, перейти к т.н. «социализму с человеческим лицом». Период

«оттепели», положивший конец сталинскому террору, представлял собой цивилизационный подъем советского государства и данный период (1960-1970-е гг.) был определен как время «шестидесятников». В ценностных установках данной группы впервые проявляются такие установки, как свобода деятельности, деятельность в общее благо, что более характерно для общества постмодерна. Наряду с тем, что Советский космонавт полетел в космос, а достижения научных работников были на передовых позициях, общая масса населения, глубинка, продолжала быть носителем традиционных ценностей, сохраняя и воспроизводя семейный образ воспроизводства ценностей и норм.

Что же касается элитарных групп (к которым можно отнести высшую партийную номенклатуру, научных сотрудников, деятелей политики и культуры), то среди них дальнейшее развитие шло разнонаправлено, что было в первую очередь вызвано разным механизмом социального воспроизводства в данных группах.

Пришедшая в 60х годах к власти группа во главе с Хрущевым, в течение своего нахождения точно также, как и свои предшественники не определяла механизм смены поколений, что как следствие всегда приводит к конфликту с приходящими к власти вновь – начинается либо полный отказ от направлений деятельности, либо отмена всех достижений и нововведений. Что произошло и с приходом к власти Л.И.Брежнева, отказа от нововведений «оттепели» и поворот к консерватизации всех сфер общественной жизни [4].

Что касается других сторон общественной жизни, то наиболее продуктивной с точки зрения преемственности была научная среда и среда искусства, где циркуляция поколений присутствовала, однако ввиду специфики деятельности и сложности вхождения в нее, довольно слабо. Создавались научные школы, которые имели своих приверженцев и последователей, то же самое происходило и в искусстве. Таким образом, в данной средах можно помимо общецивилизационного подхода к классификации поколений выделить такие поколения – как учителя и ученики относительно той или иной школы, под которой подразумевается устойчивое следование морально-этическим нормам в профессии.

Поколение, чье активное время пришло на период 1970-1990-е гг., сейчас одно из самых многочисленных, или поколение «застоя» как их принято называть, в большей части исследований – потерянное поколение, поскольку ресурсы, как материальные, так и нематериальные – власть и все сферы общества контролируются до сих пор предыдущим поколением. Отсутствия порядка преемственности в воспроизводстве социальных институтов, унаследованное от советской эпохи имеет место и сейчас – по факту в России один и тот же лидер на протяжении последних 15 лет. Что же касается индустриального уклада, его ценностей и характером передачи опыта, ценностных установок и норм поведения, то к 1970-м гг., когда уже третье поколение вошло в активную стадию, появилась возможность выделять и «индустриальное поколение» – это работники промышленных предприятий крупных городов и городских агломераций. В чем заключалось отличие данных групп от предыдущих и от сверстников рядом? В первую очередь привилегированное положение относительно других социальных групп (интеллигенция, аграрии), поскольку они в реальности имели больший доход, возможность получения квартиры и т.п. Это способствовало в условиях спокойных (экономически) 1970-х и 1980-х гг. появлению так называемого «потребительского» бума, что в свою очередь частично совпало с аналогичными процессами на Западе. Однако отличительно чертой советского «потребителя» в условиях тотального дефицита – приспособленческая позиция по отношению к властвующей бюрократии, с сохранением доминирующей ценности традиционной ценности семьи и семейного накопительства. Что же касается отношения к работе, оно было скорее негативным, поскольку до сих пор присутствовала «трудовая миграция» из деревни в город, на что не могла повлиять даже привилегированное положение рабочего класса: «тащи с завода каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость» [5].

Властная верхушка, и представители ее верхов воспроизводили ценности и нормы предыдущего, не идущего со временем поколения, за счет пополнения резервов из провинции, где по причине замедления процессов относительно центра, консервировалось социальное время, с отставанием как минимум в поклонение, как максимум в 2-3.

Данный принцип воспроизводства потерпел поражение с приходом к власти М. Горбачева, который, несмотря на свое провинциальное происхождение, все-таки являлся носителем ценностей поколений «шестидесятников» и перемен, которые привели к третьему событию, изменившему векторы развития общества коренным образом – к распаду Советского Союза, или отказу от социализма в том виде, который был законсервирован Брежневым и его последователями, к идее демократического общества и государства [6].

Таким образом, в настоящей статье были рассмотрены основные поколения, которые можно выделить в срезе современной России, относительно критериев «социальное пространство» и социальное время».

Список литературы:

1. Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Анализ результатов опроса. UR: http://ecsocman.hse.ru/data/507/991/1219/02levada-7-14.pdf
2. Коровицына Н.В. Восточноевропейский путь развития. 2012. С. 8 UR: http://do.gendocs.ru/docs/index-291884.html
3. Алексеева А.Н. Размышление о научной школе (Школа Ядова) // Блог А.Н. Алексеева. 2014. UR: http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/kontekst/razmyshleniya-o-nauchnoi-shkole-shkola-yadova
4. Коровицына Н.В. Уроки вестернизации восточной Европы «ПОСТ-1989». Социогуманитарная критика // Социс. 2009. № 5. С. 30-39
5. Коровицына Н.В. Духовная культура современного российского общества. Состояние и тенденции формирования. 2005. UR: http://ecsocman.hse.ru/data/056/938/1219/023-Korovitsyna.pdf
6. Коровицына Н.В. Центральноевропейские славяне на пути к постмодерну. 2004. UR: http://ecsocman.hse.ru/data/485/686/1231/022.KOROVITSYNA.pdf

УДК 316.334.22

ТРУД ДЛЯ ГОССЛУЖАЩИХ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Лазукова Евгения Андреевна
старший преподаватель
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь
E-mail: e.las@mail.ru

WORK FOR CIVIL SERVANTS: EXPECTATIONS AND REALITY

Evgenia Lazukova
senior lecturer, Perm National Research Polytechnic University, Perm

АННОТАЦИЯ – На основе эмпирического исследования, проведенного в виде анкетного опроса в г. Перми, определены основные ценности государственных и муниципальных служащих в сфере труда. Выявлена недостаточная реализация карьерных и экономических ценностей чиновников, необходимых для оптимизации деятельности органов власти.

ABSTRACT – On the basis of questionnaire survey in the city of Perm defined the core values of state and municipal employees in the workplace. Identified the lack of implementation of career and economic values of the officials who are required to optimize the activities of the authorities.

Ключевые слова: государственная служба; трудовые ценности; трудовая карьера; чиновники.

Keywords: public service; labour values; working career; officials.

Мы полагали, что среди ценностей чиновников в сфере труда карьера занимает второе место (сразу за экономическими потребностями), при этом возможности ее построения на практике не устраивают работников органов власти. Исследование в г. Перми (проведенное в

2012-2013 гг., когда было опрошено 300 муниципальных и 300 государственных гражданских служащих) подтвердило гипотезу лишь отчасти.

Многие из ценностей чиновников схожи с теми, что выявлены среди студенчества [1], однако их «популярность» различна (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Трудовые ценности чиновников и студентов (в %)

Ценности	**Государственные (муниципальные) служащие**	**Студенты**
Хороший, дружный коллектив	80	51
Возможность получать высокие доходы	64	77
Возможность профессиональной карьеры	43	47
Соответствие работы способностям, умениям	30	46
Творческий, интересный характер работы	27	56
Высокий престиж профессии	18	18
Самостоятельность, независимость	16	36

Студенты, не имея постоянного опыта работы, больше чиновников ценят высокие доходы; госслужащие в свою очередь, понимают, что удовлетворенность от работы зависит не только от ее оплаты, но и от сложившегося коллектива. Творчество и самостоятельность в труде для чиновников менее значимы, чем для студентов, и это вполне объяснимо: труд на гос- и муниципальной службе оставляет мало простора для инициативы, а иерархия в организации почти исключает независимость в труде. Соответствие работы способностям чаще отмечают студенты, чем чиновники, которые в силу жизненного опыта больше готовы приноравливаться к условиям работы. Примерно одинаковую значимость для данных групп респондентов имеют возможности карьеры (около 45%), а также престижность труда (18%). Очевидно, трудовая карьера входит в «ядро» трудовых ценностей гос- и муниципальных служащих, однако первые места в данном списке занимают социально-психологические ценности. Ключевые трудовые ценности чиновничества (дружеские отношения с коллегами, высокий заработок, возможности карьерного роста) и студенчества совпадают, но различны ранги данных ценностей.

Важно выяснить, как реализуются в действительности существенные для чиновников аспекты труда. Восприятие коллектива зависит от взаимоотношений с сотрудниками учреждения как по горизонтали, так и по вертикали, а также от сложившейся психологической атмосферы. Психологическая атмосфера в коллективе на государственной и муниципальной службе ощущается как довольно благоприятная: ¾ респондентов оценивают ее в 7-9 баллов при интервале от 1-го до максимальных 9-ти (75%). Радует также, что самые высокие оценки атмосферы (как ситуации взаимопонимания, взаимного уважения) принадлежат четверти опрошенным (25%). Доминирующее большинство чиновников устраивают отношения с коллегами (около 98%) и с руководителем (около 95%). Есть основания считать, что потребность в хорошем коллективе на гос- и муниципальной службе г. Перми удовлетворяется.

Насколько реализуема ценность «высокого заработка», проанализируем через удовлетворенность размером заработной платы со всеми доплатами, удовлетворенность системой поощрения в организации и самооценкой госслужащих материального положения. Итак, размером заработка довольны менее 1/5 части респондентов (18%); в 2 раза большее число устраивает сложившаяся в учреждении система поощрения (около 39%). Собственное материальное положение чиновники считают низким. Средними или немногим более средних свои доходы считает лишь 1/5 доля чиновников (почти 19%), остальные оценивают свои доходы ниже среднего, а 6% по сути относит себя к нищим (присваивая своему материальному положению лишь 1 балл из 7-ми возможных). Значит, ценность высокого материального статуса на государственной и муниципальной службе не реализуется.

Отдельно посмотрим вертикальную и горизонтальную трудовую карьеру. Осуществление ценности вертикальной карьеры изучалось через удовлетворенность нынешней долж-

ностью и оценку возможностей продвижения по службе; реализацию ценности горизонтального роста – через фактическое повышение квалификации и оценку шансов на ее повышение. Итак, удовлетворены возможностями карьерного роста в своей организации более половины пермских чиновников (56%); четверть опрошенных хотела добиться в результате карьерного продвижения той должности, которую занимает сейчас (24%). С горизонтальной карьерой дела обстоят лучше. Повышали свою квалификацию не более 2 лет назад 6 государственных и муниципальных служащих из 10-ти (61%); а возможностями повышения квалификации довольны три четверти респондентов (76%). Следовательно, на практике ценность карьеры воплощается в жизнь не полностью: если относительно горизонтальной карьеры можно сказать о материализации мечтаний большинства пермского чиновничества, то относительно вертикальной карьеры так сказать нельзя.

Таким образом, среди ключевых трудовых ценностей государственных и муниципальных служащих г. Перми в реальном виде существуют лишь социально-психологические отношения. Для решения проблем текучести кадров и повышения эффективности трудовой деятельности бюрократии необходима реализация ее материальных и карьерных ценностей на более высоком уровне.

Список литературы:

1. Вишневский Ю.Р., Банникова Л.Н., Дидковская Я.Б. Исследование проблем профессионального самоопределения студенчества Свердловской области [Электронный ресурс] // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2(13). С. 74-80. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/17499265/ (дата обращения: 11.12.2014).

УДК 659:796

К ВОПРОСУ О КОЛЛАБОРАЦИИ РЕКЛАМЫ И PR В СФЕРЕ МАССОВОГО СПОРТА

Лебедева Анастасия Михайловна
студент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: senal@sky.ru
Нархов Дмитрий Юрьевич
старший преподаватель
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: d_narkhov@mail.ru

TO THE QUESTION OF COLLABORATION OF ADVERTISING AND PR IN THE SPHERE OF MASS SPORT

Lebedeva Anastasia M.,
student, Ural Federal University, Ekaterinburg
Narkhov Dmitry Yu.
senior teacher, Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Реклама в спортивной сфере имеет коммерческий, социальный и политический характер. Коллаборация (совместная деятельность) коммуникативных технологий в сфере спорта способствуют усилению синергетического эффекта для решения проблем общества, продвижение здорового образа жизни и позиционирование страны на «международной политической и спортивной арене».

ABSTRACT –Advertising in the sports sphere has commercial, social and political aspects. Collaboration (joint activity) of communication technologies in the sphere of sport contribute to

strengthening synergies for solving the problems of society, the promotion of healthy lifestyles and the positioning of the country on «political and international arena».

Ключевые слова: коммуникативные технологии, реклама, PR, спорт, коллаборация.
Keywords: communication technologies, advertising, PR, sports, collaboration.

Современное общество принято определять как информационное общество, основными признаками которого являются возрастание объемов информации, ее значения, развитие интеллектуальных технологий, существенно изменяющих структуру общества и т. д. В неоднозначных условиях глобализации, информационные потоки оказывают решающее воздействие на состояние и развитие культурных процессов. Сформированное информационное пространство является объективной реальностью, условием формирования мировоззрения как отдельной личности, так и всего общества в целом. Результатом воздействия несущих информацию средств является не только социально-психологический тип и поведение отдельных групп, но и общественное сознание, отражающее национальный менталитет. Социальные институты, функцией которых является производство и распространение информации, играют в современных обществах огромную роль: меняются политические, экономические, культурные и социальные отношения. Поскольку информация превратилась в основной ресурс общества, а умение работать с информацией – в необходимый профессиональный навык, то в новых исторических условиях тот, кто управляет информационными потоками – управляет общественными процессами и общественным сознанием.

Социально-коммуникативная технология, согласно Д. П. Гавре, это «опирающаяся на определенный план (программу действий) целенаправленная системно организованная деятельность по управлению коммуникацией социального субъекта, направленная на решение какой-либо социально значимой задачи и представляющая собой систему процедур и операций использования социальных ресурсов, обеспечивающую решение этой задачи»[1; 30]. Коммуникативные технологии, применяемые в различных типах социального устройства политических систем, – характеристика данных обществ. Реклама и связи с общественностью являются инструментальными технологиями коммуникации в либеральных обществах с рыночным типом экономических отношений [2].

Один из наиболее социально-значимых коммуникативных инструментов – реклама, которая, с одной стороны, четко делится на коммерческую, социальную и политическую, но, с другой стороны, доказывает, что возможна коллаборация этих видов рекламы. Одним из самых ярких примеров коллаборации является реклама в сфере физической культуры и спорта. Реклама в спортивной сфере является подтверждением взаимосвязи коммерческой, социальной и политических сфер. Реклама в спортивной сфере используется не только как средство продвижения товаров и услуг, но и как один из способов решения превентивных проблем общества путем пропаганды социально-значимых проектов и спортивных событий, как технологии формирования определенных моделей поведения, стиля жизни и мировоззрения в целом. Политический аспект спортивной рекламы заключается в том, что она, с одной стороны, популяризирует общегосударственные программы в сфере физической культуры и спорта, направленные на формирование ценностей здорового образа жизни общества. Например, среди основных задач государственной программы Российской Федерации «развитие физической культуры и спорта» – повышение эффективности пропаганды физической культуры и спорта, включая меры по популяризации нравственных ценностей спорта и олимпизма в средствах массовой информации. С другой стороны, она призвана способствовать достижению целей в борьбе за политическую власть, то есть укрепление позиций на мировой политической и спортивной арене и продвижении государства как здоровой, трудоспособной, сильной и стрессоустойчивой нации.

В современном спорте используется несколько основных видов рекламы. Наиболее эффективной спортивной рекламой является реклама с использованием узнаваемых спортсменов, тренеров, а также арбитров, которые имеют сотни тысяч и даже миллионы поклонников. Знаменитые спортсмены устанавливают модные тенденции для огромных масс людей,

которые воспринимают исходящую от знаменитостей информацию и в последующем «встраивают» их в свою жизнь. Известный спортсмен, рекламирующий какой-либо товар или услугу, устойчивей воспринимается и запоминается рекламной аудиторией. «Хотите быть похожими на знаменитых спортсменов – покупайте то, что покупают они, носите то, что носят они» – это главная идея рекламы с участием известных спортсменов. Хотите быть такими же спортивными и известными как Дэвид Бекхэм, покупайте спортивную одежду и обувь Adidas.

Специфика спортивной рекламы подтверждает взаимосвязь коммерческого, социального и политического эффекта – устанавливая коммерческую цель, она может решать и важные социальные и политические проблемы и если коммерческий эффект может быть высчитан, то социальные и политические последствия имеют пролонгированный характер и не могут быть просчитаны. Так, например, новая кампания Nike «Just Do It: Possibilities» («Твои Возможности») вдохновляет зрителей на новые цели и свершения с помощью интересного сценария и звездного состава атлетов и актеров. Ролик начинается со слов: «Если ты можешь пробежать километр – пробеги десять. А лучше пробеги марафон! Обгони кинозвезду!». Ролик проводит героев через серию препятствий, бросая им и зрителям вызов. С одной стороны, безусловно, Nike рекламирует свои спортивные товары и привлекает к ним внимание телезрителей, но с другой стороны, благодаря авторитету и подражанию мировых звезд, формирует мотивацию к занятиям спортом, реализации своих возможностей, здоровому образу жизни. Реклама Мегафона «Пиши, смотри, твори свою историю Олимпиады», которую показывали даже при прямой трансляции Олимпийских Игр в Сочи 2014, также является примером взаимосвязи коммерческой и социальной рекламы: патриотическая направленность на объединение нации, культивирование олимпийского движения и спорта, а также продвижение нового бренда и позиционирование компании как официального спонсора Олимпиады.

PR технологии значительно усиливают и дополняют сформированные спортивной рекламой поведенческие установки. Public Relations, по своему определению, способствуют установлению взаимопонимания между отдельными группами и организациями, помогают сложному плюралистическому обществу принимать решения и действовать более эффективно. Они обеспечивают гармонизацию частной и общественной деятельности. Интенсивное развитие PR в современной России определяется сложностью задач государственной политики на разных уровнях. Среди многочисленных PR технологий в спорте наиболее распространенными считаются пресс-конференции с известными личностями: спортсмены, тренера, судьи, паблисити или отношения со средствами массовой информации, которые могут, благодаря упоминанию в средствах СМИ, продвигать и распространять информацию о спортивно-массовых событиях, товарах, личностях, а также издание печатной продукции спортивной направленности, способствующих реализации PR целей и формированию отношения к физической культуре и спорту в целом.

Таким образом, реклама в сфере спорта имеет ряд специфических особенностей. В первую очередь, традиционное деление на коммерческую, социальную и политическую рекламу в данной сфере не всегда актуально, так как в коммерческой рекламе может быть значительная социальная составляющая. Кроме того, сама спортивная деятельность имеет огромную социальную и политическую роль. Вторая особенность заключается в специфичности рекламной и PR деятельности, что создает предпосылки для коллаборации. Под *коллаборацией* обычно понимают процесс совместной деятельности нескольких объектов (ученых, научных или коммерческих организаций и т. п.) для достижения общих целей, в результате которого происходит обмен информацией и знаниями, взаимное обучение, информативное обогащение и достижение согласованных позиций. В условиях ограниченности ресурсов участники этого процесса могут получить больше возможностей для достижения необходимого им результата. Применительно к нашей проблеме под коллаборацией мы будем понимать взаимопроникновение различных типов коммуникативных технологий.

Коллаборация коммуникативных технологий, таких как реклама и связи с общественностью, способствуют усилению синергетического эффекта, поскольку физическая культура

и спорт являются необходимым видом деятельности общества для его сохранения и трансляции культурных ценностей, то есть спортивная реклама и PublicRelations формируют эти потребности у отдельного человека и государства в целом: поддержание и продвижение здорового образа жизни; превентивные решения проблем девиации; самореализация в спорте высших достижений; достижение успеха в спортивной карьере; досуговая сфера; развитие физических, психологических и морально – волевых качеств; международное сотрудничество; позиционирование страны на «международной политической и спортивной арене».

Список литературы:

1. Петербургская школа PR: от теории к практике. Вып. 1: Сборник статей / Отв. ред. А. Д. Кривоносов. СПб.: Роза мира, 2003. 163 с.
2. Нархова Е. Н. Реклама и связи с общественностью в молодежной политике : учеб. пособие / Е. Н. Нархова, Д. Ю. Нархов. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – 216 с.

УДК 316.342.6

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Лесина Людмила Александровна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург
E-mail: llesina@yandex.ru

SOCIAL POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE AS AN IMPORTANT RESOURCE FOR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGION

Lesina Ludmila
Candidate of Science, assistant professor of
Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Рассматривается социальный потенциал молодежи в рамках социоресурсного и деятельностного подходов. В статье приведены результаты анкетирования молодежи г.Екатеринбурга, определяющего ее оценки роли социальных ресурсов для развития собственного потенциала.

ABSTRACT – The article discusses the social potential of young people in the framework of socio resource and activity approach. The article presents the results of the survey to the youth of the Ekaterinburg, defining its assessment of the role of social resources for development of their potential.

Ключевые слова: потенциал; социальный потенциал; молодежь; валеологическая культура; социоресурсный подход к молодежи.

Keywords: potential; social potential; valeological culture; socio-resource approach to young people.

В современных условиях важным является ресурсный подход к изучению молодежи, играющей значительную роль в социальных переменах, в поддержании и реализации курса реформ. Впервые комплексное видение молодежи в качестве социального ресурса, скрытого резерва, который общество может использовать для изменения или сохранения достигнутого состояния, предложил К. Мангейм [2,с.440-461]. В рамках рассматриваемой проблемы важной представляется идея Э. Гидденса, изложенная в теории структурации, о выделении ресурсов как одной из важнейших структур (наряду с правилами). При этом особо значима мысль о том, что ресурсы могут существовать не сами по себе, а лишь воспроизводясь в процессе человеческой интеракции, взаимодействия.

В контексте ресурсного подхода актуальным становится рассмотрение такого феномена, как социальный потенциал молодежи. В словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «потенциал» представлено как «степень мощности в каком-нибудь отношении, совокупность средств, необходимых для чего-нибудь» [3, с. 561]. Термин «потенциал» в социологии означает целостное представление о находящихся в резерве латентных возможностях того или иного объекта, которые способны реализоваться при благоприятно разворачивающихся условиях. Такая достаточно широкая трактовка смыслового значения рассматриваемого термина позволяет использовать его применительно к различным направлениям деятельности и социальным субъектам. Сущностная характеристика социального потенциала – это способность конструировать идеальные социальные проекты, связанные с социальным опытом человека. Социальный потенциал молодежи – интегральная характеристика качеств и возможностей молодого поколения, которая формируется и реализуется под воздействием совокупности определенных факторов. В социальном измерении социальный потенциал – это, в первую очередь, характеристика возможностей использования обществом знаний, умений и навыков молодежи. В ином, личностном измерении, социальный потенциал – это обобщающая характеристика возможностей реализации молодежью всех проявлений своих внутренних личностных сил.

Наиболее важной характеристикой социального потенциала является способность к социальной созидательной деятельности. Проявление созидательной активности личности может быть реализовано в различных сферах жизнедеятельности в форме творчества, познавательной, интеллектуальной активности, в стремлении субъекта подняться над уровнем требований ситуации, выйти за пределы заданности, шаблонности, в креативном прогнозировании сценариев своих профессиональных и жизненных перспектив. Так, субъектность обучающейся молодежи проявляется в ориентации на получение фундаментальных знаний, которые могут быть востребованы со стороны общества и способствуют продуктивной самореализации индивида в профессиональной деятельности и в различных видах межличностных отношений.

Оценка же социальных возможностей реализации различных форм активности личности во многом связана со способом разрешения противоречий между ее индивидуальной активностью и социальной возможностью ее использования. Степень активности определяется и природно-биологическими задатками (высоким энергетическим потенциалом, типом темперамента, состоянием здоровья) субъекта деятельности, и условиями социальной, повседневной жизнедеятельности (состоянием общественного сознания, материально-вещественных факторов среды, в том числе и таких элементов среды, как организационная культура, творческая атмосфера, информационные условия, уровень конфликтности, возможности возникновения и развития идей, объединяющих молодых людей). Именно социальное пространство играет определяющую роль в процессе формирования контекста жизнедеятельности молодежи, в нем задаются условия обретения молодым поколением личностных смыслов, ценностей и целей личностного и профессионального развития. Нелинейность, многовариантность общественного развития, неопределенность культурных образцов актуализируют потребность в инициативных личностях, субъектах, способных самостоятельно, творчески мыслить и действовать в меняющейся нестабильной обстановке.

На основе изучения теоретических концепций социального потенциала личности была разработана эмпирическая модель социологического исследования представленного феномена. В качестве объекта прикладного изучения была выбрана молодежь 16-34 лет, проживающая в Екатеринбурге. Выбор возрастной группы предопределен тем, что для молодежи особое значение имеет самореализация (самоактуализация, самоосуществление) личности. Исследование проводилось в декабре 2013 – марте 2014 гг., одной из важнейших задач являлась оценка роли доступности социальных ресурсов для реализации потенциала личности.

Социальный потенциал внутренне неоднороден и образуется совокупностью ряда структурных компонентов и отношений между ними: ценностно-мотивационного, духовно-

нравственного, образовательного, творческого, трудового, общественно-политического потенциалов (субпотенциалов) [5, с. 667]. Сложность внутренней структуры предопределяет необходимость системного программно-целевого подхода к работе с молодежью, который, в свою очередь, обеспечит общее повышение социального потенциала молодых людей.

Важное место в процессе формирования социального потенциала молодежи занимают ее ценностные ориентации. Ценностные ориентации имеют сложную темпоральную природу. В них имманентно содержится оценка прошлого, настоящего и будущего. С ретроспективной точки зрения, на ценностные приоритеты молодых людей влияют социально-экономические, социокультурные условия социализации. С другой стороны, ценности отражают в конкретный период времени актуальный статус личности, ее социальное самочувствие, социально-экономическое состояние. Ценностные приоритеты содержат и прожективный компонент, отражающий те потребности и устремления, которые потенциальны, не реализованы сегодня, но являются значимыми в будущем выстраивании жизненного и профессионального сценария [4, с.155-218].

Лидирующее положение в ранговой шкале терминальных ценностей молодежи занимают такие универсальные ценности, как здоровье (1-е место), семья и дети (2-е место) как наиболее стабильный социальный институт, деньги и материальные блага (3-е место), творчество, реализация способностей (4-е место). Статусные (власть, престиж, слава) и эстетические (общение с природой, красота) ценности занимают периферийные позиции в ценностной иерархии.

Здоровье является наиболее значимой ценностью, предпосылкой всей жизненной активности и важнейшим ресурсом, необходимым для формирования, развития и дальнейшей успешной реализации социального потенциала молодежи. Тип поведения молодежи в сфере здоровья определяется местом здоровья в системе жизненных ценностей. Традиционно здоровье наряду с работой, отдыхом и учебой занимает достаточно высокую позицию в системе социокультурных ценностей молодежи. Хотя ценность здоровья воспринимается молодежью в большей степени инструментальной, а не терминальной. Здоровье как важнейшая предпосылка успешной деятельности отмечается 84% респондентов. Здоровье понимается как личный ресурс, повышающий конкурентоспособность на рынке труда, обеспечивающий поддержку социальной активности личности и высокий уровень работоспособности, причем ресурс воспринимается как почти неисчерпаемый. Это заблуждение приводит к негативным социальным последствиям. Стремление к достижению других социально-значимых целей зачастую приводит к саморазрушительному поведению в отношении собственного здоровья. Тип поведения в отношении собственного здоровья может быть как негативным, так и позитивным, что находит отражение в выборе цели, средств, которые использует личность для достижения поставленной цели.

Большинство опрошенных молодых людей осознают важность, личностную значимость проблемы, необходимость ведения здорового образа жизни, однако зачастую это не приводит к позитивному (самосохранительному) поведению в сфере здоровья, не выражается в активной позиции в отношении заботы о своем здоровье. В исследовании четко зафиксирована ориентация на поддержание своего здоровья, оценка здорового образа как обязательного условия своей жизнедеятельности, как предпосылка формирования социального потенциала. При этом здоровый образ жизни ассоциируется, прежде всего, с правильным, полноценным питанием, с регулярными физическими нагрузками, занятием спортом, рациональным режимом труда и отдыха, отсутствием вредных привычек. Совершаемый молодыми людьми выбор в пользу здорового образа жизни предполагает высокий уровень осознанности, мотивированности, заинтересованности поведения в сфере здоровья. Однако активность в отношении заботы о собственном здоровье, в его сохранении и поддержании на должном уровне, не является высокой, так как значительная группа опрошенных осуществляют действия, которые ведут к разрушению здоровья (наличие вредных привычек, нерациональное питание и т.п.).

Представляется важным разграничивать вербальные (словесно выраженные и одобряемые) и актуализированные (воплотившиеся в реальное поведение) ценностные ориентации. Признание здоровья важнейшей жизненной ценностью далеко не всегда воплощается в здоровом образе жизни. Здоровье остается пока вербальной ценностью, а не регулятором реального поведения.

Трудовой потенциал как одна из разновидностей субпотенциала молодежи является интегральным показателем, характеризующим интеллект, профессиональное мастерство, активность, мотивированность, организованность, здоровье. Одной из важных составляющих процесса «приращения» социально-трудового потенциала является образование. Больше половины опрошенных определили в качестве основной цели профессионального образования - получение возможностей для дальнейшей успешной деятельности, 40% молодых людей отметили значимость образования как фактора развития собственных способностей, развития личностного потенциала.

Образованные люди используют свой потенциал более эффективно, они предрасположены к введению новшеств, использованию инновационных технологий решения проблем, поиску более эффективных форм и методов жизнедеятельности. Одной из важнейших целей работы с молодежью должно стать формирование ее социальной активности, социальной компетентности и ответственности за построение и развертывание своих жизненных стратегий. Это позволило бы на практике реализовать социоресурсное видение молодежи как субъекта социальной жизни. Основные характеристики социально-трудового потенциала молодежи – высокая обучаемость, гибкость, адаптивность, социальная и территориальная мобильность, повышенная восприимчивость к инновациям, возможность его использования в течение максимально длительного периода времени – предопределяют его стратегический характер как особого ресурса развития экономики и общества. Увеличивается число молодых людей, отказывающихся от ожиданий патернализма со стороны государства и понимающих, что лишь от них самих зависит их собственное благополучие.

Специфика рынка труда далеко не всегда позволяет реализовать свои профессиональные планы. Более половины опрошенных считают, что найти работу по специальности не так просто. После окончания учебного заведения хотели бы работать по специальности только 43% респондентов. Среди работающей молодежи только 65% считают, что осуществляемая трудовая деятельность соответствует их профессиональным навыкам и квалификации, но в то же время 66% ответивших воспринимают работу как сферу самореализации, проявления своих способностей.

Одним из важнейших направлений реализации социального потенциала является творческая деятельность. Поскольку молодежь признается носителем инновационного потенциала развития, общество ожидает от нее научной, творческой и предпринимательской активности, обеспечивающей, в первую очередь, саморазвитие самому молодому поколению. Больше половины молодых людей отметили востребованность проявлений творческой активности в их работе. При этом 57% респондентов реализуют свой творческий потенциал в процессе поиска новых форм, методов основной деятельности, 43% - посредством участия в новых проектах, 34% опрошенных создают конкретный творческий продукт. Многие исследователи отмечают прагматичное поведение молодежи в сфере труда. Находясь в нестабильной социально-экономической ситуации, в ситуации кризиса, респонденты все чаще отдают предпочтение работе с высокой зарплатой, не всегда соответствующей специализации, сформированным профессионально-значимым качествам.

Однако нельзя в полной мере утверждать, что молодежь утратила этику труда и воспринимает его лишь как необходимый инструмент для удовлетворения насущных потребностей. Следует выделить определенную долю респондентов, которая реализуется в процессе труда, творчески подходит к работе, что повышает ее социальный потенциал. Почти 70% опрошенных отождествляют реализацию потенциала с развитием и реализацией собственных навыков и способностей, с самоактуализацией в определенной сфере жизнедеятельности. Одновременно отмечается и весьма прагматичное отношение к процессу самоосуществ-

ления: 47% молодых людей связывают реализацию собственного потенциала с улучшением благосостояния, материального благополучия, что обеспечит большую удовлетворенность собственной жизнью. Одним из важнейших факторов повышения социального потенциала молодого поколения является развитие социально-трудовой субъектности молодежи и ее организованности.

Прослеживается инструментальное, утилитарное отношение к профессиональному образованию. Последнее воспринимается половиной респондентов не как самостоятельная ценность, а как возможность достижения жизненного успеха. Наличие высшего образования и современной профессии помогают быстрее адаптироваться к переменам, более уверенно смотреть в будущее. В исследовании была обнаружена прямая, хотя и не ярко выраженная связь между профессиональной направленностью обучающихся и уровнем их учебно-познавательной активности. Осознанное желание трудиться в избранной сфере деятельности и по определенной профессии являлось в какой-то степени стимулом хорошей учебы. Однако сейчас обнаруживается и иной стимул: неопределенность профессионального устройства заставляет часть студентов заниматься более энергично и не только программным материалом. Но и молодежь предпочитает планировать свое будущее не как линейную прямую, а как вариативный спектр возможностей. Профессиональное образование при таком выстраивании жизненного пути выступает не как гарант занятости в конкретной сфере, а как шанс самореализации, как важный социальный ресурс, обеспечивающий жизненный успех. Здесь вполне уместно говорить о появлении у части молодых людей дополнительной активности, повышающей степень развития интеллектуально-коммуникативной деятельности. При этом изменяются требования к образованию: востребованной становится разносторонняя и глубокая интеллектуальная работа, а не привычная предметная подготовка.

В реализации намеченных планов образование может помочь 70% респондентам. Треть опрошенных рассчитывает на социальный ресурс связей и знакомств. Социальный капитал позволяет занять более выгодные, привилегированные позиции в социальном пространстве. Социальный капитал - это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, рационально и целенаправленно формируемый в межличностных отношениях. Для субъекта профессиональной деятельности на рынке труда ресурс его отношений и связей с другими людьми представляет собой дополнительный источник для достижения индивидуальных целей. Принадлежность к определенным неформальным сообществам, совокупность всех неформальных связей мобилизуется для решения актуальной задачи субъекта.

Основная проблема заключается в разработке и реализации на практике наиболее эффективных технологий накопления и активизации социального потенциала. С позиций деятельностного подхода социальный потенциал молодёжи включает в себя следующие составляющие: формирование, развитие и рациональное использование (активизацию).

Формирование, развитие и активизацию социального потенциала можно рассматривать как расширение человеческих возможностей путем приобретения знаний, совершенствования профессиональных навыков, укрепления здоровья, а также как процесс использования молодежью приобретенных способностей для производственных целей, также и для культурной, социально-политической деятельности [1, с.47].

Формирование социального потенциала молодёжи осуществляется в процессе взаимодействия молодого поколения с окружающей его социальной средой путём создания элементами среды оптимальных условий для усвоения молодыми людьми определённых социальных функций и ролей. Основными социальными институтами, определяющими содержание и объем социального потенциала молодежи принято считать воспитание, образование, науку, здравоохранение, весь комплекс затрат, связанных с подготовкой человека к общественной, профессиональной деятельности. Причем процесс формирования потенциала осуществляется на двух уровнях: макроэкономическом (государство, общество) и микроэкономическом (семья, отдельный индивид).

Социальный потенциал продуктивен и способствует достижению целевых установок субъекта. Процесс формирования, развития и актуализации социального потенциала требует

вложений культурных, социальных и экономических ресурсов. Только 41% опрошенных отметили доступность ресурсов в соответствии со своими собственными потребностями. Больше половины респондентов удовлетворены возможностью доступа к информации, позволяющей решать жизненные проблемы. Почти 43% молодых людей отметили свое участие в профессиональных сообществах, в неформальных группах.

Эффективность формирования социального потенциала молодёжи во многом зависит от того, насколько оперативно базовые социальные институты и социальное окружение смогут создать необходимые условия для раскрытия и развития всех элементов молодёжного потенциала в комплексе.

Развитие потенциала молодого поколения состоит в оптимизации количественных показателей (с учётом демографических тенденций) и повышении качественных параметров молодого поколения. Социальный потенциал наращивается в процессе освоения таких элементов организации совместной жизнедеятельности, как социальные нормы и доверие, социальные сети, создающие условия для кооперации и координации ради взаимной выгоды. Молодежь увеличивает свой социальный потенциал посредством различных контактов с профессионалами. Однако только треть респондентов ощущают реальную поддержку в решении сложных ситуаций со стороны учреждений, специализирующихся на оказании социальных услуг, а также организаций, реализующих социальную политику. Возможно, причина в том, что часто мероприятия и проекты, касающиеся молодежи, разрабатываются и реализуются чиновниками и политическими организациями без реального включения самих молодых людей и нацелены на поддержку своей политической линии. Между тем, одним из наиболее важных и эффективных механизмов, обеспечивающих качественное социальное развитие молодого поколения, должна являться оптимизация государственной молодежной политики. Повышение субъектности молодежи невозможно без структурной организации молодого поколения в рамках различных общественных объединений, что, в свою очередь, позволит дополнить имеющийся ныне государственный характер молодежной политики реальным общественным компонентом. Подобный подход должен стимулировать развитие субъект-субъектных отношений (общественных молодежных организаций и государственных структур) в решении вопросов повышения социального потенциала молодежи. Рациональное использование молодёжного потенциала осуществляется в процессе общественного воспроизводства, а его результативность определяется направлениями и способами реализации потенциала молодого поколения– профессиональными целями, деятельностью в культурной, социальной или политической сферах общественной жизни и т.д. [5, с. 665].

Социологический анализ потенциала молодежи крайне важен, поскольку он может быть основой для корректировки и разработки государственной социальной политики, формирования соответствующих федеральных и региональных программ. Эти программы должны быть направлены на расширенное воспроизводство общества через развитие необходимых свойств молодого поколения, не только готовящегося к самостоятельной «взрослой» жизни, но и уже активно участвующего во всех социально-экономических отношениях. Молодежь как инновационный потенциал имеет большое значение для социального и экономического развития региона и общества в целом.

Список литературы:

1. Лесина Л.А. Лидерство как социокультурный феномен. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003.-93с.
2. Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. – Т. 4. – С. 461.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. Н,Ю. Шведовой.-М.: Русский язык, 1995.-798 с.
4. Студент-2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга С88 (декабрь 2011-январь 2012) / отв.ред. Ю.Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012.-332с.
5. Ювенология и ювенальная политика в 21 веке. Опыт междисциплинарного комплексного исследования/Под ред. Е.Г. Слуцкого. -СПб.: Знание,2004.-734 с.

УДК 316.7:323.2-057.875

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Липская Лариса Алексеевна
доктор педагогических наук, зав. кафедрой, профессор
Уральский государственный университет физической культуры, Челябинск
E-mail: lipskayala@mail.ru

SOCIAL AND CULTURAL FOUNDATIONS OF STUDENT'S CIVIL ACTIVITY

Larisa Alekseevna Lipskaya
doct. of ped. sciences, professor, head of the Department,
Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается проблема гражданской активности студенческой молодежи, влияние вузовского гражданского воспитания на ее развитие.

ABSTRACT – The article deals with the problem of civil activity of students, the impact of high school civil education on its development.

Ключевые слова: гражданское общество; гражданская активность; гражданское воспитание.

Keywords: civil society; civil activity; civil education

Модернизация политической системы, предоставление права выбирать руководителей регионов, расширение возможностей для деятельности некоммерческих общественных организаций, для осуществления общественного контроля органов власти актуализировали необходимость подготовки студенческой молодежи к активному участию в жизни гражданского общества. В ряде российских регионов, в частности, в Челябинской области разрабатываются стратегии развития гражданского общества, направленные на активизацию деятельности, как отдельных граждан, так и различных общественных организаций в решении «болевых точек» российского общества. Понятно, что без участия молодого поколения решить стратегические задачи вряд ли удастся.

В условиях обострения отношений с Западом, усиливающейся угрозы «оранжевых революций», в том числе и в нашей стране, роста националистических и экстремистских настроений на постсоветском пространстве, особенно возрастает потребность в духовно-нравственных ценностях, в гражданственности и патриотизме как основе устойчивого и стабильного развития российского общества. Динамично меняющийся политический мир вовлекает молодых граждан в диалог с властью, в местное самоуправление, в решение социально-значимых программ, требуя от них наличия гражданской активности, которая проявляется в различных формах общественно-политической деятельности. Основой гражданской активности являются различные представления о целях и методах этой деятельности, которая может быть как легально-легитимной, так и деструктивно-оппозиционной. Студенческая молодежь, участвующая в разнообразных общественно-политических акциях и мероприятиях занимает разную гражданскую позицию: преданных сторонников тех или иных действий власти, или ее критиков и противников. Раскол поля гражданского сознания молодых, его дуализм, как и прежде, проявляется в делении общества на «красных» и «белых», «западников» и «славянофилов», государственников и либералов. К этому водоразделу сегодня добавилось еще и такое условное понятие как «Крым наш». Несмотря на то, что патриотический тренд, великодержавность, суверенитет и независимость России, по опросам являются превалирующими в сознании молодых граждан, готовых отстаивать ее национальные интересы, среди части студентов имеют место и определенные сомнения по поводу правильности действий нашего государства на международной арене. Их беспокоит усиливающееся противостояние, изоляционизм и негативное отношение Запада к России. Утилитарно-

технократическая социокультурная доминанта, которая являлась преобладающей в информационном и образовательном пространстве на протяжении последних десятилетий, не могла не отразиться как на сознании, так и на поведении довольно значительной части молодых граждан, озабоченных прежде всего материальным благополучием, которое в условиях санкций, как они считают, могут потерять. Идеалы свободы, открытости границ, отсутствия авторитетов для них важнее стабильности и устойчивости государства. Есть и те, кто ради обогащения готов продать за «тридцать серебряников» совесть и честь. Свою гражданскую позицию они демонстрируют, критикуя действия власти, скрыто или открыто выступая против призывов «затягивать потуже пояса» и ждать лучших времен. Для таких молодых людей характерны пессимистические настроения и утопичность сознания, основанного на вере в то, что на Западе – все хорошо, а в России – все плохо. Тревога, сомнение, инфантилизм, неуверенность в завтрашнем дне, в способности получить необходимый набор материальных благ порождает у части студенческой молодежи чувство уныния и разочарования. В частности, уральские социологи отмечают тревожную тенденцию уменьшения числа тех студентов, кто в процессе обучения так и не ощутил социально-психологической уверенности в своих силах, сомневается в своей готовности выйти на рынок труда как молодой специалист-профессионал [1; 18]. Неверие в способность самому решать свои проблемы, негативно сказывается и на гражданской активности, направленной на реализацию не только своих, но социально значимых интересов.

Нужно иметь мужество, силу духа, чтобы проявлять гражданскую активность, направленную на социальную самореализацию индивида, основанную на альтруизме, безусловных высоконравственных началах, самопожертвовании, самоограничении и самоотдаче. Такая гражданская активность предполагает социальную сплоченность, самоорганизацию, совместное решение общественно-значимых проблем, самоотверженные поступки, совершаемые в интересах других людей. Гражданственность здесь видится не только в утверждении самого себя, отстаивании своих прав и свобод, но и в «выходе за пределы собственного я», материального мира, придании большего значения не себе самому, а другим людям, осознании своей значимости и нужности кому-либо, принятии участия в судьбе других, помощи нуждающимся.

Становление и развитие такой жизненной позиции происходит в процессе гражданской социализации, которая осуществляется как в учебном процессе, так и в практической деятельности, позволяя студентам выработать научные представления об отношениях между гражданами и обществом, гражданами и государством, гражданами и политическими институтами. Гражданская социализация в вузе – это целенаправленный процесс воспитания, ориентирующий студентов на приемлемые модели гражданского поведения, легитимные методы общественно-политической деятельности во имя общего блага, на защиту, как своих собственных интересов, так и интересов общества и государства, на сохранение его целостности, устойчивости и могущества, от которых зависит судьба каждого человека. Она направлена на развитие гражданских качеств личности студента, повышение ценности жизни для других, помогает молодому человеку определить гражданские ориентации, свое отношение к гражданским правам и обязанностям, сформировать уважение к Отечеству и чувство патриотизма [2; 86].

Целенаправленная воспитательная деятельность преподавателей социально-гуманитарных наук способствует становлению системы политических взглядов и демократических убеждений личности, которые помогут ей сделать осознанный политический выбор руководителей различных органов государственной власти и местного самоуправления. К сожалению, российские, в том числе молодые избиратели, за последние 14 лет не участвовали в прямых выборах губернаторов и глав местных органов власти. Наблюдалась нарастающая социальная апатия населения, которое отучилось от выражения и отстаивания своего мнения, полагая, что все за него знают и решают назначаемые губернаторы и сити-менеджеры. Этим можно объяснить, как считают социологи, то, что определенная часть населения, в том числе и студенческая молодежь, на последних выборах губернатора Челя-

бинской области заняла пассивную позицию [3; 10]. Так, данные проведенного нами социологического исследования, свидетельствуют о том, в выборах губернатора участвовал 41% опрошенных студентов Уральского государственного университета физической культуры. Одной из причин относительно невысокой явки молодых избирателей на выборы является также неверие в то, что их голос может что-либо изменить.

Следует отметить, что у большинства молодых жителей уральского региона, в отличие от столицы, пока еще не достаточно навыков гражданского участия в решении своих местных проблем. Несмотря на то, что в области с приходом нового губернатора делается много для развития гражданского общества, привлечения неравнодушных людей к общественно-полезным делам, доля молодых активистов пока невелика. Результаты проведенного опроса среди студентов УралГУФК показывают, что подавляющее большинство молодых людей хотели бы участвовать в различных формах общественно-политической деятельности, но у них для этого не достает навыков гражданского самоуправления и самоорганизации. Так, на вопрос о том, считают ли они необходимым участвовать в делах общества и государства, положительный ответ дали 81% опрошенных студентов направления подготовки «Адаптивная физическая культура» (АФК) и 67,5%. студентов направления подготовки «Физическая культура» (ФК). В то же время, реальная гражданская активность студентов гораздо ниже. Данные опроса говорят о том, что состоят в различных общественных организациях 66,2% студентов АФК и только 31,3%. студентов ФК. Невысокий процент активных студентов-спортсменов объясняется тем, что многие из них усиленно тренируются и выступают на различных, в том числе международных соревнованиях.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что молодежь в целом характеризуется высокой степенью заинтересованности в общественных делах, но фактически - малой активностью, а так же «размытостью гражданской идентичности» в купе с неоднородностью политических взглядов в центре и на периферии страны [4, с. 42]. Большая часть студенческой молодежи не участвует в деятельности различных некоммерческих общественных организаций и других структур гражданского общества. Они не видят молодых и инициативных лидеров, которые могли бы их сплотить и предложить реальные общественно-значимые дела. Исключение составляют культурно-массовые и спортивные мероприятия, а также различные формы волонтерского движения, которые пользуются наибольшей поддержкой студенческой молодежи. Доля участвующих в социально ориентированных проектах студентов невелика, однако их объединяет чувство солидарности, ответственности, сознание значимости тех небольших, но нужных обществу дел, связанных не только с Олимпиадой и другими подобными мероприятиями, но с помощью различным категориям граждан, детям-сиротам, инвалидам, бездомным, обездоленным. Эта часть студенческой молодежи, которая по опросам составляет не более десяти процентов, не рассчитывает на какое-либо вознаграждение и получение бонусов. Они участвуют в благотворительной деятельности без каких-либо мотивирующих стимулов, проявляя свою гражданскую активность на основе своего права на самореализацию, выполнения долга, ответственности, милосердия, чести и благородства. Добровольческие волонтерские движения студенческой молодежи своими действиями доказывают, что в рыночном обществе есть вещи и ценности поважнее денег. Особую роль в создании нового сплоченного социокультурного пространства играют члены общественной молодежной палаты при Законодательном собрании Челябинской области, привлекающие студентов к различным благотворительным акциям, тем самым преодолевая окружающую атомизированную среду. Для этой части студенчества, как показывают исследования, в большей степени характерны позитивное мышление, терпимость, доброта, отзывчивость, которую они проявляют в отношении представителей другой культуры и национальности, иных взглядов и убеждений. Их гражданская активность направлена не на виртуальную реальность, обсуждение в социальных сетях злободневных тем, а на те конкретные проблемы, которые молодые граждане готовы решать совместно с властью. Виртуальный мир для них не замещает реальность как для многих их сверстников, они осуществляют свою

полноценную жизнедеятельность и взаимодействуют друг с другом не в отцифрованном, а в стремительно меняющемся, проблематичном и полном всевозможных рисков мире.

Для граждански активной части студенческой молодежи в меньшей степени характерны патерналистское сознание, чем для представителей пассивно-ориентированных молодых людей. Инициативные студенты в меньшей степени подвержены пессимистическим и паническим настроениям в условиях ухудшающейся социально-экономической обстановки в стране. Они более оптимистично смотрят в будущее, рассчитывая прежде всего на себя, на свои силы, свою профессиональную подготовку. Их энергия направлена на защиту самостоятельного существования, которое зависит от их собственных усилий, от приобретенных в вузе компетенций, в том числе навыков гражданского самоопределения.

Формирование зрелого гражданского общества в России требует сегодня решения целого ряда проблем в области гражданского воспитания. В этой ситуации задача социально-гуманитарного образования заключается в том, чтобы сформировать у студенческой молодежи гражданское сознание, в основе которого лежат интегративные знания о гражданском обществе и правовом государстве, об общественных нормах и законах, о гражданских правах и обязанностях, которые помогут ей стать активным участником общественно-политических и социально-экономических процессов.

Список литературы:

1. Вишневский Ю. Р., Певная М. В. Оценка реформирования российского образования с позиции потребителей образовательных услуг / Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная // Социум и власть. – 2011. – 1(29). – С. 15-19.

2. Липская Л. А. Гражданская культура и социализация студенческой молодежи: монография / Л. А. Липская. – Челябинск : Уральская академия, 2012. – 176 с.

3. Зырянов С. Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году / С. Г. Зырянов // Социум и власть. – 2014. – № 6. – С. 8-21.

4. Савченко Д. С. Гражданское сознание студентов мегаполиса и провинции: опыт сравнительного анализа / Д. С. Савченко // Вопросы культурологии – 2013. – №9. – С. 40-44.

УДК 316.37

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Макарова Людмила Витальевна
кандидат социолгических наук, доцент
Российский государственный социальный университет, Москва
E-mail: makarovalv66@gmail.com

TRANSFORMATION OF NORMATIVE PERSONALITY IN RUSSIAN SOCIETY

Liudmila Makarova
Candidate of Science, assistant professor of
Russian State Social University, Moscow

АННОТАЦИЯ – Целью исследования является выявление характеристик нормативной личности в различные периоды истории российского общества. Автор применял метод сравнительного анализа и метод глубинного интервью. Результатом исследования являются конструкты нормативной личности на концептуальном и социально-практическом уровнях.

ABSTRACT – The aim of the study is to identify the characteristics of normative personality in the different periods of the history of Russian society. The author's methods are comparative

analysis and in-depth interview method. The result of the study are normative personality constructs on the conceptual and practical levels.

Ключевые слова: нормативная личность, российское общество, социальные изменения, личная известность.

Keywords: normative personality, Russian society, social change, personal fame

Понимание личности можно представить в качестве своего рода маркера социологической теории и социальной практики. Именно через концепт личности происходит переход от теоретических конструктов к реальной социальной практике, формируются мотивация поведения и социальные установки субъектов социального действия. В истории развития социальной мысли в России накопилось достаточно данных для анализа различных пониманий концепта личности, а самое главное – социальных практик с ними связанных.

Тем не менее, в тематике социальной динамики субъективная составляющая занимает особое место и является, пожалуй, самой сложной для эмпирических исследований. В социологии социальных изменений более всего представлены маркеры изменений в экономической сфере жизни общества – широко известные теории волн (Э. Тоффлер), марксистская концепция общественно-экономических формаций и другие. Что же касается маркеров политических, социальных и духовная изменений, то с ними дело обстоит несколько сложнее, а изучение трансформации типа личности требует интегрального подхода. Тем не менее, тот же Э. Тоффлер подчеркивает необходимость понимания влияния социальных изменений на личность: «глупо полагать, что фундаментально изменившиеся материальные условия жизни не затрагивают личность или, точнее, социальный характер. Изменяя глубинные структуры общества, мы также изменяем людей» [1; 680].

Как же меняются социальные императивы, которые вызывают изменения личности? Обладает ли содержание этой императивности преемственностью или происходит радикальный разрыв с прошлым и нужно ожидать изменения фундаментальных личностных свойств?

Возможности применения понятия нормативной личности, как совокупности императивных характеристик, предлагаемых личностью определенной культурой, подвергаются сомнению относительно сложных обществ. Тем не менее именно российское общество предоставляет уникальные возможности для исследования трансформации социальных императивов, предъявляемых личности и построенного на них социального идеала личности, поскольку в истории России можно наблюдать очень резко выраженную, обозначенную четкими временными границами смену социальных императивов, предъявляемых личности и связанных с ними социальных практик.

Таким образом, в российской социальной мысли и социальной практике можно выделить следующие периоды: дореволюционный, советский и современный и связанные с ними три направления российской социальной мысли, формирующие систему императивов для нормативной личности: религиозное, социалистическое и либеральное. Рассмотрим каждый из этих периодов с точки зрения содержания характеристик нормативной личности.

Дореволюционный период (религиозное направление, святость как нормативный тип). Религиозное направление представления о нормативной личности строится на аксиологической базе Православия и представлено в первую очередь славянофилами и представителями русской религиозной философии: Вл. Соловьевым, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, И. А. Ильиным. Личность в качестве субъекта социального действия в теологическом направлении рассматривается как источник духовности, освящающий мир, в качестве объекта социального воздействия личность подвержена воспитанию. Важно отметить, что в религиозном концепте нормативной личности не признается возможность полного, гарантированного воздействия на личность, также как со стороны личности невозможно полное освящение, преобразование мира в Царствие небесное. Тут признается своего рода разрыв, постоянный болезненный конфликт между

личностью и обществом, символическим выражением которого является несение креста. Способом связи личности и общества в религиозном контексте является нравственность, иными словами, чтобы войти в общество, от конкретного человека требуются добродетели как основа нравственности: целомудрие, нестяжение, кротость, милосердие, смирение. В православной теологии подробно разработано учение о добродетелях (в частности, святителя Игнатия Брянчанинова [2, С.168-176].

Нормативная личность представлена в религиозном направлении как человек, достигший святости как совокупности добродетелей или хотя бы стремящийся к ней. Критерием святости как способа социального действия является спасение, в первую очередь личное спасение. Конечно, спасение не поддается строго формальному измерению, вопрос о причислении к лику святых очень непростой, но этот вопрос решается соборно и уже такой способ его решения показывает, что вопрос спасения имеет общественное измерение, если конфессию понимать как особый способ общественной организации. Из святости как способа социального действия возникает специфическая социальная или вернее, духовно-социальная практика – старчество. Старчество держится на духовном авторитете определенного человека и фактически социальный проект Святой Руси возникает вокруг этих людей постольку, поскольку устанавливается связь с их святостью (искание и следование советам, пожертвования на обители и благотворительность, распространение информации, защита и служение – послушание в самом широком смысле). Собственно и личность любого начальствующего, в первую очередь царя воспринимается как духовный авторитет в сфере управления. Такое восприятие было распространено отнюдь не только в народной среде, так, например, воспринял волю Николая I А. С. Пушкин, когда император не разрешил ему переселиться в деревню. Собственно, с историческим искажением, обрывом такого восприятия и заканчивается ведущая роль религиозной концепции личности в российской социальной практике. При этом, сама религиозная концепция личности, безусловно, не исчезает, теологический дискурс личности не только не пресекается, но значительно расширяется, пересекаясь с другими направлениями социальной мысли, а практика старчества продолжается и в зарубежной России, и в России советской.

Очевидно, что для эмпирического изучения нормативной личности в дореволюционном российском обществе метод опроса неприменим. До революции 1917 г. в российском обществе сложились определенные социальные практики воспроизводства личной нормативности. Н. Бердяев [3; 86-140] выделяет следующие уровни таких практик – законнический, искупительный и творческий. К практикам законнического типа можно отнести специфические для этого этапа правовые нормы, поддерживающие формальную сторону православной религиозности. Это, например, запреты на вступление в брак или занятие государственных должностей без церковной справки о говении, изучение закона Божьего в учебных заведениях. К искупительным социальным практикам можно отнести различное служение: семье, отечеству, царю, искусству и т.п. К творческим социальным практикам, связующим личность и общество, относится прежде всего достижение святости и почитание святых. Взаимодействие общества и личности, которое обеспечивается такими практиками держится на действительной личной религиозности и поддерживается, главным образом, социальными институтами семьи и церкви. Соответственно в дореволюционный период нормативную личность можно описать как совокупность христианских добродетелей: смирения, кротости, скромности, самоотверженности, терпения.

Советский период (социалистическое направление, трудящийся как нормативный тип). В социалистическом направлении российской социальной мысли личность понимается как субъект не просто социальных, а революционных, исторически-масштабных социальных изменений. Пролетарий как социальный тип личности призван не просто осуществить переход человечества из одной исторической формации в другую, а выполнить задачу полного и окончательного уничтожения социального неравенства. Способом социального действия для такой личности является труд и подвиг. Общество со своей стороны, воздействует на личность путем агитации, пропаганды, всех видов идеологической

обработки, общество формирует новый нормативный тип – тип человека трудящегося. Универсальной социальной практикой для личности идейного трудящегося является коллективизм [4, С. 48] и, соответственно, коммунизм как социальный проект должен был представлять собой ассоциацию трудовых коллективов. В общих чертах социалистическую модель можно представить так: личностью человек становится, пройдя определенную идеологическую обработку (в детских организациях) и ценится обществом тем больше, чем больше трудится (совершает подвиги) на благо коллектива. В научном коммунизме тема личности и труда является одной из ведущих, широко обсуждались и исследовались самые различные аспекты этой темы: гармонизация личности путем различных видов труда, труд и досуг, коллектив как носитель трудовых норм.

Советский период российской истории представляет собой реализацию концепта взаимосвязи личности и общества через общественно полезный труд. Личность понималась прежде всего как субъект трудовой деятельности – от каждого по способностям, каждому по труду. Соответственно, существовал целый ряд социальных практик, поддерживающих именно трудовую деятельность личности. К таким социальным практикам относятся: школьное трудовое воспитание – учебно-производственные комбинаты, в которых старшеклассники получали рабочие профессии, трудовые школьные и студенческие лагеря, субботники. Весьма распространено было и применение негативных санкций к тем, кто не трудился в народном хозяйстве. Тунеядство стало в СССР не просто морально осуждаемым, но преступным поведением. Первая советская Конституция лишала политических прав, лиц, живущих на нетрудовые доходы, сталинская конституция провозглашала принцип: «кто не работает, тот не ест» и, наконец, знаменитый указ Президиума Верховного Совета усиливал борьбу «с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Даже в период перестройки одной из попыток наладить экономическую систему был «Закон о нетрудовых доходах».

В качестве эмпирического исследования нормативной личности советского периода автором был проведен опрос россиян, родившихся до 1970 г., то есть социализировавшихся еще в советской системе (метод глубинного интервью, открытый вопрос «Какие требования со стороны общества предъявлялись Вам в советское время?»). Опрос показал, что все без исключения респонденты называют в качестве социального императива трудолюбие. Другие качества распределяются следующим образом: уважение к старшим, ветеранам; ответственность; человечность, доброта; бескорыстие; коллективизм; дисциплинированность; партиотизм; скромность. Очевидно, что большая часть этих качеств имеет преемственность по отношению к христианским добродетелям, но уже без религиозного наполнения. Так, например, аскетическое воздержание трансформируется в дисциплинированность. Существует ли преемственность между советским человеком, трудящимся как нормативным типом личности и современным концептом личной нормативности?

Современный период (либеральное направление, успешная личность). Третья концепция личности в российской социальной мысли развивается в русле позитивизма, а на идеологическом уровне – либерализма. С начала 1990-х гг. именно эта концепция вышла на уровень ведущей в легитимации власти в России, хотя и она имеет свою достаточно длительную историю в российской социальной мысли, в лице таких ее крупных представителей как М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин, такие социологи советского времени как В. А. Ядов или И. С. Кон. Именно эта концепция сегодня считается собственно научной, хотя более широкий взгляд на исторический контекст дискурса личности позволяет отметить, что и научный коммунизм в свое время считался единственно научным. В качестве субъекта социального действия в позитивистской концепции личность понимается как субъект мобильности, права на самоопределение [5, С. 7]. Упрощенно можно представить, что личность, попадая в социальное пространство, действует по пословице «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Это «лучше» может быть представлено как относительно

более обеспеченным благами социальным слоем, так и более удобным месторасположением. Как объект социального воздействия личность социализируется через образование, отсюда такой бум развития высшей школы в современной России. Образование при этом понимается как инструмент для возможности мобильности в социальном пространстве, как формирование у личности установки на успешное нахождение своего места. Способом связи личности и общества в этой концепции считается инновационность и способность инвестировать, в более широком смысле - инициатива, креативность. Также как добродетельность приводит личность к своему духовному отцу, трудовой подвиг – в свой коллектив, так и инициативность приводит личность к своему бизнесу. Социология предпринимательства, социология инноваций сегодня становится столь же актуальной как в советское время теория социалистического труда, а в дореволюционное – учение о добродетели и жития Святых. Целеполагание социальной практики также вполне логично понимается как достижение высокого места в рейтинге мировых экономик.

После распада СССР специфические социальные практики, поддерживающие трудовую связь личности и общества во многом были утрачены. В новой постсоветской России поиск социальных императивов логично сосредоточить в социальных феноменах, связанных с производством, обменом, распределением информации. Сегодня ряд исследователей выделяют в качестве такого феномена известность личности, при этом отмечая, что личная известность принадлежит только определенной, конкретной личности и, в отличие от богатства, престижа, власти не транспортируется в виде обезличенных социальных статусов. «Богатство, титул, власть можно передать другому в полном объеме. Но невозможно кому-то отдать, продать, завещать славу великого ученого, писателя или актера, она принадлежит только конкретной личности»[6;101].

Л. Е. Гринин, защищая тезис об известности как основании социальной стратификации, определяет известность как информацию о человеке (группе, объекте), которая выделяет его – в отношении распространенности информации о нем или в каких-то других смыслах – из общего ряда людей (групп, объектов), обладающих аналогичными профессиональными и/или социальными качествами [6;100]. Кроме того, автор выделяет понятие славы как высокой степени известности [6;100]. В отношении известности личности также употребляется целый ряд других терминов: икона, звезда, персональный бренд, имидж, имиджевый капитал, жизненный автопроект. Сегодня довольно развита индустрия услуг консультирования по имиджу и стилю, а также по маркетингу и PR обслуживанию конкретных персон. Таким образом, очевидно, что достижение известности приобрело социальную значимость и собственные каналы достижения. Но для социологического анализа личной известности необходимо объяснение и понимание именно социальной стороны этого явления. Императивы аскетизма и труда достаточно логично связывают личность любого члена общества и общества в целом, обладая очевидной полезностью для общества и возможностью достижения для каждой личности. Система ценностей, представленная в императивах аскетизма и труда вполне логично лежит в основе основных социальных институтов – религии, производства, семьи и брака, государства, образования.

Как же достижение личной известности связано с социальной структурой и ее функционированием? Представляется, что тут можно допустить достаточно смелую идею, выдвинутую, в частности, Д. С. Фединым [7] об институционализации личностного бытия в современном обществе. На первый взгляд, это пародоксальное явление – социальный институт по определению является надличностной структурой, но в том то и дело, что в современном обществе известная личность приобретает своего рода надличностную оболочку, которую можно назвать социальным институтом личности. Социальный институт всегда строится на нормативно-ролевом взаимодействии тут исследователя данной проблемы ждет очередная логическая ловушка. На первый взгляд известная личность взаимодействует с публикой, аудиторией, но ролевое взаимодействие должно быть внутри социального института. И действительно, в том то и новизна личной известности в современном мире, что эта известность становится продуктом внутреннего взаимодействия,

причем взаимодействия целенаправленного, между личностью как «эго» и личностью как персональным брендом. Это взаимодействие взаимное и технологии достижения личной известности описывают его именно как формирование бренда с учетом особенностей личности с одной стороны и, как изменение характеристик личности как «эго», в связи с необходимостью демонстрации персонального бренда с другой стороны. Таким образом, на обоих полюсах ролевого взаимодействия оказывается одна и та же личность, но в разных социальных ролях – роли себя реального и роли своего бренда. Нормой такого ролевого взаимодействия является постоянное взаимное приспособление, принятие «эго» и бренда. Специалисты отмечают, что один персональный бренд живет около 5-7 лет и далее нуждается в обновлении, но обновление это должно иметь логическую связь со всеми предыдущими проектами, которую обеспечивает именно реальное «эго» личности. Имидж, стиль, ник, фото-портфолио в таком случае выступают символами личности, подобно тому как логотипы и товарные знаки выполняют символические роли в производственных институтах. Личность как любой социальный институт обрастает собственной инфраструктурой, обеспечивающей его функционирование. В данном случае, это в первую очередь носители информации о личности – странички в социальных сетях, персональные сайты, интервью и фоторепортажи в глянцевых журналах, телевизионных программах и т.п.

Опрос респондентов, родившихся после 1990 г., то есть выросших уже в постсоветской России показал, что все они назвали в качестве современного социального императива настойчивость (напористость, активность, энергичность и т.п.). При этом императив трудолюбия сохраняется, но его формулировка трансформируется в трудоспособность, то есть качество, которое выражает не отношение к труду, а возможность много трудиться. Далее, назывались такие качества как цинизм, хитрость; коммуникабельность, креативность. Таким образом, императивы, основанные на христианских ценностях, и бывшие основанием классических социальных институтов, уходят в прошлое, а качества, которые были названы респондентами вполне соответствуют институционализации личной известности.

Список литературы:

1. Тоффлер Элвин. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 261 с.
2. Брянчанинов И. Аскетические опыты. – М.:Сретенский монастырь, 1998. 570 с.
3. Бердяев Н. В. О назначении человека. - М.: Республика, 1993. С.86-140.
4. Снастин В. И. Коммунизм и личность, М. - Изд-во политической литературы, 1965, 64 с.
5. Ковалевский М.М. Учение о личных правах, М. - Издание В.М. Саблина, 1905, 42 с.
6. Гринин Л.Е. Психология и социология феномена славы// Историческая психология и социология истории. - Том 3, номер 2 / 2010.- С. 101.
7. Федин Д.С. Институционализация личностного бытия в обществе риска//Автореферат диссертации на соискание звания кандидата философских наук.- Саратов. – 2013. 22 с.

УДК 373.2

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД РЕФОРМ

Мансуров Валерий Андреевич
доктор философских наук, профессор, зам. директора
Института социологии РАН, Москва
Юрченко Олеся Викторовна
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Института социологии РАН

PRESCHOOL EDUCATION IN THE REFORMS

Mansurov Valery Andreevich,
Doctor of Science, Professor,

Deputy head of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
E-mail: mansurov@isras.ru
***Yurchenko Olesya Viktorovna**,*
PhD, seniour researcher of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
E-mail: olesya@mail.ru

АННОТАЦИЯ – Исследование направлено на изучение социального и профессионального статуса педагогических работников дошкольного образования в контексте их взаимоотношений с государством и потребителями образовательных услуг. Количественные данные собраны в ходе опроса (779 анкета) в Москве, Самаре и Сыктывкаре. Результаты свидетельствуют, что `текущая реформа дошкольного образования ориентирована на повышение профессионализма воспитателей, но пока не принесла ожидаемых результатов. Само профессиональное сообщество осталось недовольным сокращением самостоятельности в их непосредственной работе.

ABSTRACT – This project contributes to a novel historical and contemporary understanding of the professionalisation of Russian preschool educators in the context of their relationship with the state and consumers of their services. The data comes from a quantitative survey (N - 779 respondents) in Moscow, Samara and Syktyvkar. The state proclaims the politics of professionalisation from above of the researched occupational group. However, these state reforms have not been efficient so far. The professional community is discontented with the decreased autonomy and discretion.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, дошкольное образование.

Key words: sociology of professions, sociology of education, preschool education.

В статье представлены результаты исследования сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН, посвященные актуальной проблеме изменений в профессиональном сообществе педагогов, занятых в дошкольном образовании. На сегодняшний день практически нет социологических работ, в которых бы освещалась проблема реформирования системы дошкольного образования и динамики статуса профессионалов дошкольников. Некоторые проблемы реформирования системы образования находят отражение в специализированных психологических и педагогических журналах [5]. Тогда как вопросы социального статуса профессионалов, занятых в детской сфере, остались без должного внимания [3, 6].

Изучение динамики социального статуса проводится нами в многомерном социальном поле, с учетом того, что сегодня на социальную позицию профессионалов дошкольников влияет не только государство, но и рынок: новые институты частного дошкольного образования, возросший платежеспособный спрос населения, смена установок родителей как потребителей услуг. Анализ динамики статуса будет проводиться с неовеберианской точки зрения. Основной исследовательский вопрос связан с тем, как поддерживается или увеличивается статус профессии, рассматриваемый вслед за Вебером в трех параметрах стратификации: экономическое измерение, престиж и власть [1] Эти три измерения также могут быть изучены как ресурсы профессионального статуса [4, 8].

Авторы проекта предполагают, что динамика социального и профессионального статуса специалистов работающих в частном и государственном секторах в Москве и в российских регионах будет различной. Сегодня частные образовательные услуги пользуются наибольшим спросом именно в Москве, Санкт-Петербурге и других наиболее крупных и экономически развитых российских городах, вследствие большей платежеспособности населения. В связи с этим в качестве места исследования были выбраны следующие российские регионы: Москва; Сыктывкар (столица Республики Коми, северо-восток Европейской части России) и Самара (крупный промышленный город, Поволжье). Проведение сопоставительного анализа в трех российских регионах поможет выявить специфику взаимодействия и

влияния основных социальных акто́ров, – государства, образовательных профессионалов, потребителей образовательных услуг, – на процесс динамики властного и экономического ресурса профессиональной группы специалистов, работающих в государственном и частном секторе образовательных услуг. Исследование проводилось в трех регионах России: Москва, Самара и Сыктывкар с учетом квот выборки по основным статистическим показателям группы (возраст работника). Исходная статистика была взята из следующих источников: Москва – данные Москомстата, Самара – данные Министерства науки и образования Самарской области, Сыктывкар – данные Управления дошкольного образования администрации Городского Округа «Сыктывкар». Сбор данных осуществлялся посредством заполнения анкет педагогами дошкольного образования, отобранными в соответствии со структурой выборки. Опрос был проведен в период между январем и сентябрем 2014 г., для анализа было отобрано всего 779 анкет (из них 479 в Москве, 150 в Сыктывкаре, 150 в Самаре).

Мы проанализировали *степень свободы воспитателей и влияния на собственную трудовую ситуацию*. Неотъемлемым индикатором здесь является возможность принимать решения по выполнению главной функции, то есть по определению стратегии воспитания и образования детей. Официально декларируется, что работники детских садов могут выбрать любую образовательную и развивающую программу, вплоть до самостоятельного ее составления (Приказ Минобрнауки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования"). Но сами воспитатели детских садов в нашем анкетном опросе отметили, что выбор программ обучения и развития детей в большинстве случаев является прерогативой руководства детских садов (табл. 1).

Таблица 1.

Оцените степень влияния руководства дошкольного учреждения на решение о выборе программы обучения и развития детей (% от числа ответивших в каждом регионе)

Варианты ответа	**Сыктывкар**	**Самара**	**Москва**
Очень большое влияние	30	24	23
Сильное	32	31	31
Среднее	25	25	24
Слабое	5	7	7
Нет влияния	1	7	7
Затрудняюсь ответить	7	6	8
Итого ответивших:	100	100	100

Некоторые воспитатели в интервью говорили о том, что не готовы брать на себя ответственность за выбор программы обучения и развития в ситуации содержательного реформирования отрасли образования. Только незначительная часть опрошенных чувствует, что могут оказать «сильное» и «очень большое влияние» на выбор образовательных программ (16% – Сыктывкар, 19% – Самара, 19% – Москва). Образовательная реформа в дошкольном образовании готовится уже несколько лет, и новый «Федеральный государственный образовательный стандарт» (ФГОС) был введен с 1 января 2014 г. Этот образовательный стандарт не позволяет использовать многие привычные для воспитателей образовательные программы, в которых обучение осуществляется по урочному типу, а не в игре. Соответствовать требованиям ФГОС воспитателям сложно, так как разработанных по ФГОС программ мало, и у воспитателей нет понимания, что конкретно от них требуется: «*Нас никто ничему не обучил. Сказали, работайте в игровой форме, не сажайте за парту*» (педагог дополнительного образования, Москва).

Некоторые воспитатели в интервью говорили о том, что их многолетний опыт и знания могут оказаться не востребованными в результате этой реформы. Кроме того, часть воспитателей утверждает, что исключительно игровое субъект-субъектное взаимодействие воспитателя с детьми осложнено тем, что группы детского сада переполнены, в них может быть до тридцати пяти детей. Отдельно также отмечалось, что некоторые интересные

предложения ФГОС, например, ведение проектной и исследовательской деятельности требуют дополнительного финансирования: «*Мы бы с удовольствием делали опыты, но бесплатно мы можем только снег растопить»* (воспитатель, Сыктывкар).

Помимо выбора образовательной программы, важными аспектами полномочий воспитателей можно считать возможность влиять на составление планов работы, темп работы и условия труда: определять количество вспомогательного персонала, выбирать необходимые пособия и игрушки. Важным является наличие у воспитателя свободы принимать самостоятельные решения и контролировать рабочую ситуацию [7]. Для того чтобы оценить степень участия воспитателей в регулировании собственной профессиональной деятельности, мы сравнили степень влияния различных групп профессионального сообщества на решение ряда вопросов управления. Воспитатели расценивают свои полномочия как ограниченные. Оценивая проблемы, которые беспокоят воспитателей больше всего, респонденты наибольшее внимание уделили вопросам условий труда. В частности, 51% выборов (Москва) и 33% выборов (Самара и Сыктывкар) пришлось на проблему большого количества «бумажной работы»» и 41% (Москва), 26% (Самара) и 22% (Сыктывкар) – на «переполненность групп в детском саду».

Практически все решения относительно трудовой ситуации принимаются руководством учреждения. В такой ситуации для многих воспитателей, как они сами утверждают, психологической отдушиной являются неформальная автономия и общение с коллегами, которые помогают повысить самооценку и придают уверенность в собственных силах. Неотъемлемым атрибутом этой неформальной автономии является возможность воспитателей оказать влияние на условия труда тогда, когда их работу не проверяет непосредственное руководство или какая-либо внешняя комиссия. В определенных случаях, негласно, изменения могут быть внесены в содержательные аспекты деятельности, в распорядок дня, объем и темп работы. Особенно эффективно это удается тем, у кого складываются доброжелательные взаимоотношения с руководством: *«Есть определенная коррекционная программа, я должна ее придерживаться. А вообще я могу брать все, что мне понравилось, только это должно соответствовать требованиям. Негласно можно что-то менять, не объявляя об этом»* (педагог дополнительного образования, Сыктывкар).

Что касается *авторитета профессиональной группы воспитателей* в глазах родителей, здесь ситуация также оставляет желать лучшего. Сегодня повысились требования родителей к самой системе дошкольного образования. Как нам сказали в одном интервью: «*Родители относятся к нам потребительски. Все права – у родителей, а нам остаются – одни обязанности... Мы совершенно бесправны»* (руководитель профсоюза, Москва). Воспитатели и государственных, и частных детских садов считают, что родители обладают серьезным влиянием и стремятся контролировать работу воспитателей. Так, примерно пятая часть опрошенных в регионах (21% – в Сыктывкаре, 22% – в Самаре) и более трети в Москве (39%) ответили, что родители контролируют их работу. При этом намного меньше воспитателей считают, что так и должно быть, чем, что это справедливо. Только 10% воспитателей в Самаре, 11 % – в Сыктывкаре и 23% – в Москве согласны с тем, что родители должны контролировать их работу.

Отсутствие ясного разграничения между «уходом/заботой» и «образованием» детей в детском саду создает напряженность во взаимоотношениях между воспитателями и семьями [11]. С одной стороны, родители ожидают, что дети к школе будут уметь читать, считать и писать. По оценкам одного из экспертов, родители сегодня *«не готовы рассматривать детский сад как камеру хранения для детей, они требуют образования, причем качественного образования»* (воспитатель, Москва). С другой стороны, суть и границы экспертного знания в дошкольном образовании размыты. Некоторые воспитатели говорили нам о том, что часть родителей уверена, что работники детского сада не способны подготовить детей к школе, так как не обладают должным профессиональным знанием. Эти воспитатели хотели бы, чтобы сфера их компетенции была более четко очерчена и ясна для общества.

Важный момент – определение перспектив развития дошкольного образования:

Таблица 2.

Как вы считаете, кто должен определять вектор развития дошкольного образования в целом, *(в % от числа ответивших в каждом регионе)*

Варианты ответа *можно выбрать только 1 вариант ответа*	Сыктывкар	Самара	Москва
Государство совместно с воспитателями и педагогами	49	35	10
Государство	16	33	1
Воспитатели/педагоги	9	5	0
Государство совместно с родителями детей	1	6	1
Государство совместно с профсоюзами и другими профессиональными организациями	4	3	1
Родители детей	1	2	1
Профсоюзы и другие профессиональные организации	1	0	0
Затруднились ответить	12	16	86
Итого ответивших:	100	100	100

Повсеместной практикой является включение родителей в управляющие, попечительские советы в детских садах. Однако воспитатели не считают, что эти процессы могут улучшить их повседневную рабочую ситуацию. Только единицы воспитателей считают, что участие родителей в работе ДОУ может улучшить жизнь воспитателей (4% воспитателей из Сыктывкара, 6% из Самары и 1% из Москвы). При этом на вопрос, кто должен определять вектор развития дошкольного образования практически никто из воспитателей не выбрал группу родителей, полагая, что вектор развития дошкольного образования должно определять государство совместно с группой воспитателей .

Воспитатели во всех регионах отмечали, что взаимоотношения с родителями часто складываются непросто: «*Сейчас много негатива в образе нашей профессии, нам бы хотелось, чтобы было больше уважения и терпения со стороны родителей»* (лидер профсоюза, Москва). Наиболее сложная ситуация сложилась в Москве, где почти треть (30%) московских воспитателей отмечают отсутствие уважения со стороны родителей детей. В регионах только десятая часть воспитателей жаловались на отсутствие уважения со стороны родителей (10% в Сыктывкаре, 11% - в Самаре): *«Родителям и детям дали все права. Они могут на нас пожаловаться. У нас никаких прав не осталось. Абсолютное бесправие... Родитель может все против меня, а я - ничего не могу. В случае чего полетит не только моя голова, но и моего руководства»* (воспитатель, Москва).

Большинство воспитателей отмечает, что открытые конфликты с родителями воспитанников случаются редко («практически никогда и крайне редко») – 75% ответов в Самаре и Москве и 67% в Сыктывкаре. Основными виновниками конфликта воспитатели считают родителей, отмечая «нежелание родителей соблюдать правила детсада» (21% Сыктывкар, 26% Самара, 24% Москва) и «завышенные требования родителей к воспитателям» (26% Сыктывкар, 25% Самара, 26% Москва). Показательно в этом плане, что наибольшее недовольство со стороны родителей вызывают такие факторы, как «отсутствие индивидуального внимания к ребенку», «необходимость соблюдать режим дня в детском саду» и «дополнительные траты на нужды детского сада». При этом первые два фактора одинаково значимы вне зависимости от типа учреждения (государственное или частное), а третий принципиально актуален для государственных садов.

Одной из крупных финансовых реформ в системе образования стало *сокращение выделяемых финансов на дошкольное образование из федерального бюджета*. Теперь ответственность за региональное финансирование возложена на местные бюджеты (Федеральный закон «Об Образовании в РФ», 2013). Сегодня детские сады, в отличие от школ, в основном финансируются местными органами самоуправления, которые действуют в соответствии с федеральным законодательством. Законодательно разрешается взимать с родителей не более, чем 20% от общей суммы, выделяемой на пребывание ребенка в детском саду из местного бюджета. Региональные бюджеты и суммы, выделяемые на финансирование дошкольного образования, значительно разнятся по всей России [10, с. 9] Передача финансирования на ре-

гиональный уровень сказалась на увеличении социального неравенства между дошкольными учреждениями в разных регионах. Изначально финансовая реформа задумывалась как децентрализация образовательной системы, которая позволит внести разнообразие в организацию работы детских садов, расширит выбор форм и видов дошкольного образования. Однако в реальности изменения в финансировании привели к неравным возможностям детей получить качественное дошкольное образование и воспитание, увеличив межрегиональные различия и различия между городом и деревней [10].

Финансовое положение воспитателей в российских регионах хуже, чем в Москве. По оценкам наших респондентов, средняя заработная плата дошкольных работников в регионах составляет 10000-15000 руб. в месяц (данные интервью в Самаре и Сыктывкаре). Как нам прокомментировали в одном интервью: *«Обычные воспитатели работают на две-три ставки. В регионе зарплата может быть всего девять тысяч рублей в месяц, помощник педагога около шести тысяч. Много вакансий, никто не хочет их заполнять»* (воспитатель, Сыктывкар). В Москве заработные платы воспитателей были и до реформы несколько выше, чем в других регионах. Теперь их финансовый статус улучшился с введением подушевого финансирования. Чем больше детей в группе у московского воспитателя, тем более высокую оплату они получают. По самооценкам опрошенных, заработные платы московских воспитателей могут в среднем составлять от 25000 до 50000 руб. (данные интервью).

Введение практики подушевого финансирования в г. Москве отчасти решило финансовую проблему столичных воспитателей, понизив при этом их субъективную удовлетворенность работой: *«Повышение зарплат идет за счет увеличения нагрузки, то есть ту работу, которую выполняли три человека – будет выполнять один, но за счет повышения заработной платы в 1,5-2 раза. Что неминуемо снижает качество образовательного процесса. Человек -– не робот, сначала его привлекает сумма, а когда он ощущает на себе всю нагрузку, то понимает, что надолго его не хватит. В данном случае выигрывает только государство, за счет экономии на штате...»* (воспитатель, Москва).

У воспитателей в регионах доходов хватает на питание и одежду, тогда как покупка дорогих вещей длительного пользования является проблемой (табл. 4). В Москве около трети воспитателей (28%) можно отнести к среднему классы. Они «*без труда приобретают вещи длительного пользования, хотя покупка действительно дорогих вещей является для них проблемой*». В регионах значительным является число воспитателей государственного сектора, которые помимо основной работы, подрабатывают (40% воспитателей в Самаре, 26% в Сыктывкаре). В Москве подрабатывает 21% воспитателей. При этом стоит отметить, что среди воспитателей частных детских садов чуть больше тех, кто имеет приработок, связанный с профессиональной деятельностью. Например, в Самаре 38% частных воспитателей получают доходы от подработок по своей специальности, в то время как среди воспитателей государственных учреждений этот показатель составляет только 11%.

Таблица 3

Оценка респондентами материального положения семьи
(в % от числа ответивших в каждом регионе)

Уровень благосостояния	Самара	Сыктывкар	Москва
Денег не хватает даже на продукты питания	11	2	3
На питание денег хватает, но уже покупка одежды вызывает затруднения	27	20	21
Доходов хватает на питание и одежду. Но покупка дорогих вещей длительного пользования, таких, как телевизор или холодильник, проблема	43	54	47
Без труда приобретают вещи длительного пользования, но вот покупка действительно дорогих вещей, таких, как автомобиль или дача, связана с большими проблемами	19	24	28
В настоящее время могут позволить себе многое – машину, дачу, зарубежное путешествие, – словом, ни в чем себе не отказывать	0	1	1

Каковы возможности воспитателей защитить свои права?

Таблица 4

Куда обращаются воспитатели при нарушении их прав?
(в % от числа ответивших в каждом регионе)

Адресаты	Самара	Сыктывкар	Москва
Администрация ДОУ	56	38	57
Коллеги по работе	10	17	21
Учреждения управления образованием	12	12	22
Никуда не обращаются, для воспитателей нет защиты	14	11	25
Профсоюз	7	7	14
Органы правосудия	1	8	7
Родители детей	0	3	2
Затрудняюсь ответить	0	4	11

Примечание. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Теоретически мы предполагали, что защита финансовых интересов воспитателей в первую очередь будет связана с деятельностью профсоюзов, которые продолжают свое функционирование с советского периода. Эта профессиональная организация создавалась с целью улучшения оплаты и условий труда. Однако сегодня профсоюзы не справляются со своими функциями. В основном профсоюзы решают точечные проблемы, организуя праздники, выделяя подарки и материальную помощь социально незащищенным воспитателям. В целом финансовые возможности профсоюзов ограничены: «*Мы платим 1,8% от зарплаты в профсоюз, хотелось бы какого-то большего эффекта. А так только пять тысяч дали на весь детский сад к 8 марта»* (воспитатель, Москва). Стоит отметить, что уже многие воспитатели не состоят в профсоюзах (76% в Сыктывкаре, 65% в Самаре и 41% в Москве).

Формально некоторые педагоги дошкольного образования включены и в другие профессиональные ассоциации и союзы, например, в Педагогическое общество России. При этом уровень включенности педагогов – работающих непосредственно в дошкольных образовательных учреждениях – в работу данного общества очень низок [3].

Реформы, связанные с изменением системы образования и менеджмента, можно трактовать как «профессионализацию сверху», направленную на повышение профессионализма воспитателей. Однако само сообщество воспитателей осталось недовольным сокращением их самостоятельности. На сегодняшний день воспитатели как никогда ощущают себя на перепутье, а их отношение к реформам во многом негативное. Ключевые характеристики, описывающие социальное положение работников дошкольного образования, которые звучали в интервью: «неопределенность» и «незащищенность».

Дальнейшие перспективы групповой профессионализации педагогов дошкольников во многом зависят от государственной политики в этой сфере. Как было показано, профсоюзы и другие профессиональные организации имеют низкое влияние даже на решение тех вопросов, которые находятся в их компетенции. Вопросы условий труда и повышения материального благополучия отдельных работников решаются не профсоюзами, а непосредственно руководством детских дошкольных учреждений. Сами педагоги дошкольники и воспитатели в наибольшей мере надеются на эффективное взаимодействие с государственными чиновниками и полагают, что со стороны государства будут предприняты меры для того, чтобы изменить негативный стигматизированный образ профессии педагога дошкольника.

С 2014 г. вступил в действие приказ Министерства образования и науки о профессиональном стандарте для педагогов, согласно которому произошло ужесточение профессиональных и личностных требований к работникам. Так, например, наличие высшего образования становится одним из условий приема на работу в государственный детский сад. С одной стороны, это может привести к росту престижа профессии педагогов и воспитателей. С другой стороны, возрастает риск того, что воспитатели со средним специальным образовани-

ем будут вытесняться школьными учителями, что особенно вероятно в ситуации формирования объединенных образовательных холдингов «детский сад + школа».

Список литературы:

1. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
2. Колесникова Е.М. Педагоги дошкольного образования в изменяющемся институциональном контексте: реформа социальной политики и перспективы профессиональной группы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. № 3. С.31-37.
3. Короблева Г., Кузьменко Т., Антонова Н. Дошкольное образование: состояние, проблемы и барьеры доступа. Екатеринбург: Кипяток, 2010. С. 127.
4. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы // Социологические исследования. 2014. №10. С. 60-69.
5. Телегин М. Проблемы и перспективы реализации ФГТ. Статья для конференции Дошкольное образование: новое поколение, Псков. Код доступа: http://www.mtelegin.ru/pedagogika/fgt-plan
6. Юрченко О.В. Динамика профессионального статуса специалистов дошкольного образования в изменяющейся России/ отв. ред. В.А. Мансуров, Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса, ценностей, Институт социологии РАН, РОС, М., 2013. С. 237-262.
7. Funck E. Professional archetype change: The effects of restricted professional autonomy. Professions and Professionalism, 2(2), 1-18. http://dx.doi.org/10.7577/pp.334.
8. Saks M. Defining a profession: The role of knowledge and expertise. Professions and Professionalism, 2(1), 1-10. http://dx.doi.org/10.7577/pp.v2i1.151.
9. Svensson L. Professions and Social Inequalities. Paper to the 7th Interim meeting ESA RN19 Sociology of Professions, Helsinki, 2011.
10. Taratukhina M., Polyakova M., Berezina N., Notkina N., Sheraizina R., Borovkov M. Early childhood care and education in the Russian Federation. Paper, EFA Global Monitoring Report 2007, Strong foundations: early childhood care and education. Retrieved from http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001491/149142e.pdf.
11. Watts J. Professionalism in Early Childhood Education. Unpublished MA thesis. Humboldt State University, 2009.

УДК 331.54

ФАКТОРЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Маркова Татьяна Леонидовна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург
E-mail: tmark@mail.ru

DIVERSIFICATION FACTORS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF RUSSIAN HIGHER SCHOOL FACULTY

Tatyana Markova
Candidate of Science, assistant professor of
Ural State University of Economics, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Конкурентоспособность системы высшего образования во многом обусловлена степенью её диверсифицированности, которая проявляется в вертикальной стратификации и горизонтальной дифференциации. Эти процессы находят отражения в дифференциации профессиональной деятельности вузовского преподавателя, в структуре, содержании и режиме работы ППС. Актуализируются проблемы соотношения научно-

исследовательской и преподавательской деятельности, а также выбор критериев и субъектов оценки эффективности труда вузовского педагога.

ABSTRACT – Competitiveness of the higher education system is in many respects brought about by a degree of its diversification which is shown in vertical stratification and horizontal differentiation. These processes are manifested in the differentiation of the faculty professional activities, in their structure, contents, working hours and workloads. There become even more crucial the issues of balancing research and teaching activities, as well as the choice of criteria and subjects of the faculty effectiveness assessment.

Ключевые слова: высшее образование; диверсификация; профессиональная деятельность; трансформация; оценка деятельности преподавателей.

Keywords: higher education; diversification; professional activities; transformation; faculty evaluation.

Профессиональная деятельность педагогов высшей школы формируется под влиянием образовательной среды, т.е. той части социокультурного пространства, в которой осуществляется взаимодействие педагогов с субъектами образовательного процесса в вузе. В современных культурно-исторических условиях система высшего образования в РФ и образовательная среда в целом переживают кардинальные трансформационные процессы, вызванные всё более возрастающей ролью факторов конкуренции и ориентированности на рынок. Влияние данных факторов не может не влиять на профессиональную деятельность преподавателей, что находит отражение в её содержании, режиме деятельности и параметрах оценки её эффективности. Устойчивое развитие российского высшего образования в новых условиях требует ответа на ряд насущных вопросов. Как взаимодействуют новые факторы рынка с традиционными принципами функционирования системы высшего образования в России? Как под влиянием рыночной ориентации вузов меняется структура, содержание и оценка эффективности деятельности преподавателей российских вузов?

Успешным примером функционирования рыночно-ориентированной системы высшего образования являются США. Конкурентоспособность и эффективность данной системы во многом обусловлены её специфическими характеристиками, а именно, вертикальной и горизонтальной диверсификацией высших учебных заведений и их институциональной автономностью, проявляющейся, в том числе, и в академической и финансовой автономности [1].

Вертикальная стратификация диверсифицирует учебные заведения и по стоящим перед ними задачам, и по качеству предоставляемого образования. Данная система «одновременно расширяет возможности и защищает привилегии»[1], являясь ключом к решению вопроса о доступности высшего образования. В России были сделаны первые шаги по пути вертикальной стратификации вузов [2], но её размах пока несопоставим с американскими аналогами [3]. Однако уже можно делать вывод, что сделана попытка дифференцировать вузы по широте предлагаемых образовательных программ, а также фундаментальных и прикладных исследований.

Горизонтальная диверсификация проявляется в сегментировании рынка образовательных услуг и функций, выполняемых учебным заведением, и наиболее ярко актуализируется на нижнем уровне иерархии. Бесспорным плюсом горизонтальной дифференциации можно считать предоставление различным группам населения практически неограниченного доступа к высшему образованию, в том числе и за счёт дистанционного онлайн обучения. Так, в США число студентов, зачисленных на дистанционные курсы в 2011 г. увеличилось на 10%, в то время как общее количество студентов, зачисленных в вуз выросло всего на 2% [4]. Популярность дистанционного высшего образования обусловлена целым рядом условий, среди которых бурный рост технологий, рост платы за обучение (особенно очные формы) и стремлением вузов оптимизировать расходы на оплату труда преподавателей и т.д. В России решающими факторами «взрывного» спроса на дистанционное высшее образование являются демографический спад и экономическая ситуация в стране, в результате которых численность студентов очной формы обучения в настоящее время ниже, чем численность студентов

обучающихся заочно [5]. Диверсификация системы образования ведёт к диверсификации деятельности преподавателей, изменению её структуры и содержания.

В России, как и в других странах мира, актуализируется проблема удельного веса преподавательской и исследовательской деятельности педагога вуза. Для описания феномена соотношения двух основных видов деятельности всё чаще используют термин «взвешивание навыков» [6]. В российских вузах традиционно образовательная деятельность преподавателей играла доминирующую роль. Сейчас актуализируется научно-исследовательская функция преподавателей, т.к. именно показатели научной работы имеют значение для международного признания вузов[7]. Но в отличие от американских университетов, где интенсивная научная работа превалирует в деятельности преподавателей исследовательских университетов, в то время как преподаватели колледжей уровня бакалавриата в основном заняты преподавательской деятельностью, в российских вузах диверсификация учебных заведений пока не решила проблемы соотношения основных компонент деятельности преподавателя.

Подобная стандартизация требований находит отражение в балльно-рейтинговой системе оценки деятельности ППС, которая получила широкое распространение в российских вузах в последние несколько лет. Основную роль в оценке деятельности современного преподавателя играют количественные показатели научно-исследовательской деятельности, таких как уровень цитируемости автора, публикации в реферируемых журналах систем Web of Science и Scorpus, презентация докладов на международных конференциях и иные формы конгрессно-выставочной деятельности. В основном это те критерии, которые создают конкурентные преимущества вуза и способствуют росту популярности вуза среди потенциальных абитуриентов и работодателей. Высоко оценивается и работа тех преподавателей, которые выполняют научные работы, финансируемые различными грантами, что, в свою очередь, продиктовано потребностью вуза дифференцировать источники финансирования. В результате, руководство вузов оценивают эффективность деятельности преподавателей под углом того, как они «превращают их капитал знаний в денежные потоки для образовательного учреждения» [8].

При всей значимости научно-исследовательского труда в деятельности вузовского преподавателя, руководству вузов необходимо обратить пристальное внимание на проблемы преподавания в вузе. В условиях роста популярности различных форм обучения, включая дистанционного онлайн-образования, в вузе остро встает вопрос об изменении роли преподавателя и его профессиональной идентичности [9]. Также необходимо решить вопрос с графиком работы преподавателя и её оплаты, т.к. студентами дистанционных форм обучения являются работающие люди, и контакт с ними в основном осуществляется в вечернее время или выходные дни. Более того, разработка онлайн курсов и ресурсов требует новых компетенций, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о необходимости обучения преподавателей работе в новых условиях, что, безусловно, требует больших временных и интеллектуальных затрат.

В целом, преподавательский труд значительно трансформируется, поэтому предпринимаемые усилия должны находить отражение в оценке труда. Однако зачастую единственным показателем эффективности преподавательской деятельности, используемым в балльно-рейтинговой системе, выступает результаты оценочного опроса студентов. В образовательной среде, где студенты всё чаще выступают в качестве «потребителей», использование оценочных форм вполне оправдано. Оценка студентов позволяет преподавателям получить своего рода «обратную связь», становится стимулом для преподавателей заинтересовать студентов своим предметом и в целом сделать преподавание ориентированным на потребности студентов. Учёт мнения студентов важен и с точки зрения финансовой стабильности вуза, т.к. плата за обучение является одним из основных (наряду с бюджетными средствами) источников финансирования [10]. Тем не менее, в российском вузовском сообществе далеко не все преподаватели готовы рассматривать студентов в качестве ключевых субъектов контроля деятельности преподавателя. Основным аргументом является тот факт, что стремление получить высокую оценку у студенческой аудитории может вести к снижению требований

преподавателя, к «заигрыванию» со студентами, а в результате и к снижению качества образования в целом. Более того, считается, что результаты оценивания эффективности преподавания студентами «не оказывают ощутимого влияния на качество процесса обучения» [12], т.к. стандартизация образовательного процесса ограничивает «свободу обучения» студентов, поэтому оценивание педагога может носить формальный характер. В американских вузах, напротив, привлечение студентов к оценке преподавателей вполне оправдано, т.к. студент может самостоятельно выбирать траекторию своего обучения и выбирать или не выбирать тот или иной курс, поэтому в американской образовательной среде оценочные формы являются эффективным инструментом контроля деятельности преподавателя и «выполняют информационную, мотивационную и стимулирующую функции» [11].

Таким образом, процессы диверсификации и конкуренции в системе российского высшего образования ставят вузы перед необходимостью предъявлять жёсткие критерии эффективности труда ППС. В этих условиях руководству вузов необходимо решать две ключевые задачи. Во-первых, необходимо проводить последовательную политику по институциональному разделению преподавательской и научно-исследовательской деятельности, что положительно повлияет на эффективность каждого вида труда. Во-вторых, необходимо тщательно подходить к выбору критериев и субъектов оценки эффективности, что позволит не допустить социального напряжения в научно-педагогических коллективах.

Список литературы:

1. Labaree, D. F. Understanding the rise of American higher education: how complexity breeds autonomy / D. F. Labaree. URL: www.stanford.edu /~dlabaree/publications
2. Федеральный закон РФ "Об образовании в Российской Федерации" № 273-ФЗ. Режим доступа: www.zakonrf.info/
3. The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching. URL:www.carnegiefoundation.org/
4. Allen I.E., & Seaman, J (2011) Going the distance, online education in the United States/ E.I. Allen &J.Seaman. URL: http://sloanconsortium.org/publications/
5. Абанкина, И.В., Абанкина, Т.В., Филатова, Л.М., Николаенко Е.А. Тенденции изменения общественного спроса на высшее образование в современной России. [Электронный ресурс] / И.В. Абанкина с соавт. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/19/1251237407/VO3_12-5.pdf
6. Lazear E. Firm-Specific Human Capital: A Skill-Weights Approach: IZA Discussion Paper №813, 2003.
7. Коваленко А. Мерить гарвардами /А. Коваленко// Эксперт-Урал. 2014. №51. С.11.
8. Clark, Burton R. 1998. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford and New York: International Association of Universities and Pergamon.
9. Keogh K.M., Fox S. 2008. Opening Access to Higher Education to All?What motivates Staff in Traditional Universities to adopt Elearning? URL: http://www.eden-online.org/publications/best-research-papers.html
10. Морган, А. В. Глобальные тенденции диверсификации финансирования [Электронный ресурс] / А. В. Морган // Университетское управление. 2004. № 2(30). С. 84.
11. Андрущак, Г. Системы оценивания преподавателей студентами: управленческие инновации в российских вузах [Электронный ресурс] / Г. Андрущак. Режим доступа: www.institutiones.com/general/
12. Marsh, H. W. The use of students' evaluations and an individually structured intervention to enhance university teaching effectiveness / H. W. Marsh, L. Roche. URL: www. aer.sagepub.com/

УДК 687.016:316.728

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ МОДЫ

Масленцева Наталья Юрьевна
кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский государственный профессионально-педагогический Университет, Екатеринбург

E-mail: masnat@yandex.ru

PROBLEM FIELD OF FASHON SOCIOLOGY

Maslentseva Natalya Yurevna
PhD of Sociology, Associate professor Head of Department
Russian State professional pedagogical University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Представлена точка зрения на основные «вехи» эволюции социологического анализа моды; рассмотрены исследовательские подходы в гуманитарных и общественных науках, направления и тенденции развития социологии моды.

ABSTRACT – The point of view about «milestones» of sociological analysis of fashion evolution is presented; research approaches in humanitarian and social sciences, the directions and tendencies of fashion sociology's development are considered.

Ключевые слова: Мода. Социология моды. Модное поведение. Тренд. Повседневность. Стиль жизни. Уличная мода.

Keywords: Fashion. Fashion sociology. Fashionable behavior. Trend. Everyday life. Lfe-style. Street fashion.

Неоднозначность интерпретаций моды в истории социологии обусловлена изменением ориентации общества, влияющих на уровень мотивации поведения, и на ценности культуры, доминанты социальных отношений и ориентиры поведения индивидов. Исследования моды в спектре социологической науки представляют собой мощный пласт теоретической и практической базы для широкомасштабной научной работы. Комплексный анализ процесса развития моды, ее функций, определение места моды в культуре и обществе, прогнозирование развития и влияния моды на поведенческие мотивации, современная градация потребителей в сфере моды, динамику совершенствования менеджмента моды, а самое главное, воздействие глобализации, постмодернизма на мировые культуры и моду, в частности, определило необходимость данного научного исследования.

Комплексное исследование эволюции социологического исследования моды, выделение доминирующих функций, изучение места моды в культуре, прогнозирование развития и влияния моды на поведенческие мотивации, типологию потребителей, участников в сфере моды, динамика совершенствования менеджмента индустрии моды – возможные перспективы, которые вызывают необходимость проведения данного историко-социологического исследования. С момента своего появления социология как интегративная наука об обществе не могла не обратить внимание на значение феномена моды в обществе. Охватывая столь широкий круг явлений общественной жизни. Мода в работах представителя психологической школы Г. Тарда – явление иррациональное. Однако именно исследование ее «приливов» и «отливов» представляет особый научный интерес, поскольку потоки новизны являются отражением серьезных общественных перемен, которые моды по-своему выражает и фиксирует в виде тех ил иных модных течений. В методологическом плане психологическая трактовка моды продолжает оставаться одним из наиболее популярных и разработанных направлений [4].

Критика моды, имевшая место в трудах Г. Спенсера, воспринимающего моду и описывающего «безумства» моды, с неодобрением следования людей внешней стороне жизни. Спенсер заявляет о праве личности на «разумное несоблюдение» предписаний моды [5]. Начало XX в., ознаменовавшееся важными историческими события и переменами, изменениями нормативно-ценностных ориентиров в большинстве стран не могло не отразиться на появлении различных теорий моды. В первую очередь стоит отметить исследования Т. Веблена, Г. Зиммеля, А. Крёбера и Д. Ричардсон [6]. Если у Т. Веблена обозначена связь моды и престижного потребления, то Зиммель предложил классовую теорию распространения моды, более известную как «теория просачивания». Описание моды как непрерывно циклически сменяющегося процесса одежды, манер, идей – одна из основных идей Г. Зиммеля.

Это привело к акцентированию внимания на роли элиты в распространении моды и пассивной (лишь подражательной) роли рядовых граждан, копирующих стиль власть предержащих.

Современная мода отражает все новые и новые формы социального неравенства. Она предстает не только как социальный индикатор социального статуса, но и как средство достижения желаемого статуса. В начале XX в. появилась идея о том, что мода является одним из эффективных средств в социальной и сексуальной конкуренции [7]. Тезис о движущей силе моды как средстве достижения более высокого статуса связан с идеей активной роль личности в формировании идентичности. Теория циклов моды А. Кребер [8] позволила поставить под сомнение популярную (благодаря «модному» тогда учению З. Фрейда) в начале века идею о бессознательных механизмах формирования моды, невозможности прогнозирования ее тенденций. Мода (в частности костюм) есть отражение постоянно изменяющегося общественного, культурного содержания. Соответственно, без изучения социокультурного контекста сущность моды, ее роль так и останется на уровне формального подхода.

Концептуальные основания социологического подхода к моде во второй половине XX в. заложили работы Г. Блумера. В своей знаменитой статье «Мода: от классовой дифференциации к коллективной селекции» Г. Блумер [9]. Опираясь на эмпирические факты, Г. Блумер считает определяющей в развитии и движении моды роль рядовой публики. Опираясь на данные экспериментов, проведенных с аудиторией модных показов, он сделал вывод, что модельеры не могут окончательно и точно предугадать выбор публики, что и определяет ведущую роль публики в формировании тенденций. Идея преобразующей деятельности субъекта в формировании повседневных практик – тезис ключевой. Но выбор той или иной моды представляют собой активное проявление индивидуальности и социального статуса. Мода тесно связана с социальным капиталом, что свидетельствует о безусловной социальной обусловленности моды. П. Бурдье отмечает, что изменения структуры в области моды – эффект изменения структуры в области власти (области объективных структур между группами доминирующего класса) [10].

Трактовка моды как совокупности знаков социальной дифференциации является ключевой в концепции моды Р. Барта [11]. В основе его подхода лежит семиотический анализ моды. Мода становится источником формирования новых идентичностей и в ее власти находится не только само тело (его тип), но и его преобразование (одежда становится средством трансформации реального тела в идеальное «модное» тело). Телесность все чаще становится предметом научного интереса в гуманитарных и социальных науках, в том числе и благодаря социологии моды. Исследование различных «технологий красоты» (бодибилдинг, диеты и проч.), индустрии красоты, привлекает внимание к сущности модного тела как идеологии современной моды.

Тема особых знаков и символов, создаваемых модой, находит отражение в концепции Ж. Бодрийяра. Поскольку в таком толковании функционирование моды в современном обществе как оценивается как продукт медиа-культуры [12]. Мода включена в знаковый обмен и трансформирует труд и досуг в обмен знаками и символами.

Социологический подход к моде ориентирован на выявление социального смысла, социального контекста модных тенденций. Каждый появившийся модный стиль является выражением «социального заказа» на определенный образ и стиль жизни. Тема беспорядка, неопределенности в первую очередь находила выражение в «уличных» стилях: «хиппи», «панк», «грандж», «кэжуал». Уличная мода диктует другие типы телесного поведения, поскольку она демонстрируется на ходу, в движении. Это мода людей, которые не ездят в автомобилях – из этого следует, что она, как правило, относится к категории «бюджетной моды».

Важно, что уличная мода требует быстрого «прочтения» текста одежды и всего внешнего облика обладателя, т.к. происходит также в движении. Этот взгляд совершенно противоположен тому, который господствовал ранее: рассматривающий, отмечающий детали, цепляющийся за мелочи, допускающий возможности вторичного оглядывания, респектабельности. В обществе постмодерна доминирует быстрый, динамичный «взгляд мимохо-

дом». Уличная парадигма моды, безусловно, привносит демократизм, молодежность, свободу и раскованность, позволяющую смешивать и фантазировать с собственной внешностью, стилем жизни. Власть моды сегодня заключается в ее кажущейся свободе и безграничных возможностях, идеологии простоты, комфорта и универсальности. И хотя существование стилей «гламур», «шик» казалось не укладывается в подобный социальный контекст, тем не менее их наличие лишний раз демонстрирует полистилизм современной моды и ее неопределенность в обществе с аналогичным названием.

В поисках стабильности общество, не зная, что ожидать от будущего, все чаще заглядывает, а иногда оглядывается в прошлое. Подобные тенденции характерны и для моды – двигателя изменений, однако важнее оказываются не столько революция, смена новаторских решений, сколько эволюция уже найденных направлений, характеризующих ту или иную марку, постоянные возвращения к стилям прошлых десятилетий, цитирование прошлых мод. Резких поворотов от сезона к сезону дизайнеры избегают, предпочитая варьировать характерные и востребованные у потребителя темы.

Еще одним трендом современной моды является ее стремление к функциональности, которая по-разному обыгрывается и технологически разрешает отношения между одеждой и телом. Дизайнеры моды ощутили богатый потенциал, осмысляя и интерпретируя потребность потребителей в функциональности, и предлагают вполне «функциональные» вещи для использования.

Тенденция функциональности, комфорта, повседневности современной моды, долгое время игнорировавшаяся создателями мод и ставшая ведущей в развитии моды XXI в. – важная черта моды. Для ее объяснения стоит обратиться к работам А. Гофмана, чья социологическая теория моды и модного поведения по сей день остается фундаментальной российской концепцией моды на рубеже XX-XXI вв. Маргинальность является мощнейшим двигателем моды. Массовая мода появилась тогда, когда маргиналы научились присваивать себе знаки, ранее доступные и понятные только людям определенного сословия и достатка. Тогда это была мода на индивидуальность, элитарность. Один из трендов современной моды - стиль жизни окраины. Выглядеть и вести себя маргинально стало модно настолько, что в образе жизни наших современников сочетается то, что традиционное противопоставлялось друг другу: элитарность и дешевизна, массовость и арт-хаус, шик и простота, граничащая с бедностью. Появление понятий «уличная мода» (*англ.* street) и «повседневная мода» (*англ.* casual) суть одного и того же явления – новой идеологии моды, ориентированной на поиск новых источников вдохновения и прибыли.

Отражение в моде ценностей современности – еще один социологический ракурс, обнаруженный польским исследователем Ж. Липовецки. Эпоха нарциссизма и гедонизма, острая потребность заполнить духовный вакуум, найти ориентиры и ощутить потерянное чувство стабильности. Липовецки уподобляет моду средству релаксации, где чувство юмора позволит раскрепоститься и освободиться от социального контроля.

«Все больше оригинальности влюбленных в себя людей – для одних, все больше непринужденного и раскованного единообразия – для большинства, – так выглядит общество нарциссов, которое воплощает тенденцию к разнообразию в мире моды, к ликвидации ее критериев и императивов, к мирному сосуществованию стилей» [13]. Главная тенденция моды начала XXI в. – можно позволить себе все, всему радоваться. В этом смысле мода приспособлена к персонализированному обществу, в своем стремлении освободиться от ограничений и ориентированному на свободу выбора с учетом собственного вкуса. Поспешное движение вперед подменяется вторичным открытием основ, внутренним развитием. Сегодняшний слоган моды – «Нет ничего более модного, чем делать вид, что не интересуешься модой». Поскольку мода утрачивает свой характер изысканности, ее стиль становится забавным, опираясь на лишенный внутреннего содержания нейтрализованный плагиат, обыгрывающий стили и тенденции прошлых лет. Попав в категорию «модного», новое и старое оказываются наделенными «юмористическими» чертами в результате постоянного и циклического процесса обновления. Как и реклама, мода скорее ничего не сообщает, представляя

собой «полую структуру», но главный смысл моды в том, чтобы вносить перемены, перемены ради перемен; так что мода существует лишь благодаря этому непрерывному процессу смены форм. При этом она выражает сущность наших культурных форм, основанных на ускоренном темпе экспериментаторской работы, демонстрации их функционирования в условиях всеобщей игры и беззаботности.

Социологию моды как отрасль научного знания интересует производство и распространение модой знаково-символических форм во всех видах и то, как эти формы участвуют в процессах социальной стратификации, социальных взаимодействий. Она изучает такие явления, моду и формируемые ею практики, стили жизни и субкультуры, общественные настроения и личностные ориентации и т.п. Одна из главных особенностей социологии моды, как и социологии культуры, заключается в том, что она ориентирована на междисциплинарное поле исследований, которое она разделяет с другими общественными и гуманитарными науками — историей, социальной психологией и антропологией, искусствознанием, теорией массовых коммуникаций и пр. Социологию моды интересуют не отдельные произведения или явления моды в их неповторимом смысловом контексте, а социальное значение этих явлений на уровне массовых, социально-типических проявлений.

Если в предшествующие стадии исторического развития общество дифференцировалось и организовывалось, в основном, «через экономику» или «через политику», то в настоящее время общество все более организуется «через культуру», которой мода играет важнейшую роль, задавая темп смены культурных форм и обнаруживая все новые ориентиры. Мода, престиж выступает определяющим, порождающим и структурообразующим фактором социальных связей. В любой области социологической науки знание социологии моды становится одним из условий компетентной, эффективной научной работы.

Список литературы:

1. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892. 800 с.
2. Спенсер Г. Социальная статика / Пер. с англ. К.: Гама-Принт, 2013. 496 с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. Г. Избранное. Т 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 367 с.
4. Flugel J.K. The Psychology of Clothes. 1930. Fashion-history.lovetoknow.com/fashion-history-eras/j-c-fluegel
5. Kroeber A.L., Richardson J. Three centuries of women's dress fashion // Anthropological Records, 1940. vol. 5, no. 2, Pp. i-iv, 111-153.
6. Блумер Г. Коллективное поведение / Пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты /Сост. Е. И. Кравченко; под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 115 с.
7. Бурдье П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С.45-52.
8. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры // Пер. с фр., М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
10. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2.-М.: Начала Пресс, 1993. С. 137-150.
11. Тренд: предмет прогноза или стихийное явление? Круглый стол. //Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2007. Выпуск 4. С. 284-286, О. Вайнштейн Ноги графини: этюды по теории модного тела //Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2006-2007. Выпуск 2. с. 109.
12. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994. 5-ое издание. М.: Книжный Дом «Университет», 2013. 161 с.
13. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2001. 336 с.

УДК 378.245.2:070

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ О ТРЕБОВАНИЯХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ К ВЫПУСКНИКАМ ВУЗА

Меренков Анатолий Васильевич
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой,
E-mail: Anatoly.mer@gmail.com
Гурарий Анна Дмитриевна
ассистент
E-mail: sinitsyna_anna@inbox.ru
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

HUMAN SCIENCES STUDENT IMAGES OF EMPLOYER DEMANDS FOR GRADUATES

Anatoly V. Merenkov
Doctor of philosophy, Professor, Head of chair,
Anna D. Gurariy
Teaching fellow,
Ural Federal University

АННОТАЦИЯ – В статье на материалах эмпирического исследования, проведенного в Уральском федеральном университете, исследуется содержание представлений студентов старших курсов и магистрантов гуманитарных специальностей о тех требованиях, которые предъявляют работодатели к выпускникам вуза. Выявляется общее и особенное в мнениях этих субъектов образовательного процесса о том, какие знания и умения необходимо приобрести студенту для того, чтобы стать востребованным на рынке труда специалистом.

ABSTRACT – Human sciences undergraduate and master students' images of employer demands for graduates are examined in this article. The information represented in this article was collected during the empirical study at the Ural federal university. The aim of the research is to reveal common and specific ideas among respondents towards knowledge and skills required for in-demand employees.

Ключевые слова: выпускники вузов; работодатели; требования работодателей.
Keywords: graduates; employers; demands of employers.

Студенты, получая высшее образование, всегда имеют в сознании разный по степени оформления, целостности образ того специалиста, который будет востребован на рынке труда. Мнение по этому вопросу существует даже у тех, кто не намерен после окончания учебы работать по специальности. Причиной является желание найти место работы, которое соответствует потребностям молодого человека в трудовой деятельности, обеспечивающей приемлемые условия труда, достойный заработок, возможность самореализации, самоутверждения как нужного конкретной организации специалиста. Содержание представлений о нужном современному работодателю работнике формируется постепенно в процессе учебы под влиянием информации, получаемой от преподавателей вуза, в ходе производственной практики, общения с руководителями различных учреждений, теми, кто давно трудится на производстве. Складывающее мнение по этому вопросу может быть противоречивым, не в полной мере отражать реальные потребности работодателей в квалифицированном специалисте.

В связи с этим актуальными являются эмпирические исследования, направленные на выявление содержания представлений студентов старших курсов, а также обучающихся в магистратуре, о востребованном на рынке труда специалисте и степени их совпадения с требованиями работодателей. В 2014 г. в Уральском федеральном университете было проведено

социологическое исследование[1], направленное на изучение мнений студентов и работодателей о том, какой выпускник вуза востребован на рынке труда.

Таблица 1

Мнение студентов содержании требований работодателей к выпускникам вузов (в % к числу ответивших)

Показатели	студенты	работодатели
знание передовых технологий, применяемых за рубежом	39	58
умение быстро включаться в новую, непривычную работу	70	71
знание техники, технологий, которые применяются на отечественных предприятиях	27	43
умение находить новые решения проблем, возникающих в работе	63	61
умение постоянно заниматься самообразованием	50	63
умение быть дисциплинированным работником	47	57
наличие практических навыков по специальности	76	51
умение общаться с представителями иностранных фирм, организаций	37	35
умение работать с научной литературой на иностранном языке	21	41
наличие глубоких теоретических знаний	13	28
умение управлять людьми	31	27
умение находить заказы для фирмы	22	37

Исследование выявило *общее и особенное* в представлениях респондентов о том, что необходимо знать и уметь нынешним молодым специалистам. Исследование показывает: представления студентов в целом совпадают с требованиями работодателей по четырем индикаторам из 12, по которым выяснялось мнение респондентов. Будущие специалисты уже поняли, что в условиях быстрой смены технологий ведущим качеством является умение оперативно включиться в новую, непривычную работу. Не только работодатель, но и каждый сотрудник организации должен уметь разобраться в тех новациях, которые происходят в методах работы с разными группами населения, в системе образования, воспитания, управления, являющихся основными сферами работы выпускников гуманитарных специальностей. Также позитивным является факт принятия студентами старших курсов требования, связанного с приобретением умения находить нестандартные способы решения различных проблем, возникающих в работе с людьми. Однако, на наш взгляд, работодатели пока не предъявляют к выпускникам вузов требования владеть навыками управления малыми и большими группам людей. С одной стороны, действительно, сравнительно малая часть молодых специалистов через небольшой период работы становятся руководителями первичного коллектива. С другой стороны, человек, имеющий высшее образование, имеет все условия для того, чтобы подниматься по карьерной лестнице.

Исследование выявило противоречивость представлений студентов по этому вопросу. Свыше 70% опрошенных указывают, что они мечтают в будущем стать руководителями разного уровня. В то же время, эти желания не связываются с приобретением в вузе знаний и навыков, позволяющих умело управлять разными по масштабам группами подчиненных. Видимо, в сознании сохраняется стереотип о том, что управление в большей степени требует неких природных задатков, а не специальных знаний.

Знания, которые студенты получают по теории управления, не всегда воспринимаются ими как актуальные для профессиональной подготовки. Она органично включает в себя совокупность знаний, навыков, необходимых для работы как с технологиями, техническими системами, разной информацией, так и с людьми. Работодатели заинтересованы в том, чтобы молодые специалисты могли успешно разрешать конфликты в коллективах, выявлять и ис-

[1] Было опрошено 430 студентов, обучающихся на специальностях гуманитарного профиля, и 73 руководителей отделов, организаций, в которых преимущественно работают выпускники таких подразделений, как Институт государственного управления и предпринимательства, Институт гуманитарных наук и искусств, Институт социальных и политических наук.

пользовать внутренний потенциал сотрудников, ориентировать их на активную работу. Решение этих задач возможно только при условии овладения на глубоком уровне знаниями по социальной антропологии, психологии, педагогике, менеджменту. Однако многие студенты их пока не получают в должном объеме.

Представления студентов только *частично соответствуют требованиям* руководителей предприятий и учреждений в понимании роли:

- знания передовых технологий, техники, применяемой за рубежом (ниже на 20%);
- знания техники, технологий, которые применяются на отечественных предприятиях (студенты 27%, работодатели- 43%);
- умения заниматься самообразованием (разница в 13%);
- умение быть дисциплинированным работником (соответственно 47% и 57%);
- работать с научной и технической литературой на иностранном языке (студенты 21%, работодатели 41%);
- теоретические знания (студенты 13%, работодатели 28%);
- умение находить заказы для фирмы (соответственно 22% и 37%).

Эти различия показывают, что в настоящее время преподаватели, видимо, не всегда доказывают студентам, что в современном быстро меняющемся мире надо вырабатывать у себя как те качества, которые всегда предъявлялись к молодому специалисту: дисциплинированность, наличие теоретических знаний, технологий, применяемых на отечественных предприятиях, в организациях, так и новые. Они связаны в первую очередь со знанием иностранного языка, для того, чтобы использовать оборудование, поступающее из-за рубежа, а также с умением постоянно заниматься самообразованием.

Глубинные интервью со студентами старших курсов, магистрантами выявили следующие мнения по данным требованиям. Работодатели требуют *«умение применить знания и навыки на практике, быструю обучаемость, пунктуальность, ответственность, умение выполнять все в срок, работу с компьютером на уровне уверенного пользователя, желательно знание иностранного языка, если он, конечно, нужен на работе, грамотность»*. (магистрант по социологии)

Один из работодателей особо отметил важность профессионального саморазвития следующим образом: *«Самое главное, наверное, желание выпускника работать. Доучить можно всегда, дать, вложить. Главное, чтобы человек был готов брать, если не готов, то ничего уже не сделаешь»*. (руководитель отдела УбРиР)

Исследование выявило противоречивость в понимании *практических навыков* в подготовке молодого специалиста. С одной стороны, их значимость постоянно подчеркивают как преподаватели, так и многие работодатели. С другой стороны, руководители учреждений понимают, что за время сравнительно небольшой по продолжительности практики приобрести все необходимые навыки умелого использования определенных технологий невозможно. Они считают, как это было и 20-40 лет назад, что нужные умения, обеспечивающие правильное их использование, молодые специалисты получат в первые месяцы своей трудовой деятельности. Поэтому только 51% из них отметили значимость данного индикатора. Среди студентов – около 70%. В целом около 80% опрошенных считают, что они в той или иной степени соответствуют требованиям работодателей, несмотря на то, что подавляющее большинство не имеют какого-либо личного опыта взаимодействия с ними. Думают, что они *полностью* соответствуют 28% респондентов. Придерживаются мнения о том, что уровень соответствия *частичный* - 48%.

На мнение о содержании требований работодателей к качественно подготовленному молодому специалисту существенно влияет, как показало исследование, наличие у респондентов *собственного опыта трудовой* деятельности. Те, кто сочетает учебу с работой, имеют в большей степени соответствующие реальности представления о том, что хотят от выпускников вуза руководители различных организаций.

- 74% заявили о том, что работодатели требуют от них *ответственного отношения к труду*;
- 62% указали на требование реализации *практических навыков*;

- 58% подчеркнули важность *самостоятельного приобретения* новых знаний и умений;
- 49% - наличие *дисциплинированности и умения быстро переключаться на новую работу*.

На значимость *теоретических знаний* со стороны работодателей указали 26% тех, кто в настоящее время сочетает учебу с работой.

Эти представления в большей степени соответствуют требованиям работодателей, чем мнение тех, кто не имеет какого-либо опыта работы на производстве. Следовательно, сохраняется проблема поиска оптимальных вариантов сочетания учебной и трудовой деятельности в подготовке молодых специалистов.

УДК: 374.3:81'276.2

НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Москвина Наталья Робертовна
кандидат социологических наук, доцент
Тюменский государственный университет, Тюмень
E-mail: natalya.moskvina.2013@mail.ru

NOT STANDARD VOCABULARY HOW SOCIOCULTURAL PROBLEM OF MODERN YOUNG PEOPLE

Nataliay Moskvina
Candidate of Sciences in Sociology; associate professor,
Tyumen State University, Tyumen

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается проблема кризиса русской речи, ее засорение инвективами и вульгаризмами. Приводятся результаты опроса студентов на тему отношения к ненормативной лексике и причин приобщения к ней, а также данные наблюдения за поведением студентов в образовательной среде и в Интернет-сетях. Делаются выводы о возможных причинах и путях преодоления данной проблемы.

ABSTRACT – In the article is presented the problem of crisis of Russian speeches, its clogging than invectives and vulgarisms. Make the results of the survey of young people on the topic of relationships to not standard vocabulary and the reasons initiation to it, and same material of observations for behavior students in Educational society and in Internet. Made findings about possible reasons and ways of overcome this problem.

Ключевые слова: ненормативная лексика, молодежь, сленг, инвективы, нецензурные выражения, кризис русской речи.

Key words: not standard vocabulary, young people, slang, invectives, obscene expressions, crisis of Russian speeches.

Культура речи – это составная часть общей культуры человека, умение точно передать свои мысли. Она предполагает не только знание норм литературного языка, его выразительных возможностей и национальных особенностей, но и правильное отношение к тому, что именуется ненормативной лексикой. Сколь ни странным покажется такое утверждение, но ненормативная лексика – это также часть нашей культуры, если под культурой понимать всю человеческую деятельность с ее результатами, выделяющими человека из природы [1, с. 106]. Нынешняя русская речь находится в состоянии глубокого кризиса. Ярко выраженным доказательством этого явления выступает все возрастающее употребление нецензурной брани, сленга, инвективов, появление новых слов, правописание которых официально не утверждено. Ненормативная лексика прочно вошла в нашу речь: даже среди людей образованных широко распространено убеждение, что ругань естественна для человека, так как служит своеобразным громоотводом и выполняет положительную регулятивную роль. В своей статье «Матерный словарь как феномен русской культуры» А. Плуцер–Сарно указывает на про-

блему появления огромного количества «словарей русского мата»: «Их качество говорит о том, что эта область языка по-прежнему остается вне поля зрения профессиональных лексикографов. Сделаны они совершенно безграмотно любителями и дилетантами, чтобы удовлетворить вполне естественную потребность напечатать «непечатное», употребить «непотребное» [4, с. 76]. Так, более ста лет назад в одном английском медицинском журнале было написано: «Тот, кто первым на свете обругал своего соплеменника вместо того, чтобы, не говоря худого слова, раскрошить ему череп, тем самым заложил основы цивилизации» [1, с. 109]. И до сих пор многие наши современники считают так же. На самом же деле человек, прибегающий к оскорблениям, отнюдь не спасает, а чаще всего «добивает» своего партнера по общению, демонстрирует ему свое пренебрежение и полное отсутствие уважения. Назначение брани состоит, прежде всего, в понижении говорящим социального статуса соперника, ведь оскорбляются главные моральные ценности для человека – дом, мать, семья, умственные и религиозные убеждения человека.

В своей статье мы будем рассматривать брань как оружие слабых, как некое подобие компенсации своего эмоционального равновесия, как невозможность ответить обидчику более ощутимыми средствами. Вседозволенность речи оборачивается болезнью интеллекта, искажением сознания человека. Часто человек, регулярно употребляющий брань, попадая в приличное общество, старается больше молчать, боясь выдать свое истинное лингвистическое происхождение. Если обратиться к Священному Писанию по поводу этого вопроса, можно встретить в послании апостола Павла к Ефесянам заповедь: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, чтобы оно доставляло благодать слушающим» [3].

Не менее важен и тот факт, что бранная речь напрямую влияет на здоровье человека, притом, как произносящего эти слова, так и слушающего. Доказательством тому служит и исследование доктора биологических наук, академика института квантовой генетики П. П. Горяева о влиянии мата на здоровье человека. С помощью созданного им прибора, переводящего слова в электромагнитные колебания, ученый доказал, что эти колебания влияют на молекулы наследственности. Выяснилось, что некоторые слова могут оказаться страшнее мин: они «взрываются» в генетическом аппарате человека, искажая его наследственные программы, вызывая мутации, в конце концов, приводящие к вырождению. Во время отборной брани искажаются и рвутся хромосомы. То есть слова вызывают мутации, аналогичные воздействию радиации [3]. Грубыми, злыми словами можно не только подорвать здоровье, вызвать болезнь, но и, в конце концов, убить человека. Ненормативная лексика пагубно воздействует на генетический код матерщинника, фиксируется в нем и определяет плохую наследственность. У людей, не употребляющих «крепких» словечек, общее состояние организма, как правило, на 5, 10, а порой и 15 лет моложе их официального возраста. С вульгарной речью связан еще один зафиксированный факт. В тех странах, в национальных языках которых отсутствуют ругательства, указывающие на детородные органы, не обнаружены заболевания Дауна и ДЦП, в то время как в России они существуют и прогрессируют с каждым годом [3]. Осмелюсь даже предположить, что популяризация ненормативной лексики в России – это одна из стратегий информационной войны, начатой американцами против российского населения еще в конце XX столетия. Ведь ни для кого не секрет, что многие американские кинофильмы, содержащие сюжеты насилия и открытой нецензурной брани, в самой Америке запрещены для показа и снимаются специально для экспорта в Россию.

Безусловно, то, что прочно вошло в словарный запас зрелого и пожилого населения нашей страны, сегодня уже искоренить сложно. Однако поднимаемая нами проблема все глубже проникает в молодежную среду, в том числе и в культуру молодежных Интернет-сообществ. Целью нашего исследования стало выявление уровня употребления ненормативной лексики в студенческой среде города Тюмени. В качестве объектов наблюдения нами были выбраны студенты Тюменского государственного университета, Тюменского нефтегазового университета, Тюменской сельскохозяйственной академии, Тюменского института культуры и искусств, Тюменской государственной медицинской академии, а также политех-

нического колледжа при ТюмГНГУ. Методами исследования выступили наблюдение, экспресс-опрос студентов, а также анализ Интернет-страниц студенческой молодежи. В экспресс-опросе приняли участие 100 студентов.

Результаты исследования оказались весьма показательными. Так, 17% опрошенных студентов неоднократно слышали ненормативную лексику от преподавателей и 53% регулярно слышат бранную речь от родителей, братьев, сестер и близкого социального окружения. Получается, что 70% студентов пребывают в неблагополучной лингвистической среде и, выражаясь медицинским языком, являются «носителями» ненормативной лексики. При этом 86% из них не хотят, чтобы их будущие дети слышали и употребляли нецензурные слова, однако, 40% сами пользуются бранью, чтобы выпустить свои эмоции или снять стресс. Анализ Интернет-страниц студенческой молодежи также выявил популярность инвективов и вульгаризмов среди молодежи. Около 70% студентов, страницы которых были проанализированы нами, не сами формулируют бранную речь на своих страницах в контакте, а цитируют и делают репост на «стену» кем-то сформулированного нецензурного выражения. Данный факт ярко свидетельствует о популярности «колоритной бранной речи» в молодежных интернет-сообществах и в контакте.

Чаще всего ненормативную лексику употребляют юноши, на что указали и данные опроса (63%), и результаты наблюдения (53%).Существует версия, что в древности воины, собираясь на поле брани, в качестве боевого клича выкрикивали бранные слова, откуда и пошло, что мат стал прерогативой мужчин. Однако если в древности данный вид поведения был оправдан необходимостью военного времени, то сегодня подобные слова выглядят уже как проявление невежества и низкого уровня культуры молодых людей. Михайлин В. Ю., доктор философских наук, кандидат филологических наук теоретически доказал, что русский мат идентичен индоевропейским словесным формулам заклинаниям, используемым в древних тайных мужских союзах. Члены военных мужских обществ, молодые воины, проходили инициацию, в момент которой в юношу вселялся звериный дух, вызываемый силой магических заклинаний - матерным языком. Посвящение молодежи в воинов заключалось в усвоении юношами типичных волчьих черт, волчьего поведения, волчьего языка, матерного языка. Зная историю происхождения мата, мы должны понимать, что он пробуждает звериный дух, разрушает душевно-духовную суть современного человека. Ученый утверждал, что человек, привычно и часто использующий ненормативную лексику, имеет отклонения в области психологического здоровья и процесс его дальнейшей деградации продолжается [2, с.331-332]. Не зря в старину на Руси говорили: «От гнилого сердца и гнилые слова».

Однако сегодня и девушки не гнушаются использовать инвективы в своей речи: 47% наблюдаемых фактов применения ненормативной лексики относятся именно к ним. Возможно, это результат эмансипации женщин, желание ни в чем не уступать «сильному полу». В то же время, стыдливость – это необходимое условие уважительного отношения, прежде всего к себе. Вульгарное восприятие вещей может изменить значение слов. Неэффективность процессов мышления, отраженная в нецензурных выражениях, свидетельствует о снижении адаптационных возможностей организма, примитивизации личности, повышенной вероятности принятия ошибочных решений, использовании не лучших образцов поведения [2, с. 332]. Молодые люди, использующие нецензурные выражения чаще склонны к девиантным формам поведения в силу стирания границ дозволенного. Нередко можно услышать матерные слова из уст девушек и юношей, вместе раскуривающих дорогие сигареты около здания университета.

Интересным явился для нас и тот факт, что если ранее (в советское время) ненормативную лексику чаще всего употребляли в процессе общения учащиеся ПТУ и вечерних школ, в силу низкого уровня культуры и образования, то сегодня результаты наблюдения показывают практически одинаковый уровень употребления инвективов как в студенческой среде университета, так и в среде учащихся политехнического колледжа, с разрывом буквально в 1%. Некоторый отрыв наблюдается только у студентов Тюменского института культуры и искусств, что, скорее всего, объясняется подбором более творческого континген-

та студентов. В то же время, среди студентов медицинской академии ни один из опрашиваемых студентов не отметил, что не употребляет мат хотя бы изредка. Если в дореволюционной России врач приступал к больному с молитвой и благоговением, понимая всю ответственность совершаемого им действа перед Богом и человеком, то сегодня будущий врач вряд ли осознает всю серьезность возлагаемой на него миссии.

Кроме того, если ранее было расхожим утверждение, что мат и нецензурные выражения – это побочный продукт бедности, так как выходцы из низов в большей степени не удовлетворены жизнью в целом. То наше исследование показало, что нецензурная брань в молодежной среде равномерно распределяется по всем слоям. Основная причина, на наш взгляд – это отсутствие внутреннего контроля и вседозволенность, чувство безнаказанности, прежде всего со стороны общественного мнения.

Распространение ненормативной лексики в студенческой среде – явление, с одной стороны, уже привычное, но, с другой – весьма парадоксальное, ведь студенческая молодежь – это будущая интеллигенция. Может ли плохо воспитанная интеллигенция проповедовать высокие материи в обществе и вести страну к высоким идеалам? Безусловно, нет. Но, может быть, от нас и ожидают такого самоуничтожения, самоунижения, к которому неизбежно приводит бескультурье?

Следующим, интересующим нас моментом в процессе исследования выступил возраст студентов, употребляющих нецензурные выражения. Самый большой процент среди них – это молодые люди в возрасте от 17 до 19 лет. Их оказалось 39%. Это студенты первого и второго курсов, вчерашние учащиеся школ, лицеев и гимназий. Вероятно, это та часть студенческой молодежи, которая пытается самоутвердиться в новом коллективе. Наше первоначальное предположение о том, что мат выступает средством налаживания отношений, преодоления застенчивости среди молодых людей, подтвердилось. Но эти данные подтверждают и еще одно не менее важное предположение о том, что словарный запас современной молодежи весьма скуден и засорен инвективами и вульгаризмами. Быть культурным и воспитанным сегодня немодно, а не знать лексику интернет-сленга – значит вообще «выпасть» из молодежной среды. Сразу же вспоминаются кинофильмы и сериалы про американскую студенческую молодежь, которые массово проникли на российский экран в середине 90-х годов XX века. Для студентов 90-х годов это были лишь смешные комедии, высмеивающие пороки западной молодежи, так как не вписывались в ценностную конструкцию российского студенчества – сливок общества. Однако, для детей, выросших на этих фильмах, они стали руководством к действию, некой нормой взаимоотношений.

Меньше всего среди употребляющих нецензурную брань (26%) оказалось среди взрослых студентов в возрастной категории 23-25 лет. Это возраст, в котором молодые люди налаживают более чем дружеские отношения, а именно – отношения симпатии и влюбленности. И здесь, безусловно, архаически срабатывает механизм сдерживания, стеснения, желания понравиться партнеру по общению. Грубость здесь – это уже проявление низкого культурного уровня человека и открытого пренебрежения к общечеловеческим ценностям. Но и она имеет место быть в студенческой среде, кроме того она как болезнь распространяется на окружающих, ведь душа человека – это тонкий и сложный организм и требует чуткого, а не грубого обращения с собой.

Вывод один: необходимо повышать уровень культуры населения, воспитывать в молодежи нетерпимость к вульгарности и словесной распущенности с детства. В данном случае правомерно вспомнить классика теории девиации - Э. Дюркгейма, который считал, что отклоняющееся поведение – это показатель здорового общества, и оно воспринимается как отклонение от нормы до тех пор, пока нежелательное поведение воспринимается в обществе именно как «не норма». Возможно, ненормативная лексика для российских граждан пока что выступает некой нормой взаимоотношений и даже своеобразным колоритным дополнением к русской речи. И до тех пор, пока мы реагируем с иронией или безразличием, а не с осуждением на данный колорит, мы будем слышать ее все чаще.

Штрафные санкции за использование нецензурной брани являются лишь устрашающими, но не искореняющими мерами борьбы с ненормативной лексикой (40% опрошенных нами студентов знают о наложении штрафа за нецензурные выражения, но не считают это преградой в использовании вульгарных слов). Однако, штрафовать, на мой взгляд, необходимо те каналы СМИ, включая интернет-сайты и те печатные издания, которые популяризируют мат, словесную распущенность; навязывают стереотипы вульгарного поведения.

И, безусловно, высокая ответственность лежит на родителях и педагогах – людях, которые, выступая агентами первичной социализации ребенка, во многом формируют его мировоззрение, его речевую культуру. И если ребенок слышит бранную речь из уст родителя или преподавателя – образца культуры, то для него уже не будет никаких внутренних преград к употреблению нецензурных слов. Еще известный лексикограф Владимир Даль писал: «С языком, человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом» [3].

Список литературы:

1. Бороздина Г.В. Психология и этика делового общения: учебник для бакалавров/ Г.В. Бороздина, Н.А. Кормнова; под общ. ред. Г.В. Бороздиной. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 463 с.

2. Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. - М.: НЛО, 2005 - 360 с.

3. Нестерова Ирина. Вред сквернословия. Стоит ли ругаться матом. http://www.realisti.ru/main/mat?id=146 (дата обращения 10.01.2015).

4. Плуцер-Сарно А. Матерный словарь как феномен русской культуры. //Новая русская книга. - №2. - 2000. - С. 74-80.

УДК 1.018

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Мочалова Надежда Юрьевна
кандидат философских наук, зав. кафедрой, доцент
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, Нижний Тагил
E-mail:mochalova_n2008@mail.ru

IDENTITY AS A PROBLEM OF SOCIAL INTERACTION

Mochalova Hope Y.
cand. filos.n . , Head of the Department, associate professor,
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) RGPPU , Nizhny Tagil

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена исследованию междисциплинарной проблемы идентичности на персонологическом уровне анализа, где самотождественность предстает субъективной структурой организации процессов, явлений, событий, их интерпретации, осознания, и внутренней формой интеграции различных граней личности в единое персональное целое без утраты уникального своеобразия в границах интерсубъективности. Концепция персональной идентичности рассматривается как теория нарратива (собственная интерпретативная активность), поэтому методологическим пространством, избранным для исследования, становится герменевтика.

ABSTRACT – The article is devoted to interdisciplinary problems of identity personological level of analysis, where the self-identity appears subjective structure of the organization processes, phenomena, events, interpretation, understanding, and internal form of integration of the dif-

ferent facets of personality into a single private entity without the loss of a unique identity within the boundaries of intersubjectivity. The concept of personal identity is seen as a theory of narrative (own interpretive activity), so methodological space chosen for this study, it is hermeneutics.

Ключевые слова: социальное взаимодействие; идентичность; интерсубъективность; нарративная связность; реляционная онтология.

Keywords: social interaction; identity; intersubjectivity; narrative coherence; relational ontology.

Идея фактической изменчивости идентичности на протяжении жизни человека была принята в качестве основополагающей во всех философских, психологических и социологических школах. Следующей важной идеей, осмысленной в социологии, становится понимание социальной природы «Я». Первым шагом в этом направлении стало признание того, что наряду с природными, телесными структурами, осознаваемыми человеком «изнутри», благодаря лишь органическому самочувствию, важное значение при целостном анализе индивида приобретает «самость», включающая социальные компоненты.

Достаточно интересную методологию междисциплинарного исследования идентичности в социологии, социальной психологии и философии представляет Дж. Мид. Исходя из принципиального отличия человека от животного, Мид настаивает на взаимодействии двух относительно автономных систем – личности и общества. Формируемая самость становится результатом этого взаимодействия. Полемизируя с бихевиористами, Мид доказывает, что личностная самость не является априорным основанием человеческого поведения, а формируется последовательно из свойств, продуцируемых из свойств социального взаимодействия, «социальной интеракции». В трактовке Мида, *идентичность – изначально социальный феномен*: индивид воспринимает и формирует себя таким, каким его видят другие. Это то, что Ч. Кули определяет через концепт «зеркальной самости» – the looking- glass Self. Принципиальное согласие с Дж. Мидом объясняется неприятием слишком абстрактного и неконкретного понимания понятия «персональной идентичности», что логично приводит к анализу социальных взаимодействий, социальных структур на микроуровень взаимодействия общественного и частного. Важно осознание персональной идентичности как способности воспринимать свою жизнь как нечто принципиально целостное, неразрывное – как синтез истории и персональной биографии человека. Мид различает две составляющие самости: me and I. Первая представлена интернализацией социальных ролей, одобряемых обществом, вторая же составляющая целостного ядра персональной тождественности отстаивает активную автономию внутреннего мира от «внешней общественности». Высшим пиком развития самости человека становится развитая способность «играть с социумом», приспосабливаясь к наличным бытийным обстоятельствам жизни. Важно, каким образом формируется тактика социального поведения – осмысленно или бессознательно, на уровне устойчивого автоматизма. Для Мида принципиально важно отстоять право личности на локальное самоопределение в рамках социального пространства, вольность личного несовпадения в целях и ценностях с общественно одобряемым. Реализуемое право на личную автономию формирует и укрепляет чувство идентичности.

Развитие концепции символического интеракционизма способствовали разработке «теории ролей» Х. Беккера и Р. Тернера. Принимая принцип формирования индивида как совокупности социальных ролей весьма затруднительно отыскать саму «персональную идентичность».

Драматическая метафора «сцены» Э. Гоффмана разбавляет жесткий детерминизм социального взаимодействия. Общественное бытие воспринимается индивидом как возможность сыграть свой образ в этой инсценировке, позволяя себе вольности «прочтения роли». Дистанцирование от своих социальных ролей и делает человека «индивидуальностью», чья идентичность складывается вне соотнесенности с коллективом или значимой референтной группой. Охрана собственной идентичности в социальных сетях коммуникации призвана упрочить психологическое ощущение личной безопасности и значимости. Э. Гоффман опи-

сывает разные техники достижения этого результата, влияющего на социальное окружение: техники избегания, деидентификации (изменение признаков персональной идентичности), компенсации как искажения мнения о себе самом. Технологическая совокупность этих приемов, осмысленно применяемая личностью, названа им как «*политики идентичности*».

Понятие «политики идентичности» фиксирует как динамику, разнообразие образов персональной идентичности, ее континуальность, так и принципиальную тождественность самому себе. Ролевое дистанцирование, эмпатия, толерантность, успешная репрезентация не всегда и не обязательно обеспечивают личности сохранность идентичности. Условия социальной среды, конкретика жизненных обстоятельств может сформировать и активно жесткое противостояние, неприятие социальности во имя сохранения чувства самости.

Хронологически развитие структуры идентичности личности продолжается на протяжении всей жизни индивида. Само развитие обеспечивается взаимодействием двух процессов – отбором и приспособлением новых компонентов к старым, ассимиляцией их в пространство наличной персональной идентичности. Достаточно распространенной идеей социального знания является представление об идентичности как познавательной схеме, в которой человек самостоятельно создает «образ себя», лингвистически определяя в нем приоритеты самости. Важно обстоятельство, что способность к самоконтролю, самоанализу, переживанию – продукт социального контекста существования человека. Это обстоятельство должно должно «охладить» ретивые попытки перетянуть проблемное поле идентичности в контекст субстанциолистского понимания, в рамках которого идентичность – исключительно данность самого субъекта сознания, итог личного моделирования своего внутреннего мира, как итог уединенного сокровенного размышления о самом себе. Гипертрофия субъективности, невозможности внешней адекватной выразимости уникального внутреннего мира, результатов поиска себя мистифицирует процесс идентификации, направляя его в русло иррационализма.

В анализе проблемы идентичности четко выделяются две противоположных тенденции. Первая (*экзистенциально-персональная*) отстаивает права личности на уникальное своеобразие, мистифицируя процесс социального существования, вторая (*социально-феноменологическая*) – трактует понимание «идентификации» как уподобление человека обществу. Различные подходы к анализу персональной идентичности с необходимостью требуют поиска оснований и методов такой парадигмы, которая бы учла и социокультурную детерминацию персональной идентичности, и уникальные обстоятельства ее реальных жизненных проявлений. «В процессе социальной практики каждый человек, – справедливо отмечает Л. Н. Коган, - *индивидуально* присваивает определенную совокупность общественных отношений. Что означает это «присвоение»? Оно представляет собой не только отражение тех или иных отношений в сознании человека, но и восприятие их как факта *его* собственной жизни, затрагивающего его *лично*. Это и его активное *участие* в реализации данной совокупности общественных отношений, а значит, в той или иной мере участие в их воспроизводстве и совершенствовании. Это, наконец, и целый комплекс чувств, впечатлений, переживаний по поводу таких отношений, личное заинтересованное, ценностное отношение к ним»[1, 64]. Важно не оставить без внимания исследователей рассмотрение «Я» человека как конкретного живого эмпирического индивида, обязанного своей уникальностью вполне определенным обстоятельствам бытия, дискурсу конкретного социума. Семья, обстоятельства рождения, становления в рамках определенных традиций, культурных связей, психологических обстоятельств также должны быть учтены при исследовании персональной идентичности.

Отчужденность социальной тотальности, характерная для традиционных исследований личности, (и мы сегодня уже можем констатировать, что в советской общественной мысли преобладал приоритет социального в объяснении процессов идентичности и идентификации), была позднее преодолена в рамках отечественной социальной философии и социологии через попытки решения проблем индивидуальности и субъективности в соразмерности с феноменом личности. Социальная психология исследует формы организации моделей общения групп людей, и потому видит в процессе идентификации отражение социаль-

ной перцепции, универсальный механизм социализации. Этим объясняется увлеченное объяснение индивидуального поведения как идентичной модели социального императива.

Влиятельное положение бихевиоризма и психоанализа в психологии 1920-1950-х гг. закономерно привело ученых к осознанию недостаточности методов исследования, базирующихся только на рассмотрении поведенческих составляющих человеческой психики [2, 18-19]. Установленный благодаря экспериментальным исследованиям эмпирический факт в нашей отечественной социальной психологии доказывал, что самый простой способ понимания другого человека – это уподобление ему. Антитеза индивидуального и социального была разрешена на основе теории деятельности, социокультурной реализации человека, выявляющих социальные связи, отношения через творческую сущность самореализации. Два уровня идентичности – индивидуальный и социальный – тесно взаимосвязаны: образ собственной персоны создается под воздействием общественных установлений. В реальной жизнедеятельности индивидуальные нормы, ценности человека могут и не совпадать с нормами, ценностями, ролями, которые он принимает в ходе социальных интеракций. Для формирования устойчивой структуры персональной идентичности необходимо достигнуть баланса индивидуального и социального уровней.

Начиная с работ И. С. Кона тема персональной идентичности стала в отечественной гуманитаристике весьма популярной. Стремясь избежать редукционизма как социологического, так и психологического, И. С. Кон помещает проблему поиска идентичности в плоскость пересечения многих дисциплинарных исследований. Идентичность исследуется И. Коном как междисциплинарный объект, нуждающийся в социологическом, философском, психологическом, этнологическом, сексологическом и лингвистическом подходах [3, 4]. Он интерпретировал идентичность как условный конструкт самой личности в контексте *постоянство, тождественность самости*. В исследованиях И. Кона решение проблемы идентичности связано с ответами на два фундаментально разных вопроса: 1) «Что такое самость?», какова природа «самости», идентичности, самосознания. 2) «Кто Я?», каков смысл моего конкретного бытия. В первом случае исследуются родовые возможности человека, во втором – индивидуальные. «Вопрос «Что такое Я?» безличен, ориентирован на объективное познание, результаты которого могут быть выражены в понятиях; это поиск общего закона, правила, нормы, на которую может с теми или иными вариациями ориентироваться каждый; это открытие себя через другого. Вопрос «Кто Я?» интроспективен, субъективен, обращен внутрь личности; это не столько познание, сколько самовыражение, автокоммуникация, путь от себя к другому; он не отливается в четкие понятийные и вообще языковые формы и апеллирует не столько к разуму, сколько к непосредственному переживанию, интуитивному опыту. Его общезначимость покоится не на подчинении общим правилам, а на внутреннем сходстве, близости переживаний и ценностей всех или, по крайней мере, некоторых людей»[4, 33]. Мы сознательно позволили себе столь пространную цитату из работы И. Кона, ибо автор, отстаивая идею существенности оппозиции этой пары категорий, сводит их в общую структуру идентичности, определяя первое через второе и наоборот.

Нам же кажется это противостояние весьма условным, ибо поиск «самости» неизбежно связан с личным опытом вопрошающего, с другой стороны, невозможно определить собственное «Я», не соотнося его с определением сущности и возможностей человека вообще. Стабильная, «нормальная» идентичность представляет собой сбалансированную систему Я, где многочисленные Я-образы осознаются и принимаются как свои. Кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными Я-образами, где некоторые Я-образы требуют переконструирования, реформации или замены. В условиях современного общества структура Я становится гораздо сложнее, чем прежде, в связи с чем обостряется и проблема идентичности как сохранение единого комплекса Я-образов. Ведь очевидно, что чем больше Я-образов, тем сложнее сохранить их связность, гармонию и логическую последовательность, т.е. саму идентичность. И у Е. О. Трофановой проблема персональной идентичности рассматривается как временная проблема переорганизации многогранного индивидуального опыта [5]. Е. Г. Трубина поднимает проблему персональной идентичности как диахрониче-

ского единства личности: при каких условиях субъект сохраняется во временном развитии, выживает как тот же самый субъект? И что в самом индивиде способствует такому сохранению? Содержательно процедура идентификации определяется как единство следующих моментов: признание, установление, что это за вещь или что эта вещь та же самая; что эта вещь в данный момент времени в одном отношении та же, что и в предыдущий момент. Трубина считает основными смыслами персональной идентичности следующие:

1. Тождество Я (сознания, разума). Сознавание бытия того же самого единства сознания в разное время и в разных местах.

2. Идентификация постоянного или продолжающегося единства деятельности (персональности, индивидуальности, характера) через изменения деятельности и поведения. Это предполагает:

- существование памяти;
- способность идентифицировать себя, свою самость;
- способность никогда не утрачивать знание чего-либо, что случилось или происходит с тобой (Эго, Я) [6, 15].

Существо проблемы персональной идентичности формулируется в виде дилеммы: *личность должна быть тождественна себе*, ибо она удерживает противоречивость всех переживаний, поступков, планов на протяжении всей жизни личности; *личность не должна быть тождественной себе* на основании включенности ее в контекст изменяющегося бытия, что неизбежно предполагает и ее внутреннее самоизменение. Обозначенная дилемма предполагает использование термина «идентичность» в двух контекстах: *в контексте сравнения* (противоположное значение «идентичному» выражается в терминах «другой», «иной», «чужой», «неравный», «обратный») и *в контексте развития, темпоральности* (термин «идентичность» становится по значению противоположным «изменившемуся», «непостоянному», «развивающемуся»).

Разработка каждого из контекстов предполагает использование различных исследовательских стратегий. Классические формы философии и психологии центрируются в основном на проработке первого контекста существования идентичности, усматривая суть проблемы в психологической непрерывности существования личности, основанной на функционировании ее мозга. Эта доведенная до логического предела аналитически объективирующая установка сознания элиминирует субъективность персонального Я, рассматривая ее универсально-неопосредованно, игнорируя качественные изменения ее внутреннего мира. Осмысление идентичности в контексте развития является более продуктивным, ибо реально фиксирует приобщенность человека к изменяющемуся бытию, формирующему сложную динамику взаимоотношений системы «мира и человека». Следовательно, при анализе персональной идентичности важно не только зафиксировать сущностное «тождество – различие», но и динамическое «тождество – изменение». Важно учитывать конституированность феномена персональной идентичности *заданностью процессом ее формирования и изменяющимися межсубъектными отношениями.*

Таким образом, непрерывность и связность являются необходимыми условиями персональной идентичности, которые могут быть реализованы «в специфических условиях интерсубъективности, где самопонимание человека неотделимо от реакций на него других людей, прежде всего – составляющих круг, в котором человек вращается»[7, 10]. Такое понимание идентичности расходится с классической философской и психологической традицией, рассматривающей персональную идентичность «Я» по модели субстанции и ее атрибутов, либо вещи и ее свойств. Парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является *реляционная онтология,* представляющая отношения как фундаментальную форму бытия. Эта междисциплинарная идея в разных аспектах научных исследований нашла отражение у Ч. Пирса, У. Джеймса, Р. Карнапа, М. Бахтина, В. А. Малахова, И. В. Ватина, Е. Г. Трубиной, П. Рикера. Человеческое «Я» берется в его бытии с другими, как уникальная часть человеческой общности, которая и формируется этой общностью. Интерсубъективная концепция персональной идентичности рассматривается как

философия нарратива, как рассказ человека о себе, складывание истории своей жизни. Персональная идентичность дискурсивно опосредована самопониманием человека, поэтому методологическим пространством, в котором разворачивается данное исследование, становится прежде всего герменевтика. Герменевтика доказывает, что самопознание и самопонимание человека есть интерпретативный процесс, составляющий важную часть онтологии субъекта. Согласно такой позиции, персональная идентичность оказывается опосредованной своей собственной интерпретативной активностью.

Фундаментальный план разработки понятия «самоидентичность» представлен в XX в. работами П. Рикёра [8]. Рикёр стремится по-новому говорить о личности, определяя ее как «очаг позиций», субъекта вовлечения. Прежде всего, личность – это бытие, для которого сущностным определением его участи является перелом, кризис, выходящий за пределы экономического, социального и культурного пространства. Речь идет об экзистенциальном понимании кризиса человеческого существования. Персональный кризис человека, по Рикёру, включает в себя следующие моменты: ощущение себя «сдвинутым с места»; утрату ценностных ориентиров; предельное чувство невыносимости, возникающее как следствие крайней неустойчивости и неопределенности внутреннего состояния. Ответом человека на кризис является приятие им новой позиции, «личность – позиции» как поведения во времени: создание новой шкалы ценностей, способной воодушевить человека, вернуть новый смысл и цель. Вслед за Гегелем П. Рикёр называет это состояние убежденностью: «Убежденность есть ответ на кризис: мое место определяет меня; иерархия предпочтений обязывает меня; чувство невыносимости превращает меня из дезертира или бесстрастного наблюдателя в убежденного человека, который раскрывает себя в творчестве и творит, раскрывая себя»[9, 11]. Вовлеченность оценивается уже не как черта личности, а как императив, становится ее критерием: личность отождествляет себя с превосходящим ее делом. Критерий вовлеченности проявляется в такой добродетели, как «верность делу», сосредотачивающей деятельность человека относительно выбранного направления. Благодаря «верности делу» человек обретает собственную идентичность.

Сформулированную в «Конфликте интерпретаций» методологию исследования явлений культуры и человека как ее субъекта П. Рикёр развил и обогатил в последующих работах: «Живая метафора», «От текста к действию», «Я-сам как другой», «Путь признания». Обобщением представлений о человеке стала работа «Я-сам как другой». Способность человека быть «я» сопряжена с целым спектром проблем: самоидентичность, самость, самопризнание, самооценка, самоуважение, совесть, ответственность, обязательства, «я» и другой» и т.п. Сам автор способность к самоидентичности определяет через ряд обязательных слагаемых: 1. «Я могу говорить». Способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка. 2. «Я могу действовать». Способность вмешиваться в ход вещей посредством действий, усилий, прокладывать свой путь в физическом мире. 3. «Я могу рассказать о себе». Способность рассказывать о своей жизни и, следовательно, формировать собственную идентичность посредством повествования, основываясь на своих воспоминаниях. 4. Способность быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков, то есть быть вменяемым»[10, 15-16].

В книге «Путь признания», последней опубликованной при жизни мыслителя, последовательно раскрывается осознание человеком своей самости, своего «я» и человеческой взаимности через сложный путь от непризнания, «асимметрии» «я» - «другой» до взаимности, от солипсизма до признания другого, а от признания другого до признательности, бескорыстия, чувства любви, до «жизни вместе» [11]. Идея признания особым образом связана с идеей идентичности, которая последовательно освещается автором в трех очерках. Динамика, направляющая исследование, состоит в переориентации – в грамматическом плане – глагола «признавать» от ее употребления в активном залоге к использованию в пассивном залоге: я активно признаю нечто (вещи, явления, других людей), затем самого себя, – и я прошу, чтобы меня признали другие. Гипотеза работы Рикёра состоит в том, что потенциальные философские способы употребления глагола «признавать/узнавать» могут быть употреблены в

соответствии с траекторией, ведущей от использования его в активном залоге к использованию в пассивном залоге. Этот грамматический поворот несет на себе след инверсии того же масштаба, произведенной в плане философском. «Признавать» в качестве акта выражает претензию, claim, на интеллектуальное овладение полем значений, значимых высказываний. На конечном пункте движения мысли по означенной траектории просьба о признании выражает ожидание, которое может быть удовлетворено в форме взаимного признания, остается ли оно недостижимой мечтой или требует процедур и институций, возводящих акт признания на уровень политики. Обретение человеком абсолютной уверенности в собственной идентичности осуществляется благодаря признанию другим богатства его способностей. В каждой новой модальностью «я могу» явно или неявно присутствует соотнесенность с другим. Вот почему, «во взаимном признании завершает путь самопризнание»[11, 258].

Осуществив анализ моделей борьбы за признание – в родственных отношениях, правовых, в социальной сфере, Рикёр ставит под сомнение саму идею борьбы, осуществляемой в форме насилия. Альтернативным символическим вариантом насилию становится идея миролюбия, реализуемая вне правовой и экономической сферы («ситуация обмена дарами»). Будучи формально добровольным, дар непременно предполагает ответный жест. В опыте церемониального обмена дарами философ видит превосходство великодушия, бескорыстия, ответственности, гостеприимства, содержание которых приобретает не этическое только, но общефилософское значение, так актуально созвучное современным проблемам культуры.

Рассмотренные позиции современного философского социологического знания на проблемы персональной самотождественности объединяет общее понимание основания идентичности, выраженное как *нарративная связность.* Последняя понимается как когерентная история личности о самой себе, история своей жизни. Пространство самообозначения как самопризнание, как осмысленное изложение последовательнеых образов «я могу» является для П. Рикёра конкретной феноменологической данностью, подтверждающей диалектику самотождественности и самости через нарративную историю.

Итак, персональная идентичность формируется через диалектическое единство автономного, убежденного в своих правах и возможностях человека с другими людьми, которые подтверждают укорененность личности в социальной реальности и способствуют ее творческому самораскрытию и реализации.

Список литературы:

1. Коган Л.Н. Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988. - 283с.

2. Хольт Р. Образы: возвращение из изгнания. // Психология ощущений и восприятия /Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской. М., 2002. - С.18-19.

3. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. - 255 с.

4. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.- 335 с.

5. Труфанова Е.О. Идентичность и Я. //Вопросы философии. 2008. № 6. С.95-105.

6. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

7. Трубина Е.Г. Персональная идентичность как социально-философская проблема. Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филос. наук. Екатеринбург. 1996. - 32 с.

8. Рикер П. Повествовательная идентичность. //Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995., Путь признания: Три очерка. - М.: РОССПЭН, 2010.

9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695с.

10. Рикёр П. Интерпретируя историю. // Рикёр П. История и истина. М.: РОССПЭН, 2002. - 232 с.

11. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / Поль Рикёр; пер. с фр., - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 268 с.

УДК 371.2

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Мурзина Ирина Яковлевна
доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
E-mail: ekb-ural@yandex.ru

REGIONAL CLUSTER FOR CULTUROLOGICAL EDUCATION: THE TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL SPACE

Irina Ya. Murzina
doctor of Culturology, Professor, head the Department,
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена анализу направлений трансформации образовательного пространства в регионе на примере функционирования регионального кластера культурологического образования. Используя метод моделирования, автор описывает возможности изменений в содержании образования на всех его уровнях, связанные с обеспечением образовательных потребностей. В результате определены перспективы развития регионального кластера культурологического образования.

ABSTRACT – The article is devoted to the analysis of directions of transformation of the educational environment in the region on the example of the operation of the regional cluster for cultural education. Using the modeling method, the author describes the changes in the content of education at all levels, associated with providing educational needs. In the result of the perspective development of the regional cluster for cultural education.

Ключевые слова: культурологическое образование, регион, модель развития, содержание образования, региональный кластер

Keywords: cultural education, region, model development, the content of education, regional cluster

С конца 1960-х гг. сначала в бизнесе, а затем почти повсеместно распространилась практика использования социальной технологии формирования будущего, получившая название «форсайт» (от английского foresight – «предвидение»), которая исходит из тезиса, что желаемое будущее зависит от предпринимаемых сегодня действий, поэтому важным является выбор оптимальных траекторий инновационного развития на основе более или менее точных прогнозов. Особенно актуально это для образования, которая выступает одним из ключевых элементов в системе трансляции и аккумуляции социального опыта.

Согласно «Закону об образовании», «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1]. Если кратко резюмировать грядущие тренды, то это признание того факта, что образование будет непрерывным, повсеместным, человекоориентированным, представленным множеством форм. Логично предположить, что для реализации самого перспективного проекта будущего необходим человек с «открытым» сознанием, готовый к жизни в открытом обществе. И, следовательно, существует потребность в тех, для кого именно человек как существо, обладающее волей, разумом и высшими чув-

[1] Статья подготовлена в рамках работы по госзаданию №2014/392, НИР № 1881.

ствами, имеет смысл, – в гуманитариях и гуманитарном образовании. Основой гуманитарного образования является признание нескольких постулатов: «человек – не средство, а цель», «культура для всех и для каждого», «свобода и справедливость являются условиями существования социальных систем», «образовательные стратегии обеспечивают духовное развитие человека».

В ситуации все усиливающегося *технократического* давления возникает потребность формирования еще одного – *социально-гуманитарного* – направления, перспективы которого нам видятся скорее в сохранении традиции, нежели в ее инновационном содержании. Чтобы в будущем человек не ощущал себя аутсайдером, мы сегодня направляем свои силы на создание такой образовательной ситуации, в которой он является активным субъектом, способным к обсуждению сложных смысложизненных проблем, с развитым критическим мышлением, позволяющим выработать собственное отношение к социально-культурной действительности, готовым выбирать такое направление деятельности, которое обеспечит личностную самореализацию. И если говорить о «вызовах» времени, можно сказать, что для гуманитарного образования – это обеспечение возможностей духовного развития человека. Другое дело, что формы, методы и средства должны быть сообразны тем трендам, которые формируются сегодня и будут определять трансформации в системе образования завтра [4; 5].

Сегодня у гуманитарного образования ясно прочерчивается перспектива использования новых технологий в преподавании через создание нового информационного пространства. Начатая работа по оцифровыванию учебных материалов, переходу на форматы «Образование 2.0», создание web-семинаров – все это средства формирования нового информационного пространства. И именно гуманитариям предстоит обучать молодое поколение работе с информацией, умению критически подходить к источникам, быть избирательными, уважать свободу и интеллектуальную собственность.

Идеи образования на протяжении всей жизни, вероятно, актуализируют потребность в личностном образовании. Развитие содержания и форм образования, ориентированных на запросы родителей, стремление к совместному образованию как способу «реинтеграции семьи», возможности образования в решении личностных кризисов («среднего возраста», «старения» и др.), по-видимому, приведут к обостренному интересу к гуманитарным проблемам и, как следствие, к гуманитарному образованию, доступность которого, используя Интернет-ресурсы, будет значительно выше. Как ни странно, но именно «интернетизация» образования приведет к коммуникационному голоду, когда живое слово живого человека станет внутренней потребностью, а общение с учителем – условием создания новых старых типов образовательных учреждений – открытых университетов. Трансформации подвергается и система профессиональной коммуникации. Переход в «цифровой» формат уже приводит к созданию новых горизонтальных структур – сетевых сообществ, где профессиональная специализация уступает место метапредметности (культурология как интегративное знание может быть примером такого нового типа гуманитарного знания).

Функционирование профессиональных сообществ определяет и расширение субъектов-«игроков» в гуманитарном пространстве, что приводит не только к осознанию его целостности, но и пониманию, что надо обучать коммуникации внутри этого пространства, учить налаживать связи. Одной из форм, безусловно, станут социально-гуманитарные проекты, предполагающие не только активность субъектов, но и понимание значимости волонтерской деятельности как условия получения социально-культурного опыта, который может быть востребован в любой сфере профессиональной деятельности.

В связи со всем сказанным находится и вопрос о востребованности гуманитариев в регионах. Есть основания считать, что в новой ситуации гуманитарное образование перейдет на региональный уровень, создавая условия для новой интеграции. Интеграция в образовании актуализирует такие аспекты, как интеграция на уровне содержания, организационно-деятельностных форм, через создание образовательных кластеров.

Остановимся на складывающемся сегодня региональном кластере культурологического образования, который, на наш взгляд, может быть рассмотрен как своеобразная репрезен-

тация существования социально-гуманитарного образования. Региональный кластер культурологического образования выступает в качестве системообразующего элемента культурно-образовательного пространства. Он включает в себя субъектов культурно-образовательного пространства региона (учреждения образования, культуры, религиозные организации, этнокультурные организации и пр.), а также образовательные и культурные ресурсы в их единстве. Региональный кластер позволяет решить организационные проблемы, обеспечивающие взаимодействие сфер образования и культуры (сетевое взаимодействие), содержательные вопросы (создание единого информационного поля), выявить возможности для инновационного экономического развития (активизация творческих индустрий).

Под культурологическим образованием мы понимаем:

1) целенаправленный процесс воспитания и обучения, опирающийся на трансляцию и воспроизводство ценностей культуры, созданных в процессе духовной, интеллектуальной, творческой деятельности людей и отвечающих целям самореализации человека и общества;

2) составной компонент системы гуманитарного образования на всех этапах его реализации;

3) систему профессиональной подготовки кадров (направление подготовки «Культурология»).

Мы рассматриваем процесс культурологического образования как триединый и взаимообусловленный. Модель функционирования культурологического образования мы рассматриваем как сложносоставную, в которой реализуются разновекторные связи, от характера взаимодействий и взаимовлияний которых зависит успешность ее реализации [3]. Обобщая разнообразные точки зрения и подходы, существующие в современной научной литературе, можно констатировать, что понятие «культурологический подход в образовании» фиксирует необходимость включения в содержание образов, ценностей и явлений культуры и реализацию педагогической коммуникации в ситуации открытого диалогического пространства. Собственно культурологическое образование в первом его значении как основа образовательного процесса может быть рассмотрено как синоним культурологического подхода в образовании. Возьмем на себя смелость утверждать, что характер трансформаций в содержании социально-гуманитарного образования напрямую зависит от реализации на практике культурологического подхода.

На каждой из ступеней образования (от дошкольного до послевузовского или дополнительного) культурологическая составляющая может быть реализована в той или иной степени. Вступивший с первого января 2014 г. в действие федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования не только нацеливает на усвоение норм и ценностей, принятых в обществе, включая моральные и нравственные ценности; развитие коммуникативных и социальных компетенций, но и акцентирует внимание к культуре, к которой ребенок принадлежит (этнокультура) и к культуре, в которой он живет (российская культура). Одним из существенных компонентов основной образовательной программы выступает художественно-эстетическое развитие, основанное на развитии эмоциональной отзывчивости и эстетического отношения к окружающему миру, к явлениям искусства, к поощрению самостоятельной творческой деятельности детей (изобразительной, конструктивно-модельной, музыкальной и др.).

Культурологическая составляющая дошкольного образования реализуется и как основа образовательной программы (опора на ценности культуры, не зависимо от вида деятельности, которым занимается ребенок) и как содержание образовательной области (обозначены такие направления развития и образования детей, как социально-коммуникативное, познавательное, речевое, художественно-эстетическое, физическое). Традиционно используемые в дошкольных образовательных учреждениях программы и прежде учитывали каждое из названных направлений развития, но в новых условиях (после введения в действие ФГОС ДО) внимание к содержанию программы и соответствию ее новым стандартам приводит к частичному пересмотру уже имеющегося педагогического инструментария.

Противоречивость современной российской ситуации видится в том, что система образования должна строиться на формировании позитивной системы ценностей и позитивных ценностных ориентациях (это непременное условие ее существования), а окружающая действительность предлагает совсем другие жизненные сценарии. Легче всего обвинить систему образования в ее несостоятельности и несоответствии социальной роли. А если вспомнить, что в нашей стране система образования все чаще становится «последним рубежом», защищающим общество от распада и деградации, то сверхцели, которые диктуются образованию, заставляют искать адекватности в том числе и в содержании образования. В настоящее время одним из возможных вариантов реализации культурологического подхода в образовании можно рассматривать учебные программы, ориентированные на образовательно-воспитательную деятельность с опорой на социокультурный опыт.

Понятие социокультурного опыта практически отождествляется с представлением о традициях как особом механизме передачи социального опыта от поколения к поколению. Однако в современном философско-культурологическом знании сформировалось и более глубокое понимание сущности традиции как особой социальной связи индивидов и групп общества, специфическое содержание которой состоит в воспроизведении из поколения в поколение содержательных ценностно-значимых форм, фиксирующих накопленный опыт и регулирующих освоение нового.

Обращение к современной культуре с неизбежностью приводит к вопросу, на какие традиции мы должны опираться в педагогической деятельности? Радикальный разрыв с национальной культурой на протяжении всего XX в. не позволяет в полной мере говорить о сохранившихся, фиксированных в социальном опыте и передающихся из поколения в поколение национальных традициях. Ситуация в постсоветской России свидетельствует, что традиции более близкого исторического времени также не восстановимы в их прежнем виде. Скорее можно вести речь об обращении в педагогической деятельности к способам и формам освоения социально-культурного пространства, которые в сознании человека маркируются как традиционные, сохраняющиеся и проявляющиеся в современной культуре.

Социокультурный опыт – особая система традиционных и актуальных культурных норм и ценностей, которая транслируется, сохраняется и воспроизводится в социально-культурной практике. В русле культурологического подхода, опираясь на социокультурный опыт и реализуя на практике принципы гуманистической педагогики, мы можем обрести новое содержание образования. Одним из вариантов образования на социокультурном опыте можно назвать достаточно популярную некоторое время назад программу «Истоки» (региональный вариант – «Урал. Человек. Истоки»). Сложность самого феномена культуры (многоуровневость, связанная с существованием субкультур, этнокультур и региональных культур внутри единой национальной культуры, множественность культур внутри мировой культуры) предполагает множество возможностей по ее освоению/присвоению. Что вполне сообразуется как с общей установкой на формирование человека культуры, признающего и освоившего ее ценности и нормы, так и с предметными областями, обозначенными Федеральным государственным образовательным стандартом.

Предметными областями, которые можно было бы отнести к сфере культурологического образования, выступают: на этапе начальной школы – предметные области «Духовно-нравственная культура народов России» и «Искусство» (изобразительное искусство и музыка), на этапе основной школы – «Основы духовно-нравственной культуры народов России» и «Искусство», на этапе старшей школы – составная часть предметной области «Общественные науки» в рамках предмета «Россия в мире» и курсы по выбору (курсы художественно-эстетической направленности). Если опираться на общую идею преемственности в содержании образования различных уровней, то можно увидеть, что приобщение к опыту культуры может идти через познание ценностей и/или освоение художественных ценностей как квинтэссенции ценностей культуры. Если говорить об интеграции, то можно увидеть, как метапредметные результаты реализуются в процессе освоения духовных ценностей, через общение с явлениями художественной культуры – к формированию культурной идентичности как

условию становления гражданина. Для развития личностного взгляда на культуру, самостоятельного ее изучения предусмотрены индивидуальные проекты учащихся, на которые, как известно, в соответствии с новыми образовательными стандартами необходимо отводить специальное время. Сама идея, конечно, позитивна, и, как показывают лучшие образцы ее реализации, позволяет не только обрести собственное ви́дение реальности, но и научиться ее исследовать и творчески преобразовывать.

Культурологическое образование предполагает изменения и в системе дополнительного образования, которое в современных условиях рассматривается в том числе и как компенсирующая недостатки образования «базового уровня» система. Предлагается стратегия интеграции общего и дополнительного образования, а котором может быть реализована культурологическая составляющая. Культурологическое образование в высшей школе сочетает в себе формирование общекультурных компетенций через освоение курсов культурологической направленности (для студентов всех направлений профессиональной подготовки «Культурология», «Отечественная культура», «Мировая художественная культура») и собственно профессиональной подготовка (обучение по профилям подготовки «Культурология», «Социально-культурная деятельность»).

Чтобы в будущем были реализованы такие стратегии, как личностное развитие учащихся, умение и желание выбирать индивидуальные траектории развития и нести ответственность за принятые решения, необходимо, чтобы рядом с учеником был умный взрослый, у которого есть опыт самоактуализации, ответственного социального поведения, понимание реалий современной культуры, в которой множественность путей и способов развития – непреложная ценность, готовый помочь ребенку сделать правильные выборы в жизни. И это не только учитель в школе, это родители, другие взрослые, с которыми сталкивается ребенок. И такие взрослые не могут возникнуть из ниоткуда. Возникает потребность, реализовать которую можно разными путями: в системе вузовского образования через курсы общегуманитарной направленности, в системе дополнительного образования – через индивидуальное/групповое консультирование, в системе дошкольного и общего образования – через повышение педагогической грамотности (на классных часах и в школе молодых родителей).

Пунктирно обозначенные в нашей работе векторы трансформаций в социально-гуманитарном образовании в целом и в культурологическом, как его составной части, свидетельствуют о необходимости определить, как именно может развиваться региональный кластер культурологического образования. Думается, что оптимальным будет создание целостной системы, основанной на взаимодействии субъектов регионального культурно-образовательного пространства. Это и создание единого регионального контента, содержательно обеспечивающего систему образования региона; и определение направлений т.н. культурологизации образования, включающей как учебные курсы (дисциплины), так и создание программ развития школ на основе культурологического подхода; и изменения в содержании подготовки учителей в педагогических вузах (направления культурно-просветительной практики, учебные интегрированные курсы, формы дополнительного образования – просветительные и культурно-образовательные проекты, которые реализуют, с одной стороны, требования профессионального стандарта, с другой, позволяют создать условия для образования на протяжении всей жизни); и организация сетевого взаимодействия.

Список литературы:

1. Закон об образовании в Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html (Дата обращения 10.01.2015)

2. Лукша П. Форсайт «Образование-2030» / Метавер – образование будущего. URL: http://metaver.net/2011/edu2030 (Дата обращения 10.01.2015)

3. Мурзина И.Я. Культурологическое образование сегодня: необходимо или достаточно // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: http://www.science-education.ru/120-16602 (Дата обращения 25.12.2014)

4. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? Доклад. URL: http://www.opec.ru/data/292/610/1233/file354.pdf (Дата обращения 15.03.2014)

5. Чубарьян А.О. О некоторых аспектах сегодняшней ситуации, сложившейся в российском гуманитарном образовании // Вопросы образования. 2006. №4. С. 46–52.

УДК 061.2:336.334.3-053.81(470.5)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «УРАЛЬСКИЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ» В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Нархова Елена Николаевна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
e_narkhova@mail.ru
Усцова Евгения Васильевна
Магистрант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
evgesha_484@mail.ru

THE REGIONAL PUBLIC ASSOCIATION «URAL FUND OF SUPPORT OF YOUTH INITIATIVES» IN REALIZATION OF PROBLEMS OF THE STATE YOUTH POLICY

Elena N. Narkhova,
candidate of sociological sciences, associate professor,
Ural federal university, Yekaterinburg
Evgenia V.Ustsova,
undergraduate, Ural Federal University

АННОТАЦИЯ – Представлен план инновационной технологии и рассмотрена роль регионального общественного объединения «Уральский фонд поддержки молодежных инициатив» как одного из основных субъектов государственной молодежной политики в профилактике девиаций.

ABSTRACT – Presented a plan to innovative technology and consider the role of the regional public association «Ural fund of support of youth initiatives» as one of the main subjects of the state youth policy in preventing deviations.

Ключевые слова: ГМП, студенчество, общественное объединение, аддикции, девиантное поведение.

Keyworlds: state youth policy, students, associations, addiction, deviant behavior.

В современных условиях перед государственной молодежной политикой стоят многочисленные задачи оптимизации положения молодежи в современном обществе, это и выбор жизненного пути, развитие творческого и лидерского потенциалов, формирование семейных установок и поддержка молодой семьи, воспитание гражданского и патриотического сознания, преодоления трудных жизненных ситуаций. В тактическом плане реализация молодежной политики направлена не только на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека, на развитие и поддержку молодежных и детских общественных объединений, движений и инициатив, отражающих стратегическую линию как государства, так и отдельных регионов на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, но и на преодоление негативных последствий девиантного поведения в молодежной середе в различных его формах и проявлениях. Именно негативные формы девиантного поведения разрушают, дезорганизуют систему, подрывая её основы, нарушая организованную жизнь общества, а также наносят значительный ущерб конкретной личности, подрывая ее готовность выпол-

нять свои социальные роли. К ним относятся: преступность, алкоголизм, наркомания, суицид, проституция. Подобного рода девиации несут угрозу стабильности общества, происходит дезорганизация культуры и разрушение социального порядка.

Начальным звеном девиантного поведения является изменение ценностных ориентаций в различных слоях населения и социальных группах, что обусловлено изменениями в объективных социально-экономических условиях их жизни. Искажения в системе ценностей большей частью ведут к дисфункции различных социальных институтов.

Девиантное поведение имеет свой механизм действия, состоящий из четырех звеньев:

– Проблемная ситуация;
– Ценностно-нормативные регуляторы;
– Принятие решения;
– Совершение поступка [3, с 215-216].

Уже в первом звене приблизительно определяется возможная направленность субъектов, зависящая от особенностей сложившейся ситуации. Соответственно, именно на данном этапе необходимо проводить мероприятия, которые позволят предотвратить ситуацию до наступления изменения в системе ценностей, позволит сохранить стабильность общества. В социологии девиантного поведения проблема аддиктивных форм отклоняющегося поведения особенно актуализирована в современном обществе. Аддикция – пагубная страсть, склонность к чему-либо. Без механизма возникновения и протекания этого явления сложно анализировать алкоголизм, наркоманию и другие формы девиантного поведения [3, с. 221]. Сутью аддиктивного поведения является стремление поменять свое психическое состояние посредством приема психотропных веществ или фиксацией внимания на отдельных предметах или видах деятельности, например, алкоголь, наркотики, компьютерные игры, социальные сети, игры на сотовых телефонах. Аддикция становится способом ухода от реальности. В итоге, человек склонный к аддикциям становится замкнутым, теряет межличностные связи и в целом отстраняется от общества. В основе всех отклонений молодежного поведения лежат недостатки семейного и школьного воспитания, неразвитость социально-культурных потребностей, бедность духовного мира, отчуждение. Отсюда вытекает важнейшая функция школы и системы образования – профилактика этих отклонений.

Принимая во внимание, что полностью устранить социальные девиации из жизни общества невозможно, необходимо разработать стратегию социального контроля, которая должна включать в себя одним из основных методов, замещение, вытеснение наиболее опасных форм девиантного поведения общественно-полезными или нейтральными. Важнейшая роль в регуляции девиантного поведения принадлежит социальным институтам, деятельность которых, прежде всего, связана с формированием нравственно-мотивированной, ответственной личности. [3, с. 216]. Эти качества и сегодня являются важными средствами профилактики девиантного поведения. Эффективность решения данных задач обусловлена оптимальным взаимодействием различных государственных и общественных структур, всех слоев и групп населения. Консолидации всех субъектов гмп способствует синергетическому эффекту аккумулирования потенциала общества и преодолению деструктивных явлений. Наряду с традиционными институтами образования, такими как школы и институты, большую роль играют общественные организации, в том числе и молодежные, созданные в различных организационно-правовых формах: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение и др.

В Уральском федеральном университете в 1992 г. создано Региональное общественное объединение «Уральский фонд поддержки молодежных инициатив», которое является связующим звеном между административными органами и студенческим сообществом. Основной целью общественного фонда является поддержка молодежных инициатив через реализацию проектов: «Балы в Уральском федеральном», «Робототехнический фестиваль», «Весна УПИ в Уральском федеральном», «Молодежный инновационный конвент», «Лаборатория молодежных инициатив», «Зворыкинский проект» и др. Проекты фонда направлены на решение социальных проблем, организацию мероприятий и программ, способствующих удо-

влетворению духовных и иных нематериальных потребностей, развитию физической культуры и спорта, инновационной активности в молодежной среде и др. Основными целевыми группами фонда являются: талантливая молодежь; учащиеся средних и высших учебных заведений; аспиранты; молодые ученые в возрасте от 14 до 35 лет, молодые люди – добровольцы (волонтеры) в возрасте от 18 до 25 лет, студенты и молодые семьи в возрасте до 30 лет, молодежь в трудной жизненной ситуации.

Основную деятельность фонд реализует через различные студенческие объединения, поскольку особая роль в стабилизации и развитии общества отводится студентам, как особому слою общества, являющемуся транслятором традиций культуры и инноватором в методах и подходах. Именно студенчество, создавая рекреационные зоны, формирует социально-культурное пространство, позволяющее превентивно решать проблемы, существующие в молодежной среде, в частности, предупреждать различного рода зависимости и девиации.

Для превентивного решения аддиктивного и девиантного поведения в молодежной среде РОО «Уральский фонд поддержки молодежных инициатив» реализует разнообразные проекты по основным направлениям государственной молодежной политики Российской Федерации, координируя взаимодействие различных субъектов. Одним из проектов подобного рода является создание молодежной базы на озере Тургояк, представляющей собой рекреационную зону для профилактики различного рода аддикций и негативных девиаций. Молодежная база на озере Тургояк представляет собой площадку для молодых людей, которая основывает свою деятельность на концептуальной основе: анализируя проблемы современного общества и его различных слоев и групп, применяются соответствующие методы, способы и технологии для решения как тактических задач, так и для превентивного решения возможных новых проблем различных групп или слоев общества. Технологии и методики, которые реализуются на молодежной базе, выбираются в соответствии с проблемами, присущими тем или иным группам. Основными направлениями молодежной базы на озере Тургояк являются:

– Проведение международных школ, что способствует формированию толерантного сознания на основе межкультурного взаимодействия, культурному обмену.

– Учебное направление, которое в зависимости от специфики подготовки имеет разнообразное содержание. Для студентов направления специальности «Организация работы с молодежью» это – база для прохождения учебно-ознакомительной, педагогической, научно-исследовательской, производственной практик. Для студентов специальности «Сервис и туризм» – база для прохождение практик, организация знакомства для различных групп молодежи со знакомством культуры и географических особенностей края, разработка туристических маршрутов. Общим является проведение мастер-классов и тренингов, актуальных для студентов всего университета: психологические тренинги, командообразование, тренинги на выявление лидерских качеств.

– Формирование установок здорового образа жизни, популяризация спортивных видов досуга, применение экстремальных видов спорта как профилактического метода девиантного поведения в социуме.

– Работа с детскими домами, организация различных мероприятий в зависимости от специфики детского дома, поло-возрастного состава; создание благоприятного психологического климата и социокультурного пространства для жизнедеятельности детей группы риска.

– Проведение со школьниками мероприятий, направленных на формирование позитивных ценностных установок, активного образа жизни, развитие личностных качеств, и т. д.

– Сборы школьного и студенческого актива, мастер-классы и тренинги: командообразование, лидерство, обсуждение проблем современной молодежи.

– Культурное направление – освоение истории и культуры родного края, (экскурсии: остров Веры, Ильменский заповедник, Французская горка и др.), формирование ценностных установок экологического мышления, вечера авторской песни, фестивали дружбы.

Все направления позволяют задействовать основные молодежные группы: школьников, студентов, молодых людей группы риска. Целенаправленное и комплексное воздействие, оказываемое во время проведения досуга, позволит воспитать физически и нравственно здоровую личность, способную противостоять различного рода аддикциям и девиациям, что послужит стабильному развитию общества в целом.

Список литературы:

1. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного Совета США. Екатеринбург, У-Фактория. 2002. 120 с.
2. Смелзер Н. Социология: Пер. с анг. М.: Феникс, 1994. 688 с.
3. Социология. Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под ред. Л.Я. Рубиной. 3-е изд.., перераб. и доп. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. 313 с.

УДК 371.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШКОЛЫ, ВУЗА И ДЕТСКОГО САДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Окуненко Людмила Андреевна
директор МАОУ СОШ № 32, Екатеринбурга,
E-mail: Mbou_32@mail.ru
Тагильцева Наталия Григорьевна
доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург,
E-mail: musis52nt@mail.ru

INTERACTION OF SCHOOL, HIGHER EDUCATION INSTITUTION AND KINDERGARTEN IN EDUCATIONAL SPACE OF THE CITY

L.Okunenko,
director of MBOU SOSch No. 32 of Yekaterinburg
N. Tagiltseva,
Doctor Sc. (Education), Professor,
head of the Department, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются возможности расширения образовательного пространства школы путем взаимодействия с другими образовательными учреждениями города. Выявляется механизм этого расширения – взаимодействие между различными образовательными учреждениями – детским садом, школой и педагогическим вузом. Раскрываются условия реализации проекта по развитию творческой активности дошкольников, школьников и студентов: осуществление непрерывного художественного образования; стимулирование на создание социально значимых проектов; выявление эффективных технологий развития творческой активности. Приводятся результаты внедрения этих условий.

ABSTRACT – In article considered possibilities of expansion of educational space of school by interaction with other educational institutions of the city. Identifies mechanism of this expansion – interaction between the various educational institutions – kindergarten, school and Pedagogical University. Conditions of implementation of the project on development of creative activity of preschool children, school students and students reveal: implementation of continuous art education; stimulation on creation of socially significant projects; identification of effective technologies of development of creative activity. Showing the results of the implementation of these conditions.

Ключевые слова. Образовательное пространство; взаимодействие образовательных учреждений.

Keywords. Educational space; interaction of educational institutions.

Образовательное пространство в различных трактовках, как научной, так и справочной литературы понимается как комплекс составляющих характеристик, которые отражают специфику, законы и закономерности института образования и культурного пространства определенного общества. Вместе с этим понятием в государственных документах по образованию, в современных педагогических исследованиях и научных работах часто используется понятие «образовательная среда», которое подразумевает «единство учебной, внеучебной и общественно значимой деятельности учащихся. Создание такой среды требует от учителя постоянного творческого поиска новых эффективных форм и технологий, организационных основ и инновационных средств»[2; 34]. Анализ этих понятий дает основание считать, что в их содержании выявляются общие моменты, среди которых можно отметить общественно значимую образовательную и социальную деятельность. Современные общеобразовательные школы успешно реализуют те или иные направления этой деятельности на практике. Ряд школ силами учащихся и педагогов организует просветительскую работу, участвуют в концертной деятельности, создают специальные сайты, целью которых является ознакомление с научными инновациями, организуют ученические конференции, фестивали, форумы и олимпиады, участвуют в волонтерских проектах, в тех или иных социально значимых молодежных движениях.

В МАОУ СОШ № 32 города Екатеринбурга помимо выше перечисленных направлений было введено такое, которое позволило включить в образовательное пространство школы ряд учебных заведений различных уровней образования: вуза – Уральского государственного педагогического университета и дошкольного образовательного учреждения – детского сада № 586 «Остров детства». В целях осуществления взаимодействия этих учебных заведений для них была сформулирована единая целевая установка, которая позволила разработать проект «Развитие творческой активности детей и юношества: детский сад, школа с углубленным изучением отдельных предметов художественно-эстетической направленности, вуз»[3; 43]. Привлечение трех таких разных учреждений в данный проект дает возможность говорить о трансформации образовательного пространства школы, которая явилась инициатором данного проекта, в образовательное пространство города.

Для внедрения этого проекта в практику педагогами университета, учителями школы, работниками детского сада были выделены такие методологические основания как: культурологический подход к формированию содержания образования (Л. С. Выготский, В. В. Краевский, М. Н. Скаткин и др.), деятельностный подход (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, Э. Б. Эльконин и др.), положения концепции развития творческой активности, как показателе высокого уровня развития социальной компетентности (И. А. Зимняя, М. В. Левит, А. К. Маркова, А. В. Хуторской, Г. П. Щедровицкий и др.), а также положения долгосрочной целевой программы развития системы общего образования в муниципальном образовании «город Екатеринбург». Реализация основного содержания проекта предполагала введение следующих организационно-педагогических условий:

- осуществление непрерывного художественного образования всех субъектов трех образовательных учреждений: дошкольников, учащихся младших, средних и старших классов школы и студентов;
- стимулирование дошкольников, учащихся школы, студентов педагогического университета на создание социально значимых проектов, которые предъявлялись общественности города, учащимся других общеобразовательных школ и учреждений дополнительного образования;
- выявление технологий, которые могут быть использованы для развития творческой активности дошкольников, учащихся школы, студентов педагогического университета.

Выполнение первого условия было связано с необходимостью разработки системы художественного образования детей: от детского сада, через школьное образование – к образованию в вузе. Поэтому разработчиками проекта была создана трехуровневая система образования, включающая программу по обучению дошкольников на базе школы развития и в детском саду, в осуществление которой помимо учителей школы, педагогов вуза включались студенты Уральского государственного педагогического университета. Вторая ступень – школьное образование предполагала обучение школьников художественному творчеству и активизации их творческой активности в стенах педагогического университета и в школе. Кроме того, школьники и студенты участвовали в совместных научных конференциях, олимпиадах, фестивалях и форумах. Третья ступень – вузовское образование базировалось на активизации у студентов мотивации на профессиональную педагогическую деятельность посредством включения их в проведения занятий, уроков, внеклассных мероприятий с дошкольниками и школьниками, что способствовало развитию их творческого потенциала и формировало педагогические умения и навыки. На базе школы для учеников, наметивших осуществление профессиональной карьеры в области педагогики искусства, созданы специальные подготовительные курсы, на которых работали как педагоги вуза, так и студенты педагогического университета, многие из которых являлись выпускниками МАОУ СОШ № 32.

Второе условие реализовалось посредством планирования и осуществления коллективных форм создания социально значимого продукта. Школьники и их родители, студенты педагогического университета разрабатывали ряд дизайнерских проектов. Так была оформлена школьная столовая, медицинский кабинет, ряд рекреаций. На базе школы, педагогического университета (факультета музыкального и художественного образования в период педагогической практики студентов) проводились недели творчества. В школе производились выставки методических работ учителей, студентов педагогического вуза, работников дошкольного образовательного учреждения. Студенты педагогического вуза, школьники и дошкольники готовили и проводили различные концертные проекты для определенных слоев населения – ветеранов войн, людей с ограниченными возможностями, учащихся школ – интернатов, реабилитационных центров. Для расширения творческих контактов между учащимися и учителями различных школ города проводились конференции, выставочные проекты, олимпиады, конкурсы. На базе школы проводились районные и областные творческие конкурсы, в которых принимали участие студенты педвуза, учащиеся других школ города.

Осуществление третьего условия – нахождение инновационных технологий развития творческой активности потребовало создания специальной комиссии, которая состояла из педагогов вуза, школы, работников дошкольного образовательного учреждения. Ее представители анализировали, выявляли и отбирали для осуществления проекта современные технологии развития творческой активности детей. Таковыми стали технология коллективного способа обучения (КСО), когда разновозрастные группы учащихся и студенты реализовали в совместном творчестве определенные проекты. В качестве эффективной была определена и технология полихудожественного образования, когда дети, школьники и студенты включались в различные виды творческой деятельности, а на занятиях по созданию творческих проектов вводились произведения разных видов искусства. Было выявлено, что эффективной технологией является и социально-культурное проектирование, когда дошкольники, школьники и студенты создавали социально значимые творческие продукты, которые затем предъявлялись разным категориям зрителей и слушателей. Определенные для осуществления проекта технологии частично внедрялись в художественную деятельность дошкольников, полностью – в образовательный процесс школьников и студентов.

Внедрение разработанного проекта и условий его реализации привело к следующим результатам. В подготовительных группах детского сада выявилось большее, чем это было обычно, количество детей дошкольного возраста, которые изъявляли желание обучения

именно в данной школе. Возросло количество школьников, участвующих в конкурсах и ставших лауреатами и победителями этих конкурсов. Многие школьники, причем не только МАОУ СОШ № 32, но и других школ города, косвенно и непосредственно участвующие в данном проекте, проявили интерес к творческим профессиям и в дальнейшем стали поступать в творческие вузы города Екатеринбурга. У студентов педагогического университета произошло развитие профессионального интереса к практической работе с дошкольниками, младшими и старшими школьниками в плане развития их творческой активности. Данной проблеме некоторые из них посвятили свои выпускные квалификационные работы (бакалавры) и магистерские диссертации (магистры). Интерес к проблеме формирования творческой активности проявили педагоги вуза, учителя школы и работники детского сада. Так, в частности, одним учителем была защищена кандидатская диссертация по данной проблеме. Эта же проблема нашла отражение в нескольких научных статьях, в том числе в изданиях, входящих в ВАК РФ, педагогами вуза. Воспитатели детского сада создали проекты по стимулированию творческой активности дошкольников, которые были представлены на заседаниях районного методического объединения.

Рамки данного материала не позволили нам полностью раскрыть содержание проекта, его этапы, эффективные способы реализации и специфические особенности. Для более полного ознакомления с рассматриваемым проектом предлагаем обратиться к следующим публикациям [1,2,3].

Список литературы:

1. Окуненко Л.А., Тагильцева Н.Г., Заплатина Е.А. Современные образовательные технологии в развитии творческой активности учащихся в условиях школы с углубленным изучением отдельных предметов художественно-эстетической направленности//Эксперимент и инновации в школе - 2012-№ 4 С.15-21.
2. Тагильцева Н.Г. Инновационная среда художественно одаренных детей: детский сад-школа-вуз// Инновационные проекты и программы в образовании – 2014 - № 1. С.34-38.
3. Тагильцева Н.Г. Развитие творческой активности детей и юношества: детский сад-школа-вуз // Инновационные проекты и программы в образовании. 2012- № 2. С.42-46.

УДК 291.13

КУЛЬТУРА АКТУАЛЬНОСТИ: МИФОЛОГИЯ ВХОДА ЧЕРЕЗ ВЫХОД

Ольховиков Константин Михайлович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Ольховикова Светлана Валерьевна
кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ACTUALITY CULTURE: MYTHOLOGY BACK IN THROUGH THE OUT DOOR

Konstantin Olkhovikov,
Doctor of Philosophy, Professor;
Svetlana Olkhovikova,
Kandidat of philosophy, associate professor;
Ural federal university, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Исследования актуальной культуры дают возможность анализа феноменов, к которым неприменимы классические модели культуры. Особенно это касается современных форм мифа. Характеристике этого аспекта актуальной культуры посвящена данная статья. Показана уместность концепций В. Т. Шапко, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева,

К. Г. Юнга, Э. Эриксона для понимания и объяснения актуальных мифологических трансформаций современной культурной коммуникации.

ABSTRACT – Actual culture studies make possible the analysis of phenomena outside the relevance of classical cultural models. Especially this is true in case of modern mythic forms. This article is devoted to analysing of the latter aspect of actual culture. The applicability of concepts argued by V. T. Shapko, M. M. Bakhtin, D. S. Likhachev, K. G. Jung, and E. Erikson is demonstrated via comprehension and explanation of actual mythological transformation of modern cultural communication.

Ключевые слова: актуальная культура; актуальный миф; культурная коммуникация; социокультурная динамика; мифотворчество.

Key words: actual culture; actual myth; cultural communication; sociocultural dynamics; myth-making.

Актуальная культура была предметом исследований замечательного уральского социолога Валерия Трофимовича Шапко [3]. Особенностью этого подхода было объяснение неоднородности культурных феноменов, уровней и способов их репрезентации, равно как и значимости существования различных аспектов культуры. В целом такая трактовка создает пространство понимания культуры и социальной жизни, позволяющее уйти от стандартного противопоставления «культурного лага» и «культурной миссии». Вместе с тем, понимание актуальной культуры также приводит и к предметному разговору о границах культурных явлений как таковых. Это создает возможности для исследовательских допущений относительно «отложенной актуальности» культурных феноменов и смыслов, относительно значимости «неактуальных» в социальном смысле культурных ресурсов, в целом относительно природы актуальности в зеркале культуры.

Актуальность как таковая мимолетна. Культура как таковая вечна. Но социальная жизнь и ее властные коллизии периодически все переставляют с места на места, и мимолетное становится тотальным. И нет ничего мимолетнее вечной власти мифа. Бессознательное властвует там, где есть видимость отсутствия рациональных смыслов, включая как целевые, так и ценностные параметры полагания. Миф не поддается критериям оценивания в терминах теории действия или теории системы. Территория мифа не актуальна сама по себе; архаичный миф задает универсальную формулу становления культуры как таковой, а современный миф по сути фрагментарен и эксплуатирует разрывы и неудовлетворенности актуальной социальной жизни. В любом случае, миф в равной степени невозможно отождествить с недифференцированными формами культурной ментальности, равно как и нельзя свести актуальный современный миф к формам авторской приватизации, будь то искусство или политика. Мифа не становится меньше, но бытование современных мифов актуализируется посредством очевидно, но обманчиво а-мифологических форм мышления и поведения. Эта особенность специфична именно для текущего столетия. Двадцатый век вполне изобличил себя идеологическими мифами высокого градуса тотальности. Это идеологическое мифотворчество сформировало язык публичных информационных претензий, вооружило власть в ее взаимоотношениях с обществом устойчивыми структурными сюжетами, маскирующими реальность происходящего от всех его участников. Но это же идеологическое мифотворчество отнюдь не исчерпало позитивные и негативные ресурсы актуальной идеологии, но приготовило почву для актуализации совершенно иных способов воспроизводства социальных смыслов и интересов.

Актуальность мифологии XXI в. реализуется через периферийные культурные сюжеты, раскручиваемые средствами массовой коммуникации. Все значимые фигуры политических, социальных, культурных деятелей стали сравнимы с конфигурациями популяризируемых имиджей, поскольку питаемы одной и той же почвой незатейливой и опасной публичности. Сегодня новость дня – это новость о новости, но данная тавтология не отвечает деконструктивным толкованиям в духе цитирований и переносов. Сегодняшняя актуальность сиюминутна и непритязательна, а потому всевластна (в ограниченности момента ее распро-

странения и циркуляции в информационной коммуникативной среде). Культура рискованна в ситуации рефлексивных оценок. Культура малопонятна посредством «культурных» критериев, культура несамодостаточна в смысле ненаблюдаемости для самой себя. Уникальность культуры актуализируется различными, зачастую несравнимыми способами и путями. В свою очередь, именно культура создает историческую уникальность социальной ситуации. Актуальность невозможна без эксплуатации культурных смыслов.

Случайное и провинциальное имеет подчас роковые шансы в культуре актуальности. Не тон, но оттенок зачастую решают исход борьбы за публичные предпочтения. Ничтожность повода не в силах остановить исторический сдвиг, но может успешно возглавить его. Отсутствие ценностных образцов, сравнимых с лучшими образцами культурной традиции, не создает эффекта ненадежности того или иного начинания, стремящегося к публичной актуальности. Благословение мифом способно поправлять ситуацию производства смыслов на генетическом уровне. Ненаблюдаемость актуальных мифов явлена повсеместно и выражена в несравнимом разнообразии «материала» социальной действительности. И если целостный архаичный миф состоятелен в качестве универсального способа становления культуры и культурных смыслов, включая личность, то актуальность мифологична прежде всего, как способ выживания культуры через случайные, зачастую внешние социальные обстоятельства. Эта разнонаправленная и хаотичная диалектика значимого и случайного отличается от цикличной регулярности карнавальной культуры. М. М. Бахтин последовательно раскрыл диалектику «верха» и «низа» в качестве универсальной формулы актуальной культурной динамики [1], но современная ситуация выпадает за рамки этой когнитивной модели в силу фрагментарности и нерегулярности актуальных проявлений. Такова игра мифа на территории мифотворчества. Миф наиболее полно и надежно овладевает тем, что ему сопротивляется. Бессознательное охватывает рациональность с разных сторон, просачивается в нее «изнутри». Для этого всегда готова архаичная структура порождения смыслов, от которой происходят любые возможные формы рациональности.

Ключевой структурой текущей актуальности оказываются исторические сюжеты. Парады суверенитетов на постсоветском пространстве, иллюзии интеграции в европейскую цивилизованность этно-национальных образований, не реализовавших свои шансы ранее – все это заведомо сиюминутно для всех участников локальных вариантов глобальной трагикомедии. Ложь очевидцев исторических событий, порожденная соблазнами вне-историчности любого исторического наблюдателя по Дмитрию Сергеевичу Лихачеву [2], успешно замещается ложью публичных лиц. Невразумительные этнографические намеки и культурные и социальные стереотипы становятся само собой разумеющимися фигурами умолчания. Все это придает сиюминутности впечатление ожидаемой новизны. Поистине, все невозможное возможно, но в пределах наших коллективных иррациональных стремлений.

Аргументация текущей актуальности стремится также задействовать ключевые конфигурации рациональности, освоенные культурной традицией при переходе от мифа к религии. Прежде всего, это смыслообраз апокалипсиса. При этом важно учитывать фундаментальную разницу культурной предыстории апокалиптических сюжетов. Классический анализ многомерности экстравертирования и интровертирования, проведенный Карлом Густавом Юнгом [5], оставляет эвристическое пространство понимания смысловых вариаций различных культурных традиций. Безусловно, пространство исследования различных мифологем гибели текущей цивилизации способно принести неожиданные результаты на материале любой из актуальных культур. Сюжет конца света, конца истории, конца жизни на Земле, конца вселенной, и конца всего сущего нельзя раскрыть вполне через описание типов актуального социокультурного мифотворчества. Но построение и апробация подобных типов создают методологическое пространство понимания уникальных культурных ситуаций, которые вне такового пространства рискуют остаться незамеченными.

В общем и целом универсально прослеживается различие дидактической, натурфилософской, и поэтической мифологии при переходе от архаичного мифа к религиозным формам сознания и последующим идеологическим конфигурациям. Поэт как политическая фи-

гура, посредник между народом и властью, медиум между Богом и народом выражает безусловную уникальность индивидуализма, трагедию условно-безусловного экстравертирования. Такова конфигурация рациональной цивилизации материальных ценностей, имеющая западное происхождение. Учитель мудрости как истолкователь аутентичных смыслов и сюжетов, фигура уединенности и обособленности в миру выражает драму сокровенно-откровенного интровертирования. Все большие длительности восточных ментальностей взаимосвязаны с подобными социальными технологиями истолкования мифа. Своеобразным обманчиво общим знаменателем актуализации мифологических картины выступает натурфилософская деятельность. Это широкое и неравномерно ясное или отчетливое поле представлений, образов, знаний, порождающее фактологию во всех ее ипостасях – от фундаментальных наук до политики и юриспруденции. Глобализация информационного поля создает предпосылки интенсивных обменов мифологическими практиками, аргументами умножающими приемами понимания-непонимания. Вероятность непредсказуемой популярности появляется у заведомо локальных публичных акторов. Способы прочтения популярных фигур становятся обоюдоострым инструментом международной политики, которая достигает своим широким потоком всех реципиентов сетевых информационных связей.

Доступные мобильные устройства с выходом в интернет стали самым массовым потребительским сегментом среди актуальных гаджетов. Азиатский, африканский, южноамериканский, евразийский рынки вполне еще не освоены. И это не вопрос маркетинга, а вопрос политических приоритетов и контекстов цивилизационного влияния во всех социальных пространствах и локусах. Меняющаяся инструментальная среда коммуникации создает новые пространства актуализации. Новые смыслы не создаются, единственное, что имеет смысл, это тиражирование смыслов. Эти смыслы актуальны в силу узнаваемости, воспринимаемости, последующей тиражируемости и воспроизводимости.

Мозаичность профессиональных ожиданий со стороны рынка труда и со стороны индивидов устойчиво выражает многообразие разделительных линий между поколениями. Флуктуации сфер услуг и посредничества создают новые наборы установок профессиональной карьеры для сегодняшних студентов. Уходящие поколения «второго и третьего возрастов взрослости» (терминология Эрика Эриксона) все еще доминируют в ролевых исполнениях ключевых социальных статусов [4]. Но средой этого доминирования уже необратимо выступает подростково-молодежная культурная (субкультурная) стилистика. Таким образом, доминирующие конфигурации смыслов периферийны по своему происхождению, а механизм их востребованности обманчиво централизован и исполнен канонами традиционной рациональности. Впрочем, именно эти последние сплошь и рядом становятся предметом обыгрывания и манипулирования, что призвано сформировать впечатление прогрессивной новизны.

Социокультурная динамика гетерогенной эпохи не создает больших сложностей для власти, напротив, вооружает ее неопределенно далеко идущими последствиями собственного влияния. В действительности неясной становится ситуация с критериями понимания и оценки рисков растущего взаимного непонимания при интенсивных социально-символических обменах. «Снежный ком» актуальности питается непониманиями и инфляцией смыслов. Если в XX веке мифотворчество освоило технологию манипуляции сознанием, то в XXI веке наиболее востребованным оказалась технология манипуляции поведением. Мишень политиков – социальные взаимодействия, коммуникации в самом широком смысле слова. Формы проявления – от флешмобов до цветных революций. Смысл никому не интересен, не важен и результат, интерес сконцентрирован на процессе. Фрагментация стилистики актуально не нуждается в конфигурациях большого стиля, но контекстуально предполагает его присутствие. Присутствие отсутствия, в очередной раз.

Харизма и все то, что исконно считалось точкой достижения определенного результата властного влияния, будь то легитимность или иная форма отложенного доминирования, превращается в точку отправного путешествия во власть. И эпифеноменально такая возможность открыта любому актуально живущему индивиду. Конфликт стал любимой игрой акту-

альных социальных сил. Критериями функциональности – дисфункциональности конфликтов перестали быть выигрыши и проигрыши сами по себе, ибо сама по себе публичность коллизии уже актуально востребована как точка псевдо-харизмы коммуникативной востребованности сюжета и его коммуникативного влияния.

Так называемая постнеклассическая рациональность принципиально не породила новой методологической схематики. Даже ее терминологический статус недвусмысленно возвращает нас к точке опосредования между классикой и неклассикой (современностью), но будто бы уже и за рамками современности. Действительность в ее реальных и виртуальных проявлениях простерлась далеко за рамками подобных методологических перепевов и иных версий переформатирования одного и того же кода рациональности. То, что актуально востребовано сейчас и в ближайшем и относительно отдаленном будущем – это радикальная реконструкция способов понимания и объяснения культуры, невозможное без включения принципиально нового содержания и способов его репрезентации, в совокупности ломающих напрочь существующую методологическую традицию и создающую принципиально новое пространство мышления, до сих пор занятое мифом. Миф как таковой не остается неподвижным балластом социокультурного процесса, или его инвариантным знаменателем. Миф актуализируется в многообразии форм, и это многообразие несравнимо богаче имеющихся методологических инструментов исследования культуры. Неподлинные современные мифы актуальны в силу своей меньшей наблюдаемости и идентифицируемости по сравнению с классическими формами рациональности и мифомышления.

Стремление к вечной молодости стало уникальной чертой современного актуального в своей неподлинности культурного стиля. Это не гламур, и не анекдот, это большая политика. Обыватель, президент, не говоря уже о так называемых звездах, все они просто с завидной категоричностью признают разнообразными приемами востребованность этого неподлинного мифа. Причина очевидна – простенькая, на первый взгляд мифологема «вечной молодости» подминает под себя саму идею движения, изменения, заменяя живого человека пластмассовой куклой и «пилюлей счастья». Анализируя подобные актуальные мифологические осколки, мы фактически продвигаемся к новой методологии понимания культуры как социального процесса. И движение происходит не по следам социальных стереотипов или механизмов социальной стереотипизации, а по принципу собирания актуально доминирующих смысловых культурных фрагментов, которые не попадают в поле методологического анализа в силу их якобы несущественной репутации.

Студенческая аудитория – кладезь самых свежих и неизбитых версий реализации актуально неподлинных мифологических осколков. Судьба такого уникального советского – постсоветского – постмодернистского – ризоматического проекта как КВН демонстрирует это прекрасно. Невозможно говорить о качестве юмора, когда шутит сама эпоха.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; 1990. 704 с.
2. Лихачев Д. С. Принцип историзма в изучении литературы / Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. С. 103–127.
3. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры / Социс. 1997. № 10. С. 93-104.
4. Эриксон Э. Жизнь перед лицом смерти / Эриксон Э. Трагедия личности. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 101-125.
5. Юнг К. Г. Аналитическая психология и воспитание / Юнг К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. С. 19-59.

УДК 331.548-053.81 (470.5)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В УРАЛЬСКОМ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

Орлов Владимир Анатольевич

директор представительства
Уральский государственный горный университет, Нижний Тагил
E-mail: orlov-nt@mail.ru

FEATURES OF SOCIAL AND VOCATIONAL COUNSELING OF YOUTH IN THE URAL MINING REGION

Vladimir Orlov
Director of Ural State Mining University Nizhny Tagil

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются противоречия формирования профессиональных ориентаций молодежи в условиях развивающейся рыночной экономики. Использованы результаты социологических исследований автора в Уральском регионе, в котором главное место занимает горнодобывающая промышленность. Раскрываются особенности профессионального самоопределения молодежи. Приобретение профессии рассматривается как условие развития личности.

ABSTRACT – The article analyzes the contradictions of formation of professional orientation of young people in a developing market economy. Used the results of sociological research of the author in the Urals region, which is dominated by the mining industry. The peculiarities of professional self-determination of youth. The acquisition of the profession is regarded as a condition of development of personality.

Ключевые слова: молодежь, профессия, профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, трудовые ресурсы.

Keywords: youth, profession, professional orientation, professional self-determination, human resources.

Современный уровень российского производства и перспективы его развития обусловили необходимость эффективного использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов, обновления практически всех видов производств и улучшения качества работы. Среди основных факторов процесса интенсификации особое место принадлежит рациональному использованию трудовых ресурсов. Одной из предпосылок более полного и рационального использования трудового потенциала является совершенствование работы по профессиональной ориентации и профессиональному самоопределению молодого поколения.

Профессиональное самоопределение индивида представляет собой длительный процесс, который осуществляется в течение продолжительного времени и характеризуется возрастными, психологическими и социальными особенностями становления личности. Результатом самоопределения является ориентация на достижение определенного социального статуса в профессиональной структуре общества. Выбор профессии, или профессиональное самоопределение, – длительный процесс. Существуют различные варианты определения понятия «выбор профессии», однако все они содержат мысль, что профессиональное самоопределение представляет собой выбор, осуществляемый в результате анализа внутренних ресурсов субъекта выбора профессии и соотнесения их с требованиями профессии.

Он не ограничивается только ситуацией выбора. Можно предположить, что чем раньше формируется социально-профессиональная ориентация, тем сознательнее выбор профессии и стабильнее дальнейшее профессионально-трудовое поведение. Более длительные сроки формирования отношения к виду и месту приложения своего трудового потенциала свидетельствуют в пользу удачной профадаптации и правильного выбора профессии в целом. Между тем, если предположить, что период формирования социально-профессиональной ориентации совпадает с периодом наиболее интенсивного и плодотворного развития личности, вышеприведенное утверждение нельзя в полной мере абсолютизировать. Вероятно, сверхранняя профориентация также вредна для гармонично развитого индивида, как и случайный выбор профессии или отсутствие профориентации. Следует заметить,

что задача выбора профессии и поиска места работы осложняется несоответствием между качественными характеристиками образования современной российской молодежи и характером и содержанием труда. Академические знания в обыденной жизни часто не находят практического применения. Поэтому очень немногие молодые люди связывают возможность служебной карьеры с уровнем образования и степенью квалификации.

В профессиональном становлении личности выделяют следующие стадии: оптации, профессионального образования и подготовки, профессиональной адаптации, первичной и вторичной профессионализации и повышение мастерства. Переход от одной стадии к другой сопровождается нормативными кризисами. Рассмотрим психологические особенности кризисов профессионального становления на стадии выбора профессии. Профессиональное становление личности начинается со стадии оптации - формирования профессиональных намерений [1; С. 35-48]. С ранней юностью связано появление профессионального самоопределения. К 14 годам у девушек и юношей уже сформированы разносторонние знания о профессиях, складывается избирательное отношение к одной или нескольким из них. На стадии оптации происходит переоценка учебной деятельности: в зависимости от профессиональных намерений изменяется мотивация. Учеба в старших классах приобретает профессионально ориентированный характер. Есть все основания считать, что на стадии оптации происходит смена ведущей деятельности: учебно-познавательная деятельность сменяется учебно-профилированной. Кардинально изменяется социальная ситуация развития. При этом неизбежно столкновение желаемого будущего и реального настоящего, которое приобретает характер кризиса учебно-профессиональной ориентации.

Старшеклассники, продолжившие учебу в 10-11-м классах, отчетливо переживают этот кризис в 16-17 лет, перед завершением школьного образования. Ядром кризиса является необходимость выбора способа получения профессионального образования или профессиональной подготовки. Следует подчеркнуть, что в этом возрасте, как правило, выбирается вариант продолжения учебы, ориентированной на определенное профессиональное поле, а не на конкретную профессию.

На стадии профессионального образования многие учащиеся и студенты переживают разочарование в получаемой профессии. Возникает недовольство отдельными предметами, появляются сомнения в правильности профессионального выбора, падает интерес к учебе. Наблюдается кризис профессионального выбора. Как правило, он отчетливо проявляется в первый и последний годы профессионального обучения. За редким исключением этот кризис преодолевается сменой учебной мотивации на социально-профессиональную. Усиливающаяся из года в год профессиональная направленность учебных дисциплин снижает неудовлетворенность будущей профессией. Уже при выборе профессии молодой человек имел определенное представление о будущей работе. В профессиональном учебном заведении оно значительно обогатилось. Наступает время реального выполнения профессиональных функций. Первые недели, месяцы работы вызывают большие трудности. Но не они становятся факторами кризисных явлений. Основная причина – психологическая, являющаяся следствием несовпадения реальной профессиональной жизни со сформировавшимися представлениями и ожиданиями. Несоответствие профессиональных идей ожиданиям молодого специалиста вызывает кризис профессиональной деятельности.

Выбор профессии – это во многом выбор между стратегией адаптации человека через подчинение среде, с одной стороны, и стратегией высвобождения внутренних ресурсов развития личности, включающих способность решать ценностно-нравственные проблемы и при необходимости противостоят среде, – с другой. Поэтому профессиональное развитие на разных этапах жизнедеятельности человека является то результатом, то средством развития личности. Чем раньше начнется направленное личностное и профессиональное развитие, тем в большей степени можно прогнозировать психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью и личностный рост каждого человека.

В ходе многочисленных социологических исследований выяснилось, что оценки престижности тех или иных профессий у молодых людей значительно расходятся. На эти оценки

влияют географическое положение города (района), наличие в этой местности конкретных учебных заведений и предприятий, а также объем информации, доведенной до молодежи. Падение «престижности» и «доходности» в общественном мнении молодежи ряда специальностей не означает падения престижности и доходности квалифицированного труда вообще, а означает лишь смену приоритетов в рамках специальностей квалифицированного и высококвалифицированного труда.

Обобщая, можно сказать, что молодежь считает наиболее престижными те профессии, которые обладают особой значимостью в условиях перехода к рыночной экономике. Как в 1960-1970 гг. наиболее престижными были профессии (от инженера, физика-ядерщика до космонавта), отражавшие приоритеты поддержания статуса СССР как великой державы, так и сейчас молодежь в своих приоритетах вполне адекватно отражает запросы российского общества, которые сегодня существенно изменились. Не случайно на первом месте среди всех вариантов ответа на вопрос о том, что помогает получить хорошую работу, молодежь поставила «наличие высокой квалификации, знаний», что никак не может свидетельствовать о падении престижности знаний и квалификации.

Наряду с требованием хорошей оплаты труда, характерным и для старшего, и для молодого поколений, главным оказывается содержание работы, интерес к ней. Следует заметить, что в отношении ряда основных требований к работе позиции представителей поколений «отцов» и «детей» очень схожи, и можно говорить скорее о ярко выраженной преемственности трудовых ценностей, чем о меркантильности современной молодежи.

Выгодно отличающие молодежь уровень квалификации, характер трудовых мотиваций, а также готовность учитывать требования рынка труда (согласие на переквалификацию, ориентация на работу в негосударственном секторе экономики, предъявляющем основной спрос на высокооплачиваемую рабочую силу, престижность наиболее «рыночных» профессий и т.п.) дополняются заметно большей распространенностью тех знаний, навыков и умений, которые высоко ценятся на современном рынке труда. Речь идет в первую очередь о навыках работы на компьютере, общения на иностранных языках. Под воздействием технологических перемен качественно меняется содержание труда многих профессий. Некоторые традиционные профессии, особенно в сфере физического труда, под влиянием конвейеризации и стандартизации дифференцируются на узкоспециализированные трудовые функции. Изменения в содержании труда ставят особые, подчас противоречивые требования к системе профессиональной подготовки, к системе образования вообще. Эти требования вызваны, прежде всего, процессом профессионализации труда, т. е. выделением профессиональных функций, ростом требований к уровню квалификации, базирующейся на всесторонней и длительной общеобразовательной подготовке. Зачастую профессиональные предпочтения и намерения молодых людей не соответствуют в желаемой мере потребностям общества в кадрах определенной специализации и квалификации. Оптимизация профессионального самоопределения важна как для общества, так и для личности. Данные многочисленных социологических исследований свидетельствуют, что соответствие реального выбора профессии склонностям и предпочтениям молодежи оказывает весьма значительное влияние на профессиональную и производственную адаптацию, снижение текучести кадров, удовлетворенность профессией и работой, производительность труда, а тем самым на рациональное использование трудового потенциала общества и эффективность производства, на активность работников в управлении производством, на формирование творческого отношения к труду, на реализацию способностей и устремлений человека и самореализацию его как личности. Однако и внутренне непротиворечивые ценностные ориентации могут стать негативным фактором профессионального самоопределения, если в сознании человека доминируют внепрофессиональные ценности, а труд, его содержание и результаты остаются вне сферы индивидуально значимых ориентаций. Так, нередко фиксируемое социологами отсутствие интереса у школьников к материальному вознаграждению за труд свидетельствует, скорее, не о бескорыстии, а о несерьезном отношении к будущей самостоятельной трудовой деятельности в условиях, когда материальные потребности полностью или в значительной степени удовлетворяются родителями.

Не реализованная социально-профессиональная ориентация ставит перед личностью целый спектр проблем, связанных с необходимостью коррекции планов относительно жизненного самоутверждения, занятия определенной позиции в социальной структуре, способов реализации своих способностей и т. д. Если несовпадение сформировавшихся к началу трудовой жизни социально-профессиональных ориентаций и возможностей их реализации становится статистически значимым явлением, то, казалось бы, чисто личностные проблемы перестают быть фактами индивидуальных биографий и перерастают в проблемы социальные. Исследования показывают, что профессия, полученная вопреки субъективным намерениям, сложившейся ориентации личности, может стать источником конфликтных ситуаций.

В последнее время проблема дефицита кадров на предприятиях Уральского региона стала предметом углубленного анализа со стороны специалистов в области организации и управления производством. Несмотря на различия в деталях оценок, специалисты едины в главном: дефицит кадров – следствие плохой организации труда, упущений в его планировании, мотивации и стимулировании. Именно поэтому необходим принципиально иной подход к рассмотрению и решению проблемы профессионального самоопределения молодежи, отказ от своеобразной «парадигмы» кадрового дефицита, как исходного принципа разработки стратегии трудового воспитания и профессиональной ориентации молодежи.

В современном российском обществе наблюдается ярко выраженное противоречие между наличием вакантных мест на рабочие профессии и нежеланием молодых людей выбирать малопрестижные профессии, к которым относятся, в частности, и горные, которые востребованы горнопромышленной ориентацией экономики Уральского региона. В настоящее время часто говорится о возможности выхода России к устойчивому развитию путем решения преимущественно экономических вопросов. Считается, что верный выбор целей региональной экономической политики будет способствовать решению проблем регионов, что, в свою очередь, поможет стабилизировать и укрепить общероссийскую ситуацию. В «монопрофильных» и к тому же «депрессивных» территориях, к каковым в основном является и Уральский регион, необходимость поиска дополнительных парадигм изучения современной ситуации на рынке труда особенно актуальна. Необходимо совершенно новая политика в области подготовки рабочих кадров. Горнодобывающая отрасль по-прежнему являются базовой в структуре региональной экономики, и она останется таковой в долгосрочной перспективе. И главное: шахтерский труд по-прежнему остается символом Урала и основанием региональной идентичности, той культурно-символической матрицей, с которой нормативно соотносит себя каждый живущий на Урале.

Такое радикальное расхождение между «реальным» и «идеальным» провоцирует когнитивный диссонанс и вводит уральских шахтеров в состояние депривации, не способствующей безопасности труда. Более того, в контексте регионообразующей функции шахтерской идентичности неблагополучие в данной профессиональной среде может сопровождаться деформациями в самоощущении всех жителей региона. Поэтому проблема безопасности в горнодобывающей отрасли, рассматриваемая изолированно от социокультурного измерения профессии и решаемая на уровне отдельно взятой шахты, может иметь серьезные негативные последствия. Аналогичные трансформации с теми же потенциальными последствиями, актуальными для Нижнего Тагила, происходят сегодня с металлургами. Разумной ответной мерой в этой связи будет сокращение семантического разрыва между статусом профессии и статусом шахтеров. Для этого нужно создать новую идеологию профессии, которая будет способствовать формированию позитивной профессиональной идентичности у шахтеров.

Известно, что «социальная позиция может существовать и воспроизводиться только если ее рассматривают как достойную того, чтобы быть занятой хотя бы теми, кто ее занимает. Чувство профессиональной гордости, которое встречается в особенности в наиболее тяжелых и опасных занятиях (шахтеров, металлургов, крестьян и т. д.) является не чем иным как делом чести» [2; с. 317]. Символическая связь с шахтерской профессии с хтоническими силами (имеющаяся и в любой другой опасной профессии) формирует амбивалентную профессиональную идентичность, в которой соединены героизм и жертвенность. Эти две черты

абсолютно неотчуждаемы от культурного образа шахтера, сложившегося в последние 100–150 лет. Но сегодня, в ситуации девальвации героизма как компонента шахтерской идентичности, актуализирован второй ее компонент – жертвенность. Гибель шахтеров стала как бы символической платой за проникновение в недра земли. Образ шахтера виктимизировался, и именно это компенсирует пошатнувшуюся общественную ценность шахтерского труда. Теоретический анализ сущности социально-профессиональной ориентации молодежи, проведенный нами, позволяет исследовать те ориентации и установки, которые имеются у учащейся и работающей молодежи по поводу решения данной задачи. Нами было проведено сравнительное исследование мнений учащейся молодежи (учащиеся 11-х классов средних школ Нижнего Тагила, учащиеся 11-х классов средней горной школы). Это позволило изучить, с одной стороны, представления учащейся молодежи о своих жизненных целях («притязаниях»), а также о сроках и средствах их реализации. С другой стороны – выявить специфику формирования социально-профессиональной ориентации учащийся молодежи на горные профессии.

В проведенном нами исследовании мнений старшеклассников общеобразовательных школ Нижнего Тагила, выяснилось, что выпускники достаточно сложно ориентируются в специальностях горной промышленности, а некоторые им вообще незнакомы. В среднем на одного учащегося пришлось всего 19 наименований, а индивидуальные беседы со школьниками показали, что те одиннадцатиклассники, которые уже определились с выбором будущей профессии, неточно представляют себе ее содержание. Особого внимания заслуживают вопросы, касающиеся горных профессий. Так, 54% учащихся не знают о такой профессии как «горняк». Те 46%, которые слышали об этой профессии, затруднились пояснить, в чем заключается содержание его профессиональной деятельности. Обвинения в адрес неэффективно работающей практической системы профессиональной информации и пропаганды здесь справедливы лишь отчасти, поскольку информацию обо всех профессиях не под силу упорядочить школьнику.

Исследование показало: только 48% учащихся 11-го класса, отвечая на вопрос о выборе будущей профессии, могут сказать, что они сделали выбор и считают его окончательным. Учитывая, что опрос проводился всего за два-три месяца до окончания учебного года, можно с уверенностью говорить о неготовности более половины выпускников средней школы к самостоятельному решению проблемы выбора будущей профессиональной подготовки или трудоустройства. Выпускники планируют поступать в вузы (87% опрошенных), и только 1,5% респондентов предполагают непосредственно после окончания школы устраиваться на работу (остальные планируют поступить в колледжи). Реальная же ситуация такова, что поступить в вузы на бюджетные места сможет только часть абитуриентов, а остальные будут вынуждены изыскивать финансовые средства для оплаты обучения или окажутся перед выбором работы. Данная ситуация может привести к состоянию стресса, вызванного нереализованностью жизненных планов, будучи неподготовленными к ситуации повторного выбора профессии, когда и первичный выбор, на который были отпущены годы, у некоторой части выпускников не был достаточно продуманным.

Приведенные данные сами по себе наглядно характеризуют противоречие между рынком труда и профессиональной ориентацией школьников, недостаточную согласованность непосредственной профессиональной перспективы и ее оценки старшеклассниками в период, предшествующий окончанию выпускных классов. Если учащиеся недостаточно конкретны в ближайших профессиональных планах, то они гораздо более определенно представляют себе отдаленную жизненную перспективу в трудовой и других сферах деятельности. Так, точно назвать уровень образования, который они считают достаточным для себя в будущем, смогли 98 % одиннадцатиклассников; будущую должность определили 96,4%; 95% учащихся 11-го класса смогли определить устраивающий их размер зарплаты, причем не только своей, но и будущего супруга; 96% респондентов указали количество детей в своей будущей семье. Кроме этого, 90% старшеклассников указывали точный возраст или неболь-

шой возрастной диапазон, в котором они предполагают получить соответствующее образование, должность, зарплату, создать семью и т. д.

Разумеется, есть основания предполагать, что подобные долговременные планы – всего лишь спонтанные и очень абстрактные реакции, спровоцированные ситуацией опроса, когда в течение небольшого времени нужно дать ответ на прямо поставленный в анкете вопрос. Казалось бы, проще всего в этой ситуации для школьника, не слишком задумываясь, подчеркнуть любой из понравившихся вариантов ответа, заранее подготовленных исследователями. Да, и можно ли ожидать серьезных, продуманных ответов об отдаленных жизненных событиях, когда окончательно не решены насущные проблемы выбора профессии. Оказывается, можно, если исходить из такого критерия, как внутренняя согласованность некоторых отдаленных жизненных планов. Школьники достаточно ясно осознают, что уровень зарплаты связан с занимаемой работником должностью и в своих долговременных планах это в определенной степени учитывают. Тенденция роста ожидаемой зарплаты с повышением притязаний на должность очевидна. Привлекает внимание тот факт, что размеры ожидаемой в будущем зарплаты весьма реалистичны, приближены к средним значениям заработной платы в реальной жизни. По отношению к двум наиболее высоким должностным градациям они даже несколько занижены, что, по-видимому, объясняется недостаточной информацией, получаемой школьниками о соответствующих должностных окладах.

Следует также отметить, что школьники учитывают в своих планах и то, что подобных должностей значительно меньше, чем тех, которые принадлежат к первым трем градациям. Всего 12% одиннадцатиклассников связывают с ними свое будущее. Учитывая определенную долю юношеского романтизма, этот показатель можно признать реалистичным.

Таким образом, есть основания утверждать, что у старшеклассников имеются долговременные жизненные перспективы старшеклассников. Вместе с тем согласованность проявляется далеко не во всех аспектах. И если на полученные данные посмотреть в несколько ином ракурсе, обнаруживаются весьма существенные противоречия, связанные с формированием единства профессиональной и жизненной перспективы школьников. Как, скажем, оценить тот факт, что только 11% 11-классников не предполагают в будущем занимать руководящие должности различного уровня? Можно, конечно, видеть в этом юношеский максимализм, который отвергает любые «малые» задачи. Однако с максимализмом не совсем увязываются преобладающие притязания на должность руководителя небольшого коллектива, которую избрали для себя 44% респондентов. Отсюда следует, что около половины всех респондентов не претендуют на высокие должности, но и не хотят оставаться рядовыми исполнителями. Возникает парадоксальная ситуация: каждый в отдельности проявляет умеренные притязания, а все вместе составляют группу с неадекватной ориентацией.

Особенно наглядно противоречия в формировании отдаленной профессиональной и жизненной перспективы проявляются при анализе данных, характеризующих материальные притязания старшеклассников. Предполагают в будущем иметь автомобиль 98 % одиннадцатиклассников, коттедж или квартиру 97 %. С поправкой на «семейные традиции» уровень материальных запросов учащихся настолько высок, что необходимы большие усилия, длительное время и определенные жертвы для их реализации. Но именно здесь и проявляется рассогласование профессиональной и жизненной перспективы. Картина взаимосвязи элементов отдаленной жизненной перспективы с успеваемостью также неоднозначна. Притязания в сфере образования связаны с успехами в учебе достаточно тесно. Это естественно: те, кто лучше учатся, больше ориентированы на высокий уровень образования. В меньшей степени, но также статистически весьма значимо, связаны результаты учебной деятельности с ориентацией на творческое содержание труда, должность и степень социального признания.

Привлекательность профессии в социологической литературе рассматривается как выбор профессии в прожективной ситуации. И если более половины старшеклассников не сделали окончательного выбора, то об их профессиональных предпочтениях можно судить по ответам на вопрос о наиболее привлекательной профессии. Насколько дифференцированы ожидания молодежи в сфере трудовой деятельности в зависимости от привлекатель-

ности различных профессий? Сравним группы респондентов, которых привлекают профессии физического или умственного труда высокой квалификации. Отвечая на вопросы о готовности в будущем для реализации своих жизненных планов выполнять работу, требующую повышенной трудовой самоотдачи, одиннадцатиклассники, ориентированные на физический труд, проявили большую готовность работать дополнительно для приработка, чем респонденты второй группы (соответственно 43% и 35%, ответивших утвердительно). Противоположные данные получены при ответе на вопрос о готовности выполнять работу, связанную с частой переменой места жительства: согласны 37% ориентированных на высококвалифицированный умственный труд и лишь 2% одиннадцатиклассников, предпочитающих физический труд. Следовательно, определенная дифференциация в структуре профессиональной перспективы у различных по ориентациям групп старшеклассников существует. Однако она не проявляется именно там, где, казалось бы, должна быть в первую очередь. Выявлены различия между рассмотренными группами по готовности выполнять физически тяжелую и монотонную, однообразную работу. Следовательно, профессии физического труда привлекают молодежь именно потому, что она идеализированно представляет себе реальные условия, характерные для очень многих из этих профессий. Поэтому и согласны выполнять физически тяжелую работу 12 % ориентированных на рабочие профессии и 23 % будущих высококвалифицированных работников умственного труда; выполнять монотонную, однообразную работу согласны по 5 % в каждой группе респондентов.

Таким образом, анализ взаимосвязи актуальной жизненной ситуации, непосредственной профессиональной и отдаленной жизненной перспективы позволяет сделать вывод, что по многим показателям обнаруживается рассогласованность, противоречивость данной системы. Для формирования единства профессиональной и жизненной перспективы необходимы исследования факторов, на основе которых возможна целенаправленная регуляция сознания и поведения молодежи в сфере профессиональной деятельности. Выше были рассмотрены факторы внешней социальной среды (школа, семья, средства массовой информации). Но их воздействие как в фокусе преломляется в ценностных ориентациях личности, которые и становятся субъективным фактором, определяющим долговременную перспективу развития личности в различных сферах жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Зеер Э. Ф. Кризисы профессионального становления личности [Текст] / Н.А. Зеер, О.Н. Сыманюк // Психологический журнал. – Т. 18. – 1997. - № 6.
2. Шампань, П. Делать мнение: новая политическая игра [Текст] / Патрик Шампань; пер. с франц. Н.Г. Осиповой. – М.: Socio-Logos, 1997.
3. Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образовании: материалы международной конференции. В 3-х т. / под общей ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург. УГТУ-УПИ, 2010.

УДК 37.014.6-057.4:331.105.22

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ: МНЕНИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Осипчукова Елена Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент,зам. директора
Центра по развитию партнерства с работодателями,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: e.v.osipchukova@urfu.ru

ISSUES OF IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF GRADUATES: THE OPINION OF EMPLOYERS

Osipchukova Elena
PhD, *Deputy Director of Centre for Development partnerships with employers'*
Ural Federal University, Ekaterinburg
E-mail: e.v.osipchukova@urfu.ru

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются итоги исследования среди работодателей, являющихся партнерами УрФУ в вопросах трудоустройства выпускников. Основная цель исследования – определить целевое содержание процесса воспитания современной студенческой молодежи, рассматриваемое с позиции влияния на конкурентоспособность выпускников. Исследование позволило определить перечень личностных качеств и общекультурных компетенций, которые, по мнению респондентов – работодателей, являются наиболее значимыми на современном рынке труда.

ABSTRACT – The article discusses the results of research among employers that are partners UrFU in employment of graduates. The main objective of the study - to determine the content of the target process of education today's college students, seen from the perspective of the impact on the competitiveness of graduates. Research has identified a list of personal qualities and general cultural competence, which, according to respondents - employers are the most significant in today's labor market.

Ключевые слова: работодатели; выпускники; личностные качества; конкурентоспособность; воспитание.

Keywords: employers; graduates; personal qualities; competitiveness; education.

Рассматривать вопросы повышения качества высшего профессионального образования и формирования конкурентоспособного специалистов на современном рынке труда невозможно без учета мнения, в том числе ожиданий, работодателей, проявляющими активную субъектную позицию в процессе образования. Конкурентоспособность, как способность выиграть на рынке труда, проявить высокие профессиональные качества, необходимые для конкретной профессиональной деятельности, рассматривается нами с позиции формирования необходимых личностных качеств и приобретенного опыта в учебной, научной и общественной деятельности в процессе получение высшего профессионального образования. На основании исследования[1] автор делает выводы о возможностях среды университета, в частности воспитательной деятельности, для формирования конкурентоспособного специалиста.

Для анализа ожиданий работодателей автором при содействии Центра взаимодействия с работодателями УрФУ, был проведен опроспредставителей компаний, являющихся партнерами УрФУ в вопросах трудоустройства выпускников. В анкетировании приняли участие 30 организаций Работодателям был представлен набор из 12 личностных качеств, которые они распределили по критерию «важность для проявления на рабочем месте в профессиональной деятельности». Ответы работодателей показали достаточно разное мнение по поводу важности некоторых личностных качеств.

[1] Исследование проводилось в декабре 2014 г., респондентами являлись представили служб по работе с персоналом ООО «Завод АСД-электрик», Федеральная розничная сеть магазинов постоянных распродаж «Галамарт», НПО «Вектор», ВУХИН, КЗОЦМ, КУМЗ, МЗ имени А.К. Серова, МЗиК, НПО автоматики, НППП «Старт», НСММЗ, Росжелдорпроект, «Святогор», СМЗ, УВЗ, УССИ ФСО РФ по УрФО, УЭМЗ, группа компании «Независимость», ООО «Неразрушающий контроль», торгово-промышленная группа «Риваль», Ростелеком, ОАО «УРАЛМЕТАЛЛУРГМОНТАЖ 2», ОАО ПО УОМЗ, ОАО «Уральский научно-исследовательский технологический институт», ОАО «Уральский завод гражданской авиации», ЗАО «Хилти Дистрибьюшн Лтд.», корпорация «Элар», «Явиар», ИРЗ, КЗТС.

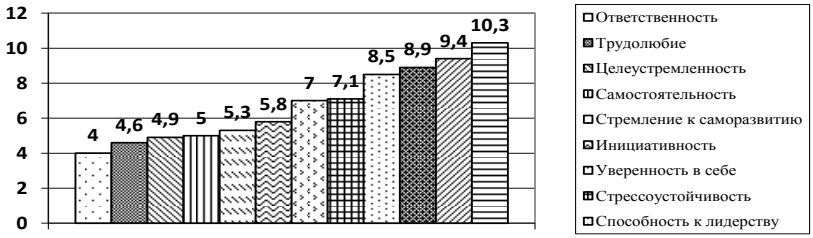

Рис. 1. Рейтинг личностных качеств: (1 – наиболее высокая важность, 12 – наименее важное личностное качество).

Все личностные качества получили рейтинговые оценки от 1 (2) до 12, что свидетельствует о крайне разных позициях работодателей в вопросе важности личностных качеств. Можно выделить качества, высоко востребованные работодателями и практически не востребованные. Определим границы рейтинговых позиций: 1- 4 места – высокий рейтинг, 5-8 места – средний рейтинг, 9 – 12 места – низкий рейтинг. Распределив ответы работодателей по данным трем группам, мы получим следующие наборы личностных качеств:

– низкий рейтинг: личностные качества «креативность», «способность к риску», «способность к лидерству», «толерантность»;

– средний рейтинг: личностные качества «целеустремленность», «трудолюбие», «самостоятельность», «стремление к саморазвитию», «инициативность», «уверенность в себе», «стрессоустойчивость»;

– высокий рейтинг: личностное качество «ответственность».

По мнению 11 работодателей (36%) «ответственность» наиболее важное личностное качество (данные работодатели присвоили рейтинг 1). А, по мнению 18 работодателей (60 %), такое личностное качество, как «способность к риску» является наименее важным (данные работодатели присвоили рейтинг 12). 30% работодателей присвоили высокий рейтинг 3 такому личностному качеству как «самостоятельность».

Таким образом, можно сказать, что особое значение для работодателей имеют такие личностные качества: ответственность; целеустремленность; трудолюбие; самостоятельность; стремление к саморазвитию; инициативность; уверенность в себе; стрессоустойчивость.

Исследование в целом было посвящено изучению мнения субъектов образовательного процесса (студенты, преподаватели, работодатели) о вопросах организации воспитательной деятельности и влиянии ее на качество подготовки специалиста. Проанализировав мнение работодателей, мы определили личностные качества, уровень формирования которых влияет на конкурентоспособность и трудоустройство будущих выпускников. Данные личностные качества, как целевые ориентиры будут в дальнейшем использованы при разработке программы реализации концепции воспитательной деятельности в УрФУ.

Заслуживает внимание вопрос о формировании личностных качеств, менее востребованных работодателями: «креативность», «способность к риску», «способность к лидерству», «толерантность». Нельзя говорить о неважности данных личностных качеств, стоит говорить о специфике контингента респондентов, имеющих узки профильные направления деятельности. На наш взгляд, следует расширить контингент предприятий – участников исследования, включив компании и организации разного профиля, так как УрФУ в настоящее время представляет собой образовательную организацию, осуществляющую подготовку по более, чем 100 направлениям подготовки. Значительное большинство

работодателей (87%) высказали мнение о необходимости организации в УрФУ воспитательной деятельности, в то же время 10% работодателей считают, что в этом нет необходимости. Мнение работодателей совпадает в целом с мнением и студентов, и преподавателей (исследование среди которых проводилось в те же сроки, что и среди работодателей), которые также считают, что воспитательная деятельность должна быть организована в университете. Таким образом, в лице большинства работодателей мы имеет активного, заинтересованного партнера в вопросе построения и качественной реализации воспитательного процесса.

Исследование позволило определить, какие результаты образования, наиболее высоко оцениваются работодателями при трудоустройстве выпускников. Работодателям был представлен комплекс результатов и видов деятельности, в которых принимал участие студент во время обучения:

– результаты учебы (средний балл по диплому);
– получение именных стипендий за высокие результаты в учебе и в научной работе;
– опыт занятий в творческих коллективах, спортивных секциях, клубах по интересам;
– победы в конкурсных мероприятиях;
– участие в деятельности студенческих отрядов;
– участие в деятельности профбюро, профкома;
– участие в волонтерской, благотворительной деятельности;
– опыт руководства малыми коллективами, проектами, опыт организационной деятельности;
– опыт молодежного предпринимательства.

Наибольшее внимание работодатели обращают на результаты учебы (средний бал по диплому), наименьшее – на участие студентов в волонтерской, благотворительной деятельности. В целом рейтинг важности результатов образования представлен на рисунке 2.

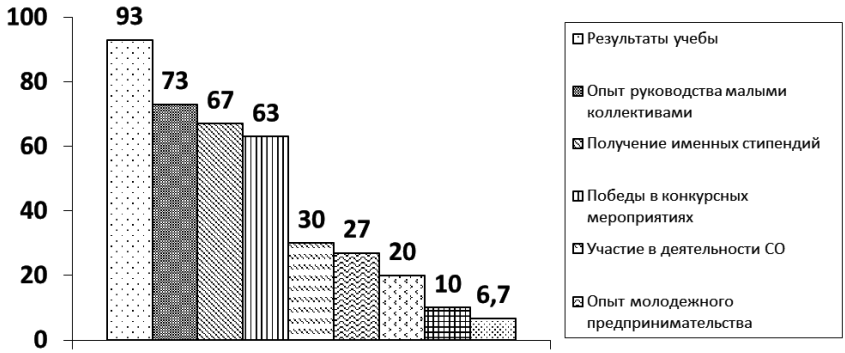

Рис. 2. Рейтинг результатов и видов деятельности, которые получил и осуществлял студент во время получения высшего профессионального образования (% от количества ответивших)

Как видно из результатов опроса, работодатели также обращают внимание на опыт руководства студентами малыми коллективами, умение работать в команде, на получение студентами именных стипендий различного уровня, а также на победы студентов в различных конкурсных мероприятиях. Для почти 30% работодателей важно участие студентов в работе студенческих отрядов или опыт предпринимательской деятельности. А вот на участие студентов в профсоюзной деятельности обращают внимание 10% работодателей. В тоже время некоторые работодатели высказывали мнение о необходимости

развития студенческого самоуправления, что говорит о неосведомленности работодателей о работе современной студенческой профсоюзной организации УрФУ, как раз представляющей собой орган студенческого самоуправления, предоставляющий студентам возможность и защиты своих прав (как профсоюз), и возможности саморазвития (как орган студенческого самоуправления).

Вопрос роли волонтёрской, благотворительной деятельности в подготовке конкурентоспособного специалиста, следует изучить отдельно, так как данное движение активно развивается в УрФУ, имеет административную поддержку и высокий интерес в студенческой среде, но, как видно из исследования, не встречает понимания со стороны работодателей. В процессе участия студентов в волонтёрской и благотворительной деятельности формируются такие личностные качества, как ответственность (ответственность за взятые на себя добровольные обязательства), целеустремленность (достижение поставленного результата, которого ожидает адресат волонтерской, благотворительной деятельности), трудолюбие (усердие, проявленное в работе волонтером), самостоятельность (самостоятельное принятие решений в процессе выполнения обязанностей), стремление к саморазвитию (стремление к реализации себя в новом качестве, в новом виде деятельности), инициативность (проявление инициативы в организации волонтёрских и благотворительных проектах), уверенность в себе (развитие уверенности в себе в процессе общения с новыми людьми, в процессе реализации проектов), стрессоустойчивость (формирование стрессоустойчивости в процессе решения различных возникающих непредвиденных ситуациях). Таким образом, можно отметить, что участие в волонтёрских проектах активно и положительно влияет на формирование личностных качеств, которые работодатели отметили как важные для дальнейшего успешного трудоустройства.

Результат высшего профессионального образования в соответствии с современным законодательством, представляют собой сформированные профессиональные и общекультурные компетенции. Автор исследования придерживается мысли, что наибольшее влияние воспитательная деятельность оказывает на формирование общекультурных компетенций. Поэтому работодателям было предложено высказать мнение о том, какое влияние на конкурентоспособность окажет формирование общекультурных компетенций, перечень которых разработан по итогам анализа 85 ФГОС, реализуемых в УрФУ.

Перечень общекультурных компетенций, предоженный для анализа в исследовании, включает в себя компетенции, которые повторяются в полном объеме в 90% 85 ФГОС, реализуемых в УрФУ. Работодатели присвоили каждой компетенции балл (от одного до четырех, где один – сформированность компетенции имеет низкое значение для конкурентоспособности, четыре балла – сформированность компетенции имеет высокое значение для конкурентоспособности). Результаты опроса представлены в таблице 1.

Важность формирования общекультурных компетенций в процессе получение высшего профессионального образования с точки зрения конкурентоспособности будущего выпускника (% от ответивших: 1 балл – способствует конкурентоспособности на низком уровне, 2 балла – способствует конкурентоспособности на среднем уровне, 3 балла – способствует конкурентоспособности на высоком уровне, 4 балла – способствует конкурентоспособности на очень высоком уровне)

Таблица 1.

Оценка работодателями роли общекультурных компетенций в формировании конкурентоспособности выпускников

Общекультурная компетенция	**Балл**			
	1	**2**	**3**	**4**
Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции	30	47	17	3,3
Способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции	23	37	27	10
Способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности	0	20	30	47
Способность использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности	0	13	53	30
Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия	0	10	33	53
Способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия	3,3	17	33	43
Способность к самоорганизации и самообразованию	0	0	6,7	90
Способность использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности; способность использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций деятельности	30	27	37	3,3
Способностью использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций	27	30	17	13

Значительное количество респондентов (90%) считают, что наибольшее влияние на конкурентоспособность окажет формирование компетенции «Способность к самоорганизации и самообразованию», что вторит ответам респондентов при исследовании важности личностных качеств для успешной профессиональной деятельности. Наименьшее влияние, по мнению работодателей, на конкурентоспособность окажет уровень сформированной таких компетенций как «Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции» и «Способность использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности; пособность использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций деятельности».

Формирование последней из перечисленных компетенций осуществляется на протяжении четырех лет получения уровня «бакалавр», но, по мнению работодателей, не значительно влияет на конкурентоспособности. Мы видим здесь явное противоречие: высокопрофессиональный специалист не может, имея плохое состояние здоровья и не сформированную культуру здорового образа жизни, быть конкурентоспособным на современном рынке труда. В то же время только 3,3 % респондентов посчитали, что данная компетенция должна быть сформирована на высоком уровне. Такую же низкую оценку важности для конкурентоспособности получила и компетенция «Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции», что показывает низкую заинтересованность работодателей в формировании личности, обладающей определенными ценностными ориентациями, мировоззренческими позициями, позволяющими быть социально активным, ответственным гражданином.

53% респондентов отметили важность формирования такой компетенции как «Способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном

языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия», что, конечно, продиктовано тенденциями развития международного сотрудничества России и необходимостью установления межличностных контактов на новом уровне. Ряд важных компетенций в этой же сфере продолжат такие компетенции, как «Способность использовать основы экономических знаний в различных сферах жизнедеятельности» и «Способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия», высокую важность формирования которых отметили 45 % респондентов (по каждой из указанных компетенций). 30 % респондентов отметили, что для конкурентоспособности наибольшее значение имеет способность использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности.

Опрос позволил сформировать «портрет выпускника, востребованного работодателем»: это выпускник, успешно окончивший УрФУ, имеющий высокий средний балл по диплому, который за время получения образования являлся стипендиатом одной из именных стипендий, побеждал в различных конкурсных мероприятиях, имеет опыт организаторской работы, руководства малыми коллективами, проектами, ответственный, целеустремленный, уверенный в себе, трудолюбивый, стрессоустойчивый, проявляющий в работе самостоятельность и инициативность, стремящийся к саморазвитию.

В проекте концепции воспитательной деятельности, разрабатываемой авторским коллективом при участии автора статьи, сформулирована цель, включающая в себя целевое содержание, определенное работодателями: воспитание гражданина и патриота, конкурентоспособного на современном рынке труда, имеющего потребность в постоянном профессиональном развитии и разделяющего миссию, принципы и ценности Уральского федерального университета.

В заключение отметим, что работодатели являются одним из субъектов образовательного процесса и оказывают значительное влияние на его содержание, результаты, позволяя университету ориентироваться на современные тенденции развития социально-экономической сферы, изменение требований работодателей.

УДК 346.29

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ: ОПЫТ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Осьмук Людмила Алексеевна
доктор социологических наук, зав. кафедрой, профессор
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск
E-mail: osmuk@mail.ru
Жданова Инна Валерьевна
кандидат философских наук, доцент
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск
E-mail: zhvkir@yandex.ru

FEATURES OF MODELLING AND IMPLEMENTATION OF MODERN REGIONAL PROGRAMS OF CHILD ABUSE: EXPERIENCE OF THE NOVOSIBIRSK REGION

Lyudmila Osmuk
Dr. sociology sciences, Head of Department, professor,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk
Inna Zhdanova
Candidate of Science, assistant professor,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ – Цель статьи – в выявлении особенностей нового подхода к программам профилактики жестокого обращения с детьми. При использовании методов проектирования и моделирования эти программы становятся системными и эффективными, включенными в семейную политику и в систему защиты детей; они нацелены на консолидированное решение проблемы с привлечением не только специализированных структур, но и всего сообщества. Результатом выступает многоступенчатая программа профилактики, акцентирующая внимание на работе с благополучной семьей и связанная со стратегией сопровождения случая.

ABSTRACT – Article purpose – in detection of features of new approach to programs of prevention of child abuse. When using methods of design and modeling these programs become system and effective, included in family policy and in system of protection of children; they are aimed at the consolidated solution with attraction not only specialized structures, but also all community. As result the multistage program of prevention focusing attention on work with a safe family and connected with strategy of maintenance of a case acts.

Ключевые слова: программа профилактики жестокого обращения с детьми; уровни профилактики; защита семьи и детей; сопровождение семей; консолидированная социальная политика.

Keywords: program of prevention of child abuse; prevention levels; protection of a family and children; maintenance of families; the consolidated social policy.

Можно утверждать, что сама по себе профилактика жестокого обращения с детьми – прерогатива цивилизованных обществ, организующих работу социальных структур на принципах гуманизма и филантропии. Только цивилизованное общество может ставить перед собой задачу создания и функционирования профилактики как системы, опережающей нормальное функционирование основополагающих общественных структур, отвечающих за социализацию нового поколения и воспроизводство населения. Поскольку современные программы профилактики жестокого обращения с детьми (равно как и другие профилактические программы, обеспечивающие развитие семьи и защиту детей) нацелены на конкретный результат, то и привязаны они должны быть к конкретной территории. Другими словами, уже на этапе моделирования (а не только реализации) профилактической системы, создаваемые под территории субъектов федерации, должны строиться с учетом особенностей территории и анализа существующей здесь ситуации.

Так, моделирование программы профилактики жестокого обращения с детьми для Новосибирской области основывалось на понимании большого разрыва между городом и муниципальными районами области. Новосибирск, с одной стороны, как город-миллионер, имеет множество рисков, провоцирующих жестокое отношение к ребенку (город сам по себе представляет более агрессивную среду), с другой стороны, город обладает и большим количеством ресурсов, которые можно задействовать в профилактике (например, социокультурные структуры, обеспечивающие досуг детей, некоммерческие организации, занимающиеся работой и защитой детей). Кроме того, социальные организации Новосибирска и Новосибирской области, работающие с семьей и детьми, за последние двадцать лет приобрели опыт реализации так называемых инновационных технологий.

На сложность ситуации, сложившейся в отношении детей, указывает целый ряд индикаторов: преступления в отношении несовершеннолетних; количество безнадзорных детей, суицидальных попыток, случаев моббинга/буллинга и др. Так, за 2013 г. сотрудниками полиции во взаимодействии с ведомствами системы профилактики выявлены и поставлены на учет 8 661 родителя, отрицательно влияющие на детей; 7 443 родителя привлечены к административной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, обучению, лечению, содержанию детей. В 2013 г. в отношении 42 законных представителей были возбуждены уголовные дела за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите прав принято 8 650 мер воздействия по административным

протоколам. В 2013 г. зафиксировано 236 преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. В целом в Новосибирской области отмечается положительная тенденция к снижению случаев жестокого обращения с детьми и преступлений, направленных против детей (все показатели ниже показателей 2012 г. на 15-20%), однако проблема сохраняется и требует системного решения. Положительная тенденция может быть связана с целым рядом мер, косвенно влияющих на ситуации жестокого обращения. В Новосибирской области, как и других регионах, это: усиление профилактирующей функции КДНиЗП, увеличение количества мероприятий по профилактике жестокого обращения, наконец, реализуемая программа профилактики социального сиротства, в рамках которой возникли такие институты как участковая социальная служба и мобильные бригады, – все вместе это дает положительный эффект.

Особенности современных профилактических программ укладываются в два основных правила: 1) системности и 2) стратегической направленности. Кроме того, программа профилактики жестокого обращения с детьми должна поддерживать другие профилактические программы и, в первую очередь, программу профилактики социального сиротства и семейного неблагополучия, включающую в себя: развитие системы служб, обеспечивающих своевременное выявление случаев семейного неблагополучия, и служб сопровождения семей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Наличие данных служб, деятельность которых обеспечивается новыми технологиями, создает условия для поднятия профилактики жестокого обращения с детьми на более высокий уровень и эффективной реализации системной программы. Обращение к профилактической деятельности в работе с детьми и их семьями – это шаг вперед в социальной политике: принципиальное изменение стратегии, решающей уже произошедшие случаи, на опережающую стратегию. Такое изменение стратегии требует изменения и программных документов, и механизмов решения проблемы, и нормативных документов, и (может быть, в первую очередь) стереотипов поведения и сознания специалистов и сообщества.

В целях моделирования программы профилактики жестокого обращения с детьми важно уточнить, что мы понимаем под социальной профилактикой. Здесь социальная профилактика (от греч. prophylaktikos – предохранительный) - это организованная и целенаправленная деятельность по предотвращению или минимизации социальных проблем, представляющих угрозу для общества в целом и территориального сообщества в частности. Соответственно, социальная профилактика жестокого обращения с детьми – это организованная деятельность, направленная на предотвращение проявлений жестокости в отношении ребенка и формирование условий для соблюдения его прав, а также нетерпимого отношения к жестокости по отношению к ребенку в обществе в целом. Под жестоким обращением к ребенку понимается все многообразие действий или бездействие со стороны окружающих лиц, которые наносят вред физическому и психическому здоровью несовершеннолетнего, его развитию и благополучию, а также ущемляют его права или свободу. Жестокое обращение может проявляться не только в форме физического или психического насилия, либо в покушении на половую неприкосновенность детей, но и в применении недопустимых способов воспитания, грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении, оскорблении или эксплуатации несовершеннолетних. Данное определение соответствует определению, данному Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и не противоречит представлениям ВОЗ (1999).

В целом стратегический характер программы предполагает организацию целенаправленной и планируемой системной деятельности по профилактике жестокого обращения с детьми и оказанию помощи детям, пережившим насилие на территории всех муниципальных образований Новосибирской области. Целенаправленность любой программы позволяет выстроить целое дерево целей и планировать определенные конкретные результаты. Для программы профилактики всегда предусмотрены как бы два уровня целей. Верхний предусматривает отсутствие самих фактов жестокого обращения, а нижний – более конкретный – эффективно функционирующие профилактические механизмы. Программа профилактики

нацелена на выстраивание некого барьера, шлюза, предохраняющего общество от патологического негуманного поведения и защищающего тем самым детей и детство как социальный институт. Отсюда единственно верной целью такой программы может быть внедрение эффективных механизмов профилактики и создание соответствующих условий для минимизации фактов жестокого обращения с детьми и оказания своевременной комплексной помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения.

Выше мы уже обращали внимание на то, что программа профилактики жестокого обращения с детьми должна быть связана с программой профилактики социального сиротства и семейного неблагополучия. С одной стороны, профилактика жестокого обращения с детьми касается всего регионального (областного) сообщества, которое должно приобрести определенные идеалы и ценности, касающиеся неприятия жестокого отношения к детям. С другой стороны, профилактика касается непосредственно детей и семей, в которых они воспитываются, и обслуживающих их социальных структур. Если в первом случае профилактика – самостоятельная система действий, то в работе с семьями и детьми это – направление работы. Поскольку работа с семьями в рамках системы профилактики социального сиротства и семейного неблагополучия выстроена через технологию работы со случаем (сопровождение семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации), то профилактика жестокого обращения с детьми в семье – проблема, которую службы и специалисты, сопровождающие семью, вынуждены решать постоянно. Именно в неблагополучных семьях часто наблюдаются факты насилия над ребенком.

В рамках организации системы работы со случаями жестокого обращения с детьми место профилактики выглядит следующим образом: 1) прежде всего, если существует такая возможность, надо попытаться предотвратить случай жестокого обращения с ребенком; 2) поскольку далеко не всегда удается предотвратить случаи жестокого обращения, то работа с этим случаем происходит одновременно с решением других проблем, провоцирующих жестокость; 3) поскольку решение данных проблем требует от специалиста анализа ситуации, эмоционального подключения – необходима супервизия, позволяющая осуществлять групповую рефлексию [1].

Не вызывает сомнений, что система защиты прав детей не может быть выстроена без профилактики жестокого обращения. Профилактическая деятельность заключается здесь, прежде всего, в объяснении прав ребенка и направлена не только на семью, но и на все население Новосибирской области. Особое место среди объектов профилактической деятельности занимают должностные лица: руководители образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования, учреждений системы здравоохранения, правоохранительных структур и др. Именно от их позиции часто зависит положение ребенка. Отсюда необходимость в каждом учреждении создания или программы, или хотя бы инструкций по вопросам предотвращения случаев жестокого обращения и реагирования на них. Профилактика жестокого обращения с детьми в социальных учреждениях и структурах, работающих с детьми, предполагает создание дружественной среды, в которой ребенок может чувствовать себя защищенным и самореализованным. Профилактика жестокого обращения с детьми направлена на создание общественного мнения, нетерпимого ко всем проявлениям жестокости по отношению к детям. В рамках такого общественного мнения формируются такие стереотипы поведения как бережное, дружественное, демократичное отношение к детям. Проявлением сложившегося общественного мнения в этом случае становится активизация местных сообществ и социального участия граждан.

В соответствии со сложившемся делением социальной профилактики на три уровня: первичный, вторичный и третичный – в профилактике жестокого обращения с детьми также должны быть выделены три уровня. Данное деление не может носить формального характера, это стратегические направления, которые должны четко различаться.

Первичная профилактика имеет целью предотвратить случаи жестокого обращения с детьми через формирование дружественной для ребенка социальной среды, сформированной на основе системы ценностей развития личности ребенка, ответственного родительства, бла-

гополучной семьи, доверия в детско-родительских отношениях и др.; а также правовой среды, нетерпимой к проявлениям жестокости в отношении ребенка. Реализация первичной профилактики жестокого обращения с детьми достигается через: а) реализацию программ первичной профилактики, разработанных на уровне области и на уровне территорий (муниципальных образований); б) привлечение учреждений социальной сферы, работающих с семьей и детьми (социальные учреждения, школы, учреждения дополнительного образования, детские поликлиники) к реализации программ первичной профилактики через распространение информационных материалов, организацию мероприятий по поддержке системы ценностей развития личности ребенка, ответственного родительства, благополучной семьи, доверия в детско-родительских отношениях; в) создание условий психосоциального благополучия семей, воспитывающих детей, поддержка позитивного имиджа благополучной семьи; в) развитие правовой грамотности детей, информирование родителей и всего населения о правах ребенка; г) развитие коммуникативных и конфликтологических компетенций у детей, родителей и специалистов, работающих с детьми; коррекция агрессивного поведения детей и взрослых: родителей и специалистов, работающих с детьми; д) создание информационно-коммуникативного пространства, способствующего развитию системы ценностей личности ребенка, ответственного родительства, благополучной семьи, доверия в детско-родительских отношениях.

Первичная профилактика направлена на создание общественного мнения и формирование соответствующих программе представлений и норм поведения в сообществе. Конечно же, общество само определяет, что является нормой, а что девиацией. Однако никто не отрицает и факта управления общественными настроениями и представлениями. Первичная профилактика минимизирует проявления жестокости в отношении детей в обществе (на территориях). Известно, что филантропическое поведение может стать «модным», а отношение к жестокости в отношении детей – нетерпимым. Правда и здесь могут быть перегибы, провоцировавшие к жизни движение против ювенальной юстиции (достаточно активное в Новосибирской области).

Вторичная профилактика имеет целью оказание помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения/насилия, работу с ними и их семьями по реабилитации. Вторичная профилактика исходит из того, что случаев жестокого обращения с детьми в современном обществе пока не избежать, поэтому, в первую очередь, необходимо организовать систему раннего выявления случаев жестокого обращения. Вторичная профилактика предполагает организацию мониторинга и особое внимание к семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Кроме того, повышенное внимание к проблеме жестокого обращения должно быть в ситуации рисков, возникающих в среде, где воспитывается ребенок. «Агрессивная» социальная среда может провоцировать жестокое обращение. Вторичная профилактика может и должна осуществляться по следующим направлениям: 1) профилактика в семье, где существует риск или есть случай жестокого обращения; 2) профилактика в образовательном учреждении, где существует риск или есть случай жестокого обращения; 3) профилактика на территории (улице, районе), где существует риск или есть случай жестокого обращения.

По своей направленности вторичная профилактика является индивидуальной в отношении коррекции поведения отдельных лиц. Она включает в себя как социальные, психологические, так и медицинские меры. Социальные технологии вторичной профилактики жестокого обращения с детьми включают: 1) формирование мотивации на изменение виктимного поведения жертвы (ребенка) и субъекта, осуществившего жестокое действие в отношении ребенка;формирование стратегий преодолевающего поведения; 2) формирование социально-поддерживающего поведения и стратегии поиска социальной поддержки в сообществе, в семье, в учреждениях.

Для обеспечения принципа системности необходимо учитывать и третичный уровень, хотя в данной профилактической программе он не может быть явно выражен. Третичная профилактика направлена на предупреждение рецидива жестокого обращения (когда наблюдаются повторяющиеся случаи жестокого обращения). Третичная профилактика — комплекс

мер социального, социально-психологического и юридического характера, имеющих целью предотвращение совершения повторного жестокого действия (действий) в отношении ребенка и при возможности сохранения кровной семьи или той среды, в которой ребенок воспитывается. Возможности третичной профилактики низки, так как эффект от превентивного воздействия определяется необходимостью замены патологических звеньев поведения индивида на непатологические, в связи с этим профилактические действия здесь происходят параллельно реабилитационным. Если жизни ребенка угрожает опасность, если наблюдается физическое или сексуальное насилие, говорить о третичной профилактике вообще не приходится.

Эффективность реализации программы профилактики жестокого обращения с детьми зависит от реализации программы на территориях (в муниципальных районах и муниципальных образованиях). Организация реализации программы должна обязательно учитывать существующие на территории ресурсы (учреждения, работающие по обслуживанию семьи и детей; наличие программ работы с семьей и детьми, а также внедренных социальных технологий работы с семьей и детьми; местные СМИ и электронные ресурсы; уровень компетенций специалистов, работающих с семьей и детьми и др.). Организация в обязательном порядке предполагает разработку проектов первичной, вторичной и третичной профилактик. Важно учитывать уже имеющийся в муниципальном образовании опыт, поэтому задача разработчиков на местах заключается в систематизации и добавлении того, что не было учтено. Работа по профилактике жестокого обращения с детьми должна осуществляться всеми учреждениями и структурами, работающими с семьей и детьми на территории.

Представляется важным понять, выстроить и нормативно закрепить, как будут взаимодействовать между собой структуры, задействованнные в профилактике. Система структур и служб, обеспечивающих профилактику первого уровня (первичная профилактика), выстраивается по принципу консолидации ресурсов и усилий. Центром организации первичной профилактики на территории может быть группа при КДНиЗП, или же специально организованный Совет. Консолидированная деятельность также достигается при помощи Уполномоченного по правам ребенка и института общественных помощников уполномоченного. Особая роль в реализации профилактики принадлежит Образовательным учреждениям (детским садам, школам, колледжам) и СМИ. Важно, чтобы образовательные учреждения были информированы о деятельности друг друга. Системы второго и третьего уровней профилактики (вторичная и третичная профилактика) выстроены на базе трех уровней работы: выявления, экстренного реагирования и сопровождения. Профилактическая деятельность осуществляется на каждом из уровней. При этом деятельность по профилактике жестокого обращения с детьми, оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, и членам их семей осуществляется при обеспечении принципов межведомственного, межсекторного и внутриотраслевого взаимодействия. Цель межведомственного сопровождения – оказание системной, комплексной и непрерывной помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, и членам их семей; обеспечение деятельности по профилактике жестокого обращения с детьми. Задача межведомственного сопровождения – рациональное использование имеющихся возможностей и разработка новых направлений в системе профилактики жестокого обращения с детьми и оказания помощи несовершеннолетним, подвергшимся жестокому обращению. Межсекторное взаимодействие – это взаимодействие исполнительных органов государственной власти Новосибирской области, государственных и муниципальных учреждений с бизнес-структурами, общественными организациями и местным сообществом при организации деятельности по профилактике жестокого обращения с детьми, оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, и членам их семей. Цель межсекторного взаимодействия – развитие рынка социальных услуг и оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, и членам их семей, использование ресурса территориальных сообществ, активизация волонтерской деятельности по профилактике жестокого обращения и помощи детям, пострадавшим от

жестокого обращения, и членам их семей. Среди основных направлений межсекторного взаимодействия можно выделить: поддержку общественных инициатив и взаимодействие с организациями и объединениями, занимающимися проблемами оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, и членам их семей; привлечение негосударственных (немуниципальных) поставщиков к оказанию услуг несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, и членам их семей; привлечение бизнес-структур к оказанию благотворительной помощи.

Только консолидированная позиция как структур и организаций, занимающихся работой с детьми и их семьями, так и всего сообщества в отношении жестокого обращения с ребенком может создать тот результат, который позволил бы говорить об эффективной реализации программы. [2]. Консолидированная позиция здесь может означать не только солидарность сообщества по вопросу осуждения проявлений жестокости к детям, но и сформированную систему норм-ценностей-стереотипов поведения в обозначенном поле. Именно такое состояние общества означало бы достижение им нового цивилизационного уровня развития. Именно поэтому нужно понимать, что профилактические программы – это не программы одного дня, они требуют упорного продвижения к цели день за днем.

Список литературы:

1. Осьмук Л.А., Жданова И.В. Супервизия как механизм инновационной деятельности социальных организаций, работающих с семьей и детьми //Институциональная трансфомация экономики: условия инновационного развития: Сб. статей по материалам III Междунродной научной конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 541-643.

2. Осьмук Л.А. Консолидированная политика как управленческая стратегия решения социальных проблем в регионе//Вестник НГУЭУ, 2012, №4. С.150-157.

УДК 316.614-057.87 (470.5)

ПРОБЛЕМЫ ПОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ НА УРАЛЕ

Павлов Борис Сергеевич
доктор философских наук, профессор
вед.н.с., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург
E-mail: pavlov_boris @ mail. ru
Сарайкин Дмитрий Андреевич
кандидат биологическиз наук, доцент
Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск
E-mail: saraykind@cspu.ru
Шевелёва Оксана Раисовна
аспирант
,Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: shoksanar@mail.ru

PROBLEMS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF YOUNG STUDENTS IN THE URAL

Boris S. Pavlov,
Ph.D., Professor, Senior Research Fellow
Institute of Economics, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg
Dmitry A. Saraykin,
Candidate of biology, associate professor
Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk
Oksana R. Shevelyova,

graduate student,
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются условия и обстоятельства профессиональной социализации учащихся старших классов общеобразовательных школ и студентов уральских вузов. Особое внимание уделяется вопросам меркантилизации ценностных ориентаций в выборе профессии и места приложения труда. Показывается роль родительской семьи в процессе профессионально-трудовой социализации детей. Выводы и предложения авторов статьи базируются на результатах социологических опросов, проведённых ими в ряде городов Южного и Среднего Урал.

ABSTRACT – The article analyzes the conditions and circumstances of the professional socialization of students in the upper grades of secondary schools and students of the Ural universities. Particular attention is paid to the mercantilism of value orientations in the choice of occupation and place of employment. Shows the role of the parental family in the process of professional socialization of children labor. Conclusions and suggestions the authors based on the results of opinion polls conducted in a number of cities in the South and Middle Urals.

Ключевые слова: трудовое воспитание, ценностные ориентации. семья, образовательные услуги, ВУЗ, профессиональная социализация, рынок труда.

Keyword: labor education, values, family, educational services, university, student, professional socialization, the labor market.

Усиление роли знаний, информации в общественном развитии, постепенное превращение знаний в основной капитал принципиально изменяют роль сферы образования в структуре общественной жизни. При этом, проблемы развития системы профессионального образования затрагивают не только интересы государство, отдельных его регионов. Они являются злободневными для подавляющего большинства российских семей и, в первую очередь, тех семей, тех молодых людей и их родителей, которые связывают свою жизнь, своё профессиональное будущее, не только с необходимостью получения высшего образования, но и последующей трудовой деятельности на предприятиях конкретного региона, конкретного города [1, 2].

Одной из актуальных задач представляется обоснование методических и методологических подходов к выявлению спроса населения на региональном рынке образовательных услуг и учёта этого спроса в развитии профессионального образования *(в частности, высшего)* в регионе, разработка предложений по созданию соответствующих механизмов определения и удовлетворения в характере спроса на региональном рынке труда. Решение этой задачи, в свою очередь требует проведения анализа особенных черт и условий конкретного региона, конкретного города, *(в нашем случае – это города Уральского федерального округа - УрФО),* влияния этих условий на процесс профессиональной ориентации и жизненного самоопределения молодых людей и их родителей [3]. Исследования, проведённые авторами статьи, позволяют выявить некоторые наиболее актуальные аспекты проблемы профессиональной социализации уральской молодёжи[1].

---

[1] В частности, речь идёт о следующих социологических опросах:
– *2012 гг.* – анкетный опрос по квотно-репрезентативной выборке: а) 1000 студентов IV–V курсов семи уральских вузов. Один из основных аспектов исследования – отношение будущих молодых специалистов к своей учебной и потребительской деятельности (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск)[1]; б) 250 - преподавателей этих вузов; в) 150 руководителей предприятий (подразделений), на которых работают выпускники указанных вузов – в дальнейшем - ***«Урал-1»***.
- *2013 гг.* - был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши - 46%, девушки - 54%) – ***«Урал-2».***

Прошедший за последние два десятилетия общий процесс перераспределение трудозанятости российской молодежи *(в нашем случае – уральской)* из сферы материального производства в сферу распределения и обращения увеличило в десятки раз численность включенных в коммерческую и посредническую деятельность. Получили распространение скрытые формы занятости. Изменения (как позитивные, так и негативные) отразились в структуре ее потребления и привели противоречию между опережающим ростом потребностей *(по сравнению с ростом уровня жизни молодежи)*, и отсутствием четкой зависимости уровня жизни от количества и качества труда [4].

В условиях нецивилизованных рыночных отношений подобная деятельность не может не оборачиваться формированием, по преимуществу, извращенной мотивацией труда, распространением в молодежной среде неэкономических *(в том числе «теневых», криминальных)*, форм распределения. При этом, в сознании молодых людей утверждается модель экономического поведения, при которой их материальное положение лишь в незначительной степени должно зависеть от результатов труда, уровня образования и квалификации. Основная ставка в жизненных планах делается на «удачу», «счастливый случай», «родственные связи», «сиюминутную выгоду» и т.п.

Остановимся на двух аспектах профессиональной социализации молодёжи

1. Трудовое воспитание. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку – писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни» [5, с. 155]. Попытаемся ответить на вопрос: в какой мере сегодня родительские семьи «зажигают в детях жажду серьёзного труда». Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного *(с медицинской точки зрения)* риска. Обратимся к результатам опроса ***«Урал-2»***, *«не перерабатывают» особо* в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале.. На вопрос анкеты: *«Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?»* ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» - 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире

- убираю пыль пылесосом	- 67 / 64
- мою, чищу посуду	- 65 / 66
- регулярно хожу в магазин за продуктами	- 49 / 51
- делаю влажную уборку, мою полы	- 46 / 46
- готовлю еду (суп, второе блюдо)	- 32 / 32
- глажу бельё	- 27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

- поливаю овощи, цветы, ягоды	- 51 / 39
- собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	- 37 / 33
- пропалываю грядки	- 33 / 26
- копаю землю, грядки	- 27 / 23
- топлю печь (в доме, в бане)	- 21 / 17
- отвечаю за приготовление еды	- 13 / 13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

- ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	- 59 / 55
- помогаю в ремонтных работах по дому, саду	- 35 / 36
- ухаживаю за младшими братьями, сестрами	- 32 / 33
- ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	- 22 / 19
- высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	- 17 / 15
- ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	- 12 / 10

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими поколения [6].

2. Отношение к учёбе в вузе. В исследовании *«Урал-1»* студентам старших курсов пяти вузов Урала задавался вопрос: *«Чем Вас привлекает (привлекал) вуз, в котором Вы учитесь сейчас?»* - на этот вопрос анкеты голоса наших двух групп респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных - 1000 чел.):

- в этом вузе можно получить хорошую профессию, необходимую в новых «рыночных» условиях	- 63
- мне нравятся профессии, которым здесь учат	- 56
- возможность учиться вместе со своими друзьями	- 27
- просто так сложились обстоятельства	- 28
- близость учебного заведения к дому, к семье родителей	- 23
- возможность «осмотреться», пока не определится настоящее профессиональное призвание	- 20
- отсрочка от армии	- 15
- здесь легче учиться, проще программа обучения	- 12
- здесь проще получить диплом	- 12
- высокая стипендия, бесплатное питание и т.д.	- 6
- другие факторы, обстоятельства	- 10

Опрос показал, что большая часть выпускников школ на Урале стремится поступить в вузы, исходя из их профессиональной привлекательности. Но 30-40 % абитуриентов подают заявления в уральские *(скорее всего, и не только уральские)* вузы в силу условий и обстоятельств весьма опосредованно связанных с профессиональным самоопределением и предпочтениями («за компанию» с друзьями, удобством решения жилищно-бытовых вопросов, использования факта учёбы в вузе для отсрочки от армии, пролонгации бездеятельного жизненного времяпрепровождения…). Общий вывод здесь однозначен. В настоящее время техническим (да, и не только им) нужны, более эффективные подходы по обеспечению притока хорошо подготовленных и профессионально ориентированных абитуриентов.

Можно утверждать, что выпускники школ, делая профессиональный выбор вполне в духе конъюнктуры времени, не всегда соотнося это с потребностями регионального хозяйства и с возможностями реализовать себя на местном рынке труда.

В условиях рыночных отношений потребность в образовании выступает как взаимозависимый процесс выбора и освоения личностью выбранной и установившейся в его сознании своеобразной образовательной траектории. Чем шире спектр образовательных услуг, тем больше возможность у потребителя найти реальное воплощение образа своей потребности.

Формирование той или иной компетенции как определяющей профессионально-личностного качества специалиста предполагает актуализацию мотивации студента, его активную, целеустремлённую адаптацию к учебному процессу. О трансформации мотиваций в сфере профессиональной социализации молодых людей на Урале свидетельствуют данные нашего опроса – *«Урал-1». «В чем вы видите основные причины, практически, «повального» безответственного отношения молодых людей к получению своего профессионального образования?»* - на этот вопрос нам ответили как преподаватели вузов, так и руководители предприятий, производств, подразделений. Вот их мнение по этому поводу (% от общего числа опрошенных» в числителе – преподаватели вузов - 250 чел.; в знаменателе – руководители производств – 150 чел):

- студенты особо не задумываются о своей дальнейшей трудовой деятельности	52 / 65
- платное обучение диктует кафедрам и преподавателям снисходительно относиться к нерадивым студентам	46 / 43
- у работающих студентов существенно ограничены возможности для серьёзных занятий в вузе	33 / 36
- молодые люди поддаются общему настроению – учиться без особого «напряга»	30 / 22
- низкая требовательность к студентам со стороны администрации вуза	28 / 30
- молодые люди не приучены к труду и трудностям	29 / 37
- отсутствие потребности получить серьёзные профессиональные знания	25 / 25
- виноваты преподаватели, которые не могут заинтересовать студентов серьёзно относиться к учёбе	17 / 17
- студенты надеются и после окончания вуза «сидеть на шее» родителей	10 / 10

«Зри в корень!» советовал небезызвестный Козьма Прутков. Отмеченные экспертами причины низкой заинтересованности студентов в качестве своего профессионального образования – это своеобразный компас в проведении модернизации системы высшего образования. И, не только на Урале! [7].

Попытаемся ответить на вопрос: *«В какой мере готовы студенты в вступлению в реальное производство, в реальные производственные отношения»?* В анкетах, предложенных будущим молодым специалистам реального сектора экономики ***(«Урал-1»)***, предлагалось ответить на вопрос: *«Отметьте, пожалуйста, те качества, которых Вам* ***не хватает*** *в настоящее время, если таковые имеются».* Вот какие ответы были получены нами (% от общего числа опрошенных – 1000 чел.):

Не хватает:

- профессионализма в работе	31
- хорошей теоретической подготовки	27
- трудолюбия	27
- сильной воли	27
- предприимчивости	18
- жесткости позиции, если уверен в своей правоте	15
- мобильности как способности менять место жительство	15
- жизненного оптимизма, веры в свои силы	14
- способности переносить удары судьбы	13
- общительности, умения ладить с окружающими	12
-физической выносливости	11
- целеустремленност	10
- стремление совершенствовать профессиональное мастерство	10

Анализируя полученные данные, необходимо учитывать одно важное обстоятельство. Социологи «не ограничивали» респондентов в выборе числа вариантов ответов. В принципе, каждый студент мог «признаться», в недостаточности у него каждого из 14-

ти предложенных личностно-профессиональных качеств. Вместе с тем, нетрудно видеть определённую «скромность» наших респондентов. Лишь каждый десятый из них (10 %) считал *на момент опроса,* что ему «не хватает» такого качества, как «целеустремлённость», каждый четвёртый (27 %) чувствовал *«нехватку хорошей теоретической подготовки»* и т.д. Мы не случайно сделали оговорку «*на момент опроса*». Действительно, в нашей выборке из 1000 респондентов 15 % составляли студенты 1-3 курсов, 40 % - 4 курс и 45 % - пятикурсники. Для многих из них ещё *«оставалось время»* для того чтобы сформировать у себя то или иное «недостающее» качество. Но подобную «скромность» в ответах мы склонны связывать с двумя обстоятельствами. С одной стороны, это «завышенные самооценки» молодых людей. Судите сами: 8 из 9 опрошенных (89 %) посчитали, что они *«физически выносливы»*. С другой стороны здесь проявляется определённая инфантильность студентов в оценках содержания и требований тех или иных профессиональных качеств к ним, как будущим молодым специалистам. Можно ли сегодня серьёзно говорить о том, что 82% будущих молодых инженеров, учась ещё в вузе, достаточно «готовы» к предпринимательской деятельности, а 73 % - «достаточно трудолюбивы»…? Ответ здесь однозначен: «вряд ли!»

Сегодня уже стало очевидным, что жизненные планы выпускников учебных заведений и, в первую очередь, учеников старших классов школ, их профессиональная ориентация представляют несомненный интерес для социологов, так как их изучение, определение меры соответствия реальной динамике профессиональной и социальной структуры территориальной общности позволяет более целенаправленно развивать систему профессионального образование в условиях конкретного региона.

Список литературы

1. Павлов Б. С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа *(на примере Урала).*– Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.

2. Павлов Б. С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. С. 2-11.

3. Павлов Б. С., Сиражетдинова А. А., Разикова Н. И., Степанова А. Ю. Проблемы организации системы подготовки инженерных кадров на Урале. Дискуссия. 2013. № 10 (40). С. 120-126.

4. Павлов Б. С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.

5. Умом и сердцем: мысли о воспитании. М.: Политиздат. 1980.

6. Павлов Б. С. Из школьного в рабочий класс. М. Советская Россия. 1989. 240 с.

7. Павлов Б. С., Сиражетдинова А. А. Формирование кадрового корпуса инженеров на Урале: социологический аспект // Экономика региона. 2012. № 2. С. 62-75.

УДК 613-053.6 (470.5)

ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТКОВ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ УРАЛА

Павлов Борис Сергеевич
доктор философских наук, профессор
вед.н.с., Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург
E-mail: pavlov_boris @ mail. ru
Павлова Вера Ивановна
доктор биологических наук., профессор.
Челябинский государственный педагогический университет,Челябинск
E-mail: saraykind@cspu.ru
Разикова Наталья Игоревна
кандидат химических наук., профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

e-mail: *natigraz@mail.ru*

HEALTH OF TEENAGERS IN LARGE AND SMALL CITIES IN THE URALS

Pavlov Boris Sergeevich
Ph.D., Professor,
Senior Research Fellow *Institute of Economics, Ural Branch of RAS*
Pavlova Vera Ivanovna,
Doctor of biolog., professor.
Chelyabinsk State Pedagogical Univercity, Chelyabinsk
Razikova Natalya Igorevna,
c.h.s., professor,
Ural federal university, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируются особенности здоровьесберегающего поведения школьной молодёжи больших и средних городов Урала (на примере гг.Екатеринбург и Лесной) [1]. Особое внимание уделяется проблемам сбережения здоровья детей в родительской семье и вне её - в городской среде. Выясняется отношение населения к развитию физической культуры, спорта и здоровому образу жизни молодёжи по мере её взросления.

ABSTRACT – The article analyzes the characteristics of healthy behaviors of school youth in large and medium-sized cities in the Urals (for example, Yekaterinburg and Lesnoy). Particular attention is paid to saving the health of children in the parental home and outside of it - in the urban environment. It turns out people's attitude to the development of physical culture, sport and healthy lifestyles of young people as its maturity.

Ключевые слова: подросток, семья, здоровье, физическая культура, малый и большой город, валеологическое воспитание.

Keywords: teenager, family, health, physical culture, large and medium-sized city, valeological education.

«Как мы понимаем наше общество, – спрашивает немецкий социолог Н. Луман, – если превращаем понятие риска – бывшего когда-то актуальным лишь для некоторых групп, подвергавших себя особой опасности, – в универсальную проблему, неизбежную и неподдающуюся решению? Что теперь становится необходимым?.. Как общество при нормальном ходе выполнения своих операций справляется с будущим, в котором не вырисовывается ничего определенного, а только более или менее вероятное или невероятное?» [1]. Характерной чертой постсовременного общества, по Луману, является не столько потребность создания условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтер-

---

[1] Исследования проводились на основе договоров о творческом сотрудничестве социологов Института экономики УРО РАН со специалистами ряда уральских вузов, в частности: Уральского федерального университета (УрФУ), Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовского государственного гуманитарного университета (НГГУ), Челябинского государственного педагогического университет (ЧГПУ), Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ) и др. Научн. рук. проектов проф. Павлов Б.С.

– 2008 г. - в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено *пять категорий* респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.» б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) в качестве экспертов - специалисты властных структур, тренеры, преподаватели физической культуры – 220 чел. - ***«Урал-1».***

- 2009 г. – опрос 680 студентов технических и гуманитарных факультетов УГТУ-УПИ. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре - ***«Урал-2».***

- 2013 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков - г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов - ***«Урал-3».***

нативам, которые разрушают условия для общественного консенсуса и подрывают основы коммуникации.

Вряд ли кто будет спорить с тремя следующими положениями: а) основным субъектом и объектом производства и воспроизводства рисков и опасностей различного рода в современном обществе является само человеческое сообщество, сам человек – *«Homo sapiens»*; б) наиболее зримым и ощутимым следствием разрушительной рискодеятельности человека является его здоровье, его жизнеспособность, его способность и стремление к расширенному воспроизводству рода; в) наиболее восприимчивым к негативным последствием рисков является индивид в первые периоды своего онтогенетического развития, в частности, в подростковом возрасте [2]. Постановка цели и задач воспитания *жизнеспособного и самосохраняющего поколения* – проблема, которая требует к себе пристального внимания не только родителей, но и специалистов в области социальной психологии, социологии молодежи, экологической и экономической демографии. Необходимо создать такие социально-педагогические технологии демографической политики, которые были бы способны формировать жизнеспособное и жизнестойкое поколение россиян [3]. Не будем голословными.

Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы послужили результаты трёх социологических опросов, проведенных нами в 2008-2013 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и поселениях субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.

Прежде всего, обратимся к результатам нашего опроса ***«Урал-3»***. *«Чего ты боишься больше всего в своей жизни?»* – на этот вопрос мы попросили ответить 510 уральских тинейджеров. Вот какие были получены нами ответы (% от общего числа опрошенных):

I. Потеря родителей, близких:

- боязнь потерять родителей	86
- боязнь болезни, травмы родителей	67
- боязнь потерять друзей	43

II. Насилие, бедствие, потеря свободы:

- боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным, избитым	46
- боязнь попасть в тюрьму, колонию	39
- боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении	38
- боязнь оказаться заложником в результате теракта	33
- боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду	30
- боязнь пострадать от пожара	9

III. Собственное здоровье:

- боязнь привыкнуть к наркотикам	31
- боязнь привыкнуть к курению	27
- боязнь болезни, травмы своей	23
- боязнь привыкнуть к алкоголю	23
- боязнь отравиться продуктами питания	19
- боязнь быть покусанным собакой	18
- боязнь отравиться воздухом	7
- боязнь отравиться водой	6

IV. «Превратности судьбы»:

боязнь не поступить в вуз, колледж после школы	25
боязнь быть наказанным богом за грехи	24
боязнь потерять жилье, стать бомжем	18
боязнь привыкнуть к азартным играм	15

Нетрудно видеть, что помимо страхов за собственную «физическую неприкосновенность», наибольшие страхи и тревоги у современных молодых уральцев вызывают возможные ситуации с потерей родителей, близких, угрозы физического насилия и оказаться изгоем социального окружения, в частности, быть втянутым в асоциальные формы поведения. При всей привлекательности подобной социальной ориентированности молодых людей в настоящее время она, к сожалению, во многом является *иллюзорно-лицемерной.* Обратимся к некоторым аспектам здоровьесберегающего поведения тинейджеров в рамках родительской семьи [4,5].

Вспомним незабвенного «кроху» из стихотворения В.В. Маяковского *(1925 г.)*:

«Крошка сын к отцу пришел,
и спросила кроха: - Что такое х о р о ш о
и что такое п л о х о ? -
У меня секретов нет, -
слушайте, детишки, - папы этого ответ
помещаю в книжке. ..»

Мысленно перенесемся почти на столетие вперёд. Проблема «внедрения» в сознание детей нравственно-этических различий дилеммы *(«плохо-хорошо»)* была и остаётся извечной и непреложной задачей родителей *(воспитателей, взрослых)*, основным духовным «инструментом» социализации личности. «*О чем, из предложенного перечня тем, у тебя бывали беседы с мамой, папой?»* - на этот вопрос (по нашей просьбе - ***«Урал-3»***) отвечали 13-16-ти-летние «уральские крохи» из двух уральских городов. Вот какие ответы мы получили – табл. 1:

Таблица 1

Проблематика нравственно-этических бесед родителей с детьми-подростками на Урале
(% от общего числа опрошенных по каждой группе; в графе «юноши» и «девушки» - в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной)

Содержание бесед, разговоров	Группы	
	«юноши»	«девушки»
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	19 / 33	15 / 35
О вреде переедания и режиме правильного питания	14 / 21	18 / 39
О вреде пристрастия к курению (табака	19 / 46	24 / 43
О вреде пристрастия к алкоголю	16 / 42	20 / 35
О вреде пристрастия к наркотикам	15 / 36	18 / 30
О необходимости постоянного наблюдения у врача	5 / 11	7 / 19
О вреде пристрастия к азартным играм	13 / 32	9 / 20
О культуре взаимоотношений между юношами и девушками	11 / 31	20 / 40

Предваряя краткий комментарий к полученным данным, сделаем некоторые пояснения. Прежде всего, следует учитывать различные диспозиции актóров бесед, *«задающих»* вопросы и *«отвечающих»* на них. У поэта – инициатором беседы выступала заинтересованная «кроха», отец же был благосклонно готов удовлетворить этот интерес, другими словами – *обоюдная заинтересованность* в результатах общения. В нашем исследовании речь шла о беседах между «отцами и детьми», в которых *вынужденными инициаторами* выступают, как правило, родители, стремящиеся оградить детей от неблаговидных проступков, помочь им обойти «без потерь» *(для здоровья и нравственности)* многочисленные житейские препоны. Одним словом направить своих детей *«на путь истинный»,* на *«правильные, приличные поступки»,* за которые *«не будет потом стыдно родителям».* Для сына *(дочери)* подобные *«обязаловки»* воспринимаются в большинстве случаев как *«вынужденное выслушивание»*, как *«несправедливые придирки»,* как *«посягательства»*

родителей на их права и свободу. Отсюда, возможный ожидаемый эффект: от *«беспрекословного подчинения»* до известной ситуации – *«ты ему хоть кол на голове теши»…* . [6].

Второе обстоятельство, на которое следует обратить внимание при оценке полученных данных, – это, отнюдь, не *«поголовная»* нравоучительная атмосфера общения «отцов и детей». Различные темы бесед родителей с подростками с *различной частотой* были зафиксированы нашими юными респондентами из различных социально-демографических и территориально-поселенческих групп. Наиболее часты профилактические беседы родителей *«о вреде пристрастия к курению, алкоголю, наркотикам»,* сравнительно реже, например, о *«необходимости постоянного наблюдения у врача»* и др.

Небезынтересен *третий аспект* анализа, связанный с различиями масштабов городских поселений. Полученные нами данные наглядно свидетельствуют о существенных различиях в педагогической активности родителей, живущих в суперкрупных городах *(в нашем случае – это Екатеринбург – около 1,5 млн. жителей)* и малых (средних) – ЗАТО «Лесной» *(около 50 тыс. чел.). «Педагогическую вялость»* родителей в Екатеринбурге мы связываем, прежде всего, с двумя основными обстоятельствами:

во-первых, с несравненно высокими потенциальными социокультурными возможностями городской среды, предоставляющей жителям *(естественно, и подросткам)* широкий спектр форм и возможностей досуговой деятельности, включая асоциальные формы времяпрепровождения;

во-вторых, с возможностями анонимизации поведения подростков в городской общественной среде, их ухода из поля социального контроля семьи, соседей, школьной общественности. В этих условиях нравственные установки родителей, воспитателей, педагогов «зависают в бездиалоговом пространстве» между *«правильной регулирумой педагогикой»* воспитателей и спонтанным самостоятельным поведением их «потенциальных воспитанников» [7].

Целостность человеческой личности проявляется, прежде всего, во взаимосвязи и взаимодействии психических и физических сил организма. Гармония психофизических сил организма повышает резервы здоровья, создает условия для творческого самовыражения в различных областях нашей жизни.). Еще Гиппократ писал: «Как суконщики чистят сукна, выбивая их от пыли, так гимнастика очищает организм». Занятия гигиенической гимнастикой не исключают её превращения в тренировочную. Тогда к ней добавляют специальные упражнения на гибкость, силу, прыгучесть, равновесие, ловкость, выносливость. Это бег, прыжки в длину и высоту и пр. Нашим юным респондентам в двух уральских городах ***(«Урал-3»)*** задавался вопрос: *«Что в настоящее время ты делаешь регулярно для своего здоровья и физического развития? Количество ответов не ограничивается».*

Таблица 2

Виды и формы участия молодых уральцев спортивно-оздоровительной деятельности (% от общего числа опрошенных по каждой из четырёх групп подростков; в графе «5-6 кл.» и «10-11 кл.» - в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной)

Виды спортивно-оздоровительной деятельности	Группы	
	5-6 кл.	10-11 кл.
Сам, индивидуально занимаюсь:		
- в спортивной секции	21 / 54	19 / 34
- делаю физзарядку	13 / 24	20 / 31
- катаюсь на лыжах	17 / 56	18 / 37
- катаюсь на коньках	27 / 60	26 / 43
- катаюсь на мотоцикле, велосипеде	22 / 46	20 / 25
- бегом	14 / 33	12 / 27
- плаванием	9 / 24	9 / 11
- гирями, гантелями	6 / 12	12 / 21

- катаюсь на сноуборде	6 / 12	8 / 5
- хожу в тренажёрный зал	6 / 11	16 / 27
- играю в шахматы	9 / 9	6 / 12
Участвую в школьных соревнованиях	10 / 35	13 / 26
Хожу в турпоходы	7 / 29	8 / 20
В настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий	5 / 2	11 / 5

Приведенные цифры, дают богатую пищу для размышлений и соответствующих выводов. Они позволяют оценить *(хотя бы, приблизительно)* количественные и качественные индикаторы развития спортивных занятий в разных социально-демографических группах детей и подростков, соотношение традиционных, спонтанных *(в семье, во дворе, в компании сверстников)* и общественно организованных *(школа, городские учреждения культуры и спорта)* форм занятий населения физической культурой и спортом [8].

Проведённые нами исследования на Урале, позволяют утверждать следующее. Несмотря на то, что ценность здоровья в нормативных представлениях россиян (как у молодых, так и у взрослых) повысилась, она не стала фактором сознания, осталась во многом на уровне моды – реальное самосохранительное поведение не претерпело существенных изменений: по-прежнему, в общей массе населения – много пьющих и курящих, нарушающих режим сна, отдыха и двигательной активности, не заботящихся о правильном питании и т.д. Очевидно, формирование *моды* на здоровье не должно подменять формирование *культуры* здоровья и физической культуры личности. Главным проводником культурных ценностей в период детства-юности помимо семьи являются учебные заведения, в которых основная форма функционирования физической культуры – неспецифическое физкультурное образование. Необходимо учитывать, что заставить директивами или прямым принуждением воспитывать в себе личную физическую культуру невозможно. Остаётся косвенно воздействовать на человека, через его субъективные цели. Но субъективные цели формируются в русле общественных целей. До тех пор, пока реальной *(возможно даже вынужденной)* целью развития общества не будет здоровый человек надежды на массовость в индивидуальном здоровьеформировании во многом иллюзорны. В Послании Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию Российской Федерации отмечается: «Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей - это, безусловно, проявление тоталитаризма. это для нас абсолютно неприемлемо. мы и не собираемся идти по этому пути. мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. эти сферы - это не набор услуг, а, прежде всего, пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [9].

Список литературы:

1. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. p. IX.

2. Берсенев В.Л., Важенин С.Г., Павлов Б.С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. 2011. № 1. С. 264-267.

3. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.

4. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. № 2. С. 71-80.

5. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.

6. Павлов Б.С., Разикова Н.И. Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. № 10. С. 110-119.

7. Павлов Б.С. Девиантная субкультура уральских тинейджеров и общественная безопасность в регионе // Управленец. 2013. № 5. С. 74-78.

8. Павлов Б.С., Паначев В.Д. Физическая культура – это не только физкультура // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2012. №4. С. 42-52

9. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: http://www.b-port.com/news/item/93504.html.

УДК 316.7

РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖНОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА СУХОЙ ЛОГ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Павлова Татьяна Евгеньевна
магистр
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: cedaya@bk.ru
Заборова Елена Николаевна
доктор социологических наук, профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: ezaborova@yandex.ru

REALIZATION OF YOUTH HOUSING POLICY (ON THE EXAMPLE OF THE CITY DISTRICT THE DRY RAVINE OF SVERDLOVSK REGION)

Pavlova Tatyana Evgenyevna,
master; Ural federal university
Zaborova Elena Nikolaevna,
doctor of sociological sciences, professor;
Ural federal university, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Рассматривается программа муниципальной молодежной жилищной политики. Анализируется содержание мероприятий программы и критерии оценки результатов реализации программы. Приводятся данные опроса молодежи по оценке эффективности молодежной жилищной политики в городском округе Сухой Лог.

ABSRACT – The Article discusses the program of the municipal youth housing policy. Analyzes the content of the program activities and criteria the results of the program. The article contains the results of the study of youth to assess the effectiveness of youth housing policy in the city district Sukhoi Log.

Ключевые слова: Молодежь; молодежная политика; эффективность молодежной политики.

Keywords: Youth; youth policy; the effectiveness of youth policy.

Реформирование и дальнейшее развитие жилищной сферы для молодежи является одной из важнейших задач российского государства. От эффективного решения вопроса по поддержке молодежи будет зависеть социально-экономическое развитие страны, поскольку в «быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые

смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [1].

Создание цивилизованных условий для проживания и жизнедеятельности молодежи, в том числе молодых семей, должно стать приоритетом государственной политики в области жилищного обеспечения. В этом плане «молодежная жилищная политика» должна выступить локомотивом стратегического развития России. В Свердловской области финансовая поддержка молодых граждан по обеспечению жильем целенаправленно осуществляется с 2003 г. в рамках специальной подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей в Свердловской области» на 2011-2015 гг. областной целевой программы «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области» на 2011 – 2015 гг. Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей в Свердловской области» на 2011-2015 гг. разработана в целях предоставления государственной поддержки в решении жилищной проблемы молодым семьям, признанным нуждающимися в улучшении жилищных условий. Однако стоит отметить, что показатели, по которым будут оцениваться запланированные результаты, расплывчаты, неконкретны (кроме установленного количества молодых семей). Создание условий для улучшения жилищного положения молодежи сводится к выделению субсидий и земельных участков. Но денежных средств для первоначального взноса, покрытия ипотеки или строительства собственного дома, как правило, у молодых семей нет. Отсутсвие хороших жилищных условий влияет на процесс создания и стабильность семей. Поскольку многие молодые люди и их семьи не обеспечены собственным жильем, семьи либо не создаются, либо распадаются, что влияет на социальную напряженность и не способствует повышению уровня рождаемости и/или воспитанию детей в полных семьях.

В Свердловской области для молодых семей разработано несколько программ, которые ориентированы на улучшение жилищных условий. В качестве примера возьмем программу поддержки молодых семей, которая реализуется на территории городского округа Сухой Лог [2]. Исходя из принятых локальных актов муниципальных образований, органы местного самоуправления должны заниматься формированием списков молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и информированием населения (в первую очередь граждан в возрасте до 35 лет) об условиях и порядке получения социальных выплат на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома.

На уровне местного самоуправления устанавливаются и размеры выплат, которые, как правило, увеличивают размер этих выплат, не нарушая федеральное законодательство, с одной стороны, и повышают возможности для приобретения жилья молодыми семьями, с другой. Например, в Екатеринбурге и городском округе Сухой Лог размер социальной выплаты составляет 35% расчетной стоимости жилья для молодых семей, не имеющих детей, и 40% для молодых семей, имеющих одного и более детей, и одиноко проживающих родителей с детьми. Однако масштабы такой помощи незначительны. В городском округе Сухой Лог местным бюджетом предусмотрено финансирование четырех семей в год, что объясняется низким уровнем наполнения доходной части бюджета муниципального образования. При этом в течение года в отдел по вопросам жилья обращаются за консультацией в среднем 80 молодых семей, но только 2-2,5% из них встают в очередь на предоставление социальной выплаты.

По данным отдела по вопросам жилья городского округа Сухой Лог, за последние годы наблюдается тенденция уменьшения количества молодых семей, встающих в очередь на предоставление социальной выплаты, что объясняется несоответствием реального положения семей тем условиям, по которым молодые люди могут получать такие выплаты и которые сформулированы в программе.

Для оценки эффективности реализуемой молодёжной жилищной политики в городском округе Сухой Лог, нами проводился пилотный социологический опрос. Опросом были охвачены молодые люди (50 чел), проживающие на территории городского округа Сухой Лог. В результате проведённого исследования выяснилось, что у 86% опрошенных респондентов на сегодняшний день действительно существует жилищная проблема. Приобрести

жильё молодым людям за счет своих личных текущих доходов или накоплений практически невозможно. На сегодня приобретение жилья в кредит является основной формой решения жилищной проблемы. Но для того, чтобы накопить хотя бы минимальную сумму денежных средств для первоначального взноса для приобретения жилья, молодому человеку необходимо работать неопределённое количество лет (в зависимости от уровня дохода).

При проведении социологического опроса мы решили узнать насколько молодые люди, проживающие на территории городского округа Сухой Лог, информированы о программах и мероприятиях властей по решению жилищной проблемы молодежи. Анализируя результаты ответов респондентов на данный вопрос, мы выяснили, что молодёжь в большей степени (58%) только частично информирована о таких программах и мероприятиях; 32% не знают вообще о каких-либо программах по решению жилищной проблемы. И только 10% молодых людей хорошо знают о программах и мероприятиях властей по решению жилищной проблемы молодёжи.

По результатам социологического опроса 96% респондентов, проживающих на территории городского округа Сухой Лог, не являются участниками государственных и муниципальных программ поддержки молодежи в решении жилищных проблем. В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что большинство молодых людей недостаточно информированы о программах, направленных на поддержку улучшения жилищных условий, а тем более о условиях участия в них. Хорошо знает о таких мероприятиях только та категория, которая либо уже является участниками программы, либо те, кто пытался принять в них участие.

Большинство современной молодёжи узнает о проводимой на территории городского округа Сухой Лог молодежной жилищной политике от друзей, родственников, знакомых. Но информация, полученная таким образом, не всегда является правильной и достоверной. В итоге, молодые люди, не зная или не владея полной информацией, а также та категория, условия проживания которой не соответствуют установленным требованиям, не принимают или не могут принимать участие в реализующейся программе. Та категория молодых людей, условия которой не позволяют признать их нуждающимися в улучшении жилищных условий, считают программу не реальной, а условия вступления в программу оценивают как завышенные.

Становится очевидной необходимость как усиления информационной политики, так и укрепление финансовой базы муниципальных образований.

Список литературы:

1. О стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 № 1760-р// Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. III). Ст. 5622.

2. Муниципальная программа «Обеспечение жильем молодых семей на территории городского округа Сухой Лог» на 2011-2015 годы [электронный ресурс]. режим доступа: //http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru (12.01.15).

УДК 504.7

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Павлюченков Артем Игоревич
магистрант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: pavlyuchenkovartem2@mail.ru

THE PROBLEMS IN ORGANIZATION OF THE TECHNOSPHERE SAFENESS IN THE MUNICIPAL FORMATIONS

Pavlyuchenkov Artem Igorevich
Master Ural Federal University Yekaterinburg city.
E-mail: pavlyuchenkovartem2@mail.ru

АННОТАЦИЯ – В данной статье рассматриваются вопросы обеспечения техносферной безопасности на уровне муниципальных образований. Обобщены наиболее значимые проблемы организации техносферной безопасности, выявлены факторы влияния на эффективность обозначенного процесса.

ANNOTATION – The article discusses the problems of the technosphere safeness at the municipal level. Summarized the most important problems in organization of the technosphere safeness, identified factors which influence on the effectiveness of the indicated process.

Ключевые слова: техносфера, опасности техносферы, техносферная безопасность

Key words: The technosphere, the dangers of technosphere, the technosphere safeness.

Одна из глобальных проблем современной цивилизации – проблема сохранения среды обитания, обеспечение техносферной безопасности. Решение этой проблемы в рамках региона и муниципальных образований может рассматриваться как цель социально-экономического развития. Проблемы техносферной безопасности возникли не сегодня – еще в начале XX в. ученые обозначили возникновение новой среды обитания человека – искусственно созданной техносферы. Человек является частью биосферы земли, постоянно взаимодействует с процессами происходящими в ней. Стремясь создать условия, максимально удовлетворяющие потребности человека в комфорте и безопасности, человечество в своем развитии активно изменяет окружающую среду, используя разнообразные технические средства. Это приводит к значительным изменениям среды обитания под действием антропогенных факторов. Техносфера, созданная человеком с помощью техники и технологий, представляет собой территории, занятые городами, поселками, сельскими поселениями, промышленными зонами и предприятиями. При этом техносферные условия имеют два полюса: с одной стороны, повышение комфортности и обеспечение защиты от внешних естественных воздействий окружающей среды (что и было целью преобразования среды обитания), с другой – негативное воздействие техносферы на природу и самого человека.

По мнению С. В. Ефремова, комплекс негативных факторов, связанных с развитием техносферы включает:

- химическое загрязнение - увеличение содержания вредных химических веществ в воздухе, воде, почве, продуктах питания;
- физическое загрязнение (параметрическое) – изменение физических параметров среды обитания (повышение температуры, рост уровня шума, радиационного и электромагнитного полей);
- биологическое загрязнение – увеличение содержания болезнетворных микроорганизмов, рост заболеваемости, появление новых опасных инфекций;
- негативные социальные и психологические факторы, обусловленные социальным и информационным стрессом, что ведет к росту психосоматических заболеваний, росту преступности, наркомании, суицидам [3, с.2].

Как показывает практика, проявление негативных факторов техносферы характерно, прежде всего, на региональном уровне. Пример тому – Уральский Федеральный округ. В настоящее время Урал является одним из самых экологически загрязненных регионов России, что связано с перенасыщенностью региона загрязняющими производствами (металлургия, химические производства и т.д.). Главной причиной нарастания в регионе экологической напряженности (фактически – экологического кризиса) явились, по мнению Гаврилова Д.В.: «технократический подход к развитию производительных сил и использованию природных ресурсов; пренебрежение проблемами экологии, охраны окружающей среды; экстремист-

ское, агрессивное отношение к природе» [4, с.16]. Последствия экологической ситуации на Урале отражаются и в смежных регионах – Сибирь, Зауралье, Поволжье, что обусловлено геополитическим положением Урала на границе Европы и Азии, водораздельным характером Главного Уральского хребта, направлениями атмосферной циркуляции. Все это способствует распространению загрязнений через водные и воздушные потоки.

Таким образом, сегодня проблема техносферной безопасности – это не столько задача по ликвидации аварий, техногенных катастроф, смягчение экологических последствий деятельности человека, сколько – задача формирования такой среды обитания человека, которая бы способствовала его комфортному существованию, и в глобальном плане – сохранению человека как биологического вида. В рамках техносферы регионального уровня и отдельных муниципальных образований возможно проявление четырех состояний системы «человек – среда обитания»:

1. Комфортное (оптимальное) взаимодействие, когда создаются оптимальные условия деятельности и отдыха; предпосылки для проявления наивысшей работоспособности и, как следствие, продуктивной деятельности; гарантируются сохранение здоровья человека и целостный компонент среды обитания.
2. Допустимое, когда техносфера воздействуя на человека, не оказывает негативного влияния на здоровье, но может проявляться дискомфорт, что снижает эффективность деятельности человека. Соблюдение условий допустимого взаимодействия техники и человека гарантирует невозможность возникновения и развития необратимых негативных процессов в среде обитания.
3. Опасное, когда негативные факторы техносферы превышают допустимые уровни, что ведет к росту заболеваемости и деградации природной среды.
4. Чрезвычайно опасное, когда за короткий период времени негативные факторы техносферы могут привести к росту смертности, вызвать разрушения в природной среде [2, с.102].

Из приведенных состояний системы «человек – среда обитания» только комфортное и допустимое отвечают позитивным условиям повседневной жизнедеятельности человека, другие (опасное и чрезвычайно опасное) – не допустимы, т.к. ведут к развитию экологической катастрофы в рамках техносферы региона и/или муниципального образования.

Современная действительность такова, что развитие техносферы приводит к ухудшению состояния окружающей среды. По данным статистики, от природных и техногенных катастроф ежегодно гибнет более 350 тыс. чел. [5, с.748]. Согласно «Атласа природных и техногенных опасностей и рисков в РФ» «интенсивно стареют фонды – заводы, фабрики, коммуникации активно строились еще в 50-60 гг.» [1]. В год в России происходит в среднем до 800 чрезвычайных ситуаций техногенного и природно-техногенного характера.

В Курганской области основными неблагоприятными факторами являются выбросы в атмосферу и гидросферу вредных веществ, задымленность, повышенное содержание оксидов углерода, использование транспорта, пожары, в т.ч. лесные и др. Приведем пример последствий воздействия неблагоприятных факторов по г. Шадринску и Шадринскому району Курганской области.

Таблица 1

Последствия влияния техногенных факторов (Источник: [6])

Вид ЧС	2013 год					2014 год				
	Количество	Гибель людей, чел.	Травмировано, чел.	Спасено, чел.	Ущерб, тыс. руб.	Количество	Гибель людей, чел.	Травмировано, чел.	Спасено, чел.	Ущерб, тыс. руб.
Пожары										
г. Шадринск	92	9	9	13	4427,6	97	7	12	66	3434,7

Продолжение табл.1

Шадринский район	52	6	3	0	166,5	49	8	8	0	150,0
Всего	144	15	12	13	4594,1	146	15	20	66	3584,7
ДТП										
г. Шадринск	106	3	119	0	-	81	3	80	0	-
Шадринский район	57	7	91	0	-	37	3	53	8	-
Всего	163	10	210	0	-	118	6	133	8	-

Как показывают данные таблицы, в г. Шадринске и Шадринском районе только от пожаров ежегодно погибает 15 человек. Ущерб от пожаров составил в 2013 г. более 4,4 млн. руб., в 2014 г. – свыше 3,4 млн. руб. Еще большее число пострадавших при дорожно-транспортных происшествиях: в 2013 г. число пострадавших 220 чел., из них 10 – погибших; в 2014 г. - 138 чел., из них 6 – погибших. Значительны потери от техногенных факторов и в другой области – ухудшение здоровья, снижение продолжительности жизни, демографическая ситуация (воспроизводство населения). В таблице 2 приведены данные о рождаемости и смертности по г. Шадринску.

Таблица 2

Данные о смертности и рождаемости в муниципальном образовании (По данным отчетности Отдела здравоохранения Администрации г. Шадринска [7])

Показатели	2012	2013	2014
Численность населения, чел.	77750	76900	74567
Родившихся, чел.	778	843	850
Умершие, чел.	1292	1173	1160
Естественный прирост (убыль) населения, чел.	-514	-330	-310
Число случаев смерти лиц в возрасте до 65 лет	536	404	347
Из них: на дому - всего	72	33	11
в том числе - от инфаркта миокарда / от инсульта	0/11	0/12	0/9
в первые сутки в стационаре - всего	81	33	25
в том числе - от инфаркта миокарда / от инсульта	0/63	5/9	3/9
Удельный вес случаев смерти лиц в возрасте до 65 лет, %	41,52	34,42	29,96
Число случаев смерти детей до 18 лет	383	338	312
Из них - на дому	6	4	7
- в первые сутки в стационаре	0	2	0
Удельный вес случаев смерти лиц в возрасте до 18 лет, %	29,67	28,78	26,87

В г. Шадринске наблюдается тенденция снижения общей численности населения, одна из причин которой – отрицательный естественный прирост (убыль) населения (превышение смертности над рождаемостью. Постепенно идет изменение динамики данных показателей: рождаемость растет, а число умерших, напротив, снижается, что влияет на показатель естественной убыли. Вызывает серьезную тревогу высокий уровень смертности среди детей – более 300 человек ежегодно. В перерасчете на 1000 жителей детская смертность составляет: 4,93 случая в 2012 г., 4,39 – в 2013 г. и 4,18 – в 2014 г. Детская смертность неоднородна и имеет принципиальную возрастную и причинную специфику. Интенсивность смертности в возрасте от 0 до 4 лет выше за счет умерших детей на первом году жизни. Далее смертность детей снижается вплоть до 10-14 лет, где она достигает минимума, к 15-17 годам вновь растет и в этом интервале вдвое превышает смертность в 10-14 летнем возрасте. Структуру смертности детей в 2014 г. определили неуправляемые причины – травмы и отравления (37,2%). Динамика структуры смертности детей характеризуется ростом удельного веса смертности от внешних причин (с 33,9% до 37,2 %) и большинства управляемых причин, исключая смертность от болезней системы кровообращения - снижение удельного веса смерт-

ности с 1,8% до 0,4%. На второй позиции болезни органов дыхания (9,7%), далее следуют новообразования (6,6%), затем болезни нервной системы и органов чувств (4,9%).
Как следует из перечисленных причин смертности среди детей, они обусловлены в первую очередь неблагоприятными факторами окружающей среды: заболевания органов дыхания – выбросами в атмосферу химических веществ; заболевания кровообращения и новообразования – высоким радиоактивным фоном и т.д.

Интегральным показателем воспроизводства населения является показатель младенческой смертности. За последние 10 лет показатель смертности детей первого года жизни снизился в 2 раза, с 19,9 до 10,5 на 1000 родившихся живыми. Но уровень младенческой смертности в Курганской области ежегодно превышает средний показатель по России. В причинной структуре младенческой смертности ведущее место занимают перинатальные причины, удельный вес в общей причинной структуре более 40 %. Структура младенческой смерти в 2014 г.: ведущими причинами смерти детей на первом году жизни остаются состояния, возникающие в перинатальном периоде – 40,3%, врожденные аномалии развития – 11,8%, травмы и отравления – 16,8%.

Таблица 3

Структура младенческой смертности (основные причины) (По данным отчетности Отдела здравоохранения Администрации г. Шадринска [7])

Показатель	Ед. изм.	Годы									
		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Состояния, возникающие в перинатальном периоде	на 10 тыс. род. живыми	94,5	69,2	60,4	71,7	57,7	49,5	66,4	68,4	51,1	40,1
	уд.вес в %	47,5	40,4	40,0	49,3	40,8	40,5	47,5	57,5	51,7	40,3
Врождённые аномалии (пороки развития)	на 10 тыс. род. живыми	37,4	36,1	34,9	26,8	31,6	28,1	31,2	18,9	14,3	11,7
	уд. вес в %	18,8	21,1	23,1	18,4	22,3	23,0	22,3	15,9	14,4	11,8
Болезни органов дыхания	на 10 тыс. род. живыми	23,6	26,0	19,8	13,4	14,0	10,7	10,7	4,5	9,2	13,4
	уд. вес в %	11,9	15,2	13,0	9,2	9,9	8,7	7,6	3,8	9,3	13,4
Инфекционные болезни	на 10 тыс. род. живыми	14,4	14,0	8,5	4,8	7,4	5,8	7,8	5,4	4,2	1,7
	уд. вес в %	7,2	8,2	5,6	3,3	5,2	4,8	5,6	4,5	4,2	1,7
Несчастные случаи, отравления и убийства	на 10 тыс. род. живыми	11,8	16,0	19,8	8,6	15,8	10,7	12,7	8,1	6,7	16,7
	уд. вес в %	5,9	9,3	13,1	5,9	11,2	8,7	9,1	6,8	6,8	16,8
Прочие причины	на 10 тыс. род. живыми	18,0	11,0	7,6	20,1	14,9	10,8	11,0	13,5	13,4	16,5
	уд. вес в %	9,0	6,4	5,0	13,8	10,5	8,7	7,9	11,4	13,6	16,0

Ведущие позиции в структуре заболеваемости детей первого года жизни, как и в предыдущие годы, принадлежат болезням органов дыхания и состояниям, возникающим в перинатальном периоде (таблица 3). В структуре общей заболеваемости лидируют болезни органов дыхания - 46,2% (по РФ в целом – 51%), болезни органов пищеварения - 9,0% (по РФ - 6,8%), болезни глаза и его придаточного аппарата - 7,2% (по РФ - 4,7%), болезни нервной системы - 5,2% (по РФ - 4,3%), болезни кожи и подкожной клетчатки - 4,7% (по РФ - 4,6%), 7-е ранговое место занимают травмы и отравления - 4,4% (по РФ – 4,7%).

Таким образом, к новым техносферным условиям обитания человека относится его существование в городах, сельских поселениях и промышленных центрах, производственные, транспортные и бытовые условия жизнедеятельности.

Анализ совокупности негативных факторов техносферы, действующих в настоящее время, показывает: наибольшее влияние имеют антропогенные негативные факторы, прежде всего, техногенные. Они сформировались в результате преобразующей деятельности человека, что привело к изменениям в биосферных процессах. Уровни и масштабы воздействия негативных факторов постоянно нарастают, что может привести к необратимым деструктивным изменениям. Под влиянием этих факторов меняется не только окружающий мир, но и восприятие этого мира человеком, возникают патологические изменения в организме. Как следствие – проблемы демографии, здоровья нации и рост социальной напряженности в обществе.

Даже такой краткий анализ ситуации в муниципальном образовании г. Шадринск Курганской области позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра подходов к организации и управлению техносферной безопасностью. Если не менять ни в качественном, ни в количественном измерении, хозяйственную деятельность человека на фоне научно-технического прогресса, негативное воздействие промышленности, транспорта и пр. на природные объекты будет только возрастать, а желаемая эффективность по снижению антропогенной нагрузки не будет достигнута.

Следует подчеркнуть, что с точки зрения целей и задач социально-экономического развития регионов, решение проблем техносферной безопасности должны обеспечить снижение рисков гибели и повреждения здоровья людей в результате неблагоприятного воздействия техногенных факторов (загрязнение воздуха, воды, почвы, продуктов питания; воздействие шума, вибрации, излучений различной природы) и техногенных аварий и катастроф, а также снижение социальной напряженности в обществе, которая обусловлена урбанизацией населения. Немаловажным фактором является рост информационных потоков.

На уровне муниципальных образований необходим координационный центр обеспечения техносферной безопасности, задачи которого – мониторинг, анализ и профилактические меры, в том числе массовое внедрение в сознание людей *культуры безопасности*, основанной на получении каждым человеком знаний о происхождении опасностей и принципах их предупреждения. Особо важным внедрение такой культуры представляется в сознание предпринимателей, руководителей промышленных предприятий, от которых во многом зависит состояние техносферы в каждом отдельном регионе и муниципальном образовании.

Практика показывает, что решить задачу полного устранения негативных воздействий в техносфере невозможно. Поэтому основная задача организации техносферной безопасности – ограничение воздействия негативных факторов их допустимыми уровнями с учетом их одновременного воздействия.

Если вопросы предупреждения ЧС достаточно изучены и нормируются государством, то вопросы мониторинга, оценки безопасности техносферы и профилактики воздействия ее неблагоприятных факторов не получили еще должного развития. Руководителям муниципальных образований нельзя ждать, когда появятся решения вышестоящих органов власти о создании такого рода Центров, а следует решать данную проблему на местном уровне.

Список литературы:

1. Атлас природных и техногенных опасностей и рисков. – URL: http://mpru.mosreg.ru (дата обращения 12.01.2015)
2. Белов С.В. Ноксология./С.В. Белов, Е.Н. Симакова. – М.: Юрайт, 2012. – 429 с.
3. Ефремов С.В. Управление техносферной безопасностью./С.В. Ефремов. – СПб.: Питер, 2013. – 47 с.
4. Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале/под ред. Д.В. Гаврилова. – Екатеринбург:УрО РАН, 1997. – 145 с

5. Краснослободцева А.Е. Проблемы процесса управления в техносферной безопасности/А.Е. Краснослободцева.//Известия Самарского НЦ РАН, т. 14. - № 1(3). – 2012. – с.748-753
6. Данные оперативных сводок ФГКУ «2 отряд ФПС по Курганской области»
7. Отчет Отдела здравоохранения//официальный сайт Администрации г. Шадринска – URL: chadrinsk.ru (дата обращения 12.01.2015)

УДК 316.334.3:796

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТОМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Паначев Валерий Дмитриевич
доктор социологических наук, профессор., зав. каф.
Оплетин Анатолий Александрович
канд. пед. наук, доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь
E-mail: panachev@pstu.ru

PARTICULARITIES OF MANAGEMENT SOCIAL INSTITUTE PHYSICAL CULTURE: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Opletin Anatoliy Aleksandrovich*, kand. ped. sciences, assistant professor*
Panachev Valery Dmitrievich*, d. sociol. n., prof., zav. kaf. fiz. cultures*
Perm national exploratory polytechnic university, Perm

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена рассмотрению методологических проблем анализа социального института физической культуры и спорта. Обосновывается использование философско-антропологического подхода. Осуществляется критическое рассмотрение исследования физкультурно-спортивной деятельности личности, осуществленного в современной философской, социологической и педагогической литературе.

ABSTRACT – The Article is dedicated to consideration of the methdological problems of the analysis of the social institute of the physical culture and sport. Use philosophical-anthropological approach is motivated. Happens to the critical analysis of the study athletic-cport activity to personalities realizable in modern philosophical, sociological and pedagogical literature.

Ключевые слова: социальный институт физической культуры, особенности управления, философско-антропологический подход

Keywords: social institute of the physical culture, particularities of management, philosophical-anthropological approach

В анализе современного социального института физической культуры используются позитивистские подходы. В целом они, конечно, правомерны, и в педагогически-прикладном плане в определенной мере продуктивны, однако сами по себе не обеспечивают подлинного понимания интересующих нас управленческих особенностей. Данная ситуация имеет негативные последствия как для теории, так и для практики социальной деятельности. Кроме того, следует обратить внимание, что доминирование естественнонаучного (соответственно – ослабленность общегуманитарного) компонента в системе наук о физической культуре затрудняет полноценное развитие и самих естественнонаучных исследований [1-4].

На наш взгляд, следует принять во внимание модель человеческого существования, которую рассматривает философия и философская антропология. Известно, что эта модель строится в соответствии с принципом триады: Х. Плеснер – «Человек живет как душа, и как

тело, и как психофизиологически нейтральное единство этих сфер» [4; 68]. Игнорирование данного аспекта проблем приводит к тому, что большинство попыток общеконцептуального рассмотрения физической культуры оказываются недостаточно эффективными.

Наиболее очевидным проявлением сказанного является тот факт, что философское и социологическое рассмотрение, с одной стороны, и естественнонаучный анализ физической культуры – с другой, остаются радикально разобщенными. Практически любой учебник или учебное пособие по теории физической культуры в полной мере демонстрируют это.

Методологически ограниченными являются и многие попытки изучения социального феномена «физическая культура». Основное внимание обращается на его определение, которое чаще всего трудно назвать удачным. Физическая культура «производит» субъекта, данная культура есть лишь там, где есть такое производство. Тот или иной социальный процесс суть культура в той мере, в какой он способен осуществить указанное производство. В частности, такого рода процессом и, следовательно, процессом воссоздания человеческой телесности, является философское рассуждение («Метафизика может действовать только воплощениями. Наша плоть идет в дело»[3; 79]). И тут дело не только в нарушении методологического принципа, в соответствии с которым любую социальную деятельность, в частности, физическую культуру, следует рассматривать как процесс, по поводу которого должен быть поставлен вопрос: «в какой степени и каким образом он может реально воспроизводить своего субъекта?». Прежде всего, отметим, что здесь часто наряду с указанием на двигательную природу деятельности, в связи с чем только и возможно корректно ставить вопрос о реальности указанного производства, называются характеристики, которые отражают определенные предположения авторов о субъективных особенностях физкультурно-спортивной деятельности (как правило, это утверждение, что спорт по сути своей является игровой активностью).

Подчеркнем, что именно отсутствие указанного уточнения и полномасштабного его использования в общеконцептуальном плане выступает в настоящее время главным препятствием на пути продуктивного философского и социологического анализа данной деятельности. Кроме того, анализ, отвечающий вышеуказанным методологическим требованиям, обращен к кардинальной для гуманитарной науки в целом проблеме бытия человеческого Я. Он ориентирует нас на уточнение и развитие представлений о тех процессах, которые составляют глубинную основу акта человеческой самоидентификации (самоактуализации, самореализации). Анализ ставит нас перед необходимостью не просто использовать уже имеющиеся философско-антропологические концепции, а творчески дорабатывать соответствующие представления. Отсутствие установки на такого рода анализ в значительной мере обедняет гуманитарное исследование физической культуры и делает его малоинтересным для представителей иных ее отраслей.

Методологически скорректированный анализ физической культуры позволит, наконец, существенно более продуктивно, чем в настоящее время, проводить исследование двигательного действия, человека как поступка, человеческого тела – как телесности, здоровья – как оптимального режима функционирования этой телесности, понимаемой, в свою очередь, как онтологически заданный феномен рефлексивного бытия, наконец, соревновательности – как внутреннего момента любого акта самосознания личности со всеми его трудностями и свершениями.

Разработка и усиление гуманитарного (прежде всего, философского) компонента существующей в настоящее время системы знаний о физической культуре, несомненно, самым позитивным образом скажутся и на решении управленческих проблем в данной сфере социальной жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Визитей Н. Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений. – М.: Советский спорт, 2009. 189 с.

2. Матвеев Л. Теория и методика физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 2007. 544с.

3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, 1999. – 605 с.
4. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблемы человека в Западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96-151.

УДК 316.65.0

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Парыгина Ольга-Виктория Владимировна
аспирант
Сургутский государственный педагогический университет», Сургут
E-mail: oliwl@mail.ru

YOUTH AS THE SUBJECT OF INTERACTION WITH THE LOCAL AUTHORITIES

Olga-Viktoria Parygina
Post Graduate, Surgut State Pedagogical University, Surgut

АННОТАЦИЯ – В статье характеризуется молодежь как субъект взаимодействия с органами местного самоуправления, ее ресурсы, функции, дисфункции. Описывается необходимость взаимодействия властных структур и молодежи.

ABSTRACT – In article the youth as the subject of interaction with local authorities, its resources, functions, dysfunctions is characterised. Necessity of interaction of power structures and youth is described.

Ключевые слова: взаимодействие, ресурсы, функции, дисфункции, органы местного самоуправления, молодежь.

Key words: Interaction, resources, functions, dysfunctions, local authorities, youth.

Процессы трансформации и модернизации, происходящие в настоящее время в российском обществе, порождают необходимость взаимодействия властных структур и молодежи. Такая необходимость особенно ярко выражена на местном уровне. Это обусловлено рядом обстоятельств, немаловажным из которых является то, что «местный уровень власти законодательно предполагает максимальную близость органов управления и населения»[1, С.15], предельно приближен к интересам и потребностям местного сообщества на локальной территории их проживания, поэтому большинство социальных проблем решается именно на муниципальном уровне. Среди ключевых обстоятельств мы отмечаем и то, что молодежь является особой социальной общностью, проживающей на территории муниципального образования (и, по сути, важнейшей частью любого общества), так как она «представляет некую постоянно существующую в обществе специфическую общность, которая в каждый конкретный настоящий момент выступает для данного общества его будущим. Молодёжь выступает отражением всей совокупности общественных отношений (микро- и макрофакторов среды)» [7]. Ее «можно рассматривать как «общество в обществе» и устроена так же, как «большое» общество»[3, С.13]. К тому же молодые люди являются главными претендентами на доминирование в распределительных отношениях. Кроме того молодежные проблемы «в прогностическом плане значительно в большей степени влияют на перспективы развития общества (его прогресс или регресс)» [6, С.49]. Она есть резерв, «потенция, готовая к любому начинанию» [5, С.574-575]. В том числе и такого начинания, которое может иметь протестное начало: «неслучайно все социальные революции… возглавлялись молодыми» [2, С.577].

Вышесказанное дает понять о наличие следующих фактов. Во-первых, это неизбежность и долженствование самого взаимодействия молодежи и органов местного самоуправ-

ления. А, во-вторых, это неизбежная и необходимая встроенность в это взаимодействие и молодежи (как субъекта взаимодействия с власть имущими), и самих представителей власти (как субъекта взаимодействия с молодыми людьми). Вопрос заключается в следующем, какое это взаимодействие: партнерское (двустороннее и солидарное) или взаимодействие, строящееся на противоречии/конфликте (одностороннее и антагонистическое), основанное на принуждении как угрозе насилия? И какова роль молодого человека как субъекта взаимодействия с органами местного самоуправления в этом взаимодействии: роль равноправного, активного, автономного партнера или же роль немого и смиренного исполнителя готовых решений власть имущих? Но главное, каков он субъект взаимодействия, состоящий из молодых людей: каковы его возможности, ресурсы и т.д.?

Взаимодействие между социальными общностями, в том числе и такими как молодежь и работники органов местного самоуправления, происходит посредством использования и обмена имеющихся у них ресурсов, капитала. Но это только в случае партнерского (двустороннего и солидарного) взаимодействия. Праксеологическая ценность такого взаимодействия состоит в том, что в процессе совместной деятельности молодежи и работников органов местного самоуправления происходит органичное взаимодополнение потенциалов и помимо сложения и мобилизации их ресурсов, возникают абсолютно новые ресурсы, что стимулирует попутное возникновение позитивных социальных эффектов, способствует повышению эффективности и достижению синергетического эффекта.

У власть имущих это в первую очередь административный (властный) ресурс. Более живой интерес представляют ресурсы, которыми обладает молодежь как социальная общность и как субъект взаимодействия с работниками органов местного самоуправления. Молодежь, как и любая социальная общность, обладает определёнными ресурсами, среди которых мы выделяем: энергичность; здоровье; работоспособность; мобильность; динамичная адаптация к внешним условиям, гибкость мышления, восприимчивость к новому знанию, хорошая память, творческий ресурс (проявляющийся в смекалке, стремлении к креативности, инновационной деятельности, формированию научных гипотез); запас дружественных форм общения, оптимизма и уверенности в своих силах (в силу возраста с отсутствием негативного социального опыта или небольшого его наличия, так как с течением времени отрицательные эмоции суммируются, поэтому данный ресурс с взрослением молодых людей истощается, по мере социализации во «взрослую жизнь», оптимизм становится более сдержанным); энтузиазм и эмоциональность; стремление к самовыражению, самосовершенствованию, самоорганизации, альтруистической деятельности, самоотверженности, тяготение к подвигу; романтизм; внешние проявления молодости: природная физическая красота, отсутствие морщин и седых волос, др.; неприхотливость в быту (готовность переносить тяготы скромного/«спартанского» быта).

С**крытые ресурсы** мы рассматриваем в виде потенциала или способностей, которые могут быть развиты в будущем и/или мобилизованы:

- **Интеллектуальный потенциал** (инновационный потенциал).
- **Достижительный потенциал** (упорство, целеустремленность).
- **Социальный потенциал** молодёжи, который представляет собой интегральную характеристику «совокупных качеств, резервов и возможностей (психофизических, образовательных, социально-экономических, общественно-политических и культурно-духовных)… Структурная модель социального потенциала молодёжи включает в себя пять субпотенциалов: психофизический, образовательный, социально-экономический, общественно-политический и культурно-духовный» [6]. В рамках социального потенциала мы особо выделяем **такой скрытый ресурс, как запас социальной активности** (наличие возможности активно влиять на ситуацию и принятие решений). Данный ресурс позволяет рассматривать молодежь в том числе и как источник социальных изменений.

В современных российских законодательных актах предусматриваются способы использования капитала и ресурсов молодежи в осуществлении местного самоуправления/в партнерском взаимодействии с органами местного самоуправления, нацеленном на принятие

двухсторонних управленческих решений. Но на практике получается двойственная ситуация: с одной стороны, существует формально-правовая возможность участия молодежи в управлении муниципалитетом, но с другой – молодежи фактически не предоставляется такая возможность в режиме социальных практик, то есть в режиме повседневных привычных действий. Данный факт был неоднократно эмпирически подтвержден. Например, социологом С. В. Кочневым выявлено, что участие молодых граждан в партнерском взаимодействии с органами власти сдерживается рядом таких факторов, как: неуверенность в собственных силах и недоверие к процедурам участия (39,7%), недоверие к администрации (23,8%), отсутствие интереса (29,8%) и др.[4, с.16]. По данным другого социологического исследования среди молодежи «большинство (56,5%) считают, что у них сегодня нет возможности доносить свои интересы до власти и отстаивать их, а по мнению 46,1% опрошенных – нет возможности диалога с властью» [2, С.146].

Необходимость в более полном понимании того, что собой представляет молодежь как субъект взаимодействия, логически ведет к постановке вопроса о ее функциях. Среди имеющихся функций таких, как воспроизводственная, интегративная, коммуникативная, социокультурная функция и др., для нас наибольшее значение приобретает выделение д**исфункций:**

1) дестабилизация общественных отношений;
2) дестабилизации общественного порядка;
3) дестабилизации семейных отношений (по причине психологической неготовности к браку, отсутствия общих целей и интересов, неоправданных ожиданий относительно брака, неисполнения семейных обязанностей и т.д.).

Данные дисфункции напрямую зависят от следующих «**поддисфункций**»:

1) генерирование культурных «антиобразцов», проявляющееся в появлении таких ценностей, идеологии и норм поведения, которые конфронтируют с общепринятым (данная функция особенно характерна для представителей молодежных группировок и субкультур);
2) отчуждение от местной власти (в связи с низким доверием к ней *молодежи* и интересом к их деятельности, неумением выстраивать партнерские отношения с властью и вести с ней конструктивный диалог, отсутствием правовой, управленческой культуры);
3) нигилизм (в том числе правовой);
4) п*атернализм;*
*5) а*бсентеизм;
6) уклонение от социальной ответственности и социального контроля;
7) уклонение от результат-ориентированного участия в местном самоуправлении;
8) у*клонение от следования традициям: «Мы наш, мы новый мир построим»;*
*9) у*клонение от соблюдения закона (нарушение правил проживания в многоквартирном доме, правил дорожного движения, уход в теневую экономику, взяточничество, коррупция и т.д.);
10) уклонение от вступления в производственно-экономические отношения и затягивание данного «уклоннического» периода;
11) предпочтение свободного времени трудовой деятельности;
12) снижение мотивации к добросовестному труду и честной конкуренции;
13) потеря/снижение уровня этики труда (восприятие труда в качестве необходимой повинности, а не в качестве способа самовыражения и самореализации); 14) бесцельная трата времени в Интернете;
15) снижение мотивации к обучению, преграждающее путь образованию и самообразованию, чем способствует забвению уроков истории, потере преемственности поколений, вследствие чего возникают такие группировки как скинхэды, украинская радикальная организация «Правый сектор» и т.д.;
16) неспособность выбрать из большого количества альтернатив навязываемых из вне, «низменных» и «низкокачественных» культурных образцов, вследствие чего молодежь вестернализируется (американизируется), шопоголизируется, «паразитируется» и т.д.;

17) иррациональность/максимализм (в силу психологических особенностей, остроты и многообразия переживаний молодежь идеализирует некоторые жизненные представления, поэтому у нее значительно снижается способность цивилизованно решать конфликтные ситуации, в том числе из-за нежелания и неумения идти на компромиссы, сопровождающееся с наивностью и напористостью, подпитанное отсутствием опыта, позволяющего видеть различные грани проблемы и находить оптимальные решения);
18) утрата воображения и творческого подхода к деятельности в силу развития информационных технологий и появления различных гаджетов.

Немаловажное значение имеют и л**атентные функции,** среди которых мы выделяем: 1) аккумулирование и положительного, и негативного общественного настроения; 2) динамичная адаптация к изменениям и новым реалиям, в ущерб вечному, светлому, доброму.

Понимая значимость ресурсов, учитывая в особенности дисфункции и латентные функции молодежи, реализация которых может способствовать серьезной разбалансированности социальной системы муниципалитета, местная власть делает попытки выстроить партнерское взаимодействие с молодыми людьми посредством социального диалога. Однако он представляет собой социальный квази-диалог, и, как правило, подменяются имитацией двухстороннего и солидарного взаимодействия. Социальное взаимодействие работников органов местного самоуправления и молодежи можно охарактеризовать как «декоративное», так как создается ситуация видимого благополучия, за которой фактически стоит скрытый конфликт интересов молодежи и представителей местной власти. Для того чтобы открыто противопоставить свои интересы интересам местной власти, выступить против политики органов местного самоуправления, молодежь должна быть не только активна, уметь самоорганизовываться и проявлять самоуправленческое поведение, но и обладать гражданской смелостью, мужеством. Однако в современных российских условиях, с господством вертикали власти, несформированностью гражданского общества и правового государства, цена такого «противопоставления интересов» очень велика.

В настоящее время российское общество переживает целый ряд реформ, процессы модернизации и трансформации. Большая часть из происходящих социальных изменений порождает необходимость взаимодействия властных структур и молодежи.

Список литературы:

1. Викулова С.К. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением: проблемы регулирования социальной напряженности [Текст]: автор. дисс. … канд. соц. наук / С.К.Викулова. М., 2010. 16 с.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги – М.: ЦСП иМ, 2010. – 592 с.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России [Электронный ресурс] - М.: Московская школа политических исследований, 2011. - 96 с. // Официальный сайт АНО Левада-Центр - Режим доступа: http://www.levada.ru/books/molodezh-rossii
4. Кочнев С. В. Социальные практики участия молодежи в принятии общественно значимых решений [Текст]: автор. дисс. … канд. соц. наук М.: Из-во ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет». 2011. 16 с.
5. Мангейм К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Мангейм. М.: РАО «Говорящая книга», 2010. 744 с.
6. Манько Ю.В., Оганян К.И. Социология молодежи [Текст] Издание второе, дополненное (Учебное пособие) – СПб.: ИД «Петрополис», 2010. -336 с.
7. Филиппов В. Э. Социальный потенциал современной молодёжи в условиях модернизации российского общества: социологический анализ [Электронный ресурс] / автор. дисс. … канд. соц. наук. -М., 2007. // Научная электронная библиотека disserCat - Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/sotsialnyi-potentsial-sovremennoi-molodezhi-v-usloviyakh-modernizatsii-rossiiskogo-obshchest

УДК 316.613.42:061.2

ЦЕННОСТЬ ДОВЕРИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА

Певная Мария Владимировна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

TRUST VALUE IS THE IMPERATIVE OF VOLUNTERING'S DEVELOPMENT

Mariya Pevnaya
Candidate of Science, assistant professor of
Ural Federal University. Ekaterinburg.

АННОТАЦИЯ – В статье изложены теоретические основания рассмотрения доверия как ценности волонтерства. Анализ волонтерства на отдельных территориях, изучение истории исследуемого вопроса и выделение ключевых проблем в его развитии позволили построить три теоретические модели: демократическую, постсоветскую и смешанную. По данным WVS и рейтинга CAF реализовано сравнение данных моделей и сопоставление их с характеристиками проявлений различных типов и видов доверия в отдельных странах (США, Австралии, России, Германии, Польше и Румынии), где реализуются эти модели.

ABSTRACT – The article shows theoretical background of the research where trust is investigated as a social value. There are three models of volunteering development which have been simulated as a result of the volunteering research in different countries and territories. These models are compared in different situations where trust as a value is realised in various kinds on different levels of a social interaction. The author analyzed the data of World Value Survey and World Giving Index CAF.

Ключевые слова: волонтерство добровольчество доверие модель волонтерства
Keywords volunteering trust model of volunteering

Постановка проблемы− доверие как ценность

Повседневное, социальное и культурное значение доверия как определенного концепта, явления, базовой социальной ценности сегодня не подвергается сомнению. В ценностном измерении доверие имеет следующие характеристики. Оно порождается культурой человеческого общества, наделяющей его фундаментальным смыслом. Доверие как константа имеет ярко выраженный аспект социальности и аксиологическую значимость для общества, социальных общностей и отдельных людей. Данная ценность в разных своих проявлениях непосредственно связана с активной деятельностью человека, что помогает ей реализовывать свою дуальную природу. С одной стороны, интернализованное доверие к другим людям, общностям, социальным институтам стимулирует активность человека как актора, с другой, − может рассматриваться как результат их активности, реализуемой в ходе взаимодействия с другими людьми. Доверие как ценность в объективном плане сопряжено с социальными нормами, определяющими стремления, поступки и действия людей. В субъективном смысле оно может лежать в основе мотивации личности.

Доверие представляет собой сложный феномен общественного сознания и поведения, имеющий свою структуру, уровни, различные типы. На макроуровне роль доверия в обществе современного типа заключается в том, что «системы социальных связей и отношений формируются на основании доверия или недоверия, которое вызывают друг у друга участники в ходе взаимодействия» [4, с. 31]. По нашему мнению, наиболее показательным индикатором доверия данного уровня может рассматриваться «обобщенное генерализированное до-

верие», показывающее число тех людей, кто в той или иной стране доверяет другим людям [9]. На мезоуровне социального взаимодействия доверие обеспечивает действия людей как «субъектов действий» в соответствии с ожидаемым ими порядком, «основанным на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых представлениях» [3, с. 3]. Л. Гудков поэтому утверждает, что доверие обеспечивается коллективными действиями, вне зависимости от его конкретных смысловых оснований. Оно входит в общий набор групповых норм поведения и передается от поколения к поколению как социальный капитал того или иного сообщества. Ценность доверия данного уровня находит свое отражение в отношении людей как членов определенных общностей к другим социальным общностям, с членами которых им приходится взаимодействовать, в оценках дееспособности тех или иных социальных институтов, регулирующих это взаимодействие. Личностный уровень взаимодействия связан с его коллективными проявлениями в малых социальных группах (семье, соседском обществе, школе и т.д.) и представляет из себя «чувство доверия среди своих» [2, с. 19]. Оно существует как «чувство, как установка и как рациональная характеристика сознания и поведения отдельного человека» [8, с. 3]. Аксиологическая значимость доверия этого уровня проявляется в системе межличностных отношений людей внутри определенных социальных общностей. Оно бывает личным − к конкретному человеку, и абстрактным, когда строится не на основе личных (семейных, дружеских и т.п.) отношений, а порождается социальными институтами [7].

Проблематика теоретического и практического рассмотрения проблемного поля волонтерства в контексте осмысления ценности доверия людей друг к другу, к различным социальным институтам сегодня является достаточно распространенной исследовательской концептуальной позицией как в мировой, так и в российской социологии. Волонтерство рассматривается как проявление «базового общечеловеческого (генерализованного, общественного) доверия, которое предполагает проявление субъектом позитивного отношения к другим без ожидания адекватного вознаграждения лично для себя, а лишь «пользы» для социума» [4, с. 31]. В этом смысле теория доверия выступает одной из базовых теорий, используемых сегодня для понимания волонтерства. По мнению Ф. Фукуямы, принцип добровольности лежит в основе социального развития, а образование различных социальных общностей объяснимо в терминах добровольного договора между индивидами. С его точки зрения, объединение людей с целью взаимопомощи зависит от доверия между ними. Само же доверие может быть обусловлено существующей культурой, а может базироваться на «разумном эгоизме» индивидов в сочетании с необходимыми правовыми механизмами общества вроде контрактной системы, что компенсирует дефицит доверия между его членами и позволяет незнакомым людям создавать организации, работающие на достижение общей цели.

«Доверие − это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [10, с. 22]. С этих теоретических позиций волонтерство, с одной стороны, базируется на сфере фундаментальных ценностей, с другой − на эгоистических интересах людей, не связанных с культурными основаниями общества.

Структура поля волонтерства детерминирует статус добровольца и его поведение, предлагает ему как актору определенные правила, предоставляет возможности, создает условия для реализации своей собственной активности. Социальный капитал волонтерства связан с рядом ценностей и установок людей, определяющих то, как они относятся друг к другу и насколько эффективно взаимодействие между ними в определенных условиях. Особенно важны установки и ценности, которые имеют решающее значение для социальной стабильности и сотрудничества. По нашему мнению, доверие − одна из таких наиболее важных интегрирующих констант.

Отношения в социуме определяются актуальной нормой доверия. Это нормативное доверие задает условия, ограничения, масштаб для доверия межличностного, персонального,

институционального, социального. По мнению российских исследователей волонтерства, именно социальное доверие «порождает» социальный капитал, который определяет практики взаимодействия на любой из социальных дистанций: от ближнего окружения индивида до общественных организаций [6, с. 17]. Л. Гудков в теоретическом и эмпирическом измерениях доказывает, что различные виды социального доверия, образующие институционализированный «социальный капитал», соотносятся с разными сетями общения и взаимодействия [3]. Тесная связь теории социального капитала и теории доверия выступает основанием для нашего анализа развития волонтерства, поиска единых трендов и отдельных специфических отличий исследуемого феномена в пространственно-временных рамках.

По нашему глубокому убеждению, несмотря на то, что волонтерство сегодня является глобальным социальным феноменом, в пространственно-временном континууме оно развивается по различным траекториям. Направления этих траекторий во многом зависят от институциональной среды, где наряду с системой социальных норм и правил, продуцирующих устойчивые социальные связи и отношения внутри определенных социальных общностей, одно из ключевых мест занимает система общественных ценностей. В этом смысле можно предположить, что ценность доверия определяет траектории развития волонтерства, наряду с другими ценностями. Наша гипотеза заключается в том, что доминирование и специфичность проявления доверия на разных уровнях социального взаимодействия (макро, мезо- и микроуровне) между членами определённых общностей определяет особенность институционального развития волонтерства в их пространственных границах.

Анализ волонтерства как социального института, социальной общности и деятельности на отдельных территориях, изучение истории исследуемого вопроса и выделение ключевых проблем в его развитии позволили построить три теоретические модели. Сопоставление российского волонтерства с волонтерством США и Австралии обусловлено интересом к опыту стран, демонстрирующих постоянство показателей успешности развития волонтерства, сравнение же с волонтерством в странах Европейского Союза привлекательно разнообразием его проявлений и динамикой показателей в рамках одного институционального поля, которые демонстрируют страны этой территории. Обратимся к характеристикам обозначенных моделей.

Первый вариант (*«традиционная демократическая модель»)*характерна для стран Северной Америки и Австралии. Ее специфика: волонтерство является частью государственной истории, представляет собой сформированную национальную традицию. В объективном плане оно развивается в рамках отрегулированного нормативно-правового поля, в созданной государством инфраструктуре, поддерживаемой на уровне межсекторного взаимодействия государством, бизнесом и населением, где превалируют партнерский тип отношений и взаимовыгодное для всех участников взаимодействия сотрудничество. В субъективном плане волонтерство этой модели находит ярко выраженную поддержку и одобрение со стороны населения, демонстрирующего высокие показатели вовлеченности в разные волонтерские практики, определенный уровень престижности волонтерства в обществе, признание его социального эффекта и значимости для отдельного гражданина. Характерными чертами этой модели как института, общности и деятельности являются:

- Трансформирующаяся в соответствии с политической и экономической «повесткой дня» государственная политика в развитии и поддержке волонтерства путем инициирования волонтерских программ многих уровней (от федерального до локального), ориентированных на различные социальные группы населения.
- Широкое разнообразие волонтерских программ и проектов, которое открывает населению социальные лифты для реализации социальной, географической, образовательной, профессиональной мобильности; предоставляет возможности для самореализации или решения каких-либо личных проблем.
- Национальная пропаганда и активная информационная кампания, сохраняющая имидж волонтерства как деятельности при переходе от доминирования традиционной – религиозно-ориентированной жизнедеятельности к распространенности светского образа жизни.

- Сложная структура волонтерской общности, где есть определенные императивы внутриобщностной идентификации ее членов.
- Доминирование организованных форм волонтерства.
- Развитость международного и национального волонтерства.
- Высокий уровень профессионализации как самой деятельности волонтеров, так и волонтерского управления.

Вторая модель, выявленная в ходе нашего исследования, − *«псевдодемократическая или постсоветская модель»* – характерна для России и ряда стран постсоветского пространства. В рамках этой модели национальная история становления и развития волонтерства имеет дискретный, противоречивый характер, в результате которого в обществе отсутствует своя устоявшаяся, исторически сложившаяся традиция, не закреплена и социальная норма волонтерской деятельности. Модель характеризуют стихийность практики нормативно-правового регулирования различных видов взаимодействий волонтеров, несформированность третьего сектора, отсутствие инфраструктуры волонтерства, а также критический характер институционального взаимодействия государства и институтов гражданского общества, низкая активность в этом направлении бизнес-сообщества и населения. Уровень когнитивной, эмотивной и поведенческой вовлеченности населения в проблемы развития волонтерства достаточно низкий, при общем одобрении волонтерской деятельности в обществе реальное участие населения незначительно. На макроуровне волонтерство в этой модели – «фантом», находящий свое отражение в официальной статистике, в массовизации волонтерства, доминировании среди населения случайного, эпизодического характера волонтерской деятельности. Оценивая данную модель волонтерства на мезоуровне социального взаимодействия, можно говорить о существовании определенной волонтерской общности (статистически значимой), члены которой вопреки внешним условиям все равно реализуют свою деятельность. Характерными чертами второй модели являются:

- Негибкая, бессистемная государственная политика в отношении поддержки ограниченного числа направлений волонтерской деятельности.
- Неразвитость третьего сектора как «провайдера» волонтерской деятельности и реализации гражданской активности.
- Низкий уровень вовлеченности в развитие волонтерства субъектов экономической сферы.

Непроработанность системы государственной поддержки развития волонтерства и необходимой для этого инфраструктуры на федеральном, региональном и локальном уровнях.

- Отсутствие национальной идеологии волонтерства.
- Разобщенность членов волонтёрской общности.
- Распространенность неформальных видов деятельности волонтеров в условиях реализации традиции взаимопомощи друг другу как элемента национальной культуры.
- Пересечение специфики волонтерства и социальной работы, отсутствие четкого разграничения между данными видами деятельности.

Третья модель волонтерства – *«смешанная модель»* − реализуется в границах Европейского Союза. Ключевую особенность данной модели определяет тот факт, что в одном нормативно-правовом, экономическом и политическом пространстве объединены страны, где волонтерство проявляется в качестве национальной традиции, и государства, где его возможно рассматривать как относительно новое социальное явление. С объективной точки зрения, волонтерство данной модели характеризуется наличием разной степени проработанности нормативно-правового регулирования на общеевропейском, национальном и локальном уровнях, существованием объединённой системы международной, общеевропейской и национальных структур организации управления волонтерством, создающим условия для реализации социальной мобильности европейского населения, развитым третьим сектором, поливариантностью видов и типов волонтерской деятельности.

В субъективном плане волонтерство этой модели демонстрирует тенденции прагматизации волонтерского труда. В качестве характерных черт третьей модели могут быть выделены:

- Многоуровневая, мультикультурная, привязанная к тенденциям экономического развития ЕС политика, регулирующая и стимулирующая развитие волонтерства.
- Существование зависимости управления волонтерством отдельных стран-участников от реализуемых в них национальных моделей государственного управления.
- Активная информационная поддержка имиджа волонтерской деятельности.
- Развитая структура третьего сектора.
- Многообразие видов, типов и направлений деятельности волонтеров.
- Проектный характер деятельности волонтеров.
- Профессиональный менеджмент волонтерской деятельности.

Рассмотрим результаты социологических исследований, позволяющие сравнить три модели развития волонтерства и сопоставить их с характеристиками проявлении различных типов и видов доверия в группах отдельных стран, где реализуются эти модели. В качестве примера стран первой группы рассмотрим США и Австралию. По данным «Мирового рейтинга благотворительности CAF − 2014» эти страны демонстрируют постоянство в показателях благотворительности и входят в 7 самых активных стран в рейтинге, отражающем три индикатора: число людей, оказывающих помощь незнакомым, количество волонтеров, работающих в НКО, и число тех, кто жертвует деньги [5]. В качестве примера страны, где реализуется вторая модель волонтерства, рассмотрим Россию, где по данным того же отчета 18 % от числа всего населения старше 18 лет за последний месяц работали в НКО волонтером, 34 % респондентов оказывали безвозмездную помощь незнакомым людям. В третьей группе стран-участников ЕС для примера мы рассмотрим Германию как государство с исторически сложившейся традицией волонтерской деятельности, где каждый четвертый житель работал волонтером в НКО, а 58 % населения помогали незнакомым, а также Польшу и Румынию как страны, где поддерживаются незначительные показатели распространенности волонтерства и «помогающего поведения». По данным CAF В Румынии и Польше работали волонтерами 8-9 % из числа всех опрошенных, 40 % и 35 % соответственно оказывали помощь незнакомым людям (см. табл. 1).

Таблица 1

Данные «Мирового рейтинга благотворительности CAF 2014 по числу волонтеров, работавших в НКО и количеству людей, оказывавших безвозмездную помощь незнакомым людям»

Модель волонтерства	**Страна**	**Рейтинг благотворительности (ранг)**	**Число волонтеров НКО (%)**	**Число помогавших незнакомым людям (%)**
Демократическая модель	США	1	44	79
	Австралия	6	37	65
	Н.Зеландия	5	44	69
Постсоветская модель	Россия	126	18	34
Смешанная модель	Германия	28	25	58
	Румыния	108	8	40
	Польша	115	9	35

Мы предполагаем, что причинами, сопряженными с традициями, политическим устройством, показателями благополучия населения и порождающими отличия в волонтерстве анализируемых стран, являются различия в количественных и качественных характеристиках разных типов доверия (институционального, общностного, межличностного), детерминирующие развитие волонтерства в логике той или иной модели.

Рассмотрим показатели доверия друг другу среди граждан разных стран. Показатели обобщенного (генерализированного) личностного доверия согласно данным мирового проекта WVS [1] в представленных государствах имеют существенные отличия (см. табл. 2).

Таблица 2

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о количестве людей, которые считают, что «большинству людей можно доверять»

Модель волонтерства	**Страна**	**Число доверяющих людей (%)**	**Число полагающих, что нужно быть осторожным (%)**
Демократическая модель	США	35,1	64,9
	Австралия	51,8	48,2
Постсоветская модель	Россия	29,6	70,4
Смешанная модель	Германия	45,3	54,7
	Румыния	7,7	92,3
	Польша	22,7	77,3

Результаты последней волны исследования 2011-2014 гг. показывают, что в странах, где волонтерство развивается по демократической модели, значительно больше число доверяющих другим людям людей (на 5,5 % − в США, на 22,2 % − в Австралии), чем в современной России. Страны, где реализуется смешанная модель, демонстрируют разнообразие данного показателя от самого наибольшего значения в Германии (44,6 %) до наименьших в Польше (22,2 %) и Румынии (7,7 %), напрямую коррелируя со значениями распространенности волонтерства и помогающего поведения среди населения этих стран.

Мы согласны с Д. Н. Данкиным, который утверждает, что при изучении доверия необходимо «конкретно определить *взаимо*действующие лица и цели доверительных отношений: кто кому и ради чего доверяет» [4, с. 138]. Именно ценность доверия в межличностных отношениях людей с теми, с кем они живут и работают, с теми, кто встречается им на их жизненном пути, во многом может влиять и на специфику развития волонтерства в том или ином обществе.

Рассмотрим специфические отличия в отношении населения выделенных для анализа стран к своим соседям и семье (см. табл.3, 4). Еще раз обратимся к данным проекта WVS.

Таблица 3

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к членам своей семьи

Модель волонтерства	**Страна**	**Степень доверия (%)**			
		Доверяю	**Доверяю в некоторой степени**	**Скорее не доверяю**	**Не доверяю**
Демократическая модель	США	70,1	25,6	3	1,3
	Австралия	81,9	17,1	0,7	0,3
Постсоветская модель	Россия	88,3	9,5	1,7	0,5
Смешанная модель	Германия	76,3	19,1	3,5	1,1
	Румыния	80,9	16,4	1,9	0,8
	Польша	69,9	28,1	1,6	0,4

Результаты опроса показывают, что именно среди россиян больше тех, кто полностью доверяет членам своей семьи. Таких людей в России больше на 18,2 % чем в США, на 6,4 % больше, чем в Австралии. В странах, где реализуется смешанная модель волонтерства, в той или иной степени по данному показателю проявились отличия в меньшую от показателей России сторону.

Таблица 4.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к своим соседям

Модель волонтерства	**Страна**	**Степень доверия (%)**			
		Доверяю	**Доверяю в некоторой степени**	**Скорее не доверяю**	**Не доверяю**
Демократическая модель	США	8,2	64,8	21,1	5,8
	Австралия	6,1	70,2	20,3	3,4
Постсоветская модель	Россия	18,6	54,8	20,7	5,8
Смешанная модель	Германия	14,3	59,2	21,1	5,1
	Румыния	8,9	33,9	43,8	13,3
	Польша	8,6	67,8	19,1	4,5

Тех, кто в ходе опроса отметил полный уровень доверия к своим соседям, в России практически в три раза больше, чем в Австралии, на 10,4 % больше, чем в США. Страны, где реализуется смешанная модель развития волонтерства, наглядно демонстрируют определенные мозаичные отличия в распределении своего населения по уровню семейного и соседского доверия. Например, число румын, с разной степенью не доверительно относящихся к членам своей семьи, практически в два раза больше, чем немцев и поляков.

Наличие тесных семейных и соседских связей в российском обществе формирует определенный тип отношений между его членами. По нашему мнению, это во многом может объяснить распространенность в России неформальных волонтерских практик. При такой характеристике семейных и соседских отношений у людей нет желания или потребности в обращении или включении в деятельность каких-либо некоммерческих организации, различных фондов и т.д. Наше предположение находит свое подтверждение еще и в том, что россияне демонстрируют больше недоверия к широкому социальному кругу своих знакомых, чем граждане других стран (см. табл.5).

Таблица 5.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к тем, кого они лично знают

Модель волонтерства	**Страна**	**Степень доверия (%)**			
		Доверяю	**Доверяю в некоторой степени**	**Скорее не доверяю**	**Не доверяю**
Демократическая модель	США	30,6	61,4	6,7	1,3
	Австралия	40,5	56,1	2,7	0,7
Постсоветская модель	Россия	20,2	62,8	14,9	2,0
Смешанная модель	Германия	18,2	70,7	10,2	0,8
	Румыния	9,8	45,6	36	8,6
	Польша	7,7	80,9	10,8	0,6

Полностью доверяет тем, кого лично знает, только каждый пятый россиянин (20,2 %), в США – практически каждый третий (30,6 %), В Австралии таковых 40,5 % из числа опрошенных.

Определенная специфика доверия населения к тем, с кем приходится сталкиваться в первый раз, опять же проявляется в России (см. табл.6).

Таблица 6.

Данные 6 волны World Values survey по разным странам о степени доверия людей к тем, кого они встречают первый раз

Модель волонтерства	**Страна**	**Степень доверия (%)**			
		Доверяю	**Доверяю в некоторой степени**	**Скорее не доверяю**	**Не доверяю**
Демократическая модель	США	0,8	34,8	48,1	16,3
	Австралия	0,8	44,2	42,3	12,6
Постсоветская модель	Россия	1,8	19,4	45,0	33,7
Смешанная модель	Германия	2,1	29,6	49,8	18,5
	Румыния	0,8	6,9	46,1	46,2
	Польша	0,1	25,1	56,8	18

Уровень недоверия к незнакомым значительно выше в России, в разной степени его отметили 78,7 % россиян, тогда как в США только 64,4 % от числа всех респондентов, в Австралии еще меньше – 54,9 % опрошенных. Число не доверяющих «новым людям» жителей стран-участников ЕС варьируется, но в общем все равно остается достаточно высоким (см. табл. 6).

За пределами нашей статьи остается анализ уровня доверия населения выбранных стран к институтам, регулирующим социальное взаимодействие их граждан, оценка доверия в этих странах к волонтерам и уровень доверия самих волонтеров друг к другу и к тем, кому они помогают. Однако результаты многочисленных эмпирических исследований позволяют нам утверждать, что выделенные в статье модели волонтерства формировались и реализуются в разных условиях институционального взаимодействия НКО и бизнеса, государства и общества. Эти условия определяют разный уровень доверия населения к государству и НКО, а само доверие в этом контексте определяет траекторию развития волонтерства этих стран. В свою очередь, следует отметить, что тенденция к повышению доверия к волонтерам со стороны тех, кому они помогают, и друг к другу связана с их активностью и не зависит от той модели, в рамках которой развивается волонтерство в той или иной стране. Таким образом, само волонтерство является ресурсом повышения уровня социального доверия в любом обществе.

Итак, разные проявления доверия людей друг к другу оказываются включенными в траектории, определяющие развитие волонтерства в различных социокультурных, политических и экономических условиях. Мы сделали попытку доказать, что в странах, где реализуется «демократическая модель» волонтерства, для населения характерен более высокий уровень обобщенного (генерализированного) личностного доверия, сопряженный с высокими показателями доверия населения к институтам власти, третьему сектору и во многом определяющий высокие показатели популярности волонтерской деятельности среди жителей этих стран. В странах с постсоветской моделью развития волонтерства доминирует доверие людей друг другу в ближайшем окружении, проявляется недоверие к расширению социальных связей, к включению в них новых людей. Это влияет, наряду с невысоким уровнем доверия населения к государству и третьему сектору, на распространенность среди россиян неформальных практик взаимопомощи, а также в некоторой степени объясняет трудности в институционализации формального волонтерства и его популяризации в рассматриваемых странах. В рамках европейского пространства реализуется смешанная модель волонтерства. Она демонстрирует специфику его развития в отдельных странах ЕС, сопряженную, по нашему мнению, с культурой и традициями этих стран, продуцирующих проявления среди своего населения разных видов доверия. Анализируемые в статье данные опросов позволяют говорить не только о различиях в показателях доверия и развития волонтерства среди населения ЕС, но и о проявлении схожих тенденций в этих странах, например, о высоких показателях недоверия среди населения ЕС к новым знакомым.

Список литературы:

1. World Values Survey Wave 6: 2010-2014. Online Data Analysis. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/. (дата обращения: 05.01.2015).
2. Веселов Ю. В. Экономика и социология доверия. СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. 190 с.
3. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура// НЛО, 2012. № 117. 249-280.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества /отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
5. Мировой рейтинг благотворительности 2014. Глобальные тенденции благотворительности. Ноябрь 2014. [Электронный ресурс]. CAF. 2014. URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_2014. (дата обращения: 12.01.2015).
6. Отчет ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» [Электронный ресурс]. М. : ФОМ, 2012. URL: http://soc.fom.ru/dobrovolchestvo.html. (дата обращения: 02.01.2015).
7. Патрушев С.В. Социальный капитал//Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: URL: ttp://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf. (дата обращения: 02.11.2014)
8. Ромашкин Г.С. Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореферат дис. … к.с.н. 22.00.03. Тюмень, 2011. 24 с.
9. Сасаки М., Давыденко А.В., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С. Доверие как элемент социального капитала России// Мир России, 2010. № 2. 78-97.
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 730 с.
11. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с/

УДК 37.014.6: [378:62]

ПРИМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Петров Александр Юрьевич
кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: ajpetrov@mail.ru

THE USE OF QUALITATIVE METHODS OF RESEARCH OF THE FORMATION OF AN EFFECTIVE MODEL OF ENGINEERING EDUCATION

Petrov Aleksander Yuryevich
PhD, Philosophy, Associate Professor
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Исследование аспектов формирования модели инженерного образования, а также проблематики профессионального выбора технической специальности заключалось в глубинном групповом интервьюировании двух целевых аудиторий, выступающих в роли экспертов: школьных учителей, работающих в профильных физико-математических классах, а также вузовских преподавателей технических дисциплин. Результатом деятельности двух фокус-групп явилась аккумуляция экспертных мнений, касающихся возможностей эффективного взаимодействия школы и вуза, перехода на проектную форму обучения, выделения прикладного бакалавриата.

ABSTRACT – The study of aspects of the formation model of engineering education, as well as issues of the choice of the technical professions consisted of in-depth group interviews two target audiences, acting as experts: school teachers working in specialized physical and mathematical classes, and high school teachers of technical disciplines. The result of the activity of the two

focus groups was the accumulation of expert opinions concerning the efficient interaction between school and University, the transition to project learning, the selection of the applied baccalaureate.

Ключевые слова: фокус-группа, профильное обучение, проектное обучение, профессиограмма, прикладной бакалавриат

Keywords: focus group, specialized training, project training, professiogram, the applied baccalaureate

Что же побуждает сегодняшних выпускников школы идти «в технари», поступая в технические вузы? Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, мы социологически исследовали две категории респондентов: школьных учителей и вузовских преподавателей. Что касается первой категории, то это были школьные учителя-предметники, осуществляющие свою педагогическую деятельность в профильных (или, как принято говорить, «углубленных») физико-математических классах. И вполне очевидно, что именно данная форма обучения формирует потенциальный резерв подготовки абитуриентов для технических вузов. Что же касается второй категории наших респондентов, то это были вузовские преподаватели сугубо технических дисциплин, совмещающие процесс преподавания с активным взаимодействием с промышленными предприятиями, включая весь спектр проектной, исследовательской и внедренческой деятельности на хоздоговорной основе. Итак, начнем по порядку.

Для участия *в фокус-группе* нами были приглашены учителя математики, физики и химии одной из ведущих профильных гимназий г. Екатеринбурга и России (гимназия № 35). Исследование же заключалось *в глубинном групповом интервьюировании* целевой аудитории, выступающей *в качестве экспертов* по проблемам, затрагивающим аспекты: 1) взаимодействия школы и вуза, 2) профильного (углубленного) обучения, 3) потенциальной возможности *параллельного* профильного обучения в гимназии и вузе, 4) вовлечения «углубленников» в проектно-исследовательскую деятельность. Особую ценность представляло выявленное *качественным методом* фокус-группы *личностное отношение* респондентов к обсуждаемой проблематике, позволяющее судить о существующих в педагогическом сообществе настроениях, мнениях, претензиях, пожеланиях и т.п. проявлениях личностной заинтересованности в проблеме.

Известная трудоемкость углубленного изучения физико-математических дисциплин обусловливает сравнительную малочисленность соответствующих профильных классов. Действительно, осуществляя отбор по способностям и учитывая профессионально-эвристические интересы самих учащихся, гимназии удается сформировать только лишь один углубленный физико-математический (а по сути технический!) класс на параллели. Эксперты ответственно констатируют существование предельного (порогового) значения доли старшеклассников, потенциально способных к успешному углубленному освоению физико-математических дисциплин и дальнейшему весьма трудоемкому обучению в техническом вузе. Иными словами, «технарей не может быть много» (точно так же, как и гуманитариев с естественниками!), а процесс формирования углубленных классов требует весьма качественного индивидуального отбора. Эксперимент, связанный со 100%-ным («массовым») прохождением учащихся всех без исключения 11-х классов (как физико-математических, так и нефизико-математических) через пробный ЕГЭ по физике, выявил неудовлетворительные результаты в 45% случаев. *И это выглядит вполне нормальным,* ибо у тех, кто, реально оценив свои способности, действительно выбирал для себя в дальнейшем обучение в техническом вузе, результаты пробных ЕГЭ по физике оказались весьма успешными. Иными словами, старшеклассники, прошедшие через углубленное профильное обучение, вполне осознанно выбирают для себя ЕГЭ по физике, формируя, тем самым, потенциальный резерв абитуриентов технического вуза.

Между тем, весьма значительная часть охваченных профильным физико-математическим обучением старшеклассников к моменту окончания гимназии становятся в известной мере скептиками в профессиональном выборе для себя именно технической спе-

циальности: по их мнению, «на инженерном поприще много не заработаешь и достойной карьеры не сделаешь». Поэтому, как считают наши эксперты, целенаправленная деятельность, связанная с популяризацией инженерно-технических специальностей, должна начинаться задолго до окончания средней школы – начиная с возраста 12-13 лет («класса с седьмого-восьмого»). Однако, речь должна здесь идти не столько о сроках, *сколько о формах* такой популяризации и о *его содержательном наполнении*: акцент должен быть сделан на живом общении старшеклассников *с бывшими выпускниками – ныне студентами* технических вузов. Привлечь внимание старшеклассников призван не сам факт того, что приглашенный выпускник вполне осознанно поступил после окончания школы на техническую специальность и успешно ее осваивает. Интерес (*как профессионально-эвристический, так и социальный,* основанный на соображениях востребованности, выгоды и потенциальных возможностей для будущей успешной профессиональной карьеры) должен быть сфокусирован для старшеклассников на том, что *еще в период учебы в техническом вузе способный студент получает реальную возможность исследовать, конструировать, проектировать и созидать.* Более того, старшеклассники должны почувствовать, что исследовательская активность студента технического вуза *реально стимулируется* премиями, грантами, именными стипендиями и т.п. Популяризация учебы на технических факультетах должна заключаться *в демонстрации тех осязаемых и востребованных результатов,* которых возможно реально достичь уже в период вузовского обучения через участие в работе проектных групп, *объединяющих студентов разных курсов, преподавателей, исследователей и инженеров-практиков.* Более того, наиболее подготовленные старшеклассники, обучающиеся в профильных (физико-математических, информационных, технологических) классах должны получить реальную возможность *самим войти в состав подобных проектных групп,* получив определенную зону ответственности, связанную с выполнением функций расчета, моделирования, лабораторного экспериментирования и т.п.

Речь идет о формировании *системного проектноориентированного подхода* к организации эффективного взаимодействия профильной гимназии и технического вуза. Иными словами, профориентация в технические вузы способна стать гораздо более эффективной путем *привлечения учащихся профильных классов к конкретной деятельности – конструкторской, исследовательской, экспериментальной – через вузовские лаборатории и под руководством вузовских преподавателей.* Понятно, что подобного рода идеи неизбежно наталкиваются на препятствия, связанные с бюрократическим оформлением нового вида преподавательской нагрузки. Между тем, привлечение наиболее способных гимназистов для участия в том или ином *уже существующем* исследовательском проекте, выделение для них соответствующих зон ответственности, закрепление тех или иных разделов («что-то рассчитать», «что-то измерить», «что-то пронаблюдать», «снять характеристики») – все эти шаги рассматриваются нашими экспертами как вполне реалистичные: углубленных гимназических курсов математики, физики и информатики оказывается уже вполне достаточно для того, чтобы «исследовать и рассчитать» отдельные элементы сложных технических процессов. Практика показывает: когда гимназии удается, что называется, «определить» кого-то из продвинутых гимназистов в какую-либо исследовательскую лабораторию, он, как правило, «именно там и *закрепляется»,* выбирая для себя в будущем соответствующий профессиональный профиль.

Весьма плодотворной могла бы стать *система параллельного (дуального на уровне школы и вуза) профильного образования* старшеклассников, предусматривающая использование в процессе углубленного обучения профильных дисциплин возможностей вузовских лабораторий, конструкторских бюро и специализированных аудиторий. Весьма заметное воздействие на профессиональный выбор могла бы оказать совместная творческая деятельность старшеклассников, с одной стороны, и студентов-технарей, с другой – на так называемых совместных *выездных лагерях-семинарах (математических, физических, химических и т.п.) в период каникул.* Более того, речь могла бы идти и о создании конструкторское бюро *с совместных участием* как старшеклассников, так и студентов. Иными словами, сам технический вуз должен стать *открытой системой,* чья программа взаимодействия с профильными

школами должна включать в себя вовлечение продвинутых старшеклассников в проектную деятельность в рамках уже существующих в вузе проектов, формируя совместные рабочие группы, объединяющие преподавателей, аспирантов, студентов разных курсов, а также профессионально ориентированных старшеклассников.

Между тем, мы с сожалением вынуждены констатировать, что в настоящий момент взаимодействие технического вуза, с одной стороны, и профильных гимназий, с другой, – продолжает носить *единичный, несистемный (т.е. «непостоянный») характер.*

И, наконец, выделим еще ряд смысловых акцентов, характеризующих возможные направления-тренды в контексте формирования у старшеклассников профессионально-эвристического интереса к освоению в будущем технических специальностей. Высказанные экспертной фокус-группой идеи рассматриваются нами как весьма ценные и представлены *в виде развернутых тезисов:*

Известная степень амбициозности, традиционно свойственная учащимся престижного и элитного учебного заведения, каковым и является гимназия, катализирует их повышенный уровень притязаний, формируя дух соревнования и заставляя *весьма прагматично просчитывать* свои будущие шаги: «Что я буду делать после окончания вуза, где я буду работать и что я буду иметь?» Таким образом, успех профориентации в технические вузы будет в значительной степени зависеть от того, насколько удастся так называемым агентам профориентации в лице гимназии, вуза и будущих работодателей продемонстрировать выпускникам профильных классов *саму возможность успешной самореализации* в тех или иных инженерных профессиях. Иными словами, в процессе популяризации инженерных профессий старшеклассники должны встречаться исключительно с *успешными* профессионалами, а уж если и «показывать старшеклассникам реальное производство», то это должно быть исключительно *успешное* производство.

Следующий тезис касается известной практики ежегодного написания студентами курсовых работ и их защиты. Известно, что сложившаяся в вузах процедура защиты курсовых работ превращается, по сути, в самодостаточное, замкнутое и локальное мероприятие с участием самого студента и его преподавателя. Между тем, эффективность курсового проектирования в значительной степени определяется *публичным характером* защиты полученных результатов. Подобные соображения делают весьма целесообразной практику публичных защит студенческих курсовых работ в присутствии учащихся профильных гимназических классов: подобная публичная оценка оказывает мотивирующее воздействие на самих слушателей, превращая их в заинтересованных *со*участников защиты. Понятно, что отбор выносимых на публичную защиту студенческих (вузовских) проектов должен корректно учитывать уровень профессионально-профильной подготовленности слушателей (иными словами, быть понятными для старшеклассников, обладая для них смысловой доступностью). Обратной стороной данного аспекта сотрудничества гимназии и технического вуза могла бы стать организованная на вузовской площадке защита проектов, подготовленных самими старшеклассниками при кураторстве вузовских преподавателей, с возможной последующей публикацией в вузовском сборнике. Публичная защита проекта дала бы возможность вузовским преподавателям своевременно разглядеть своих будущих абитуриентов, выявив их потенциальные способности и заинтересовав техническим творчеством.

Приведем ключевые резюмирующие выводы нашей экспертной фокус-группы, рассматриваемые нами в качестве смысловых ориентиров для выстраивания эффективной профориентационной работы по формированию профессионально-эвристического интереса школьников к инженерно-техническим специальностям. *Умышленно сохраняем стилистику, стараясь передать субъективное неравнодушное отношение экспертов к обсуждаемой проблематике:*

- В инженеры подростки пойдут лишь тогда, когда увидят, что инженеры *«тоже могут быть»* успешными, что у них *«тоже может быть»* престижная и увлекательная работа, достойная лабораторная и производственная база.

- Привлекать к лабораторно-иследовательской деятельности нужно как можно раньше – класса с седьмого, *«пока еще есть интерес»!* В одиннадцатом классе будет уже поздно!
- Нужны обновленные и *«более ранние»* подходы к профориентации. Традиционные же дни открытых дверей, организуемые вузом для старшеклассников буквально накануне окончания ими средней школы, в нынешней ситуации явно *запаздывают*.
- Технической вуз должен стать для профильных школ *открытой системой,* сделав для профессионально ориентированных старшеклассников *доступными* занятия в вузовских лабораториях и участие в проектной деятельности.

С целью выявления подходов к составлению *профессиограммы* современного инженера и перечня необходимых профессиональных компетенций с учетом актуальных реалий производственной практики, нами также был использован *качественный метод фокус-группы,* составленной из ведущих преподавателей технических факультетов (институтов) Уральского федерального университета. Исследование заключалось *в глубинном групповом интервьюировании* целевой аудитории, выступающей *в качестве экспертов* по проблемам, затрагивающим аспекты: 1) содержательного наполнения учебной программы инженерной подготовки; 2) специфики формирования инженерных команд в так называемой модульной системе, 3) принципиального отличия инженерного образования от технического; 4) необходимости использования системного подхода в качестве принципиально новой идеологии инженерной деятельности; 5) целесообразности перехода технических вузов на проектную форму обучения. Несомненно, что как и в случае с фокус-группой, составленной из школьных учителей-предметников, особую ценность представляло для нас выявленное методом глубинного интервью весьма неравнодушное *личностное отношение* респондентов к обсуждаемой проблематике, отражающее как существующие настроения внутри профессорско-преподавательского социума, так и конструктивные подходы и предлагаемые решения, исходящие «снизу».

В чем же конкретно современный инженер, по крайней мере, призван, по мнению наших экспертов, отличаться от инженера 20-летней давности? Прежде всего, наличием *умения и навыков работы с современными средствами моделирования.* Трудно поверить, но всего лишь каких-то 20 лет назад компьютерного моделирования не было вообще: моделирование было исключительно физическим. Прошло совсем немного времени, и сегодняшний инженер, чтобы быть успешным в карьере, должен был в максимально короткие сроки свободно и комплексно овладеть, помимо физического, также и математическим компьютерным моделированием. Иными словами, для современного успешного инженера *глубокие знания в области математики* превратилась в жизненно необходимую и приоритетную профессиональную компетенцию! Учитывая степень сложности и комплексности задач, стоящих перед современным инженером, мы могли бы выделить две возможные ситуации. Одно дело, когда инженер проектирует что-то, имея некий аналог-образец. И совсем иное дело, когда у инженера попросту нет аналоговых объектов, а есть некие закономерности их работы, фрагменты их описания и т.п. Именно в этом случае техническая задача существенно усложняется, и именно поэтому инженеру необходимо овладеть *методологией системного анализа.* Более того, данная методология позволяет инженеру, структурируя техническую задачу на взаимосвязанные элементы и наполняя их количественно, *привлекать соответствующих компетентных специалистов.* Иными словами, использование методологии системного анализа предопределяет и еще одну актуальную инженерную компетенцию, казалось бы, вовсе «нетехническую» – *умение взаимодействовать.* Иными словами, времена инженеров-одиночек закончились: появились *инженерные команды,* которые чаще всего носят *непостоянный характер* относительно состава ее участников. В зависимости от характера решаемой задачи и от степени включения в задачу смежных содержательных компонентов, в процессе ее решения возникает *временный* творческий коллектив, который призван эту задачу решить достаточно быстро и достаточно рационально. Начинает утверждаться так называемая *модульная структура,* при которой каждый специалист превращается в некий функциональный модуль. Такая целевая установка позволяет, *ситуационно подбирая и комбинируя* соответствующие

модули, каждый раз формировать *уникальный* временный творческий коллектив под решение конкретной технической задачи. Иными словами, современная производственная организация представляет собою некое облако функциональных модулей, когда потенциальные руководители проектов, вычленяя нужные модули в соответствии с технической задачей, устанавливают между ними взаимосвязи и замыкают их на себя. Таким образом, успех инженерной карьеры зависит сегодня от того, в какой степени комбинаторное *техническое* мышление сочетается с комбинаторным *гуманитарным* мышлением, связанным, в том числе, и с глубоким пониманием проблематики *психологической совместимости* сотрудников.

Какими же качествами должен обладать современный инженер для того, чтобы успешно и мобильно функционировать в принципиально новой – модульной схеме? Конечно же, все зависит от того, в каком инженерном качестве будут реализованы приобретенные в техническом вузе знания и умения, ибо сама модульная структура предусматривает взаимодействие нескольких инженерных типов. *Руководитель проекта* должен иметь достаточную *широту технических знаний,* быть хорошо эрудированным *в разных* предметных областях, иметь гибкий аналитический ум, быть хорошим психологом, быть хорошим экономистом, обладать предпринимательской психологией, быть волевым, требовательным и, одновременно, коммуникабельным.

Генератор идей призван прежде всего выделяться *воображением и творческой фантазией.* Вместе с тем, генератор технических идей должен конвергентно представлять *общую* картину мира, включая как мир *технический,* так и мир *социальный («нетехнический»).* Это должна быть широкая эрудиция в *разных* предметных областях, но на более высоком теоретическом уровне. Более того, генератору необходимо иметь *филологические способности* для того, чтобы доходчиво, убедительно и структурировано объяснять суть предлагаемых им нововведений: генерация идей в форме визуальных, воображаемых конструкций требует последующей вербализации, способной *максимально точно донести технический смысл до исполнителей.*

Тип инженера-скептика олицетворяет собой критическое отношение к предлагаемым идеям и обстоятельствам, что позволяет в системной модели решаемой задачи своевременно выявить обратные связи и ограничения, тем самым избегая крупных ошибок. Данный тип должен иметь глубокие теоретические знания в сочетании с необходимой вязкостью мышления - «вниманием к мелочам»: формулам, расчетам, деталям, элементам, показаниям приборов, отклонениям и т.п. Представители данного типа способны скрупулезно проанализировать сложившуюся техническую ситуацию, аргументировано (на фактах) доказывать ее актуальность, детально выявляя «слабые места», подсказывая генераторам идей возможные «точки роста».

Наконец, очередь дошла и до *исполнителей.* Это технически грамотные *узкие* специалисты, владеющие, может быть, не столь широкими знаниями в области теории, но в достаточно *глубокой* степени освоившие на практике *узкую* специфику своей предметной области. Такой тип модно назвать техниками, «технарями», «ремесленниками» и т.п. Эти узкие специалисты профессионально решают *свою* часть задачи, и таких представителей в творческом коллективе должно быть, как правило, несколько. И, конечно же, в весьма большом количестве необходимы *обслуживающие специалисты,* которые обеспечивают временный творческий коллектив с его конкретной технической задачей *сопутствующими* знаниями, к примеру, компьютерной поддержкой, экономической поддержкой и т.п. Это *специалисты по сопровождению,* без помощи которых творческий коллектив не способен выполнить свою миссию. *Между тем, специалисты по сопровождению также должны иметь инженерно-техническое образование,* чтобы, свободно владея соответствующим понятийным аппаратом, быть в «теме» и «в контексте».

Так чем же все-таки инженерное образование отличается от технического? По мнению наших экспертов, инженер имеет помимо технического образования целый ряд дополнительных образовательных компонентов. Инженер – это личность *творческая.* Это, прежде всего, человек, который *способен создавать новое.* Между тем, технический специалист –

это человек, работающий в технической области, однако ничего принципиально нового не создающий. Технический специалист выполняет *обслуживающие функции.* И, напротив, инженер, свободно использующий на практике математический понятийный аппарат и системный подход, способен структурировать масштабную техническую задачу по созданию еще не существующего объекта на отдельные процессы-этапы. Иными словами, инженер – это *способность создавать системные модели,* для того, чтобы впоследствии, обладая *комбинаторным мышлением,* выбрать наиболее оптимальные способы создания *модели количественной,* грамотно заполнив системные элементы соответствующими расчетными показателями. Иными словами, инженер способен придать системной модели количественный характер, *сочетая в своей интеллектуальной деятельности глубокие теоретические знания математики и системный подход как методологию.*

Между тем, далеко не каждый студент технического вуза, по мнению наших экспертов, способен освоить такой системный подход. Наши эксперты выразили весьма скептическое отношение к сложившейся практике, при которой уровень бакалавиата проходят «*все и в одном потоке»*, когда программа подготовки бакалавров *«одна на всех».* Целесообразным, с точки зрения наших экспертов выглядит разделение бакалавиата на два потока: элитный и прикладной. В первом случае акцент делался бы на классических общеобразовательных и общетехнических дисциплинах, при этом *базовый цикл элитного бакалавриата был бы в полтора раза объемнее, нежели у бакалавриата прикладного.* Таким образом, элитный бакалавриат ориентировался бы на подготовку будущих *конструкторов и исследователей,* и в то же время прикладной бакалавриат ориентировался бы на будущих *квалифицированных пользователей.* Иными словами, выпускники элитного бакалавриата уже в магистратуре становились бы конструкторами и учеными, а выпускники бакалавриата прикладного, если окажутся в магистратуре, становились бы квалифицированными техниками-исполителями либо эффективными производственными менеджерами.

Что же касается методических подходов к подготовке инженерных кадров непосредственно в техническом вузе, наши эксперты высказали положительные аргументы в пользу технологии *проектного обучения.* По мнению нашей фокус-группы, это наиболее эффективный инновационный тренд в развитии современного инженерного образования. Вовлекая студентов в работу над «образовательным» (в рамках образовательного процесса) и, в определенной степени, учебным проектом, ставится целью предоставить студентам возможность буквально с самого первого курса работать «своей собственной головой» и «своими руками». Студенты попадают в условия, когда им самим необходимо сформулировать замысел, поставить техническую цель, разработать план, прийти к решению, создать модель, изготовить реальный продукт, усовершенствовав технологию для того, чтобы ею в дальнейшем эффективно управлять. Иными словами, *в основе проектного обучения лежит философия полного жизненного цикла любого инженерного продукта,* будь то некое изделие или технология. В работе над проектом у студентов интенсивно формируются необходимые инженерные компетенции, а также *умение работать в команде с выявлением предпочтительных командных ролей.* Более того, на старших курсах студенты смогут выполнять проекты, которые уже реально связаны с конкретным производством. Иными словами, технические задачи под проекты должны приходить непосредственно от работодателя, и старшекурсники будут включаться в проектный процесс «основательно и всерьез».

Практическая «доводка» будущего инженера могла бы осуществляться в трех направлениях: 1) проектное обучение, 2) лабораторные работы, 3) участие в научных исследованиях. Исследовательская деятельность студента-технаря должна представлять из себя, как правило, физическое или компьютерное моделирование при решении поставленной технической задачи, - *но уже не учебной, а реальной.* И здесь, по сути, предопределяется будущее того или иного специалиста – либо его будущие профессиональные перспективы связаны с карьерой высококвалифицированного техника-исполнителя, либо он пойдет по пути конструктора, исследователя, инновационного инженера. Таким образом, *проектное обучение в сочетании с участием в исследовательской работе выступает в роли своеобразного*

полигона, на котором проявляются уровень способностей и ориентаций на ту или иную форму будущей инженерной практики – техники, способные обслуживать высокотехнологическое оборудование, *линейные* инженеры, способные обслуживать технологические процессы, выполнение производственного плана и т.д. и, наконец, третье направление – инженер *инновационный*, который работает на опережение и на создание новых технологий. Аналогичным образом, наши эксперты конструктивно предлагают разделить как бакалавриат, так и магистратуру. Одну ветвь магистратуры была бы направлена на процесс управления производством и подготовку высококвалифицированных *инженеров-менеджеров,* сочетающих базовые технические знания с умениями в области экономики, психологии и т.п. А вторая ветвь магистратуры была бы призванной готовить *инженеров-инноваторов,* как созидателей нового. Иными словами, одни магистранты призваны в будущем генерируют новое, а другие магистранты – находить способы реализации этого нового в реальной производственной практике.

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕСТЬЯНСКОГО СОСЛОВИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Петров Владимир Иванович
кандидат исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет, Краснодар
E-mail: history1380@mail.ru

SOCIO-ECONOMICDESCRIPTION OF PEASANT CLASS OF SOUTH URAL AND MIDDLE VOLGAREGION IN THE SECOND HALF OF XIXCENTURY

Vladimir Petrov
Candidate of History, associated professor
Kuban State University, Krasnodar

АННОТАЦИЯ –Несмотря на реформу по отмене крепостного права, беднейшие крестьяне Урала и Поволжья не смогли переехать в города. Основная масса крестьянского сословия осталась в различного рода зависимости и существенно изменить характер аграрного производства в собственных наделах не смогла.

ABSTRACT – Despite the reform of the serfdom abolition, the poorest peasants of the Uralsand the Volga region could not move tocities and towns. Most peasants remained invarious kinds of dependence and could not substantially change the nature of agricultural production in their own allotments.

Ключевые слова: Динамика численности крестьянства, формирование сельской буржуазии, земельные наделы.

Keywords: Dynamics of thepeasantry number, formation of the ruralbourgeoisie,allotments.

На Южном Урале в 1867 г. крестьян насчитывалось 1739640 человек, что составляло 81% от всего населения региона.

Таблица 1

Крестьянское население Южного Урала в 1867 году [1; 72]

Губерния	Гос. Крестьяне	Помещичьи и удельные крестьяне	Колонисты и крестьяне других наименований	Всего
Оренбургская	450088	78521	2739	531348
Уфимская	944925	203863	59504	1208292
Всего по региону	1395013	282384	62243	1739640

Это было меньше доли крестьян в губерниях Среднего Поволжья (89,7% от общего количества жителей). Казаки и члены их семей не числились в составе крестьянского сословия. К причинам такого отличия можно отнести более активный процесс формирования сельской буржуазии на Южном Урале и, соответственно, более быстрый процесс расслоения крестьянства в южных губерниях Урала. Деревня же Среднего Поволжья (Казанской, Симбирской губерний и северных уездов Самарской губернии) отличалась замедленными темпами капиталистического развития и менее отчетливыми признаками расслоения крестьянства. Здесь сельский буржуа наряду с чисто сельскохозяйственным производством повсеместно занимался ростовщичеством, скупкой и перепродажей крестьянских товаров. В южных уездах Самарской губернии и в Оренбургской, Уфимской губерниях этот процесс проявлялся намного интенсивнее, глубже и шире, здесь складывался наиболее обеспеченный слой сельской буржуазии, занимавшей главные позиции в расширенном сельскохозяйственном производстве. В таких хозяйствах формировались особый строй и быт деревенской жизни, близкий к фермерскому укладу. Часть крестьянства имела достато-чно средств для переселения в города и занятия торговлей или ремесленным делом, что сокращало крестьянское сословие. От преобладания в конкретной местности того или иного пути буржуазной аграрной эволюции зависели глубина и уровень социально-классового расслоения крестьянства – самого значительного процесса пореформенной деревни, в ходе которого сельское население расслаивалось на массу бедняков, сельский пролетариат и небольшой слой зажиточной верхушки, имевшей землю, основной рабочий скот, технику. К причинам, уменьшавшим долю крестьянского населения на Южном Урале, можно отнести также и наличие значительной части казачества в составе населения как Оренбургской, так и Уфимской губерний. Так, в середине 1860-х гг. здесь насчитывалось оренбургских и уральских казаков с отставными чинами и членами семей – 48376 человек (или 2,3%) [2;16], а к 1897 г. только в Оренбургской губернии представителей казачества было 365080 человек (или 22,8%) [3;13]. Многочисленные налоги и повинности крестьян второй половины века, не соответствовали доходности от земледелия и скотоводства, вызывали систематическое накопление недоимок, взыскание которых все дальше толкало крестьянство к черте нищеты, после голода 1871-1872 и 1890-1892 гг. вымирали целые деревни. Тяжелое экономическое положение большей части крестьянского сословия углублялось произволом властей, неравноправием. Обедневшие крестьяне уходили в города в поисках работы, вливаясь в ряды формирующегося рабочего класса страны. Особенно ощутимым этот процесс стал к концу XIX века.

После 1867 г. крестьянское сословие в изучаемых регионах не сократилось, а существенно выросло к концу XIX в.

Таблица 2

Крестьянское население Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века и динамика его численности с 1867 по 1897 год [5;75]

Губерния	Крестьян в убернии в 1867 г.	% крестьян от всего населения	Крестьян в губернии в1897 г.	% крестьян от всего населения	Динамика численности крестьян с 1867 по 1897 гг., в %
Казанская	1516660	90,8	2045519	94,2	34,9
Симбирская	1070802	89,8	1439067	94,2	34,4
Самарская	1542181	88,5	2550980	92,7	65,4
По региону	4129643	89,7	6035566	93,7	44,9
Оренбургская	531348	63,2	1026732	64,2	93,2
Уфимская	1208292	93,1	2196642	94,7	81,8
По региону	1739640	78,2	3223374	79,5	87,5

Освобождение от крепостничества, отмена подушной подати с мещан в 1863 г. делали для крестьянства привлекательной возможность переселиться в города и в промысловые поселения из своих деревень, и такое переселение происходило, но существовали серьезные препятствия. По «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» бывший крепостной, желавший получить увольнение из сельского общества должен был отказаться от предоставленного надела, сдать участок земли, находившийся в его пользовании, не иметь казенных, земских и мирских недоимок, а также он должен был быть свободным от рекрутской повинности, не состоять под судом и не иметь взысканий и обязательств от волостного правления [4;63]. Правительство предусмотрело меры, препятствовавшие переселению крестьянского сословия из деревни. Так, с 1861 по 1870 гг. для увольнения крестьян из общины требовалось согласие помещика и общества, что создавало в совокупности с невозможностью восстановить (вернуть) участок земли в случае неудачи на новом месте серьезные помехи на пути переезда в города.

Таким образом, основной возможностью для перемещения крестьян из своей деревни на завод, на фабрику, в город было отходничество. Крестьянин, решившийся совершить отход из деревни, сохранял свой крестьянский статус и не терял связь с общиной. Отходничество предполагало временное выбытие его из состава сельской общины. Но и для отходничества крестьянину необходимо было преодолеть многие трудности. В «Уставе о паспортах» «Свода законов Российской империи» говорилось: «Никто не может отлучиться с места своего постоянного жительства без указанного вида или документа» [6;154]. Характер выдаваемого документа зависел от расстояния и продолжительности отхода земледельца от деревни (от общины). Письменные виды выдавались крестьянам бесплатно при убытии из деревни, но не более чем на тридцать верст. Чаще всего это могло быть поездкой на ярмарку или в город для обычной реализации продуктов, кустарных изделий. Если крестьянин выезжал из деревни на расстояние больше тридцати верст и на срок до 6 месяцев, то он должен был получать месячный, двух – или трехмесячный билет [7;1]. Билет надо было выкупать, заплатив за него от 15 до 60 копеек. В том случае если крестьянин выезжал дальше 30 верст и на срок больше 6 месяцев, то он обязан был получать паспорт. Причем оформление паспорта обходилось достаточно дорого. Полугодовой плакатный паспорт выходил в 85 копеек, годовой – 1 рубль 45 копеек, двухгодовой – 2 рубля 90 копеек, трехгодовой – 4 рубля 35 копеек серебром [8;118].

Еще в 1867 г. крестьяне составляли всего лишь 14,5% от общего числа жителей городов Южного Урала и 18,7% от численности населения уездных и губернских городов в Среднем Поволжье. Самой низкой доля крестьянского населения в составе городов была в Оренбурге – 7,4% и в Самаре – 8,5%. В Симбирске и Казани она была соответственно 19,7% и 19,6%, а в уездных городах Казанской губернии крестьян проживало в 1867 г. 27,4%. К концу века, то есть за 30 лет, население городов Южного Урала увеличилось на 134,8%, а крестьян, проживавших в городах – на 462,8%. На Среднем Поволжье эти показатели были пониже - 77%, а численность крестьян в них возросла на 337,4% . Среди городов Среднего Поволжья приток крестьянского населения был самым высоким в Самаре – 1258,3%, в Казани – 474,3%. В губернских городах Южного Урала в равной степени отмечался приток крестьян: в Уфе – 698,1%, в Оренбурге – 600,3%. В уездных городах прирост крестьянского населения в самом конце века (к 1897 году) уступал притоку крестьян в губернские города в два и более раз. Исключением является лишь город Симбирск и уездные города Симбирской губернии (276,1% и 211,5%). С 1867 по 1897 гг. здесь шел процесс интенсивного переселения крестьян в губернские и уездные города, что стало возможным только после реформы 1861 г. Переселялись, главным образом, отходники, сохранившие свой сословный статус и свои связи с деревней. Крестьяне к концу XIX века в изучаемом регионе составляли самую большую прослойку городского населения, опередив по численности все другие сословия (рабочих из дореформенного времени, мещан, разночинцев, мелких служащих, торговцев, приказчиков и т.д.).

Наряду с категориями местного крестьянства Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX в. формируется значительное число крестьян–переселенцев. Но в отдельную категорию крестьянства можно выделить только тех крестьян–переселенцев, которые не приписались к волостям или к мещанским обществам, то есть к отдельному разряду необходимо относить крестьян-переселенцев, поселившихся на купленных или арендованных землях в поселениях или в новых хуторах. Так, в Оренбургской губернии на 1881 г. из 109485 переселенцев к отдельному переселенческому разряду крестьянства можно отнести лишь 36,1%, то есть 39524 человека, так как остальные переселенцы находились в составе наемных работников в местных крестьянских хозяйствах (34,6%), занимались ремеслом (21,3%), торговлей (8%) [9, 3].

Увеличение численности крестьянского сословия в Среднем Поволжье в изучаемый период в 2 раза отставало от соответствующего показателя по Южному Уралу, который был объектом интенсивного переселения. Многонациональное крестьянство регионов в большей степени было занято земледелием и скотоводством, нежели крестьяне в целом по европейской части России. Почти 95% крестьян на Южном Урале было занято в традиционной аграрной отрасли, в Среднем Поволжье – 89% крестьян, а в среднем по европейской России – 76,5%. На капиталистический путь развития сельского хозяйства, отрываясь от общины, более активно переходили крестьяне Оренбургской и южной части Самарской губерний. Несмотря на более высокую положительную динамику численности крестьянства на Южном Урале, все же доля крестьянского населения в составе жителей к концу XIX в. осталась выше в Среднем Поволжье (на 14,2%). К причинам такого отличия доли крестьянства в составе населения регионов можно отнести более быстрый процесс социального расслоения крестьянства в губерниях Южного Урала. Здесь успешно формировался слой сельской буржуазии и близкий к фермерскому уклад деревенской жизни, дававший возможность переезда в города. На общую численность сельского аграрного населения влияло наличие представителей казачества (365080 человек или 22,8% от всего населения в 1897 г.) в Оренбургской губернии, так как многие из них (почти все) занимались земледелием и скотоводством. Рост крестьянского населения в городах Среднего Поволжья за 1867-1897 гг. обогнал общую динамику численности населения городов в пять раз, на Южном Урале – в четыре раза. Переселение крестьян в города шло фактически наперекор попыткам правительства сдержать уход крестьян из общины на основе паспортного законодательства и ряда других административных мер.

Несмотря на трудности, связанные с возведением жилья, распашкой земель устроившиеся переселенцы изучаемых регионов в среднем имели в 1889 г. 26,6% десятин на двор, а местное крестьянство по ряду причин имело по 4,59 десятины на двор в Самарской губернии, по 4,32 десятины в Уфимской губернии, в Оренбургской губернии – 4,5 десятины. По данным «Русского вестника» за 1883 г. наделы землей самарских крестьян, как помещичьих, так и государственных были следующими: 1,3% крестьян имели наделы до 1 десятины на душу, 3,7% - по 1-2 десятины, 0,8% - по 2-3 десятины, 9,7% - по 3-5 десятин, 49,1% - по 5-10 десятин, 31,8% - по 10-20 десятин, 3,5% - по 20-50 десятин, 0,1% - свыше 50 десятин [10, 42]. Таким образом, при приблизительном пересчете на двор (3,5 души) приходилось немногим более 20 десятин, то есть даже переселенцы, купившие или арендовавшие земли, оказывались с более крупными наделами.

Основная часть крестьянского населения Южного Урала и Среднего Поволжья занималась хлебопашеством, выращивая рожь, пшеницу, ячмень, овес, горох и другие культуры. К концу XIX века земледелием было занято в Самарской губернии 92% крестьян, в Симбирской – 88,9%, в Казанской – 87,4%, в Оренбургской – 97,9%, в Уфимской – 91,8% [11; 108-112]. Но и занятые животноводством, в подавляющем большинстве случаев, крестьяне называли своим этот вид деятельности одновременно с земледелием, так как содержание скота в каждой крестьянской семье было неразрывно связано с землепашеством. По сведениям «Статистического временника Российской империи о поземельной собственности», в 1877 г. средний земельный надел бывшего помещичьего крестьянина

Среднего Поволжья составил 2,46 десятины, бывшего помещичьего крестьянина Южного Урала – 3,2 десятины.

Таблица 3

Средние душевые наделы различных разрядов крестьян Южного Урала и Среднего Поволжья в 1877 г. (в десятинах) [13; 84]

Губернии и регионы	Бывшие помещичьи		Бывшие удельные		Бывшие государственные		Прочие разряды на ревиз. Душу
	на ревиз. душу	на наличн. душу	на ревиз. душу	на наличн. душу	на ревиз. душу	на наличн. душу	
1	2	3	4	5	6	7	8
Казанская	2,68	2,30	3,94	3,58	5,25	4,48	-
Симбирская	2,67	2,30	4,25	3,45	4,18	3,30	-
Самарская	3,55	2,99	6,84	5,52	10,78	8,77	13,2
По региону	2,87	2,46	5,06	4,12	7,46	6,22	13,2
Оренбургская	3,72	3,21	6,82	5,76	10,55	8,64	14,1
Уфимская	3,40	3,18	5,46	5,12	7,24	6,38	11,2
По региону	3,56	3,20	6,14	5,44	8,89	7,51	12,6

Бывшие удельные крестьяне в изучаемых регионах в 1870-х гг. имели наделы не на много больше, чем бывшие помещичьи: в Среднем Поволжье – 4,12 десятины, на юге Урала – 5,4 десятины. Бывшие госкрестьяне этих регионов имели наделы на наличную душу более 7 дес. на Южном Урале и более 6 дес. в Среднем Поволжье. Но эти данные приведены без учета купленной земли сверх той, что получена была по реформам 60-х годов и взята в аренду в 70-х годах. В целом общие показатели размеров земельных наделов крестьян Южного Урала и Среднего Поволжья превышают средний показатель по Европейской России, где на 1 душу бывшего помещичьего крестьянина приходилось 2,91 десятины, бывшего удельного – 4,07 десятины, бывшего государственного – 5,15 десятины земли [12; 43-47].

Экономическое положение крестьянства, как основного податного сословия в изучаемых регионах, как и в целом по России, во второй половине XIX в. было сложным. Отмена крепостного права поставила крестьян перед фактом о необходимости выкупа своих наделов. Выкупная цена десятины в Среднем Поволжье варьировалась от 12 руб. 50 коп. до 104 руб. 14 коп. На Южном Урале – в среднем 28 руб. за десятину. Система отрезков существенно убавила и без того небольшие наделы. Крестьяне вынуждены были брать в аренду еще дополнительные участки земли, а после отмены временнообязанного состояния в 1883 году, искать возможности закупать земли у помещиков, купцов и других владельцев (духовные лица). Увеличение покупок земли или перевод на выкуп без желания крестьянина были особенно заметны в 1883-1892 гг. и в целом по всей Европейской России. Причем, крестьяне пытались выкупать те земли, которыми они уже пользовались до 1861 года, то есть земли, попавшие под отрезки, или арендованные у помещика. Наряду с необходимостью выкупать земли для ведения своего хозяйства (45,0% платежей) крестьяне облагались общественными сборами, процент которых в налоговом обложении доходил до 19,7, крестьяне выплачивали земские сборы (14,3% платежей), государственные налоги (12,7% платежей), волостные сборы (8,3%). Даже зажиточная крестьянская семья Оренбургской губернии, имея несколько наемных работников, с трудом выдерживала налоговый пресс в пореформенное время. В таких условиях происходило более быстрое расслоение крестьянства на беднейших и зажиточных мелких собственников. Беднейшее крестьянство в период неурожаев часто первым подвергалось угрозе голода и голодной смерти. Так, в Оренбургской губернии в период голода 1891-1892 гг. крестьянство получило 15549 пудов хлеба из местных запасов губернии и 3137430 пудов хлеба в результате неотложных

действий правительства России. Не только засухи и неурожаи были главными причинами бед крестьянства. Тяжелый налоговый пресс и выкупные платежи приводили к росту недоимок, взыскать которые можно было только описав и изъяв скот,
инвентарь и другое имущество крестьянской семьи.

Крестьянство Южного Урала и Среднего Поволжья выступало в качестве арендатора помещичьих и, часто, купеческих земель для обработки, а также пастбищ и сенокосных угодий. В Среднем Поволжье цена аренды десятины земли была выше, чем в уездах Оренбургской и Уфимской губерний. Так, в Самарской губернии самыми высокими ценами аренды отличались земли Ставропольского, Бугульминского, Николаевского уездов – до 12-13 руб. за десятину [14; 9], а в Оренбургской губернии к этому же 1882 г. самая высокая цена аренды за десятину была в Никольской волости Оренбургского уезда – 1 руб. 27,5 коп. [15, 11-13]. Наиболее низкой была цена аренды за десятину земли в Михайловской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии – 17,4 коп. [16; 11-13], где она была мало пригодной к возделыванию. В начале 1860-х гг. урожайность яровых культур (пшеница русская, белотурка, «Гуль-бидай», рожь) в губерниях Среднего Поволжья составила сам – 3,9 – сам - 4,8, в губерниях Южного Урала – сам – 2,9 [17; 22-24].

Сельскохозяйственное производство в хозяйствах изучаемых территорий на протяжении второй половины XIX в. носило экстенсивный характер. Если в помещичьих хозяйствах возникали попытки применить технические усовершенствования, то у крестьян использовались самые примитивные и традиционные орудия труда – соха, деревянные бороны, хлеба засевались и косились вручную. Исключением лишь являлись заселенные русскими крестьянами большинство уездов Симбирской губернии, Николаевский, Новоузенский, Бузулукский уезды Самарской губернии, Оренбургский уезд. Здесь с 80-х гг. XIX века был заметен процесс замены старой земледельческой техники новыми и усовершенствованными орудиями и машинами. Так, в хозяйствах Новоузенского уезда Самарской губернии первое место занимало использование железных плугов (76,8%), затем – веялок (12,9%), молотилок (4,8%), конных жнеек (7,5%) и конных граблей и косилок (3%) [18, 145]. Исключительное значение для успешного земледелия имело наличие лошадей – главного тягла для всех работ. С 1860-х по 1880-е гг. в крестьянских хозяйствах Среднего Поволжья произошло заметное сокращение поголовья лошадей. В целом по региону количество лошадей сократилось на 16-25% [19; 17-28], это произошло вследствие неурожаев, малоземелья, непомерно тяжелых выкупных платежей, налогов.

В крестьянских хозяйствах Уфимской и Оренбургской губерний обеспеченность тяглом находилась в удовлетворительном состоянии лишь в зажиточных хозяйствах и хозяйствах служилого казачества, где в 1860-х гг. поголовье лошадей увеличивалось. Так, по ведомостям о состоянии скотоводства в Оренбургском казачьем войске в 1861 г. насчитывалось 193909 лошадей, а в 1862 г. уже 201459, то есть за один год поголовье увеличилось на 3,4%, количество коров увеличилось со 165383 до 173674 голов, то есть на 5,0% [20; 24]. Крестьяне Южного Урала и южных уездов Самарской губернии в качестве тягла вынуждены были иногда применять быков и верблюдов (в Николаевском уезде Самарской губернии – 54 верблюда) [21; 7]. В последней четверти века в связи с массовым переселением крестьян в Оренбургскую и Уфимскую губернию потребность в лошадях рабочего возраста в несколько раз возрастала, особенно в 70-х - 80-х гг. Прибывшие переселенцы были «безлошадными», по этому спрос на тягловый скот на протяжении всей второй половины XIX в. был устойчиво высоким. Несмотря на то, что на границе Оренбургской и Самарской губерний в 1876-1878 гг. возникают так необходимые конезаводы (заводы В. Толстого и И. Курмина в Бугурусланском уезде, завод Н. Кропачева в Николаевском уезде, большой завод в 230 голов Е.Н. Стобеуса в с. Могутово Бузулукского уезда [22, 60-61] и др.) все же потребность в лошадях удовлетворяли крестьянские хозяйства местных жителей [23; 20]. Лошади были местной породы – помесь русской рабочей с башкирской лошадью. Они отличались неприхотливостью и быстро восстанавливались

после изнурительной работы. Самарская лошадь не имела особых различий от башкирской [24; 99].

В конце XIX в. исключительно животноводством в изучаемых регионах занималась незначительная часть самостоятельных крестьян. Так, в Самарской губернии разведением лошадей, занималось 5591 человек или 0,22% от всего крестьянского населения губернии, в других губерниях Среднего Поволжья, а также в губерниях Южного Урала в конце XIX века крестьяне практически не выделяли занятие животноводством в отдельный самостоятельный вид хозяйственной деятельности [25, 160-161].

По данным переписи населения 1897 г. крестьяне Оренбургской губернии выделили как основной вид своей деятельности земледелие и животноводство (в совокупности) – 232490 самостоятельных хозяев и 1005361 – члены из семей (97,9%). Из них, помимо этого основного занятия, имели побочные промыслы 56800 крестьян (с членами семей) [26; 77-78]. К земледелию относилось выращивание ржи, пшеницы, ячменя, овса. К побочным промыслам относилось возделывание овощных, технических культур, лесоводство, пчеловодство, садоводство, рыболовство. В Оренбургской губернии на первом месте из побочных занятий были лесные промыслы: заготовка лесных материалов, распиловка дров, изготовление луба – 1898 крестьян, а также корзиночное производство – 1561 человек было занято в нем. Преобладали эти занятия в Орском и Оренбургском уездах. Большое число крестьян было задействовано в добыче золота, платины – 1697 человек (Троицкий, Верхнеуральский уезды), в войлочном производстве – 1517 чел. (Оренбургский, Челябинский уезд), в производстве колесных ободьев, оглобель, бондарном деле – 1128 крестьян (в Орском уезде – 526, в Оренбургском - 331). Из экономически значимых крестьянских промыслов необходимо назвать мукомольное производство, кузнечное дело, рогожное, мочальное производства, изготовление растительного масла, пчеловодство, огородничество, ловля рыбы (речное рыболовство).

Крестьянство Оренбургской губернии производило такие значительные объемы зерна, технических культур, масла, жиров, сырья для растительного масла, что обеспечивало в полном достатке внутригубернский рынок, а также реализовывало часть продукции на крупных и средних ярмарках страны. В Оренбургской губернии во второй половине XIX века, за исключением 1886-1890 гг., хлеба было в избытке. По товарности зернового производства она опережала Уфимскую губернию. Одним из промыслов крестьян губернии являлось заготовка дров, пеньки. Так, 16 февраля 1876 г. в Оренбурге рассматривалось дело по обвинению жителей деревень Куватовой и Усмановой о самовольной порубке леса. Главной причиной массовой порубки леса была цель продать его в другие населенные пункты губернии. В Уфимской губернии главными видами своей деятельности в 1897 г. крестьяне назвали земледелие и животноводство – 1910870 человек (с членами семей), а это 91,8% от всего крестьянства. Из них 78467 крестьян приобщены были, в разной степени, к побочным промыслам. Самым многочисленным по числу занятых побочным промыслом крестьян губернии во второй половине XIX века являлось пчеловодство – 5252 крестьянина было занято производством меда. Больше всего сельских пчеловодов было в Бирском уезде – 1751 и в Стерлитамакском уезде – 1109 человек. Практически не занимались пчеловодством крестьяне Златоустовского уезда.

На втором месте у сельского населения было занятие лесным промыслом, а именно заготовка лесных материалов, дров, сплавка делового леса (обкомленого бревна, то есть очищенного от сучков, коры и отсортированного по толщине). Менее всего этот промысел был развит среди крестьян Белебеевского уезда. Третьим по числу занятых крестьян в губернии было кустарное производство льняных и пеньковых изделий. Причем этим промыслом занимались исключительно женщины и дети. В Уфимском уезде 1760 членов крестьянских семей занимались выделкой льна и пеньки, и в Бирском – 1464.

Таким образом, многонациональное крестьянство регионов в большей степени было занято земледелием и скотоводством, нежели чем крестьяне в целом по европейской части России. На Южном Урале - 94,9% крестьян было занято в традиционной аграрной отрасли, в

Среднем Поволжье – 89% крестьян, а в среднем по европейской России – 76,5%. Из перечня занятий крестьян изучаемых регионов очевидно, что промысловые занятия и отходничество в крестьянской среде не были существенными. Несмотря на то, что российская деревня, в целом, справлялась с обеспечением городов (американский исследователь П. Грегори отмечал рост ежегодных расходов на личное потребление горожан России в 1890-х гг. на 5,7%, в 1901-1905 на 2,9% [27; 69]), все же общее направление развитие сельскохозяйственного производства оставалось экстенсивным. Причиной этому служил низкий уровень индустриализации страны, когда не происходило полного удовлетворения спроса села на промышленную продукцию, а также низкая платежеспособность крестьянства. Большая часть сельскохозяйственных машин по-прежнему ввозилась из-за границы. С 1892 по 1905 гг. стоимость импорта возросла с 9 млн. 57 тысяч до 38 млн. 762 тысяч рублей, то есть в 4 раза [28; 159]. Более или менее ощутимые результаты начавшейся перестройки сельского хозяйства появились лишь к 90-м годам XIX века [29; 15].

Список литературы:

1. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Монография. – Оренбург, 2005. С.-72.
2. Состояние народонаселения в Оренбургской губернии 1864 г. ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 111, л. 16.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Оренбургская губерния. СПб., 1904. - Т. 28. - С. 13.
4. Российское законодательство X-XX веков. Документы крестьянской реформы. М., 1989. - Т.7. - С. 63.
5. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Монография. – Оренбург, 2005. С.-75.
6. Петров В.И.К изучению крестьянского населения России во второй половине XIX века. //Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 3-4 (55-56). С. 136-141.
7. СЗРИ. Устав о паспортах и беглых. СПб., 1857. - Т.14. - Ст. I.
8. Там же. - Ст. 118.
9. Переселенцы в Оренбургской губернии. Заметка в Центральный Статкомитет действительного члена К.Е. Сувчинского. СПб., 1888. С.3.
10. Посчитано по: Статистический временник Российской империи за 1878 г. Сер III. Вып. 10. Поземельная собственность Европейской России 1877-1878 гг. Разработано Г. Ершовым. СПб., 1888. - С. 42-61. Статистический временник Российской империи за 1878 г. Сер. 3. Вып. 10. Спб. 1888. - С. 42-61.
11. Посчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. 28. - С. 108-109; Самарская губерния. СПб., 1904. - Т. 36. - С. 118, 119; Симбирская губерния. СПб., 1904. - Т. 39. - С. 108,109; Казанская губерния. СПб., 1904. - Т. 14. - С. 111-112.
12. Головин К.С. Крестьянское землевладение в двух понизовых губерниях. «Русский вестник» за июнь 1883 г., С.43 - 47.
13. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Монография. – Оренбург, 2005. С.-84.
14. РГИА, ф. 593, оп. 18, д. 17, л. 9.
15. Заметка в Центральный Статистический комитет действительного члена Сувчинского К.Е. Переселенцы в Оренбургской губернии. СПб., 1888. - С. 11-13.
16. Там же.
17. Посчитано по посевам и сборам хлеба в четвертях в 1861 г. в землях Оренбургского казачьего войска. ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 111, л. 22-24.
18. Смыков Ю.И. Казанское экономическое общество и проблема сельскохозяйственной техники в Среднем Поволжье (40-90-е годы XIX века). - В кн.: Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Изд-во КГУ. Казань, 1867. - С. 145-165.; Белецкий И. Очерк Новоузенского уезда. Самара, 1886.
19. Труды статистической экспедиции . Спб., 1883 . Отд. I. - С. 17, 22, 25, 28.
20. Подсчитано по: ГАОО, ф. 6, оп. 8, д. 111, л. 24.
21. РГИА, ф. 593, оп. 2, д. 1953, л. 7-18 об.
22. Конезаводы в 60 губерниях Европейской России и Кавказа. СПб., 1908. - С. 60-61.

23. РГИА, ф. 1302, оп. 11, д. 30, л. 20 об.
24. Конская перепись 1882 г.Спб., 1883. - С. 99.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская губерния. СПб., 1904. - Т. 36. - С. 118-119; Симбирская губерния. СПб., 1904. - Т. 39. - С. 108,109; Казанская губерния. СПб., 1904. - Т. 14. - С. 111-112; Оренбургская губерния. СПб., 1904. -Т. 28. - С. 150, 151; Уфимская губерния. СПб., 1904. -Т. 45. - С. 160, 161.
26. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. (Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская, Уральская губернии) / В. И. Петров. Оренбург, 2005.
27. Грегори П., Зотеев Г. Экономический рост. Сравнительный анализ хозяйственных систем (Россия - СССР) // Коммунист. 1991. №1. - С. 69.
28. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904. М., 1980. - С. 159.
29. Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук/ Оренбургский государственный университет. Оренбург, 2005.

УДК 316.42

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК ФЕНОМЕН РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА[1]

Петрова Елена Юрьевна
аспирант
Гуманитарный университет, Екатеринбург
E-mail: e_petrova@rambler.ru

ORGANIZATION OF CHILDREN'S NON-FORMAL EDUCATION AS A PHENOMENON OF PARENTAL LABOUR

Elena Yu. Petrova
post-graduate student, Liberal Arts University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается вопрос о возможностях обеспечения потребностей современного информационно-ориентированного общества в свободном интеллектуальном развитии молодежи. Развивается идея о необходимости сочетания формального и неформального образования детей. Приводятся результаты теоретического социологического анализа возникающих в российских семьях проблем, связанных с организацией неформального образования, с точки зрения осуществления родительского труда. Делается вывод об актуальности выделения в структуре родительского труда особой категории – работы по организации неформального образования детей и необходимости выработки мер социальной поддержки таких семей.

ABSTRACT – In this article the question about providing opportunities of modern information-oriented society requirements for free improving of young people`s intellectual level is considered. The idea about the need of a combination of children`s formal and non-formal education develops. Results of the theoretical sociological analysis of the problems arising in the Russian families connected with the organization of non-formal education from the point of view of implementation of parental work are given. The conclusion about relevance of allocation a special category in structure of parental labour – the labour on the organization of non-formal education of children and needs to development measures of social support for such a families is drawn.

Ключевые слова: информационно-ориентированное общество; неформальное образование; родительский труд; мотивация; меры социальной поддержки.

[1] ГРНТИ 04.51.21

Keywords: information-oriented society; non-formal education; parental labour; motivation; social support measures.

Современный этап развития общества характеризуется бурным ростом сегмента сферы услуг. Развитие экономики с доминирующей интеллектуальной составляющей привело к повышению значимости творческих аспектов обучения. Происходящие в мире процессы глобализации, частичное устранение национальных барьеров, скачок в развитии информационных технологий, широкое распространение интернета повышают общедоступность информации. Знания становятся основным производственным ресурсом, на котором базируется социально-экономическое развитие общества. Наиболее ценными качествами экономических субъектов являются их уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность. Однако два фактора – крайне низкий прирост населения и недостаточная рыночная ориентированность системы государственного образования ставят под сомнение возможность будущего экономического процветания государства.

В части мер по улучшению демографической ситуации на государственном уровне уже сделаны существенные шаги. Меры по поддержке родительства и детства стали в последние несколько лет ключевыми аспектами федеральных и региональных программ социальной политики. Особый акцент был сделан на обеспечении благоприятных условий для первичных этапов сферы воспроизводства человеческого капитала – перинатального и дошкольного: от создания многофункциональных перинатальных центров и введения материнского капитала до обеспечения детей местами в дошкольных учебных заведениях. В части совершенствования образовательной системы еще предстоит долгосрочная работа, и требуется осмысление дальнейших шагов по реорганизации образовательных процессов.

Реформирование системы дошкольного воспитания, начальной, средней и высшей школы должно обеспечить развитие у детей навыков самостоятельной работы, стимулировать их творческие способности. Основной задачей формальной, государственной системы образования остается обеспечение детей равным доступом к знаниям, независимым от их социальной принадлежности и места проживания. Однако помимо основных, получаемых в государственной системе образования знаний, современное общество требует от своих работоспособных граждан, и в первую очередь молодежи, гораздо более широких интеллектуальных возможностей, творческих умений и навыков. Эти требования обусловлены спецификой труда в современном информационном обществе. Согласно неоинституциональным теориям (К. Поланьи, Дж. Гэлбрейг, Д. Белл, О. Тоффлер, Дж. Нейсбит), под трудом в таком обществе в первую очередь понимается творческая деятельность. Она кардинально отличается от труда в его утилитарном понимании, поскольку творчество мотивируется не материальными факторами, а стремлениями человека к внутреннему самосовершенствованию [1, 7]. И молодые люди должны быть воспитаны с этой точки зрения, готовы к труду именно в таком его понимании. Это должны быть личности, «способные к абстрактному мышлению, умеющие оперировать информацией и знаниями, … аналитически и логически мыслить … и быстро реагировать на всякое изменение ситуаций» [2].

Возникает вопрос, каким образом можно подготовить подрастающее поколение к потребностям современной экономической системы, чтобы обеспечить с одной стороны экономический рост страны, с другой – благоприятные условия для наиболее полного раскрытия интеллектуальных и творческих способностей молодых людей. Западными социологами и экономистами еще в 1960-70 гг. был сделан вывод о том, что программы официальных систем образования не обеспечивают потребности новых и модифицированных секторов экономики. Аналогичная ситуация сложилась на рубеже XX-XXI вв. в России. В силу сложностей государственного регулирования в части стандартизации и лицензирования программ, предлагаемых в рамках формальной системы образования, внесение изменений в школьные и вузовские программы, а также открытие новых специальностей и направлений происходит гораздо медленнее, чем возникают потребности на рынке.

Поэтому согласимся с мнением ведущих социологов и экономистов, что в современном обществе необходима тесная интеграция формального и неформального образования. Часть рыночных потребностей, касающихся интеллектуального и творческого развития детей и молодежи, целесообразно обеспечить через систему неформального образования. Термин «неформальное образование» мы будем использовать для обозначения любых образовательных процессов, организованных за пределами формальной, государственной системы образования. При этом возможно опираться на принятые ЮНЕСКО положения, согласно которым неформальное образование рассматривается как вид институциональной деятельности, идентичной по целям, но не в полной мере совпадающей по средствам и результатам с деятельностью учреждений, входящих в формальные системы образования [3].

Целесообразно также учитывать мнение о том, что под неформальным образованием подразумевается осуществление преднамеренной, добровольной и планируемой инициативы личного и социального образования, направленной на развитие широкого круга навыков и качеств, необходимых для жизни в демократическом обществе [4]. Поскольку неформальное образование осуществляется в разнородных экономических, социальных и общественно-политических учреждениях, результаты такого обучения имеют практический характер и являются более востребованными на современном рынке интеллектуальных трудовых ресурсов. Актуализация неформального образования, отмечается в материалах ЮНЕСКО, связана с изменением социальной роли образования в информационном обществе, со сменой парадигмы от «образования, предписанного сверху» к комплексному развитию человека [3], пространству свободы, где каждый без насилия и диктата выбирает, чему и как учиться [5, с.11]. В соответствии со сложившейся международной позицией, сформулированной в частности в Меморандуме непрерывного образования Европейского Союза, неформальное образование рассматривается как фактор «конкурентоспособности и успеха страны» [6].

Вопросы важности организации неформального образования нашли свое отражение уже и в России. В утвержденной Правительством Российской Федерации государственной программе РФ «Развитие образования на 2013-2020 годы» [7], установлено, что необходимо «создание современной инфраструктуры неформального образования для формирования у обучающихся социальных компетенций, гражданских установок, культуры здорового образа жизни». Образование детей в неформальной образовательной системе предполагает ориентацию на их индивидуальные особенности. Индивидуально-личностная направленность деятельности способствует более эффективному процессу воспитания и развития ребенка. Результатом становится «жизнетворчество, позволяющее личности накапливать творческую энергию и осознавать возможности ее использования для достижения жизненно важных целей» [8, с.57].

Обеспечение постулатов свободного развития личности с учетом индивидуальных интересов и предпочтений возможно лишь при условии активного вовлечения семьи в процесс организации неформального обучения. В первую очередь семья, с учетом комплекса психофизических возможностей своего ребенка, может индивидуализировать его потребности в неформальном обучении, оценить качество и соответствие рыночным потребностям получаемых ребенком знаний. Но необходимо обозначить проблемы организации неформального образования детей, характерные для современных российских семей:

- недостаточен уровень мотивации родителей по осуществлению организации обучения детей в сфере неформального образования, в том числе в условиях сокращения количества свободного времени, выделяемого родителями на обучение и воспитание;
- высоки затраты семьи на поиск и выбор неформального образовательного учреждения с учетом индивидуальных особенностей ребенка и возможностей, имеющихся в семье и на рынке образовательных услуг;
- затруднена реализация выбранного неформального образовательного процесса в связи с необходимостью осуществления общеорганизационных, временных и финансовых затрат;
- сложна оценка эффективности получаемого ребенком неформального образования.

Сложности, с которыми сталкиваются семьи при организации неформального образования детей, связаны со множеством политических, социально-экономических и культурных факторов. Низкая мотивация родителей по организации данного вида образования связана в первую очередь с общей неинформированностью о смещении вектора экономического развития в сторону творческо-информационной модели. Следствием этого незнания становится непонимание важности неформальной составляющей образования. Также большую роль играют психологические аспекты в воспитании детей. Несмотря на общее признание необходимости их свободного личностного развития, на практике в семьях часто встречается удобный для родителей поведенческий стереотип: ребенок в первую очередь должен быть послушным, а не самостоятельным, должен осуществлять свою деятельность в соответствии с желаниями родителей, а не со своими собственными потребностями. Навязывание собственного мнения, а главное, отсутствие желания развивать личные интересы ребенка, характерны для многих российских семей. Кроме того, в условиях развития рыночных отношений в России в 2000-х гг. произошло резкое усложнение структуры экономических связей, возрос уровень вовлечения трудового населения в производственные процессы. Вынужденная частая смена сфер деятельности, переквалификация, возрастающие временные затраты на перемещения между работой и домом, особенно в крупных городах, привели к резкому уменьшению количества свободного времени у работающих родителей.

Для нашей страны в последнее десятилетие характерен процесс сужения истинно родительских функций, связанных с воспитанием и обучением детей. Снизились временные затраты семьи на развитие интеллектуальных возможностей детей. Воспитательные и познавательные функции родителям гораздо легче осуществлять через систему формального образования. Однако в современных социально-экономических условиях решение задачи максимально полного раскрытия творческого потенциала детей возможно лишь в комбинации формального и неформального образования. Чтобы осуществить выбор наиболее подходящих ребенку направлений обучения родителям необходимо изучить огромное разнообразие представленных на рынке образовательных услуг творческих студий, кружков и секций, центров развития индивидуальных личностных способностей детей и подростков. Процесс организации институтов неформального образования, формирующихся в нашей стране под влиянием рыночных потребностей, имеет широкое распространение в средних и крупных городах России. В последнее время наблюдается рост количества образовательных учреждений и объединений, предоставляющих услуги неформального образования. Но также пропорционально увеличивается для семьи и сложность выбора подходящих конкретному ребенку направлений обучения. Более того, в силу предоставленной свободы и отсутствия необходимости регламентирования программ, учреждения неформального образования являются весьма разнообразным по структуре и форме. Отличительной особенностью неформальной системы образования от формальной является «отсутствие единых, стандартизированных требований к результатам учебной деятельности» [9] и отсутствие контроля за осуществляемой ими деятельностью со стороны государства. У многих родителей возникают затруднения в оценке благоприятности для детей морально-психологических условий в этих учреждениях. Наибольшие сложности вызывает у родителей комплексная оценка эффективности предлагаемых образовательных программ, их перспективность с точки зрения развития детей и осуществления ими в будущем хозяйственной деятельности с учетом требований новой информационно-ориентированной модели экономики.

В силу вышеперечисленных проблем значительная часть российских семей, особенно проживающих в сельской местности, не имеет возможности уделить достаточно внимания организации неформального образования детей. Несмотря на эти трудности, в крупных городах многие семьи, осознавая важность свободного интеллектуального развития детей, весьма успешно осуществляют деятельность по их социализации и развитию в неформальных образовательных учреждениях. При этом социально-экономические, психофизические и временные затраты родителей на организацию неформального образования детей настолько высоки, что мы считаем целесообразным рассмотреть данный вид их труда как специфиче-

ский. Более того, полагаем необходимым выделить его как отдельную категорию в структуре родительского труда.

Следует отметить, что проблема недооцененности родительского труда в целом уже ставится современными социологами, психологами и экономистами. Долгое время в социологических и экономических концепциях учитывался только оплачиваемый труд в сфере общественного производства. Семейный труд, не имеющий денежного выражения, не представлял для экономистов и социологов интереса. Однако многие современные ученые признают важность труда, осуществляемого в рамках семьи, и развивают идеи его значимости. Так, У. Бек в своей футурологической концепции труда полагает, что «работа по воспитанию детей должна получить такое же общественное признание, как художественное творчество, политическая или общественная деятельность, т. е. должна давать, например, право на пенсию и медицинское страхование» [10]. Возрастающая значимость родительского труда по организации неформального образования детей становится очевидной в связи с осознанием перспектив развития современного информационно-ориентированного общества.

Уровень познания социологической наукой вопросов о роли семьи в организации неформального образования детей на сегодняшний день не изучен в достаточной мере. Заслуживает более пристального внимания рассмотрение аспектов мотивации семьи в организации обучения и развития детей. Выделение в структуре родительского труда важной составляющей – работы по организации неформального образования детей для раскрытия их творческого потенциала, изучение этого вида труда с учетом специфики современных российских условий является новым и безусловно актуальным направлением социологических исследований. Полагаем, что необходима разработка инструментов регулирования неформального образования как элемента родительского труда. Следующей важной задачей является правовая регламентация неформального образования в системе родительского труда.

Результатом исследования и анализа в сфере управления неформальным образованием с точки зрения осуществления родительского труда должна стать выработка мер социальной поддержки семьи, направленных на обеспечение роста интеллектуальных ресурсов будущего поколения нашей страны.

Список литературы:

1. Родительский труд: специфика анализа и управления: монография/ А.П.Багирова, О.М.Шубат, М.М.Пшеничникова. – Екатеринбург, УрФУ, 2013. – 208 с.
2. Абилова М. Г. Методы и инструменты стимулирования репродуктивной активности: дис…канд. экон. наук: 08.00.05 / М.Г.Абилова. – Екатеринбург, 2011. – 147 с.
3. ЮНЕСКО. Неформальное образование/ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unesco.org/bpi/pdf/memobpi55_NFE_ru.pdf
4. Компасито: пособие по обучению правам человека/ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eycb.coe.int/compasito/ru/chapter_2/1_int.html#4
5. Мацкевич В. Без формы не удержать содержания (сила и слабость неформального образования)//Адукатар. - 2009. - № 1 (15). – с. 11-13
6. Меморандум непрерывного образования Европейского Союза/ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.znanie.org/docs/memorandum.html
7. Государственная программа Российской Федерации "Развитие образования" на 2013-2020 годы, утверждена распоряжением Правительства РФ от 15.05.2013 N 792-р // Сайт Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс] URL: http://минобрнауки.рф/документы/
8. Бруднов А.К. Неформальное и непрерывное. О развитии дополнительного образования детей// Директор школы. - 1995. - № 2. - С. 56-59.
9. Онушкин В. Г., Огарев Е. И. Образование взрослых: междисциплинар. сл. терминологии. – СПб., Воронеж, 1995. – 231с.
10. Белобородов И.И. Депопуляция в России: 15 лет демографической трагедии / И.И. Белобородов // Демографические исследования. – 2009. – № 6. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=787#n3

УДК 316.334.3:658.3

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАНДАРТОМ IC CSR-08260008000

Попов Владислав Дмитриевич
студент
E-mail: A-8-A-5@yandex.ru
Якурнова Людмила Степановна
кандидат социологических наук, доцент
E-mail: LSY0955@mail.ru
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

THE PROBLEMS OF FORMING THE SOCIAL POLICY AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISE IN ACCORDANCE WITH THE STANDART IC CSR-08260008000

Vladislav Popov
student
Liudmila Iakurnova
Candidate of Science, assistant professor
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В работе представлены некоторые общие сведения об организации системы социальной политики на предприятии, значимости её формирования и практического использования при ведении бизнеса в современных условиях экономики. Дана характеристика одного из предприятий производственной отрасли Уральского региона. Разработана анкета на основе стандарта социальной ответственности IC CSR-08260008000. Проведён пилотный опрос сотрудников. Представлен анализ полученных данных, характеризующий социальную политику предприятия.

ABSTRACT – This article is devoted to problems of creating and forming the system of social policy at the enterprises. The article shows the importance of usage this system in conditions of contemporary economics. It has given the characteristics of one of the industrial enterprises of Ural region. The questionnaire was created in accordance with the standard of social responsibility IC CSR-08260008000. Employees took part in the pilot survey. The analysis of taken data is characterizing the social policy of the enterprise.

Ключевые слова: социальная политика; социальная ответственность; стандарт социальной ответственности.

Keywords: social policy; social responsibility; the standard of social responsibility.

Проблемы формирования и реализации социальной политики на промышленных предприятиях России вызывают все больший интерес среди исследователей и управленцев разных уровней. Если обратиться к теоретическим источникам, то можем встретить различные толкования данной категории. Прежде всего, социальная политика предприятия означает деятельность собственников, руководства и работников по удовлетворению социальных потребностей, обеспечению социальных прав и гарантий и социальной защиты персонала. Социальная политика формирует благоприятные условия деятельности работников на предприятии, является необходимым условием для реализации персоналом своих способностей и возможностей. «Без хорошо налаженной социальной работы на предприятии сложно достичь высоких экономических показателей» [3; 26]. Ведь работник эффективно выполняет работу только при условии отсутствия социальных рисков. Если на предприятии созданы такие социальные условия, руководству представляется больше

возможностей для реализации новых стратегических задач и осваивания больших сегментов рынка.

Если говорить о содержательной структуре данного явления, то большинство исследователей социальную политику предприятий подразделяют на внешнюю и внутреннюю: внутренняя определяет социальные аспекты трудовой деятельности на предприятии, внешняя – непосредственное удовлетворение социальных потребностей персонала. Оба этих момента представлены в стандарте IC CSR-08260008000 в модулях А «Социальные гарантии персонала» и Б «Социальные права персонала». Также модуль И «Менеджмент социальной ответственности» определяет основные критерии, по которым должен вестись мониторинг социальной политики предприятия, её контроль и корректировка [1; 8].

Работа по совершенствованию и реализации социальной политики на промышленных предприятиях ведётся по-разному: на одних речь идет о ее развитии, на других – вводятся лишь ее элементы. Примером последнего является объект нашего исследования – ООО «База строительной индустрии» (далее «БСИ») крупное новое подразделение Кыштымского медеэлектролитного завода, на котором запущено производство нового для России материала – газобетона, получаемого методом автоклавирования. Производство открыто в 1995 г. для обеспечения КМЭЗа собственным материалом для жилищного строительства. Предприятие полностью покрывает потребность завода в газобетоне.

На данном предприятии нет ни профсоюза, ни коллективного договора. Основными документами, регламентирующими социальную политику на БСИ, являются «Правила внутреннего распорядка ООО «БСИ» и трудовой договор.

Данные документы относятся к закрытой информации о производстве и их распространение за пределами «БСИ» недопустимо. Изучить удалось лишь некоторые моменты. Во-первых, можно сказать, что основные положения Правил внутреннего распорядка являются стандартными. Устанавливается запрет на курение в производственных помещениях, основные этические нормы работы – недопущение оскорблений, правила противодействия кражам с завода, противопожарные нормы. Каждый сотрудник обязан ознакомиться с данными Правилами и выполнять их. Интересно, что Правила внутреннего распорядка на ООО «БСИ» предусматривают «норму выдачи молока и молочных продуктов за вредность производства» [2; 12]. Другой документ – трудовой договор – тоже составлен по стандартной схеме. В нём оговариваются права и обязанности работника и работодателя. Устанавливаются правила предоставления отпуска и порядок увольнения. Каждый договор имеет фотографию сотрудника, подписывается генеральным директором и работником.

К сожалению, на данный момент на предприятии отсутствует Коллективный договор. Однако руководство проявляет интерес к введению стандарта социальной ответственности, иначе данная исследовательская работа не была бы одобрена руководством. Молодые специалисты охотно идут работать на БСИ, поскольку заработная плата персонала находится на среднем по региону уровне и платится, в основном, без перебоев.

Пока на предприятии не составляется социальных отчётов. Основные инвестиции идут на модернизацию производства и увеличение производственной мощности. Но следует отметить: ООО «БСИ» был спонсором футбольной команды «Жемчужина», ставшей лучшей в Челябинской области в 2013 г. Одно из главных направлений деятельности команды (и соответственно спонсора его ООО «БСИ») – развитие детского футбола в Кыштымском городском округе, занятия в секции для сотрудников и их детей являются бесплатными.

Поскольку документальных источников о ведении социальной политики на заводе оказалось недостаточно, ведутся они не в полной мере, то нами было решено рассмотреть эти вопросы в процессе проведения анкетирования персонала. Соответственно данное решение было согласовано с руководством предприятия.

Анкетирование персонала проводилось в период с 1 по 14 декабря 2014 г. в производственных цехах и административном корпусе. В опросе приняли участие 73 человека из числа рабочих, административного персонала и менеджмента организации. Опрос проводился студентами IV-го курса кафедры социальной безопасности УрФУ. Основная цель анкетиро-

вания – выявление проблем социальной политики «БСИ» и разработка рекомендаций по её совершенствованию.

Прежде всего, сотрудникам был задан вопрос о прохождении ими правил техники безопасности (пункт, регулируемый нормами российского законодательства). Неудивительно, что никто из сотрудников не остался без формального обучения технике безопасности. Однако есть и те, кто лишь формально поставил подпись в инструктаже. Это позволяет поставить вопрос о системе охраны труда на БСИ. Многими социальными стандартами, ратифицированными Россией, утверждается необходимость наличия на предприятии не только систем производственной безопасности, но и безопасности сотрудников. На БСИ это требование реализуется успешно. Большинство сотрудников знают, что их безопасность обеспечивается системными решениями руководства. Это снижает уровень риска на предприятии и повышает уровень развития социальной политики БСИ. Низкий уровень дисперсии подтверждает данный факт. Далее сотрудникам было предложено оценить условия мест их отдыха на предприятии по трём основным параметрам: хранение продуктов питания; санитарные условия; доступ к питьевой воде. Модальные значения ответов на данный вопрос соответствуют обеспеченности всеми перечисленными условиями на высоком уровне. Но выявилась большая группа сотрудников (половина опрошенных), у которых нет доступа к месту хранения продуктов питания, что свидетельствует о нарушениях социальной безопасности труда. Далее следовали вопросы, касающиеся социальных гарантий персонала. Что касается возможностей для обучения, то большинство ответивших (37 человек) подтвердили, что в той или иной форме совмещение труда с обучением допускается. Разброс мнений на этот вопрос оказался низким. Это говорит о заинтересованности руководства в наличии высококвалифицированных сотрудников. Такой подход подтверждается многими международными стандартами, в том числе и IC CSR-08260008000.

Предоставление мест в детсаду не является законодательно установленным, но наличие такой услуги на предприятии говорит о заботе о сотрудниках со стороны руководства. И, хотя у предприятия нет возможности предоставлять места в детсаду всем нуждающимся, работа в данном направлении ведётся.

Следующие вопросы были посвящены менеджменту социальной ответственности и открытости руководства по отношению к сотрудникам.

Рис. 1. Отношение на предприятии к жалобам и предложениям персонала

Данный исследуемый фактор является обязательным для построения успешной модели социальной политики на предприятии. Кроме того, свободное распространение жалоб руководству является самым простым методом мониторинга социальных проблем. На «БСИ» существуют условия для обращения сотрудников с предложениями или жалобами к руководству. Это формирует благоприятную социальную среду в коллективе, кроме того является фактором снижения социальных рисков. Когда у сотрудников есть осознание того, что их

мнение является важным для руководства, это помогает им работать более эффективно. Даже неважно, будут ли замечания сотрудника приняты в практическую деятельность. Важно, чтобы сотрудник просто мог их высказать. Кроме того, эти предложения или жалобы могут действительно оказаться полезными.

Результаты данного пилотного опроса характеризуют уровень развития и проблемы реализации социальной политики на небольшом промышленном предприятии Уральского региона, каких множество в России.

Список литературы:

1. Стандарт социальной ответственности IC CSR-08260008000.
2. Правила внутреннего распорядка ООО «База Строительных Изделий»
3. Ворожейкин И.Е. Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2011. – 512 с.

УДК 316.4

КРИТЕРИИ ПРОГРЕССА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Проказин Виктор Валентинович
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой
Амурского государственного университета, Благовещенск
E-mail:prokazinv@mail.ru

THE CRITERIONS OF PROGRESS IN THE RUSSIAN SOCIOLOGY AT XIX - XX CENTERY

Viktor Prokazin
Candidate of Science, Head of department, assistant professor
Amurskiy State University, Blagoveshensk

АННОТАЦИЯ – В статье идет речь о проблеме критериев прогресса в русской социологии XIX- начала XX века

ABSTRACT – The article is devoted to the problems of the criterions of progress in the Russian sociology at XIX - XX centery

Ключевые слова: русская социология; прогресс; критерии прогресса
Keyvords: the Russian sociology; the criterions of progress

Русская социология XIX-начала XX вв. представляет собой чрезвычайно богатый период в развитии отечественной социологии. Как отмечает современный исследователь, «в рамках этого этапа оказались сформулированными основные социологические идеи, синтезировавшие лучшие достижения мировой (европейской) социологии с концептуальными положениями отечественных исследователей, в которых был дан анализ специфических социальных проблем российского общества. Классический этап оказался непродолжительным по времени, однако достаточно богатым по содержанию. В сравнении с классической западноевропейской социологией российская «классика» оказалась не столь протяженной (в Европе этот период продолжался на 30 лет больше), но не менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями» [1; 82].

Главной задачей социологии XIX в. было «осмыслить те колоссальные социальные сдвиги, которые происходили в Европе на волне революций: процессы индустриализации, урбанизации, становления капиталистического общества и разрушения традиционного, аграрного, общинного уклада жизни» [2; 135]. Становится понятным, почему ключевыми при этом стали проблемы социальной динамики и прогресса. П. А. Сорокин писал, что «главной целью и главной заботой естествоиспытателей, философов, представителей общественных и гумани-

тарных наук в эти столетия были отыскание и описание этих «вечных законов прогресса и эволюции» и разработка основных стадий, или фаз, которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. На отыскании, описании и подтверждении существования тенденций и соответствующих им стадий были сосредоточены усилия биологии и социологии, философии, истории, социальной философии и других общественных и гуманитарных наук XIX в. В этом смысле вся общественная мысль XVIII и XIX веков отмечена верой в линейные законы эволюции и прогресса» [3; 372-373]. А. Босков также отмечает, что вплоть «до Первой мировой войны в своем мышлении и работах социологи склонны были выдвигать на первый план вопросы изменения, «динамики» и «прогресса»[4; 300]. Более того, научная разработка проблемы прогресса конститутировала социологию как новую науку об обществе. В силу специфики развития России для отечественных социологов разработка проблемы прогресса означала еще и определение перспектив развития общества, путей и способов его преобразования.

Историко-социологические аспекты проблематики прогресса в отечественной историографии разработаны весьма обстоятельно. Нами уже отмечалась необходимость и потребность ее теоретического осмысления, логической и хронологической систематизации подходов русских социологов к решению проблемы прогресса, построение модели, схемы эволюции взглядов на прогресс русских социологов [5].

Анализ работ социологов позволяет, на наш взгляд, выделить как минимум три основных части общей проблематики прогресса, получивших положительную разработку: 1) цели и критерии прогресса, 2) механизм прогресса и 3) вопрос о возможности и реальности прогрессивной эволюции. Безусловно, ключевой аспект всей тематики прогресса – это вопрос о его критериях. II. А. Сорокин в одной из своих работ отмечал что «решение проблемы прогресса заключалось в том, чтобы найти объективный, обязательный критерий, на основании которого можно было бы сказать: «это изменение прогрессивное, т. е. направлено от худшего к лучшему», «это – регрессивное, т. е. направлено от лучшего к худшему» [6; 82].

В российской социологии XIX – начала XX вв. имело место множество попыток поиска таких критериев. Соответственно встает проблема как-то систематизировать подобные попытки, выявить типичные подходы и типологизировать критерии прогресса. Прежде всего, все многообразие решений этого вопроса в русской социологии XIX - начала XX вв. может быть сведено, как и в мировой, к двум основным. Поскольку проблему прогресса можно рассматривать в качестве либо «оценочной», либо «безоценочной», постольку и критерии поступательного развития общества могут быть сформулированы таким же образом. В первом случае проблема прогресса формулируется как проблема движения общества и его подсистем к некоему социальному идеалу. Критерием, мерой поступательного развития при этом будут выступать степень, уровень, объем реализации достижения соответствующего идеального состояния как конечного результата.

Так называемые «оценочные» теории прогресса конструируются, по мнению Сорокина, следующим образом: тог или иной критерий («высшая ценность», «основная норма», «идеал») берется в качестве решающего критерия для оценки той или иной эволюции как прогресса или регресса. Всякий эволюционный процесс, приближающий нас к реализации основной нормы, принципа или идеального состояния, будет прогрессом, а всякая эволюция, удаляющая от поставленного идеала, – регрессом. С такой позиции возможна оценка эволюции только как прогрессивной или только как регресса либо признание одних ее звеньев прогрессивными, а других – регрессивными. Такое понимание породило, с одной стороны, оптимистические теории, объявляющие историю человечества почти сплошным прогрессом, а с другой, – пессимистические, рассматривающие историю как вырождение, регресс, посредине оказались те, что считали одни этапы истории прогрессивными, а другие – регрессивными. Недостаток «оценочных» теорий прогресса в том, что ни одна из них не может быть общезначимой и логически доказуемой (недоказуема никакая норма). Логически тот или другой идеал будет одинаково равноправен и одинаково обоснован или необоснован. Поэтому, с теоретической точки зрения, всякая оценочная формула прогресса условна, необязательна и субъективна.

В случае «безоценочной» формулировки проблемы прогресса критерием последнего будет, как отмечал Сорокин, время: «что позже, то и лучше». Такие теории просто удостоверяют существование постоянных эволюционных тенденций. Недостаток подобных теорий в том, что они, как считает Сорокин, «не решают, а устраняют проблему прогресса».

Как и в западной социологии, «оценочный» подход был преобладающим в российской социологической литературе. Причины этого – в общих особенностях русской социологической мысли с ее прагматической направленностью («политической ангажированностью»), стремлением найти и обосновать общезначимый социальный идеал, руководствуясь которым можно обеспечить обществу стабильность и развитие. Проблема критериев прогресса предстает как проблема выработки некоего общественного идеала. С. Н. Булгаков отмечал: «Для того чтобы говорить об усовершенствовании как приближении или стремлении к некоторому идеалу совершенства, нужно наперед иметь этот идеал» [7; 137]. Н. И. Кареев в статье «Философия, история и теория прогресса» писал: «Чем может быть формула прогресса, его теория? ...какое значение может иметь вообще подобная формула. ... Она должна дать идеальную мерку для оценки хода истории, без каковой оценки невозможен суд над действительной историей, невозможно отыскание ее смысла...»[8; 106]. А. Ершов также подчеркивал, что «для того, чтобы говорить об улучшении жизни, производить оценку ее, необходимо иметь критерий, «предвзятое мнение», … которое давало бы возможность расценивать явления и состояние жизни по категориям лучшего или худшего. Самое слово «прогресс» предполагает существование в уме говорящего его мерку, прилагаемую им к содержанию эмпирической жизни, предполагает идеал» [9; 628].

К категории «оценочных» следует отнести подавляющее большинство теорий прогресса, созданных русскими социологами. При этом в качестве «идеала», «критерия» в этих теориях выступали самые разные принципы. Если попытаться свести все эти критерии в какие-то группы, то в качестве основания для этого можно взять способ формулирования, выведения самих критериев. Выработка их осуществлялась двумя основными путями: 1) априорного формулирования, исходя из существования абсолютных норм добра и зла, что свойственно, прежде всего, неокантианской антипозитивистской социологии, 2) научного выявления общего в понимании «худшего» и «лучшего», которое имелось в разные времена у разных народов, классов, групп.

Какой способ самый распространенный в русской социологии? Она отражала в этом отношении, как и во многих других, основные тенденции мировой социологической мысли. В истории идеи прогресса можно выделить несколько этапов, различающихся преобладанием или различным сочетанием способов выведения прогрессивного идеала. В истории западной социальной мысли раньше других возникают априорное определение идеала прогресса и построение априорных схем поступательного развития общества.

Первый этап (XVIII -первая треть XIX вв.) – безраздельное господство априорных определений идеала прогресса. П. А. Сорокин пишет, что этот путь «чрезвычайно старый, особенно любимый метафизиками-философами». Н. И. Кареев отмечает, что «идея прогресса в конце XVIII в. имела слишком субъективный характер», не ориентированный на данные научного знания. Это был, по его словам, *этап «чрезмерного субъективизма»* в трактовке идеи прогресса.

Второй этап (вторая половина XIX в.) – попытки научного, социологического ее формулирования. По мнению Н. И. Кареева, во второй половине XIX в., как негативная реакция на крайний субъективизм, возникает другая крайность - «излишний объективизм», приписывающий социальной эволюции «безличный характер». Исследовательские подходы от создания априорных схем, свойственных прошлому, переместились в область поиска объективных механизмов исторического процесса. Кареев имеет в виду «безоценочный» подход, идущий от О. Конта и Г. Спенсера.

Третий этап (рубеж XIX-XX - начало XX вв.) – возрождение априоризма в определении критериев прогресса. В это время становится «модным», по замечанию Сорокина, «пер-

вый путь» (особенно в России). Понимание прогресса базируется на телеологизме, субъективизме и нормативизме.

Р. Ю. Виппер также выделяет похожие этапы в развитии социальной мысли и, следовательно, в понимании сущности прогресса, рассуждает о «надвигающихся теоретических проблемах в области истории» и говорит о связи исторического познания с развитием философии. Он пишет, что приблизительно с середины XVIII в. историческая мысль развивалась по преимуществу в рамках особой системы понятий, за которой осталось название «философия истории». В философско-исторических построениях, в сущности, не выяснялись причинные связи, закономерности явлений. Изображались фазы единственного явления, метаморфозы, ступени торжества общечеловеческой культуры, крестный ход, триумфальное шествие человеческой истории. Перед людьми чудесный путь: нужно понять направление его движения, его темп, его результаты, тогда нам откроются новые, может быть, последние на земле перспективы – вот что хотела сказать человечеству восторженная, полная веры философия истории.

Второй период («социологический»), начинающийся с конца первой четверти XIX в., связан с настроениями разочарования и в политическом, и в философском, и в религиозном отношениях. Вера в беспрерывность прогресса пошатнулась. «Установление причинных рядов... открытие «законов» смены и движения» – вот формулировка основных задач в изучении исторического процесса в это время [10; 57-59]. Таким образом, социологическое (научное, не философское) видение прогресса связано, по мнению Виппера, с разочарованием в идее прогресса, с пошатнувшейся верой в прогресс, с сомнением в достаточности лишь философского его обоснования. Очевидно, задача социологии с ее инструментарием состояла в научном доказательстве возможности и реальности прогресса, в поиске его объективных критериев на почве использования научных методов. Доминирующим в русской социологии всегда был позитивизм в виде как эволюционизма, так и неопозитивизма. В связи с этим подавляющая часть попыток сформулировать прогрессивный идеал осуществлялась при использовании сравнительного и индуктивного методов познания на основе изучения исторического опыта.

Современный подход к хронологической систематизации материала предполагает выделение по некоторым основаниям определенных этапов в обсуждении проблемы критериев прогресса. В эволюции русской дореволюционной социологии принято выделять три основных фазы (хотя существуют и другие подходы). «Каждая фаза эволюции представляет собой крупную теоретическую систему, содержащую в себе одновременно различные типы социального исследования, как основные, выделенные в данной схеме, так и промежуточные, выступающие отчасти в защиту основного типа, отчасти против него. История русской буржуазной социологии знает несколько относительно законченных главных типов. В основном они последовательно появляются друг за другом, но не всегда исчезают полностью, и тогда они начинают сосуществовать параллельно. Так, на первой фазе главный тон задает натурализм, но это вовсе не означает отсутствие у него серьезных оппонентов. На второй фазе набирают силу антипозитивистские объяснительные модели, но это не означает автоматического исчезновения традиционного позитивизма. На третьей мы видим предыдущие модели и нового лидера в лице неопозитивизма. Поэтому любая последующая фаза дает новые фактические компоненты, новые связи между ними, и ее структура усложняется. … Построение подобной типологии, т.е. написание именно теоретической истории социологии, дает возможность объяснить стойкий интерес к одним темам и быструю смену других, поэтапное распределение исследовательских интересов, изменение значения используемых понятий, появление новых и, наконец, оценить оригинальность индивидуальных вкладов, выход за сложившуюся систему понятий. Иными словами, проследить процесс наследования определенных принципов на последующих фазах, т.е. эволюцию» [11; 32-33].

Первая фаза (1860-1890-е гг.) характеризуется господством натуралистических, позитивистских моделей общества. В основе большей части создававшихся в этот период теорий прогресса (равно как и других) лежат следующие основные теоретико-методологические

принципы – эволюционизм, социологических реализм, детерминизм и редукционизм. *Вторая фаза («синтетическая»)* начинается с 1890-х гг. и характеризуется сильными антипозитивистским настроениями. В это время расширяется критика позитивизма и эволюционизма, разворачиваются поиски специфики социального, создаются номиналистические концепции прогресса, на вооружение социологами берутся интроспекция и нормативизм. *На третьей стадии в первое десятилетие XX в.* возникает неопозитивизм, толкующий социологию как науку о социальном поведении, понимаемом бихевиористски. Авторы, создающие теории прогресса, пытаются их эмпирически обосновать, опираясь на рефлексологию (физиологию) и статистику. Представляется, что в определенной степени данная схема может быть принята и для хронологической систематизации обсуждения проблемы критериев прогресса. На наш взгляд, своеобразие трактовки проблемы критериев прогресса теми или иными авторами было связано с взаимодействием двух групп факторов: с одной стороны, теоретико-методологических ориентаций социологов, а с другой, – социальных ценностей, на которые были ориентированы авторы теорий прогресса. В. В. Козловский пишет: «Разнообразные направления и традиции отечественной социологии, их парадигматика и методы могут быть точнее раскрыты на базе нескольких существенных признаков, характерных для всей палитры социальной мысли в России. ...таким основным критерием наряду с выделением теоретико-методологического принципа служат фундаментальные ценностные установки русских социологов и социальных мыслителей. Ядро базисных признаков данного критерия составляют: во-первых, образ (модель) общества в доктрине социолога, в которой выделены доминанта и иерархия общественного устройства; во-вторых, нацеленность на сохранение или изменение социальною порядка и на определенный способ преобразования общества; в-третьих, статус личности и социальных институтов в социологической концепции» [12; 12-14].

Беремся утверждать, что имеет место определенная корреляция между теоретико-методологическими установками отдельного исследователя и характером социальных (идеологических) ценностей. При этом детерминирующим фактором выступают социальные ценности. В качестве критериев прогресса предлагались многочисленные и разнообразные принципы. Все их можно разделить на две основные группы в зависимости от того, что признается тем или иным социологом в качестве субъекта прогрессивного развития – личность или общество в целом с его отдельными институтами. Следовательно, можно говорить, на наш взгляд, о критериях 1) прогресса личности. 2) развития общества в целом с его институтами. На наш взгляд, в значительном числе случаев выбор личности как субъекта и цели прогресса обусловливает в области теории номиналистический подход, а в области методологии – методологический субъективизм; выбор в качестве субъекта и цели прогресса общества и его институтов – соответственно социологический реализм как онтологическую ориентацию и методологический объективизм.

В общественном сознании пореформенной России XIX в. выделяются три основные группы социальных ценностей, характеризующих позиции всех социально активных слоев общества и лежащих в основании представлений о прогрессивном идеале, и соответственно три основные ориентации в отношении к модернизации страны.

Ориентация на стабильность (К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, П. Ф. Лилиенфельд и др.) предполагала консервативный идеал, включающий крепкую самодержавную власть, мощное государство, укрепление национального духа, патриархальных традиций, православия, сохранение существующей социальной структуры, равновесие и социальный мир.

Либеральный идеал разрабатывался в теориях прогресса Е. В. Де Роберти, М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева. П. И. Кареева, П. А. Сорокина и др. Ядром его были принципы индивидуальной свободы (естественных прав и свобод человека, равноправия), законодательно-легитимной власти, демократии и права, развития знания, науки и техники, просвещения и образования и т. п.

Тенденцию реформирования выражал также *либерально-консервативный идеал прогресса*. Для его сторонников (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, И. А. Ильин, С. Л. Франк, Н. Н. Алексеев и др.) ценными являлись и сильная государственная власть, мощное с одной стороны, государство, и принципы личной свободы и прав человека, – с другой.

Радикальный общественный идеал, провозглашаемый *народничеством* (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский), *анархизмом* (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин) и *марксизмом* (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Н. И. Зибер), содержал стремление коренным образом преобразовать существующие общественные и государственные порядки для достижения высшей социальной справедливости, понимаемой, однако, специфически в каждом из названных направлений.

Представляется, что в процессе обсуждения проблемы критериев прогресса в русской социологии рассматриваемого времени имело место расширение и усиление позиций тех авторов, которые признавали в качестве высшей ценности благо отдельной личности и для которых была характерна номиналистическая онтологическая позиция. На первой указанной нами фазе данный подход был представлен лишь «субъективной школой», на второй – к ней «присоединяется» неокантианская социология, на третьей – к уже названным подходам добавляется неопозитивистская социология как наука о социальном поведении индивида. С чем связана данная тенденция? И. А. Голосенко отмечает, что исторически первым в социологии возникла реалистическая теоретическая установка, а социологический номинализм, который окончательно оформился как идейное течение к концу 1890-х гг. и получил широкое распространение среди буржуазных социологов на рубеже двух веков, явился «критической реакцией» на него. «Номинализм возник как протест против сведения личности к «части социального целого», к «передаточной инстанции исторической необходимости» и т.д., он выступил с резкой критикой интерпретации общественной жизни как игры неких сверхличностных сил»[13,с.167].

Предложенная схема лишь в самых общих чертах обозначила общее в подходах русских социологов к выработке критериев прогресса и процесс обсуждения этой проблемы.

Список литературы:

1. Зборовский, Г. Е. Отечественная социология: на пути к гражданскому обществу: монография. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – 344 с.

2. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В.А. Ядова. – М. Аспект Пресс, 1996. 415 с.

3. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм / Американская социологическая мысль. – М., 1996. С. 372-392.

4. Босков Г., Босков А. А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. 882 с.

5. Проказин В. В. Проблема прогресса в русской социологии XIX - начала XX вв. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2006. 152 с.

6. Сорокин П. А. К вопросу об эволюции и прогрессе / Вестник научной психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1911. Т. 8. Вып. 3. [СПб.] С. 67-95.

7. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 1: От марксизма к идеализму. М., 1997. 335 с.

8. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса // Знание. 1876. № 2. С. 83-110

9. Ершов А. Проблема прогресса и идея личности // Вера и разум. 1914. № 7.

10. Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900-1912. М., 1912. 292 с.

11. Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века / под ред. Б.А. Чагина. Л. Наука, Ленингр. отд., 1978. 416 с.

12. Козловский В. В. Дилеммы дореволюционной российской социологии / Российская социология: историко-социологические очерки. М., 1997. С .31-52

13. Голосенко И. А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социс. 1979. №4. С. 162-169.

УДК 33.108

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УУПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА

Прокин Валерий Васильевич
кандидат экономических наук, доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь
E-mail: vvprokin@mail.ru

STRATEGIC MANAGEMENT OF SOCIAL DEVELOPMENT OF URALS MEGAPOLIS

Prokin Valery
Candidate of science, assistant professor,
Perm National Research Polytechnic University

АННОТАЦИЯ – Представлены результаты исследования актуальности и принципов разработки стратегии социального развития мегаполиса. Предложены новые аспекты координации государственных, корпоративных и индивидуальных стратегий развития. Определены проблемы совершенствования стратегического управления социального развития уральского мегаполиса.

ABSTRACT – The paper presents the results of the investigation of actuality and principles designing the strategy for the social development of the megapolis. New aspects of the coordination of the state, corporative and individual strategy for development the problems of the strategic management of the social development Urals-megapolis are defined.

Ключевые слова: стратегия развития; регион; Урал; мегаполис; системный анализ; моделирование; прогнозирование социально-экономической динамики.

Keywords: strategy of development; region; Urals; megapolis; system analysis; modeling; prognosing of social-economic dynamics.

Использование теории и методов стратегического управления – необходимое условие устойчивого и гармоничного развития социальных систем разного профиля и уровня сложности. Актуализация стратегического подхода в последние десятилетия детерминирована взаимодействием факторов технологизации, инфоматизации, глобализации, регионализации всех социальных процессов. Это, с одной стороны, резко ускоряет и интегрирует развитие социальных субъектов и объектов, с другой стороны, увеличивает неопределенность и непредсказуемость их среды и поведения, а также обостряет конкуренцию за ресурсы, рынки, статусы и перспективы. Современный мир (человеческая цивилизация) развивается в сторону своей общности и целостности как ноосферы (Вернадский). Диалектика этого общеземного цивилизационного тренда состоит в противоречивом сочетании тенденций интеграции и дезинтеграции, комплементации и субституции, объективации и субъективации, стратегических и тактических действий, монодисциплинарных и междисциплинарных проблем и методов их решений. Рост турбулентности, волатильности, цикличности цивилизационного развития меняет сам характер стратегического управления. Оно становится более реактивным и адаптивным, отражающим нелинейность и синергизм развития всех сфер и уровней социальных систем.

Цель данной работы – уточнение роли и принципов стратегического управления современным территориальным социумом. Начать разумно с анализа общих аспектов актуализации и усложнения стратегического управления социальными системами разного уровня и профиля, а затем – конкретизировать проблематику на примере стратегии социального развития города Перми – одного из мегаполисов Большого Урала.

В 2014 г. вступил в силу федеральный закон о государственном стратегическом планировании, который регламентирует организацию стратегического управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Закон определяет порядок разработки и

структуру государственных стратегических прогнозов и планов. Вместе с тем, по нашему мнению, в данном законе никак не отражена проблема координации стратегических планов по социальной вертикали, которая включает четыре системообразующих уровня: общество в целом (нация, народ); государство; малые и большие социальные группы (демографические, территориальные, профессиональные); индивиды-личности [7;152]. Кроме того, в законе не определяется механизм координации стратегий органов государственной и муниципальной власти, с одной стороны, и стратегий частного предпринимательского сектора, включая крупный, средний и малый бизнес. Но любые формы государственно-частного партнерства (ГЧП) предполагают разработку совместных стратегических планов. Отсутствие их координации и интеграции приводит к нарушению равновесия общественных и частных интересов. Так, частные собственники и предприниматели ориентированы, прежде всего, на производство частных благ, создающих рыночную прибыль. Производство общественных благ – функция государства и муниципалитетов. Производство общественных ценностей требует механизмов общественного выбора. Например, повышение уровня социального равенства и социальной справедливости как условия социальной стабильности требует государственных и муниципальных механизмов перераспределения имущества и доходов от богатых к бедным [5;776]. А в случае недостаточных бюджетных ресурсов для сильной социальной политики необходимо использование механизмов социального партнерства и социальной ответственности бизнеса.

Необходимость согласования государственных и корпоративных стратегий в рамках данных территориальных сообществ значительно возрастает в ситуации глобализации экономики. Регионы и города могут терять экономический суверенитет, зона управления органов местной власти постоянно сокращается, поскольку границы рынков больше не совпадают с административными границами территорий, частный бизнес изымает ресурсы из неэффективных территориальных производств и рынков. Это ведет к сокращению бюджетных доходов, росту безработицы и оттоку рабочей силы, недофинансированию инфраструктуры территорий, росту диспропорций в развитии регионов и городов [3;18].

Одна из основных проблем координации государственных и корпоративных стратегий развития – согласованный выбор доминирующей долгосрочной политики поддержки экономического развития территорий государственными ресурсами. Многочисленные теоретические модели такой политики можно свести к трем альтернативным вариантам:

1) теории минимизации государственных инвестиций в территориальный бизнес (ультралиберальная концепция);

2) теории гармонизированного территориального роста, активно финансируемого государством и муниципалитетами;

3) теории выборочной поддержки государством привлекательных и перспективных территорий и видов бизнеса. К такого рода концепциям относятся теория точек (полюсов) роста Ф. Перру, теория осей развития П. Потье, теория «центр-периферия» Д. Фридмана [6;84-90]. Такая локализированная поддержка отдельных перспективных отраслей, предприятий, территорий позволяет форсировать выход из кризисных ситуаций и в дальнейшем индуцировать экономический и социальный рост на отстающие сектора и профили данной социально-экономической системы. Одной из таких наиболее важных точек роста становятся крупные города – мегаполисы, в которых сегодня проживает более 50% населения земли. По своей социально-экономической, политической и культурной мощи они конкурируют в рамках глобальной экономики с целыми государствами. Мегаполисы концентрируют бизнес, менеджмент корпораций, научные исследования и образование, искусство, СМИ и туризм, активно развивают свой маркетинг и бренд [2;94-95]. Поэтому актуализируется проблема согласования стратегических целей и средств государства, регионов и их мегаполисов для получения общего синергетического положительного эффекта от их скоординированного развития.

В 2014 г. городская дума утвердила Стратегию развития Перми на долгосрочный период. Анализ этого документа показывает, что во многом его текст носит формальный ха-

рактер и не учитывает как реальные проблемы мегаполиса, так и способы их решения. Одной из таких острых проблем является демографическое воспроизводство территории. В целом, миграционный отток населения за пределы Пермского края за период 2000-2010 гг. составил более 18 тыс. человек, из них 30% из городов. В основном, это активная и квалифицированная часть населения. Только в 2014 г. отток составил 1108 человек, образуя отрицательное сальдо миграции. Основные направления оттока рабочей силы – Свердловская, Тюменская, Московская, Ростовская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Краснодарский край, Татарстан, Башкортостан, Нижегородская область.

Одна из основных причин этой негативной тенденции существенный разрыв между промышленным развитием Пермского края и инвестициями в его человеческий капитал. Так, по своему инвестиционному потенциалу край занимает 5-е место среди 14 субъектов РФ ПФО. И этот фактор должен стимулировать сокращение оттока населения, так как, по нашим расчетам, ранговый коэффициент корреляции Спирмена между этими явлениями достаточно высокий (ρ=0,83). Но для Пермского края эта гипотеза не подтверждается, поскольку по уровню сальдо миграции он занимает всего лишь 8-е место в ПФО. Инвестиционный потенциал пермяков не превращается в достойный заработок. На декабрь 2014 г. среднемесячная зарплата в Прикамье составила 26 298 рублей, в то время как в целом по России – 31 795 рублей.

Но в целом, миграционный отток определяется неудовлетворением целого комплекса потребностей населения. Поэтому не случайно город Пермь попал в рейтинг 28 самых быстроумирающих городов мира, составленный экспертами ООН и опубликованный в Business Insider в 2012 г. В этом антирейтинге учитывались 5 факторов: продуктивность, качество жизни, состояние окружающей среды и инфраструктуры, социальная справедливость [4;11].

Проведенное автором исследование позволяет определить еще ряд проблем уральского мегаполиса, которые еще слабо учитываются и решаются в процессе стратегического управления развитием Перми:

- недостаточный учет в политике социального развития приоритетов населения мегаполиса;
- необходимость оценки развития человеческого потенциала города с учетом, во-первых, фактора социального неравенства, во-вторых, эффективности социальной политики в этой сфере;
- недостаточное внимание к особенностям жизненных стратегий отдельных социальных групп горожан, в том числе, молодежи.

Так, по данным репрезентативного социологического опроса жителей города Перми по проблемам развития человеческого потенциала [1;9-50] наш расчет не выявил значимой корреляции между оценками важности аспектов городской среды и удовлетворенностью жителей уровнем развития этих сфер (ранговый коэффициент корреляции Спирмена ρ=0,02). При оценке тренда развития человеческого потенциала мегаполиса необходимо учитывать степень социального неравенства. Так, индекс развития человеческого потенциала ИРЧП (HDI), рассчитанный по методике ООН, в 2011 г. в городе Перми составил 0,782, но с учетом оценки меры неравенства населения в получении образования и доходов, он корректируется до 0,738, что более отражает реальное состояние человеческого потенциала мегаполиса [1;162].

Для оценки эффективности социального развития мегаполиса Эср нами предлагается использовать соотношение динамики индексов развития городской среды (ИГР) и его человеческого потенциала (ИРЧП) по формуле:

$$Эср = \frac{ИРЧП}{ИГР}$$

Рис. 1. Оценка эффективности социального равзития мегаполиса

Таблица 1

Динамика индексов развития города Перми как среды жизнедеятельности (ИГР) и человеческого потенциала (ИРЧП)

Виды показателей	2001	2007	2009	2011	2011/2001
ИРЧП (HDI)	0,618	0,748	0,764	0,782	1,265
ИГР (CDI)	0,774	0,796	0,837	0,862	1,113
Эср	0,798	0,939	0,912	0,907	1,136

Как видим, за период с 2001 по 2011 гг. индексы ИГР и ИРЧП заметно выросли. Но эффективность использования потенциала города для роста человеческого потенциала его жителей росла только до 2007 г., а затем она имеет тенденцию к заметному снижению.

По данным исследования обнаруживается такой парадокс. Удовлетворенность доступностью образования и трудоустройства по специальности с возрастом жителей заметно снижается, но ориентация на отъезд из Перми наиболее высока в группах молодежи 18-35 лет. Можно предположить, что механизм территориальной стратегической ориентации молодежи включает не только абсолютные, но и относительные оценки уровня и качества жизни, то есть, в сравнении с другими более привлекательными для жизненной карьеры регионами, мегаполисами и странами. Поэтому стратегия социального развития уральского мегаполиса должна быть ориентирована на создание более благоприятных и перспективных условий жизненной карьеры своей молодежи в ходе социальной конкуренции с территориями – лидерами.

Список литературы:

1. Городская среда и развитие человеческого потенциала в городе Перми: проблемы, перспективы, задачи: доклад / Администрация города Перми, центр прикладной экономики НИУ ВШЭ – Пермь. Пермь, 2013. 170 с.
2. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер.с англ. М.: изд. Института Гайдара, 2011. 472 с.
3. Малышев Ю.А, Елохов А.М. Экономический суверенитет и инсталляция глобальной экономики в полихромном пространстве города: монография; ГОУ ВПО «Перм.гос.ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал.ин-т экономики и права». Пермь, 2011. 370 с.
4. Марков И. Град обреченный // Российская газета, 1 ноября 2012 года, №253, С. 11.
5. Мезоэкономика развития / под ред. чл-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. – М.: Наука, 2011. 805 с.
6. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т., Лаврова Т.Г. Теории местного экономического развития. – М.: КНОРУС, 2011. 104 с.
7. Экономическая система России: стратегии развития / под ред. И.К. Ларионова, С.Н. Сильвестрова. – 2-е изд. – М.: издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014. 336 с.

УДК 331.55

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Прямикова Елена Викторовна

доктор социологических наук, профессор, зав.кафедрой

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург,

E-mail: Pryamikova@yandex.ru

Вандышев Михаил Николаевич

кандидат социологических наук, доцент

Уральский федеральный университет, Екатеринбург,

[1] Код ГРНТИ: 04.21.51

E-mail:mishavandyshev@rambler.ru
Веселкова Наталья Вадимовна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург,
E-mail:vesselkova@yandex.ru

MIGRATION OF YOUTH IN THE SVERDLOVSK REGION

Pryamikova Elena
Doctor of Sociological Sciences, Chair Department,
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg
Vandyshev Mikhail
Candidate of Sociological Sciences,
Ural Federal University, Yekaterinburg
Veselkova Natalia
Candidate of Sociological Sciences,
Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируется масштаб и направленность внутренней миграции в Свердловской области, анализируются миграционные установки молодежи, выпускников школ. На основании данных социологических исследований выделяются факторы, определяющие привлекательность поселений различного типа.

ABSTRACT – The article examines the extent and direction of internal migration in the Sverdlovsk region, analyzed the migration installation young school leavers. On the basis of sociological studies highlighted the factors that determine the attractiveness of cities.

Ключевые слова: город, привлекательность города, внутренняя миграция, направленность миграции

Keywords: city, attractiveness of the city, internal migration, the direction of migration

Анализ миграции населения в современном обществе учитывает как внешнюю, так и внутреннюю миграцию. *Масштаб и направленность внутренней миграции в Свердловской области напрямую связан с состоянием поселений*. Можно выделить «благополучные» территории, поселения с устойчивым развитием, средние и так называемые «депрессивные» территории. Традиционно миграция рассматривалась как переезд в другое поселение и отток молодежи, особенно из «депрессивных» территорий, был вполне предсказуем. Для самой территории это было и остается очень серьезной проблемой. Необходимы меры по удержанию населения в рамках конкретной территории, например, такие как развитие среднего профессионального образования.

В Свердловской области встречаются города, относящиеся к группе относительно успешных, обладающих потенциалом устойчивого развития и активно поддерживаемых региональными и федеральными властями (например, Н.Тагил), города стабильного развития (например, Заречный), а также депрессивные города с выраженным негативным трендом развития (например, Краснотурьинск). Несмотря на различия, во всех указанных городах наблюдается устойчивое и длительное снижение численности населения (см., например, [4]). Так, например, численность населения Нижнего Тагила по состоянию на 01 января 2014 г. составила 361,9 тыс. человек [3], в то время как в 2004 г. она составляла 387,0 тыс. человек. В то же время сегодня нельзя подходить к этим вопросам с привычными мерками, поскольку «размывается» сложившаяся социально-демографическая и профессиональная структура среднего и малого индустриального города. Сегодня такие города, особенно располагающиеся вблизи областного центра и ряда благополучных территорий, превращаются в «спальные» жилые районы. Многие жители работают в близлежащих городах, либо в отдаленных, на основе «вахтового» метода. Уровень мобильности настолько высок, что работать в соседнем городе считается вполне нормальным. Соотношение «количество рабочих мест = числен-

ность жителей трудоспособного возраста» пока сохраняет свое значение только для поселений, отдаленных от Екатеринбурга и других крупных городов области.

Масштаб и направленность внутренней миграции напрямую связаны с предпочтениями и возможностями молодежи. Еще совсем недавно базовой считалась вертикальная мобильность, которая рассматривалась в основном как показатель открытости социальной стратификации общества. Сегодня не менее актуальной становится горизонтальная мобильность – насколько человек способен перемещаться в горизонтальной перспективе. «Открытость изменениям становится востребованным качеством, способность «изменить свою жизнь» (развестись, сменить работу, получить новое образование и т. п.) не просто приветствуется, а превращается чуть ли не в краеугольный камень биографической компетентности» [2, 51]. Для молодежи подобное разнообразие становится важной частью жизни, определяющей её успешность. «Быть мобильным», значит «быть современным». Наличие возможностей в профессиональной, материальной, досуговой сфере во многом определяют привлекательность городского пространства. Информант из г. Лесной, получивший высшее образование, работающий на комбинате и получающий высокую зарплату недоволен тем, что не может выехать за границу с туристическими целями. Для него, это основание сомнений в целесообразности продолжения работы на градообразующем предприятии.

Основанием для миграции является отсутствие каких-либо возможностей в рамках собственного города. Результаты исследования, полученные в ходе реализации проекта «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» (проект поддержан РГНФ и Правительством Свердловской области, реализован в 2013-2014 гг. № 13-13-66010) подтверждают данное положение. В ходе реализации проекта использовался мобильный метод – go-along. Интервью предполагало совместную прогулку по городу – интервьюера и информанта. Маршрут определялся самим информантом. Исследование проходило в 4 городах - Заречном, Качканаре, Краснотурьинске, Лесном. Среди наиболее привлекательных характеристик города, по мнению участников, оказались:

- «зеленый» (Заречный, ограниченная вырубка леса, только под строительство конкретного здания);
- «спокойный» (низкий уровень криминогенности, что более характерно для закрытого города Лесной и частично для Заречного);
- наличие мест досуга (хороший кинотеатр, торгово-развлекательные центры, собственный театр);
- образование (наиболее позиционируемая сторона жизни – детские специализированные школы, художественные, хореографические и их победы на всероссийских и международных конкурсах);
- спортивные сооружения, возможности для занятий;
- состояние здравоохранения.

Сегодня доминирует потребительское отношение к пространству современного города – его комфортности и возможности позитивной идентификации, например наличие красивых архитектурных решений (Краснотурьинск как «маленький» Ленинград, в Качканаре – знаменитые 12-этажки в виде трилистника и т.п.).

Получение профессионального образования значительно повышает миграционный потенциал молодых людей. Данные исследования миграционных установок выпускников школ малых и средних городов Свердловской области[1] свидетельствуют, что большинство опрошенных не планируют возвращаться в свой родной город [1]. Об устойчивом желании вернуться в родной город после получения профессионального образования сообщил только 1 из 9 опрошенных школьников, в то время как об устойчивом нежелании возвращаться в родной город сообщили порядка четверти респондентов.

[1] Проект РГНФ-Урал и Правительства Свердловской области «Будущее уральских моногородов: разрыв или солидарность поколений?», №13-13-66011. Опрос проводился в г.Ревда, Краснотурьинск, Нижний Тагил, метод – полуформализованное анкетирование, объем выборки – 740 ед. (выпускники школ – с 8 по 11 кл.)

Рис. 1. Желание вернуться в город после получения профессионального образования, %%

Таким образом, у выпускников школ малых и средних моногородов преобладают тенденции к невозвратной миграции, основным вектором является более крупный город, а главным мотивом – отсутствие возможностей в родном городе. В этой связи любопытно проанализировать причины возврата в родные города (См. Табл.1)

Таблица 1.

Причины возврата в родной город после получения образования, %%

№	Причина	%%
1.	Наличие друзей и родственников	40
2.	Из-за того, что родился в этом месте	13
3.	Ситуация на рынке труда	11
4.	Спокойный, уютный, безопасный город	8
5.	Нравится город	7
6.	Привык к городу	6
7.	Ландшафты в городе	1
8.	Другое	14

В целом, приведенные данные говорят о наличии значительного числа выпускников школ, имеющих планы покинуть место своего постоянного проживания, т.е. мигрировать. Удовлетворенность положением дел в городе может быть исследована с помощью количественного метода[1].

Таблица 2.

Удовлетворенность положением дел в городе

Город	Оценка удовлетворенности*
В целом	-0,05
Асбест	-0,30
Краснотурьинск	-0,23
Лесной	**0,73**
Первоуральск	-0,03
Североуральск	**-0,45**

* Используется средняя взвешенная, максимальное значение +2 (хорошо), минимальное -2 (плохо).

Анализ возрастных групп показал, что молодежь, в целом, склонна выставлять более высокие, положительные оценки состоянию дел в городе. Средняя оценка среди молодежи составила 0,4 балла. Представителями среднего возраста оценка выставлена на уровне 0,12 баллов, а у пенсионеров - минус 0,36. По результатам количественного исследования для молодежи более важными оказались уровень доходов, возможности получения образования, состояние дорог, торговли, сферы услуг. По двум последним сферам за последние 10 лет в

[1] В проекте «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов» (2010-2012гг., поддержан РФФИ и Правительством Свердловской области №10-06-96021) был использован метод телефонного опроса жителей 5 городов Свердловской области: всего было опрошено 295 человек: Асбест (62); Краснотурьинск (52); Лесной (61); Первоуральск (60); Североуральск (60). Молодежь до 30 лет составляла примерно треть опрошенных (29%).

городах области прослеживается позитивная динамика, по всем остальным – отрицательная, это касается, прежде всего, экологии, ЖКХ, состояния дорог, медицины. Для молодежи самыми проблемными являются состояние дорог и образование.

Наличие внешней миграции, с одной стороны, способствует заполнению трудовых вакансий, с другой – служит основанием для снижения уровня удовлетворенности состоянием дел в городе. В частности, в г. Заречный строительство 4 блока БАЭС спровоцировало резкое увеличение количества внешних (трансграничных) мигрантов, недовольство происходящим выражалось практически в каждом интервью.

Проблемы мигрантов как внутренних, так и внешних не исследовались. Внутренняя миграция часто осуществляется в процессе обучения в вузах, таким образом, адаптация к студенческой жизни сливается с миграционной адаптацией. Проблемы известны – низкий уровень стипендии, нехватка мест в общежитии. Студенты в массовом порядке пополняют ряды работников торговли и сферы услуг, теряя так и не приобретенную до конца профессиональную идентичность. Внешние же мигранты в большей степени испытывают проблемы с обретением формального статуса, негативным отношением местных жителей, в случае приезда с детьми возникают проблемы с образованием и сохранением здоровья.

Кризисные явления, наблюдаемые в современной российской экономике, способны вызвать отток трансграничных мигрантов, что усилит имеющиеся демографические проблемы, в том числе, на региональных рынках труда. В этих условиях необходимо более пристально и тщательно изучать миграционные установки постоянных жителей региона, уметь прогнозировать движение населения между поселениями различного типа, учитывая при этом не только т.н. «объективные» обстоятельства, такие как наличие постоянной работы, но и субъективной привязанности, обеспечивающей воспроизводство уникальных социокультурных характеристик различных поселений.

Восприятие молодежи как основного ресурса, как потенциала родного города вряд ли можно считать современной постановкой вопроса. Часть молодежи остается в родном городе, но только небольшая часть, которая не в состоянии обеспечить даже увеличение рождаемости. Пора переходить на новое восприятие развития городского пространства. Результаты исследования «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» позволили определить характеристики города, привлекательные для представителей различного возраста. Иными словами, город сегодня востребован как место для жизни, способное обеспечить достойное и комфортное существование, причем не только для молодежи. Население становится всё более мобильным, поиск работы в другом городе, с более высокой зарплатой, сегодня становится нормой жизни, что еще больше повышает риски усиления депрессивности опустевших территорий. Для городского пространства нужны более смелые и разнообразные стратегии развития. Такие планы есть и будут появляться, например развитие туристического кластера (г. Качканар).

Список литературы:

1. Вандышев М.Н. Потенциальная мобильность выпускников школ малых и средних городов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5. С. 114-124.

2. Веселкова Н.В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 3. С.51.

3. Официальный сайт города Нижний Тагил (режим доступа – электронно, дата доступа 15 декабря 2014 г.) http://ntagil.org/gorod/pasport.php?ELEMENT_ID=3177

4. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. — М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013. — 528 с. (Табл. 33. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов)

УДК 316.334.52

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОДСКОГО СОЦИУМА КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Разинский Геннадий Вениаминович
зав. лабораторией социологии, ст. н. сотр.,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь
E-mail: labsoc@pstu.ac.ru

SOCIAL ACTIVITY OF URBAN COMMUNITY AS OBJECT REGIONAL SOCIAL POLICY

Razinsky Gennady
Head Laboratory of Sociology, Senior Researcher
Perm National Research Polytechnic University, Perm,

АННОТАЦИЯ – Рассматриваются и анализируются особенности проявления патерналистского синдрома в городской среде, влияние патерналистских настроений на социальную и политическую активность отдельных групп городского населения, обосновывается необходимость корректировки социальной политики, ориентированной на преодоление данного сидрома, определяются ее основные направления

ABSTRACT – Discusses and analyzes the features of display paternalistic syndrome in an urban environment, the impact of paternalistic attitudes to social and political activity of certain groups of the urban population, justified the need to adjust social policy aimed at overcoming this sidroma determined its main focus

Ключевые слова: социальная политика, городской социум, патерналистский синдром, социальная и политическая активность горожан, особенности их социально-политических ориентаций, альтернативные варианты региональной социальной политики

Keywords: social policy, urban society, paternalistic syndrome, socially and politically active citizens, especially their socio-political orientations, alternative regional social policy

Как мы уже неоднократно отмечали, патернализм представляет собой синдром, оформившийся на протяжении всей российской истории в социальный субститут, определяющий практически все стороны социального бытия общественного развития, в том числе и на региональные социальные процессы [1, С. 82-85]. Одно из его существенных проявлений, генетически восходящих к досоветскому и советскому периодам российского общества, – *низкий уровень социальной активности основных групп общества*.

Данные социологического опроса, проведенного в рамках исследования региональных проявлений патерналистского синдрома (опрошено 1040 респондентов, представляющих основные группы занятого и незанятого населения Перми) показывают, что патерналистские настроения дают себя знать, в том числе и на региональном уровне. Причем в городе, население которого нельзя отнести к аутсайдерскому, но которое по-прежнему ориентировано на пассивное восприятие социальных реалий и не готово к активизации своего личностного потенциала. Применение веберовской типологии идеальных типов [2, С.581, 582], нацеленной на изучение особенностей проявления патерналистского синдрома в ценностях и стандартах поведения респондентов в повседневной жизни в городе позволило установить, что респондентов, включенных в *патерналистский тип* отличает:

- более низкая сопричастность к поселению, в котором они проживают (большая отчужденность от места проживания, слабая информированность о городских делах и событиях, минимальная (которая и так незначительна) доля тех, кто ощущает значимость своего мнения при решении городских проблем и принимает участие в управлении городом на том или ином уровне);

- более интенсивный рост антирыночных настроений, сопровождающихся усилением социально-иждивенческих и эгалитаристских (уравнительских) ожиданий респондентов: среди них растет число тех, кто отрицает рыночные отношения и не признает дифференциации в доходах населения, более низкий удельный вес тех, кто ориентирован на собственные силы и возможности;
- минимальный уровень участия в общественно-политической жизни города на фоне роста их недовольства деятельностью органов власти краевого и городского уровней.
- более высокий уровень отчуждения городских социумов от власти: невысокий уровень доверия горожан краевым и городским органам власти как к социальным институтам по сравнению с федеральными. Вместе с тем, большое число опрошенных продолжают занимать пассивную иждивенческую или выжидательную позиции, тем самым рассчитывая на волю и возможности власть имущих, что является типичным проявлением патерналистского стандарта социального поведения;
- высокая степень нормативного релятивизма, гибкость моральных норм, переходящая в социальный конформизм (например, почти 2/3 всех опрошенных не готовы к принятию идеи законопослушности).

Вместе с тем выяснилось, что хотя корреляция между отношением к политике и выбором патерналистской или антипатерналистской ориентациями мало прослеживается, тем не менее социально-политическая активность горожан как сегмент их поведения в городской жизни, испытывает противоречивое воздействие про- и антипатерналистских настроений. С одной стороны, интерес к политике носит эпизодический характер, а по частоте участия в политической деятельности горожане придерживаются откровенно патерналистских ориентаций, о чем свидетельствует наиболее высокий коэффициент патерналистских практик среди других занятий (70% не готовы принять участие в городских акциях протеста). С другой стороны, все-таки треть опрошенных готовы к этому, а 70% одобрительно относятся к тем, кто выражает недовольство действиями властей. Впрочем, это отражает такую особенность изучаемого синдрома, как нежелание патерналистски ориентированных горожан брать на себя ответственность за те или иные действия.

Особенно явно синдром патернализма проявляется в политических установках и ценностных ориентаций горожан. Так, хотя вербально лишь 10% считает президентскую форму правления наиболее предпочтительной, а 85% – демократические формы правления, в ретроспективной оценке отдельных этапов развития российского/советского общества (от Октябрьской революции до наших дней) наибольшие симпатии вызывают авторитарные и полуавторитарные режимы (ленинский этап, период сталинского правления, хрущевское десятилетие, брежневский застой, путинский период термидора – мнение ¾ опрошенных), тогда как демократические и полудемократические периоды (НЭП, Перестройка, 1990-е гг.) – симпатичны лишь каждому четвертому (в группе патерналистов этот процент еще выше). Далее, давая прожективную оценку предпочтительной политической модели развития российского общества, большинство респондентов (причем, как патерналистов, так и антипатерналистов – разнятся интенсивностью проявления) выбирает или модель мягкого патернализма (социальное государство – мнение 60% опрошенных) или жестко –ретроградную модель (изоляционизм, госпатриотизм, реанимация консервативных традиций и норм – так считает почти каждый пятый) и лишь 17,3% выбирают либерально-антипатерналистский вариант (минимизация госвмешательства в экономическую и социальную жизнь общества, развитие индивидуальной активности граждан).

Следует особо подчеркнуть, что, во-первых, выявленные тенденции отражают общесоциальные процессы, характерные для российского общества в целом, тогда как региональная специфика проявляет себя в различиях количественного, а не качественного порядка, во-вторых, они присущи всей совокупности городского социума, различаясь лишь большей интенсивностью проявления в выделенном типе патерналистов. Как показало проведенное исследование, всеобщность распространения патерналистского синдрома его тотальность связаны не только с этой его всеобъемлющестью, но и с тем, что ему в той или иной степени

подвержены все слои социально-стратификационной структуры сверху донизу. Особенность российского патернализма проявилась в подверженности ему не только управляемых, но и управляющих. Как управляющие, они используют авторитаризм для контроля за управляемыми, как управляемые, они следуют правилам патерналистского синдрома. В этом причина высокой адаптивности норм и стандартов поведения в традициях патернализма: в том числе и в условиях общества рыночного типа. Даже те группы, которые находятся в верхней части социальной иерархии подвержены воздействию данного синдрома, что является одним из основных, хотя и не единственным препятствием для его преодоления. А если учесть, что «командующие», лидерские группы формируют социальную повестку общественного развития, это не может не создавать трудности в разработке социальной политики, нацеленной на реструктуризацию скреповых основ общества, консервирующих патерналистские настроения.

Социальная политика государства может считаться патерналистской, если ее конечной целью является получение лояльности и политической поддержки со стороны граждан в обмен на оказанную им помощь в виде субсидий, пенсий, дополнительных услуг и т.п. Другое основание - если осуществляется недифференцированная социальная помощь, то есть государственными чиновниками членам определенной группы приписывается неспособность к самостоятельным действиям (в данном случае – в сфере самообеспечения) и над ними осуществляется социальный патронаж. В числе основных элементов патернализма, которые отмечают исследователи, – личная зависимость и статусная иерархия сторон, дистанцированность участников и ролевая связанность.

Речь, таким образом, идет о формировании социальной политики, которая требует не только стимулирования гражданской активности основных, массовых групп общества, но и самопреодоления патерналистских тенденций в управленческой элите общества на всех ее этажах (федеральном, региональном, муниципальном). Без этого любые благие намерения по социальной модернизации общества останутся нереализованными. Вряд ли можно рассчитывать на то, что отказ от патерналистской модели возможен без участия в этом властных структур, которые также должны принять антипатерналистскую идеологию.

Это означает, что формирование современной социальной политики, ориентированной, с одной стороны, на улучшение качества жизни ныне живущих поколений, а с другой – на поиск таких путей активизации личностного потенциала основных социальных групп, которые придадут социальным процессам позитивную направленность, вряд ли будет возможным, если в ее концепцию, в том числе и на региональном уровне, не будут внесены существенные коррективы, способствующие преодолению патерналистских настроений как управляющих и так и управляемых. К ним относятся:

- определение в качестве стратегической цели социальной политики преодоление патерналистских общественных настроений;
- развитие системы горизонтальных связей и отношений в дополнение, а в перспективе и в замещение как единственной дихотомической властной вертикали; создание условий плюрализации общественных инициатив;
- создание условий, способствующих преодолению «немонетарных форм отношений»;
- изменение роли и содержания деятельности управленческих структур, которые должны не подменять или тормозить рост гражданской активности, тем самым способствуя распространению социальной индифферентности, пассивности, нежелания (и неумения) включиться в процесс социальных преобразований, а, во-первых, обеспечивать стартовые условия, необходимые для реализации личностного потенциала, а, во-вторых, и это главное, разрабатывать систему мероприятий, способствующих к активному подключению тех или иных групп населения в решении стоящих перед страной, регионом, муниципиями задач и проблем.

Таким образом, социальная политика, ориентированная на преодоление патерналистских тенденций, предполагает реализацию следующих целей:

- определение базовых проблем, к решению которых должны быть подключены те или иные группы населения;

- определение круга задач, находящихся в ведении госструктур региональных уровней: стартовые условия (материальные, организационные, информационные и др.), обеспечивающие возможность подключения групп населения края к реализации стоящих социальных проблем;
- составление реестра групп населения, нуждающихся в создании такого рода условий;
- разработка комплекса организационно-управленческих мероприятий, способствующих подключению тех или иных групп населения к решению стоящих перед регионом и его жителями задач и проблем (разработка системы преференций для тех групп, которые включаются в данный процесс);
- отказ от методов управления, способствующих консервации традиционных отношений в обществе и подпитывающих патерналистские настроения.

Однако эти цели региональной политики, как показало проведенное исследование вряд ли будут достигнуты без преодоления социогенетического наследия российского общества, что предполагает отказ от таких мифологем прошлого, как иерархический тип отношений, переход от вертикальной к горизонтальной модели управления, замена отношений доминирования отношениями партнерства, причем не только на управленческом уровне, но и социокультурном уровне, включая внутрисемейные отношения, первичную социализацию и т.д. Преодолению патерналистских тенденций будут способствовать рост толерантности, готовность к принятию перемен основными группами населения, рост образовательного и культурного уровня, формирование современной структуры социальных норм, ценностей, установок, в частности, преодоление отчуждения власти от общества.

Список литературы:

1. Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: матер. XI Всеросс. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З.И. Файнбурга (Пермь, ПНИПУ, 21-22 ноября 2012). Пермь, 2012. 434 с.
2. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики// Культурология XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. 703 с.

УДК 378.22 (470)

РОССИЙСКАЯ МАГИСТРАТУРА: РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ

Рубина Людмила Яковлевна
доктор философских наук, профессор
Уральский государственный педагогический университет
E-mail: Roubina@uspu.ru

RUSSIAN MAGISTER PROGRAM: REALITY AND PROSPECTS, RISKS

Roubina Ludmila Yakovlevna
Dr. Sc. (philosophy), professor
Ural State Pedagogical University

АННОТАЦИЯ – Рассматривается проблема перехода российского высшего образования на принятую в мире многоуровневую систему. На примере магистратуры выявляются реальные противоречия, риски, перспективные возможности этого уровня подготовки профессиональных кадров.

ABSTRACT – Considers the problem of transition of the Russian higher education to adopted in the world of multilevel system. The level of magister program degree allows to identify the real contradictions, risks, future opportunities for this level of professional training.

Ключевые слова: Многоуровневое образование, риски в образовании, социальная акселерация, магистратура.

Keywords: Multilevel education, educational risks, social acceleration, magister program.

Российское образование в XX в. прошло через несколько реформ, в первое десятилетие XXI в. пережило трудности трансформации реформационного процесса в модернизационный с его новыми целями, задачами, векторами развития, этапами. Модернизация к таким важным характеристикам современного образования, как его качество, доступность, эффективность, добавила новые критерии: мобильность, конкурентоспособность, многоуровневость, многопрофильность, инновационность.

Включение в Болонский, а позднее – в Туринский – процессы не требовало от российского образования унификации с европейским, движения в одну сторону с «передовиками», отказа от своих особенностей обучения и воспитания молодого поколения, если они давали позитивный результат, обеспечивали должное качество подготовки к жизни в современном мире. Речь шла о «тюнинговой» модели приспособления, настройки содержательных и формальных моментов для достижения конвертируемости зафиксированных в дипломе результатов, согласования систем оценивания качества, обеспечения возможностей трудоустройства, обмена специалистами, то есть наличия того, что делает процесс функционирования образования каждой страны в глобальном образовательном поле, его взаимодействие с другими региональными, национальными системами более успешным, эффективным, заметным. Содержательно и нормативно обеспеченная образовательная деятельность в нашей стране [1, 2, 3] осуществляется поэтапно, и, к сожалению, к концу каждого периода в оценке его результатов управленческими структурами, образовательным и научным сообществами, общественным мнением оказывается, меньше успехов и достижений, чем нерешенных задач, проблемных зон, дисбаланса, рисков, особенно с точки зрения качественных изменений, синергетических эффектов.

В утвержденной Правительством РФ концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 гг. обозначена его цель – формирование конкурентоспособного человеческого потенциала [3]. Считая ее не более удачной, чем прежняя формула «образование для экономики, основанной на знаниях», тем не менее, подчеркнем ее явную обращенность к направлениям, задачам, проблемам профессионального образования – среднего и высшего в их тесной связи.

Почему в научном дискурсе о высшем образовании и в практике образовательной деятельности вопрос о многоуровневости, создании новых моделей образовательной лестницы «без выбитых ступеней», о проектировании современных образовательных программ не теряет своей остроты, несмотря на то, что магистратура, нередко представляемая как инновация, есть явление «относительно новое»? В России в разных ипостасях она существует с 1803 г. в советском варианте с 1993 г., а в нынешнем виде стала общеобязательной ступенью ВПО с 2010 г. Законом об образовании в РФ [1] всеобщий переход на трехуровневую систему высшей школы закреплен нормативно. В указанном выше концептуальном документе уже нет упоминания о специалитете, мало напоминаний о бакалавриате (общем и прикладном), но четко выделяется задача кардинального совершенствования модели обучения по программам магистратуры и аспирантуры и масштабного развития компетенции педагогических кадров, обеспечивающих реализацию этих программ [3].

Причин тому, на наш взгляд, несколько.

1. Магистратура сегодня – это особый, становящийся институт высшего образования, имеющий, кроме общих, свои функции, нормативно-правовое обоснование (в законах и подзаконных актах), новые организационные формы (сетевое взаимодействие), новое целевое, ценностно-смысловое, мотивационное направление.
2. Это такая ступень (уровень) образования, которая для начала «вытеснила» специалитет, заменив его в российском варианте своей же «ужатой» формой в четырехлетнем общем бакалавриате, который довольно скоро потребовал поворота в сторону практикоориентирован-

ного, профильного бакалавриата. В двухлетнем варианте (а в ряде программ это похоже на тот же, только «растянутый» специалитет) магистратура не способна в полной мере реализовать свои функции – управленческую, педагогическую, аналитическую, исследовательскую – и в этом смысле вплотную подбирается к аспирантуре со своими квалификационными требованиями к организации научно-исследовательской деятельности (особый раздел нового стандарта ВПО 3+ магистерских программ), к уровню итоговой аттестации в форме диссертации, к продолжительности обучения.

3. Магистратура имеет самый мозаичный контингент обучающихся, который ежегодно и почти непредсказуемо меняется. Это связано и с источниками пополнения: из бакалавров общих и профильных, из специалистов последних выпусков и уже имеющих большой стаж работы по профилю магистратуры, либо меняющих профиль подготовки. Ясно, что есть трудности в комплектовании групп, в реализации программ для студентов с разной мотивацией. Тем более сама магистратура также обретает две формы - становится академической (универсальной), либо профильной, практиоориентированной.

4. Сегодняшний работодатель, привлекаемый к участию в разработке образовательной политики и в качестве заказчика , и в качестве специалиста-практика, участвующего в реализации образовательных программ, не вполне уверен, что магистратура в ее нынешнем виде даст ему содержательно и технологически подготовленного профессионала - инноватора. Тем более такого, которым можно заменить нынешнего специалиста – не плохого или устаревшего, а мобильного, конкурентоспобного, востребованного, но настроенного на самореализацию в других социальных и экономических условиях иных стран. На уровень гражданской ответственности выпускника вуза разбалансировка рынков образования и труда влияет сильнее других факторов социализации.

Что из этого следует? В современном глобилизированном мире крупномасштабные изменения во всех сферах жизни происходят почти одномоментно и с такой скоростью, что люди и отдельные группы в качестве субъектов деятельности начинают в них участвовать, не успевая их осмыслить и разработать механизмы решения с учетом реальных условий и ресурсного обеспечения. Эта социальная акселерация применительно к многоуровневому высшему образованию проявляется в отсутствии четкого целеполагания, предвидения результатов, осознания рисков, а на уровне обыденного сознания попросту в том, что производители и потребители соответствующих услуг не всегда понимают, что происходит с системой высшего образования вообще.

Материалы социологического исследования, осуществленного нами в апреле-июне 2014 г. в УрГПУ в форме анкетного опроса студентов – магистрантов одного-двух лет обучения (N=146) и экспертного опроса руководителей магистерских программ (N=48) позволили осуществить диагностику процесса подготовки магистров в современных условиях вуза. Рассматривались вопросы кадрового обеспечения магистратуры, отношения студентов, преподавателей, руководителей кафедр к реальным возможностям выполнения функциональных задач, уровня оправданности взаимных ожиданий, перспектив включения в профессиональную деятельность, карьерного роста выпускников в зависимости от мотивации поступления на этот уровень высшего образования.

Преобладание позитивного настроя и соответствующих оценок не помешало выявить моменты неудовлетворенности конкретными сторонами организации учебной деятельности, возможностями адаптации к профессиональной среде, в особенности при смене профиля подготовки, неопределенностью перспектив и т.п. Мы получили много предложений по совершенствованию магистерской подготовки в тех случаях, которые зависят от вузовских работников равного статуса, от университетской среды, а также по вопросам взаимодействия с теми органами и структурами в регионе и стране, которые должны решать вопросы, которые от нас не зависят.

Конкретные результаты здесь не приводятся, они размещены на сайтах УрГПУ, его подразделений и доступны для пользователей.

В последней части данной статьи, обратим внимание на некоторые неразрешенные противоречия, неожиданные последствия, непросчитанные результаты, упущенные возможности, барьеры и все тому подобное, что обозначается понятием «риски», употребляемым настолько часто, что и в научном дискурсе обретает категориальный статус.

- Переход к многоуровневому, многоцикловому высшему образованию не выстроился в систему непрерывного образования. Отказ от линейной траектории, возможность свободного «входа» в магистерские программы для бакалавров, специалистов, магистров другого профиля, включение в вузовский цикл еще и аспирантуры, куда не примут бакалавра, а в будущем, может, и «прикладного магистра», это трудно сопоставить с пентаспиралью модели непрерывного образования в развитых зарубежных системах высшего образования [5].
- Развитие педагогического образования связано с подготовкой учителя по новому профессиональному стандарту – с универсальными компетенциями, готовностью работать с любыми детьми, выполнять разные социальные роли. В новом стандарте магистерской программы педагогического образования (ВПО 3+) отработаны предметные модули, диверсифицирован блок практик – профессионально-педагогических, научно-исследовательских и др. Но магистратура в нашем варианте усугубляет подготовку к будущей трудовой деятельности риском некоторой неопределенности. Реально на этой ступени мы готовим педагогические кадры: а) не только для школы, но и для других сфер деятельности вне системы образования; б) в том числе из пришельцев с других профессий, которые за два года освоят все необходимое и с успехом воплотят «диссертационные навыки» в преподавании. Как рассматривать эти два вектора подготовки – в качестве дилеммы (или-или), либо как дихотомию (раздвоение единого). Гарантирована ли при этом жизнеспособность и эвристичность стандарта?
- Если профессиональное педагогическое и научное сообщество, несмотря на годы участия в Болонском, а теперь еще и в Туринском процессах, не до конца разобралось со ступенями, степенями, уровнями высшего образования, тем более с точки зрения их корреляции со структурой зарубежной высшей школы, то как в этом разберется российский бизнес, рынок труда, разные группы спроса на образование в населении страны и регионов?
- В связи с явным уходом от массовизации высшего образования, с прогнозируемым снижением интереса к обучению в двухлетней магистратуре, кроме тех, кто считает этот этап подготовительным к магистратуре [4], встает вопрос об усилении мотивации студентов на индивидуализацию подготовки по специальным траекториям обучения в соответствии с их интересами, способностями, общекультурной базой, планами жизнеустройства. Этот вопрос только кажется тривиальным, общеизвестным, если не принимать во внимание недостаточную обеспеченность такой подготовки научно-педагогическими кадрами высшей квалификации [6]. По каким критериям и кто осуществляет «рекрутинг» преподавателей в этот институт высшей школы? Зав. кафедрой, глава научной школы, руководитель магистерской программы, диссертации? Отдельный профессор, вовлекающий студентов в свои научные проекты и готовый лично сопровождать их в адаптационный период трудовой жизни?

Обозначенные нами и многие другие «риски» вполне преодолимы за счет современного профессионального менеджмента, грамотного маркетинга в высшем образовании путем выстраивания партнерских отношений с работодателями, заинтересованными в специалистах магистерского уровня, ревизии ассортимента магистерских программ с учетом потребностей рынка образовательных услуг и разработки новых проектов по подготовке уникальных специалистов с хорошим ресурсным обеспечением. Реальный вклад социологии в оптимизацию процесса развития магистратуры в России – это не только необходимый сравнительный анализ многоуровневости, выявления различий, пунктов пересечения или несоответствия уровней в высшем образовании разных стран. Нам представляется не менее важным отслеживание карьерных путей выпускников разных видов магистратуры, их статусных позиций в нашей и других странах, успешность в самореализации. Отложенный результат – один из важнейших критериев качества образования.

Список литературы:

1. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html
2. Федеральная целевая программа развития образования на 2011-2015 гг. от 7.02.2011, №61 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172300/
3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы от 29.12.2014 г., №2765 – Р. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf
4. Дмитриев, Ю.А. Магистратура как тупик российского высшего образования / Ю.А. Дмитриев // Образование и право. – 2013. - №7
5. Караваева, Е.В. Возможность использования методологических принципов Европейского образования в российских университетах / Е.В. Караваева, И.Г. Телешова // Высшее образование в России. – 2013. - №1. С. 3-13.
6. Марченко, И.П. Подбор преподавателей для работы в магистратуре: ошибки неудачного рекрутинга / И.П. Марченко // Кадровик. Рекрутинг для кадровика. – 2012. - №9. С. 13-23.

УДК 331.108.38

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ И МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРОДСКОГО ОКРУГА «БЕРЁЗОВСКИЙ» СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Воронин Борис Александрович
доктор юридических наук, профессор
Савин Владимир Николаевич
кандидат философских наук, доцент
Фатеева Наталья Борисовна
старший преподаватель,
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

THE FACTORIAL ANALISIS OF THE PARTICULARLY OF THE ADAPTATION AND MOTIVATION THE DIFFERENT SOCIAL GROUPS OF BERJOSOVSK TO OF THE MARKET ECONOMY.

Voronin Boris Alexandrvich,
doctor of jurisprudence, professor;
Savin Vladmir Nikolaevich,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
Fateeva Natalja Borisovna
senior teacher;
Ural state agricultural university

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена экономическим, социальным и психологическим аспектам адаптации и мотивации различных социальных групп ГО «Березовск» к экономики. Статья содержит программу социологического исследования адаптации различных социальных групп к рыночной экономике. Программа имеет две части: методологические и инструментальные. Статья содержит факторный анализ адаптации различных социальных групп к рыночной экономике.

ABSTRACT – The article is dedicated to economic, social, psycological aspects of the adaptation and motivation of the different social groups of Berjosovsk of the market economy. The article contain the program of the sociological investigation the adaptation of the different social groups to the market economy. The program have the two parts: methodological and instrumental. The article contain the factorial analisis of the adaptation of the different social groups of the market economy.

Ключевые слова: Адаптация, уровень адаптации, психологический анализ, дезадаптация, уровень дезадаптации, здоровье, возраст, стаж работы, рынок, экономический кризис

Keywords: Adaptation, level of adaptation, psychological analysis, disadaptation, level of disadaptation, health, age, length of employment, market, economic crisis.

В целях изучения проблем адаптации сельскохозяйственных работников, разработки концепции и механизма оплаты труда руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий было проведено социологическое исследование адаптации и мотивации труда работников сельского хозяйства[1].

Программа социологического исследования включала:

1. Формулировку и обоснование проблемы. Оценка трудовой адаптации и мотивации работников сельскохозяйственных предприятий необходима для изучения их заинтересованности и степени удовлетворенности трудом, стимулирования трудовой деятельности, что является фактором развития производительности и эффективности труда, в сельскохозяйственном производстве.
2. Цель исследования – изучить адаптирующие и мотивирующие факторы в сфере трудового поведения работников сельского хозяйства, оценить эффективность действующих форм и систем оплаты труда.
3. Объект исследования – работники сельскохозяйственных предприятий
4. Гипотезы исследования:
- сельскохозяйственные работники удовлетворены мотивацией трудовой деятельности;
- работники сельского хозяйства не в полной мере удовлетворены существующими формами и системами оплаты труда;
- работников устраивает величина заработной платы и справедливость ее распределения;
- работники не желают искать и переходить на другое место работы;
- работники не удовлетворены механизмами стимулирования труда;
- самыми главными требованиями к новой работе являются высокая заработная плата и соответствие квалификации.
5. Задачи исследования:
- изучить степень удовлетворенности работой и адаптации к ней;
- выявить причины, влияющие на неудовлетворенности трудом;
- определить пути повышения мотивации работников к труду.
6. Определение исследуемой совокупности. Исследуемая совокупность – работники сельскохозяйственных предприятий Берёзовского района Свердловской области – административно-управленческий персонал и работники различных категорий. Так как исследуемая совокупность состоит из большого числа единиц, то сделаем выборку, которая будет состоять из 220 человек. Объем выборочной совокупности определяется по формуле:

$$V_{выборки} = N_1 \times N_2 \times 16,$$

где N_1 – количество вариантов по первому признаку;

N_2 – количество вариантов по второму признаку;

16 – минимальное число опрошенных в группе.

Первый признак – пол респондентов. Количество вариантов ответа – 2. Второй признак – возраст респондентов. Количество вариантов ответа – 9 (от 16 до 20 лет, от 21 до 25 лет, от 26 до 30, от 31 до 35 лет, от 36 до 40 лет, от 41 до 45 лет, от 46 до 50 лет, от 51 до 60 лет и свыше 60 лет). Таким образом, объем выборки равен: **(2.4)**

$$V_{выборки} = 2 \times 5 \times 16 = 160 чел.$$

7. Для сбора первичной социологической информации применен метод анкетного опроса.

[1] Опрошено 160 работников сельскохозяйственных предприятий Берёзовского городского округа: совхоз Шиловский, фермерское хозяйство «Монетное», фермерское хозяйство «Лосиное» Свердловской области

Результаты социологического исследования показали: в системе трудовой мотивации преобладают материальные факторы.

Таблица 1

Какой мотивирующий фактор является для Вас предпочтительнее?

Варианты ответов	%
заработная плата	63
дополнительное материальное поощрение	50
возможность приобрести производимый продукт по льготной цене	33
программы жилищного строительства	29
программы бесплатного медицинского обслуживания	25
оплата транспортных расходов или обслуживание собственного транспорта	17
организация бесплатного или льготного питания	17
страховые программы	17
гибкий график	8
общественное признание заслуг	8
создание сберегательных фондов с выплатой % не ниже установленного в Сбербанке РФ с льготным режимом накопления средств	4
возможность дополнительного обучения и повышения уровня квалификации	4
Другие	4
не ответили	4
стипендиальные программы	0
программы льготного кредитования	0

На первом месте среди мотивирующих материальных факторов стоит заработная плата – отмечена в 2/3 ответов. Приоритет материального мотиватора подтверждается и другими ответами: на втором месте после заработной платы стоит дополнительное материальное поощрение (отмечено каждым вторым), на третьем – возможность приобрести льготный продукт по льготной цене (каждым третьим), на четвертом – программы жилищного строительства (в ответах почти трети респондентов). Ранг материальных мотиваторов трудовой деятельности на сельскохозяйственных предприятиях – самый высокий, что обусловлено низким уровнем жизни сельскохозяйственных тружеников.

Интересна оценка работающими сельскохозяйственными труженниками действующих мотиваторов на сельскохозяйственных предприятиях.

Таблица 2

Мотивирующие факторы, используемые на данном предприятии

Варианты ответов	%
возможность приобрести производимый продукт по льготной цене	63
дополнительное материальное поощрение	13
гибкий график	13
оплата транспортных расходов или обслуживание собственного транспорта	8
создание сберегательных фондов с выплатой % не ниже установленного в Сбербанке РФ с льготным режимом накопления средств	4
программы жилищного строительства	4
страховые программы	4
другие	4
общественное признание заслуг	-
организация бесплатного или льготного питания	-
стипендиальные программы	-
возможность дополнительного обучения и повышения уровня квалификации	-
программы льготного кредитования	-
не ответили	21

Из результатов социологического исследования понятно, что больше всего сельскохозяйственные предприятия для мотивации своих работников используют натуральную оплату их труда и дополнительное материальное поощрение Каждый пятый работников не почувствовал никаких мотивирующих факторов.

Поскольку основным материальным мотиватором на обследованных сельскохозяйственных предприятиях выступает заработная плата, то мы изучили, какие формы заработной платы используются.

Таблица 3.

Системы и формы оплаты труда используемые на сельскохозяйственных предприятиях

Формы заработной платы	%
Сдельно- премиальная	54
Повременная	25
Повременно-премиальная	13
Прямая сдельная	13
Контрактная система	4
Сдельно-прогрессивная	–
Аккордная	–
Система « плавающие оклады»	–

Результаты социологических исследований сельскохозяйственных предпритий показали, что наиболее распространённой формой оплаты труда на этих предприятиях является сдельно-премиальная форма заработной платы, однако часто используется и повременная заработная плата. Закономерно поставить вопрос о том, какую бы систему и форму оплаты труда хотели бы установить специалисты сельскохозяйственного профиля.

Таблица 4

Предпочитаемая система заработной платы специалистами сельскохозяйственного профиля

форма заработной платы	%
сдельно- премиальная	42
повременная - премиальная	21
прямая сдельная	8
простая повременая	4
контракная система	4
система «участие в прибыли»	4
сдельно-прогрессивнная	-
аккордная	-
система «плавающие оклады»	-

Специалисты (руководители, экономисты, бухгалтера, агрономы, зоотехники и т. д.) привыкли к практикуемым формам заработной платы: сдельно- премиальной, повременной, и поэтому предпочитают те же формы оплаты труда: сдельно-ремиальную – два из пяти респондентов. Но вместе с тем звучит и предложение – шире ввести узкопрактикуемую раньше повременно-премиальную форму заработной платы – каждый пятый (по сравнению с каждым восьмым отметившим, что такая форма зарплаты фактически применячется). Особое внимание в процессе социологического исследования занимал вопрос об удовлетворённости сельских работников величиной своей заработной платы. Результаты исследования этой проблемы показали следующее.

Таблица 5

Удовлетворённость заработной платой у работников исследованных сельскохозяйственных предприятий

уровень удовлетворённости	%
удовлетворён	4
скорее удовлетворён, чем неудовлетворён	13
скорее неудовлетворён, чем удовлетворён	13
не удовлетворён	58
затрудняюсь ответить	8
не ответил	4

Подавляющее число опрошённых работников (три из каждых пяти) не удовлетворено величиной своей заработной платы, что является еще одним свидетельством низкого уровня жизни сельскохозяйственных тружеников. Особенно – в сравнении, что лишь один из шести работников сельскохозяйственных предприятий удовлетворен или скорее удовлетворен своей заработной платой. Совершенствование механизма заработной платы сельскохозяйственных работников и специалистов – задача не только актуальная, но и весьма социально значимая.

Результаты социологического исследования показывают, что в системе трудовой мотивации преобладают материальные факторы, которые оказывают существенное влияние на процесс адаптации сельскохозяйственных служащих к рыночной экономике. Необходимо совершенствовать заработную плату и натуральную оплату сельскохозяйственным работникам по себестоимости. Поскольку уровень адаптации выступает показателем стабильности трудовых коллективов, а при низкой адаптации повышается текучесть кадров, то необходимо повышать уровень адаптации сельскохозяйственных работников к рыночной экономике. Для этого необходимо внедрять на сельскохозяйственных предприятиях ССТК – систему стабилизации трудовых коллективов, первой частью которой является управление трудовой адаптацией.

УДК 331.108:351.74-051

ИННОВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИЕЙ СОТРУДНИКОВ МВД К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Савин Владимир Николаевич
кандидат философских наук, доцент
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

INNOVATIONS IN MANAGEMENT OF LABOUR ADAPTATION OF POLICE OFFICERS TO MARKET ECONOMY

Savin Vladmir Nikolaevich,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
Ural state agricultural university

АННОТАЦИЯ – Автор предлагает концепцию психологического механизма адаптации. В основе психологического механизма адаптации, по его мнению, лежит процесс смены психологических установок, мотивов, целей адаптанта. Экспериментальной основой концепции психологического механизма адаптации является анкетирование 160 сотрудников МВД Свердловской области. Выборочная совокупность - квотная.

ABSTRACT – The author offers the concept of the psychological mechanism of adaptation. In his opinion process of change of mental sets, motives is the cornerstone of the psychological mechanism of adaptation, is more whole than an adaptant. An experimental basis of the concept of

the psychological mechanism of adaptation is questioning of 160 police officers of Sverdlovsk region. A sample - quote.

Ключевые слова. Адаптация, уровень адаптации, программа психологического анализа, дезадаптация, уровни дезадаптации.

Keywords. Adaptation, level of adaptation, program psychological analysis, disadaptation, level of disadaptation.

При переходе Российской Федерации к экономическому кризису становится особо актуальной проблема инноваций в управлении трудовой адаптацией сотрудников МВД, на которую в ряде случаев накладываются процессы миграционной (при переезде из одного пункта в другой) адаптации и дезадаптации. В процессе управления трудовой адаптацией сотрудников МВД необходимо учитывать, что она является одним из видов социальной адаптации. Поэтому в ней, как в зеркале, отражаются закономерности и особенности последней. В отечественной и зарубежной экономической и социологической литературе по адаптации встречаются различные определения понятия «социальная адаптация». Нам представляется наиболее удачным следующее определение: социальная адаптация сотрудников МВД – это процесс приспособления сотрудника МВД к изменяющимся социальным условиям, в основе которых лежит фиксация и гиперфиксация социальных установок. При этом под социальной установкой понимается целостное подсознательное состояние личности сотрудника МВД, в котором отражается готовность к деятельности в МВД, её направленность, эскиз будущего поведения.

Для того чтобы лучше понять сущность управления процессом адаптации сотрудников МВД, необходимо кратко рассмотреть историю становления понятия «адаптация». Термин « социальная адаптация» введён в экономику и социологию труда Г. Спенсером. Но появилось это понятие в лоне биологического знания. Постепенно сфера применения понятия « адаптация» распространяется на поле других наук, причём не только на область социальных наук, в том числе - сферу социологического знания, но и на сферу технических и естественных наук. Термины «привыкание», «приспособление», «соматическая адаптация», «генетическая адаптация», «физиологическая адаптация», «трудовая адаптация», «миграционная адаптация», «социальная адаптация» раньше обозначали одно и то же, что и понятие «адаптация». Сейчас специалисты различают понятия «привыкание» и «адаптация» [4; 5; 6; 7]. Под привыканием понимается пассивное приспособление сотрудника МВД к трудовой ситуации, где активность субъекта адаптации перцептивная. Поэтому с целью улучшения управления трудовой адаптацией сотрудников МВД целесообразно поставить вопрос о классификации ее типов и видов.

Наиболее типичным логическим основанием для построения классификационной модели различных типов и видов адаптации сотрудников МВД часто выступает уровень организационной системы. По этому логическому основанию выделяют биологическую, физиологическую, трудовую, социальную, социально-психологическую, духовную адаптацию сотрудников МВД. Применение системного подхода к исследованию процессов социальной адаптации сотрудников МВД требует выделения системообразующего процесса социальной адаптации как целостной системы. Таким системообразующим процессом выступает трудовая адаптация сотрудников МВД, так как труд выступает, с одной стороны, основой всех остальных видов жизнедеятельности сотрудника МВД, а с другой, – системообразующим фактором общества как макросоциальной системы. Группа сотрудников МВД, в которой осуществляется процесс труда и происходит трудовая адаптация сотрудников МВД при включении его в состав этой группы или при перемене его функций, является той социальной ячейкой общества, которая отражает все основные противоречия, а также содержит зародыши будущих противоречий общества на этапе экономического кризиса. Социальной клеточкой общества как макросоциальной системы выступает первичная элементарная трудовая связь, объединяющая сотрудников МВД первичной элементарной группы сотрудников МВД.

Трудовая адаптация как раз и представляет собой процесс включения сотрудников МВД в первичную элементарную трудовую связь. десь следует особо подчеркнуть относительность и многоуровневость понятия «элементарный». Элементарная трудовая связь как основная клеточка общества элементарна относительно общества как макросоциальной системы, однако сама по себе эта первичная элементарная трудовая связь сотрудников МВД представляет сложную совокупность многообразных связей и отношений между работниками первичной группы сотрудников МВД, возникающих в процессе положительной кооперации по поводу совместной трудовой деятельности в органах МВД.

Квалификационная модель различных видов трудовой адаптации сотрудников МВД имеет несколько уровней. Прежде всего, трудовая адаптация сотрудников МВД включает профессиональную и производственную адаптацию. Процесс фиксации и гиперфиксации трудовых психологических установок сотрудников МВД выступает психологическим основанием трудовой адаптации. Отсутствие формирования этих установок у сотрудников МВД под влиянием различных конфликтогенных факторов в организации является психологическим фундаментом возникновения такого процесса как трудовая дезадаптация сотрудников МВД. Соответственно процесс фиксации и гиперфиксации профессиональных установок сотрудников МВД, на основе которого формируются их профессиональные навыки, выступает в качестве психологического основания профессиональной адаптации сотрудников МВД.

Для диагностики уровня и характера профессиональной адаптации и дезадаптации сотрудников МВД используются профессиональные тесты. Успешная адаптация сотрудника МВД во многом определяется выраженностью тех или иных качеств личности, которые задают направленность и продуктивность протекания отдельных стадий адаптации, влияют на временные характеристики их протекания. Какова же наиболее обобщенная структура личности сотрудника МВД, имеющая столь исключительно важное важное значение для успешной адаптационной деятельности ? Выделенная нами специальная адаптационная структура личности сотрудника МВД объединяет в себе пять подструктур [См.: 1; 2; 3].

- идейно-политические качества личности сотрудника МВД (идейная зрелость и убеждённость, общий политический кругозор и др.);
- профессиональная компетентность руководителя (имеющиеся знания, опыт решения технологических и экономических задач, возникающих в управленческой деятельности);
- организаторские способности сотрудника МВД (организаторское чутьё, практический ум, психологический такт, эмоционально волевая действенность и склонность к организаторской деятельности);
- педагогические качества сотрудника МВД (навыки по эффективному обучению и воспитанию подчинённых, коллег);
- морально–этические качества сотрудника МВД (чувство справедливости по отношению к другим, честность, доброжелательность, уравновешенность в общении, уважение к сотрудникам и др.).

Список литературы:

1. Воронин Б. А., Савин В. Н. Роль социологической модели психологического автопортрета в адаптации личности //Х1Х Уральские социологические чтения: региональные особенности разработки и реализации социальной политики. Сборник материалов Всероссийской научно- практической конференции (Екатеринбург, 14-16 марта 2013г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. С. 248-251.

2. Воронин Б. А. , Савин В. Н. Системный анализ процесса адаптации сельских жителей к рыночной экономике//Актуальные проблемы социологии молодёжи, культуры, образования и управления. Материалы международной конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. Том 1V. Екатеринбург, 2014. С. 179-185.

3. Савин В. Н. Факторный анализ процесса адаптации сельских жителей к рыночной экономике // Аграрный вестник Урала. 2012. № 11-2 (106). С. 61-63.

4. Калайков И.Д. Теория отражения и проблема приспособления /Под. ред. Г.Х. Шингарова.- М.: Наука, 1986. 144 с.
5. Калайков И.Д. Цивилизация и адаптация /Пер. с болг. Бедихина А.М.- М.: Прогресс, 1984. 240 с.
6. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.otrok.ru/medbook/books/selie.htm
7. Шмальгаузен И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии / Избр. тр. М.: Наука, 1982. 383 с.

УДК 316.014

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОФЕССИОГРАММЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖКИ СОВРЕМЕННОГО ВЫПУСКНИКА ВУЗА

Семёнов Максим Юрьевич
Аспирант
Тюменский государственный университет, Тюмень
E-mail: semenoffmax@inbox.ru

SPECIALTY PROFESSIOGRAM USING AS A SUPPORTING MECHANISM OF THE MODERN UNIVERSITY GRADUATES

Semenov Maxim
Post graduate student, Tyumen State University, Tyumen

АННОТАЦИЯ – В статье анализируется портрет современного выпускника вуза, его основные характеристики, приводятся причины важности изучения данной сферы в современной социальной действительности. Также рассматривается метод использования профессиограммы будущей специальности как форма поддержки в определении выбора профессии для современного абитуриента, а, следовательно, и устранения проблем, возникающих у вузовских выпускников в наши дни.

ABSTRACT – The article analyzes the portrait of a modern university graduate, its main characteristics, and the reason for the importance of studying this field in contemporary social reality. Also considered a method of using future specialty professiogram as a supporting form of career choices for today's applicants, and consequently, to eliminate arising problems of today`s university graduates.

Ключевые слова: профессиограмма специальности, современный выпускник ВУЗа
Keywords: Specialty professiogram, modern university graduate

Проблема конкурентоспособности в современном обществе является если не главной, то одной из главных сфер социального бытия, которая интегрирована в большинство процессов и явлений, происходящих в жизни человека нашего времени. Процесс получения образования, а именно его конечный этап, то есть выпуск в свет нового специалиста, есть неоспоримо ответственный шаг как для самого человека, на уровне жизни определенного индивида, так и для всей страны, так как адекватно сформированный и подготовленный молодой специалист в масштабах государства – это залог стабильного существования государства и возможности открытия новых горизонтов развития не только в рамках одной страны, но и на уровне всей планеты.

Одна из основных задач современной высшей школы выражается в подготовке компетентного специалиста, который имеет возможность в короткие сроки приспосабливаться к реалиям и требованиям рынка труда, то есть «успешность трудоустройства выпускников вузов является одним из критериев эффективности работы не только системы высшего образования, но и экономики в целом» [2; 105]. Изучение современной модели выпускника вуза, своевременная и эффективная работа над проблемами, связанными с этой сферой должны

являться не просто темой для исследований отдельных ученых, но и четко прорабатываться на федеральном уровне и поддаваться мерам государственного регулирования. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ноябре 2011 г. провел исследование, которое называлось «студенты профессиональных учреждений – о своем будущем трудоустройстве». В рамках вышеупомянутого исследования было опрошено 1600 человек в 4 целевых аудиториях. Статистическая погрешность не превышает 4,9%. Данные этого исследования свидетельствуют: качеством получаемого образования удовлетворены 86% студентов вузов, из них 29% удовлетворены полностью, 57% – скорее всего. Лишь 12% опрошенных скорее не удовлетворены и 3% не удовлетворены полностью [6]. Данный показатель, на наш взгляд, является одним из основных критериев и условий, которые влияют на формирование модели современного выпускника вуза, так как удовлетворенность качеством получаемого образования отражает общий позитивный настрой к тому, что делает и чем занимается будущий выпускник вуза.

Результаты указанного исследования свидетельствуют и о том, что, к сожалению, только 9% из опрошенных студентов вузов считают, что найти работу по специальности не составит труда. Ещё 47% респондентов – работу найти можно, но с небольшими усилиями, 36% – найти работу можно, но только с большими усилиями, а для 7% - это практически невозможно, 1% ответить затруднился [6]. Это факт иллюстрирует ситуацию, при которой современный выпускник вуза обладает недостаточной уверенностью в своём будущем. Вопрос о трудоустройстве и применении полученных знаний и навыков в вузе, а, следовательно, и самореализации, на наш взгляд, является одним из основных в жизни любого человека, так как потребность в самореализации – это неотъемлемая человеческая потребность.

Исследованиями современной модели выпускника вуза занимается не только ВЦИОМ, но и локальные организации. Кадровое агентство «Контакт» провело исследование «Современный выпускник вуза», в котором был проанализирован сегодняшний молодой специалист по различным параметрам. В опросе приняли участие 389 студентов и выпускников ведущих вузов Москвы. Полученные данные свидетельствуют о нескольких интересных фактах, которые могут быть использованы для анализа современного выпускника высшего учебного заведения. Во-первых, 63% из участников исследования планируют получать второе высшее образование либо ученую степень, 27% ещё не определились с решением, а 10% респондентов уже точно знают, что не пойдут грызть гранит науки повторно [5]. Эти результаты взаимосвязаны с вышеупомянутыми результатами, полученными ВЦИОМ. Так как для большинства современных молодых специалистов найти работу – непростая задача, то большинство из них готово получать второе образование либо ученую степень для увеличения своей конкурентоспособности на рынке труда. Во-вторых, было выявлено, что 70% опрошенных по окончанию учебы все же имеют опыт работы, при этом 68% из них пробовали себя в небольших фирмах, 17% – в лидерах отрасли, около 13% - в своей альма-матер, 2% – в McDonald`s [5]. То есть, даже несмотря на наличие опыта работы к моменту окончания вуза, у большинства молодых специалистов существуют определенные опасения за своё будущее.

Исследователи состояния выпускников отмечают, на наш взгляд, важное понятие и явление, которое так или иначе должно быть задействовано при анализе современного выпускника высшего учебного заведения. Данным понятием является «*карьерная готовность*». А. С. Миронова-Тихомирова под ней понимает: «направление на планирование и построение карьеры выражения личности, включающее её убеждения, взгляды, мотивы. Чувства, установки, настроенность на поведение, которое обеспечит успешное построение карьеры и соответствие ожиданиям карьерной среды; это концентрация сил личности, направленных на создание карьерного плана и его осуществление, является предпосылкой целенаправленной деятельности по построению карьеры, ее регуляции и эффективности» [1; 10]. При этом данное явление обусловливается несколькими факторами, как внешними, так и внутренними качествами молодого человека, причем под внутренними понимается уровень его мотивов, поведение, характер, темперамент, способности, опыт и знания. Следовательно, количество

разного рода причин, которые влияют на современного выпускника вуза просто огромно. Для составления определенной модели понадобится группа с достаточно схожими не только внешними факторами, которые их окружали в процессе становления как молодых специалистов, но и внутренними характеристиками и установками. Основные особенности современного российского выпускника вуза, как можно предположить, опираясь на вышеприведенные результаты исследований, таковы:

- осознание важности университетского образования в жизни будущего специалиста;
- удовлетворенность качеством получаемого высшего образования;
- наличие определенного опыта работы;
- присутствие сомнений в возможности дальнейшего беспроблемного самоопределения на рынке труда;
- готовность к получению (получение) дополнительного образования или ученой степени.

Исходя из этой характеристики современного выпускника вуза, на наш взгляд, можно сделать вывод о необходимости определенных инструментов поддержки в выборе специальности на уровне абитуриента, что в дальнейшем приведет к улучшению ситуации с выпускниками высших учебных заведений. Использование профессиограммы будущей специальности, которую изъявляет желание получить сегодняшний абитуриент есть возможность помочь ему разобраться с определенной профессией, понять специфику профессионального труда и тех неотъемлемых требований, которые будут предъявляться специалисту в процессе его деятельности.

Применение технологий профессиографии или «изучения требований, предъявляемых профессий к качествам личности работника (кандидата на должность), психологическим способностям, физическим возможностям и др.» [3] помогает при процессе обеспечения взаимосоответствия человека с профессией, даёт будущему специалисту реальную картину всех тех внутренних и внешних знаний, навыков, умений и характеристик, которыми должен обладать специалист в определенной области. Для примера возьмём востребованную и популярную в современное время профессию адвоката, то есть юриста, чья деятельность направлена на защиту интересов граждан и организаций в рамках правового поля определенного государства. В первой части профессиограммы данной специальности будут отражены основные моменты, затрагивающие внешнюю специфику работы адвоката, или то, что ему необходимо будет делать в рамках своей деятельности: «помощь в отстаивании прав и свобод физических и юридических лиц, проведение консультаций со своими клиентами, сбор доказательной базы, участие в судебном разбирательстве и т.д.» [4; 6]. Вторая часть профессиограммы отмечает важнейшие психологические качества, которыми должен обладать специалист: «Умение убеждать, доказывать свою точку зрения; настойчивость и энергичность; широкий кругозор и общая эрудированность; решительность и уверенность в себе и т.д.» [4; 6].

Адекватно разработанные профессиограммы по каждой специальности могут помочь абитуриентам реально оценить свои психологические особенности и сопоставлять их с теми требованиями, которые выдвигаются для каждой профессии, тем самым корректировать выбор направления обучения ещё до момента поступления в вуз. Следовательно, использование профессиограммы будущего специалиста является эффективным механизмом влияния на выбор подходящей специальности для каждого абитуриента, а в последствии и устранения проблем Вузовских выпускников с трудоустройством и необходимостью получать совершенное иное, второе или третье образование.

Список источников:

1. Миронова-Тихонова А.С. Психологическая структура карьерной готовности выпускника ВУЗа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Режим входа: http://nauka-pedagogika.com/viewer/43100/a#?page=10

2. Полоневич Т.Б. Адаптация выпускника вуза к условиям рынка труда: проблемы конкурентоспособности/ Социология: научно-теоретический журнал. – 2011 - № 2. – С. 105-112.

3. Профессиография. Управление персоналом. Словарь-справочник. Режим Входа: http://psyfactor.org/personal/personal15-14.htm
4. Профессиограмма Адвокат. МБОУ гимназия №1 г. Армавир. Режим входа: http://gimnaz.armavir.ru/wp-content/uploads/2014/01/professiogramma.pdf
5. Современный выпускник: какой он?. Исследование о студентах и выпускниках. Портал Rabota.ru/Работа.рф. 11.10.2010. Режим Входа: http://www.rabota.ru/research/stati_i_kommentarii/sovremennyj_vypusknik_kakoj_on_.html
6. Студенты профессиональных учреждений – о своем будущем трудоустройстве. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. 20.02.2012. Режим входа: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=112502

УДК 316.344.3

МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО – ЮГРЫ)

Скульмовская Любовь Григорьевна
доктор социологических наук, профессор
Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий, Тюмень
E-mail: skolimovska@mail.ru

YOUTH AND YOUTH POLICY IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA)

Skulmovskaya Lyubov Grigoryevna
Doctor sociological sciences, professor,
Tyumen state academy of culture, arts and social technologies, Tyumen
E-mail: skolimovska@mail.ru

АННОТАЦИЯ – Основу статьи составляют материалы массовых опросов молодежи северных поселений Ханты-Мансийского автономного округа– Югры, входящего в состав Уральского федерального округа, в ретроспективном аспекте. Систематический мониторинг культурных процессов на данной территории позволил получать оперативную информацию об объекте (молодежи) и рассматривать ее культурные запросы и потребности в динамике, определять тенденции и закономерности их развития.

ABSTRACT – The basis of article is made by materials of mass polls of youth of northern settlements of the Khanty-Mansi autonomous district – Yugra, Ural federal district which is a part, in retrospective aspect. Systematic monitoring of cultural processes in this territory allowed to receive operational information about object (youth) and to review its cultural requirements and needs for dynamics, to define tendencies and regularities of their development.

Ключевые слова: молодежь; молодежная политика; стратегический ресурс; культурные запросы и потребности

Keywords: youth; youth policy; strategic resource; cultural requirements and requirements

В современной России одна из главных задач – формирование духовно и культурно развитой молодежи, которая остается основным стратегическим ресурсом страны. В концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. речь идет о том, что стратегические преимущества будут иметь те государства, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь [1]. Молодежная политика, как одно из направлений государственной социальной политики, призвана определить место и роль молодежи в системе интеграции российского общества. В современных условиях приоритетным для органов государственной власти должно стать формирование потребностей в

проявлении гражданских качеств молодежи, ее социальной активности и ответственности, формирование ценностных ориентаций молодежи.

Проживание в одном из самых молодежных субъектов РФ - Ханты-Мансийском автономном округе - Югре (далее ХМАО – Югра) определяет большую зависимость динамики социальных процессов от состояния молодежной среды. Властные структуры, осуществляющие социальную политику в регионе, перманентно учитывают специфику молодежной проблематики. Создание оптимальных условий для формирования, развития и реализации социального потенциала молодежи, поиск эффективных форм и методов взаимодействия органов государственной власти и молодежной среды – одна из социально-значимых проблем региона.

В отечественной философии, социологии, психологии и педагогике интерес к проблемам молодежи носит постоянный и устойчивый характер. В последние годы значительное внимание уделяется исследованию досуга, анализу теории и практики культурно-досуговой деятельности молодежи. Свободное время является одним из важных средств формирования личности молодого человека. Его использование молодыми людьми выступает своеобразным индикатором культуры, круга духовных потребностей и интересов конкретной личности. Являясь частью свободного времени, досуг привлекает молодежь добровольностью выбора его различных форм, возможностью сочетать различные виды деятельности. Для весьма значительной части молодых людей социальные институты досуга являются ведущими сферами социально-культурной интеграции и личностной самореализации. Однако результаты социологических исследований демонстрируют, что все эти преимущества досуговой сферы пока еще не стали привычным атрибутом образа жизни молодежи региона.

Молодежь как особая социально-демографическая группа характеризуется общими чертами и общими социальными проблемами, большинство из которых невозможно решить в короткие сроки, что приводит к снижению стартовых возможностей молодежи в процессе ее социализации. По мнению социологов, в 1990-е гг. молодое поколение оказалось без надежных социальных ориентиров, и к территориальным различиям в молодежной среде добавилась социально-экономическая дифференциация, образовавшаяся в результате поляризации российского общества.

В различных обществах и в разные эпохи существовали и существуют определенные критерии того, что должен сделать молодой человек в социальном плане как полноценный субъект общественных отношений. Говоря о молодежи, ее потребностях, интересах, ценностных ориентациях, необходимо помнить, прежде всего, о психологических особенностях этой возрастной группы. Результаты социологических исследований, проводившихся в различных регионах России, позволили выявить следующие характеристики молодежи начала 1990-х гг.:

– низкий престиж хорошего образования, профессионализма, духовности и нравственности;
– агрессивный национализм;
– идейно-нравственный вакуум и общее падение уровня культуры;
– падение жизненного уровня молодежи;
– повышение уровня молодежной преступности, алкоголизма, наркомании;
– снижение качества здоровья подрастающего поколения.

Перечисленные выше проблемы представляют собой одну из попыток систематизации социально-культурных проблем молодежи, которые актуализировались в период трансформации российского общества. Данные проблемы могут возникать как в комплексе, так и отдельно проявляться у тех или иных представителей группы. В г. Нижневартовске проблемы молодежи, их изучение и анализ стали приоритетными с начала 1990-х гг., как и в России в целом. Еще в 1995 г. социологический опрос, проведенный Московским научно-консультативным бюро «Архитектура и культурная политика» выявил отчуждение подростков и молодежи от городской сферы культуры и

досуга. Тенденция отчуждения впервые была зафиксирована в 1992 г. Ее причины носили психологический и экономический характер, а также были связаны с недостаточной развитостью культурно-досуговых учреждений, направленных на удовлетворение интересов подростков и молодежи.

Города автономного округа в тот период своего развития обладали определенными культурными и творческими ресурсами, в отличие от других территориальных образований. Но в ходе исследования стало известно, что главным местом проведения досуга молодежи остается улица, а основным видом времяпрепровождения - «гуляние». Фиксировались отдельные факты наркомании, организованной преступности, безработицы, бесперспективности существования, ставшие реалиями молодежной жизни в регионе.

В 1995 г. Нижневартовской фирмой «Социальный комфорт» по результатам проведенного соцопроса было выявлено, что молодежь тогда беспокоили угроза остаться без работы и возможности получения хорошего образования. Желающих продолжить образование в вузе было достаточно много, но только каждый второй с уверенностью утверждал, что сможет оплатить стоимость своего обучения. Несмотря на временные трудности, до 70% опрошенных связывали свое будущее с Нижневартовском и регионом. Каждый второй представитель молодежи проявлял интерес к физкультуре и спорту, были обозначены и другие жизненно важные проблемы: жилье, работа, социальная адаптация.

В социологическом исследовании «Молодежь и молодежная политика», которое проводилось в Нижневартовске в 1999 г., рассматривалась в большей степени одна характеристика – гражданский потенциал молодежи, вокруг которого сложилась в то время достаточно противоречивая ситуация. В основных направлениях муниципальной молодежной политики Нижневартовска были проанализированы тенденции развития молодежи города, где указывалось на снижение социального статуса молодежи и ее низкие стартовые возможности. В качестве одного из направлений муниципальной молодежной политики было определено изучение объективного состояния молодежной среды и информирование молодежи о возможностях решения ее проблем, которое предполагало проведение периодических мониторингов, создание условий для формирования единой информационной политики в молодежной среде.

В 2008 г. на территории Нижневартовского района нами было проведено социологическое исследование «Наркомания и алкоголизм: зоны риска в семье подростков и молодежи» с целью определения структуры их свободного времени и отношения к деятельности учреждений культуры, досуга и спорта, а также запросов и потребностей в культурно-досуговой деятельности. В ходе исследования было опрошено 237 респондентов в возрасте 14-29 лет, проживающих в пп. Ларьяк, Аган, Новоаганск, Ваховск, Излучинск, сс. Варьеган, Большетархово, Зайцева речка (выборка районированная, квотная, репрезентативная по полу и возрасту). Кроме того, были опрошены эксперты (35 человек), представляющие органы местного самоуправления, сферу образования (психологи, социальные педагоги, учителя), специалисты по работе с молодежью, проживающие на территории Нижневартовского района. Экспертами было высказано мнение, что содержание деятельности имеющихся учреждений культуры района не способно удовлетворить запросы и потребности молодежи. Под сомнение ставилась доступность таких учреждений, особенно спортивно-оздоровительной направленности для подростков и молодежи. Экспертами была дана объективная оценка сложившейся ситуации в сельских поселениях и Нижневартовском районе в целом, предложены рекомендации по оптимизации деятельности различных организационных структур, работающих с подростками и молодежью.

Несомненно, кроме экспертов, было необходимо выявить мнение самой молодежи по тем или иным проблемам ее жизнедеятельности. Ответы респондентов показали, что представители молодежи занимаются, в основном, неинституциональными формами проведения досуга, и лишь незначительная часть посещает спортивные сооружения, учреждения культу-

ры, занимается активным отдыхом и туризмом. Почему это происходит? По мнению Н. Ф. Хилько, социодинамика инициативной культуры молодежи в социокультурной среде современного города, как, впрочем, и в сельской местности, демонстрирует переход от преобладания созидательных инициатив к преимущественно потребительско-развлекательным. Любительство и хобби-досуг представляют творческий потенциал инициативной культуры личности как средство ее мобильности [2, с. 133]. Ученые считают, что в силу социально-экономических проблем общества, большого числа безработных, отсутствия должного количества культурных учреждений и недостаточного внимания к организации досуга молодежи со стороны местных органов власти и происходит развитие неинституциональных форм молодежного досуга. Работа в условиях рыночной экономики вызывает необходимость постоянного обогащения содержания деятельности учреждений культуры, методов ее осуществления и поиска новых досуговых технологий. Практика молодежного досуга показывает, что наиболее привлекательными формами для современной молодежи являются музыка, танцы, шоу-программы и др., однако не всегда учреждения культуры организуют свою работу, исходя из интересов молодежи.

Необходимо не только знать культурные запросы и потребности молодых, предвидеть их изменение, но и уметь быстро реагировать, предлагать новые формы и виды досуговых занятий. Оптимизация деятельности учреждений культуры по организации досуга молодежи предполагает разработку концепций их инновационной деятельности, новые подходы к модели и профессии работника учреждения культуры. Назрела необходимость пересмотра места культуры в системе государственных приоритетов и признания предельной общественной значимости ее функций [3, с. 9]. Молодежь является своеобразным фильтром, подвергающим оценке сложившиеся компоненты культуры, и принимает те из них, которые в большей степени удовлетворяют ее интересы и потребности Молодежь выполняет функцию проводника новых идей, инициатив, выступает носителем инновационных знаний. Она представляет своеобразный жизненный потенциал общества, резерв его интеллектуальных сил и возможностей. От того, что принимает или отвергает молодежь (идеалы, экономические, политические принципы, нормы нравственности и культуры), зависит направленность исторического развития России.

Список литературы:

1. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. №1760-р (в редакции от 16 июля 2009 г. №997-р). [Электронный ресурс] Режим доступа: www.newurengoy.ru/2016.html
2. Хилько Н. Ф. Современные исследования интеграции досуга в пространстве социокультурных инициатив региона // Социум. Культура. Личность. Досуг: социальные практики культурогенеза. – Тюмень: РИЦ ТГАКиСТ, 2013. С. 131-134.
3. Есаков В. А. Управление культурой в условиях мегаполиса: автореферат дисс… д-ра культурологии. М., 2008. 42 с.

УДК 332.15(1-28):346.26-053.81

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЗАКРЫТОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ

Смирнова Ксения Михайловна
магистр
Уральский Федеральный Университет, Екатеринбург
E-mail: ksuysha_90@mail.ru

YOUTH BUSINESS IN THE CLOSED MUNICIPAL UNION: POSSIBILITIES AND DEVELOPMENT BARRIERS

Smirnova Ksenia
Master, Ural Federal University

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается молодежное предпринимательство как один из ресурсов развития закрытых административно – территориальных образований, как возможность решить проблему занятости молодёжи. Особое внимание уделено содержанию молодёжного социального проекта «Бизнес-Академия». Цель этого проекта–помочь молодежи развить и реализовать свой предпринимательский потенциал в «закрытом» городе Новоуральск.

ABSTRACT – In article youth business as one of resources of development closed administratively - territorial formations, as possibility to solve a problem of employment of youth is considered. The special attention is given the maintenance of the youth social project «Business academy». The purpose of this project – to help youth to develop and realise the enterprise potential in the «closed» city of Novouralsk.

Ключевые слова: молодежь, малое предпринимательство, закрытое административно – территориальное образование, молодёжный социальный проект

Keywords: youth, the small business closed administratively - territorial formation, the youth social project

Современный человек активно использует в своем обиходе термины предпринимательство и предприниматель, но какой смысл вкладывает в эти слова человек, живущий в XXI веке? Содержание и смысл этих терминов постоянно модифицируется, обретая новые и утрачивая, за неактуальностью, старые черты. Феномен предпринимательства невозможно рассматривать обособлено, по сути дела, предпринимательство есть процесс деятельности, активности субъекта, непосредственно предпринимателя. Представление о том, кто такой предприниматель так же постоянно модифицировалось с момента своего появление и так же остается не слишком однозначным, и по сей день.

К. Маркс проводит анализ содержания предпринимательской деятельности на характерном для своего времени уровне. Предприниматель – это, прежде всего, капиталист, но не всякий капиталист является предпринимателем. Капиталистов К. Маркс разделял на активных (или функционирующих) предпринимателей и капиталистов – кредиторов. Маркс называл капиталистической природой стремление производить как можно больше прибавочной стоимости производимого продукта или услуги, являющейся предпринимательским доходом, заработной платой предпринимателя за его деятельность как «работника». По мнению исследователей, К. Маркс подчеркивает активную роль предпринимателя в различных областях материального и духовного производства, а также существование разнообразных экономических форм предпринимательства.[2,С. 11-12]

С конца XIX в. переосмысление понятия предпринимательство происходит под влиянием научно-технического прогресса. Одним из наиболее ярких представителей экономической мысли того времени является Й. Шумпетер. По оценке В. С. Автономова, Шумпетер разработал теорию экономической динамики, основанную на создании «новых комбинаций», основными видами которых являются: производство новых благ, применение новых способов производства и коммерческого использования благ существующих, освоение новых рынков сбыта, освоение новых источников сырья и изменение отраслевой структуры. Всем этим экономическим новаторством занимаются на практике люди, которых Шумпетер назвал предпринимателями[1]. Шумпетер говорит об экономической функции предпринимательства как о производстве, внедрении и реализации инноваций. Эта функция тесно связана с особенностями личности предпринимателя: специфической мотивацией, своеобразным интеллектом, сильной волей и развитой интуицией. Конечно, стоит упомянуть, что эти особые способности, определяющие предпринимательский тип и функцию присущи лишь небольшой части населения.

Что это за способности? На этот вопрос пытались дать ответ достаточно большое количество авторов, но в своем большинстве они сходятся на характеристике предпринимателя, как субъекта, обладающего набором качеств. На первом месте среди этих качеств – талант, далее неординарность (сейчас это всё чаще называют креативностью). Далее следует образование, ибо, не смотря на неоспоримую важность выше перечисленных качеств, знание рынка и законодательства не даются человеку априори. Не менее важным является наличие целедостижительной мотивации, целеустремленность предпринимателя.

Перечисленные способности в наибольшей степени, на наш взгляд, соответствуют характеристикам современной молодежи. Ценностные ориентации и личностные качества молодых людей с каждым новым поколением всё более подстраиваются, адаптируются под социально-психологические требования рынка. Современная молодежь, как социальная группа, характеризуется высокой степенью инициативности, смелости, авантюризма, мобильности, адаптивности и целеустремленности. А самое главное, склонностью к инновационной деятельности и готовностью к риску. Молодежь – это самая активная часть общества, способная с наибольшей отдачей участвовать в экономической жизни. Именно молодые люди являются двигателями прогресса экономического рынка, задавая тренды в потребительской культуре. Стремление к инновациям, амбициозность, потребность в самореализации и самовыражении рождает потребительский спрос, удовлетворить который под силу только представителям этой же социальной группы, как уже интегрированной в заданную парадигму ценностных ориентаций.

Наиболее полным образом реализовать свой новаторский потенциал и удовлетворить стремление к независимости молодой человек может, попробовав себя в предпринимательстве. Как правило, все молодежные начинания, называемые сейчас модным выражением «startup», попадают под категорию малое предпринимательство. Этот факт обусловлен, прежде всего, взаимосвязью критериев бизнеса, попадающего под данную категорию, с ограниченными возможностями молодых людей, стремящихся воплотить свою бизнес-идею в жизнь.

Малый бизнес подразделяется на микропредприятия, малые предприятия и средние предприятия по показателям численности работников, объема выручки и ограничениям по статусу (доли внешнего участия в капитале)[7]. Для молодых начинающих предпринимателей самым доступным оказывается открытие малого или микро- предприятия. Развитие молодежного предпринимательства – это не только увеличение доли малого предпринимательства в экономике городов, но и решение проблемы занятости молодежи. Особенно это актуально для городов со сравнительно небольшой численностью населения и относительно удаленных от областного центра. К таковым относятся моногорода и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО). Для городов, изначально ориентированных на градообразующее предприятие, развитие малого предпринимательства может и должно стать основным инструментом диверсификации экономики. Развитие молодежного предпринимательства может помочь решить актуальную для всех моногородов проблему оттока молодежи в областной центр или в другие более крупные города по причине отсутствия перспектив и возможности самореализации в профессиональной сфере. Типичным примером подобной ситуации может служить город Новоуральск Свердловской области, являющийся ЗАТО. Новоуральск не является исключением из ряда городов подобных ему, его экономика характеризуется низкой степенью диверсификации, причиной этого является ориентация на градообразующее предприятие. Долгое время город гармонично существовал в статусе моногорода и особо не нуждался в дополнительных вливаниях в экономику. За последние несколько лет, под влиянием кризиса и изменения политической стратегии страны, ситуация в городе резко изменилась. За последний год Уральский Электрохимический комбинат (далее УЭХК), градообразующее предприятие города, высвободил значительную численность сотрудников непрофильных производств. Более того, тенденция к сокращению штата только набирает обороты. Для моногорода с общей численностью населения не более 90 тыс. человек – это прямой путь к массовой безработице и экономическому упадку. Администрация Новоураль-

ского городского округа (далее НГО), оценивая процессы, происходящие на УЭХК, как оптимизацию производства, ведет целенаправленную работу по поддержке и развитию малого предпринимательства. [6, С. 4] Для осуществления комплексной политики в отношении малого предпринимательства реализуются муниципальные целевые программы, направленные на качественное и количественное развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства. Однако, не смотря на все факторы, доля занятости этой социальной группы в малом предпринимательстве по-прежнему далека от желаемого.

Что же мешает молодежи ЗАТО начать свой малый бизнес? По данным опроса молодёжи НГО, проведенного комитетом по делам молодежи в сентябре 2013 г., в качестве основных причин, останавливающих желание начать свой бизнес, респонденты отметили следующие проблемы:

- отсутствие необходимых теоретических знаний (основы экономики, юриспруденции, маркетинга и т.д.);
- отсутствие необходимых практических навыков (опыта, контактов и т.д.);
- отсутствие стартового капитала;
- административные барьеры ,усугубляющиеся режимом ЗАТО;
- психологические проблемы (неуверенность в себе и своей идее).

Чтобы помочь молодым людям преодолеть эти трудности и начать своё дело, в октябре 2013 г., при содействии комитета по делам молодежи НГО, двумя студентами Новоуральского технологического института, филиала Национального исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института (далее НТИ НИЯУ МИФИ) Н. Шехометьевым и Д. Ясакиным был разработан социальный проект «Бизнес-Академия». Цель проекта – помочь молодежи развить и реализовать свой предпринимательский потенциал в родном городе Новоуральске. Экспресс-опрос, проведенный авторами проекта среди студентов НТИ НИЯУ МИФИ и филиала Уральского федерального университета города Новоуральска, показал: почти все опрошенные респонденты (39 человек) проявили интерес к данному проекту, две трети из них выразили желание участвовать в его реализации, поскольку хотели бы открыть в перспективе своё дело. Но на ключевой вопрос о наличии собственной бизнес-идеи утвердительный ответ дали лишь шесть респондентов. Можно сделать вывод, что желание молодых людей заняться предпринимательской деятельностью нет особой нужды стимулировать, им нужна конкретная, адресная помощь и поддержка в реализации намерений. По мнению авторов проекта, задачами «Бизнес - Академия» является:

- приобщение молодёжи к бизнес-среде, повышение деловой активности молодежи НГО;
- формирование и развитие ее предпринимательской культуры и компетентности;
- содействие в создании и реализации эффективных бизнес проектов.

Реализация проекта состоит из четырех блоков: «знакомство», «вовлечение», «обучение» и «фандрайзинг». Основная целевая аудитория проекта –студенты, поэтому было принято решение провести первый блок на базе учебных заведений Новоуральска. Предусмотрены встречи потенциальных участников с руководителями проекта, представителями администрации города, Бизнес-инкубатора, муниципального Фонда поддержки предпринимательства, с уже состоявшимися предпринимателями, ранее получившими гранты. На этих встречах раскрываются, обсуждаются возможные перспективы молодого предпринимателя и возможности воплощения их идей. Желающие продолжить свое участие в проекте приглашаются на второй этап проекта.

Второй блок состоит из насыщенных практическими упражнениямитренингов и семинаров, бизнес-игр и мастер-классов от действующих предпринимателей НГО. Заключительной частью этого блока становится презентации собственных бизнес-идей участниками проекта. По итогам презентаций отбираются самые проработанные, интересные, актуальные и жизнеспособные идеи для перехода на следующий уровень.

В блоке «Обучение» участникам представится возможность получить навыки, необходимые для превращения бизнес-идеи в бизнес-план. Обучение подразделяется на несколько модулей: бизнес-планирование, юридические и экономические аспекты индивидуального

предпринимательства (регистрация и деятельность ИП и ООО, Трудовой Кодекс РФ, Налоговый Кодекс РФ и т.д.), маркетинг, электронная коммерция и техника продаж. В этом блоке участники, при помощи полученных знаний и навыков, а так же консультаций со специалистами, должны преобразовать идею в реальный, жизнеспособный бизнес-план, готовый к переходу на следующий этап проекта, к фандрайзингу, привлечению денежных средств или иных ресурсов, необходимых для реализации определенного проекта.

На этапе фандрайзинга проекты участников должны быть адаптированы и соответствовать претензии на получение грантов. Проект «Бизнес-Академия» реализуется при содействии и финансировании Администрации НГО, общая стоимость проекта составила 170 тыс. руб., но немалая часть мероприятий организуется собственными силами авторов и состоявшихся предпринимателей НГО, готовых на безвозмездной основе поделиться своим опытом и предоставить свои предприятия для проведения обучающих занятий.

Подводя итог, можно сказать что проект «Бизнес-Академия» нацелен на активную и продуктивную работу по интеграции молодежи в предпринимательскую среду.Основное условие руководителей проекта – изначальная мотивированность участников, желание и готовность к саморазвитию и развитию своей идеи. При изначальном охвате аудитории в 200 человек планируется создать и запустить на территории НГО не менее 10 проектов. На момент написания статьи проект «Бизнес-Академия» перешел на стадию «обучение» с 19 участниками и есть основания предполагать, что вскоре количество молодых предпринимателей в НГО изменится в желаемую сторону.

Список литературы:

1. Автономов В.С. Несвоевременные мысли Йозефа Шумпетера. М. 1995г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem_00/ (дата обращения 30.08.2014)
2. Беленький В.Х., Паульман В.Ф. Предпринимательство: развитие, природа, проблемы //Социологические исследования.2012. –№10.–С.11-20.
3. Бондаренко Е.Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно-территориальных образований: социологический аспект». Автореферат дис. канд. социол. н. – Екатеринбург. – 2009. –16с.
4. О развитии малого и среднего предпринимательства в Свердловской области: Закон Свердловской области от 06.02.2008 г. № 10-ОЗ. [Электронный ресурс].URL: http://base.consultant.ru/(дата обращения 30.08.2014)
5. Зубков К.И., Копылов В.М., Попов В.Г. Специфика социального развития и управления закрытым административно-территориальным образованием.[Электронный ресурс]. URL: http://chinovnik.uapa.ru/.
6. Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Новоуральском городском округе. Паспорт муниципальной программы на 2014 – 2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regionz.ru/index.php?ds=2301419 (дата обращения 25.08.2014)
7. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный Закон от 24 июля 2007 года № 209 – ФЗ [п. 1 ст. 4], [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/(дата обращения 30.08.2014).

УДК 316.32

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ[1]

Смирнов Владимир Алексеевич
доктор социологических наук, доцент, проректор
Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома
E-mail: kano_igt@mail.ru

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Университет и сообщества: европейский опыт и российские практики», при финансовой поддержке РГНФ (№ заявки 13-03-00060)

Пунина Ксения Александровна
кандидат политических наук, доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь,
E-mail: puninaks@mail.ru

FORMS OF INTERACTION OF UNIVERSITIES OF SVERDLOVSK REGION WITH REGIONAL COMMUNITIES

Vladimir A. Smirnov
doctor of sociological sciences, senior lecturer, Vice-rector
Kostroma State Agricultural Academy», Kostroma
Ksenja A. Punina
candidate of political sciences, senior lecturer
Perm State University, Perm

АННОТАЦИЯ – В статье на основе контент-анализа новостных сюжетов ГТРК «Урал» анализируются формы взаимодействия университетов Свердловской области с региональными сообществами. Авторы выделяют ключевых партнеров университетов, исследуют количественное распределение форм взаимодействия вуза и региональных сообществ.

ABSTRACT – In article on a basis the content analysis of news plots of State TV and Radio Broadcasting Company «Ural» forms of interaction of universities of Sverdlovsk region with regional communities are analyzed. Authors allocate key partners of universities, investigate quantitative distribution of forms of interaction of higher education institution and regional communities.

Ключевые слова: образование, «третья» функция, региональные процессы, интеграция

Keywords: education, "third" function, regional processes, integration

Трансформация системы высшего образования в нашей стране привела к возникновению целого спектра социокультурных проблем, как в самих университетах, так и в региональных сообществах. Ликвидация и реорганизация целого ряда университетов, ежегодный мониторинг эффективности вузов, возникновение в региональном пространстве Федеральных мегауниверситетов, научно-ориентированных национальных исследовательских университетов – все это создает ситуацию своеобразного социокультурного шока в региональных сообществах, не такого серьезного как в момент появления в Российской империи первых университетов [1], но, тем не менее, требующего системной активности вузов, направленной на интеграцию в региональный контекст. Выстраивание взаимодействия с региональными сообществами важно сегодня как для небольших региональных университетов, находящихся в «зоне» депривации [2], так и для крупных федеральных университетов. Это связано с тем, что целый ряд исследований демонстрирует тот факт, что сегодня часть федеральных университетов до сих пор воспринимаются в первую очередь как производные «родительских вузов»[3]. Не менее важен и тот факт, что «третья» функция университетов сегодня обрела легитимный статус и официально заявлена в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении концепции ФЦП развития образования на 2016 -2020 годы». В рамках настоящей статьи мы проанализируем формы выстраивания университетами Свердловской области системы отношений с региональными сообществами, осуществим типологию данных форм, выделим ключевые направления и противоречия интеграционных процессов. В качестве эмпирической базы исследования будем использовать новостные сюжеты телекомпании «ГТРК Урал» за 2007-2014 гг., в которых в той или иной мере затрагивается тема университетов. Методы исследования – количественный и качественный контент-анализ.

Анализ опыта реализации «третьей» функции российскими и европейскими университетами позволяет выделить несколько основных форм реализации такой активности [4]:

1. *Формы «социального служения» университета в региональном пространстве.* К данной группе относятся традиционные для российских (в том числе советских) и европейских университетов разнообразные формы студенческого добровольчества, участие университетского

сообщества в решении социальных проблем населения, социальных проектах, реализуемых региональными и местными органами власти, бизнесом, сообществом.

2. *Формы, ориентированные на производство в регионе различного рода событий.* К этой группе форм можно отнести широкий спектр мероприятий, начиная от благотворительных концертов, организованных университетом и заканчивая широко проникающими в пространство современной России публичными лекциями и проектами в стиле «университет третьего возраста».

3. *Формы, связанные с реализацией и повышением эффективности образовательного процесса.* В данном случае речь идет о том, что университет вступает во взаимодействие с различного рода региональными стейкхолдерами, которые являются важнейшими «потребителями» научных разработок и выпускников вуза. К данной группе мы так же может отнести различного рода попечительские и наблюдательные советы, действующие при университете.

4. *Формы, ориентированные на трансформацию региональных (городских) сообществ, на изменение их дискурсивного и (или) практического сознания.* В данную группу мы объединяем все формы и технологии, которые направлены на изменение социокультурной программы региональных сообществ (или отдельного сообщества), а так же разнообразные формы политической активности университетского сообщества.

Несмотря на большое количество университетов в регионе, в исследуемом массиве данных представлены лишь восемь вузов. Еще раз отметим, что это вовсе не означает, что другие университеты не вовлечены в социальную деятельности, скорее речь идет о том, что указанные вузы имеют больший опыт и потенциал для привлечения СМИ в качестве стейкхолдера, продуцируют более привлекательные для региональных сообществ формы партнерства (Рис. 1).

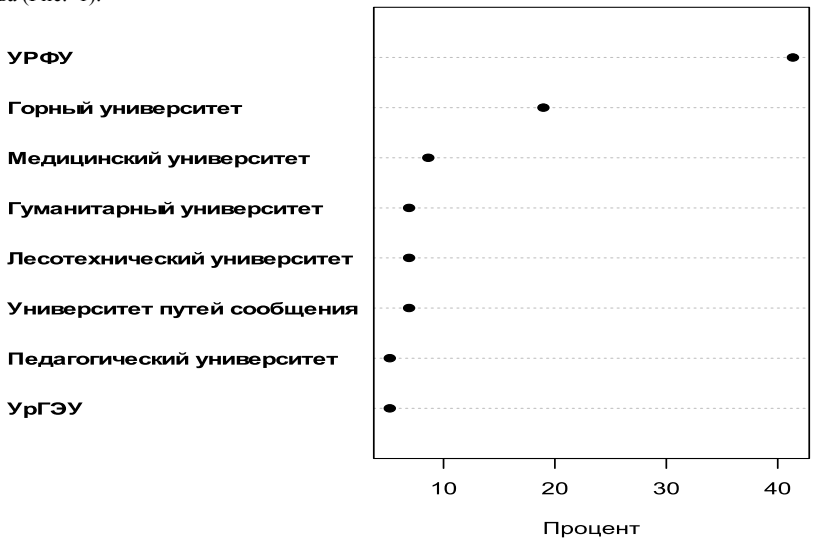

Рис. 1. Социальная активность вузов Свердловской области на основе контент-анализа новостных сюжетов ГРТК «Урал» (%)

Высокую активность в сфере выстраивания отношений с региональными сообществами демонстрирует Уральский федеральный университет (более 40% всех мероприятий, упоминающихся в новостных сюжетах). На втором месте горный университет, остальные вузы достаточно сильно отстают в своей активности. Полученные данные в целом совпадают с

результатами наших исследований по другим регионам и демонстрируют достаточно низкую включенность и социальную активность вузов. В то же время, высокая активность УРФУ, связана не только со стремлением «дать внятное объяснение» региональным сообществам, что из себя представляет новый мегауниверситет, но и со стремлением университета занять лидирующие позиции в образовательном пространстве региона, федерального округа и страны в целом.

Ключевыми адресатами активности университетов являются студенты и сотрудники вузов, а также горожане (Рис. 2). Можно сделать вывод о недостаточном количестве форм взаимодействия с бизнес-сообществом, органами государственной и муниципальной власти. Значительный объем активности вузов слабо сфокусирован. Почти 36% форм (попавших в категории - горожане) не имеют четкого адресата и ориентированы на жителей региона в целом. Такой подход не всегда представляется эффективным, поскольку разные региональные и городские сообщества могут иметь разные интересы и вкладывать разные смыслы в процесс интеграции с университетом.

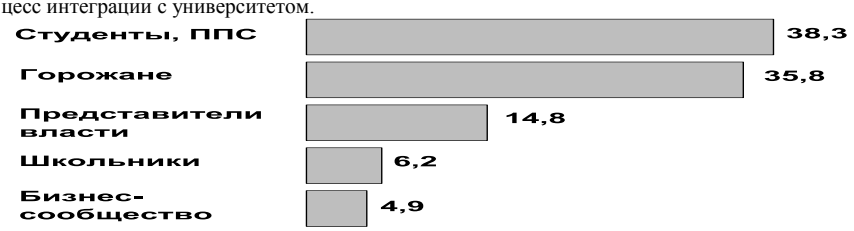

Рис. 2 Ключевые стейкхолдеры университетов (%)

Если же рассматривать распределение стейкхолдеров относительно конкретного университета, то здесь мы так же можем наблюдать доминирование УРФУ, в частности, во взаимодействии с бизнес-сообществом и органами государственной и муниципальной власти. Проанализируем распределение форм взаимодействия университетов и региональных сообществ (стейкхолдеров). В данном случае, мы будем использовать разработанную нами технологию форм интеграции в региональные процессы, представленную выше (Рис. 3).

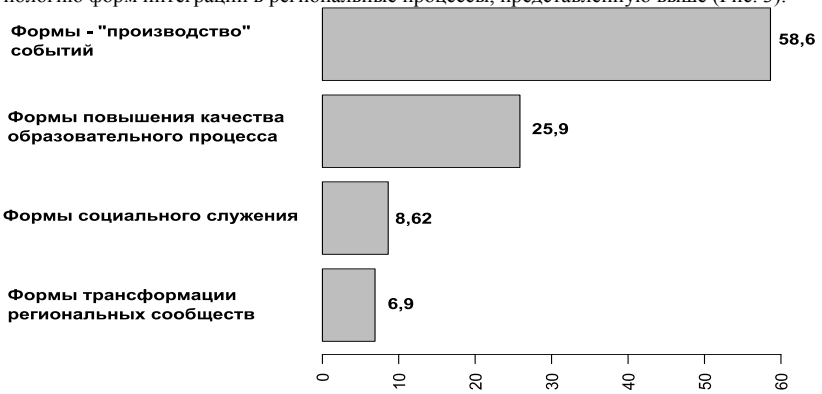

Рис. 3. Распределение видов форм интеграции университетов в региональные процессы (%)

Доминирующими являются формы, ориентированные на производство в регионе различных событий (концерты, акции, выставки, флэш-мобы и т.д.). Данное обстоятельство связано, как нам представляется, с тем фактом, что для значительной части университетов «тре-

тья» функция не является важной, чтобы это могло вести к разработке системной политики интеграции в региональные процессы. В этой связи, на первое место выходит активность, которая не требует длительной подготовки, легко вписывается в современные городские форматы жизнедеятельности, но в то же время не ставит серьезных задач в сфере развития отношений с региональными сообществами.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в Свердловской области, как и в большинстве других регионов России, сегодня отсутствуют системные стратегии и политики интеграции университета в региональные процессы. Такая активность, проявляется лишь в отдельных сегментах регионального образовательного пространства, в частности в среде некоторых федеральных университетов и главным образом ориентирована на «производство» разнообразных пиар-действий. Важно и то, что значительное число вузов не стремиться расширить спектр стейкхолдеров, с которыми они вступают в коммуникацию. В то же время, в ситуации трансформации российского высшего образования и принятия ФЦП развития образования до 2020 года, согласно которой предполагается сокращение вузов на 40 %, именно интеграция в региональные процессы, развитие системной коммуникации с различными региональными сообществами, властью, бизнесом может стать эффективным механизмом не только сохранения университета, но и его стратегического развития.

Список литературы:

1. Университет в Российской империи XVIII-первой половине XIX века / под.общ.ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.
2. Смирнов В.А. Интеграция университета в региональные процессы: возможные стратегии и ключевые факторы риска // Университетское управление: практика и анализ, №6, 2014.
3. Федеральный университет – миссия выполнима [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/4/federalnyy-universitet-missiya-vypolnima.
4. Смирнов В.А, Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // ARS ADMINISTRANDI, №4, 2013, с. 102-116.

УДК 331.07

НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ МОЛОДЕЖИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Степченко Ольга Игоревна
студентка
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: olga-stepchenko@bk.ru

THE BEGINNING OF THE PROFESSIONAL CAREER OF YOUTH: CONTROVERSIES AND OPPORTUNITIES FOR PARENTAL LABOR

Stepchenko Olga Igorevna
student, Ural Federal University
E-mail: olga-stepchenko@bk.ru

АННОТАЦИЯ – В статье рассматриваются противоречия между началом карьеры и возможностью родительского труда у современной молодежи. Выделяются социокультурные и экономические проблемы государства и общества, которые ориентируют молодежь на восприятие профессиональной реализации как одной из основ формирования личности. Способы достижения профессиональной реализации и успешной карьеры во многом противоречат возможностям создания семьи и родительскому труду, что, в свою очередь, может негативно отразиться на показателях репродуктивной активности молодого населения.

ABSTRACT – The article discusses the differences between early career and the possibility of parental labor among today's youth. Stand out social, cultural and economic problems state and society, which are addressing the youth on the perception of professional development as the basis for identity formation. Ways to achieve professional fulfillment and successful career in many ways contradict the setting up of family and parental labor, which in turn has a negative impact on indicators of reproductive activity of the young population.

Ключевые слова: молодежь, семья, карьера, профессиональная реализация, родительский труд.

Keywords: youth, family, career, professional implementation, the parent work.

В современных экономических условиях важное значение приобретает вопрос формирования качественной кадровой среды для молодых специалистов, получающих профессиональное образование и планирующих достичь необходимых компетенции, интегрироваться в кадровую и социальную среду делового сообщества. Однако, получение профессионального образования отнюдь не гарантирует молодому специалисту быстрого трудоустройства. Для поиска работы, прохождения испытательного срока, адаптации в коллективе, достижения результатов и стабильного заработка, требуется зачастую большое количество времени. Многие молодые специалисты склонны к частой смене места работы, что связано с нестабильной оплатой труда молодым специалистам, отсутствием профессионального и карьерного роста, рутинной работой, несоблюдением условий договора и многое другое. В особенности, перечисленные проблемы характерны для предприятий малого и среднего сектора.

Существует целый ряд причин, препятствующих такому бизнесу разрабатывать лояльную кадровую политику, которая бы включала специальные программы адаптации и мотивации молодых сотрудников. Среди них - высокие налоговые ставки, большая конкуренция, недостаточная поддержка субъектов малого и среднего бизнеса со стороны государства. При этом подавляющее количество развитых стран активно поддерживает деятельность малого сектора экономики, так как малое предпринимательство в рыночной экономике является одним из ведущих. Его доля в национальном продукте составляет около 60–70 %, а в некоторых отраслях достигает 80 % [4]. Многие западные компании успешно решили проблему создания условий для адаптации и эффективного управления мотивацией молодых сотрудников. Более того, уже накоплен позитивный опыт долгосрочных инвестиций в человеческий капитал. Российское бизнес-сообщество сегодня нуждается в изменении представлений о роли людей в развитии и успешности компании. Достичь понимания того, что инвестиции в людей влияют на капитализацию компаний, возможно только совместными усилиями государства и бизнеса.

Особого подхода со стороны российских работодателей сегодня требует молодежь, поскольку именно молодежи свойственна высокая динамика и трансформация ценностей, интересов и взглядов. Молодые работники являются стратегически ценным кадровым ресурсом для развития компании, так как именно молодежь нуждается в реализации своего трудового потенциала, являясь носителем нового прозападного взгляда на стандартные трудовые процессы. Преимущественно новый взгляд, сочетание таланта и нерастраченной энергии молодого специалиста могут положительно сказаться на корпоративной культуре компании, внести вклад в устоявшиеся способы работы с клиентами и партнерами, а это, в свою очередь, положительно скажется на финансовых показателях бизнеса.

Современные условия радикальных социально-экономических перемен в российском обществе не могут не стимулировать молодого специалиста к конструированию отношения к труду, направленного на достижение нового качества жизни [2]. Таким образом, социально-психологические факторы стратификации оказывают большое влияние на молодое поколение, находящееся в процессе выбора и расставления приоритетов между созданием семьи, рождением детей и профессиональной реализацией. К этим переменам не адаптированы многие российские компании, так как в большинстве своем они не готовы предложить моло-

дым сотрудникам оптимальные условия для совмещения профессионального и родительского труда. Важно отметить, что большинство молодых людей связывают дальнейшие успехи в жизни со своей будущей трудовой профессиональной деятельностью. Многие из них не готовы к рождению детей и созданию семьи в период трудового становления, который является для них основополагающей сферой активности. Иначе говоря, трактовка потребностей современной молодежи определяется двумя основными моментами. Во-первых, стремление достичь конкурентоспособного уровня собственных ресурсов, обеспечивающего стабильность и устойчивость на рынке труда. Во-вторых, достижение финансовой независимости, которая бы позволила удовлетворять собственные материальные потребности [3]. Таким образом, поведенческие приоритеты современной молодежи расставлены в пользу получения высокого уровня образования, квалификации и карьерного развития.

Большое значение имеет тот факт, что молодежь, вступающая в возраст трудовой активности, одновременно является социально-демографической группой, влияющей на демографическую ситуацию в государстве в целом. Сегодня, как известно, наблюдаются такие негативные тенденции в России, как сокращение брачности и рождаемости, распад каждого второго брака, треть разводов приходится на молодые пары. Эта проблема принимает глобальный характер, так как именно от социальных ориентиров молодежи зависит формирование человеческого капитала страны [1]. Для решения этих проблем в числе прочего необходимо пересмотреть подходы к трудовой этике бизнеса, выступающего сегодня доминантой жизненных ценностей и приоритетов молодежи. Предприятиям необходимо учитывать не только интересы собственного развития, но и способствовать решению общечеловеческих, государственных проблем. Такой подход позволит создать комфортные условия для профессиональной реализации, создания семьи и условий родительского труда молодых специалистов. При этом осознание необходимости выбора между этими важными компонентами труда требует постепенного преодоления в молодежном сознании.

Молодежь, получившая профессиональное образование, вступает в благоприятный период для создания семьи и рождения детей. Однако, большинство молодых специалистов не задумываясь откладывают возможность родительского труда в пользу профессиональной деятельности. Все это происходит по причине того, что предприятия не готовы гарантированно сохранить рабочее место для молодых мам, пособия по уходу за ребенком являются низкими, наряду с этим возникают финансовые трудности в семье. Многие молодые семьи снимают жилье и риск столкнуться с жилищными проблемами является также одной из причин отказа от рождения детей.

С большой долей вероятности можно спрогнозировать возникновение финансовых проблем и препятствий для карьерного роста и профессиональной стабильности при создании семьи и рождения детей. При этом желание молодежи избежать подобных проблем является вполне обоснованным. Данные проблемы молодежи необходимо решать комплексно, с одной стороны, постепенно изменяя политику работы с молодежью в российских компаниях и создавая новые стандарты ведения бизнеса, с другой - развивая государственную систему стимулирования рождаемости, в основе которой будет лежать обеспечение финансовой стабильности молодых семей.

Список литературы:

1. Багирова А.П. Мотивация родительского труда: опыт социологического осмысления // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. «Проблемы образования, науки и культуры». – 2013. – № 3. – С. 113-119.

2. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с.

3. Митина JI.M. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 1997. №4.

4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]//Минэкономразвития России. - 2013. - Режим доступа:

http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/section
/macro/prognoz/doc20130325_06

УДК 005.91:378-051

ОЦЕНКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ

Стегний Василий Николаевич
доктор социологических наук, профессор
E-mail: socio@pstu.ru
Курбатова Людмила Николаевна
кандидат социологических наук, доцент
E-mail: socio@pstu.ru
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь,

TEACHER QUALITY ESTIMATION UNIVERSITY MANAGEMENT

Stegniy Vasiliy
Doctor of Sciences, Professor
Kurbatova Lyudmila
Candidate of Sciences, assistant professor
Perm National Research Polytechnic University, Perm

АННОТАЦИЯ – Рассматриваются: взаимосвязь эффективности системы управления в вузе и его деятельности; субъекты образовательных отношений, наиболее активно влияющие на политику вуза; формы участия преподавателей в управлении вузом; отношение преподавателей к III поколению ФГОС ВПО, подготовке бакалавров, специалистов, магистров, тестированию студентов, к качественным характеристикам инновационного вуза.

ABSTRACT – Examines the relationship management system efficiency in high school and its effectiveness; educational subjects for the most actively influencing the policy of the university; forms of participation of teachers in the management of the university; the ratio of teachers to generation III State VPO, preparing bachelors, masters, testing students to qualitative characteristics of innovative university.

Ключевые слова: эффективность системы управления в вузе, субъекты ее сегодняшней низкой эффективности, прежде всего в системе управления, качество образования

Keywords: efficiency management system in high school, subjects its present low efficiency, especially in the control system, the quality of education

Одна из самых острых проблем современного российского общества – качество и эффективность современного образования [1]. При этом специально следует отметить, что оценки качества образования и системы управления им разные: причем учащиеся школ и студенты вузов дают свою оценку; управленцы в системе образования, начиная от министерства и заканчивая вузом, школой, - свои противоположные оценки; родители, ученые, работодатели, политики, экономисты, учителя школ, преподаватели вузов и т.д. также дают хотя и разные оценки, но единодушны в том, что система управления образованием сегодня малоэффективна.

Для получения необходимых данных нами было проведено эмпирическое социологическое исследование[1].

[1] Исследование проводилось авторами в 2013 г. в Пермском национальном исследовательском политехническом университете на всех факультетах и одном филиале вуза. В выборочной совокупности из 592 человек 51 % мужчин и 49% женщин в возрасте от 23 до 70 лет, стаж работы от 1 года до 40 лет, 55,9 % имеют ученую степень и 41,8 % ее не имеют.

Таблица 1

Субъекты образовательных отношений, наиболее активно влияющие на политику вуза (в % от числа опрошенных)

Субъекты образовательных отношений	**Виды деятельности**					
	прием студентов	содержание учебных программ	распределение денежных средств	научная деятельность	кадровая политика	инновационная политика
Учредитель	14,5	6,1	19,5	6,1	9,8	11,4
Ректорат	26,3	11,8	55,6	18,2	42,8	38,4
Ученый совет вуза	4,0	10,8	7,4	33,3	13,8	25,3
Администрация факультета	30,6	9,1	26,3	10,8	29,3	9,4
Ученый совет факультета	5,7	10,8	3,7	27,9	19,2	14,8
Руководители кафедр	16,5	35,4	20,5	46,1	38,7	16,5
Преподаватели	9,1	44,1	0,7	27,6	3,0	7,4
Профком	2,7	-	8,4	1,0	7,1	1,3
Студенты	13,8	2,4	1,7	10,1	1,3	3,0
Родители студентов	20,9	1,0	2,4	0,3	0,7	0,7
Работодатель	11,1	8,1	3,7	6,4	7,4	9,8
Министерство образования и науки	26,9	35,7	21,9	12,8	17,2	24,9

В качестве экспертов системы высшего образования и эффективности системы управления в ней выбраны преподаватели вузов, которые с профессиональной точки зрения являются главными специалистами в этой сфере. Да и качество образования, в первую очередь, зависит от подбора преподавателей в любом учебном коллективе. Преподаватели не только оценили эффективность сегодняшней системы управления в вузе, но и указали несколько путей совершенствования ее.

Традиционная структура управления вузом удовлетворяет каждого третьего преподавателя, другая треть респондентов склонна к модификационным структурам, каждый пятый – к использованию в управлении автоматизированных систем, 16% опрошенных ориентируются на выборные органы управления (самоуправления). По мнению респондентов, ведущую роль в эффективности функционирования вуза играют те субъекты образовательных отношений, которые наиболее активно влияют на его политику в основных сферах деятельности.

По степени влияния на политику развития вузов всех субъектов можно разбить на три группы:

1 группа – наиболее влиятельные: министерство образования и науки, ректорат, администрация факультетов, руководители кафедр;

2 группа – менее влиятельная, чем первая: ученый совет вуза, ученый совет факультета, учредитель, преподаватели;

3 группа – менее влиятельна, чем субъекты первых двух: работодатель, студенты, родители студентов, профком.

На какую сферу деятельности вуза субъекты оказывают наибольшее и на какую – наименьшее влияние?

Учредитель наибольшее влияние оказывает на распределение денежных средств, на остальные сферы деятельности вуза его влияние в 2 раза меньше, но оно есть.

Ректорат наибольшее влияние оказывает на распределение денежных средств. Несколько меньшее, чем распределение денежных средств, но достаточно сильное влияние он оказывает на кадровую, инновационную политику, прием студентов, научную деятельность. Влияние ректората на основные сферы деятельности вуза в несколько раз сильнее, чем других субъектов образовательной деятельности. Так и должно быть, потому что он является центральным институтом в вузе.

Ученый совет вуза наибольшее влияние оказывает на научную деятельность и инновационную политику. На другие сферы деятельности вуза его влияние, хотя и значительно слабее, но вполне достаточное.

Администрация факультета наиболее влияет на прием студентов, кадровую политику, распределение денежных средств. Влияние ее на другие сферы деятельности факультета в несколько раз меньше, но вполне достаточное.

Ученый совет факультета наибольшее влияние оказывает на научную, инновационную, кадровую политику. На другие сферы деятельности факультета его влияние в несколько раз меньше.

Руководители кафедр наибольшее влияние оказывают на содержание учебных программ, научную и кадровую политику. Их влияние на прием студентов, распределение денежных средств, инновационную политику, хотя и меньше, чем на другие сферы деятельности, но весьма существенное.

Наибольшее влияние со стороны *преподавателей* оказывается на содержание учебных программ, на научную деятельность. Степень их влияния на другие сферы деятельности есть, но весьма незначительное.

Профком оказывает влияние на все сферы деятельности вуза, но минимально.

Частичное влияние на прием студентов и научную деятельность оказывают сами *студенты*, что касается других сфер деятельности, то все крайне минимально.

Родители студентов наибольшее влияние оказывают только на поступление в вуз студентов, что вполне закономерно.

Роль *работодателя* во влиянии на сферы деятельности вуза фиксируется, но оно крайне мало, хотя ничто не двигает вперед образование и науку, как производство.

Роль *Министерства образования и науки* во всех сферах жизнедеятельности вуза весьма существенная, какой и должна быть.

Если на эти сферы деятельности посмотреть с точки зрения степени влияния на них всех субъектов образовательной деятельности, то наибольшее влияние они оказывают на научную деятельность и кадровую политику. Несколько слабее прослеживается их влияние на содержание учебных программ и прием студентов. Меньше всего распространяется их влияние на распределение денежных средств и инновационную политику. Это те вопросы, которые в большей степени решаются централизованно.

Рассматривая влияние субъектов образовательных отношений на политику вуза, выделим среди них отдельно официальное участие преподавателя в управлении (табл. 2).

Таблица 2

Официальное участие преподавателя в управлении делами вуза
(в % от числа опрошенных)

Сферы деятельности	**Вид участия**		
	разработка решения	согласование решения	принятие решения
Организационно-правовая	27,6	20,9	6,7
Плановая	33,7	17,8	6,7
Распорядительная	22,9	19,2	7,4
Информационно-справочная, справочно-аналитическая	33,0	18,9	11,4
Отчетная	42,8	18,2	10,4
Финансовая	26,6	17,8	5,4

Продолжение табл. 2

Материально-техническая	27,9	16,5	4,4
Договорная	31,0	19,5	10,8
Документационная и информационная	36,7	20,5	11,1
Итоговое распределение	53,7	32,2	14,1

Для разработки решений в разных сферах деятельности привлекается каждый второй преподаватель, каждый третий участвует в процессе согласования решений, но только каждый десятый принимает участие непосредственно в принятии решении.

Реформа образования воплощена в Законе «Об образовании в Российской Федерации», реализация которого рассчитана на длительную перспективу [2]. Но, по мнению более четверти преподавателей, данный Закон не соответствует развитию современного российского общества и западным стандартам – отмечают от 20 до 40 % опрошенных.

На решение проблем современного образования направлен и переход высшего образования в 2011 г. на 3-е поколение ГОС ВПО. Соответствует ли условиям современного общества принятый в образовательном стандарте 3-го поколения компетентностный подход? 74 % респондентов считают стандарты 3-го поколения не соответствующими требованиям современного общества (!). Среди опрошенных преподавателей только 5,1 % отметили полное соответствие, 50,2 % – не совсем соответствует, 23,6 % – полностью не соответствует, 18,2 % не определились с ответом.

Конечно, прислушаться к оценке специалистов, которые занимаются реализацией компетентностного подхода, стоит, и внести соответствующие корректировки для приведения его в соответствие с перспективами развития постиндустриального, информационно-инновационного общества, необходимо.

Список литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в статью 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. – 5 февраля 2014.

УДК 316.34-053.6

ПАТРИОТИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ВЫБОР УРАЛЬЦЕВ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Талалаева Галина Владленовна
доктор медицинских наук, доцент
E-mail: gvtalal@mail.ru
Тетерин Юрий Викторович
магистрант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: J.Teterin@gmx.com

PATRIOTISM AND TOLERANCE: SELECT URAL'TSEV WHEN JOINING THE EURASIAN SPACE

Talalaeva Galina Vladlenovna
Dr. med. Sciences, Associate Professor
Teterin Yury Victorovish
undergraduate,
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Цель работы: оценить готовность уральцев отстаивать интересы государственной безопасности в связи с интеграцией региона в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Метод исследования: анализ документальной базы, регламентирующей отбор кандидатов в сотрудники Федеральной службы безопасности; социологический опрос старшеклассников г. Екатеринбурга. Выявлен дефицит кандидатов, годных к данному виду деятельности и мотивированных на ее выполнение. Обнаружены существенные различия в паттернах социального поведения школьников, адресованных для общения с коренными жителями Урала и ориентированных на межкультурное взаимодействие. Предложения технология внешкольной работы со старшеклассниками, гармонизирующая в их сознании представления об адекватном патриотическом и кросс-культурном поведении.

ABSTRACT – Objective: To assess the readiness of the Urals to defend the interests of national security in connection with the integration of the region into the Eurasian Economic Community (EAEC). The procedure and problems of young people selection for work in national security department was examined carefully in this article. Also the data of public opinion poll between students of secondary school were analysed. On the basis of these data the patterns of patriotism and tolerance were described. Divergence of above-mentioned patterns was detected according to different characteristics. Besides technologies of patters behavior optimization for young people were suggested.

Ключевые слова: патриотизм, толерантность, конфликт моделей поведения, интеграция в ЕАЭС, технологии работы с молодежью.

Keywords: patriotism, tolerance, conflict behavior, EU integration, technology, youth work.

На всех этапах развития и становления правоохранительных органов была и остается актуальной задача формирования профессионально компетентного, высококультурного, морально и психологически устойчивого сотрудника, отвечающего требованиям, предъявляемым к нему обществом и государством. В последние годы кадровую ситуацию в правоохранительных органах Российской Федерации определяют сложные и противоречивые процессы. Разрыв, проявившийся между уровнем материальной обеспеченности, степенью социально-правовой защищенности персонала и значительно возросшими нагрузками на личный состав, вызванными ростом преступности, возникающими внутренними вооруженными конфликтами, привел к ощутимому размыванию профессионального кадрового ядра, снижению престижа службы, оттоку наиболее квалифицированных кадров.

Условия кадровой работы диктуются обострившимися экономической, социально-политической и криминогенной ситуациями. Рост числа тяжких преступлений, количественные и качественные изменения преступности инициировали решение конкретных задач по кадровому обеспечению правоохранительной деятельности. В этой связи определяющая роль в процессе качественного комплектования правоохранительных органов (и, как следствие, высокие оперативно-служебные показатели) принадлежит организации работы сотрудников кадровых аппаратов, психологов и руководителей среднего звена по выявлению и оценке деловых и психологических качеств кандидатов, поступающих на службу в соответствующие органы.

Подбор кандидатов на службу в органы государственной безопасности в условиях развития кросс-культурных коммуникаций и повышения социальной активности в рамках ЕАЭС – актуальная задача, касающаяся социологов и специалистов по работе с молодежью. Кроме того, эффективное решение данной задачи обеспечит национальную и государственную безопасность Российской Федерации в ближайшей и отдаленной перспективе.

Поэтому цель настоящей работы – оценка готовности молодых уральцев отстаивать интересы государственной безопасности в условиях активизировавшихся кросс-культурных взаимодействий и интеграции Уральского региона в ЕАЭС. При проведении исследования были использованы два метода: 1) камеральная работа с документацией, регламентирующей отбор кандидатов в сотрудники Федеральной службы безопасности; 2) проведение социологического опроса среди старшеклассников г. Екатеринбурга.

Федеральная служба безопасности – единая централизованная система органов федеральной службы безопасности, осуществляющая решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации [1]. Сотрудником органов федеральной службы безопасности может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства, способный по своим личным, профессиональным и психологическим качествам, возрасту, образованию и состоянию здоровья исполнять возложенные на него обязанности. Квалификационные требования к уровню образования, стажу, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей сотрудника органов федеральной службы безопасности, устанавливаются руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности или уполномоченными им должностными лицами [2]. Служба в органах государственной безопасности является государственной военной службой [7] и накладывает на сотрудника огромную ответственность за результаты своей работы. Запреты и ограничения, установленные Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» накладывают на сотрудника дополнительную ответственность и требуют высокой самодисциплины.

Постоянный риск и напряжение, связанные с особенностями профессиональной деятельности, требуют усиленной психофизической устойчивости. В связи с этим, для подготовки молодых людей на службу в правоохранительные органы разрабатывается программа факультативного обучения участников спортивных и военно-патриотических организаций, имеющих хорошую физическую подготовку и высокий моральный потенциал. Порядок поступления граждан на федеральную государственную службу в ФСБ России утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10 августа 2011 г. № 1075. Кандидаты на службу проходят:

- психофизиологические исследования [4], которые включают в себя тестирование на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ, наличия у кандидатов алкогольной, наркотической или иной токсической зависимости, проверку в целях определения их пригодности к службе или к работе в органах федеральной службы безопасности и соответствия квалификационным требованиям, в том числе обязательный опрос с использованием технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде;
- медицинское освидетельствование, которое проводится военно-врачебной комиссией органа безопасности [5].
- проверку уровня физической подготовленности в соответствие с утвержденными нормативными требованиями.

Таблица 1

Нормативные требования к кандидатам на службу в органы безопасности
(для мужчин: А - в возрасте до 35 лет, Б - 35 лет и старше).

Подтягивание на перекладине (не менее)		Лыжные гонки на 5 км (не более)		Бег на 100 м (не более)		Бег на 1 км (не более)	Бег на 3 км (не более)
А	Б	А	Б	А	Б	А - Б	А - Б
10	9	28.00	29.00	14.40	14.60	4.25	12.35

(для женщин: А - в возрасте до 30 лет; Б - 30 лет и старше).

Бег на 100 м (не более)	Бег на 1 км (не более)		Лыжные гонки на 5 км. (не более)	
А – Б	А	Б	А	Б
17.9	4.50	5.30	41.0	45.0

Как правило, процесс изучения и проверки кандидатов занимает длительное время. Поэтому, кроме отличного здоровья, хорошего уровня физической подготовки,

положительных индивидуально-психологических качеств кандидат должен обладать высоким уровнем мотивации.

В настоящее время правоохранительные органы столкнулись с проблемой подбора кандидатов на службу. Это, во-первых – *высокий уровень отсева кандидатов* в процессе процедуры отбора. В ходе изучения отсеивается более половины из числа кандидатов. Первое место занимает отнесение кандидата по результатам профессионально-психологического отбора к четвертой категории профессиональной пригодности – «не рекомендуется» [6]. Далее по рангу следуют: признание кандидата по результатам медицинского освидетельствования ограниченно годным к военной службе, временно негодным к военной службе или негодным к военной службе; несоответствие кандидата требованиям по уровню физической подготовки.

Во-вторых - *поиск кандидатов производится в военных комиссариатах* (приоритет имеет МО), в ВУЗах (на выпускных курсах), практически всеми правоохранительными органами (полиция, ФСБ, ФСО, СВР, ФСКН, МЧС, ФСИН и т.п). Все стремятся отобрать для себя лучших из лучших, но лучшие выпускники уезжают за границу или устраиваются работать в престижные компании.

Выходом из сложившейся ситуации, по нашему мнению, может стать подбор и воспитание возможных кандидатов из числа учащихся общеобразовательных школ, спортивных и военно-патриотических клубов. Именно в этом возрасте необходимо нацеливать молодежь на принятие решений относительно своей будущей карьеры. А с теми учащимися, кто намерен посвятить свою жизнь службе в армии или в правоохранительных органах необходимо проводить дополнительные мероприятия по выработке профессиональных и личностных качеств, необходимых для службы.

Для выявления у молодежи приоритетных в настоящее время личностных качеств, мы провели опрос учащихся одной из школ г. Екатеринбурга. Учащимся выпускных классов было предложено провести ранжирование своих личных качеств, присущих им в настоящее время, а так же выделить черты личности, способствующие развитию патриотизма.

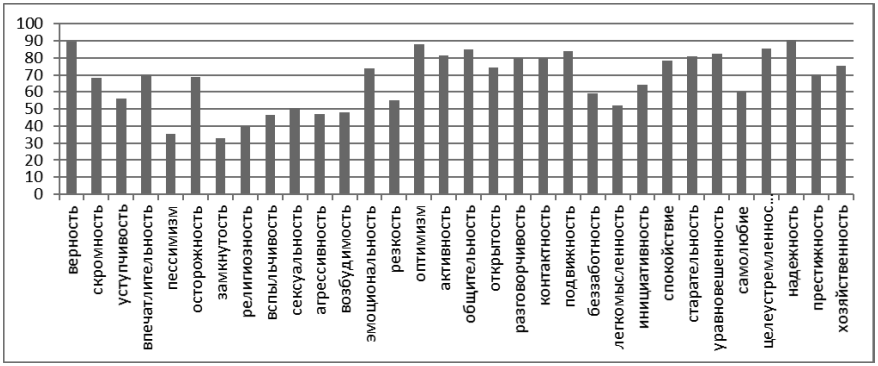

Рис. 1. Идеальные качества личности, по мнению уральских школьников

Опираясь на отзывы респондентов, мы выделили следующие ключевые качества личности, необходимые, по мнению уральских школьников, для успешного функционирования в современном социуме: верность, оптимизм, общительность, целеустремленность, надежность. Такие качества как: пессимизм, замкнутость, религиозность, вспыльчивость и агрессивность заняли последние места в ранге личностных качеств учащихся. Иными словами, в ответах респондентов они характеризовали себя в идеальном варианте как верных, надежных, общительных, целеустремленных молодых людей с оптимизмом смотрящих в будущее.

Тест был повторен с условием, чтобы респонденты отметили в нем те качества личности, который оптимально подходит а) для патриотического поведения; б) для эффективного общения в кросс-культурной среде. Так мы выделили основные черты личности, способствующие развитию патриотизма и интеграции в международное пространство.

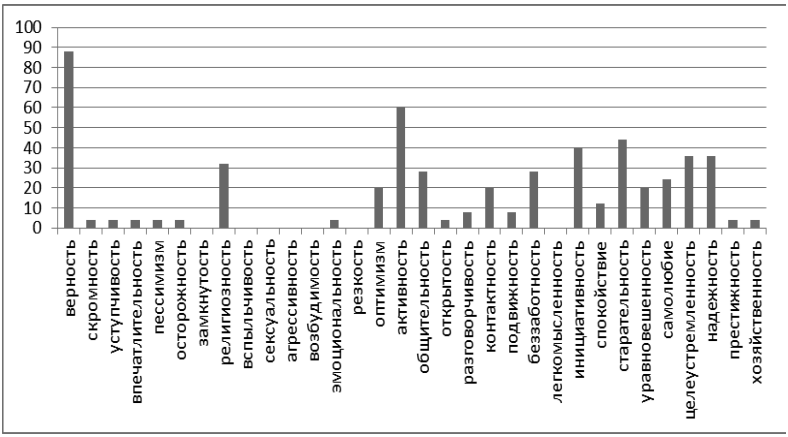

Рис. 2. Модель патриотического поведения глазами уральских школьников

Описывая модель патриотического поведения среди сверстников-соотечественников уральские школьники отметили такие качества, как верность, активность, инициативность, старательность, способствующих, по мнению учащихся, развитию патриотизма, проявились такие качества как самолюбие и беззаботность

При характеристике человека, успешного, по их мнению, в кросс-культурной среде при общении на международном уровне школьники описали несколько иную личность, у которой доминирующими были другие паттерны поведения. К ним относились активность, общительность, контактность, спокойствие, но с некоторой долей религиозности и осторожности:

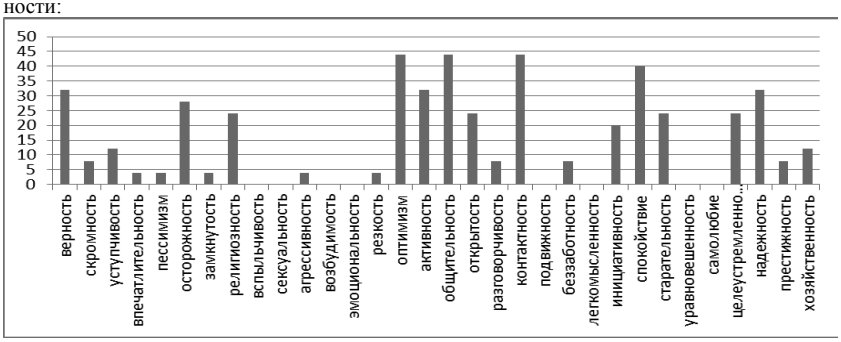

Рис. 3. Модель толерантного поведения глазами уральских школьников

Таким образом, в результате проведенного анализа был выявлен дефицит кандидатов, годных к данному виду деятельности и мотивированных на ее выполнение, а также обнару-

жены существенные различия в паттернах социального поведения школьников, адресованных для общения с коренными жителями Урала и ориентированных на межкультурное взаимодействие. Для устранения выявленных диспропорций нами разработана программа факультативных занятий для членов спортивно-патриотического клуба. В ней выделены блоки, ориентированные на расширение кругозора школьников в области экстремальной психологии, невербального общения, экономической географии. Основной целью дальнейших исследований является задача выделения и последующей коррекции нежелательных черт личности для обеспечения оптимального баланса личностных качеств молодежи, а также поиск механизмов активизации тех дремлющих черт личности, которые гарантируют наиболее эффективное включение молодого поколения в жизнь общества. Программа составлена таким образом, что может осуществляться в интерактивном режиме с привлечением в качестве модераторов занятий родителей и авторитетных для участников клуба взрослых из числа их близких, родственников, сотрудников спецслужб, которые на личном примере и реальных жизненных историй развивают стремление молодежи быть гражданами мира. Предложенная технология внешкольной работы со старшеклассниками, гармонизирует в их сознании представления об адекватном патриотическом и кросс-культурном поведении.

На наш взгляд, полученные результаты заслуживают пристального внимания специалистов в области социального менеджмента, а так же специалистов кадровых подразделений правоохранительных органов. Реализация этой программы позволит готовить достойных кандидатов с необходимыми личностными качествами и ограничить прием в органы людей, не мотивированных и не готовых к служению Отечеству.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».
2. Приказ ФСБ РФ от 5 апреля 2010 г. № 159.
3. Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2011 г. № 1075.
4. Приказ ФСБ России от 13 апреля 2011 г. № 151.
5. Приказ ФСБ России от 29 июня 2004 г. № 457.
6. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе».
7. Федеральный закон от 27 мая 2003 г № 58-ФЗ, «О системе государственной службы Российской Федерации».

УДК 338.2

ОЦЕНКА ЧИСЛА ИСТИННЫХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ[1]

Тарасов Олег Александрович

кандидат физ.-мат. наук, доцент

Тюменский государственный университет, Тюмень

E-mail: nata555li@mail.ru

EVALUATION OF A NUMBER OF TRUE INVENTORS IN A COMPANY

Tarasov Oleg Alkexanderovich

PhD, assistant professor of Tyumen State University, Tyumen

АННОТАЦИЯ – Предложена методика оценки числа истинных изобретателей на предприятии, основанная на двух допущениях: у каждого патента есть только один истинный изобретатель и соавтор с большим числом патентов является неистинным изобретателем данного патента, при условии, что он не является единственным автором этого патента. Приведены результаты применения методики для 12 тюменских предприятий.

[1] ГРНТИ 06.81.23

ABSTRACT – It is proposed a method for estimates the number of true inventors of the company, based on two assumptions: each patent has only one true inventor and author with a large number of patents is not true inventor of this patent, if he is not the only author of this patent. It is considered the method results for 12 Tyumen companies.

Ключевые слова: Истинные изобретатели; генераторы идей; человеческий капитал.

Keywords: True inventor; knowledge creator; human capital.

Построение экономики знаний невозможно без эффективного управления человеческим капиталом, которое, в свою очередь, требует понимания его качественных характеристик. В данном процессе необходимо выделить точки роста – генераторов идей, создающих новые технологии. Эта задача не такая простая, поскольку часть новых технологий вместе с их создателями держится в секрете. Но и при раскрытии (патентовании) технологий нет точной информации об их истинных изобретателях, поскольку в соавторы патентов включаются, как правило, и лица, не имеющие непосредственного отношения к изобретательской деятельности [1-4].

В ряде случаев задача упрощается, так как нужно найти лишь число истинных изобретателей среди всех авторов патентов организации, но не требуется выделять каждого из них пофамильно. Одним из таких случаев является задача нахождения и поддержки инновационно-активных организаций, в которых работает наибольшее генераторов идей. К сожалению, несмотря на большой объем литературы по интеллектуальной собственности, систематического внимания вопросам выявления и защиты истинных изобретателей не уделяется. Лишь редкие работы упоминают эту проблему. Так Staudt [5] нашел, что 27,9 % опрошенных изобретателей жаловались, что их руководители стали соавторами патентов только благодаря иерархическому положению, не внеся творческого вклада в создание изобретения. Аналогичные факты использования административного ресурса отмечали также Schmeisser [6] и Brockhoff [7]. Однако в существующей литературе, кроме [8, 9], отсутствует инструментарий для выявления истинных изобретателей.

Нами предложена методика определения истинного числа изобретателей предприятия, основанная на двух допущениях:

- у каждого патента есть только один истинный изобретатель,
- соавтор с большим числом патентов является неистинным изобретателем данного патента при условии, что он не является единственным автором этого патента.

Рассмотрим эти допущения подробнее. Поскольку идея изобретения или полезной модели не может придти одновременно двум лицам, то очевидно, что из всех соавторов патента истинным изобретателем является только одно из них (здесь мы не рассматриваем случай, когда другие лица добавили независимые отличительные признаки в изобретение и тоже являются соавторами изобретения). На предприятиях в соавторы патентов часто включаются руководители истинных изобретателей. Тогда, наибольшее число патентов будут иметь не истинные изобретатели, а их руководители.

Предлагаемая методика состоит в следующем. Составляется матрица соответствия патентов и их авторов (соавторов) предприятия, на основе данных за последние 10-15 лет. Номера строк матрицы i = 1, 2 … m соответствуют порядковым номерам патентов, а номера столбцов j = 1, 2 … n − номерам авторов в порядке упоминания. Если j-й автор является автором (соавтором) i-го изобретения, то элементу матрицы a_{ij} присваивается значение 1. В противном случае, элементу матрицы присваивается значение 0.

Авторов, имеющих наибольшее число патентов, объявляют неистинными изобретателями этих патентов при условии, что они не является единственными авторами этих патентов. В последнем случае они будут их истинными изобретателями. Переобозначают элементы матрицы, соответствующие неистинным изобретателям, равными 0. Находят следующего автора с максимальным числом патентов и повторяют эти шаги до тех пор, пока у каждого патента не останется по одному автору. Это и будут истинные

изобретатели данной организации. Отметим, что если два и более авторов имеют равное число патентов и являются соавторами друг друга во всех этих патентах, то методика не в состоянии указать, кто из них истинный изобретатель. Это не является существенным недостатком методики, поскольку внутри организации «генераторы идей» хорошо известны. Для сравнения же изобретательского потенциала организаций достаточно обезличенных сведений о долях истинных изобретателей среди соавторов их патентов.

При указанных допущениях минимальным числом истинных изобретателей среди N соавторов изобретений является 1. Это случай, когда один истинный изобретатель написал все M патентов организации. Максимальное число истинных изобретателей равно M. Это случай, когда у каждого из M патентов есть свой уникальный истинный изобретатель.

Результаты вычислений для 12 исследуемых тюменских предприятий таковы:

Таблица. 1.

Показатели патентной активности 12-и тюменских предприятий за 1997-.2013 гг.

Предприятие (по убыванию числа патентов)	Число патентов	Число авторов патентов (пофамильно)	Число истинных изобретателей	Доля истинных изобретателей, % (рейтинг по данному показателю)
1. Нефтемаш	38	30	22	73,3 (2)
2. Тюменский завод мед. оборудования и инструментов	15	17	12	70,6 (3)
3. Электрон	11	6	6	100,0 (1)
4. Нефтепроммаш	9	7	4	57,1 (5)
5. Тюменский аккумуляторный завод	8	17	8	47,1 (6)
6. Сибмаш	4	4	1	25,0 (10)
7. Сибэс	3	7	2	28,6 (9)
8. Тюменский завод пластмасс	3	3	2	66,7 (4)
9. Гром	2	6	2	33,3 (8)
10. ТИСМА	2	4	1	25,0 (11)
11. Тюменский водочный завод	2	5	2	40,0 (7)
12. Юграфарм	1	8	1	12,5 (12)

Самой высокой долей истинных изобретателей из рассмотренных предприятий (100 %) обладает завод Электрон, а самой низкой – Юграфарм (12,5 %). При этом среднее значение доли истинных изобретателей для указанных предприятий равно 33,3 % (каждый третий изобретатель истинный) при стандартном отклонении 25,7. Высокая величина стандартного отклонения (сопоставимая со средним значением величины) говорит о том, что у попавших в выборку предприятий качественный состав изобретателей существенно отличается. В тройку лидеров, как по числу патентов, так и по доле истинных изобретателей входят Нефтемаш, Тюменский завод медицинского оборудования и инструментов, Электрон.

Хотя в целом прослеживается тенденция в уменьшении доли истинных изобретателей с уменьшением числа патентов предприятия (коэффициент корреляции между указанными величинами равен 0,58), у ряда предприятий места в рейтинге по числу патентов и по доле истинных изобретателей заметно разнятся (напр. указанные места у Сибмаш 6 и 10, а у Тюменского завода пластмасс 8 и 4, соответственно). Это говорит о том, что хотя существует средняя положительная корреляция между числом патентов организации и числом в ней «генераторов идей», позволяющая грубо оценивать качественный состав изобретателей организации по количественному признаку «число патентов» (что и делается в отчетах о научной деятельности), для точного определения числа «генераторов идей» организации нужно применять специальный инструментарий.

Таким образом:

1. Предложена методика определения истинного числа изобретателей на предприятии, которая позволяют из всех соавторов патентов рассматриваемой организации выделить тех, чьим творческим трудом создаются изобретения.
2. Стимулирование инновационно-активных организаций, где работает наибольшее число «генераторов идей», а не предприятий с «хорошими» количественными показателями, повысит эффективность использования средств на поддержку инновационной среды. Это дополнительно уменьшит риски и неопределенности инновационной среды, поскольку стимулирует предпринимательскую активность и частную инициативу на местах, отсутствие которых, как системный фактор связано со сверхцентрализацией экономики РФ, отсутствием конкуренции и неверием в инновации, что отрицательно сказывается на темпах и качестве развития экономики.
3. Практическая значимость работы состоит в том, что данная методика, в силу ее универсальности, может быть успешно применена на любом предприятии.

Список литературы:

1. Gattari P.G. Determining Inventorship for US Patent Applications / P.G. Gattari // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2005. − Vol. 17. − No. 5. − P. 16-19.

2. Mandel G.N. Left-Brain versus Right-Brain: Competing Conceptions of Creativity in Intellectual Property Law / G.N. Mandel // University of California, Davis School of Law. −2010. − Vol. 44. − No. 1. − P. 283-361.

3. Seymore S.B. My Patent, Your Patent, or Our Patent? Inventorship Disputes Within Academic Research Groups / S.B. Seymore // Albany Law Journal of Science and Technology. 2006.− Vol. 16. − P.125-167.

4. Dreyfuss R.C. Collaborative Research: Conflicts on Authorship, Ownership, and Accountability / R.C. Dreyfuss // Vanderbilt Law Review. 2000. − Vol. 53. − P. 1161-1232.

5. Staudt E. Der Arbeitnehmererfinder im betrieblichen Innovationsprozess / E. Staudt, J. Bock, P. Mühlemeyer, B. Kriegesmann // Schmalenbachs Zeitschrift für betriebswirtschaftliche Forschung. 1992. − Vol. 44. − No. 2. − P. 111-130.

6. Schmeisser W. Systematische Erfindungsförderung als Unternehmensaufgabe: Wege zur Steigerung der Kreativität und zu erfolgreichen Innovationen Angewandte Innovationsforschung. / W. Schmeisser; Berlin, “Erich Schmidt”. 1986. − Vol. 7. − 273 P.

7. Brockhoff, K. Ist die kollektive Regelung einer Vergütung von Arbeitnehmererfindungen wirksam und nötig? / K. Brockhoff // Journal of business economics. 1997. − Vol. 67. − No. 7. − P. 677-687.

8. Тарасов О. А. Прогноз патентной активности ВУЗа: Монография / О.А. Тарасов; Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2009. − 99 с.

9. Тарасов О.А. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2012615090 «Программа для оценки числа истинных изобретателей в научных и учебных организациях». Реестр программ для ЭВМ, 07.06.2012.

УДК [331.5.526:378-051]:005.336.4

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА УНИВЕРСИТЕТА

Трошкова Эльнара
Магистрант,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: e.n.babaeva@urfu.ru

ACADEMIC MOBILITY OF PROFESSORS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL CAPITAL UNIVERSITY

Troshkova Elnara
master, Ural Federal University,
Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Раскрываются понятие и виды интеллектального капитала, его структура. Показаны особенности и элементы интеллектуального капитала университета. Академическая мобильность преподавателей вуза показана как один из главных факторов наращивания интеллектуального капитала университета.

ABSTRACT – Presents the concept and types of intellectual capital and its structure, the features and elements of the university intellectual capital. academic mobility of professors is shown as one of the main factors increasing the intellectual capital of the University.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, преподаватели вуза, академическая мобильность.

Keywords: intellectual capital, professors, academic mobility.

Одним из главных ресурсов любой современной организации, необходимым для достижения ее стратегических целей, выступает интеллектуальный капитал ее сотрудников. Особое значение интеллектуальный капитал приобретает в функционировании и развитии такой сложной организации, как высшее учебное заведение – университет. Наряду с финансовым, информационным капиталом он является основой реализации стратегии развития вуза в условиях масштабных изменений в сфере ВПО. Формирование, сохранение и развитие интеллектального капитала университета позволяет достигнуть максимальной социальной его эффективности. Проблема интеллектуального капитала исследовалась в работах многих зарубежных и отечественных ученых – Э. Брукинга, С. Вовканича, О. Кендюхова, С. Климова, М. Меллоуна, К. Свейби, Т. Стюарта, В. Супруна, Л. Эдвиссона и др. [2; 3].

Интеллектуальный капитал формируется и функционирует на трех уровнях: *индивидуальном, организационном и общностном*. *Индивидуальный интеллектуальный капитал* – это знания, творческий и интеллектуальный потенциал, личные качества и моральные ценности, которые человек использует для конвертации в другие виды социальных благ, в том числе и доход. Индивидуальный интеллектуальный капитал, хотя и составляет часть интеллектуального капитала организации, но не является ее собственностью, так как не отделим от личности сотрудника. *Организационный интеллектуальный капитал* включает технологии и процедуры, патенты, организационные формы и структуры, которые также конвертируются в другие виды капитала. Данный вид капитала находится в собственности организации и может быть объектом купли-продажи.

Особый вид интеллектуального капитала, мало изученный в науке и практике, – это *интеллектальный капитал социальной или социально-профессиональной общности*. Он может формироваться несколькими поколениями представителей социальной общности, обеспечивать социальный статус, престиж, социально-экономические ресурсы общности. Общностный интеллектуальный капитал не является ничьей собственностью и не представляет механической суммы интеллектуального капитала всех членов социальной общности. В статье речь пойдет, прежде всего, об организационном интеллекутальном капитале.

Мы условно выделяем отдельные виды интеллектуального капитала, на самом деле они существуют в тесном единстве, следовательно, инвестиции в них должны осуществляться системно, во все разновидности одновременно. Точно также должны планироваться инвестиции и в различные структурные элементы интеллектуального капитала. Развитие одних в ущерб другим компонентам интеллектуального капитала не только не принесет организации больших преимуществ, но, напротив, может нанести ей ущерб.

Актуальность изучения интеллектуального капитала университета обусловлена следующими обстоятельствами. Становление в мире и в определенной мере в России экономики, основанной на знаниях, усиливает значимость интеллектуального капитала профессионалов как главного фактора производства. В свою очередь формирование

интеллектуального капитала представителей различных профессиональных общностей происходит, прежде всего, в высших учебных заведениях. Носителями интеллектуального капитала в высшей школе являются преподаватели, создающие большую часть интеллектуальных продуктов и определяющие конкурентоспособность вуза. Именно их интеллектуальный капитал и составляет базу для развития и повышения рыночной и социальной стоимости высшего учебного заведения. Творческая активность преподавателей, выраженная в создании объектов интеллектуального капитала, превращается в ресурс, который со временем накапливается и приносит отдачу не только его обладателям, но и вузу в целом.

Структура интеллектуального капитала вуза образована «продуктами» интеллектуальной (научно-исследовательской и образовательной) деятельности. Она включает результаты научных исследований (фундаментальных и прикладных), открытия, изобретения, патенты, публикации (статьи, в том числе в рейтинговых изданиях, кол-во монографий, в журналах списка ВАК), грантовую активность, учебно-методические разработки, технологии и др. Важными показателями интеллектуального капитала университета являются: число преподавателей, имеющих ученые степени и звания, различные индексы цитирования работ сотрудников вуза, объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, объем научной, инновационной и высокотехнологичной продукции, доля научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в структуре дохода университета и др.

В деятельности вуза интеллектуальный капитал выполняет следующие функции:

– инновационную, обеспечивающую конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг;
– образовательную, выраженную в наличие определенного качества учебно-методических разработок вуза;
– экономическую, обеспечивающую дополнительное финансирование деятельности вуза.

От того, насколько полно и качественно реализуются перечисленные функции интеллектуального капитала, зависит продуктивность решения задач вуза в области инновационной, научной и образовательной деятельности.

Оценка интеллектуального капитала университета может осуществляться по ряду объективных и субъективных показателей. Могут использоваться прямые и косвенные показатели, например, количество приглашений, которые получают преподаватели и научные сотрудники вуза из зарубежных организаций. Важным аспектом изучения интеллектуального капитала университета является определение системы научно-технических, экономических и социальных факторов, влияющих на его качество. Среди них – факторы микросреды: уровень образовательной подготовки преподавателей, их научной квалификации, материально-техническая база, организация всех видов деятельности преподавателя (учебно-методической, научной работы), а также факторы макросреды: приоритеты государственной политики в сфере ВПО, финансирование научной деятельности вузов, системы повышения квалификации.

Последний фактор, на наш взгляд, является традиционным и очень значимым. К сожалению, с 2015 г. Министерство образования и науки РФ прекратило финансирование вузовских программ повышения квалификации и переподготовки научно-педагогических кадров. Если раньше стояла задача реорганизации и переосмысления содержания программ повышения квалификации ППС вузов, то сегодня возникла проблема сохранения этого важного механизма развития интеллектуального капитала российских вузов. Система повышения квалификации преподавателей позволяла организовать такой процесс, как межвузовская академическая мобильность. В некоторых российских вузах (в частности в федеральных университетах) этот процесс в последние годы регулировался другими управленческими инструментами, например, Программой развития и Программой повышения конкурентоспособности. В этом случае академическая мобильность приобретала международный масштаб.

Рассмотрим далее *академическую мобильность* преподавателей университета как фактор развития их личного интеллектуального капитала и интеллектуального капитала университета. Академическая мобильность играет существенную роль не только как инструмент интеграции российских вузов в международное образовательное пространство, но и как фактор, способствующий формированию качественно новых трудовых ресурсов, способных занять достойное место как на мировом рынке труда, так и в национальной экономике. Участие в Болонском процессе стимулирует реформу высшего образования, нацеленную на приведение российской высшей школы к требованиям информационного общества и мирового рынка, повышает качество высшего образования и научных исследований. В конечном счете, полноценный выход России на международный рынок образовательных услуг служит решению такой глобальной задачи, как повышение конкурентоспособности нашей страны.

Преимущественным способом осуществления академической мобильности преподавателей и сотрудников университета является командирование их в партнерские вузы и организации для чтения лекций, консультаций, а также участия в научной работе в рамках совместных тем, в программах повышения квалификации, научных конференциях и семинарах. Таким образом, обеспечение академической мобильности преподавателей вузов является обязательным условием и инструментом Болонского процесса. Участие преподавателей в программах академической мобильности обеспечивает повышение качества образования за счет использования передового опыта зарубежных вузов-партнеров, способствует усилению интеллектуального капитала, конкурентоспособности и поднятию рейтинга университета на российском и международном рынке образовательных услуг. Академическая мобильность преподавателей становится способом повышения их квалификации и обмена педагогическим опытом. Преподаватели знакомятся с организацией образовательного и научного процесса в иностранных вузах, сопоставляют системы образования разных стран, получают возможность объективно определить их сильные и слабые стороны, актуализировать содержание преподаваемых им курсов [1].

Повышение уровня академической мобильности позволяет преподавателям устанавливать профессиональные контакты с зарубежными коллегами, которые можно использовать, например, в совместной научно-исследовательской работе. В результате возникают предпосылки для создания международных научных школ. Наиболее широко используемыми формами академической мобильности преподавателей являются:

– участие в научных и/или научно-практических конференций;
– краткосрочное пребывание в другом российском или зарубежном вузе с целью обмена опытом и сбора информации;
– краткосрочное пребывание в другом российском или зарубежном вузе в рамках совместного исследовательского проекта.

Перечисленные формы также используются в практике академической мобильности преподавателей за рубежом.

Проанализируем основные показатели академической мобильности преподавателей Уральского федерального университета. Основная цель академической мобильности, организованной УрФУ, – развитие кадрового потенциала сотрудников с ориентацией на создание позитивной репутации в академическом сообществе, изучение лучших мировых практик, представление достигнутых результатов в образовательном и научном процессе на международном уровне, обеспечение вхождения университета в число ведущих мировых образовательных и интеллектуальных центров.

В 2014 г. в УрФУ было реализовано 745 индивидуальных программ повышения квалификации, в том числе 261 программа повышения квалификации за рубежом. Был реализован ряд программ повышения уровня профессиональной культуры: «Организация образовательного процесса на базе современных интернет-видеотехнологий», «Совершенствование профессионального мастерства работников федерального университета», «Внедрение в учебный процесс балльно-рейтинговой системы оценивания (БРС)». Особое значение имели программы повышения иноязычной речевой компетенции: «Подготовка к международным

экзаменам (Cambridge Advanced English, Certificate of Proficiency in English, International English Language Testing System», «Подготовка к сдаче Кембриджского экзамена на знание методики преподавания английского языка (Teaching Knowledge Test)» с последующей сдачей квалификационного экзамена в официально аккредитованном международном экзаменационном центре Кембриджского экзаменационного синдиката (Cambridge English Language Assessment) Кембриджского университета EnglishLab с выдачей сертификата Кембриджа и др.

Можно отметить положительную динамику по сравнению с предыдущим годом по нескольким показателям: в 2014 г. 1943 сотрудника УрФУ повысили квалификацию при плановом показателе 810, из них 403 человек повысили квалификацию за рубежом, тогда как в 2013 г. общая численность прошедших повышение квалификации составила только 1475 человек. Повышение квалификации преподавателей и сотрудников в 2014 г. характеризовалось следующей структурой: внутривузовское повышение квалификации составило 12 %, командировки внутри России – 28 %, зарубежные командировки – 60 %.

В 2013 г. в рамках проекта «Повышение квалификации преподавателей английского языка УрФУ по форматам Кембриджских квалификационных экзаменов CELTA, DELTA, IDLTM» Уральский федеральный университет получил статус Авторизованного центра подразделения Кембриджского университета Cambridge English Language Assessment по приему международных экзаменов PET, KET, FCE, CAE, CPE, BEC, TKT, признаваемых во всем мире. Опыт Кембриджского центра УрФУ по организации системы повышения квалификации и сертифицирования преподавателей вузов, принимающих или планирующих принять участие в реализации англоязычных магистерских программ, является уникальным для вузов, участвующих в программе повышения конкурентоспособности. За 2013–2014 гг. в Центре получили сертификаты 442 человека, из них 148 человек имеют сертификаты уровня B2 и выше. В рамках проекта «Создание стандарта подготовки по иностранным языкам: запуск Регионального учебно-методического центра иностранных языков в УрФУ» решается задача повышения уровня знания английского языка до релевантного зарубежным публикациям. Благодаря этому преподаватели УрФУ получают возможность принимать участие в престижных международных конференциях с докладами, которые публикуются в журналах, реферируемых в Web of Science и Scopus.

Организация академической мобильности преподавателей университета во многом обусловлена целью повышения качества высшего образования через развитие интеллектуального капитала сотрудников вуза. Результатом этого процесса является повышение интеллектуального, креативного потенциала преподавателей, распространение передового научного и образовательного опыта на уровне кафедры, факультета и университета, диверсификация образовательных программ, развитие и активизация научных интересов преподавателей, направленных на обеспечение качества дисциплин и привлечение в университет специалистов из-за рубежа.

Таким образом, развитие академической мобильности преподавателей позволяет улучшить качество предоставляемых образовательных услуг, повысить интеллектуальный потенциал профессорско-преподавательского состава, развивать сотрудничество между университетами-партнерами, а также дает возможность молодым ученым и преподавателям продолжить образование или приобрести научный опыт за рубежом путем участия в краткосрочной образовательной или научно-исследовательской программе. Академическая мобильность представляет собой сложный и многоплановый процесс интеллектуального продвижения, обмена научным и культурным потенциалом, ресурсами, технологиями в международном и внутрироссийском пространстве.

Список литературы:

1. Байденко В.И. Болонский процесс. М.: Логос, 2004. 175 с.
2. Духнич Ю. Интеллектуальный капитал [Электронный ресурс]. URL: http://www.smart-edu.com/intellektualnyy-kapital/intellektualnyy-kapital.html(дата обращения 19.01.2015).

3. Кожушко О.В. Структура интеллектуального капитала предприятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Bi/2009_10/100-104.pdf (дата обращения 19.01.2015).

УДК 314.6

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Трухачев Виктор Васильевич
кандидат педагогических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

THE ROLE OF FAMILIES IN EDUCATION OF CHILDREN

Trukhachev Viktor
Ph.D., Associate Professor
Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье рассматривается семейный кризис в связи с проблемой профилактики детской беспризорности и безнадзорности. На основе анализа тенденций развития современной семьи и их негативного влияния на воспитание детей в семье предлагается система мер, способных предотвратить детскую беспризорность и безнадзорность.

ABSTRACT – The article deals with a family crisis in connection with the problem of prevention of child neglect and homelessness. Based on analysis of trends in the development of the modern family and their negative impact on the education of children in the family, a system of measures that can prevent child neglect and homelessness.

Ключевые слова: семья, типы семей, воспитание детей, профилактики детской беспризорности и безнадзорности

Keywords: family, types of families, parenting, prevention of child neglect and homelessness

Обсуждение проблемы *профилактики детской беспризорности и безнадзорности* выявило три направления, определяющие возникновение этой проблемы:

- внутрисемейный кризис;
- социально-экономический кризис, заставляющий родителей пренебрегать собственными детьми;
- отсутствие должной системы решения проблемы детской беспризорности и безнадзорности.

Семья сочетает свойства социальной организации, социальной структуры, социального института и малой группы, входит в предмет изучения социологии воспитания и социализации, социологии образования, политики, права, культуры, труда, позволяет лучше понять процессы социального контроля и социальной дезорганизации, социальной мобильности, миграции и демографических изменений.

В последние десятилетия зарождается *супружеский тип моногамной семьи*. В такого рода семье стратегическое отношение определяется не родством (как в патриархальной) и не родительством (как в детоцентристской), а свойством современной семьи. Норма семейной жизни меняется: родители в такой семье отказываются полностью подчинять собственные интересы интересам детей. Акцент на *супружество* означает возможность более полной реализации личностного взаимодействия мужа и жены, регулируемого моральными принципами и имманентными ценностями. В постсовременной семье вырабатывается антирутинный механизм – автономия супругов. Интересы каждого из супругов шире семейных, и круг значимого общения для каждого из них выходит за рамки супружества. При этом следует отметить взаимосвязь механизмов устойчивости (адаптация, интимность) и развития (автономия).

В целом можно говорить об эволюции моногамной семьи от патриархального типа к супружескому.

Проведенные в обществе реформы, оказали на семью неоднозначное воздействие, привели к глубоким изменениям ее жизнедеятельности. Произошла резкая дифференциация дохода семей, их массовое обнищание. Углубляется дезорганизация жизни семей, возрастает нестабильность браков, разрушаются сложившиеся нравственно этические нормы и традиции. Причины возрастающей безнадзорности детей коренятся в условиях жизни многих семей, порожденных современным состоянием экономики, образования, культуры. Катастрофически снижается уровень жизни семей с детьми. От 28% до 52% колеблется в разных регионах доля несовершеннолетних детей, живущих в бедных семьях. Неуклонно растет число семей с детьми, имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Бедность в условиях коммерциализации культурной, образовательной, спортивно-оздоровительной сферы закрывает детям доступ к развивающим занятиям, разумному досугу и отдыху.

Перегруженность многих родителей работой и домашним трудом из-за отсутствия материальных средств на пользование услугами социальной сферы быта сокращает возможность общения с детьми, совместных занятий с ними, увеличивает риск детской безнадзорности. Усиливающаяся алкоголизация и наркотизация ряда семей практически отчуждает родителей от детей, предоставляет их самим себе, толкает в уличные компании с асоциальной направленностью. Дополнительным фактором риска стала и позиция школы, которая дистанцируется от подростков с трудными судьбами. Свертывание внеклассной работы в образовательных учреждениях, исчезновение детских общественных организаций обедняет досуговую деятельность детей, их воспитание и развитие.

В ряде случаев безнадзорность детей – следствие педагогической беспомощности родителей, их искаженного представления о границах самостоятельности детей, отсутствия контроля за их времяпрепровождением, озабоченности взрослых лишь проблемой удовлетворения естественных и материальных потребностей, нарушения взаимопонимания и доверия между детьми и родителями. Источником ослабления внимания к детям являются и ситуации разводов, которые не только травмируют психику ребенка, но нередко обусловливают разлад его с родителем; взаимное недовольство взрослых и детей, стремление последних к автономизации; желание до минимума свести контакты с родными.

Отрицательную роль сыграла ликвидация в России в период перехода к рыночной экономике сложившейся системы профилактики безнадзорности и правонарушений детей, ослабление разнообразной работы с детьми по месту жительства (клубы, кружки, комнаты школьника и т.д.). Вместо этой системы не создана новая, что фактически обезоружило общество перед детской безнадзорностью.

Все вышесказанное говорит о серьезных проблемах, с которыми сталкивается семья. Однако нормативно-правовые документы определяет:

1. Конвенция ООН «О правах ребенка». Статья 18 ч. 1 четко определяет: «обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности родителей в воспитании и развитии ребенка. Родители или, в соответствующих случаях, законные опекуны, несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы». Здесь же определена роль государства: в статье 18 ч. 2, ч.3 указано следующее «Государство оказывает родителям и законным опекунам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию и обеспечивают развитие сети детских учреждений».

2. Семейный кодекс РФ в ст. 63 ч. 1 определяет: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом и нравственном развитии своих детей».

Повышение роли семьи, создание ей условий для ее развития, создание целостной системы профилактики и реабилитации социально дезадаптированных детей и подростков является сегодня проблемой государственной значимости». Основной целью государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2015 г. провозглашены: укрепле-

ние и развитие семейного образа жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, достижения благополучия семьи.

Однако факты говорят о том, что число детей, усыновленных российскими гражданами, не намного увеличилось. В целом, отмечается отрицательная динамика в развитии такой формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

История говорит о следующем: до революции в нашей губернии было 20 тысяч доброхотных семей, которые брали на воспитание детей из церковных приютов, богаделен и просто с улицы. За воспитание этих детей государство платило пять рублей в месяц на ребенка, когда корова стоила 3 рубля. В настоящее время корова стоит от 10-15 тысяч рублей. Данный пример означает, что государство ставило семью в центр общественной системы, стремилось к повышению ее статуса и роли как структурного базисного образования.

В современных условиях необходимо создание механизмов самореабилитации семьи, превращение ее в движущуюся силу социальных преобразований. Семья должна стать ядром, определяющим звеном социальной политики в целом. Состояние института семьи, степень ее устойчивости – важнейший индикатор адекватности социальной политики закономерностям, логике и социального развития в целом, показатель эффективности проводимых реформ.

Принципы семейной политики определяются историческими, этническими, религиозными, культурными традициями, материальными возможностями общества, социально-демографической ситуацией. Основным является принцип суверенитета семьи. Недопустимости навязывания ей того или иного образа жизни. Семья несет ответственность за свою судьбу, благосостояние, содержание и воспитание детей, поддержку престарелых. Благополучие семьи должно быть результатом усилий ее членов, ее труда. Поэтому должны быть созданы механизмы, обеспечивающие правовые гарантии суверенитета семьи. Баланс семейных и общественных интересов (развитие соответствующего законодательства, обеспечение информационного пространства, создание общественных движений семей).

Сегодня становится вполне очевидным тот факт, что брошенные обездоленные дети нуждаются в более пристальном внимании общества. Для этого необходимо создать систему, способную на постоянной основе координировать работу всех ведомств, вовлеченных в деятельность по решению проблем, связанных с беспризорностью и безнадзорностью. Ее основной функцией станет контроль за соблюдением в нашей стране прав несовершеннолетних, при Уполномоченном представителе по правам человека. Кроме этого, необходимо создать единый банк данных, содержащий всю информацию о беспризорных детях. Важно подготовить социальную программу поддержки семьи, где есть социально незащищенные дети, с помощью которой можно было бы социальным службам дойти до каждой семьи с целью выяснения причин, которые привели семью к данной социальной проблеме, и определить пути и методы защиты детей в семье.

Чужих детей не бывает: если часть из них бедствует, то к этому причастны мы все. В России беспризорник попадает в детский дом, его содержание обходится примерно в 5 тыс. руб. в месяц. Содержание воспитанника детской колонии обходится намного дороже, чем содержание студента профессионального училища, техникума или вуза. В результате экономических реформ мы имеем рост детско-подростковой преступности, за которую нам приходится теперь расплачиваться, причем с колоссальными процентами. За экономию на детских пособиях и на создание необходимых условий для активизации социально экономического потенциала семьи.

Динамика складывающейся ситуации по детской безнадзорности говорит о том, что необходимо изменить отношение к вышеназванной проблеме коренным образом, как всем уровням законодательной, исполнительной власти, так и самому обществу, если мы хотим, чтобы у нашего поколения было будущее. Для этого необходимо активизировать работу по следующим направлениям, используя имеющуюся систему социальных служб:

- создание Координационного совета при Комитете по защите прав ребенка;
- улучшение материальных условий жизнедеятельности семей, профилактика бедности;

- обеспечение условий для совмещения трудовой, профессиональной деятельности с выполнением семейных обязанностей и личными интересами человека;
- оказание всесторонней помощи семье в воспитании детей, поддержка одаренных детей;
- обеспечение охраны здоровья матери и ребенка.
- защита прав несовершеннолетних, профилактика социального сиротства, безнадзорности и правонарушений;
- усиленное внимание к неполным, имеющим детей-инвалидов, малообеспеченным семьям с целью создания благоприятных условий для их жизнедеятельности;
- всесторонняя подготовка молодежи к браку и семейной жизни и планированию семьи;
- профилактика семейного неблагополучия.

УДК 338

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Уфимцев Виктор Владимирович
доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург.
E-mail: science58@mail.ru

MANAGEMENT PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC PROCESSES ON THE REGIONAL AND MUNICIPAL LEVELS

Ufimtsev Viktor Vladimirovich
doctor of sociological sciences, professor, head of Department
Ural State University of Economics, Ekaterinburg.

АННОТАЦИЯ – Рассматриваются основные проблемы, стоящие перед государственным и муниципальным управлением социально-политическими и экономическими процессами на региональном и муниципальном уровнях. Даются некоторые практические рекомендации по повышению эффективности управленческого процесса на вышеобозначенных уровнях.

ABSTRACT – The main challenges that state and municipal management face during socio-political and economic processes at the regional and municipal levels are considered. There are some practical recommendations for improving the management process for such levels.

Ключевые слова: управление социально-политическими и экономическими процессами; региональный и муниципальный уровень власти; политическая система; избирательные процедуры.

Keywords: management of socio-political and economic processes; regional and municipal levels of government; political system; election procedures.

Для организации и регулирования «общения между людьми» необходим властный механизм, поскольку «верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления…»[1, с.455]. Так утверждал Аристотель в своей работе «Политика». В раннюю эпоху истории политической мысли была замечена и обратная сторона феномена власти. Аристотель (позднее Монтескье) указывал на опасность злоупотребления властью со стороны лиц, ею наделенных, использования ими властных возможностей для своей частной пользы, а не для общего блага. Рецепты преодоления властного отчуждения предлагались самые разные: от проектов «смешанной власти» (Полибий, Макиавелли), разделения властей (Локк, Монтескье), «сдержек и противовесов» (Джефферсон, Гамильтон) до идеи полной ликвида-

ции системы государственно-публичной власти вместе с самим государством (Годвин и Штирнер, Бакунин и Кропоткин). Но кроме официальной власти государства существуют и другие «полюса силы», связанные с существующими параллельно иными источниками влияния: лоббистскими группами, партиями, корпорациями, масс-медиа и даже криминальными мафиозными кланами. Такие достаточно сложные взаимоотношения между властвованием управляющих и давлением управляемых сложились в ходе длительного социального дискурса между ними и породили современные регулятивные механизмы публичной власти.

Теперь о понятии «политический процесс». Специфика категории «политический процесс» выражается, прежде всего, в том, что она сориентирована на отображение реальности, которая выстроена не в соответствии с теоретическими представлениями лидеров и предписаниями науки, а является совокупным результатом переплетения различных типов политического поведения групп и граждан и деятельности институтов власти [2,с.139]. В политическом процессе действуют живые люди, и действуют они не только рационально, а часто иррационально. Поэтому политический процесс не несет в себе какую-либо предопределенность, и часто не вписывается в какие-либо предписываемые ему заранее схемы. Политический процесс демонстрирует нам поверхностные или глубинные изменения политической системы, характеризует ее переход от одного его состояния к другому. Конкретные проявления политических процессов – это революции, реформы, восстания, бунты, мятежи, путчи, политические кризисы, политические компании, митинги, демонстрации, забастовки, политические конфликты, консенсусы, референдумы, выборы и так далее. Поэтому политический процесс в целом раскрывает движение, динамику, эволюцию политической системы, изменение ее состояний во времени и пространстве. Итак, можно дать такое определение политическому процессу: «Политический процесс представляет собой совокупность действий институциализированных и неинституциализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций в сфере власти, ведущих к изменению и развитию (или упадку) политической системы общества»[2, с.140].

В условиях более полной фиксации динамики, эволюции политической системы (последнюю раскрывает категория «политический процесс»), мы в свое время ввели в научный оборот такую категорию как «политические образования»[3]. По аналогии с понятием «социальное образование», «политическое образование» мы характеризовали как сравнительно уравновешенное, кристаллизированное состояние, результат политического процесса. Введение в научный оборот такой категории как «политическое образование» позволяет лучше видеть, лучше «осязать» результативность, продуктивность или, наоборот, разрушительность политического процесса.

Чем характеризуется федеральный уровень управления начиная с 2000-х гг.? В отличие от 1990-х гг., политическую систему которых можно охарактеризовать как олигархический капитализм, в 2000-е гг. начался переход к капитализму бюрократическому. То есть от олигархии плутократического типа политическая система страны стала двигаться к автократии с формально демократической легитимацией. Избирательные процедуры начинают упорядочиваться, роль «денежных мешков» на выборах начинает сужаться, повышается роль административной составляющей как более меньшего зла. Прозрачность демократических процедур отодвигается на некоторое отдаленное будущее. И это не потому, что такие плохие власти, а потому, что такая социальная почва, представленная на российской политической сцене. Именно данной социальной почве все более и более начинает соответствовать властная структура. И этот процесс – объективный.

Таким образом, разрушение политической коммунистической системы с всевластным Политбюро во главе с генсеком и явно не полновластным Верховным Советом СССР, обернулось в силу субъективных и объективных причин созданием не менее централизованной политической системы во главе с Президентом, на фоне урезанных полномочий Федерального собрания как представительного органа власти. Что в основном соответствует социокультурной почве российского общества.

Но это на федеральном, общегосударственном уровне, а что мы имеем на местном уровне организации власти? Автор данный строк, используя такой социологический метод, как включенное наблюдение, поучаствовал в муниципальных избирательных компаниях 2008 и 2009 гг. в качестве кандидата на должность Главы Екатеринбурга и кандидата в городскую Думу Екатеринбурга. Если взять качество избирательного процесса на местном уровне в данный период, то можно констатировать, что оно (качество) не выдерживает никакой критики. Это к вопросу управления политическими процессами на региональном и муниципальном уровнях. Представители народных масс на выборах повсеместно проваливались ввиду нехватки денежных средств. А ведь шли именно к этому, – к возможности выбора не представителей номенклатуры или бизнеса, а представителей народа.

Остановимся на нижеперечисленных проблемах, имеющих место и влияющих на свободный ход протекания политических процессов на региональном и муниципальном уровнях и, в частности, обостряющихся в период проведения избирательных компаний:

1. Неравный доступ вопреки требованиям закона кандидатов к СМИ.
2. Отказ от дебатов основных кандидатов (несмотря на специально прописанную процедуру дебатов в местном законодательстве («Избирательный кодекс Свердловской области»)) [4, с.157].
3. Недобросовестная политическая конкуренция со стороны кандидатов, имеющих в своем активе административный ресурс.
4. Использование кандидатами, несмотря на запрет со стороны законодательства, преимуществ своего должностного и служебного положения [4, с.136-137].
5. Недобросовестная работа ряда государственных и муниципальных органов власти по отношению к оппозиционным кандидатам, кандидатам, представляющим гражданское общество.
6. Нарушение отдельными кандидатами правовых и морально-нравственных норм.
7. «Подыгрывание» со стороны местных СМИ вполне определенным кандидатам.
8. Неоправданное, незаконное, «шокирующее» многих исследователей и наблюдателей от гражданского общества применение административного ресурса со стороны отдельных кандидатов.
9. Манипулирование общественным мнением населения с помощью применения недобросовестных манипулятивных технологий.
10. Введение в заблуждение населения по поводу того или иного кандидата с помощью предоставления недобросовестной информации, исходящей якобы от авторитетного органа.

Все вышеобозначенные проблемы в основном относятся к избирательному циклу 2008-2009 гг. В настоящее время в период избирательного цикла 2012-2013 гг. многие выше обозначенные проблемы были скорректированы в лучшую сторону или сглажены. Но это не говорит о том, что над ними не стоит теперь работать. Работы, в том числе для избирательной комиссии г. Екатеринбурга, как и для всего гражданского общества нашего города – непочатый край. Мы остановимся на других проблемах, ждущих своего управляющего воздействия с точки зрения управления социально-политическими и экономическими процессами в современный непростой период, связанный с экономическим кризисом и попытаемся дать некоторые практические рекомендации:

1. *Срочное принятие городской антикризисной программы*, предусматривающей создание дополнительных рабочих мест, организацию реального переобучения и трудоустройства граждан, потерявших работу, и особенно молодежи, как одной из наиболее незащищенных социальных групп.
2. *Научная и социальная экспертиза всех принимаемых решений.* Добиться того, чтобы все основные решения, касающиеся развития города проходили научную и социальную экспертизу. Для того чтобы город иразвивался не в интересах отдельных коммерческих структур и коррумпированного чиновничества, а в интересах жителей, проживающих на этой территории.

3. *Социальная политика.* Реализация программы социальной защиты наиболее незащищенных слоев населения, а также военных пенсионеров. Добиться возвращения транспортных льгот ветеранам, пенсионерам.
4. *Молодежная политика***.** Повернуться лицом к проблемам молодежи. Вернуть молодежи спортивные площадки, доступные кружки и секции. Создать специальные центры, помогающие молодым людям организовывать свой бизнес.
5. *Градостроительная политика***.** Переход на новую стратегию градостроительной политики и реализация имеющихся проектов, предусматривающих строительство доступного социального жилья для бюджетников, ветеранов, молодежи, учителей, ученых, врачей, военнослужащих и других слоев населения.
6. *Остановить рост цен*, прежде всего на продовольствие, путем создания условий для доступа на городские рынки продукции местных сельхозпредприятий.
7. *Борьба с нелегальной миграцией и оздоровление ситуации на рынке труда***.**
8. *Борьба со всеми формами преступности*, с помощью активной и продуманной профилактической работы путем создания необходимых материальных и социальных условий для работников силовых структур и организации в районах города добровольных народных дружин.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984.
2. Избирательный кодекс Свердловской области. Екатеринбург, 2006.
3. Основы политической науки. Часть II. М., 1993.
4. Уфимцев В.В. Управление политическими процессами на региональном и муниципальном уровнях: опыт критического дискурса// «Дискурсология: методология, теория, практика»: доклады третьей Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2008.

УДК 331.104

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Тонких Наталья Владимировна
кандидат экономических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург
E-mail: nvvorob1@mail.ru
Федорова Алена Эдуардовна
кандидат экономических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: a.e.fedorova@urfu.ru
Камарова Татьяна Александровна
ст. преподаватель
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург
E-mail: kta-2014@yandex.ru

STUDY OF NON-STANDARD FORMS OF SOCIO-LABOUR RELATIONS IN THE SVERDLOVSK REGION

Tonkikh Natalia
Candidate of Science, associate professor
Ural State University of Economics, Yekaterinburg
Fedorova Alena
Candidate of Science, associate professor

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-12-66003

Ural Federal University, Yekaterinburg
Kamarova Tatiana
senior lecturer
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье представлены некоторые результаты исследовательского проекта, целью которого является разработка и апробация теоретико-методического подхода к изучению современных трендов в сфере нестандартных социально-трудовых отношений на региональном рынке труда. Авторами разработаны инструментально-методический аппарат изучения нестандартных форм занятости на региональном рынке труда и программа социологического опроса руководителей организаций, проведена апробации инструментария опроса, обобщены итоги пилотажного исследования проблем применения нестандартных форм социально-трудовых отношений на территории Свердловской области.

ABSTRACT – The paper presents some results of a research project, which purpose is working out and testing of theoretical and methodological approach to the study of modern trends in the field of non-standard socio-labour relations at the regional labour market. The authors elaborated the research toolkit and methods for studying of non-standard forms of employmentand sociological survey program, conducted approbation of survey's toolkit and summarized the results of the pilot study concerns the use of non-standard forms of labour relations in the Sverdlovsk oblast.

Ключевые слова: нестандартные социально-трудовые отношения; нестандартная занятость; временная занятость; дистанционная занятость; фриланс

Keywords: non-standard social and labor relations; non-standard employment; temporary employment; remote employment; freelance

В настоящее время сложилось неоднозначное отношение к качеству результатов различных исследований в социально-трудовой сфере, проведенных путем опроса работодателей. Достоверную информацию по отдельным «скользким» темам получить трудно, несмотря на гарантии конфиденциальности. Действительно, практика показывает, что далеко не все работодатели открыто признают факты использования ими технологий неформальной занятости. В данном исследовании таким «узким местом» является блок, связанный с выявлением масштабов неформальной занятости, к которой мы относим трудовые отношения, не оформленные в установленном законодательством порядке, то есть работу без документального оформления трудового договора. Следует отметить, что полноту и достоверность получаемой информации снижает тотальная сверхзанятость руководства (некогда вникнуть в вопросы, некогда подробно на них ответить), а так же некоторое пренебрежительное отношение к научным исследованиям, в том числе проводимым по заказу органов государственного управления. Однако в условиях недостаточности официальной статистики, считаем необходимым проведение социологического опроса. В качестве одного из методов исследования авторами планируется проведение массового анкетного опроса работодателей, методика реализации которого включает следующие компоненты.

1. Формулировка и обоснование проблемы: определение масштабов и структуры нестандартной занятости на рынке труда Свердловской области.
2. Цель исследования: информационное обеспечение регулирования социально-экономических процессов на территории региона за счет своевременного выявления новых видов нестандартных форм занятости, оценки масштабов их применения и перспектив развития.
3. Объект исследования: организации и предприятия (юридические лица), зарегистрированные на территории Свердловской области.
4. Понятия и определения.

Под нестандартной (неформальной) занятостью (НФЗ) мы рассматриваем занятость с отсутствием хотя бы одной из следующих составляющих: 1) работа у одного работодателя; 2) рабочее место в помещении и с орудиями труда, принадлежащими работодателю; 3) стан-

дартная рабочая нагрузка в течение дня, недели, месяца, года; 4) бессрочный трудовой договор; 5) наличие формального трудового договора.

ОКВЭД – Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ВЭД) ОК 029-2007 (КДЕС Ред. 1.1) [1]. ОКЗ – Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93. Группировки занятий ОКЗ сопоставимы с Международной Стандартной Классификацией Занятий (МСКЗ) [2].

Работодатели – лица, которые работали самостоятельно или с одним или несколькими деловыми партнерами на собственном предприятии (в собственном деле) и в этом качестве нанимали на постоянной основе для работы на своем предприятии наемных работников [3].

Фриланс – выполнение работы для различных заказчиков независимыми специалистами. Неполная занятость (синоним «малозанятости» [4] в обследовании работодателей) – занятость с продолжительностью рабочего времени менее 40 часов в неделю. Бывает обычной (предусмотренной трудовым договором) или вынужденной (недозанятость) в связи с сокращением продолжительности рабочего дня или недели по причине кризиса. Сверхзанятость – занятость свыше, установленной ТК РФ, обычно более 40 часов в неделю [4]. Временная занятость – работа по трудовому договору, заключенному на определенный срок, на сезон (сезонная занятость), или выполнение определенного объема работ, а так же случайная или разовая работа. В том числе привлеченная занятость (заемный труд) – использование временного персонала, оформленного в штате другого работодателя. Удаленная занятость (заемный труд) – предоставление собственных штатных сотрудников другим работодателям по договору услуг для выполнения работ на их территории, с помощью их средств труда и под их контролем (предоставление заемного труда). Часто бывает временной. Надомная занятость – работа, которая выполняется по месту жительства работающего по найму без использования Интернет-технологий, позволяющих не встречаться с работодателем для получения задания, материалов и приемки готовых товаров и услуг [5]. Дистанционная занятость – работа по найму не на территории производственных и офисных помещений работодателя с использованием современных интернет-технологий.

5. Постановка гипотез:

- масштабы применения нестандартных форм занятости по результатам соцопроса более значимы по сравнению с оценкой Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области;
- на рынке труда существуют формы занятости, отсутствующие в отчетности Территориального органа Федеральной службы государственной статистики;
- работодатели заинтересованы в дальнейшем расширении масштабов применения нестандартных форм занятости.

6. Постановка задач исследования:

- оценить масштабы нестандартной занятости на рынке труда Свердловской области;
- выявить новые формы нестандартной занятости и перспективы их развития;
- выявить проблемы применения нестандартных форм занятости.

7. Определение обследуемой совокупности: генеральной совокупностью, на которую будут распространяться результаты исследования, являются организации (юридические лица), зарегистрированные и действующие на территории Свердловской области. В массовом опросе использован метод квотной выборки. Информация о генеральной совокупности получена из опубликованных данных на сайте Территориального органа государственной статистики по Свердловской области статистики [6].

В качестве характеристик для расчета выборки выбраны численность работников организации и вид ее экономической деятельности. По первому признаку выборочная совокупность распределяется на 2 группы: малые (с численностью штата до 99 чел.), средние и крупные (с численностью штата свыше 100 чел.). По второму – на девять групп по видам экономической деятельности (табл. 1).

Все предприятия, отбираемые для проведения опроса, являются действующими на момент включения его в выборку и постоянно функционирующими на протяжении последних 6 мес. При составлении выборки предпочтение следует отдавать организациям, зарекомендовавшим себя в сфере сотрудничества с исследовательскими организациями по сбору сведений и проведению опросов. Для репрезентативности данных опросить необходимо не менее 10% организаций генеральной совокупности – 206 (2064 организации по данным статистики × 0,1).

Общий объем минимально допустимой выборки увеличен в 1,5 раза и составляет 309 юридических лиц, из которых малых опрошено 232 организации, средних и крупных – 77 организаций.

Таблица 1.

Объем выборки работодателей по видам экономической деятельности

Виды экономической деятельности в соответствии с ОКВЭД	Малые		Средние и крупные		Всего	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
1. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	6	2,6	4	5,2	10	3,5
2. Обрабатывающие производства	75	32,3	36	46,7	111	35,9
3. Строительство	18	7,7	3	3,9	21	6,8
4. Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, гостиницы и рестораны	84	36,2	7	9,1	91	29,4
5. Образование	1	0,4	13	16,9	14	4,5
6. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5	2,2	1	1,3	6	1,9
7. Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование	12	5,2	2	2,6	14	4,5
8. Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	3	1,3	2	2,6	5	1,6
9. Транспорт и связь	12	5,2	5	6,5	17	5,5
10. Прочие ВЭД	16	6,9	4	5,2	20	6,4
Всего	232	100	77	100	309	100

8. Рабочий план исследования включает следующие этапы: 1) разработка программы и инструментария исследования, проведение пилотажного исследования; 2) сбор эмпирического материала в рамках массового опроса; 3) обработка полученных эмпирических данных; 4) обобщение и анализ результатов опроса, подготовка отчета.

9. Рекомендации по проведению опроса включают следующие положения. Опрос проводится с помощью инструментария, разработанного авторами данного научного исследования. Анкета заполняется двумя способами:

1) собственноручно первыми руководителями предприятия или руководителями служб по управлению персоналом;

2) заполняется интервьюером со слов респондентов в ходе личной беседы или телефонного интервью.

На промежуточном этапе исследования сформирована база данных контактов работодателей, которую предлагается использовать для рассылки анкет работодателям по электронной почте. В связи с тем, что процент отклика работодателей на подобные дистанционные социологические опросы достаточно низкий, в качестве дополнительного способа привлечения работодателей к обследованию предлагается использовать метод

посещения круглых столов, специализированных конференций и выставок, проводимых в Свердловской области с целью получения личных контактов работодателей и заполнения анкет путем проведения структурированного интервью. Такой способ, по нашему мнению, позволит получить более достоверную информацию. Предполагается так же проведение телефонных опросов по контактам работодателей, указанных в электронных справочных изданиях и интернет-опрос в профессиональных сообществах, представленных в социальных сетях и др.

10. Апробация инструмента. Проверка качества анкеты проводилась путем проведения экспертного опроса руководителей малых организаций и руководителей служб по управлению персоналом крупных, таких как завод РТИ, ООО «Арсенал Трейд», ООО «Хотел Девелопмент Компании», ОАО «Ростелеком «Макрорегиональный филиал Урал». Всего опрошено 12 экспертов (5 малых и 7 крупных организаций). В результате пилотажного опроса нами были получены достаточно интересные данные:

Таблица 2.

Результаты экспертного опроса руководителей по отдельным вопросам, в % от количества опрошенных экспертов

Вопрос	%
1. Укажите численность Вашей организации:	
- до 15 чел.	32,2
- 16–100 чел.	9,1
- 101–250 чел.	8,4
- 251–1000 чел.	17,2
- более 1000 чел.	33,1
2. Применяются ли в Вашей организации нестандартные формы занятости (НФЗ)?	
- да	82,8
- нет	17,2
3. Были ли судебные споры в связи с применением НФЗ?	
- нет	100,0
4. Укажите причины применения НФЗ в Вашей организации?	
- высокие налоги на фонд заработной платы	26,1
- возможность «безболезненного» увольнения	6,3
- экономия на социальном пакете	6,4
- возможность привлекать специалистов высокой квалификации	18,6
- особенности бизнес-процессов, технологии, организации труда	24,5
- другое (неполная загруженность, выполнения плана производства продукции, проектная деятельность, инициатива работника)	18,1
Планируете ли Вы расширять применение НФЗ в Вашей организации?	
- да	21,5
- нет	55,2
- затрудняюсь ответить	23,3
Какие новые (нестандартные) кадровые технологии используются в Вашей организации?	
- аутплейсмент	0,0
- аутстаффинг	0,0
- аутсоргинг	49,9
- другое	0,0
- не применяем	50,1
Какие новые кадровые технологии Вы планируете внедрять в своей организации?	
- аутплейсмент	0,0
- аутстаффинг	13,1
- аутсоргинг	25,3
- никакие	61,6

Респондентам, указавшим, что в их организации применяются нестандартные формы занятости, предлагалось указать виды применяемых форм НФЗ и категории персонала, которые заняты на нестандартных рабочих местах (Табл. 3)

Таблица 3.

Структура и характеристика видов нестандартных форм занятости, в % от общей численности экспертов, ответивших положительно на вопрос о применении НФЗ[1]

Виды НФЗ, используемые в организации	Категории персонала, для которых применяется НФЗ, см. обозначения	Сред. уд. вес персонала в общей численности персонала соответствующей категории, в %	Примеры должностей (профессий), по которым применяется НФЗ
Неполная (малозанятость)	СС – 20,0 СЛ – 10,0	7,8	Кладовщик, менеджер по персоналу, бухгалтер, кассир, грузчик
Недозанятость (фактическая ниже установленной в договоре)	КР – 10,0	15,2	Уборщик
Сверхзанятость (выше стандартной)	КР – 30,0 НР – 10,0 ОБС – 10,0 Р – 20,0 СВ – 30,0 СС – 10,0	18,3	Директор магазина, бухгалтер, прессовщик-вулканизаторщик, ведущий специалист
По срочному трудовому договору, в т.ч. сезонная	КР – 20,0 НР – 20,0 ОБС – 100,0	13,5	Монтажник, гардеробщик, продавец, оператор
временная (заемный труд)	ОБС – 10,0 НР – 10,0	6,1	Официант, повар, уборщик
Удаленная (рабочее место у другого работодателя)	СВ – 10,0	4,2	дизайнер
Надомный труд	НР – 10,0 СВ – 10,0	12,4	Швея, ведущий специалист
Дистанционная	СВ – 10,0	2,2	IT -администратор
Фриланс	СС – 20,0 СВ –10,0	20,3	Программист, дизайнер, проектировщик
Неформальная (без оформления трудовых отношений)	СС – 10,0 КР – 10,0 НР – 10,0	100,0	Менеджер по продажам, мастер-наладчик рабочий

По результатам апробации были получены некоторые замечания, среди которых, например, отсутствие ясности в таких понятиях как неполная (малозанятость) и недозанятость. В частности, один из экспертов уточнил следующее: «В трудовых договорах указан полный рабочий день, но по заявлениям работников администрация вправе установить (в некоторых случаях обязана) неполный рабочий день, либо неделю. В этом году у нас таких 27 работников: большинство (23 женщины) выходят на работу досрочно на работу из отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет (в данном случае сохраняется право на

[1] При заполнении анкет эксперты пользовались следующими сокращениями: руководитель – Р; специалист высшего уровня квалификации – СВ; специалист среднего уровня квалификации – СС; служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием – СЛ, квалифицированные работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности – ОБС, квалифицированные рабочие – КР, неквалифицированные рабочие – НР.

получение пособия до 1,5 лет при работе на условиях неполного рабочего дня или недели). Отдельная категория – это внешние совместители: по ним изначально в договоре устанавливается неполное рабочее время (наверное, внутренних совместителей сюда тоже можно отнести). Есть и основной персонал, который принимается на 0,5 (0,8) ставки. В отдельных случаях (специфика производства: отсутствие заказов и т.п.) работники определенные периоды времени могут быть не заняты: их выводят на неполный рабочий день (с соблюдением норм ТК: либо предупреждение за 2 месяца – без оплаты, либо оплата простоя – 2/3 тарифа или 2/3 оклада в зависимости от причины). Что касается понятия удаленной работы, то здесь сказываются специфика производства и бизнес-процессов. Приемосдатчики груза (4 чел.) работают не на нашей территории: приёмка и отправка грузов, оформление документов (накладные, таможенные декларации и т.п.)».

Другой эксперт предложил изменить понятие «недозанятость» на «неполная загруженность». Следует отметить, что понимание смысла удаленного вида занятости экспертом, не совпадает с трактовкой разработчиков анкеты. Авторы под данным видом занятости понимают предоставление своих работников временно для работы у другого работодателя. Тем не менее, в расшифровке понятия «удаленная занятость» следует яснее указать смысл понятия, например: предоставление своего персонала другим работодателям по договору услуг.

На вопрос «С какими проблемами Вы сталкиваетесь при использовании НФЗ?» были получены следующие варианты ответов: «Для вывода рабочих в субботу необходимо согласие работников», «Высокая текучесть», «Сложность регламентации», «Пока не сталкивались, так как перевела персонал на аутсорсинг». Среди причин использования кадрового аутсорсинга эксперты назвали: невозможность выполнения функций самостоятельно, экономическая эффективность, высокие налоги на фонд заработной платы, особенности технологии, бизнес-процессов, корпоративная политика, возможность привлекать специалистов из региона с более низким уровнем «зарплатных ожиданий», сезонные колебания нагрузки в течение года/дня».

При разработке признаков персонала по категориям за основу взята классификация персонала, применяемая Росстатом в обследованиях населения по проблемам занятости (ОНПЗ) [7].

Таким образом, результаты пилотажного исследования подтвердили достаточно высокое качество анкеты, ее информативность по вопросам применения НФЗ и перспективам развития, возможность использования для дальнейшего анализа и применения в сфере государственного регулирования рынка труда на территории Свердловской области.

Список литературы:

1. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2007 (КДЕС Ред. 1.1) : приказом Ростехрегулирования от 22.11.2007 г. № 329-ст (принят и введен 01.01.2008 г. на период до 01.01.2015 г.).
2. Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 : постановление Госстандарта РФ от 30.12.1993 г. № 298 (дата введения 01.12.1995 г.).
3. Об утверждении положения о проведении выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследования рабочей силы): постановление Госкомстата РФ от 05.02.1997 г. № 8.
4. Гимпельсон, В. Нестандартная занятость и российский рынок труда [Текст] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. – М. : ГУ ВШЭ, 2005.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.12.2001 г., действующая редакция от 28.06.2014 г).
6. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://sverdl.gks.ru/.
7. Методологические положения по проведению выборочных обследований населения по проблемам занятости. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.zakonprost.ru/content/base/part/364747

УДК 338

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Халитов Айдар Рамильевич
Преподаватель,
Салаватский колледж образования и профессиональных технологий, Салават,
E-mail: a.r.halitov@mail.ru

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE URAL REGION: CONTROVERSIES AND SOLUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Aydar Khalitov
Teacher, Salavat College of Education and Professional Technologies, Salavat,

АННОТАЦИЯ – В рамках исследования поставлена цель определения проблем в сфере социально-экономического развития Республики Башкортостан и поиска путей их решения. Для этого проводится оценка ключевых индикаторов социально-экономического развития региона в динамике за ряд последних лет (в сравнении со среднероссийскими показателями). В результате такой оценки и соответствующих выводов были определены «узкие» места в социально-экономическом положении РБ и предложены мероприятия по их устранению.

ABSTRACT – The study aims at identifying problems in the field of socio-economic development of the Republic of Bashkortostan and find ways of solving them. For this assessment of key indicators of socio-economic development of the region's growth over the last several years (compared with the Russian average). The result of this assessment, and appropriate conclusions were identified bottlenecks in the socio-economic situation of the Republic of Bashkortostan and the proposed measures to address them.

Ключевые слова: уровень жизни населения РФ и РБ; экономические показатели (индикаторы) социально-экономического развития РФ и РБ; проблемы и пути их решения в сфере социально-экономического развития региона.

Keywords: living standards of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan; the economic indicators of socio-economic development of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, problems and their solutions in the field of socio-economic development of the region.

В рамках исследования несколько сузим объект исследования до одной из составляющих Уральского экономического района – Республики Башкортостан (далее – РБ).

Социальные и экономические составляющие развития региона тесно взаимосвязаны и являются по сути двумя сторонами одной медали. Действительно социальное развитие региона стимулирует его экономическое развитие и наоборот.

Проведем анализ изменения основных социально-экономических показателей РБ (сопоставляя их со среднероссийскими) в динамике за ряд лет. Информационной база для такого анализа – данные официальной региональной и федеральной статистики [1; 2].

Начнем его с изучения наиважнейших, на наш взгляд, индикаторов уровня жизни населения страны и республики (см. табл. 1).

Заметно, что в анализируемом периоде наблюдалась устойчивая тенденция роста среднедушевых денежных доходов населения и РФ, и РБ. При этом нельзя не отметить, что ежегодно значения указанного показателя в целом по России было несколько выше, чем в РБ. Поэтому для руководства региона актуальным вопросом является повышение среднедушевых денежных доходов населения хотя бы до среднероссийского уровня.

Реальные располагаемые денежные доходы населения (выраженные в процентах к предыдущему году) как РФ, так и РБ существенно возросли лишь в 2000 и 2005 гг. В 2010-2011 гг. значение показателя в регионе практически не изменялось. В 2012 г. реальные располагаемые денежные доходы населения как РФ, так и РБ также возросли, но менее существенно, чем в 2000 и 2005 гг.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения в РФ и РБ (в скобках указаны данные по РБ)

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2281 (1736)	8088 (6887)	18958 (17499)	20780 (19030)	23058 (21245)
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году	112 (112,5)	112,4 (118,6)	105,9 (101,1)	100,5 (99)	104,6 (105,4)
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.	2223 (1933)	8555 (6612)	20952 (16378)	23369 (18397)	26629 (20265)
Реальная начисленная заработная плата одного работника, в % к предыдущему году	120,9 (126)	112,6 (108,5)	105,2 (101,8)	102,8 (103)	108,4 (105,3)
Средний размер назначенных пенсий, руб.	694 (783)	2364 (2354)	7476 (7115)	8203 (7761)	9041 (8611)
Реальный размер назначенных пенсий, в % к предыдущему году	128 (127)	109,6 (114,1)	134,8 (112)	101,2 (104,7)	104,9 (103,6)
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения):					
руб. в месяц	1210	3018 (2338)	5688 (5025)	6369 (5607)	6510 (5628)
в % к предыдущему году	120	118,6 (120,4)	110,4 (117)	112 (111,6)	102,2 (100,4)
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:					
в % от общей численности населения	29 (33,1)	17,8 (14,9)	12,5 (12,1)	12,7 (12,6)	10,9 (10,2)
в % к предыдущему году	84,9	88,5 (85,2)	96,2 (108,5)	101,1 (104,2)	87,2 (80,6)
Соотношение с величиной прожиточного минимума, %:					
среднедушевых денежных доходов	189	268 (294,5)	333 (348,2)	326 (339,4)	354 (377,5)
среднемесячной номинальной начисленной заработной платы	168	263 (258,1)	341 (304)	340 (307)	378 (340,2)
среднего размера назначенных пенсий	76	98 (131)	165 (167,4)	163 (176)	177 (183,3)

Далее проанализируем структуру денежных доходов населения РФ и РБ (рис. 1): Как видно, на протяжении всего анализируемого периода структура денежных доходов населения РФ и РБ кардинально отличалась. Если в целом по РФ в составе денежных доходов населения превалировала заработная плата работающих (оплата труда наемных работников), то в РБ основным источником денежных доходов населения, наоборот, являлись доходы, получаемые от собственности, предпринимательской деятельности и др. С одной стороны, структура денежных доходов населения региона может указывать на развитость предпринимательской деятельности, а с другой стороны, это может косвенно свидетельствовать о вынужденной самозанятости населения ввиду дефицита востребованных рабочих мест в коммерческих организациях (прежде всего, в престижных коммерческих фирмах). При этом нельзя не отметить, что в 2010-2012 гг. несколько снизилась роль доходов от собственности, предпринимательской деятельности и др. в формировании денежных доходов населения РБ по сравне-

нию с 2000 и 2005 гг. В целом же по России в выше указанный период времени, наоборот, несколько повысилась доля оплаты труда в денежных доходах населения. Таким образом, видно, что в анализируемом периоде в РФ и РБ наблюдались разнонаправленные тенденции изменения удельного веса оплаты труда в денежных доходах населения.

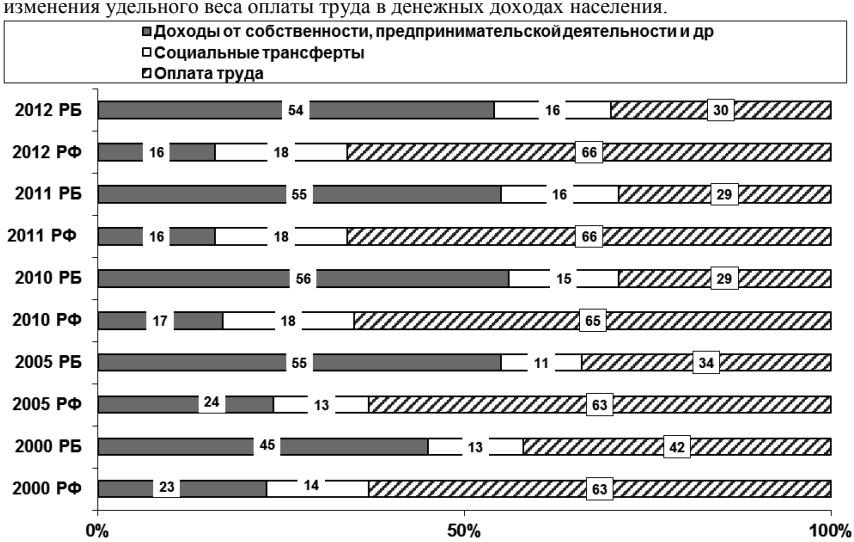

Рис. 1. Структура денежных доходов населения РФ и РБ

В анализируемом периоде времени наблюдалась устойчивая тенденция роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы одного работника как в РФ, так и РБ. При этом нельзя не отметить, что в каждый год указанного периода значение показателя в РФ было несколько выше, чем в РБ.

Реальная начисленная заработная плата одного работника (выраженная в процентах к предыдущему году) как в РФ, так и РБ в 2000, 2005 и 2010-2012 гг. исключительно увеличивалась. При этом рост показателя в 2010-2012 гг. как в РФ, так и РБ был менее существенным, чем в 2000 и 2005 годах. На большей части анализируемого периода рост реальной начисленной заработной платы одного работника РФ был более интенсивным, чем в РБ. Отсюда, необходимо отметить, что для руководства республики актуальным вопросом является разработка мер по повышению уровня оплаты труда работников, чтобы хотя бы заработная плата работающего соответствовало среднероссийской.

В анализируемом периоде также наблюдалась и устойчивая тенденция роста среднего размера назначенных пенсий как в РФ, так и в РБ. При этом нельзя не отметить, что значение показателя в РФ было несколько выше, чем в РБ (как выше отмечалось, аналогичная ситуация наблюдалась по двум другим показателям – среднедушевым денежным доходам населения и среднемесячной номинальной начисленной заработной плате одного работника). Рост реального размера назначенных пенсий (выраженного в процентах к предыдущему году) как в РФ, так и в РБ был существенным только в 2011-2012 гг. Также в большей части лет увеличение показателя было более интенсивным в РФ, чем в РБ. Отсюда, можно сделать вывод, что для руководства региона актуальным вопросом является разработка мер, призванных повысить средний размер назначенных пенсий хотя бы до среднероссийского уровня.

В анализируемом периоде наблюдалась и устойчивая тенденция роста среднедушевой величины прожиточного минимума как в РФ, так и в РБ. Но значение показателя по РФ несколько выше, чем в РБ. А это указывает на более благоприятную ситуацию в данной сфере в республике по сравнению с в целом по стране. При этом показатель (выраженный в процентах к предыдущему году) как в РФ, так и в РБ несущественно возрос лишь в 2012 г.

В анализируемом периоде наблюдалась устойчивая тенденция сокращения доли численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума как в РФ, так и в РБ, за исключением 2011 г.

Но такое изменение показателя, на наш взгляд, объяснялось преимущественно «искусственно» заниженной среднедушевой величиной прожиточного минимума как в целом по стране, так и по региону. На протяжении последних трех лет анализируемого периода значение показателя как в РФ, так и в РБ было практически идентичным.

Таким образом, проведенный анализ большинства основных индикаторов уровня жизни населения РФ и РБ с одной стороны, указывает на улучшение ситуации в динамике за последние несколько лет, а с другой стороны – в регионе сложилась ситуация несколько хуже, чем в целом по стране.

Далее по аналогичной схеме проанализируем основные экономические индикаторы региона (см. табл. 2 и рис. 2) для того, чтобы определить, а имеются ли реальные предпосылки по повышению уровня жизни его населения.

Таблица 2

Основные экономические показатели РФ и РБ

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012
Валовой региональный продукт в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	(105,5)	(106,9)	(105,2)	(108,2)	…
Валовой региональный продукт в основных ценах на душу населения, в тыс.руб.	39,5 (35,2)	125,7 (93,7)	263,8 (186,5)	316,6 (234)	…
Отгружено товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения, в тыс.руб.	…	95,1 (147,6)	201,3 (284,1)	245,1 (349,7)	266,7 (371, 2)
Промышленное производство в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	(108)	(106,2)	108,2 (114)	104,7 (109,6)	102,6 (106, 1)
Сальдированный финансовый результат крупных и средних предприятий (организаций) на душу населения, в тыс.руб.	8,1 (10,6)	22,5 (26,5)	44,3 (32,8)	49,9 (27)	64,3 (29)
Сальдированный финансовый результат крупных и средних предприятий (организаций) в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	(149)	(в 2,7 р.)	(в 2,1 р.)	(82,3)	(107)
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), в %	…	23,7 (18)	22 (11,5)	20,4 (7,7)	24,1 (7,8)
Основные фонды по полной учетной стоимости (на конец года) на душу населения, в тыс.руб.	119,4 (105,1)	289,8 (213,6)	652,1 (394,1)	755,3 (419,1)	846,3 (442, 7)
Инвестиции в основной капитал на душу населения, в тыс.руб.	8 (8,6)	25,2 (20,8)	64 (37,7)	77,2 (46,4)	87,7 (57,3)
Инвестиции в основной капитал в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	(137,9)	(110,6)	(99)	(107,2)	(108)

Итак, в анализируемом периоде наблюдалась устойчивая тенденция роста валового регионального продукта в основных ценах на душу населения и по РФ, и по РБ.

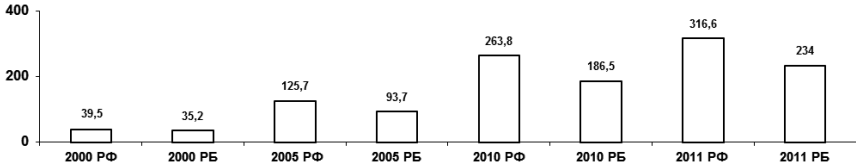

Рис. 2. Динамика изменения валового регионального продукта РФ и РБ на душу населения.

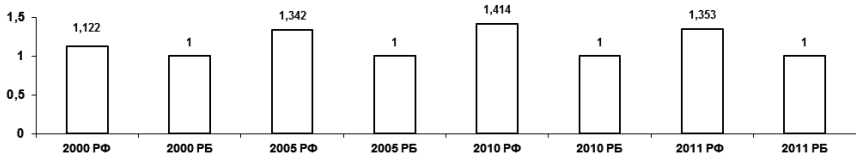

Рис. 3. Соотношение валового продукта РФ и РБ на душу населения

Заметно, что удельный валовой региональный продукт в анализируемом периоде в целом по стране существенно превышал аналогичный показатель по РБ, за исключением 2000 г., когда наблюдалось незначительное расхождение показателей. Причем в сопоставимых ценах на протяжении всего анализируемого периода наблюдался рост валового регионального продукта в сопоставимых ценах, наиболее значительным он был в 2010-2011 гг. И это – безусловно, позитивный момент в экономике региона.

В анализируемом периоде наблюдалась устойчивая тенденция роста отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения и по РФ, и по РБ. При этом удельный показатель отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по РБ на протяжении всего анализируемого периода существенно превышал среднероссийский, что позитивно, поскольку указывает на развитость в республике промышленности. В анализируемом периоде наблюдалось и ежегодное увеличение физических объемов производимой промышленной продукции. За последние три года анализируемого периода темпы роста промышленного производства в сопоставимых ценах в республике существенно опережали среднероссийские.

В анализируемом периоде наблюдалась устойчивая тенденция роста сальдированного финансового результата крупных и средних предприятий (организаций) на душу населения страны. Для республики определенной тенденции этого показателя в анализируемом периоде не прослеживалось. Если сначала и наблюдался рост удельного сальдированного финансового результата крупных и средних предприятий (организаций) РБ в 2005 и 2010 гг., то в 2011-2012 гг., наоборот, произошло снижение данного показателя по сравнению с 2010 г. Также в 2000, 2005 и 2010 годах наблюдался существенный рост сальдированного финансового результата крупных и средних предприятий (организаций) в сопоставимых ценах, соответственно в 1,5, 2,7 и 2,1 раза. Но в 2011 г. произошло уже существенное значение показателя – на 17,7%. В 2012 г. ситуация по сравнению с предыдущим годом значительно улучшилась – наблюдался пусть и незначительный, но все же рост показателя – на 7 %. А это несмотря на в целом позитивную картину в сфере формирования финансовых результатов деятельности крупных и средних предприятий (организаций) РБ указывает на наличие у указанных субъектов хозяйствования и определенных проблем в управлении прибылью.

Сопоставляя среднереспубликанскую и среднероссийскую рентабельность проданных товаров необходимо отметить, что вторая как в 2005 г., так и в 2010-2012 гг. значительно превышала первую. Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) по РБ су-

щественно сократилась в 2010 г. по сравнению с 2005 годом, и за 2011 г. В результате – на протяжении последних двух лет анализируемого периода наблюдались низкие значения показателя для региона. А это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости изыскания руководству крупных и средних предприятий РБ резервов снижения себестоимости реализуемых товаров, производимой продукции, выполняемых работ и оказываемых услуг, а также повышения эффективности использования имеющихся ресурсов с целью повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности (улучшения основных показателей прибыли).

В анализируемом периоде наблюдалась устойчивая тенденция роста основных фондов по полной учетной стоимости (на конец года) на душу населения как по РФ, так и по РБ. Но удельный показатель основных фондов по полной учетной стоимости (на конец года) по РФ был значительно выше, чем по РБ. А это, в свою очередь, негативно характеризует техническую оснащенность работников предприятий (организаций) республики. И вновь отметим: для руководства не только хозяйствующих субъектов, но и региона актуальнейший вопрос в настоящее время – повышение обеспеченности предприятий (организаций) основными средствами и доведение удельного показателя хотя бы до среднероссийского уровня.

В 2000, 2005 и 2010-2012 гг. прослеживалась и устойчивая тенденция инвестиций в основной капитал на душу населения и в РФ, и в РБ. При этом удельные инвестиции в основной капитал на протяжении всего анализируемого периода в целом по РФ значительно превышали значение по РБ. Поэтому, с одной стороны, необходимо отметить улучшение ситуации в РБ с обеспеченностью субъектов хозяйствования основными средствами из-за увеличения объемов инвестируемых в них средств, но с другой стороны, в сравнении со среднероссийскими показателями регион является «отстающим». Повышение инвестиционной привлекательности республики остается злободневной проблемой.

Итак, нельзя сделать однозначный вывод об экономическом положении региона в 2000, 2005 и 2010-2012 гг. С одной стороны, в указанный период времени наблюдался ряд позитивных тенденций изменения отдельно взятых экономических индикаторов в динамике, но с другой стороны, по ряду показателей наблюдалось «отставание» региона от среднероссийского уровня.

Таким образом, можно констатировать, что на данный момент несколько более низкий уровень жизни ее населения объясняется рядом объективных причин в области экономического развития РБ. Однако, также необходимо отметить, что у республики имеются определенные предпосылки улучшения качества жизни ее населения в результате «подтягивания» ряда ключевых экономических индикаторов до среднероссийского уровня. Так, в частности, как уже отмечалось выше, это возможно за счет повышения инвестиционной привлекательности региона, более экономного расходования основных видов ресурсов при производстве продукции и т.д.

Список литературы:

1. Республика Башкортостан в цифрах: статистический сборник в 2-х частях / Под ред. А.М. Ганиева.–Уфа: Башкортостанстат, 2013. 4. 1.200 с.; Ч.2. 200 с.

2. Российский статистический ежегодник 2013 / Под ред. А.Е. Суринова.–М.: Росстат, 2013.– 717 с.

УДК 316.35

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хитрин Кирилл Леонидович

аспирант Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы,

Екатеринбург
E-mail: khitrin.gmu552@yandex.ru

PROFESSIONALIZATION OF SOCIAL GROUPS: RESEARCH TRADITIONS AND ONGOING FEATURES

Kirill Khitrin
PhD student of Ural Institute of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Цель статьи[1] – определить степень применимости в современных условиях традиционных подходов к изучению процесса профессионализации социальных групп. Это достигается посредством выделения некоторых релевантных черт «классической» модели профессионализации, используемой в зарубежной социологии профессий. Соотнесение данных черт и специфических моментов современного этапа развития профессий позволило сделать вывод о необходимости пересмотра ряда характеристик «классической» модели, например, в контексте возрастания значения образовательных практик как аспекта процесса профессионализации.

ABSTRACT – The article is aimed at defining the extent of the applicability of traditional approaches to the exploration of professionalization of social groups. It is accomplished by the separation of certain relevant features of the "classical" model of professionalization which is used in foreign sociology of professions. Matching these features with specific traits of the modern stage of professions' development allowed us to make a conclusion about the necessity of reconsidering some features of the said "classical" model, for instance, in the context of the increase of educational practices' significance as an aspect of the professionalization process.

Ключевые слова: профессия; профессионализация; социально-профессиональные группы; профессиональное образование

Keywords: profession; professionalization; socio-professional groups; professional education

Профессионализация как процесс представляет особый интерес для социологии профессий. Это объясняется тем, что генезис профессий приводит к появлению их многообразия, формирующего предметное пространство дисциплины. Вполне обоснованным оказывается разграничение зарубежных и отечественной традиций изучения процессов профессионализации. В числе зарубежных, в первую очередь, выделяются англосаксонская (англо-американская) и континентальная. При этом возможным оказывается представление и более дробной структуры подходов, включающей, например, функционалистский, атрибутивный, интеракционистский, марксистский, неомарксистский, веберианский и неовеберианский [1; 76].

С нашей точки зрения, фундаментальной характеристикой зарубежной (прежде всего, англосаксонской) традиции выступает своеобразное выделение двух основных этапов профессионализации.

На первом осуществляется становление «классических» профессий (медицина, право, преподавание, священничество) как результат синтеза наследия средневековых социальных (например, цеховых или церковных) структур и особенностей организации знания и практики в Новое время (этап генезиса «первичных» профессий). В англосаксонской социологии профессий эти сферы деятельности рассматриваются как отличающиеся эталонной организацией профессиональной жизни.

[1] ГРНТИ 04.41.61

Второй этап связан с возникновением и становлением иных, отличных от «классических» профессий (этап генезиса «вторичных» профессий). Это особенно ярко проявилось в возникновении особой терминологической системы, допускающей обозначение собственно «истинных» («true») профессий, «полупрофессий» (semi-professions) и «мнимых» («mimic») профессий [2; 59]. В данном случае специфика профессиональной организации в «первичных» профессиональных сферах, сложившаяся в определенных исторических условиях и вследствие этого обладающая многими уникальными чертами, по сути, абсолютизируется и возводится в ранг образца и основного источника разработки методологии изучения профессий. Подобное, безусловно, относится к «классическому» этапу развития англосаксонской социологии профессий; за прошедшее десятилетие начала формироваться академическая оппозиция, противопоставляющая наиболее консервативным теоретическим положениям обновленные принципы изучения профессий, включая, например, более широкую трактовку самого понятия «профессия» [3; 135-136].

В чем причины устойчивости «классического» подхода в западной (преимущественно англоязычной) социологии профессий? Как представляется, можно отметить следующее:

1) Традиционные представления о профессии и профессионализации имели под собой реальную основу в виде фиксируемых характеристик и практик, факт наличия которых (профессиональная автономия, «закрытие» доступа в профессию, лицензирование и сертификация, профессиональные ассоциации) был неоспорим; однако измерение качественных изменений в степени их выраженности и значимости в динамическом аспекте оказалось затруднительным с методологической точки зрения;

2) Наличие «универсальной» схемы этапов профессионализации (включая формирование профессиональных ассоциаций, выделение специфической области знания и ее преподавание, создание обособленных организационных структур, в рамках которых начинает протекать профессиональная деятельность) позволяло расширять горизонты теоретического анализа вне зависимости от предметной специфики деятельности группы. Результаты некоторых исследований, проведенных с целью проверки корректности самой идеи наличия определенной «регулярности» в процессе профессионализации, свидетельствуют об отсутствии принципиальных возражений против нее [4; 379].

В современных условиях возникает задача развития социологии профессий в контексте преодоления изолированности национальных исследовательских традиций, а также оформления некоторых глобальных тенденций, влияющих на социально-профессиональную структуру значительного числа обществ.

Наша позиция заключается в том, что речь идет, в частности, о следующем:

1) происходит «эрозия» англосаксонского идеала профессии (это затронуло и англоязычные страны); прежде всего, под сомнение ставится критерий независимости профессионалов от государства и иных структур (что ярко проявляется, в частности, в трансформации системы здравоохранения в США во второй половине XX – начале XXI вв.);

2) возникают новые профессиональные группы (например, в сфере разработки и применения информационных технологий), реальная практика развития которых не в полной мере соответствует традиционной схеме профессионализации;

3) появляются «сложносоставные» профессии и распространяются практики, в рамках которых человек на протяжении своего трудоспособного возраста в силу экономических, производственно-технологических факторов значительным образом меняет сферу своей профессиональной деятельности;

4) традиционное противопоставление профессиональных и бюрократических структур и практик, идущее от М. Вебера и переосмысленное Т. Парсонсом, более не играет такой критической роли, как это было ранее; во многих профессиях возрастает значение бюрократических структур, как это произошло, в частности, с медициной в США и Соединенном Королевстве [5; 132-134].

В качестве обобщающего выступает тезис о трансформации как внутреннего (предметного) содержания деятельности профессиональных групп, так и внешнего аспекта их

функционирования, иначе говоря, их положения относительно других социальных групп и структур. В России подобные процессы носят многоаспектный характер.

В частности, речь идет о процессах, соотнесенных с последствиями социально-экономической и политической трансформации, начало которой было положено в 1990-е гг. Это можно проиллюстрировать на примере двух социально-профессиональных групп – публичных (государственных гражданских и муниципальных) служащих и кадров управления (директора и заместители директоров) общеобразовательных учреждений. В советское время содержание и требования к осуществлению данных видов профессиональной деятельности существенных образом отличались от тех стандартов, к которым постепенно приходит современное российское общество. Так, советская партийно-государственная модель управления с присущим ей типом бюрократии была заменена новой парадигмой публичного управления, выстроенной на основе иных конституционно-правовых норм и административных практик. В случае с директорами и заместителями директоров школ необходимо отметить, что за последние годы существенным образом изменился характер их деятельности (функционирование школ в условиях реформирования системы образования и деятельности государственных и муниципальных учреждений; ориентация на повышение автономности и рост ответственности; многообразие и изменчивость различных факторов внешней среды и т.д.). В этом смысле обе названные сферы занятости оказались в определенном смысле включенными в процесс «репрофессионализации» – перестройки некоторых базовых параметров деятельности, сопровождающейся соответствующими изменениями в общепрофессиональной и специально-компетентностной модели квалифицированного специалиста.

Кроме того, трансформация социально-профессиональной структуры российского общества была сопряжена и с формированием профессиональных сообществ, природа которых соответствует логике развития информационной экономики. Это рельефно проявилось в случае с профессиональными сообществами в сфере информационных технологий (ИТ). Безусловно, в Советском Союзе существовали группы занятого населения, чья трудовая деятельность осуществлялась в аналогичной технологической среде, однако в силу объективных обстоятельств данное профессиональное сообщество также пережило своеобразную «репрофессионализацию» в 1990-е – 2000-е гг.

С нашей точки зрения, процессы конституирования «новых» и «репрофессионализации» существующих групп занятости в постсоветской России характеризуются следующими общими чертами:

1) за редким исключением выявляется низкая активность профессиональных ассоциаций в их традиционном смысле; подобная особенность ярко заявляет о себе в функционировании уже упомянутых профессиональных групп: так, в сфере ИТ существует определенная «дисперсная», «децентрализованная» профессиональная организация с расплывчатыми границами; при упоминании государственных гражданских и муниципальных служащих следует отметить, что концептуальная модель публичной службы в России не предусматривает оформления подобных структур в их классическом, «англосаксонском» воплощении; в случае с кадрами управления общеобразовательных учреждений необходимо подчеркнуть, что некоторые организации подобного рода существуют, но их значение невелико с учетом традиционной практически полной принадлежности общего образования к публичному сектору, влекущей за собой смещение баланса влияния в сторону властных структур; при этом в целом низкая активность профессиональных ассоциаций восполняется деятельностью собственно нанимателей – государства и частных организаций, которые и формируют требования и стандарты профессиональной деятельности;

2) резкий «слом», частичный «демонтаж» профессиональной структуры, сложившейся в Советском Союзе, появление значительного числа новых групп занятости в течение короткого временного промежутка привели к возникновению такой ситуации, когда у многих из занятых в подобных сферах отсутствовало соответствующее профессиональное образование, что было вызвано различными причинами, не сводящимися только к отсутствию требуемых программ в системах высшего или дополнительного образования. В условиях наличия

возможности получения формальной образовательной квалификации достаточно большое число работников в соответствующей сфере не обладают ею (так, среди государственных гражданских и муниципальных служащих относительно незначительной оказывается доля имеющих базовое высшее образование по направлению «Государственное и муниципальное управление») или работают либо по общему «профилю» (понятие «информационные технологии» в определенном смысле играет роль «зонтичного», а на практике работодатели ориентируются, прежде всего, на портфолио кандидата и его практические умения и навыки, связанные с конкретными программными продуктами и технологиями), либо в соответствии с образованием, типичным для профессиональной траектории (большинство кадров управления общеобразовательных учреждений по понятным причинам имеет диплом о высшем образовании по направлению «Образование и педагогика»).

Один из элементов «классической» модели профессионализации представляет особый интерес, особенно при рассмотрении специфики динамики профессиональной структуры в России. Речь идет о критерии признания государством за определенной группой в системе разделения труда статуса профессии. Подобный вопрос оказывается центральным в дискуссиях, которые протекают в англоязычной социологии профессий. Дело в том, что в «экономической» традиции [6; 28] оформление профессии рассматривается, главным образом, как способ установления контроля над рыночными силами самими «профессионалами». В таком случае возникают опасения, касающиеся сращивания государственно-бюрократических и профессиональных структур.

В то же время необходимо учитывать: подобная позиция сформировалась в результате рефлексии над определенным культурно-историческим опытом, не носящим универсальный характер. Актуален ли подобный вопрос для России? Ответ на подобный вопрос носит не столь однозначный характер. В СССР в силу особенностей устройства политической и экономической систем ключевые параметры профессиональной структуры задавались государством, что в своей совокупности ставило профессиональные группы фактически в полную зависимость от властных структур. В рыночных условиях, переход к которым был провозглашен после распада Советского Союза, подобное тотальное доминирование государства над профессиональной структурой исключается в силу самого определения понятия «рыночная экономика». Однако в современных рыночных экономиках интервенция властных структур во многих случаях носит весьма очевидный характер (что и служит основанием их классификации как «смешанных» экономик). В этом смысле постсоветская Россия находится в одном континууме с большинством зарубежных стран.

В чем проявляется сам факт «признания» профессии (профессиональной группы) государством? Хотелось бы остановиться на обстоятельствах, отражающих подобное решение властных структур и связанных с внесением изменений в соответствующую нормативно-правовую базу в сфере регулирования трудовых отношений и образовательных практик.

Вне всякого сомнения, адекватное отражение сложившейся профессиональной структуры общества в соответствующих нормативно-квалификационных документах является важной задачей деятельности государственных органов, отвечающей интересам как работников, так и работодателей. В качестве иллюстрации можно отметить, что на протяжении 1990-х и 2000-х гг. в связи с отсутствием соответствующих сведений в квалификационных справочниках сотрудники кадровых служб предприятий IT-сектора нередко сталкивались с проблемами определения содержания записей, которые должны были быть внесены в трудовые книжки. В настоящее время острота подобных проблем некоторым образом снижается, что связано, в частности, с принятием профессиональных стандартов, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации.

Однако не менее важным следствием признания профессиональной группы государством выступают разработка и принятие соответствующих стандартов в области образовательной подготовки. Так, программа высшего образования по профилю «Государственное и муниципальное управление» была разработана в начале 1990-х гг. В случае с кадрами управления общеобразовательных учреждений в качестве своеобразной вехи можно отметить реа-

лизацию федеральной программы «Подготовка управленческих кадров в сфере здравоохранения, образования и культуры в 2011-2014 годах» [7], внесшей вклад в формирование методического фундамента управленческого образования директоров и заместителей директоров школ. В сфере IT в течение прошедшего десятилетия разработаны и приняты образовательные стандарты, более полным образом отражающие сложившееся многообразие профессиональной структуры (включая стандарты, охватывающие такие направления деятельности, как собственно программная инженерия, а также комплекс специализаций по направлению подготовки «Прикладная математика и информатика»). В данном случае необходимо учитывать специфику профессиональной социализации и профессиональной культуры IT-специалистов, акцентирующую значение самостоятельного освоения набора программных и иных инструментов, постоянно изменяющегося вслед за технологическим прогрессом. Ранее подобное обстоятельство играло «компенсаторную» функцию возмещения отсутствия некоторых специализаций в системе образовательной подготовки будущего специалиста.

С учетом обозначенного можно отметить, что необходимым оказывается дальнейшее, более глубокое осмысление роли критерия признания государством определенной группы в качестве профессиональной при рассмотрении процесса профессионализации как такового. В данном случае можно предложить один из способов «проверки» значимости подобного критерия при изучении конкретной группы в системе разделения труда – необходимо задаться вопросом о том, к каким практическим последствиям приведет официальное признанием государством за группой статуса профессиональной, а также о том, какова специфика сценария развития событий в случае отсутствия перспектив принятия государственными структурами подобного решения. Так, например, в случае с IT недавно произошедшие разработка и принятие профессиональных стандартов и образовательных стандартов по соответствующим направлениям подготовки в целом кардинальным образом не изменили положение группы в социально-профессиональной структуре.

Однако для таких групп, как публичные (государственные гражданские и муниципальные) служащие и кадры управления общеобразовательных учреждений, «связь» между профессиональной общностью и государственными структурами прослеживается более четко, поскольку именно органы публичного управления определяют векторы развития подобных сфер в целом.

В условиях относительности исторического и социально-культурного опыта оформления профессий возникает вопрос о том, что же оказывается общим «знаменателем» (если таковой присутствует) для различных национальных социологических традиций в контексте изучения процессов профессионализации? Как представляется, ответ носит достаточно очевидный характер: речь идет о дифференциации трудовых функций на качественном уровне. Так, явной оказывается качественная разнородность трудовых функций, специфики профессиональной деятельности учителей (учебная, преподавательская деятельность) и кадров управления общеобразовательных учреждений (вопросы менеджмента, управления школой). Подобная качественная разнородность трудовых функций и предопределяет различие в требованиях к компетентности, а следствием этого выступает потребность в оформлении системы трансляции соответствующих компетенций в рамках образовательной переподготовки или повышения квалификации представителей соответствующей группы, направленных на овладение не только единичными компетенциями, отражающими изменения в предмете профессиональной деятельности, но и интегральной личностно-профессиональной компетентности [8; 13-14].

Итак, в современных условиях наблюдается сохранение, а, возможно, и усиление такого критерия оформления профессии, как выделение присущей ей системы профессиональных навыков и компетенций, которые приобретаются через образовательные практики. «Самостоятельный» характер социальной группы в системе разделения труда в значительной степени определяется фактом получения ее представителями специализированной образовательной квалификации. При этом практика образовательной подготовки может значительным образом варьироваться; так, на настоящем этапе, когда возрастает потребность в сов-

мещении двух или трех комплексов профессиональных компетенций в деятельности специалиста, особую роль начинает играть система дополнительного профессионального образования.

Список литературы:

1. Сельченок А.К. Профессионализация социальной работы в России (на примере специалистов по социальной работе) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 76-79.
2. Forsyth P.B., Danisiewicz T.J. Toward a Theory of Professionalization // Work and Occupations, February 1985, Vol. 12, No. 1. P. 59-76.
3. Evetts J. Short Note: The Sociology of Professional Groups // Current Sociology, January 2006, Vol 54(1). P. 133-143.
4. Abbott A. The Order of Professionalization. An Empirical Analysis // Work and Occupations, November 1991, Vol. 18, No. 4. P. 355-384.
5. Dingwall R. Essays on Professions. UK: Ashgate, 2008. 168 p.
6. Davis M. Is Public Administration a Profession? // Public Administration Research, 2013, Vol. 2, No. 2. P. 26-36.
7. Программа «Подготовка управленческих кадров в сфере здравоохранения, образования и культуры в 2011-2014 годах»: Распоряжение Правительства РФ от 27.09.2011 № 1665-р (ред. от 12.09.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 40. Ст. 5598; Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 38. Ст. 4846.
8. Кузибецкий А.Н. Постиндустриальная система дополнительного профессионального образования в информационном обществе: акмеологический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 1(9). С. 11-15.

УДК: 31.316.4

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Хомова Ольга Владимировна
ведущий специалист
Управления по работе с обращениями граждан Правительства Свердловской обл.
магистрант Уральский федеральный университет,Екатеринбург
E-mail: olyaxomova@mail.ru

THE ORGANISATION OF THE WORK WITH APPEALS FROM CITIZENS AS A PROBLEM OF THE REGION

Olga Khomova
Leading Specialist in the Citizen appeals office of the Government of Sverdlovsk region,
undergraduate of FSAE IHPE "Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin ", Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье проанализированы основные проблемы создания и функционирования механизмов взаимодействия власти и общества. Сегодня необходимо создавать новые каналы «обратной связи», способствующие улучшению информационного обеспечения для принятия властью управленческих решений, повышения доверия общества к государственным институтам. В статье автором предложен механизм повышения эффективности работы с обращениями граждан, выделены эффективные механизмы реализации прав граждан на обращение в Правительстве Свердловской области.

ABSTRACT – The main problems associated with the establishment and functioning of the mechanisms of interaction between Government and society were analyzed in this article. Today it is necessary to create the new channels of "feedback", to increase public confidence in state institutions. In this article the author offers a mechanism for increasing the efficiency of work with ap-

peals from citizens, highlighted effective mechanisms for the implementation of the citizen's rights to appeal to the Government of the Sverdlovsk region.

Ключевые слова: обращения; граждане; повторное обращение; признаки.

Keywords: appeals; citizens; repeated appeals; features.

Эффективная организация управления предполагает, прежде всего, что органы государственной власти, его осуществляющие, обладают необходимой для принятия управленческих решений информацией. Эта информация может быть получена в процессе взаимодействия с заинтересованными лицами и организациями, составляющими общество. Комплексный показатель успешного управления социальными процессами в регионе – его эффективность, а одним из условий её повышения – знание мнений жителей региона о проводимых социальных реформах; степени удовлетворенности социальной жизнью, социальной политикой; мерами, которыми она осуществляется; насколько успешно достигнуты поставленные управленцами цели по реализации социальных программ. Мнение населения об эффективности управления относится к субъективным критериям.

«Для выяснения эффективности управления социальными процессами в регионе важно получить ответы на следующие вопросы:

- какова оценка населением своего материального положения;
- какова оценка своих жизненных перспектив жителями региона, основными социальными группами;
- какие социальные трудности они испытывают и в этой связи какие социальные проблемы необходимо решить в первую очередь;
- каково отношение к органам региональной власти, прежде всего степень доверия со стороны населения в решении социальных проблем;
- насколько эффективным, по мнению жителей региона, является региональное управление социальными процессами» [1, с. 1].

В условиях правового государства главным объектом регионального управления является народ, проживающий на территории региона. Согласно ст. 3 Конституции РФ «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является его многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [2, с. 1]. Таким образом, народ поручает органам государственной власти и органам местного самоуправления функцию управления. Региональная власть и общество взаимосвязаны и взаимозависимы. В условиях демократии власть заинтересована во взаимодействии с обществом, в том, чтобы четко представлять, как общество оценивает её управленческие решения, как решения реализуются на практике, какие дополнительные меры нужно принять, чтобы создать условия, гарантирующие стабильные, динамично-развивающиеся социальные процессы в регионе. Стремление власти к взаимодействию с гражданином нашло воплощение в ст. 33 Конституции Российской Федерации, согласно которой «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [2, с. 5]. Решение властью вопросов, поставленных в обращении гражданина, означает не только защиту его нарушенного права или законного интереса, но и устранение недостатков в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Следовательно, налицо реальный учет мнения гражданина в принятии управленческих решений. Поэтому право гражданина на обращение является конкретизацией права на участие в управлении делами государства и входит в систему политических прав и свобод гражданина.

Обращения в органы государственной власти и местного самоуправления – необходимый элемент обратной связи между гражданами и формируемыми ими органами государственной власти и местного самоуправления. Практическая реализация права граждан на обращение непосредственным образом сказывается на создании социальной атмосферы, которая бы вовлекала каждого человека в созидательный процесс преобразования экономики и

управления социальными процессами. Власть проводит анализ и обобщение вопросов, содержащихся в обращениях граждан, учитывая их при принятии управленческих решений. Даже сугубо личные проблемы гражданина несут значимую для власти информацию.

В настоящее время работа с обращениями граждан регулируется Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 29.06.2010 № 126-ФЗ, от 27.07.2010 № 227-ФЗ, с изм. внесенными Постановлением Конституционного суда РФ от 18.07.2012 № 19-П). Федеральный закон № 59-ФЗ содержит все необходимые нормы для регулирования взаимодействия общества и власти, защищает конституционное право граждан на обращения в органы государственной власти. Однако необходимо понимать, что эффективность работы с обращениями граждан, в первую очередь, зависит от существующей системы обеспечения неукоснительного соблюдения установленных Федеральным законом № 59-ФЗ порядка и сроков рассмотрения обращений граждан; кардинального повышения качества этой работы и определения мер по предотвращению повторных обращений.

Важен конечный результат, удовлетворённость гражданина полученным ответом. Федеральный закон № 59-ФЗ, как и ряд действующих нормативно-правовых актов, регулирующих работу с обращениями граждан в РФ, не содержит действенного механизма реализации права граждан на обращение и не формулирует основные принципы организации эффективного взаимодействия общества и власти. Ни один действующий федеральный закон не обеспечивает механизм получения гражданином законного ответа. «Каждое право только тогда может быть реализовано, когда ему соответствует чья-то обязанность его обеспечить. По сути дела гарантии – это обязанность государства обеспечить гражданам реализацию их права путём вменения соответствующим государственным органам и их должностным лицам обязанности рассмотреть обращение и принять соответствующее решение, направленное на достижение цели обращения» [3, с. 1].

Институт обращений граждан в России сформировался давно. Сегодня необходимо основное внимание уделить именно действенным механизмам реализации права граждан на обращение, повысить качество правого регулирования взаимодействия общества и власти, снизить негативное влияние бюрократического подхода на результаты обращений.

Одним из таких механизмов, позволяющих повысить эффективность работы с обращениями граждан в современных условиях, должна стать автоматизация и информатизация системы документационного обеспечения управления. Взаимодействие государственных органов и граждан с применением информационных технологий обеспечивается действующей программой «Электронная Россия» и программой «Информационное общество 2011-2018». Эти программы сделали автоматизацию государственных органов обязательным условием их функционирования.

Сейчас гражданин может обратиться в государственный орган в устной форме, заполнить бланк, прислать обычное или электронное письмо, оформить обращение через веб-сайт. Любой гражданин вправе ожидать, что на его обращение ответят. Отношение граждан к государству во многом определяется тем, насколько эффективна в глазах общества его деятельность, справляется ли оно с возложенными на него задачами и функциями, или нет. Именно Государство создаёт государственные управленческие структуры и наделяет их должностных лиц – государственных служащих – необходимыми полномочиями для реализации права граждан на обращение.

Государственная служба предназначена для выполнения функций государственного управления. Специфика традиционного менеджмента в государственной службе часто обозначается такими терминами как «администрирование» и «бюрократия». «Бюрократия внутренне присуща любому государственному устройству, и полностью избавиться от нее нельзя. Однако можно и нужно найти способы, позволяющие минимизировать наносимый ею ущерб» [4, с. 8].

Сегодня одной из проблем института обращений граждан в Правительстве Свердловской области являются повторные обращения. Повторное обращение сигнализирует о том,

что гражданин не удовлетворён полученным ответом либо не получил ответ в установленные законом сроки. «Следует отметить, что реально негативным показателем является повторность жалоб… Повторные жалобы в обязательном порядке ставятся на контроль по исполнению во избежание фактов волокиты или неполных неаргументированных ответов – «отписок», по меткому названию граждан» [5, с. 17]. К сожалению, среди сегодняшних чиновников много таких, которые занимаются лишь имитацией деятельности, являя собой образец бюрократического подхода к институту обращений граждан. Доказательством служат их необоснованные письменные отказы в ответ на обращения граждан, так называемые «отписки». Существует целая технология составления чиновниками-бюрократами отписок.

По результатам анализа обращений, поступивших в Управление по работе с обращениями граждан Правительства Свердловской области, сформулированы основные характерные особенности отписок госчиновников на обращения граждан:

– большая часть ответа содержит изложение положений нормативно-правовых актов, либо не имеющих прямого отношения к сути поставленного вопроса, либо хорошо известных заявителю. При этом обильные цитаты и ссылки на нормативные акты заменяют собой рассмотрение заявления по существу;

– подмена предмета обжалования. Гражданин ставит в своем обращении перед органом власти конкретные вопросы, но получаете ответ совсем на другие вопросы;

– подмена основных доводов заявителя второстепенными. Государственный служащий оценивает только незначительные доводы и принимает по ним необоснованное решение;

– подмена фактов мнениями. Субъективное мнение государственного служащего подменяет собой информацию о реальных событиях;

– несоответствие выводов утверждениям. Отписка содержит верные утверждения, но вывод делается абсолютно противоположный.

Часто государственные служащие в ответе-отписке преувеличивают объём произведённых ими действий, пытаясь, таким образом, убедить гражданина в объективном, всестороннем рассмотрения обращения по существу.

Имеются в арсенале бюрократов и подготовленные юридической службой государственных органов ответы, которые не решают вопросы по существу заявленных требований, но прикрывают бюрократа с юридической точки зрения на случай обжалования гражданином принятого по обращению решения в суде.

Кроме перечисленных выше признаков отписок, можно указать и на следующие действия государственных служащих-бюрократов:

– обращение рассматривается без непосредственного участия гражданина, как правило, государственный служащий-бюрократ отказывается под различными предлогами от встречи с гражданином на личном приёме;

– обращение по вертикали власти направляется в орган, действия которого и обжалует гражданин;

– обращение перенаправляется тем должностным лицам или в те органы, которые не уполномочены принимать решение по поставленным вопросам;

– гражданина пытаются убедить, что его права могут быть восстановлены только в судебном порядке, хотя возможен внесудебный порядок восстановления нарушенных прав;

– обращение возвращается заявителю вместо направления его должностному лицу или органу, уполномоченному обращение рассматривать.

В случае получения отписки, гражданин вправе обратится в прокуратуру в связи с нарушением Федерального закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Прокуратура вправе возбудить дело об административном правонарушении, предусмотренном ст.5.59 КоАП РФ, в отношении должностных лиц и привлечь виновных сотрудников к дисциплинарной ответственности. Однако не каждый гражданин, получив отписку, решается восстанавливать законный порядок рассмотрения его обращения, гарантированный ему государством. Отписками подрывается доверие граждан к государству.

Снижение бюрократического подхода к институту обращений граждан возможно только при условии, что в Федеральном законе или подзаконном правовом акте чётко прописан механизм рассмотрения обращений, и только неукоснительное соблюдение бюрократом такого Закона поможет исключить саму возможность направления гражданину отписки. В настоящее время на уровне федеральных и региональных органов исполнительной власти (министерств, федеральных служб, федеральных агентств) активно ведется работа по разработке и утверждению административных регламентов по работе с обращениями граждан. В Административный регламент по работе с обращениями граждан необходимо внести такое понятие как «отписка», указав признаки отписки и признаки бюрократического подхода при рассмотрении обращений; необходимо назначить ответственного (прописать, кто отвечает за получение гражданином отписки), а также прописать – какое наказание последует за отписки.

Соблюдение чиновником законной процедуры подготовки ответа по существу должно исключить часть повторных обращений, а значит, у государственного служащего останется время для объективного и всестороннего рассмотрения первичных обращений в соответствие с действующим федеральным законодательством. Губернатор Свердловской области и Правительство Свердловской области уделяют работе с обращениями граждан особое внимание, расценивая эту сферу социальных отношений как один из важнейших каналов обратной связи органов исполнительной власти с населением. Обращения граждан часто могут вскрыть некую ещё не замеченную проблему, возможно, указать пути её разрешения, и способствовать, таким образом, совершенствованию системы государственного управления, улучшению социальной действительности в целом.

В структуру Правительства Свердловской области входит Управление документационного обеспечения и Управление по работе с обращениями граждан. Основной задачей Управления документационного обеспечения Правительства Свердловской области является организация и обеспечение функционирования единой системы документооборота в Правительстве Свердловской области с использованием системы автоматизации делопроизводства и электронного документооборота в процессе реализации полномочий исполнительного органа власти. Основными региональными документами, регламентирующими деятельность Управления по работе с обращениями граждан (далее по тексту – Управление) являются Устав Свердловской области от 23.12.2010г. № 105-ОЗ (ред. от 30.06.2014г.); Постановление Правительства Свердловской области от 05.03.2013г. № 234-ПП «Об утверждении Положения о системе электронного документооборота в исполнительных органах государственной власти Свердловской области»; Схема обработки обращений специалистами Управления по работе с обращениями граждан Правительства Свердловской области.

В Свердловской области создана и функционирует система работы с обращениями граждан, порядок и основные принципы детализированы с закреплением административных процедур на всех этапах работы с обращениями граждан. Распоряжением Губернатора Свердловской области установлены дополнительные меры ответственности должностных лиц за нарушения в работе с обращениями граждан. Формы дисциплинарной ответственности за нарушения в работе с обращениями граждан устанавливаются в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации и включаются в трудовой договор (контракт) и должностной регламент (инструкцию) должностного лица. Положение о премировании, устанавливает уменьшение размера премии при нарушении сроков рассмотрения обращений граждан на 20 %. В целях повышения эффективности работы с обращениями граждан в первую очередь была отработана система обеспечения неукоснительного соблюдения установленных Федеральным законом порядка и сроков рассмотрения обращений граждан, кардинального повышения качества этой работы. Определены меры по предотвращению повторных жалоб. Налажена система информирования руководителей по контрольным параметрам административных процедур при работе с обращениями. Ежемесячно краткая аналитическая справка о работе с обращениями граждан представляется Губернатору и председателю Правительства Свердловской области, а ежеквартально данная информация рассматривается на

общем аппаратном совещании Правительства Свердловской области с участием всех руководителей исполнительных органов государственной власти Свердловской области.

Неукоснительное соблюдение федерального законодательства в институте обращений граждан обеспечивается автоматизацией Управления. На официальном сервере Правительства Свердловской области в сети Интернет (www.midural.ru) действует интерактивная страница «Обращения граждан» с функцией «Электронная приемная», которая позволяет в дистанционном режиме записаться на устный прием, направить электронное письменное обращение и в режиме обратной связи (с соответствующим индивидуальным паролем) узнать об этапах и результатах рассмотрения.

«По данным на 1 января 2010 года, во все исполнительные органы государственной власти Свердловской области и в 64 администрации муниципальных образований в Свердловской области установлено единое унифицированное программное обеспечение автоматизированной системы документационного обеспечения управления (АС ДОУ) «Контроль обращений граждан» на программной платформе LOTUS NOTES.6.» [5, с. 19]. У входа в здание Правительства Свердловской области и в зоне ожидания личного приема установлены электронные терминалы системы «Информационный киоск» с информацией для граждан по разделам: «Нормативно-правовые основы организации работы с обращениями граждан», «График приема граждан», «Ответы на наиболее часто задаваемые вопросы», «Адреса исполнительных органов государственной власти», обзорные информации «О работе с обращениями граждан к Губернатору Свердловской области и в адрес Правительства Свердловской области» за календарные периоды.

Успешная деятельность органа государственной власти по работе с обращениями граждан во многом зависит от уровня его технического оснащения и эффективной автоматизации процессов управления. Компьютер помогает выполнять широкий круг задач по составлению документов, а также по организации рациональной и оперативной работы с ними. На сегодняшний день в Правительстве Свердловской области в тестовом режиме проходит апробация модернизированной информационной подсистемы обработки обращений граждан на платформе EMC DOCUMENTUM (подсистема «Обращения граждан» - GOSVO-DOCUM-OG). Модернизация осуществлялась на основании Государственного контракта № 3 от 21 февраля 2014 года. Подсистема предназначена для автоматизации обработки обращений граждан в Администрации Губернатора Свердловской области, Правительстве Свердловской области, исполнительных органах государственной власти Свердловской области и в администрациях муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области. Внедрение Подсистемы должно обеспечить:

– унификацию в организации работы с обращениями граждан в исполнительных органах государственной власти Свердловской области и администрациях муниципальных образований Свердловской области на основе единого решения;
– получение справок и отчетов по единым формам и алгоритмам расчетов, в т.ч. в соответствии с требованиями федеральных органов власти;
– использование единой нормативно-справочной информации;
– электронный обмен документами и отчетами между участниками СЭД.

Необходимость модернизации действующей системы электронного документооборота в Правительстве Свердловской области вызвана требованием повышения эффективности работы института обращений граждан. Часто обращения дублируют с учётом компетенции в соответствующий орган власти (Министерства, Департаменты, Управления и др. подразделения). В модернизированной системе будет возможно регламентировать обмен сведениями по базам данных для дублирующихся обращений, с учетом того, что во всех государственных органах регистрация и учет автоматизированы. Также появится техническая возможность обеспечить унификацию этих сведений, сейчас идёт работа по разработке Административного регламента работы с обращениями граждан, а также Технического регламента формирования баз данных по обращениям граждан и защите этой информации.

Модернизированная система дополнительно создаст необходимые условия для повышения результативности принимаемых по обращениям решений, предотвращению фактов волокиты и повторных жалоб граждан, позволит организационно перейти от контроля соблюдения сроков на всех этапах рассмотрения обращений к ужесточенному контролю результата. В новом модуле будет всё «прозрачно», и поправить что-то без официального документа будет нельзя. Модуль определит ответственного за рассмотрение конкретного обращения, покажет где, у кого в данный момент находится обращение.

Решение крупных социальных вопросов в регионе граждане всё чаще готовы брать на свою ответственность. Всё чаще в органы государственной власти поступают не жалобы или претензии, а предложения и инициативы, имеющие законотворческий смысл.

Сделать более эффективной систему диалога власти и граждан можно только сделав коммуникации более открытыми и прозрачными, поставив барьер для бюрократов в виде эффективного механизма реализации права граждан на обращение, жёстко контролируя принятые ими управленческие решения. Правительство Свердловской области внедряет самые прогрессивные методы автоматизации этого процесса.

Список литературы:

1. Филипенко А.В. Управление социальным развитием региона (социологический аспект): дис. канд. соц. наук. — Москва. 2002. 165 с. [Электронный ресурс] : Научная электронная библиотека disserCat. URL: http://www.dissercat.com/content/upravlenie-sotsialnym-razvitiem-regiona-sotsiologicheskii-aspekt (дата обращения: 12.01.2015)
2. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014). [Электронный ресурс] : КонсультантПлюс. URL: http://www.constitution.ru/ (дата обращения 20.12.2014)
3. Конституционные гарантии прав и свобод. [Электронный ресурс] : Право Р.Ф. URL: http://pravorf.narod.ru/19.html / (дата обращения: 22.12.2014)
4. Савина Т.Н. Проблемы бюрократии в современной России. [Электронный ресурс] : Портал «Googl». URL: sisupr.mrsu.ru/2009-2/pdf/26_Dashdamirov.pdf (дата обращения: 23.12.2014)
5. Зацепин И.Н. О сложившейся системе работы с обращениями граждан в Свердловской области и основных направлениях по её дальнейшему совершенствованию // Информационно-методический сборник «Опыт». № 64. 2010. [Электронный ресурс] : Официальный сайт Правительства Свердловской области. URL: http://www.midural.ru/10 0033/100080/ (дата обращения: 23.12.2014)

УДК 32:82-96

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИКА» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук, доцент
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: natali_gx@r66.r

STUDY OF THE TERM «POLITICS» IN SCIENTIFIC LITERATURE

Natalia G Horoshkevich
Ph.D in Sociology, Associate Professor
Ural State University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье поднимается вопрос о необходимости более широкого изучения сферы политики с позиций социологии. Один из аспектов изучения – исследование понятийного аппарата и, в первую очередь, термина «политика». Обоснована необходимость постоянного изучения данного понятия. Представлены характеристики политики, выделенные в толковых словарях, словарях гуманитарных дисциплин и социологических словарях. Отмечена специфика исследований термина в каждой из этих групп. Представлен перечень

основных свойств политики с позиций социологии. Дано авторское определение изучаемого явления.

ABSTRACT – The article raises the question of the need for a more extensive study of policy areas from the perspective of sociology. One aspect of the study - the study of the conceptual apparatus and, first of all, the term «politics». The necessity of constant study of the concept. The characteristics of the policy outlined in the explanatory dictionaries, dictionaries of humanities and social science dictionaries. Marked specificity term studies in each of these groups. A list of the basic properties of the policy from the perspective of sociology. Given the author's definition of the phenomenon under study.

Ключевые слова*:* социология, политика, термин «политика» с позиций социологии, термин «политика» с позиций гуманитарных наук, характеристики политики.

Keywords: sociology, politics, the term «politics» as viewed by sociology, the term "politics" from the perspective of the human sciences, characteristics of politics.

Сфера политических отношений всегда являлась одной из наиболее важных – в любом обществе. В настоящее время в России ее изучением занимается преимущественно политология, а в социологии ей уделяется недостаточно внимания. Хотя именно социология занимается исследованием взаимодействий индивидов в обществе, что в особенности актуально в такое непростое время, какое переживает Россия последние 20-30 лет. Все это делает изучение сферы политических отношений в рамках социологии вдвойне актуальным.

Один из аспектов изучения политических взаимодействий в обществе – исследование понятийного аппарата. Ключевое понятие в изучении сферы политических отношений – термин «политика». Изучение этого понятия также необходимо, чтобы разрабатывать другие определения, где используется слово «политический», т.к. в словарях практически отсутствует их трактовки или часто даются ссылки на понятие «политика».

Сегодня существует множество трактовок этого понятия в разных гуманитарных науках. Постоянно появляются новые определения, где подчеркиваются ранее оставленные без внимания характеристики данного явления. В целях дальнейшего развития его трактовок необходим анализ, систематизация трактовок данного явления. Наиболее часто трактовки тех или иных явлений представлены в словарной литературе. Это касается и определений политики с позиций социологии. Для более широкого обзора сторон явления политики целесообразно рассмотреть не только социологические определения, но и определения в толковых словарях и словарях других наук.

Можно выделить группы словарной литературы, где представлены определения термина «политика», – определения толковых словарей и определения словарей из тех или иных наук. Внутри каждой группы определений стоит рассмотреть их в относительно хронологическом порядке и в сторону увеличения количества интерпретаций политики.

В определениях *толковых словарей,* хотя эти трактовки и более поверхностны, даны наиболее общие характеристики изучаемого явления. Все определения политики в толковых словарях можно поделить на следующие группы.

В *первую группу* входят определения, где политика рассматривается как «отношение между классами, борьба классов за господство в обществе, их отношения к государственной власти как оружию господствующего класса; политика включает так же и область взаимоотношений между государством, которые определяются интересами господствующего класса» [17, 689]. Нужно отметить, что во многих определениях советского периода политика связывается с классовой борьбой. При этом в определениях того времени всегда употребляется слово *«класс»* для обозначения социальных общностей, но не страта, слой или как-то иначе.

В *другой группе* определений политика понимается как «сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства» [7, 941]. Политика может быть также определена как «одна из социальных наук, а именно учение о способах достижения государственных целей» [4, 453].

В словарях советского (1980-х гг.) и постсоветского периода (включительно 2003 гг.) можно встретить трактовки политики в нескольких значениях. Политика – «1. Деятельность органов государственной власти и управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других общественных группировок, определяемая их интересами и целями; … 2. События и вопросы общественной, государственной жизни; …3. Разг. Образ действий кого-либо, направленный на достижение чего-либо, определяющий отношение к кому-, чему-либо; … 4. Разг. Революционная или подрывная деятельность, участие в антиправительственных выступлениях» [14, 566]. Первая интерпретация наиболее приемлема, если рассматривать политику на макроуровне. Вторая интерпретация довольно «расплывчата». Здесь не указываются результатом чьей деятельности для достижения какой-цели проводятся эти события. Четвертая трактовка также «узкая», она связана только с революционными действиями. Самая «широкая» из трактовок – это третья, где политика рассматривается как «образ действий кого-либо, направленный на достижение чего-либо, определяющий отношение к кому-, чему-либо». Такая интерпретация вообще самая «широкая» из всех представленных выше и ниже определений. Она не связывает все с классовой борьбой. В ней говорится, что политику могут проводить разные субъекты. Это является достоинством данной трактовки. Это – самая «теоретическая» трактовка понятия, хотя и самая всеобъемлющая. Данная трактовка подчеркивает наличие определение цели и средств активного субъекта. Недостаток этой трактовки заключается в том, что она, в основном, применима для микроуровня, т.е. отдельный человек может осуществлять свою политику (и даже не в области отношений в обществе, а в семье, какой-то малой группе).

Наибольшее количество трактовок изучаемого понятия представлено в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Ушакова. Политика – это «1. Деятельность государственной власти в области управления и международных отношений; деятельность той или иной общественной группировки, партии, класса, определяемая их целями и интересами; 2. Общий характер, отличительные черты деятельности, поведения (государства, общественной группы, отдельного лица в той или иной области); 3. Хитрость и уловки в отношениях с людьми, хитрый уклончивый образ действий; 4. События и вопросы внутренней и международной общественной жизни; 5. Революционная работа, участие в революционном движении; 6. Политические знания, политические предметы; 7. Вежливое обходительное обращение» [16, 526]. В этих трактовках добавляется то, что политика может осуществляться не только *внутри* государства, но и за его пределами. Также показан *хитрый* характер действий лица, проводящего политику. Акцентируется внимание на трактовку политики как отдельных политических событий, политическое знание.

Отметим в этой группе и такое определение политики: «цели и задачи, преследуемые общественными классами в их борьбе за свои интересы; методы и средства, при помощи которых достигаются эти цели и задачи» [6, 331]. И, хотя это трактовка политики советского периода, но она достаточно «удачна», если заменить общественные классы на термин, более соответствующий современной научной терминологии, которая адекватнее современному периоду общества. Например, социальные слои, общности, группы.

Итак, обобщая все вышеперечисленные особенности политики, можно выделить ее семантическое пространство:

- борьба классов за господство в обществе;
- одна из социальных наук;
- отношения между социальными слоями, классами;
- деятельность органов государственной власти;
- внутренняя и внешняя,
- революционная деятельность;
- действия кого-либо, направленные на достижения чего-либо
- события общественной жизни;
- хитрый образ действий;

- вежливое, обходительное обращение;
- использование методов и средств в борьбе за свои интересы.

В словарях по тем или иным дисциплинам разные явления рассматриваются с точки зрения этих наук. Это касается и термина «политика».

Так, в словарях по *обществоведению* политика понимается как «1. Сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами и государствами, основным содержанием которой является проблема завоевания, утверждения и использования государственной власти; 2. Участие в делах государств, определяющее форму, задачи, содержание его деятельности; 3. Процесс управления общественными делами; 4. Вопросы и события общественной, государственной жизни; 5. Наука и искусство поиска оптимального способа решения социальных проблем; 6. Все виды деятельности, связанные с руководством в какой-либо социальной сфере» [18, 313]. Или политика – это «1. Искусство управления государством; 2. Сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными субъектами, стержнем которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти; 3. Участие в делах государства, определение задач, форм и содержания его деятельности» [13, 330]. Политика может пониматься и как «сфера деятельности человека, группы людей, партий, государств, направленной на реализацию социально значимых интересов с помощью власти» [12, 235].

Более всего определений политики представлено в словарях по *политологии*. Политика рассматривается как «1. Сфера публичной цивилизованной жизни, охватывающая общественные отношения субъектов, наделенных полномочиями и обязанностями, участвующих в управлении государством, деятельности властных институтов, выражающих и отстаивающих интересы определенных социальных слоев и групп. 2. Целенаправленная духовно-практическая деятельность конкретных субъектов, направленная на присвоение, удержание или перераспределение властных функций в масштабах всего государства; 3. Управленческая деятельность государственных институтов по стратегическому руководству экономическими, правоохранительными, социокультурными, экологическим и другим секторам социосферы, а также их систематические действия, направленные на разрешение постоянно возникающих макросоциальных противоречий и конфликтов» [1, 156].

Интересна и трактовка политики как «сознательной деятельности в политической сфере общества, направленной на реализацию власти» [8, 156]. В характеристике политики отмечается, что она – «искусство (теория и практика) борьбы за власть, управления государством, в том числе в отношении других государств» [2, 239]. Отметим и определение политики как «организованной и регулятивно-контрольной сферы общества, основной в системе других таких сфер: экономической, идеологической, правовой, культурной, религиозной» [9, 251].

Итак, характеристики политики, отмеченные в *гуманитарных дисциплинах:*
- сфера деятельности;
- участники деятельности – государство, социальные группы и т.д.
- субъекты наделены полномочиями, участвуют в управлении государством;
- содержание деятельности – завоевание , удержание, использование власти;
- власть используется в целях достижения своих интересов этими субъектами;
- при использовании методов и средств
- наука и искусство оптимально способа решения социальных проблем
- вопросы и события общественной жизни
- участие в делах государства;
- все виды деятельности, связанные с руководством в любой сфере;
- управленческая деятельность гос.инстттутов в других сферах;
- действия, направленные на разрешение макросоциальных противоречий.

В *социологических* словарях понятие «политика» может рассматриваться как «1.сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и между другими социальными группами, основным содержанием которых является завоевание, удержание, поль-

зование властью» [15, 249]. Встречается и такое определение политики: «1. Процесс в государстве или организации (включая группы всех видов, например, семья), связанные с влиянием на содержание и выполнение преследуемых целей, установок и их управление; 2. Наука или изучение политики и правления (см. также политическая наука[1])» [3, 39]. Под политикой может также пониматься «деятельность классов и иных социальных групп, связанная с определением содержания и форм, задач и функций государства, а также его взамоотношений с другими государствами» [11, 293].

Итак, основные характеристики политики с *позиций социологии*:

- сфера деятельности,
- субъекты деятельности – разные социальные общности,
- политику осуществляют для достижения целей,
- деятельность по достижению и использованию государственной власти,
- деятельность, выражающаяся в определении внешней и внутренней деятельности государства.

Социология рассматривает политику как деятельность различных социальных групп, т.е. в своей плоскости исследования. Учитывая это, можно дополнить характеристики политики, отмеченные в других дисциплинах.

Характеристики политики, отмеченные в гуманитарных дисциплинах:

- сфера деятельности;
- участники деятельности – государство, социальные группы и т.д.
- субъекты наделены полномочиями, участвуют в управлении государством;
- содержание деятельности – завоевание, удержание, использование власти;
- власть используется в целях достижения своих интересов этими субъектами;
- субъекты определяют деятельность государства;
- при использовании методов и средств
- наука и искусство оптимально способа решения социальных проблем
- вопросы и события общественной жизни
- участие в делах государства;
- все виды деятельности, связанные с руководством в любой сфере;
- управленческая деятельность институтов государства в других сферах;
- действия, направленные на разрешение макросоциальных противоречий.

Итак, политика – это:

- сфера деятельности,
- субъекты деятельности – разные социальные общности и отдельные индивиды - актóры[2],
- политику осуществляют для достижения своих целей, которые, в свою очередь, служат удовлетворению потребностей индивидов данной социальной общности;
- те или иные политические отношения возможны только на определенных этапах общественного развития, это касается всех сторон политики, разных социальных общностей,
- деятельность по достижению и использованию государственной власти,
- деятельность, выражающаяся в определении внешней и внутренней деятельности государства,
- использование определенных методов и средств для достижения своих целей для достижения и использования государственной власти.

---

[1] В понимании вопроса, что такое политическая наука, ученые разделились на две школы: а) «описывающих (и сравнивающих) модели правления и политики, извлеченные из работ философов, историков, конституционных теоретиков, государственных администраторов и т.д., а также собранного ими самими материала, не претендуя на то, что политические исследования могут когда-либо считаться «наукой» в любом естественнонаучном или даже социально-научном смысле термина; б) «стремящихся возвести политические исследования до «научных» социальных дисциплин – социологии, политэкономии и социальной психологии…, особенно тесно переплетая их с политической социологией» [3, С.40-41].

[2] Политические действия осуществляют социальные общности и отдельные индивиды, и те и другие входят в предметное поле социологии.

Итак, политику можно интерпретировать следующим образом: Политика – *возможная на данном этапе общественного развития деятельность актóров, направленная на завоевание и использование государственной власти посредством определенных методов и средств, осуществляемая в целях удовлетворения своих потребностей, и выраженная в виде направлений внутренней и внешней деятельность государства.*

Список литературы:

1. Бачинин В.А. Политология. Энциклопедический словарь. – СПб.: Из-во Михайлова В.А., 2005. – 288 с.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия / Беляков А.В. и др. – М.: Эксмо, 2009. – 424 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2-х томах. Том 2 (П-Я): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2001. – 528 с.
4. Брокгауз ф.А., Ефрон И.Л. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Из-во Эксмо, 2002. – 672 с.
5. Большая советская энциклопедия. 1959. 1259 с.
6. Малая советская энциклопедия. Гл.ред. Б.А.Введенский. В 10 т. Т.7. Первомайск-рубе. Третье издание. Государственное научное издательство
7. Новый энциклопедический словарь. Большая Российская энциклопедия, РИПОЛ классик, М., 2006. – 1456с.: ил. С.941.
8. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т.2. / Нац. обществ-науч. фонд; Рук проекта Г. Ю. Семигин; Науч. – ред. совет; предс. Совета. Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 703 [2]с.
9. Политология: Энциклопедический словрь / Общ. ред. и сост. Ю. А. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. 431с.
10. Российская социологическая энциклопедия. Под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-м.. 1998. – 672с.
11. Словарь терминов и понятий по обществознанию / автор-составитель А.М.Лопухов; вступит. Слово А.С.стрельцов. - М.: Айрис-пресс, 2007. – 448с.
12. Современный словарь по общественным наукам / Под общей ред. О. Г. Данильяна, Н. И. Панова. – М.: - Издательство Эксмо, 2007. – 528с.
13. Современный толковый словарь русского языка / Гл.ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2003. – 960с.
14. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор-академик РАН Г. В. Осипов. – М.: «Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1948. – 488с.
15. Толковый словарь русского языка . В 4 т. Т.3. / Под ред. проф. Д.Ушакова. – М.; ТЕРРА, 1996. – 712с.
16. Энциклопедический словарь. Гл.ред. Б. А. Введенский. Государственное научное из-во «Большая советская энциклопедия»; М., 1954. В 3-х томах, Т.2. К-Праща, 719 с.
17. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 528с.

УДК 374

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ

Черноскутова Марина Викторовна
магистрант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: marina5-92@inbox.ru

FEATURES OF MODERN SUPPLEMENTARY EDUCATION FOR CHILDREN IN RUSSIA

Chernoskutova Marina,

1 undergraduate course, Department of State and Municipal Administration, IGUP, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg
E- mail: marina5-92@inbox.ru

АННОТАЦИЯ – Статья посвящена современному состоянию дополнительного образования детей в России, отражает его главные институциональные, психологические и экономические проблемы.

ABSTRACT –The article is devoted to the modern state of supplementary education for children in Russia, reflects its main institutional, psychological and economic problems.

Ключевые слова: Дополнительное образование детей; воспитание; педагогика.

Keywords: Additional education of children; education; pedagogy.

Важнейшей целью современного отечественного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России. Воспитание ориентировано на достижение определенного идеала, образа человека, имеющего приоритетное значение для общества в конкретно-исторических социокультурных условиях. Современным национальным воспитательным идеалом должен стать высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации. Несомненно, важную роль в воспитании детей наряду с общим образованием играет дополнительное, которое более полно обеспечивает их личностное развитие.

Дополнительное образование детей, которое является неотъемлемой частью системы непрерывного образования, призванной обеспечить ребенку дополнительные возможности для духовного, интеллектуального и физического развития, удовлетворения его творческих и образовательных потребностей. Так, дополнительное образование — это вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования [9; 128]. Дополнительное образование детей и взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени. Дополнительное образование детей обеспечивает их адаптацию к жизни в обществе, профессиональную ориентацию, а также выявление и поддержку детей, проявивших выдающиеся способности. Дополнительные общеобразовательные программы для детей должны учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей.

Областью реализации содержания дополнительного образования являются направленности дополнительного образования. Выделим их основные типологические характеристики. Исследователь, А. В. Леонтович, определяет направленность как предметно-тематическую или типодеятельностную область, в рамках которой реализуется содержание дополнительного образования в реальной практике работы учреждения дополнительного образования; исторически сложившуюся предметно-тематическую или типодеятельностную область образовательных запросов определенной социальной группы детей и их семей за пределами государственных образовательных программ общего образования [5; 1].

Сегодня учреждения дополнительного образования детей реализуют следующие направленности: научно-техническая; спортивно-техническая; физкультурно-спортивная; художественно-эстетическая; естественнонаучная; туристско-краеведческая; эколого-биологическая; военно-патриотическая; социально-педагогическая и культурологическая.

Сфера дополнительного образования регулируется нормативно-правовыми актами федерального, муниципального и локального уровней. Особенностью существующей сферы дополнительного образования детей является ее интеграционный и межведомственный характер. Программы дополнительного образования реализуются в учреждениях дополнительного образования, общеобразовательных школах, дошкольных учреждениях, учреждениях среднего профессионального образования, охватывают различные сферы деятельности и интересов – образование, культуру и искусство, физическую культуру и спорт [7; 12].

По мнению В. П. Голованова, анализ преобразований, проводившихся в последнее десятилетие, говорит о том, что в России сложилась достаточно эффективная современная система дополнительного образования детей, вобравшая в себя многое из того, что было во внешкольном образовании, внешкольном воспитании, во внешкольной работе [1; 74].

Однако в последние годы сфера дополнительного образования детей испытывает системный и содержательный кризис, так как существующие межведомственные преграды не способствуют его эффективному развитию и снижают результативность деятельности учреждений дополнительного образования. Требования к повышению качества сферы дополнительного образования предъявляют, прежде всего, дети и родители, профессиональное сообщество. Межведомственная программа развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года предусматривает необходимость активного использования конкурсных и подрядных механизмов для успешного привлечения и использования негосударственных образовательных проектов и программ, способных давать качественные практико-ориентированные знания, формировать социальную компетентность у детей, развивать опыт общественно-значимой деятельности.

Требования к модернизационным изменениям сферы дополнительного образования детей изложены Президентом РФ В. В. Путиным, в предвыборной статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» [8; 3]. Применительно к дополнительному образованию детей в статье отмечается, что за последнее время произошел отток из нее значительной части кадровых и финансовых ресурсов. Посещаемость кружков и секций уменьшилась и в настоящее время охватывает только половину школьников, причем только четвертая часть из них занимается на бесплатной основе. В. В. Путин предложил вернуть систему дополнительного образования в сферу ответственности государства – на региональный уровень, оказывая при необходимости поддержку из федерального бюджета.

Так, меры, принимаемые государством по развитию дополнительного образования детей, нашли свое отражение в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Правительству РФ поручено обеспечить достижение следующих показателей: увеличение к 2020 г. числа детей в возрасте от 5 до 18 лет, обучающихся по дополнительным образовательным программам, в общей численности детей этого возраста до 70-75%, предусмотрев, что 50% из них должны обучаться за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также подготовить предложения о передаче субъектам РФ полномочий по предоставлению дополнительного образования детей, предусмотрев, при необходимости, софинансирование реализации названных полномочий за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

Полагаясь на мнение исследователей, изучающих проблемы дополнительного образования детей, выясним, с чем же связан системный и содержательный кризис дополнительного образования детей. Б. В.Куприянов рассмотрел некоторые причины проблем, связанных с дополнительным образованием, которое . По мнению ученого, основная причина – *отчуждение* дополнительного образования от детей, родителей, государства и общества. С точки зрения Б. В. Куприянова, отчуждение учреждений дополнительного образования детей от государства связано с системным и инструментальным сбоем, вызванным тем, что предшественник дополнительного образования – внешкольное воспитание формировалось как решение очередной задачи государством, партией и правительством (развитие промышленности – юные техники,

развитие авиации – юные летчики и т.д.) [3; 53]. По мнению Куприянова, инструментальный сбой в отношении внешкольного дополнительного образования детей произошел в области нормативно-правового обеспечения.

Лишившись в 1990-е гг. заказчика в лице центральной власти, учреждения дополнительного образования не получили его ни в лице региональной власти, ни со стороны муниципальной [3; 55]. В течение двух десятилетий четкой идеи, определившей их место и роль в рамках государства, сформулировано не было. Сегодня дополнительное образование отчуждено и от родителей. С одной стороны, родитель – заказчик образовательной услуги и эксперт образовательной реальности, существующей для ребенка, а педагог – исполнитель заказа и объект экспертизы; с другой, – педагог и родитель – партнеры по моделированию, организации и исполнению образовательного проекта. Но родители плохо ориентируются в реалиях дополнительного образования, то есть фактически не могут выступать заказчиками. Ограничение состава заказчиков только родителями представляет собой вызов практике дополнительного образования. Исследователь считает, что государство и институты гражданского общества должны заказывать не престижное, но необходимое для социокультурного воспроизводства содержание внешкольного образования – традиционные ремесла, краеведение. На наш взгляд, в данном случае исследователь затрагивает проблему содержания дополнительного образования, совершенствование которого напрямую обеспечит развитие отдельно взятого региона.

Один из самых важных аспектов – отчуждение дополнительного образования от детей [4; 6]. Исследователь утверждает, что количество старшеклассников, занятых дополнительным образованием, существенно падает. Профильное обучение и подготовка к ЕГЭ изъяли учащихся 9-11 классов из внешкольных учреждений. Анализ опыта учреждений дополнительного образования показывает, что в массовом порядке сегодня не обеспечивается потребность старшеклассников в клубных формах времяпрепровождения, сегодня эти функции более эффективно реализуют коммерческие предприятия общепита и досуга (кафе, клубы и т.д.).

Наряду с Б. В. Куприяновым проблемами, связанными с развитием системы дополнительного образования детей России, а именно, с отчужденностью дополнительного образования детей от государства изучала Н. А. Мухамедьярова. По мнению исследователя, в силу того, что нормативно-правовое обеспечение системы дополнительного образования является основой для ее эффективного функционирования, особо значимыми становятся законодательная и нормативно-правовая база. Исследование законодательных документов, проведенное Н. А. Мухамедьяровой, позволило выявить следующие проблемы в нормативно-правовом регулировании дополнительного образования детей в субъектах РФ:

1. Отсутствие комплексного документа, который бы включал все блоки системы дополнительного образования детей и создавал основы ее нормативного регулирования на уровне муниципального образования, региона, республики.
2. Дополнительное образование детей имеет противоречивый нормативно-правовой статус. С одной стороны, во многих документах говорится о важности и значимости этой системы, о невозможности без ее участия полноценно развивать, воспитывать и обучать, но, с другой – мы можем видеть достаточно документов, где дополнительное образование упоминается лишь в списке перечислений уровней образования, без уделения ей должного внимания внутри.
3. Принцип доступности дополнительного образования носит, как правило, декларативный характер. Как показывает сопоставительный анализ документов, перечень мер, призванных обеспечить этот принцип, применяемых названными регионами, стандартен, не очень велик, формулировки носят, как правило, лозунговый характер.
4. Доступность дополнительного образования для детей с ограниченными возможностями здоровья нормативно не закреплена.
5. Из анализа прав, социальных льгот и гарантий, закрепленных в законодательной базе субъектов РФ, трудно сделать оптимистичный вывод о правильном понимании

законодателем роли и значения педагогических кадров дополнительного образования в современном обществе. Значительная часть регионов в лучшем случае ограничилась сохранением прав и льгот, которые традиционно предоставляло педагогам государство (удлиненные отпуска, некоторые преимущества в получении жилой площади и др.).

6. Целевые установки, заявленные в документах, не всегда находят процессуальное и содержательное отражение в нормативно-правовых актах способов и методов их достижения.

Анализ основополагающих положений законодательной базы регионов РФ показывает, что законотворческий опыт содержит немало ценных наработок, заслуживающих внимание нормативно-правовых решений, знание которых значительно расширяет наши представления о путях, способах, конкретных вариантах совершенствования российского законодательства [6; 13]. Однако, по мнению Н. А. Мухамедьяровой, в настоящий момент законы либо носят общий характер, закрепляют отношения на уровне принципов, основ нормативного правового регулирования в сфере дополнительного образования детей, либо регулируют отношения в этой области на каком-то одном уровне общего или профессионального образования.

Г. А. Добрынина делает акцент на необходимости изменения содержания дополнительного образования в соответствии с современными требованиями и инновационной деятельностью. Г. А. Добрынина утверждает, что из-за отсутствия компьютерного оборудования крайне ограниченно используются современные информационные технологии в образовательном процессе. Изучение востребованности программ дополнительного образования в современных условиях выявило несоответствие между запросами школьников в самореализации и возможностями педагогического коллектива обеспечить социально активного воспитанника учреждения. Для изменения ситуации она предлагает сделать такие важные шаги, как:

1. обеспечить государственные гарантии доступности дополнительного образования;
2. создать условия для повышения качества дополнительного образования детей;
3. объединить усилия государственных, общественных организаций и бизнес-сообщества;
4. совершенствовать ресурсный потенциал;
5. управлять устойчивым развитием учреждений дополнительного образования [2; 127].

Чтобы добиться более высоких результатов в эффективности дополнительного образования детей в России, исследователь, В. П. Голованов, считает значимым решение следующих сложных проблем:

– усиление законодательной базы, дополнение ее документами, необходимыми для полноценного функционирования и развития сферы дополнительного образования детей;

– создание целостной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов в педагогических вузах и институтах повышения квалификации с учетом особенностей работы педагогов в разных образовательных учреждениях;

– развитие системы дистанционного образования;

– развитие дополнительного образования детей в общеобразовательных учреждениях, в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования, создание системы, позволяющей учитывать возможности внеурочной и внеклассной работы, особенности содержания базового (основного) и профессионального образования;

– поиск наиболее эффективных связей общеобразовательных учреждений, учреждений профессионального образования и учреждений дополнительного образования детей, развитие новых форм сотрудничества образовательных учреждений с общественными и государственными организациями;

– работа с семьей на более высоком уровне, направленная на активное вовлечение родителей в сотворческую деятельность с детьми;

– создание нового поколения дополнительных образовательных программ, пособий, учебников для системы дополнительного образования детей, учебно-методических ком-

плексов, а также аудиовизуальных, компьютерных материалов, отвечающих всем современным требованиям;

– материалов, обеспечивающих педагогу возможность разноуровневой работы с детьми и настоящего сотрудничества ребенка и взрослого;

– поиск путей интеграции в систему дополнительного образования детей таких групп детей, которые обладают особенностями психического и физического развития, т. е. относятся к числу социально неблагополучных [1; 74].

По мнению исследователя, решение этих и других проблем во многом зависит от профессионализма, увлеченности делом, творческих качеств педагогов дополнительного образования, осуществляющих свою трудовую деятельность в XXI веке.

Таким образом, на современном этапе становления российского дополнительного образования детей ряд ученых – В. П. Голованов, Н. А. Мухамедьярова, Б. В. Куприянов, О. Е. Лебедев, Г. А. Добрынина – особое внимание уделяет проблемам его развития. Анализируя исследования каждого ученого, можно сделать вывод, что в большинстве своем многие из них пришли к единому мнению о существующих противоречиях в системе дополнительного образования РФ.

Данные противоречия возникли между стратегической установкой современной системы дополнительного образования детей на развитие ее законодательной и нормативно-правовой базы и отсутствием единых механизмов анализа этой базы; между высоким потенциалом законодательной и нормативно-правовой базы, способствующей совершенствованию системы дополнительного образования, и недостаточной осведомленностью специалистов этой сферы о лучших образцах нормативно-правовых документов. Кроме того, противоречие существует между запросами учащихся и родителей, их ожиданиями от формы и методов ведения программ дополнительного образования, и фактическим содержанием дополнительного образования, реализуемым специалистами данной сферы.

Список литературы:

1. Голованов А.П. Исторические уроки становления и развития Отечественной системы дополнительного образования детей // Педагогика. Психология. 2009. № 12. С. 69–84.

2. Добрынина Г.А. Проблемы и пути модернизации системы дополнительного образования: управленческий аспект // Вестник ТГПУ. 2013. № 1. С.125-131.

3. Куприянов Б. В. Новые надежды дополнительного образования детей // Управление школой - Первое сентября. 2012. № 5. С. 51-56.

4. Куприянов Б. В. Современные вызовы и судьба ДОД // Дополнительное образование и воспитание. - 2011. - N 9. - С. 3-8.

5. Леонтович А.В. О направленности дополнительного образования. Режим доступа: http://www.dopedu.ru/stati/o-napravlennosti-dopolnitelnogo-obrazovaniya

6. Мухамедьярова Н.А. Нормативно-правовое регулирование предоставления дополнительного образования детям в России // Ярославский педагогический вестник – 2013 - № 1 – Том II (Психолого-педагогические науки)

7. Проект межведомственной программы развития дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года

8. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. Режим доступа: http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/

9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Новосибирск: Норматика, 2014. 128 с.

УДК 316.35

СОВРЕМЕННЫЕ СТАРШЕКЛАССНИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КЛИПОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Шалагина Елена Владимировна
кандидат социологических наук, доцент
УрГПУ, Екатеринбург
E-mail: elshal96@gmail.com

MODERN PUPILS IN CONDITIONS OF CLIP CONSCIOUSNESS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Shalagina E.
Candidate of science,
assistant professor of Urals State pedagogical University,
Ekaterinburg.

АННОТАЦИЯ – В статье автор обращается к теме изучения причин и особенностей у современных старшеклассников проявления феномена «клипового сознания», в условиях которого формируется их новая когнитивная реальность. Именно с ней сталкивается сегодня система образования в области организации образовательной деятельности, что требует поворота к личности старшеклассника как особому субъекту образовательного процесса. Автор приводит данные конкретных социологических исследований, позволяющие продолжить дискуссию о новых реалиях, вносимых в образование информационным обществом.

ABSTRACTS – This article examines the social interaction in in the sphere of contemporary system of education in Russia in conditions of new cognitive reality. In terms of theory, the article calls attention to researching new type of modern thinking in different elements of educational system, which is connected with Net knowledge, «clip consciousness». This paper describes important issues on the topic and describes results of the research. This discussion continue the topic about new social and cognitive reality: the society of information.

Ключевые слова: клиповое мышление, клиповое сознание, когнитивная реальность, интернетзнание.

Key words: clip thinking, clip consciousness, cognitive reality, netknowledge.

В 1990-х гг. научное мировое сообщество все чаще стало фиксировать происходящие с человеческим сознанием изменения, которые были обозначены в исследованиях через понятие «клиповое мышление» и изучалось в самом широком когнитивном пространстве психологами, педагогами, культурологами. Обратимся к его особенностям и рассмотрим появление данного феномена как социального явления. Обсуждаемый предмет представляет собой особый вектор в развитии отношений человека с информацией, который возникает в конце XIX в. Можно выделить ряд причин, усугубляющие конфликт между традиционной культурой и клиповым мышлением, который проявился сегодня в большей степени и, прежде всего, в системе образования.

Известный культуролог К. Г. Фрумкин выделяет пять ключевых факторов, породивших сознание нового типа и формирование носителя «клипового мышления»: ускорение темпов жизни и возрастание объема информационного потока, потребность в актуальной информации и увеличение ее разнообразия, необходимость быстрой и одновременной ориентации в различных информационных полях, а также демократизация и диалогичность социальных систем. Эти обстоятельства породили особую культуру восприятия информации, которую Фрумкин обозначает понятием альтернационной культуры (от слова «альтернация» – «чередование») [7, С.83]. Ее родовые черты: высокая фрагментарность информационного потока, большое разнообразие и полная разнородность поступающей информации и навык

быстрого переключения между фрагментами. Альтернационные мышление и культура опирается на дефицит времени и прагматику в получении информации.

Таким образом, клиповое мышление предполагает развитие одних когнитивных навыков за счет других. Безусловным является факт: сильная сторона «поколения I» (Internet Generation), воспитанного в эпоху бума компьютерных и коммуникационных технологий, – их возросшая способность к многозадачности. Дети Интернет-поколения одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по сети, редактировать фотографии, выполняя при этом домашние задания по учебным предметам. Но обратной стороной способности к многозадачности становятся рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст. Обратившись к историческому анализу истоков описываемых явлений и процессов, можно сказать: сегодня на наших глазах начинает исполняться пророчество канадского философа М. Маклюэна, что развитие электронных средств коммуникации вернет человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестанет быть базой нашей культуры [2, С.77]. Феномену «клипового сознания» посвящен целый ряд конкретных социологических исследований. Ранее в наших работах мы обращались к их обзору [8, С.37-41]. Особый интерес для нас представляли результаты, полученные специалистами научной социологической лаборатории Вятского государственного гуманитарного университета в 2009 г. [3, С.53-59]. Поскольку они явно коррелируют с выводами, полученными уральскими социологами в 2007 г. когда специалисты кафедры теоретической и прикладной социологии факультета социологии УрГПУ организовали и провели масштабное социологическое исследование по заказу Министерства общего и профессионального образования Свердловской области, получившее название «Ценностные ориентации выпускников полных средних образовательных учреждений». Это исследование нашло свое продолжение в исследованиях 2011 – 2013 гг. (тема «Изучение уровня социальной напряженности в образовательных средах Свердловской области», научный руководитель проекта – Шапко И.В., участники научного коллектива – М.А.Арапова, Л.Е., Петрова, Е. В. Прямикова, Е. В. Шалагина)

Итак, обратимся к некоторым результатам, полученным в ходе реализации вышеуказанных научных проектов. Интерес представляет область изучения навыков и возможностей использования компьютерных технологий у разных групп наших респондентов

Таблица 1

Навык обращения с компьютерными технологиями (в % по группам)

Уровень развития навыка обращения с компьютерными технологиями	**Учителя**	**Выпускники**	**Родители**
Вообще не умеют работать с компьютером	22,6	4,2	36,4
Умеют работать на компьютере, но не в Интернет	44,6	38,4	37,1
Умеют работать в Интернет	26,1	39,2	21,1
Умеют работать не только в Интернет но и в локальных сетях	6,7	18,2	5,4
Итого:	**100**	**100**	**100**

Таблица 2

Цели выхода в Интернет

Цели выхода в Интернет	**Учителя**	**Выпускники**	**Родители**
Читают новости	21,4	16,6	34,1
Посещают интересные, важные для себя сайты	38,1	44,5	40,5
Ищу научную информацию для учебы или для работы	76,1	53,4	44,7
Играют в сетевые игры	0,3	9,7	0,0
Скачиваю музыку, картинки или видео файлы	2,7	29,3	6,8
Общаются на форумах и (или) в чатах	4,9	24,9	3,5
Пытаются найти работу или заработать в Интернет	1,7	2,2	2,9
Занимаются Веб-серфингом	5,0	9,9	5,5
Содержат собственный сайт или сервер	0,0	3,1	0,0

Таким образом, можно привести следующие выводы, сделанные нами по полученным в ходе исследования материалам:

1. Современный школьник больше включен в «киберкультуру» (т.е. во взаимодействие с сетевыми технологиями), чем представители старшего поколения. Школьники обладают более развитым, по их самооценке, навыком обращения, как с компьютерной техникой, так и с сетью Интернет. Это увлечение Интернет носит характерную гендерную окраску, поскольку юноши обладают в связи с этим более развитыми навыками и чаще выходят в сеть.
2. По мере увеличения опыта взаимодействия с компьютерной техникой и Интернет индивид начинает обращаться к различным видам деятельности в сети. Для большинства опрошенных (как для старшего поколения, так и для молодежи) основной целью выхода являются поиск необходимой информации. Характерным отличием современного школьника активно работающего в сети Интернет является направленность на терминальные ценности развлечения и общения.

Описывая особенности современной информационной культуры выделенных нами групп респондентов, невозможно не обратиться к предпочитаемым ими средствам массовой информации. Прежде всего, отметим, что они довольно единодушны в выборе приоритетных средств массовой информации. Согласно полученным данным, абсолютное большинство респондентов (98 %) являются телезрителями, чуть меньшая часть (85 %) – читателями и 57 % опрошенных обозначили себя в качестве слушателей. Важным для социологов был вопрос о предпочтениях в выборе каналов, станций и т.д. Исследование показало, что безусловным лидером «смотрибельности» у всех групп респондентов является «Первый канал». Это обусловлено многими причинами, в том числе, и технологического свойства. В то же время, телеканал «Россия», обладающий, может быть, немногим меньшим технологическим ресурсом оказался в зоне дифференцированного внимания респондентов. Старшее поколение (учителя и родители) делят свое внимание между первым, вторым каналами и отчасти, НТВ, в то время как младшее – свое внимание сосредотачивает на развлекательных каналах – ТНТ, СТС, всевозможные музыкальные телеканалы.

Обращает на себя весьма низкий рейтинг не только телеканала «Культура», что вполне понятно и не требует специальных объяснений, но и местных телекомпаний – ОТВ, 41 канал и др. Причем, эта тенденция свойственна всем группам респондентов.

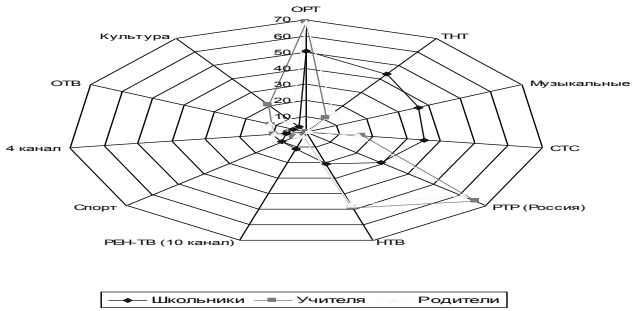

Рис. 1. Предпочитаемые телеканалы: школьники-учителя-родители

Предпочтения респондентов в радиоинформации на первый взгляд тоже весьма неоднородны. Школьники отдают пальму первенства «Европе+» и «Хит ФМ», учителя – «Маяку» и «Европе+», а родители – «Европе+», «Шансону», «Маяку» и «Радио СИ». При этом ясно, что с точки зрения характера информации – все перечисленные каналы, за исключением «Маяка», это музыкально-развлекательные радиостанции. Они находятся в

зоне приема практически на территории всей области, принимаются на коротких частотах и в силу этого доступны любой социальной группе. С точки зрения предмета нашего исследования различия между «Европой+» и «Радио СИ» минимальны. Хотя, возможно, было бы целесообразным проведением специального исследования контент-аналитического характера относительно транслируемых предпочитаемыми радиостанциями ценностных ориентаций.

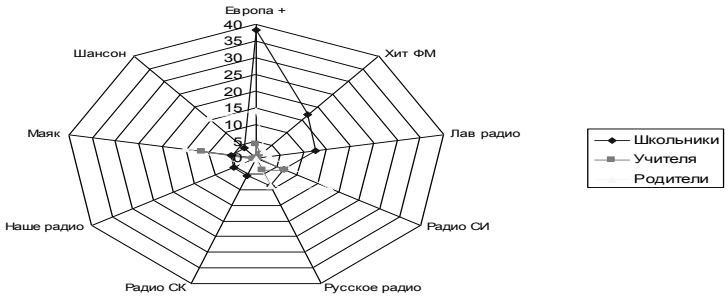

Рис. 2. Предпочитаемое радио: школьники-учителя-родители

Свои предпочтения среди печатных средств массовой информации респонденты распределили следующим образом: старшее поколение читает по преимуществу «АиФ», местные издания (городские, районные газеты), «Комсомольскую правду», издания с телепрограммой и профессиональные издания (в особенности – учителя), младшее – самые разнообразные развлекательные газеты и журналы. В анкетах – они представлены женскими и мужскими журналами, «Космополитен», «Гламур», «Телемир» и т.д.

Рис. 3. Предпочитаемые печатные издания: школьники-учителя-родители

Таким образом, подавляющее большинство наших респондентов, как мы видим по результатам социологического исследования, является потребителями информации Общероссийского Телевизионного Канала (ОРТ) и развлекательной продукции, поставляемой всеми средствами массовой информации в самых разнообразных формах и модификациях, что не может не влиять на формирование ценностных ориентаций наших респондентов, и в конечном счете, которые найдут свое отражение в профессиональной ориентации старшеклассников.

Проводя исследования в этом же проблемном поле, социологическая лаборатория государственного университета г.Нижнего Новгорода, вводит понятие «интернетзнания». В своих работах по данной тематике В.П.Козырьков говорит о новой форме существования социального знания – интернетзнании, которое в процессе гносеологического взаимодействия приобретает сложный, трехуровневый характер: сенситивно-символический, обыденный и концептуальный. Наша цивилизация, по его мнению, становится image-oriented, то есть, ориентированной на зрительный образ, что, соответственно, влияет на саму когнитивную реальность, а, в конечном счете, ведет к общему упадку грамотности [1, С.271] В этом смысле клип как форма подачи и восприятия информации прекрасно отражает сложившуюся ситуацию. Это то, что является частью целого и, представляет собой небольшой объект для ограниченного спектра внимания, лимитированного определенными временными и содержательными рамками.

Подводя итоги конкретных социологических исследований, можно выделить ряд особенностей современного типа мышления старшеклассников. Среди них сегодня становятся наиболее значимыми:

- высокая скорость воспроизведения образов;
- отсутствие акцентуации на деталях;
- визуальность;
- имманентность;
- эмоциональность;
- ассоциативность;
- игровой характер знания.

Таким образом, система образования сталкивается сегодня с новой ситуацией в обучении и воспитании, определяемой как особая когнитивная реальность, когда невозможно не принимать в расчет особые механизмы восприятия и обработки информационных потоков, отличающих сегодняшних школьников. Именно они должны дать импульс для развития современной школы и стать основой для инновационных педагогических технологий и методов, организации образовательного процесса, построении взаимодействия педагога и ученика.

Список литературы:

1. Козырьков, В.П. Антропология в системе интернеткоммуникации / В.П. Козырьков // Вестник ННГУ. Сер. "Социальные науки". Вып. 1 (4). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – С. 269-278; Маклюэн М. Телевидение. Робкий гигант//Телевидение вчера, сегодня, завтра, М.: Радио, 1987. Вып.7, с.38.

2. Маклюэн М. Телевидение. Робкий гигант./ М.Маклюэн. Телевидение вчера, сегодня, завтра. – М.: Радио, 1987. – Вып.7, с.77.

3. Митягина Е.В., Долгополова Н.С. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе// Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки, 2009, № 3 (15), с .53 – 59.

4. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи//Л.Е.Петрова// Социологические исследования. – 2000. - №12. – с.50-55.

5. Прямикова Е.В. Социальные науки в современном образовании: обоснование нового подхода / Прямикова Е.В. // Социально-гуманитарные знания. – 2009. - №6. – с.196-208.

6. Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей/ Л.Я.Рубина// Социологические исследования. – 1996. - №6. – с.63-75.

7. Фрумкин К. Откуда исходит угроза книге // «Знамя». 2010, № 9, с.83
8. Шалагина Е.В. К вопросу о новой когнитивной реальности/ Шалагина Е.В.//Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2014. - № 2. – с.37-41.
.

УДК 314.3:316.752-053.81 (470.5)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ УРФО

Шестаков Константин Александрович
кандидат социологических наук, Тюмень
E-mail: shestakov_const@mail.ru

AXIOLOGICAL METHODS OF FORMATION OF REPRODUCTIVE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE: EXPERIENCE IN THE URALS

Konstantin Shestakov
Candidate of Science, Tyumen

АННОТАЦИЯ – Отечественные и зарубежные практики формирования репродуктивных установок молодежи на основе аксиологического воздействия демонстрируют свою эффективность и высокий потенциал использования аксиологического фактора в регулировании репродуктивного поведения[1].

ABSTRACT – Domestic and foreign practice of formation of reproductive attitudes of young people on the basis of axiological effects demonstrate its effectiveness and high potential in the regulation of reproductive behavior.

Ключевые слова: аксиологический фактор; репродуктивные установки, семейные ценности

Keywords: axiological factor; reproductive attitudes, family values

Исследуя зарубежный и отечественный опыт использования аксиологического фактора в регулировании репродуктивного поведения, необходимо отметить, что сегодня перед обществами с модернизированными ценностями стоит сложнейший вызов необходимости формирования, утверждения, возрождения во многом утраченных традиционных семейных ценностей. Это является необходимым условием стабилизации демографических процессов. При этом СМИ, массовая культура постмодерна, молодежные субкультуры чаще всего оказывают противоположное воздействие, утверждая модернизированные антисемейные ценности. Пример в этом отношении демонстрируют США, не понаслышке столкнувшаеся с катастрофой модернизации ценностей и ее демографическими последствиями. В 1996 г. в результате принятия Закона о реформе социального обеспечения (Welfare Reform Act) на государственном уровне было начато широкое внедрение программ просвещения подростков, основанных на принципе «только воздержание» (программа «TITLE V»), что предполагает формирование представления о воздержании до брака и супружеской верности в браке как единственном правильном выборе. Результативность этих программ в области снижения подростковых беременностей и ЗППП подтверждается медицинской статистикой. Этот пример показывает эффективность аксиологических методов регулирования семейного, в том числе сексуального и репродуктивного поведения.

Потенциал использования аксиологического фактора демонстрирует также социальный эксперимент, проведенный в Екатеринбурге Г. А. Сунгатуллиной. В ходе социального эксперимента по специальному воздействию на ценностные ориентации принимали участие 226 подростков и молодых людей 15-23 лет из городов Свердловской, Челябинской, Пермской областей, Удмуртии и Башкорстана. Программа эксперимента включала в себя инфор-

[1] Редколлегия не может согласиться с мнением, что лекция (даже мультимедийная) серьезно изменяет ценностные установки и репродуктивное поведение молодежи. Статья публикуется в авторской редакции.

мационное и убеждающее воздействие на ориентации юношества в рамках образовательного семинара и групп участия в мероприятиях молодежных движений по нравственному изменению ценностных ориентаций. До и после экспериментального воздействия производились опросы респондентов по одной и той же анкете. После проведенных в ходе семинара мероприятий увеличилось число считающих обязательной регистрацию брака для создания прочной и полноценной семьи с 48% до 66%, уменьшилось одобрение добрачной сексуальности с 18% до 6%, уменьшился процент считающих, что лучше воспитываться в однодетных семьях с 10% до 6%, и увеличился с 56% до 66% контингент считающих, что лучше там, где несколько братьев и сестер. На 10% уменьшилась доля ориентирующихся на малодетность (55% и 45%) и выросла доля тех, кто ориентируется на среднедетность и многодетность (45% и 55%) по идеальному числу детей [1]. Таким образом, социальный эксперимент показал, что вопреки расхожим представлениям о «необратимости» установок на сожительство, развод, и прочие атрибуты малодетного стиля существования, индивидуальные ориентации на семью и брак подвержены влиянию и изменениям.

Также в УРФО (преимущественно Тюменской и Свердловской областях, а также ХМАО, ЯНАО и Челябинской области) с 2005 г. реализуется лекционно-просветительский проект «Семья и семейные ценности», основанный на использовании аксиологического фактора в регулировании репродуктивных установок и репродуктивного поведения. Работа ведется лекторской группой Тюменской региональной общественной организации «Центр защиты материнства «Покров». Мультимедийная лекция «Семья и семейные ценности» раскрывает причины и показывает пути выхода из демографического кризиса, предлагает альтернативу современной массовой молодежной субкультуре, утверждает просемейные ценности (целомудрие, воздержание до брака, супружеская верность, чадолюбие, уважение родителей и старших, дифференцированность гендерных функций, трудолюбие, скромность, ответственность). Цели лекции:

- формирование базовых этических ценностей, необходимых для развития цельной, нравственно здоровой и зрелой личности;
- повышение престижа семьи и брака в молодежной среде;
- формирование установок на рождение нескольких детей в семье;
- профилактика социальных девиаций, абортов и ЗППП.

Лекции-беседы проходят с учетом специфики возрастных и профессиональных групп и включают аспекты личностно-ориентированного подхода в обучении. Они рекомендованы департаментом образования Тюмени и департаментом образования и науки Тюменской области. С января 2014 г. данный проект функционирует и в Свердловской области. Всего с 2005 г. лекции прослушало около 60 тыс. чел. Результаты многолетней работы в области продвижения традиционных семейных ценностей в молодежной среде нашли отражение в нашей диссертации, защищенной в РГСУ (Москва), в монографии «Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян», в ряде научных публикаций на эту тему. В этих работах раскрыты результаты социологического исследования, выявившего существенное повышение установок детности (желаемое и планируемое число детей) у слушателей в результате присутствия на мультимедийной лекции «Семья и семейные ценности».

Основной акцент в лекции делается на необходимости возрождения традиционных семейных ценностей. Молодежи показывается альтернатива современному разврату и эгоизму, «жизни для себя» – высота и красота родительской и супружеской любви в многодетной семье и обществе в целом, чистота целомудренного брака, дающего настоящее семейное счастье и полноту супружеских отношений, достоинство человеческой личности, созданной не для того, чтобы «взять от жизни все», а для того, чтобы, жертвуя собой, дарить любовь. Даже глубоко поврежденные современной модернизированной антикультурой молодые люди хранят в душе некий идеал, вера в который постепенно угасает. Но если молодой человек увидит, что есть люди, реализующие этот идеал в своей жизни, то он становится не легендой, а нравственным императивом нравственного самосовершенствования личности.

С целью выявления изменения репродуктивных установок в результате присутствия на лекции было проведено социологическое исследование: «Влияние аксиологического фактора на изменение репродуктивных установок и мотивов слушателей мультимедийной лекции «Семья и семейные ценности» (2007-2009 гг., г. Тюмень). Метод исследования – анкетный опрос. Выборка сплошная (N-1265). Респонденты – студенты вузов, ссузов и учащиеся 9-11 классов – слушатели мультимедийной лекции «Семья и семейные ценности», в ходе которой осуществлялось прямое аксиологическое воздействие на аудиторию. Одни и те же лица опрашивались до и после лекции по идентичным опросным листам с целью выявить изменения репродуктивных предпочтений и установок в результате присутствия на лекции. Всего было обработано 2530 анкет. Изменение установок детности таково:

Таблица 1.

Изменение установок детности в результате присутствия на лекции

	идеальное число детей			желаемое число детей			ожидаемое число детей			разница между желаемым и ожидаемым числом детей
	конкретное число	сколько Бог пошлет	не знаю	конкретное число	сколько Бог пошлет	не знаю	конкретное число	сколько Бог пошлет	не знаю	
До лекции	92%	2%	6%	89%	2%	9%	87%	2%	11%	
	2,71			**2,94**			**2,18**			**26%**
После лекции	89%	8%	3%	90%	4%	6%	84%	6%	10%	
	3,22			**3,09**			**2,5**			**19%**

Почти на 20 % вырос после просмотра лекции показатель идеального числа детей, на 5,1% - желаемого, почти на 15% - ожидаемого. Причем разница между желаемым и ожидаемым числом детей сократилась на 7%: с 26% до 19%, что говорит о большей решимости рожать «не взирая на условия». Желаемое число детей (показатель, на который не влияют условия) вырос менее всего. Это также говорит о существенном исходном влиянии условий реализации потребности в детях на установки малодетности. Итак, примерно на 5% выросла потребность в детях (косвенно отражаемая в показателе желаемого числа детей), на 7% снизилась оценка влияния неблагоприятных условий на репродуктивное поведение (в будущей диспозиционной регуляции). Также можно предположить усиление аксиологической мотивации, выразившееся, в частности, в резком росте представлений о семейном идеале, который стал (по современным критериям) многодетным, превысив уровень 3 детей на семью. Все вместе дало 15% роста ожидаемого числа детей до уровня 2,5 (достаточного для расширенного воспроизводства населения). Мотивация репродуктивных установок при этом изменилась не существенно:

Таблица 2.

Мотивация репродуктивных установок слушателей до и после лекции

Вариант ответа	**Мотив**	**До**	**После**
Дети – это наша надежда, опора и утешение в старости	Экономический мотив	9%	11%
В любой нормальной семье должны быть дети	Социальный мотив (неосознанное нормативное поведение)	10%	4%
Дети продолжат нас, наш род, нашу фамилию, наше дело. Дети – наше будущее	Психологический мотив, направленный на себя	35%	31%
Если мы не будем рожать детей – страна вымрет	Социальный мотив (сознательный мотив социальной ответственности)	3%	5%
Быть родителями для нас – это так	Психологический мотив, направ-	38%	42%

здорово! Дети – это счастье!	ленный на ребенка		
Просто так	Неосознанная аксиологическая мотивация	0%	0%
Ради Бога	Осознанная аксиологическая мотивация	2%	2%
Не знаю	Присутствие неосознанной аксиологической мотивации	2%	1%
Другое		2%	2%

Возможно, это связано со сложностью интерпретации трансформации собственных установок непосредственно после активного информационно-аксиологического воздействия и инерцией существующих в сознании стереотипных формулировок (то, что хочу больше рожать понятно, а почему, я еще не могу сформулировать). Однако, очевидно более осознанное отношение молодых людей к своему репродуктивному поведению: более чем в 2 раза (с 10% до 4%) сократилась неосознанная нормативная мотивация. Существенно выросла демографическая озабоченность (гражданская ответственность): (с 3% до 5%). Также необходимо отметить переориентацию психологической мотивации от себя к детям: первая сократилась с 35% до 31%, а вторая зеркально выросла с 38% до 42%. Здесь можно предполагать эффект присутствующих в лекции аксиологических установок на альтруизм. Некоторое увеличение (с 9% до 11%) экономической мотивации скорее означает снижение «экономического страха» перед рождением ребенка (данный посыл имел место в лекции).

Возможно первый эффект со временем ослабеет: ценности и установки во многом вернутся на свои прежние места. Однако столь резкие изменения репродуктивных установок оставляют право надеяться на закрепление эффекта у некоторых слушателей. Также можно предположить, что некоторые инертные или антагонистически настроенные слушатели даже в анонимном опросе не пожелали продемонстрировать изменения своих репродуктивных установок, однако, при реальном жизненном выборе они могут все-таки учесть те сведения, которые получили на лекции. Тем более, что после окончания лекции всем желающим предоставляются наглядные пособия, видеоматериалы, научная и медицинская литература по данному вопросу, а также сама лекция с аудиозаписью в электронном варианте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отечественные и зарубежные практики, формирующие позитивные репродуктивные установки молодежи на основе аксиологического воздействия демонстрируют свою эффективность и высокий потенциал использования аксиологического фактора в регулировании репродуктивного поведения, который может быть реализован в полной мере посредством использования инструментов, воздействующих на массы населения, прежде всего СМИ, системы образования, социальных институтов, искусства и литературы.

Список литературы:

1. Антонов А. И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991—2007 годы // Демографические исследования. - № 7. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1084 (дата обращения: 20.05.10).

УДК 159.9

ФЕНОМЕН ПРОШЛОГО В СИСТЕМЕ ЭМОТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Шуб Мария Львовна
кандидат культурологии, доцент
Челябинская государственная академия культуры и искусств, Челябинск
shubka_83@mail.ru

THE PAST PHENOMENON IN SYSTEM OF EMOTIVNY PERCEPTION

Shub Maria Lvovna

Candidate of cultural science, assistant professor
Chelyabinsk state academy of culture and arts, Chelyabinsk

АННОТАЦИЯ – Отношение ко времени, в том числе и прошлому, является важной составляющей картины мира в любом историческом типе общества. Изучение восприятия прошлого способствует более глубокому пониманию актуального социокультурного пространства. Это и обусловливает чрезвычайно высокий исследовательский интерес к данной проблематике. В силу своей сложности и неоднозначности изучение феномена прошлого осуществляется в разных контекстах – субъективном и объективном, коллективном и индивидуальном, рациональном и эмоциональном. Именно последнему аспекту и посвящена данная статья.

ABSTRACT – The relation at the right time including to the past, is an important component of a picture of the world in any historical type of society. Studying of perception of the past promotes deeper understanding of actual sociocultural space. It also causes extremely high research interest in this perspective. Owing to the complexity and ambiguity studying of a phenomenon of the past is carried out in different contexts – subjective and objective, collective and individual, rational and emotional. This article is also devoted to the last aspect.

Ключевые слова: время, прошлое, восприятие прошлого

Keywords: time, past, perception of the past.

В современной исследовательской гуманитарной практике практически не осталось «белых пятен» - проблемных полей, которые бы не были охвачены учёными. Однако есть те из них, которые можно назвать по-настоящему актуальными. К ним можно отнести и феномен прошлого. Останавливаться подробно на причинах такой востребованности мы не будем, заметим лишь, что они связаны как с теоретическими, так и с практическими аспектами. В силу сложности и неоднозначности феномена прошлого его анализ подразумевает системность – изучение его в самых разнообразных контекстах: субъективном и объективном, коллективном и индивидуальном, рациональном и эмоциональном. В рамках данной статьи мы поговорим о последнем.

В 2012-13 гг. кафедра культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств проводила социологическое исследование, направленное на комплексное изучение отношение современных россиян к различным модусам времени, в том числе и к прошлому. В исследовании, согласно квотной выборке, приняло участие 550 жителей г. Челябинска. Инструментом исследования выступила анкета.

В рамках каждого блока анкеты мы обращались и к эмоционально-чувственным, и к рационально-знаниевым ресурсам респондентов, что позволило понять, как они ощущают прошлое и что они думают о нём. Таким образом мы хотели максимально расширить и углубить картину представлений о прошлом, продемонстрировав их сенсуалистскую и рациональную аспектации. Они интересовали нас в равной степени, однако представим более подробный анализ эмотивного восприятия прошлого. Для его осмысления мы предложили респондентам определиться с ассоциативными по отношению к прошлому категориями:

Таблица 1

Ассоциативные по отношению к прошлому категории

Варианты	%
Ретро	24,6
Традиция	21,2
Консервация	3,4
Классика	17,2
Память	52,6
Преемственность	8,3
Забытое	10,2
Несостоявшееся	4,9

Продолжение табл.1

Далёкое	12,9
Старое, старость	6,2
Зрелое, надёжное	3,7
История	32,3
Наследие	11,4
Опыт	17,9
Архаика	0,6
Ностальгия	31,1
Другое (детство, юность, молодость)	2,2
Затрудняюсь ответить	0,6

Предложенные ассоциации тематически можно разделить на следующие блоки.

По форме представленности:

– эпитетные (подразумевающие раскрытие качества, свойства, особенности): зрелое, забытое, далёкое и пр.;

– феноменальные (называющие явление, а не его свойства): история, опыт, память, ностальгия и пр.

По вектору направленности:

– персонально-ориентированные (эмоционально связанные с внутренним миром человека, с его индивидуальными ощущениями): преемственность, зрелое, надёжное, старое, забытое, несостоявшееся, далёкое, опыт, детство, юность;

– социо-ориентированные (в некотором смысле абстрактные, имеющие общеисторический характер, относящиеся к обществу вообще, а не к конкретному человеку): ретро, традиция, консервация, классика, архаика, история, наследие;

– смешанные (с трудноопределимым или бинарным статусом): ностальгия, память.

По характеру эмоциональной окрашенности:

– нейтральные: ретро, память, традиция, опыт;

– позитивные: зрелое, классика, надёжное;

– негативные: старое, несостоявшееся;

– смешанные: ностальгия.

Каждая группа ассоциаций, точнее выбор в пользу той или иной из них, является репрезентативным инструментом определения эмоциональных, оценочных параметров отношения к прошлому, того, каким образом оно трактуется человеком – как нечто внешнее по отношению к нему, а потому эмоционально переживаемое весьма нейтрально (экстериорный статус прошлого) или как нечто, соотносимое с личностью, биографией, событийной реальностью респондента, а потому вызывающее остроэмоциональную реакцию как позитивного, так и негативного характера (интериорный статус прошлого).

Данную корреляцию между двумя статусами оценки прошлого подтверждают и ответы респондентов. Так, например, у выбравших среди прочих социо-ориентированную и нейтрально-эмоциональную ассоциацию «ретро» (а выбрать можно было от одного до трёх вариантов) наиболее востребованными оказались аналогичные по статусу варианты «память» (42,5%), «наследие» и «традиция» (по 26,3%).

В ситуации выбора в пользу, например, персонально-ориентированного эпитета «далёкое» параллельно осуществлялся выбор статусно близких категорий «память» (36,4%) и «опыт», а эпитета «зрелое, надёжное» – категорий «старое» (33,3%) и «ностальгия» (25%).

Таким образом, в целом можно сказать, что человек, у которого образ прошлого отождествляется с чем-то внешним, общеисторическим, социальным, а не личностно-переживаемым, чужим, а не своим, его (прошлое) оценивает в плоскости нейтрального эмоционального фона. И, напротив, человек, ощущающий прошлое в контексте собственной судьбы, трактующий его как собственное прошлое, и переживает его выраженно позитивно или негативно в зависимости от личного опыта.

Интересно, что анализ корреляционных линий между выбором ассоциаций и возрастом респондентов не выявил никакой существенной динамики мнений. Все семь возрастных групп определили в качестве наиболее значимых в целом одни и те же варианты. Правда, для респондентов в возрасте от 18 до 49 лет третьим по популярности ответом стал «ретро» (36,8%, 22,7%, 40,4%, 26,3% соответственно), тогда как для респондентов более зрелого возраста он не попал в число востребованных. Это, вероятно, объясняется, прежде всего, коннотацией категории «ретро» и спецификой его восприятия людьми, находящимися на разных возрастных позициях. Для более молодых «ретро» – это нечто устаревшее, немодное, отсылающее к в глубокому прошлому, для более же зрелых людей, напротив, – часть их собственной жизни, а потому являющееся скорее феноменом настоящего, а не прошлого.

В целом же наиболее востребованными ассоциациями оказались «память» (52,6%), «история» (32,3%), «ностальгия» (31,1%) – нейтральными или смешанными по признаку эмоциональной оценки и по признаку вектора направленности, а также феноменальными по признаку формы представленности (выбор в пользу наименования явления, а не его признаков). Нам видится, что такая ситуация свидетельствует о том, что прошлое для основной части респондентов является интегративным феноменом, совмещающим в себе и свойства личностно переживаемого явления и явления, отождествляемого с масштабными историческими и социокультурными процессами. При этом эмоциональная оценка прошлого воплощается в достаточно сбалансированных формах – и память, и история, и ностальгия не имеют вне конкретного смыслового контекста каких-либо ярко выраженных позитивных или негативных коннотаций, являясь скорее носителями потенциальных, нежели видимых смыслов.

УДК: 303.425:379.822 (072)

ПАРТИСИПАТИВНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ПРОЕКТ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ

Шуклина Елена Анатольевна
доктор социологических наук, профессор
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
E-mail: shuklina_elena@mail.ru

A TARGET AUDIENCE OF THE PARTICIPATIVE MUSEUM PROJECT: RESEARCH RESULTS

Elena Shuklina
Doctor of Sociology, professor,
Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В статье анализируется новое направление в развитии музейной сферы – «партисипативный музей», на материалах конкретно-социологического исследования целевой аудитории показана эффективность разработки музейных проектов в этой сфере, представлен опыт создания методологии и методики партисипаторного исследования, наиболее адекватного для изучения данной проблематики.

ABSTRACT – This article describes a new type of the museum - participative museum, and its target and actual audience. Sociological research reveals the efficiency of such museum projects, the article touches upon the methodology and methods of the participatory research used by the author.

Ключевые слова: патрисипативная культура, культура участия, патрисипативный музей, партисипаторное исследование.

Keywords: participative culture, participative museum, participative research.

Актуализация концепции партисипативного музея и практики его конструирования – перспективное направление социокультурного развития музейной сферы как на западе, так и в России. Его основная ориентация – человекоцентризм в интерпретации культурного наследия и диалогический характер взаимодействия с аудиторией, которое базируется на феномене ее соучастия, соавторства в создании музейного продукта. В настоящее время музейная концепция партисипативности находится в стадии становления. Среди ключевых ее исследований – работы Н. Саймон [1], К. Маклин и В. Поллок [2,3], а в России Д. Агаповой [4]. Данное направление развивается в контексте концепции «MuseumNext» (термин Н. Саймон), напрямую связанной с феноменом партисипативной культуры [о понятии партисипативной культуры см. подробнее: 5, 6, 7, 8, 9]. В социокультурной сфере она рассматривается как свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только «потребителями» или объектами воздействия, но вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий (например, выставок и образовательных программ), а стало быть, в процесс осмысления и актуализации культурного наследия[4].

Степень сформированности культуры данного типа напрямую связана с характером и эффективностью партисипативного управления. Его характеристики в настоящее время представлены разработками прежде всего в сфере менеджмента, теории управления, теории организации. Основные требования к эффективному партисипативному управлению состоят в следующем [6, с.27]:

– добровольность широкого круга участвующих субъектов в принятии управленческих решений путем реализации проектной деятельности (работе малых групп, опросах, специальных комиссиях и пр.);
– их тесное взаимодействие с формальными структурами, обязательная помощь и поддержка участников, принимающих решения, представителями администрации;
– открытость любой информации, предоставление ее для обсуждения;
– регламентация проектной деятельности;
– отсутствие каких-либо санкций со стороны любых участников исследовательской и проектной деятельности за выдвижение идей и предложений;
– устойчивая обратная связь по любой идее, когда все наработки рассматриваются как имеющие право на использование в окончательном проекте управленческого решения;
– реализация созданного проекта, обязательное внедрение идей, нашедших одобрение

В силу этого партисипативный музей основывает свою деятельность на содержательно существенном участии широкого круга посетителей, представителей местного сообщества, партнеров**.** Кроме важного факта соучастия, сотворчества партисипативный музей (проект) «имеет подлинное уважение и интерес к впечатлениям, историям и способностям посетителей»[1], т.е. он предельно человекоцентрирован, ориентирован на потребности участвующих. И это закономерно, поскольку в противном случае это участие было бы невозможно. Именно это позволяет говорить о существенной смене миссии музея, содержании и форме организации его деятельности. Базовой ценностью музея становится полноправный диалог со зрителем, при котором активность его участия проявляется как в разработках концепции музейного продукта, его отдельных артефактов, так и активной их презентации, диалоге с целевой аудиторией.

Все это, без сомнения, способствует росту интереса к музею вообще, изменению его имиджа, а также появлению таких значимых «побочных» эффектов как увеличение посещаемости и, соответственно, доходов музея, возможность для него более эффективно решать свои экономические и организационные проблемы. Маркетинговая составляющая данного направления музейной деятельности заключается в том, что появляется возможность эффективно выявлять потребности разных сегментов музейной аудитории, разработать концепцию продукта в соответствие с ними, создать его при активном участии представителей заинтересованных сообществ потребителей, реализовать продвижение с их помощью, а также постоянно поддерживать коммуникацию с аудиторией, посетителями музея.

В данной статье мы рассмотрим опыт реализации партисипативного музейного проекта, осуществленного в Екатеринбурге Свердловским областным краеведческим музеем (СОКМ) в 2013-2014 гг. (см. сайт выставочного проекта http://co-museum.ru/). Проект «Искусство путешествий» является победителем конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». Выставка «Искусство путешествий» - итог данного проекта, проходившая с мая по июнь 2014 г., была создана в русле описанной выше концепции и связана с поиском новой актуальной интерпретации музейной коллекции и необходимостью расширения выставочного пространства за счет идей, мнений, историй и артефактов путешественников Екатеринбурга.

Проект предполагал вовлечение аудитории музея в процесс создания выставки. В основу концепции выставки был положен человеко-центричный подход. Экспонаты музея и привлеченные артефакты через донесение до зрителя персональных историй широкого круга участников проекта проблематизировали путешествие как искусство и культуру, демонстрировали набор стилей, способов, практик, состояний, возможностей. Для активизации личного Я зрителя были созданы зоны участия (всего 16 точек на выставке), где посетитель мог проголосовать, ответить на вопрос, высказать свое мнение, узнать, что думают другие. Такой подход должен был дать три важных эффекта:

1) создать ощущение путешествия как состояния, определенного образа жизни, настроения, процесса;

2) активизировать размышления человека о своей практике путешествий, дать ему возможность узнать что-то новое о себе, осознать что-то, возможно поменять отношение или задуматься, как можно путешествовать по-другому, пробудить желание двинуться в путь;

3) создать условия коммуникации - между посетителями выставки, посетителями и авторами историй, посетителями и авторами выставки.

Составляющей частью процесса конструирования экспозиционного пространства было социологическое исследование, которое имело статус партисипаторного. Исследования этого типа предполагают включение в исследовательский процесс в качестве соисследователей те социальные сообщества, которые реализуют или готовы реализовать свою гражданскую активность. Партисипаторные исследования базируются на традициях самоэкспериментирования, самонаблюдения, их особенностью является то, что они должны осуществляться совместно «с» людьми, а не «на» людях как объекте и даже не «для» людей, во имя их блага[10,11]. Коллективные усилия всех членов исследовательского комьюнити, прежде всего, ориентированы на значимые изменения, которые должны произойти в реальности, их целью является самопреобразование внутри групп, организаций, сообществ и более крупных социальных структур.

Партисипаторные исследования не являются комплексом детально разработанных процедур, а представляют собой достаточно плюралистическую ориентацию на получение знаний, ориентированных на социальные изменения [12]. Наше социологическое исследование было осуществлено в форме мониторинга и сопровождало реализацию проекта «Искусство путешествий» на всех его этапах:

I этап (предпроектный). Тестирование идеи проекта и разработка общей концепции выставки.

II этап (исследования в ходе реализации проекта). Разработка и тестирование элементов проекта.

III этап (постпроектный). Изучение эффективности реализации проекта через выявление отношения посетителей к выставке «Искусство путешествий».

На предпроектном этапе исследования базовым являлся метод мозгового штурма (экспертного фокусирования), задачей которого стала разработка общей концепции выставки, корректировка основной идеи и способов ее реализации. Участниками экспертного фокусирования стала команда проекта, включающая руководителей, широкий круг волонтеров, представителей музейного сообщества, людей, включенных в сферу туризма профессионально, студентов и преподавателей факультета культурологи. Большая часть участников, за

исключением ядра управленческой команды работала добровольно. Кроме того, на данном этапе использовались фокус-группы и свободные интервью с представителями различных сообществ, любительски вовлеченных в сферу туризма. Их задачей было протестировать идею проекта и основные элементы концепции. Участники фокус-групп были отобраны так, чтобы спектр их туристской активности значительно (порой кардинально) различался, что позволило бы проанализировать разные случаи и собрать материал, дающий возможность увидеть оценки различных секторов целевой аудитории (для фокус-групп использовался гомогенный отбор, для свободных интервью целевая выборка методом максимальной вариации). Первый этап мониторинга включал в себя элементы партисипаторного исследования: обсуждение и анализ командой проекта результатов фокус-групп и круглых столов, определение направлений дальнейшего поиска и отдельных методических приемов его реализации, наиболее адекватных получению практического результата, установление числа встреч, круга участников и т.д.

Второй этап исследования предполагал целенаправленную работу по разработке и тестированию элементов проекта. Доминирующими методами выступали мозговой штурм и фокус группы. Модель мозгового штурма определялась, прежде всего, необходимостью участия в нем профессиональных дизайнеров, которые, в ходе дискуссии о концепции каждого зала выставки, наполнении его экспонатами, их количестве и сочетании, определяли способы «обустройства» выставочного пространства, визуальные эффекты, необходимые для достижения результата экспонирования. На данном этапе команда проекта (прежде всего, ее ядро) полно определяла и контролировала исследовательскую деятельность. Кроме того, получаемая информация в той или иной мере становилась достоянием широкого круга участников с целью получения от них необходимой ответной реакции и помощи в поиске нужных экспонатов, материалов, дополнительных идей. Информация о процессе создания выставки распространялась в социальных сетях в виде мини-опросов, которые не претендовали на репрезентативность и методическую корректность. Вместе с тем, они позволяли держать аудиторию в курсе происходящего, получить от нее ответную реакцию и обогащали новыми идеями. Строго говоря, они представляли собой не столько исследовательскую деятельность, сколько элементы краудсорсинга.

Третий этап исследования был связан с анализом эффективности реализации выставочного проекта и, прежде всего, изучением отношения аудитории к выставке. Здесь был использован массовый репрезентативный опрос посетителей методом индивидуального анкетирования[1], при этом анкетировали и вводили данные волонтеры – члены исследовательской команды. Ими же осуществлялось изучение отзывов посетителей, сбор и анализ статистики игровых, интерактивных зон, зон участия, общей статистики посетителей. При этом продолжалась коммуникация с широкой аудиторией, которая концентрировалась вокруг уже завершенного проекта либо офф-лайн (встречи, культурные мероприятия и пр.), либо через сетевое взаимодействие, с целью создания тематического сайта виртуальной выставки, позволяющего прогуляться по ней вновь, поиграть, найти единомышленников по путешествиям, т.е. сформировать комьюнити на более продолжительное время. Это общение имеет и исследовательскую составляющую, поскольку продолжается изучение реакций аудитории на идеи выставки, ее экспонаты и мероприятия.

В целом партисипаторное исследование, при всей эффективности полученных результатов, использовало модель, исключающую жесткую методическую нормативность (в частности, игнорировались особенности применения отдельных методов и ряд процедур контроля за сбором качественных данных), предпочтение отдавалось так называемому «живому знанию» и достижению конкретных практических результатов.

[1] Объем генеральной совокупности 2776 человек, объем выборки N=296 чел., ошибка выборки 5,6% при вероятности 0,95 (коэффициент доверия =2), тип отбора – систематический, размер шага =15.

Эффективность выставки измерялась по ряду критериев, среди которых оценка посетителями:

- удовлетворенности посещением выставки;
- инновационности концепции выставочного проекта;
- отдельных элементов выставочного проекта;
- эффективности работы интерактивных зон и зон участия;
- готовность к продолжению участия в выставочном проекте.

Очень высокий уровень удовлетворенности (9,1 баллов по 10-ти балльной шкале) позволяет говорить об успешности проекта, «точном попадании» в целевую аудиторию, соответствии его основных концептуальных и организационных элементов потребностям этой аудитории.

Таблица 1

Респонденты о том, что внесло наибольший вклад в положительные ощущения от выставки (балльные оценки по 5-ти балльной шкале)

Вклад в положительные ощущения от выставки	Средний балл
возможность трогать экспонаты руками	4,9
созданная атмосфера путешествия	4,8
возможность делиться мнением, комментировать	4,6
истории и артефакты от современных путешественников нашего города	4,6
интересные экспонаты и истории о путешествиях прошлого	4,6
дизайнерские решения	4,5
игровые зоны	4,3
наличие полезной информации для вашей практики путешествий	4,3

Наибольший вклад в положительные ощущения от выставки (см. табл. 1) у посетителей (средний балл 4,9) вызвало разрушение традиционного стереотипа восприятия посетителями музеефицированного объекта/экспоната как дистанцированного, находящегося за пределами физического контакта, тактильного ощущения: «*на выставке нет «обожествления» музейного предмета. Чемоданы, путеводители и кусочки великих вершин мира кажутся поэтому лучшими друзьями. Путеводители столетней давности привязаны на желтые шнурочки, обмотаны как посылки во времена моего детства. Сидишь себе в кресле из чемоданов, а рядом – первый екатеринбургский автомобиль начала XX века, хочется забраться и в него тоже…»*[1].

Стирание границы между посетителем и экспозиционными объектами, их доступность, возможность понять и ощутить через непосредственное соприкосновение вызвало буквально всплеск позитивных эмоций и заложило основу понимания иного формата организации экспозиционного пространства и способов поведения посетителя в нем. В определенном смысле для посетителя – это первое, с чем он сталкивается, приходя на выставку, что не только символизирует, но и становится демонстрацией ее основной концепции - концепции участия, для которой интерактивность является необходимым (хотя далеко не единственным и не основным) элементом.

Созданная атмосфера путешествия стала для посетителей значимым событием[2] *(«Атмосфера потрясает», «Атмосфера путешествия - атмосфера свободы»).* Значимым вкладом в позитивное отношение к восприятию выставки стала ее интерактивность, возможность делиться, комментировать (*«Очень интересный интерактив»; «Писать комментарии»; «Делиться мыслями, печатать на машинке»; «Переложить мечту из «долгого ящика»; «Делиться мнением»).*

[1] Здесь и далее даны фрагменты интервью, типичные ответы на открытые вопросы анкеты, фрагменты отзывов посетителей см. http://vk.com/topic-54941304_29932030; http://museum-of-travel.ru/about/opinions/

[2] В анкете был задан открытый вопрос «Стало ли что-то на этой выставке для Вас событием? Если да, то что?»

Основной итог ее посещения – новые идеи, вдохновение, энтузиазм для новых путешествий: *«Вдохновение! Желание путешествовать!»; «Было очень интересно, нашла идеи, которые можно воплотить в жизнь»; «Выставка в целом вдохновляет на новые безумия и путешествия»; «Жажда путешествий стала особенно ощутимой, захотелось сделать свое путешествие особенным»; «Я обожаю путешествовать и для меня вся выставка - путешествие»».*

Для организаторов выставки важным было понимание того, что это проект отвечает потребностям аудитории, имеет выраженный мотивирующий эффект, совпадает с повседневными практическими задачами и проблемами, с которыми сталкиваются люди, организующие свои путешествия: *«Это первая, посещенная мной выставка, настолько вдохновившая и так совпавшая с событиями в моей жизни»; «Определилась с направлениями следующего путешествия»; «Совпадение в нашей паре "Париж" в лотерее будущих поездок и окончательное решение его посетить».*

Одной из задач нашего исследования было выявить оценку посетителями инновационности концепции выставочного проекта [1]. Факт отличия выставочного проекта от музейных экспозиций подобного рода признают 94,5% посетителей.

Посетители осознают новый формат своего участия в экспозиционном действии, понимают, что здесь сняты многие стереотипы поведения в музее и от них требуется иной способ реагирования на происходящее. Открытость экспозиционного пространства, активность действия и взаимодействия в его поле, возможность дотрагиваться до экспонатов, тактильно их ощущать создают условия для познавательной активности, эмоционального сопереживания, интеллектуального поиска: *«Близость и ощущение сопричасности»; «Много возможностей поделиться своими мыслями и мечтами по поводу путешествий (для тех, кому интересно)»; «Заставляет мечтать, вызывает желание самой попробовать, желание пообщаться. Можно всё потрогать, оставить свой след. Это супер!».*

Оценка посетителями отдельных элементов выставочного проекта – еще один показатель эффективности выставки. Для решении задачи исследования, связанной с выяснением «эффективности работы» каждого зала, составляющего маршрут выставки, успешности «считывания» респондентами смыслов, заложенных в каждый раздел экспозиции, мы задавали комплекс вопросов. В итоге можно с уверенностью утверждать, что коммуникативная интенция, заложенная в основу каждого экспозиционного раздела, прочитывалась зрителями почти всегда однозначно, а главное достилала поставленной создателями реально запланированной конкретной цели.

В исследовании важным был анализ эффективности работы интерактивных зон и зон участия. Являясь значимой составляющей выставки, они имели содержательную и функциональную нагруженность. Их нельзя рассматривать только как средство, инструмент реализации идеи выставки.

Массовый опрос дал возможность оценить как уровень активности зрителей, так и основные формы их активного участия в проекте. В целом 86,5% респондентов, принявших участие в опросе, проявляли различные формы своей активности. При ответе на вопрос об основной причине, ограничивающей их активное участие в работе выставки, называют непонимание того, что им требуется делать (39,4%), либо неготовность к такой форме участия (37,5%). Еще один показатель эффективности выставки - готовность к продолжению участия в выставочном проекте (см. табл.2). 78,7% участников не исключают мысли повторного посещения выставки, что, с одной стороны, говорит о заинтересованности данной темой, с другой – о скрытых резервах экспозиции, потенциал которой раскрывается постепенно и предполагает возможность повторного участия. При этом цели повторного посещения могут быть разными: одними респондентами не в полной мере освоены содержательные материалы,

[1] Респондентам были заданы вопросы: «По Вашему мнению, выставка отличается от музейных экспозиций подобного рода?»; «Если да, то в чем Вы видите ее инновационность, уникальность?» (открытый вопрос)

другими – игровой досуговый компонент, кто-то должен снова погрузиться в атмосферу выставки, способствующую углубленному осмыслению темы.

Таблица 2

Респонденты о формах продолжения участия в выставке (% к числу ответивших)

Готовы ли Вы …?	***Скорее да***	***Скорее нет***	***Итого***
Вернуться сюда снова	78,7	21,3	100,0
Пригласить на выставку друзей, знакомых	88,8	11,2	100,0
Продолжить знакомство с материалами выставки, используя интерактивный каталог (мобильное приложение), сайт выставки	65,0	35,0	100,0
Добавить свои экспонаты	60,2	39,8	100,0
Виртуально участвовать в конкурсах	56,9	43,1	100,0

65,0% посетителей готово продолжить знакомство с материалами выставки, используя интерактивный каталог (мобильное приложение), сайт выставки. Сам факт, что более половины зрителей заинтересованы в продолжении знакомства с материалами говорит значимом эффекте воздействия экспозиции.

Готовность продолжать активно взаимодействовать, добавляя свои экспонаты (60,2%), виртуально участвуя в конкурсах (56,9%) выразило больше половины респондентов. Следовательно, идея интерактивности выставки остается востребованной и актуальной.

Подводя общий итог, можно констатировать успешность реализованного проекта, для которого была выбрана удачная идея, вызвавшая интерес и отклик публики; корректно разработана общая концепция, которая была успешно считана, понята, принята аудиторией; адекватно запросам аудитории разработаны основные элементы выставочного проекта: разделы/залы; игровые зоны, зоны участия и др.; сделана достаточно успешная попытка включиться в процесс формирования культуры участия у посетителей музея, давая возможность им осваивать новые формы коммуникации, выходить за границы принятой социальной роли зрителя, взаимодействовать с участниками выставочного процесса, творческой группой, соучаствовать в создании и модификации выставочного проекта.

Вместе с тем, очевидно, что уровень готовности представителей музейного сообщества к реализации проектов такого типа невысок. Для того, чтобы модернизировать музейное пространство и превратить его в настоящую сферу активного диалога со зрителей требуется время и серьезные усилия. Серьезным препятствием для этого является и общий низкий уровень гражданской активности населения, и сложившиеся стереотипы музейщиков относительно того, каким должен быть сам музей и музейный продукт, и неготовность аудитории рассматривать музей как сферу активной самореализации. Тем не менее, современные тенденции в развитии музея находят своих энтузиастов, последователей и реализуются в весьма успешные проекты.

Список литературы:

1. Simon, N. The participatory museum. Santa Cruz, CA: Museum 2.0. - 2010. 388 p. Retrieved from http://www.participatorymuseum.org/read/
2. McLean, K., and Pollock, W. «The convivial museum». Association of Science-Technology Centers, 2010. - 199 p.
3. McLean, K., and Pollock, W. Visitor Voices in Museum Exhibitions (Eds.) Washington, DC: Association of Science-Technology Centers, 2007. - 164 p.
4. Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост.Н. Копелянская., М. 2012. [Электронный ресурс] URL: http://issuu.com/museumsolutions/docs/book_5
5. Росс Прицция (Ross Prizzia). Партисипативное управление // Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам «International Encyclopedia of Public Policy and Administration»). - Спб. : Петрополис , 2001 – 632 с. С.380-384.
6. Суворова, С.Л. Партисипативное управление межкультурным образованием в вузе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. - 2011. - Вып. № 38 (255). - С. 26-30.

7. Фроловичев, А.В. Формирование партисипативного стиля управления в системе государственной службы. Дис. ... канд. социол. наук / А.В. Фроловичев. - Саратов , - 2008. - 211 с.
8. Willis, Paul. Foot Soldiers of Modernity: The Dialectics of Cultural Consumption and the 21st-Century School / Willis, Paul // Harvard Educational Review. – 2003. - 73(3), 392 p.;
9. Jenkins, Henry, Puroshotma, Ravi, Clinton, Katherine, Weigel, Margaret, & Robison, Alice J. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / Jenkins, Henry... [et al.]. - Cambridge: The MIT Press, 2009. – 129 p.
10. Brock, K. Pettit, J. Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development. Practical Action, Warwickshire, UK, 2007.
11. Chevalier, J.M. and Buckles, D.J. Participatory Action Research: Theory and Methods for Engaged Inquiry, Routledge UK, 2013.
12. Chambers, R. (2008) "PRA, PLA and Pluralism: Practice and Theory", in The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. Reason, P. and H. Bradbury (eds). Sage, pp. 297–318
13. Camic, C. and Joas, H. The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. Rowman & Littlefield, Maryland, 2003.

Содержание

Абрамова Софья Борисовна
ОБРАЗ БУДУЩЕГО: ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 3
Айвазян Артак Андроникович, Ермолаева Светлана Георгиевна
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛОГА В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА 8
Акулич Мария Михайловна
РЕАЛИЗАЦИЯ ДУХА КОММУНИЗМА: КУЛЬТУРНЫЕ,ЭТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ 13
Амбарова Полина Анатольевна
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ 17
Антонова Наталья Леонидовна, Клейменов Михаил Вячеславович
МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПАЦИЕНТОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ 23
Артем Ольга Ярославовна
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОТРЕБНОСТЕЙ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В КАЧЕСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ 29
Багирова Анна Петровна, Сапожникова Кристина Александровна
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРЕНЕРСКОГО ТРУДА 32
Багирова Тамара Борисовна, Каташинских Варвара Сергеевна
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В МЕГАПОЛИСЕ 35
Банникова Людмила Николаевна, Согрина Валентина Николаевна
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЁЖИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ 40
Беликова Людмила Федоровна
"САМОЦВЕТНОЕ КОЛЬЦО УРАЛА" КАК ИМИДЖЕВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 45
Берзин Борис Юрьевич
ОДИНОЧЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ 49
Боронина Людмила Николаевна, Ронжина Дарья Дмитриевна
СОЧЕТАНИЕ НЕСОЧЕТАЕМОГО ИЛИ СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 53
Боронников Александр Дмитриевич, Вассерман Юрий Михайлович
МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ, ИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ОЦЕНКИ ПЕРМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА 60
Бурко Виктор Александрович
СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР САМООРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 65
Бурков Александр Андреевич
ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ФОКУС-ГРУПП В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ 70
Быкова Дарья Георгиевна
ПОКАЗАТЕЛИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА ПЕРИНАТАЛЬНОЙ СТАДИИ 79
Ваторопин Александр Сергеевич, Ваторопин Сергей Александрович
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ 83
Вишневский Юрий Рудольфович

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОГНОЗ – ОРИЕНТИР МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ 91
Вишневский Сергей Юрьевич, Дзевенис Анатолий Александрович
КРИЗИС КУЛЬТУРЫ: ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА (ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ) 100
Власова Ольга Владимировна
МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ СЕВЕРНОГО ГОРОДА 103
Власова Ольга Ивановна
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МАСТЕРА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ 109
Власова Татьяна Анатольевна
ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ШКОЛАХ НА ПРИМЕРЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИЖЕВСКЕ 115
Волегов Владимир Сергеевич
СИСТЕМА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛЯ И ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕРИИ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ СО СТУДЕНТАМИ) 121
Волченко Светлана Юрьевна
СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО СЕМЕЙНОМУ НЕБЛАГОПОЛУЧИЮ НА ТЕРРИТОРИИ 125
Воронина Алла Аркадьевна
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ 130
Воронина Людмила Ивановна
ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА НА ВНЕДРЕНИЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 133
Ворошилова Анжелика Игоревна
ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ 137
Грошева Ирина Александровна, Грошев Игорь Львович, Грошева Любовь Игоревна
КОЛЛИЗИИ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 141
Грунт Елена Викторовна
ФУНКЦИИ ШОПИНГА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕГАПОЛИСА 148
Гуськов Дмитрий Вячеславович
ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА К КУЛЬТУРНЫМ НОВШЕСТВАМ И ЭКСТРЕМИЗМУ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ 153
Деревнина Татьяна
СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО:
ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ 156
Дулина Надежда Васильевна, Икингрин Елена Николаевна
ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ В КООРДИНАТАХ ДВУХ ОЛИМПИАД (1980 и 2014 гг.) 161
Ефимова Галина Зиновьевна, Кичерова Марина Николаевна
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ И КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ НАПРАВЛЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЯ» 164
Ермолаева Юлия Вячеславовна
РОССИЯ И ОТХОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 169
Заборова Елена Николаевна
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОСЕЛЕНИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧИЯ 174

Заглодина Татьяна Алексеевна
ФЛЕШМОБ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА 180
Засыпкин Владислав Павлович
УЧИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОГО РЕГИОНА
О СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ 183
Зборовский Гарольд Ефимович
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЕЙ 185
Зырянов Сергей Григорьевич, Аверьянова Дарья Валерьевна
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ
И ДОВЕРИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И АКТÓРАМ 192
Зырянова Ольга Борисовна
БЕЗОПАСНОСТЬ И КУЛЬТУРА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ 197
Иванова Елена Юрьевна
ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ КАЧЕСТВАМ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ) 207
Кеммет Елена Викторовна
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ВЫБОРА ИНЖЕНЕРНОЙ ПРОФЕССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 210
Килин Виктор Валентинович
ПУТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 214
Кислов Александр Геннадьевич, Шапко Ирина Валерьевна
ЧАЙЛДФРИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СИМПТОМ 220
Козлов Анатолий Александрович
ПОЛИТИКА В. В. ПУТИНА В УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ 226
Комарова Наталья Сергеевна
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ 230
Кораблева Галина Борисовна, Ананьина Валентина Тимофеевна
СОСТОЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ 235
Кох Иван Адамович
СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА 241
Кузьмин Александр Иванович
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИИ 249
Кузьминчук Анна Александровна
СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ВОЛОНТЕРОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 258
Кучкильдина Мария Анатольевна
СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 265
Лазукова Евгения Андреевна
ТРУД ДЛЯ ГОССЛУЖАЩИХ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ 269
Лебедева Анастасия Михайловна, Нархов Дмитрий Юрьевич
К ВОПРОСУ О КОЛЛАБОРАЦИИ РЕКЛАМЫ И PR
В СФЕРЕ МАССОВОГО СПОРТА 271
Лесина Людмила Александровна
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА 274
Липская Лариса Алексеевна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 280
Макарова Людмила Витальевна
ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 283
Мансуров Валерий Андреевич
ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД РЕФОРМ 288
Маркова Татьяна Леонидовна
ФАКТОРЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 295
Масленцева Наталья Юрьевна
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ МОДЫ 298
Меренков Анатолий Васильевич, Гурарий Анна Дмитриевна
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ О ТРЕБОВАНИЯХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ К ВЫПУСКНИКАМ ВУЗА 303
Москвина Наталья Робертовна
НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 306
Мочалова Надежда Юрьевна
ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 310
Мурзина Ирина Яковлевна
РЕГИОНАЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА 317
Нархова Елена Николаевна, Усцова Евгения Васильевна
РЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «УРАЛЬСКИЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ» В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ 322
Окуненко Людмила Андреевна, Тагильцева Наталия Григорьевна
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШКОЛЫ, ВУЗА И ДЕТСКОГО САДА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА 325
Ольховиков Константин Михайлович, Ольховикова Светлана Валерьевна
КУЛЬТУРА АКТУАЛЬНОСТИ: МИФОЛОГИЯ ВХОДА ЧЕРЕЗ ВЫХОД 328
Орлов Владимир Анатольевич
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В УРАЛЬСКОМ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ 332
Осипчукова Елена Владимировна
ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ: МНЕНИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ 339
Осьмук Людмила Алексеевна, Жданова Инна Валерьевна
ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ: ОПЫТ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ 345
Павлов Борис Сергеевич, Сарайкин Дмитрий Андреевич, Шевелёва Оксана Раисовна
ПРОБЛЕМЫ ПОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ НА УРАЛЕ 351
Павлов Борис Сергеевич, Павлова Вера Ивановна, Разикова Наталья Игоревна
ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТКОВ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ УРАЛА 356
Павлова Татьяна Евгеньевна, Заборова Елена Николаевна
РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЁЖНОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА СУХОЙ ЛОГ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 362
Павлюченков Артем Игоревич
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ 364

Паначев Валерий Дмитриевич, Оплетин Анатолий Александрович
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТОМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 370
Парыгина Ольга-Виктория Владимировна
МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 372
Певная Мария Владимировна
ЦЕННОСТЬ ДОВЕРИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА 376
Петров Александр Юрьевич
ПРИМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 384
Петров Владимир Иванович
СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕСТЬЯНСКОГО СОСЛОВИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 391
Петрова Елена Юрьевна
ОРГАНИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК ФЕНОМЕН РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА 399
Попов Владислав Дмитриевич, Якурнова Людмила Степановна
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАНДАРТОМ IC CSR-08260008000 404
Проказин Виктор Валентинович
КРИТЕРИИ ПРОГРЕССА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА 407
Прокин Валерий Васильевич
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УУПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА 413
Прямикова Елена Викторовна, Вандышев Михаил Николаевич, Веселкова Наталья Вадимовна
ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 416
Разинский Геннадий Вениаминович
СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОДСКОГО СОЦИУМА КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 421
Рубина Людмила Яковлевна
РОССИЙСКАЯ МАГИСТРАТУРА: РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ 424
Воронин Борис Александрович, Савин Владимир Николаевич, Фатеева Наталья Борисовна
ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ И МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРОДСКОГО ОКРУГА «БЕРЁЗОВСКИЙ» СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 428
Савин Владимир Николаевич
ИННОВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИЕЙ СОТРУДНИКОВ МВД К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ 432
Семёнов Максим Юрьевич
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОФЕССИОГРАММЫ СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖКИ СОВРЕМЕННОГО ВЫПУСКНИКА ВУЗА 435
Скульмовская Любовь Григорьевна
МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО – ЮГРЫ) 438
Смирнова Ксения Михайловна
МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЗАКРЫТОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ 441

Смирнов Владимир Алексеевич, Пунина Ксения Александровна
ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ 445
Степченко Ольга Игоревна
НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ МОЛОДЕЖИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА 449
Стегний Василий Николаевич, Курбатова Людмила Николаевна
ОЦЕНКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ 452
Талалаева Галина Владленовна, Тетерин Юрий Викторович
ПАТРИОТИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ВЫБОР УРАЛЬЦЕВ
ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО 455
Тарасов Олег Александрович
ОЦЕНКА ЧИСЛА ИСТИННЫХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ 460
Трошкова Эльнара
АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАК
ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА УНИВЕРСИТЕТА 463
Трухачев Виктор Васильевич
ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ 468
Уфимцев Виктор Владимирович
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ 471
Тонких Наталья Владимировна, Федорова Алена Эдуардовна, Камарова Татьяна Александровна
ИССЛЕДОВАНИЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 474
Халитов Айдар Рамильевич
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) 481
Хитрин Кирилл Леонидович
ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 486
Хомова Ольга Владимировна
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА 492
Хорошкевич Наталья Геннадьевна
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИКА» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 498
Черноскутова Марина Викторовна
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ 503
Шалагина Елена Владимировна
СОВРЕМЕННЫЕ СТАРШЕКЛАССНИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КЛИПОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 509
Шестаков Константин Александрович
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ УРФО 514
Шуб Мария Львовна
ФЕНОМЕН ПРОШЛОГО В СИСТЕМЕ ЭМОТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ 517
Шуклина Елена Анатольевна
ПАРТИСИПАТИВНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ПРОЕКТ:ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ 520

Научное издание

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БОЛЬШОГО УРАЛА:
ТРЕНДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В авторской редакции

Компьютерный набор и верстка: Е.В. Кеммет

Подписано в печать 19.02.2015		Формат 60x84 1/8
Бумага писчая	Плоская печать	Усл печ. л. 33,37
Уч.-изд. л.33,3	Тираж 100 экз	Заказ 5273

Отпечатано в типографии
ООО “Издательство УМЦ УПИ”
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35 а, оф. 2

ISBN 978-5-8295-0329-1